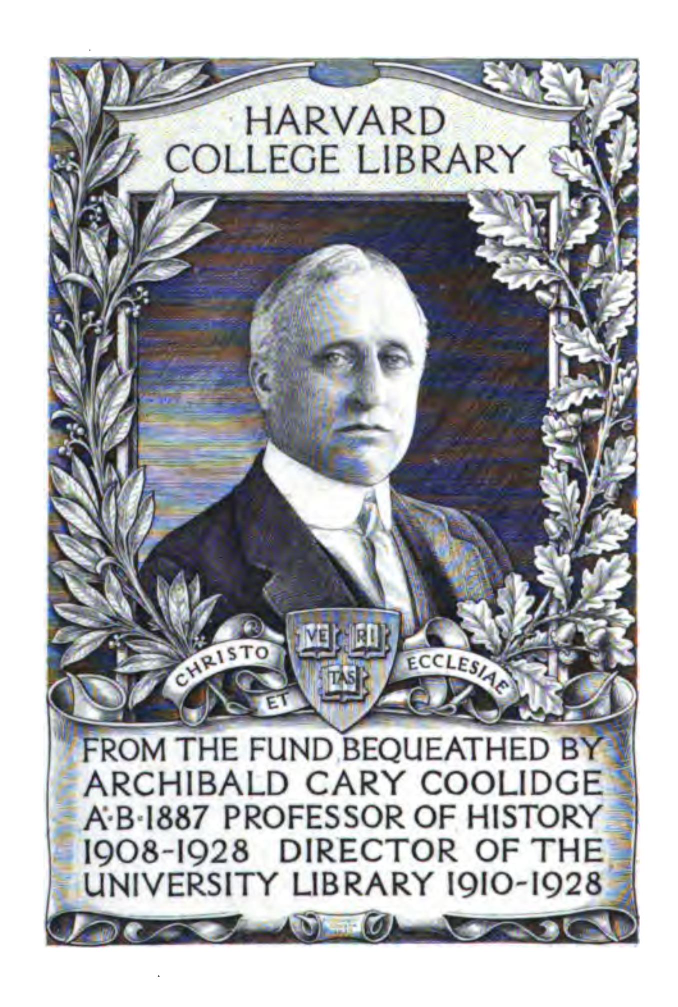

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIX

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXIX

1887



С.-ПЕТЕРБУРГЪ


ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2


1887

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

словіемъ и указателями Нила Попова. М. 1887. **П. Л. В.**—Записки отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго Общества. Т. IV. Спб. 1887. **Е. Г.**—Отчеты о засѣданіяхъ императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1885—1886 году, съ приложеніями. Изданные подъ наблюденіемъ члена-корреспондента Е. М. Гаршина. Спб. 1887. **В. З.**—Скиѳскія древности. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1887. (Отд. оттискъ изъ IV т. «Записокъ» отд. русск. и слав. археологіи импер. русскаго археологическаго Общества) **П. П.**—Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества, т. 58. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона за 1725 годъ. Напечатано подъ наблюденіемъ секретаря Общества. Г. Ѳ. Штендмана. Спб. 1887. **Е. Г.**—Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны Иваномъ Бычковымъ. Спб. 1887. **П. П.**—Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Изданіе третье, измѣненное и дополненное. Часть II. И. А. Гончаровъ. А. Ѳ. Писемскій. М. Е. Салтыковъ. Л. Н. Толстой. Спб. 1887. **В. З.**—Вліяніе Шекспира на русскую драму. Историко-критическій этюдъ Сергѣя Тимоѳеева. М. 1887. **П. Л. В.**—Всеобщая исторія литературы подъ редакціей профессора А. Кирпичникова. Томы XIX и XX. **В—а.**—Изъ пережитаго. Автобіографическія воспоминанія Н. Гилярова-Платонова. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1887. **С. Т—ва.**—Седмицы польскаго мятежа. 1861—1864. Историческая монографія въ двухъ частяхъ Н. И. Павлищева. Изд. В. С. Балашева. Спб. 1887. **Е. Г.**—Викторъ Гюго и его время, по его запискамъ, воспоминаніямъ и разсказамъ близкихъ свидѣтелей его жизни. Переводъ съ французскаго Ю. В. Доппельмайеръ. Съ предисловіемъ профессора Н. И. Стороженка. Съ портретомъ Виктора Гюго. Москва. 1887. **С. Т—ва.**—Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ шестой. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1887. Исторія среднихъ вѣковъ. Часть вторая **А. К.**—«Московскій Сборникъ» изд. подъ ред. Сергѣя Шарапова. Москва. 1887. **Е. П.**—Новая исторія (вторая половина XVIII и начало XIX вѣка). Чтенія ординарнаго профессора Казанскаго университета Н. А. Осокина. Казань. 1887. **С. Т—ва.**—Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ Н. Булича. Часть первая. Казань. 1887. **П. П.**—Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Біографическія свѣдѣнія. Полтава. 1887. **В—а.**—Дневникъ генеральнаго хорунжаго Николая Ханенка. 1727—1753 гг. Изданіе редакціи «Кіевской Старины». Кіевъ. 1887. **С. Т—ва.**—Переписныя книги Ростова Великаго второй половины XVII вѣка. Изданіе А. А. Титова. Спб. 1887. **П. У.**—«Полтава» А. С. Пушкина. Опытъ разбора поэмы. Составилъ Е. Воскресенскій. Ярославль. 1887. **В. З.**—Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества, т. 57. Спб. 1887. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III. 1764—1766. (Изд. подъ набл. барона Ѳ. А. Бюлера при участіи В. А. Уляницкаго). **Е. Г.**—29 января 1887 года. Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. Изданіе Императорскаго Александровскаго лицея. Спб. 1887. Съ пор-

стр.



Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ.

дозв. ценз. спб., 26 іюня 1887 г.



ВИКТОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ТЕПЛЯКОВЪ.

(1804—1842 г.).

Біографическій очеркъ [1]).

РОДЪ ТЕПЛЯКОВЫХЪ принадлежитъ къ числу дворянскихъ родовъ Тверской губерніи. Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ, сынъ статскаго совѣтника Григорія Алексѣевича Теплякова отъ брака съ Прасковьею Аггеевною Свѣчиною, родился въ Твери, 15-го августа 1804 года. Образованіе получилъ онъ сначала дома, а потомъ въ московскомъ благородномъ пансіонѣ. Въ 1820 году, Тепляковъ поступилъ юнкеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. Со времени походовъ 1813, 1814 и 1815 годовъ, въ русской арміи, какъ извѣстно, стало распространяться то умственное движеніе, ко-

---

[1]) О В. Г. Тепляковѣ въ нашей литературѣ имѣется весьма мало свѣдѣній. Мы можемъ только указать на «Воспоминанія о В. Г. Тепляковѣ» брата его Алексѣя Григорьевича Теплякова, помѣщенныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 года (т. XXVIII, отд. VIII, стр. 74—103), въ которыхъ приводятся главнымъ образомъ выдержки изъ писемъ Виктора Григорьевича къ брату во время заграничныхъ путешествій. Есть еще краткая біографическая замѣтка о В. Г. Тепляковѣ въ изданіи Н. В. Гербеля «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» (изд. 2-е, Спб., 1880), стр. 326—327; но, при всей своей краткости, она полна невѣрностей: даже отчество Теплякова ошибочно напечатано: «Алексѣевичъ». За сообщеніе мнѣ матеріаловъ для настоящаго біографическаго очерка считаю долгомъ принести искреннюю благодарность Софьѣ Алексѣевнѣ и Юліи Алексѣевнѣ Тепляковымъ, Петру Алексѣевичу Теплякову и Аггею Григорьевичу Теплякову.

торое совершалось въ это время въ Германіи. Богатые молодые люди, изъ которыхъ многіе окончили свое образованіе въ германскихъ университетахъ, въ виду болѣе строгой дисциплины въ гвардіи, часто предпочитали служить въ армейскихъ кавалерійскихъ полкахъ, гдѣ жизнь была вольнѣе и было менѣе стѣсненій. Такъ, большинство офицеровъ Павлоградскаго полка, въ который поступилъ Тепляковъ, были люди весьма образованные, много занимались литературою, философскими и политическими науками, принадлежали къ масонскимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ,—мода, вывезенная ими изъ заграничныхъ походовъ. Вступивъ въ эту среду, Викторъ Григорьевичъ старался пріобрѣсти самообразованіемъ недостававшія ему познанія въ упомянутыхъ наукахъ. Тогда же Тепляковъ познакомился съ извѣстнымъ своими похожденіями П. Каверинымъ, который и ввелъ его въ члены одной масонской ложи. Въ 1824 году, Тепляковъ по болѣзни вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ. Въ концѣ 1825 года, съ нимъ произошло обстоятельство, имѣвшее большое вліяніе на всю послѣдующую его жизнь. Вращаясь въ кругу наиболѣе образованной тогдашней молодежи, имѣя знакомства въ средѣ военнаго міра, онъ былъ близокъ со многими лицами, причастными къ декабрскому бунту 1825 года. По семейному преданію, Тепляковъ, будучи на исповѣди, на вопросъ священника, присягалъ ли онъ императору Николаю, — отвѣтилъ отрицательно. Вслѣдствіе этого у Теплякова былъ произведенъ обыскъ; въ комнатѣ были найдены различные предметы, доказывавшіе принадлежность его къ одной изъ масонскихъ ложъ, и заподозрѣнный въ причастіи къ дѣлу 14-го декабря Викторъ Григорьевичъ былъ посаженъ подъ арестъ въ Петропавловскую крѣпость, въ которой, во время своего заключенія, имъ было написано на стѣнѣ каземата стихотвореніе «Затворникъ», вошедшее потомъ въ полное собраніе его стихотвореній и изъ котораго позволяемъ себѣ привести отрывокъ:

Земнаго бытія здѣсь нѣтъ;
Не тишина здѣсь гробовая:
Здѣсь хладъ души, здѣсь сердца бредъ;
Здѣсь жизнь, покинувъ милый свѣтъ,
Жива, всечасно умирая!

Зари румяной узникъ ждетъ;
Но въ безднѣ ль сей она взыграетъ!
Святую жалость онъ зоветъ:
Гдѣ жалость? гдѣ? — Надъ сводомъ сводъ
Его рыданья заглушаетъ!

Дни идутъ за днями; минуты кажутся вѣками...
«Безумства ядъ душѣ грозитъ».

И въ чернотѣ ль сей глубины
Еще живутъ воспоминанья?
Льютъ въ сердце звуки старины,
И шумъ земной, и счастья сны,
Какъ дальней музыки бряцанье!

. . . .

Ахъ, ни на мигъ слеза родная
Здѣсь грусть души не усладитъ!
Съ ней звукъ цѣпей здѣсь говоритъ;
Здѣсь слезы пьетъ земля сырая.

Какъ знать?—быть можетъ, надъ землей
Ужъ солнце вешнее играетъ;
А въ сей пучинѣ мракъ сырой;
Здѣсь хладъ осенній и весной
Всю въ жилахъ кровь оледеняетъ.

. . . .

Заболѣвъ въ крѣпости, онъ для излѣченія былъ отправленъ въ военный госпиталь, а по выздоровленіи, по высочайшему повелѣнію, переведенъ въ Александро-Невскую лавру на покаяніе. Нравственныя волненія, испытанныя имъ за это время, вредно повліяли на его здоровье. Въ концѣ 1826 года, Викторъ Григорьевичъ обратился къ императору Николаю Павловичу съ прошеніемъ о переводѣ изъ лавры и назначеніи ему мѣстопребыванія въ болѣе тепломъ климатѣ. Вслѣдствіе этого, ему высочайше было повелѣно отправиться въ Херсонъ, для жительства подъ надзоромъ полиціи. Когда его везли въ Херсонъ, въ сопровожденіи жандарма, Викторъ Григорьевичъ остановился въ Твери для свиданія съ родными. Свиданіе это имъ описано въ стихахъ подъ заглавіемъ «Изгнанникъ». Вотъ какъ здѣсь изображено разставанье его съ семьею:

— Пора, пора! коней ведите!
Зовутъ!... Изгнанника семья,
Отчизна, братья и друзья,
Простите, милые, простите!
Старикъ-отецъ, дай руку мнѣ!
Бальзамъ святаго утѣшенья
Мнѣ въ грудь твое благословенье
Прольетъ въ далекой сторонѣ!
Увы! зачѣмъ твои морщины
Слеза родная бременитъ?
Ты видишь: я смѣюсь надъ прихотью судьбины.
(Какъ голова моя горитъ!)
Не плачь, старикъ! Твои сѣдины
Небесный царь да сохранитъ!
— Не плачь, не рвись, моя родная!
Ты видишь: бодръ и веселъ я.
О! не колеблется ль родимая земля,
Какъ будто убѣжать отъ ногъ моихъ желая?

И скрылась, наконецъ, она;
Ужъ снѣгъ отчизны не бѣлѣетъ;
Чужая, знойная страна:
Степей увядшихъ пелена
Передъ изгнанникомъ желтѣетъ.
Теперь-то въ мірѣ онъ одинъ,
Гонимый ненавистью рока;
Чужаго града гражданинъ,
Во рву Іосифъ одинокій!
. . . .

Но бѣдствія, какъ нарочно, не переставали преслѣдовать Теплякова. Едва прибылъ онъ во вновь назначенное ему мѣсто жительства, какъ его обокралъ собственный его лакей, изъ крѣпостныхъ, похитившій у Виктора Григорьевича находившіяся съ нимъ деньги. Человѣкъ этотъ былъ арестованъ, и такимъ образомъ въ городѣ сдѣлалось извѣстно, что у Теплякова водятся деньги. Вслѣдъ за тѣмъ, въ іюнѣ того же года, на Виктора Григорьевича было сдѣлано разбойническое нападеніе. Ночью, когда онъ уже ложился спать, къ нему ворвалось человѣкъ двѣнадцать неизвѣстныхъ людей, съ вымазанными мукою лицами, вооруженныхъ ножами и кинжалами. Характера энергическаго, горячаго и вспыльчиваго, Викторъ Григорьевичъ на требованіе отъ него денегъ отвѣчалъ упорнымъ сопротивленіемъ, и только совершенная случайность спасла ему жизнь. Шаря по комнатамъ, разбивая сундуки, комоды и шкафы, разбойники нашли, наконецъ, шкатулку, изъ которой, со звономъ, посыпались золотыя монеты. Въ это время одинъ изъ нападавшихъ уже повалилъ Теплякова на кровать и занесъ надъ нимъ свой ножъ для удара, но, услыхавъ звонъ разсыпавшихся денегъ, бросился подбирать ихъ вмѣстѣ съ другими, а на прощанье хватилъ Теплякова ножемъ куда попало. Рана была нанесена въ лѣвое колѣно, и до конца дней своихъ Тепляковъ страдалъ отъ нея, хотя впослѣдствіи рана и закрылась. Разграбивъ, унеся все, что было цѣннаго въ квартирѣ, разбойники ушли, бросивъ Теплякова, истекающаго кровью и еле дышащаго. Съ неимовѣрными усиліями удалось Виктору Григорьевичу ползкомъ добраться до дверей и крикомъ своимъ призвать къ себѣ на помощь. Свое ужасное положеніе Тепляковъ весьма краснорѣчиво описалъ въ письмѣ къ государю. Императоръ Николай Павловичъ, тронутый этимъ письмомъ, принялъ горячее участіе въ Тепляковѣ, простилъ его, повелѣвъ возвратить ему чины и принять на государственную службу, тѣмъ болѣе, что, кромѣ принадлежности къ масонской ложѣ, Викторъ Григорьевичъ ни въ какомъ заговорѣ или бунтѣ не участвовалъ. На первое обзаведеніе государь прислалъ ему двѣ тысячи рублей, а для разслѣдованія дѣла о грабежѣ послалъ своего флигель-адъютанта. Дѣло это, впрочемъ, кажется, было замято, такъ какъ въ числѣ грабителей оказалось нѣсколько человѣкъ изъ чиновъ хер-

сонской полиціи. Первоначально Тепляковъ былъ назначенъ въ таганрогскую таможню, но такъ какъ служба по этой части совсѣмъ была ему не по сердцу, не смотря на то, что представляла большія выгоды, то онъ обратился къ графу Воронцову съ просьбою объ опредѣленіи его чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ, и въ 1827 году былъ опредѣленъ въ штатъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, при которомъ состоялъ до 1835 года. Въ слѣдующемъ 1828 году, Тепляковъ предпринялъ путешествіе на Кавказъ, вмѣстѣ съ семействомъ своего хорошаго московскаго знакомаго Римскаго-Корсакова, чрезъ котораго познакомился съ извѣстнымъ Чаадаевымъ. Красоты кавказской природы произвели на него сильное впечатлѣніе, и онъ описалъ ихъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Служебная дѣятельность Теплякова, во время состоянія его въ штатѣ графа Воронцова, преимущественно была обращена на археологическія розысканія памятниковъ древностей для открытаго въ то время въ Одессѣ музеума. Съ этою цѣлью, въ 1829 году, во время войны съ турками. Тепляковъ былъ посланъ, по предложенію директора музеума, Бларамберга, въ завоеванные русскими города древней Мизіи и Ѳракіи, гдѣ и пробылъ почти до конца кампаніи. Плоды изысканій Теплякова обогатили одесскій музей многими памятниками древности [1]). Впечатлѣнія свои за время этого путешествія Викторъ Григорьевичъ издалъ потомъ особою книгою, подъ заглавіемъ «Письма изъ Болгаріи». Сочиненіе это, вышедшее въ свѣтъ въ 1833 году, въ Москвѣ, представляетъ немало интересныхъ свѣдѣній о памятникахъ древности, сохранившихся въ Болгаріи. По поднесеніи авторомъ своего труда государю императору, онъ былъ всемилостивѣйше награжденъ золотыми часами съ цѣпочкой, а отъ императрицы Александры Ѳеодоровны, черезъ посредство В. А. Жуковскаго, получилъ бриллiантовый перстень. Въ письмѣ отъ 27-го апрѣля 1834 года, Жуковскій писалъ Теплякову, между прочимъ, слѣдующее [2]): «Позвольте принести вамъ искреннюю благодарность и за себя: я порадовался сердечно вашему подарку, ибо давно уже уважаю васъ, какъ поэта съ дарованіемъ необыкновеннымъ и какъ пріятнаго прозаика, умѣющаго давать слогомъ своимъ прелесть учености. Желаю, чтобы вы продолжали трудиться съ перомъ въ рукахъ и чаще появлялись на сценѣ литературной, желаю этого, какъ эгоистъ, для собственнаго удовольствія, и какъ русскій для чести

---

[1]) Отчетъ объ экспедиціи 1829 года, представленный Тепляковымъ по возвращеніи новороссійскому генералъ-губернатору, былъ напечатанъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», переведенъ многими европейскими журналами и обратилъ на себя особенное вниманіе ученаго Клапрота. (Свѣдѣніе это взято мною изъ «Воспоминанія о В. Г. Тепляковѣ» Ал. Гр. Теплякова).

[2]) Какъ это, такъ равно и всѣ другія, приводимыя въ настоящей статьѣ, письма не были до сихъ поръ напечатаны.

нашей отечественной литературы». Сохранилось также слѣдующее благодарственное письмо Теплякову отъ извѣстнаго нашего баснописца И. И. Дмитріева, изъ Москвы, отъ 16-го января 1834 года: «Вмѣстѣ съ Новымъ годомъ, я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашимъ братцемъ и чрезъ него получить отъ васъ новый подарокъ. Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь, что вы и въ дальномъ разстояніи и посреди полезныхъ трудовъ вашихъ, удостоиваете своимъ воспоминаніемъ отживающаго старика, но котораго сердце еще не охладѣло ко всякому добру и ко всему изящному. Завидное преимущество творческаго ума! Съ его благодатною книгою, я, не сходя съ домашнихъ креселъ, забываю 15 градусовъ мороза, любуюсь радужнымъ востокомъ на голубомъ небѣ, яркою зеленью бархатныхъ долинъ, прохладою искрометныхъ фонтановъ и заслушиваюсь моего путеводителя, глубокомысленнаго поэта-живописца и ученаго наблюдателя! Еще благодарю васъ отъ всего сердца за доставленіе мнѣ пріятнѣйшихъ минутъ втеченіе двухъ дней Новаго года, и прошу васъ, милостивый государь, принять отъ меня искреннее привѣтствіе съ достиженіемъ онаго, сопровождаемое столь же искреннимъ желаніемъ вамъ впродолженіе многихъ и многихъ лѣтъ постояннаго благополучія». Со времени своего путешествія по Болгаріи Викторъ Григорьевичъ сталъ ревностно заниматься изученіемъ Востока [1]). Такъ, въ 1834 году, онъ былъ командированъ въ Константинополь и Смирну, въ послѣднюю съ цѣлью собрать свѣдѣнія о торговыхъ сношеніяхъ этого города съ Россіею. Изъ Сиріи Тепляковъ вывезъ, между прочимъ, латакійскій турецкій табакъ, который и привезъ съ собою потомъ въ Петербургъ, въ подарокъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и Жуковскому, черезъ посредство котораго этимъ табакомъ пользовался и въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ Николаевичъ, тогда еще наслѣдникъ. Табакъ очень понравился поэту, и онъ неоднократно обращался къ Виктору Григорьевичу письменно съ просьбою о новой присылкѣ этого табака. Приводимъ два письма по этому поводу, изъ которыхъ одно даже въ стихахъ. Письма эти безъ датъ.

1) «Среда. Любезный Викторъ Григорьевичъ. Прошу васъ нынче отобѣдать у меня. Будете вмѣстѣ съ Вяземскимъ, Тургеневымъ и Одоевскимъ. Жду васъ въ половинѣ пятаго часа. А я уѣзжаю завтра. Вы такъ разлакомили меня своимъ сирійскимъ табакомъ, что безъ всякаго стыда прошу еще онаго; ибо все ваше дяяніе пошло дымомъ; да ужъ нельзя ли и коротенькій чубукъ при табакѣ? Каковъ я? Не откажитесь отъ обѣда. Жуковскій».

---

[1]) Здѣсь кстати замѣтить, что Тепляковъ обладалъ большими способностями къ изученію языковъ: онъ отлично владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и турецкимъ. Оба древніе языка (латинскій и греческій) были также ему хорошо знакомы.

2) «Любезный Тепляковъ, цвѣтущій нашъ поэтъ,
Хотя и много вы поѣздили по свѣту,
Но все не въ правѣ вы забыть про тотъ обѣтъ,
Который дали мнѣ, отцвѣтшему поэту:
Прислать арабскаго запасецъ табаку.
Пришлите, иль для васъ и день не будетъ свѣтелъ,
И будетъ совѣсти неугомонный пѣтелъ
Скучать всечасно вамъ своимъ кукареку!

«Жуковскій.

«Для сего посылается ящичекъ особеннаго фасона, на дно слѣдуетъ положить угрызенія совѣсти, хорошенько ихъ засыпать арабскимъ табакомъ, потомъ прижать табакъ свинцовою крышкою, такъ они и угомонятся».

Въ октябрѣ 1834 года, Тепляковъ предпринялъ, съ одобренія графа Воронцова, путешествіе для научныхъ разысканій въ Константинополь, Малую Азію и Грецію. Въ запискахъ объ этомъ путешествіи, сохранившихся въ рукописи, разбросано немало свѣдѣній касательно предметовъ древности въ Элладѣ. Кромѣ того, Викторъ Григорьевичъ привезъ съ собою снимки съ древнихъ греческихъ надписей, которые то же сохранились въ его бумагахъ. Возвратившись изъ этого путешествія въ Одессу, въ апрѣлѣ 1835 года, Тепляковъ въ скоромъ времени уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать о переводѣ своемъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде сначала былъ противъ этого, и только благодаря стараніямъ Жуковскаго, князя А. Н. Голицына, Попова, Вигеля и друг., желаніе Виктора Григорьевича было исполнено. Во время пребыванія въ Петербургѣ, съ 21 мая по 4 іюля 1835 года и съ 15 октября того же года по 21 іюня 1836 года, Тепляковъ вращался въ средѣ свѣтилъ тогдашняго русскаго литературнаго міра; въ дневникѣ его, оставшемся въ рукописи, то и дѣло встрѣчаются замѣтки объ обѣдахъ и вечерахъ, проведенныхъ Викторомъ Григорьевичемъ въ обществѣ Жуковскаго, Пушкина, князя Одоевскаго, Плетнева, графа Вельегорскаго, Норова, Соболевскаго и друг. Такъ въ это время Тепляковъ, между прочимъ, присутствовалъ на двухъ литературныхъ вечерахъ у Жуковскаго, на одномъ изъ которыхъ Гоголь читалъ своего «Ревизора», а на другомъ самъ Викторъ Григорьевичъ, въ присутствіи цесаревича Александра Николаевича, читалъ свои «Ѳракійскія элегіи». Лѣто 1835 года, т. е. іюль, августъ и сентябрь, Тепляковъ провелъ частью въ имѣніи своего отца селѣ Дорошихѣ, около Твери, частью въ Москвѣ, и часто видѣлся съ Ѳ. Н. Глинкою и Лажечниковымъ. Состоя затѣмъ при русской миссіи въ Константинополѣ, Викторъ Григорьевичъ ревностно продолжалъ заниматься изученіемъ Во-

стока, хотя и жаловался въ письмахъ своихъ въ Петербургъ, что въ Константинополѣ гнѣваются за то, что ничего положительнаго на его счетъ не предписано, и, объясняя его назначеніе только необходимостью удовлетворить ходатайству его покровителей, отказываютъ ему въ самомъ необходимомъ участіи. Не говоря уже о совершенномъ отчужденіи отъ общаго хода дѣлъ, даже самый архивъ посольства, извѣстный каждому переписчику, скрытъ былъ отъ него, какъ отъ не-дипломатическаго чиновника. Впрочемъ, не смотря на такія неблагопріятныя условія, Тепляковъ представлялъ неоднократно въ министерство иностранныхъ дѣлъ записки о внутреннемъ и финансовомъ положеніи Оттоманской имперіи и ея исторіи [1]). Съ цѣлью изученія исторіи Греціи, онъ въ 1837 году предпринялъ путешествіе въ Аѳины, въ качествѣ дипломатическаго курьера. Въ началѣ 1838 года, Тепляковъ отправился путешествовать по Египту, Сиріи и Палестинѣ. Въ Египтѣ Тепляковъ представлялся вице-королю, былъ принятъ имъ чрезвычайно любезно и получилъ отъ него разрѣшеніе не только посѣтить катакомбы, доступъ въ которыя былъ строго воспрещенъ иностранцамъ, но и взять себѣ на память что либо изъ находящихся тамъ древностей. При этомъ съ Викторомъ Григорьевичемъ произошелъ слѣдующій случай, чуть не окончившійся для него весьма трагически. Проводникъ, шедшій впереди Виктора Григорьевича съ факеломъ, отказался идти далѣе и внезапно, опустивъ факелъ, бросился бѣжать. Остаться одному, въ полной темнотѣ, посреди этого безконечнаго лабиринта, было бы для Виктора Григорьевича гибелью. Но съ свойственною ему энергіею и присутствіемъ духа Викторъ Григорьевичъ догналъ проводника и, приставивъ ему пистолетъ къ груди, заставилъ идти далѣе. Изъ катакомбъ Викторъ Григорьевичъ взялъ себѣ мумію крокодила и набальзамированную женскую ножку. Вмѣстѣ съ другими предметами и эти муміи были посланы Тепляковымъ къ его брату Алексѣю Григорьевичу въ его тверское имѣніе, гдѣ долгое время служили предметомъ удивленія и недоумѣнія сосѣдей. Крокодила многіе принимали за громадный балыкъ, а отъ ножки съ ужасомъ отворачивались. Хранить эти предметы оказалось, впрочемъ, довольно трудно. Въ натопленной комнатѣ они издавали до того сильный запахъ разныхъ ароматическихъ травъ, что Алексѣй Григорьевичъ былъ вынужденъ отправить эти египетскія «святыни» на чердакъ. Послѣ смерти Виктора Григорьевича, братъ его подарилъ эти муміи графу Перовскому, большому любителю и собирателю рѣдкостей и древностей, и обладающему весьма богатою и интересною коллекціей.

---

[1]) Составленное имъ въ это же время (въ 1837 году) описаніе дворца султановъ «Сарай Бурну» было напечатано уже по смерти Виктора Григорьевича въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 года.

Въ этомъ путешествіи В. Г. познакомился съ извѣстною леди Стенгопъ [1]). Прибывъ, въ январѣ 1838 года, въ стоянку леди Стенгопъ, Джунъ, Викторъ Григорьевичъ письменно просилъ у нея аудіенціи. Леди Стенгопъ въ подобныхъ случаяхъ всегда обращалась къ помощи особаго гороскопа, рѣшеніе котораго было для Теплякова благопріятно: онъ былъ приглашенъ къ леди. Вотъ какъ описываетъ Тепляковъ свое посѣщеніе: «Въ вечернемъ сумракѣ спустились мы съ горы Джунской и поднялись на Стенгопскую гору. Около дома леди мы были встрѣчены лаемъ собакъ и толпою слугъ чалмоносцевъ. Комната для меня была отведена особая, съ эстрадой, на коей былъ поставленъ диванъ; мнѣ тотчасъ былъ поданъ кофе, лимонадъ и трубки. Утомленный отъ пути, я нѣсколько вздремнулъ и былъ разбуженъ посланнымъ отъ леди Стенгопъ, съ приглашеніемъ явиться къ ней. До ея дома мы проходили садомъ, полнымъ благоуханіемъ цвѣтовъ, съ густыми аллеями изъ лимонныхъ и другихъ деревьевъ, каменными дорожками, бесѣдками подъ темною древесною тѣнью и террассами, съ которыхъ вправо открывается превосходный видъ на синѣющее за темно-коричневыми высотами море, а влѣво на желтыя и бѣловатыя вершины Ливана. Войдя въ обиталище леди и пройдя двѣ комнаты, озаренныя тусклымъ свѣтомъ, мы достигли ея комнаты; проводникъ мой легко ударилъ въ дверь; дверь отворилась, и я вошелъ къ леди. Глазамъ моимъ представился на диванѣ скелетъ въ бѣлой абѣ, едва освѣщенный двумя желтыми восковыми свѣчами, стоявшими на окнѣ и загражденными ширмами. Этотъ скелетъ, эта беззубая и безумная старуха и была знаменитая Стенгопъ. Разговоръ начала она, спросивъ меня, нравится ли мнѣ Сирія? Далѣе она жаловалась на глупость и безнравственность арабовъ, а потомъ перешла къ Россіи, которую сравнивала съ юнымъ ребенкомъ, чувствующимъ потребность обратить на что бы то ни было избытокъ своихъ силъ. Говорила разныя нелѣпости объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ: объ его одеждѣ, о вліяніи на него какой-то графини Зубовой, о геніальности великаго князя Михаила Павловича, и о многомъ другомъ. Разговоръ нашъ перешелъ затѣмъ на политику и литературу, причемъ леди сказала, что лично она презираетъ и политику, и книги, которыя уже не читаетъ 30 лѣтъ, не смотря на то, что у нея въ библіотекѣ до 6,000 томовъ; что она ненавидитъ Веллингтона, и обожаетъ Наполеона, Байрона и поэзію. Разсказывала о блестящемъ положеніи Сиріи во время турецкаго правленія, объ уваженіи, которое она питаетъ къ султану Мах-

---

[1]) Леди Стенгопъ ((Stanhope) была эксцентричная женщина. Отправясь путешествовать по Востоку, она поселилась въ Сиріи, въ окрестностяхъ Пальмиры, гдѣ разъигрывала роль королевы; впослѣдствіи она удалилась въ монастырь около Саида, гдѣ носила мужской мусульманскій костюмъ.

муду, и о презрѣніи своемъ къ Мехмедъ-Али. По окончаніи нашего долгаго разговора, я былъ церемоніально отпущенъ въ свою комнату. Едва легъ я на приготовленную мнѣ постель, на коей надѣялся провести спокойно ночь, какъ былъ аттакованъ не арабами, про которыхъ мнѣ леди Стенгопъ наговорила всякія страсти, а старыми моими знакомыми постоялыхъ дворовъ Россіи, благодаря коимъ я провелъ безсонную ночь, но за то любовался рогами луны и ясными звѣздами надъ Ливаномъ». На слѣдующій день Тепляковъ распростился съ леди Стенгопъ, получивъ отъ нея на память костюмъ арабскаго эмира, и отправился далѣе чрезъ Сирію въ Палестину. Изъ пребыванія его въ Святой Землѣ мы помѣщаемъ интересное описаніе обѣдни, которую онъ слушалъ на Голгоѳѣ. «1-го іюля, — пишетъ Викторъ Григорьевичъ, — въ 5 часовъ утра, разбудили меня къ обѣднѣ. Ее совершалъ намѣстникъ архіепископъ Кириллъ съ причтомъ на самой Голгоѳѣ. Не могу изобразить своего впечатлѣнія, когда греческій діаконъ провозгласилъ вдругъ, чистымъ русскимъ языкомъ, эктенью и послѣ оной мольбу за благопоспѣшеніе мое, моихъ родственниковъ и друзей (гр. Геделингъ, гр. Воронцовой и кн. Голицына) и за упокой моего отца и Пушкина, котораго имя имѣлъ я въ запискѣ о усопшихъ друзьяхъ, за которыхъ хотѣлъ молиться. Съ тѣхъ поръ нашъ прекрасный русскій языкъ перемежался за литургіею съ греческимъ, какъ символъ восточной имперіи, перешедшей по наслѣдію въ Россію. На Голгоѳѣ же, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролита кровь Искупителя, удостоился я пріобщиться Святыхъ Его Тайнъ». Во время пребыванія въ Іерусалимѣ Викторъ Григорьевичъ удостоился великой чести получить отъ намѣстника, при торжественной обстановкѣ, крестъ изъ Животворящаго Древа, который до сихъ поръ сохраняется, какъ святыня, въ родѣ Тепляковыхъ.

Впослѣдствіи, отрывки изъ записокъ, веденныхъ во время этого путешествія, Викторъ Григорьевичъ помѣстилъ въ литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду». По возвращеніи изъ этого послѣдняго своего путешествія по Востоку, Тепляковъ обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ о переводѣ его въ какое либо другое русское посольство въ Западной Европѣ, если было бы возможно, то въ Парижъ, такъ какъ врачи считали климатъ Востока вредно дѣйствующимъ на его здоровье. Сверхъ того, Тепляковъ, хорошо уже ознакомившійся съ Востокомъ, жаждавшій новыхъ впечатлѣній, хотѣлъ поближе ознакомиться съ Западною Европою.

«Я оставляю Константинополь, — писалъ онъ въ концѣ 1839 года къ брату Алексѣю Григорьевичу, — развалины, чума и варварство мнѣ надоѣли; хочется на Западъ, хочется посмотрѣть на Европу, поближе взглянуть на прославленную цивилизацію нашего времени».

Получивъ отъ министерства отказъ въ своей просьбѣ, Викторъ Григорьевичъ вышелъ въ отставку и, проведя въ началѣ 1840 года немного времени въ Петербургѣ, въ маѣ того же года пустился на собственныя средства путешествовать по Западной Европѣ. Во время пребыванія своего въ Парижѣ, Викторъ Григорьевичъ былъ частымъ посѣтителемъ салона извѣстной Софіи Петровны Свѣчиной (урожденной Соймоновой); у ней онъ встрѣчалъ Ламартина [1]), Шатобріана и другихъ выдающихся представителей французской литературы, и блестящими разсказами о своихъ путешествіяхъ по Востоку увлекалъ слушателей, тѣмъ болѣе, что разсказы его были очень интересны, такъ какъ въ то время число путешествовавшихъ по Востоку было незначительно. Такъ какъ здоровье Виктора Григорьевича было плохо, то врачи послали его, въ началѣ мая 1841 года, въ Энгьенъ. Сельскій воздухъ и минеральныя энгьенскія воды укрѣпили силы Теплякова. Время проводилъ онъ здѣсь тихо и пріятно. Поѣздки Виктора Григорьевича въ Парижъ и посѣщенія его въ Энгьенѣ парижскими знакомыми бывали ему пріятны послѣ сельской тишины и уединенія. «Здѣсь я, безъ преувеличенія, воскресъ изъ мертвыхъ, — писалъ онъ брату (28-го мая 1841 г.). — Если бы не обѣтъ посѣтить берега Рейна, Швейцарію и Италію, то, кажется, право, никуда не потащился бы далѣе. Но рѣшившись обозрѣть все и вся, я располагаю дней черезъ десять пуститься на берега Рейна». 8-го іюля, Викторъ Григорьевичъ и отправился путешествовать, сначала по Рейну, затѣмъ по Швейцаріи и въ октябрѣ прибылъ, наконецъ, въ Италію. Въ Римѣ онъ, между прочимъ, познакомился съ извѣстнымъ лингвистомъ, кардиналомъ Меццофанти. Желая быть представленнымъ папѣ Григорію XVI, Тепляковъ, который до тѣхъ поръ не владѣлъ итальянскимъ языкомъ, въ одну недѣлю такъ хорошо изучилъ его, что папа былъ удивленъ легкостью, съ которою Викторъ Григорьевичъ при представленіи объяснялся поитальянски. Вслѣдствіе этого, Викторъ Григорьевичъ получилъ отъ папы приглашеніе въ Ватиканъ, гдѣ и разсказывалъ въ присутствіи многочисленнаго избраннаго римскаго общества о всемъ, видѣнномъ имъ на Востокѣ. Пораженный начитанностью Виктора Григорьевича, папа предложилъ ему заняться разборомъ архивныхъ документовъ по извѣстному процессу Беатриче Ченчи [2]), съ цѣлью написать ея біографію. Принявшись съ жаромъ за это дѣло, Викторъ Григорьевичъ, однако, по неизвѣстнымъ причинамъ, долженъ былъ бросить свои занятія,

---

[1]) «Вижусь я наиболѣе съ лицами политическими, — писалъ Викторъ Григорьевичъ брату изъ Парижа, отъ 18-го марта 1841 года,—литература же здѣсь больше, нежели гдѣ нибудь, подрядъ ремесленниковъ. У Ламартина я не былъ, не взирая на его неоднократныя приглашенія: вы знаете, какъ мало симпатизирую я съ этимъ человѣкомъ».

[2]) О ней см. «Историческій Вѣстникъ», 1885 годъ, № 8.

хотя римскіе его пріятели и уговаривали его остаться въ Римѣ и написать поэму или трагедію «Беатриче Ченчи». «Покидая Римъ,— писалъ онъ брату, — я долженъ вамъ сказать, что только посреди его святой тишины согласился бы я, кажется, поставить окончательно въ уголъ посохъ странника». Возвратясь во Францію, онъ нѣкоторое время лѣчился въ Виши, а затѣмъ опять переѣхалъ въ Парижъ.

Давнишняя хроническая болѣзнь Теплякова въ это время на столько усилилась, что онъ былъ принужденъ подвергнуться въ Парижѣ операціи, не принесшей, къ сожалѣнію, ему облегченія. Тоска и скука, не покидавшія Теплякова и раньше, особенно усилились въ немъ за послѣднее время. «Что мнѣ теперь съ собою дѣлать?—писалъ онъ брату изъ Парижа.—Я видѣлъ все, что только есть любопытнаго въ подлунномъ мірѣ, и все это мнѣ надоѣло до невыразимой степени». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма смерть пришла къ Теплякову. Онъ скончался въ Парижѣ, отъ удара, 2-го октября 1842 года и погребенъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.

Изъ предъидущаго видно, что Тепляковъ не занималъ выдающагося служебнаго положенія; болѣе видная роль принадлежитъ ему въ литературѣ. Писать Тепляковъ началъ очень рано, когда ему было едва ли не 15-ть лѣтъ; по крайней мѣрѣ, до насъ дошло стихотвореніе, писанное имъ въ 1819 году, въ Москвѣ, когда еще онъ былъ ученикомъ благороднаго пансіона. Но первые поэтическіе его опыты не представляли ничего особеннаго. Знакомство съ Пушкинымъ сильно повліяло на дальнѣйшую поэтическую дѣятельность Теплякова. Напечатанныя въ тридцатыхъ годахъ, въ различныхъ альманахахъ, стихотворенія В. Г. Теплякова обратили на себя вниманіе читающей публики. Впослѣдствіи Тепляковъ собралъ свои разбросанныя стихотворенія въ одну книгу, которая была издана его братомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ въ 1832 году подъ заглавіемъ «Стихотворенія Виктора Теплякова». О поэтическихъ достоинствахъ произведеній Виктора Григорьевича можно судить по слѣдующему отзыву о нихъ Дмитріева. «Признаюсь вамъ,—пишетъ Теплякову маститый баснописецъ,—что по прочтеніи полнаго собранія вашихъ стихотвореній, я не безъ труда вѣрю, что вы тверитянинъ: каждая ваша пѣснь дышетъ теплотою и ясностью роскошнаго юга». Въ 1836 году, явился 2-й томъ «Стихотвореній» Виктора Григорьевича. Въ первомъ отдѣлѣ этого тома были помѣщены «Ѳракійскія элегіи», отрывки изъ которыхъ Тепляковъ печаталъ и раньше въ разныхъ изданіяхъ. Въ VI элегіи онъ помѣстилъ описаніе сраженія при Эски-Арнаутларъ, которымъ открылась кампанія 1829 года и котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Второй томъ «Стихотвореній» имѣлъ большой успѣхъ и былъ сочув-

ственно встрѣченъ и обществомъ, и критикою [1]). Графиня Роксана (Александра) Скарлатовна Геделингъ, рожденная Стурдза, въ письмѣ къ Теплякову, изъ Одессы, отъ 17-го марта 1836 года, между прочимъ, писала слѣдующее: «Voici ce que mon frère [2]) m'écrit au sujet de votre volume que je lui ai envoyé à Berlin: «Si Tépliakof est parti pour sa destination et que vous lui écrivez, faites lui mes remerciements pour son livre et dites lui, ce qui est exactement vrai, que deux de ses élégies Thraciennes m'ont transporté de plaisir, surtout celle qui peint un combat. C'est de la poésie et d'une haute portée». Je vous rapporte le texte, et mon frère n'est pas un juge à mépriser. Joukofsky est de la même opinion et, sûrement, bien d'autres encore». (Переводъ: «Вотъ что мнѣ пишетъ мой братъ касательно вашего сочиненія, которое я ему послала въ Берлинъ: «Если Тепляковъ уже уѣхалъ по назначенію и вы будете ему писать, то поблагодарите его за меня за книжку, и скажите ему истинную правду, что двѣ изъ его ѳракійскихъ элегій меня совершенно восхитили, особенно та, въ которой изображается сраженіе. Это — поэтическое произведеніе, и съ большими достоинствами». Я привожу вамъ дословный текстъ письма брата, а онъ судья, мнѣніемъ котораго можно дорожить. Жуковскій того же мнѣнія, да навѣрно найдутся еще и другіе»). И отзывъ графини Геделингъ былъ дѣйствительно справедливъ, ибо и Пушкинъ отозвался въ въ «Современникѣ» 1836 года очень лестно о «Ѳракійскихъ элегіяхъ», признавъ за ними блескъ и энергію и въ заключеніи сказавъ, что «если бы г. Тепляковъ ничего другаго не писалъ, кромѣ элегіи «Одиночество» [3]) и станса «Любовь и ненависть», то и тутъ за-

[1]) Критическій разборъ стихотвореній В. Г. Теплякова былъ помѣщенъ, между прочимъ, и въ «Литературномъ Прибавленіи» къ «Русскому Инвалиду», 1837 года, № 3.

[2]) Александръ Скарлатовичъ Стурдза—извѣстный писатель.

[3]) Приводимъ вполнѣ это стихотвореніе:

I.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ, и дрожитъ;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уныло крупный дождь въ окно мое стучитъ;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II.

Мнѣ грустно! Догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Послѣдній красный блескъ надъ угольями вьется;
Мнѣ грустно! тусклый день ужъ гаснетъ надо мной;
Ужъ съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка внучатъ своихъ ласкаетъ;
У креселъ дѣдовскихъ красавица сидитъ —
И былямъ старины, работая, внимаетъ!

нялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами». На развитіе поэтическаго таланта Теплякова, какъ было замѣчено выше, имѣлъ большое вліяніе Пушкинъ, къ которому Викторъ Григорьевичъ всегда относился съ благоговѣніемъ. Между прочимъ, онъ составилъ записки о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, которыя впослѣдствіи были имъ подарены г. Грену, помѣстившему отрывки изъ нихъ сначала въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» 1857 года, а потомъ въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1861

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долгія лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца, подъ ризою ночной,
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палящей нѣгѣ млѣютъ!

V.

Межъ тѣмъ, какъ онъ кипитъ, мой одинокій умъ!
Какъ сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется!

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными дубами осѣненный;
Подруга милая и яркій камелёкъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный,—

VII.

О жаръ святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ моей!
Лучъ вѣры пламенной блесни въ ея пустынѣ;
Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей;
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца нынѣ!

VIII.

Пусть упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится;
Пускай сей мрачный долъ исчезнетъ предо мной;
Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится.

IX.

О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ!
Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ...

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ,
Предъ трономъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ...

XI.

Пусть Соломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ эѳирѣ;
Поправъ земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ мірѣ!...

года (стр. 310—314). Не удивительно поэтому, что Викторъ Григорьевичъ живо интересовался всѣмъ, что касалось великаго поэта, и лица, съ которыми Тепляковъ находился въ перепискѣ, сообщали ему свѣдѣнія объ его «великомъ учителѣ», какъ всегда называлъ онъ А. С. Пушкина. Такъ сохранилось слѣдующее письмо къ нему академика М. П. Розберга, писанное изъ Москвы 8-го іюня 1830 года, съ извѣстіемъ о женитьбѣ Пушкина, и интересное вообще по своему содержанію, вслѣдствіе чего мы и предлагаемъ его вниманію читателей. Вотъ оно: «Въ концѣ мая я простился съ частной своей свободой,—писалъ Розбергъ,—и новыя узы привязали меня къ землѣ, я женился. Эта старинная мода, выкинутая праотцемъ Адамомъ, настала теперь и для новаго нашего поколѣнія; всѣ женятся, даже Пушкинъ, который такъ искренно ненавидѣлъ приторныя картины Августа Лафонтена и глупое супружеское счастіе. Но дѣлать нечего; чтобы оправдать любовь или ненависть къ жизни, чтобы имѣть право при разлукѣ съ нею отблагодарить ее или предать проклятію, должно подвергнуться всѣмъ ея искушеніямъ, испытаніямъ, должно погрѣться и на полдневномъ ея солнцѣ, и провести холодную сумрачную ея ночь. Что сказать вамъ о Москвѣ? Она все попрежнему красуется старинными главами церквей своихъ, все попрежнему азіатствуетъ и европействуетъ вмѣстѣ. У Пушкина, который недавно возвратился изъ деревни князя Вяземскаго, былъ я вчера. Онъ очень обрадовался, увидѣвъ меня, долго разспрашивалъ объ Одессѣ, о васъ, когда узналъ, что мы знакомы и жили въ одномъ домѣ. Статья о Видокѣ въ «Литературной Газетѣ» писана Пушкинымъ, и онъ очень жалѣетъ, что женитьба отдаляетъ его отъ литературныхъ занятій и мѣшаетъ поприлежнѣе приняться за издаваемую Дельвигомъ и Сомовымъ газету. Съ Полевымъ Пушкинъ въ ссорѣ, однако не дышетъ противъ него всѣмъ огнемъ журнальнаго гнѣва, хотя и не слишкомъ доволенъ первымъ томомъ Исторіи Русскаго народа. Полевой совершенно бѣснуется, задыхается отъ желчи, бранитъ, ругаетъ все и всѣхъ... Пушкинъ женится на Гончаровой и написалъ ей стихи, гдѣ, между прочимъ, есть:

«Я очарованъ,
Я совсѣмъ огончарованъ».

«Надняхъ возвратился изъ Петербурга Глинка; онъ тамъ нѣсколько разъ видѣлся съ вашимъ братцемъ и, по своему обыкновенію, много начудилъ. Надѣюсь скоро съ вами увидѣться».

Викторъ Григорьевичъ былъ, естественно, очень пораженъ извѣстіемъ о безвременной кончинѣ Пушкина, и почти во всѣхъ письмахъ къ нему отъ его знакомыхъ можно найдти болѣе или менѣе подробныя извѣстія о послѣднихъ дняхъ жизни поэта. Признавая интереснымъ имѣть даже самые незначительные факты для біографіи Пушкина, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь отрывки изъ

переписки Теплякова съ графинею Геделингъ, касающіяся кончины Пушкина, и цѣлое письмо Плетнева къ нему же о послѣднихъ часахъ геніальнаго нашего поэта. Графиня Геделингъ въ письмѣ въ Константинополь изъ Одессы, отъ 18-го февраля 1837 года, сообщала слѣдующія свѣдѣнія о Пушкинѣ:

«Il me semble que j'ai tout plein de choses à vous dire et je commencerai par la mort de notre pauvre Pouchkine, dont vous aurez été aussi touché que moi. Vous en connaissez sûrement tous les détails et vous aurez été attendri de l'intérêt que l'Empereur a pris à lui faire traverser le seuil de l'éternité avec les consolations et les espérances de la réligion; le beau mouvement d'un coeur chrétien n'a pas été inutile et m-me Poel m'écrit que Pouchkine, si feroce encore quelques heures auparavant, était devenu d'une douceur angélique, demandant la grace de son adversaire et ne voulant rien recevoir que de la main de sa femme. Si Dieu, comme je l'espère, a reçu dans sa miséricorde cette âme si noblement douée, il ne faut plaindre que ceux qui ont voulu le précipiter dans le délire qui nous l'a enlevé. On nomme une femme que nous connaissons tous deux et qui doit s'être rendue l'instrument de cette atroce méchanceté. Je ne puis le croire». (Переводъ: «Какъ кажется, у меня много, что вамъ сообщить, и я начну съ кончины бѣднаго Пушкина, которой вы навѣрно столь же опечалены, какъ и я. Конечно, вамъ уже извѣстны всѣ подробности о ней, и вы, вѣроятно, были тронуты вниманіемъ, оказаннымъ государемъ Пушкину, чтобы облегчить ему переходъ въ вѣчность съ успокоеніемъ и утѣшеніемъ религіи. Это доброе движеніе христіанской души не было безполезно; г-жа Пёль пишетъ мнѣ, что Пушкинъ, который былъ за нѣсколько часовъ передъ этимъ крайне ожесточенъ, сталъ кротокъ и нѣженъ, какъ ангелъ, просилъ помилованія своему сопернику и не принималъ ничего, какъ только изъ рукъ своей жены. Если Господь Богъ, какъ я надѣюсь, принялъ по своему милосердію эту столь высокую душу, то остается только сожалѣть о тѣхъ, которые старались привести его въ ярость, лишившую насъ его. Называютъ одну даму, которую мы оба знаемъ, сдѣлавшуюся орудіемъ этого злаго умысла. Но я этому не вѣрю»).

Кто была эта особа, мы узнаемъ изъ послѣдующаго письма графини отъ 17-го марта, изъ котораго помѣщаемъ тоже отрывокъ.

«J'ai été profondement touchée,—пишетъ графиня Геделингъ,— d'apprendre que la première personne, que Pouchkine aye demandé après la catastrophe était m-me Karamsine, son premier et plus noble amour. M-me Hitroff, qu'on a voulu perdre dans l'opinion publique, en lui attribuant une grande part dans cette intrigue, l'a soigné jusqu'à son dernier soupir, et je la crois justifiée». (Переводъ: «Я была до глубины души тронута, узнавъ, что первая особа, которую Пушкинъ пожелалъ видѣть послѣ катастрофы, была г-жа Карамзина,

предметъ его первой и самой благородной любви. Г-жа Хитрово, на которую всячески желали набросить тѣнь, приписывая ей большое участіе во всей этой интригѣ, ухаживала за нимъ до послѣдней минуты его жизни и, по-моему, она теперь вполнѣ оправдана).

Гораздо подробнѣе описываетъ Плетневъ кончину нашего поэта въ письмѣ своемъ отъ 29-го мая 1837 года, изъ Петербурга. Онъ пишетъ слѣдующее: «Вамъ угодно было обратиться ко мнѣ, милостивый государь, Викторъ Григорьевичъ, чтобы узнать нѣсколько подробностей о смерти нашего незабвеннаго Пушкина. Всѣ, мы, его знакомые, узнали объ общемъ несчастіи нашемъ только тогда, когда уже ударъ совершился. Предварительно никому ничего не было извѣстно. Онъ мнѣ за нѣсколько недѣль разсказывалъ только, что къ молодому Гекерену онъ посылалъ такія записочки, которыя бы могли другаго заставить драться, но что онъ отмалчивался. Послѣ сего и свадьба совершилась. Узнавъ объ этомъ, я предалъ совершенному забвенію все прежнее. Въ ту самую минуту, когда изъ кареты внесли его раненаго, я заѣхалъ къ нему съ тѣмъ (это было вечеромъ въ восьмомъ часу), чтобы взять его къ себѣ, что̀ и прежде по средамъ иногда я дѣлалъ. Самъ Данзасъ, его товарищъ и секундантъ, взятъ былъ имъ дорогою, когда уже все было назначено. Никто не знаетъ обстоятельно, что подожгло его снова. Вѣрнѣе всего, что Гекеренъ и послѣ женитьбы на свояченицѣ продолжалъ вздыхать при его женѣ, а благородная публика салоновъ усердно подшучивала надъ участью поэта. Какъ бы то ни было, а мы его лишились. Онъ ужасно страдалъ отъ раны. Пуля прошла въ брюхо правымъ бокомъ и раздробила крестецъ. Только въ четвергъ послѣ обѣда мелькнулъ намъ на минуту какой-то лучъ надежды. Но утромъ въ пятницу все уже было потеряно. Въ четвергъ утро̀мъ я сидѣлъ въ его комнатѣ нѣсколько часовъ (онъ лежалъ и умеръ въ кабинетѣ, на своемъ красномъ диванѣ, подлѣ середнихъ полокъ съ книгами). Онъ такъ переносилъ свои страданія, что я, видя смерть передъ глазами, въ первый разъ въ жизни находилъ ее чѣмъ-то обыкновеннымъ, нисколько не ужасающимъ. Передъ тою минутою, какъ ему глаза надобно было на вѣки закрыть, я поспѣлъ къ нему. Тутъ былъ и Жуковскій съ Михаиломъ Віельгорскимъ, Даль (докторъ и литераторъ) и еще не помню кто. Такой мирной кончины я вообразить не умѣлъ прежде. Тотчасъ отправился я къ Гальбергу. Съ покойника сняли маску, по которой приготовили теперь прекрасный бюстъ. О милостяхъ государя къ семейству Пушкина вы вѣрно уже слышали. Всѣ, т. е. жена и дѣти, совершенно обезпечены. Невозвратимо только присутствіе генія. Въ этомъ происшествіи есть что-то роковое. Точно какъ бы истинный и прекрасный геній былъ слишкомъ еще рано для Россіи. Теперь литература какъ-то разбрелась. Не знаю, отъ чего къ вамъ не доходятъ всѣ номера «Прибавленій» къ «Инвалиду». Впрочемъ, я не

думаю, чтобы вы отъ того теряли слишкомъ много. Тамъ больше всего повѣстей и толкованья о русскомъ театрѣ. Кажется, вы не заплачете, что не прочтете ни того, ни другаго. «Современникъ» высочайше позволено нынѣшній годъ издать. 1 № издаетъ Вяземскій, 3-й—Одоевскій, 2-й—Краевскій и 4-й—я. Вотъ все, что я могъ сказать на ваши вопросы. Продолжайте доставлять мнѣ наслажденіе бесѣдовать съ вами. Искренно преданный вамъ П. Плетневъ».

Въ заключеніе нашего біографическаго очерка скажемъ еще нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Теплякова. Хроническая болѣзнь Виктора Григорьевича препятствовала развитію этой дѣятельности. Страданія, не покидавшія Теплякова во всю его жизнь, а равно и печальное событіе въ самомъ началѣ его жизненнаго поприща, придали его поэтическимъ произведеніямъ оттѣнокъ спокойной грусти, проходящій чрезъ всѣ его стихотворенія, и наводили его не разъ на мысль покинуть совершенно свѣтъ и жить отшельникомъ. Такъ въ письмѣ, отъ 24 ноября 1837 года, Плетневъ писалъ Виктору Григорьевичу слѣдующее: «Занимательна и поучительна жизнь ваша, Викторъ Григорьевичъ. Много соберете вы запасу на остальные дни, даже слишкомъ много, если правда, что обрекаете себя въ будущемъ на пустынничество. Но не то готовитъ вамъ судьба. Она слѣпо не расточаетъ своихъ сокровищъ. Вы должны уплатить ей не воспоминаніями затворничества, но огненными страницами глашатая на лучшемъ поприщѣ. Васъ не выпуститъ изъ звонкихъ своихъ улицъ Петербургъ, когда вы возвратитесь въ отечество, вы не оторветесь отъ друзей и почитателей своихъ, когда они примутъ васъ въ свои объятія. Слава Богу, что вамъ удалось столько увидѣть, столько прочувствовать и кинуть все это въ свои восточные портфели. Это не должно погибнуть, слѣдственно и не погибнетъ. По крайней мѣрѣ, я такой вѣры».

Но, не смотря на малочисленность произведеній Теплякова, не смотря на то, что онъ неособенно выдѣлялся изъ среды тогдашнихъ русскихъ писателей, когда на горизонтѣ русской литературы блестѣли такія свѣтила поэзіи, какъ Жуковскій, Пушкинъ, князь Вяземскій, баронъ Дельвигъ и другіе, поэтическая дѣятельность Виктора Григорьевича цѣнилась современною критикою [1]. Какъ прозаикъ Тепляковъ умѣлъ, по отзыву Жуковскаго, придавать своимъ слогомъ прелесть учености и соединялъ даръ поэзіи съ даромъ владѣнія языкомъ разсудительной холодной прозы. Изданныя изслѣдованія его по исторіи Востока, который онъ изучилъ во время своихъ многократныхъ путешествій по Греціи, Сиріи и Палестинѣ и во время своего пребыванія при посольствѣ въ Константинополѣ,

[1] См., напр., отзывъ въ «Литерат. прибавл.» къ «Русскому Инвалиду», 1837 года, № 3.

обратили на себя вниманіе образованной части тогдашней публики, археологическія разысканія были замѣчены и заграничною печатью [1]). И если до сихъ поръ въ русской печати не было біографіи Теплякова, если имя его мало извѣстно читающей публикѣ, то произошло это отъ краткости жизни Виктора Григорьевича, умершаго въ расцвѣтѣ силъ, будучи лишь 38 лѣтъ отъ роду, и отъ того, что, находясь постоянно въ путешествіяхъ, онъ не былъ въ состояніи обработывать литературнымъ образомъ собранные имъ богатые матеріалы, относящіеся до Востока, оставшіеся вслѣдствіе этого, за небольшимъ исключеніемъ, въ рукописяхъ въ черновомъ необработанномъ видѣ. Назовемъ, напримѣръ, дневники путешествій по Греціи, Палестинѣ и Египту, представляющіе немалый интересъ.

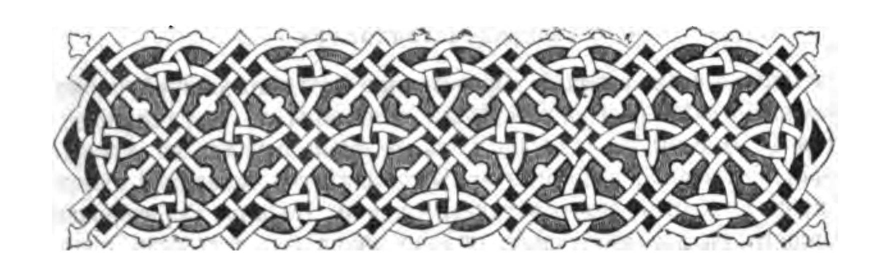
Окончимъ нашъ біографическій очеркъ слѣдующими стихами В. Г. Теплякова, въ которыхъ и самъ онъ указываетъ на причины, мѣшавшія развитію его поэтической дѣятельности:

«О други! Крылья соколины
Душа расправила бъ моя,
Когда бы ранніія кручины
Изъ урны бѣшеной судьбины
Не проливались на меня!»

Ѳ. А. Бычковъ.



[1]) Въ «Лейпцигской Литературной Газетѣ» 1830 года, была помѣщена статья о Тепляковѣ подъ заглавіемъ: «Aus Moskau».



ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢЕВИЧА ПОЛЕВАГО [1].

V.

Изученіе исторіи было смолоду любимымъ занятіемъ Николая Алексѣевича. — Его подготовка къ будущимъ ученымъ трудамъ. — Работы надъ «Исторіей Государства Россійскаго» и его уваженіе къ труду Карамзина. — Знакомство съ Нибуромъ и другими западными историками, радикально измѣнившее взглядъ Николая Алексѣевича на задачи русской исторической науки. — Мысль—написать «Исторію русскаго народа».—Подписка, какъ средство для выполненія изданія.— Значеніе этого труда. — Буря, вызванная появленіемъ труда въ средѣ поклонниковъ Карамзина. — Критика на XII томъ Карамзина, какъ поводъ къ разрыву съ кн. Вяземскимъ.—Готовность Николая Алексѣевича на услуги и его добрыя отношенія къ молодежи. — Бѣгичевъ и его романъ «Семейство Холмскихъ». — Работа Николая Алексѣевича надъ этимъ романомъ.—Неумѣстная деликатность Н. А. Полеваго и грустные результаты, къ которымъ она приводитъ.

ВАЖНУЮ эпоху въ жизни Н. А. Полеваго составляютъ его труды въ области русской исторіи, результатомъ которыхъ явилась «Исторія русскаго народа». Неотлучный свидѣтель и другъ, которому повѣрялъ онъ всѣ свои идеи, всѣ намѣренія, я могу разсказать, какъ явилась и выполнялась мысль его. Это тѣмъ необходимѣе, что «Исторія русскаго народа» была поводомъ ко множеству клеветъ на моего брата, порицаній и всякихъ непріятностей для него. Здѣсь особенно необходимо возстановить истину.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, братъ мой любилъ заниматься исторіею вообще и особенно русскою. Мы видѣли, что еще въ Иркутскѣ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXVIII, стр. 538.

онъ читалъ и самъ писалъ историческія сочиненія, разумѣется, какъ дитя; въ 1811 и 1812 годахъ, покуда жилъ въ Москвѣ, онъ вздумалъ продолжать «Опытъ повѣствованій о Россіи», Елагина, конечно, плѣнившись славою, какою пользовалось тогда это сочиненіе; изъ Курска онъ уже посылалъ въ «Вѣстникъ Европы» историческія изслѣдованія о разныхъ предметахъ русской исторіи, и Каченовскій, знатокъ предмета, одобрялъ ихъ и печаталъ въ своемъ журналѣ, отчего и завязалось ихъ знакомство, бывшее нѣсколько времени очень близкимъ. Когда, наконецъ, братъ мой могъ пользоваться всѣми учеными пособіями въ Москвѣ, онъ занялся подробнымъ разсмотрѣніемъ русскихъ лѣтописей, изучилъ важнѣйшія изслѣдованія о нихъ, и пріобрѣлъ такимъ образомъ обширныя свѣдѣнія въ исторіи старой Россіи. Шлецеровъ Несторъ и «Исторія Государства Россійскаго» были у него исписаны разными замѣтками. Иногда онъ писалъ отдѣльныя изслѣдованія изъ русской исторіи, и въ 1825 году, то есть ко времени изданія «Московскаго Телеграфа», былъ, конечно, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Руси, что̀ и доставило ему лестное знакомство и уваженіе такихъ знатоковъ нашей старины, какъ П. М. Строевъ, К. Ѳ. Калайдовичъ; да и самъ Каченовскій, покуда не злобствовалъ на него, отдавалъ ему справедливость. Все это было прежде начала «Московскаго Телеграфа», и, кажется, въ то время онъ былъ избранъ членомъ «Общества исторіи и древностей россійскихъ», слѣдовательно заслужилъ почетную извѣстность какъ дѣльный изслѣдователь и знатокъ любимаго имъ предмета. Припоминаю эти подробности, желая доказать событіями, что онъ не былъ поверхностнымъ любителемъ русской исторіи, а дѣйствительно зналъ ее, какъ ученый, изучалъ въ источникахъ, и пріобрѣлъ свѣдѣнія во всѣхъ ея отрасляхъ. Тому способствовалъ необыкновенный умъ его, который могъ глубоко проникать въ каждый изучаемый имъ предметъ, легко усвоивалъ себѣ матеріальную часть, то есть событія исторіи, и не довольствовался ими, а всегда глядѣлъ на предметъ съ новой стороны.

Изданіе журнала, особливо въ первые годы, отвлекло его отъ занятій русскою исторіею. Страшная, почти безпримѣрная полемика съ другими журналами, множество, такъ сказать, черной работы, неизбѣжной въ журналѣ, какъ-то: переводы, корректуры, исправленіе статей сотрудниковъ и тому подобное, — поглощали его время. Но, когда полемика пріутихла, когда черная работа въ журналѣ постепенно почти вся перешла ко мнѣ, такъ же, какъ и вся матеріальная часть, Николай Алексѣевичъ имѣлъ болѣе досуга для другихъ занятій.

Страстно слѣдя за успѣхами исторической науки въ Европѣ, братъ мой постепенно знакомился съ новыми взглядами на событія и прошедшее. Онъ писалъ въ своемъ журналѣ разборы историческихъ книгъ, являвшихся на русскомъ языкѣ, и книги эти

уже до такой степени противорѣчили его взгляду, что онъ выражалъ всего чаще презрѣніе къ нимъ. Поймавъ слова его: «высшіе взгляды» на науки, противники Николая Алексѣевича привязались къ нимъ и усердно называли его «верхоглядомъ», осуждая себя рыться въ землѣ, гдѣ, сами не подозрѣвая того, они рыли могилу своимъ ветхимъ познаніямъ. Послѣднимъ блестящимъ представителемъ старой исторической школы былъ Карамзинъ, въ своей «Исторіи Государства Россійскаго»; но братъ мой съ полнымъ уваженіемъ защищалъ его отъ ничтожныхъ нападковъ «Вѣстника Европы». Это было еще въ 1825 году, когда одинъ изъ клевретовъ Каченовскаго усиливался доказать, что твореніе Карамзина ничѣмъ не лучше «Россійской исторіи» князя Щербатова. Намъ сказывали тогда же, что Карамзинъ, по обычаю своему не читавшій злобныхъ рецензій на свои сочиненія, прочелъ возраженіе, напечатанное въ «Московскомъ Телеграфѣ», и сказалъ:

— Я полагалъ, что Каченовскій пишетъ противъ меня дѣльнѣе: теперь радуюсь, что не читаю его критикъ.

Братъ мой уважалъ въ Карамзинѣ великаго писателя и высоко цѣнилъ услугу, оказанную имъ разборомъ и умною критикою матеріаловъ русской исторіи. Глядя на «Исторію Государства Россійскаго» какъ на великолѣпный и единственный памятникъ въ современной исторической литературѣ, братъ мой любилъ въ Карамзинѣ и человѣка, которому былъ обязанъ дорогими впечатлѣніями въ своей юности. Но всѣ прекрасныя качества любимаго писателя не ослѣпляли его до такой степени, чтобы онъ не видѣлъ недостатковъ въ историческомъ его твореніи. Чѣмъ больше знакомился Николай Алексѣевичъ съ новыми взглядами европейскихъ изслѣдователей исторіи, тѣмъ яснѣе становились для него недостатки «Исторіи Государства Россійскаго». Но рѣшительное дѣйствіе произвелъ на него Нибуръ своею «Римскою исторіею».

Позвольте, благосклонный читатель, замѣтить здѣсь: не оказалъ ли великую услугу русскому просвѣщенію Н. А. Полевой однимъ тѣмъ, что онъ первый сталъ быстро знакомить нашу читающую публику съ замѣчательными явленіями и успѣхами европейскихъ литературъ? Нетрудно слѣдить за ними и пользоваться всѣми необыкновенными ихъ явленіями въ настоящее время, когда всѣ журналы, наперерывъ одинъ передъ другимъ, больше или меньше удачно—изъ какихъ бы ни было видовъ—пишутъ о всѣхъ замѣчательныхъ европейскихъ явленіяхъ въ литературѣ, представляютъ изъ нихъ извлеченія, даже предлагаютъ gratis своимъ подписчикамъ переводы многотомныхъ книгъ; но то ли было во время изданія «Московскаго Телеграфа?» Одинъ этотъ журналъ ставилъ первою своею обязанностью извѣщать обо всѣхъ важныхъ новостяхъ заграничной литературы, одинъ онъ указывалъ на замѣчательнѣйшія произведенія ея, словомъ, знакомилъ съ ними, и

если ему сочувствовало новое поколѣніе, желавшее сбросить съ себя вериги схоластики и рутины, то какъ встрѣчали труды и всѣ усилія молодаго журналиста записные ученые и старые литераторы? Насмѣшками, бранью, осмѣяніемъ всѣхъ новыхъ идей! Надобно было много мужества и любви къ наукѣ, чтобы продолжать неблагодарный трудъ, ибо въ этомъ отношеніи противниками Н. А. Полеваго были не одни журналисты, но и профессоры, и ученые. Безпрестанно нападая на него и ославляя его **верхоглядомъ**, они повторяли это уже, какъ аксіому. Ссылаюсь на событія! Но онъ не унывалъ и безпрерывно, безостановочно продолжалъ трудиться, предвидя еще не ясную для него цѣль—сблизить наши взгляды съ европейскими.

Въ дружескихъ бесѣдахъ съ Ф. М. Малевскимъ, товарищемъ и другомъ Мицкевича, также сблизившимся съ нами, какъ Мицкевичъ, Николай Алексѣевичъ впервые ознакомился съ идеями Нибура въ древней исторіи. Г. Малевскій, послѣ окончанія курса наукъ въ Виленскомъ университетѣ, жилъ довольно долго въ Берлинѣ, гдѣ, подъ руководствомъ знаменитыхъ профессоровъ, пополнилъ и усовершенствовалъ свои юридико-историческія познанія. Разговоры съ нимъ открыли много новаго, бывшаго до тѣхъ поръ незнакомымъ Николаю Алексѣевичу; но больше всего поразили его взгляды Нибура на первобытную исторію Рима, которые братъ мой, по свойству своего ума, сталъ примѣнять къ первоначальной исторіи Руси. Онъ не примѣнялъ ихъ къ нашей исторіи слѣпо, но составилъ себѣ о ней много новыхъ идей. Почти въ это же время онъ читалъ и, можно сказать, изучалъ историческія изслѣдованія Тіерри, совершенно измѣнившія взглядъ на первоначальную исторію Франціи и народовъ германскаго племени. Въ 1828 году, явились печатные курсы Гизо, Кузена, Вилльмена, и братъ мой перечитывалъ ихъ съ наслажденіемъ и, можно сказать, съ восторгомъ. Особенно Гизо увлекалъ его. Онъ съ такимъ же наслажденіемъ читалъ его знаменитые «Опыты объ исторіи Франціи» и другія историческія сочиненія. Не задолго передъ тѣмъ заслужила всеобщую славу Барантова «Исторія герцоговъ Бургундскихъ», гдѣ искусство излагать событія исторіи обогатилось новымъ пріобрѣтеніемъ. Въ журналахъ доктринеровъ: «Le Globe» и «La Revue française», помѣщались критики, двинувшія впередъ науку исторіи и замѣчательныя вообще обширнымъ взглядомъ и новыми идеями. Все это чрезвычайно занимало, увлекало Николая Алексѣевича, и хотя не вдругъ, но быстро измѣнило взглядъ его на исторію Россіи. Безсмертный трудъ Карамзина казался ему уже не только неудовлетворительнымъ, но даже искажающимъ многое въ нашей старой исторіи. Въ этой перемѣнѣ взгляда не должно видѣть легкомыслія: это было естественное явленіе въ умѣ человѣка, стремившагося во всемъ къ необходимымъ для успѣха преобразова-

ніямъ. Могъ ли онъ, во всемъ шедшій впереди другихъ, только принять къ свѣдѣнію великія, открытыя великими умами историческія истины, и не воспользоваться ими для успѣховъ нашей исторіи? Николай Алексѣевичъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ твердыхъ, но лѣнивыхъ умовъ, которые весь вѣкъ свой копятъ сокровища свѣдѣній, и все сбираются создать изъ нихъ что-то до тѣхъ поръ, пока дряхлость или смерть прекратитъ всяческую ихъ дѣятельность. Не рѣдкость встрѣтить людей ученыхъ, глубокомысленныхъ, но ничего не сдѣлавшихъ для успѣха общества или науки. Не таковъ былъ братъ мой, смѣлый вчинатель всякаго дѣла, въ которомъ онъ видѣлъ шагъ къ лучшему, успѣхъ. Не этимъ ли объясняется неугомонная его дѣятельность на другихъ путяхъ жизни, его ревностное участіе въ комитетахъ и совѣтахъ, куда призывали его къ участію [1]). Усвоивши себѣ новые взгляды на исторію, онъ жаждалъ примѣнить ихъ къ русской исторіи, и въ разговорахъ со мной, ближайшимъ совѣтникомъ своимъ, излагалъ такъ много новыхъ, свѣтлыхъ идей, что это увлекало и меня. Я вполнѣ одобрилъ его намѣреніе изложить эти новыя идеи въ историческомъ сочиненіи о Россіи; но онъ еще самъ не давалъ себѣ отчета, какое предпринять сочиненіе. Пылкость его была такова, что иногда онъ хотѣлъ избрать какой нибудь драматическій эпизодъ нашей исторіи, напримѣръ, царствованіе Іоанна Грознаго, или междуцарствіе, и изложить ихъ по-барантовски, или даже больше, въ видѣ компиляціи, написанной Жакобомъ Библіофиломъ о XVI столѣтіи; но онъ видѣлъ, что это было бы только игрушкой или чѣмъ-то въ родѣ фокусъ-покуса истиннаго историка. Онъ даже написалъ нѣсколько листовъ изъ жизни Іоанна Грознаго, прочиталъ ихъ мнѣ, и тутъ же разодралъ, сознавши, что не такъ надобно писать исторію, и особливо русскую, гдѣ событія не открываютъ въ простомъ разсказѣ своего истиннаго значенія, и гдѣ, сверхъ того, они затем-

---

[1]) Его избирали около этого времени въ члены разныхъ комитетовъ по городскому обществу, избрали въ члены мануфактурнаго совѣта, въ члены совѣта коммерческой академіи, и онъ не только принималъ на себя всѣ эти обязанности, но и занимался ими усердно. Одинъ комитетъ, учрежденный въ Москвѣ для пересмотра проекта новаго вексельнаго устава (это было въ началѣ 1828 года), засѣдавшій болѣе года, отымалъ у него много времени. Такъ же усердно и дѣятельно занимался онъ въ совѣтѣ коммерческой академіи, гдѣ былъ членомъ нѣсколько лѣтъ. Тутъ же еще онъ тратилъ довольно денегъ на неизбѣжныя пожертвованія. Въ мануфактурномъ совѣтѣ, во время выставки предметовъ промышленности, онъ и дежурилъ, и занимался пріемомъ и разстановкой вещей, онъ же составилъ и каталогъ выставленныхъ предметовъ. Напрасно я убѣждалъ его оставить всѣ подобныя занятія, которыя приносили ничтожную пользу и чаще всего оканчивались непріятностями; онъ увлекался при первомъ случаѣ дѣйствовать на пользу общую, какъ бы не видя, что въ современномъ состояніи общества это было невозможно, и что истиннымъ назначеніемъ его была литературная дѣятельность, отъ которой онъ только отвлекался всѣми этими членствами. К. П.

нены выдумками и ложными взглядами, утвержденными всѣми нашими историками и даже самимъ Карамзинымъ. Обдумывая предметъ, занимавшій его, онъ рѣшилъ наконецъ для себя, что русская исторія приняла свой особый характеръ съ самаго начала, и что послѣдующія событія были только продолженіемъ того, что видимъ при самомъ началѣ Руси. Скандинавскіе удальцы завладѣли всѣмъ, начали распоряжаться покорившимися имъ народцами и всею Русскою землею, какъ своею отчиною, подѣлили ее, какъ одно обширное помѣстье, и призракъ великаго князя не мѣшалъ дробленію Руси, такъ что, наконецъ, въ ней исчезло единство, вышедшее потомъ уже изъ-подъ татарскаго ига, скрѣпленное вѣковыми бѣдствіями, и еще долго тонувшее въ потокахъ крови, въ туманѣ злодѣйствъ и всякихъ преступленій. Такимъ образомъ это была исторія не государства, не наслѣдія какого нибудь велико-княжескаго племени, а исторія народа, русскаго народа, который пережилъ восемь столѣтій, прежде нежели водворилось у него государственное единство. Такую идею русской исторіи нельзя было изложить въ какомъ нибудь эпизодѣ, и Н. А. Полевой рѣшился написать Исторію русскаго народа, отъ начала его до новѣйшаго времени.

Предпріятіе его было смѣло, почти, можно сказать, дерзко. Могъ ли онъ совершить его, притомъ въ немного времени, какъ предполагалъ? Но увѣренность его въ своихъ силахъ была такова, что онъ не зналъ границъ возможнаго въ этомъ отношеніи. Съ одной стороны это недостатокъ, но, прибавимъ, неизбѣжный въ тѣхъ людяхъ, которые предназначены идти впереди другихъ. Развѣ колонна солдатъ, идущая взять огнедышащую батарею увѣрена, что возьметъ ее? Но если она не пойдетъ почти на вѣрную погибель свою, то еще вѣрнѣе, что никогда не возьметъ батареи! Такъ разсуждаютъ и передовые люди, ободряющіе себя мыслію, что если удастся имъ совершить предпринимаемый подвигъ, то за него ожидаетъ ихъ и благо общества, и, можетъ быть, слава. Не осуждайте ихъ, а съ благодарностью пользуйтесь ихъ самопожертвованіемъ.

Николай Алексѣевичъ сначала предполагалъ,—и я убѣдительно совѣтовалъ ему,—написать русскую исторію не подробную, а въ видѣ очерка, въ размѣрѣ трехъ—четырехъ томовъ. Но когда онъ началъ свое сочиненіе, то каждое событіе, почти каждая подробность увлекали его, и онъ старался объяснить все, дать отчетъ во всемъ. При такомъ изложеніи были необходимы примѣчанія: они увеличили объемъ сочиненія. На замѣчаніе мое, что при такомъ изложеніи не будетъ границъ книгѣ, онъ отвѣчалъ, что подробности необходимы при началѣ, но дальше повѣствованіе пойдетъ сокращеннѣе. Такъ написалъ онъ два, три тома, и работа его шла чрезвычайно быстро, не смотря на то, что онъ не переставалъ заниматься журналомъ и не разставался съ разными другими отвлече-

ніями, о которыхъ я упоминалъ. Прочитывая написанное,—разумѣется, тѣмъ людямъ, которыхъ знаніямъ и вкусу онъ довѣрялъ,—Николай Алексѣевичъ слышалъ самые одобрительные отзывы о своемъ трудѣ, и это заставляло его желать услышать мнѣніе публики. Во всякомъ случаѣ, важное сочиненіе столь извѣстнаго писателя, какимъ былъ онъ тогда, должно было возбудить сильное вниманіе. Мысль о томъ естественно подстрекаетъ самолюбіе всякаго писателя, а надобно сказать, что авторское самолюбіе моего брата было очень велико, и оправдывалось литературными его успѣхами. Въ немного лѣтъ онъ сдѣлался любимцемъ публики, и если былъ въ войнѣ съ большею частью писателей, то видѣлъ въ то же время уваженіе достойнѣйшихъ своихъ современниковъ и горячую любовь къ себѣ молодаго поколѣнія, выражавшуюся при всякомъ возможномъ случаѣ. Вотъ для кого онъ работалъ и хотѣлъ поскорѣе издать свое сочиненіе, подѣлиться новымъ своимъ трудомъ съ тѣми, кого всегда имѣлъ въ виду, при всѣхъ своихъ литературныхъ занятіяхъ.

Издать многотомное сочиненіе дѣло не легкое во всѣ времена и у самыхъ образованныхъ народовъ; но еще труднѣе это было у насъ, тридцать лѣтъ назадъ, когда книги расходились не тысячами экземпляровъ, такъ что второе, лучшее изданіе Исторіи Государства Россійскаго сѣло на рукахъ у издателей-книгопродавцевъ братьевъ Слёниныхъ, и окончательно было продано на рынокъ, послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ. Изданіе нѣсколькихъ большихъ томовъ потребовало бы значительной суммы, какой не было у моего брата, а онъ нетерпѣливо хотѣлъ печатать новое свое сочиненіе. Оставалось одно средство: открыть подписку на полное изданіе, потому что еще не было въ обычаѣ издавать и продавать отдѣльно каждый отпечатанный томъ.

Не имѣя этого въ разсчетѣ и не предвидя возможности ждать окончанія своего труда, когда на изданіе потребовалась бы еще болѣе значительная сумма, братъ мой рѣшился печатать первый томъ Исторіи русскаго народа и въ то же время открыть подписку на нее. Конечно, это было единственное средство для изданія его книги; но онъ поступилъ притомъ легкомысленно и безразсчетно, не смотря на всѣ мои предостереженія и совѣты. Если бы рукопись его сочиненія была окончена, или, по крайней мѣрѣ, былъ опредѣленъ размѣръ ея, то приблизительно можно было бы опредѣлить и время появленія ея въ свѣтъ, и назначить цѣну книги съ вѣрнымъ разсчетомъ. Но онъ еще самъ не зналъ объема ея, не могъ опредѣлить, когда онъ окончитъ ее, и обязался представить 12 томовъ за 40 рублей ассигнаціями! Онъ рисковалъ не исполнить принятой имъ на себя обязанности, и назначилъ за книгу слишкомъ малую цѣну, которая не только не вознаграждала труда, но и не обезпечивала расходовъ на изданіе. Такъ и случилось, что онъ не

окончилъ книги, и не получилъ отъ нея денежныхъ выгодъ; но хуже всего было то, что предпріятіе его, благородное и прекрасное по своему происхожденію, приняло видъ спекуляціи, почти шарлатанства, и противникамъ его открылось обширное поле для нападеній, укоризнъ и порицаній всякаго рода. Я не оправдываю моего брата въ этомъ случаѣ: обвиняю его въ неосторожности, въ легкомысліи, и если угодно въ самонадѣянности; но какъ ближайшій къ нему человѣкъ, повѣренный всѣхъ его намѣреній и помышленій, ручаюсь, что онъ дѣйствовалъ безъ всякихъ корыстолюбивыхъ разсчетовъ, былъ увѣренъ, что исполнитъ обѣщанное имъ, и могъ бы исполнить это, если бы не увлекался новыми стремленіями и не развлекалъ себя множествомъ посторонних работъ и занятій. Я слишкомъ долго не убѣждался, что въ этомъ отношеніи онъ былъ неизлѣчимъ; я еще не давалъ себѣ отчета, что сила его заключалась въ многосторонности, а не въ постоянствѣ, и впослѣдствіи былъ приведенъ къ сознанію въ томъ горькимъ собственнымъ опытомъ.

Я не стану судить здѣсь о достоинствѣ Исторіи русскаго народа. При появленіи въ свѣтъ каждаго тома ея, она подвергалась самымъ пристрастнымъ осужденіямъ, такъ что враги Николая Алексѣевича, какъ, напримѣръ, Погодинъ и Надеждинъ, не разбирали, а поносили и ругали ее, или, вѣрнѣе, ругали ея автора. Но безпристрастные люди находили и находятъ въ ней первый опытъ истинной исторіи Россіи. Новое поколѣніе ученыхъ изслѣдователей нашей исторіи видитъ въ ией много свѣтлыхъ идей и взглядовъ, и первую мысль объ исторіи народа. Я увѣренъ, что потомство оцѣнитъ еще болѣе этотъ трудъ и укажетъ на всѣ открытія и объясненія, которыми наполнены изданные моимъ братомъ томы Исторіи русскаго народа. Сами враги его, внутренно сознаваясь въ томъ, невольно высказывали, что въ этой книгѣ есть новые взгляды, вѣрныя объясненія извѣстныхъ событій и что она представляетъ Русь не въ томъ видѣ, какъ представляли ее прежніе наши историки. Можно ли понимать иначе обвиненіе, что нѣкоторые взгляды моего брата были заимствованы у Гизо? Стало быть, это было нѣчто новое? и почему же не долженъ былъ онъ заимствовать у Гизо, у Тіерри, у Нибура, все, что примѣняется къ общему у всѣхъ народовъ объясненію событій? До извѣстной степени и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, всѣ народы, имѣющіе исторію, развивались одинаково, потому что человѣкъ одинаковъ всегда и вездѣ, и въ древнемъ Римѣ, и въ Россіи, и въ Германіи. Тіерри подтвердилъ неоспоримыми доказательствами мысль свою, что исторія каждаго народа начинается завоеваніемъ. Не видимъ ли этого и въ покореніи славянъ варягами? Не было ли мнимое призваніе норманскихъ князей просто завоеваніемъ? Еще Карамзинъ видѣлъ безпримѣрное событіе въ томъ, что народъ по волѣ

призываетъ къ себѣ властителей, мѣняетъ свободу на рабство; но если бы даже ильменскіе славяне и дѣйствительно призвали княжить у нихъ Рюрика и братьевъ его, то развѣ эти молодцы не покоряли потомъ оружіемъ и вѣроломствомъ другія племена, обитавшія на Русской землѣ. Согласимся, наконецъ, что объясненіе начала Руси требуетъ еще многихъ изслѣдованій; но развѣ это мѣшаетъ видѣть въ мысли Тіерри, примѣненной къ началу Руси, новое и богатое пріобрѣтеніе въ сокровищницѣ нашей исторіи? Пусть всѣ наши изслѣдователи примѣняютъ такъ удачно чужія мысли и открытія великихъ историковъ къ нашей исторіи — они заслужатъ только благодарность. Я увѣренъ, что потомство будетъ благодарно и моему брату за подобныя заимствованія. Всегда неосторожный, онъ возставилъ противъ себя новую бурю еще однимъ неосторожнымъ дѣйствіемъ. Не задолго до появленія Исторіи русскаго народа, былъ напечатанъ 12-й, не совсѣмъ оконченный томъ Исторіи Государства Россійскаго. Карамзинъ, скончавшійся въ 1826 году, былъ уже передъ судомъ не современниковъ, а потомства. Между тѣмъ, именно въ то время, когда онъ дописывалъ свое безсмертное сочиненіе, совершился крутой, безпримѣрный переворотъ въ понятіяхъ объ исторіи. Отъ сочиненій историческихъ стали требовать не одного искусства въ изложеніи, не одной безпристрастной изыскательности, но и вѣрной оцѣнки событій, вѣрной характеристики каждаго вѣка, вѣрнаго изображенія историческихъ лицъ. Извѣстно, что этихъ качествъ нѣтъ въ твореніяхъ Карамзина. Онъ глядѣлъ на самыя отдаленныя событія съ современной ему точки зрѣнія, изображалъ историческія лица, какъ современныхъ героевъ, и больше всего заботился быть изящнымъ въ изложеніи, избравъ себѣ образцами древнихъ историковъ Рима. Еще въ Письмахъ русскаго путешественника высказалъ онъ свою теорію, и остался вѣренъ ей въ Исторіи Государства Россійскаго, гдѣ эпическій разсказъ его, образцовый по языку и изложенію, почти вездѣ придаетъ ложный характеръ событіямъ и лицамъ. Въ 12-мъ томѣ есть мѣста умилительныя, страницы, написанныя великимъ мастеромъ, но паѳосъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доведенъ до крайности, и самый языкъ образцоваго нашего прозаика становится изысканнымъ, надутымъ. Помню, какъ мы смѣялись, безпрестанно встрѣчая въ 12-мъ томѣ стратиговъ, доблестныхъ мужей, или читая описаніе подвиговъ новгородскаго попа, который мужествовалъ одинъ, и т. п. Разумѣется, подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, послѣ внимательнаго изученія русской исторіи въ источникахъ и уже составивши себѣ совсѣмъ другую теорію исторіи вообще, братъ мой не могъ безусловно хвалить Исторію Государства Россійскаго и, разбирая 12-й томъ въ своемъ журналѣ, коснулся вообще недостатковъ этого творенія, хотя въ то же время отдавалъ всю справедливость достоинствамъ

его. Но у Карамзина были поклонники безусловные, и къ числу ихъ принадлежали,—увы!—князь Вяземскій и Пушкинъ, не говоря уже о цѣлой фалангѣ друзей и современниковъ Карамзина. Князь Вяземскій, воспитанникъ и потомъ другъ исторіографа, питалъ къ нему родственную любовь и не хотѣлъ видѣть недостатковъ въ его сочиненіяхъ. А до какой степени простиралось благоговѣніе родныхъ къ этому незабвенному человѣку, можетъ показать слѣдующій анекдотъ, случившійся на моихъ глазахъ. Мы находились въ самыхъ искреннихъ, почти ежедневныхъ сношеніяхъ съ княземъ Вяземскимъ, когда — уже послѣ смерти Карамзина— князь присылаетъ къ моему брату нарочнаго, съ запиской, гдѣ пишетъ, что къ нему пріѣхали изъ Петербурга Карамзины, у которыхъ принято, какъ святое правило, прочитывать каждый день нѣсколько страницъ изъ Исторіи Государства Россійскаго. «Мой экземпляръ въ Остафьевѣ, — писалъ князь,—и потому пришлите мнѣ какіе нибудь томы «Исторіи Государства Россійскаго». Братъ мой, самъ безпрестанно имѣя надобность въ этой книгѣ, не хотѣлъ подѣлиться собственнымъ экземпляромъ, и, вспомнивъ, что въ сундукѣ Ходаковскаго есть два-три тома 1-го изданія Исторіи Государства Россійскаго, вынулъ ихъ и отослалъ къ князю Вяземскому. Не знаю, забылъ ли онъ, или вовсе не заглядывалъ въ затасканныя книги Ходаковскаго, и потому не зналъ, что томы Карамзина были у этого чудака съ разными, писанными имъ на поляхъ замѣтками, иногда циническими и вообще нисколько не хвалебными. На другой же день князь Вяземскій возвратилъ посланные къ нему томы, и въ запискѣ притомъ выражалъ неудовольствіе за плохую шутку, сыгранную съ нимъ, и чуть не поссорившую его съ Карамзиными. Въ самомъ дѣлѣ можно представить себѣ, какой ужасъ и негодованіе произвели въ нихъ грубыя порицанія противъ обожаемаго человѣка, написанныя на самомъ твореніи его! Братъ мой поспѣшилъ извиниться передъ княземъ Вяземскимъ въ своей ненамѣренной оплошности, и миръ водворился попрежнему, когда братъ объяснилъ, какъ было дѣло. Но если одно простое, невольное указаніе на какіе нибудь недостатки въ Исторіи Государства Россійскаго могло поссорить съ почитателями памяти Карамзина, то какое дѣйствіе должна была произвести основательная критика, гдѣ въ первый разъ твореніе его было представлено, какъ неудовлетворительное для новыхъ требованій науки? И кто же писалъ такую критику? Человѣкъ, до тѣхъ поръ изъявлявшій безграничное уваженіе къ труду исторіографа. Слѣпое пристрастіе не могло внушить обожателямъ Карамзина, что критикъ его, при измѣнившемся отъ новыхъ изслѣдованій взглядѣ своемъ, не долженъ же былъ оставаться при своихъ прежнихъ понятіяхъ, и наперекоръ новымъ убѣжденіямъ хвалить безусловно то, въ чемъ видѣлъ коренные недостатки. Онъ былъ журналистъ,

онъ былъ обязанъ сказать свое мнѣніе объ одномъ изъ важнѣйшихъ явленій современной литературы Онъ исполнилъ это добросовѣстно и съ обыкновенною своею смѣлостью. Вотъ, если бы онъ поступилъ иначе, то есть хвалилъ то, что находилъ неудовлетворительнымъ, должно было бы порицать его и видѣть въ немъ лицемѣра. Но, повторяю, у Карамзина были почитатели,—нѣтъ, мало сказать почитатели,—обожатели, и совсѣмъ не рѣзко примѣняются къ нимъ слова, что они лелѣяли въ себѣ слѣпое пристрастіе къ нему. Довольно вспомнить, что Пушкинъ находилъ его безусловно мудрымъ и совершеннымъ; Жуковскій не довольствовался этимъ: въ стихотвореніи своемъ: «Къ И. И. Дмитріеву» (т. IV, стр. 139, изд. 1849 г.), онъ велитъ молиться ему и называть святымъ. Князь Вяземскій, когда прочелъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» критику творенія Карамзина, разстался навсегда съ братомъ моимъ, хотя лучше, нежели кто другой, могъ знать и оцѣнить достоинства его ума и души. Я называю здѣсь трехъ главнѣйшихъ и благороднѣйшихъ писателей того времени. Надобно ли послѣ этого называть другихъ, которые общимъ хоромъ признали, что Н. А. Полевой дерзкій вѣроломецъ, предатель, словомъ — преступникъ, достойный всесожженія? Это явно кричали добрые и сентиментальные фанатики Карамзина, какъ, напримѣръ, Иванчинъ-Писаревъ, князь Шаликовъ, и т. п.

И пусть бы добрые, безпристрастные въ другихъ отношеніяхъ люди заблуждались отъ убѣжденія искренняго въ большей части. Но къ нимъ присоединилась та многочисленная толпа противниковъ Н. А. Полеваго, которая во всемъ видитъ только разсчетъ корыстолюбія. Когда было объявлено объ изданіи Исторіи русскаго народа, враги автора ея тотчасъ вывели сближеніе, что онъ для того незадолго выставилъ Исторію Государства Россійскаго неудовлетворительною, чтобы дать ходъ своей книгѣ. Я передаю здѣсь эту барышническую мысль въ скромныхъ выраженіяхъ; но московскіе журналы, непріязненные «Московскому Телеграфу», истощали всю желчь и злобу свою, доказывая корыстолюбивые разсчеты моего брата при изданіи Исторіи русскаго народа. Тошно вспомнить, до чего унижались они въ порицаніяхъ! Я назвалъ неосторожностью со стороны Ник. Ал. напечатаніе критики Исторіи Государства Россійскаго, особливо въ то время, когда онъ самъ готовился издавать сочиненіе о томъ же предметѣ. Прибавлю, что честный человѣкъ всего скорѣе впадетъ въ такую ошибку или въ неосторожность, потому что собственно это ошибка противъ такой разсчетливости, которая не придетъ ему въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ съ развращеннымъ воображеніемъ избѣгаетъ самаго невиннаго двусмыслія или двусмысленнаго сближенія, даже слова; напротивъ, человѣкъ честный смѣло высказываетъ тѣ слова, которыя вѣрнѣе выражаютъ его мысль, и

не заботится о кривомъ толкованіи ихъ. Такъ и въ поступкахъ. Нравственный іезуитъ никогда не сдѣлаетъ публично того, что могутъ перетолковать въ ущербъ его наружной чистотѣ; человѣкъ прямодушный, напротивъ, и не вспомнитъ о томъ, чтò скажутъ другіе о его поступкѣ, когда онъ дѣйствуетъ по чистому побужденію. И неужели братъ мой, столь проницательный въ дѣлахъ ума, долженъ былъ удержаться отъ желанія сказать правду о сочиненіи Карамзина, если бы даже предвидѣлъ, что это перетолкуютъ какъ дурной поступокъ? Но такіе разсчеты никогда не были побужденіями для его поступковъ. Побужденіе его было просто — высказать грубоко-прочувствованную правду, а для человѣка прямодушнаго это почти необходимо, когда мнѣніе его, какъ онъ полагаетъ, можетъ исправить ложное мнѣніе, сложившееся о данномъ предметѣ. Я увѣренъ, что каждый честный человѣкъ испытывалъ отрадное чувствованіе, когда высказывалъ лежавшую на душѣ его правду. Это для него обязанность, почти упоительная, усладительная при исполненіи, и уклониться отъ нея не заставятъ его никакія, даже предвидимыя имъ противорѣчія людей пристрастныхъ.

Я тѣмъ больше обязанъ въ этомъ случаѣ оправдывать моего брата, что самъ много разъ дѣйствовалъ такъ же безразсчетно, или неосторожно по мнѣнію свѣта. Лучшіе изъ моихъ друзей, очень недавно, обвиняли меня, что я напалъ на Бѣлинскаго, въ то самое время, когда во всѣхъ газетахъ провозглашали его геніемъ, великимъ человѣкомъ, двигателемъ цѣлыхъ поколѣній. «Какая надобность, и какая польза была тебѣ возстановлять противъ себя всѣхъ? Тебя только заругали, и ты много потерялъ въ мнѣніи большинства, не говоря уже о потерѣ и другихъ, существенныхъ выгодъ». Что жъ дѣлать! слишкомъ тридцать пять лѣтъ дѣйствовалъ я на литературномъ поприщѣ, всегда имѣя въ виду истину и общую пользу, и не думая о своихъ личныхъ выгодахъ, когда шло дѣло объ опроверженіи ложныхъ ученій и корыстныхъ похвалъ идоламъ толпы. Надѣюсь остаться до смерти неисправимымъ въ этомъ отношеніи, и утѣшаю себя мыслію, что мое мнѣніе о Бѣлинскомъ восторжествуетъ окончательно надъ безумными или лицемѣрными хвалами ему. И теперь уже начинаютъ образумливаться на счетъ его; начинаютъ въ журналахъ высказывать, что онъ не былъ благодѣтельный геній, и робко указываютъ на его недостатки. Придетъ время, что подтвердятъ вполнѣ мое мнѣніе и перестанутъ приписывать ему то, чего въ немъ не было. Разъ высказанная правда не умираетъ. Какъ согласились впослѣдствіи съ мнѣніемъ моего брата объ историческомъ трудѣ Карамзина, такъ согласятся со мною въ мнѣніи о Бѣлинскомъ, о которомъ придется мнѣ говорить еще и въ этихъ запискахъ. «Да вѣдь онъ не былъ твоимъ врагомъ?»—говорятъ мнѣ мои пріятели.—«Онъ отзывался о твоихъ сочиненіяхъ такъ лестно, какъ о немногихъ

другихъ; гдѣ же поводъ противорѣчить хотя бы и преувеличеннымъ похваламъ ему»? Какъ согласить такое убѣжденіе съ моимъ, которое говоритъ мнѣ, что я тѣмъ больше въ правѣ говорить о немъ безпристрастно, что при жизни его никогда не имѣлъ повода ссориться съ нимъ, и за печатныя хвалы его не могу питать непріязни къ его памяти. Я уважалъ въ немъ честнаго, хотя иногда сумасшедшаго, больнаго человѣка, и очень хорошо оцѣниваю литературныя его достоинства, также, какъ недостатки. Словомъ, я потому могу и долженъ писать о немъ, что могу писать безпристрастно.

Переходя отъ общественной и литературной жизни Николая Алексѣевича къ его жизни домашней, я долженъ сказать, что онъ былъ самый гостепріимный, самый радушный хозяинъ и особенно любилъ ласкать, кормить и всячески ободрять молодыхъ людей, которые ему нравились, или въ которыхъ онъ видѣлъ какія нибудь дарованія или добрыя стремленія. Нѣсколькихъ молодыхъ людей воспитывалъ братъ мой на свой счетъ; могу даже назвать двоихъ изъ нихъ, потому что они уже оба умерли: это были дѣти Акима Алексѣевича Титова, нѣкогда воспитанника моего отца. Я упоминалъ о Титовѣ при описаніи нашихъ дѣтскихъ лѣтъ; а о двухъ сыновьяхъ его, воспитывавшихся на счетъ моего брата, можно навести справки въ архивѣ московской коммерческой академіи, куда братъ мой платилъ за нихъ деньги. Другихъ пансіонеровъ его не называю, сохраняя понятную скромность въ отношеніи къ здравствующимъ въ семъ свѣтѣ. Могу замѣтить, наконецъ, что составился бы порядочный капиталъ изъ тѣхъ денегъ, которыя братъ мой давалъ въ займы (безъ отдачи!) своимъ знакомымъ десятками и даже сотнями рублей, и, разумѣется, почти никогда не получалъ обратно. Въ бумагахъ его сохранились до сихъ поръ, хотя не многія росписки, которыхъ онъ никогда не требовалъ; но заемщики— великолѣпныя и донынѣ здравствующія лица!—говорили: «нѣтъ, нѣтъ, для порядку это необходимо!» Я бывалъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, и росписки остаются только доказательствомъ, что деньги по нимъ никогда не были выплачены. Безъ доказательствъ, можетъ быть, стали бы противорѣчить моимъ словамъ клеветники моего брата, печатно укорявшіе его въ корыстолюбіи и, по волѣ Провидѣнія, пережившіе своего врага. Н. А. Полевой—корыстолюбецъ! Это такъ нелѣпо для людей, хорошо знавшихъ его, что даже не стоитъ опроверженія. Потому-то я и привожу здѣсь для изображенія его событія: они краснорѣчивѣе всякихъ сужденій показываютъ, что онъ былъ великодушенъ, готовъ на услугу всякому и часто съ забвеніемъ собственныхъ своихъ выгодъ. Въ свѣтѣ называютъ такихъ людей безразсчетными.

Кто зналъ моего брата, какъ я, тотъ признаетъ во многихъ дѣйствіяхъ его недостатокъ, противоположный корыстолюбію—без-

корыстіе, иногда доходившее до безразсудства, безкорыстіе не святаго безсребренника, а простофили, или человѣка, до такой степени щекотливаго въ денежныхъ интересахъ, что, казалось, иногда онъ дѣйствуетъ во вредъ себѣ изъ какого-то пустаго самолюбія или чванства, неумѣстнаго и виновнаго въ томъ отношеніи, что это подрывало благосостояніе и спокойствіе всего его семейства. Я опишу одинъ случай такого рода, любопытный и какъ литературное событіе.

Братъ мой, бывши членомъ комитета о пересмотрѣ проекта вексельнаго устава, сблизился съ Д. Н. Бѣгичевымъ, который также былъ членомъ того же комитета, служилъ когда-то въ военной службѣ и, вышедши въ отставку полковникомъ, уже много лѣтъ жилъ на отдыхѣ, блаженствуя лѣтомъ въ деревнѣ, а зимою въ Москвѣ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ изъ русскихъ дворянъ, которыхъ типъ изобразилъ Грибоѣдовъ въ своемъ Платонѣ Михайловичѣ. Я слышалъ даже, что въ Платонѣ Михайловичѣ Грибоѣдовъ представилъ Д. Н. Бѣгичева, съ которымъ, а еще больше съ братомъ его Степаномъ Никитичемъ, онъ оставался въ большой дружбѣ до самой своей смерти. Дмитрій Никитичъ, отличавшійся необыкновеннымъ добродушіемъ въ обхожденіи, казалось, долженъ былъ навсегда остаться добрымъ московскимъ семьяниномъ, когда положеніе его вдругъ перемѣнилось. Сослуживецъ и пріятель его въ старыя времена, Арсеній Андреевичъ Закревскій, уже графъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не знаю по какому побужденію предложилъ Д. Н. Бѣгичеву занять мѣсто губернатора въ одной изъ русскихъ губерній. Такъ говорилъ намъ объ этомъ самъ Бѣгичевъ; но вѣроятнѣе, что онъ, во имя старой пріязни, просилъ графа Закревскаго о хорошемъ мѣстечкѣ, и тотъ истинно попріятельски исполнилъ его просьбу: изъ полковниковъ въ отставкѣ, Бѣгичевъ былъ переименованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ губернаторомъ Воронежской губерніи. Сбираясь къ отъѣзду туда, въ новомъ своемъ санѣ, Бѣгичевъ нѣсколько разъ заѣзжалъ къ брату моему, изъявляя ему самую искреннюю пріязнь и даже совѣтуясь кое-о-чемъ. Помню, что Николай Алексѣевичъ не разъ говорилъ мнѣ, покачивая головой: «Не знаю, какъ этотъ добрякъ справится съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ управленіемъ, какъ губернаторское!» Онъ ошибался: добрякъ справился съ управленіемъ, и даже возвысился на губернаторскомъ мѣстѣ! Но рѣчь не о томъ, а объ отношеніяхъ его къ брату моему, за которымъ онъ ухаживалъ въ это время чрезвычайно; вскорѣ объяснилось—съ какою цѣлью. Уже послѣ большаго прощальнаго обѣда, оживленнаго веселостью и говорливостью любезнѣйшаго изъ собесѣдниковъ, Дениса Давыдова, чуть ли не наканунѣ своего отъѣзда въ Воронежъ, Бѣгичевъ еще заѣхалъ къ Николаю Алексѣевичу, сидѣлъ у него долго, и между искренними разговорами робко сознался,

что онъ—авторъ, что у него, между прочимъ, оконченъ большой романъ, взятый изъ современныхъ событій и изображающій извѣстныя всей Россіи лица, но что онъ не смѣетъ издать его безъ одобренія знатока въ литературѣ; потому проситъ Николая Алексѣевича просмотрѣть его рукопись и, если онъ найдетъ ее достойною издать, предоставляетъ ему полное право исправлять и измѣнять ее, какъ онъ признаетъ за лучшее. Отказаться было нельзя, и на другой же день братъ мой получилъ цѣлую кипу мелкоисписанной бумаги: это была рукопись Семейства Холмскихъ. Кажется, даже онъ не успѣлъ послѣ этого свидѣться съ новымъ неожиданнымъ авторомъ, который какъ будто остерегался личнаго объясненія о своей рукописи. Кому случалось заниматься пересмотромъ плохихъ рукописей, тотъ знаетъ, какая это скучная и утомительная работа.

Трудно было даже прочитать до конца груду бумаги, присланной Бѣгичевымъ. Однако, братъ мой, при своей способности оцѣнивать всякія литературныя произведенія, одолѣлъ трудъ и нашелъ, что сочиненіе Бѣгичева, написанное безграмотно и безъ всякаго искусства, заключаетъ въ себѣ многія любопытныя картины и подробности, взятыя съ натуры, что анекдоты объ извѣстныхъ лицахъ и разныя ихъ продѣлки понравятся нашей публикѣ, жадной ко всякимъ общественнымъ сплетнямъ (за неимѣніемъ лучшаго), и что книга можетъ имѣть успѣхъ, если напечатать ее въ приличномъ видѣ. Въ этой предварительной оцѣнкѣ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Бѣгичевъ, въ дружескихъ письмахъ къ моему брату, уже спрашивалъ объ участи своей рукописи. Тотъ отвѣчалъ ему, наконецъ, что находитъ ее любопытною и достойною напечатанія, но не иначе какъ съ большими измѣненіями. Несамолюбивый авторъ обрадовался и просилъ его принять на себя трудъ пересмотра и изданія, снова уполномочивая дѣйствовать во всемъ этомъ по усмотрѣнію. Братъ мой взялся исполнить порученіе его, по своему обыкновенію, безъ дальнихъ соображеній; но, развлекаемый множествомъ собственныхъ своихъ занятій, могъ посвящать новому, скучному труду лишь немногіе часы, отрывая ихъ отъ трудовъ болѣе важныхъ. Работа была прескучная, преутомительная: оказывалось необходимымъ испещрять каждую страницу граматическими поправками, а многія страницы, наполненныя нелѣпостей и безвкусія, вовсе исключать, замѣняя чѣмъ нибудь новымъ связь въ разсказѣ. Иногда братъ призывалъ на помощь меня, и я перечертилъ и исправилъ многія тетради безконечной рукописи Бѣгичева. Разумѣется, что все это не могло идти скоро: скука и тоска занятія иногда надолго отвращали отъ него. Между тѣмъ братъ мой напечаталъ въ своемъ журналѣ нѣсколько отрывковъ изъ романа неизвѣстнаго автора (это было строжайшимъ условіемъ), и они обратили на себя вниманіе, какъ снимки съ натуры и съ извѣстныхъ

оригиналовъ. Особенно понравились разсказы объ одномъ генералъ-губернаторѣ и объ одномъ предводителѣ дворянства, которыхъ по именамъ называли московскіе Репетиловы. Книгопродавецъ Ширяевъ, поощренный говоромъ о новой книгѣ, предложилъ Николаю Алексѣевичу напечатать ее на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы все изданіе было отдано ему на коммиссію. Такъ она и была напечатана, когда, наконецъ, пересмотрѣна была вся рукопись, послѣ тяжкаго утомленія и скуки для моего брата, который еще и въ корректурѣ исправлялъ драгоцѣнную рукопись Бѣгичева. Но она явилась въ свѣтъ въ благоприличномъ видѣ, съ легкимъ языкомъ, предшествуемая молвою, и удостоилась успѣха неожиданнаго. Первое изданіе было вскорѣ распродано, и Ширяевъ купилъ право на второе, уже за нѣсколько тысячъ рублей. Кажется, и третье изданіе проходило черезъ руки Николая Алексѣевича; но, такъ или иначе, онъ выручилъ для Бѣгичева чистаго барыша тысячъ двадцать рублей и, чтò было еще важнѣе, составилъ ему литературное имя, потому что инкогнито, разумѣется, сохранилось недолго: всѣ знали, что Семейство Холмскихъ сочинилъ воронежскій губернаторъ Д. Н. Бѣгичевъ.

Позволяю себѣ спросить читателя: имѣлъ ли право Н. А. Полевой получить за свой тяжелый трудъ, за потерянное на него время и за искусство, съ какимъ онъ далъ ходъ книгѣ, созданной имъ изъ грубыхъ матеріаловъ,—имѣлъ ли онъ право получить вознагражденіе и даже требовать его? Кажется, тутъ не можетъ быть разногласнаго отвѣта. Всякій трудъ требуетъ вознагражденія, а благосклонная услуга, доставившая много тысячъ рублей, обязываетъ того, кому она оказана, подѣлиться пріобрѣтенною выгодою. Но братъ мой и Бѣгичевъ, каждый съ своей стороны, поступили иначе. Бѣгичевъ, конечно, и не мечталъ получить денежную выгоду, ласкаясь только пріобрѣсти какую нибудь авторскую извѣстность; но когда онъ увидѣлъ неожиданно, какъ упавшую, съ неба, груду денегъ, тѣмъ больше, казалось бы, долженъ былъ предложить хоть половину ея тому, кто доставилъ ему, своимъ трудомъ и пособіемъ, неожиданное и очень пріятное пріобрѣтеніе. Онъ не заикнулся о томъ, ограничиваясь тысячью благодарностей въ письмахъ къ моему брату; а этотъ, вмѣсто того, чтобы просто требовать справедливаго вознагражденія за трудъ и за услугу, доставившіе не одну денежную выгоду безсовѣстному его пріятелю,—и не заикнулся написать ему о томъ.

Я не вмѣшивался въ его разсчеты съ Бѣгичевымъ, потому что въ это время я и братъ жили уже въ разныхъ домахъ, видѣлись не каждый день, и послѣ многихъ споровъ о его безразсчетности, уговорились вести вмѣстѣ только дѣла по изданію журнала. Самъ сдѣлавшись семьяниномъ, я не могъ, какъ было впродолженіе многихъ лѣтъ, безочетно предоставлять ему свою будущность, и былъ бы

благоразуменъ, если бы никогда не отступалъ отъ этой рѣшимости.

Бѣгичевъ, еще оставаясь воронежскимъ губернаторомъ, проѣзжалъ черезъ Москву въ Петербургъ и видѣлся съ моимъ братомъ. Послѣ этого свиданія Николай Алексѣевичъ съ огорченіемъ пересказалъ мнѣ свои отношенія къ автору Семейства Холмскихъ. Изъ вырученныхъ за его книгу денегъ онъ не доплатилъ ему четыре или пять тысячъ рублей, и вмѣсто того, чтобы потребовать вознагражденія за свой трудъ, просилъ его подождать полученія остальныхъ денегъ, надѣясь, какъ говорилъ братъ мой, что тотъ самъ предложитъ ему хоть часть пріобрѣтенной его же трудомъ суммы, въ знакъ своей благодарности. Напротивъ, Бѣгичевъ задумался, и потомъ очень равнодушно сказалъ: «Ну, что же, въ остальной суммѣ вы дадите мнѣ заемное письмо, пожалуй, хоть на годъ. Я не имѣю надобности въ деньгахъ». Если бы онъ сказалъ это брату моему при мнѣ, я не удержался бы обличить и упрекнуть неблагодарнаго корыстолюбца. Но братъ мой безспорно согласился, и выдалъ ему заемное письмо на себя. Выслушавши эту исторію, я напалъ на моего брата, обвиняя его въ неумѣстномъ потворствѣ корыстолюбивой безсовѣстности, и еще больше въ томъ, что онъ представилъ себя какъ бы виноватымъ въ задержкѣ чужихъ денегъ. Но дѣло было сдѣлано, и оставалось подвергнуться послѣдствіямъ его, а они оказались очень не сладки и для брата моего, и для меня. Чтобы не возвращаться къ этой грустной исторіи, я доскажу ее здѣсь, нарушая хронологическій порядокъ моего разсказа. Братъ мой, нуждаясь въ деньгахъ, не могъ заплатить въ срокъ по заемному письму Бѣгичева, и тотъ, проѣзжая въ Петербургъ на службу, гдѣ получилъ онъ высшее мѣсто, благосклонно согласился переписать письмо, съ прибавленіемъ къ суммѣ процентовъ за все протекшее время и за будущее до новаго срока. Проценты назначилъ онъ не банковскіе, а ростовщическіе, отчего сумма вдругъ возросла невѣроятно. Такъ переписывалось заемное письмо нѣсколько разъ, и въ 1842 или 1843 году долгъ моего брата Бѣгичеву возвысился отъ процентовъ до десяти тысячъ рублей. Заплатить его, послѣ прекращенія «Московскаго Телеграфа» въ 1834 году, не было никакой возможности. Между тѣмъ, Николай Алексѣевичъ переселился въ Петербургъ, и уже былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ Бѣгичевымъ, который не оказывалъ ему прежней дружбы, обходился съ нимъ, наконецъ, какъ непріятель, и когда, зимою 1842—1843 года пришелъ новый срокъ по заемному письму, онъ представилъ его ко взысканію въ полицію, то есть готовился посадить моего брата въ тюрьму, ибо зналъ, что у него нѣтъ для платежа денегъ. Видя себя въ такомъ отчаянномъ положеніи, Николай Алексѣевичъ экстренно написалъ ко мнѣ, чтобы я взялся немедленно заплатить за него Бѣгичеву 5,000 рублей ассигнаціями, и при-

слалъ бы увѣдомительное письмо о томъ; что въ такомъ случаѣ Бѣгичевъ перешлетъ въ Москву своему повѣренному два заемныя письма, для полученія по нимъ означенной суммы, а остальной долгъ соглашается отсрочить. Я имѣлъ тогда въ Москвѣ книжную торговлю, и съ насиліемъ себѣ могъ исполнить просьбу моего брата. Долженъ ли былъ я исполнить ее, или оставить его на жертву безсовѣстному ростовщику? Въ надеждѣ на помощь Божью, я немедленно отвѣчалъ моему брату, что заплачу 5,000 рублей, и чтобы онъ только обезопасилъ себя отъ новыхъ притѣсненій добряка. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого явился ко мнѣ повѣренный Бѣгичева, г. Наумовъ, кажется, бывшій оберъ-секретаремъ въ сенатѣ, и предъявилъ два заемныя письма, каждое въ 2,500 рублей ассигнаціями, данныя Н. А. Полевымъ его довѣрителю, протестованныя по неплатежу въ срокъ. Отдавая г. Наумову деньги, я спросилъ его: «Знаете ли вы, за что получаетъ ихъ Бѣгичевъ?»—«За Холмскихъ»,—отвѣчалъ онъ.—«Нѣтъ, стало быть, вы не знаете, что это, просто, грабежъ, а поводомъ къ нему была глупая деликатность моего брата». Можетъ быть, я выражался еще сильнѣе, и пересказалъ г. Наумову всю исторію сношеній моего брата съ Бѣгичевымъ. Онъ безстрастно слушалъ и наконецъ провозгласилъ обыкновенную въ такихъ случаяхъ отговорку: «Все это до меня не касается: я не больше, какъ довѣренное лицо Бѣгичева».—«Справедливо,—возразилъ я:—но вмѣстѣ съ тѣмъ вы членъ общества, а я желаю, чтобы всѣ знали истину въ этомъ дѣлѣ, которому постараюсь придать всевозможную гласность». Слова мои, повидимому, не произвели никакого дѣйствія на г. Наумова; но я съ тою же цѣлію, съ какою пересказалъ ему исторію поступка Бѣгичева съ моимъ братомъ, передаю ее здѣсь, въ книгѣ, посвященной изображенію Н. А. Полеваго въ истинномъ его видѣ. Онъ дѣйствовалъ въ описанномъ мною случаѣ легкомысленно, безразсудно, не договорившись напередъ въ платежѣ за свой трудъ и рѣшившись отдать дорогое для него время за ласковыя слова чуждаго ему человѣка. Какъ глава многочисленнаго семейства, онъ даже не имѣлъ права дѣйствовать такимъ образомъ, въ ущербъ и отягощеніе своимъ роднымъ. Но его оправдываютъ многія обстоятельства. Согласившись на просьбу Бѣгичева, онъ не зналъ, что̀ тотъ пришлетъ ему, и, вѣроятно, полагалъ, что все это кончится ничѣмъ. Добросовѣстно рѣшившись извлечь нѣсколько хорошихъ зеренъ изъ груды сору, то есть не желая бросить и малой доли хорошаго или полезнаго для литературы, онъ, конечно, не предполагалъ, какъ это будетъ ему тяжело и трудно; наконецъ, уже кончивши трудъ, онъ, можетъ быть, не предполагалъ, что книга доставитъ огромныя выгоды, и разсчитывалъ, что барышъ можно подѣлить всегда, думая за Бѣгичева, какъ думалъ самъ. Почитая его человѣкомъ добрымъ и благороднымъ, Николай Алексѣевичъ

несомнѣнно былъ увѣренъ, что тотъ предложитъ ему самъ приличное вознагражденіе, когда увидитъ, какія выгоды доставили ему труды и заботы человѣка чужаго, дружески посвятившаго ему много труда и своего дарованія, потому что, конечно, Семейство Холмскихъ не имѣло бы успѣха, если бы братъ мой не придалъ ему литературнаго достоинства. Не знаю, кто передѣлывалъ Бѣгичеву слѣдовавшія за Холмскими разныя его сочиненія (потому что самъ онъ худо зналъ грамоту), только они не обращали на себя ничьего вниманія, были пусты, безцвѣтны. Все это оправдываетъ брата моего въ томъ, что онъ не сдѣлалъ предварительнаго договора съ Бѣгичевымъ за свой трудъ, и ошибка его сводится къ тому, что онъ неосновательно полагался на благородство того, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Но когда, при разсчетѣ въ Москвѣ, онъ увидѣлъ безсовѣстность этого человѣка, тогда уже глупо было церемониться съ нимъ и деликатничать съ нимъ, надѣвая себѣ петлю на шею. Тогда онъ могъ бы сказать ему: «Четыре (или пять) тысячъ остальныя удерживаю себѣ за трудъ». Онъ могъ бы потребовать больше, но никакъ не долженъ былъ поддаваться безсовѣстному корыстолюбцу и признавать себя должникомъ его. Если бы тотъ заспорилъ, заупрямился, братъ мой могъ бы предложить ему третейскій судъ, или просто предоставить дѣло рѣшенію обыкновеннаго, гражданскаго суда, даже для того, чтобы огласить свою правоту и выставить добряка въ настоящемъ его видѣ. Не сдѣлавши этого, онъ далъ поводъ, можетъ быть, даже говорить о себѣ какъ о человѣкѣ ненадежномъ, который задержалъ чужія деньги. Наконецъ, онъ подвергъ себя гнету растовщика, угрозѣ тюрьмой, и способствовалъ общему нашему разоренію.

Одного описаннаго мною случая достаточно для доказательства, что Н. А. Полевой былъ даже неспособенъ къ корыстолюбію, потому именно, что онъ былъ человѣкъ возвышенный духомъ, какъ показываетъ вся жизнь его, а такіе люди неспособны къ низкимъ страстямъ. Такіе люди увлекаются иными стремленіями. Братъ мой, какъ человѣкъ, имѣлъ много недостатковъ, происходившихъ отъ пылкости, отъ вѣтренности, отъ слабости характера; но душа его осталась чиста и благородна при всѣхъ испытаніяхъ, до послѣдняго дыханія жизни. Свѣтъ могъ признать его неосторожнымъ, самолюбивымъ, но никогда не имѣлъ права подозрѣвать въ какой бы то ни было низости. Доказательства этого будутъ еще встрѣчаться намъ много разъ.

VI.

Многосторонность и разнообразіе литературнаго таланта Николая Алексѣевича.— Его стихи, повѣсти и романы.—Обличительныя статьи «Московскаго Телеграфа» и вызванныя ими непріятности.—Возростающая вражда между Н. А. Полевымъ и Пушкинымъ.—Нападки Николая Алексѣевича на «Посланіе къ вельможѣ» и другія стихотворенія Пушкина.—Пушкинъ и А. А. Орловъ.—Письма Пушкина къ Орлову.—Справедливое негодованіе Николая Алексѣевича на неискренность Пушкина.—Начало непріязни къ С. С. Уварову.—Размолвка и примиреніе съ И. В. Кирѣевскимъ.—Нападки на Н. А. Полеваго со стороны «Денницы» Максимовича.—Литературная Газета и ея киваніе на «Московскій Телеграфъ».— Грубыя выходки Надеждина противъ «Московскаго Телеграфа».—Общія усилія враговъ этого журнала сводятся къ тому, чтобы добиться его запрещенія.

Указавъ въ прошлой главѣ на тѣ поводы, которые увлекали моего брата къ выполненію его завѣтной исторической задачи, я долженъ теперь хотя мелькомъ упомянуть и объ остальныхъ его литературныхъ занятіяхъ.

Литературное дарованіе моего брата было чрезвычайно разнообразно и способно проявляться почти во всѣхъ видахъ. Онъ писалъ въ прозѣ и въ стихахъ съ равною легкостью, почти импровизировалъ, и отъ безпрерывнаго упражненія эта способность восходила у него до изумительной степени. Безъ приготовленія переходилъ онъ отъ важнаго къ шутливому, отъ труднаго, умственнаго занятія къ такому, которое было для него отдыхомъ. Въ примѣръ приведу слѣдующій случай. Въ 1830 и 1831 годахъ, жила въ одномъ съ нами домѣ родственница Николая Алексѣевича по женѣ, молодая, хорошенькая вдова, веселая, милая хохотунья, которую въ домашнемъ кругу называли Аннета. Ежедневная собесѣдница наша, она умѣла развеселять моего брата, и онъ почти всегда шутилъ и смѣялся съ нею. Однажды, шутя, онъ вызвался изобразить ее въ поэмѣ; она привязалась къ слову и требовала, чтобы онъ исполнилъ его, прибавляя, что онъ не сдержитъ слова, даже потому, что у него никогда нѣтъ минуты досуга.

— Для васъ я найду его, милая Аннета! — возразилъ онъ. — Я попрошу жену, чтобы она приказала подавать ужинать получасомъ позже обыкновеннаго, и эти полчаса буду посвящать поэмѣ, которая такимъ образомъ напишется незамѣтно.

Дѣйствительно, вмѣсто 10 часовъ, стали подавать ужинать въ $10^1/_2$ часовъ, и Николай Алексѣевичъ всякій вечеръ приносилъ нѣсколько десятковъ стиховъ поэмы Аннета. Подъ этимъ заглавіемъ, въ формѣ шутливой поэмы, раздѣленной на строфы, какъ Онѣгинъ, онъ изображалъ милую свою родственницу, разные случаи изъ ея жизни, и особенно лица, бывшія предметомъ ея шутокъ. Эта бездѣлка не имѣетъ никакого значенія для публики и

не можетъ быть даже понятна для тѣхъ, кто не знаетъ подробностей тогдашней нашей семейной жизни, но она, тѣмъ не менѣе, изображала дѣйствительность, и такъ вѣрно, остроумно, весело, что нельзя было не смѣяться и вмѣстѣ не дивиться искусству автора. Стихи его были хороши, легки, оригинальны; такъ что, будь только иное содержаніе въ этой шуткѣ, она бы составила извѣстность иному поэту! А между тѣмъ, она была писана урывками, наскоро, труженикомъ, утомленнымъ занятіями цѣлаго дня.

Но такая способность писать служитъ вѣрнымъ признакомъ дарованія не глубокаго и творчества не возвышеннаго. Истинный поэтъ долго обдумываетъ то, что стремится выразить душа его, долго лелѣетъ свои идеи и никогда не согласится издать свое твореніе безъ тщательной обработки. Онъ никогда не бываетъ вполнѣ доволенъ своими произведеніями, и оттого-то дѣлится ими скупо. Совершенно иное явленіе представлялъ Н. А. Полевой. При необычайной своей способности писать обо всемъ и на всѣ тэмы, онъ не умѣлъ, не былъ способенъ создавать и обдумывать долго, писалъ быстро, и тотчасъ передавалъ общему суду все, что писалъ. Оттого сочиненія его носятъ на себѣ печать какой-то поспѣшности и, можно сказать, незрѣлости, хотя вездѣ видны въ нихъ умъ, чувство, душа. Таковы его повѣсти, которыя писалъ онъ и печаталъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» въ 1832—1833 годахъ. Только двѣ или три изъ нихъ отличаются глубиною чувствованій и многими поэтическими мѣстами; но этому была особенная причина. Желая представить изображаемаго мною человѣка вполнѣ, я не могу умолчать, что впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ страдалъ сердцемъ, любилъ—кого? Я не могу сказать, хотя бы могъ назвать двухъ, даже трехъ особъ, въ которыхъ онъ видѣлъ какой-то идеалъ, и попеременно казался безумно-страдающимъ то по одной, то по другой. Любовь эта была безнадежная и чисто-платоническая; притомъ онъ не переставалъ любить и уважать свою добрую жену. Такое противорѣчіе сердца не могло не мучить его, и онъ иногда впадалъ въ сильное уныніе, иногда переселялся въ мечтательный міръ. Но всякое сильное, истинное чувство можетъ быть выражено такъ, что произведетъ впечатлѣніе въ читателѣ и даже поразитъ его, именно потому, что оно истинно. Въ часы глубокой тоски выражая свои ощущенія, «бездну души», какъ сказалъ онъ гдѣ-то, Николай Алексѣевичъ написалъ нѣсколько повѣстей, которыя производятъ сильное впечатлѣніе на читателя не предубѣжденнаго. Таковы: Блаженство безумія, Эмма и особенно Живописецъ,—лучшее изъ его произведеній въ этомъ родѣ. Главное лицо въ немъ, Аркадій, изображено съ такою силою, такъ истинно представляетъ характеръ человѣка съ высокой душею, что на русскомъ языкѣ едва ли есть что либо равное ему. Многія мѣста и сближенія въ этой повѣсти также превосходны. Укажу, для примѣра, на чувствованія Аркадія, когда

ему объясняютъ, что значитъ заработывать хлѣбъ; на старика отца его, когда онъ получилъ картину сына; но такихъ мѣстъ множество въ Живописцѣ, и вообще весь этотъ разсказъ одушевленъ какимъ-то благородствомъ, возвышенностью, которыя приносятъ отраду душѣ. Только грубое пристрастіе или невниманіе современной критики, не отличили этого произведенія среди множества тогдашнихъ повѣстей и романовъ. Люди съ душой, съ изощреннымъ вкусомъ, справедливо удивлялись разнообразію дарованій моего брата, и даровитый, благородный современникъ его, А. Бестужевъ, выразилъ это въ письмахъ своихъ къ нему, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года. Я увѣренъ, что исторія русской литературы современемъ упомянетъ о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Н. А. Полеваго, какъ о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ въ этомъ родѣ. Позднѣйшія повѣсти его ничтожны и, большею частію, были писаны по заказу. Таковы же и романы его: Аббаддонна, Синіе и Зеленые. Въ Клятвѣ при гробѣ Господнемъ жизнь старой Руси, которую авторъ зналъ такъ хорошо, изображена съ поразительной истиною; но въ общности романа нѣтъ поэтическаго созданія, и оттого онъ тяжелъ для чтенія.

Я не принимаю на себя обязанностей критика, говоря о поэтическихъ сочиненіяхъ моего брата; но, какъ историкъ его жизни, не могу не сказать, что въ нихъ есть многое, что дастъ ему право стать выше нѣкоторыхъ прославленныхъ романистовъ, современниковъ его. Я убѣжденъ, по крайней мѣрѣ, что исторія подтвердитъ это мнѣніе.

Но не въ этомъ родѣ сочиненій была его сила и его главная услуга русскому просвѣщенію. Онъ былъ двигатель, вчинатель почти во всемъ, за что принимался съ полнымъ увлеченіемъ своей пламенной души; но онъ не былъ ни поэтъ, ни писатель первостепенный. Вспоминаю, что одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, удостоивавшій меня искренней пріязни (упоминаю объ этомъ съ нѣкоторою гордостью), сказалъ мнѣ однажды, разсуждая о моемъ братѣ: «У него дарованіе рѣдкое и огромное; только онъ размѣнялъ его на мелочь, и распускаетъ по бѣлу свѣту въ видѣ малой монеты». Я нисколько не согласенъ съ этимъ, и остаюсь при своемъ убѣжденіи, что Н. А. Полевой не могъ быть ничѣмъ иныиъ, кромѣ того, чѣмъ былъ, не могъ дѣйствовать иначе, нежели дѣйствовалъ: такова была его природа, и въ разнообразіи, въ непостоянствѣ занятій было настоящее его назначеніе. Очень возможно, что онъ сдѣлалъ бы больше, нежели удалось сдѣлать ему, если бы враждебныя обстоятельства вдругъ не прекратили его дѣятельности въ самый разгаръ ея и не нанесли ему такого удара, отъ котораго онъ не могъ оправиться до самой ранновременной своей смерти. Но и прежде, и послѣ существованія своего журнала, онъ одинаково стре-

мился быть начинателемъ на всѣхъ путяхъ, гдѣ видѣлъ застой, сонъ, лѣнь, и гдѣ можно было двинуть впередъ какой либо предметъ общей пользы. Это заставляло его, какъ я уже упоминалъ, часто принимать на себя участіе въ дѣлахъ разныхъ комитетовъ, коммерческой академіи, мануфактурнаго совѣта, и даже не отказываться отъ услугъ всякому, кто имѣлъ въ нихъ нужду. Я показалъ, какъ дорого обошлась ему услуга, оказанная Бѣгичеву; но побужденіемъ къ ней было доставить русской публикѣ хорошую книгу, особенно важную потому, что она была обличительною для многихъ лицъ. Теперь это легко; но тогда надобно было большое искусство, чтобы придать форму такому разсказу, гдѣ изображались злоупотребленія современнаго общества и нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ. Братъ мой не пропускалъ случаевъ къ обличенію не только мелкихъ, но и крупныхъ злоупотребленій, срывалъ маску не съ однихъ мелкихъ негодяевъ, злоупотребителей всякаго рода, но и съ такихъ лицъ, которыя, по своему положенію въ обществѣ, могли мстить ему. Онъ открылъ въ своемъ журналѣ даже особый отдѣлъ обличительныхъ статей, издававшійся при «Московскомъ Телеграфѣ» подъ заглавіемъ «Новаго Живописца», и заглавіе это было дано по тому поводу, что знаменитый Новиковъ, въ блестящее время своей дѣятельности, издавалъ очень остроумный обличительный журналъ Живописецъ. Въ Новомъ Живописцѣ напечатано много смѣлыхъ статей, гдѣ обличались современныя злоупотребленія, глупости, или извѣстныя лица, достойныя посмѣянія за свои подвиги. Нѣкоторые портреты были такъ вѣрны, что въ нихъ публика узнавала изображенныя лица, а иногда и сами эти лица узнавали себя. Нечего прибавлять, что такой образъ дѣйствій надѣлалъ много враговъ Николаю Алексѣевичу и не обходился безъ непріятностей, иногда довольно серьезныхъ. Я разскажу здѣсь одинъ случай такого рода, неважный и окончившійся очень смѣшно. Въ Новомъ Живописцѣ напечатано было изображеніе знаменитаго и богатаго барина, дряхлаго старика, но притомъ сибарита и отвратительнаго сластолюбца. Въ числѣ разныхъ подробностей, при описаніи этого лица, были названы двѣ любимыя его собаки. Надобно же было такъ случиться, что у одного московскаго вельможи, знатнаго барина и богача, были двѣ собаки, называвшіяся тѣми самыми именами, какія упомянуты въ Новомъ Живописцѣ; еще удивительнѣе, что этотъ баринъ, и своею жизнію, и дряхлостію, и своимъ гаремомъ извѣстный всей Москвѣ, представлялъ разительное сходство съ портретомъ отвратительнаго сибарита, изображеннаго въ Новомъ Живописцѣ! Вѣроятно, кто нибудь намекнулъ ему о томъ, и уязвленный вельможа имѣлъ неосторожность пожаловаться на издателя «Московскаго Телеграфа» князю Д. В. Голицыну, военному генералъ-губернатору. Князь не могъ отказать ему въ просьбѣ погонять дерзкаго журналиста,

пригласилъ Николая Алексѣевича и началъ серьезно выговаривать ему за дерзости, которыя онъ позволяетъ себѣ писать противъ извѣстныхъ лицъ. Братъ мой отвѣчалъ, что не понимаетъ, кого могъ онъ обидѣть статьями Новаго Живописца, гдѣ изображаются пороки и недостатки человѣческіе, и просилъ объяснить, какую именно статью его можно признать личностью противъ кого бы то ни было. Тогда, князь, послѣ нѣсколькихъ обиняковъ, сказалъ ему: «Да вотъ, напримѣръ, въ одной статьѣ вы изображаете вельможу, развратнаго старика, и вокругъ него двѣ собаки; а собаки съ такими именами находятся у знатнѣйшаго въ Москвѣ вельможи, заслуженнаго старца; и теперь въ обществѣ толкуютъ, что вы изобразили его». Братъ мой, едва сдерживая свой смѣхъ,—да и самъ князь Голицынъ невольно улыбался,—отвѣчалъ ему: «Помилуйте, ваше сіятельство! Можетъ ли князь N. N. принять на свой счетъ изображеніе развратнаго старика, сибарита, негодяя? Неужели есть какое нибудь сходство въ немъ съ такимъ портретомъ? Я не знаю лично князя N. N., но знаю, что онъ носитъ знаменитое имя и долженъ быть достоинъ его; если же у него есть двѣ собаки съ такими же именами, какія далъ я двумъ собакамъ въ моемъ разсказѣ, то это какая-то непостижимая случайность». Князь Голицынъ засмѣялся и возразилъ, что не князь N. N. узнаётъ себя въ портретѣ, а толкуютъ въ обществѣ, что это его портретъ, и въ доказательство называютъ его собакъ!—«Надобно избѣгать такого соблазна,—прибавилъ онъ.—Знатныхъ вельможъ въ Москвѣ всего двое—трое; и если вы напишите что нибудь оскорбительное о знатныхъ московскихъ вельможахъ, то кто нибудь изъ насъ долженъ принять это на свой счетъ!» Онъ еще больше засмѣялся и въ заключеніе совѣтовалъ брату моему быть осторожнѣе.

Если бы князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ не былъ чудесно-благородный человѣкъ, то не раздѣлался бы братъ мой такъ легко за сатирическое изображеніе сластолюбиваго старика-вельможи!

Какъ рыцарь, какъ смѣлый боецъ на избранномъ имъ поприщѣ, Николай Алексѣевичъ не робѣлъ ни передъ знатностью, ни передъ какими бы ни было авторитетами, когда надобно было обличить порокъ, низость, злоупотребленіе. Онъ ненавидѣлъ старинную русскую поговорку: «Не нашу тысячу рубятъ!» и кидался въ схватку при всякомъ случаѣ, который пробуждалъ въ немъ неизмѣнное чувство на защиту правды и добра. Повидимому, какая надобность была ему задѣвать Пушкина и возстановлять противъ себя опаснаго непріятеля въ этомъ могущественномъ писателѣ? Не выгоднѣе ли было бы позабыть распри и жить съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ пріязни? Но это было уже невозможно для моего брата съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ написалъ нѣкоторыя свои стихотворенія и напечаталъ въ Литературной Газетѣ Дельвига Посланіе къ

вельможѣ. Николай Алексѣевичъ пришелъ въ глубокое негодованіе, потому что видѣлъ самовольное, жалкое униженіе Пушкина особенно въ этомъ посланіи. Онъ сталъ при всякомъ случаѣ указывать на слабыя стороны поэта и за измѣнчивость его платилъ ему рѣзкою правдою. Многіе видятъ мастерское произведеніе въ Посланіи къ вельможѣ; но братъ мой тѣмъ больше сердился, что находилъ въ немъ прекрасные, пушкинскіе стихи.

Курьезно сужденіе объ этомъ г. Анненкова, который въ хвалебной компиляціи своей о Пушкинѣ говоритъ: «При появленіи своемъ, оно (Посланіе къ вельможѣ), какъ и многія другія произведенія поэта, возбудило недоумѣніе. Въ свѣтѣ считали его недостойнымъ лица, къ которому писано; въ журналахъ, наоборотъ, недостойнымъ автора, котораго обвиняли въ намѣреніи составить панегирикъ. Любопытно сужденіе одного повременнаго изданія объ этой пьесѣ, одинаково поражающей и совершенствомъ формы, и совершенствомъ содержанія. При разборѣ «Бориса Годунова», журналъ («Московскій Телеграфъ», 1833 г., ч. 49-я № 1-й) замѣчалъ: «Мы увѣрены, что современемъ самъ Пушкинъ выброситъ изъ собранія своихъ сочиненій многое, какъ-то: Загадку, Собраніе насѣкомыхъ, Дорожныя жалобы, Посланіе къ вельможѣ—все это недостойно его». Пониманіе эстетическихъ произведеній, связывающее журналъ 1833 года съ журналами 1820 года!» (Матеріалы для біографіи Пушкина, страница 253-я). Пониманіе!.. Гдѣ г. критикъ подслушалъ, что въ свѣтѣ считали «Посланіе» недостойнымъ лица, къ которому оно писано?.. Развѣ это были Суворовъ, Екатерина Великая, Карамзинъ, т. е. или герой, или богиня мудрости, или великій писатель? Извѣстно, какою славою пользовался въ Москвѣ прославленный Пушкинымъ вельможа!.. Напротивъ, какъ современникъ событія, я помню, что всѣ единогласно пожалѣли объ униженіи, какому подвергъ себя Пушкинъ. Чего желалъ, чего искалъ онъ? Похвалить богатство и сластолюбіе? Пообѣдать у вельможи и насладиться бесѣдою полумертваго, изможженнаго старика, недостойнаго своихъ почтенныхъ лѣтъ? Вотъ въ чемъ было недоумѣніе и вотъ что̀ возбуждало негодованіе. Пониманіе! Тѣмъ хуже было, что, писавши о недостойномъ предметѣ, Пушкинъ находилъ прекрасные стихи и какъ будто вдохновеніе. Не таковъ былъ Державинъ: когда его уговорили написать похвальное стихотвореніе Потемкину, онъ написалъ пустѣйшее произведеніе Рѣшемыслу, то есть не умѣлъ льстить и находить вдохновеніе по заказу; но, пораженный внезапною смертью Потемкина, онъ написалъ свой Водопадъ, когда уже не могъ разсчитывать на благосклонность умершаго. Вотъ чего требовали современники и отъ Пушкина, и чего всегда требуютъ всѣ благородные, чистые духомъ люди отъ поэтовъ. Неужели Франція не встрепенулась бы отъ негодованія, когда бы Викторъ Гюго, въ началѣ 1830 года, на-

писалъ льстивое посланіе къ министру Полиньяку, такъ же знатному вельможѣ, который былъ, конечно, не хуже того, къ кому писалъ Пушкинъ? Неужели и теперь, если бы кто нибудь изъ лучшихъ современныхъ стихотворцевъ прекрасными стихами написалъ такое же хвалебное стихотвореніе къ современному недостойному вельможѣ,—неужели теперь это не возбудило бы негодованія? Неужели стали бы только любоваться стихами, не обращая вниманія на смыслъ и значеніе сочиненія? Г. Анненковъ очень низко думаетъ о своихъ современникахъ, если скажетъ да! Я не желаю такого пониманія ни нынѣшнему, ни будущему поколѣнію. Повторяю: тѣмъ хуже, что Пушкинъ нашелъ вдохновеніе для такого предмета! Если бы это не было временнымъ, исключительнымъ проступкомъ, нельзя было бы вѣрить истинѣ другихъ его стихотвореній, и они казались бы намъ противны, именно вслѣдствіе эстетическаго пониманія.

Братъ мой, постепенно разочарованный поступками Пушкина въ отношеніи къ нему самому, былъ еще больше разочарованъ его дѣйствіями въ обществѣ, которому этотъ великій поэтъ готовъ былъ жертвовать нравственнымъ достоинствомъ, льстя вельможамъ, втираясь въ большой свѣтъ, добиваясь камеръ-юнкерскаго мундира и разныхъ милостей, которыя и сыпались на него щедро. Вспомнимъ, что Пушкинъ былъ первый поэтъ своего народа и своего времени, что на него были обращены взоры цѣлой Россіи, и перестанемъ дивиться, что въ это время публика съ недовѣрчивостію, почти съ холодностью встрѣчала лучшія его произведенія. Она перестала вѣрить нравственной его силѣ. Это самое ощущеніе было испытано Н. А. Полевымъ, который наконецъ не уважалъ въ немъ нравственнаго человѣка. Онъ прощалъ болѣе людямъ слабымъ, мелкодушнымъ,—но Пушкинъ!.. Отъ такого человѣка каждый соотечественникъ въ правѣ требовать больше, нежели отъ какого нибудь рядоваго писателя. Потому-то наконецъ нападенія моего брата на Пушкина доходили до крайности. Онъ доказывалъ даже слабость его стиховъ, не находя въ нихъ связи, и для примѣра предлагалъ читать нѣкоторые отрывки ихъ съ конца къ началу, причемъ смыслъ почти не измѣняется. Такъ переложилъ или переставилъ онъ и напечаталъ въ «Телеграфѣ» Посвященіе Онѣгина П. А. Плетневу. За то и Пушкинъ пылалъ гнѣвомъ противъ него и, не отвѣчая прямо, мстилъ косвенно, иногда непозволительнымъ образомъ, чѣмъ опять ронялъ нравственное достоинство свое. Къ числу такихъ отмщеній принадлежитъ унизительное поощреніе, которое онъ оказывалъ писакѣ Орлову. Этотъ пошлый писака, издававшій отвратительныя брошюрки подъ разными циническими заглавіями, какъ, напримѣръ: Поросенокъ въ мѣшкѣ, или угнетенная невинность, очень угодилъ Пушкину тѣмъ, что началъ издѣваться и глумиться надъ Булгаринымъ, съ которымъ Пушкинъ

былъ въ это время чуть не на ножахъ. Великій поэтъ обрадовался случаю бросить грязью въ автора «Выжигиныхъ», и написалъ одобрительное и поощрительное письмо къ Орлову, уськая его бранить Булгарина. Тотъ отвѣчалъ ему, и такимъ образомъ между ними завязалась переписка и почти пріязнь. Пушкинъ старался представить все это въ видѣ забавной шутки; но, тѣмъ не менѣе, событіе несомнѣнно: онъ унижался до переписки съ Орловымъ, поощряя этого уличнаго писаку передразнивать и поносить тѣхъ людей, которые писали неуважительно о послѣднихъ сочиненіяхъ Пушкина. Когда, наконецъ, онъ былъ раздраженъ на Н. А. Полеваго за разныя колкія его замѣчанія, тогда началъ поощрять Орлова писать противъ автора Исторіи русскаго народа. Несомнѣннымъ доказательствомъ всего этого служитъ слѣдующая копія съ письма Пушкина, сохранившаяся въ бумагахъ Н. А. Полеваго. Замѣчательна надпись, сдѣланная на ней рукою моего брата: «Прежде всего надобно хорошенько представить себѣ: ктò и къ кому пишетъ? Пушкинъ — къ Орлову!! Теперь начинайте чтеніе».

Письмо А. С. Пушкина къ А. А. Орлову.

«Искренно благодарю за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно, не имѣющее нужды ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ былъ въ братіи моей, и если мой камешекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего «Выжигина» есть новое доказательство неистощимости вашего таланта; но, почтенный А. А., удержите сіе благородное, справедливое негодованіе; обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего. Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей «Пчелы». Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу, или паче кутью, что они ею подавятся.

«Читалъ я въ «Молвѣ» объявленіе о намѣреніи вашемъ писать Исторію русскаго народа. Можно ли вѣрить сей пріятной новости?

«Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ, 24 ноября, 1831 г.

«Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, милостивый государь Александръ Анѳимовичъ! Но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидѣться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно сожалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь Полевой нападаетъ на васъ и на меня, собираюсь на него разсердиться; покамѣстъ съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ именемъ Н. Луговова, наше дѣло сторона. 1832 года 9 января».

Жаль, что не сохранилась вся переписка великаго поэта съ трактирнымъ писакой: любопытно было бы видѣть, какъ они братались! Приведенное мною здѣсь письмо, какъ видно, одно изъ многихъ; но цѣль ихъ всѣхъ, конечно, была одна и та же. Пушкинъ подстрекалъ Орлова писать противъ непріятныхъ ему людей, и для этого льстилъ ему, хотя въ двусмысленномъ тонѣ. Орловъ ликовалъ и показывалъ письма его встрѣчному и поперечному, предлагая съ каждаго копію за двугривенникъ! Вѣроятно, такъ досталъ и братъ мой копію съ означеннаго письма. Для поясненія замѣчу, что подъ именемъ Косичкина писалъ Пушкинъ бранчивыя статьи противъ Булгарина въ «Телескопѣ» и въ «Литературной Газетѣ», которой издателемъ былъ Дельвигъ, а редакціею занимался Орестъ Мих. Сомовъ, добрый малый и образованный словесникъ, но переметная сумà по мнѣніямъ. Онъ былъ попеременно другомъ почти всѣхъ враждовавшихъ между собою партій. Пушкинъ, между прочимъ, находилъ въ Орловѣ больше дарованія, нежели въ Булгаринѣ, отчего авторъ «Выжигина» ужасно бѣсился. Орловъ писалъ пародіи на романъ его и, какъ видно, сбирался писать пародію на Исторію русскаго народа, а Пушкинъ радовался тому и ободрялъ его.

Все это были мелкія интриги, сплетни, унизительныя, конечно, не для брата моего. Онъ прямо и открыто нападалъ на Пушкина, когда находилъ его достойнымъ порицанія. Предположите даже, что онъ ошибался, увлекался досадой, страстью, но во всякомъ случаѣ дѣйствія его были благородны. «Въ полѣ съѣзжаются—родней не считаются», но нападайте же, какъ подобаетъ рыцарю, а не подучайте какого нибудь бродягу бросить камнемъ въ вашего противника или дернуть его за ногу въ пѣшемъ бою. Пушкинъ не хотѣлъ вступить въ открытый бой, а не брезговалъ войдти въ интригу съ А. Орловымъ! Не такъ дѣйствовалъ въ свое время Карамзинъ. Повѣрять ли послѣ всего этого, что братъ мой никогда не переставалъ любить Пушкина и восхищаться его чудеснымъ дарованіемъ, его усладительными стихами. Можно сказать даже, что эта любовь къ великому поэту была главной причиной досады, а иногда и неудержимаго негодованія, когда онъ видѣлъ, что Пушкинъ дѣйствуетъ недостойно своего великаго призванія. Онъ порицалъ его, какъ порицаетъ братъ любимаго брата, впадшаго въ проступокъ. Говорятъ же, что кого мы любимъ, на того чаще досадуемъ, и это отчасти справедливо, потому что сердцу больно за дорогаго человѣка. Въ порядкѣ вещей, что какой нибудь Орловъ купается въ грязи; но можно ли равнодушно видѣть, когда съ такимъ человѣкомъ сближается Пушкинъ? Въ самой замѣткѣ моего брата на письмѣ Орлова видна не злость, а какая-то грустная досада.

Послѣ прекращенія «Московскаго Телеграфа», братъ мой не имѣлъ никакихъ сношеній съ Пушкинымъ; не знаю даже, встрѣчались ли

они въ послѣдніе годы жизни поэта. Одинъ жилъ въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ. Но лучшимъ доказательствомъ, какъ высоко уважалъ и любилъ Пушкина Н. А. Полевой, можетъ служить впечатлѣніе, произведенное на него смертью поэта. Въ Москвѣ пронеслись слухи о дуэли и опасномъ положеніи Пушкина, но мы не слыхали и не предполагали, что онъ былъ уже не жилецъ міра. Утромъ, по какому-то дѣлу, братъ заѣхалъ ко мнѣ и сидѣлъ у меня въ кабинетѣ, когда принесли съ почты «Сѣверную Пчелу», гдѣ въ немногихъ строкахъ было напечатано извѣстіе о смерти Пушкина. Взглянувъ на это роковое извѣстіе, братъ мой измѣнился въ лицѣ, вскочилъ, заплакалъ и, бѣгая по комнатѣ, воскликнулъ: «Да что жъ это такое?.. Да это вздоръ, нелѣпость! Пушкинъ умеръ!.. Боже мой!»... И рыданія прервали его слова. Онъ долго не могъ успокоиться. Искреннія слезы тоски, пролитыя имъ въ эти минуты, конечно, примирили съ нимъ память поэта, если при жизни между ними еще оставалась тѣнь непріязни.

Не льстя никому, честно исполняя обязанности журналиста, Николай Алексѣевичъ безпрестанно увеличивалъ число своихъ непріятелей. Въ толпѣ ихъ надобно отмѣтить одного, замѣчательнаго по разнымъ отношеніямъ человѣка — Сергѣя Семеновича Уварова, который, наконецъ, былъ побудителемъ къ запрещенію «Московскаго Телеграфа». Непріязненное расположеніе его къ издателю этого журнала началось съ того, что онъ признавалъ неслыханною дерзостью многія и иногда колкія замѣчанія Н. А. Полеваго на разныя изданія академіи наукъ, гдѣ Уваровъ былъ президентомъ. Особенно сердили его безпощадные разборы календаря или мѣсяцослова, искони издававшагося академіею, но въ описываемые мною годы съ такою небрежностью, которая кидалась въ глаза и была непростительна. Въ разборахъ календаря, братъ мой указывалъ на множество ошибокъ, промаховъ, недосмотровъ, противорѣчій. Онъ также не щадилъ и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издававшихся отъ академіи, не знаю подъ чьею редакціею, но еще больше календаря достопамятныхъ всевозможными недостатками и ужаснымъ языкомъ. Уваровъ не постигалъ, какъ можно осмѣливаться критиковать, и такъ дерзко, изданія ученой академіи? Когда онъ сдѣлался товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, то уже очень не любилъ Н. А. Полеваго, и, не помню, лично или черезъ кого-то, сказалъ ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе и вообще умѣреннѣе въ мнѣніяхъ. Но онъ еще не могъ ничѣмъ пристукнуть его— и выжидалъ къ тому случая, говоря, что Полевой былъ неисправимъ. Вскорѣ мы увидимъ, какъ онъ исправлялъ или лѣчилъ его отъ излишняго усердія къ просвѣщенію.

Тѣмъ-то и невыгодно положеніе журналиста, что, для сохраненія мирныхъ отношеній съ большинствомъ писателей, онъ долженъ мирволить имъ, хвалить противъ совѣсти, соображаться съ

разными отношеніями; иначе, т. е. идя путемъ правды, онъ встрѣтитъ множество непріятелей, и даже въ такихъ людяхъ, которые, сами не бывши писателями, имѣютъ какія нибудь отношенія къ литературѣ.

Я упоминалъ объ искренней пріязни и, можно сказать, дружбѣ Николая Алексѣевича съ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ. Она разстроилась, и вотъ по какому обстоятельству.

Пріятель нашъ, домашній человѣкъ въ нашемъ семействѣ, впродолженіе многихъ лѣтъ, М. А. Максимовичъ, всегда казавшійся намъ ботаникомъ и очень ловко занимавшій каѳедру ботаники въ университетѣ, вдругъ вздумалъ заниматься словесностью и издавать литературные альманахи. Въ началѣ 1829 года, онъ издалъ альманахъ «Денница», гдѣ было обозрѣніе современной русской словесности, написанное И. В. Кирѣевскимъ. Этотъ необыкновенно умный и образованный человѣкъ не имѣлъ нисколько литературнаго дарованія, и оттого все, что писалъ онъ, выходило какъ-то нескладно и дико. Онъ началъ было даже издавать журналъ, но остановился, кажется, на первой книжкѣ, и, много занимаясь философіей, не умѣлъ написать о ней ничего дѣльнаго. Такъ было написано имъ и обозрѣніе словесности, напечатанное въ «Денницѣ». Онъ самъ не зналъ, чего требовалъ отъ русской литературы, противорѣчилъ самъ себѣ, и выражался дикимъ языкомъ; но хуже всего было, что при оцѣнкѣ русскихъ писателей онъ былъ пристрастенъ или несправедливъ, и до тошноты хвалилъ всѣхъ друзей и любимцевъ Пушкина. Дельвигъ, пріятный, иногда остроумный пѣсенникъ, былъ превознесенъ имъ и притомъ самымъ смѣшнымъ образомъ; напримѣръ, желая характеризовать его нѣсколькими словами, Кирѣевскій говорилъ, что онъ на свѣтлый идеалъ древнихъ набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія. Такія же странности были и въ другихъ его опредѣленіяхъ. Притомъ, онъ явно поддерживалъ довольно распространенное тогда мнѣніе, что писатель не можетъ быть хорошъ, если на принадлежитъ къ высшему свѣтскому общсству, — мнѣніе, которое, безпрестанно выражалъ и упорно поддерживалъ Пушкинъ, вѣроятно, соединяя его съ своимъ понятіемъ объ аристократствѣ. Такое потворство ложному ученію было нестерпимо въ человѣкѣ умномъ и благородномъ, какимъ я всегда почиталъ Кирѣевскаго. Мнѣ казалось даже, что онъ дезертируетъ изъ нашего круга и желаетъ быть пріятнымъ боярину Пушкину, который видѣлъ умъ и любезность въ полумертвомъ, ничтожномъ вельможѣ, и не хотѣлъ видѣть ихъ въ моемъ братѣ. Подъ вліяніемъ такихъ ощущеній я написалъ длинную статью: «Взглядъ на два обозрѣнія русской словесности 1829 года помѣщенныхъ въ «Денницѣ» и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». («Московскій Телеграфъ» 1830 года, № 2-й, стран. 203—232). Обличая тамъ ложныя мнѣнія

и ошибки разнаго рода, я съ особенною горячностью опровергалъ мнѣніе, будто Богъ даетъ художническое дарованіе только свѣтскимъ людямъ. Видно, это было выражено довольно сильно и пылко; доказательствомъ тому служитъ искренняя хвала, которую выразилъ мнѣ Денисъ Давыдовъ съ обыкновенною своею оригинальностью. Вскорѣ послѣ напечатанія моей критики, онъ какъ-то заѣхалъ ко мнѣ, съ просьбою перевести для него отрывокъ изъ «Жизни Агриколы Тацита», который ему нужно было вмѣстить въ свою прекрасную статью: «Замѣчанія на біографію Раевскаго». Я отказался, говоря, что не смѣю переводить Тацита, не довольно изучивши его языкъ. «Я перевелъ самъ, да съ французскаго!» — сказалъ онъ. Тутъ онъ прочелъ мнѣ свой переводъ изъ жизни Агриколы. Выслушавши его, я искренно выразилъ ему свое мнѣніе, что если бы самъ Тацитъ перевелъ этотъ отрывокъ на русскій языкъ, то переводъ не былъ бы лучше. Можетъ быть, онъ не во всемъ вѣренъ буквальному смыслу подлинника, за то вѣренъ духу его. «Нѣтъ, куда мнѣ! — возразилъ Д. Давыдовъ.—Нынче хорошо пишутъ и молодые писатели, такъ что намъ, ветеранамъ, только любоваться ими. Да вотъ, у васъ напечатана въ «Телеграфѣ» критика на Кирѣевскаго. Я не судья въ томъ, кто правъ, но въ этой критикѣ есть двѣ-три страницы, которыя берутъ за душу: въ нихъ есть сердечная горечь, полынь, сознаніе правды, которое одно можетъ такъ выражаться». Тутъ онъ даже повторилъ нѣкоторыя фразы моей статьи, именно тѣ, гдѣ говорится, что Шекспиръ сдѣлался великимъ писателемъ, конечно, не въ обществѣ благородныхъ лордовъ. Дѣло не въ томъ, что такая похвала, услышанная отъ одного изъ изящнѣйшихъ нашихъ писателей, могла польстить моему самолюбію, но въ томъ, что статья противъ Кирѣевскаго, очевидно, произвела впечатлѣніе. Она дѣйствительно была написана съ прямодушіемъ истиннаго убѣжденія, и ниспровергала какъ теорію, вымышленную Кирѣевскимъ, такъ и пристрастныя сужденія его о частныхъ явленіяхъ русской литературы. Но могъ ли согласиться со мною человѣкъ, который при всемъ своемъ умѣ, былъ убѣжденъ въ превосходствѣ своемъ чуть ли не надъ всѣми смертными, былъ возлелѣянъ неумѣренными хвалами всѣхъ окружавшихъ его, и притомъ надѣленъ характеромъ ипохондрическимъ, слѣдовательно склоннымъ къ подозрительности? Онъ, какъ видно, почелъ мою критику предательствомъ, былъ уязвленъ въ неограниченномъ своемъ самолюбіи, и прекратилъ знакомство съ братомъ моимъ и со мною. Но благородная душа его, несомнѣнно, тяготилась такою несправедливостью и высказалась впослѣдствіи. Я упомяну здѣсь о произвольномъ сознаніи его въ своемъ заблужденіи, потому что, кажется, мнѣ не придется болѣе говорить о Кирѣевскомъ. Въ 1834 году, послѣ прекращенія «Московскаго Телеграфа», И. В. Кирѣевскій неожиданно посѣ-

тилъ моего брата. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ почтеннымъ своимъ вотчимомъ А. А. Елагинымъ, искренно обнялъ, поцѣловалъ моего брата и объявилъ ему, что наканунѣ важнѣйшаго событія въ своей жизни желаетъ увѣрить его въ своемъ уваженіи и уничтожить темное облако, раздѣлявшее ихъ въ послѣднія годы. Событіемъ, о которомъ онъ упоминалъ, была его женитьба. Какъ христіанинъ, приготовляясь къ таинству брака, онъ хотѣлъ прежде очистить свою душу и, признавая себя неправымъ противъ моего брата, хотѣлъ примириться съ нимъ. Объясненій о томъ, что было причиной ихъ размолвки и кто былъ правъ и кто виноватъ,—разумѣется, не высказывали. Но оба старые пріятеля понимали другъ друга, и Николай Алексѣевичъ былъ тронутъ благороднымъ поступкомъ Кирѣевскаго, какъ онъ говорилъ мнѣ въ тотъ же день. Впрочемъ, разорванная ихъ пріязнь не возобновилась. Можно вѣрить только, что онъ не остался нашимъ непріятелемъ за огорчившую его статью.

Въ началѣ 1831 года, Максимовичъ опять издалъ свою Денницу, и опять съ обозрѣніемъ русской литературы за истекшій годъ, какъ будто необходимы были публикѣ сужденія его альманаха о современныхъ явленіяхъ нашей словесности, которыми онъ ограничивался почти исключительно, сказавъ нѣсколько двусмысленныхъ фразъ объ Исторіи русскаго народа. Остальныя сужденія были повтореніемъ пристрастныхъ мнѣній Литературной Газеты, издававшейся подъ вліяніемъ Пушкина и его партіи. Максимовичъ хвалилъ не въ мѣру всѣхъ писателей этой партіи и язвительно отзывался о всѣхъ ихъ противникахъ. Явно было, что онъ не изрекъ какого нибудь оскорбительнаго приговора о трудахъ моего брата единственно потому, что еще хотѣлъ сберечь себѣ пріязнь съ нимъ. Напротивъ, все казалось ему превосходно въ произведеніяхъ и дѣятельности пушкинской фаланги, съ которою мы находились тогда въ войнѣ, и онъ млѣлъ отъ восторга, указывая на самыя пустяшныя сочиненія Дельвига, Сомова и компаніи, восхваляя и прекрасное направленіе Литературной Газеты. Вотъ это восхваленіе особенно разсердило Николая Алексѣевича и меня, потому что, если чего не было въ Литературной Газетѣ, такъ ужъ, конечно, добросовѣстности. Почти всѣ хвалы и порицанія ея были внушены духомъ партіи: она съ безпримѣрною запальчивостью порицала не только сочиненія, но и нравственность своихъ противниковъ, а между тѣмъ, что̀ дѣлала сама?.. Я разумѣю здѣсь не только неблагосклонные отзывы, но часто и уличныя порицанія противъ моего брата. Къ несчастію, таковъ былъ и до сихъ поръ остается тонъ русской критики вообще. Но если извинительно до нѣкоторой степени, въ пылу и разгарѣ спора, наговорить своему противнику невѣжливостей и обвиненій въ родѣ того, что онъ не знаетъ грамоты и пишетъ безсмыслицу, то ни въ какомъ случаѣ

непозволительно нападать на его нравственность. Литературная Газета не ограничивалась даже всѣмъ этимъ. Какъ прикажете назвать, напримѣръ, вотъ какую выходку, напечатанную въ Литературной Газетѣ (1830 года, № 43-й, стран. 72) и относящуюся къ извѣстному мнѣнію Пушкина объ аристократствѣ:

..... «Пренебрегать своими предками, изъ опасенія шутокъ гг. Полеваго, Греча, Булгарина, непохвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Не дворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки насчетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) пріуготовили крики: «Аристократовъ къ фонарю!» и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ. Avis au lecteur».

Чѣмъ это «Avis au lecteur» лучше тѣхъ указаній, которыми славился и наконецъ сдѣлался ненавистенъ впослѣдствіи Булгаринъ? Развѣ это не явный доносъ, не обвиненіе въ распространеніи революціонныхъ мнѣній? Не нужно пояснять, къ кому взываетъ «Avis au lecteur!» И это печатали Пушкинъ и его единомышленники въ 1830-мъ году, при тогдашней опалѣ журналовъ, указывая на Полеваго, который больше другихъ отличался независимыми мнѣніями!.. Довольно было бы одной такой выходки, чтобы навсегда отвернуться отъ Литературной Газеты, или, по крайней мѣрѣ, не почитать ея добросовѣстною, не способною къ тому же, въ чемъ она упрекала Булгарина.

Очень понятно, что преклоненіе передъ Литературной Газетой, пристрастныя хвалы ей и подражаніе ея мнѣніямъ и сужденіямъ, явныя въ «Обозрѣніи русской литературы», написанномъ г. Максимовичемъ и напечатанномъ имъ въ Денницѣ на 1831 годъ, чрезвычайно огорчили и изумили насъ; тѣмъ болѣе, что онъ, который прежде всегда совѣтовался съ нами о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ и писаніяхъ, не показывалъ намъ этого Обозрѣнія, и оно явилось совершенно для насъ неожиданно. По выходѣ своего альманаха, онъ и самъ не показывался къ намъ, конечно, желая дать пройдти первому впечатлѣнію отъ его поступка. Между тѣмъ, въ первомъ же пылу негодованія, я написалъ (напечатанное въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1831 года, въ № 4-мъ, стран. 537-я) извѣстіе о появленіи Денницы и рѣзко выразилъ при этомъ свое негодованіе противъ г. Максимовича, упрекая его въ недобросовѣстности мнѣній, выраженныхъ имъ въ своемъ «Обозрѣніи литературы». И можно ли было говорить иначе не какому нибудь Воейкову или Надеждину, которые расхохотались бы, если бъ ихъ упрекнули въ предательствѣ и недобросовѣстности, а человѣку, долго бывшему какъ роднымъ въ нашемъ семействѣ, всегда оказывав-

шему уваженіе къ нашимъ мнѣніямъ и поступкамъ, и обязанному намъ если не чѣмъ другимъ, то, по крайней мѣрѣ, нашею искреннею пріязнью, доброжелательствомъ и неизмѣннымъ радушіемъ въ услугахъ, чего нельзя вознаградить какими либо корыстными выгодами въ дѣлахъ, внушившими г. Максимовичу новый образъ его дѣйствій. Надѣясь пріобрѣсти больше выгодъ отъ братства съ партіями Пушкина и Надеждина, онъ какъ будто обрадовался случаю заявить торжественно свой разрывъ съ нами и напечаталъ въ Москвѣ, въ отвѣтъ на разборъ Денницы, оскорбительную для моего брата статью. Тамъ, между прочимъ, выразился онъ такъ:

«Г. Полевой говоритъ о возвышенной цѣли, безпристрастіи, «прямодушіи», истинѣ, bonne foi, благородствѣ характера, приличіи; но объ этихъ предметахъ въ настоящемъ случаѣ спорить и мудрено, и не кстати; и я могу только сказать: не ему бы говорить и не мнѣ бы слушать».

Этими словами онъ хотѣлъ выразить передъ публикой мысль, что я, дескать, знаю васъ, г. Полевой, какъ домашній вашъ человѣкъ, знаю васъ десять лѣтъ, и потому не говорите мнѣ о возвышенности и благородствѣ, которыхъ въ васъ нѣтъ. Слова его могли имѣть сильное дѣйствіе, ибо всѣ многочисленные наши знакомые, впродолженіе долгаго времени, видѣли и знали искреннія отношенія, въ какихъ находился съ нами г. Максимовичъ. Хорошо понимая вредъ, какой могли нанести слова его моему брату, онъ дерзко высказалъ ихъ. Всегда отличаясь необыкновенною смѣтливостью въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не могъ не давать себѣ отчета въ томъ, что становится въ положеніе брата, обвиняющаго своего брата. Обвиненіе въ неблагородствѣ, такъ грубо высказанное имъ, въ отповѣди на мою статью, было гораздо значительнѣе всѣхъ клеветъ и ругательствъ Надеждина и другихъ отъявленныхъ враговъ издателя «Московскаго Телеграфа». Читая ихъ статьи, всякій зналъ, что тутъ нѣтъ святой правды, какъ нѣтъ ея никогда въ перебранкахъ двухъ непріятелей. Но обвиненіе въ безнравственности, высказанное искреннимъ человѣкомъ, знавшимъ всѣ подробности семейной жизни Николая Алексѣевича, непремѣнно должно было пробудить въ читателѣ мысль: «Видно, Полевой — дурной человѣкъ, когда это громко выражаютъ самые близкіе его пріятели!»

Особеннымъ отличіемъ обвиненія, напечатаннаго г. Максимовичемъ, было еще то, что оно не высказывало ничего прямо, а было глухимъ намекомъ на какую-то общую безнравственность моего брата, въ которомъ Максимовичъ отрицалъ и безпристрастіе, и прямодушіе, и благородство характера! Высказывать такія обвиненія, конечно, очень легко (разумѣется, кто способенъ къ тому) но они гораздо злѣе прямыхъ, ясныхъ указаній на какой нибудь нравственный проступокъ или недостатокъ. Ничего подобнаго не могъ сказать противъ моего брата самый злой врагъ его, но тѣмъ

язвительнѣе являлся намекъ на безнравственность во всемъ, высказанный другомъ, долженствовавшимъ питать благодарность къ моему брату. Это имѣло видъ невольнаго, прискорбнаго сознанія!.. Но если бы г. Максимовичъ долженъ былъ указать хотя на одинъ безнравственный поступокъ Н. А. Полеваго,—онъ не нашелъ бы его. Читающіе эту книгу знаютъ, что я не скрываю слабостей и недостатковъ моего брата, не щажу его заблужденій и ошибокъ; но и слабости, и заблужденія его были слѣдствіемъ не безнравственности или преступнаго направленія, а несовершенства природы человѣка, котораго не осуждаетъ самъ Богъ, наказывающій прегрѣшенія вольныя. Г. Максимовичъ повторялъ въ статьѣ своей пошлое осужденіе за прекращеніе войны «Московскаго Телеграфа» съ «Сѣверной Пчелой» и за нападеніе на Пушкина и на его партію, противорѣчившія похваламъ, какія высказывались въ первыхъ годахъ того же журнала. Но послѣ объясненій, подробно изложенныхъ мной объ этихъ предметахъ, читатели знаютъ, какъ естественно и праводушно дѣйствовали мы съ братомъ и въ отношеніи къ гг. Гречу и Булгарину, и въ отношеніи къ Пушкину.

Дѣйствительно, мнѣніе объ издателѣ «Московскаго Телеграфа» было очень неблагопріятно, особливо въ тѣхъ кругахъ, отъ которыхъ могло зависѣть существованіе его журнала. Лучшіе писатели были озлоблены противъ него, или, по крайней мѣрѣ, глядѣли на него непріязненно. Уваровъ, назначенный министромъ народнаго просвѣщенія, строго наблюдалъ за нимъ, и братъ мой сталъ нерѣдко получать замѣчанія и выговоры за разныя статьи, появлявшіяся въ его журналѣ. Къ тому же и журналисты (не устающіе до сихъ поръ порицать Булгарина) часто помѣщали въ своихъ листахъ явные доносы на издателя «Московскаго Телеграфа». Какъ назвать иначе слѣдующія строки, напечатанныя Надеждинымъ въ «Молвѣ» 1831 года, въ № 48: «Если находятся еще въ Россіи квасные патріоты, которые наперекоръ Наполеону почитаютъ Лафайэта человѣкомъ мятежнымъ и пронырливымъ, то пусть они заглянутъ въ № 16 «Московскаго Телеграфа» (на стр. 464) и увѣрятся, что «Лафайэтъ самый честный, самый основательный человѣкъ во Французскомъ королевствѣ, чистѣйшій изъ патріотовъ, благороднѣйшій изъ гражданъ, хотя вмѣстѣ съ Мирабо, Сіесомъ, Баррасомъ, Баррееромъ, и множествомъ другихъ, былъ однимъ изъ главныхъ двигателей революціи; пусть сіи квасные патріоты увидятъ свое заблужденіе и перестанутъ

«Презрѣнной клеветой злословить добродѣтель!»

Я поясню впослѣдствіи этотъ злонамѣренный намекъ, послужившій къ обвиненію моего брата въ распространеніи революціонныхъ мнѣній; здѣсь замѣчу только, что приведенныя выше слова вырваны «Молвою» изъ большой переводной статьи и принадле-

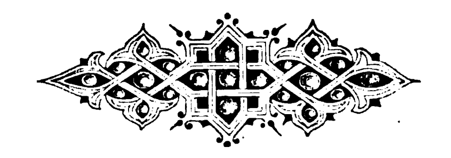
жать не брату моему, а извѣстной писательницѣ леди Морганъ, которая также передавала только чужія слова въ анекдотѣ о Наполеонѣ, графѣ Сегюрѣ и Лафайэтѣ. Но такими-то сближеніями и искаженіями разныхъ строкъ «Московскаго Телеграфа» старались повредить ему враги-журналисты, зная непріязненное мнѣніе о немъ новаго министра народнаго просвѣщенія. Они извлекали ядъ изъ самыхъ невинныхъ словъ, какъ доказываютъ приводимыя мною событія. Можно представить себѣ, какими комментаріями дополняли они изустно свои печатныя указанія. Надобно удивляться только тому, какъ долго оказывались недѣйствительными ихъ усилія погубить издателя «Московскаго Телеграфа», который продолжалъ свое существованіе до 1834 года. Въ самомъ дѣлѣ, это особенно удивительно! Какихъ подкоповъ, какихъ стѣнобитныхъ орудій и какихъ клеветъ, интригъ не употребляли враги «Московскаго Телеграфа», усиливаясь стереть съ лица земли этотъ журналъ и его издателя! Читатели видѣли, что орудіемъ служили не только журнальныя перебранки, какими сражались съ «Московскимъ Телеграфомъ» непріязненные журналы въ первые годы. Тогда, въ самыхъ запальчивыхъ выходкахъ, дѣло шло, всетаки, о литературныхъ правахъ или достоинствахъ, и если упрекали другъ друга въ какихъ нибудь неправдахъ, то упреки не намекали на политическое или нравственное достоинство человѣка. Но люди, порицавшіе моего брата за примиреніе съ Булгаринымъ, послѣ подобныхъ перебранокъ, далеко превзошли этого литератора: его выходки кажутся ученическими винами передъ изобрѣтеніями другихъ противниковъ моего брата. Я разсказывалъ, какъ они хотѣли представить его человѣкомъ способнымъ выкрасть въ свою пользу важныя открытія изъ рукописи Зоріана Ходаковскаго, какъ старались представить уголовнымъ преступленіемъ переводъ Жизни Наполеона, какъ составили обвинительный актъ, жалуясь на оскорбленіе цѣлаго ученаго сословія въ лицѣ Каченовскаго, какъ Литуратурная Газета и Надеждинъ обличали его въ распространеніи революціонныхъ мнѣній, какъ г. Максимовичъ, воспользовавшись качествомъ семейнаго друга, провозгласилъ Н. А. Полеваго лишеннымъ всѣхъ нравственныхъ качествъ. Я упоминаю здѣсь только о немногомъ, слишкомъ гласномъ или явномъ; но, вѣроятно, сотни подобныхъ обвиненій и гораздо больше тяжкихъ были распространяемы и передаваемы изустно, невѣдомо для моего брата и меня. Но что они были, это доказываетъ неумолимая логика событій. Человѣкъ, который дѣлаетъ на васъ письменный доносъ, задумается ли въ разговорѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ очернить васъ какъ можно усерднѣе. Если Пушкинъ или кто изъ его приверженцевъ напечаталъ въ Литературной Газетѣ «Avis au lecteur», то сколько подобныхъ «Avis» могъ онъ передать безъ печатной гласности? Если печатно утверждали, что Н. А. По-

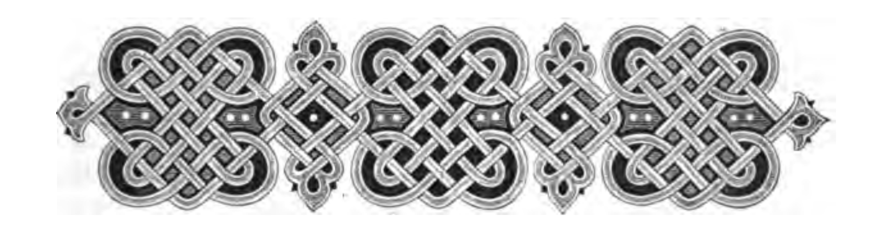
левой способенъ къ самому преступному дѣйствію, то что̀ же клеветали на него въ общественныхъ разговорахъ?

А «Московскій Телеграфъ» не прекращался, и шелъ своимъ путемъ! Опаснѣе всего было для него неблагосклонное расположеніе Уварова, министра народнаго просвѣщенія, выраженное много разъ; но министръ не имѣлъ никакого повода запретить изданіе нашего журнала, и мы, увѣренные, что онъ выше всякихъ мелкихъ страстей и отношеній, продолжали дѣйствовать съ прежнею откровенностью въ мнѣніяхъ.

К. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ [1].

III.

НЕПОСРЕДСТВЕННО-НАРОДНОЕ.

III.

Д. И. Фонвизинъ.

РАЗСМАТРИВАЯ комедіи Екатерининской эпохи, мы не останавливались до сихъ поръ на комедіяхъ Фонвизина, занимающихъ, очевидно, первое мѣсто среди современныхъ имъ пьесъ. Но талантъ Фонвизина такъ великъ, и литературная дѣятельность его такъ важна, что на этой дѣятельности слѣдуетъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ, во всемъ ея объемѣ. Многія произведенія Фонвизина имѣютъ несомнѣнно художественное значеніе; нѣкоторыя изъ нихъ сохранили это значеніе даже до нашего времени, оказались безсмертными...

Литература о Фонвизинѣ довольно велика [2]; но самые замѣчательные или интересные отзывы о немъ мы находимъ у трехъ писателей: князя П. А. Вяземскаго, Бѣлинскаго и Достоевскаго.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVIII, стр. 505.

[2]) Собраніе сочиненій Фонвизина, изданія Глазунова, подъ редакціей г. Ефремова. Спб. 1866.—Здѣсь и перечень статей о Фонвизинѣ.

Князь Вяземскій написалъ объ авторѣ «Недоросля» большую книгу («Фонъ-Визинъ», Спб., 1845). Книга эта отличалась многими достоинствами; но точка зрѣнія ея—крайняя западническая; авторъ несправедливо, рѣзко, даже грубо обвиняетъ Фонвизина за его письма изъ путешествія, въ фанатической будто бы ненависти къ Франціи. Князь Вяземскій говоритъ, что нашъ путешественникъ за границей «смотритъ на все глазами предразсудка и только что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями проповѣдуетъ выгоду невѣжества»; въ его отзывахъ видны будто бы «желчь и даже изступленіе»; онъ изображаетъ все «гнусными красками»; притомъ его «злословіе — холодно и сухо» и «отзывается нравоученіемъ холоднаго декламатора».—Совсѣмъ иначе посмотрѣлъ на дѣло Бѣлинскій; Бѣлинскій былъ западникъ во всю свою жизнь, но западникъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ князь Вяземскій. Онъ говоритъ о письмахъ Фонвизина:

«Читая ихъ, вы чувствуете уже начало французской революціи въ этой страшной картинѣ французскаго общества, такъ мастерски нарисованной нашимъ путешественникомъ, хотя, рисуя ее, онъ, какъ и сами французы, далеко былъ отъ всякаго предчувствія возможности или близости страшнаго переворота» (Соч. Бѣлинскаго, т. 8, изд., стр. 119).

Бѣлинскій не написалъ о Фонвизинѣ большой критической статьи; но онъ говоритъ о немъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ [1]). Въ началѣ дѣятельности Бѣлинскій былъ нѣсколько холоденъ къ знаменитому комику, не находилъ достаточно художественности въ его произведеніяхъ, считая его юморъ холодною сатирой. Позже, перешедши отъ романтизма и отвлеченной философіи къ критикѣ исторической и публицистической, Бѣлинскій перемѣнилъ свой взглядъ, и поставилъ Фонвизина довольно высоко, оцѣнивъ общественное значеніе его комедій.—Но самое замѣчательное, что было только писано у насъ о Фонвизинѣ, это маленькая по объему, но глубокая по содержанію замѣтка о немъ Достоевскаго въ сочиненіи: «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ». Достоевскій былъ замѣчательный литературный критикъ— и прекрасно подмѣтилъ въ душѣ Фонвизина борьбу непосредственно-народныхъ началъ съ пришлыми изчужи идеями. Но объ этомъ еще будетъ рѣчь впереди.

Сила таланта Фонвизина была огромная, такъ что этой силѣ не соотвѣтствовали даже, были узки для нея тѣ рамки непосредственно, инстинктивно-народнаго направленія, въ которыя была заключена дѣятельность высоко-даровитаго писателя. Но сама личность этого писателя была наивна и нѣсколько легкомысленна.— Фонвизинъ подъ конецъ жизни только сталъ понимать все значеніе литературы, а прежде онъ цѣнилъ ее мало. Въ «Челобитной

---

[1]) См. тт. 1, 6, 8, 11 и 12 «Сочиненій» Бѣлинскаго.

Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ Писателей» онъ жалуется на «знаменитыхъ невѣждъ, забывшихъ, что умы ихъ жалованные, а не родовые, и постановившихъ между собою всякое значеніе, а особливо словесныя науки почитать не иначе, какъ уголовнымъ дѣломъ», и проситъ «повелѣть грамотныхъ людей по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы они, служа Россійской Музѣ на досугѣ, могли главное жизни своей время посвятить на дѣло для службы ея величества». Отсюда видно, что Фонвизину казалось, будто литературныя занятія дѣло не важное, и во всякомъ случаѣ ниже государственной службы: имъ можно посвящать только досуги.

Сатира Фонвизина часто была сатирой безсознательной; за смѣхомъ знаменитаго комика иной разъ не крылось ясной мысли; онъ самъ не всегда сознавалъ—надъ чѣмъ и во имя чего онъ смѣется. Серьёзность и возвышенность его юмора иной разъ подрывалась его же собственнымъ резонерствомъ. Въ художественно нарисованныхъ лицахъ «Недоросля» Фонвизинъ прекрасно обличалъ суровыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ; но онъ самъ же подрывалъ свое благородное обличеніе личностью резонера Правдина, въ которомъ воплотилъ парадоксальную мысль, что для облегченія крестьянъ нѣтъ непремѣнной надобности освобождать ихъ, а достаточно учредить надъ дурными помѣщиками надзоръ добродѣтельныхъ чиновниковъ, какъ будто можно было найдти достаточное количество такихъ чиновниковъ и какъ будто эти чиновники могли повсюду розыскать зло, какъ будто ничто не могло отъ нихъ скрыться.—Фонвизинъ, не смотря на свой здравый смыслъ и простое, доброе сердце, дорожилъ преимуществами привиллигированнаго сословія. Его Стародумъ говоритъ въ одной сценѣ «Недоросля»: «Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ, подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю». «Я видѣлъ (говоритъ самъ писатель Фонвизинъ въ «Письмѣ къ господину сочинителю «Былей и Небылицъ»), въ въ чемъ бо́льшая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе... Я видѣлъ отъ почтенныхъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, и вотъ что растерзало мое сердце». Значитъ, если бъ онъ видѣлъ раболѣпствующими не дворянъ, то это не растерзало бы его сердца.—Въ комедіи «Выборъ гувернера» резонеръ Нельстецовъ высказываетъ такія мысли: «Необходимо надобно, чтобы одна часть подданныхъ для блага цѣлаго государства чѣмъ нибудь жертвовала, слѣдственно равенство состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыселъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели французовъ до настоящаго ихъ положенія... всегда одна часть подданныхъ будетъ принесена въ жертву другой». И потому законодателю остается лишь (по мнѣнію Нельстецова) «расчислить такъ, чтобы число жертвуемыхъ соразмѣрно было числу тѣхъ, для благополучія коихъ жертвуется».—Человѣкъ

ума яснаго и просвѣщеннаго, Фонвизинъ находилъ, однако, что просвѣщеніе не всегда полезно, не всегда возвышаетъ душу. Устами Стародума высказываетъ онъ, напримѣръ, такую идею: «Имѣй сердце, имѣй душу—и будешь человѣкъ во всякое время... На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы». (III д., 1 явл.). Въ этомъ предпочтеніи благонравія образованію сказалось вліяніе на нашего писателя педагогическихъ идей XVIII вѣка. Человѣкъ съ народнымъ складомъ души, человѣкъ непосредственный, Фонвизинъ, однако, самымъ наивнымъ образомъ подчинялся иной разъ иноземнымъ вліяніямъ. Такъ, не смотря на свою вѣру и религіозность, онъ въ нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) сочиненіяхъ своихъ является скептикомъ, легко смотрящимъ на жизнь. Въ написанномъ въ 1763 году «Посланіи къ слугамъ своимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ» онъ, задавая слугамъ вопросъ: «на что сей созданъ свѣтъ»? заставляетъ ихъ легкомысленно-весело разсуждать въ родѣ Петрушки:

Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаютъ того ни умный, ни дуракъ.

Не умѣя разрѣшить вопросъ, слуги просятъ его самого дать объясненіе, — и онъ отвѣчаемъ имъ въ томъ же легкомысленномъ тонѣ:

А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
И самъ не знаю я, на что̀ сей созданъ свѣтъ!

Въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ» Фонвизинъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о силѣ вліянія на него матеріалистическихъ идей французской философіи. Онъ разсказываетъ, что былъ одно время, въ молодости, членомъ кощунственнаго общества; а между тѣмъ онъ выросъ въ отцовскомъ домѣ среди набожныхъ нравовъ и обычаевъ; у нихъ въ семьѣ, напримѣръ, часто совершались домашнія богослуженія, за которыми Денисъ Ивановичъ, еще ребенкомъ, исполнялъ обязанности чтеца. — Поэтическое чутье часто подсказывало Фонвизину истину, но легкомысленное желаніе смѣшить читателей и зрителей приводило его къ утрировкѣ, къ каррикатурѣ и заставляло смѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ нельзя было смѣяться. Такъ, въ комедіи «Бригадиръ» онъ всѣми силами старается представить въ смѣшномъ видѣ старуху бригадиршу, къ которой въ сущности лежитъ его сердце, и идеализируетъ по-оранжерейному воспитанную Софью, потому что считаетъ себя просвѣщеннымъ европейцемъ, которому стыдно сочувствовать глупой русской бабѣ.

Въ 1764 году, Фонвизинъ написалъ комедію «Бригадиръ», которая и дала ему славу, сдѣлала его знаменитымъ писателемъ.—Комедію эту нельзя, конечно, назвать вполнѣ самобытной: по постройкѣ своей, по развитію дѣйствія она — подражаніе иностраннымъ пьесамъ. Не говоря уже о томъ, что лица ея, какъ во всѣхъ комедіяхъ XVIII столѣтія, раздѣляются на порочныхъ и добродѣтельныхъ (или резонеровъ), лица эти еще расположены въ симметрическомъ порядкѣ: бригадиръ влюбленъ въ совѣтницу, совѣтникъ влюбленъ въ бригадиршу; изъ этого сплетенія обстоятельствъ выходятъ внѣшне-комическія столкновенія; комизмъ окончанія пьесы тоже внѣшній, такъ сказать, водевильный. Но, не смотря на эти недостатки, «Бригадиръ» есть, всетаки, сочиненіе въ народномъ духѣ и притомъ весьма замѣчательное. Народность комедіи Фонвизина выразилась, во-первыхъ, въ изображеніи характера простой старинной русской женщины бригадирши; во-вторыхъ, въ остроумномъ осмѣяніи петиметровъ, щеголихъ, французоманіи русскаго общества.

Два характера ярко и, можно сказать, художественно (хотя не въ равной мѣрѣ) нарисовалъ Фонвизинъ въ «Бригадирѣ»: Акулины Тимоѳеевны (бригадирши) и сынка ея Иванушки.

Отношенія поэта къ первому изъ этихъ лицъ не совсѣмъ ясны: инстинктивно сочувствуя народнымъ основамъ характера бригадирши, онъ сознаніемъ своимъ стоитъ противъ нея, какъ человѣкъ, дорожащій своимъ европейскимъ развитіемъ. Онъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ для представленія Акулины Тимоѳеевны дурой; онъ впалъ даже при этомъ въ чрезвычайную утрировку и каррикатуру. Бригадирша невѣроятно глупа и также невѣроятно скупа. Она считаетъ грамматику совершенно ненужной книгой, потому что за нее надо заплатить «гривенъ восемь». Она очень пугается и тревожится, услышавъ слово «потерялъ», и совершенно успокоивается, узнавъ, что рѣчь идетъ о потерѣ Иванушкой ума. «Онъ потерялъ умъ, ежели онъ былъ» (говоритъ бригадиръ). «Тьфу, какая пропасть! слава Богу! (отдыхаетъ бригадирша). Я было обмерла, испугалась, думала, что и впрямь не пропало ль чего нибудь». Акулина Тимоѳеевна грубо, по-старинному, смотритъ на бракъ и на отношенія дѣтей къ родителямъ: «Наше дѣло сыскать тебѣ невѣсту (говоритъ она сыну), твое дѣло—жениться».—Но, не смотря на все это, не смотря на явное желаніе автора представить свою героиню въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, онъ не могъ, однако, какъ художникъ, не нарисовать въ ней и такихъ чертъ, которыя заставляютъ насъ относиться къ ней съ сочувствіемъ и показываютъ, что она скорѣй положительный типъ, чѣмъ отрицательный. Бригадирша оказывается доброй и любящей женой и хорошимъ человѣкомъ, совершенно чуждымъ эгоизма. Семейное положеніе ея было очень тяжелое:

«О, Иванушка! Богъ милостивъ (говоритъ она, обращаясь къ сыну). Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго».

Но, покорная и преданная жена, незлобивая и добродушная женщина, она все прощаетъ, все забываетъ. И это не только по любви и уваженію къ своему мужу и командиру, а и потому еще, что думаетъ не о себѣ одной, что видитъ и понимаетъ страданія другихъ, что не считаетъ даже себя вправѣ быть счастливѣе себѣ подобныхъ. Случайно въ разговорѣ вспомнила она, какъ однажды мужъ такъ толкнулъ ее въ грудь, что она насилу вздохнула:

— Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ? (спрашиваетъ Добролюбовъ).

— Такъ и жить (отвѣчаетъ бригадирша, обращаясь къ Софьѣ). Развѣ я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ бывало нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванію Гвоздиловъ...

и она разсказываетъ съ глубокимъ состраданіемъ и сочувствіемъ, какъ тяжела была жизнь жены этого Гвоздилова.

Преданная и терпѣливая жена, бригадирша является передъ нами и нѣжной матерью: она безгранично любитъ своего недостойнаго сына, любитъ до наивной готовности покривить даже для него душою.—Женщина необразованная и недалекая, она обладаетъ, однако, здравымъ смысломъ, и потому отличается даже нѣкоторой свободой воззрѣній. По поводу замѣчанія совѣтника, что у Бога «всѣ власы главы нашея изочтены суть», бригадиръ выражаетъ сомнѣніе, что изочтены и у простыхъ людей, а бригадирша говоритъ ему:

Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры всѣ въ одномъ рангѣ.

(I д., 1 явл.).

Инстинктивное сочувствіе Фонвизина народнымъ чертамъ характера бригадирши показываетъ намъ, что знаменитый комикъ нашъ былъ человѣкъ русскій въ душѣ; а то, что онъ эти черты оставлялъ какъ будто въ тѣни и какъ будто готовъ былъ затушевать ихъ преувеличеннымъ изображеніемъ иныхъ чертъ, говоритъ о его безсознательности. Любя въ тайнѣ души свою героиню, поэтъ не смѣлъ (въ качествѣ просвѣщеннаго европейца) самому себѣ признаться въ этомъ. Эту наивность въ Фонвизинѣ, эту борьбу въ немъ инстинктивныхъ симпатій съ сознательнымъ отношеніемъ къ жизни, прекрасно подмѣтилъ Достоевскій:

«Этотъ человѣкъ (говоритъ про Фонвизина авторъ «Зимнихъ замѣтокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ») по своему времени былъ большой либералъ. Но хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ,

пудру и шпажонку сзади для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней Потемкина, но только-что высунулъ свой носъ за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что «разсудка французъ не имѣетъ» да еще имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастіе... Почему именно не Софьѣ, представительницѣ благороднаго и гуманнаго европейскаго развитія въ комедіи, вложилъ Фонвизинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ «Бригадирѣ», а дурѣ бригадиршѣ, которую онъ до того ужъ поддѣлывалъ дурой, да еще не простой, а ретроградной дурой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя та говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее, всетаки, сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой дурой, даже дурной женщиной сдѣлалъ, а, всетаки, какъ будто боялся и даже художественно невозможнымъ почелъ, чтобы такая фраза изъ устъ благовоспитанной по-оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобы ее изрекла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить, это чрезвычайно любопытно и интересно тѣмъ, что написано безъ всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже, можетъ быть, нечаянно. Бригадирша говоритъ Софьѣ:

...«у насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ по прозванію Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмѣльной; такъ, вѣришь ли, мать моя, что гвоздитъ ее, бывало, — въ чемъ душа останется, а не дай, не вынеси за што. Ну, мы, наше сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя.

«Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

«Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь, каково же было терпѣть капитаншѣ.

«Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у Фонвизина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе».

Французоманію русскаго общества своего времени Фонвизинъ обличаетъ живыми очерками характеровъ петиметра Иванушки и щеголихи совѣтницы.

Иванушка, воспитанный по модѣ въ Парижѣ (куда отправили его, увлеченные общимъ примѣромъ, родители, хотя сами были простыми русскими людьми на старый ладъ), Иванушка вернулся на родину совершеннымъ дуракомъ, не развившись умственно, а напротивъ оглупѣвъ подъ руководствомъ своего ментора французскаго кучера, не знавшаго грамотѣ; этимъ менторомъ Иванушка очень доволенъ, и совѣтуетъ всѣмъ уважать французскихъ учителей. Родину свою, все русское, Иванушка презираетъ, отъ Франціи же онъ въ восхищеніи.

Тѣло мое (говоритъ онъ) родилось въ Россіи, это правда; однако, духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

— Однако, ты, всетаки, Россіи больше обязанъ, нежели Франціи (замѣчаетъ на это отецъ). Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

— Вотъ, батюшка (продолжаетъ Иванушка), теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

— Ну, не прямой ли ты болванъ? (восклицаетъ бригадиръ) я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой оселъ!

Глупость Иванушки замѣтили уже въ Парижѣ; онъ разсказываетъ, что тамъ въ обществѣ, вездѣ, куда онъ ни приходилъ, восхищались его разговоромъ, слушали его и объ немъ говорили, причемъ

«у всѣхъ радость являлась на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декламировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ (объясняетъ онъ), что они обо мнѣ думаютъ».

Глупость, а также отсутствіе всякихъ нравственныхъ правилъ и чувствъ выражаются въ отношеніяхъ Иванушки къ родителямъ, которыхъ онъ и не уважаетъ, и не любитъ. Узнавъ, что отецъ его также влюбленъ въ совѣтницу, онъ хочетъ вызвать отца по-модному на поединокъ. «Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur»,— говоритъ онъ бригадиру въ другомъ случаѣ, и поясняетъ, что «когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ», то и онъ, Иванушка, не обязанъ отцу ни «малѣйшимъ респектомъ». — Взгляды Иванушки на бракъ и на отношенія дѣтей къ родителямъ—самые модные. На слова совѣтника: «Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ», Иванушка возразилъ:

Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оставилъ на людское произволеніе — любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Иванушка не даромъ плѣнился совѣтницей, съ которой совершенно согласенъ во мнѣніи, что кружева украшаютъ голову лучше знаній, а также и въ томъ, что крестьяне — существа достойныя презрѣнія, — совѣтница однихъ съ нимъ взглядовъ на жизнь, на Россію, на Францію, на моды. Она кокетка, щеголиха, пристрастная ко всему иноземному, и женщина, легко смотрящая на обязанности супруги. Она—прекрасный образецъ внѣшняго усвоенія западно-европейской цивилизаціи, или, лучше сказать, усвоенія ея ложныхъ сторонъ. Все родное, особенно крестьянъ, трудомъ которыхъ живетъ, она презираетъ.

— Пожалуй, скажи мнѣ (спрашиваетъ ее бригадирша), что у васъ идетъ людямъ, застольное или деньгами?

— Шутишь, радость моя (отвѣчаетъ совѣтница), я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина!

Очень интересенъ языкъ, которымъ говоритъ совѣтница,—модное, или «щегольское нарѣчіе»:

Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? (обращается она къ мужу). Опомнись, полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

Фонвизинъ нарисовалъ въ своихъ произведеніяхъ нѣсколько образцовъ кокетокъ, въ родѣ совѣтницы. Такова, напримѣръ, княгиня Халдина (въ сочиненіи «Разговоръ у княгини Халдиной»), имѣющая обыкновеніе одѣваться при мужчинахъ.

Извините меня, сударь, что глупость людей моихъ заставила васъ сидѣть въ скукѣ,

обращается она къ Здравомыслову, ожидавшему въ ея гостиной, пока она была занята своимъ туалетомъ, и затѣмъ кричитъ на горничную: «Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться!»

— Да вѣдь стыдно, ваше сіятельство! (возражаетъ горничная).

— Глупа, радость! (негодуетъ на нее за этотъ отвѣтъ княгиня). Я столько свѣтъ знаю, что мнѣ стыдно чего нибудь стыдиться.

Въ этомъ же «Разговорѣ у княгини Халдиной» Сорванцовъ разсказываетъ о другой модной щеголихѣ—своей теткѣ; она выдавала себя въ свѣтѣ за чадолюбивую мать, и вѣрную супругу, за добрую хозяйку и набожную женщину, а на самомъ дѣлѣ больше всего заботилась о томъ, чтобы дѣти были подальше отъ нея и не безпокоили ее:

«крикъ малолѣтнихъ дѣтей ей нестерпимъ (говоритъ Сорванцовъ), хотя она нимало не скучаетъ лаяніемъ трехъ болонскихъ собаченокъ и болтаньемъ сороки, коихъ держитъ непрестанно подлѣ себя».

Что же касается супружеской вѣрности, то тетка Сорванцова, по его свидѣтельству, можетъ гордиться ею лишь на словахъ: она лицемѣрно не прощаетъ никакой слабости женщинамъ, а между тѣмъ ея послѣдній сынъ какъ двѣ капли воды походитъ на живущаго у нея въ домѣ гувернера Шевалье Какаду.—Про этого Шевалье Какаду воспитанникъ его Сорванцовъ разсказываетъ (характеризуя его и подобныхъ ему наставниковъ иностранцевъ):

«Онъ вселялъ въ сердца наши ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему русскому и любовь ко французскому. Сей образъ наставленія есть обыкновенная система большей части чужестранныхъ учителей. Шевалье нашъ былъ надмененъ, хвастливъ и неблагодаренъ. Надменность его состояла въ томъ, что онъ хозяевъ и слугъ за людей не считалъ. По его словамъ, онъ зналъ всѣ науки, которыя и намъ показать обѣщалъ. Особенно въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ выдавалъ себя за мастера... Я думаю, что нашъ Шевалье и самъ не умѣлъ грамотѣ, ибо я его ни за книгой, ни съ перомъ въ рукахъ никогда не видывалъ».

Какаду—одинъ изъ нѣсколькихъ, изображенныхъ Фонвизинымъ иностранныхъ гувернеровъ. Въ комедіи «Выборъ гувернера» мы встрѣчаемъ подобнаго этому Какаду учителя француза Пеликана. Резонеръ комедіи дворянскій предводитель Сеумъ разсказываетъ графинѣ Самодуровой про Пеликана, что «сей пустоголовый французъ» былъ, по всей вѣроятности, подлѣкаремъ въ какой нибудь богадѣльнѣ во Франціи, и «умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли,

но больше ничего не знаетъ». Пріѣхавъ въ Россію, онъ сдѣлался учителемъ въ дворянскомъ домѣ. По представленію Сеума намѣстникъ прогналъ его изъ своего намѣстничества, считая «такихъ побродягъ зловредными отечеству».

Еще типъ подобнаго же учителя встрѣчаемъ мы въ «Недорослѣ»; это—нѣмецъ Вральманъ, бывшій прежде кучеромъ у Стародума и нанявшійся потомъ, за неимѣніемъ кучерскаго мѣста, въ учителя къ Митрофанушкѣ Простакову, котораго взялся обучать пофранцузски, понѣмецки и всѣмъ наукамъ, но на самомъ дѣлѣ ничему не учитъ, ибо самъ ничего не знаетъ. Вральманъ притомъ и нечестный человѣкъ: зная слабость Простаковой къ сыну, онъ потворствуетъ его лѣности, мѣшаетъ заниматься другимъ учителямъ... Замѣчательно, что Вральмана пригласили въ наставники къ сыну Простаковы, люди на старый ладъ, не знающіе иностранныхъ языковъ и ничего вообще иностраннаго. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ, подобно бригадиру, отправившему своего Иванушку въ Парижъ, по общему обычаю, увлеченные общею модою. Такъ бывало и въ жизни; Порошинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что къ одному помѣщику нанялся въ учители чухонецъ, выдавшій себя за француза, и научилъ дѣтей его чухонскому языку вмѣсто французскаго.

Личность Вральмана приводитъ насъ къ комедіи «Недоросль», главному произведенію Фонвизина. «Недоросль» относится къ 1782 году, и появился въ свѣтъ 16 годами позже «Бригадира», когда талантъ поэта вполнѣ развился; это и отразилось на самой комедіи: она по содержанію серьезнѣе «Бригадира», и драматическое дѣйствіе развивается въ ней проще и естественнѣе, въ ней нѣтъ искусственно придуманныхъ, такъ сказать, водевильныхъ столкновеній. Но, впрочемъ, и въ ней большую роль играютъ случайности; такъ, напримѣръ, развязка пьесы, по справедливому замѣчанію князя Вяземскаго, есть своего рода deus ex machina; она производится не ходомъ обстоятельствъ, а волею Стародума, по праву родства, или волею Правдина, по силѣ закона.

Дѣйствующія лица «Недоросля», какъ и «Бригадира», какъ и вообще комедій XVIII вѣка, раздѣляются на порочныхъ и резонеровъ. Первая группа можетъ быть еще подраздѣлена на лицъ комическихъ, художественно обрисованныхъ поэтомъ, каковы, напримѣръ, Простакова, Митрофанъ, Скотининъ, и на лицъ каррикатурныхъ, изображая которыхъ Фонвизинъ, по своей наклонности къ шаржу, впалъ въ преувеличеніе, таковы—Простаковъ, Кутейкинъ и нѣкоторые другіе.

Главное лице комедіи—Простакова: отъ нея зависятъ въ пьесѣ всѣ и все; она управляетъ и домомъ, и мужемъ, и сыномъ, и крестьянами. Авторъ обрисовалъ свою героиню очень обстоятельно и многосторонне; Простакова представлена намъ въ комедіи и какъ

мать, и какъ жена, и какъ помѣщица; мы знакомимся и съ ея воспитаніемъ въ домѣ отца ея—Скотинина.

Въ «Бригадирѣ» Фонвизинъ осмѣялъ воспитаніе по модѣ, на французскій ладъ; въ «Недорослѣ» мы видимъ сатиру на воспитаніе по-старинѣ, воспитаніе, ограничивающееся питаніемъ ребенка, закармливаніемъ его и пріученіемъ къ праздности и лѣни. Простакова любитъ сына: заботится, чтобы онъ не былъ утомленъ, чтобы онъ больше ѣлъ, хлопочетъ объ его будущей служебной карьерѣ, о томъ, чтобы женить его на богатой невѣстѣ; она дерется за него съ братомъ—Тарасомъ Скотининымъ, и т. д., и т. д., на каждомъ шагу проявляетъ она свою нѣжность къ Митрофанушкѣ; но нѣжность эта и любовь—совершенно животныя; не даромъ Простакова сама сравниваетъ себя съ собакой:

У меня материно сердце (говоритъ она). Слыхано ли, чтобы сука щенятъ своихъ выдавала? (Д. III, явл. 3).

Она нисколько не думаетъ и не заботится объ умственномъ развитіи сына. Нанявъ ему учителей, она сама не даетъ имъ заниматься дѣломъ. Она презираетъ образованіе, не только науки, но и простую грамотность; съ негодованіемъ говоритъ она, по поводу полученія Софьей письма отъ дяди:

Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

И Митрофана она воспитываетъ какъ дѣвушку: 16-лѣтній юноша, онъ съ указкой въ рукахъ еле разбираетъ часословъ, повторяя слова вслѣдъ за учителемъ; да и такое упражненіе въ чтеніи Простакова останавливаетъ, когда вбѣжавшій Вральманъ заявилъ опасеніе, что ребенка могутъ замучить россійскою грамотой, между тѣмъ какъ дворянинъ можетъ и безъ нея авансировать въ свѣтѣ. Вральману, какъ ничему не учащему ребенка и другимъ учить мѣшающему, Простакова покровительствуетъ: онъ и жалованья получаетъ въ 30 разъ больше, чѣмъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ, онъ и обѣдаетъ за столомъ съ господами, съ нимъ и обращаются вѣжливо.—Присутствуя на урокѣ ариѳметики, Простакова не даетъ сыну рѣшить ни одной задачи, и заканчиваетъ ариѳметическія упражненія сына заявленіемъ, что ариѳметика и наука-то пустая: нѣтъ денегъ, такъ и считать нечего, а есть деньги, такъ сочтемъ и безъ нея. Въ такомъ же родѣ замѣчаніе дѣлаетъ она и о географіи на устроенномъ Стародумомъ и Правдинымъ по ея просьбѣ экзаменѣ Митрофана (географія оказывается наукой не дворянской, ибо если дворянинъ захочетъ куда ѣхать, то извозчикъ свезетъ «куда изволишь»,—острота, заимствованная, какъ извѣстно, Фонвизинымъ изъ повѣсти Вольтера Jeannot et Colin, но очень подошедшая къ нашей жизни). Тутъ же на экзаменѣ, заявивъ, что, конечно, все то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка, Простакова

произноситъ при сынѣ и окончательный приговоръ образованію вообще: «Безъ наукъ люди живутъ и жили», говоритъ она, подкрѣпляя свою общую мысль ссылкою на примѣръ своего отца, который «не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить» и былъ воеводою. «Да что за радость и выучиться-то?»—продолжаетъ она:—«кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность».—Глубоко въ душу Митрофанушкѣ западаютъ такія наставленія; и если онъ еще учится, то учится только «для виду» (какъ выразилась сама Простакова, прося его заняться, пока отдыхаетъ Стародумъ), и при первомъ же случаѣ заявляетъ свой протестъ знаменитою угрозой, вошедшей въ поговорку: «не хочу учиться—хочу жениться!»

Мѣшая сыну учиться, Простакова мѣшаетъ ему быть и хорошимъ человѣкомъ, сама портитъ его: учитъ быть непочтительнымъ къ отцу, грубымъ съ нянькой Еремѣевной, которая жизни для него не жалѣетъ, грубымъ съ учителями,—«ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича!»—выражаетъ она свое неудовольствіе Цифиркину, когда тотъ обидѣлся словами Митрофана: «Ну, ты, гарнизонная крыса, поворачивайся, задавай зады!»—«Найдешь деньги—ни съ кѣмъ не дѣлись, всѣ себѣ возьми, Митрофанушка»,—говоритъ Простакова по поводу одной задачи на урокѣ. Наконецъ, она учитъ сына возмутительному дѣлу—насильно увезти Софью и насильно съ ней обвѣнчаться.—Развращенный такими наставленіями и совѣтами, баловствомъ и потворствомъ, Митрофанъ въ концѣ концовъ отплачиваетъ матери неблагодарностью, отталкивая ее въ рѣшительную минуту, когда, лишенная власти, она, въ отчаяніи, въ немъ одномъ ищетъ утѣшенія. Она бросается къ нему съ словами: «Одинъ ты у меня остался, Митрофанушка!» А онъ холодно ее останавливаетъ: «Да отвяжись, матушка! какъ навязалась!» Даже желѣзные нервы Простаковой не выдерживаютъ—и она падаетъ безъ чувствъ въ обморокѣ.

Въ этой прекрасной сценѣ выказался съ полною силой серьезный комизмъ пьесы: безсознательно портя сына, Простакова и не догадывалась, что готовитъ себѣ не утѣшеніе, а несчастье, и поражена постигшей ее неожиданностью для нея, и недоумѣваетъ...

Не будемъ говорить о Простаковой, какъ о женѣ: мужъ ея изображенъ такимъ безвольнымъ и такимъ глупымъ существомъ, что теряетъ всякое подобіе человѣка и обращается въ грубую каррикатуру.

Но чрезвычайно замѣчательно изображеніе Простаковой какъ помѣщицы. Здѣсь Фонвизинъ поднялъ благородный голосъ въ защиту крѣпостнаго крестьянина, которому такъ невыносимо тяжело жилось въ Екатерининскія времена:

Все сама управляюсь, батюшка (говоритъ Простакова Правдину). Съ утра до вечера какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка! (II д., 5 явл.).

Простакова бранитъ и бьетъ слугъ своихъ втеченіе всей комедіи. Портнаго-самоучку Тришку ругаютъ за то, что онъ сшилъ кафтанъ Митрофанушкѣ, по мнѣнію Простаковой, слишкомъ узкимъ; Еремѣевну бранятъ за то, что она не дала «ребенку» утромъ «шестой булочки», послѣ того какъ онъ пять «скушать изволилъ», пре-



Д. И. Фонвизинъ.
Съ гравированнаго портрета Скотникова.

дварительно объѣвшись наканунѣ вечеромъ за ужиномъ. Еремѣевну бьютъ постоянно; ей, по ея словамъ, приходится «по пяти рублей на годъ да по пяти пощечинъ на день». «Нажалуюсь матушкѣ, такъ она тебѣ изволитъ дать таску повчерашнему»,—грозитъ нянькѣ Митрофанушка, когда та уговариваетъ его: «да поучись хоть не-

множко!» (II д., 4 явл.).—Когда не удалось увезти Софью, Простакова хочетъ «за слугъ приниматься»... Дѣйствуя такъ, она въ то же время и теоретически оправдываетъ свои дѣйствія. «Мастерица толковать указы!»—замѣчаетъ Стародумъ, когда она ссылается на указъ Петра III «о вольности дворянства», объясняя его какъ разрѣшеніе помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами все что хотятъ. «Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ!»—сокрушается она въ концѣ комедіи въ отвѣтъ на утѣшенія Стародума, что она почувствуетъ себя лучше, «потерявъ силу дѣлать другимъ дурно».—Признавая неограниченныя права за помѣщиками, Простакова крестьянъ считаетъ не людьми, а какими-то безправными существами, стоящими чуть не ниже животныхъ: они, напримѣръ, по ея мнѣнію, не имѣютъ права быть больными. Услыхавъ, что служанка «Палашка» захворала, лежитъ и бредитъ, она кричитъ въ комическомъ негодованіи: «Лежитъ? Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто благородная!.. Бредитъ, бестія, какъ будто благородная!» (III д., 4 явл.).—Такъ смотря на крестьянъ и такъ обращаясь съ ними, Простакова, совершенно согласно съ этимъ, и разорила ихъ; еще въ началѣ комедіи она проситъ достойнаго братца своего Скотинина поучить ее собирать оброкъ (онъ славится какъ мастеръ этого дѣла). «Съ тѣхъ поръ (говоритъ она) какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже собрать не можемъ. Такая бѣда!»

Фонвизинъ не ограничился очеркомъ характера своей героини въ настоящемъ,—онъ очень искусно показалъ намъ и образованіе этого характера. Въ 3-мъ актѣ, а потомъ въ сценѣ экзамена Митрофана, г-жа Простакова разсказываетъ объ отцѣ своемъ и о томъ, какъ ихъ, дѣтей, вели въ дѣтствѣ. Старикъ Скотининъ, человѣкъ невѣжественный и даже безграмотный, былъ взяточникъ и скупецъ и любви къ дѣтямъ не чувствовалъ, не заботился о нихъ, они росли какъ грибы въ лѣсу: изъ 18 человѣкъ остались въ живыхъ только двое, остальные — кто съ колокольни свалился, кто угорѣлъ въ банѣ, кто отравился. Не только дочку, но и сына, Тараса, онъ ничему не училъ; «прокляну (говорилъ онъ) ребенка, который что нибудь переиметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ». Ни Простакова, ни братъ ея не видѣли въ дѣтствѣ свѣтлаго примѣра, не знали въ себѣ любви,—и сердца ихъ очерствѣли еще въ юности. Если Простакова, не смотря на это, любитъ своего сына, то такое чувство, какимъ бы ни было оно ложнымъ и изуродованнымъ, есть, всетаки, ея личное достоинство.

Въ этомъ отношеніи Митрофанушка составляетъ совершенную ей противоположность: онъ видѣлъ къ себѣ любовь и ласку матери; но его сердце оказалось холоднымъ и эгоистичнымъ; въ нравственномъ отношеніи онъ стоитъ еще ниже матери. Кстати будетъ

сказать нѣсколько словъ и о немъ, — его личность обрисована авторомъ весьма художественно. Имя Митрофана давно стало синонимомъ глупости. И въ самомъ дѣлѣ, онъ совсѣмъ не умѣетъ думать; признаваемый матерью за ребенка, онъ, 16-ти-лѣтній юноша, самъ считаетъ себя дитятей и, перепуганный Скотининымъ, бросается къ старухѣ-нянькѣ съ крикомъ: «Мамушка, заслони!» Онъ ничего не знаетъ, онъ не можетъ повторить слова, съ которыми мать приказала ему обратиться къ Стародуму, глупо переспрашиваетъ и глупо говоритъ: «ты мнѣ второй отецъ, дядюшка!» Но его глупость — благопріобрѣтенная, а не прирожденная; объ этомъ свидѣтельствуетъ его находчивая хитрость: онъ, напримѣръ, такъ умѣетъ притворяться, пока ему это выгодно, любящимъ сыномъ, что обманываетъ не только мать, но можетъ ввести въ заблужденіе искусствомъ игры и читателя или зрителя комедіи. Типъ Митрофана такой живой и яркій, что онъ не только не умеръ донынѣ, но, можно сказать, сдѣлался безсмертнымъ; самое имя Митрофанъ, отождествившись съ потерявшимъ прежнее значеніе словомъ «недоросль», обратилось въ имя нарицательное.

Не будемъ останавливаться на характеристикѣ другихъ порочныхъ лицъ комедіи; а обратимся къ ея резонерамъ.—Резонеры комедій прошедшаго вѣка, такъ для насъ скучные, очень нравились публикѣ своего времени. Въ «Письмѣ къ Стародуму» (сочиненіи, предназначенномъ для журнала «Другъ честныхъ людей») Фонвизинъ положительно говоритъ, что «Недоросль» обязанъ своимъ успѣхомъ, главнымъ образомъ, личности Стародума. XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ разсудочности и резонерства. Но и для насъ резонеры имѣютъ значеніе и представляютъ интересъ, только интересъ совсѣмъ другаго рода—историческій: выражая мнѣнія автора пьесы, они знакомятъ насъ съ его міровоззрѣніемъ, съ его взглядами и чувствами, съ его характеромъ. — Между разонерами «Недоросля» первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Стародуму. Это — любимая личность Фонвизина: задумавъ въ концѣ жизни издавать сатирическій журналъ, поэтъ далъ ему названіе «Стародумъ, или Другъ честныхъ людей». Въ разсужденія этого своего резонера Фонвизинъ вложилъ задушевнѣйшія свои мысли; онъ такъ любилъ его, что даже придалъ ему нѣкоторую художественную жизненность: Стародумъ не такъ отвлеченъ, какъ другіе резонеры.

Въ разсужденіяхъ Стародума сказались симпатіи и взгляды кореннаго русскаго человѣка, человѣка родной старины.—Самое имя указываетъ, что онъ думаетъ постарому; впрочемъ, онъ тяготѣетъ душою не къ древней старинѣ, а къ старинѣ Петровской; онъ предпочитаетъ время великаго царя своему, потому что тогда было проще и люди дѣло дѣлали, а не выслуживались происками: «тогда (говоритъ онъ) придворные были воины, да воины не были придворные».—Въ характерѣ Стародума нѣтъ эгоизма. Онъ постоянно

высказываетъ ту идею, что человѣкъ долженъ трудиться не для себя, а на общую пользу; выйдя въ молодости въ отставку, потому что его, заслужившаго награду, обошли ею, а наградили даромъ товарища его, сына «случайнаго» человѣка, онъ теперь обвиняетъ себя за такой поступокъ; «лучше быть безъ вины обойдену, чѣмъ безъ заслугъ пожаловану», говоритъ онъ, думая, что человѣкъ долженъ забыть себя, служа общему дѣлу.—Совершенно согласно съ этимъ, Стародумъ добръ; онъ прощаетъ Простакову, когда та лишилась власти дѣлать зло и проситъ о помилованіи; онъ даже сострадаетъ ей, когда Митрофанушка грубо выказалъ свою холодность къ ней, останавливаетъ и упрекаетъ безсердечнаго недоросля.

«Не тотъ богатъ (говоритъ Стародумъ), который отсчитываетъ деньги, чтобы прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобы помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго».

Спокойствіе и самообладаніе, такъ гармонирующія съ добродушіемъ, также отличительныя черты Стародума: «у меня правило—ничего съ перваго побужденія не начинать»,—говоритъ онъ.—Взгляды его на любовь, на бракъ, на семейныя отношенія—чисто русскіе взгляды. Любовь, по его мнѣнію, должна быть спокойной, но неизмѣнной и вѣчной; въ такомъ духѣ даетъ онъ совѣты Софьѣ, подготовляя ее къ замужеству. Онъ негодуетъ на современные браки, которые заключаются не по сердечной любви и уваженію другъ къ другу, а по разсчету, на современную порчу нравовъ. Въ нынѣшнихъ брачныхъ союзахъ,—говоритъ онъ,—

«вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Они стали другъ другу въ несносную тягость... Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли». (IV д.. 2 явл.).

Идеалъ жены, какъ онъ нарисованъ Стародумомъ, напримѣръ, въ «Отвѣтѣ Софьѣ» (предназначавшемся для «Друга честныхъ людей»),—совершенно русскій: жена должна отличаться добротой, смиреніемъ и самоотверженіемъ (это напоминаетъ намъ Бригадиршу).

Человѣкъ съ яснымъ и здравымъ умомъ, Стародумъ совершенно чуждъ аристократическихъ тенденцій и не цѣнитъ и не уважаетъ знатности рода. Онъ говоритъ, что

«разсчитываетъ степени знатности по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ для себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются у него въ передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами». (IV д., 2 явл.).

Здравый умъ сказывается и въ остроумномъ подсмѣиваньѣ его надъ Скотининымъ, и въ его отношеніяхъ къ французской филосо-

фіи XVIII вѣка. Объ этой послѣдней онъ разсуждаетъ весьма трезво; онъ говоритъ, что философы вѣка «искореняютъ предразсудки», но вмѣстѣ съ тѣмъ «воротя съ корня добродѣтель».

Таковъ Стародумъ въ его разсужденіяхъ. Мы видимъ, что за любимымъ резонеромъ Фонвизина кроется русская душа самого поэта съ ея народными чувствами и воззрѣніями. Но Фонвизинъ былъ прикосновененъ къ европейскому просвѣщенію, увлекался нѣкоторыми идеями вѣка, самъ того не сознавая; и вотъ почему онъ не выдерживаетъ образа Стародума и приписываетъ своему любимцу черты ему несвойственныя, наивно не догадываясь о вытекающемъ отсюда противорѣчіи. Стародумъ разсуждаетъ о воспитаніи подъ очевиднымъ вліяніемъ идей западно-европейскихъ педагоговъ-мыслителей: воспитаніе ставитъ онъ безконечно выше образованія, находя, что «умъ, коли онъ только умъ,—сущая бездѣлица» и что прямую цѣну ему даетъ только благонравіе, безъ котораго просвѣщеннѣйшій умница—«жалкая тварь». Ложь здѣсь, конечно, не въ томъ, что признается неправдою, зломъ, одностороннее развитіе человѣка, развитіе одного ума, а въ томъ, что умъ и образованіе считаются чѣмъ-то мелкимъ и неважнымъ. Народные педагогическіе взгляды Новикова придавали одинаковое значеніе уму и сердцу человѣка, образованію и воспитанію, ставя то и другое во взаимную зависимость. Отсутствію въ Стародумѣ аристократическихъ тенденцій противорѣчатъ его разсужденія на рыцарскій ладъ о дворянскомъ достоинствѣ. «Дворянинъ не достойный быть дворяниномъ—подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю»,— говоритъ онъ.—Въ этихъ словахъ весьма наивно дворянское достоинство поставлено выше достоинства человѣческаго. Выше было указано, что такъ разсуждалъ иногда Фонвизинъ и отъ своего лица.

Несравненно менѣе замѣчательны другіе резонеры комедіи. Отвлеченность ихъ вредитъ поэтическимъ достоинствамъ пьесы и даже ея благородной сатирѣ: мы видѣли выше, что возвышенное обличеніе Фонвизинымъ неправды крѣпостнаго права подрывается личностью чиновника Правдина: нѣтъ необходимости освобождать крѣпостныхъ, когда можно сдержать ихъ произволъ неусыпнымъ бюрократическимъ надзоромъ (говоритъ самое существованіе этой личности въ комедіи).—Но художественное чувство автора «Недоросля» было, однако, такъ сильно, что выражалось порой даже въ изображеніи подобныхъ отвлеченныхъ личностей, или, точнѣе, въ изображеніи ихъ отношеній къ другимъ лицамъ, какъ, напримѣръ, въ той сценѣ, гдѣ Правдинъ отнимаетъ власть у Простаковой и велитъ Скотинину предупредить другихъ ихъ родственниковъ— «чему они подвержены». Фонвизинъ заставляетъ въ эту минуту Правдина (обращая его почти въ живое лице) усомниться въ силѣ своихъ распоряженій:

Скотининъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу ихъ, чтобъ они людей...
Правдинъ. Побольше любили бъ по крайней мѣрѣ...
Скотининъ. Ну...
Правдинъ. Хоть не трогали.
Скотининъ (отходя). Хоть не трогали.

Художественное чувство поэта поправило здѣсь ошибку его отвлеченнаго сознанія, его резонерства.

Главное произведеніе Фонвизина, комедія «Недоросль», даетъ намъ возможность опредѣлить и самый характеръ Фонвизинскаго смѣха. Смѣхъ бываетъ различный: иногда онъ кипитъ негодованіемъ (таково «Горе отъ ума» Грибоѣдова), иногда онъ проникнутъ печалью, скорбью о падшемъ человѣкѣ и сквозь него слышатся слезы (таковъ юморъ великаго Гоголя). Въ Фонвизинскомъ смѣхѣ нѣтъ негодованія и скорби; но онъ отличается спокойной трезвостью и спокойнымъ добродушіемъ. Поэтъ не возбудитъ въ читателѣ гнѣва и негодованія къ своимъ порочнымъ героямъ; но отъ него не укроется ни одинъ изъ ихъ недостатковъ, и всѣ эти недостатки нарисованы въ смѣшномъ, въ комическомъ видѣ, всѣ ихъ покаралъ смѣхъ здраваго ума.

Такимъ, какъ въ «Недорослѣ» и «Бригадирѣ», этотъ смѣхъ является и въ другихъ сочиненіяхъ Фонвизина. Особенно силенъ онъ и ярокъ въ небольшихъ статейкахъ, заготовленныхъ для журнала «Стародумъ, или Другъ честныхъ людей». Журналъ этотъ поэтъ предполагалъ издавать въ 1788 году; но это не было ему дозволено. «Здѣшняя полиція воспретила печатаніе «Стародума», и такъ я не виноватъ, если онъ въ публику не выйдетъ»,—писалъ Фонвизинъ графу П. И. Панину, 4-го апрѣля 1788 года, изъ Петербурга, возвратившись изъ своего втораго путешествія по Европѣ[1]). Содержаніе «Друга честныхъ людей» должно было быть чрезвычайно разнообразнымъ и дѣльнымъ. Издатель предполагалъ преслѣдовать въ немъ своею сатирой всевозможные пороки современнаго ему общества: казнокрадство, взяточничество и праздность чиновниковъ, высокомѣріе и произволъ сильныхъ людей, придворныхъ, ихъ пустоту и мотовство, современную распущенность нравовъ, невѣжество, суровость къ крестьянамъ дурныхъ помѣщиковъ. Въ «Разговорѣ у княгини Халдиной», въ образѣ княгини изображена модная щеголиха, а въ Сорванцовѣ—незнакомый съ законами и дѣлопроизводствомъ судья, который спитъ за судейскимъ столомъ во время засѣданія. Въ чрезвычайно остроумной перепискѣ Взяткина съ покойнымъ его превосходительствомъ, произведеннымъ въ большой чинъ и посаженнымъ знатнымъ судьей «безъ всякихъ трудовъ, по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго», прекрасно осмѣяна чиновничья кривда. Взяткинъ про-

[1]) Соч., стр. 355.

сить у сильнаго человѣка мѣстъ: для сына своего Митюшки, который уже въ молодые года обнаружилъ замѣчательныя способности—«сочинилъ совсѣмъ новаго рода сводное уложеніе, пріискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по другому отнять одну и ту же вещь неоспоримо повелѣвается», и для ассесора Простофилина, «котораго за весьма малое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста»; Простофилинъ, въ случаѣ полученія новаго мѣста, дастъ (по словамъ Взяткина) клятвенное обѣщаніе, «что онъ такъ мало до казны никогда не прикоснется и поставитъ себя въ состояніе въ непродолжительномъ времени достойно и праведно возблагодарить его превосходительство».—Чрезвычайно яркими чертами нарисовано невѣжество въ перепискѣ съ «московскимъ профессоромъ» помѣщика Дурыкина, ищущаго учителя для своихъ дѣтей. Въ полномъ блескѣ невѣжества долженъ былъ явиться читателямъ и старый ихъ знакомецъ Тарасъ Скотининъ въ его письмахъ къ сестрѣ Простаковой. Душевно огорченный смертью своей любимой пестрой свиньи Аксиньи, смотря на которую онъ «истинно умирать учился», Скотининъ чуть было не впалъ въ отчаянье; но нашелъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что «прилѣпился къ нравоученію», т. е. сталъ «исправлять березой» «нравы своихъ крѣпостныхъ людей»; онъ проситъ Простакову присылать къ нему ея людей для исправленія, обѣщая, что онъ «на свою руку охулки не положитъ» и всегда радъ доказывать, что онъ — ея достойный братъ.—Въ «Всеобщей придворной грамматикѣ» очень остроумно люди раздѣляются на «гласныхъ, безгласныхъ» и «полугласныхъ», а слова на: односложныя (такъ, князь, рабъ), двусложныя (силенъ, случай, упалъ), «троесложныя» (милостивъ, жаловать, угождать) и многосложныя (высокопревосходительство); чаще всѣхъ спрягается глаголъ «быть должну», ибо «какъ у Двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ», и рѣдко употребляется въ прошедшемъ времени, «ибо никто долговъ своихъ не платитъ».

Сатира журнала «Стародумъ» имѣла очень серьёзную подкладку. Въ этомъ журналѣ Фонвизинъ хотѣлъ быть не только юмористомъ, но и публицистомъ. Въ самыхъ сатирическихъ статьяхъ есть мѣста совершенно серьёзныя по тону; таково, напримѣръ, разсужденіе Сорванцова о взяточничествѣ въ «Разговорѣ у княгини Халдиной»:

«Вообразите судью честнаго человѣка. Онъ дворянинъ, имѣетъ родню и знакомство, то есть, живетъ въ обществѣ, имѣетъ дѣтей, требующихъ воспитанія; но нѣтъ у него, кромѣ жалованья, другихъ доходовъ; а жалованья получаетъ только 450 рублей. Скажите мнѣ ради Бога: какъ онъ можетъ содержать жену, дѣтей и домъ такою малою суммою и въ такое время, когда нужнѣйшія для жизни вещи взошли до цѣны невѣроятной? Хотя бъ и не хотѣлъ, невольно долженъ сдѣлаться взяткобрателемъ. Вѣдь не всѣ судьи таковы, какъ нашъ г. Безкорыстъ. Онъ взятокъ никогда не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду».

Есть у Фонвизина и чисто-публицистическое сочиненіе, — это его знаменитые «Вопросы», посланные въ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» и появившіеся тамъ (въ 1783 году) вмѣстѣ съ «Отвѣтами» императрицы Екатерины.—«Вопросы» касаются серьёзныхъ явленій общественной жизни (заключая въ себѣ, впрочемъ, по цензурнымъ условіямъ времени, лишь намеки, а не обстоятельное развитіе мыслей автора).—Государственной службѣ, судебной и административной, посвящено нѣсколько вопросовъ. «Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?»—(читаемъ мы во 2-мъ изъ нихъ).—«Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ»,—отвѣтила императрица. Но Фонвизинъ, судя по другимъ «вопросамъ», по «Другу честныхъ людей» и инымъ его сочиненіямъ, думалъ иначе и подразумѣвалъ иной отвѣтъ: оттого, что истинная служба не всегда цѣнится, а возвышаются люди происками и случаями.—«Отчего въ прежнія времена (говорится въ вопросѣ 15-мъ) шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе?»—«Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли», — отвѣтила императрица, прибавивъ замѣчаніе (свидѣтельствующее объ ея неудовольствіи на вопросителя): «сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ».—Къ службѣ же относится и вопросъ 11-й: «Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по бо̀льшей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?» Вопросъ этотъ, очевидно, заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ; очевидно, Фонвизинъ хотѣлъ сказать, что эти знаки почестей не заслужены. Но недовольная императрица сочла нужнымъ отвѣтить иначе, защитивъ служилое сословіе: «Оттого, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели».

Вопросы Фонвизина показываютъ, что поэтъ придавалъ большое значеніе общественному мнѣнію. Въ вопросѣ 9-мъ онъ сѣтуетъ на недостатокъ его у насъ: «Отчего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ почетными людьми?» Императрица отвѣтила съ своей точки зрѣнія: «Оттого, что на судѣ не изобличены». Но Фонвизинъ понималъ дѣло шире: онъ думалъ, что не изобличенный на судѣ можетъ быть, тѣмъ не менѣе, осужденъ общественной совѣстью.—Уваженіе къ общественному мнѣнію сказалось и въ желаніи гласности суда. Въ 5-мъ вопросѣ мы читаемъ: «Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» Въ этихъ словахъ выразилось и пониманіе значенія печати, значенія литературнаго слова. (Въ противоположность тому, что мы видѣли въ «Челобитной Россійской Минервѣ»). Здѣсь кстати будетъ привести слова Стародума изъ его письма, предназначавшагося для «Друга честныхъ людей»:

«Свобода писать... поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага... такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ сограждан своихъ и отечества». И оттого «въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству». (Соч., 230 стр.).

Фонвизинъ сочувствовалъ самодѣятельности общества, желалъ ея расширенія, желалъ участія общества въ законодательствѣ: въ 10-мъ вопросѣ онъ говоритъ: «Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?» Но этотъ вопросъ былъ встрѣченъ неблагосклонно: императрица уже измѣнила въ эту пору свои былые взгляды на свободу слова, на общество и его права. Созвавшая нѣкогда коммиссію выборныхъ для сочиненія Уложенія, императрица теперь гнѣвно отвѣтила на приведенный вопросъ: «отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго».—Кстати будетъ, по поводу отношеній Фонвизина къ свободѣ слова, вспомнить одно выраженіе «Стародума» въ его письмѣ («Другъ честныхъ людей»): «Какого рода и силы было бы Россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ». Слова эти—какъ будто мимоходомъ высказанный намекъ на желаніе представительнаго правленія.

Таковы мнѣнія Фонвизина какъ публициста. Императрица, какъ видимъ, отнеслась къ нимъ неблагосклонно,—и авторъ «вопросовъ» какъ будто испугался. Вслѣдъ за появленіемъ ихъ въ «Собесѣдникѣ», вмѣстѣ съ «отвѣтами», онъ прислалъ въ редакцію журнала статью: «Къ г. Сочинителю Былей и Небылицъ», гдѣ выражаетъ сожалѣніе, что не умѣлъ выполнить добраго намѣренія и дать вопросамъ «приличнаго оборота». Онъ говоритъ, что рѣшилъ «заготовленные еще вопросы отмѣнить», чтобы не быть невинно обвиняему въ свободоязычіи и не подать другимъ повода къ этому свободоязычію, которое всей душой ненавидитъ.

«Всякое ваше неудовольствіе (пишетъ Фонвизинъ), мною въ совѣсти моей ничѣмъ не заслуженное, если какимъ нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю мою жизнь за перо не приниматься» (Соч., стр. 211).

Но испугъ Фонвизина былъ, кажется, вовсе не такъ великъ, какъ обыкновенно думаютъ; въ немъ, должно быть, было много формальнаго, условнаго. По крайней мѣрѣ, пользуясь благосклоннымъ отвѣтомъ императрицы на вопросъ: «отъ чего тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» («Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было»), Фонвизинъ въ этой же самой статьѣ «Къ г. Сочинителю Былей и Небылицъ» очень обстоятельно развиваетъ идею этого вопроса (что̀ нѣсколько

противорѣчитъ намѣренію отказаться впередъ отъ всякихъ вопросовъ):

«Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду (пишетъ онъ), что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія... Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся... Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина купно, съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ» и т. д.

Желаніе обществу самодѣятельности, придаваніе большаго значенія общественному мнѣнію, все это, такъ противорѣчащее философской идеѣ просвѣщеннаго деспотизма, возвеличивавшей значеніе личности, все это свидѣтельствуетъ о народности характера Фонвизина. О томъ же, можно сказать, говоритъ и его наклонность къ разработкѣ общественныхъ вопросовъ: надъ подобною работой много потрудилось позднѣйшее славянофильство, котораго Фонвизинъ былъ однимъ изъ предвозвѣстниковъ, какъ писатель народнаго направленія.

Народность личности Фонвизина, а вмѣстѣ и наивная непосредственность этой личности, ярко выразились въ его письмахъ изъза границы къ роднымъ и къ графу П. И. Панину. Письма эти—въ высшей степени замѣчательны, и не только въ біографическомъ отношеніи, не только въ историческомъ (какъ прекрасный историческій матеріалъ), а и въ отношеніи литературномъ: это остроумные, подчасъ чрезвычайно художественные очерки чужой жизни, нравовъ разныхъ народовъ.

Большая часть писемъ относится къ Франціи, передовой странѣ тогдашней Европы.—Никакъ нельзя согласиться съ княземъ Вяземскимъ, что нашъ путешественникъ смотрѣлъ на эту страну враждебно и глазами предразсудка.—Фонвизинъ вынесъ изъ своего путешествія по Франціи убѣжденіе, «что во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди». (Соч., стр. 444). Но, во-первыхъ, этотъ выводъ его относится не къ одной Франціи; а, во-вторыхъ, онъ писалъ изъ Парижа (графу Панину, 20 (31) марта 1778 года) также и слѣдующее:

«Не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе, однако жъ, не ослѣпляетъ меня до того, чтобы не видѣть здѣсь столько же, или и больше, совершенно дурнаго и такого, отъ чего насъ Боже избави».

Фонвизинъ видитъ во Франціи больше дурнаго, чѣмъ хорошаго, но въ разныхъ письмахъ своихъ онъ указываетъ въ ней и много, по его мнѣнію, прекраснаго. Такъ, онъ говоритъ (и не разъ), что французскому характеру свойственна доброта, что французы—«нація просвѣщенная, чувствительнѣйшая и человѣколюбивая»; онъ во-

схищается французской комедіей, французскимъ краснорѣчіемъ, фабриками и мануфактурами; какъ на предметъ достойный почтенія, указываетъ онъ на французскій патріотизмъ:

«Здѣсь нѣтъ ни одного ученаго человѣка, который не имѣлъ бы вѣрнаго пропитанія; да къ тому-жъ всѣ они такъ привязаны къ своему отечеству, что лучше согласятся умереть, нежели его оставить. Сіе похвальное чувство вкоренено, можно сказать, во всемъ французскомъ народѣ... Коли что здѣсь дѣйствительно почтенно и коли что всѣмъ принимать здѣсь надобно, то, конечно, любовь къ отечеству и государю своему». (Соч., стр. 438).

Фонвизинъ признаетъ и существованіе во Франціи истинныхъ, хорошихъ ученыхъ; онъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ Руссо [1]).

Можно ли послѣ этого говорить о предубѣжденіи? Если и было въ Фонвизинѣ предубѣжденіе, то въ пользу Франціи, и только увидя ее своими глазами, онъ разочаровался въ ней: «Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи», писалъ онъ изъ Парижа въ мартѣ 1778 года. (Соч., стр. 436).

Есть, однако, въ его письмахъ изъ-за границы, такъ строго осуждающихъ Европу, и что-то ложное.—Но это ложное не въ томъ, что онъ видитъ въ Европѣ, и особенно во Франціи, болѣе худаго, чѣмъ хорошаго,—такъ оно было и на самомъ дѣлѣ: нравы на Западѣ въ XVIII вѣкѣ стояли очень низко. И не въ томъ, что онъ смотритъ на Европу съ точки зрѣнія, во многомъ напоминающей современное славянофильство.

«Если здѣсь прежде насъ жить начали (пишетъ онъ Булгакову изъ Монпелье 25 января (5 февраля) 1778 года), то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ». (Соч., стр. 272—273).

Въ подобныхъ мысляхъ нашего путешественника много и много вѣрнаго.—Если же что ошибочно, или ложно, въ его воззрѣніяхъ и приговорахъ, то это наивная непосредственность его взгляда на западную жизнь: онъ совершенно не понималъ той идеи скептицизма, которой жила современная ему Европа, не видѣлъ свѣтлыхъ сторонъ философіи вѣка, того, что въ ней было «освободительнаго»; онъ смотрѣлъ на Западъ съ точки зрѣнія до-Петровской Руси, съ точки зрѣнія непосредственно-народной. Оттого, по справедливому замѣчанію Достоевскаго, «хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади... но только-что высунулъ свой носъ за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами».

---

[1]) Соч. Фонвизина, Спб., 1866 года. Письма къ Панину, стр. 339, 341, 342, 350, 351. Письма къ роднымъ: стр. 427, 436, 438, 442, 444 и 445.

Но должно сказать, что многое и очень многое за границей онъ подмѣтилъ и умно, и остроумно, и вѣрно.

Главные пороки современныхъ ему французовъ (по его указанію): невѣжество, легкомысліе, нравственная распущенность и самомнѣніе.

Невѣжество выражается въ двухъ противоположныхъ видахъ: въ суевѣріяхъ и въ вольнодумствѣ:

«При невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма нерѣдко. Оно сопровождается еще и ужаснымъ суевѣріемъ... таково почти все дворянство и большая часть другихъ состояній... Впрочемъ, тѣ, кои предуспѣли какъ нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти всѣ попали въ другую крайность и заразились новою философіею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы не примѣтна была которая нибудь изъ двухъ крайностей—или рабство, или наглость разума» (Соч., стр. 325—326).

Легкомысліе французовъ привело къ тому, что вѣжливость замѣнила добродѣтели; такая вѣжливость «совершенно отвращаетъ господъ французовъ отъ всякаго человѣческаго размышленія». (Соч., стр. 428). Согласно съ этимъ, болтливость замѣнила разумъ: «мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро» (329). Подъ разумомъ французы понимаютъ одно только его качество—«остроту»:

«не требуя отнюдь, чтобы она управляема была здравымъ смысломъ. Сію остроту имѣетъ здѣсь всякій безъ выключенія, слѣдственно всякій безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ, однако жъ, весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолкно и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables» (стр. 337).

Больше всего любятъ во Франціи — «вѣсти»; онѣ составляютъ душевную пищу парижанъ, равнодушныхъ ко всему остальному, кромѣ нихъ.—Больше всего французы боятся быть смѣшными:

«Ridicule всего страшнѣе. Нужды нѣтъ, если говорятъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ злое сердце, негодный нравъ; но если скажутъ, что онъ ridicule, то человѣкъ дѣйствительно пропалъ, ибо всякій убѣгаетъ его общества» (337).

Забава есть единственный предметъ желаній француза, который, къ тому же, «всегда молодъ», и изъ молодости «переваливается вдругъ въ дряхлую старость» (344).

«Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастьемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться» (342).

Воспитаніе во Франціи «пренебрежено до невѣроятности»; оттого въ такой модѣ петиметры, которые считаютъ признакомъ хорошаго тона—говорить грубо, ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкать всякаго, кто встрѣтится; смѣяться громко безъ малѣйшей причины; «словомъ—дѣлать все то, что дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ» (345).

Нравственная распущенность дошла во Франціи до высшей степени. Мода царитъ, и чтобы не отстать отъ нея, жертвуютъ всѣмъ:

«Моды вседневно перемѣняются: всякая женщина хочетъ наряжена быть по послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы» (351—352).

Обманъ не считается дурнымъ дѣломъ: «обмануть не стыдно, но не обмануть глупо» (342). Деньги—первое божество. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что «подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ» (328). Отсутствіе нравственныхъ идеаловъ привело просвѣщенную націю къ варварству:

«Здѣсь за все про все аплодируютъ, даже до того, что если казнятъ какого нибудь несчастнаго и палачъ хорошо повѣситъ, то вся публика аплодируетъ битьемъ въ ладоши палачу точно такъ, какъ въ комедіи актеру» (436).

Внѣшность замѣнила всякія внутреннія достоинства:

«Изгнано изъ сердецъ всякое состраданіе къ своему ближнему. Всякій живетъ для одного себя. Дружба, родство, честь, благодарность—все это считается химерою. Напротивъ того, всѣ сентименты обращены въ одинъ пунктъ, т. е. ложный point d'honneur. Наружность здѣсь все замѣняетъ...» (439).

Самомнѣніе и тщеславіе французовъ дошли до крайности:

«Жители парижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ своею провинціею... По ихъ мнѣнію, имѣютъ они не только наилучшіе въ свѣтѣ обычаи, но наилучшій видъ лица, осанку и ухватки, такъ что первый и учтивѣйшій комплиментъ чужеземному состоитъ не въ другихъ словахъ, какъ точно въ сихъ: Monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous en fais mon compliment (Вы совсѣмъ не походите на чужестраннаго; поздравляю васъ!)» (336).

Путешественникъ нашъ коснулся въ своихъ письмахъ и государственныхъ учрежденій Франціи; съ этой стороны, по его мнѣнію, три зла подтачиваютъ жизнь: откупъ (даже хлѣбъ на откупу), продажа чиновъ и должностей, и маіоратъ, производящій бѣдность дворянства и тщеславную гордость и праздность духовенства изъ младшихъ братьевъ, подкрѣпляемаго роднею при дворѣ и содержащаго народъ въ суевѣріи.

Такими мрачными красками изобразилъ Фонвизинъ нравы Франціи. Можетъ быть, здѣсь есть нѣкоторое преувеличеніе; но что эти краски не ложныя, объ этомъ, кромѣ художественности самыхъ очерковъ нашего путешественника, свидѣтельствуетъ сходство этихъ очерковъ съ тѣмъ, что говоритъ о современной ему французской жизни Жанъ-Жакъ Руссо въ своей «Исповѣди»: великій французскій писатель рисуетъ эту жизнь, можетъ быть, еще болѣе въ мрачномъ цвѣтѣ.—Вспомнимъ кстати и «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» Достоевскаго; описанія и разсказы знаменитаго рома-

ниста о наполеоновской Франціи въ этомъ одномъ изъ лучшихъ его произведеній очень напоминаютъ намъ слова путешествовавшаго въ Екатерининскія времена автора «Недоросля».

О философахъ Франціи Фонвизинъ отзывается въ своихъ письмахъ очень рѣзко. Такъ, въ апрѣлѣ 1778 года, онъ писалъ изъ Парижа:

«Видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ... Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ». (Соч., стр. 438).

Еще рѣзче выражается онъ въ письмѣ изъ Ахена (къ гр. Панину, отъ 18-го (29-го) сентября 1778 г.):

«Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка: д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видѣлъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присоединяетъ безпримѣрное тщеславіе». (Соч., стр. 307).

Далѣе онъ разсказываетъ, что нѣкоторые изъ философовъ заискивали у путешествовавшаго тогда за границей Зорича, брата фаворита, надѣясь черезъ него получить подарки отъ русскаго двора.

Въ отзывахъ Фонвизина объ энциклопедистахъ, конечно, поражаетъ наивность непосредственнаго человѣка, не понимающаго значенія скептицизма... Но и въ нихъ есть доля истины: большинство философовъ XVIII вѣка не отличалось нравственностью, и многіе изъ нихъ были корыстны и заискивали у сильныхъ міра. Руссо въ «Исповѣди» тоже очень скептически смотритъ на многихъ знаменитыхъ мыслителей своего времени.—Притомъ же слова Фонвизина о нихъ вовсе не легкомысленное и поверхностностное осужденіе; онъ очень серьезно вдумывался въ данномъ случаѣ въ то, что говорилъ:

«Вся система нынѣшнихъ философовъ (писалъ онъ, напримѣръ, графу Панину) состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи; но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собой возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью?» (Соч., стр. 308).

Религіозная русская душа сказалась въ этомъ здравомъ и спокойномъ разсужденіи.

Наконецъ, нужно замѣтить, что, отрицательно относясь къ нравственной сторонѣ энциклопедистовъ, Фонвизинъ признавалъ ихъ сочиненія умными. Въ письмахъ изъ Италіи онъ ставитъ въ укоръ этой странѣ, что тамъ «Вольтеръ, нашъ любимый Руссо и почти всѣ умные авторы запрещены».

Кромѣ Франціи, Фонвизинъ посѣтилъ Германію и Италію. Письма изъ этихъ странъ менѣе блестящи и остроумны, но тоже весьма замѣчательны.

Къ нѣмцамъ нашъ писатель отнесся сочувственнѣе, чѣмъ къ французамъ:

«По истинѣ сказать (писалъ онъ къ роднымъ изъ Монпелье 31-го декабря 1777 г.), нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе, и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ нѣмцами, нежели съ ними».

Но, однако, и на нѣмцевъ онъ посмотрѣлъ въ сущности отрицательно. Остроумно посмѣялся онъ, напримѣръ, надъ ихъ педантизмомъ. 22-го ноября 1777 года, онъ писалъ изъ Монпелье графу Панину:

«Поѣхалъ я въ Лейпцигъ, но уже не засталъ ярмарки. Я нашелъ сей городъ наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить полатыни, чему, однако, во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята; другіе, вознесясь мысленно на небеса, не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифиціальную логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной; словомъ, Лейпцигъ доказываетъ, что ученость не родитъ разума». (Соч., стр. 271).

«У насъ все лучше, и мы больше люди, нежели нѣмцы»,—такое впечатлѣніе вынесъ Фонвизинъ изъ своего путешествія по Германіи. (Письмо къ роднымъ изъ Нюренберга, отъ 29-го августа 1754 года, стр. 407).

Италія очень ему не понравилась, т. е. собственно итальянцы. Въ письмѣ къ роднымъ изъ Рима (отъ 7-го (18-го) декабря 1784 года) онъ говоритъ:

«Надобно исписать цѣлую книгу, если разсказывать всѣ мошенничества и подлости, которыя видѣлъ я съ пріѣзда моего въ Италію. По истинѣ сказать, нѣмцы и французы ведутъ себя гораздо честнѣе. Много и между ними бездѣльниковъ, да не столько и не такъ безстыдны».

Образъ жизни итальянцевъ показался ему «свинскимъ», общество итальянское скучнымъ, ибо не съ кѣмъ «слово промолвить»: изъ ста человѣкъ не выберешь двухъ умныхъ. Невѣжество итальянцевъ поразило его; въ письмѣ изъ Рима отъ 7-го (18-го) декабря 1784 года онъ говоритъ:

«Въ Пизѣ есть университетъ; но Богъ знаетъ, что тутъ дѣлаютъ: профессоры кромѣ итальянскаго языка не знаютъ и совершенные невѣжды во всемъ, что за Альпійскими горами дѣлается. Есть изъ нихъ такіе чудаки, которые о Лейбницѣ вовсе не слыхали» (Соч., стр. 452).

Развращеніе нравовъ, по словамъ Фонвизина, въ Италіи несравненно сильнѣе, чѣмъ въ самой Франціи:

«Здѣсь день свадьбы есть день развода. Какъ скоро дѣвушка вышла замужъ, то тутъ же надобно непремѣнно выбрать ей cavaliere servente, который

съ утра до ночи ни на минуту ее не оставляетъ... При размолвкѣ съ любовникомъ или чичисбеемъ, первый мужъ старается ихъ помирить, равно и жена старается наблюдать согласіе между своимъ мужемъ и его любовницею... Изъ сего происходитъ, что здѣсь нѣтъ ни отцовъ, ни дѣтей. Ни одинъ отецъ не почитаетъ дѣтей своей жены своими... Въ Генуѣ... если публика увидитъ мужа съ женою вмѣстѣ, то закричитъ, засвищетъ, захохочетъ и прогонитъ бѣднаго мужа». (Соч., стр. 444—446).

Убійство, мошенничество, обманъ—самыя обыкновенныя явленія въ Италіи (увѣряетъ нашъ путешественникъ). Злость и мстительность, соединенныя съ величайшею трусостью,—отличительныя черты характера итальянцевъ. «Во всѣхъ папскихъ владѣніяхъ нѣтъ человѣка, который бы не носилъ съ собою большаго ножа, одни для нападенія, другіе для защищенія». (Соч., стр. 447—448).

Обзоръ главныхъ сочиненій Фонвизина показалъ намъ, что этотъ крупный, выдающійся писатель былъ вполнѣ русскій человѣкъ по характеру, и притомъ съ непосредственно-народнымъ направленіемъ въ своей литературной дѣятельности.—Народность сказывается и въ его прекрасномъ осмѣяніи французоманіи русскаго общества, и въ спокойномъ и добродушномъ характерѣ его тонкаго, мѣткаго юмора, и въ томъ идеалѣ человѣка, который онъ показалъ намъ въ разсужденіяхъ и поступкахъ своего любимаго резонера-Стародума.

Пушкинъ совершенно справедливо выразился о Фонвизинѣ въ одномъ письмѣ къ брату (гдѣ говоритъ, что фамилію автора «Недоросля» слѣдуетъ писать однимъ словомъ):

«что онъ за нехристь? онъ русскій, изъ перерусскихъ русскій».

Остановимся еще немного на автобіографическомъ сочиненіи «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ»: сочиненіе это поясняетъ намъ, какъ образовался характеръ Фонвизина.—«Чистосердечное признаніе» написано имъ, конечно, подъ вліяніемъ «Исповѣди» Руссо; только нашему автору не удалось, къ сожалѣнію, довести свой разсказъ дальше юности.

Семья Фонвизиныхъ была семья благочестивая; у нихъ въ домѣ часто совершались богослуженія, за которыми отецъ заставлялъ маленькаго Дениса Иваныча читать священное писаніе; онъ разсказывалъ своимъ дѣтямъ священную исторію. Случалось часто Денису Иванычу слушать и народныя сказки, отъ пріѣзжавшаго изъ деревни крѣпостнаго мужика ихъ.—Подъ вліяніемъ домашняго воспитанія въ характерѣ Фонвизина развились—благочестіе, мягкость и доброта сердца, скромность, здравый умъ.

Писать свою автобіографическую исповѣдь онъ началъ по возвышенному религіозному побужденію:

«да не будетъ въ признаніяхъ моихъ (говоритъ онъ) никакого другаго подвига, кромѣ раскаянія христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего и беззаконія моя азъ возвѣщу. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя,

ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое: Господи! не уклони сердца моего въ словеса лукавствія и сохрани во мнѣ любовь къ истинѣ, юже вселилъ еси въ душу мою» (Соч., стр. 489).

Здѣсь кстати будетъ привести (изъ «Размышленія о суетной жизни человѣческой») слова смиренной покорности поэта Божіей волѣ, когда его постигла подъ конецъ жизни тяжкая болѣзнь:

«Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги, части употребленія языка: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде. Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія... Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не перестану до конца жизни моей восклицать: Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси!» (Соч., стр. 706).

Мягкость сердца и здравый умъ унаслѣдовалъ Фонвизинъ отъ своего отца. Онъ разсказываетъ, что отецъ былъ человѣкъ характера вспыльчиваго, но не злопамятнаго и съ крѣпостными людьми обходился кротко,—

«не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей».

Кромѣ человѣколюбиваго отношенія къ крестьянамъ, у отца же научился Денисъ Иванычъ и смотрѣть на дуэль, какъ на дурное дѣло, подобное самовольной, помимо законовъ, кулачной расправѣ.

Фонвизинъ скромно смотрѣлъ на себя какъ на писателя; онъ разсказываетъ, что одинъ изъ его школьныхъ товарищей высоко ставилъ его талантъ; онъ (замѣчаетъ поэтъ) такъ и

«умеръ съ тѣмъ, что я родился быть великимъ писателемъ; а я съ тѣмъ жить остался, что ему въ этомъ не вѣрилъ и не вѣрю» (505).

Нравственные задатки, пріобрѣтенные въ домѣ отца, спасли потомъ молодаго писателя отъ нравственнаго паденія, грозившаго ему въ обществѣ легкомысленныхъ волтеріанцевъ, въ которое онъ попалъ юношей. Воспитаніе на старинный ладъ, вліяніе церкви и народной поэзіи сдѣлали его вполнѣ русскимъ человѣкомъ.

Подводя въ немногихъ словахъ итоги сказаннаго объ авторѣ «Недоросля» и «Бригадира», повторимъ еще разъ, что это былъ писатель народный, но народность его наивная и непосредственная. И ни въ чемъ, можетъ быть, такъ не сказалась эта непосредственность его, какъ въ наивной готовности подчиниться внѣшнимъ образомъ тому духу западно-европейской образованности, котораго въ сущности чуждалась его душа. Такъ сердечно-вѣрующій человѣкъ, онъ одно время мучился религіознымъ скептицизмомъ, возникшимъ въ его умѣ вслѣдствіе «безбожнической бесѣды» одного вольтеріанца.—Но всѣ эти наносныя вліянія и вѣянія, хоть и отразились, и довольно ярко, въ его творчествѣ, остаются, однако, для этого творчества чѣмъ-то внѣшнимъ, легко спадающей скорлупой.

Переполняя образцовую рѣчь своихъ резонеровъ галлицизмами, испещряя этими галлицизмами и свои письма (гдѣ, напримѣръ, употребляются слова: африровалъ, вояжъ, импонировать, аттенція, инвитація и т. д.), онъ, однако, отлично владѣлъ русскимъ языкомъ, о чемъ положительно свидѣтельствуетъ прекрасный языкъ его комическихъ лицъ и самыя его письма.—Выставляя разныхъ Добролюбовыхъ, Правдиныхъ, и тому подобныхъ на иноземцевъ похожихъ резонеровъ, своими показными идеалами, презрительно осмѣивая старинныхъ русскихъ людей, въ родѣ Бригадирши, — онъ, однако, не цѣнилъ и не понималъ скептицизма, и не только осмѣялъ нашу французоманію, но съ удовольствіемъ осмѣялъ и самихъ французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что мы, русскіе, «больше люди», чѣмъ они. Когда ему пришлось вполнѣ серьёзно высказать свои взгляды, онъ создалъ резонера Стародума, чувствующаго и думающаго порусски и энергически протестующаго противъ философіи вѣка.

То же обстоятельство, что исключительно-національное направленіе литературы въ Екатерининскую эпоху имѣло въ числѣ своихъ представителей такой могучій талантъ, какъ творца «Недоросля», показываетъ намъ, что, не смотря на всѣ увлеченія русской жизни западными идеями и началами, этой жизни не грозила опасность оторваться отъ родной почвы и обратиться къ мертвому космополитизму.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





ВЯЗЕМСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ ѲЕОДОСІЙ.

(Очеркъ монастырскаго быта конца XVII вѣка).

Предлагаемый очеркъ заимствованъ изъ производившагося въ 1686—1689 годахъ, въ Казенномъ Приказѣ сарскаго и подонскаго митрополита, «суднаго дѣла о безчинствахъ и неистовствахъ Вяземскаго Предтечева монастыря архимандрита Ѳеодосія»[1]. Хотя дѣло сохранилось далеко не въ полномъ видѣ, со многими и иногда очень существенными пробѣлами, тѣмъ не менѣе, и уцѣлѣвшіе документы довольно послѣдовательно передаютъ исторію Ѳеодосія и очень наглядно изображаютъ порядки и условія монастырской жизни конца XVII вѣка. Разсматриваемое дѣло рисуетъ тотъ моментъ жизни русскихъ монастырей, когда идеалы древне-русскаго монашества, сослужившаго въ свое время громадную службу государству, все болѣе и болѣе дѣлались достояніемъ исторіи, и когда на смѣну ихъ бойко начали выступать явныя стремленія къ другимъ «идеаламъ» низшаго порядка — къ праздной, спокойной и сытой жизни... Мысль о мірскихъ благахъ незамѣтно, но болѣе и болѣе стала прокрадываться въ сердца иноковъ XVII вѣка... Не даромъ Петръ Великій, принадлежавшій первою половиною своей жизни XVII вѣку, такъ отзывался о современномъ ему монашествѣ (въ «Прибавленіи къ Ду-

---

[1]) «Судное дѣло», писанное на столбцахъ, хранится въ отдѣленіи рукописей Московскаго Румянцовскаго музея, подъ № 1636, заключающимъ 27 разнообразныхъ «дѣлъ Сарской и Подонской митрополіи». (См. «Собр. рукописей Бѣляева», А. Е. Викторова, стр. 95).

ховному Регламенту»): «Чинъ монашескій, который въ древняя времена былъ всему христіанству аки зерцало и образъ покаянія и исправленія, во времена сія во многая безчинія развратился» [1])... Предлагаемый очеркъ, строго основанный на подлинныхъ документахъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ этому приговору...

I.

Въ ночь съ 23-го на 24-е августа 1686 года, изъ одной кельи Вяземскаго Предтечева монастыря вышли три инока и, спѣшно помолясь на соборный храмъ, направились къ монастырскимъ вратамъ. Шли они тихо, осторожно, оглядываясь по сторонамъ, словно боялись встрѣчи съ кѣмъ-то, кто бы могъ помѣшать ихъ пути. Но ночь была темная, въ монастырѣ было тихо, братія уже спала, кромѣ «воротеннаго чернеца» (привратника), который, очевидно, былъ предупрежденъ о путникахъ. Увидѣвши ихъ, онъ молча всталъ съ своего сидѣнья, подошелъ къ калиткѣ и безшумно отворилъ ее. Пропустивъ съ поклономъ двухъ первыхъ иноковъ, «воротенный» взялъ благословеніе у третьяго и также молча, но только пониже поклонился ему.

Выйдя за монастырскія врата, путники быстро зашагали по улицѣ «подмонастырской слободки», направляясь на окраины города Вязьмы. И здѣсь они все оглядывались назадъ, на монастырь, очевидно, опасаясь какой-то погони и задержки. Вскорѣ они вышли на московскую большую дорогу, гдѣ ждала ихъ телѣга, запряженная тройкою монастырскихъ лошадей, которыми правилъ «служка». Иноки усѣлись, и тройка быстро покатила по направленію къ Москвѣ.

Эти три инока были—«черный попъ» (іеромонахъ), онъ же и «уставщикъ» монастыря, отецъ Іосифъ, по прозванію Лютой; «черный дьяконъ» (іеродіаконъ) Антоній и пономарь старецъ Аркадій. Это были «выборные люди», посланные въ Москву монастырской братіей по «великому монастырскому дѣлу»: «бить челомъ» преосвященному Варсонофію, митрополиту сарскому и подонскому, на «безчинства» и «неистовства» своего архимандрита Ѳеодосія, отъ которыхъ братіи стало «жить невозможно» въ Предтечевѣ монастырѣ...

Вышли они изъ монастыря такъ осторожно потому, что собрались въ Москву тайно отъ архимандрита и опасались, чтобы кто либо изъ благопріятелей послѣдняго не доложилъ ему о подозрительномъ уходѣ трехъ иноковъ, о которыхъ ходили передъ тѣмъ въ монастырѣ слухи, что они что-то замышляютъ противъ Ѳеодосія.

---

[1]) «Полн. Собр. Зак.», VI, № 4022, стр. 708.

Если бы онъ во-время узналъ объ ихъ уходѣ, то непремѣнно устроилъ бы погоню и вернулъ бы ихъ въ монастырь, гдѣ плохо пришлось бы тогда братскимъ посламъ отъ буйнаго архимандрита...

Однако, опасенія нашихъ путниковъ не оправдались. Только утромъ слѣдующаго дня Ѳеодосій услыхалъ объ уходѣ отца Іосифа съ товарищами и сейчасъ же хотѣлъ дѣйствительно гнаться за ними. Но, узнавъ, что они ушли ночью и теперь уже далеко отъѣхали отъ Вязьмы, онъ оставилъ мысль о погонѣ и рѣшилъ дѣйствовать противъ нихъ другими средствами, какъ увидимъ ниже...

На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Москву, отецъ Іосифъ и его спутники направились въ Казенный Приказъ Сарской и Подонской митрополіи, въ составъ которой входила въ то время Вязьма съ ея уѣздомъ. Казенный Приказъ, которымъ завѣдовали митрополичій казначей старецъ Евфимій и дьякъ Алексѣй Земцовъ, помѣщался «на Крутицахъ», въ митрополичьемъ Крутицкомъ домѣ. Митрополитомъ въ описываемое время былъ Варсонофій II, происходившій изъ дворянскаго рода Еропкиныхъ[1]). Въ 1686 году, когда началось дѣло архимандрита Ѳеодосія, митрополитъ Варсонофій былъ уже старымъ и опытнымъ человѣкомъ въ своей епархіи, отъ котораго слѣдовало ждать самаго внимательнаго отношенія къ дѣлу...

Къ нему-то направились предтечевскіе челобитчики. Митрополитъ былъ пораженъ ихъ появленіемъ, такъ какъ Ѳеодосій очень недавно былъ назначенъ въ Вязьму (въ мартѣ 1686 г.), и Варсонофій не подозрѣвалъ доселѣ въ немъ человѣка, способнаго въ такое короткое время начать раздоры съ братіей. Ѳеодосій всегда являлся передъ митрополитомъ такимъ чиннымъ, благообразнымъ и разсудительнымъ инокомъ, что никакъ нельзя было ожидать отъ него такого рѣзкаго поворота...

Челобитье, подданное митрополиту Варсонофію, сохранилось до нашихъ дней. Оно написано совершенно по той же формѣ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ писались въ то время челобитья царю, въ приказы, воеводамъ и проч. То же сходство наблюдается и въ другихъ документахъ митрополичьяго Казеннаго Приказа. Очевидно, что духовныя приказныя учрежденія цѣликомъ заимствовали формы своихъ бумагъ у свѣтскихъ учрежденій. Если и являются здѣсь нѣкоторыя особенности, происходившія отъ спеціальнаго характера духовныхъ дѣлъ, то онѣ такъ незамѣтны, что, читая бумаги, напримѣръ, Крутицкаго Казеннаго Приказа, невольно представляешь себѣ, что имѣешь дѣло съ документами какого нибудь свѣтскаго приказа или провинціальной «избы». Это явленіе возможно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что духовныя учрежденія брали

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ см. «Ист. Россійск. іер.», I, 237; II, 363; «Списки іерар. и настоят. мон.», П. Строева, 151, 591, 1036.

своихъ дѣльцовъ — дьяковъ и подьячихъ, изъ того же запаса приказнаго люда, откуда черпали ихъ и свѣтскія приказныя учрежденія. Иначе разсматриваемое явленіе будетъ необъяснимо, такъ какъ въ XVII вѣкѣ приказныя учрежденія не получали почти никакихъ узаконеній (за крайне рѣдкими исключеніями) относительно веденія дѣлопроизводства. Все оно слагалось постепенно, путемъ навыка и практики, и передавалось отъ одного поколѣнія дьяковъ другому. У нихъ была, можно сказать, своя «школа», которая твердо держалась въ своемъ ремеслѣ того, «какъ изстари было заведено». Этотъ «старый обычай», претерпѣвавшій, конечно, по временамъ нѣкоторыя измѣненія, становился обязательнымъ для каждаго лица, вступавшаго въ сонмъ приказныхъ. Оттого и дьякъ Разряднаго Приказа, и дьякъ смоленскаго «архіерейскаго дома», и подьячій вяземской «съѣзжей избы» и пр., и пр.,—всѣ они тянули свои бумажныя пѣсни на одинъ ладъ, варьируя его очень незамѣтно.

II.

На какія же «безчинства» и «неистовства» архимандрита Ѳеодосія жаловалась митрополиту братія Предтечева монастыря?

Челобитье начинается съ характеристики «безмѣрнаго пьянства» архимандрита. Это была первая и главная черта личности Ѳеодосія, самый крупный его недостатокъ, послѣдствіями котораго являются уже и другія его «безчинства».

Челобитье говоритъ, что Ѳеодосій «всегда пьетъ въ день и въ ночь», какъ у себя въ кельяхъ, такъ и разъѣзжая «по гостямъ». У своихъ городскихъ знакомцевъ онъ велъ себя довольно прилично: по крайней мѣрѣ, никакихъ жалобъ не поступало на него отъ горожанъ за все время его пребыванія въ Вязьмѣ. Но въ монастырѣ Ѳеодосій нисколько не церемонился. Здѣсь онъ,—жалуются челобитчики,—въ пьяномъ видѣ «бьетъ насъ напрасно своими руками»... Когда вернется архимандритъ пьянымъ изъ гостей, или напьется у себя въ кельяхъ и выйдетъ на монастырскій дворъ, братія старается укрыться отъ него, а кому это не удалось, тотъ ужъ непремѣнно попробуетъ сладость настоятельской руки, или, по крайней мѣрѣ, выслушаетъ массу ругательствъ изъ его преподобныхъ устъ. Челобитчики приводятъ любопытную коллекцію ругательствъ, какія извергали на братію уста отца Ѳеодосія. Бранитъ онъ насъ,— жалуются иноки, — «неподобными словами, всячески»: называетъ насъ «ворами», «еретиками», «жидами», «католиками», «капитонами» (?), «люторами», «богоотступниками»... Сдѣлавши этотъ перечень, челобитчики обидчиво и очень наивно замѣчаютъ: «А у насъ въ Предтечевѣ монастырѣ противъ его (архимандрита) напрасныхъ поклепныхъ словъ такихъ людей нѣтъ!»...

Но Өеодосій потѣшался надъ братіей не одной дракою и руганью. Онъ нерѣдко и безъ всякихъ основаній подвергалъ иноковъ и болѣе чувствительному наказанію—сажалъ ихъ «на смиреніе, въ чепь»: челобитье говоритъ, что архимандритъ «въ чепь всегда сажаетъ безвинно». Надоѣстъ ли ему, пьяному, чинить драку съ своими чадами, придерется ли онъ къ кому либо и въ трезвомъ состояніи, всегда почти дѣло оканчивалось тѣмъ, что попавшій въ передѣлку архимандрита братъ очутится «на смиреніи», т. е. въ особомъ помѣщеніи, гдѣ его буквально посадятъ «на цѣпь»...

Изложивъ тѣ обиды, какія наносилъ братіи архимандритъ Өеодосій, челобитчики останавливаются далѣе уже на одной личности Өеодосія и стараются обрисовать ее возможно полнѣе. Прежде всего они указываютъ на такое обстоятельство, которое обличаетъ въ архимандритѣ прямое небреженіе о своихъ первыхъ обязанностяхъ, какъ пастыря церкви. Оказывается, что онъ не отличался ревностію къ богослуженію и часто «церковное пѣніе прогуливалъ»... Особенно любилъ онъ «прогуливать» заутреню, какъ самую тяжелую службу въ монастыряхъ (гдѣ она совершается въ полночь, или на разсвѣтѣ): челобитье говоритъ, что онъ «многажды» не ходилъ къ заутрени «отъ питья»...

Когда же Өеодосій посѣщалъ богослуженіе, то держалъ себя въ храмѣ совсѣмъ не такъ, какъ подобаетъ духовной особѣ и настоятелю монастыря. Много разъ,—говоритъ братія,—онъ уходилъ со службы, не дождавшись «отпуска», т. е. до окончанія службы.

Но этого мало. Нерѣдко архимандритъ являлся на богослуженіе, изрядно выпивши, и тогда держалъ себя въ храмѣ такъ разсѣянно, что бывало уходилъ со службы, забывши взять свой «архимандричій посохъ», символъ своей настоятельской власти. Этотъ символъ сиротливо оставался тогда на «настоятельскомъ мѣстѣ», словно замѣняя самого архимандрита... Оканчивалась служба въ отсутствіе Өеодосія, и архимандричій келейникъ бралъ въ свои руки этотъ символъ и торжественно относилъ его въ кельи Өеодосія... Не доставало только упростить этотъ пріемъ: прямо бы приносить келейнику посохъ Өеодосія къ началу службы и ставить его на мѣстѣ, а самого настоятеля и не тревожить... И во многихъ случаяхъ это было бы неизмѣримо лучше! Челобитье разсказываетъ, что нерѣдко Өеодосій прямо «чинилъ въ церкви мятежъ!»...

Случалось, что онъ заходилъ въ церковь положительно пьянымъ... Тогда онъ стоялъ на своемъ настоятельскомъ мѣстѣ «несмирно»: «кричалъ» и «бранилъ» братію, привязываясь къ каждому дѣйствію и возгласу священнодѣйствовавшихъ и къ каждому движенію предстоящихъ иноковъ. Не понравится ему, какъ кадитъ передъ иконами іеродіаконъ Антоній, или какъ дѣлаетъ возгласы служащій іеромонахъ отецъ Варсонофій, или покажется ему нестройнымъ пѣніе крылошанъ, руководимыхъ уставщикомъ

отцомъ Іосифомъ,—ко всему онъ привяжется и, забывши о мѣстѣ и времени, начнетъ кричать на всю церковь, останавливая и поправляя провинившихся на его отуманеный взглядъ, и приправляя свои замѣчанія руганью... Служба прерывается, братія испуганно переглядывается между собою, а зашедшіе въ церковь богомольцы съ недоумѣніемъ глядятъ на раскраснѣвшагося и раскричавшагося настоятеля... Правда, они привыкли и въ другихъ храмахъ встрѣчать небрежное отношеніе къ службѣ поповъ—и бѣлыхъ, и черныхъ. Но это гдѣ нибудь въ захолустьѣ, въ деревенской глуши, а вдругъ и тутъ, въ такомъ большомъ городѣ, въ богатомъ монастырѣ, происходятъ такія безобразія! И кто же продѣлываетъ ихъ? Самъ настоятель, кандидатъ во «святители!» Вздыхаютъ богомольцы, переминаясь съ ноги на ногу, и, недоумѣвая, возводятъ свои очи на молчаливо глядящіе, потускнѣвшіе лики святыхъ...

А Ѳеодосій все болѣе начинаетъ безобразничать, хмѣль все сильнѣе дѣйствуетъ на него, ему не сидится на своемъ «мѣстѣ». Онъ сходитъ съ него и неровными шагами направляется къ стоящей отдѣльно отъ богомольцевъ кучкѣ иноковъ. Тѣ ужъ понимаютъ, наученные горькимъ опытомъ, въ чемъ дѣло, и кое-кто, побойчѣе, успѣваетъ проскользнуть въ боковые придѣлы храма, или въ алтарь. Но кто остался на мѣстѣ, тому не поздоровится отъ приближающагося архимандрита. Подойдетъ онъ къ какому нибудь старцу, привяжется къ нему и начнетъ сначала браниться, а тамъ ухватитъ за волосы и учнетъ его «бить»... Если нападетъ Ѳеодосій на смиреннаго инока, тотъ постарается молча снести архимандричій «бой», чтобы своимъ крикомъ не увеличивать «мятежа» въ церкви... Побьетъ старца Ѳеодосій, и перейдетъ къ другому, и того побьетъ... Но другой забудетъ о своемъ иноческомъ обѣщаніи и о святости мѣста, и начинаетъ вскрикивать полегоньку, а тамъ и сильнѣе... Безобразіе разгорается, вся братія и посторонніе богомольцы начинаютъ угадывать, въ чемъ дѣло, и старшіе изъ братіи спѣшатъ къ мѣсту боя. Хорошо, если случится въ церкви казначей: тотъ мигомъ успокоитъ архимандрита и уведетъ его въ кельи. Другимъ же монастырскимъ властямъ долго приходится уговаривать расходившагося св. отца. А «мятежъ» въ церкви ростетъ, служба затихаетъ, или даже совсѣмъ прекращается, богомольцами тоже начинаетъ овладѣвать смущеніе, и они, подобно инокамъ, спѣшатъ уходить изъ церкви, оставшіеся же переговариваются между собою, а кто побойчѣе, тѣ толпятся поближе къ мѣсту боя... Настоящій «мятежъ» и полное поруганіе святыни!.. Оно прекращается только съ уходомъ изъ церкви пьянаго Ѳеодосія.

III.

Этимъ пунктомъ братскаго челобитья о дракахъ въ церкви собственно и оканчивается рядъ положительныхъ «безчинствъ» и «неистовствъ», въ которыхъ братія обвиняетъ архимандрита Өеодосія. Далѣе въ челобитьѣ идетъ рядъ намековъ на другія невыясненныя вполнѣ «безчинства» Өеодосія.

Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ темный намекъ на какія-то особыя отношенія Өеодосія къ игуменьѣ Вяземскаго Ильинскаго женскаго монастыря. Челобитье разсказываетъ объ этомъ такъ: архимандритъ Өеодосій «почасту» посылаетъ къ игуменьѣ разные монастырскіе припасы—пшеничную и ржаную муку, гречаныя и овсяныя крупы, коровье и конопляное масло, рыбу, вино, пиво, хмѣль и пр. Затѣмъ, архимандритъ «почасту же» ѣздитъ къ игуменьѣ, а пріѣзжаетъ оттуда поздно, послѣ вечерни, и даже «въ ночномъ часу», и притомъ всегда пьянъ...

Вотъ и весь пунктъ обвиненія, въ которомъ можно и ничего не видѣть, но можно и прочесть кое-что между строкъ. Если бы здѣсь рѣчь шла о простой благотворительности богатаго монастыря бѣдной сосѣдней обители, тогда, конечно, сама братія не видѣла бы здѣсь ничего особеннаго и не стала бы упоминать о томъ, что само собою входитъ въ обязанности инока. Что можетъ быть лучше, если монастырь является благотворителемъ для всѣхъ нуждающихся вокругъ него, все равно—будутъ ли то иноки и инокини, или мірскіе люди! О такой благотворительности Өеодосія братія даже нарочно умолчала бы въ своемъ челобитьѣ, зная, что это не послужитъ къ осужденію Өеодосія, а напротивъ...

Очевидно, что братія смотрѣла на эту «благотворительность» Өеодосія съ другой точки зрѣнія: она видѣла въ ней именно то, чего,—знала она,—не одобритъ митрополитъ. Несомнѣнно, что эти подарки на монастырскій счетъ, посылавшіеся Өеодосіемъ игуменьѣ, преслѣдовали какую-то особенную, неблаговидную для инока цѣль... Какую именно—не станемъ разгадывать, подражая скромности челобитчиковъ, умолчавшихъ о цѣли поѣздокъ Өеодосія въ Ильинскій дѣвичій монастырь...

Челобитье не приводитъ имени игуменьи, которой такъ покровительствовалъ Өеодосій. Оно не встрѣчается и въ другихъ документахъ разсматриваемаго дѣла. Но это имя находимъ въ одномъ изъ современныхъ дѣлъ Сарской и Подонской митрополіи, гдѣ игуменьей Ильинскаго монастыря названа мать Доминикія[1]. Что это

[1]) См. Румянцовскаго музея рукопись № 1636, дѣло № 22, 1691 года. Что та же Доминикія была игуменьей и раньше, при архимандритѣ Өеодосіи, это удостовѣряютъ «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей» П. Строева, гдѣ

была за личность,—объ этомъ нельзя извлечь никакихъ данныхъ изъ дѣла.

Вторая вина архимандрита Ѳеодосія, недостаточно мотивированная и плохо объясненная братіей, заключалась въ томъ, что, по словамъ челобитья, отъ архимандричья «боя» и «увѣчья» и отъ «великой налоги» Предтечевъ монастырь «въ конецъ разоряется и (вотъ въ чемъ собственно заключается это «разореніе»!) пищи на братію стало скудно»... Этотъ вопль монашескаго желудка очень ловко помѣщенъ въ челобитьѣ сейчасъ же послѣ того, какъ подробно были перечислены тѣ монастырскіе припасы, какіе такъ усердно посылалъ отецъ Ѳеодосій матери Домникіи... Туда, молъ, все идетъ: и хлѣбъ, и рыба, и вино, и пиво, и проч., а братіи стало «скудно» насчетъ «пищи!»...

Въ чемъ именно состояла «скудость» монастырской трапезы,—челобитье не говоритъ, и по этому одному уже можно судить, на сколько не серьёзно настоящее обвиненіе братіи. Не серьёзно оно и потому еще, что врядъ ли могъ архимандритъ Ѳеодосій посылать Домникіи монастырскіе припасы въ такомъ большомъ количествѣ, чтобы отъ этихъ посылокъ страдали желудочные интересы братіи. Извѣстно, что Предтечевъ монастырь обладалъ значительными для того времени средствами.

Затѣмъ, челобитье замѣчаетъ, что Ѳеодосій «невѣдомо для чего съ монастыря ссылаетъ» иноковъ и «похваляется» всѣхъ ихъ «напрасно увѣчить», вслѣдствіе чего нѣкоторые иноки ушли въ другіе монастыри, а остальной братіи стало «жить въ Предтечевѣ монастырѣ невозможно!»... Но кто именно ушелъ изъ монастыря и сколько было такихъ лицъ,—челобитчики не говорятъ, и этимъ невольно наводятъ сомнѣнія на настоящій пунктъ челобитья, тѣмъ болѣе, что подтвержденій его не находимъ и въ другихъ документахъ Ѳеодосіевскаго дѣла. Нужно, поэтому, думать, что здѣсь челобитчики просто прибѣгнули къ красному словцу для усиленія темныхъ красокъ своего дѣйствительно нелегкаго положенія подъ властію аримандрита Ѳеодосія.

Челобитье заканчивается воззваніемъ иноковъ къ митрополиту Варсонофію, гдѣ они просятъ его «смиловаться» надъ ними—«противъ сего нашего челобитья свой святительскій указъ учинить», чтобы имъ не быть «напрасно изувѣченными» отъ архимандрита Ѳеодосія и «отъ его напраснаго боя и увѣчья и отъ великой налоги своего обѣщанія (т. е. обѣта) не отбыть и врознь не разбрестись!»...

время игуменства Домникіи отнесено къ 1683—1688 г.г. (стр. 603). Но очевидно, что самъ Строевъ не былъ увѣренъ въ этихъ предѣльныхъ годахъ игуменства Домникіи: преемница ея—игуменья Евдокія, упоминается въ источникахъ автора только подъ 1704 годъ, а пространство между 1688 и 1704 годами остается никѣмъ не заполненнымъ.

Челобитье было подписано 10 лицами, во главѣ которыхъ стоитъ имя черного попа Варсонофія (брата отца Іосифа): «къ сей челобитной черной попъ Варсоөей (sic) руку приложилъ». За нимъ идутъ подписи «уставщика» отца Іосифа, чернаго дьякона Антонія, старца Елисея, пономоря старца Аркадія, архимандричья келейника, старца Өеофана, старцевъ—«хлѣбеннаго», 2 «больничныхъ» и «мельничнаго». Изъ 10 лицъ только четверо оказалась безграмотными.

Такимъ образомъ, изъ «монастырскихъ властей» здѣсь видимъ одного только «уставщика». Ни казначей, ни келарь, ни «посельскіе старцы» (ихъ было три въ монастырѣ), управлявшіе монастырскими помѣстьями, ни бывшій архимандритъ Евфросинъ, жившій въ монастырѣ на покоѣ и косвенно принадлежавшій къ числу монастырскихъ властей,—никто изъ нихъ не подписалъ челобитья. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ выступали въ послѣдующихъ челобитьяхъ, но въ данномъ случаѣ по разнымъ причинамъ сочли за лучшее уклониться изъ общаго братскаго дѣла.

Къ числу монастырскихъ властей принадлежали отчасти и священнослужители, изъ которыхъ видимъ 2 лицъ среди челобитчиковъ. Къ тѣмъ же властямъ отчасти примыкалъ по своей исключительной близости къ архимандриту его келейникъ старецъ Өеофанъ. Привлеченіе его къ челобитью было большою находкою для возставшей братіи и крупною побѣдою надъ архимандритомъ: никто лучше келейника не могъ знать самыхъ интимныхъ сторонъ жизни архимандрита, и такой свидѣтель долженъ былъ играть видную роль въ ожидавшемся братіей «розыскѣ» по дѣлу Өеодосія.

Второй классъ монастырскаго населенія представляли разные должностные старцы, завѣдовавшіе разными отраслями монастырскаго хозяйства и управленія: старцы мельничные, чашникъ (подкеларщикъ), больничные, воротенной, житенной, конюшенной, хлѣбенной и друг. Изъ этихъ лицъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ монастырѣ, первое челобитье на Өеодосія подписало четверо.

Ниже ихъ идутъ простые «старцы» (или «чернецы»), которые не имѣли никакихъ спеціальныхъ занятій, но временно исполняли различныя обязанности, по порученію монастырскихъ властей, или же по старости и другимъ причинамъ были совсѣмъ уволены отъ исполненія какихъ бы то ни было послушаній. Таковъ, напримѣръ, былъ единственный челобитчикъ этого класса иноковъ—старецъ Елисей, великій пропойца и буянъ, которому братія давно пророчила не свою смерть отъ пьянства...

Изъ послѣдняго класса монастырскаго населенія—«служекъ» (нынѣшніе «послушники») и «служебниковъ» (т. е. рабочихъ и слугъ изъ мірянъ)—никто не подписалъ перваго челобитья на Өеодосія. Они выступили уже въ слѣдующихъ челобитьяхъ.

IV.

Въ описываемое время Вяземскій Предтечевъ монастырь принадлежалъ къ числу довольно состоятельныхъ монастырей: изъ Ѳеодосіевскаго дѣла видно, что онъ владѣлъ тогда 4 селами, «Подмонастырской слободкой» и нѣсколькими деревнями. Отъ хозяйственныхъ операцій монастырь получалъ немалые достатки, которые привлекали въ стѣны обители значительное монашеское населеніе: всей братіи было въ немъ около 50 человѣкъ. Кромѣ хозяйства, порядочные доходы текли въ монастырь и благодаря его выгодному положенію въ такомъ довольно крупномъ городѣ, какимъ была въ то время Вязьма [1]). Монастырь лежалъ въ самомъ городѣ, въ $1^1/_2$ верстѣ отъ вяземскаго «кремля», на концѣ посада. Вязьма съ уѣздомъ давали монастырю значительное количество богомольцевъ, всегда предпочитавшихъ торжественное монастырское служеніе простой службѣ приходскихъ церквей. Не нужно при этомъ забывать, что вышеупомянутыя безобразія, какія продѣлывалъ въ церкви архимандритъ Ѳеодосій, не были въ монастырѣ заурядныжъ явленіемъ и, слѣдовательно, не могли окончательно оттолкнуть отъ монастыря богомольцевъ.

Только лучшее отправленіе богослуженія и могло привлекать богомольцевъ въ монастырь, такъ какъ никакою высокою святынею онъ не обладалъ и могъ похвалиться развѣ только древностію своего происхожденія: онъ былъ основанъ въ 1542 году преподобнымъ Герасимомъ, игуменомъ Болдинскимъ [2]). Настоятельство въ монастырѣ было сначала игуменское, а съ 1650 года — архимандритское. Предшественникомъ Ѳеодосія былъ архимандритъ Питиримъ, хиротонисанный 15 февраля 1686 году въ тамбовскіе епископы. Это назначеніе прежде всего свидѣтельствуетъ о личныхъ достоинствахъ Питирима, но, съ другой стороны, говоритъ и о высокомъ положеніи, какое занималъ въ Крутицкой епархіи Предтечевъ монастырь. Настоятель маленькаго, безвѣстнаго и небогатаго монастырка, какими бы личными добродѣтелями онъ ни обладалъ, никогда (кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ) не могъ

---

[1]) Приведу любопытныя цыфры количества Вязьмы населенія въ разсматриваемое время. Въ воеводской «смутной книгѣ» 1687 года показано «служилыхъ и посадскихъ людей» въ городѣ—886 чел. мужскаго пола (моск. арх. мин. юст.: Разряднаго приказа «Дѣла разныхъ городовъ», кн. № 23, л. л. 744 об.—746). Въ слѣдующемъ 1688 году произошло уменьшеніе мужскаго населенія на 129 чел. (ibid., л. л. 761 об.—762), но въ 1689 году оно снова увеличилось и возросло до 1,000 человѣкъ (ibid., л. 778).

[2]) Историческія свѣдѣнія о монастырѣ см. въ «Ист. Росс. іер.», Амвросія, III, 679—681; «Ист. свѣд. о церк. и мон.», Ратшина, 493; «Списки іерарх. и настоят.», П. Строева, 595.

разсчитывать на полученіе епископской каөедры. Это было удѣломъ настоятелей только видныхъ монастырей.

Какимъ же образомъ архимандритомъ этого значительнаго монастыря могла явиться такая жалкая личность, какъ Өеодосій? Откуда Өеодосій былъ назначенъ въ предтечевскіе архимандриты и какова была его предъидущая жизнь,—нельзя, къ сожалѣнію, ничего сказать. Самое происхожденіе его въ точности неизвѣстно. Есть, правда, намекъ въ дѣлѣ на то, что родиною Өеодосія была Калуга. Именно онъ просилъ передъ смертію, чтобы его похоронили или въ Вязьмѣ, или же въ Калужскомъ Лаврентіевѣ монастырѣ— «къ сродичамъ его». Отсюда можно предположить, что Өеодосій былъ родомъ изъ Калуги и что до настоятельства въ Предтечевѣ монастырѣ онъ жилъ въ Лаврентіевѣ, гдѣ, вѣроятно, принадлежалъ къ числу монастырскихъ властей, такъ какъ простой монахъ не могъ попасть въ архимандриты, да еще значительнаго монастыря.

Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно, что у Өеодосія существовали какія-то родственныя отношенія къ Калугѣ и Лаврентіеву монастырю. Кромѣ этого факта, ничего далѣе нельзя сказать о первоначальной судьбѣ Өеодосія. Какого онъ былъ происхожденія: былъ ли онъ отпрыскомъ дворянской крови, удалившимся вслѣдствіе какихъ либо житейскихъ невзгодъ въ стѣны монастыря и превратившимся такимъ образомъ изъ «государева холопа» въ «государева богомольца»? или былъ онъ бѣлымъ попомъ, ушедшимъ въ монастырь послѣ смерти жены? или происходилъ изъ посадскихъ, торговыхъ людей и проч.?—все это такіе вопросы, на которые нельзя дать положительнаго отвѣта.

Для характеристики личности Өеодосія любопытенъ перечень книгъ его библіотеки, составленный въ монастырѣ послѣ его смерти. Оказывается, что Өеодосій далеко не былъ поклонникомъ книгъ: его «библіотека» состояла всего изъ 10 книгъ! Составъ ея—очень однообразный: главнымъ образомъ это были богослужебныя книги, именно — «слѣдованная псалтырь», 2 «малыхъ часослова», «канунникъ» (т. е. канонникъ), «повечеріе печатное», «всенощная нотная» (т. е. нотная книга всенощнаго бдѣнія) и «пѣвчей октой (т. е. октоихъ) нотной». Затѣмъ, были у него 3 книги богословскаго содержанія: одна печатная — «книга о священствѣ», да 2 книги «письменныя» — «книга Исака Сирина», и «книга житія святыхъ». Вотъ и все!.. Будь Өеодосій образованнымъ человѣкомъ своего времени, его библіотека имѣла бы болѣе широкій характеръ: у него были бы «лѣтописцы», «хронографы» и разные «крины», «пчелы» и т. п. сборники историческихъ и богословскихъ статей, какіе ходили по рукамъ въ XVII вѣкѣ. Но ничего подобнаго не было въ черезчуръ скромной библіотекѣ архимандрита Өеодосія...

Замѣтимъ еще, что изъ всего хода дѣла видно, что Θеодосій былъ человѣкъ очень неглупый и съ сильнымъ характеромъ. Очевидно, честолюбіе сдерживало въ началѣ тѣ порочныя наклонности его натуры, какія обнаружились у него въ такомъ блескѣ, когда онъ достигъ виднаго и сравнительно очень независимаго положенія—сталъ архимандритомъ. Будучи простымъ монахомъ, онъ сдерживалъ себя во всемъ: жилъ чинно, спокойно, являлся всегда «смиреннымъ инокомъ» и только въ крайнихъ случаяхъ, но всегда кстати обнаруживалъ свой твердый характеръ.

Такой умный и энергичный монахъ не могъ затеряться въ темной массѣ монашествующей братіи. Сначала на него обратило вниманіе свое монастырское начальство, стало отличать его и поручать ему отвѣтственныя должности. А отправленіе послѣднихъ сдѣлало его современемъ извѣстнымъ и высшей епархіальной власти. И вотъ Θеодосій сталъ виднымъ кандидатомъ на мѣста настоятелей монастырей. Но когда онъ самъ достигъ послѣдняго положенія и почувствовалъ, что съ него снята та болѣе или менѣе строгая узда, какая лежитъ на всякомъ рядовомъ монахѣ, когда онъ понялъ, что теперь онъ самъ получилъ въ свое распоряженіе эту узду для наложенія ея на подчиненныхъ ему иноковъ,—долго сдерживаемыя дурныя стороны его натуры не выдержали и прорвались вполнѣ... Можетъ быть, не сразу онѣ обнаружились во всей полнотѣ и развивались постепенно, но во всякомъ случаѣ уже черезъ полгода послѣ назначенія архимандритомъ въ Вязьму «доблести» Θеодосія на столько стали явственны, что невольно вызвали уже извѣстное намъ челобитье на него Предтечевской братіи...

Какъ же отнеслась высшая церковная власть къ этому челобитью и какой «приговоръ» она учинила на немъ?

V.

Нѣсколько разъ вызывали отца Іосифа съ товарищами въ митрополичій Казенный Приказъ, для объясненій съ главными воротилами Приказа—казначеемъ старцемъ Евфиміемъ и дьякомъ Алексѣемъ Земцовымъ. 2-го сентября челобитчики узнали, наконецъ, что митрополитъ постановилъ слѣдующій приговоръ на ихъ челобитье: «195 (1686) года, сентября во 2-й день, преосвященный Варсоноѳій, митрополитъ сарскій и подонскій, сію челобитную слушавъ, указалъ противъ сего челобитья Предтечева монастыря ко архимандриту (sic) послать грамоту: будетъ онъ впредь отъ такого зазора не уймется, и его отъ архимандричества отставить и священнослуженія будетъ чуждъ» (т. е. будетъ лишенъ права священнодѣйствія).

Такимъ образомъ, митрополичье рѣшеніе носило характеръ полумѣры: это было не болѣе какъ замѣчаніе, выговоръ Θеодосію.

Митрополитъ, очевидно, повѣрилъ братскому челобитью, но не на столько, однако, чтобы назначить «розыскъ» надъ архимандритомъ, т. е. слѣдствіе о его «безчинствахъ» и «неистовствахъ». Розыскъ могъ окончиться совсѣмъ не въ пользу Θеодосія, а такого конца митрополитъ опасался, такъ какъ еще питалъ надежду на исправленіе безчинствующаго архимандрита.

Эта мысль еще яснѣе была выражена въ митрополичьей грамотѣ Θеодосію, написанной того же 2-го сентября, гдѣ говорится: «и какъ къ тебѣ эта наша грамота придетъ, и ты бы... ото всѣхъ вышеписанныхъ своихъ прихотей отсталъ и жить тебѣ въ Предтечевѣ монастырѣ по монастырскому чину, какъ и въ прочихъ монастыряхъ архимандриты живутъ»...

Понятно, что отцу Іосифу и его спутникамъ тяжело было возвращаться въ Вязьму съ такимъ рѣшеніемъ митрополита. Не того они ожидали: они надѣялись, что будетъ «розыскъ» надъ Θеодосіемъ, и что затѣмъ онъ будетъ удаленъ изъ монастыря. Теперь же все оставалось постарому. Правда, Θеодосій не могъ не задуматься надъ митрополичьимъ выговоромъ, грозившимъ въ будущемъ лишеніемъ сана... На мягкую натуру этотъ выговоръ могъ подѣйствовать неотразимо и имѣлъ бы на нее благотворное вліяніе. Но Θеодосій былъ не таковъ: принятая митрополитомъ полумѣра не могла подѣйствовать на него рѣшительнымъ образомъ. Тутъ могло бы имѣть успѣхъ только тяжелое наказаніе, сильный ударъ, а не слабый выговоръ. Θеодосій зналъ, что такихъ выговоровъ онъ могъ получить нѣсколько и, всетаки, оставаться архимандритомъ...

Возвращаясь въ Вязьму, челобитчики какъ-то разминулись дорогою съ служкою своего монастыря, посланнымъ Θеодосіемъ съ «отпискою» къ митрополиту. А между тѣмъ, эта отписка касалась именно нашихъ путниковъ. Зная, съ какою цѣлью они отправились въ Москву, Θеодосій пустилъ въ догонку ихъ свою отписку, наполненную кляузами противъ монастырскихъ пословъ. Онъ думалъ, что эти кляузы повліяютъ на благопріятный исходъ для него митрополичьяго приговора. Но они опоздали, не достигнувъ своей цѣли, и только прибавили лишнюю черту къ нелестной характеристикѣ архимандрита Θеодосія...

Θеодосій доносилъ слѣдующее: въ ночь на 24-е августа 1686 года, ушли изъ монастыря «невѣдомо куда» (sic!) уставщикъ и черный попъ Іосифъ Лютой, черный дьяконъ Антоній и пономарь старецъ Аркадій. Послѣ ихъ «побѣга» архимандритъ получилъ извѣщеніе отъ «подкеларщика» старца Іосифа, что изъ келарской избы украдено 4 «мѣдныхъ братскихъ мѣры»... Θеодосій не знаетъ вора, покусившагося на братское достояніе, но онъ обязательно указываетъ нити, которыя, по его мнѣнію, доведутъ до преступника. Онъ невинно замѣчаетъ, что старецъ Аркадій былъ пономаремъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ церковные ключи,

«а церковный ключъ прихаживался къ келарской»... Этого мало для архимандрита, онъ идетъ еще далѣе и говоритъ: цѣла ли церковная утварь,—«про то, государь, вскорѣ вѣдать невозможно», потому что «книги всякой церковной утвари» находятся «въ казнѣ, у казначея», а послѣднiй надняхъ уѣхалъ по монастырскимъ дѣламъ въ Москву. Церковные ключи нашли въ пономарской кельѣ,—прибавляетъ Ѳеодосiй.

Вообще старецъ Аркадiй на дурномъ счету у архимандрита. Послѣднiй кстати вспоминаетъ, что еще раньше какъ-то Аркадiй укралъ изъ «келарской» 2 оловяныхъ тарелки... укралъ съ очень странною цѣлью, если вѣрить Ѳеодосiю... Оказывается, что Аркадiй чуть ли не помышлялъ о томъ, чтобы бросить святую обитель и идти на большую дорогу, для иныхъ подвиговъ: архимандритъ серьёзно увѣряетъ, что изъ украденныхъ тарелокъ почтенный старецъ Аркадiй «слилъ себѣ кистень»!.. «Про то, государь, извѣстно братiи»...

Въ концѣ своей отписки Ѳеодосiй таки проговорился, что ему хорошо извѣстна цѣль «побѣга» отца Iосифа съ товарищами, и этимъ самъ ослабилъ впечатлѣнiе своихъ навѣтовъ на нихъ, ставши въ явное противорѣчiе съ самимъ собою. Именно, онъ пишетъ: отецъ Iосифъ съ товарищами, «взволновавъ» братiю при помощи «единомышленниковъ» и «друзей», поѣхали къ тебѣ митрополиту—бить на меня челомъ, «изгоняя меня, богомольца твоего, не хотя жить въ покоренiи и въ послушанiи, а чтобы жить имъ въ монастырѣ самовольствомъ своимъ»... Въ подтвержденiе стремленiя братiи къ «самовольству» Ѳеодосiй могъ привести только одинъ, очень шаткiй доводъ: онъ говоритъ, что отецъ Iосифъ «взялъ съ съ поля (собираясь ѣхать въ Москву) 3-хъ лошадей,—безъ моего вѣдома»...

Однако, всѣ эти кляузы Ѳеодосiя не имѣли успѣха и не достигали цѣли. Какъ мы уже знаемъ, отписка его[1]) пришла въ Москву послѣ отъѣзда въ Вязьму отца Iосифа. Да если бы отписка и застала челобитчиковъ въ Москвѣ, врядъ ли она измѣнила бы рѣшенiе митрополита: такъ она была несообразна. Это ясно выразилось въ помѣтѣ Приказа, какую читаемъ на отпискѣ: «195 года, сентября въ 4-й день, взять въ столпъ». И только!.. «Взять въ столпъ»—это то же, что современное канцелярское выраженiе—«пришить къ дѣлу», т. е. «принять къ свѣдѣнiю»...

Вернувшихся изъ Москвы челобитчиковъ Ѳеодосiй встрѣтилъ очень грозно и вдоволь издѣвался надъ ихъ неудачею, но рукамъ воли не далъ... Братiя поняла, что въ такой сдержанности Ѳеодо-

[1]) По своей формѣ и выраженiямъ отписка представляетъ точное подобiе воеводскихъ и другихъ отписокъ XVII вѣка, посылавшихся царю и въ приказы.

сія слѣдуетъ видѣть результаты именно братскаго челобитья и митрополичьей увѣщательной грамоты. Антонію и Аркадію Θеодосій объявилъ, что лишаетъ ихъ должностей перводіакона и пономаря, но отцу Іосифу онъ не могъ сдѣлать ничего серьёзнаго, такъ какъ тотъ занималъ довольно видное мѣсто «уставщика», и его нельзя было смѣнить безъ воли митрополита. А Θеодосій не хотѣлъ обнаруживать предъ послѣднимъ свою мстительность. Онъ только погрозилъ Іосифу, какъ и остальнымъ челобитчикамъ, что если они снова выступятъ противъ него, то онъ выживетъ ихъ изъ монастыря.. Келейника своего Θеофана архимандритъ сейчасъ же удалилъ и взялъ новаго. Изъ остальныхъ челобитчиковъ Θеодосій не тронулъ никого, но вообще сталъ косо смотрѣть на нихъ и искалъ случая, когда можно было бы къ нимъ придраться и насолить имъ вдосталь.

Въ первое время послѣ полученія митрополичьей грамоты Θеодосій держалъ себя въ монастырѣ и въ городѣ довольно чинно. Умѣренно пилъ, воздерживался отъ ругательствъ, не билъ братію, дозволяя это себѣ только относительно служекъ и работныхъ людей, исправнѣе ходилъ въ церковь, рѣдко выѣзжалъ изъ монастыря. Словомъ, молодая братія, которой наиболѣе доставалось отъ архимандрита, значительно ожила. Но болѣе опытные старцы не позволяли себѣ такъ обольщаться. Они пророчили, что недолго продлится у Θеодосія это новое направленіе и что не миновать ему печальнаго поворота на старую дорожку...

Сдержанность Θеодосія, дѣйствительно, была временною и объяснялась главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ собирался ѣхать въ Москву, для объясненій съ митрополитомъ. Но прежде этой поѣздки Θеодосій отправилъ къ митрополиту Варсонофію свою оправдательную «отписку» [1]).

VI.

Въ своей отпискѣ Θеодосій подробно перечисляетъ всѣ пункты братскихъ обвиненій, за исключеніемъ одного: къ удивленію, онъ почему-то умолчалъ о самомъ щекотливомъ предметѣ—о своихъ поѣздкахъ въ Ильинскій дѣвичій монастырь... Ни разу онъ не обмолвился ни однимъ словомъ по этому обвиненію, какъ бы его и вовсе не существовало. Это невольно заставляетъ подозрѣвать, что намекъ братіи имѣлъ за собою какія-то основанія. Θеодосій счелъ за лучшее умолчать здѣсь, чѣмъ пускаться въ опасныя объясненія...

---

[1]) Она довольно обширна: написана на 3-хъ листахъ, рукою самого архимандрита. Почеркъ у него былъ некрупный, твердый, очень убористый и довольно красивый, вообще—характерный, носившій отпечатокъ энергичной личности Θеодосія.

За то о другихъ обвиненіяхъ онъ говоритъ открыто и смѣло, хотя по большей части голословно отвергаетъ ихъ. Митрополитъ предписываетъ ему жить «по монастырскому чину, искусно и немятежно»... Но Ѳеодосій увѣряетъ, что онъ «оболганъ» братіей «занапрасно», такъ какъ братія не хочетъ «быть у меня въ послушаніи, для того, государь, что они, черные попы и (другіе) челобитчики, — братья-одногородцы (т. е. земляки), и ко всякихъ чиновъ (т. е. званій) градскимъ людямъ въ гости ходятъ», также и къ себѣ зовутъ гостей, «а со мною и не вспрашиваются» (sic), т. е. не берутъ на то у архимандрита разрѣшенія. Ѳеодосій сталъ ихъ «унимать», и за это они его не взлюбили и били на него челомъ «ложно», и притомъ «выборомъ, а не вся братія»...

Далѣе Ѳеодосій отвергаетъ въ частности всѣ взведенныя на него обвиненія: въ гости онъ «почасту» не ѣздилъ, «допьяна» не напивался нигдѣ, а также и у себя въ кельѣ «безвременно допьяна не пивалъ». А они, челобитчики, — прибавляетъ Ѳеодосій,—«почасту у свойственниковъ пьютъ и напиваются допьяна»...

Своими руками Ѳеодосій никого изъ братіи «не бивалъ», но «въ чепь саживалъ» черныхъ поповъ и вообще братію, «смотря по винѣ, за то, что они ходятъ за монастырь, къ свойственникамъ и друзьямъ, почасту», а возвращаются пьяными и «прогуливаютъ церковную службу». Словомъ, если вѣрить архимандриту, братія продѣлывала именно то же самое, въ чемъ такъ настойчиво укоряла своего обвинителя... Какая изъ обѣихъ сторонъ была лучше и болѣе права, — трудно судить, но, кажется, что обѣ онѣ были «хороши»... И вотъ тому доказательство.

Ѳеодосій подробно останавливается на одномъ изъ челобитчиковъ—на старцѣ Елисеѣ, и сообщаетъ, что съ нимъ приключился именно тотъ печальный конецъ, какой уже давно пророчила ему братія. Архимандритъ вспоминаетъ, что Елисей былъ самымъ безпокойнымъ братомъ и самымъ постояннымъ «утеклецомъ» за монастырскія стѣны: онъ часто уходилъ въ городъ и жилъ «невѣдомо гдѣ» дней по пяти, по недѣлѣ и больше, проводя это время въ безмѣрномъ пьянствѣ. Сыскать его въ этихъ отлучкахъ «отнюдь (было) невозможно», потому что, хотя нѣкоторые изъ братіи и знали о его мѣстопребываніи, но отъ архимандрита скрывали. Когда Елисей, наконецъ, возвращался въ монастырь, Ѳеодосій «за такое пьянство въ смиренье саживалъ» его, также какъ и другихъ иноковъ за подобные проступки.

Наканунѣ послѣдняго новаго года (т. е. 1 сентября 7195 года) Елисей ушелъ изъ монастыря къ своимъ родичамъ въ Вязьмѣ и тамъ много пилъ. 2 сентября братія объявила архимандриту, что Елисей «опился вина и умре»... Ѳеодосій приказалъ его «погресть» (похоронить), а «проводу пѣть надъ нимъ» не разрѣшилъ, до митрополичьяго указа, такъ какъ покойный умеръ скоропо-

стижно. Въ заключеніе архимандритъ дѣлаетъ такой выводъ въ поученіе братіи: если бы я,—говоритъ онъ,—«не унималъ» св. отцовъ, то и съ ними могло бы приключиться то же, что и со старцемъ Елисеемъ...

Далѣе Ѳеодосій переходитъ къ другому обвиненію братіи—относительно брани. Онъ рѣшительно опровергаетъ этотъ пунктъ: «чего, государь, владыка святой, ни въ умѣ моемъ не бывало,—то затѣяли (челобитчики) ложно»... А если отцовъ Варсонофія и Іосифа онъ величалъ иногда «Лютыми» (и «Лютовыми»), то единственно на томъ основаніи, что это имъ есть «прозваніе» (прозвище) этихъ іеромонаховъ. Было ли имя «Лютовы» родовымъ ихъ прозвищемъ, или «благопріобрѣтеннымъ», въ качествѣ характеризующей ихъ клички,—изъ дѣла не видно.

Точно также отвергаетъ Ѳеодосій и то обвиненіе братіи, что будто бы онъ многихъ иноковъ изгналъ изъ монастыря, а другіе сами ушли отъ его «боя» и «увѣчья»: ничего подобнаго не было при Ѳеодосіи въ монастырѣ. Былъ только одинъ случай бѣгства старца Ѳеофана, да и то произошло не по винѣ архимандрита. Ѳеофана онъ посадилъ «въ смиренье, по винѣ» (по какой именно,—Ѳеодосій не говоритъ). Это было въ то время, когда братья Лютые подготовляли свое челобитье на архимандрита. Они-то, Лютые, старца Ѳеофана «съ чепью отпустили», чтобы «тѣмъ (т. е. мнимымъ бѣгствомъ старца «съ чепью») уличать, будто я братію разогналъ»... Странно, однако, что въ своемъ челобитьѣ братія не воспользовалась такимъ искусно и нарочно, по словамъ Ѳеодосія, подготовленнымъ подвохомъ. Очевидно, что этимъ словамъ архимандрита нельзя дать вѣры.

Для характеристики предтечевской братіи Ѳеодосій здѣсь кстати замѣчаетъ, что эта братія, состоявшая главнымъ образомъ изъ вяземскихъ уроженцевъ,—такова, что «прихожимъ старцамъ» (т. е. изъ другихъ городовъ и монастырей) въ Предтечевѣ монастырѣ «жить отъ нихъ невозможно: ненавидятъ!»... Вяземцы значительно преобладали въ монастырѣ, и не мудрено, что они искоса смотрѣли на всякаго «прихожаго старца», особенно, если тотъ волею-неволею становился поперегъ дороги кому либо изъ «своихъ—вязьмичей»... Ѳеодосій также былъ «прихожимъ» человѣкомъ для послѣднихъ и, слѣдовательно, это «ненавидятъ» относилось и къ нему, а личный характеръ его сдѣлалъ невольно то, что онъ всему монастырю сталъ поперегъ горла...

Впрочемъ, Ѳеодосій какъ бы сознается, что братія отчасти права въ своей непріязни къ нему. Здѣсь онъ припоминаетъ то мѣсто братскаго челобитья, гдѣ говорилось, что при Ѳеодосіи монастырь «въ конецъ разоряется, и пищи на братію стало скудно»... Ѳеодосій, повидимому, не опровергаетъ этого показанія, но оправдываетъ себя такъ: «покоить (т. е. сытно кормить и поить...) мнѣ братію

нечѣмъ: казна вся у казначея, мнѣ (же) никакой въ казнѣ воли нѣтъ»...

Далѣе Ѳеодосій переходитъ къ другимъ обвиненіямъ братіи. Пишутъ челобитчики,—говоритъ онъ,—будто я въ гости ѣзжу «по часту». Между тѣмъ, по пріѣздѣ своемъ въ Вязьму архимандритъ былъ только въ трехъ домахъ «посадскихъ людей», да и то по обязанности—на погребеніяхъ и на «поминкахъ».

Въ храмѣ стою смирно,—увѣряетъ затѣмъ Ѳеодосій,—не кричу, не бранюсь, никого не бью; словомъ все голословно отвергаетъ... Есть въ этомъ пунктѣ одно возраженіе по существу: Ѳеодосій сознается, что если иногда и «прогуливалъ» богослуженіе, то только ради «великихъ нуждъ и писцоваго межеванія (т. е. когда происходило межеванье монастырскихъ земель правительственными «писцами») и болѣзни своей».

Наконецъ, Ѳеодосій останавливается на такомъ обвиненіи, о которомъ не было и рѣчи въ братскомъ челобитьѣ; именно обвиняетъ братія, «будто я учинилъ то, чего въ иныхъ монастыряхъ не водится: монастырское вино держу у себя въ кельѣ, и пью и бражничаю съ ворами и бражниками»... Мы знаемъ, что братія обвиняла его только въ томъ, что онъ «всегда пьетъ, ѣздя по гостямъ, и въ своей кельѣ, въ день и въ ночь»... Но что онъ «держитъ вино въ кельѣ» и пьетъ съ «бражниками»,—этого нигдѣ нѣтъ въ челобитьѣ, и откуда взялъ это Ѳеодосій,—непонятно. Можетъ быть, ему приходилось выслушивать подобныя обвиненія отъ братіи и ему казалось, что то же самое челобитчики должны были говорить и митрополиту. Во всякомъ случаѣ, Ѳеодосій называетъ ложью это обвиненіе: онъ не держитъ вина у себя, а оно всегда стоитъ у казначея въ кельѣ и въ «палаткѣ» у ключника. Когда же «бывалъ пріѣздъ» въ монастырь воеводы, «писцовъ» и «приказныхъ людей», тогда для угощенія ихъ онъ бралъ вино у казначея и ключника. Ни съ какими «ворами» и «бражниками» архимандритъ не знается; никто у него въ кельѣ не пилъ, кромѣ воеводы [1]) и писцовъ...

Въ заключеніе своей отписки Ѳеодосій проситъ «архіерейскаго благословенія и милости» и увѣряетъ, что онъ «хранилъ милостивый архіерейскій келейный приказъ (т. е. наказъ) и ни въ чемъ его не преслушалъ: жилъ смирно, по чину монастырскому»... и проч.

---

[1]) Вяземскимъ воеводою былъ въ это время стольникъ Яковъ Артемьевичъ Михневъ (см. составленную имъ «Смѣтную книгу» города Вязьмы, 7195 года, въ моск. арх. мин. юст.: Разряднаго приказа «Дѣла разн. город.», кн. № 23, л. 734).

VII.

Отправивши въ Москву свою отписку въ половинѣ сентября, Өеодосій и самъ сталъ собираться туда же, чтобы личными объясненіями съ митрополитомъ сгладить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить дурное впечатлѣніе, произведенное братскимъ челобитьемъ, и по возможности обѣлить себя хотя отчасти. Өеодосій съѣздилъ въ Москву въ концѣ сентября и, хотя пробылъ тамъ недолго, но успѣлъ довольно удовлетворительно для себя объясниться съ митрополитомъ Варсонофіемъ. Послѣдній разстался съ нимъ значительно примиреннымъ, предполагая, что данный урокъ достаточно подѣйствовалъ на сбившагося съ пути архимандрита.

Первое время по возвращеніи въ Вязьму, Өеодосій, дѣйствительно, держалъ себя очень скромно, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе онъ забывалъ о всей только-что происшедшей съ нимъ передрягѣ и постепенно сталъ возвращаться на прежнюю кривую дорожку...

Здѣсь начинается первый и очень важный пробѣлъ въ дѣлѣ Өеодосія: съ октября 1686 года и до іюня 1687 года мы не имѣемъ ни одного документа по его дѣлу. Между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ совершилось въ Предтечевѣ монастырѣ крупное событіе: Өеодосій былъ удаленъ изъ монастыря, съ запрещеніемъ священства. Объ этомъ именно событіи говоритъ митрополичья грамота казначею Илларіону съ братіей о «прощеніи» Өеодосія, посланная изъ Москвы 11 іюня 1687 года. Грамота изложена очень сжато и не сообщаетъ подробностей. Вотъ ея начало:

«По нашему указу Предтечева монастыря архимандриту Өеодосію не велѣно священствовать. И нынѣ архимандритъ Өеодосій передъ нами на Крутицахъ былъ и наше благословеніе и прощеніе получилъ, и велѣли мы ему, архимандриту Өеодосію, быть попрежнему въ Предтечевѣ монастырѣ и божественную литургію служить, и братію, слугъ и служебниковъ, и крестьянъ вѣдать попрежнему. И какъ къ вамъ эта наша грамота придетъ, а архимандритъ Өеодосій въ Предтечевъ монастырь пріѣдетъ, и вы бы его во всемъ слушали и почитали по чину»... Кто же изъ братіи «учнетъ» жить въ непослушаніи и не по «монастырскому чину», и кто изъ монастырскихъ крестьянъ «учнутъ въ чемъ огуряться» (т. е. ослушиваться), митрополитъ поручаетъ Өеодосію «нещадно смирять» такихъ «ослушниковъ» по «монастырскому чину»..

Итакъ, въ 1687 году, Өеодосій былъ на время удаленъ изъ Предтечева монастыря и проживалъ «подъ началомъ», съ запрещеніемъ священнослуженія, вѣроятно, въ какомъ либо изъ московскихъ монастырей. Когда именно онъ подвергся запрещенію и

сколько времени оно длилось,—митрополичья грамота не говоритъ. Мы знаемъ только, что лѣтомъ 1687 года онъ былъ у митрополита на Крутицахъ и получилъ отъ него «благословеніе и прощеніе», а въ іюнѣ вернулся въ свой монастырь «попрежнему», т. е. былъ вполнѣ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ настоятеля и священноинока.

Еще существуетъ другой пробѣлъ грамоты: она не поясняетъ, за что и по чьей иниціативѣ подвергся Ѳеодосій такому сильному наказанію? Было ли на него новое челобитье братіи? Полагаю, что его не было, основываясь на слѣдующемъ: почти черезъ мѣсяцъ по возвращеніи Ѳеодосія изъ-подъ начала, въ іюлѣ того же 1687 года, братія подаетъ новое челобитье на своего архимандрита. Но здѣсь она упоминаетъ только о первомъ своемъ челобитьѣ, въ августѣ 1686 года, послѣдствіемъ котораго была извѣстная намъ увѣщательная митрополичья грамота Ѳеодосію. Ни о какихъ другихъ челобитьяхъ митрополиту братія не говоритъ. Не говоритъ она также и о самомъ фактѣ удаленія Ѳеодосія изъ монастыря и запрещенія ему священства. Что же это значитъ? По какимъ соображеніямъ предтечевскіе иноки обошли молчаніемъ столь выдающееся въ ихъ жизни событіе? Не потому ли это случилось, что иниціатива удаленія Ѳеодосія принадлежала не имъ, а кому либо другому: можетъ быть, свѣтскимъ властямъ Вязьмы, или скорѣе всего самому митрополиту. Тутъ могло и не быть братскаго челобитья: наказаніе, понесенное Ѳеодосіемъ, было дѣломъ административнаго распоряженія высшей епархіальной власти, до которой дошли новыя вѣсти о безобразной жизни архимандрита.

VIII.

Итакъ, Ѳеодосій вернулся въ монастырь, понеся вполнѣ заслуженное имъ наказаніе. Какъ же оно подѣйствовало на него? имѣло ли оно хотя отчасти благотворное вліяніе на его пошатнувшуюся натуру?

Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ новое челобитье на него братіи и монастырскихъ крестьянъ, составленное почти черезъ мѣсяцъ по возвращеніи Ѳеодосія въ Вязьму. Очевидно, что теперь, когда онъ уже былъ замаранъ понесеннымъ наказаніемъ, братія стала дѣйствовать смѣлѣе и не откладывала дѣла въ долгій ящикъ.

Въ началѣ челобитья братія жалуется, что увѣщательная митрополичья грамота, присланная Ѳеодосію послѣ перваго братскаго челобитья (въ 1686 году), не имѣла будто бы никакого вліянія на архимандрита, который «твоего архіерейскаго указа учинился непослушенъ и попрежнему» отнимаетъ у казначея вино и пиво и держитъ его подлѣ своей кельи, «подъ чердакомъ; въ новомъ

ледникѣ, а не въ казенномъ (т. е. монастырскомъ), чтобы ему ночью по вино и по пиво ближе ходить!!. Въ пьяномъ видѣ, «мстя намъ» за «прежнее челобитье», архимандритъ бранитъ братію «ворами», «бунтовщиками», «проклятыми» и «иными словами». Этого мало: онъ бьетъ иноковъ своими руками «до крови» на монастырскомъ дворѣ и у себя въ кельяхъ, а другихъ сажаетъ въ «каменной стюденой темной погребъ» и «въ чепь»... Въ церкви онъ попрежнему стоитъ «несмирно», кричитъ, бранится «напрасно», вообще его присутствіе на богослуженіи чинитъ тамъ одинъ «мятежъ и народу соблазнъ»...

Вотъ и всѣ братскія обвиненія, не заключающія въ себѣ почти ничего новаго, сравнительно съ первымъ челобитьемъ.

Слѣдующая часть настоящаго челобитья передаетъ крестьянскія горькія жалобы на архимандрита. Онѣ очень характерны, такъ какъ наглядно рисуютъ многія любопытныя стороны отношеній монастырскихъ властей къ своимъ крестьянамъ. Эта часть челобитья начинается такъ: «а насъ, сиротъ твоихъ крестьянъ», архимандритъ бьетъ «своими руками и шелепами и плетьми, и въ чепь сажаетъ безвинно, напрасно». Онъ нисколько «нерадѣетъ о монастырскихъ дѣлахъ»: съ воеводами и приказными людьми Θеодосій «всегда ссорится, и оттого намъ, сиротамъ твоимъ, отъ его архимандричей ссоры чинится налога и утѣсненія»...

Это—новая черта въ жизни Θеодосія. Изъ предъидущихъ документовъ мы знаемъ, что онъ ладилъ съ своимъ воеводою и его приказными людьми: по крайней мѣрѣ, онъ самъ говоритъ въ своей оправдательной отпискѣ митрополиту (въ сентябрѣ 1686 года), что эти лица бывали у него въ кельѣ чуть ли не единственными гостями. Теперь же ихъ отношенія перемѣнились: архимандритъ сталъ постоянно «ссориться» съ воеводою, можетъ быть, только потому, что характеръ Θеодосія теперь измѣнился къ худшему, сталъ болѣе тяжелымъ. Но возможно, что и воеводѣ онъ сталъ «мстить» за что либо, напримѣръ, за участіе его въ дѣлѣ предъидущаго удаленія Θеодосія изъ монастыря [1])...

Ссоры архимандрита съ властями города прежде всего отзывались тяжело на подначальныхъ монастырю крестьянахъ. Они говорятъ даже въ челобитьѣ: когда мы приходимъ къ архимандриту и бьемъ ему челомъ, чтобы онъ, по примѣру прежнихъ настоятелей, помогъ намъ въ нашихъ «приказныхъ дѣлахъ», Θеодосій тогда кричитъ на насъ: «хотя де вы всѣ разоритесь! мнѣ де вы даромъ»!..

---

[1]) Воеводою въ это время былъ тотъ же вышеупомянутый стольникъ Я. А. Михневъ, а старшимъ подьячимъ въ приказной избѣ—сначала Иванъ Никоновъ, а затѣмъ — Потапъ Мироновъ. Кромѣ него, въ избѣ находилось еще трое подьячихъ («Дѣла разн. городовъ», кн. № 23, л. л. 745—746).

Вообще, крестьяне жалуются, что Θеодосій «не чинитъ расправы» между ними, въ ихъ разныхъ дѣлахъ. А между тѣмъ, онъ беретъ съ нихъ «посулы, и правежемъ правитъ, и, плетьми бивши, доправливаетъ деньги безвинно себѣ, и пожелѣзное (т. е. пошлина съ содержавшихся въ желѣзахъ) и мировое (т. е. пошлина съ примирившихся сторонъ) беретъ же». Кромѣ того, архимандритъ затѣялъ то, чего «вѣчно не бывало»: «доправилъ» съ крестьянъ «съ доли по алтыну», а «для правежа» этихъ денегъ присылалъ въ монастырскія деревни старца Паисія, въ «наказной памяти» которому говорилось, что деньги требуются будто бы «на государскіе неводы» (т. е. для покупки неводовъ на государевы «рыбныя ловли»). То же самое утверждалъ и старецъ Паисій. Крестьяне платили эти деньги, а между тѣмъ, какъ впослѣдствіи оказалось, никакого государева указа «о неводахъ» не было въ то время прислано въ Вязьму. Собранныя съ крестьянъ деньги архимандритъ «никуда не отдавалъ», и гдѣ онѣ теперь находятся, «того намъ невѣдомо»,—говорятъ крестьяне.

«Да намъ же, сиротамъ твоимъ,—читаемъ далѣе,—чинятся и иныя всякія налоги и убытки многіе»..., а какіе именно,—остается неизвѣстнымъ, такъ какъ здѣсь челобитье прерывается (не достаетъ еще одного листа).

«Рукоприкладствъ» на второмъ челобитьѣ было вдвое больше, чѣмъ на первомъ: тамъ стояло только 10 братскихъ подписей, а здѣсь 20, именно—12 братскихъ, 3 отъ имени монастырскихъ слугъ и 5 отъ крестьянскихъ «міровъ». Во главѣ братіи подписался іеромонахъ Мисаилъ, а за нимъ идутъ наши старые знакомые черные попы братья Лютовы—отцы Варсонофій и Іосифъ. Кромѣ ихъ, изъ прежнихъ челобитчиковъ подписалось еще 5 человѣкъ, остальные являются челобитчиками на Θеодосія въ первый разъ. Хотя и теперь не вся братія пожелала участвовать въ челобитьѣ, прячась за спины болѣе храбрыхъ своихъ сочленовъ, но все же на этотъ разъ она была представлена болѣе солидно, чѣмъ въ первомъ челобитьѣ: теперь участвовало въ немъ 3 іеромонаха (одинъ изъ нихъ—уставщикъ), 1 іеродіаконъ, 5 должностныхъ старцевъ и только 3 простыхъ инока.

Еще солиднѣе было представлено въ челобитьѣ монастырское крестьянство. Оно участвовало цѣликомъ—всѣми 5 «мірами» монастырскихъ селъ, слободки и деревень. Во главѣ крестьянскихъ подписей стоятъ рукоприкладства трехъ представителей монастырскихъ «слугъ» и «служебниковъ», а далѣе идутъ подписи «старостъ», «выборныхъ мужей» и «всѣхъ мірскихъ людей» подмонастырской «слободки», «подгородныхъ крестьянъ», с. Новаго Воскресенскаго, с. Андреевскаго и с. Головкова.

Кто повезъ это челобитье въ Москву и когда именно,—изъ дѣла не видно. Но несомнѣнно, что уже въ іюлѣ оно было въ Москвѣ,

а 20-го іюля митрополитъ Варсонофій постановилъ на челобитьѣ такой приговоръ:... «челобитчикамъ со архимаритомъ во всѣхъ статьяхъ дать очную ставку, и по архимандрита Өеодосія послать грамоту».

Такимъ образомъ, челобитье имѣло успѣхъ: Өеодосія вызывали въ Москву, въ митрополичій Казенный Приказъ, для того, чтобы дать ему «очную ставку» съ обвинявшими его иноками и крестьянами. Именно такого поворота дѣла давно уже добивалась предтечевская братія. Но судьба видимо не покровительствовала ей: и на этотъ разъ, не смотря на прямое постановленіе митрополита, братія не дождалась розыска надъ Өеодосіемъ...

Вслѣдъ за вышеприведеннымъ братскимъ челобитьемъ снова наступаетъ перерывъ въ дѣлѣ Өеодосія, и мы не имѣемъ ни одного документа вплоть до сентября 1689 года, т. е. болѣе чѣмъ за 2 года. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что въ 1687 году не было розыска надъ Өеодосіемъ. Въ томъ убѣждаетъ третье и послѣднее челобитье на него братіи, поданное именно въ октябрѣ 1689 года новому сарскому и подонскому митрополиту Евфимію. Здѣсь братія вспоминаетъ о своемъ второмъ челобитьѣ (въ іюлѣ 1887 года) и говоритъ, что «по тому нашему челобитью съ нимъ, архимандритомъ, очной ставки намъ не дано, и тѣ наши челобитныя нынѣ въ твоемъ святительскомъ въ Казенномъ Приказѣ»...

Итакъ, болѣе 2 лѣтъ второе челобитье лежало подъ сукномъ въ митрополичьемъ приказѣ, не смотря на явно выраженную волю митрополита о производствѣ розыска надъ Өеодосіемъ!.. Что же за причина такой «волокиты» этого дѣла? Весьма естественно видѣть здѣсь могучее вліяніе митрополичьихъ приказныхъ дѣльцовъ, настроенныхъ Өеодосіемъ въ его пользу. Подъ тѣми или другими предлогами, они легко могли волочить дѣло, откладывая его въ дальній ящикъ. Это тѣмъ легче было имъ сдѣлать, что скоро наступила крупная перемѣна въ митрополіи: митрополитъ Варсонофій, которому было подано второе челобитье въ іюлѣ 1687 года, лѣтомъ 1688 года скончался. Очень вѣроятно, что передъ смертію онъ болѣлъ продолжительное время, а потому и не могъ входить во всѣ подробности управленія своею епархіею.

Преемникомъ Варсонофія былъ митрополитъ Евфимій II, хиротонисанный изъ чудовскихъ архимандритовъ въ сарскіе и подонскіе митрополиты 12-го августа 1688 года[1]).

[1]) См. о немъ «Ист. Рос. іер.», I, 238; «Списки іерар. и настоят. монастырей», 164, 449, 1036.

IX.

Третье и послѣднее челобитье братіи на Өеодосія, поданное митрополиту Евфимію въ сентябрѣ 1689 года, дополняетъ характеристику несчастнаго архимандрита новыми и очень любопытными чертами.

Челобитье прежде всего говоритъ о безмѣрномъ пьянствѣ Өеодосія, значительно усилившемся въ послѣднее время: пьетъ онъ «безъ просыпу» и до того усердно, что отъ питья совсѣмъ «опухъ весь»... Это безпросыпное питье не позволяетъ ему ходить въ церковь, такъ что онъ не служитъ даже «въ господскіе праздники и на царскіе ангелы»...

За прежнія челобитья на него архимандритъ «многихъ крестьянъ» билъ «многажды» плетьми, а братію «тѣснитъ и изгоняетъ, и въ чепь сажаетъ напрасно»...

Затѣмъ челобитье переходитъ къ перечню нѣсколькихъ случаевъ, когда у Өеодосія обнаружилось крайнее болѣзненное разстройство: это были припадки «черной» или «падучей немощи» (или «скорби»). Первый припадокъ ея Өеодосію удалось скрыть отъ братіи. Это было на первый день Рождества 1686 года: передъ обѣднею Өеодосій облачился было для служенія литургіи, но только что «часы проговорили и просворомисаніе (проскомидія) отошло», какъ архимандритъ почувствовалъ приступъ припадка, поспѣшно разоблачился и ушелъ въ свои кельи, приказавъ іеромонахамъ служить безъ него литургію «соборомъ».

Второй припадокъ случился не въ Предтечевѣ монастырѣ, а въ сельцѣ Дубровѣ, Вяземскаго уѣзда, въ вотчинѣ стольника Ивана Андреевича Грибоѣдова, куда Өеодосій ѣздилъ въ 1687 году, по приказу митрополита Варсонофія, для освященія новопостроеннаго стольникомъ храма. Празднество по этому случаю у И. А. Грибоѣдова продолжалось нѣсколько дней. На другой день послѣ освященія, «за столомъ» (т. е. во время обѣда) архимандрита «била черная немощь, и съ лавки его сбила подъ столъ, и пересада (пѣна?) шла, и былъ (онъ) въ то число (т. е. время) мертвъ, и многое время не опамятовался»...

Изъ приложенной къ челобитью «росписи» свидѣтелей этого припадка оказывается, что въ сельцѣ Дубровѣ было въ это время большое собраніе свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Прежде всего въ «росписи» упомянуты домочадцы хозяина: жена его Ксенія и трое сыновей — Василій, Тимоөей и Михаилъ. Въ гостяхъ у стольника были его сосѣди, дворяне: Тимоөей Ивановичъ Воейковъ, Гавріилъ и Өедоръ Михайловичи Коробановы, да гости изъ города, подьячіе «приказной избы»: Потапъ и Иванъ Мироновы, Ма-

ксимъ Протопоповъ, Өедоръ Михайловъ и «иные многіе люди». Кромѣ Өеодосія, изъ духовенства были на освященіи храма вяземскій троицкій «соборный протопопъ» Никита, 4 «бѣлыхъ попа», 1 іеромонахъ и 1 іеродіаконъ (изъ Предтечева монастыря).

Описавши падучій припадокъ съ Өеодосіемъ въ сельцѣ Дубровѣ, челобитье замѣчаетъ, что послѣ этого случая Өеодосій не служилъ ни разу до великой субботы 1687 года. Къ этому «роспись» добавляетъ, что послѣ случая въ Дубровѣ съ Өеодосіемъ повторился новый припадокъ уже въ монастырѣ, гдѣ его «била та жъ немощь, и въ тѣ поры подымали» его «духовный сынъ» Өеодосія бывшій архимандритъ Евфросинъ и «подкамерщикъ» старецъ Іоасафъ, да и «вся братія видѣла то».

Таже «роспись» говоритъ, что слѣдующій припадокъ случился съ Өеодосіемъ во время поѣздки его, въ декабрѣ 1688 года, въ Бизюковъ монастырь [1]), гдѣ свидѣтелями были предтечевскіе іеромонахи Стефанъ и Никодимъ и келейникъ Өеодосія Прокофій, а также старцы Бизюкова монастыря. Здѣсь падучая болѣзнь сильно «хватала» Өеодосія и «била его о земь».

Челобитье также разсказываетъ объ этомъ случаѣ и прибавляетъ, что Өеодосій ѣздилъ «описывать» Бизюковъ монастырь. Свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ находимъ въ одномъ современномъ документѣ, именно въ «подтвердительной жалованной грамотѣ» царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данной 23-го марта 7200 (1692) года игумену Бизюкова монастыря Евфимію [2]). Отсюда узнаемъ, что по случаю перехода монастыря изъ вѣдѣнія смоленской епархіальной власти въ вѣдомство патріарха отправленъ былъ туда вяземскій предтечевскій архимандритъ Өеодосій, для производства описи монастырскаго имущества. Ему было предписано въ монастырѣ «описать все на лицо, именно: церкви Божіи, и въ церквахъ св. иконы, и всякую церковную утварь, и книги, и ризы, и»... и проч. Өеодосій долженъ былъ составить «описныя книги» всему имуществу, въ двухъ экземплярахъ: одинъ прислать въ Патріаршій разрядъ, а другой оставить въ Бизюковѣ монастырѣ.

Өеодосій ѣздилъ туда въ декабрѣ 1688 года, и 22-го числа онъ отписалъ патріарху, что монастырь имъ описанъ и «описныя книги» составлены.

Возвращаемся къ челобитью на Өеодосія предтечевской братіи. Послѣ разсказа о припадкѣ въ Бизюковѣ монастырѣ, въ декабрѣ 1688 года, челобитье описываетъ новый случай, бывшій въ Предтечевѣ монастырѣ, на Пасху 1689 года. Дѣло было такъ: Өеодосій

---

[1]) Бизюковъ-Крестовоздвиженскій монастырь лежалъ въ 9 верстахъ отъ Дорогобужа, близь Днѣпра; онъ упраздненъ въ 1803 году (см. «Ист. свѣд. о церк. и мон.», Р. Ратшина, 498).

[2]) Грамота помѣщена въ описаніи Бизюкова монастыря, находящемся во II т. «Ист. Росс. іерархіи», 576—582.

благополучно отслужилъ пасхальную заутреню и литургію, но только что онъ сталъ причащаться, какъ у него затряслись руки и онъ «святая (т. е. св. кровь) разлилъ на престолъ и па земь»... Къ нему бросился на помощь служившій съ нимъ «бѣлый священникъ, Никита, и «святая стиралъ покровомъ»...

Этотъ случай напугалъ Ѳеодосія, такъ что онъ пересталъ съ того времени служить. Только на Вознесенье онъ рѣшился отслужить обѣдню. Это служеніе Ѳеодосія представляло очень тяжелую картину... Отъ перепоя у него совсѣмъ пропалъ голосъ, такъ что во время обѣдни онъ рѣшительно «не могъ говорить возгласовъ», и за него дѣлалъ ихъ старшій изъ сослужащихъ іеромонаховъ... И на этотъ разъ причащеніе не прошло благополучно для Ѳеодосія: когда онъ причащался, у него снова затряслись руки, и онъ «чуть святая не разлилъ»...

Какъ во время этой службы, такъ и въ другихъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Ѳеодосій «служивалъ» съ братіей, онъ не могъ равнодушно переносить вида своихъ собратовъ, бо́льшая часть которыхъ принадлежала къ его противникамъ—челобитчикамъ на него. Ѳеодосій всегда служилъ съ ними «во гнѣвѣ» и часто позволялъ себѣ прерывать службу разными бранными обращеніями къ нимъ. Братія особенно негодуетъ въ своемъ челобитьѣ на то, что Ѳеодосій часто «проклиналъ» ихъ во время богослуженія такими словами: «проклятая Вязьма»!»...

Но какъ ни золъ былъ Ѳеодосій на братію, всетаки, теперь онъ осторожнѣе обращался съ нею и не давалъ воли своимъ рукамъ. За то съ крестьянами онъ не церемонился... Челобитье говоритъ, что когда пріѣзжаютъ къ Ѳеодосію монастырскіе крестьяне бить ему челомъ о «своихъ крестьянскихъ нуждахъ», то архимандритъ «указу имъ не чинитъ» (т. е. не входитъ въ разбирательство ихъ нуждъ), а между тѣмъ «взятки беретъ съ праваго и съ виноватаго по полтинѣ, да мировыхъ по полуполтинѣ»... Съ кого же нечего взять, тѣхъ онъ приказываетъ «бить плетьми нещадно»... Его посредникомъ съ крестьянами является, во всѣхъ случаяхъ, живущій у него въ кельяхъ его «духовный сынъ», «чашникъ» и «подкеларникъ», старецъ Іоасафъ. Когда приходятъ крестьяне, Ѳеодосій приказываетъ послѣднему уговариваться съ ними о деньгахъ, «что̀ съ кого взять»... Отъ этихъ «взятковъ» монастырскіе крестьяне «въ конецъ разорились»...

Когда казначей, старецъ Илларіонъ, отправился по монастырскимъ дѣламъ въ Москву, Ѳеодосій приказалъ «сидѣть на себя вино» изъ монастырскаго хлѣба. Было «высижено вина» около 30 ведеръ. И все это вино Ѳеодосій выпилъ у себя въ кельяхъ, а на «братской расходъ» ничего не далъ... Впрочемъ, челобитчики хотятъ быть справедливыми: они не отрицаютъ, что Ѳеодосій иногда и ихъ баловалъ, если не виномъ, такъ пивомъ. Они говорятъ,

что на «господскіе праздники» Θеодосій приказывалъ «за трапезу ставить братіи» пиво, «но,—обидчиво замѣчаютъ св. отцы,—и то велитъ мѣшать съ квасомъ!»...

Замѣчаніе о порчѣ архимандритомъ пива братія наивно заключаетъ такимъ обобщеніемъ, что Θеодосій «о монастырскихъ о всякихъ дѣлахъ ни о чемъ не радѣетъ»...

X.

Свое челобитье на Θеодосія братія заканчиваетъ однимъ новымъ обвиненіемъ, очень скандальнаго характера... Въ прежнихъ челобитьяхъ не было ничего подобнаго, если не считать неяснаго намека (въ первомъ челобитьѣ) на какія-то зазорныя отношенія архимандрита къ игуменьѣ Ильинскаго дѣвичьяго монастыря. Теперь же братія безъ всякихъ обиняковъ повѣствуетъ слѣдующее.

9-го августа 1689 года, послѣ повечерія, когда уже стало смеркаться, Θеодосій послалъ своего келейника, старца Прокофія, «по цыганку»... Келейникъ «привелъ цыганку въ полъ-часа нощи и повелъ къ Θеодосію въ келью»... Чтобы выпустить ее обратно, не тревожа «воротеннаго старца», Θеодосій приказалъ взять у него къ себѣ въ келью ключи отъ монастырскихъ воротъ... Потому-то братія и «не видѣла», когда цыганка «съ монастыря пошла ночью»...

На другой день Θеодосій сталъ дѣйствовать нахальнѣе и возмутительнѣе. Только-что зазвонили къ обѣднѣ и братія стала собираться въ церковь, Θеодосій снова послалъ за цыганкою того же келейника... Келейникъ на этотъ разъ былъ поцеремоннѣе и повелъ цыганку не прямо чрезъ монастырскія св. врата, какъ наканунѣ, но «чрезъ конюшенный дворъ на свой (т. е. у архимандритскихъ келій) задворокъ»... Братія исправно наблюдала за всѣмъ этимъ скандаломъ и говоритъ, что цыганка въ этотъ разъ пробыла у Θеодосія «многое время»...

Этимъ и заканчивается перечень обвиненій, направленныхъ противъ Θеодосія. Братія не стала дожидаться другихъ, болѣе крупныхъ проступковъ архимандрита, зная, что и описанныхъ ею въ челобитьѣ слишкомъ достаточно для одного человѣка... Послѣднее обвиненіе было самаго тяжкаго свойства для инока, и митрополитъ не могъ не обратить на него особеннаго вниманія. Слухъ о визитахъ цыганки въ архимандричьи кельи могъ распространиться по городу и дойдти затѣмъ до Москвы и митрополита, помимо братіи. На нее пала бы тогда вина укрывательства такого скандала. А потому братія и поспѣшила послать митрополиту свое давно уже подготовлявшееся челобитье на Θеодосія.

Челобитье заканчивается такимъ заявленіемъ иноковъ, что послѣ всего описаннаго «жить намъ въ монастырѣ отъ архимандрита

невозможно», такъ что они готовы «идти съ монастыря», но «безъ архіерейскаго благословенія» не рѣшаются это сдѣлать. Они просятъ митрополита: прикажи «противъ сего нашего челобитья свой архіерейскій указъ учинить, а про него, архимандрита, розыскать», а затѣмъ и «перемѣнить» его, чтобы челобитчикамъ «отъ его многаго пьянства и напрасныхъ налогъ врознь не разбрестись!»...

На челобитьѣ читаемъ 21 «рукоприкладство» (на второмъ челобитьѣ ихъ было 20), изъ нихъ только 7 принадлежатъ лицамъ, участвовавшимъ въ прежнихъ челобитьяхъ (черные попы Мисаилъ и Іосифъ, іеродіаконъ Антоній и 4 должностныхъ старца). Остальные 14 человѣкъ выступаютъ здѣсь въ первый разъ (іеромонахъ Стефанъ, іеродіаконъ Ѳеофанъ, 5 должностныхъ старцевъ, 2 «крылошанъ» и 5 «служекъ»). Такимъ образомъ, и на этотъ разъ челобитье шло отъ большинства высшихъ представителей монастыря. Отсутствіе на челобитьѣ подписей старость и другихъ представителей монастырскихъ крестьянъ вызвано было поспѣшностью его составленія и отправленія въ Москву.

Помимо внушительнаго состава челобитчиковъ, и самое содержаніе челобитья было на столько серьёзно, что митрополитъ обратилъ на него полное вниманіе. На самомъ челобитьѣ, поданномъ въ сентябрѣ 1689 года, митрополичьяго приговора нѣтъ, и мы его находимъ въ другомъ документѣ, именно въ «наказной памяти» (или «наказѣ»), данной въ томъ же сентябрѣ митрополитомъ Евфиміемъ своему «домовому боярскому сыну», Ѳедору Шарапову. Ему предписано было ѣхать въ Вязьму и произвести тамъ «розыскъ» надъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ. Наказъ буквально перечисляетъ всѣ обвиненія, взведенныя братіей на Ѳеодосія. Любопытно, что здѣсь чья-то благодѣтельная для архимандрита рука позволила было себѣ помочь ему въ такую трудную минуту, именно напоминаніемъ объ извѣстной намъ кляузнической «отпискѣ» Ѳеодосія митрополиту Варсонофію, въ сентябрѣ 1686 года. На оборотной сторонѣ «наказа» эта рука сдѣлала извлеченіе изъ той отписки о бѣгствѣ изъ монастыря, ночью на 24-е августа 1686 года, отцовъ Іосифа и Антонія, съ старцемъ Аркадіемъ, о мнимой кражѣ послѣднимъ 4 «мѣдныхъ мѣръ», о его же «кистенѣ» и проч. Очевидно, что неизвѣстный благодѣтель Ѳеодосія хотѣлъ направить «розыскъ» Ѳ. Шарапова въ эту сторону и тѣмъ содѣйствовать обѣленію архимандрита. Но это не удалось; разсматриваемая вставка была кѣмъ-то зачеркнута (это—черновой «наказъ»), и, такимъ образомъ, не попала въ подлинный «наказъ».

Ѳ. Шарапову велѣно было произвести «розыскъ» вмѣстѣ съ вяземскимъ «поповскимъ старостою» и троицкимъ «соборнымъ ключаремъ», попомъ Иваномъ. Имъ предписывалось «допросить» Ѳеодосія «про всѣ статьи» (т. е. пункты) челобитья и дать ему

«очную ставку» съ чернымъ попомъ Мисаиломъ (стоявшимъ во главѣ челобитчиковъ) и съ остальной братіей и «съ очной ставки розыскивать». Это «сыскное дѣло» Шараповъ долженъ доставить митрополиту Евфимію.

Въ то же время была послана подобная же (но значительно короче) «наказная память» изъ митрополичьяго Казеннаго Приказа и «поповскому старостѣ», отцу Ивану, на оборотной сторонѣ которой читаемъ слѣдующее существенное дополненіе: «А покамѣстъ по сыскному дѣлу архимандриту Θеодосію нашъ указъ будетъ, и монастырь, и въ монастырѣ братію, и слугъ, и служебниковъ, и крестьянъ указали мы вѣдать и оберегать, и всякую расправу чинить бывшему того жъ Предтечева монастыря архимандриту Евфросину да казначею Илларіону».

XI.

Однако, судьба и на этотъ разъ оказала покровительство архимандриту Θеодосію: онъ не дождался позорнаго для него розыскнаго дѣла и, вмѣсто людскаго суда, предсталъ на судъ Божій.

Не успѣлъ митрополичій боярскій сынъ Θ. Шараповъ выѣхать въ Вязьму для розыска надъ Θеодосіемъ, какъ въ Москву пришло извѣстіе о его смерти. Архимандритъ Евфросинъ писалъ митрополиту, что въ ночь на 20-е сентября 1689 года, волею Божіею архимандрита Θеодосія «въ животѣ не стало»... «Отходя сего свѣта», Θеодосій успѣлъ исповѣдаться, «масломъ святился» (т. е. совершилъ надъ собою елеосвященіе) и пріобщился св. тайнъ. Передъ смертью онъ просилъ архимандрита Евфросина доложить митрополиту: «гдѣ ты благословишь погрести тѣло» его? въ Вязьмѣ ли, въ Предтечевѣ монастырѣ, или въ Калугѣ, въ Лаврентіевѣ монастырѣ, «къ сродичамъ его»? Безъ митрополичьяго указа Θеодосій не велѣлъ себя хоронить.

Что касается имущества покойнаго, то все «келейное платье», всякую «рухлядь» и деньги онъ просилъ «отдать на поминовеніе сродичамъ его», «иное платье и мантею» отдать его духовному отцу и «иной братіи», а все остальное имущество продать и деньги раздать нищимъ.

Послѣ смерти Θеодосія архимандритъ Евфросинъ собралъ старшую братію и вмѣстѣ съ нею обошелъ архимандричьи кельи и «чюланы», осмотрѣлъ всякую «рухлядь», пересчиталъ найденныя деньги, и все это «переписалъ» въ особой «росписи», отправленной къ митрополиту вмѣстѣ съ «отпискою». Имущество Θеодосія архимандритъ велѣлъ «поставить въ ризничій поставъ», до митрополичьяго указа.

Къ сожалѣнію, изъ сохранившагося небольшаго отрывка отвѣтной «грамоты» митрополита Евфимія архимандриту Евфросину (гдѣ

послѣдній увѣдомляетъ о полученіи въ Москвѣ его «отписки» и «переписной росписи») не видно, какъ была исполнена послѣдняя воля Θеодосія, относительно погребенія и распредѣленія имущества: остался ли онъ и послѣ смерти среди «проклятой Вязьмы», или былъ перевезенъ въ Калужскій Лаврентіевъ монастырь,—остается неизвѣстнымъ.

За то сохранилась вполнѣ «роспись» имущества Θеодосія, очень любопытный документъ. Онъ начинается съ описи образовъ, которыхъ нашли у Θеодосія въ кельяхъ только 4. Всѣ образа были недорогіе, писаны на полотнѣ и деревѣ, и ни на одномъ изъ нихъ не было даже мѣднаго «оклада». Ниже упомянуты еще 2 «образа-складня».

Далѣе идетъ опись «сундука», въ которомъ хранилось разное «платье» Θеодосія[1]), очень простенькое и дешевое: ни шелку, ни бархату, ни соболей и т. п.—ничего этого не видимъ у него... Въ томъ же сундукѣ найденъ «подголовокъ»[2]), а въ немъ весь капиталъ Θеодосія—50 рублей 26 алтынъ. Изъ нихъ истрачено было 10 рублей «на погребеніе, и на раздачу священникамъ и дьяконамъ, и на милостыню» нищей братіи. О книгахъ, найденныхъ въ имуществѣ Θеодосія, сказано уже выше (см. IV главу).

Далѣе идетъ перечень «посутки», т. е. посуды. Оказывается, что и она была также скудна у Θеодосія, какъ и его платье: у него не было ни золота, ни серебра, а только мѣдь, олово и стекло[3]).

Въ заключеніе «роспись» говоритъ, что въ кельяхъ Θеодосія былъ найденъ его домашній архивъ, а именно «коропка, а въ ней письма: архіерейскія грамоты и челобитныя крестьянъ», да «ящикъ съ ставленными архіерейскими грамотами».

Вотъ и все имущество Θеодосія! Крайнюю скудость его можно объяснить только одною безпутною жизнію архимандрита, такъ какъ несомнѣнно, что состоятельный Предтечевъ монастырь давалъ своему настоятелю немалыя средства...

---

[1]) Именно—4 «шубы» (лисья, заячья, «барусачья» (т. е. барсучья) и баранья), 4 «ряски» («камчатная», суконная «коричной цвѣтъ», синяя суконная и пр.); «лисій треухъ (т. е. треухъ—шапка о трехъ лопастяхъ)—«покрытъ кумачемъ «вишневымъ»; «овчинныя рукавицы» и «рукавицы перчитыя» (т. е. «перщатыя»—съ мѣстами для перстовъ); «штаны козлиные», «2 клобука добрыхъ», 2 «камилавки», 2 «шляпы» и проч. Описи бѣлья нѣтъ.

[2]) «Подголовокъ»—деревянный ларецъ, съ покатою на одну сторону крышкою, ставимый подъ головы.

[3]) Тутъ встрѣчаемъ—«рюмку» и «стоканъ» хрустальные, 3 ножа и 3 «вилки», 2 «братенки мѣдныя» и проч. Сюда же отнесены: мѣдный «подсвѣчникъ», 2 «мѣдныя чернилицы», «лейка жестеная» и единственная «бѣлая скатерть»...

Остается еще сказать нѣсколько словъ о преемникѣ въ Предтечевѣ монастырѣ архимандрита Θеодосія. До конца января 1690 года обязанности настоятеля монастыря временно исполняли архимандритъ Евфросинъ и казначей старецъ Илларіонъ. За это время братія подала митрополиту Евфимію 3 челобитья о назначеніи новаго архимандрита. Въ первомъ челобитьѣ (подписанномъ Евфросиномъ и 12 иноками) братія не указывала своего кандидата, а просила дать, «кого ты, государь, по своему праведному разсмотрѣнію изволишь»... На этомъ челобитьѣ нѣтъ митрополичьяго приговора.

Второе челобитье братіи до насъ не дошло, и мы узнаемъ о немъ только изъ третьяго и послѣдняго челобитья, поданнаго въ январѣ 1690 года. Оно подписано только Евфросиномъ и іеродіакономъ Антоніемъ, ѣздившими въ Москву отъ имени всей братіи. Въ обоихъ челобитьяхъ братія просила о назначеніи въ архимандриты какого-то игумена Варсонофія. 20-го января, митрополитъ (читаемъ въ приговорѣ) «благословилъ во архимандриты» этого игумена Варсонофія и велѣлъ дать ему «настольную грамоту» [1]).

Кто такой былъ игуменъ Варсонофій и гдѣ именно онъ былъ игуменомъ,—документы не говорятъ. Возможно, что это былъ извѣстный намъ предтечевскій іеромонахъ Варсонофій Лютовъ, братъ отца Антонія. Въ послѣдній разъ отецъ Варсонофій упоминается въ Θеодосіевскомъ дѣлѣ, въ іюлѣ 1687 года, когда онъ вмѣстѣ съ другими иноками подавалъ второе челобитье на Θеодосія. Возможно, что около этого времени Варсонофій вышелъ изъ предтечевской братіи и перешелъ въ какой либо другой монастырь, гдѣ и дослужился къ 1690 году до сана игумена. Предтечевскіе монахи знали его хорошо, какъ своего прежняго собрата и вяземскаго уроженца, а потому и намѣтили его въ преемники Θеодосія. Въ монастырѣ еще оставался его братъ — отецъ Антоній, который и съ своей стороны постарался расположить братію въ пользу отца Варсонофія. Такимъ образомъ, если это предположеніе вѣрно, преемникомъ архимандрита Θеодосія явилось именно то лице, которое выступило противъ него во главѣ первыхъ челобитчиковъ, въ августѣ 1686 года...

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) Амвросій («Исторія Росс. іер.», III, 681) и П. Строевъ (Спис. іер. и наст. мон.», 595) также называютъ архим. Варсонофія преемникомъ Θеодосія. Но Строевъ ошибается, начиная настоятельство Варсонофія въ Предтечевѣ монастырѣ съ 1692 года (и по 1704 г.): его слѣдуетъ начинать съ 1690 года.



МОГИЛЫ ДВУХЪ КОШЕВЫХЪ АТАМАНОВЪ.

ЗАНИМАЯСЬ уже втеченіе многихъ лѣтъ собираніемъ вещественныхъ памятниковъ, оставшихся отъ времени запорожскихъ казаковъ, я, между прочимъ, наткнулся на два могильныхъ памятника, скрывающихъ подъ собою прахъ двухъ замѣчательныхъ кошевыхъ атамановъ запорожскаго низоваго войска, Ивана Сирка и Константина Головка. Первый памятникъ находится въ деревнѣ Капуливкѣ, или Капыловкѣ, Екатеринославской губерніи и уѣзда, гдѣ была у запорожцевъ Чортомлыцкая, или такъ называемая Старая Сича, а второй стоитъ въ хуторѣ Консуловкѣ, или Разоровкѣ, Херсонской губерніи и уѣзда, въ имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова, на мѣстѣ Каменской Сичи.

Кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко—колоссальнѣйшая личность угасшаго запорожскаго казачества. Это одинъ изъ тѣхъ «рыцарей, завзятыхъ и никѣмъ не донятыхъ, неустрашимыхъ, и никѣмъ неодолимыхъ, закаленныхъ и никѣмъ непобѣжденныхъ», которые нѣкогда были предметомъ общаго удивленія и которые служили примѣромъ живаго подражанія. Выступивъ сперва въ должности кальницкаго полковника, Иванъ Сирко затѣмъ, съ 1663 года, былъ избранъ запорожцами въ кошевые атаманы и занималъ этотъ высокій у казаковъ постъ втеченіе осьми лѣтъ, чего до него изъ вѣка вѣковъ не было, такъ какъ запорожцы выбирали всю свою старшину только на одинъ годъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и меньше чѣмъ на годъ. Мужественный, храбрый, удивительно отважный, замѣчательно предпріимчивый, въ высшей степени подвижный, Сирко вѣчно воевалъ если не съ татарами, то съ турками, если не съ турками, то съ поляками, а если не съ поляками, то съ русскими. И враги страшно боялись его. На татаръ, напримѣръ,

онъ наводилъ такой страхъ, что они отъ него, точно отъ гончей собаки зайцы, бѣжали безъ оглядки. «Собака! чистая собака! Сирко! настоящій Сирко!»—говорили объ немъ украинцы. «Орелъ, чистый орелъ! Вихорь, буйный вихорь!»—отзывались объ немъ запорожцы.

«Ой якъ крикне старый орелъ,
Шо пидъ хмары вьется,
Гей загуло Запорожье,
Бо до Сирка тистця.
Ой не витеръ въ поли грае,
Не орелъ витае, —
Отожъ Сирко съ товариствомъ
По степу гуляе»...

«Шайтанъ! Урусъ-шайтанъ, чортъ! Русскій чортъ!»—кричали въ испугѣ, завидя Сирко, татары, спѣшившіе скрыться отъ него въ лѣсъ, пещеры или высокія горы. Татарамъ Сирко былъ такъ страшенъ, что его именемъ татарки унимали своихъ плаксивыхъ дѣтей; а туркамъ онъ такъ уѣлся, что самъ султанъ издалъ указъ молиться въ мечетяхъ о погибели Сирка. Но, отличаясь такимъ мужествомъ и такою неустрашимостью, самъ Сирко считалъ сраженіе игрушкой, шелъ на битву съ небольшимъ отрядомъ запорожцевъ, всегда гнушался всякаго корыстолюбія и отличался замѣчательнымъ великодушіемъ. Оттого всю добычу свою онъ раздавалъ казакамъ; оттого же къ нему обращались на судъ даже сами враги его. «Какъ Сирко разсудитъ, такъ тому и быть». Враги находили у Сирка защиту даже въ томъ случаѣ, когда у другихъ и соотечественники не могли найдти правды. Однажды, запорожцы пограбили татарскій аулъ и угнали изъ него скотъ. Тогда въ станъ Сирка пришла татарка и стала жаловаться на то, что у нея нечѣмъ кормить малыхъ дѣтей, потому что казаки увезли ея корову. Сирко велѣлъ возвратить татаркѣ корову, причемъ объявилъ, что когда корова перестанетъ давать молоко, то чтобы казаки кормили дѣтей татарки молокомъ своихъ коровъ. Сверхъ этого, Сирко подарилъ матеріи для дѣтей татарки и съ миромъ отпустилъ ее въ аулъ. Отличаясь мужествомъ, безкорыстіемъ и примѣрнымъ великодушіемъ, Сирко, какъ истинный малороссъ, да еще запорожецъ, отличался и необыкновенною склонностью къ юмору и вмѣстѣ съ тѣмъ большою глубокомысленностью своихъ замѣчаній. «Когда бы и чортъ, пане гетмане,—писалъ онъ Самойловичу по поводу упрека гетмана, зачѣмъ Сирко вступилъ въ борьбу съ татарами,—когда бы и самъ чортъ, пане гетмане, помогалъ людямъ въ крайней ихъ нуждѣ, то брезговати тимъ не годится; бо кажуть люде: нужда законъ змиияе». Въ этомъ же отвѣтѣ Сирко оказалась характерная черта всего Запорожья: оно было гульливо какъ морская волна, свободно какъ морской вѣтеръ, непостоянно какъ капризная красавица. Такимъ непостоянствомъ отличался и Сирко.

Подвиги Сирка и его личныя качества—воинственность, безстрашность, безкорыстіе, великодушіе и острота ума сдѣлали его въ высшей степени популярнымъ человѣкомъ своего времени и были причиной того, что уже тотчасъ послѣ его смерти объ немъ стали ходить разныя легенды. Такъ, историкъ Мышецкій передаетъ, что запорожцы, послѣ смерти Сирко, пять лѣтъ возили въ гробу тѣло своего атамана, имѣя повѣрье, что съ нимъ, даже мертвымъ, можно всегда одолѣть враговъ. Сирка, умеръ въ 1680 году, 1-го августа, въ собственной пасѣкѣ, въ Грушевкѣ[1]). Малороссійскій историкъ, Самоилъ Величко, говоритъ, что Сирко скончался «немного поболѣвши, въ Грушовцѣ въ пасѣцѣ», что запорожцы послѣ смерти атамана препроводили тѣло его въ Сичу водою и похоронили за Сичею, въ полѣ, противъ московскаго окопа, гдѣ всѣхъ вообще казаковъ погребали, «съ мушкетною и армашною стрѣльбою» и съ великою жалостію насыпали надъ прахомъ умершаго могилу, на могилѣ поставили каменный крестъ съ надлежащимъ именемъ и съ прописКой его дѣлъ. Очень любя своего атамана и почитая его за отца, запорожцы во время похоронъ глубоко сожалѣли о немъ[2]).

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а Сирка и до сихъ поръ не забыли на Украйнѣ. Говорятъ, что равнаго ему не было да и не будетъ въ цѣломъ свѣтѣ, и онъ самъ хорошо зналъ это. Оттого умирая онъ далъ завѣщаніе не хоронить около себя никого. «Хто ляже наровни зо мною, то ще братъ, а хто передъ мною, той проклятъ». Говорятъ, что Сирко даже не умеръ, а гдѣ-то бродитъ по свѣту, незримо воюясь съ врагами. Говорятъ, что запорожцы отрѣзали у него руку, послѣ смерти, засушили ее и постоянно возили съ собой на войну. «Стойте, молодцы, душа и рука Сирка съ нами!»—кричали они, когда видѣли, что товарищи подавались назадъ отъ натиска враговъ, и тогда враги, услыша имя Сирка, какъ бѣшеные, обращались въ бѣгство. Говорятъ также, что Сирку и самъ чортъ не братъ былъ. Какъ-то шелъ Сирко по-надъ рѣкою, у которой тогда стояла Чартомлыцкая Сича. Идетъ Сирко, ажъ гулькъ! а въ рѣчкѣ плещется чортъ. Сирко выхватилъ изъ-за пояса пистоль и, не мигнувъ бровью, положилъ на мѣстѣ бѣса. Оттого и рѣчка стала называться Чартомлыномъ: «Въ ней чортъ только млыкнулъ послѣ выстрѣла Сирка».

Много лѣтъ прошло, а имя Сирка до сихъ поръ сохранилось въ народѣ, сохранился и его памятникъ. Памятникъ этотъ стоитъ въ дер. Капуливкѣ, въ огородѣ крестьянина Николы Мазая, и имѣетъ видъ узкой плиты, или, правильнѣе, конуса, сверху усѣченнаго,

---

[1]) Намъ кажется, что эта «Грушевка» есть теперешнее село Голая Грушевка, Екатеринославскаго уѣзда; по крайней мѣрѣ, въ Голой Грушевкѣ и теперь у помѣщика Шишкина есть цѣлое урочище, которое называется Сиркивка, гдѣ у него искони существуетъ посѣка.

[2]) Лѣтопись С. Величка, Кіевъ, 1851 года, ч. II, стр. 497.

книзу болѣе утолщеннаго и болѣе расширеннаго, чѣмъ кверху. Онъ высѣченъ изъ песчаника и поставленъ на небольшомъ изъ такого же камня, въ видѣ саркофага, пьедесталѣ; высота его безъ полутора вершка два аршина, толщина — четверть аршина, ширина — внизу пять четвертей, вверху — двѣ четверти. Онъ стоитъ на небольшомъ холмикѣ, обсаженномъ кудрявыми шелковицами и серебристыми тополями. На самомъ верху имѣетъ маленькое углуб-



Намогильный памятникъ кошеваго атамана Сирка.

леніе, какъ нужно думать, для бывшаго, но теперь невѣдомо кѣмъ снятаго креста; съ восточной стороны памятника высѣчено распятіе Христа съ обычными при этомъ буквами I. Н. Ц. I. и проч., съ западной стороны сдѣлана слѣдующая надпись:

„Р Е ахп мая д престависю рабъ Бо Иоань Сѣрько Дмитрови атамань кошовий воска запорозкого за его... И II Е Феωдора Алеѯѣвича паміат праведнаго со похвалами“.

То есть: «Року Божого 1680 мая 4 преставися рабъ Божій Иоанъ Сѣрько Дмитрови(-чъ) атаманъ(-ъ) кошовий во(-й)ска запорозкого за его царскаго пресвѣтлаго величества (здѣсь памятникъ поврежденъ, видны только буквы И П Ѣ) Феодора Алексѣвича (.) Память праведнаго со похвалами» [1]). Кромѣ этихъ словъ, есть еще какія-то слова, сдѣланныя по бокамъ памятника, но отъ времени они сильно попорчены и разобрать ихъ нѣтъ никакой возможности.

Сравнивая надпись, сдѣланную на могильномъ крестѣ Сирка съ приведенными выше словами малороссійскаго лѣтописца Самоила Величка, мы находимъ небольшую разницу въ показаніи времени смерти Ивана Сирка. Намогильная надпись гласитъ, что Сирко скончался 1680 года, 4 мая, между тѣмъ, какъ Величко утверждаетъ, что Сирко умеръ 1680 года, 1 августа. Какъ согласить подобную разницу и чему больше довѣрять? Намъ кажется, что показаніе С. Величка болѣе подходитъ къ истинѣ, чѣмъ показаніе намогильной надписи; тѣмъ болѣе, что съ показаніемъ малороссійскаго лѣтописца совершенно совпадаетъ свидѣтельство преемника Сирка, кошеваго атамана Ивана Стягайла. Свидѣтельство это заключается въ письмѣ Стягайла [2]) къ полковнику Василію Перхурову «о смерти кошеваго атамана Ивана Сѣрка, перваго августа воспослѣдовавшей». Послѣ этого остается предположить, что на памятникѣ Сирка, допущена ошибка въ показаніи смерти его. Но возможно ли это? Возможно только въ томъ случаѣ, если допустить, что настоящій памятникъ поставленъ не современниками Сирка, а послѣдующимъ поколѣніемъ. Допустить же подобную мысль возможно въ виду того, что вся Чортомлыцкая Сича въ 1709 году, была разрушена русскими войсками, мстившими запорожскимъ казакамъ за ихъ измѣну царю Петру Первому. Тогда, по свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, много было истреблено вещественныхъ памятниковъ Запорожья, причемъ, можетъ быть, былъ истребленъ и памятникъ Сирка. Впослѣдствіи запорожцы, получившіе прощеніе и воротившіеся снова въ Россію, могли соорудить новый памятникъ надъ могилой Сирка, но, дѣлая надпись на немъ, ошиблись въ числѣ и мѣсяцѣ смерти бывшаго ихъ кошеваго.

Кошевой атаманъ Константинъ Гордѣевичъ Головко, иначе Гордіенко, былъ менѣе крупный дѣятель Запорожья, чѣмъ Иванъ

---

[1]) Вмѣсто словъ «Память праведнаго со похвалами» г. Скальковскій прочелъ: «Памятникъ отъ всего поспольства». См. «Исторію Новой Сѣчи», Одесса, 1886, ч. III, стр. 262. Но у того же г. Скальковскаго, на страницѣ 255, есть и такой курьезъ: «Здѣсь опочиваетъ рабъ Божій Онисько Пѣсъ»... вмѣсто: «Зде опочиваетъ рабъ Божій іоанъ кѵписъ»... Татарское слово «кабызъ» (оттуда «кобза») онъ принялъ за русское «пѣсъ».

[2]) Письмо хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, подъ 1680 годомъ, августа 9-го, № 20, связка № 55.

Сирко, но все же доблестью, мужествомъ и воинственнымъ духомъ онъ превосходилъ многихъ изъ своихъ собратій запорожцевъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло: въ Сичи непутевый человѣкъ не могъ быть кошевымъ атаманомъ. О происхожденіи Головка лѣтопись знаетъ, что онъ былъ сынъ какого-то Головка [1]; но историкъ «Новой Сѣчи» увѣряетъ, что онъ былъ потомокъ волынскаго дворянина Гординскаго, или Городецкаго, родомъ полякъ, однако, человѣкъ православной вѣры [2]. Отрекшись отъ своихъ «дѣдичныхъ грунтовъ», Константинъ Головко перешелъ на Запорожье и тутъ съ 1702 года избранъ былъ въ кошевые атаманы, удерживая это званіе за собой послѣдовательно семь лѣтъ. Въ Сичи онъ приписался къ Платнѣровскому куреню и прославился какъ замѣчательно храбрый и неустрашимый атаманъ.

«Ой, Гордіенку, сыне степовый!
Не вдавсь противъ тебе
И Дорошенко кошовый».

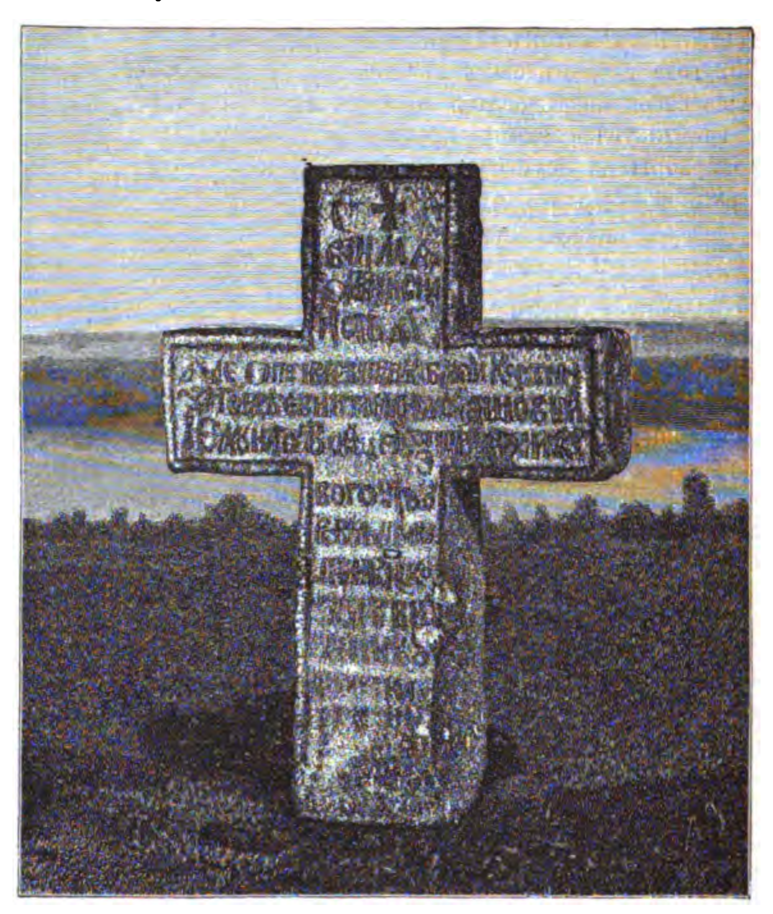
Но не такъ сдѣлали извѣстнымъ Головка его подвиги между запорожскими казаками, какъ его измѣна русскому царю, Петру Первому, передъ Полтавской битвой. Находясь въ тайной перепискѣ съ гетманомъ малороссійскихъ казаковъ, Иваномъ Степановичемъ Мазепой, еще задолго до 1709 года, Головка, вмѣстѣ съ Мазепой, держалъ сторону противника Петра, шведскаго короля Карла XII. И когда Карлъ XII пришелъ въ Малороссію, то Головко поспѣшилъ явиться къ нему съ 8,000 запорожцевъ, чтобы идти за одно съ королемъ и гетманомъ противъ московскаго царя. Соединеніе произошло въ мѣстечкѣ Будищахъ Полтавской губерніи и уѣзда. Однако, замыслы союзниковъ не удались, и послѣ несчастной для нихъ битвы подъ Полтавой, въ 1709 году, Головко, вмѣстѣ съ Карломъ и Мазепой, бѣжалъ въ предѣлы Турціи, гдѣ еще въ 1710 году считался кошевымъ атаманомъ запорожскихъ казаковъ, удержавъ это званіе, какъ можно видѣть изъ «Лѣтописи» Ригельмана, съ промежутками, до 1715 года [3]. Константинъ Головко пережилъ Мазепу двадцатью тремя годами и послѣ смерти былъ погребенъ въ основанной имъ Сичи Каменской, находившейся въ то время въ предѣлахъ турецкаго султана. Запорожцы насыпали надъ прахомъ Головки высокую могилу, а близь нея поставили большой крестъ.

Эта могила, такъ же какъ и крестъ, сохранилась и по настоящее время. Она представляетъ изъ себя средней величины холмъ, имѣющій въ окружности 20 саженъ, черезъ вершину два съ половиной (выше, чѣмъ надъ прахомъ Сирка), у основанія котораго,

---

[1]) Мышецкій. Исторія о казакахъ запорож., Одесса, 1852, стр. 11.
[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885 года, ч. II, стр. 19.
[3]) Лѣтописн. повѣств. о Малой Россіи, Москва, 1847 года, ч. III, стр. 97—113.

съ южной стороны, поставленъ песчанниковый крестъ, высоты въ два аршина и двѣ четверти, толщины въ полъ-аршина. Съ восточной стороны на крестѣ изображено распятіе и ниже распятія помѣщена казацкая арматура: копья, сабли, литавры и пушки на небольшихъ колесахъ. Съ западной стороны, въ самомъ верху, высѣчена фаза луны, возлѣ луны выбитъ крестъ и цвѣтокъ, а ниже помѣщена слѣдующая надпись:



Намогильный крестъ кошеваго атамана Гордіенка.

„Во ймѧ Оц҃а и҆ Сн҃а и Ст҃го Дх҃а Здє опочиваєтъ рабъ Бж҃ій Константии Гордѣєвич атамонъ кошовый: славнаго войскоа Запорозкого низового а҆ кꙋрєнѧ платнѣровского:. прєтсвисѧ рокꙋ аѱлг маѧ д числа“.

То есть: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа (.) Зде опочиваетъ рабъ Божій Константинъ Гордѣевичъ, атаманъ кошовый:

славнаго войска запорозкого низового (,) а куреня Платнѣровскаго: преставися року 1733 мая 4 числа» [1]).

Могила насыпана у праваго берега Днѣпра и открываетъ съ вершины своей чудный видъ на роскошный и полноводный Днѣпръ, несущій свои воды вдоль зеленыхъ и лѣсистыхъ плавенъ въ широкій лиманъ. Въ ста шагахъ южнѣе отъ мѣста погребенія Головка лежатъ остатки куреней бывшей Каменской Сичи, а въ трехъстахъ шагахъ западнѣе отъ могилы стоитъ усадьба землевладѣльца Михаила Өедоровича Огаркова, такъ называемый хуторъ Консуловка, или Разоровка, доставшаяся ему, послѣ купли, отъ землевладѣльца Константинова, но получившая свое названіе отъ консула Разоровича, одного изъ первыхъ владѣльцевъ хутора. Такъ, время измѣнило и людей, и порядки людскіе. Но «родъ приходитъ, родъ преходитъ, а земля стоитъ»...

Д. И. Эварницкій.



[1]) Къ сожалѣнію, и эта надпись у Скальковскаго (тамъ же, стр. 20) передана невѣрно, вмѣсто „а҂ѱлг“ онъ прочелъ „а҂ѱл“, и вышло не 1733 годъ, а 1730, а о мѣсяцѣ онъ даже и не знаетъ.



ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЯГО ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ МАЗОВЕЦКОМЪ УѢЗДѢ.

(Ломжинской губерніи).

НА ПУТИ изъ Петербурга въ Варшаву по желѣзной дорогѣ, переѣхавъ мостъ на р. Наревѣ, путешественникъ вступаетъ въ предѣлы бывшаго царства Польскаго; здѣсь, не вдалекѣ отъ границы, отдѣляющей Сѣверо-Западный край отъ Привислинскаго, встрѣчается станція Лапы, устроенная при проведеніи петербургско-варшавской желѣзной дороги съ большою претензіей на первоклассную станцію, долженствовавшую достойно украшать первое въ Польшѣ мѣсто остановки поѣзда, а теперь низведенную до третьестепеннаго значенія. Русскій пассажиръ, впервые въѣзжающій въ невѣдомый ему край, узнаетъ здѣсь, что «это уже Польша»; въ самомъ дѣлѣ онъ въѣхалъ въ Мазовецкій уѣздъ, Ломжинской губерніи, который, по административному дѣленію, составляетъ одинъ изъ 83 уѣздовъ бывшаго царства Польскаго.

Но дѣйствительно ли этотъ уголокъ, окаймленный почти съ трехъ сторонъ границей Гродненской губерніи, составляетъ этнографически часть «Польши»?

Мазовецкій уѣздъ составляетъ сѣверную часть древнѣйшей русской области, образовавшейся изъ земель Дрогичинской, Мельникской и Бѣльской и получившей названіе Подляхіи, или Подляшья. Въ древности средняя часть этой области была заселена

ятвягами, на сѣверной же и южной окраинахъ поселилось русское племя—бѣлоруссы и малороссы, которые, расширяя предѣлы своего мѣстожительства, образовали изъ себя сплошное русское населеніе, исповѣдующее православную вѣру.

Въ числѣ другихъ сѣверныхъ русскихъ земель, Дрогичинская и Мельникская земли принадлежали великому княжеству Кіевскому, которое немало положило труда къ покоренію и разселенію ятвяговъ и устройству русскихъ городовъ по р. Бугу. Съ распаденіемъ этого могущественнаго княжества на удѣлы, Подляшье вошло въ составъ Галицко-Волынскаго княжества и пользовалось особымъ вниманіемъ и защитой со стороны Даніила Романовича. Смерть этого поборника русской народности и русской вѣры повлекла за собою раздѣленіе княжества между его наслѣдниками; это и послужило дальнѣйшему распаденію русскаго княжества. Въ XIV вѣкѣ, Подляшье подпало подъ владычество Литвы въ то время, какъ сосѣдняя Холмская область была поглощена Польшей. Литовскіе князья часто отдавали подляшскія земли въ залогъ плоцко-мазовецкимъ князьямъ за получаемыя отъ нихъ ссуды; отсюда произошла колонизація мазуръ, но они въ значительной степени русѣли. Сами обладатели этой области, литовцы, подвергались вліянію Руси, которую они разбирали по частямъ, и усвоивали себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи и православную вѣру, составивъ, наконецъ, вмѣстѣ съ побѣжденнымъ народомъ, одно племя. Это совершалось въ то время, когда Холмщина, подпавъ подъ владычество Польши, подвергалась со стороны завоевателей ополяченію и окатоличенію [1]). Когда поляки задумали соединеніе Литвы съ Польшей, то первое насиліе ихъ въ этомъ дѣлѣ выразилось въ актѣ пословъ отъ польскаго сейма отъ 3-го марта 1569 года, которымъ опредѣлено присоединить Подляшье къ Польскому королевству [2]).

Насильно введенные такимъ образомъ въ составъ чуждаго имъ по вѣрѣ и народности государства, подляшане лишились свободы вѣроисповѣданія и наравнѣ съ Холмщиной подчинились церковной уніи, а затѣмъ, мало-по-малу, начали утрачивать слѣды русской народности и древняго православія.

---

[1]) Дальнѣйшій ходъ историческихъ событій Холмщины и Подляшья въ результатѣ привелъ насъ къ слѣдующей метаморфозѣ: въ то время, какъ въ первой сохранились южно-русская рѣчь, русскіе обычаи и извѣстная преданность русской вѣрѣ, преданность, облегчившая мѣстнымъ жителямъ переходъ отъ уніи къ православію,—Подляшье, утративъ въ большей части своихъ жителей многіе и многіе слѣды русской народности, насчитываетъ теперь наибольшее число такъ называемыхъ «упорствующихъ», т. е. бывшихъ уніатовъ, остающихся еще подъ вліяніемъ католицизма. М. Г.

[2]) См. «Холмская Русь. Историческія судьбы Русскаго Забужья». С.-Петербургъ, 1887 г. Главы I и II. М. Г.

Немало положило польское правительство и католическое духовенство труда надъ тѣмъ, чтобы стереть съ лица земли все, что только носило русское имя въ подвластныхъ Польшѣ русскихъ областяхъ; въ интересы Польши, во время ея самостоятельности, входило желаніе слить въ одинъ польскій народъ тѣ племенныя разновидности, которымъ суждено было подпасть подъ польскую корону; съ другой стороны, польское католическое духовенство, не признающее никакой другой христіанской религіи, какъ только римско-католическую вѣру, поставило себѣ задачей обратить «схизматиковъ» въ лоно «истинной» церкви. Отсюда, какъ извѣстно, и получила унія свое происхожденіе.

Но какъ ни были сильны орудія, направленныя противъ русской вѣры и русской народности, все же и въ мѣстахъ отдаленныхъ, въ окраинахъ Подляшья остались признаки, краснорѣчиво свидѣтельствующіе о принадлежности данной мѣстности къ составу русскихъ земель.

Въ отношеніи Мазовецкаго уѣзда главнымъ, неоспоримымъ тому доказательствомъ служатъ два находящіеся въ этомъ уѣздѣ прихода, бывшіе уніатскіе, а нынѣ православные: Мазовецкій и Годышевскій.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ наканунѣ возсоединенія холмскихъ уніатовъ съ православною церковью, приходы эти состояли:

Мазовецкій — изъ 34-хъ прихожанъ, поселенныхъ: въ посадѣ Мазовецкѣ, городѣ Ломжѣ и деревняхъ Мазовецкаго уѣзда: Брыки, Бжоски, Войны, Гжималы, Завруце, Залѣсье, Мазуры, Мыстки, Русь-Старая, Средница, Фальки и Хмѣлье.

Годышевскій — изъ 512 прихожанъ, проживающихъ въ селѣ Годышевѣ и деревняхъ: Вильково, Выпихи, Данилово, Домбровка, Вышонки-Блоне, Залѣсье, Клюковекъ, Костры, Красово, Лиза, Лопене, Марково, Пекуты, Петково, Подмѣнь, Седмаки, Сольники-Бжозово, Ставѣрее, Стоковиско, Тлочево и Юськи [1]).

Но эти свѣдѣнія, относящіяся къ 1874 году, нужно полагать, были только на бумагѣ, потому что въ 1875 году, по собраннымъ мною даннымъ, въ Годышевскомъ приходѣ числилось 410 уніатовъ, поселенныхъ: въ селѣ Годышевѣ (309) и въ деревняхъ: Юськи (87), Седмаки (3) и Лопене (11), а въ Мазовецкѣ нельзя было доискаться ни одного уніата.

Куда же они дѣвались?

Отвѣтомъ на только-что поставленный вопросъ могутъ служить, до нѣкоторой степени, приводимыя ниже свѣдѣнія.

[1]) Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ за 1875 годъ. Варшава. 1874 г.

Бывшій городъ Высоко-Мазовецкъ (Wysokie-Mazowieckie), нынѣ уѣздный центръ Мазовецкаго уѣзда, обращенный въ 1870 году въ пасадъ, съ сокращеннымъ названіемъ Мазовецкъ, былъ основанъ въ 1480 году. Въ годъ Люблинской уніи (1569 г.) польскій король Станиславъ-Августъ, по особой привиллегіи, передалъ его князю Николаю Радзивилу, который съ разрѣшенія короля Стефана Венгерскаго, въ 1582 году, продалъ городъ Іерониму Маковецкому. Послѣ того городъ переходилъ къ владѣльцамъ Опацкимъ, Потоцкимъ и другимъ, а въ 1779 году былъ купленъ Петровскимъ, который, спустя десять лѣтъ, уступилъ его Анели Венгерской; послѣдняя продала его въ 1840 году Людвигу и Розѣ Фишерамъ. Это были уже послѣдніе владѣльцы города, пользовавшіеся вотчиннымъ правомъ, совершенно прекращеннымъ съ устройствомъ польскихъ крестьянъ и мѣщанъ по высочайшимъ указамъ 19-го февраля 1864 года и 28-го октября 1866 года.

Мѣстное преданіе утверждаетъ, что все христіанское населеніе города прежде было уніатское; самый городъ былъ значительно обширнѣе, сравнительно съ настоящимъ его положеніемъ; въ немъ находилось будто бы 18-ть уніатскихъ церквей, которыя въ одно время были уничтожены пожаромъ, истребившимъ и городскія постройки. Трудно какъ-то вѣрится, чтобы нынѣшній небольшой посадъ, похожій скорѣе на деревню и едва насчитывающій 3,000 жителей, имѣлъ когда либо столько церквей.

Теперь въ Мазовецкѣ существуетъ одна оставшаяся отъ уніи церковь, самыхъ скромныхъ размѣровъ; церковь эта каменная; выстроена она въ 1789 году владѣлицею Анелею Венгерской среди мѣстечка на площади, называемой по старымъ планамъ «Русскій рынокъ». Въ церкви, когда ей суждено было сдѣлаться православнымъ храмомъ, было найдено два документа, состоящіе изъ копій, въ польскомъ переводѣ, съ грамотъ польскаго короля Сигизмунда-Августа, данныхъ: первая—1-го декабря 1553 года и послѣдняя—4 января 1562 года, т. е. еще до возникновенія Брестской церковной уніи [1]). Грамотами этими, написанными на славянскомъ языкѣ, польскій король, вслѣдствіе просьбы священника Высоцкой Космодаміановской церкви, жалуетъ этой церкви три уволоки земли [2]).

Въ то время, когда польскіе короли оказывали достойное доброй памяти вниманіе къ нуждамъ своихъ подданныхъ, исповѣдовавшихъ православную вѣру, въ Мазовецкѣ не было ни одного

---

[1]) Гдѣ находятся подлинныя грамоты,—неизвѣстно. Засвидѣтельствованныя копіи съ нихъ, въ польскомъ переводѣ, мною внесены въ 1879 году въ Императорскую Публичную Библіотеку; краткая же объ нихъ замѣтка помѣщена въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» (1878 г., т. I, стр. 357). М. Г.

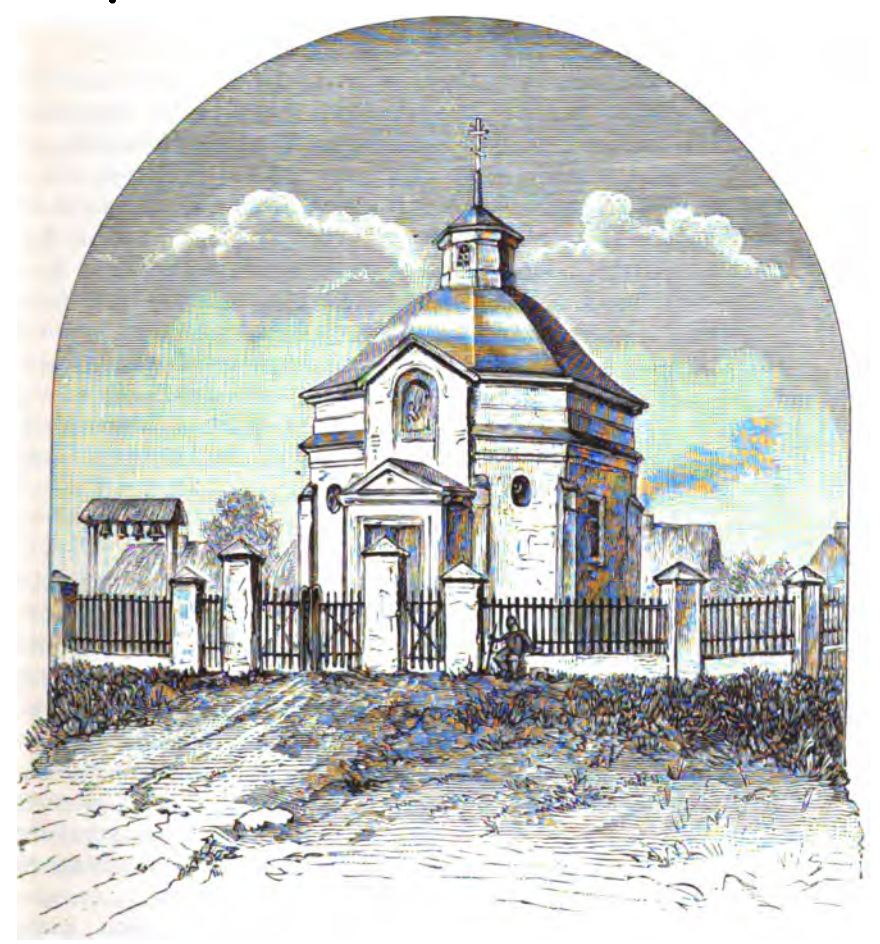
[2]) Уволока (włóka) заключаетъ въ себѣ 30 морговъ новопольской мѣры, равняющихся $15^3/_8$ русскимъ десятинамъ. М. Г.

костела. Это пояснили мнѣ мѣстные старички-крестьяне, и это подтверждается еще тѣмъ, что существовавшій до 1879 года небольшой деревянный костелъ былъ воздвигнутъ лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ даетъ одинъ выводъ, что населеніе бывшаго города Высоко-Мазовецка было сплошное православное, перешедшее потомъ въ унію, и что въ римскихъ католиковъ оно обращено не ранѣе начала текущаго столѣтія. Такому вѣроисповѣдному превращенію русскаго народа способствовало, кромѣ извѣстнаго прозелитизма польскаго духовенства, еще и то, что Мазовецкій приходъ, во времена уніи, говорятъ, былъ ссылочнымъ мѣстомъ для провинившихся уніатскихъ священниковъ, а весьма часто и вовсе оставался безъ священника. При этомъ условіи и при существованіи того порядка, что ксендзы и уніатскіе священники, ссылаясь на «единеніе» церквей, не дѣлали различія въ отношеніи костела и церкви (ксендзъ свободно служилъ въ уніатской церкви, а уніатскій священникъ въ костелѣ),—нетрудно было, конечно, заманить всѣхъ уніатовъ въ костелъ; къ тому же, для закрѣпленія ихъ за костеломъ измышлено было особое орудіе. Это орудіе состояло изъ **желѣзнаго ошейника на желѣзной цѣпи, прикрѣпленной къ наружной стѣнѣ костела**, у самыхъ его дверей. Старички, которыхъ я разспрашивалъ о значеніи такого внушительнаго орудія, не рѣшились высказать, въ какихъ именно случаяхъ оно употреблялось, но не скрыли, что **прежде** этотъ ошейникъ надѣвали на «непослушныхъ». Это позорное орудіе, оскверняющее христіанскій храмъ и достойное развѣ временъ инквизиціи, оставалось на мѣстѣ, т. е. у дверей костела, до 1879 года, когда деревянный костелъ былъ замѣненъ каменнымъ. По крайней мѣрѣ, авторъ этихъ строкъ лично видѣлъ его до конца 1878 года.

Трудно, конечно, допустить, чтобы это инквизиторское орудіе примѣнялось къ дѣлу до послѣднихъ дней своего существованія у дверей деревяннаго костела, и роль его, по крайней мѣрѣ, послѣ мятежа, вѣроятно, ограничивалась тѣмъ, что орудіе это своимъ внушительнымъ видомъ служило лишь напоминаніемъ о прежнихъ строгостяхъ польскаго духовенства. Осторожные ксендзы избрали потомъ, для удержанія своихъ прихожанъ въ католической вѣрѣ, другой способъ, менѣе рискованный. Еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, мнѣ самому приходилось слышать съ костельнаго амвона такую проповѣдь. Молодой викарій разсказывалъ о величіи и непогрѣшимости римской церкви; бо̀льшая часть его слушателей не была, разумѣется, подготовлена для того, чтобы воспріять догматическія доказательства избранной тэмы, а проповѣдовать прямо о заблужденіяхъ другихъ христіанскихъ вѣроученій было бы небезопасно; и вотъ онъ начинаетъ возносить римскую вѣру. «Гдѣ вы встрѣтите,—слышалось съ амвона,—больше вѣрующихъ, какъ

не въ римско-католической церкви? Гдѣ больше святыхъ, угодившихъ Богу, если не въ католической церкви? Кто усерднѣе посѣщаетъ храмы Божіи, если не католики?» и т. д. Я думаю, что во время миссіонерской дѣятельности ксендзовъ среди уніатовъ съ того же амвона слышались болѣе сильныя рѣчи, болѣе убѣдительныя поученія.



Бывшая уніатская, нынѣ православная церковь въ посадѣ Мазовецкѣ, Ломжинской губерніи.

Теперь сдѣлается понятнымъ, куда дѣвались прихожане Мазовецкаго прихода. Разсказанными выше средствами, не считая тѣхъ, которыя остались неизвѣстными, католическіе ксендзы достигли полнаго обращенія всѣхъ уніатовъ бывшаго города Высоко-Мазовецка въ ревностныхъ католиковъ, и притомъ ревностныхъ до такой степени, что нынѣ не отыщется изъ мѣстныхъ жи-

телей ни одного, который рѣшился бы указать на семью, происходящую отъ уніатовъ,—никто изъ нихъ не пойдетъ на такую «измѣну» костелу; никто не разъяснитъ того аномальнаго явленія, что приходъ, съ каменною церковью и надѣленный польскимъ королемъ землею, какъ-то сразу оказался безъ прихожанъ—прежнихъ уніатовъ, лишился всѣхъ ихъ до одного, сдѣлавшись затѣмъ приходомъ горсточки русскихъ людей, случайно попавшихъ сюда по служебнымъ условіямъ...

Наканунѣ возсоединенія холмскихъ уніатовъ съ православіемъ, Мазовецкая церковь находилась въ слѣдующемъ видѣ. Внутренность ея, какъ всякой уніатской церкви Холмско-Подляшскаго края, представляла полную нищету и запустѣніе. Иконостасъ, сооруженный въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія,—болѣе чѣмъ скромный; царскія двери были сняты,—чтобы ужъ совсѣмъ вывести ихъ изъ употребленія,—и запрятаны гдѣ-то на хорахъ; престолъ—приставленный къ стѣнѣ, по католическому обряду, а надъ нимъ—маленькая икона Божіей Матери, весьма плохой живописи. Вся церковная утварь состояла изъ нѣсколькихъ старыхъ ризъ, искаженныхъ въ покроѣ, оловянной чаши и мѣдной «монстранціи» [1]). Вотъ все, что осталось отъ уніи. Впослѣдствіи, когда Мазовецкій приходъ былъ причисленъ къ числу православныхъ, церковь была приведена въ надлежащій видъ.

Въ менѣе печальномъ состояніи, въ отношеніи состава прихожанъ, находимъ Годышевскій приходъ. Здѣсь до самаго возсоединенія уніатовъ съ православною церковью сохранилось нѣсколько сотъ прихожанъ (по свѣдѣніямъ 1875 года—410), не смотря на то, что приходъ этотъ не пользовался тѣми милостями, которыя удѣляли польскіе короли Мазовецкой церкви. Слѣдуетъ предположить, что отъ полнаго поглощенія годышевскихъ уніатовъ католицизмомъ защитила находящаяся въ с. Годышевѣ чудотворная икона Божіей Матери. Икона эта древняя, византійскаго письма; она почитается чудотворною не только уніатами, но и православными ближайшихъ приходовъ Гродненской губерніи и даже католиками, и въ богородичные праздники привлекаетъ къ себѣ массы богомольцевъ, какъ православныхъ, такъ и католиковъ. При существованіи такой святыни въ Годышевской церкви, трудно было ревнителямъ католической вѣры обратить всѣхъ прихожанъ въ латинство; для этого прежде всего имъ нужно бы было отучить православныхъ богомольцевъ отъ поклоненія почитаемой ими святынѣ, а это было бы нелегко, потому что село Годышево расположено на самомъ рубежѣ

[1]) Католическая дарохранительница, въ которой выставляется на поклоненіе освященная гостія. М. Г.

съ Бѣльскимъ уѣздомъ, Гродненской губерніи, гдѣ унія уже уступила мѣсто православію.

Кромѣ того, послѣдній уніатскій настоятель Годышевской церкви, священникъ Феликсъ Баньковскій, былъ въ этомъ приходѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ безсмѣнно, а это имѣло большое значеніе, такъ какъ прихожане не встрѣчали никакой надобности обращаться къ ксендзамъ, а притомъ этотъ священникъ, не смотря на полную свою приверженность къ уніи, дорожилъ до нѣкоторой степени восточнымъ богослуженіемъ, какъ, напримѣръ, служилъ всенощную, которая въ другихъ уніатскихъ приходахъ уже замѣнялась католическими «нешпорами».

Но, независимо отъ всего этого, Годышевская церковь имѣла для уніатовъ еще одно значеніе, которое привязывало ихъ къ своей церкви.

Приходъ Годышевскій, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ подчиненъ Супрасльской греко-уніатской епархіи (Гродненской губерніи). Одинъ изъ супрасльскихъ епископовъ, Θеодосій Вислоцкій, далъ Годышевской церкви, 1-го (13-го) августа 1800 года, семилѣтнюю индульгенцію, которою присвоилъ главному престолу въ церкви такое значеніе, что если на немъ будетъ отслужена заупокойная литургія, то душа умершаго, въ память котораго служится обѣдня, получитъ изъ «сокровищъ церковныхъ» [1]) полное отпущеніе грѣховъ съ избавленіемъ отъ мукъ чистилища [2]). Будучи «добрыми» уніатами, годышевскіе прихожане вѣрили такому значенію своей церкви, и хотя нѣтъ данныхъ предполагать, чтобы эта временная индульгенція, по истеченіи срока, была возстановлена, но, безъ сомнѣнія, и послѣ того никто не старался разубѣждать прихожанъ въ чудодѣйственной силѣ главнаго престола; по крайней мѣрѣ, привиллегированное положеніе послѣдняго не могло не повліять на нихъ въ то время, когда мазовецкіе ихъ единовѣрцы, не имѣвшіе такого же повода дорожить своимъ храмомъ, обращались въ латинство.

Годышевская церковь была деревянная, представляя собою, по внѣшности, совершенный видъ костела. Немногимъ отличалась она

---

[1]) Въ подлинникѣ: «z skarbòw kosciołа»,—съ латинскаго Thesaurus—собственно запасъ добрыхъ дѣлъ, въ избыткѣ оставшихся отъ святыхъ, съ излишкомъ угодившихъ Богу; этотъ «запасъ» находится въ распоряженіи католической церкви, и изъ него-то и раздаются милости въ видѣ индульгенціи, съ цѣлью спасенія грѣшниковъ отъ мукъ чистилища. М. Г.

[2]) Подлинная индульгенція, написанная попольски на листѣ писчей бумаги, передана мною, въ 1878 году, въ Императорскую Публичную Библіотеку, а русскій переводъ ея напечатанъ въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» (1876 г., т. I, стр. 4). Замѣчательно, что этою индульгенціей, данною лишь на 7 лѣтъ, уніатскій епископъ уничтожаетъ индульгенцію самого папы, если бы таковая оказалась въ Годышевской церкви, въ видѣ привиллегіи временной или данной на вѣчныя времена. М. Г.

отъ латинскаго костела и по внутреннему своему состоянію. Иконостасъ, судя по его виду и по живописи на иконахъ, принадлежалъ однимъ и тѣмъ же мастерамъ, что и мазовецкій. Царскія врата были сняты и также гдѣ-то запрятаны. Престолъ былъ чисто католическій; надъ нимъ помѣщалась чудотворная икона Божіей Матери, къ которой подходили, въ алтарѣ, молиться всѣ, кому пожелалось, не исключая и женщинъ. (Вотъ на этомъ-то престолѣ, при перемѣнѣ напрестольныхъ покрововъ, и была найдена упомянутая мною выше индульгенція супрасльскаго епископа). По бокамъ церковныхъ стѣнъ находились престолы, также католической формы, а надъ однимъ изъ нихъ была помѣщена большая икона Святителя Николая, но въ такомъ изображеніи, что вовсе не напоминала мирликійскаго чудотворца: святитель былъ изображенъ въ урѣзанномъ фелонѣ, съ православною митрой, но съ посохомъ католическаго бискупа и въ черезчуръ свободной позѣ. Между тѣмъ, большая икона Благовѣщенія, восточной живописи, съ золотымъ фономъ, находилась въ церковномъ притворѣ, въ полномъ забвеніи. На хорахъ былъ органъ. Ризница оказалась значительно полнѣе мазовецкой, и нѣкоторыя облаченія были сдѣланы изъ дорогой парчи.

Часто я ѣзжалъ въ Годышево, отстоящее отъ Мазовецка верстахъ въ 18—20. Иногда просто ѣхалъ подъ видомъ тѣмъ, чтобы побывать на богослуженіи; въ дѣйствительности хотѣлось ближе всмотрѣться въ эти печальные остатки уніи во внѣшнемъ ея видѣ, приглядѣться къ церкви, къ ея принадлежностямъ. Тяжелое впечатлѣніе получалось каждый разъ: не говоря объ отсутствіи церковнаго благолѣпія, присущаго русскимъ храмамъ, въ церкви не было необходимой даже чистоты и порядка, а церковные предметы, искаженные до неузнаваемости, или совершенно католическіе, просто наводили тоску на душу [1]).

Положеніе самыхъ прихожанъ ничуть не ослабляло, если еще не усиливало, тяжелаго впечатлѣнія. При недоброкачественной почвѣ пахотныхъ земель, вдали отъ бойкихъ проѣздныхъ дорогъ и мѣстъ сбыта деревенскихъ продуктовъ, географически забившіеся какъ-то въ уголокъ, годышевскіе крестьяне представляли по внѣшнимъ условіямъ жизни совсѣмъ непривлекательный видъ. Русскаго или малороссійскаго нарѣчія въ ихъ говорѣ почти не осталось и слѣда. Употребляя польскій языкъ и упорно стоя за унію, въ томъ ея искаженномъ видѣ, какъ она выражалась въ послѣднее время, они не могли встрѣтить православные порядки такъ, какъ того можно было ожидать отъ многотерпѣвшаго, насильно захва-

[1]) Все это относится ко времени до воссоединенія уніатовъ; впослѣдствіи церковь была приведена въ порядокъ, а въ 1879 году, вмѣсто деревянной церкви, выстроена каменная.

ченнаго въ унію русскаго народа, не потерявшаго сознанія о своемъ родствѣ съ великимъ русскимъ племенемъ и его вѣрой. И вотъ къ матеріальнымъ ихъ невзгодамъ присоединились еще религіозныя колебанія. Только отъ молодаго поколѣнія можно ожидать сознательнаго отношенія къ возстановленію русской народности и русской вѣры, и нужно отдать справедливость ихъ отцамъ, что они не препятствуютъ обновленію въ этомъ духѣ своихъ дѣтей. Въ мою бытность въ Мазовецкомъ уѣздѣ, въ Годышевской сельской школѣ находилось, правда, немного—всего 12 учениковъ, но всѣ они весьма охотно посѣщали и школу, и церковь, и даже пѣли на клиросѣ, будучи подготовлены къ тому своимъ учителемъ.

Памятники русской народности и русской вѣры въ описываемой мѣстности не ограничиваются, однако, упомянутыми двумя приходами.

Въ сѣверной части Мазовецкаго уѣзда, на границѣ съ Бѣлостокскимъ уѣздомъ, на самомъ берегу рѣки Нарева, раскинулся безъуѣздный городъ Тыкоцинъ.

Городъ этотъ, основаніе котораго относится къ глубокой древности, прежде принадлежалъ польскимъ королямъ. Въ 1671 году, по рѣшенію Варшавскаго сейма, утвержденному королемъ Яномъ-Казиміромъ, онъ былъ подаренъ въ вѣчное владѣніе коронному гетману Стефану Чарнецкому, въ награду за его государственныя заслуги, и отъ него перешелъ къ дочери Чарнецкаго, вышедшей замужъ за графа Браницкаго. Впослѣдствіи городъ переходилъ къ разнымъ владѣльцамъ. Теперь въ немъ насчитывается около 6,000 жителей. Среди нихъ ни по какимъ спискамъ уніатовъ не значится: всѣ христіане-католики. Но характеръ пригородныхъ построекъ, совершенно одинаковый съ домами бѣлостокскихъ бывшихъ уніатскихъ деревень, а отчасти нѣкоторые признаки типа и, наконецъ, малороссійскія прозвища мѣщанъ (какъ, напримѣръ, Челядко, Трипучъ, Васкевичи, Могильницкіе и т. п.), встрѣчающіяся только у уніатовъ, наводили на мысль, что и въ Тыкоцинѣ были уніаты.

Изъ всѣхъ разспросовъ, къ которымъ я прибѣгалъ по этому поводу, выяснилось, что дѣйствительно въ городѣ этомъ была деревянная уніатская церковь, которая въ пятидесятыхъ годахъ перенесена въ мѣстечко Соколы, расположенное на пути изъ Тыкоцина въ Мазовецкъ, гдѣ и существуетъ до сихъ поръ подъ видомъ католической каплицы на кладбищѣ. Не важно, конечно, было узнать, гдѣ находится зданіе бывшей уніатской церкви; важенъ фактъ существованія ея прежде въ городѣ, гдѣ теперь нѣтъ ни одного уніата. Обращеніе тыкоцинскихъ уніатовъ въ латинство тѣмъ легче было совершить, что здѣсь былъ взнесенъ великолѣпный костелъ, съ замѣчательнымъ органомъ, фресковою живописью,

«привиллегированнымъ» престоломъ (т. е. имѣющимъ индульгенцію на отпущеніе грѣховъ) и проч., и проч. Наконецъ, здѣсь были «миссіонеры», имѣвшіе свою семинарію.

Въ Виленской публичной библіотекѣ, въ отдѣлѣ церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей, хранятся слѣдующія двѣ книги, принадлежавшія тыкоцинской церкви:

1) Тріодь постная, въ листъ, полууставъ начала XVIII вѣка, 118 листовъ. На поляхъ 79-го листа надпись: «Отецъ Стефанъ Гриманевскій, презбитеръ Риболовскій, протопопа Подляскій, рукою власною року Божія ҂АѰГ дня ГІ мѣсяца марта. Сия книга надана естъ до церкви Тыкоцинской вѣчными часы, а тутъ до Риболовъ естъ взятая позичнымъ способомъ, повинная будетъ привернути до тая церкви Тикотинской». Первая половина этой надписи, но уже на латинскомъ языкѣ, находится и на 43-мъ листѣ. На верхней доскѣ книги, обтянутой кожей, вытиснуто: «Тріодь постная, року Божія»... дальше выцвѣло. На 1-мъ листѣ грубо сдѣланная чернилами заставка, съ изображеніемъ епископа и двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на віолончели. Подъ заставкою надпись: «Трипѣснецъ» [1]).

2) Псалтирь съ возслѣдованіемъ, въ листъ полууставъ XVIII вѣка, 4—179 листовъ по нумераціи старинной кирилловской, безъ 3-хъ начальныхъ листовъ. На 147 листѣ надпись: «Ocec Gabriel Lozinski prezbiter cerkwi Tikocky, rodem z Uhnowa, powiatu Bełzkiego». (Отецъ Гавріилъ Лозинскій, пресвитеръ Тыкоцинской церкви, родомъ изъ Ухнова, Белзскаго уѣзда) [2]).

Весьма было бы желательно навести справку въ библіотекѣ Холмскаго Свято-Богородицкаго братства, не окажется ли въ старыхъ дѣлахъ какихъ либо свѣдѣній о времени закрытія Тыкоцинскаго прихода?

Окрестности Тыкоцина также подтверждаютъ существованіе здѣсь древняго православія.

Не вдалекѣ отъ города расположена деревня Поповляны. Самое названіе деревни показываетъ ея русское происхожденіе и даетъ возможность предположить, что земля, а, можетъ быть, и самая деревня принадлежали «попамъ», какъ величали прежде священниковъ и въ уніи. Въ той же окрестности, на пути къ Мазовецку, идутъ деревни съ чисто русскими названіями: Лопухово, Лѣсники, Ежево, Паево, Санники, Савино, Соколы-Новоселки, Вылины-Русь, Соколы-Русь, Русь-Старая, и тутъ же среди этихъ никакъ не польскихъ по названію деревень встрѣ-

[1]) См. «Описаніе рукописей Виленской Публичной Библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ», Ф. Добрянскаго. Вильна, 1882 г. № 221 (146).

[2]) Тамъ же, № 50 (165).

чаемъ деревни, называющіяся: **Мазуры, Литва, Ляхи.** Теперь жители всѣхъ этихъ деревень исповѣдываютъ католическую вѣру и называютъ себя поляками; но цѣлая группа деревень съ русскими названіями и попадающіяся малороссійскія прозвища нѣкоторыхъ жителей подтверждаютъ ту историческую истину, что преобладающее населеніе описываемаго мною уголка было искони русское, а поляки селились лишь мѣстами.

Но вотъ еще одинъ существенный фактъ, о которомъ также нельзя здѣсь не упомянуть.

По лежавшимъ на мнѣ служебнымъ обязанностямъ устройства крестьянъ, находившихся въ вотчинныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ имѣній, мнѣ приходилось, въ своихъ разъѣздахъ по уѣзду, принимать близкое участіе въ измѣреніи крестьянскихъ земель. Въ одной изъ обмежеванныхъ деревень, изъ числа тѣхъ, о которыхъ я упомянулъ выше, именно въ деревнѣ **Лѣсники**, расположенной въ сѣверо-восточной сторонѣ уѣзда, крестьяне обратились ко мнѣ съ заявленіемъ, что при одной изъ границъ, отдѣляющихъ ихъ земли отъ сосѣднихъ владѣній, землемѣръ не поставилъ межеваго знака. Оказалось, что затрудненіе къ усыпкѣ межника встрѣтилось потому, что въ указанномъ крестьянами мѣстѣ находится крѣпкій камень, имѣющій признаки фундамента, не позволяющаго рыть здѣсь яму, а самое урочище называется «Церквиско». Я разспросилъ подробно крестьянъ-стариковъ, которые объяснили, что такое названіе произошло отъ того, что въ этомъ мѣстѣ когда-то была русская церковь.

Приведенныя мною свѣдѣнія и факты достаточно подтверждаютъ исконную историческую принадлежность значительной части нынѣшняго Мазовецкаго уѣзда къ числу мѣстностей, заселенныхъ въ древности русскимъ народомъ, исповѣдывавшимъ русскую вѣру.

М. Городецкій.





ИЗЪ ОБЛАСТИ СКАЗАНІЙ О ТЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ.

(По поводу годовщины смерти А. Н. Островскаго).

2-го іюня 1886 года, скоропостижно скончался извѣстный драматургъ нашъ, Александръ Николаевичъ Островскій. Давно уже утомленный жизнью, давно страдавшій скрытымъ, но тяжелымъ недугомъ, обремененный мелочными дрязгами и заботами возложенной на него новой и мудреной обязанности директора московскихъ театровъ, Александръ Николаевичъ, за нѣсколько дней до смерти (которой никто не ожидалъ), какъ-то тревожно искалъ отдохновенія, спѣшилъ вырваться изъ душной Москвы, наконецъ, вырвался изъ нея, пріѣхалъ въ свой укромный, семейный уголокъ и,—вмѣсто ожидаемаго отдыха и покоя,—нашелъ въ немъ вѣчное упокоеніе. По желанію семьи, согласному (кажется?) съ желаніемъ покойнаго писателя, выраженнымъ при жизни, бренные останки его были безъ всякихъ шумныхъ и трескучихъ овацій преданы землѣ на скромномъ приходскомъ кладбищѣ,—и не перевезены въ Москву.

Островскій умеръ въ «глухое время», въ тотъ именно сезонъ всеобщаго литературнаго, журнальнаго и газетнаго застоя, который выражается во всѣхъ ѳрганахъ нашей печати полнѣйшею безцвѣтностью, безсодержательностью и удивительнымъ равнодушіемъ къ явленіямъ общественной жизни. Это «глухое время» сослужило Островскому недобрую службу: о немъ поговорили очень мало, какъ о человѣкѣ, еще менѣе—какъ о писателѣ и драматургѣ, и все, появившееся о немъ въ печати, болѣе касалось той служебной дѣятельности, которой были посвящены послѣдніе мѣсяцы его жизни. Затѣмъ, высказаны были обѣщанія «въ ближайшемъ будущемъ

посвятить нѣсколько статей внимательному разсмотрѣнію литературной дѣятельности Островскаго и разбору его произведеній»... Но кто же не знаетъ, что подобныя обѣщанія, выражаемыя газетами и журналами, принадлежатъ къ числу неисполняемыхъ и ни для кого необязательныхъ? А потому, вслѣдъ за обѣщаніями, надъ свѣжею могилою Островскаго воцарилось гробовое молчаніе, которое прикрыло ее тяжелою плитою незаслуженнаго забвенія... Когда-же «глухое время» прошло и наступилъ новый сезонъ въ журналистикѣ и прессѣ, оказалось уже несвоевременнымъ и страннымъ возвращаться къ воспоминаніемъ о почившемъ писателѣ, и Островскому, по странной случайности, пришлось и послѣ смерти насладиться тѣмъ покоемъ, который выпадалъ на долю очень немногихъ русскихъ писателей, пользовавшихся при жизни громкою извѣстностью и обширными литературными связями. До сихъ поръ, втеченіе цѣлаго года, протекшаго со смерти Островскаго, не явилось о немъ ни воспоминаній, ни анекдотовъ, ни критическихъ статей; не напечатано нигдѣ свѣжихъ біографическихъ данныхъ; не явилось нигдѣ ни писемъ его, ни произведеній или отрывковъ, отысканныхъ въ его посмертномъ запасѣ. Если вспомнимъ ту громадную массу біографическаго матеріала, который былъ напечатанъ во всевозможныхъ ȯрганахъ печати послѣ смерти Тургенева и Достоевскаго (которымъ Островскій не уступаетъ ни въ плодовитости, ни въ литературной славѣ), то по-неволѣ начинаемъ недоумѣвать... Что значитъ это отношеніе къ памяти Островскаго? Равнодушіе-ли это къ нему лично, или равнодушіе вообще, одолѣвшее насъ въ послѣднее время и охладившее интересъ къ литературѣ и ея дѣятелямъ? Насколько мы можемъ припомнить, такъ равнодушно и сдержанно была принята еще только одна, не менѣе крупная, литературная утрата—смерть Писемскаго. Но, по отношенію къ этой смерти, не трудно было понять полное умолчаніе большинства нашихъ ȯргановъ печати: Писемскій былъ рѣзко-опредѣленнымъ литературнымъ типомъ; съ его взглядами и убѣжденіями, высказываемыми круто и безповоротно, многіе не сходились; многимъ изъ передовыхъ дѣятелей нашей литературы сȯлоно пришлось отъ безпощадной сатиры Писемскаго... Но Островскій занималъ иное, гораздо болѣе выгодное и видное положеніе и въ обществѣ, и въ литературѣ. Не принадлежа, собственно говоря, ни къ какой опредѣленной литературной партіи, нигдѣ не высказывая съ полною ясностью своихъ убѣжденій, не выдавая своего внутренняго *я*, отстаивая постоянно свою независимость сужденій и дѣйствій, Островскій все-же, до послѣдней возможности, держался въ журналистикѣ такъ называемаго «либеральнаго лагеря» и бȯльшую часть своихъ произведеній помѣстилъ въ журналахъ, которые издавались людьми, принадлежавшими къ этому лагерю. Казалось-бы, что уже одно это обстоятельство должно было бы многихъ заставить говорить объ Остров-

скомъ и дать извѣстнаго рода оцѣнку, подвести извѣстнаго рода итогъ его литературной дѣятельности?... А, между тѣмъ, эта дѣятельность—громадна; область, которую захватываютъ произведенія драматурга, замѣчательно обширна и превосходно имъ изслѣдована, описана, воспроизведена до мелочей съ чрезвычайною художественностью. Къ тому же, при большомъ художественномъ талантѣ, при необычайно-развитой наблюдательности, Островскій принадлежалъ къ числу писателей плодовитыхъ, оставившихъ по себѣ цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ онъ выразился такъ полно, такъ ясно, со всѣми своими достоинствами и недостатками! Критическій обзоръ этихъ произведеній кажется намъ не только существенно-необходимымъ, но даже и неособенно затруднительнымъ въ настоящее время. Весь вопросъ въ томъ, какъ приступить къ этому критическому обзору? Чтобы разрѣшить себѣ этотъ существенно важный вопросъ, мы должны, конечно, оглянуться назадъ, и посмотрѣть, что̀ было до сихъ поръ сдѣлано русскою критикою для уясненія литературной дѣятельности Островскаго и для оцѣнки его лучшихъ произведеній?

Еще очень недавно, когда мнѣ пришлось поднять этотъ же самый вопросъ въ одномъ литературномъ кружкѣ, мнѣ замѣтили, что «объ Островскомъ такъ много писано, а произведенія его давно уже разобраны съ такихъ разнообразныхъ сторонъ, и по духу, и по внѣшней формѣ, что о нихъ говорить болѣе нечего». Я отвѣчалъ на это возраженіе, что, дѣйствительно, «говорили много, но ни до чего положительнаго не договорились, и ни къ какимъ выводамъ не пришли».

— «Какъ не пришли? А превосходныя статьи Добролюбова «О темномъ царствѣ»? А его «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ»? Развѣ это не выводы? Развѣ это не полная характеристика, не полная оцѣнка всей литературной дѣятельности Островскаго?».

— «Статьи Добролюбова «О темномъ царствѣ» — не критическій разборъ, а политическій памфлетъ. И «Темное царство» Добролюбова, и «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» — не болѣе, какъ порожденіе фантазіи талантливаго публициста и съ критикой произведеній Островскаго не имѣютъ ничего общаго».

По поводу высказаннаго мною мнѣнія завязался нескончаемый споръ, который не кончился ничѣмъ, но побудилъ меня еще разъ перебрать все, что было писано объ Островскомъ и, въ особенности, внимательно перечесть статьи Добролюбова о нашемъ драматургѣ, до сихъ поръ еще почитаемыя многими послѣднимъ словомъ критической оцѣнки Островскаго, какъ писателя, и въ своемъ родѣ «образцовыми критическими разборами». Это чтеніе еще разъ убѣдило меня въ томъ, что подобный взглядъ на статьи Добролюбова «О темномъ царствѣ» не имѣетъ никакого основанія, и

что эти статьи не только не даютъ никакого правильнаго понятія о дѣятельности и значеніи Островскаго, а еще затемняютъ и даже искажаютъ смыслъ его произведеній ложными толкованіями характеровъ и дѣйствій, произвольными сравненіями и примѣненіями къ современности и невѣрными объясненіями побужденій, руководившихъ авторомъ при его творчествѣ. Мало того, чтеніе статей Добролюбова еще разъ заставило меня убѣдиться въ томъ, что будущимъ изслѣдователямъ русской исторической науки и русской литературы прійдется быть крайне осторожными по отношенію ко всѣмъ выводамъ научной и литературной критики конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, какъ бы ни было громко имя автора этой критики. Въ этихъ именно видахъ, полагаю, что разъясненіе статей Добролюбова объ Островскомъ, составляющее предметъ настоящей статьи, должно принести нѣкоторую пользу будущимъ критикамъ Островскаго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно служить, съ моей стороны, почтительною данью почившему замѣчательному дѣятелю нашей литературы.

Добролюбовъ посвятилъ разбору первыхъ произведеній Островскаго (изд. I, Спб., 1859) цѣлый рядъ статей въ «Современникѣ», придавъ этимъ статьямъ эффектное заглавіе: «Темное царство» [1]. Въ началѣ онъ посвящаетъ цѣлыхъ 16 страницъ на самое безпощадное осмѣяніе всѣхъ критикъ, которыя, въ разное время, появлялись въ журналахъ по поводу того или другаго произведенія Островскаго, а затѣмъ намѣчаетъ путь, которому, повидимому, самъ собирается, слѣдовать въ своемъ разборѣ. При этомъ онъ заявляетъ, что хочетъ примѣнить къ произведеніямъ Островскаго «критику реальную, состоящую въ обозрѣніи того, что намъ даютъ его произведенія» (стр. 14). Отрицая всякую возможность и цѣлесообразность критики теоретической, онъ выставляетъ на видъ и то важное достоинство «реальной» критики, что она «не допускаетъ навязывать автору чужихъ мыслей» и «относится къ произведенію художника точно также, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни: она изучаетъ ихъ, стараясь опредѣлить ихъ собственную норму, собрать ихъ существенныя, характеристическія черты, и т. д.»

Примѣненіе реальной критики къ произведеніямъ Островскаго тѣмъ болѣе необходимо, «что главное достоинство писателя-художника состоитъ въ правдѣ его изображеній; иначе изъ нихъ будутъ ложные выводы, составятся по ихъ милости ложныя понятія». (Стр. 18) Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, Добролюбовъ приглашаетъ читателя, вмѣстѣ съ нимъ, вступить въ «міръ, открываемый намъ произведеніями Островскаго», и «всмотрѣться

---

[1]) Во всѣхъ ссылкахъ на эти статьи мы будемъ держаться «Полнаго собранія сочиненій Н. В. Добролюбова», Спб., 1862 года, четыре тома.

въ обитателей этого темнаго царства». Чтобы «всмотрѣться» было удобнѣе, Добролюбовъ набрасываетъ передъ читателемъ слѣдующую картину темнаго царства.

...«Это міръ затаенной, тихо-вздыхающей скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго, гробоваго безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью вѣетъ темная и низкая тюрьма. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха; ни одинъ лучъ свѣта не проникаетъ въ нее. Въ ней вспыхиваетъ по временамъ только искра того священнаго пламени, которое пылаетъ въ каждой груди человѣческой, пока не будетъ залито наплывомъ житейской грязи... При помощи этого минутнаго освѣщенія, мы видимъ, что тутъ страдаютъ наши братья, что въ этихъ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго, — и наше сердце стѣсняется болью и ужасомъ. Они молчатъ, эти несчастные узники, — они сидятъ въ летаргическомъ оцѣпенѣніи и даже не потрясаютъ своими цѣпями; они почти лишились даже способности сознавать свое страдальческое положеніе... Если они безмолвно и неподвижно переносятъ боль, такъ это потому, что каждый крикъ каждый вздохъ, среди этого смраднаго омута, захватываетъ имъ горло, отдается колючею болью въ груди, каждое движеніе тѣла, обремененнаго цѣпями, грозитъ имъ увеличеніемъ тяжести и мучительнаго неудобства ихъ положенія. И не откуда ждать имъ отрады, негдѣ искать облегченія: надъ ними буйно и безотчетно владычествуетъ безсмысленное самодурство, въ лицѣ разныхъ Большовыхъ, Торцовыхъ, Брусковыхъ, Уланбековыхъ и прочихъ — не признающее никакихъ разумныхъ правъ и требованій» [1]).

Вслѣдъ за этой потрясающей, но совершенно-фантастической картиной, гораздо болѣе напоминающей «Мертвый домъ» Достоевскаго, нежели дѣйствительность, изображаемую въ пьесѣ Островскаго, Добролюбовъ переходитъ къ общему и весьма поверхностному обзору четырехъ пьесъ Островскаго «Семейная картина», «Свои люди сочтемся», «Не въ свои сани не садись» и «Не такъ живи, какъ хочется». При этомъ обзорѣ Добролюбовъ совершенно позабываетъ о томъ, что въ началѣ своей статьи онъ жестоко осмѣивалъ критиковъ, навязывавшихъ Островскому свои идеи и свои теоріи: онъ самъ обращаетъ пьесы Островскаго только въ тэму для своей проповѣди противъ «темнаго царства», среди котораго мы всѣ живемъ, и противъ того самодурства и тѣхъ самодуровъ, которые угнетаютъ насъ среди этого «темнаго царства». Раздѣляя все населеніе «темнаго царства» на самодуровъ и на приниженныхъ, подавленныхъ, забитыхъ ими людей, Добролюбовъ

---

[1]) Добролюбовъ, «Сочиненія», III, стр. 25 и слѣд.

очень ловко пользуется этою параллелью, чтобы отхлестать своихъ литературныхъ противниковъ и коснуться всѣхъ наиболѣе щекотливыхъ общественныхъ вопросовъ, волновавшихъ русское общество въ концѣ 50-хъ годовъ. То онъ восклицаетъ, что «въ нашемъ обществѣ процвѣтаетъ только одно убѣжденіе—это убѣжденіе въ томъ, что не нужно имѣть (или, по крайней мѣрѣ, обнаруживать) нравственныхъ убѣжденій», — и за этимъ слѣдуетъ цѣлая проповѣдь объ убѣжденіяхъ; то онъ пытается доказать, что «всякое преступленіе есть не слѣдствіе натуры человѣка, а слѣдствіе ненормальнаго отношенія, въ какое онъ поставленъ къ обществу»... То призываетъ всѣхъ къ тому, чтобы общими силами дѣйствовать противъ самодуровъ, и такъ какъ «всеобщая потачка возвышаетъ гордость сасамодура и даже дѣйствительно придаетъ ему силы», то Добролюбовъ, кстати, на цѣлой страницѣ, даетъ наставленія, какъ именно слѣдуетъ поступать съ самодурами, и «какъ ставить себя по отношенію къ начальству» [1]. Разсужденіе о самодурствѣ и самодурахъ даетъ даже возможность Добролюбову коснуться излюбленнаго въ то время вопроса объ освобожденіи Италіи отъ австрійскаго гнета [2]! Однимъ словомъ, чѣмъ дальше вчитываешься въ статьи Добролюбова о «Темномъ царствѣ», тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что подъ этимъ нелестнымъ названіемъ онъ старается набросать своимъ читателямъ мрачную картину всероссійской дѣйствительности въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется его болѣзненно-настроенному воображенію, а подъ именемъ **самодурства и самодуровъ** изображаетъ тѣ несносныя и досадныя условія русской жизни, которыя не позволяютъ разомъ покончить съ отжившими теоріями и преданіями и все перестроить въ Россіи по наилучшему европейскому образцу. Для тѣхъ, кто могъ бы не совсѣмъ понять и не сразу усвоить настоящій смыслъ статей о «Темномъ царствѣ», Добролюбовъ прибавилъ въ концѣ своихъ статей слѣдующій комментарій, исключающій всякую возможность какого-бы-то-ни-было сомнѣнія:

«Многое мы не досказали, объ иномъ, напротивъ, говорили очень длинно... Виною того и другаго былъ болѣе всего способъ выраженія, — отчасти **метафорическій**, котораго мы должны были

---

[1]) Добролюбовъ: «Сочиненія», т. III, стр. 90.

[2]) Какъ курьезъ, приводимъ это мѣсто цѣликомъ:

«Во всѣхъ законодательствахъ признаны смягчающія обстоятельства, и иногда самое убійство извиняется, если побудительныя причины его были слишкомъ неотразимы. А между тѣмъ, какія смягчающія обстоятельства имѣются, напримѣръ, для венгерца или славянина, идущаго на войну противъ итальянцевъ для того, чтобы Австрія могла попрежнему угнетать ихъ? Какою страшною казнію нужно бы казнить каждаго венгерскаго и славянскаго офицера или солдата за каждый выстрѣлъ, сдѣланный имъ по французскимъ и сардинскимъ полкамъ!» (стр. 33). И все это въ критической статьи, разбирающей произведенія Островскаго—«свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

держаться. Говоря о лицахъ Островскаго, мы, разумѣется, хотѣли показать ихъ значеніе въ дѣйствительной жизни; но мы, всетаки, должны были относиться главнымъ образомъ къ произведеніямъ фантазіи автора, а не непосредственно къ явленіямъ настоящей жизни. Вотъ почему иногда общій смыслъ раскрываемой идеи требовалъ большихъ распространеній и повтореній одного и того же въ разныхъ видахъ, чтобы быть понятнымъ и въ то же время уложиться въ фигуральную форму, которую мы должны были взять для нашей статьи, по требованію самаго предмета. Нѣкоторыя-же вещи никакъ не могли быть удовлетворительно переданы въ этой фигуральной формѣ, а потому мы почли лучшимъ пока оставить ихъ вовсе» (стр. 239).

Только уразумѣвъ эту внутреннюю основу статей Добролюбова, только освоившись съ его фигуральной формой изложенія и метафорическимъ способомъ выраженія, мы начинаемъ понимать ту бездну критическихъ натяжекъ, противорѣчій и увертокъ, которыя Добролюбовъ употребляетъ въ дѣло, чтобы осмѣять, принизить, затоптать въ грязь ненавистныя ему начала. Критическія воззрѣнія, высказываемыя при этомъ Добролюбовымъ, по истинѣ изумительны! Задавшись тѣмъ, что въ основѣ каждой пьесы Островскаго слѣдуетъ искать «идею борьбы съ самодурствомъ», критикъ ни передъ чѣмъ не останавливается, чтобы доказать свое положеніе. Вслѣдствіе этого онъ, напримѣръ, находитъ, что послѣдняя сцена въ комедіи «Свои люди сочтемся»,—полная потрясающаго жизненнаго трагизма,—очень смѣшна! Большовъ, умоляющій дочку и зятя освободить его изъ «ямы», представляется критику «комичнымъ», и какъ бы въ оправданіе этого абсурда онъ спѣшитъ добавить: «надо сознаться, что внутренній комизмъ (?) личности Большова нѣсколько замаскировывается въ послѣднемъ актѣ несчастнымъ его положеніемъ» (стр. 49—50). На основаніи подобной же натяжки, разсматривая ту прекрасную сцену комедіи «Не такъ живи какъ хочется», въ которой отецъ уговариваетъ дочь вернуться къ мужу и не покидать его, Добролюбовъ называетъ эти уговоры отца «безчеловѣчными» (sic!) и прибавляетъ точно въ насмѣшку: «Замѣтьте, какъ добръ и чувствителенъ этотъ старикъ, и какъ онъ въ то же время жестокосердъ, единственно потому, что не имѣетъ никакого сознанія о нравственномъ значеніи личности и все привыкъ подчинять только внѣшнимъ законамъ, установленнымъ самодурствомъ». (Стр. 108 и 109). Упоминая объ окончаніи той же комедіи, гдѣ Петръ Ильичъ, на краю гибели, приходитъ въ себя, услышавъ колокольный звонъ, Добролюбовъ пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы посмѣяться надъ непростительными суевѣріями русскаго народа: «Нѣкоторые утверждали, что здѣсь заключается показаніе того, какъ благодѣтеленъ для народа колокольный звонъ, и какъ человѣка въ самыя трудныя ми-

нуты спасаютъ набожныя привычки, съ дѣтства усвоенныя. Нѣтъ надобности говорить, до какой степени странно подобное толкованіе». (Стр. 110).

Но все это только цвѣточки, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ въ разборѣ комедіи «Не въ свои сани не садись». Пока дѣло шло о разборѣ такихъ произведеній, какъ «Свои люди сочтемся», «Воспитанница», «Бѣдность не порокъ» и тому подобныхъ пьесъ, въ которыхъ есть рѣзко-выступающіе наружу типы самодуровъ, Добролюбову было нетрудно подводить эти пьесы подъ общую «идею борьбы съ самодурствомъ», будто бы положенную въ основу всѣхъ пьесъ Островскаго. Но комедія «Не въ свои сани не садись» положительно не подходила подъ эту задачу, навязанную нашему драматургу Добролюбовымъ. Въ ней не только нѣтъ ни одного «самодура», но даже и тѣни какого нибудь проявленія самодурства въ отношеніяхъ между главными дѣйствующими лицами. Какъ тутъ быть? Какъ подвести и эту пьесу подъ общій уровень всѣхъ остальныхъ пьесъ Островскаго. А что же долго думать? Стоитъ только доказать, что Максимъ Ѳедотычъ Русаковъ, нѣжнолюбящій свою дочь, заботливо оберегающій ея счастіе, есть тоже не болѣе какъ самодуръ, но только очень добрый и хорошій самодуръ. Для этого сначала пускается въ ходъ, что «самъ Русаковъ есть идеалъ славянофильскихъ и кошихинствующихъ[1]) критиковъ»; затѣмъ осмѣивается «мораль, до которой онъ успѣлъ возвыситься. Покорность, терпѣніе, уваженіе къ опыту и преданіямъ, ограниченіе себя своимъ кругомъ—вотъ его основныя положенія». (стр. 71). Дѣйствительно смѣшная, общехристіанская мораль! Далѣе, Добролюбовъ, разсматривая все содержаніе комедіи, приходитъ къ такому заключенію: «Смыслъ тотъ, что самодурство, въ какихъ бы умѣренныхъ формахъ ни выражалось, въ какую бы кроткую опеку ни переходило, всетаки, ведетъ, по малой мѣрѣ, къ обезличенію людей, подвергшихся его вліянію» (стр. 69). Отсюда уже, конечно, остается только одинъ шагъ до того, чтобы обозвать «самодурными правами» права отца на огражденіе дочери отъ перваго проходимца (стр. 79), и до окончательнаго вывода, заключающаго въ себѣ новый и положительный абсурдъ: «Комедіею «Не въ свои сани не садись»,—говоритъ Добролюбовъ,—Островскій показалъ намъ, что пока существуютъ самодурныя условія въ самой основѣ жизни, до тѣхъ поръ самыя добрыя и благородныя личности ничего хорошаго не въ состояніи сдѣлать, до тѣхъ поръ благосостояніе семейства и даже цѣлаго общества непрочно и ничѣмъ не обезпечено даже отъ самыхъ пустыхъ случайностей. Изъ

---

[1]) «Кошихинствующихъ», т. е. живущихъ по идеаламъ Кошихина, извѣстнаго писателя XVII вѣка. Это прилагательное спеціально изобрѣтено Добролюбовымъ, а потому и требуетъ поясненія.

анализа характера и отношеній Русакова, мы вывели эту истину въ приложеніи къ тому случаю, когда порядочная натура находится въ положеніи самодура и отуманивается своими правами» (стр. 81).

Такъ безцеремонно ломая и коверкая истину, Добролюбовъ приходитъ, наконецъ, къ желанному общему выводу на основаніи котораго оказывается, что въ основѣ всѣхъ произведеній Островскаго лежитъ одна идея:

«Преслѣдованіе самодурства во всѣхъ его видахъ, осмѣиванье его въ послѣднихъ его убѣжищахъ, даже тамъ, гдѣ оно принимаетъ личину благородства и великодушія,—вотъ по нашему убѣжденію настоящее дѣло, на которое постоянно устремляется талантъ Островскаго» (стр. 91).

Годъ спустя послѣ появленія статей о «Темномъ царствѣ», на сцену была поставлена «Гроза» Островскаго, и читатели «Современника» были приведены въ восторгъ новою статьею Добролюбова, который разобралъ «Грозу» въ статьѣ подъ заглавіемъ «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ».

Въ началѣ этой статьи Добролюбовъ говоритъ, что «Гроза» «даетъ ему поводъ дополнить кое-что въ его замѣткахъ о «Темномъ царствѣ» и провести далѣе нѣкоторыя изъ мыслей, высказанныя прежде». Другими словами, «Гроза» дала ему возможность откровеннѣе высказаться о нѣкоторыхъ вопросахъ русской жизни, тѣмъ болѣе, что и напряженное состояніе общества, исполненнаго самыхъ разнообразныхъ чаяній и ожиданій, неудержимо влекло молодаго публициста къ задорной откровенности.

Чтобы провести свои мысли путемъ критической статьи о Грозѣ Островскаго, пришлось противорѣчить себѣ самому (т. е. прежней статьѣ о Темномъ царствѣ), пришлось давать новыя опредѣленія литературѣ и критикѣ; но эти мелкія противорѣчія не остановили Добролюбова. Обращаясь съ назиданіемъ къ своимъ литературнымъ врагамъ, онъ уже въ самомъ началѣ своей статьи заявилъ, что «литература представляетъ собою силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что̀ и какъ она пропагандируетъ» (стр. 462); а немного далѣе, замѣтилъ, что «правда есть необходимое условіе, но еще не достоинство произведеній» (стр. 463)[1]. Все это предлагается читателю въ видѣ вывода къ длинному разсужденію о критикѣ вообще

---

[1]) Въ этомъ положеніи Добролюбовъ капитально расходится съ прежнимъ опредѣленіемъ правды художественной, въ которой онъ именно видитъ «главное достоинство писателя». (См. выше стр. 145). Точно также грѣшитъ онъ и въ опредѣленіи литературы, которая, по прежнимъ его статьямъ, «только воспроизводитъ жизнь и никогда не даетъ того, чего нѣтъ въ дѣйствительности» (стр. 134).

и критикахъ Островскаго въ особенности. Все это даетъ возможность Добролюбову приплести сюда Пушкина и Гоголя, Сократа и Платона, Крылова и Вернадскаго, Шекспира и Гёте. Въ концѣ концовъ, оказывается, что «современныя стремленія русской жизни, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, находятъ свое выраженіе въ Островскомъ, какъ комикѣ, съ отрицательной стороны. Рисуя намъ въ яркой картинѣ ложныя отношенія, со всѣми ихъ послѣдствіями, онъ черезъ то самое служитъ отголоскомъ стремленій, требующихъ лучшаго устройства. Произволъ съ одной стороны и недостатокъ сознанія правъ своей личности съ другой—вотъ основанія, на которыхъ держится все безобразіе взаимныхъ отношеній, развиваемыхъ въ большей части комедій Островскаго... Развѣ вы не сознаетесь, что подобный фонъ камедій соотвѣтствуетъ состоянію русскаго общества болѣе, нежели какого-бы-то-ни-было другаго въ Европѣ. Возьмите исторію, вспомните свою жизнь, оглянитесь вокругъ себя,—вы вездѣ найдете оправданіе нашихъ словъ». (Стр. 430). И дѣятельность Островскаго, по мнѣнію Добролюбова, является тѣмъ болѣе важною, что въ русской жизни наступаетъ явно новая эпоха:

«Куда вы ни оглянитесь, вездѣ вы видите пробужденіе личности, предъявленіе ею своихъ законныхъ правъ, протестъ противъ насилія, произвола, большею частію, еще робкій... но уже дающій замѣтить свое существованіе». (Стр. 471).

Добролюбову представляется, что Островскій, подобно ему самому, увлекаясь наступленіемъ этой новой эпохи, придаетъ громадное значеніе «новымъ вѣяніямъ», вѣритъ въ то, что они измѣнятъ судьбу Россіи и принесутъ къ намъ чуть ли не золотой вѣкъ. И вотъ, Островскій, видите ли, пишетъ и ставитъ на сцену Грозу, въ которой, будто бы, даетъ не только картину современной русской дѣйствительности, указывая «на взаимныя отношенія самодурства и безгласности, доведенныя до самыхъ трогическихъ послѣдствій», но даже идетъ дальше—подаетъ нѣкоторыя надежды на лучшее будущее. Добролюбовъ находитъ, что «въ Грозѣ есть даже что-то освѣжающее и ободряющее. Это «что-то» и есть, по нашему мнѣнію, фонъ пьесы, указанный нами и обнаруживающій шаткость и близкій конецъ самодурства» (!) (Стр. 487). Въ этомъ-то смыслѣ критикъ и называетъ Грозу «самымъ рѣшительнымъ произведеніемъ Островскаго».

«Рѣшительное» (вѣрнѣе: «рѣшающее») значеніе Грозы основывается главнымъ образомъ на характерѣ Катерины, который, по мнѣнію Добролюбова, «соотвѣтствуетъ новой фазѣ нашей народной жизни; онъ давно требовалъ своего осуществленія въ литературѣ; около него вертѣлись наши лучшіе писатели; но они умѣли только понять его надобность и не могли уразумѣть и почувствовать его сущности; это съумѣлъ сдѣлать Островскій». (Стр. 468). Онъ одинъ понялъ, «какъ долженъ образоваться и проявиться характеръ, тре-

буемый у насъ новымъ поворотомъ общественной жизни». Добролюбову (который всю силу и значеніе литературы полагаетъ въ пропагандѣ) такъ и представляется, что Писемскій создавалъ своего Калиновича, Гончаровъ — Штольца, а Тургеневъ — Инсарова, прилаживая типы этихъ новыхъ людей къ «новому повороту общественной жизни». Прилаживали—и не приладили; а Островскій, проникнувшись новыми вѣяніями, создалъ такой типъ, который отчасти, фигурально, «отражаетъ въ себѣ новое движеніе народной жизни», отчасти же указываетъ на возможность выхода изъ «Темнаго царства», такъ какъ въ личности Катерины «мы видимъ уже возмужалое, изъ глубины всего организма возникающее требованіе правъ и простора жизни».

Разборъ характера Катерины даетъ, конечно, полную возможность Добролюбову наговорить множество всякихъ пышныхъ рѣчей объ апатіи нашего общества, переполненнаго «множествомъ Тихоновъ [1]), упивающихся если не виномъ, то какими нибудь разсужденіями и спичами, и отводящихъ душу въ шумѣ словесныхъ оргій» (стр. 504); о невозможности логической, послѣдовательной борьбы съ Дикимъ и Кабановымъ, а по поводу этого и о женскомъ вопросѣ вообще, причемъ не упускаетъ случая напомнить современному молодому поколѣнію, что «женщина, которая хочетъ идти до конца въ своемъ возстаніи противъ угнетенія и произвола старшихъ въ русской семьѣ, должна быть исполнена героическаго самоотверженія, должна на все рѣшиться и ко всему быть готова». (Стр. 494).

Затѣмъ, переходя отъ общихъ разсужденій къ разбору характера Катерины, Добролюбовъ, со свойственною ему ловкостью, не вдается въ ближайшее разсмотрѣніе психологическихъ основъ этого характера (а для ознакомленія съ ними Островскій даетъ такъ много драгоцѣннаго матеріала): онъ разсматриваетъ его только въ послѣдній моментъ его борьбы съ окружающею средою, потому что цѣнитъ въ немъ только фактъ протеста противъ этой среды. Критикъ даже не даетъ себѣ труда задуматься серьёзно надъ тѣмъ нравственнымъ толчкомъ, который приводитъ Катерину къ ея послѣднему шагу; онъ не хочетъ видѣть въ ней слабую женщину, которая не можетъ совладать съ собою и въ то же время не находитъ силъ на борьбу съ окружающими... Добролюбовъ видитъ въ Катеринѣ героя, который съ логическою послѣдовательностью идетъ къ трагической развязкѣ, и находитъ, что эта развязка придаетъ Грозѣ «впечатлѣніе освѣжающее»... (!) Вы недоумѣваете, читая эти строки, и критикъ спѣшитъ вамъ объяснить свое впечатлѣніе; онъ говоритъ: «Конецъ этотъ кажется намъ отраднымъ; легко понять, почему: въ немъ данъ страшный вызовъ самодурной силѣ;

---

[1]) Слабохарактерный мужъ Катерины, въ «Грозѣ» Островскаго.

онъ говоритъ ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долѣе жить съ ея насильственными, мертвящими началами». (Стр. 515).

Если вы сопоставите этотъ выводъ съ тѣмъ, что Добролюбовъ уже высказывалъ выше о значеніи Грозы, то вы поймете, что весь разборъ драмы Островскаго былъ имъ написанъ ради этого вывода. Но, вѣроятно, находя и этотъ выводъ еще недостаточнымъ Добролюбовъ въ концѣ статьи прибавляетъ, для «имѣющихъ уши», слѣдующее курьезное заключеніе:

«Просимъ отвѣтить на вопросъ: «точно ли потребность возникающаго движенія русской жизни сказалась въ смыслѣ пьесы, какъ она понята нами?»... Ежели «да», ежели наши читатели, сообразивъ наши замѣтки, найдутъ, что точно русская жизнь и русская сила вызваны художникомъ въ «Грозѣ» на рѣшительное дѣло, и если они почувствуютъ законность и важность этого дѣла, тогда мы довольны, что бы ни говорили наши ученые и литературные судьи». Кажется, это заключеніе не требуетъ комментаріевъ и слишкомъ очевидно даетъ каждому въ руки ключъ къ пониманію статей Добролюбова «о Темномъ царствѣ»?

Но если мы, покончивъ со статьями Добролюбова, откинемъ отъ себя навязанныя талантливымъ публицистомъ представленія о «Темномъ царствѣ» и о «Лучѣ свѣта въ темномъ царствѣ», если мы съумѣемъ свободно и безпристрастно приступить къ послѣдовательному чтенію и внимательному разбору обширной серіи произведеній Островскаго, то мы увидимъ, что критикѣ предстоитъ еще много и долго потрудиться надъ этимъ плодовитымъ писателемъ, прежде, нежели она будетъ въ силахъ прійдти къ какому нибудь положительному выводу.

Литературная дѣятельность Островскаго захватываетъ собою почти 35-тилѣтній періодъ, втеченіе котораго, съ конца 40-хъ и до начала 80-хъ годовъ, этотъ русскій Лопе-де-Вега почти не откладывалъ пера въ сторону и много лѣтъ сряду ежегодно дарилъ русскую публику новой пьесой. Втеченіе лучшаго періода своей дѣятельности, отъ 1853 года по 1872 годъ, Островскій поставилъ на сцену тридцать двѣ пьесы, которыя, несомнѣнно, составляли лучшее украшеніе репертуара, хотя и далеко не всѣ были одинаковы по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Въ этомъ отношеніи, публика, постоянно встрѣчавшая Островскаго съ большимъ уваженіемъ и любовью, выказывала себя гораздо болѣе безпристрастною въ критикѣ его произведеній, нежели наши присяжные газетные и журнальные судьи и хроникеры. Всѣ лучшія пьесы Островскаго выдерживали множество представленій на петербургской и московской сценахъ, и втеченіе 20 лѣтъ почти не сходили съ репертуара, не смотря на то, что Островскій неособенно ладилъ

съ дирекціей театра; посредственныя пьесы имѣли средній ходъ; слабыя падали сразу, и выдерживали два, много—три представленія[1]). Этотъ судъ публики, этотъ никѣмъ и ничѣмъ не подкупаемый «гласъ народа» долженъ будетъ, конечно, послужить будущимъ критикамъ Островскаго полезнымъ указаніемъ для выдѣленія лучшихъ и наиболѣе достойныхъ вниманія пьесъ его, отъ остальныхъ, явившихся въ періодъ ослабленія его творческой дѣятельности, или, наконецъ, вызванныхъ даже потребностью въ литературномъ заработкѣ, такъ какъ матеріальное положеніе талантливаго писателя, вплоть до назначенія ему высочайшей пенсіи, было далеко незавиднымъ. Строго относясь къ массѣ написаннаго Островскимъ, мы должны будемъ прійдти къ тому заключенію, что серьёзнаго разбора заслуживаютъ произведенія, составляющія менѣе одной трети всего написаннаго нашимъ драматургомъ; но за то эти произведенія представляютъ дѣйствительно то «новое слово», которое имъ было впервые внесено въ русскую литературу и составляетъ неотъемлемую, незабвенную услугу Островскаго. Но въ этихъ лучшихъ произведеніяхъ Островскаго мы цѣнимъ вовсе не тѣ стороны, которыя цѣнитъ въ нашемъ драматургѣ Добролюбовъ... Онъ говорилъ: «Мы поставили Островскаго очень высоко, находя, что онъ очень полно и многосторонне умѣлъ изобразить существенныя стороны и требованія русской жизни» (стр. 468).

Мы этого не видимъ. Островскій касался очень немногихъ «существенныхъ сторонъ» русской жизни, и еще менѣе заботился о томъ, чтобы выразить ея «требованія». Публицистическая жилка, которую Добролюбовъ старается навязать Островскому, нисколько не была въ натурѣ его; идей онъ не вкладывалъ въ свои пьесы, и (на сколько мы его понимаемъ) очень мало заботился о внесеніи въ нихъ новыхъ вѣяній. Одаренный геніальною способностью къ наблюденію людей и жизненныхъ явленій, Островскій все содержаніе своихъ пьесъ цѣликомъ почерпалъ изъ окружающей его среды, никѣмъ до него нетронутой и полной яркихъ, богатыхъ красокъ...

[1]) Въ нашихъ рукахъ находится любопытный документъ, озаглавленный такъ: «Подробный списокъ пьесамъ А. Н. Островскаго, игранныхъ на петербургской и московской сценахъ съ 1853 по 1872 годъ». Изъ этого списка мы узнаемъ, что втеченіе вышеуказаннаго періода «Не въ свои сани не садись» выдержало 78 представленій, «Бѣдность не порокъ»—73, «Гроза»—71, «Доходное мѣсто»—49, «Воспитанница»—46, «Въ чужомъ пиру похмѣлье»—41, «Картина семейнаго счастья»—37, «Свои люди—сочтемся» и «Свои собаки грызутся»—по 34, «Грѣхъ да бѣда»—28, «Бѣдная невѣста»—27, «Праздничный сонъ»—26, «Шутники»—25, «Василиса Мелентьева»—24, «Тяжелые дни» и «Не сошлись характерами»—по 22, «На всякаго мудреца»—20, «Пучина»—14, «На бойкомъ мѣстѣ», «Зачѣмъ пойдешь» и «Горячее сердце»—по 12. Всѣ остальныя менѣе 10, и нѣкоторыя изъ нихъ 3 («Утро молодаго человѣка») и 2 раза («Бѣшеныя деньги»). Всего, втеченіе 1853—1872 гг., т. е. втеченіе 19 лѣтъ, пьесы Островскаго входили въ составъ 766 спектаклей.

Поле наблюденій было обширно, разнообразно; никому, до Островскаго, не пришло въ голову приняться за его разработку, и вотъ онъ, первый изъ русскихъ писателей, рѣшается глубоко и вдумчиво вглядѣться въ міръ нашего купечества, встряхнуть, всколебать тѣ вѣковыя основы русской жизни, на которыхъ этотъ міръ покоится, какъ на традиціонныхъ китахъ, и — ознакомить насъ съ этимъ уголкомъ русской жизни такъ подробно и полно, что послѣ него почти ничего не остается другимъ наблюдателямъ. На нашъ взглядъ, громадная заслуга Островскаго въ томъ именно и заключается, что онъ отнесся къ своей задачѣ наблюденія и подробнаго изученія открывшагося ему уголка Руси безъ всякой предвзятой идеи, безъ малѣйшаго желанія создавать ходульныхъ тирановъ и забытыхъ Богомъ несчастныхъ, высоко-добродѣтельныхъ страдальцевъ: онъ просто развернулъ передъ нами обширную картину наблюдаемой имъ среды со всѣми ея хорошими и дурными сторонами, со всѣми ея радостями и печалями, со всею борьбою добра и зла, одинаково проявляющеюся на всѣхъ ступеняхъ общества, со всею пошлостью и грязью закулисной стороны жизни, среди которой искорками и блестками свѣтятся прекрасные, чистые характеры цѣльныхъ, хорошихъ русскихъ людей. Гдѣ было можно, гдѣ это не противорѣчило истинѣ, Островскій указалъ намъ и въ дурныхъ людяхъ проявленія свѣтлыхъ, хорошихъ порывовъ, возможность раскаянія, просвѣтленія, доступа къ сердцу. При этомъ, онъ вездѣ постарался ясно намѣтить и точно опредѣлить тѣ условія, тѣ стороннія вліянія, которыя способствовали тому, чтобы сложился тотъ или другой типъ, выведенный имъ на сцену. Невыясненнымъ является иногда въ пьесахъ Островскаго только каррикатурное, уродливое, выставляемое на сцену для приправки дѣйствія. И все, что создаетъ Островскій (мы говоримъ только о лучшихъ его произведеніяхъ), онъ создаетъ, очевидно, съ величайшимъ спокойствіемъ, обдуманно, безъ увлеченія, безъ малѣйшаго желанія «потрафить» подъ извѣстный модный кругъ идей или же олицетворить въ одномъ изъ своихъ характеровъ «новую фазу русской народной жизни». Почерпая образы изъ дѣйствительности, а не создавая ихъ воображеніемъ, Островскій часто впадаетъ даже въ кажущіяся противорѣчія, создавая противоположныя явленія изъ однихъ и тѣхъ же условій среды и быта; но эти противорѣчія безпрестанно встрѣчаются намъ и въ жизни, и нашъ драматургъ ей вѣренъ, воспроизводя ихъ на сценѣ.

Какъ добросовѣстно и какъ серьёзно относился Островскій къ тому уголку Россіи, который былъ съ дѣтства открытъ его изученію, — это мы видимъ изъ того, что онъ, во второй половинѣ своей литературной карьеры, исчерпавъ всѣ свои наблюденія, подѣлившись всѣмъ запасомъ своихъ впечатлѣній и образовъ, добытыхъ изъ купеческаго міра, рѣшился перейдти въ другую область, историческую. Его

попытки въ этомъ новомъ родѣ, начавшіяся съ «Минина и потомъ выразившіяся цѣлымъ рядомъ драматическихъ хроникъ, не привели къ ожидавшимся результатамъ: живыми въ его хроникахъ оказались только тѣ сцены, гдѣ Островскій имѣлъ возможность вывести «толпу» и высказать свое глубокое знаніе народнаго характера. Но историческія лица остались блѣдными и туманными образами, не вылившимися ни въ какую художественную форму. Еще менѣе удачны были экскурсіи Островскаго въ область чистой фантазіи, гдѣ онъ пытался свесть древне-русскую дѣйствительность съ сказочнымъ міромъ народныхъ преданій... Ясно, что, во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, Островскому не доставало почвы подъ ногами, что ему приходилось основываться на почвѣ близкой ему, доступной его пониманію, но мало знакомой и притомъ недоступной живому наблюденію, которое всегда составляло главную силу и главный стимулъ его творчества. Въ послѣдніе годы жизни, Островскій въ нѣкоторыхъ своихъ пьесахъ коснулся дѣятелей русской сцены, перенесъ дѣйствіе въ хорошо-знакомую ему среду русскихъ провинціальныхъ актеровъ, и опять оживилъ репертуаръ нѣсколькими талантливыми набросками, напомнившими «прежняго Островскаго», котораго иногда уже переставали напоминать произведенія, аккуратно появлявшіяся каждый годъ въ одномъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ.

Въ одномъ—только въ одномъ пунктѣ—будущіе критики Островскаго должны будутъ согласиться съ Добролюбовымъ: въ томъ, что къ произведеніямъ Островскаго можетъ быть примѣнена «критика реальная», хотя, конечно, не въ томъ совершенно-условномъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее покойный публицистъ. «Реальною» должна быть критика произведеній Островскаго уже и потому, что самъ Островскій, наравнѣ съ Писемскимъ (и даже болѣе Писемскаго), является самымъ реальнымъ изъ русскихъ писателей послѣ Гоголя. Точно также тонко и вѣрно, какъ Писемскій, Островскій умѣлъ наблюдать и возсоздавать русскую дѣйствительность, хотя при этомъ обладалъ способностью передавать свои наблюденія менѣе грубо и болѣе объективно. Значительная близость этихъ обоихъ крупнѣйшихъ дѣятелей нашей литературы 60-хъ годовъ проявляется еще и въ томъ, что они одинаково ярко умѣли выставить передъ зрителемъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ своихъ произведеніяхъ и одинаково сильно и ловко—сплотить около нихъ все остальное дѣйствіе, пользуясь своимъ глубокимъ знаніемъ сценическихъ условій.

Наконецъ, между Писемскимъ и Островскимъ есть и еще одна общая сторона, которая представляется намъ особенно-важною въ русскомъ писателѣ, такъ недавно еще освободившемся отъ ферулы иноземнаго вліянія. Эта сторона—народность. И Писемскій, въ большинствѣ своихъ драмъ (особенно въ «Горькой Судьбинѣ»), и Остров-

скій, во всѣхъ своихъ лучшихъ произведеніяхъ—являются писателями народными, въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Народность Островскаго, какъ писателя, давно уже ставилъ ему въ великую заслугу одинъ изъ талантливѣйшихъ (хотя и нѣсколько туманныхъ) нашихъ критиковъ — Аполлонъ Григорьевъ. Справедливо обвиняя критику Добролюбова въ пристрастіи и односторонности, А. Григорьевъ замѣтилъ, что авторъ «Темнаго царства прицѣпляетъ ярлычки къ лицамъ комедій Островскаго, раздѣляя ихъ на два разряда — самодуровъ и забитыхъ — и въ развитіи отношеній между ними, обычныхъ въ купеческомъ быту, заключаетъ все дѣло нашего комика». По мнѣнію А. Григорьева, особенность и заслуга, отличающая Островскаго отъ другихъ нашихъ писателей, заключается въ народности его произведеній. Добролюбовъ спѣшилъ возразить на это вѣрное замѣчаніе, что «еще нужно опредѣлить, въ чемъ именно заключается эта пресловутая народность?»—и мы, въ заключеніе нашей статьи, думаемъ именно этимъ опредѣленіемъ и закончить нашъ небольшой очеркъ, посвященный памяти Островскаго. Народность писателя, несомнѣнно, заключается въ той тѣсной, внутренней, умственной и душевной связи его съ народомъ, которая облегчаетъ писателю знакомство съ народною жизнью, обостряетъ его наблюдательную способность и даетъ возможность извлекать изъ народной среды (или на ея основаніи создавать) такіе образы, которые оказываются близки, знакомы и доступны пониманію большинства народа, а не однимъ только образованнымъ и наиболѣе развитымъ его классамъ. Мало того, образы, вызванные такимъ писателемъ изъ среды народа, отличаются не только тѣмъ, что они всѣмъ доступны и понятны, но еще и тѣмъ, что они долговѣчны, что они способны привлекать, трогать и волновать не одно поколѣніе, способны восхищать и удивлять не втеченіе нѣсколькихъ недѣль, а втеченіе десятковъ лѣтъ. Въ этомъ отношеніи, поучительнымъ образцомъ народности писателя можетъ служить намъ Пушкинъ, въ которомъ, даже полвѣка спустя, все народное осталось свѣжо и прекрасно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ становиться близкимъ и дорогимъ для большинства русскихъ грамотныхъ людей. Въ этомъ же смыслѣ и Островскій, въ такихъ произведеніяхъ своихъ, какъ «Свои люди—сочтемся», какъ «Бѣдность не порокъ», «Не въ свои сани не садись» и «Гроза»—еще долго будетъ дорогъ, близокъ и понятенъ сердцу каждаго простаго русскаго человѣка. Подобныя пьесы Островскаго, несомнѣнно, должны будутъ составить краеугольный камень нашего будущаго народнаго театра, и народность лучшихъ произведеній Островскаго, дѣйствительно, представляется намъ однимъ изъ самыхъ прочныхъ началъ, на которомъ должна основаться слава нашего драматурга и благодарная память о немъ въ потомствѣ.

П. Полевой.



ПУШКИНЪ О ГОГОЛѢ.

Въ АПРѢЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ «Гоголь о Пушкинѣ», г. П. Л. В. сообщено было нѣсколько замѣчаній Гоголя о Пушкинѣ, пригодныхъ для біографіи послѣдняго. Въ виду огромнаго значенія обоихъ поэтовъ для исторіи русской литературы нелишне будетъ выслушать и Пушкина о Гоголѣ, по скольку мы знаемъ это изъ его сочиненій и писемъ. Замѣтки Пушкина гораздо болѣе касаются литературной дѣятельности Гоголя, нежели его личности: это объясняется характеромъ отношеній обоихъ поэтовъ, попреимуществу въ сферѣ литературной, отчасти вслѣдствіе ранней смерти Пушкина, отчасти и по другимъ обстоятельствамъ.

Знакомство Пушкина съ Гоголемъ относится къ 1831 году. Вотъ что писалъ Пушкину Плетневъ, отъ 22-го февраля 1831 года, изъ Петербурга въ Москву, послѣ свадьбы поэта: «Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ что-то очень хорошее. Ты, можетъ быть, замѣтилъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» отрывокъ изъ историческаго романа, съ подписью 0000, также въ «Литературной Газетѣ» «Мысли о преподаваніи географіи», статью «Женщина» и главу изъ малороссійской повѣсти: «Учитель». Ихъ писалъ Гоголь-Яновскій. Онъ воспитывался въ Нѣжинскомъ лицеѣ Безбородки. Сперва онъ пошелъ было по гражданской службѣ, но страсть къ педагогикѣ привела его подъ мои знамена: онъ перешелъ также въ учители. Жуковскій отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе. Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ и, какъ художникъ, готовъ

для нихъ подвергать себя всѣмъ лишеніямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ» [1]).

Въ отвѣтъ на это, Пушкинъ писалъ Плетневу, въ апрѣлѣ 1831 года: «О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ, за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села»...[2]).

27-го іюля того же года, Гоголь пишетъ матери: «Письма адресуйте ко мнѣ на имя Пушкина, въ Царское Село, такъ: Его высокоблагородію Александру Сергѣевичу Пушкину. А васъ прошу отдать Н. В. Гоголю» [3]).

Въ письмѣ Плетневу, писанномъ до 25-го августа 1831 года, Пушкинъ пишетъ: «Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга, Ив. П. Бѣлкина»...[4]).

Наконецъ, отъ 25-го августа этого же, года встрѣчаемъ первое письмо Пушкина къ Гоголю: «Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но вы слишкомъ лѣнивы, чтобы привести его въ дѣйствіе... Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ— съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другаго — толковъ журналистовъ и отзывъ остренькаго сидѣльца»...[5]).

Объ упомянутомъ случаѣ Гоголя въ типографіи, самъ онъ передалъ Пушкину въ письмѣ, отъ 21-го августа 1831 года [6]). Это же разсказываетъ и самъ Пушкинъ въ письмѣ къ А. Ѳ. Воейкову, изъ Царскаго Села, писанномъ между 21 и 25 августа 1831 года: «Сейчасъ прочелъ «Вечера близь Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les

---

[1]) «Соч. П. А. Плетнева», изд. Я. Грота, III, 366.
[2]) «Соч. Пушкина», изд. Лит. Фонда, VII, 266.
[3]) «Соч. и письма Гоголя», изд. Кулиша, V, 133.
[4]) «Соч. Пушкина», VII, 288.
[5]) «Н. А. Полевой», издатель «Моск. Телеграфа».
[6]) «Русск. Арх.», 1880, II, 510.

précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго»[1]).

Съ этого времени, Пушкинъ началъ интересоваться и усердно слѣдить за литературной дѣятельностью Гоголя. Въ письмѣ къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, отъ 30-го октября 1833 года, онъ пишетъ: «Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней же есть закорючка»[2]).

Въ «Дневникѣ» Пушкинъ записалъ подъ 7 апрѣля 1834 года: «Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Тимофѣичемъ (sic). Очень оригинально и очень смѣшно. Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики»[3]); въ маѣ того же года записано: «Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію»[4]).

Гоголь, въ письмѣ отъ 13-го мая 1834 года, просилъ Пушкина похлопотать за него передъ Уваровымъ о профессорствѣ въ Кіевѣ и для бо̀льшаго эффекта сказать, будто нашелъ Гоголя «еле-жива». Въ отвѣтъ на это, Пушкинъ писалъ Гоголю: «Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти «Телеграфа», поговорю и о вашей... Авось уладимъ»[5]).

Въ октябрѣ 1835 года, Пушкинъ писалъ Плетневу объ «Альманахѣ», изданіе котораго поэтъ затѣвалъ на слѣдующій 1836 годъ; мысль эта, впрочемъ, осуществилась нѣсколько въ иномъ видѣ: вмѣсто «Альманаха», Пушкинъ началъ издавать съ 1836 года «Современникъ»; въ этомъ письмѣ Пушкинъ, между прочимъ, пишетъ: «Спасибо, великое спасибо Гоголю за его «Коляску», въ ней «Альманахъ» далеко можетъ уѣхать, но мое мнѣніе—даромъ «Коляски» не брать, а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги»[6]).

Къ 1835 же году относится коротенькая записка Пушкина къ Гоголю о повѣсти послѣдняго «Невскій Проспектъ»: «Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки[7]). Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ»[8]).

6-го мая 1836 года, Пушкинъ изъ Москвы пишетъ женѣ: «Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера

---

[1]) «Соч. Пушкина», VII, 287.

[2]) «Соч. Пушкина», VII, 332. Дѣло идетъ о «Ревизорѣ». Слово «закорючка», по замѣчанію кн. Одоевскаго, какъ-то ввелось тогда въ пріятельскомъ кружкѣ для означенія чего либо заслуживающаго особеннаго вниманія.

[3]) «Соч. Пушкина», V, 205.

[4]) Тамъ же, V, 207.

[5]) Тамъ же, VII, 348.

[6]) Тамъ же, VII, 385.

[7]) Говорится о приключеніи съ поручикомъ Пироговымъ.

[8]) «Соч. Пушкина», VII, 391.

Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть «Ревизора». Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ каррикатурна и грязна (къ нему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны, я тоже ему совѣтую: не надобно, чтобъ «Ревизоръ» упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ»[1]).

Въ 3-й книжкѣ своего «Современника» 1836 года, Пушкинъ, помѣщая повѣсть Гоголя «Носъ», сдѣлалъ къ ней слѣдующую замѣтку: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись»[2]).

Въ той же книжкѣ своего журнала, Пушкинъ, по поводу помѣщенной въ немъ ранѣе статьи Гоголя: «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ», говоритъ: «Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б(езсонова), нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья «О движеніи журнальной литературы» напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, что всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостью и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою «Современника»[3]).

Вотъ, кажется, всѣ данныя, имѣющіяся въ сочиненіяхъ Пушкина о Гоголѣ. Изъ нихъ можно усмотрѣть столько же его извѣстную проницательность, сколько и благородное участіе къ литературнымъ успѣхамъ новаго молодаго таланта, который впослѣдствіи въ полной мѣрѣ оправдалъ обращенныя на него великимъ поэтомъ ожиданія.

Е. В. П.



[1]) Тамъ же, VII, 401.
[2]) Тамъ же, V, 345.
[3]) Ibid.



ТАМБОВСКІЙ КАТИЛИНА.

Городъ Тамбовъ подвергся, въ маѣ 1815 года, страшнымъ пожарамъ. Двадцать семь пожаровъ втеченіе одного мѣсяца навели такой ужасъ на тамбовскихъ обывателей, что они массами стали покидать свои дома и спѣшно выбираться со всѣмъ имуществомъ на городской выгонъ и въ каменныя лавки гостиннаго двора. Между горожанами, угнетенными пожарной паникой, пошли тревожные слухи о поджигателяхъ, которые будто бы хотѣли для своихъ корыстныхъ цѣлей уничтожить весь городъ. Къ несчастію, эти слухи постепенно стали подтверждаться. Пойманы были на мѣстѣ преступленія мальчики-поджигатели Сальниковъ и Ивановъ, ученики мѣстнаго военно-сиротскаго училища, подкупленные исключеннымъ семинаристомъ Семеномъ Турдаковскимъ. Вслѣдъ за ними схватили другихъ, уже взрослыхъ, поджигателей: рекрутовъ, дворовыхъ, однодворцевъ и одного батальоннаго писаря. Тогда общая паника дошла до высшей степени, тѣмъ болѣе, что тогдашній городъ Тамбовъ весь почти былъ деревянный и отчасти соломенный и притомъ съ самой сомнительной полиціей и пожарной командой. Въ это время спѣшно прибылъ въ Тамбовъ изъ губерніи, съ ревизіи, мѣстный губернаторъ А. М. Безобразовъ, человѣкъ замѣчательной энергіи и рѣшимости. По его приказанію, весь Тамбовъ окружили сторожевою цѣпью изъ солдатъ мѣстнаго гарнизоннаго баталіона, причемъ 60 человѣкъ подозрительныхъ гарнизонныхъ нижнихъ чиновъ изъ караульной очереди были исключены и впослѣдствіи переведены на оренбургскую линію. Тогда же составлена была слѣдственная коммиссія съ цѣлію открытія бродягъ и воровъ. Самъ гу-

бернаторъ втеченіе цѣлаго мѣсяца каждую ночь объѣзжалъ сторожевую цѣпь и городскіе кварталы. Спалъ онъ въ сутки отъ усиленныхъ хлопотъ часа по два, не болѣе, и вслѣдствіе этого опасно заболѣлъ: кровь пошла у него горломъ. При такой замѣчательной губернаторской энергіи тамбовскій пожарный заговоръ былъ раскрытъ весьма быстро. Къ удивленію слѣдственной коммиссіи, открыта была цѣлая организованная шайка поджигателей, во главѣ которой стоялъ весьма видный губернскій чиновникъ, коллежскій совѣтникъ Маркъ Ивановичъ Гороховскій, совѣтникъ казенной палаты. Цѣль этого тамбовскаго Катилины состояла въ томъ, чтобы взорвать губернскій пороховой погребъ, а потомъ поджечь винный магазинъ, казенную и уголовную палаты. Въ шайкѣ Гороховскаго состояло 50 человѣкъ поджигателей, причемъ мальчики-поджигатели были сманиваемы въ шайку мелкими подачками въ гривенникъ, двугривенный и не болѣе 5 рублей, за каждый отдѣльный случай поджога; взрослые же соблазнялись уже бо̀льшими кушами, рублей въ 50. Соблазнителемъ преступниковъ и безсмѣннымъ раздавателемъ подачекъ изъ кассы Гороховскаго былъ уже названный нами семинаристъ Семенъ Турдаковскій, сынъ священника тамбовской знаменской церкви отца Николая.

Всѣ эти слегка мною намѣченныя обстоятельства, безъ всякаго сомнѣнія, сильно выдвигаютъ Гороховскаго изъ массы современныхъ ему чиновниковъ общеизвѣстнаго неприглядного типа и дѣлаютъ его до нѣкоторой степени и въ извѣстномъ смыслѣ героемъ эпохи, по крайней мѣрѣ, въ мѣстной исторіи.

Прежде чѣмъ Гороховскій прославился своимъ изумительнымъ и совершенно хладнокровно обдуманнымъ поджигательствомъ, его имя уже извѣстно было въ цѣлой губерніи, старому и малому, по поводу его многочисленныхъ грабежей въ рекрутскихъ присутствіяхъ. Когда наступали рекрутскіе наборы, то, какъ извѣстно, плачъ великій и горькій раздавался по всей свято-русской землѣ... Крѣпкія и дорогія силы отрывались отъ семей на вѣкъ. Отъ женъ мужья и отъ матерей сыновья уходили въ чужедальную сторону почти безъ надежды на свиданіе. Горькія, жгучія и правдивыя слезы лились по нашей землѣ, въ тѣ былые годы злой рекрутчины, изъ края въ край. И вотъ именно къ этому-то великому народному горю, какъ къ источнику наживы, присосался нашъ печальной памяти герой, и политое народными слезами временно разцвѣло и умножилось его счастье-богачество. Лихоимственные подвиги Гороховскаго съ особенною неумолимостію обнаружились въ 1812 году, когда лучшія русскія силы, смущенныя вражескимъ нашествіемъ, проявили себя такъ величаво и побѣдно...

Только-что кончился въ 1812 году въ городѣ Тамбовѣ рекрутскій пріемъ, какъ въ рекрутскомъ присутствіи на столѣ, передъ зерцаломъ, нашли тщательно переписанный пасквиль подъ загла-

віемъ: «Посланіе отъ Брунгулѣева къ Марку Гороховскому». Неизвѣстный авторъ посланія русской рѣчью владѣлъ неособенно удачно, тѣмъ не менѣе произведеніе его сразу огласилось по всему Тамбову и по всей губерніи и вызвало общее сочувствіе. Въ посланіи говорилось о Гороховскомъ, что онъ огласился молвой во взяткахъ не только въ Тамбовской губерніи, гдѣ всѣ, отъ мала до велика, обзывали его наглымъ взяточникомъ и грабителемъ, но и за предѣлами губерніи Маркино имя извѣстно было съ тѣми же прозваніями.

По поводу этого пасквиля, составившаго для Тамбовскаго края цѣлое событіе и увеселявшаго мѣстныхъ говоруновъ не одинъ мѣсяцъ, Гороховскій счелъ себя въ правѣ обидѣться и заподозрѣть въ написаніи и обнародованіи пасквиля совѣтника тамбовской гражданской палаты Чернѣева, но ничего этого не доказалъ. Тогда уголовная палата опредѣлила: «пасквиль сжечь чрезъ палача, а Чернѣеву предоставить право просить особо о поступленіи съ Гороховскимъ по законамъ за его ябедничество, ругательство и наушничество».

Между тѣмъ, въ день обнародованія пасквиля два однодворца Кирсановскаго уѣзда подали на Гороховскаго губернатору Нилову жалобу, въ которой выражена была та мысль, что челобитчики отъ непомѣрныхъ взятокъ Марка Ивановича въ конецъ обнищали. Губернаторъ поручилъ засѣдателю уголовной палаты Ардабьеву произвесть слѣдствіе. Челобитчики оказались правыми...

Это первое слѣдствіе еще не было окончено, какъ послѣдовали новыя жалобы, и все въ одномъ и томъ же смыслѣ, отъ нѣсколькихъ крестьянъ Тамбовскаго и Спасскаго уѣздовъ. И эти жалобы оказались справедливыми. И всѣмъ имъ губернаторъ Ниловъ далъ законный ходъ.

Но Гороховскій, что называется, былъ травленый волкъ. Онъ зналъ старую приказную волокиту съ ея крючкодѣйскими уловками въ совершенствѣ и рѣшился бороться до конца. Онъ подалъ въ уголовную палату заявленіе, въ которомъ выражался такъ: Обвиненія, взведенныя на меня просителями, суть извѣты, возникшіе вслѣдствіе неудовольствія на меня губернатора Нилова.

На мѣсто Нилова, удалившагося на покой, прибылъ въ Тамбовъ новый губернаторъ Шишковъ. О Гороховскомъ произведены были новыя слѣдствія и новыми чиновниками, но результатъ слѣдствій получился тотъ же. Тогда посѣдѣлый въ приказныхъ сварахъ и по своему весьма умный дѣлецъ Гороховскій послалъ просьбу на высочайшее имя съ собственными оправданіями и обвиненіями. Просьба законника-проходимца была уважена, и въ Тамбовъ прибылъ на слѣдствіе по дѣлу Гороховскаго, по высочайшему повелѣнію, дѣйствит. стат. сов. Винтеръ. Въ день пріѣзда Винтера

въ нашъ губернскій городъ, ему подано было пять крестьянскихъ просьбъ на Гороховскаго съ обвиненіями его въ непомѣрномъ лихоимствѣ, и всѣ эти просьбы подтвердились многочисленными свидѣтелями, спрошенными подъ присягой. Такимъ образомъ для Гороховскаго сложились самыя неблагопріятныя обстоятельства, но онъ все еще не унывалъ и втихомолку подкупилъ пятерыхъ уличныхъ бродягъ, которые подъ присягой показали, что они своими ушами слышали, какъ челобитчики сговаривались злостно обнести и оклеветать Гороховскаго.

Такая неожиданная выходка чиновника-пройдохи смутила слѣдователей, и они, вѣроятно, по неопытности, не знали что дѣлать. На выручку имъ подоспѣлъ нежданно-негаданно губернскій стряпчій Фроловъ. Онъ донесъ Винтеру о подкупѣ Гороховскаго и о его чрезмѣрномъ взяточничествѣ во время рекрутскихъ пріемовъ 1812 года въ казенныхъ селеніяхъ Тамбовскаго, Моршанскаго, Кирсановскаго и Борисоглѣбскаго уѣздовъ.

Снова началось дѣло о Гороховскомъ, порученное совѣтнику уголовной палаты Ѳедорову. И снова съ неопровержимою ясностію было доказано многочисленными свидѣтелями и самими потерпѣвшими, что коллежскій совѣтникъ Маркъ Ивановъ сынъ Гороховскій получалъ во время набора съ просителей рублей по 50 съ каждаго и болѣе,—до 300 рублей. Слѣдствіемъ обнаружено, что и другіе чиновники рекрутскаго присутствія, всѣ до единаго, брали взятки; но у нихъ были опредѣленныя границы ихъ чиновничьей алчности, Гороховскій же дралъ съ просителей безъ всякой совѣсти и милости.

Дѣло Гороховскаго производилось въ Тамбовѣ, въ 1813 и 1814 годахъ, и онъ въ это время не только не былъ удаленъ отъ должности, но даже нѣкоторое время исполнялъ обязанности вице-губернатора. Уже въ 1815 году, съ прибытіемъ въ Тамбовъ на слѣдствіе сенатора А. Л. Львова, Гороховскій былъ устраненъ отъ дѣлъ и формально преданъ суду.

Андрей Лаврентьевичъ Львовъ, какъ бывшій тамбовскій губернаторъ, хорошо зналъ всѣ условія мѣстной жизни и потому въ данномъ случаѣ оказался вполнѣ достойнымъ своего назначенія. Онъ быстро обнаружилъ слѣдующія противозаконныя дѣйствія тамбовскаго рекрутскаго присутствія, которое было руководимо Гороховскимъ.

Присутствіе принимало людей въ рекруты безъ разбора очередей, безъ разсмотрѣнія подворныхъ списковъ и безъ справки о лѣтахъ представляемыхъ, такъ что, благодаря Гороховскому, подъ красную шапку пошли и подростки, числомъ 267 человѣкъ, не достигшіе совершенныхъ лѣтъ, и люди уже пожилые, лѣтъ 55 и болѣе; послѣднихъ насчитали 283 человѣка.

Рекрутское присутствіе совершенно пренебрегало мірскими приговорами и допускало въ обширныхъ размѣрахъ торговлю рекрут-

скими наймитами, поощряя въ этомъ послѣднемъ случаѣ крайне низменные инстинкты нѣкоторыхъ дурныхъ помѣщиковъ, притворно отпускавшихъ запроданныхъ ими людей на волю.

Задобренное присутствіе выдавало нѣкоторымъ отдатчикамъ квитанціи на такихъ людей, которые умирали до зачисленія въ рекруты. Оно же допускало недоимки, достигшія въ два набора до 1766 человѣкъ, увлекаясь во всѣхъ подобныхъ случаяхъ самыми корыстными цѣлями и злостно изнуряя народъ.

Въ 1812 году, указано было взять съ Тамбовской губерніи 1,600 строевыхъ лошадей, между тѣмъ рекрутское присутствіе, по весьма понятнымъ разсчетамъ, приняло ихъ 6,152.

Когда всѣ эти обвиненія предъявлены были Гороховскому, онъ съ обычнымъ своимъ упрямствомъ отвѣчалъ слѣдователямъ: «хорошій человѣкъ всегда дурными оклеветывается, и выть мнѣ, доброму и простому человѣку, волкомъ за мою овечью простоту»...

Отъ добраго и простаго человѣка, однако, не отстали. Количество свидѣтелей, дѣйствовавшихъ въ интересахъ правосудія и подъ присягой, все увеличивалось. Эти свидѣтели показали, что добродѣтельный совѣтникъ казенной палаты бралъ съ крестьянъ даже рублей сотъ по пяти за возвращеніе рекрутовъ изъ военной службы. Главнымъ посредникомъ между Гороховскимъ и крестьянами былъ уже извѣстный намъ семинаристъ Семенъ Турдаковскій, исключенный изъ такъ называемой реторики. Этого Турдаковскаго во время слѣдствія взяли подъ стражу и такимъ образомъ въ рукахъ правосудія оказалась живая улика на Гороховскаго. Во что бы то ни стало, Турдаковскаго надо было освободить. Между тѣмъ подкупомъ ничего нельзя было сдѣлать. Тогда прибѣгли къ чарамъ. Однажды арестованному преступнику-семинаристу его мать принесла жилетъ, въ воротникѣ котораго оказался зашитымъ фитилекъ изъ восковой свѣчи. Стали добираться, что это значитъ, и узнали вотъ что. Отецъ Турдаковскаго, знаменскій священникъ Николай, узнавъ объ арестѣ сына, далъ своему дьячку, Василію Андрееву, огарокъ и велѣлъ ему тотчасъ отправиться въ село Эксталь къ мѣщанину-знахарю Михею Верещагину для наговора противъ немилостивыхъ судей. На расходы дано было услужливому дьячку 2 руб. 50 коп. И вотъ въ домѣ знахаря произошло сперва обильное угощеніе, а затѣмъ Верещагинъ, вытянувъ изъ огарка фитилекъ, что-то пошепталъ надъ нимъ и, отдавая его Андрееву, сказалъ: «увѣрь отца Николая, что сынъ его черезъ этотъ фитилекъ отъ суда избавится и худа не получитъ; пускай только матушка попадья сама зашьетъ его въ воротъ Семенова жилета и велитъ ему, Семену, быть въ этомъ жилетѣ во все время суда, не скидая съ себя ни на часъ».

Однако, и чары не помогли семейству о. Турдаковскаго, и его сынъ Семенъ, уличенный въ сообществѣ съ Гороховскимъ, отпра-

вленъ былъ въ Петербургъ къ главнокомандующему. А у самого Гороховскаго признано было полезнымъ произвесть домашній обыскъ, и на этотъ разъ приказный дѣлецъ, дотолѣ вдохновлявшійся канцелярскими кляузами, вынужденъ былъ склонить свою голову и совершенно спасовать передъ фактами.

Гороховскаго сгубила его излишняя аккуратность. Когда онъ получалъ съ своихъ многочисленныхъ кліентовъ взятки, то всѣ свои полученія тщательно и обстоятельно, съ кого, и сколько, и когда, онъ записывалъ. И вотъ губернаторъ съ губернскимъ прокуроромъ эту самую памятную книжку и нашли у Гороховскаго. Въ книжкѣ Гороховскій собственноручно записалъ 3,000 статей съ означеніемъ уѣздовъ, селеній, именъ и прозваній паціентовъ, всего на сумму болѣе 180 тысячъ рублей. Аккуратность чиновника-пріобрѣтателя, котораго многіе его современники за что-то считали очень умнымъ человѣкомъ, доходила до того, что онъ противъ каждой статьи записывалъ, за что именно получена была взятка, за сложеніе рекрута, или за излишнюю землю, или за рекрутскаго охотника... Когда статьи конфискованной памятной книжки стали свѣрять съ прошеніями челобитчиковъ на Гороховскаго, то открылось, что имена ихъ значились въ этой книжкѣ съ указаніемъ суммъ, ими объявленныхъ.

Послѣ всѣхъ этихъ совершенно ясныхъ уликъ, уголовная палата ожидала отъ Гороховскаго чистосердечнаго признанія въ преступленіяхъ. Но упрямый лихоимецъ уклонился отъ явки въ палату по болѣзни, которой, однако, у него не было, по свидѣтельству врачей. Для отобранія отъ Гороховскаго объясненій тамбовская палата отправила къ нему въ домъ одного изъ своихъ членовъ, которому подсудимый наконецъ словесно объявилъ, что всѣ статьи въ памятной книжкѣ писаны его рукою. Впослѣдствіи, когда Гороховскій явился въ палату, то это свое послѣднее объявленіе онъ отвергъ и сказалъ: «всѣ статьи памятной книжки ничего не значащія замѣтки и писаны разными руками». Вообще же знаменитый тамбовскій дѣлецъ держалъ себя на судѣ къ концу дѣла крайне трусливо. Большею частію, когда ему предлагали вопросы, онъ молчалъ, мѣнялся въ лицѣ, не глядѣлъ на членовъ уголовной палаты, дрожалъ и жаловался на губернскихъ начальниковъ, что всѣ они его злѣйшіе враги и клеветники... Тогда, по распоряженію губернатора, особо командированные чиновники произвели по всей губерніи допросы поименованнымъ въ статьяхъ памятной книжки крестьянамъ. Всѣ эти крестьяне, числомъ 1,800 человѣкъ, спрошенные подъ присягой, единогласно сознались въ томъ, что они давали Гороховскому деньги, кто за принятіе рекрутъ и лошадей, кто за непринятіе тѣхъ или другихъ или сложеніе.

По окончаніи повальнаго обыска въ губерніи, тамбовская уголовная палата для улики Гороховскаго въ лихоимствѣ уже не

нуждалась въ его сознаніи. Вотъ въ то время и произошелъ уже извѣстный намъ цѣлый рядъ поджоговъ, которыми руководилъ Гороховскій, мотивировавшій свои преступныя дѣйствія, можетъ быть, мстительностію или же желаніемъ схоронить концы въ воду... Палата опредѣлила лишить Гороховскаго навѣчно чиновъ, дворянства, орденовъ и сослать въ Нерчинскъ; всѣ имѣнія его, движимыя и недвижимыя, бывшія въ губерніяхъ Воронежской и Тамбовской,— взять въ секвестръ, продать и вырученныя деньги отдать въ пользу тамбовскаго приказа общественнаго призрѣнія. Всѣхъ наличныхъ денегъ у Гороховскаго оказалось ассигнаціями 181,705 рублей, да серебромъ 495 рублей, да старыхъ рублей 143, полтинниковъ 48, мелкаго серебра почти столько же, имперіаловъ и полуимперіаловъ 5,000 рублей, прусскихъ талеровъ 100 рублей, всего же до 188,000 рублей...

По дѣлу же о поджогахъ тамбовская уголовная палата рѣшила оставить Гороховскаго въ сильнѣйшемъ подозрѣніи...

Рѣшеніе палаты утверждено было правительствующимъ сенатомъ и конфирмаціей самого государя императора.

Съ соучастниками Гороховскаго судъ поступилъ не менѣе строго. Семинаристъ Турдаковскій былъ отданъ въ солдаты. А всѣхъ взрослыхъ поджигателей: солдатъ, рекрутъ, дворовыхъ и однодворцевъ, подвергли торговой казни: имъ вырвали ноздри и, по наказаніи плетьми, сослали ихъ всѣхъ въ Сибирь на каторгу, или на поселеніе.

Уже рѣшеніе суда было объявлено въ окончательной формѣ и не было, повидимому, никакихъ основаній для того, чтобы измѣнить ходъ дѣла. Но Гороховскій еще разъ попытался затормозить его. За Гороховскаго вступился его пріятель, предсѣдатель вятской гражданской палаты, бывшій тамбовскій прокуроръ Головинъ. Во время тамбовскихъ майскихъ пожаровъ онъ былъ въ Тамбовѣ, какъ мѣстный помѣщикъ, по дѣламъ, и вотъ именно онъ-то, переговоривъ съ Гороховскимъ, и подалъ доносъ на высочайшее имя. Въ доносѣ вина пожаровъ сваливалась на губернатора Безобразова, который утушеніемъ пожаровъ и поимкою мнимыхъ поджигателей хотѣлъ будто бы выслужиться. Этотъ доносъ былъ причиною командировки въ Тамбовъ, по высочайшему повелѣнію, генералъ-адъютанта графа Комаровскаго и флигелъ-адъютанта Панкратьева. Но и этотъ лишній ходъ Гороховскаго, не смотря на то, что нѣкоторые члены новой слѣдственной коммиссіи, напримѣръ, капитанъ Абрамовъ, впослѣдствіи уличенный, и арестованный, дѣйствовали съ нимъ за одно, не принесъ ему пользы: факты были на лицо и усумниться въ очевидности на тотъ разъ было не изъ чего и не кому...

И. Дубасовъ.



ТРИДЦАТИЛѢТІЕ ПЕРВОЙ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЙ ГАРАНТІИ.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году, 26-го января, исполнилось тридцатилѣтіе съ того знаменательнаго въ исторіи русскихъ финансовъ дня, когда наше правительство впервые рѣшилось дать свое ручательство въ извѣстномъ чистомъ доходѣ съ капитала, затраченнаго на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. До этого времени, даже для постройки рельсоваго пути между Петербургомъ и Москвою, правительство добывало капиталы для своихъ надобностей непосредственными займами, которые ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ государственныхъ долговъ. Мысль, посредствомъ частныхъ капиталовъ, данныхъ на условіи ручательства чистаго дохода правительствомъ, начать постройку желѣзныхъ дорогъ, внушена была заграничными финансистами-предпринимателями, при учрежденіи Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Тогда подобная мысль сочтена была очень счастливою, но послѣдствія ея для государственныхъ финансовъ оказались разорительными. Россія покрылась впродолженіе тридцати лѣтъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ протяженіемъ въ 24,508 верстъ, но за то ея государственное казначейство обременено долгомъ въ милліарды рублей, а податныя силы ежегодно истощаются необходимостью уплаты процентовъ и погашенія по желѣзнодорожнымъ займамъ. Промышленность и торговля, дѣйствительно, получили въ Россіи въ этотъ періодъ времени сильное развитіе; отпускъ нашъ увеличился значительно; явилось много новыхъ фабричныхъ и заводскихъ производствъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ желѣзныя дороги, принося существенную пользу коммерческой, мануфактурной дѣятельности, задолжали государственному казначей-

ству сотни милліоновъ рублей. Въ общемъ результатѣ, если государство сдѣлалось могущественнѣе прежняго, въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, при нынѣ осуществленной сѣти желѣзныхъ дорогъ, если промышленность, торговля, земледѣліе развились въ тридцать лѣтъ при помощи рельсовыхъ путей, — то, для достиженія того и другаго условія, потребовалось такая задолженность со стороны государства, явилась необходимость въ такомъ сильномъ напряженіи податныхъ силъ всего народа, что, весьма вѣроятно, окончательный балансъ кредита и дебета не можетъ быть еще сведенъ въ пользу неубыточности всего громаднаго сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Спекулятивность постройки ихъ, измѣненіе программъ и системъ, невыработка сѣти, строго обдуманной и согласованной съ государственными, торговыми цѣлями и народноплатежными силами, поспѣшность сооруженія, погоня за эфемерными выгодами, банкирское ростовщичество, духъ наживы, обуявшей значительную часть населенія, и другія причины способствовали вышеупомянутому невыгодному балансу. Упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи ждетъ еще властной руки, которая совершила бы подобную задачу, безусловно необходимую для облегченія и платежныхъ силъ государства. Надобно надѣяться, что эта цѣль будетъ достигнута въ слѣдующія десятилѣтія продолженія «ручательства» правительства въ чистомъ доходѣ съ желѣзнодорожныхъ капиталовъ.

Возникновеніе Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ еще ждетъ своего лѣтописца, если только въ архивѣ министерства путей сообщенія сохранились всѣ данныя объ этомъ достопамятномъ фактѣ въ исторіи нашей желѣзнодорожной сѣти. Работа подобнаго лѣтописца облегчится, если у него въ распоряженіи будутъ бумаги изъ кабинета бывшаго главноуправляющаго путями сообщенія, генералъ-адъютанта К. В. Чевкина. Попытка къ объясненію возникновенія Главнаго Общества сдѣлана была въ февральской книжкѣ «Русской Старины» 1885 года. Неизвѣстный авторъ (три звѣздочки) помѣстилъ въ этомъ журналѣ свои воспоминанія о Константинѣ Владиміровичѣ Чевкинѣ. Въ этой статьѣ около половины ея отведено дѣлу о приступѣ къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи при помощи Главнаго Общества. Авторъ статьи служилъ подъ начальствомъ К. В. Чевкина, потому что, не смотря на тщательно скрытое имъ и редакціею журнала его имя, я догадался о немъ, но не раскрываю его по принципу уваженія къ литературнымъ анонимамъ и псевдонимамъ. По своему положенію въ вѣдомствѣ путей сообщенія, авторъ стоялъ близко къ дѣламъ и былъ знакомъ съ ихъ тогдашнимъ ходомъ, но, не смотря на то, его разсказъ о возникновеніи Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ требуетъ и дополненій, и исправленій.

По словамъ трехъ звѣздочекъ, предложенія иностранцевъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи явились въ 1856 году пе-

редъ коронаціею императора Александра Николаевича. Болѣе всѣхъ понравилось предложеніе Колиньона, представителя всѣхъ главнѣйшихъ банкировъ, кромѣ Ротшильда. Колиньона поддерживалъ тогдашній французскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Морни. К. В. Чевкинъ горячо принялся за это дѣло, трудился неутомимо, но, къ сожалѣнію, самъ одинъ, въ большомъ секретѣ, «трудился безъ устали, день и ночь, четыре мѣсяца. По его мнѣнію, результатъ предстоялъ блистательный: въ Россіи оставался металлъ въ 275.000,000 рублей. Россія получала четыре главнѣйшія дороги и за все это ничѣмъ не рисковала: если бы дороги не принесли даже ни одной копѣйки чистаго дохода,—что̀ не мыслимо,—и тогда мы платили бы только гарантію въ 5.000,000 рублей въ годъ. Сочиненіе свое Чевкинъ признавалъ за chef d'oeuvres, и государю писалъ, что, какъ только Колиньонъ подпишетъ его сочиненіе, то всѣ банкиры будутъ у него въ рукахъ».

К. В. Чевкинъ ошибся, какъ многіе ошибаются въ новомъ для нихъ дѣлѣ, особенно если не обставить его надлежащими обезпеченіями и контролемъ. Главная ошибка, можетъ быть, произошла вслѣдствіе неудачнаго выбора группы желѣзнодорожныхъ предпринимателей. По заключеніи парижскаго трактата въ мартѣ 1856 года, положившаго окончаніе неудачной для Россіи крымской войны, выяснившей вредъ, наносимый государству неимѣніемъ быстрыхъ, удобныхъ путей сообщенія, къ нашему правительству стали поступать предложенія заграничныхъ предпринимателей о постройкѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ. Серьёзнаго вниманія заслуживали два предложенія: одно исходило отъ Ротшильдовъ, другое отъ банкировъ, конкурировавшихъ съ ними и въ главѣ которыхъ въ Парижѣ были братья Перейры, въ Петербургѣ баронъ Штиглицъ, въ Амстердамѣ Гопе и Комп., въ Лондонѣ братья Берингъ и Комп. Представителемъ конкурентовъ Ротшильдовъ былъ французскій инженеръ Колиньонъ.

Группа, избравшая себѣ въ уполномоченные Колиньона, заручилась въ Петербургѣ сильной поддержкою со стороны тогдашняго придворнаго банкира, барона Штиглица. Этотъ банкирскій домъ или завѣдовалъ денежными дѣлами большинства лицъ, имѣвшихъ въ то время значеніе въ правительственныхъ сферахъ, Орловыхъ, Меншиковыхъ, Нессельродовъ и друг., или былъ главнымъ ихъ совѣтчикомъ, относительно наиболѣе выгоднаго помѣщенія ихъ капиталовъ. Со времени входа своего въ силу въ правительственныхъ сферахъ, банкирскій домъ Штиглица, какъ при отцѣ-основателѣ этой фирмы, такъ и при преемникѣ, сынѣ, ревниво не допускалъ основанія въ Петербургѣ своего банкирскаго дома Ротшильдами. Всѣ попытки послѣднихъ въ этомъ родѣ не имѣли успѣха, и они должны были довольствоваться здѣсь негласнымъ своимъ представителемъ. Поэтому понятно, что барону Штиглицу необходимо

было, чтобы его группа, по проекту постройки желѣзныхъ дорогъ, одержала верхъ надъ группою Ротшильдовъ, такъ какъ иначе побѣда послѣднихъ повлекла бы за собою естественнымъ образомъ основаніе ими своего банкирскаго дома въ Россіи.

К. В. Чевкинъ, принявшій сторону Колиньона, нашелъ себѣ сильную поддержку въ генералъ-адъютантѣ Я. И. Ростовцовѣ, тогдашнемъ главномъ начальникѣ военноучебныхъ заведеній. Я. И. Ростовцовъ былъ тогда въ большой силѣ и пользовался особымъ расположеніемъ императора Александра Николаевича. Но и у Ротшильдовъ оказались сторонники, и во главѣ ихъ находился тогдашній предсѣдатель департамента экономіи государственнаго совѣта, графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, сестра котораго была замужемъ за государственнымъ канцлеромъ, графомъ Нессельроде. Графъ Гурьевъ не могъ имѣть того непосредственнаго вліянія на выработку проекта устава Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и на испрошеніе предварительнаго высочайшаго соизволенія на главныя основанія соглашенія съ группою банкировъ, какое естественно выпадало К. В. Чевкину, какъ главѣ вѣдомства путей сообщенія, завѣдовавшаго сооруженіемъ рельсовыхъ путей въ Россіи. Но, не смотря на то, графъ Гурьевъ, какъ человѣкъ глубокаго государственнаго ума, какъ человѣкъ независимый и по своему общественному положенію, и по своему образу мыслей, пожелалъ ближе ознакомиться съ обоими предложеніями и потому поочередно неоднократно приглашалъ къ себѣ, какъ Колиньона, такъ и представителя Ротшильдовъ. По словамъ графа Гурьева, предложеніе Ротшильдовъ было основательнѣе предложенія Перейровъ и Штиглица. Ротшильды требовали большей поверстной платы, потому что устраняли временныя сооруженія на дорогахъ и необходимость большаго ремонта и дополнительныхъ работъ въ первые годы открытія движенія по желѣзнымъ дорогамъ. По убѣжденію Ротшильдовъ, акціонеры, обезпеченные гарантіею правительствомъ извѣстнаго процента, должны приготовиться на первые годы не имѣть другой выгоды на свои акціи, кромѣ подобнаго дохода, но затѣмъ уже не должны будутъ изыскивать средства, изъ эксплоатаціонныхъ суммъ, для исправленія недодѣлокъ и замѣны временныхъ сооруженій постоянными. Перейры съ Штиглицемъ предложили поверстную стоимость рельсовыхъ путей дешевле Ротшильдовъ, такъ какъ не имѣли въ виду такой прочности и основательности сооруженія, на необходимости которыхъ настаивалъ ихъ соперникъ, и скорѣе разсчитывали на дополнительныхъ работахъ и на большомъ ремонтѣ имѣть новые источники наживы.

К. В. Чевкинъ, при всемъ своемъ умѣ, былъ мелочникомъ. Для него сбереженія, экономія, стояли постоянно на первомъ планѣ, хотя часто, вслѣдствіе того, государство несло затѣмъ убытки и тратило непроизводительно болѣе или менѣе значительныя суммы. Поэтому

онъ и предпочелъ предложеніе Колиньона, такъ какъ, при меньшей поверстной стоимости желѣзныхъ дорогъ, государственному казначейству менѣе приходилось ежегодно уплачивать по ручательству чистаго дохода на затраченный капиталъ. Въ этомъ отношеніи графъ Гурьевъ былъ прозорливѣе К. В. Чевкина. Нѣтъ сомнѣнія, что Ротшильды, располагая болѣе сильными капиталами, чѣмъ Перейры и дорожа именемъ своей фирмы, привели бы весь свой проектъ постройки дорогъ въ Россіи въ исполненіе, а не отказались бы отъ него, съ ограниченіемъ сооруженія двумя линіями, и то при денежномъ содѣйствіи нашего правительства. Недальновидность К. В. Чевкина много повредила Россіи. Этотъ безупречный, честный, прилежный государственный труженикъ, полагая основаніе постройки желѣзнодорожной сѣти въ Россіи, не предусматривалъ, однако, необходимости приготовленія всѣхъ принадлежностей рельсовыхъ путей на русскихъ заводахъ и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, гнался за мимолетною возможностью полученія ихъ по дешевымъ цѣнамъ за границею. Когда владѣлецъ тогдашняго небольшаго завода подъ Петербургомъ (нынѣ лучшій въ Россіи паровозостроительный Невскій заводъ, собственность русскаго Общества механическихъ и горныхъ заводовъ), В. А. Полетика, явился къ К. В. Чевкину, въ 1858 году, и сталъ ему доказывать необходимость устройства въ Россіи заводовъ для изготовленія паровозовъ, рельсовъ и всякихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, чтобы тѣмъ избавить наше государство отъ задолженности иностранцамъ, то К. В. Чевкинъ, заткнувъ себѣ уши руками, сказалъ ему:

— Уходи, мой милый, уходи, втирай другимъ очки въ глаза, а меня ничѣмъ не убѣдишь.

Точно также не убѣдилъ К. В. Чевкина и графъ Гурьевъ, что не слѣдовало, въ 1856 году, гнаться за дешевизною предложеній Перейровъ и Штиглица. Сбылась и на Главномъ Обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ народная поговорка «дешево да гнило, дорого да мило».

Вышеупомянутый неизвѣстный авторъ, въ дальнѣйшемъ своемъ повѣствованіи о реализаціи капитала Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ, пишетъ: «Все подписали; банкиры разобрали всѣ акціи; странно было, что переписку общества развозятъ курьеры министерства внутреннихъ дѣлъ. Президентомъ общества избрали Левшина, который былъ товарищемъ министра и употреблялъ казенныхъ курьеровъ, потому что у Общества не было денегъ. Нелѣпость, совершенная нелѣпость! Акцій взято на 275.000,000 руб.; одинъ Штиглицъ вмѣстѣ съ Френкелемъ взялъ 225,000 акцій на сумму 18.125,000 руб. [1]). И изъ такого огромнаго капитала не на

[1]) Тутъ ошибка: 225,000 акцій, по 125 руб. каждая, составляютъ 28.125,000 рублей.

что нанять курьеровъ? Да, не на что. Они подписались на акціи, но денегъ не внесли, потому что гарантія 5% не обольщала банкировъ. Какъ же будетъ существовать Общество? Вотъ какъ: подъ правленіе нанятъ домъ Корзинкина, назначили день подписки на акціи, и тогда кареты и коляски запрудили Конногвардейскій бульваръ. Это вице-президентъ Штиглицъ нанялъ 40—50 колясокъ и каретъ, разсадилъ въ нихъ своихъ приказчиковъ и артельщиковъ, и они на его деньги покупали его же акціи; деньги, однѣ и тѣ же, нѣсколько разъ въ день платились за новыя акціи, а вечеромъ Штиглицъ получалъ свои деньги обратно.

«Публика видѣла, что акціи разбираются сильно, и понесла свои деньги. Значитъ, фокусъ удался, и Общество разжилось деньгами. Но этого мало: нужно отъ надувательства получить и выгоду. И получали: продавая большею частію самимъ себѣ свои же акціи, стали кричать, что дѣло идетъ прекрасно, а затѣмъ на акціи, оплаченныя первымъ взносомъ, объявили на биржѣ премію въ 5 р. и т. д. Первый взносъ могъ скоро истощиться, и потому придумали и объявили, что акціи, вполнѣ оплаченныя, имѣютъ премію 10 р. Это былъ грубѣйшій обманъ: для чего мнѣ не купить акцію неоплаченную и въ тотъ же день не сдѣлать полнаго взноса, а покупать оплаченную акцію съ переплатою преміи? Однако, простодушные акціонеры спѣшили оплатить вполнѣ свои акціи, только не получили преміи, ибо не нашлось такихъ дураковъ, которые захотѣли бы платить по 10 р. на акцію за здорово живешь. Отъ полной оплаты акцій Общество добыло денегъ малую толику».

Въ этихъ строкахъ очень много неточностей. Всѣ 600,000 акцій перваго выпуска на 75.000,000 руб. (а не 275.000,000 руб.) были розданы какъ въ Россіи, такъ и за границею. Изъ нихъ наибольшую часть, или 225,000 акцій, взяли на себя банкирскіе дома Штиглицъ и Френкель (послѣдній въ Варшавѣ), 170,000 акцій Беринги (въ Лондонѣ), 70,000 Гопе и К° (въ Амстердамѣ), 10,000 Мендельсонъ и К° (въ Берлинѣ), 25,000 Готтингеръ и К° (въ Парижѣ), а 100,000 акцій остальные парижскіе банкиры и капиталисты. Изъ перваго выпуска акцій только четвертую часть, или 150,000 штукъ, рѣшено было предоставить въ Россіи публичной подпискѣ. Подписка происходила съ 16-го по 23-е апрѣля въ домѣ Корзинкина (нынѣ графини Штенбокъ-Ферморъ, урожденной Яковлевой), на углу Вознесенскаго проспекта и Адмиралтейской площади. Слѣдовательно, если бы кареты и коляски штиглицевскихъ артельщиковъ запрудили мѣстность передъ домомъ Корзинкина, то Адмиралтейскую площадь, а не Конногвардейскій бульваръ, гдѣ дѣйствительно тогда одинъ домъ (подъ № 12) принадлежалъ Корзинкину, но тамъ Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ не помѣщалось. Подписка была очень удачна. Публика потребовала 319,397 акцій, слѣдовательно вдвое болѣе предложеннаго ей количества. Поэтому оказалась необходи-

мою разверстка и сполна получили потребованное число акцій только тѣ лица, которыя подписались не болѣе какъ на сто акцій. Такимъ образомъ акціи попали преимущественно мелкимъ капиталистамъ. Въ числѣ такихъ подписчиковъ былъ и я. Посѣтивъ мѣсто подписки втеченіе недѣли нѣсколько разъ, потому что подписывался для себя и по порученію моихъ знакомыхъ, я видѣлъ въ числѣ подписчиковъ много лицъ, мнѣ извѣстныхъ и которыя не принадлежали къ числу артельщиковъ и приказчиковъ банкирскаго дома Штиглица.

Совѣтъ управленія Главнаго Общества былъ составленъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель тайный совѣтникъ, сенаторъ А. И. Левшинъ; вице-предсѣдатели: дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ А. Л. Штиглицъ и лондонскій банкиръ Ѳома Берингъ; члены совѣта: дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта Л. В. Тенгоборскій, тайный совѣтникъ, сенаторъ Б. К. Данзасъ, свиты его величества, генералъ-маіоръ А. Е. Тимашевъ (бывшій тогда начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ), флигель-адъютантъ графъ В. А. Бобринскій (бывшій потомъ министромъ путей сообщенія), отставной статскій совѣтникъ С. В. Кочубей, отставной маіоръ А. А. Абаза, коммерціи совѣтникъ Д. М. Полежаевъ, членъ коммерческаго совѣта С. И. Гвейеръ и еще восемь лондонскихъ, парижскихъ и амстердамскихъ банкировъ. Эти восемь заграничныхъ членовъ совѣта, вмѣстѣ съ вице-предсѣдателемъ Берингомъ, входили въ составъ особаго комитета въ Парижѣ, попеченію котораго подлежали всѣ дѣла Общества внѣ Россіи.

Составъ лицъ, приглашенныхъ въ совѣтъ въ Россіи, указывалъ на предусмотрительность барона Штиглица заручиться содѣйствіемъ людей наиболѣе вліятельныхъ въ то время, какъ въ разныхъ правительственныхъ и судебныхъ сферахъ, такъ и въ средѣ разныхъ общественныхъ слоевъ. При подпискѣ члены совѣта распредѣлили между собою обязанности, выпадавшія естественно на управленіе Общества. Въ кассѣ имѣлъ главный надзоръ мой хорошій знакомый, Дмитрій Михайловичъ Полежаевъ (онъ скончался 2-го августа 1872 года), тогдашній глава извѣстной богатой хлѣбной фирмы «Братья Полежаевы», донынѣ существующей. Увидавъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Пришли также подписываться на акціи?

— Да, за себя и по порученію нѣкоторыхъ знакомыхъ. По нашему общему мнѣнію, акціи Главнаго Общества могутъ считаться выгодною бумагою. Сверхъ обезпеченнаго дохода въ 5% золотомъ, можно разсчитывать и на дивидендъ сверхъ опредѣленныхъ процентовъ. Кажется, подписка удалась?

— Мы не ожидали подобной подписки со стороны публики. Требованія на акціи превзошли всѣ наши предположенія, — отвѣчалъ Д. М. Полежаевъ.

Эти слова подтвердились не только разверсткою, но и образовавшеюся на акціи преміею. По уставу первый взносъ въ 30%, или 37 р. 50 к. на акцію, совершенъ былъ такимъ образомъ, что при подпискѣ уплачивались 12 р. 50 к., а 25 р. до 1-го іюня 1857 года. Премія эта въ 1857 году составляла 3 р., 3 р. 50 к., 5 р., 5 р. 50 к. въ октябрѣ, 8 р. и 9 р. въ декабрѣ. Въ 1858 году, 19-го марта, вполнѣ оплаченныя акціи уже пользовались преміею въ 10 р., а неоплаченныя 5 р. 75 к.; 17-го апрѣля вполнѣ оплаченныя имѣли уже премію въ 13 р., затѣмъ 14 р., а 29-го апрѣля даже 15 р. (неоплаченныя 5 р. 25 к.). 19-го сентября, вполнѣ оплаченныя имѣли премію въ 14 р. 50 к. и 15 р., неоплаченныя 6 р. и 6 р. 25 к., въ ноябрѣ первыя 13 и 14 р., вторыя 7 р. 75 к. и 8 р., 1-го декабря 13 р., 13 р. 50 к. и 9 р., 30-го декабря 1858 года, вполнѣ оплаченныя 11 р., неоплаченныя 7 р. 50 к. и т. д. Изъ этихъ колебаній видно, что премія на акціи Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ зависѣла отъ спроса и предложенія на биржѣ, или, вѣрнѣе, отъ игры этими бумагами, которыя втеченіе тридцати лѣтъ неоднократно массами переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія, съ измѣненіемъ и самаго состава управленія. На общемъ собраніи въ 1858 году акціонеровъ Главнаго Общества, очень шумномъ, акціонеры требовали, чтобы отъ нихъ взяли какъ можно болѣе денегъ по акціямъ и облигаціямъ (первый выпускъ $4^1/_2$% облигацій первой серіи на 35.000,000 рублей состоялся въ концѣ 1858 года, причемъ первый взносъ по нимъ, по 150 рублей, назначенъ былъ на 1-е февраля 1859 года). Деньги были тогда въ большомъ изобиліи, вслѣдствіе изгнанія вкладовъ изъ банковъ, пониженіемъ платимаго по нимъ процента. Но когда обстоятельства нашего рынка и довѣріе къ самому Главному Обществу измѣнились, то, не смотря на очень выгодныя условія, предложенныя Обществомъ при новомъ выпускѣ въ 1861 году 4% облигацій, операція эта не увѣнчалась успѣхомъ, и означенныя облигаціи могли быть помѣщены всего на сумму 2.359,000 рублей. Вотъ тогда-то и потребовалась денежная помощь со стороны правительства, въ 33.000,000 рублей, для окончанія начатыхъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, отъ Петербурга до Варшавы съ вѣтвью къ прусской границѣ, и отъ Москвы до Нижняго Новгорода, съ освобожденіемъ Общества отъ принятаго имъ на себя обязательства построить рельсовые пути отъ Москвы къ Θеодосіи и изъ Орла или Курска въ Либаву.

Обиліе денегъ, при металлической гарантіи на акціи, а равно и изгнаніе вкладовъ изъ банковъ были причинами, что учредители Главнаго Общества, взявшіе на себя его акціи, продали значительнѣйшую ихъ часть въ Россіи съ преміею отъ 10 до 15 р. Поэтому учредители и не внесли по акціямъ 75.000,000 р. металломъ въ Россію, на что̀ К. В. Чевкинъ[1]) имѣлъ основаніе разсчи-

[1]) К. В. Чевкинъ старался въ уставѣ Главнаго Общества для всѣхъ техни-

тывать, потому что въ 1856 году онъ не могъ знать, а тѣмъ болѣе предвидѣть, наплыва у насъ денегъ, вслѣдствіе банковыхъ реформъ. Въ 1858 году, при подпискѣ въ Москвѣ на акціи московскаго страховаго Общества, а въ Петербургѣ (въ Большой Морской) на акціи петербургскаго страховаго Общества, публика нахлынула такою толпою, собравшеюся еще до восхода солнца къ мѣстамъ подписки, что выломала двери, окна, снесла перила и т. д.

Почему же Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ не окончило всѣхъ рельсовыхъ путей и было спасено только денежною помощью правительства? Авторъ статьи въ «Русской Старинѣ» пишетъ, между прочимъ: «По уставу верховной комитетъ былъ въ Парижѣ и безъ его позволенія нельзя было ничего дѣлать. А этотъ комитетъ всегда враждебно относился къ Россіи, состоялъ изъ Перейра или подобныхъ созданій и не имѣлъ ни одной акціи. Этотъ промахъ отнялъ у Чевкина много лѣтъ жизни...»

«... Гдѣ не было русскихъ инженеровъ, тамъ работы шли нетерпимымъ образомъ. Для примѣра довольно указать, что на нижегородской дорогѣ, гдѣ былъ инженеръ генералъ Помье, каменный береговый устой захотѣлъ купаться; его привязали веревками, однако, онъ дошелъ до половины рѣки и тамъ остался».

Что касается русскихъ инженеровъ, то, при постройкѣ на нижегородской дорогѣ означеннаго развалившагося моста, находился мой знакомый русскій инженеръ, который, однако, впослѣдствіи былъ главнымъ инженеромъ по постройкѣ одной желѣзной дороги. Слѣдовательно не въ русскихъ инженерахъ заключался вопросъ, и отвѣтъ на него даетъ, между прочимъ, г. Бліохъ въ своемъ добросовѣстномъ трудѣ «Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи» [1]). Г. Бліохъ былъ однимъ изъ строителей петербургско-вавшавской желѣзной дороги, почти по всему ея протяженію, и потому ознакомился съ существовавшими тогда порядками. Онъ пишетъ: «Во главѣ учредителей Главнаго Общества стояло парижское Общество движимаго кредита, съ преобладающимъ вліяніемъ Перейровъ; остальные же учредители были только участниками финансоваго синдиката. Вслѣдствіе вліянія Перейровъ, для завѣдованія техническою и административною сторонами дѣла были приглашены французскіе инженеры корпуса Ponts et chaussées (путей сообщенія). Изъ этого корпуса вышли для Франціи многіе замѣчательные желѣзнодорожные инженеры-строители и даже эксплоататоры; но онъ отличается тѣснымъ кругозоромъ, са-

ческихъ терминовъ пріискать соотвѣтственныя русскія названія. Такъ «гарантію» онъ замѣнилъ словомъ «ручательство» и т. д. Онъ не могъ пріискать русское названіе для «эксплоатаціи», обращался за помощью къ разнымъ лицамъ, между прочимъ, чрезъ общаго знакомаго (А. Д. Озерскаго, бывшаго у него прежде адъютантомъ), къ моему отцу; такъ слово «эксплоатація» и вошло у насъ въ общее употребленіе.

[1]) См. т. I, стр. 6 и 7.

моувѣренностью и исключительностью. Явившіеся къ намъ французскіе инженеры приняты были всѣмъ обществомъ съ особымъ почетомъ, который окончательно вскружилъ имъ головы. Кромѣ того, общество наше, столь легко впадающее въ крайности, восторгаясь французскими инженерами, безпощадно относилось къ нашимъ инженерамъ и представляло ихъ, какъ людей не свѣдущихъ и способныхъ только на злоупотребленія, доказательствомъ чего должны были служить результаты постройки и эксплоатаціи Николаевской дороги. Соображенія, что дорога эта строилась первою, при замкнутости государства отъ иностранныхъ опытовъ, при отсутствіи достаточныхъ средствъ техническаго образованія и при строго фискальномъ, существовавшемъ тогда, управленіи, вовсе не принимались въ разсчетъ. Французскіе инженеры, незнакомые съ характеристическою чертою русскаго общества того времени—порицать все свое, тѣмъ охотнѣе вѣрили такимъ отзывамъ, что этимъ доставлялась возможность оправдать устраненіе мѣстныхъ элементовъ и предоставлять большую часть занятій навязываемымъ имъ Перейрами ихъ соотечественникамъ, оставшимся безъ мѣстъ послѣ окончанія дорогъ, строившихся подъ покровительствомъ Общества движимаго кредита (Crédit mobilier). Но выборъ таковыхъ былъ почти всегда самымъ неудачнымъ; большая часть приглашенныхъ лицъ были люди необразованные, въ рѣдкихъ случаяхъ технически подготовленные, но, тѣмъ не менѣе, самоувѣренные и подражающіе направленію французскихъ инженеровъ путей сообщенія.

«При такихъ условіяхъ между французскими инженерами и инженерами министерства путей сообщенія, собственно устраненными отъ вліянія на дѣло, не замедлилъ обнаружиться полный антагонизмъ, перешедшій вскорѣ и на самое министерство, которое ко всѣмъ дѣйствіямъ руководителей Главнаго Общества начало относиться самымъ враждебнымъ образомъ. Такія отношенія между французскими инженерами съ одной стороны и русскими инженерами съ министерствомъ путей сообщенія съ другой—страшно вредили самому дѣлу. Антагонизмъ этотъ стоилъ Россіи лишніе десятки милліоновъ рублей и задержалъ развитіе у насъ сѣти желѣзныхъ дорогъ на многіе годы.

«Представляемые французскими инженерами планы подвергались строгой критикѣ и излишнимъ требованіямъ, не были утверждаемы и возвращались постоянно для исправленій. Въ нихъ дѣлались также измѣненія, иногда лишнія, но чаще дѣйствительно необходимыя, потому что французскіе инженеры вообще мало принимали въ соображеніе условія климата и требованія, возникающія изъ привычекъ народа и характера мѣстности. Безъ плановъ же, не имѣя притомъ увѣренности въ утвержденіи ихъ, не рѣшались производить работы. Между тѣмъ, раньше уже были заключены контракты и условія на работы, и невозможность приступить къ нимъ вызывала претензіи со стороны строителей и вообще мѣ-

шала правильному веденію дѣла. Принятая система отдачи работъ, безъ заранѣе приготовленныхъ плановъ, не дозволяла вовсе впередъ опредѣлять стоимости работъ, и таковыя сдавались по единичнымъ цѣнамъ. Вслѣдствіе этого, подрядчики и строители старались работы, цѣны на которыя были выгодными, производить въ наибольшихъ размѣрахъ; убыточныя же для нихъ работы замѣнить другими и преимущественно такими, которыя не были предвидѣны въ первоначальной разцѣнкѣ единичныхъ цѣнъ».

Но еще до разгара подобнаго столкновенія русскихъ инженеровъ и министерства путей сообщенія съ французами, уже на общемъ собраніи акціонеровъ Главнаго Общества въ 1858 году возникло столкновеніе между сильною ихъ группою и совѣтомъ управленія. Во главѣ этой группы акціонеровъ оказался Андрей Ивановичъ Кронъ, продавшій свой пивоваренный заводъ г. Голенищеву (управлявшему петербургскимъ откупомъ и нажившимъ милліоны; нынѣ это предпріятіе принадлежитъ акціонерному обществу Калашниковскаго завода) и владѣвшій значительнымъ числомъ акцій Главнаго Общества. Кронъ уже тогда предсказывалъ паденіе Главнаго Общества, если порядки въ немъ не будутъ измѣнены кореннымъ образомъ. А. И. Кронъ принесъ въ редакцію «Сѣверной Пчелы» статью по поводу дѣлъ Главнаго Общества, которую я помѣстилъ въ № 143 (2-го іюля 1858 г.). Въ ней онъ, между прочимъ, писалъ, что «совѣтъ Главнаго Общества обязанъ по совѣсти и закону наблюдать исключительно за выгодами акціонеровъ». Эта статья вызвала сильную бурю среди вліятельныхъ членовъ тогдашняго совѣта управленія Главнаго Общества. Н. И. Гречъ былъ потребованъ въ Третье Отдѣленіе собственной императорскаго величества канцеляріи, гдѣ А. Е. Тимашевъ сдѣлалъ ему сильное внушеніе по поводу статьи А. И. Крона и объявилъ, что будутъ приняты особыя мѣры противъ газеты, въ случаѣ появленія подобныхъ статей.

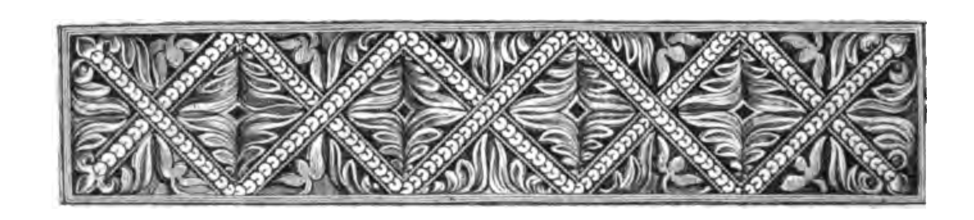
— Пожалуйста, не принимайте болѣе никакихъ статей о Главномъ Обществѣ,—сказалъ мнѣ Н. И. Гречъ по возвращеніи изъ Третьяго Отдѣленія.—Я ничего не понимаю ни въ желѣзнодорожныхъ, ни въ экономическихъ вопросахъ, а выслушивать нравоученія въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ мнѣ не подъ силу.

— Но въ статьѣ нѣтъ ничего противо-цензурнаго или противоправительственнаго,—отвѣчалъ я.—Публика интересуется теперь такими статьями.

— Что мнѣ публика или читатели, когда мнѣ наверху говорятъ непріятности.

А. Е. Тимашевъ недолго послѣ того остался членомъ совѣта Главнаго Общества. Онъ вышелъ изъ его состава, убѣдившись въ невозможности для него засѣдать долѣе въ этомъ управленіи.

Пав. Усовъ.



ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О РОССІИ.

III.

Лордъ Блумфельдъ въ гостяхъ у Александра I[1]).

Въ НАЧАЛѢ іюля 1825 года, лордъ Блумфельдъ, британскій генералъ и посолъ при шведскомъ дворѣ Бернодота, пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ посмотрѣть на Россію. Первое впечатлѣніе получилось очень невыгодное: русскій народъ показался лорду самой неряшливой націей въ мірѣ, а «Hotel de Londres», гдѣ онъ остановился, грязнымъ и пропахшимъ насквозь кухонными ароматами. Проводникомъ его по Петербургу въ эти дни и истолкователемъ Россіи былъ французскій посолъ, графъ Ферроне, обладавшій, вѣроятно, немалымъ юморомъ, ибо, показывая лорду Казанскій соборъ, онъ объяснилъ, что во время присутствія императора на богослуженіи, русскій церемоніалъ требуетъ отъ входящихъ въ храмъ три поклона царю, два Богу и одинъ дипломатическому корпусу. Императорская фамилія находилась внѣ города, и лорду пришлось провести цѣлую недѣлю въ нашей столицѣ въ званіи лишь знатнаго иностранца. Съ большимъ трудомъ онъ добился позволенія осмотрѣть Зимній дворецъ, гдѣ его водили по заламъ придворные лакеи, по описанію лорда,

---

[1]) Изъ «Memoir of Benjamin Lord Bloomfield», 2 т., London, 1884. Въ нихъ разсказывается одна изъ многихъ исторій русской чрезмѣрной любезности къ иностранцу,—исторій, несомнѣнно лишившихъ Европу значительной дозы уваженія и страха къ Россіи.

грязные и пьяные. Во дворцѣ ему представился мистеръ Дауесъ въ качествѣ англійскаго художника, выписаннаго для портретной галлереи русскихъ генераловъ. Осмотрѣвъ затѣмъ Таврическій дворецъ, поразившій его великолѣпіемъ, госпиталь и пр., 8-го іюля лордъ на обѣдѣ у Ферроне встрѣтился съ графомъ Нессельроде, котораго онъ называетъ первымъ министромъ, передавшимъ лорду, что императоръ очень желаетъ видѣть его, и много другихъ любезностей. «Я съ большимъ сожалѣніемъ разстался съ этимъ удивительно пріятнымъ человѣкомъ»,—замѣчаетъ лордъ Блумфельдъ о графѣ Нессельроде. 11-го іюля, лордъ пріѣхалъ въ Царское Село, гдѣ ему были отведены комнаты рядомъ съ помѣщеніемъ придворнаго доктора Виллье, уже успѣвшаго познакомиться и подружиться съ Блумфельдомъ. Полюбовавшись паркомъ и его павильонами и покачавъ головой на дурной видъ царскихъ выѣздныхъ коней, лордъ встрѣтилъ и тутъ компатріота въ видѣ англичанки, завѣдующей придворной молочной. Возвратившись на нѣсколько дней въ Петербургъ, лордъ опять занялся осмотромъ разразныхъ примѣчательностей столицы, и особенно интересными ему показались императорскія конюшни, где завѣдующій ими князь Долгорукій пояснилъ лорду, что служба при дворѣ требуетъ ежедневно не менѣе 140 экипажей. Въ воспитательномъ домѣ британскаго посла опять поразилъ дурной типъ русскаго народа. Наконецъ, 18-го числа, лордъ приходитъ въ соприкосновеніе съ императорской фамиліей, будучи приглашенъ въ этотъ день великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, написавшимъ лорду собственноручное письмо, въ которомъ онъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ о своемъ времепребываніи въ Англіи.

Великіе князья и самъ императоръ Александръ знали лорда давно, и потому въ дворцѣ Михаила Павловича его встрѣтили самымъ радушнымъ образомъ. Было еще половина восьмаго утра, но войска встали въ пять, и великіе князья сидѣли уже на коняхъ. Увидавъ Блумфельда, великій князь Михаилъ тотчасъ подскочилъ къ нему, поздоровался съ нимъ «какъ съ равнымъ» и послалъ адъютанту сказать о пріѣздѣ лорда великому князю Николаю. Николай Павловичъ прибылъ галопомъ, соскочилъ съ лошади, обнялъ и расцѣловалъ Блумфельда. «Ничто не могло сравниться съ любезностью ихъ высочествъ»,—заключаетъ объ этой встрѣчѣ лордъ въ своихъ мемуарахъ. Тотчасъ подали коней Блумфельду и его сыну, и начались манёвры. Присутствовало 35,000 войска; ихъ строй и движеніе привели англичанина въ восторгъ. Начальникъ артиллеріи, узнавъ, что лордъ артиллерійскій генералъ, устроилъ на одномъ изъ фланговъ особое для лорда ученіе войскъ и былъ крайне польщенъ похвалой англичанина. Въ четыре часа, лордъ отобѣдалъ у великихъ князей, полюбовался на ихъ англійскихъ лошадей и въ семь распростился, обѣщавъ Николаю Павловичу на

другой день посѣтить его лагерь. 19-го іюля, лордъ прибылъ къ палаткѣ великаго князя къ часу обѣда. Тутъ игралъ военный оркестръ какую-то пьесу, но, завидя подъѣзжающаго лорда, оркестръ тотчасъ началъ исполнять народный англійскій гимнъ «God save the king», и оба великіе князья вышли къ лорду навстрѣчу, по-вчерашнему обнявъ и расцѣловавъ его. За обѣдомъ Блумфельда посадили «во главѣ стола», а великіе князья сѣли по бокамъ: Николай Павловичъ по правую, великій князь Михаилъ по лѣвую, и были во все время, какъ замѣчаетъ лордъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «болѣе чѣмъ любезны». 24-го іюля, лорда пригласили въ Царское Село на крестины новорожденнаго великаго князя Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II. Изготовивъ свой туалетъ въ отведенномъ имъ апартаментѣ Китайской Деревни, лордъ и сынъ его отправились въ придворныхъ экипажахъ во дворецъ. Тамъ дежурные камергеры провели ихъ впередъ черезъ нѣсколько залъ, наполненныхъ чинами, блестящими золотымъ шитьемъ мундировъ. За нѣсколько минутъ до десяти часовъ утра присутствующихъ позвали въ церковь, гдѣ англичанъ помѣстили у алтаря, противъ императорскаго мѣста. Присутствовала масса духовенства и придворныхъ, императоръ, вдовствующая императрица, великія княгини Саксенъ-Веймарская и Оранская, великіе князья Михаилъ съ супругой, Саксенъ-Веймарскій съ двумя сестрами, принцъ Оранскій и герцогъ Виртембергскій. Крестными отцами были императоръ и король прусскій, матерью—вдовствующая императрица. Новорожденнаго внесла въ церковь такая «ужасно» старая княгиня Волконская, что лордъ дрожалъ отъ страха, какъ бы она не выронила изъ рукъ младенца. Церемонія продолжалась около двухъ съ половиной часовъ; новорожденный при опусканіи въ купель кричалъ столь усердно, что лордъ записалъ въ мемуары: «How it cried!» поставивъ восклицательный знакъ. Въ серединѣ службы императоръ, подозвавъ великаго князя Николая Павловича, поздравилъ его и поцѣловалъ. То же сдѣлала вдовствующая императрица, а въ концѣ службы императоръ возложилъ на новорожденнаго ленту и звѣзду. Позавтракавъ въ Китайской Деревнѣ, въ тотъ же день, въ два часа лордъ явился къ государю на аудіенцію. Его тотчасъ провели въ присутствіе императора, который пошелъ навстрѣчу лорда, пожалъ ему обѣ руки и сказалъ: «Вы здѣсь не чужой; мы всѣ знаемъ васъ, и вы вправѣ требовать отъ насъ полную признательность за ваше постоянное къ намъ вниманіе, когда мы были въ Англіи,—время, которое я никогда не забуду!» Затѣмъ, государь, постоянно говоря о себѣ въ первомъ лицѣ множественнаго числа, вспоминалъ дни, проведенные имъ въ Англіи, и въ особенности одинъ случай съ лордомъ. «Помните ли вы,—спросилъ государь,—когда мы были въ Вульвичѣ, во время обѣда вы помѣнялись мундирами съ однимъ изъ вашихъ товари-

щей-офицеровъ?» Блумфельдъ поясняетъ этотъ случай: въ день упомянутаго обѣда его произвели въ генералы и, не имѣя генеральскаго мундира, онъ занялъ таковой у товарища и тотчасъ переодѣлся въ него. Далѣе императоръ говорилъ о великой его симпатіи къ британскому королю, который столь любезно принималъ его и великихъ князей, и, снова пожимая руки лорда, пригласилъ: «Вы должны пріѣхать на наши манёвры, вамъ будетъ интересно ихъ видѣть!» Распростившись съ императоромъ, лордъ представился супругѣ Александра I и затѣмъ вдовствующей императрицѣ. Отъ любезности обѣихъ лордъ пришелъ въ восторгъ. Государыня показалась ему крайне болѣзненной; она сама жаловалась лорду на дурное состояніе своего здоровья, выражая сожалѣніе, что, разъ увидѣвъ Блумфельда въ ея саду, она не могла тогда же повидаться съ нимъ. Вдовствующая императрица съ интересомъ разспрашивала лорда о видѣнныхъ имъ учрежденіяхъ императрицы Маріи и очень горевала, что ей не удалось ни разу побывать въ Англіи. Послѣ этихъ трехъ аудіенцій лорда и сына отвели въ пріемную залу, въ которой было уже много публики. Она стояла двумя шеренгами—дамы съ одной стороны, мужчины съ другой. Въ числѣ первыхъ была царица грузинская, которую Блумфельдъ называетъ королевой Грузіи. Въ половинѣ четвертаго, вошли въ залу ихъ величества. Императрица подошла къ сторонѣ кавалеровъ, а государь къ шеренгѣ дамъ, обращаясь ко многимъ съ ласковымъ словомъ и комплиментомъ. «Я никогда не видѣлъ такихъ богатыхъ бриллiантовъ и такого обилія ихъ, какъ на русской императорской фамиліи», — замѣчаетъ Блумфеледъ. Подали сигналъ къ обѣду; великій князь Михаилъ повелъ впереди всѣхъ духовенство. Участвовало за обѣдомъ болѣе пятисотъ, но порядокъ былъ столь же удивителенъ, какъ и окружающая роскошь. Кушанья подавались на золотыхъ блюдахъ, и англичане были посажены противъ императора. Лордъ хвалитъ все—обѣдъ, обстановку, вина и оркестръ, находя лишь прислугу и пажей одѣтыми нечисто и слишкомъ бѣдно. Выпивъ много тостовъ за здоровье императорской фамиліи, въ шесть часовъ кончили обѣдъ и стали подавать кофе. Тутъ графъ Несельроде подошелъ къ англичанамъ и объявилъ, что государь уже далъ приказъ, чтобъ приготовить все для удобства лорда и его сына. Черезъ нѣсколько минутъ съ такой же вѣстью обратился къ Блумфельду князь Долгорукій и, показывая бумагу, сказалъ: «Вотъ приказъ доставить вамъ завтра три лошади». На другой день, позавтракавъ въ половинѣ четвертаго утра, Блумфельдъ съ генераломъ Дорнбёргомъ, датскимъ посломъ, отправились ко дворцу. Въ 6 часовъ, вся свита сидѣла уже на коняхъ и ждала выхода императора. Минуты черезъ двѣ Александръ I появился на крыльцѣ, тотчасъ сѣлъ въ сѣдло и, замѣтивъ лорда, пригласилъ его ѣхать рядомъ, крѣпко пожалъ ему руку и спрашивалъ, нравится

ли ему его лошадь. На манёврахъ императоръ опять съ великой добротой предложилъ лорду мѣсто возлѣ себя, говоря, что здѣсь ему будетъ гораздо легче видѣть всѣ движенія войскъ. Манёврами 12 тысячъ пѣхоты руководилъ великій князь Николай Павловичъ, и Блумфельдъ не находилъ словъ для похвалы войскамъ. Въ девять часовъ, сталъ накрапывать дождь, и скоро всѣ промокли до ниточки. Императоръ, прощаясь, сказалъ по этому поводу: «Господа, это не въ первый разъ мы мокры, надѣюсь, и не въ послѣдній!» На слѣдующій день, 26-го іюля, лордъ былъ приглашенъ на смотръ кавалеріи. Императоръ и въ этотъ разъ постоянно ставилъ Блумфельда возлѣ себя, почти не прекращая разговора съ нимъ. Англичанинъ опять повторяетъ по этому случаю: «Ничто не могло бы превзойдти доброту императорской фамиліи или любезность и вниманіе ихъ свиты», а про царя говоритъ: «Онъ знаетъ превосходно всѣ детали военной службы и малѣйшая неакуратность въ движеніи не ускользаетъ отъ его вниманія. Спокойствіе же его удивительно». Послѣ ученья кавалеріи было сдѣлано пять примѣрныхъ взрывовъ, и затѣмъ государь, прощаясь съ Блумфельдомъ, сказалъ: «Au revoir, jeudi, à cinq heures!» (До свиданія, въ четвергъ, въ 5 часовъ!).

Манёвры, однако, были отложены по случаю дождливой погоды и состоялись лишь 29-го іюля, причемъ присутствовали и императрица съ великими княгинями. Ученье продолжалось безъ перерывовъ до двухъ часовъ, и гостей подчивали холодной говядиной съ шампанскимъ. Прощаясь, императоръ пригласилъ лорда на праздникъ въ Петергофъ.

31-го іюля, лордъ обѣдалъ у вдовствующей императрицы въ Павловскомъ дворцѣ. Въ четверть третьяго, гости собрались въ салонѣ, гдѣ императрица, выйдя и сказавъ нѣсколько словъ дамамъ, тотчасъ обратилась къ Блумфельду; обѣдало около ста душъ, и все время императрица разговаривала съ лордомъ. «Она оказывала мнѣ всѣ способы вниманія», — пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ. Между прочимъ, Марія Ѳеодоровна сожалѣла, что не можетъ показать лорду свой дворецъ, ибо онъ полонъ теперь гостями, совѣтовала ему полюбоваться на ея библіотеку и предложила послѣ обѣда вмѣстѣ проѣхаться по парку, если погода прояснится. Блумфельдъ выражаетъ удивленіе, какъ прекрасно сохранилась свѣжесть на лицѣ и въ фигурѣ императрицы, и разсказываетъ, что Марія Ѳедоровна носила на себѣ множество брилліантовъ и жемчуга; на груди у нея былъ жемчугъ величиной въ маленькое яйцо. Обѣдъ продолжался около полутора часовъ, послѣ чего императрица отвела гостей опять въ салонъ, посидѣла нѣсколько минутъ, еще разъ обратилась къ лорду съ любезностями и раскланялась. Камергеры тотчасъ объявили гостямъ, что наступилъ часъ отдыха, и собраться въ салонъ слѣдуетъ снова въ половинѣ восьмаго. Ка-

ждому гостю были отведены комнаты. Лордъ отправился въ библіотеку. Въ ней онъ увидѣлъ до 40,000 томовъ и въ томъ числѣ художественный и богато переплетенный альбомъ внутреннихъ видовъ британскихъ дворцовъ, присланный императрицѣ въ подарокъ отъ англійскаго короля. «Я сомнѣваюсь,—замѣчаетъ по этому поводу лордъ, — въ благоразуміи посылать сюда виды дворцовъ, въ особенности англійскихъ. Здѣсь всѣ дворцы устроены на столько широко и прекрасно, что мы передъ этой широтой и красотой навѣрно кажемся пигмеями». Вечеромъ собралось опять много гостей. Къ Блумфельду подошла великая княгиня Марія Павловна и съ необыкновенной простотой сама пригласила его быть ея кавалеромъ на полонезъ. Послѣ этого подошла къ лорду и принцесса Оранская и великая княгиня Елена Павловна, которая особенно понравилась лорду. Онъ разсказываетъ, что эта великая княгиня получила образованіе у королевы виртембергской, что она была очень умна и говорила поанглійски превосходно. Послѣ танцевъ Блумфельда пригласили играть въ вистъ съ императрицей. Онъ пошелъ на игру съ великимъ страхомъ, ибо не захватилъ съ собой денегъ, а никто не говорилъ, почемъ идетъ игра. Проигралъ, занялъ у знакомаго деньги и счастливо расплатился. Въ 11 часовъ, подали ужинъ на отдѣльныхъ маленькихъ столахъ: императрица посадила Блумфельда возлѣ себя и сказала ему, что она уже отдала приказъ, чтобъ высшія власти Смольнаго института показали лорду это учрежденіе во всѣхъ его подробностяхъ. «Словомъ, — заключаетъ Блумфельдъ, побывавшій при многихъ дворахъ, — я никогда не испытывалъ болѣе лестнаго вниманія ко мнѣ, чѣмъ въ Россіи». Втораго августа, императрица прислала изъ Павловска своего личнаго секретаря въ качествѣ проводника по Смольному институту. Хотя настали уже каникулы, но были собраны нарочно всѣ служащіе и учащіеся. Въ числѣ послѣднихъ,—разсказываетъ лордъ,— была очень хорошенькая дѣвочка, одѣтая въ платье другаго цвѣта, чѣмъ прочія воспитанницы. На вопросъ Блумфельда директрисса объяснила, что эта дѣвочка подброшена ко дворцу императрицы въ день годовщины Парижскаго мира, и потому ей дана странная фамилія «Парижъ». Въ младшихъ классахъ на доскахъ висѣли карты Англіи, и послѣ маленькаго экзамена лордъ былъ изумленъ, какъ прекрасно русскія дѣти знаютъ всѣ города, горы, рѣки и каналы Британскихъ острововъ, а въ старшихъ классахъ—знаніемъ дѣвицъ въ подробностяхъ англійской литературы.

3-го августа [1]), состоялся въ Петергофѣ обычный народный и придворный праздникъ. Въ самомъ дворцѣ отвели прекрасные

---

[1]) Блумфельдъ какъ англичанинъ ведетъ счетъ времени, конечно, по новому стилю. Такимъ образомъ его запись отъ 3-го августа по русскому времясчисленію надо перевести на 22-е іюля.

апартаменты для дипломатическаго корпуса, въ томъ числѣ и для Блумфельда съ компаніей. Оберъ-церемоніймейстеръ заявилъ, что на балъ слѣдуетъ собираться въ семь часовъ безъ четверти. Въ семь кончился балъ, а полонезъ продолжался до десяти часовъ. Послѣ чего императорская фамилія и гости отправились на прогулку по парку, гдѣ толпилось болѣе 50 тысячъ народа и нѣсколько тысячъ экипажей. Лордъ Блумфельдъ былъ пораженъ роскошной иллюминаціей и, главное, удивительнымъ спокойствіемъ и порядкомъ въ толпѣ. Во время бала императоръ оставилъ своего собесѣдника, чтобъ подойдти къ Блумфельду и пожать ему руку; императрица подозвала его и разспрашивала о впечатлѣніи, произведенномъ осмотромъ Смольнаго института. Великій князь Николай Павловичъ, подойдя къ лорду, сказалъ: «Ну, мой англійскій другъ, довольны ли вы? Однако, вы еще не представлены моей женѣ. Приходите къ намъ въ Зимній дворецъ запросто, во фракѣ. У меня хорошая жена!» и прочіе комплименты. Великій князь Михаилъ Павловичъ, поймавъ лорда за плечо среди толпы, шепнулъ ему: «Въ какой день вы можете прійдти пообѣдать ко мнѣ? Приходите во фракѣ, безъ церемоніи!» Блумфельдъ извинился желаніемъ ѣхать надняхъ въ Москву. «Ну,—отвѣтилъ великій князь,— когда вернетесь, то не забудьте, что обѣщали быть у меня»! Лордъ придаетъ особенное значеніе просьбѣ быть во фракѣ, ибо въ Россіи строжайше принято, какъ онъ говоритъ, чтобъ военные люди въ присутствіи высочайшихъ особъ были одѣты въ полную парадную форму. На другой день послѣ праздника, Блумфельдъ бесѣдовалъ съ придворными, которые разсказывали слѣдующія интересныя подробности. Во дворцѣ за императорскимъ столомъ было 25 приборовъ, за придворнымъ—150, столько же за дипломатическимъ, за генеральскимъ — 200 и, кромѣ того, 61 столъ съ 10, 12 приборами. Въ паркѣ кормили 30 т. народа, и пропала только одна чайная ложечка и—что̀ всего замѣчательнѣе—ни одинъ изъ цвѣтовъ не былъ ни поломанъ, ни сорванъ.

6-го августа, Блумфельдъ отправился въ довольно длинное путешествіе по Россіи, осмотрѣлъ Новгородъ, Москву, Нижній, Ярославль и Казань и проч. Вездѣ его сопровождали курьеры и фельдъегеря и вездѣ встрѣчали, угощали и сопровождали мѣстныя власти. За то подъ самой Москвой англичанинъ натолкнулся на настоящую русскую сцену. Только-что экипажъ лорда свернулъ на боковое шоссе, какъ подлетѣлъ верховой казакъ, заграждая путь. Ямщикъ не могъ сразу осадить тяжелый дилижансъ, въ который было запряжено девять лошадей, и казака чуть-чуть не замяли. Пока шелъ крикъ да шумъ, подъѣхалъ вице-губернаторъ и тотчасъ безъ церемоніи распорядился снять ямщика съ козелъ и отдуть его. Когда объяснилось, какая важная персона ѣдетъ въ экипажѣ, вице-губернаторъ ужасно извинялся, велѣлъ казакамъ про-

вожать лорда и т. д. Пострадалъ только одинъ деньщикъ, которому лордъ въ первомъ же кабакѣ поднесъ здоровую порцію водки.

30-го августа, Блумфельдъ возвратился въ Петербургъ. Какъ только великій князь Михаилъ Павловичъ услышалъ о томъ, тотчасъ пригласилъ его обѣдать. Великій князь жилъ тогда въ скромномъ домикѣ у самой крѣпости съ маленькими комнатами, хотя его большой дворецъ былъ уже готовъ. По этому поводу онъ сказалъ присутствующимъ: «Милые мои друзья, что я сталъ бы дѣлать въ томъ огромномъ дворцѣ, я, такъ хорошо чувствующій себя здѣсь!» 1-го сентября, Блумфелъдъ еще разъ обѣдалъ у великаго князя. «Когда я прощался съ нимъ,—пишетъ Блумфельдъ,—никто изъ членовъ моего собственнаго семейства не могъ бы выразить при такомъ случаѣ столько чувства любви, какъ его высочество».

4-го сентября, Блумфельдъ выѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Швецію.

Познакомившись въ этомъ коротенькомъ пересказѣ съ исторіей пребыванія маленькаго и малоизвѣстнаго англійскаго государственнаго дѣятеля въ Россіи и припоминая, что подобныя исторіи повторялись съ разными чужеземцами на Руси сотни разъ, становится неудивительнымъ, что нѣмецъ, французъ и англичанинъ считаютъ себя высшими существами по отношенію къ русскому человѣку и привыкли думать, что Россія обречена самой судьбой на угодливость и службу Европѣ...

IV.

Къ исторіи Крымской войны.

Въ только-что вышедшей въ свѣтъ третьей части мемуаровъ Гревиля [1]) есть много интересныхъ и новыхъ подробностей того хаоса политики, который привелъ Англію и Францію едва ли не къ

---

[1]) Напоминаемъ о личности составителя этихъ мемуаровъ. Карлъ Гревиль, аристократъ по матери, урожденной Бентикъ, служилъ 42 года главнымъ секретаремъ королевскаго совѣта—Privy-Council,—былъ другомъ и пріятелемъ всѣхъ выдающихся политическихъ дѣятелей этого долгаго періода времени въ Англіи и Франціи, имѣлъ постоянныя сношенія со всѣми промелькнувшими передъ его глазами кабинетами, участвовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ совѣта королевы, былъ лично знакомъ съ Наполеономъ III, Викторомъ Эмануиломъ и Кавуромъ и т. д. Все, что ему случалось видѣть, слышать и наблюдать, онъ тщательно заносилъ въ свой дневникъ, который изданъ нынѣ полностью, составивъ шесть обширныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ описаніе почти полустолѣтія—отъ 1818 по 1860 годъ. Историческая критика единогласно признаетъ за этими мемуарами достоинство абсолютнаго беспристрастія и достовѣрности изложенныхъ въ нихъ фактовъ. А. М.

самой глупѣйшей войнѣ изъ видѣнныхъ міромъ. Прочитывая теперь записки правдиваго хроникера,—записки въ видѣ дневника, въ который занесены лишь факты безъ тѣни желанія дать имъ какую либо окраску, страшно становится за человѣка и людей. За человѣка, потому что дѣятели столь недавняго отъ насъ времени распоряжались судьбами народовъ по самымъ низкимъ и недостойнымъ побужденіямъ эгоизма; за людей, ибо ихъ участью, здоровьемъ и жизнью какъ безчувственной пѣшкой, играли вожаки политики, украшавшіе себя титулами избранниковъ народа. Если исторія, какъ наука, разсказываетъ о прогрессѣ, то мемуары, повѣствующіе о деталяхъ политики, служатъ часто лишь подтвержденіемъ, что грязь въ человѣческихъ сердцахъ переживаетъ тысячелѣтіе. Въ этомъ отношеніи мемуарамъ Гревиля за время крымской кампаніи можетъ быть нужно отдать лавры первенства...

Самъ русскій царь отправился въ Лондонъ за десять лѣтъ до Крымской войны, чтобъ честно договориться съ Англіей о своей политикѣ на Востокѣ. Съ откровенностью представителя великой и мощной націи онъ спорилъ и доказывалъ справедливость своего убѣжденія британскимъ министрамъ и отчасти достигъ желаннаго результата. Робертъ Пиль, бывшій тогда премьеромъ, лордъ Абердинъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, и герцогъ Веллингтонъ со стороны Англіи, а русскій царь отъ своего имени, подписали меморандумъ, по которому Англія обѣщала свое содѣйствіе законному требованію Россіи о предоставленіи ей протектората надъ православными подданными Порты и Святыми мѣстами. Меморандумъ долженъ былъ содержаться въ строгомъ секретѣ; о немъ знали только королева и подписавшіе его; министръ иностранныхъ дѣлъ обязанъ былъ также подъ секретомъ передавать содержаніе договора лишь своему преемнику. И дѣйствительно, въ Англіи, безчестно измѣнившей этому соглашенію, меморандумъ сохранялся въ такой глубокой тайнѣ, что о существованіи и содержаніи его публика узнала лишь недавно изъ мемуаровъ лорда Мальмсбюри.

Русскій царь, посылая Меньшикова въ Порту, дѣйствовалъ такимъ образомъ вполнѣ законно и имѣлъ полное основаніе разсчитывать даже на помощь Англіи, на сколько можно назвать основаніемъ всякую вѣру въ соглашеніе съ европейской державой. Игнорировать Францію было договорено также въ одномъ изъ пунктовъ меморандума. Но въ Англіи у царя были личные враги—Пальмерстонъ и Стредфордъ. Министръ Граамъ въ январѣ 1854 года передаетъ Гревилю, что Пальмерстонъ не хочетъ слышать о какихъ либо переговорахъ и соглашеніяхъ, что онъ удовлетворится лишь тогда, когда русскій царь «будетъ униженъ» (nothing would satisfy him but to humiliate the Emperor, 124). Стредфордъ въ свою очередь высказался еще яснѣе. Лордъ Басъ (Bath) былъ проѣздомъ въ Константинополѣ и, зайдя къ Стредфорду, сказалъ ему: «я видѣлъ,

какъ союзный флотъ проплылъ черезъ Дарданеллы».—«А,—отвѣтилъ британскій посолъ,—вы сообщаете мнѣ очень добрую вѣсть, ибо теперь война неизбѣжна. Русскій императоръ захотѣлъ ссориться лично со мной, и вотъ я отмщенъ!» [1]) Хороши были и прочія дѣйствующія лица. Русскій посолъ при сентъ-джемскомъ дворѣ, покойный Брунновъ, обрившій русскаго протоіерея лондонской русской церкви [2]), уже послѣ отозванія Киселева изъ Парижа, присутствуетъ съ принцессой Лейхтенбергской, на пріемѣ королевы, весело улыбается и хранитъ глубокую увѣренность, что миръ съ Англіей обезпеченъ. Когда же до него собственной силой пробиваются слухи о ненадежности мира, то, по словамъ Гревиля, «Бруновъ впадаетъ въ смертельную агонію, ужасаясь болѣе всего въ перспективѣ необходимости покинуть Англію». Наконецъ, въ послѣдніе дни кризиса, когда энергическія дѣйствія посла могли бы весьма вѣроятно отдалить, если не совсѣмъ устранить катастрофу, русскій представитель играетъ жалкую роль обманутаго и одураченнаго. 25 января 1854 года, Бруновъ обратился къ кабинету съ требованіемъ объясненій, имѣя, однако, въ рукахъ копію приказа британскому адмиралу вступить въ Черное море. Между тѣмъ Сеймуръ, англійскій посолъ при русскомъ дворѣ, телеграфировалъ министру: «Ради Бога, не давайте отвѣта Брунову, по крайней мѣрѣ, три дня». Лордъ Кларендонъ такъ и сдѣлалъ: сказалъ Брунову, что въ настоящую минуту никакихъ объясненій дать не можетъ и проситъ обождать. Бруновъ любезно откланялся и сталъ спокойно ждать. Прошло не три, а семь дней, прежде чѣмъ онъ удостоился получить объясненія, что Англія готова къ разрыву...

Наши друзья на западной границѣ были, какъ извѣстно, нашими подпольными врагами, какими они въ сущности остаются и по сіе

---

[1]) Джонъ Брайтъ на засѣданіи общества мира 10 (22) февраля 1887 года въ обширной и прекрасной рѣчи приводитъ нѣкоторыя свои воспоминанія объ эпохѣ крымской войны, дополняя разсказъ Гревиля. «Лордъ Абердинъ былъ первымъ министромъ,—передаетъ Брайтъ;—онъ говорилъ мнѣ, повторяя безконечное число разъ, что у Англіи нѣтъ никакихъ поводовъ къ войнѣ съ Россіей. Правда, онъ жаловался, что Россія черезчуръ спѣшитъ въ своей политикѣ, но снова тутъ же увѣрилъ, что поводовъ къ войнѣ нѣтъ, что война съ Россіей была бы несправедлива... И точно войны бы не было, если бъ наше правительство не вело себя глупо и неправо до-скандалезности. Оно послало въ Константинополь лорда Стредфорда Ретклифа, лично и до глубины души враждебно настроеннаго противъ русскаго императора... потому что императоръ отказалъ въ пріемѣ его въ качествѣ британскаго посла въ Петербургѣ, полагая, что добрыя отношенія между Англіей и Россіей не могутъ оставаться прочными, будучи представляемы такимъ лицомъ, какъ Стредфордъ».

[2]) Это фактъ. Покойный протоіерей Петровъ прибылъ въ Лондонъ съ большой бородой, но по приказу Брунова долженъ былъ обриться, чтобъ не отличаться наружностью отъ англійскихъ пасторовъ. Любители курьезовъ могутъ безъ особаго труда достать въ Лондонѣ портретъ русскаго бритаго протопопа.

А. М.

время. Уже тогда во многихъ случаяхъ Австрію трудно было отличить отъ Пруссіи въ дѣлахъ, касавшихся русскихъ интересовъ. Царь Николай и тутъ хлопоталъ лично. Онъ, какъ выражается Гревиль, «двигалъ небо и землю», чтобъ заключить союзъ съ Австріей и Пруссіей. Австрія по обычаю соглашалась на все, если ея сестрица Пруссія согласится. Прусскій король былъ также не прочь отъ союза, но его премьеръ Мантейфель не поддавался на увѣщанія царя, два часа безъ перерыва доказывавшаго этому нѣмцу всю выгоду союза. Когда Пруссія отказалась, отказалась и Австрія. Обѣ обѣщали нейтралитетъ и обѣ нѣмецкія державы во время борьбы продавали Россію. Король прусскій писалъ принцу Альберту, супругу королевы Викторіи, письма, вывѣдывая о намѣреніяхъ Англіи, такъ что возбудилъ даже подозрѣніе, не хочетъ ли онъ такимъ способомъ служить шпіономъ для Россіи. Принцъ Альбертъ, на котораго тогда жестоко нападала британская пресса, какъ на «нѣмца», изъ предосторожности показывалъ кабинету и письма короля и свои отвѣты на нихъ. Вскорѣ, однако, намѣренія прусскаго монарха выяснились — онъ секретно предложилъ присоединеніе Пруссіи къ союзникамъ и заключеніе съ ними оборонительнаго союза. Австрія была тогда посильнѣе Пруссіи и потому мошенничала свободнѣе. Однако и у нея были свои важныя причины держаться смирно. И тогда, какъ теперь, отношенія Австріи и Пруссіи подвергались сомнѣніямъ, и Вѣна въ 1854 году, какъ въ 1887 году, не могла сказать навѣрно, захочетъ или не захочетъ Берлинъ воспользоваться въ своихъ эгоистическихъ цѣляхъ австро-русскимъ разрывомъ; мало того, и тогда, какъ въ наши дни, вездѣ предсказывали навѣрняка пораженіе Австріи при встрѣчѣ ея войскъ съ русской арміей. Между тѣмъ этотъ добрый сосѣдъ навязывалъ намъ проектъ мира сначала съ потерей территоріи, а потомъ и съ нейтрализаціей Чернаго моря такъ энергично, что въ маѣ 1855 года Франція была убѣждена въ присоединеніи Австріи къ союзу, о чемъ Дрюенъ де-Моисъ, французскій министръ, говорилъ Коулею, британскому послу при Елисейскомъ дворѣ, съ полной увѣренностью; а въ декабрѣ того же года это убѣжденіе стало господствовать и въ Англіи. Явилась даже надежда, что за Австріей подымется и вся Германія противъ Россіи. «Мы разсуждали,—пишетъ безпристрастный Гревиль въ эти дни,—что политика Австріи совершенно непонятна для насъ и что Россія никогда не проститъ ей ту роль, которую Австрія играла и играетъ въ настоящее время».

Худшая изъ всѣхъ этихъ худыхъ ролей разыгрывалась, конечно, Наполеономъ III, въ качествѣ коронованнаго проходимца. Мемуары Гревиля разсказываютъ о немъ много новыхъ и интересныхъ фактовъ. Прося руки у мадемуазель Монтихо, нынѣшней ex-императрицы Евгеніи, узурпаторъ рисовался, побѣждая сердце дѣвицы повѣстью объ ужасахъ и опасностяхъ трона, окруженнаго

будто бы измѣнниками и убійцами, сторожащими изъ-за всѣхъ угловъ улицъ и дворца. Соблазняя такой перспективой честолюбивую барышню, Наполеонъ потихоньку отъ нея хлопоталъ, нельзя ли достать себѣ въ супруги какую нибудь принцессу крови, чтобъ придать устойчивость трону. Сначала онъ посватался за Аделаиду Гогенлоэ, племянницу королевы Викторіи, и на запросъ британскаго посла относительно значенія одновременнаго ухаживанія за Монтихо отвѣчалъ, что онъ женится на послѣдней лишь въ случаѣ отказа принцессы. Затѣмъ, Наполеонъ обратился къ бельгійскому королю Леопольду, прося его содѣйствія для брака съ принцессой Маріей, сестрой герцога Кембриджскаго. Испробовавъ, такимъ образомъ, всѣ мирныя средства для укрѣпленія своего престижа и власти, укрѣпленія, почему-то представлявшагося ему самымъ прочнымъ въ видѣ оповѣщенія близкихъ отношеній съ Англіей, Наполеонъ бросился искать престижъ въ войнѣ съ Россіей. Но и тутъ онъ все время не могъ отыскать честную опору для своей политики. Въ началѣ онъ увѣрялъ, что хочетъ мира «a tout prix», затѣмъ склонялся къ требованіямъ самаго радикальнаго пораженія Россіи и въ концѣ готовъ былъ покинуть Англію одну на полѣ битвъ. Въ Англіи знали объ этомъ двоедушіи императора-parvenu и Гревиль передаетъ слѣдующіе случаи британскаго удостовѣренія въ лживости характера и политики Наполеона. Въ то самое время, когда онъ требовалъ отправки союзнаго флота въ Константинополь и увѣрялъ Англію въ глубочайшемъ намѣреніи не отставать ни на шагъ отъ ея политики, онъ написалъ герцогинѣ Гамильтонъ письмо, въ которомъ выражалъ убѣжденіе, что русскіе не уйдутъ изъ Молдавіи и Румыніи и что ихъ стоянка въ княжествахъ нисколько не противорѣчитъ французскимъ интересамъ. Герцогиня, очевидно, по просьбѣ Наполеона, показала это письмо мало знакомому ей русскому послу Брунову. Тутъ вышла весьма странная исторія. Русскій посолъ вмѣсто того, чтобъ сохранить письмо въ секретѣ отъ англичанъ и воспользоваться открываемыми дверями для отдѣльнаго соглашенія съ Франціей, тотчасъ отправился къ министру Абердину и передалъ ему содержаніе письма. Британскій кабинетъ, разумѣется, всполошился и потребовалъ у Наполеона объясненій... Далѣе, британскій посолъ доносилъ въ Лондонъ изъ Парижа неоднократно, что Наполеонъ ведетъ переписку съ Кастельбажакомъ, французскимъ представителемъ въ Петербургѣ, держа эту переписку въ секретѣ даже отъ своихъ министровъ. На справедливость этой догадки указываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Кастельбажакъ, какъ стало извѣстно въ Англіи, поздравилъ Николая Перваго съ синопской побѣдой «въ качествѣ посла, солдата и христіанина». Все это приводитъ автора мемуаровъ къ мысли, что не довѣряй царь столь крѣпко миролюбію и честности обѣщаній англичанъ, Россія могла бы договориться

съ Франціей и отклонить ее отъ войны. Но вѣра въ друзей, какъ извѣстно, давно уже служитъ злымъ геніемъ русской политики... Ухаживаніе Наполеона за англичанами чрезвычайно комично. Было извѣстно, что принцъ Альбертъ, мужъ королевы, какъ и герцогъ кембриджскій, настроены противъ войны и Франціи. И вотъ Наполеонъ приглашаетъ къ себѣ въ Булонь перваго, пишетъ ему письма, называя его «mon cher frère» и т. п. При свиданіи съ Альбертомъ, зная, что у послѣдняго слабая струнка аристократизма, Наполеонъ выражаетъ длинныя и горячія сожалѣнія о томъ, что во Франціи нѣтъ такихъ перовъ и маркизовъ, какъ въ Англіи, и, наконецъ, извиняясь за пріемъ въ гостинницѣ, говоритъ: «Будь мы въ Парижѣ, я принялъ бы васъ и королеву такъ, что не осталось бы и сомнѣній въ моемъ глубочайшемъ уваженіи къ вамъ обоимъ!» Принцъ во имя деликатности долженъ былъ отвѣтить: «Можете быть увѣрены, ваше величество, что королева и я были бы также очень рады видѣть васъ въ Лондонѣ!» Не успѣлъ принцъ воротиться домой, какъ французскій представитель уже потребовалъ объясненій, нужно ли считать эту фразу принца за формальное приглашеніе императора. Пришлось, конечно, простую вѣжливость обратить въ приглашеніе, и Наполеонъ торжественно прибылъ въ Англію вмѣстѣ съ императрицей. Свое ухаживаніе за королевой Викторіей проходимецъ-монархъ простеръ до того, что, получая орденъ Подвязки, принялъ присягу о подданствѣ и произнесъ, обращаясь къ королевѣ, рѣчь слѣдующаго содержанія: «Я клялся быть вѣрнымъ слугой вашего величества и служить вамъ всѣми моими силами. Всю будущую мою жизнь посвящаю я доказательству искренности, съ которой я принялъ присягу, и моему непоколебимому рѣшенію отдать себя на служеніе вамъ!» Королева, конечно, пришла въ восхищеніе отъ своего вѣрноподданнаго императора и вскорѣ сама отправилась въ Парижъ, отдавая визитъ. Тутъ она уже окончательно поддалась подъ вліяніе ловкаго узурпатора и стала такъ откровенничать съ нимъ, что рѣшилась даже доказывать ему несправедливость конфискаціи имущества орлеанскихъ принцевъ. Собирался Наполеонъ и въ Крымѣ увѣнчивать себя лаврами, но, къ сожалѣнію, эта затѣя не осуществилась. Министры сильно отговаривали его отъ поѣздки, убѣждая, что въ случаѣ неудачи военныхъ дѣйствій онъ нравственно будетъ принужденъ остаться при арміи, а въ случаѣ успѣха — долженъ будетъ ждать тамъ результата побѣды. Но императоръ стоялъ на своемъ и назначилъ уже Жерома Бонапарта на время своего отсутствія предсѣдателемъ совѣта министровъ. Министры, однако, перехитрили своего монарха — они убѣдили Жерома потребовать у Наполеона всѣхъ прерогативъ императора, въ чемъ Наполеонъ, конечно, отказалъ, и потому путешествіе въ Крымъ было отмѣнено.

Трудно сказать, переживала ли когда либо въ своей исторіи Англія годы столь глупой и антинаціональной политики, какъ въ 1853—1855 годахъ? У Англіи не было ни резона, ни цѣли для войны, не было даже сколько нибудь опредѣленнаго мнѣнія относительно плодовъ предполагавшихся побѣдъ. «Невозможно представить себѣ,—записываетъ Гревиль въ свой дневникъ,—что либо печальнѣе зрѣлища нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ. Правительство безсильное, непопулярное, павшее духомъ и разъѣдаемое противорѣчіемъ взглядовъ въ его собственной средѣ; армія въ ужасномъ положеніи и нѣтъ командировъ, въ способность которыхъ существовала бы вѣра... Это годъ траура, печали и пораженій»... 24 марта 1853 года, Кларендонъ далъ Гревилю прочесть длинное донесеніе изъ Петербурга британскаго посла Сеймура о бесѣдѣ его съ императоромъ Николаемъ. Царь разговаривалъ съ обычной ему искренностью и съ полной вѣрой въ добрыя отношенія Англіи; онъ повторялъ, что не желаетъ уничтоженія Турціи и не хочетъ брать Константинополь, но если бъ «больной человѣкъ» самъ вздумалъ умереть, то раздѣлъ его не можетъ представить особыхъ затрудненій—Англія тогда взяла бы по праву Египетъ и Кандію. Бесѣдуя далѣе о смутахъ въ Австріи, царь сказалъ англичанину, что «въ Россіи есть зачатки революціоннаго броженія» и если они менѣе замѣтны, чѣмъ въ другихъ странахъ, то лишь по той причинѣ, что въ рукахъ царя больше средствъ для подавленія ихъ, «тѣмъ не менѣе, сѣмена посѣяны» и т. д. Черезъ нѣкоторое время и Бруновъ явился къ Кларендону повторить завѣреніе, что Россія въ высшей степени дорожитъ добрымъ мнѣніемъ Англіи и проситъ вѣрить ей. Наконецъ, въ ноябрѣ того же года, когда критическая минута настала, царь попробовалъ послѣднее средство и написалъ собственноручное письмо королевѣ Викторіи. Королева, слѣдуя конституціонному обычаю, передала письмо кабинету министровъ и по совѣту ихъ составила ничего неговорящій отвѣтъ.

Война, однако, нужна была въ Англіи для Пальмерстона по такимъ же причинамъ, какъ во Франціи она требовалась для Наполеона III. Оба строили на побѣдѣ Россіи планъ собственнаго величія. Королева разсказывала автору мемуаровъ хорошенькій анекдотъ, характеризующій Пальмерстона, какъ всецѣло отдавшаго свой духъ внѣшней политики. На сѣверѣ Англіи были маленькіе безпорядки, и королева спрашиваетъ однажды Пальмерстона, не слыхалъ ли онъ что либо новаго объ этихъ безпорядкахъ?—«Нѣтъ никакихъ новостей, madame,—отвѣчаетъ онъ разсѣянно,—но я думаю, что турки теперь уже перешли черезъ Дунай».

Посылая флотъ въ Балтійское море, правительство Англіи не сразу рѣшилось отдать его подъ команду Непира. Сначала предлагали это начальство лорду Дандональду, способному адмиралу, но уже 79-ти-лѣтнему старику. Лордъ соглашался, требуя лишь

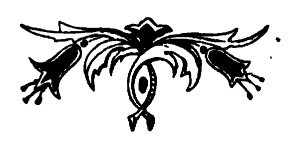
предоставленія ему права разрушить Кронштадтъ имъ самимъ изобрѣтеннымъ химическимъ средствомъ, секретъ котораго онъ отказывался открыть правительству. Это послужило помѣхой назначенію лорда и отправился съ флотомъ Непиръ. Про Раглана, главнокомандующаго англійской арміей въ Крыму, Гревиль передаетъ слѣдующій смѣшной анекдотъ. Рагланъ въ прежнее время командовалъ войсками противъ французовъ въ Испаніи и такъ привыкъ звать враговъ французами, что и въ Крыму, бесѣдуя съ французскими генералами, постоянно называлъ русскихъ французами, что̀ послѣднихъ крайне обижало и сердило. Безнаказанность высадки союзниковъ въ Крыму поразила англичанъ; вотъ что писалъ по этому поводу Гревиль въ дневникѣ отъ 22-го сентября 1854 года: «Армія высадилась на берегъ безъ сопротивленія. Невозможно понять, какъ русскіе могли столь упасть духомъ и столь бояться всякаго риска, чтобъ дозволить высадку безъ борьбы со стороны суши или моря. Они имѣли большой флотъ, стоявшій безъ всякаго дѣла въ Севастополѣ, и хотя пораженіе его, а, можетъ быть, и уничтоженіе произошло бы навѣрно при сраженіи съ союзниками, но лучше, все-таки, было бы потерять его, — vitam in vulnere ponens, нанеся какой нибудь уронъ врагу, чѣмъ безславно прятаться въ заливѣ и ждать, пока его возьмутъ въ плѣнъ или уничтожатъ, что̀ должно случиться тотчасъ, какъ городъ будетъ взятъ приступомъ». Въ октябрѣ того же года въ Англіи и Франціи былъ возбужденъ важный вопросъ для союзниковъ о торговлѣ Россіи, не прекратившейся и нашедшей себѣ выходъ черезъ Пруссію. Предполагалось даже объявить блокаду прусскихъ портовъ, хотѣли потребовать у королевы декрета, запрещающаго покупку русскаго сырья, но, конечно, изъ всѣхъ этихъ тревожныхъ толковъ ничего не вышло, ибо продажа сырья есть услуга и хлѣбъ для британскаго производства... Извѣстно, что союзники мечтали сладить съ Севастополемъ очень быстро, и потому уже въ сентябрѣ 1854 года между Англіей и Франціей шли переговоры, что дѣлать съ Крымомъ? Наполеонъ предлагалъ обратить полуостровъ въ «депо» союзныхъ армій, которыя будутъ тамъ оставаться и хозяйничать, пока не выработаются условія мира и таковой не будетъ подписанъ. Пальмерстонъ уже тогда настаивалъ, чтобъ, отнявъ отъ Россіи Крымъ, передать его Турціи. Кларендонъ и Абердинъ сильно оспаривали это намѣреніе, но въ декабрѣ того же года стало извѣстно, что Пальмерстонъ успѣлъ убѣдить и Наполеона въ цѣлесообразности такого плана. Но въ слѣдующемъ году Наполеонъ круто измѣнилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ и въ разговорѣ съ Кавуромъ сказалъ, что для Крыма Франція уже достаточно принесла жертвъ, что если необходимо продолжать войну, то надо ее вести во имя освобожденія Польши... Кавуръ также не даромъ разъѣзжалъ по Европѣ, онъ доказывалъ о необходимости хорошо вознаградить Сардинію за службу русскимъ врагамъ, грозя

въ противномъ случаѣ неизбѣжностью революціи противъ Савойскаго дома.

Заключая мирный договоръ съ Россіей, союзники совершенно игнорировали участіе Турціи. Было бы очень полезно для Порты прочесть слѣдующія строки изъ дневника Гревиля: «Война велась во имя независимости Турціи, и мы, союзники, обязались заключить миръ лишь по обоюдному и общему согласію. И вотъ мы послали Россіи предложеніе мира, въ которомъ есть, между прочимъ, такіе пункты: мы рѣшаемъ, чтобъ Турція, владѣющая цѣлой половиной Чернаго моря, не смѣла держать въ этомъ морѣ ни кораблей, ни портовъ, ни арсеналовъ; другія условія касаются ея подданныхъ христіанъ, третія устьевъ Дуная, находящихся на ея территоріи. Таковы наши проекты, очевидно, близко касающіеся Турціи, но мы не только не позволяемъ ей имѣть голосъ, но даже не дозволяемъ ей познакомиться съ нашими предложеніями иначе, какъ черезъ газеты. Когда кабинетъ обсуждалъ условія Франціи и Австріи, кто-то скромно спросилъ,—не слѣдуетъ ли передать ихъ на просмотръ Музурусу, турецкому послу въ Лондонѣ, но Кларендонъ рѣзко отвѣтилъ отказомъ. Музурусъ на другой день явился къ Кларендону, но и тогда послѣдній отказался дать какія либо объясненія... Турція, очевидно, лишь одна цифра въ большемъ счетѣ»... Англичане были убѣждены, что Турція въ политическомъ отношеніи нуль. Султана, обезумѣвшаго отъ ранняго разврата и пьянства, они держали въ страхѣ революціи, пугая его «братьями наслѣдниками» и фанатизмомъ мусульманъ. Читая эти донесенія британскаго посла изъ Константинополя, невольно дивишься, какъ мало изобрѣтательны англичане въ политикѣ, и въ 1854 году они писали о Турціи и поступали въ Турціи слово въ слово такъ, какъ дѣлаютъ и пишутъ въ наши дни.

Вотъ все, что есть въ пятомъ и шестомъ томахъ дневника Гревиля болѣе или менѣе интереснаго и относящагося къ печальной эпохѣ Крымской войны. Для историка, изучающаго эту эпоху мемуары Гревиля дорогой кладъ, а мы, читающее потомство, будемъ помнить имя Гревиля съ большой признательностью за его чистосердечную и искреннюю повѣсть, не поколебленную даже всей окружавшей его государственной ложью,—Гревиль до конца жизни остался противникомъ войны съ Россіей.

А. Молчановъ.





КРИТИКА И БИБЛIОГРАФIЯ.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ судебниковъ до настоящаго времени. Соч. кандидата юридическихъ наукъ Михаила Ступина. Владикавказъ. 1887.

КНИЖКА эта въ 143 страницы, крупной печати, представляетъ, въ сущности, не «исторію» тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, а обозрѣніе законодательныхъ актовъ по предмету этихъ наказаній, и притомъ актовъ кодифицированныхъ начинаніемъ и соизволеніемъ свѣтской власти. Поэтому происхожденіе у насъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, болѣзненныхъ (или болящихъ) и членовредительныхъ, является невыясненнымъ въ книгѣ г. Ступина. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ, что жестокія тѣлесныя наказанія временъ Судебниковъ и Уложенія 1649 года слѣдуетъ всецѣло приписать вліянію татарскихъ нравовъ на русское общество. По его мнѣнію, татары, подчинивъ себѣ Россію внѣшнимъ образомъ, какъ данницу, не вторгались во внутреннюю общественную и нравственную жизнь русскихъ, не касались ихъ государственнаго строя и законодательства. «Но не признавая,—говоритъ онъ,—татаръ исключительными и прямыми виновниками жестокости нравовъ русскаго общества того времени, нельзя отвергать косвеннаго вліянія татарскаго ига на застой и огрубѣніе, такъ какъ оно, отрѣзавъ насъ отъ остальной Европы, пріостановило наше движеніе по пути цивилизаціи и прогресса». Исторія говоритъ совсѣмъ не то. Татары не заслонили отъ насъ Европы, путь въ которую всегда оставался для насъ свободнымъ черезъ Литву и Новгородъ, т. е. съ западной стороны Московскаго государства, а съ востока татары не только косвенно, но прямо давили своими порядками на строй нашей государственной жизни: правежи—чисто татарское учрежденіе. Если же недоимки и частные долги правили палочными ударами по икрамъ и на

такихъ правежахъ держали мѣсяцами, то весьма естественно, что преступленія противъ собственности (татьба, мошенничество, разбой) казнились кнутомъ. Несправедливо также, будто жестокость нашихъ уголовныхъ наказаній происходила отъ недостатка общенія съ Западной Европой: нѣкоторыя членовредительныя наказанія въ дополнительныхъ статьяхъ къ уставной книгѣ Разбойничьяго Приказа заимствованы прямо изъ Литовскаго Статута (магдебургскаго городоваго права); такъ, за покушеніе на убійство своего господина, слугѣ полагалось отсѣчь руку; за убіеніе отца или матери, или даже сродича—опредѣлялось возить преступника по торгу и тѣло клещами рвать и потомъ уже, посадивъ на виновнаго собаку, куря, ужа и кота, утопить вмѣстѣ съ ними. Авторъ знаетъ это, знаетъ также, что жесточайшая смертная казнь и всѣ вообще жестокія уголовныя кары достигали у насъ апогея своего развитія въ Петровскомъ законодательствѣ, а вѣдь Петръ прорубилъ окно въ Европу и свои мучительныя наказанія цѣликомъ заимствовалъ изъ законодательствъ саксонскаго и шведскаго, а кошки для моряковъ—изъ Англіи. Невѣрно и утвержденіе автора, что у насъ съ Петра подъ преступленіемъ стали разумѣть нарушеніе буквальнаго предписанія закона или неисполненіе указа — «неисправность въ дѣлахъ государевыхъ». Правда, что по «артикуламъ» (гл. XVII, стр. 133) военные наказывались повѣшеніемъ за простое собраніе, хотя и не для зла, а для совѣщанья на челобитье, «не смотря на то, что они имѣютъ къ тому причину»; но формальный взглядъ на преступленіе, какъ на нарушеніе предписаній, а не правъ, внесенъ въ нашу государственную жизнь и въ наше законодательство не Петромъ, а духовенствомъ, съ самаго водворенія православной церкви въ Россіи. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе еще въ церковныхъ уставахъ св. Владиміра и Ярослава. Въ уставѣ Владиміра запрещаются многія дѣянія только потому, что они не допускаются церковными законами, напримѣръ, моленіе у воды, волшебство и проч.

Казни вообще впервые вводятся у насъ по внушенію духовенства, поступавшаго такъ, разумѣется, не въ силу евангельскаго ученія, а въ силу науки византійскаго права. Владиміръ Святой сдѣлалъ первый опытъ введенія смертной казни по совѣту епископа. «И умножишася разбоеве,—говоритъ лѣтописецъ,—и рѣша епископы Владиміру: се умножишася разбойницы, по что не казниши ихъ? Онъ же рече: боюся грѣха. Они же реша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойники, но со испытомъ. Владиміръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники». Только потребность въ деньгахъ на содержаніе войска («рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди») побудила его возстановить прежній порядокъ выкупа: «и живяше Владиміръ по устроенію отню и дѣдню». Ярославовъ церковный уставъ постановляетъ: «Аже кто умчитъ дѣвку или насилитъ, аже боярская дчи, за соромъ ей 5 гр. золота, а епископу 5 гр. золота, а меньшихъ бояръ гривна золота, а епископу гривна золота; добрыхъ людей за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ по гривнѣ серебра епископу, а князь казнитъ».

Даже тамъ, гдѣ княжеская власть встрѣчала наименѣе благопріятную среду для своего укрѣпленія, византійское право чрезъ духовенство проникало въ наше уголовное законодательство и въ нашу судебную практику. «Потокъ (ссылка въ заточеніе) и разграбленіе», практиковавшіеся и въ Новгородѣ, цѣликомъ заимствованы у византійцевъ. Изъ сличенія славянскихъ

переводовъ византійскихъ сборниковъ свѣтскаго законодательства съ оригиналомъ оказывается, что тамъ, гдѣ въ оригиналѣ говорится о конфискаціи и ссылкѣ, для чего употреблялось выраженіе «publicatis bonis relegantur», въ русскомъ переводѣ стоитъ: «разграблены бывше да изженутся» (В. Сергѣевичъ, «Лекц. и иссл.», стр. 453).

Недостаточное знакомство съ памятниками старины держитъ автора въ заблужденіи (стр. 11), будто тѣлесныя наказанія, если и были практикуемы у насъ до эпохи Судебниковъ, то лишь за проступки противъ религіи; свѣтскому же законодательству они были чужды. Между тѣмъ, псковская судная грамота, которая «выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, изъ княжъ Костянтиновы грамоты и изъ всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ» (обычаевъ), угрожаетъ «дыбою» и денежнымъ штрафомъ тому, «кто силою въ судебню полѣзетъ, или подверники ударитъ» (стр. 58).

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, легко объясняемыхъ самимъ же авторомъ тѣмъ, что при жизни въ небольшомъ провинціальномъ городѣ невозможно достать необходимые для основательнаго историческаго изслѣдованія источники, сочиненіе г. Ступина заслуживаетъ вниманія уже потому, что оно представляетъ собою въ отечественной историко-юридической литературѣ первый опытъ систематическаго труда по вопросу, имъ обнимаемому.

Книга г. Ступина удостоена университетомъ св. Владиміра золотой медали.

А. М.

Полное собраніе сочиненій Льва Александровича Мея. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова. Пять томовъ, съ двумя портретами автора и тремя автографами. Спб. 1887.

Издатель полнаго собранія сочиненій А. Н. Островскаго, С. Т. Аксакова, Григоровича, Фурмана и друг. выпустилъ въ свѣтъ къ двадцатипятилѣтней годовщины смерти Л. А. Мея пять объемистыхъ томовъ его произведеній, куда вошло все, что написалъ сколько нибудь замѣчательнаго этотъ высокодаровитый поэтъ втеченіе своего двадцатилѣтняго литературнаго поприща. Въ обширной критико-біографической статьѣ, помѣщенной въ первомъ томѣ новаго изданія и написанной лицейскимъ товарищемъ поэта, В. Р. Зотовымъ, разсказана подробно жизнь писателя, не богатая внѣшними событіями, но любопытная по ея внутреннему значенію. Не оцѣненный при жизни, когда объ немъ появлялись въ журналахъ статьи, какъ о «явленіи, пропущенномъ критикою», онъ и по смерти былъ забытъ почти всѣми, кромѣ немногихъ любителей литературы и русской поэзіи. Нельзя, поэтому, не быть благодарнымъ новому изданію за то, что оно воскрешаетъ въ памяти читателей симпатичный образъ поэта, заслуживающій полнаго вниманія публики и критики, не смотря на недостатки нѣкоторыхъ изъ его произведеній. Въ оцѣнкѣ поэта авторъ его біографіи, чтобъ быть вполнѣ безпристрастнымъ, избѣгалъ личныхъ сужденій о степени его дарованія, а разбиралъ критическіе отзывы объ немъ другихъ лицъ, опровергая или подтверждая ихъ выводы. Въ первомъ томѣ, гдѣ помѣщены лирическія пьесы, новыхъ, не бывшихъ въ печати стихотвореній до двадцати и между ними десять, написанныхъ еще въ лицеѣ. Въ этомъ томѣ вообще помѣщено болѣе сорока пьесъ, пропущенныхъ въ кушелевскомъ изданіи. Немало ихъ также и въ двухъ другихъ томахъ, заключающихъ переводныя произведенія изъ Анакреона, Өеокрита, Шиллера, Гете,

Гейне, Байрона, Мильтона, Беранже, Шенье, Гюго, Надо̀, Мицкевича, Шевченка и друг. Въ III томѣ помѣщены также шесть разсказовъ съ чешскаго, польскаго, англійскаго, французскаго. Извѣстно, что Мей былъ такой же замѣчательный переводчикъ, какъ и оригинальный поэтъ. Въ IV томѣ помѣщены драматическія произведенія, между которыми является вновь только начало «Бури» Шекспира да сцены «Псковитянки» (на вѣчѣ) и «Валленштейнова лагеря» (въ монологѣ капуцина), выброшенныя цензурою того времени. Въ V томѣ Мей является передъ читателями какъ прозаикъ. Кушелевское изданіе не помѣстило ни одной строки его разсказовъ, а между тѣмъ и въ нихъ поэтъ оказывается замѣчательнымъ стилистомъ-художникомъ и знатокомъ русскаго быта. Его типы крѣпостной Руси поражаютъ своею правдивостью и жизненностью. Умеръ онъ на второй годъ великой реформы 19-го февраля и не успѣлъ отозваться на нее. Но хотя поэтъ былъ всегда «не отъ міра сего», многіе ошибочно полагаютъ, что онъ не сочувствовалъ «злобамъ дня» и оставался равнодушенъ къ движенію, обнаружившемуся въ русскомъ обществѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. По своему мягкому, всепримиряющему характеру, выразившемуся въ смягченіи даже такихъ непривлекательныхъ фигуръ, какъ Иванъ Грозный и Неронъ, поэтъ не увлекался только крайностями новыхъ вѣяній и оставался вѣренъ завѣтамъ старины и первымъ впечатлѣніямъ своихъ молодыхъ годовъ. Только любовь къ родинѣ, ко всему русскому, доходила у него по временамъ до увлеченія. Такъ, въ «Картинахъ Востока» (Отойди отъ меня, сатана) онъ предсказываетъ, что Россія воспрянетъ отъ долгаго сна и стряхнетъ свои ледяныя оковы на испуганный міръ, въ «Отроковицѣ» называетъ Россію «тысячелѣтнею отроковицей», которую воскресила воля Бога. Онъ также горячо сочувствовалъ свободѣ мысли и слова, что̀ видно изъ многихъ его пьесъ, въ особенности изъ стихотворенія, являющагося первый разъ въ печати и начинающагося стихами: «О, Господи! пошли долготерпѣнье! Ночь цѣлую сижу я напролетъ. Неволю мысль цензурѣ въ угожденье» и проч.

По внѣшности изданіе г. Мартынова весьма удовлетворительно, но, къ сожалѣнію, одна изъ типографій, въ которой оно печаталось, для выигранія времени, и именно типографія «Общественной Пользы», держала весьма небрежно коректуру и оставила множество чисто типографскихъ ошибокъ. Портретъ, снятый съ поэта въ молодости и рѣзанный на стали за границею, исполненъ безукоризненно, чего нельзя сказать о политипажѣ, хотя передающемъ точно изображеніе поэта, появившееся въ Мюнстеровскомъ изданіи «Портретной галлереи русскихъ дѣятелей» и во многихъ иллюстрированныхъ журналахъ, но придающее Мею несвойственное ему выраженіе. Нельзя также не отмѣтить составленнаго П. В. Быковымъ самаго тщательнаго и вѣрнаго библіографическаго списка всѣхъ гдѣ либо появлявшихся произведеній поэта, а печатался онъ даже въ такихъ періодическихъ изданіяхъ, о которыхъ не помнятъ записные библіографы.

В—ъ.

Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. II. Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Н. Карѣева. Москва. 1886.

Польша была и до и послѣ реформаціи одной изъ самыхъ католическихъ странъ въ Европѣ. Реформаціонное движеніе въ ней имѣетъ характеръ какъ бы случайный и мимолетный; оно весьма не долговѣчно, ибо продолжалось всего только четверть вѣка—главнымъ образомъ втеченіе царствованія Сигизмунда-Августа, съ 1548—1572 г. XVI вѣкъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Польши: польская нація опредѣлила свой путь, приведшій общество къ культурному застою, а государство — къ «разборамъ». Здѣсь реформація носила характеръ попреимуществу шляхетскій и прошла для Польши совершенно безслѣдно, словно вся цѣль движенія заключалась въ томъ, чтобы вызвать въ страну іезуитовъ и укрѣпить ее въ католическомъ правовѣріи. Польскій протестантизмъ не имѣлъ особой политической программы, такъ же какъ и католицизмъ: здѣсь не было борьбы между принципами свободы и власти, между сеймомъ и королемъ. Разсмотрѣніе польской реформаціи въ связи съ общеевропейской и сравненіе ея съ реформаціей въ отдѣльныхъ странахъ приводитъ къ заключенію, что въ ней не было ни энтузіазма, ни фанатизма, ни экзальтаціи. Нельзя не отмѣтить нѣкотораго вліянія на польскій протестантизмъ гуситства, за появленіемъ котораго замѣчается въ свою очередь появленіе среди шляхты критическаго отношенія къ духовенству. Можно безошибочно сказать, что польская реформація подготовлялась не столько на почвѣ усиленной религіозности, сколько на подкладкѣ извѣстнаго вольномыслія, довольно иногда индифферентнаго къ вопросамъ вѣры, и ненависти шляхты къ духовенству изъ чисто мірскихъ побужденій. Въ европейской реформаціи вообще нужно отличать національныя, политическія, соціальныя и интеллектуальныя причины оппозиціи католицизму. Національныя причины въ Польшѣ не дѣйствуютъ. Политическая оппозиція Риму имѣла характеръ сословнаго антагонизма между шляхтой и духовенствомъ; при этомъ дѣло оппозиціи происходило безъ вмѣшательства государственной власти. Наибольшей силы сословный антагонизмъ достигъ во второй половинѣ XVI столѣтія, а съ конца сороковыхъ годовъ того же столѣтія началось и реформаціонное движеніе. Борьба шляхты съ духовенствомъ, происходившая на пяти сеймахъ пятидесятыхъ годовъ XVI в. и на четырехъ шестидесятыхъ, выдвигала протестантовъ, и реформу — полное уничтоженіе духовной юрисдикціи—приходилось, такимъ образомъ, проводить нововѣрамъ. Шляхетскій характеръ польской реформаціи позволяетъ находить черты сходства между ней и реформаціей во Франціи: и тамъ, и здѣсь государственная власть и народныя массы остались католическими. Въ Польшѣ было слишкомъ много индивидуальной свободы, чтобы подчиниться королевской реформаціи. И во Франціи, и въ Польшѣ побѣдила реакція; но въ Польшѣ побѣда была еще полнѣе и въ этомъ отношеніи она очень похожа на Испанію. Реформаціи въ Польшѣ помогалъ распространяться вялый, безхарактерный и нерѣшительный король Сигизмундъ-Августъ, по прозвищу «dojutrka», благодаря его любви откладывать всякія дѣла «до завтра». Онъ не могъ ни овладѣть новымъ движеніемъ, ни дать ему сильнаго отпора и колебался, какъ маятникъ, между попытками дѣйствовать и своимъ безси-

ліемъ. Выдающимися дѣятелями протестантизма въ Польшѣ были Ник. Радзивиллъ, Бландратъ, Янъ Ласкій и Лелій Социнъ. Главную роль игралъ Социнъ, что̀ видно изъ слѣдующаго двустишія, сочиненнаго послѣдователями:

Палъ Вавилонъ высокій: Лютеръ разрушилъ въ немъ крышу,
Стѣны Кальвинъ, но Социнъ сокрушилъ и основы.

Видными дѣятелями были итальянцы, давно вліявшіе на Рѣчь Посполитую своей культурой; поляки издавна были предрасположены къ принятію итальянскихъ идей. Въ Польшѣ распространился социніанизмъ. Польскій антитринитаризмъ не былъ связанъ съ какимъ либо соціально-политическимъ движеніемъ и даже въ чисто культурной сферѣ не успѣлъ привести ни къ чему, что могло бы идти въ сравненіи съ позднѣйшимъ англійскимъ деизмомъ. Социніанскіе богословы какъ-то боялись затрогивать щекотливый въ ихъ положеніи вопросъ, какъ протежируемыхъ шляхтою, вопросъ о подданствѣ крестьянъ. Социніане пробовали организовать нѣсколько протестантскихъ союзовъ, чтобы сильнѣе бороться противъ усиливавшихся іезуитовъ. Но всѣ попытки были тщетны: не было сильной внутренней потребности, развившейся до степени настоятельной необходимости въ искренной религіозной реформѣ; самое реформаціонное движеніе имѣло характеръ внѣшній, мірской, сословный — и разъединенность погубила протестантизмъ. Католицизмъ не дремалъ во время реформаціи. Протестантская и сектантская реформація заставила его произвести реформу въ самомъ себѣ. Появился въ Европѣ и начиналъ пускать глубокіе корни въ Польшѣ уже католицизмъ новаго времени — продуктъ ордена іезуитовъ и постановленій Тридентскаго собора. Главными и великими орудіями іезуитовъ были педагогія и дипломатія. Іезуитизмъ въ католической реакціи то же, что протестантизмъ въ реформаціи. Протестантизмъ выводилъ личность на новую дорогу, воспитывалъ ее къ самоопредѣленію и самостоятельности; іезуитизмъ убивалъ личность, дрессируя ее для служенія дѣламъ ей постороннимъ. Главнымъ іезуитскимъ дѣятелемъ въ Польшѣ былъ Гозій. Нигдѣ іезуитизмъ не показалъ такой ловкости, какъ въ Польшѣ, въ дѣлѣ искорененія протестантизма, религіозной терпимости и свободы мысли. Ожививъ въ XVI вѣкѣ политическую жизнь и просвѣщеніе въ польской націи, реформація призвала въ страну іезуитовъ, которые убили все, что было жизненнаго и прогрессивнаго въ польскомъ обществѣ XVI в. Прежде Польша нападала на епископскій судъ de haeresi, опасный для посполитой вольности, — теперь она сама изгоняла и судила еретиковъ-протестантовъ на своихъ сеймахъ. Таковъ былъ плачевный окончательный результатъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ.

Мы познакомили читателей въ общихъ чертахъ съ новымъ «Очеркомъ» г. Карѣева, который раньше печатался въ видѣ отдѣльныхъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» за 1885 годъ, а теперь появился небольшой книжкой въ 190 страницъ мелкаго и убористаго шрифта. Весь очеркъ подраздѣляется на девять главъ, которымъ предпосылается «обзоръ литературы предмета», составленный по статьѣ, помѣщенной въ 1885 г. въ «Жур. Мин. Нар. Просв.». Прочитавъ этотъ обзоръ, мы убѣждаемся въ томъ, что автору не стоило большаго труда по готовому и собранному другими матеріалу написать интересный и популярный очеркъ, интересный по новой темѣ въ русской исторической литературѣ. Интересу темы не соотвѣтствуетъ нѣсколько вялое и сухое изложеніе. Впрочемъ, художественность изложенія сравнительная рѣдкость и требовать

ее было бы несправедливостью: таланты отъ Бога. Интересъ же темы усиливается искусной постановкой ея: авторъ разсматриваетъ польскую реформацію въ связи съ общеевропейской. Въ этомъ оригинальность его труда.

С. Т.

Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ. Историческій очеркъ Ѳ. Лашкова. Кіевъ. 1886.

Эта небольшая брошюра, въ 44 страницы, представляетъ историческую характеристику человѣка, замѣчательнаго не по своимъ личнымъ достоинствамъ, а по той роли, какую онъ игралъ въ событіи, важномъ для Россіи — присоединеніи къ ней Крыма, безъ котораго ея политическое могущество не имѣло бы полнаго значенія. Существованіе мусульманскаго государства на югѣ русской территоріи, на берегахъ издревле «Русскаго» моря, было аномаліею, уничтоженіе которой являлось только вопросомъ времени. Это понимали и правительница Софія Алексѣевна, и Петръ I, и его преемники. Походы Миниха и Ласси въ конецъ поколебали и безъ того шаткое владычество крымскихъ татаръ въ древней Тавридѣ, а войны съ Турціею, начиная съ 1768 года, нанесли ему послѣдній ударъ. Г. Лашковъ не разсказываетъ подробно исторіи завоеванія Крымскаго ханства, но говоритъ о событіяхъ того времени, на сколько они входятъ въ жизнеописаніе Шагина, котораго авторъ напрасно сравниваетъ, однако же, по способностямъ съ дядею его Керимъ-Гиреемъ, вызвавшимъ изъ Турціи къ своему двору молодаго родственника. Шагинъ былъ только нѣсколько развитѣе, чѣмъ другіе турки, потому что имѣлъ случай выучиться въ Салоникахъ греческому языку и, поживя недолго въ Венеціи, усвоилъ себѣ начальное знаніе итальянскаго языка. Но Шагинъ ничѣмъ не выказался при Керимъ-Гиреѣ, хотя былъ назначенъ имъ сераскиромъ Ногайской орды, а по смерти хана и совсѣмъ стушевался. Въ первый разъ является онъ дѣйствующимъ лицомъ на совѣтѣ бахчисарайскихъ пашей и духовныхъ лицъ, куда явились въ 1771 году посланные отъ русскаго главнокомандующаго, князя Долгорукова, «съ рѣшительнымъ предложеніемъ»—какимъ?—г. Лашковъ не считаетъ нужнымъ объяснить это. Шагинъ, поддержанный главою духовенства, настоялъ въ совѣтѣ, чтобы пословъ не вѣшали, а отпустили въ Россію, и совѣтъ освободилъ ихъ, а въ Россію «отправилъ письмо совершенно неопредѣленное, такое, которымъ старались не досадить, вручивъ оное посланнымъ татарамъ». Такими неопредѣленными и тяжелыми фразами, со множествомъ «сихъ и оныхъ», выражается г. Лашковъ во всей біографіи Шагина, хотя для ея составленія ознакомился, очевидно, со всѣми первоисточниками. Но изученіе всего, что написано о данномъ предметѣ, не всегда ведетъ къ тому, чтобы предметъ былъ изложенъ, ясно и толково. Г. Лашковъ приписываетъ Шагину планъ созданія изъ Крыма вполнѣ независимаго государства и отъ Турціи, и отъ Россіи, которое должно было «превзойдти славу Чингисовой монархіи». Но это мнѣніе не подтверждается ни поступками Шагина, ни его жизнью въ Петербургѣ, гдѣ онъ больше года только кутилъ, да заставлялъ Панина платить его долги и выкупать у ростовщиковъ закладываемые имъ подарки императрицы. Что русское правительство смотрѣло на Шагина какъ на пустаго гуляку, доказывается тѣмъ, что когда Турція назначила крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гирея, а на Кубани возникли

безпокойства, то сераскиромъ ногайцевъ, для усмиренія ихъ, былъ назначенъ не Шагинъ, нѣсколько разъ просившійся на это мѣсто, а Казы-Гирей. Да и крымскимъ ханомъ въ 1776 году назначили его потому, что онъ нисколько не былъ опасенъ для Россіи и поддерживалъ всегда ея интересы. Въ управленіи ханствомъ онъ не выказалъ никакихъ особенныхъ способностей. Уничтоженіе самоуправства беевъ было дѣломъ обыкновеннаго благоразумія и настоятельной необходимости. Но вмѣсто придворной олигархіи Шагинъ учредилъ при дворѣ и управленіи множество совершенно безполезныхъ и дорого оплачиваемыхъ должностей. Всѣ доходы ханства были отданы на откупъ. Двѣ трети доходовъ шли на содержаніе двора и администраціи. Самодержавный ханъ сейчасъ же завелъ себѣ особую ханскую гвардію и установилъ наборъ войска съ пяти дворовъ по человѣку, чтобы было чѣмъ играть въ солдатики. Все это, а въ особенности презрѣніе, оказываемое ханомъ мусульманскимъ обычаямъ, на второй же годъ его царствованія, подняло уже не беевъ, а весь народъ. Бунтовщики овладѣли Бахчисараемъ, сожгли дворецъ и были усмирены только съ помощью русскихъ войскъ. Возстаніе повторилось въ 1780 году, а въ слѣдующемъ Шагинъ бѣжалъ изъ Бахчисарая подъ защиту русскаго гарнизона въ Еникале. Опять пришлось русскимъ спасать хана отъ его подданныхъ. Мятежники были разбиты, но народъ, раздраженный жестокостями хана, не признавалъ его власти и выражалъ желаніе отдаться подъ покровительство Россіи. Тогда Шагинъ самъ объявилъ въ Карасубазарѣ, что не хочетъ быть ханомъ такого коварнаго народа, и Екатерина изъявила согласіе на предложеніе Потемкина присоединить Крымъ къ Россіи, не обращая вниманія на то, что скажутъ другія державы, и «въ замѣну и вознагражденіе восьмилѣтняго безпокойства». Еще три съ половиною года слишкомъ пробылъ онъ въ Россіи послѣ своего отреченія отъ престола, живя сначала въ Воронежѣ, потомъ въ Калугѣ подъ надзоромъ правительства, подозрѣваемый — и не напрасно—въ тайныхъ сношеніяхъ со своими приверженцами, потомъ вдругъ сталъ проситься въ Турцію, куда, конечно, его отпустили съ удовольствіемъ, хотя нашъ посолъ тамъ Булгаковъ писалъ, что ханъ «тысячу разъ раскается въ своей глупости». И дѣйствительно султанъ, принявшій его сначала очень любезно, сослалъ его на островъ Родосъ, гдѣ и приказалъ убить. Г. Лашковъ не говоритъ даже—когда, какъ не говоритъ, когда онъ родился: до чиселъ онъ вообще не охотникъ, и рѣдко приводитъ ихъ. Гдѣ же, во всей жизни Шагина, какіе нибудь поводы говорить, что онъ намѣренъ былъ совершить великіе подвиги? Потемкинъ, умѣвшій цѣнить людей, говоритъ: «это человѣкъ бездарный и смѣшной, имѣющій претензію быть подражателемъ Петра Великаго». Да и претензій-то этихъ мы не видимъ, хотя онъ могъ бы чѣмъ нибудь заявить ихъ въ восьмилѣтнее управленіе ханствомъ. Вѣдь то, что онъ сбрилъ себѣ бороду, управляя мусульманскимъ государствомъ, доказываетъ не стремленіе къ реформамъ, а простое обезьянство азіатскаго дикаря, только по наружности принявшаго видъ европейца. Въ «Иллюстраціи» 1866 года былъ помѣщенъ любопытный портретъ Шагинъ-Гирея съ подвязанной бородой и обстоятельный очеркъ его жизни, о чемъ не упоминаетъ г. Лашковъ.

В. З.

Вологодскій Сборникъ, издаваемый при вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакціею секретаря комитета, Н. А. Поліевктова. Томъ V. Вологда. 1887.

«Вологодскій Сборникъ» принадлежитъ къ числу лучшихъ изданій тѣхъ нашихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, которые своими литературными трудами пополняютъ массу добросовѣстныхъ изслѣдованій о прошломъ и настоящемъ бытѣ нашихъ провинцій. Между тѣмъ какъ иные наши губернскіе статистическіе комитеты дремлютъ, нѣкоторые изъ нихъ почти ежегодно выпускаютъ разнаго рода сборники съ трудами мѣстныхъ дѣятелей. Дремота и дѣятельность комитетовъ находится въ непосредственной зависимости отъ ихъ руководителей. Появился въ средѣ комитета любознательный, энергическій секретарь,—комитетъ даетъ знать о своемъ существованіи; выбыло подобное лицо изъ состава комитета, и онъ замолкъ до поступленія на мѣсто секретаря новаго дѣятельнаго писателя, статистика, этнографа и проч. Отъ этой причины зависитъ и неравномѣрная дѣятельность нашихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. То же самое мы видимъ и въ губернскихъ вѣдомостяхъ. При смышленномъ, любящемъ свое дѣло редакторѣ, вѣдомости наполняются любопытными историческими, этнографическими, бытовыми, географическими статьями; въ газетѣ принимаютъ участіе мѣстные литераторы, любители исторіи, археологіи, собиратели коллекцій и т. д. Замѣняется подобный редакторъ заурядным чиновникомъ, и бывшія интересными губернскія вѣдомости являются перепечаткою статей другихъ періодическихъ изданій, съ присовокупленіемъ сенатскихъ указовъ, судебныхъ объявленій и распоряженій мѣстнаго губернскаго правленія. Такъ какъ избраніе секретарей въ статистическіе комитеты и въ редакторы губернскихъ вѣдомостей зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстныхъ губернаторовъ, то желаніе ихъ сдѣлать полезною дѣятельность секретарей и редакторовъ играетъ въ этомъ отношеніи первенствующую роль.

Въ нынѣ вышедшемъ пятомъ томѣ «Вологодскаго Сборника» помѣщены одиннадцать статей, а именно: 1) Очеркъ города Вологды по писцовой книгѣ 1627 года, изслѣдованіе А. Е. Мерцалова. 2) Обозрѣніе Задносельской волости, составленное А. Е. Мерцаловымъ по писцовой книгѣ 1628 года. 3) Разореніе Вологодскаго края въ 1612—1613 годахъ, статья И. Суворова. 4) Панскій наѣздъ, изъ народныхъ преданій о Смутномъ времени въ Вологодскомъ краѣ, А. Е. Мерцалова. 5) Свадебные и похоронные обычаи жителей села Устьнемскаго, Устьсысольскаго уѣзда, этнографическій очеркъ А. Фролова. 6) Устюгъ Великій, историко-экономическій очеркъ, составленный А. Е. Мерцаловымъ по сотной книгѣ 1630 года. 7) Какъ отражалось «Литовское разореніе» на крестьянскомъ бытѣ того времени? историческая справка А. Е. Мерцалова. 8) Расколоучитель XVII вѣка изъ вологодскихъ уроженцевъ, статья И. Суворова. 9) Никольскій уѣздъ, историко-этнографическій очеркъ Н. П. 10) Преданія, обычаи, заговоры, суевѣрія и ворожба въ средѣ населенія Кадниковскаго уѣзда, этнографическій матеріалъ, сообщ. А. Ш—овъ. 16) Матеріалы по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ Вологодской губерніи. Кустарный промыселъ лѣсотехническихъ продуктовъ, Ф. А. Арсеньева (собранные и обработанные имъ въ 1883 году).

Подлинникъ писцовой книги Вологды 1627 года не сохранился, но списокъ съ нея, скрѣпленный по листамъ дьякомъ Болтинымъ, находится у

секретаря вологодскаго статистическаго комитета. На основаніи этого списка г. Мерцаловъ (кадниковскій землевладѣлецъ) отчетливо изложилъ положеніе города Вологды въ первой четверти XVII столѣтія. Изъ его статьи можно легко ознакомиться съ тогдашнею топографіею этого города, экономическимъ и бытовымъ строемъ его жителей. Вологда принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ сѣверной Россіи. Изъ жизнеописанія преподобнаго Герасима извѣстно, что когда, въ 1147 году, онъ пришелъ изъ Кіева въ сѣверную Россію, то на мѣстѣ нынѣшней Вологды нашелъ небольшое торговое селеніе съ церковью Воскресенія Христова. До основанія Петербурга, когда внѣшняя наша торговля направлялась чрезъ Архангельскъ, въ Вологдѣ находились на постоянномъ жительствѣ нѣсколько русскихъ и иностранныхъ торговыхъ конторъ, и городъ разбогатѣлъ отъ направлявшагося чрезъ него отъ Москвы и Архангельска коммерческаго транзита. Немаловажная роль въ торговомъ отношеніи въ то время принадлежала также городу Устюгу Великому, лежавшему на пути между Вологдою и Архангельскомъ и описаніе котораго сдѣлано г. Мерцаловымъ по сотной книгѣ 1630 года. Эта статья также интересна въ историко-экономическомъ отношеніи, какъ и другой трудъ того же автора «Панскій наѣздъ». Подъ этимъ названіемъ описанъ набѣгъ поляковъ и литовцевъ съ русскими ворами въ Смутное время 1612 года на одно помѣстье въ Вологодскомъ краѣ. Любопытно, что въ этой мѣстности народъ въ своихъ воспоминаніяхъ о разбойникахъ зоветъ ихъ «панами». Названіе это характеризуетъ тогдашніе подвиги пановъ-поляковъ: они были въ Вологодскомъ краѣ исключительно разбойничьими и до того глубоко врѣзались въ память народа, что онъ впослѣдствіи и обыкновенныхъ разбойниковъ сталъ именовать «панами». Когда разбойники становились не въ мѣру дерзки и выводили изъ терпѣнія вологодскихъ крестьянъ, то сосѣднія съ притономъ воровъ волости выступали противъ нихъ, дѣлали облавы и, въ случаѣ поимки разбойниковъ, распоряжались съ ними на мѣстѣ, не дожидая воеводскаго суда и волокиты. Въ мѣстныхъ сказаніяхъ, по словамъ г. Мерцалова, указывается даже способъ разбойничьей казни: ихъ «покореняли». Обрубивши съ одной стороны корни большаго дерева, крестьяне его нѣсколько приподнимали, а въ образовавшееся углубленіе втискивали разбойника, затѣмъ дерево опускали на свое мѣсто, и человѣка какъ не бывало.

Одинаково интересны и остальныя статьи пятаго тома «Вологодскаго Сборника», какъ, напримѣръ, «Разореніе Вологодскаго края въ 1612—1613 году» (составляющая продолженіе статьи того же автора, подъ заглавіемъ «Дѣятельность городовъ нынѣшней Вологодской губерніи въ Смутное время», помѣщенной въ «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1883—1884 годовъ), а также «Никольскій уѣздъ», «Кустарный промыселъ лѣсотехническихъ продуктовъ» и друг. Статья Ф. А. Арсеньева, какъ и всѣ его прежнія изслѣдованія, отличается основательностью собранныхъ для того матеріаловъ. Нынѣшнее его изслѣдованіе появилось въ печати очень кстати, потому что въ Вологдѣ, въ декабрѣ прошлаго года, произошло открытіе постоянной торгово-промышленной выставки кустарныхъ издѣлій Вологодской губерніи. Въ изданномъ по этому случаю «Протоколѣ засѣданія особаго присутствія по развитію кустарныхъ промысловъ Вологодской губерніи» (Вологда, 1887 года) указывается, что на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Москвѣ, въ 1882 году, вологодскій кустарный отдѣлъ, по качеству и разнообразію выставленныхъ издѣлій, занималъ, послѣ московскаго и вятскаго,

первое мѣсто. Но нельзя не замѣтить, что нѣкоторые кустарные промыслы Вологодской губерніи, такъ сказать, вымерли, а другіе находятся наканунѣ своего вырожденія. Такъ, за отсутствіемъ постояннаго и правильнаго сбыта. прекратилось славившееся въ свое время финифтяное производство въ Устюгѣ и сканная серебряная работа въ Сольвычегодскѣ. Лучшія берестяныя издѣлія производятся нынѣ только однимъ мастеромъ Аѳанасіемъ Вепревымъ, крестьяниномъ деревни Курово-Наволокъ (Шемогодской волости, Устюгскаго уѣзда), который работаетъ исключительно по спеціальнымъ заказамъ. Точно также черневыя серебряныя издѣлія въ Устюгѣ Великомъ съ 1852 года работаются только М. И. Кошковымъ, семидесятилѣтнимъ старцемъ, теряющимъ зрѣніе. Ему помогаетъ въ выдѣлываніи рисунка по серебру его родственникъ, молодой человѣкъ, которому Кошковъ намѣренъ передъ смертью довѣрить свой секретъ черневаго состава. Поэтому и означенный промыселъ, если не будетъ во время поддержанъ, может окончательно прекратиться. Между тѣмъ при Екатеринѣ II въ Устюгѣ существовала фабрика серебряныхъ черневыхъ издѣлій купца Аѳанасія Попова, на которой въ то время работало до 70 человѣкъ. На ней образовались извѣстные впослѣдствіи мастера черневаго дѣла, самостоятельные хозяева, братья Жилины, Островскій, Гущинъ. Даже въ 1817 году, по книгамъ мѣстной пробирной палатки, въ Устюгѣ еще находилось 29 мастеровъ и мастерицъ черневыхъ издѣлій. Очевидно, серебряныя черневыя издѣлія вышли изъ той моды, въ которой они были въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, а вмѣстѣ съ прекращеніемъ спроса на нихъ не было возможности для мастеровъ этого дѣла въ Устюгѣ продолжать съ выгодою свои работы.

П. У.

В. Н. Татищева разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Съ предисловіемъ и указателями Нила Попова. М. 1887.

Это весьма важное сочиненіе Татищева, представляющее собою довольно полную апологію просвѣщенія, изложенную въ діалогической формѣ, очень долгое время оставалось совершенно неизвѣстнымъ. О «Разговорѣ» знали только по упоминанію о немъ въ «Духовной» Татищева и въ каталогѣ Новиковскихъ изданій прошлаго столѣтія. Первый воспользовался «Разговоромъ» и сдѣлалъ изъ него извлеченія профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ статьѣ своей о Татищевѣ (напеч. въ «Древней и Новой Россіи» за 1875 г.), причемъ онъ пользовался рукописями Публичной Библіотеки. Въ настоящее время профессоръ Н. Поповъ, извѣстный знатокъ Татищева и его времени, издалъ «Разговоръ» по четыремъ рукописямъ и снабдилъ его необходимыми примѣчаніями и указателями.

Этотъ «Разговоръ», свидѣтельствующій о громадной начитанности Татищева и даже о весьма основательномъ изученіи современной ему европейской философіи, важенъ еще и потому, что помимо всѣхъ другихъ сочиненій Татищева выражаетъ его собственные и современные ему взгляды на науку и просвѣщеніе въ русскомъ обществѣ начала XVII вѣка. Хотя, конечно, какъ сынъ своего вѣка, онъ раздѣляетъ съ нимъ и нѣкоторыя его заблужденія, подраздѣляя, напримѣръ, науки «на нужныя, полезныя, щегольскія или увеселяющія (къ которымъ Татищевъ относилъ и стихотворство, и музыку, и скоморошество, и волтижированье, и живопись), любо-

пытныя или тщетныя, и вредныя» (волхвованіе, чернокнижество и колдовство); однако же, во всемъ изложеніи главной сущности «Разговора» слышится умный, здравый и просвѣщенный русскій человѣкъ. Такъ, напримѣръ, признавая, что слѣдуетъ отличать «ложную мудрость» отъ истинной философіи, онъ, однако же, философію, какъ науку, защищаетъ и рѣзко осуждаетъ тѣхъ римскихъ епископовъ, которые враждовали съ наукой и философіей. Пользу образованія Татищевъ, при этомъ, старается доказать и тѣмъ, что въ сословіи образованномъ совершается меньше преступленій, чѣмъ въ необразованномъ. Но болѣе всего поражаетъ Татищевъ современнаго читателя тѣмъ выводомъ, что, по его мнѣнію, главная и высшая наука есть познаніе самого себя, въ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствахъ, «чрезъ что̀ человѣкъ приводится къ настоящему и будущему благополучію».

Рекомендуя сыну, въ «Духовной» своей, чтеніе этого «Разговора», умный и проницательный Татищевъ говоритъ, что онъ изъ этого чтенія «желаетъ сыну пользу пріобрѣсти»... «однако жъ все оное вѣрить и за истину непоколебимую принимать и содержать не принуждаетъ».

П. Л. В.

Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго Общества. Т. IV. Спб. 1887.

Независимо отъ протоколовъ засѣданія славяно-русскаго Отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго Общества за истекшій академическій годъ (1885—1886), вышедшій томъ «Записокъ» Отдѣленія заключаетъ въ себѣ нѣсколько солидныхъ по объему и содержанію ученыхъ изслѣдованій и трудовъ. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ двѣ работы неутомимаго археолога Д. И. Прозоровскаго: «Великій Новгородъ по четыремъ новгородскимъ лѣтописямъ съ дополненіями по другимъ источникамъ до конца первой четверти XVIII в.» и «Древній Псковъ по двумъ псковскимъ лѣтописямъ, съ дополненіями изъ другихъ старыхъ источниковъ до конца XVII в.».

Не удовлетворяясь существующими въ нашей исторической литературѣ изслѣдованіями по новгородскимъ древностямъ митрополита Евгенія (1808). И. П. Муравьева, М. П. Погодина (въ его «Изслѣдованіяхъ»), И. И. Красова (о мѣстоположеніи древняго Новаго-города, 1851 года) и архимандрита Макарія (Описаніе новгородскихъ церковныхъ древностей, 1860 года), г. Прозоровскій пришелъ къ мысли о необходимости сдѣлать сводъ всѣхъ извѣстій первоисточниковъ о мѣстностяхъ и церквахъ Новгорода, а также и о бывшихъ въ немъ пожарахъ, составленный такъ, чтобы извѣстія о каждомъ урочищѣ групировались отдѣльно. Такую энциклопедію новгородскихъ древностей, въ азбучномъ порядкѣ, и представилъ намъ г. Прозоровскій, облегчая тѣмъ трудъ новѣйшихъ изслѣдователей, которые могутъ, полагаясь на добросовѣстность почтеннаго археолога, обращаться къ его азбучной энциклопедіи, а не прямо къ «Полному собранію русскихъ лѣтописей», что̀ особенно неудобно для изслѣдователя-путешественника. Нельзя не пожалѣть, однако, что почтенный авторъ не пополнилъ статьи своего указателя данными о современномъ состояніи памятниковъ древняго Новгорода, хотя въ предѣлахъ того, что выяснено въ выше упомянутыхъ трудахъ по новгородскимъ древностямъ.

Совершенно въ томъ же духѣ, какъ и предыдущая работа, составленъ и «Древній Псковъ» и имѣетъ тоже значеніе подготовительной работы для будущаго археологическаго описанія Пскова, которое ждетъ своего автора.

Статья профессора Н. В. Покровскаго («Описанія миніатюръ гелатскаго евангелія») переноситъ насъ въ иную область и на почвѣ грузинской иконографіи затрогиваетъ принципіальные вопросы древне-христіанскаго искусства. Лицевое евангеліе Гелатскаго монастыря, близъ Кутаиса, относится къ XI—XII вв. и, стоя въ тѣсной связи съ Византіей, имѣетъ важность для уясненія исторіи иконографіи русской, историческое начало которой одинаково съ грузинской. Прекрасное, глубоко научное изслѣдованіе профессора Покровскаго иллюстрировано многими рисунками, воспроизводящими гелатскія миніатюры, причемъ первая таблица роскошно иллюминована, соотвѣтственно подлиннику.

О статьѣ «Скиѳскія древности» г. Лаппо-Данилевскаго, вошедшей въ этотъ томъ и затѣмъ выпущенной отдѣльнымъ оттискомъ, мы даемъ особый отзывъ.

Не лишены также интереса статьи П. Н. Петрова (Роспись доходовъ царства Московскаго, 1697—1698 гг.) и Н. Е. Бранденбурга (О раскопкахъ въ Староладожскомъ городищѣ).

Е. Г.

Отчеты о засѣданіяхъ императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1885—1886 году, съ приложеніями. Изданные подъ наблюденіемъ члена-корреспондента Е. М. Гаршина. Спб. 1887.

Большое инкварто, напечатанное крупнымъ цицеро на прекрасной бумагѣ, съ полями широкими въ ладонь, отъ которыхъ придетъ въ восторгъ любой библіоманъ, безукоризненная коректура, подробный алфавитный указатель личныхъ именъ,—таковъ внѣшній видъ этой брошюры, заключающей въ себѣ 84 страницы,—видъ, даже слишкомъ роскошный для ученаго Общества, которое должно обращать больше вниманія на внутреннее содержаніе своихъ изданій, чѣмъ на внѣшній блескъ ихъ. Содержаніе же этихъ «отчетовъ» состоитъ въ перечнѣ засѣданій Общества отъ 8-го ноября 1885 года по 9-е мая 1886 года. Почему брошюра начинается съ ноября и оканчивается маемъ прошлаго года, а выходитъ въ маѣ нынѣшняго?—объ этомъ ничего не говоритъ членъ, наблюдавшій за ея изданіемъ. Общество любителей древней письменности заслуживаетъ несомнѣнно вниманія и уваженія всего русскаго общества за свои плодотворные труды и превосходныя изданія по русской исторіи, палеографіи, археологіи. Періодическія изданія наши слѣдятъ за засѣданіями Общества и печатаютъ рефераты о сообщеніяхъ его членовъ по разнымъ предметамъ, входящимъ въ кругъ его дѣятельности. Понятно, что журналы, издающіеся не съ спеціально-учеными цѣлями, не могутъ помѣщать in extenso подобныхъ сообщеній, а газеты, занятыя «злобою дня», и не всегда имѣя въ своемъ распоряженіи репортеровъ-спеціалистовъ, дѣлаютъ иногда пропуски и промахи при передачѣ публикѣ чисто научныхъ фактовъ. Поэтому было бы весьма желательно появленіе полныхъ сообщеній въ отчетахъ самого Общества, и каждый читатель, вѣроятно, съ этой надеждой и возьмется за эти «отчеты». Но надежда его будетъ обманута. Брошюра даетъ

только самый краткій перечень того, что читалось въ засѣданіяхъ, и перечень этотъ даже гораздо короче того, который репортеры помѣщали въ ежедневныхъ газетахъ. Каждому засѣданію Общества посвящено не болѣе 2—3 страничекъ (въ двухъ засѣданіяхъ, впрочемъ, не было никакихъ «сообщеній», а только приношенія разныхъ вещей да выборы въ члены). Конечно, нѣкоторые—но весьма немногіе — рефераты печатаются потомъ въ издаваемыхъ Обществомъ «Памятникахъ древней письменности и искусства», но о бо́льшей части изъ нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что они читались въ такомъ-то засѣданіи. Читателю, конечно, интересно было бы узнать что нибудь побольше тѣхъ 15—20-ти строкъ разгонистой печати, которыя отведены интересному описанію Мерва съ XIII вѣка, Д. Ѳ. Кобеко, или сообщеніямъ А. П. Барсукова, но брошюра не указываетъ, гдѣ можно подробнѣе познакомиться съ этими рефератами. Интереснѣе всего въ брошюрѣ четыре приложенія, но пользы и надобности появленія въ печати такихъ сухихъ, краткихъ перечней интересныхъ сообщеній мы положительно не можемъ ни понять, ни признать.

В. З.

Скиѳскія древности. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1887. (Отд. оттискъ изъ IV т. „Записокъ" отд. русск. и слав. археологіи импер. русскаго археологическаго Общества).

Мы съ большимъ удовольствіемъ перелистали этотъ первый трудъ молодаго ученаго, только-что выступающаго на литературное поприще. Неопытность его отчасти видна въ томъ, что онъ не умѣлъ дать своему изслѣдованію подходящаго и вполнѣ опредѣленнаго заглавія и выбралъ именно такое, которое къ нему менѣе всего подходитъ. Въ своемъ изслѣдованіи онъ даетъ возможно-полную картину жизни, быта, обычаевъ и общественнаго устройства у различныхъ скиѳскихъ племенъ, собираетъ изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ источниковъ географическія и историческія свѣдѣнія о Скиѳіи и Скиѳахъ, исчерпываетъ всѣ данныя, доставляемыя литературою классическою и новѣйшею литературою русскою и иностранною, въ связи съ очень внимательнымъ изученіемъ данныхъ археологическихъ, и этому обширному изслѣдованію о Скиѳахъ даетъ ничего не поясняющее заглавіе: «Скиѳскія древности». Можно, право, подумать, что книга г. Лаппо-Данилевскаго заключаетъ въ себѣ простой каталогъ скиѳскихъ древностей, собранныхъ въ Эрмитажѣ. Большимъ недостаткомъ книги является отсутствіе всякаго руководящаго предисловія и какихъ бы-то-ни-было указателей. Посвятивъ своему труду нѣсколько лѣтъ, молодой изслѣдователь долженъ былъ положить еще немного труда на эти необходимыя дополненія къ своей книгѣ. Книга г. Лаппо-Данилевскаго очень богата фактами, выказываетъ въ немъ обширную начитанность и умѣнье ею пользоваться, но въ самомъ способѣ изслѣдованія замѣчается очень много юношескаго и совершенно излишняго педантизма. Такъ, напримѣръ, мы рѣшительно не понимаемъ, почему потребовалось автору археологическими данными доказывать, что «для охоты, кромѣ оружія, Скиѳы употребляли охотничьихъ собакъ?» (стр. 41). Или зачѣмъ было помѣщать (на стр. 36—37) длинный разсказъ о привязанности и уваженіи Скиѳовъ къ конямъ, о нахожденіи конскихъ остововъ въ курганахъ, чтобы прійдти къ выводу: «Скиѳы занимались коневодствомъ». Не проще ли было бы ограничиться однимъ этимъ выводомъ: конь, естественно, былъ

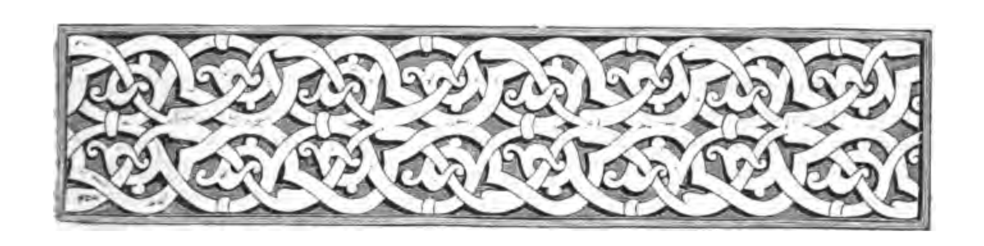
необходимѣйшимъ спутникомъ Скиѳа, какъ и всякаго кочевника. Желаніе быть черезчуръ точнымъ въ изслѣдованіи и все подтверждать цитатами доводитъ иногда молодаго автора до умозаключеній весьма странныхъ; такъ, напримѣръ, сообщая извѣстіе Эліана о томъ, что Скиѳы отравляли наконечники стрѣлъ змѣинымъ и трупнымъ ядомъ, г. Лаппо-Данилевскій ужъ совсѣмъ наивно замѣчаетъ: «Извѣстіе это, впрочемъ, не подтверждалось еще археологическими (?!) данными» (стр. 92); или же, опять-таки изъ желанія быть точнымъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 111), что «кони, впрягавшіеся въ колесницы, отличались (отъ верховыхъ) лишь тѣмъ, что лишены были сѣделъ». Въ сущности, мы ничего не знаемъ о сбруѣ и убранствѣ коней, впрягавшихся въ колесницы; слѣдовательно, и говорить о нихъ нечего... Но все, замѣченное нами, есть не болѣе, какъ плодъ излишняго усердія и нѣкоторой неопытности. Въ общемъ же, книга г. Лаппо-Данилевскаго есть трудъ весьма полезный и дающій возможность многаго ожидать отъ молодаго ученаго въ будущемъ.

П. П.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества, т. 58. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 годъ. Напечатано подъ наблюденіемъ секретаря Общества Г. Ѳ. Штендмана. Спб. 1887.

Переговоры о союзѣ съ Россіей, начатые Франціей въ 1721 году, тотчасъ по заключеніи Ништадтскаго мира, и длившіеся безъ всякаго успѣха втеченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ, представляются чрезвычайно интереснымъ фактомъ въ исторіи дипломатическихъ сношеній русскаго правительства съ иностранными державами. Документы, оставшіеся любопытнымъ памятникомъ этихъ сношеній, въ свое время были сообщены императорскомъ историческимъ Обществомъ въ 40-мъ, 49-мъ и 50-мъ томахъ его «Сборника». Но этими документами не исчерпывается содержаніе вопроса. Переговоры, прерванные смертью Петра Великаго, вскорѣ затѣмъ возобновились, по иниціативѣ уже самого русскаго правительства, которое теперь искало расположенія Франціи: ея представитель, де-Кампредонъ, былъ единственнымъ при нашемъ дворѣ посланникомъ великой европейской державы; черезъ Францію Екатерина I вела переговоры съ Англіей и съ Турціей и, наконецъ, ласкала себя надеждой выдать замужъ за герцога Бурбонскаго, а, можетъ быть, и за самого Людовика XV, свою дочь Елисавету Петровну. Все это давало пищу для оживленнѣйшихъ сношеній съ французскимъ дворомъ, которыя и отразились въ донесеніяхъ Кампредона. Притомъ же эти донесенія являются въ данномъ случаѣ единственнымъ источникомъ, потому что русскихъ свѣдѣній о совѣщаніяхъ и дѣлахъ дипломатическихъ, вѣдавшихся Екатериной I и ея ближайшими совѣтниками, не сохранилось. Въ протоколахъ, журналахъ и указахъ верховнаго тайнаго совѣта данныя о внѣшней политикѣ отличаются чрезвычайной скудостью и ограничиваются такого рода записями, какъ, напримѣръ: «было разсужденіе о дѣлахъ внѣшнихъ, о чемъ особливая записка учинена». Съ паденіемъ Остермана, въ рукахъ котораго сосредоточены были дѣла высшей важности и государственныя тайны, всѣ эти «особливыя записки» исчезли неизвѣстно куда. Утрата подлинныхъ историческихъ матеріаловъ придаетъ еще большее значеніе матеріаламъ, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ.

Е. Г.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Пушкинъ и литературное движеніе въ Россіи. — Мемуары князя Адама Чарторыскаго. — Жидовская Россія. — Сношенія Ивана IV съ Римомъ и Венеціей. — «Что дѣлать» графа Л. Н. Толстого. — Наши Бисмарки. — Петербургскіе скандалы. — Сборникъ Вогюэ. — Книга французскаго доктора о Болгаріи. — Брошюры Шарля Анри: письма Вольтера, диссертація Дидро, біографія Ватто и правда о маркизѣ де Садъ. — Англійскій писатель въ домашней жизни.

КЪ ЧИСЛУ лицъ, пишущихъ на французскомъ языкѣ о Россіи и знающихъ ее основательно, присоединился, въ послѣднее время, Гальперинъ-Каминскій, принимающій дѣятельное участіе въ журналѣ «La nouvelle revue». Въ іюньской книжкѣ онъ помѣстилъ выдающуюся статью «Литературное движеніе въ Россіи. А. С. Пушкинъ и его переписка» (Le mouvement littéraire en Russie. A. S. Pouchkine et sa correspondance). Съ поэтомъ нашимъ Франція давно уже знакома: еще въ 1847 году, книгопродавецъ въ Петербургѣ Беллизаръ (магазинъ котораго перешелъ потомъ къ Дюфуру и Мелье и процвѣтаетъ до сихъ поръ подъ управленіемъ И. И. Добрынина) издалъ два тома сочиненій Пушкина, переведенныхъ Генрихомъ Дюпономъ, профессоромъ въ институтѣ путей сообщенія. Въ этой книгѣ, сдѣлавшейся теперь библіографическою рѣдкостью, помѣщены: «Онѣгинъ», «Годуновъ», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Русланъ и Людмила», «Кавказскій плѣнникъ», «Цыгане», «Полтава», «Донъ Жуанъ» и 57 мелкихъ стихотвореній, переданныхъ весьма добросовѣстно, хотя и безъ поэтическаго одушевленія, но съ профессорской точностью и вѣрностію подлиннику. Съ тѣхъ поръ являлось немало и другихъ переводовъ нашего писателя, и значеніе его, какъ «національнаго поэта» (Дюпонъ озаглавилъ свой переводъ: «Oeuvres choisies de Pouchkine, poete national de la Russie), давно признано французами. Гальперинъ представилъ теперь литературную характеристику его какъ писателя, на основаніи его сочиненій, и какъ человѣка—на основаніи его корреспонденціи. Это было

тѣмъ легче сдѣлать критику, что онъ прекрасно владѣетъ русскимъ литературнымъ языкомъ и помѣщалъ статьи въ русскихъ журналахъ. (Въ «Наблюдателѣ» прошлаго года была затѣчательная статья его о пессимизмѣ, подъ фамиліей Каминскаго). Авторъ начинаетъ свою статью описаніемъ чествованія памяти поэта въ пятидесятилѣтнюю годовщину его безвременной кончины. Замѣтивъ, что изученіе Пушкина сильно подвинулось въ особенности съ 1880 года, когда, послѣ открытія ему памятника въ Москвѣ, стали появляться въ журналахъ его письма, Гальперинъ находитъ, что поэтъ при жизни, какъ по смерти, встрѣтилъ сильную опозицію въ лицѣ ненавистниковъ всякаго прогреса. Упомянувъ объ одѣ «Вольность», за которую поэтъ былъ высланъ въ 1820 году въ южную Россію, авторъ приводитъ письмо Нессельроде къ Инзову, подъ надзоръ котораго отданъ былъ Пушкинъ. Вогюэ, въ своемъ этюдѣ о русскомъ поэтѣ, придавая слишкомъ много значенія «Кавказскому плѣннику», котораго самъ авторъ не считалъ въ числѣ своихъ лучшихъ поэмъ, приписываетъ слишкомъ многое вліянію Байрона, безъ котораго не явились бы ни «Онѣгинъ», ни «Цыгане», ни даже «Полтава». Гальперинъ совершенно основательно опровергаетъ это мнѣніе, говоря, что Онѣгинъ—типъ отрицательный, что этотъ «русско-космополитическій романтикъ въ Чайльдъ-Гарольдовомъ плащѣ» стушевывается передъ героинею поэмы, простой провинціальною дѣвушкою. Что же касается до Алеко, еще Достоевскій замѣтилъ въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкину, что это чисто русскій типъ, что и теперь эти бродяги скитаются по Руси, въ поискахъ за счастіемъ, возможнымъ для человѣчества. Алеко и Онѣгинъ—прототипъ Печорина, Рудина, Лаврецкаго, Болконскаго, Раскольникова. Вообще обвиненіе въ байронизмѣ слѣдуетъ снять съ поэта, особенно въ виду его послѣднихъ произведеній. Разсказавъ, какъ поэту, въ 1824 году, было приказано жить безвыѣздно въ своей деревнѣ, на этотъ разъ не за стихи, а вслѣдствіе перехваченнаго письма, въ которомъ поэтъ высказывалъ предпочтеніе Шекспиру передъ библіей и рисовался атеистомъ—чѣмъ онъ въ сущности никогда не былъ—Гальперинъ говоритъ, что два съ половиною года, проведенные Пушкинымъ въ глуши, имѣли огромное вліяніе на развитіе его дарованія и знакомство съ особенностями русскаго быта. Тамъ создалъ онъ «Бориса Годунова», не понятаго современниками. Только Мицкевичъ писалъ поэту: «Tu Shakespeare eris, si fata sinant». Съ новымъ царствованіемъ судьба поэта облегчилась, но не надолго. Хотя самъ Николай I обѣщалъ Пушкину быть его цензоромъ, но между поэтомъ и императоромъ былъ такой посредникъ, какъ Бенкендорфъ, и надо было пять лѣтъ ждать позволенія напечатать «Бориса Годунова», а придирки цензуры III Отдѣленія и министерства просвѣщенія до того раздражили поэта, что онъ просилъ разрѣшенія вырваться изъ Россіи, если не въ Европу, то хоть въ Китай. Ему, разумѣется, не позволили уѣхать. Онъ искалъ утѣшенія въ семейной жизни, но и она не принесла ему счастія и спокойствія. Гальперинъ говоритъ объ этой жизни по воспоминаніямъ графа Соллогуба, помѣщеннымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». О дуэли, о послѣднихъ дняхъ поэта не говорится ничего новаго и приводится только защита Н. С. Лѣсковымъ князя Гагарина-іезуита отъ обвиненія въ составленіи пасквильнаго диплома, посланнаго Пушкину. Письмами къ Бенкендорфу и Дантесу и словами Жуковскаго и Достоевскаго о громадной потерѣ, понесенной Россіей со смертью поэта, оканчивается статья, знакомящая французовъ съ Пушкинымъ, по его собственнымъ письмамъ.

— Изъ серьезныхъ книгъ обманули всеобщее ожиданіе «Мемуары князя Адама Чарторыскаго и его корреспонденція съ Александромъ I» (Memoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I). Отъ мемуаровъ ждали интересныхъ сообщеній и разоблаченій — оказались отрывочныя, мало содержательныя воспоминанія, относящіяся къ молодымъ годамъ автора его жизни въ Австріи, Италіи, Россіи при Екатеринѣ и Павлѣ, къ его дружескимъ отношеніямъ къ Александру I, когда тотъ былъ цесаревичемъ и въ первые годы его царствованія. Мемуары обнимаютъ періодъ отъ 1776 года до 1823 года; между тѣмъ, Адамъ Чарторыскій родился въ 1770 году, а умеръ въ 1862 году. О послѣднихъ сорока годахъ не говорится ни слова, если не считать разсужденій Шарля Мазада, написавшаго обширное предисловіе и примѣчанія къ мемуарамъ. О роли князя Адама въ эмиграціи, признавшей его польскимъ королемъ, также не упоминается вовсе. Вторая часть заключаетъ въ себѣ письма князя къ императору; въ нихъ, конечно, много любопытнаго, но очень много пробѣловъ, и еще больше недосказаннаго и неразъясненнаго. Критикъ англійскаго журнала «Athenaeum» замѣчаетъ, что не было примѣра, чтобы корреспонденція не обнародовалась втеченіе такого долгаго времени—болѣе шестидесяти лѣтъ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что семейство князя все еще надѣялось это время на возстановленіе Польши и рѣшилось опубликовать переписку, когда всякая надежда уже потеряна. Характеристика русскаго императора въ мемуарахъ князя полнѣе и ближе къ истинѣ, чѣмъ въ запискахъ герцогини Абрантесъ (Жюно), воспоминаніяхъ г-жи Криднеръ и Шуазель-Гуфье. Чарторыскій представляетъ Александра I полнымъ достоинства, мягкости, величія и человѣколюбія, въ соединеніи съ могуществомъ и политическою ловкостью. Польскій князь отзывается съ уваженіемъ о русскомъ императорѣ, даже въ то время, когда между ними произошелъ разрывъ, и отецъ Адама былъ первымъ министромъ Польши во время ея союза съ Наполеономъ. Князь замѣчаетъ, что ни одинъ русскій не можетъ благосклонно и справедливо относиться къ Польшѣ. Александра II онъ называетъ снимкомъ съ Александра I. Любопытнѣе всего письма Адама въ 1812 году, когда онъ просилъ разрѣшенія оставить русскую службу, такъ какъ лица, стоявшія въ главѣ представительныхъ учрежденій Польши, вмѣстѣ съ его отцомъ, потребовали, чтобы всѣ поляки не служили больше въ Россіи.

— Нельзя отказать въ серьезномъ значеніи книгѣ К. Вольскаго «Жидовская Россія» (La Russie juive). Это ровень къ извѣстной книгѣ Дрюмона «Жидовская Франція», надѣлавшей столько шума въ прошломъ году, какъ ни старалась замолчать ее французская и въ особенности нѣмецкая журналистика. Въ отношеніи къ фактамъ книга Вольскаго уступаетъ сочиненію Дрюмона, и отношенія еврейства къ Россіи, его роль и значеніе въ нашемъ быту очерчены очень слабо. За то въ книгѣ выражены стремленія и надежды еврейства, готовящагося, и въ недалекомъ будущемъ, не только создать свое государство въ государствѣ, но и подчинить весь міръ своему владычеству. Эти тенденціи всего яснѣе высказаны въ секретной рѣчи великаго раввина къ своимъ соотечественникамъ, приведенной Джономъ Редклифомъ. Вотъ что говоритъ раввинъ: «Восемнадцать вѣковъ мы боремся съ крестомъ, и народъ нашъ не отступаетъ и не падаетъ въ борьбѣ. Если онъ разсѣялся по всей землѣ, то потому, что вся земля должна ему принадлежать. Власть его съ каждымъ днемъ увеличивается. Мы теперь обладаемъ тѣмъ богомъ, котораго

воздвигъ намъ Ааронъ въ пустынѣ и который теперь служитъ настоящимъ богомъ нашего времени. Только сдѣлавшись единственными хозяевами золота на землѣ, этой величайшей силы, къ которой стремится человѣкъ, мы достигнемъ того, что дѣйствительная власть перейдетъ въ наши руки. Ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ вѣковъ въ руки наши не было дано столько золота, какъ въ девятнадцатомъ, и слѣдующіе вѣка будутъ намъ принадлежать. Теперь всѣ короли и царствующія лица обременены долгами, заключенными для содержанія огромныхъ армій; биржа регулируетъ эти долги, но хозяева биржи—мы. Ссужать государства подъ залогъ ихъ желѣзныхъ дорогъ, рудъ, лѣсовъ, фабрикъ, недвижимыхъ имуществъ, наконецъ, дойдти до ссудъ подъ сборъ налоговъ, — вотъ наша программа. Усилія наши должны быть направлены къ пріобрѣтенію земельныхъ участковъ. Когда имущества землевладѣльцевъ перейдутъ къ намъ, трудъ христіанскихъ работниковъ сдѣлается для насъ неистощимымъ источникомъ доходовъ. Пролетарій—самый покорный слуга спекуляціи. Мы стонали въ вавилонскомъ рабствѣ, а теперь сдѣлались могущественны. Восемнадцать вѣковъ мы были рабами, а въ настоящее время стоимъ выше всѣхъ другихъ народовъ. Но мы должны упорно трудиться, чтобы ослабить вліяніе христіанской церкви, нашего опаснѣйшаго врага. Необходимо возбуждать препирательства въ многочисленныхъ сектахъ христіанства, унижать его священниковъ. Займемъ мѣста преподавателей въ христіанскихъ школахъ. Комерція и спекуляція никогда не должны выходить изъ нашихъ рукъ. Каждая война, каждое политическое потрясеніе приближаютъ насъ къ тому моменту, когда мы достигнемъ нашей высшей цѣли. Намъ должны быть доступны всѣ общественныя должности, съ которыми связаны привилегіи, почести, власть; что же касается до тѣхъ, которыя требуютъ знанія, заботъ, труда,—такія можно предоставить христіанамъ. Магистратура—учрежденіе первой важности для насъ, также какъ законовѣдѣніе. Во всѣхъ отрасляхъ наукъ, искусствъ, литературы мы должны поддерживать своихъ соотечественниковъ. Медикъ посвящается въ самыя интимныя тайны семьи и держитъ въ своихъ рукахъ жизнь и честь нашихъ смертельныхъ враговъ христіанъ. Послѣ золота всего важнѣе печать, и мы должны стоять во главѣ всѣхъ ежедневныхъ изданій во всѣхъ государствахъ. Наши интересы требуютъ, чтобы мы выказывали сочувствіе соціальнымъ вопросамъ дня, улучшенію быта рабочаго класса, но на самомъ дѣлѣ мы должны увеличивать пролетаріатъ, чтобы имѣть возможность поднять массы и направить ихъ къ саморазрушенію, къ революціямъ». Такія откровенныя и правдивыя признанія лучше всего опредѣляютъ цѣли и стремленія жидовъ всего міра.

— Историческое значеніе имѣетъ также новое сочиненіе іезуита Пирлинга «Баторій и Поссевинъ. Неизданные документы объ отношеніяхъ папскаго престола къ славянамъ». (Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports de Saint Siège avec les slaves). Изъ 72-хъ документовъ, найденныхъ авторомъ въ итальянскихъ архивахъ, видно, что главною цѣлью посольства Поссевина въ Москву и Польшу было не только примиреніе ихъ, но и походы государей обѣихъ странъ противъ турокъ, съ цѣлью выгнать ихъ изъ Византіи. Отправляясь въ Москву, папскій нунцій остановился въ Венеціи, съ цѣлью склонить и ее къ союзу. Республика присоединилась къ нему на словахъ, потому что война могла повредить ея торговлѣ съ Востокомъ. Оффиціальные документы 1581—1582 годовъ о бесѣдахъ нун-

ція съ Иваномъ IV и Баторіемъ уже давно обнародованы, а теперь являются въ свѣтъ не менѣе любопытныя письма Поссевина о томъ же предметѣ. Любопытенъ эпизодъ, сообщаемый въ этихъ письмахъ о томъ, какъ московскій посолъ (собственно гонецъ) представилъ подложное письмо отъ царя къ венеціанскому дожу, а его отвѣтъ царю поручилъ отвезти простому курьеру, котораго ограбили на дорогѣ, и Иванъ IV не получилъ письма, изъ котораго узналъ бы о продѣлкѣ Шевригина.

— Какая-то Марина Половская и Дебарръ перевели «Что дѣлать?» Л. Н. Толстого (Que faire? par le comte Leon Tolstoï, première traduction française par Marina Polowsky et Debarre). Французская критика считаетъ этотъ психологическій этюдъ самымъ характеристичнымъ произведеніемъ Л. Н., «лучше всего объясняющимъ состояніе русской души въ зажиточныхъ классахъ». Авторъ, въ виду людскихъ бѣдствій и нищеты, отправляется въ Москву уничтожать пауперизмъ и лѣность. Онъ ищетъ помощниковъ между окружающими его лицами.—Вы можете разсчитывать на мою нравственную поддержку,—говорятъ ему, и никто не двигается съ мѣста. Онъ раздаетъ деньги нуждающимся, посѣщая ихъ въ трущобахъ, и убѣждается, что эти деньги только поддерживаютъ пороки, поощряютъ лѣнь, распространяютъ нищенство. Что же дѣлать?—спрашиваетъ онъ себя и находитъ отвѣтъ въ словахъ апостола Іоанна: «Имѣющій двѣ одежды—пусть отдастъ одну тому, у кого ея нѣтъ; у кого есть пища—пусть раздѣлитъ ее съ голоднымъ». Что же касается до соціальныхъ условій, цивилизаціи, наукъ, искусствъ, промышленности,—авторъ обѣщаетъ поговорить объ нихъ впослѣдствіи. А покамѣстъ предлагаемое имъ рѣшеніе вопроса о нищетѣ—предоставить почину богатыхъ, не находитъ послѣдователей.

— Какой-то Носовъ издалъ «Наши маленькіе Бисмарки» Щедрина (Nos petits Bismarcks par N. Chtchédrine, traduit du russe par Serge Nossoff), хотя Щедринъ не писалъ сатиръ подъ этимъ названіемъ. Но этимъ именемъ переводчикъ называетъ начальниковъ нашихъ губерній, «для того, чтобы характеризовать ихъ деспотизмъ, и претензіи на глубину ихъ политики»,—говоритъ французская критика, находя, что типы эти не даютъ высокаго понятія объ административномъ русскомъ персоналѣ. «Старые, развинченные генералы, разорившіеся кутилы, получающіе губерніи, чтобы поправить свои обстоятельства и свое здоровье—таковы, по большей части, лица, представляющія въ провинціи центральную власть. Лучшіе изъ нихъ—пустые формалисты, не дѣлающіе по крайней мѣрѣ зла». Французы съ любопытствомъ читаютъ похожденія этихъ лицъ, хотя ихъ собственные префекты также далеко не представляютъ идеалъ провинціальныхъ правителей.

— Уже прямо съ цѣлью поймать довѣрчиваго читателя на пикантное заглавіе, кто-то издалъ «Петербургскіе скандалы» (Les scandales de S.-Petersbourg). Но жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что эта книга вродѣ «Les scandales de Paris» или «Берлинскихъ скандаловъ» Оскара Мединга (Самарова). Это даже и не романъ, а просто передѣлка и мѣстами подстрочный переводъ книги В. О. Михневича «Язвы Петербурга». Изъ десяти главъ порнографическому элементу посвящена всего одна глава о проституціи русской столицы, да и та полна больше статистическими выводами и нравственными разсужденіями. Объ общественной жизни даютъ понятіе знаменитые судебные процессы, изложенные авторомъ. Книга расходится бойко—не такъ какъ ея оригиналъ—благодаря страсти ко всему русскому, не перестающей господствовать во Франціи.

— Руссофилъ виконтъ Вогюэ издалъ томъ «Воспоминаній и видѣній» (Souvenirs et visions), гдѣ помѣщено семь статей, большею частью, уже извѣстныхъ по прежнимъ изданіямъ автора «Восточныхъ разсказовъ», «Сиріи, Палестины и горы Аѳона», «Сына Петра Великаго», «Русскаго романа» и др. «Маріетъ-бей въ Египтѣ» представляетъ характеристику работъ и заслугъ этого археолога; «Кортесъ въ Мексикѣ» воскрешаетъ въ памяти блестящую карьеру этого авантюриста XVI вѣка; «Юбилей женевской реформаціи» въ 1855 году, «Прага и чехи въ 1866 году»—два прекрасныхъ очерка. Три послѣднія статьи сборника относятся къ Россіи и описываютъ «Московскую выставку 1882 года», «Въ степяхъ Донца» 1884 года и «Въ Крыму» 1886 года. Послѣдняя статья наполнена воспоминаніями о войнѣ 1854 года, во время которой, какъ говоритъ авторъ, «мы полюбили—и не безъ причины—нашего рыцарскаго непріятеля и получили отвращеніе отъ нашихъ союзниковъ».

— Въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы говорили о двухъ брошюрахъ, касающихся Болгаріи—нѣмецкой и итальянской. Отмѣтимъ еще третью французскую, написанную докторомъ, Шарлемъ Руа: «Политическія и военныя воспоминанія о Болгаріи» (Souvenirs politiques et militaires de Bulgarie). Эта маленькая страна легко можетъ повести къ большой европейской войнѣ, какъ Шлезвигъ повелъ къ Садовой и Седану, и потому все, что касается Болгаріи, такъ интересуетъ Европу. Докторъ Руа долго жилъ въ только что освобожденномъ княжествѣ и подробно описываетъ революцію 6-го сентября, войну съ Сербіей, переворотъ 9-го августа. Онъ обсуждаетъ причины паденія Батенберга и неуспѣхи миссіи генерала Каульбарса, говоритъ о неблагодарности освобожденныхъ народовъ къ своимъ освободителямъ и выводитъ слѣдующее заключеніе: «Болгарскій князь—врагъ Россіи не можетъ существовать и, даже питая симпатію къ князю Александру и болгарамъ, должно сознаться, что они пошли по ложной дорогѣ, платя неблагодарностью за то, что для нихъ сдѣлала Россія, по отношенію къ которой они поступили также, какъ итальянцы по отношенію къ Франціи».

— Намъ приходилось уже говорить о сочиненіяхъ Шарля Анри, французскаго писателя, автора многихъ любопытныхъ изслѣдованій ученыхъ и литературныхъ. Теперь къ изданнымъ имъ найденнымъ вновь письмамъ Даламбера и дѣвицы Леспинасъ, о которыхъ мы уже дали отчетъ, авторъ доставилъ намъ еще четыре любопытныя брошюры. Въ первой «Вольтеръ и кардиналъ Квирини» (Voltaire et le cardinal Quirini) г. Анри напечаталъ 12 открытыхъ имъ въ Венеціи писемъ Вольтера къ камергеру папы Бенедикта XIV (Ламбертини). Французскій писатель, заботившійся о распространеніи своей славы и своихъ произведеній за границей, послалъ кардиналу въ 1745 году свою поэму «Фонтенуа» съ любезнымъ письмомъ на итальянскомъ языкѣ и съ комплиментами, въ родѣ того, что «французы, какъ и всѣ другіе народы, обязаны Италіи всѣми своими науками и искусствами». Квирини перевелъ на латинскій языкъ нѣкоторыя главы поэмы. Вольтеръ разсыпался въ благодарности, говоря, что съ восхищеніемъ прочелъ переводъ, вмѣстѣ съ маркизою Шателе, «которая также легко читаетъ Виргилія, какъ и Ньютона». Квирини послалъ ему свою біографію кардинала Полуса, потомъ латинскій и итальянскій переводъ начала «Генріады». Вольтеръ, въ свою очередь, подноситъ ему свою «диссертацію о древней и современной трагедіи», составляющую обширное предисловіе къ трагедіи «Семирамида». Эта диссертація также напечатана въ брошюрѣ, вслѣдъ за письмами, по первой редак-

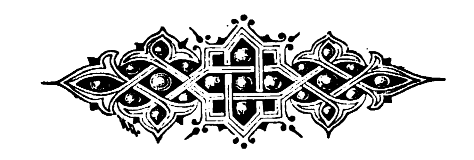
ціи и съ значительными варіантами. Въ этой диссертаціи находится знаменитое сужденіе Вольтера о «Гамлетѣ», «пьесѣ грубой и варварской, которую не перенесетъ самая низкая чернь Франціи и Италіи», и о самомъ Шекспирѣ, какъ о пьяномъ, хотя и даровитомъ дикарѣ. Письма Вольтера оканчиваются 1752-мъ годомъ. Они писаны хорошимъ итальянскимъ языкомъ, хотя и не безъ примѣси галлицизмовъ.

Вторая брошюра заключаетъ въ себѣ неизданный манускриптъ Дидро «Введеніе въ химію» (Introduction à la chymie). Знаменитый энциклопедистъ придавалъ большое значеніе этой наукѣ и говорилъ пространно о пользѣ ея въ своемъ «Планѣ университета для русскаго правительства», написанномъ въ 1775 году для Екатерины II. Въ этомъ «планѣ» онъ рекомендуетъ въ особенности императрицѣ курсъ химіи, составленный его учителемъ Руэлемъ, изданный послѣ его смерти съ дополненіями, сдѣланными его братомъ и докторомъ Дарсе. Къ этому курсу Дидро написалъ обширное введеніе, изданное теперь г. Анри, и ввелъ въ самый текстъ много поправокъ, вставокъ и примѣчаній. Введеніе отличается тѣми же свѣтлыми взглядами великаго ученаго и блестящимъ литературнымъ языкомъ, какимъ написаны всѣ статьи его въ «Энциклопедіи».—Въ третьей брошюрѣ помѣщена «Жизнь Антонія Ватто» (La vie d'Antoine Watteau). Объ этомъ знаменитомъ живописцѣ не сохранилось почти никакихъ біографическихъ свѣдѣній, когда братья Гонкуръ нашли случайно у букиниста «Жизнь Ватто», написанную графомъ Келюсъ, и издали ее со своими коментаріями. Теперь г. Анри издалъ эту біографію по подлинной рукописи Келюса, найденной имъ въ библіотекѣ Парижскаго университета. Что рукопись необходимо было напечатать въ ея первоначальномъ видѣ, доказывается уже тѣмъ, что въ ней до трехсотъ варіантовъ, изъ которыхъ многіе весьма существенны.—Наконецъ, четвертая брошюра—безъ имени автора—содержитъ въ себѣ «Правду о маркизѣ де Садъ» (La verité sur le marquis de Sade). Это не исторія полупомѣшаннаго порнографа или его отвратительныхъ произведеній, «съ которыми авторъ очень мало знакомъ». Это—нѣсколько документовъ, относящихся къ жизни маркиза и открытыхъ случайно въ архивахъ. Авторъ нашелъ ихъ любопытными во многихъ отношеніяхъ и не хотѣлъ, чтобы они остались неизданными. Для поясненія ихъ, онъ приводитъ факты изъ его жизни, къ которымъ относятся эти документы. Маркизъ принадлежалъ къ старинной исторической фамиліи; отецъ его былъ посланникомъ въ Россіи, королевскимъ намѣстникомъ четырехъ провинцій; предокъ его Гуго Садъ былъ мужемъ Лауры, воспѣтой Петраркою; мать происходила изъ дома кардинала Ришелье и принадлежала къ отрасли Бурбонъ-Конде. 23-хъ лѣтъ (въ 1763-мъ году) маркизъ уже былъ женатъ и сидѣлъ въ Венсенскомъ замкѣ за распутную жизнь. Черезъ пять лѣтъ—новый скандальный процессъ за истязаніе вдовы Келлеръ, которой маркизъ принужденъ былъ заплатить 2,000 ливровъ, просидѣвъ шесть недѣль въ тюрьмѣ. Наконецъ, въ 1772 году, вернувшись изъ Италіи и живя въ Провансѣ, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что въ бытность свою въ Марсели отравилъ въ публичномъ домѣ одну проститутку, угостивъ ее какими—то анисовыми лепешками. Другая проститутка уже во время процесса подала жалобу на возмутительные поступки съ нею маркиза и его лакея. Потомъ обѣ эти женщины отказались отъ своихъ показаній, но тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ къ смерти маркиза и его слугу. Напрасно жена подавала просьбы о помилованіи мужа, который между тѣмъ соблазнилъ ея

сестру и, чтобы спастись отъ казни, бѣжалъ въ Піемонтъ, гдѣ былъ, однако, арестованъ и заключенъ въ фортъ Міалонъ. Онъ бѣжалъ оттуда и скрывался до 1777 года, когда былъ найденъ у своей жены и запертъ въ Венсенскій замокъ. Процессъ его пересмотрѣли, признали его невиновнымъ въ отравленіи, но обвинили въ содоміи и заперли въ Бастилію, гдѣ онъ написалъ «Жюстину». Потомъ его перевели въ Шарантонъ, откуда въ 1790 году выпустили на свободу, и онъ, разведясь съ женой, занялся литературой, писалъ поэмы, стихи (къ бюсту Марата). Робеспьеръ посадилъ его какъ аристократа въ тюрьму, откуда онъ вышелъ послѣ 9 термидора. Но первый консулъ велѣлъ въ 1806 году опять посадить его въ Сент-Пелажи за пасквиль на г-жъ Богарне, Талльенъ и Висконти. Предлогомъ къ его заключенію была все та же «Жюстина», хотя онъ постоянно утверждалъ, что не писалъ этого романа. Онъ умеръ въ Шарантонѣ въ 1814 году, просидѣвъ 29 лѣтъ въ одиннадцати разныхъ тюрьмахъ. Въ документахъ, нынѣ изданныхъ, опровергаются многія обвиненія, возведенныя на маркиза, и безъ того уже достаточно грязнаго. Вельшингеръ, авторъ «Цензуры во время имперіи», говоритъ, въ іюньской книгѣ журнала «Le livre», въ статьѣ объ управленіи книжнымъ дѣломъ въ ту же эпоху, что маркизъ былъ посаженъ въ Шарантонъ, за то, что написалъ «Жюльету», романъ еще болѣе омерзительный, чѣмъ «Жюстина».

— Мы должны также причислить къ произведеніемъ, бьющимъ на скандалъ, появившуюся въ Лондонѣ «Жизнь Розины, леди Литтонъ» (The life of Rosina, lady Lytton). Эта леди, рожденная Розина Уилеръ, вдова извѣстнаго романиста Эдуарда Бульвера-Литтона и мать англійскаго дипломата лорда Литтона, по смерти своей въ 1882 году, завѣщала всѣ свои бумаги миссъ Луизѣ Девей, своему другу, съ порученіемъ обнародовать ихъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не попали въ руки семейства Литтонъ. Миссъ Девей попыталась, два года тому назадъ, исполнить это завѣщаніе и напечатать письмо Эдуарда Бульвера къ своей женѣ. Но по жалобѣ сына его, лорда Литтона, судъ остановилъ обнародованіе этихъ писемъ, оскорбительныхъ для памяти писателя. Луиза Девей не преклонилась предъ этимъ приговоромъ и издала теперь біографію леди Бульверъ, основанную на другихъ неопровержимыхъ документахъ, не захваченныхъ судомъ и оставшихся у нея въ рукахъ. Розина разсказываетъ сама, какъ она познакомилась въ 1825 году съ блестящимъ джентльменомъ, уже и тогда пользовавшимся громкою литературою извѣстностью. Не смотря на его непомѣрное тщеславіе, она сдѣлалась женою романиста, но писатель, расточавшій нѣжныя сцены и возвышенныя чувства въ своихъ произведеніяхъ, оказался въ семейной жизни грубымъ деспотомъ, варварски обращавшимся съ женою. Уже въ 1828 году онъ угощаетъ ее жестокими пинками ногою, куда попало, не смотря на ея беременность. Онъ не стѣснялся поступать съ нею такимъ образомъ и при другихъ, и въ 1833 году горничная леди свидѣтельствуетъ, что онъ однажды такъ ударилъ жену, что та упала на полъ и расшиблась. Въ 1835 году, онъ удалилъ ее съ дѣтьми изъ Лондона на уединеную виллу и рѣдко посѣщалъ ее, заведя самъ любовницу. Жена наконецъ принесла жалобу и семья, во избѣжаніе скандала, убѣдила ихъ разойдтись. Но Бульверъ, отнявъ у нея дѣтей и назначивъ ей ничтожную пенсію, хотѣлъ развестись съ ней формально и окружилъ ее шпіонами, чтобы уличить въ невѣрности и затѣять процессъ; это ему, конечно, не удавалось, потому что жена его вела себя безукоризненно, но выведенная изъ терпѣнія его преслѣдованіями, она высказала на митингахъ, выбиравшихъ

ея супруга въ члены парламента, какого прекраснаго правителя пріобрѣтетъ въ немъ Англія. За это мужъ упряталъ жену въ домъ сумасшедшихъ. Ее, конечно, вскорѣ же выпустили, но и до самой смерти своего мужа, возстановившаго противъ нее дѣтей и семью, она вынесла столько горя и униженія, что надо только удивляться ея выносливости и терпѣнію. Книга Луизы Девей возбудила большіе толки въ англійской публикѣ, все еще держащейся того мнѣнія, что частная жизнь даже общественнаго дѣятеля должна быть святынею, о которой никто не смѣетъ говорить ни слова, какія бы мерзости въ ней ни дѣлались. Критикъ Athenaeum'a находитъ, что жизнь леди Литтонъ не стоитъ, чтобы ее описывать, и споры между мужемъ и женою нимало не интересны, тѣмъ болѣе, что нынѣшній лордъ Литтонъ опровергаетъ обвиненія въ недостойномъ поведеніи своего отца съ его женою. Еще бы! Но защищая своего отца, лорду не слѣдовало бы взводить обвиненія на свою мать, которую онъ никогда не видѣлъ, втеченіе всей ея жизни, какъ свидѣтельствуетъ Луиза Девей. Критикъ журнала «Academy» воздерживается отъ осужденія Луизы Девей только потому, что лордъ Литтонъ написалъ еще прежде своему отцу панегирикъ, въ которомъ осуждалъ свою мать. А что писатель мучилъ ее больше сорока лѣтъ,—объ этомъ не говорится ни слова.





СМѢСЬ.

ПРАЗДНЕСТВО столѣтія города Екатеринослава. 8-го мая и втеченіе двухъ слѣдующихъ дней, въ Екатеринославѣ торжественно праздновалось столѣтіе со дня основанія города. Еще наканунѣ праздника городъ сталъ украшаться флагами, транспарантами и вензелями основательницы города, Екатерины II, и нынѣ царствующаго государя. 9-го мая, по окончаніи богослуженія, настоятели всѣхъ церквей, при звонѣ колоколовъ, съ хоругвями и иконами, направились къ сборному пункту, между бульварами, а отсюда, въ сопровожденіи массы публики, отправились къ собору. Около собора, на площади передъ гимназіей и около Екатерининской рощи собралась масса народа, въ числѣ котораго было много пріѣхавшихъ изъ окрестныхъ деревень крестьянъ. По окончаніи литургіи, духовенство, сопровождаемое властями города и гласными думы, съ крестнымъ ходомъ отправилось на площадь, гдѣ на особо устроенной эстрадѣ, убранной зеленью и украшенной развѣвающимися флагами, было отслужено благодарственное молебствіе. Затѣмъ, гласные думы, начальствующія и особо приглашенныя лица отправились во дворецъ Потемкина, гдѣ открылось торжественное засѣданіе думы. Городской голова обратился къ гласнымъ съ рѣчью, послѣ которой былъ прочтенъ всеподданнѣйшій адресъ государю, тотчасъ же отправленный на телеграфъ. Дума постановила открыть на 4 года подписку въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи на сооруженіе памятника императору Александру II; постановлено также открыть пріемъ пожертвованій деньгами и книгами на учрежденіе общественной библіотеки. Губернскій предводитель дворянства обратился къ его императорскому величеству съ телеграммою и удостоился слѣдующаго отвѣта:

«Екатеринославскому губернскому предводителю дворянства.

«Благодарю васъ и въ лицѣ вашемъ екатеринославское дворянство за выраженныя мнѣ чувства въ день празднованія столѣтней годовщины съ основанія Екатеринослава. Столѣтіе городъ былъ свидѣтелемъ неизмѣнно вѣрной службы дворянства, не сомнѣваюсь въ томъ, что, памятуя завѣтъ предковъ, оно будетъ и впредь непоколебимо въ своей преданности престолу и дорогому отечеству.

«АЛЕКСАНДРЪ».

9-го мая, состоялся обѣдъ, устроенный въ залахъ зимняго помѣщенія англійскаго клуба. На обѣдѣ было около 150 человѣкъ. Въ Потемкиномъ саду и на Ярмарочной площади съ 3 часовъ дня было народное гулянье съ музыкой, а послѣ всенощной сожженъ фейерверкъ. Около 10 часовъ вечера, на площади, передъ зданіемъ гимназіи, были показываемы туманныя картины съ объясненіями, которыя давали М. М. Владиміровъ и М. И. Павленко; картины изображали путешествіе императрицы Екатерины II, портреты нѣкоторыхъ екатеринославскихъ губернаторовъ и архіереевъ и проч. Масса народа сочувственно встрѣтила устройство картинъ. 10-го мая, въ 12 часу происходила закладка зданія для дешевой столовой мѣстнаго благотворительнаго общества на Желѣзной улицѣ. Послѣ закладки, на томъ же дворѣ былъ устроенъ безплатный обѣдъ для бѣдныхъ, коихъ собралось около 400 человѣкъ. Угощали представители власти и члены благотворительнаго общества. Въ этотъ же день состоялось открытіе Брянскаго завода.

Торжественный актъ въ археологическомъ институтѣ. 10-го мая, въ археологическомъ институтѣ состоялся торжественный актъ по случаю четвертаго за время существованія этого учрежденія выпуска его слушателей. Въ актовой залѣ присутствовали многіе почетные гости. Торжественный актъ открылся рѣчью археолога Форстена о копенгагенскомъ архивѣ. Ораторъ сообщилъ краткія свѣдѣнія объ исторіи этого архива и обратилъ особенное вниманіе на тѣ документы, которые касаются историческихъ сношеній Даніи съ Россіей—въ XVI и XVII вѣкахъ. Затѣмъ послѣдовало сообщеніе отчета о состояніи и дѣятельности археологическаго института за 1885 и 1886 г. и рѣчь ректора С.-Петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго, по смерти прежняго директора и основателя института Н. В. Калачева назначеннаго директоромъ института. Во время чтенія отчета была произведена выдача аттестатовъ выслушавшимъ полный курсъ наукъ дѣйствительнымъ слушателямъ института: С. Гольдштейну (окончившему курсъ наукъ въ петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ), В. Полюхову (окончившему курсъ по историко-филологическому факультету С.-Петербургскаго университета), П. Романовскому, студенту юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета, А. Смирнову, окончившему курсъ въ историко-филологическомъ институтѣ и П. Шафранову, окончившему курсъ въ томъ же институтѣ. На основаніи положенія объ археологическомъ институтѣ они включены въ число дѣйствительныхъ членовъ института. Тогда же выданы были, по рѣшенію совѣта института, свидѣтельства выслушавшимъ полный курсъ институтскихъ наукъ вольнослушателямъ: М. Безсребренникову, Л. Бирюлькину, графу Н. Ланскому, В. Ливкину и причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія А. Селиванову. Эти лица исключены въ число сотрудниковъ института. Дѣятельность института исчерпывается слѣдующими фактами. Въ видахъ сохраненія памятниковъ русской старины совѣтъ ходайствовалъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о доставленіи въ институтъ и архивныя коммиссіи свѣдѣній о предметахъ древности и составилъ необходимыя для подлежащихъ лицъ и учрежденій руководственныя правила по этому поводу. Для приведенія въ извѣстность памятниковъ крымскихъ древностей и особенно крымскихъ архивныхъ документовъ, совѣтъ института командировалъ въ Крымъ профессора В. Д. Смирнова, который выполнилъ порученіе института и представилъ отчетъ о результатахъ своихъ крымскихъ занятій. Совѣтъ входилъ въ сношенія съ харьковскимъ историко-филологическимъ Обществомъ по дѣламъ архива бывшей малороссійской коллегіи и заботился объ изысканіи средствъ къ лучшему устройству этого архива. Совѣтъ устроилъ археологическія экскурсіи въ Новгородъ и Псковъ подъ руководствомъ спеціалистовъ. Къ дѣятельности совѣта института нужно отнести также изданіе «Вѣстника археологіи и исторіи» и обсужденіе многочисленныхъ вопросовъ о лучшей постановкѣ архивнаго дѣла. Въ числѣ трудовъ слушателей

института отмѣтимъ работы г. Селиванова, посѣтившаго Соловецкій монастырь для ознакомленія съ его древностями и осмотрѣвшаго многіе памятники старины въ губерніяхъ Архангельской, Вятской и друг., графа Ланскаго, изслѣдовавшаго остатки первобытной старины и нѣкоторые памятники христіанскихъ древностей въ Лугскомъ уѣздѣ. Частныхъ вечернихъ собраній было около 35. Эти собранія, всегда многолюдныя, благодаря въ высшей степени акуратному посѣщенію ихъ слушателями, вызывали живой интересъ къ дѣлу археологіи. Болѣе крупнымъ вкладомъ въ библіотеку института явилось пожертвованіе вдовы покойнаго директора института Л. А. Калачевой, передавшей сполна всю библіотеку мужа, заключающую въ себѣ свыше 4,000 книгъ. По отдѣлу рукописей поступили 1,200 свитковъ Каряженскаго монастыря (Вологодской губерніи), принесенныхъ въ даръ институту слушателемъ А. Ѳ. Селивановымъ. Музей института обогатился обширной коллекціей старинныхъ русскихъ монетъ. Общее количество предметовъ музея простирается до 3,000. Приступлено къ расширенію круга предметовъ институтскаго преподаванія.

Казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи. Съ 18-го марта 1887 года казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи вступило въ десятую годовщину своего существованія. Не смотря на такой незначительный періодъ времени, Обществу посчастливилось сдѣлать немало драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній, и оно по справедливости можетъ занимать почетное мѣсто между своими старѣйшими собратами. Изъ этихъ пріобрѣтеній слѣдуетъ отмѣтить: массу вещественныхъ памятниковъ, характеризующихъ культуру древняго Болгарскаго царства, находившагося въ области сліянія Волги и Камы; памятники Золотой орды, добытые при обслѣдованіи развалинъ городовъ Увека, Сарая и друг.; множество предметовъ бронзоваго и мѣднаго вѣковъ, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ и могилъ въ Волжско-Камскомъ краѣ; въ этомъ отношеніи особенно драгоцѣннымъ является знаменитый Ананьевскій могильникъ, относящійся къ весьма отдаленной эпохѣ; коллекціи каменныхъ и костяныхъ орудій, попадавшихся въ костищахъ по Камѣ и Вяткѣ, и проч. На памятникахъ эпохи Болгарскаго царства, на развалинахъ древняго города Болгара сосредоточено главное вниманіе, какъ единственныхъ драгоцѣнныхъ слѣдахъ культуры древняго царства Волжскихъ болгаръ. Городъ Болгаръ представляется нынѣ въ видѣ хаотической груды камней и щебня съ уцѣлѣвшими и реставрированными Обществомъ зданіями «Малаго Минарета» и такъ называемой «Черной Палаты». При ремонтѣ этихъ зданій подъ Черной Палатой былъ усмотрѣнъ сводъ, подъ которымъ находится другая, подземная палата; нѣкоторые изъ мѣстиыхъ крестьянъ входили въ подземную палату и видѣли ее. Нынѣ Общество энергически производитъ изслѣдованія на болгарскихъ развалинахъ, стремясь къ конечной своей цѣли, чтобы груды камней на нетронутой болгарской почвѣ обнаружили все то, что нѣсколько вѣковъ скрывается подъ землею. Общество, помимо изученія вопросовъ о первобытныхъ древностяхъ, немало времени посвящало и изученію вопросовъ, относящихся къ области исторіи и этнографіи. Нельзя не отмѣтить интересныхъ рефератовъ, которые касаются быта инородцевъ, населяющихъ область волжско-камскаго бассейна; къ числу этихъ рефератовъ относится: бытъ вотяковъ; о мишаряхъ (мещера); русское вліяніе на инородцевъ; о вѣрованіяхъ черемисъ и вотяковъ и проч. Рядомъ съ изученіемъ этнографіи мѣстнаго края Общество успѣло составить богатую этнографическую коллекцію, помѣщающуюся нынѣ въ двухъ комнаткахъ университетской мансарды и почти недоступную для публичнаго осмотра. Общество давно уже лелѣетъ мысль основать въ Казани историко-этнографическій музей, который могъ бы быть центральнымъ для средняго Поволжья, богатаго археологическими памятниками, историческими воспоминаніями и этнографическими особенностями, но не располагаетъ для этого

достаточными средствами. Пытался совѣтъ Общества просить думу оказать матеріальное содѣйствіе къ устройству этого музея, но ни сочувствія, ни поддержки въ думѣ оно не встрѣтило... Всѣ пріобрѣтенія Общества для науки относятся къ первымъ годамъ его существованія, къ годамъ процвѣтанія, когда оно пользовалось совѣтами и указаніями такихъ дѣятелей, нынѣ уже сошедшихъ со сцены, какъ «отецъ археологіи» графъ Уваровъ. Теперь надъ Обществомъ появился уже суровый призракъ равнодушія, такъ что собранія Общества составляются обыкновенно при участіи одного-двухъ десятковъ членовъ, хотя ихъ въ Обществѣ насчитывается около 140. А между тѣмъ припоминается недалекая пора, когда собранія эти были многолюдны, оживлены и привлекали многочисленную публику. Чѣмъ объяснить это?

Два конкурса на соисканіе премій. Совѣтъ петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, причемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византійской и славянской старины за указанное время. Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ совѣтъ Общества (въ Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11-го мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ. Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ на глухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпиграфъ рукописи. За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ 1.000 руб. Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р. Авторы сочиненій, не удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются преміею въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р., смотря по достоинствамъ сочиненія. Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ. Славянское Общество оставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

Болгарское учено-литературное Общество, извѣстное подъ именемъ «Болгарско-книжевно-дружество», въ Софіи, самымъ дѣятельнымъ членомъ и главою котораго состоитъ профессоръ Харьковскаго университета М. С. Дриновъ, объявляетъ конкурсъ на премію въ 2,000 франковъ за лучшее сочиненіе по «Исторіи воспитанія болгаръ въ Россіи». Изслѣдователь долженъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, періодъ времени, заключающійся между 1830—1880 годами, причемъ желательно нѣсколько болѣе обстоятельное изложеніе дальнѣйшей дѣятельности болѣе выдающихся русскихъ воспитанниковъ изъ болгаръ. Сочиненіе должно быть представлено къ 1-му декабря 1889 года и можетъ быть изложено на любомъ изъ славянскихъ языковъ. Премія эта учреждена въ память И. С. Аксакова, почему и названа «Аксаковской», — на деньги, пожертвованныя д-ромъ Молловымъ.

Пятидесятилѣтній юбилей профессоровъ Васильева и Березина. 30-го мая, С.-Петербургскій университетъ праздновалъ полувѣковой юбилей ученой дѣятельности двухъ своихъ профессоровъ: перваго синолога и тибетолога въ Европѣ, профессора по каѳедрѣ китайскаго языка В. П. Васильева и заслуженнаго профессора турецко-татарскаго языка, оріенталиста, лексиколога и писателя И. И. Березина. Василій Павловичъ Васильевъ родился въ 1818 году въ Нижнемъ Новгородѣ. Сперва онъ учился въ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ поступилъ въ гимназію, гдѣ окончилъ курсъ 14 лѣтъ. Два года, которые ему нужно было выждать до поступленія въ университетъ, В. П. перебивался уроками. 16 лѣтъ онъ перебрался въ Казань, гдѣ поступилъ въ университетъ, на фи-

лологическій факультетъ. Сперва онъ занялся греческимъ языкомъ, затѣмъ перешелъ на монголо-татарскій разрядъ восточнаго отдѣленія. Объ его успѣхахъ стали говорить въ Петербургѣ. Въ 1837 году, онъ кончилъ курсъ и черезъ два года получилъ степень магистра восточной словесности за диссертацію «Объ основаніяхъ буддистской философіи», вызвавшую сенсацію въ ученомъ мірѣ. Въ 1840 году, В. П. отправился въ Пекинъ, съ цѣлью подготовиться къ каѳедрѣ тибетскаго языка, и пробылъ тамъ 10 лѣтъ. Въ страшныхъ трудахъ и лишеніяхъ провелъ молодой ученый лучшіе годы своей жизни, но твердая воля взяла свое. Онъ окончилъ нѣсколько громадныхъ работъ по вопросу о буддизмѣ. Къ сожалѣнію, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, монументальныя работы эти и до сихъ поръ хранятся у него въ портфелѣ, также какъ и его подробныя географическія и этнографическія карты Китая. Вернувшись въ Казань, онъ, въ качествѣ экстраординарнаго профессора, получилъ каѳедру китайскаго и манчжурскаго языковъ. Черезъ три года онъ сдѣлался дѣйствительнымъ ординарнымъ профессоромъ. Результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ усидчиваго труда явились: китайскій лексиконъ, грамматика и хрестоматія, а также пособія для ознакомленія съ географіей, исторіей и литературой Китая. Въ 1856 году, съ переходомъ въ С.-Петербургскій университетъ, начинаютъ выходить въ свѣтъ его труды. Статьи его помѣщались большей частью въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», и между ними заслуживаетъ вниманія одна—о совершенно новой, имъ изобрѣтенной «графической системѣ китайскихъ іероглифовъ». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появились «Выписки изъ дневника, веденнаго въ Пекинѣ». Въ 1857 году, отпечатанъ его капитальный трудъ, произведшій громадное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ и изданный академіею наукъ: «Буддизмъ, его догматы, исторія и литература». Это только часть громаднаго, еще неизданнаго труда о конфуціанствѣ, даосизмѣ и другихъ религіозно-философскихъ ученіяхъ Китая; этотъ трудъ переведенъ на нѣмецкій и французскій языки. Получивъ степень доктора восточной словесности, В. П. былъ избранъ деканомъ факультета восточныхъ языковъ. Имъ отлитографированы для студентовъ китайскій словарь, грамматика, хрестоматія и пособія для изученія географіи, исторіи и литературы Китая и Манджуріи. В. П. читалъ, кромѣ китайскаго, и манджурскій языкъ, до приглашенія профессора Захарова. Не имѣя возможности печатать свои лингвистическіе труды, за неимѣніемъ китайскаго шрифта, онъ печаталъ статьи по публицистикѣ—о положеніи современныхъ дѣлъ въ Китаѣ, помѣщая ихъ въ «Пчелѣ», «Голосѣ» и другихъ изданіяхъ, отзываясь въ то же время на всѣ важнѣйшіе современные вопросы, особенно относящіеся къ нашимъ сношеніямъ съ Востокомъ. Въ ученыхъ обществахъ онъ читалъ рефераты по разнымъ предметамъ, не исключая финансовъ.

Илья Николаевичъ Березинъ родился въ Перми въ 1819 году и кончилъ курсъ въ мѣстной гимназіи, затѣмъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета. Въ 1837 году, онъ вышелъ со степенью кандидата и остался при университетѣ въ качествѣ профессоранта по восточному отдѣленію. Получивъ степень магистра восточной словесности, онъ отправился въ ученое путешествіе въ Персію, на три года. Труды его за это время помѣщались въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета». Въ 1845 году, И. Н. вернулся въ Казань и занялъ каѳедру турецкаго языка въ тамошнемъ университетѣ, какъ экстраординарный профессоръ. Въ Петербургъ профессоръ Березинъ перешелъ въ 1855 году. И. Н. извѣстенъ русской публикѣ какъ издатель единственнаго, современнаго, вполнѣ законченнаго «Русскаго энциклопедическаго словаря». Кромѣ того, онъ помѣщалъ массу статей по своей спеціальности въ «Москвитянинѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и друг. изданіяхъ, былъ сотрудникомъ «Голоса». Его «Описанія турецко-татарскихъ рукописей» и «Дополненія къ тюркской грам-

матикѣ» переведены на нѣмецкій языкъ. Словаря его давно уже нѣтъ въ продажѣ и два года тому назадъ И. Н. началъ издавать другой, менѣе обширный, въ 8-ми томахъ вмѣсто 16-ти, но, къ сожалѣнію, остановился на половинѣ третьяго тома (буква Г) и съ тѣхъ поръ ни однимъ словомъ не проговорился въ печати: будетъ ли онъ продолжать этотъ трудъ?

Двадцатипятилѣтняя годовщина смерти Л. А. Мея. 16-го мая, въ церкви Александровскаго лицея, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ заведенія съ ихъ начальствомъ и нѣсколькихъ изъ бывшихъ лицеистовъ, отслужена была панихида по безвременно погибшемъ въ 1862 году поэтъ-лицеистѣ XI курса Львѣ Александровичѣ Меѣ. Затѣмъ въ актовой залѣ лицея профессоръ русской словесности Н. П. Ждановъ прочелъ рѣчь о значеніи поэта въ русской литературѣ. Лекторъ обратилъ въ особенности вниманіе на элементъ народности, бьющій такимъ горячимъ ключомъ во всѣхъ произведеніяхъ писателя и заключилъ свою рѣчь оцѣнкою превосходной «Запѣвки» поэта, начинающейся стихомъ: «Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!» Наканунѣ, на скромной могилѣ поэта на Митрофаніевскомъ кладбищѣ, также отслужили панихиду родные и близкіе покойнаго. Газеты наши отдали въ этотъ день должную память блестящему дарованію писателя, посвятивъ ему сочувственныя статьи: «Новое Время», «Сынъ Отечества», «Живописное Обозрѣніе», «Всемірная Иллюстрація» помѣстили очерки жизни и трудовъ поэта, а иллюстрированныя изданія и портретъ его. Къ сожалѣнію, новое полное собраніе его сочиненій, издаваемое г. Мартыновымъ, не поспѣло къ этому дню. Мы отдаемъ отчетъ объ немъ въ отдѣлѣ «Библіографіи».

† 30-го мая, въ Петербургѣ послѣ непродолжительной болѣзни, на 69-мъ году, цензоръ драматическихъ сочиненій **Петръ Ивановичъ Фридбергъ.** Онъ кончилъ курсъ наукъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, удостоенный за успѣхи въ наукахъ серебряной медали. Съ учрежденіемъ главнаго управленія по дѣламъ печати, онъ былъ назначенъ цензоромъ драматическихъ сочиненій. Покойный немало потрудился и на литературномъ поприщѣ; съ 1873 года онъ состоялъ редакторомъ отдѣла «заграничныхъ извѣстій» въ газетѣ «Правительственный Вѣстникъ», въ которой помѣщалъ обозрѣнія политическихъ событій и другія статьи; въ 1877 году, министръ внутреннихъ дѣлъ назначилъ его членомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ учрежденную при министерствѣ народнаго просвѣщенія особую коммиссію по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ; на него возлагались и другія служебныя порученія. Покойный въ совершенствѣ владѣлъ новѣйшими языками и во время неоднократныхъ поѣздокъ за границу имѣлъ возможность близко изучить театральное дѣло, которое очень интересовало его. Онъ не дожилъ одного только дня до своего пятидесятилѣтняго юбилея.

† 7-го мая горный инженеръ **Николай Андреевичъ Іосса.** Бывшій воспитанникъ горнаго корпуса, покойный въ пятидесятыхъ годахъ служилъ, при петербургскомъ монетномъ дворѣ, управляющимъ передѣлкою серебра. Независимо отъ служебной дѣятельности, онъ посвящалъ немало времени научнымъ занятіямъ, помѣщая статьи, замѣтки и рецензіи по горному дѣлу и по вопросу о желѣзной промышленности, въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ.

† 27-го мая въ Москвѣ на 69-мъ году **Александра Петровна Мага̀-де-Лаплатіеръ.** Всю свою жизнь она посвятила воспитанію и образованію женщинъ, для чего не щадила ни трудовъ, ни затратъ. Покойная, вмѣстѣ съ своею сестрою Ю. П. Бессъ, была содержательницею женскаго пансіона въ Москвѣ, на Кисловкѣ. Число воспитанницъ въ пансіонѣ доходило до 150—170. Впродолженіе болѣе сорокалѣтняго существованія пансіона много тысячъ женщинъ получили свое образованіе и воспитаніе въ пансіонѣ покойной. Воспитанницы глубоко почитали ее за доброе, честное и справедливое къ нимъ отношеніе; учителя и воспитательницы уважали въ покойной умъ, добросовѣстность, твердость характера и замѣчательный тактъ. Г-жа Мага̀, вѣря

въ честность и добросовѣстность людей, никогда не рѣшалась удалять бѣдныхъ дѣвушекъ изъ пансіона, терпѣливо ожидая уплаты 3—5 лѣтъ, которой часто и вовсе не получала. Императрица обратила вниманіе на полезную и плодотворную педагогическую дѣятельность г-жи Магà: по случаю сорокалѣтняго юбилея пансіона она получила высочайшій рескриптъ. Не смотря на болѣе чѣмъ сорокалѣтнее существованіе большаго пансіона, покойная не нажила и не оставила никакого состоянія, завѣщавъ потомству только трудъ и добросовѣстность.

† Въ Подгорѣ (въ Далмаціи), 57-ми лѣтъ, каноникъ **Михаилъ Павлиновичъ**, членъ австрійскаго рейхсрата. Павлиновичъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ хорватскихъ патріотовъ въ рейхсратѣ и, къ досадѣ нѣмцевъ, держалъ всегда рѣчь на родномъ языкѣ. Онъ заявилъ себя тоже какъ ученый и глубокій знатокъ хорватскаго языка. Изъ его произведеній лучшее «Ogujisar» (Прометей), въ которомъ содержатся остроумные намеки на нынѣшнія условія славянскаго міра. Его литературные и политическіе труды составляютъ три большихъ тома.

† 3-го іюня, въ Влоцлавскѣ, Варшавской губерніи, Иванъ Матвѣевичъ **Лазаревскій**, командированный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для ревизіи крестьянскихъ учрежденій въ царствѣ Польскомъ. Онъ происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи и, по окончаніи въ 1860 году курса въ Петербургскомъ университетѣ, посвятилъ служебную дѣятельность крестьянскому дѣлу сначала въ имперіи, гдѣ втеченіе трехъ лѣтъ былъ сперва секретаремъ орловскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и потомъ членомъ отъ правительства при мировыхъ съѣздахъ Орловскаго, Болховскаго и Мценскаго уѣздовъ, а затѣмъ въ царствѣ Польскомъ, занимая должности исключительно въ центральныхъ учрежденіяхъ. Принадлежа къ числу дѣятелей временъ Н. А. Милютина, князя П. А. Черкаскаго и Я. А. Соловьева, видѣвшихъ въ крестьянской реформѣ въ царствѣ Польскомъ одно изъ могучихъ средствъ къ утвержденію русскаго вліянія въ этомъ краѣ, покойный былъ преданъ своему дѣлу, серьезно и добросовѣстно относясь къ служебнымъ обязанностямъ и требуя того же отъ другихъ. Состоя въ послѣднее время членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ губерній царства Польскаго (при земскомъ отдѣлѣ), онъ, независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей, принималъ участіе и въ другихъ подготовительныхъ законодательныхъ работахъ, имѣвшихъ отношеніе къ царству Польскому. Какъ человѣкъ, онъ былъ отзывчивъ на всякое доброе дѣло, на всякую помощь ближнему и оставилъ въ кругу лицъ, его знавшихъ, самое теплое воспоминаніе.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи „Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ".

Съ особымъ удовольствіемъ прочелъ я въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1887 года статью г. Пономарева, подъ заглавіемъ: «Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ». На основаніи бумагъ, оставшихся послѣ казанскаго прокурора Солнцева, и нѣкоторыхъ личныхъ провѣрокъ, въ статьѣ изложены съ возможною полнотою свѣдѣнія объ основательницѣ Казанскаго Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ, Аннѣ Николаевнѣ Родіоновой. Подробности процессовъ о пожертвованныхъ ею имѣній и ходѣ дѣла учрежденнаго института, безъ этого почтеннаго труда, несомнѣнно были

бы навсегда утрачены. Но, если факты, основанные на документахъ, справедливы, то, тѣмъ не менѣе, выводы г. Пономарева во многихъ случаяхъ страдаютъ пристрастіемъ къ изслѣдуемому имъ лицу, т. е. Аннѣ Николаевнѣ Родіоновой. Говоря о моихъ краткихъ сообщеніяхъ, что преданія вообще, и тѣмъ болѣе фамильныя, не могутъ быть всѣ строго и математически вѣрны, особенно по отношенію къ числамъ, годамъ, почтенный изслѣдователь съ излишнею строгостью относится къ сообщившему эти фамильныя преданія и свѣдѣнія. Начну съ описки, въ замѣткѣ моей, напечатанной въ сентябрской книжкѣ за 1878 годъ, въ «Русской Старинѣ», гдѣ на 158 страницѣ сказано: «вторая же его жена Анна Николаевна», тогда какъ слѣдовало бы сказать: «вторая жена его отца, Анна Николаевна». Объ этомъ письменно отъ 27-го сентября 1878 года я и просилъ редакцію «Русской Старины» сдѣлать оговорку; но письмо мое, однако же, не появилось, чтò и объясняю себѣ тѣмъ, что при внимательномъ чтеніи этой замѣтки (а также и другихъ) описка сама собою становится очевидна, г. же Пономаревъ ставитъ мнѣ въ укоръ, что якобы я смѣшалъ Ивана Александровича мужа (Анны Ник.) съ его сыномъ отъ Дрябловой. Смѣшенія этого нѣтъ; замѣтка о родѣ Родіоновыхъ появилась на страницахъ «Русской Старины» какъ разъясненіе о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмѣ 1813 года Павла Черкесова къ Ивану Александровичу Родіонову. Въ родѣ нашемъ имена Иванъ и Александръ чередуются изъ поколѣнія въ поколѣніе, и это привело г. Пономарева къ заключенію, что я смѣшалъ одно лицо съ другимъ. Начну съ дьяка камеръ-коллегіи Александра Ивановича, сынъ его былъ Иванъ Александровичъ (мужъ во 2-мъ бракѣ Ан. Ник., основательницы Казанскаго института), сынъ его Александръ Ивановичъ (женатъ былъ на Осокиной), сынъ его, а мой дѣдъ Иванъ Александровичъ. Къ этому послѣднему Ивану Александровичу и писано было означенное письмо Черкесовымъ.

Эпизодъ о портретѣ Ан. Ник. и посѣщеніи Казанскаго института покойною моею теткою, дѣвицею Варварою Ивановной Родіоновой, г. Пономаревъ выставляетъ какимъ-то миѳомъ, по той простой причинѣ (129 стр.), какъ онъ выражается, что въ 30-хъ годахъ еще не существововало даже самаго института, и заключаетъ, что если Варвара Ивановна смѣшала Анн. Ник. съ ключницею, то, очевидно, съ нею случилась такая же прискорбная исторія, какъ съ лѣтописными вятчанами: своя своихъ не познаша и побиша ихъ. Фактъ посѣщенія института и все, мною по сему поводу переданное, совершенно вѣрно; если же я сказалъ «въ концѣ тридцатыхъ годовъ» вмѣсто «сороковыхъ годовъ», то этимъ разсказъ мой [1]) въ существѣ своемъ не мѣняется. Недоставленный въ институтъ, портретъ Ан. Ник., который Варвара Ивановна обѣщалась нарисовать, въ эскизѣ былъ ею сдѣланъ карандашемъ и найденъ, послѣ ея кончины, въ ея бумагахъ братомъ моимъ Александромъ П. Р., съ собственноручною подписью Варвары Ивановны, что этотъ портретъ рисованъ ею по памяти въ 1849 году и есть портретъ Анны Николаевны Родіоновой, основательницы Казанскаго института [2]). Въ 1885 году, 23 февраля, за № 342, совѣтъ института увѣдомилъ брата моего Владиміра Петр. Р. о полученіи отъ него этого портрета. Что касается сходства, к которому изъ двухъ пор-

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1884 г., стр. 700.

[2]) Прилагаю въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника» копію съ эскиза портрета А. Н., рисованнаго Варварой Ивановной Родіоновою въ 1849 году.

третовъ дать предпочтеніе, предоставляется судить каждому: оба оказываются рисованными людьми, ее знавшими; который болѣе подходитъ къ оригиналу, по характеристикѣ данной мною въ замѣткѣ по поводу статьи: «Происхожденіе одного учебнаго заведенія («Истор. Вѣстникъ», 1884 г., стр. 699), весьма тождественной съ характеристикою, сдѣланною г. Пономаревымъ («Историческій Вѣстникъ», 1887 г., стр. 103). Судя по портрету, данному «Историческимъ Вѣстникомъ», т. е. по портрету работы Иванова, слѣдуетъ подтвердить, что Варвара Ивановна не могла «побить своихъ», не признавъ въ немъ своей бабки, а принявъ его за изображеніе ея ключницы.

Замѣчу, что описаніе обстоятельствъ кончины Анны Николаевны, передаваемыхъ г. Пономаревымъ, не сходится съ преданіями, полученными мною отъ близкихъ ей людей. Анна Николаевна не довѣряла никому, кромѣ любимой своей ключницы входить въ свою спальню (говорю о городской жизни), и эта ключница, войдя однажды къ ней утромъ, нашла Анну Николаевну мертвою на полу, около окна, держащеюся одною рукою за штору, которую, вѣроятно, хотѣла сама поправить и, упавъ съ подъоконника навзничь, расшиблась до смерти. Въ копіяхъ оффиціальныхъ бумагъ бывшаго прокурора Солнцева, можетъ быть, объ этомъ обстоятельствѣ не упоминается, но, тѣмъ не менѣе, эта странная смерть передавалась мнѣ близкими, родственными ей лицами, постоянно находившимися въ перепискѣ съ родственниками своими, жившими въ Казани. Останки Анны Николаевны вырыты изъ земли, гдѣ она была похоронена, по случаю перестройки церкви Воскресенія въ Казани и были, наконецъ, преданы землѣ (1885 г.) въ подвальномъ помѣщеніи новой церкви, съ правой стороны, въ западной части, подлѣ своднаго столба. Надгробная плита надъ прахомъ ея мужа, Ивана Александровича, еще прежде, при перестройкѣ церкви, была снята и кости его, съ другими близь лежащими, сложенныя въ общій ящикъ, отвезены на общественное кладбище. По фотографіи (1885 г.) надгробной плиты Ивана Александровича чрезъ увеличительное стекло ясно видны слова «Ник Іоанъ Александровичъ (Ро)діоновъ» (высѣчено вязью). Но мѣсто, гдѣ значится годъ рожденія его, вывѣтрилось или было обломано до того, что положительно нельзя опредѣлить годъ; только послѣдняя цифра, а именно 9, сохранилась (за этою цифрою слѣдуетъ слово: «года»). Такимъ образомъ годъ рожденія Ивана Александровича, за неимѣніемъ другихъ документовъ, остается неизвѣстнымъ, и годъ 1719-й выведенный г. Пономаревымъ по этой же плитѣ, не можетъ считаться достовѣрнымъ (стр. 102, «Истор. Вѣст.», 1887 г.),—тѣмъ болѣе, что и по семейнымъ преданіямъ Иванъ Александровичъ замученъ былъ пугачевцами на паперти Воскресенской церкви, «дряхлымъ старикомъ», а человѣкъ 55 лѣтъ таковымъ не признавался. Судьба этого Ивана Александровича Родіонова интересна: по преданію, онъ остался сиротою послѣ отца и находился подъ опекою какого-то Норманскаго, который сталъ выдавать его за крѣпостнаго своего мальчика, а имѣніемъ завладѣлъ. Государь Петръ Великій обѣдалъ однажды у этого Норманскаго, и, замѣтивъ красиваго мальчика, подозвалъ къ себѣ и сталъ спрашивать: почему онъ грустенъ? Мальчикъ залился слезами и передалъ государю о судьбѣ, которую устроилъ ему опекунъ. По изслѣдованію, Иванъ Александровичъ возстановленъ былъ въ своихъ правахъ, а Норманскій сосланъ на житье въ свои вотчины.

Обрисовывая весьма рельефно характеръ Анны Николаевны Родіоновой, г. Пономаревъ какъ бы впадаетъ въ идилію, тогда какъ, крити-

кую личность, которая нынѣ принадлежитъ исторіи, мнѣ кажется, слѣдуетъ быть болѣе беспристрастнымъ. Анна Николаевна, помимо своихъ прямыхъ наслѣдниковъ, завѣщала родовое Родіоновское имѣніе (по документамъ видно, что Александръ Ивановичъ Родіоновъ въ 1713 году купилъ отъ Петра Матвѣевича Апраксина имѣніе Масловку, близъ рѣки Камы), обративъ его въ свое благопріобрѣтенное, на благотворительное дѣло, существованіе института, и это вызываетъ благодарность къ памяти основательницы. Г. Пономаревъ объясняетъ дѣйствія Анны Николаевны хозяйственными соображеніями,—скупки частей села Масловки отъ своихъ дѣтей и родственниковъ,— а основаніе института убѣжденіемъ въ необходимости женскаго образованія. Стремленіе землевладѣлицы, помѣщицы,—округлить, объединить имѣніе свое, не требуетъ особыхъ доводовъ; но что касается способовъ, при посредствѣ коихъ она этого достигла, то они заслуживаютъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Анна Николаевна, при содѣйствіи губернатора князя Мещерскаго, сдѣлавъ въ 1775 году раздѣлъ имѣнія, оставшагося послѣ мужа своего, и выдѣливъ своихъ пасынковъ и падчерицъ, распоряжалась имѣніемъ своихъ дѣтей до 1798 года или около того времени, такъ какъ въ этомъ году казанская гражданская палата отобрала отъ Анны Николаевны допросъ объ употребленіи доходовъ съ имѣнія дѣтей. Допросъ этотъ могъ быть слѣдствіемъ неудовольствія совершеннолѣтняго сына ея или его родственниковъ (попечителей) на безъотчетное управленіе имѣніемъ, втеченіе по меньшей мѣрѣ двадцати одного года, до совершеннолѣтія сына. Доходы же съ Масловки и Дмитровки она впослѣдствіи опредѣляетъ сама до 20,000 рублей; считая даже половину, въ двадцать одинъ годъ составилась бы сумма въ 165,000 рублей, которые, конечно, по тогдашнему времени немыслимо было всѣ употребить на воспитаніе сына и двухъ дочерей. Извѣстно грошевое воспитаніе, которое въ то время получало дворянство. Отсюда просвѣчиваетъ начало семейныхъ неудовольствій и выясняются источники средствъ, на которые Анна Николаевна пріобрѣтала имѣнія на свое имя; причемъ я не отвергаю завѣренія г. Пономарева, что и обороты по съему въ аренду рыбныхъ и другихъ угодій такъ же могли увеличить ея благосостояніе. Анна Николаевна была женщина энергическая и практическаго ума, пользовавшаяся обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей; это видно изъ приведеннаго г. Пономаревымъ обстоятельства продажи ею частей по Масловкѣ своихъ дочерей, пасынку Дмитрію Ивановичу, и перекупка ихъ, съ добавленіемъ еще и части самого Дмитрія Ивановича, на слѣдующій день, на свое имя. Дмитрій Ивановичъ, какъ близкій человѣкъ, продавая свое имѣніе, является подставнымъ лицомъ, для переукрѣпленія имѣнія своихъ дѣтей на свое имя. Перепродавая наканунѣ купленное имѣніе богатой и расторопной мачихѣ, Дмитрій Ивановичъ, конечно, не взялъ съ нея барышей. Возьмемъ другой примѣръ покупки имѣнія Анною Николаевною; примѣръ, который можетъ объяснить, какимъ образомъ, по словамъ г. Пономарева, облагодѣтельствовала она родственниковъ своихъ (стр. 134). Въ моемъ сборникѣ, старыхъ писемъ находится письмо 1817 года княгини Анны Александровны Баратаевой (дочери пасынка Анны Николаевны), той самой, которая признана г. Пономаревымъ за ближайшее къ Аннѣ Николаевнѣ лицо, подругу ея, къ которой только и ѣзжала (стр. 103). Въ письмѣ этомъ, отъ 12-го марта 1817 года изъ Казани, Анна Александровна Баратаева пишетъ брату своему, Ивану Але-

ксандровичу Родіонову: «Вратецъ, милостивый государь мой, Иванъ Александровичъ, свидѣтельствуя вамъ мое почтеніе всегда, скажу вамъ, что Вар. Сер. была нездорова лихораткою, но теперече слава Богу прошло. К. Пет. Сер. (ея сынъ) своего я провожаю завтра. Дорога здѣсь еще очень хороша... Молостовъ Ал. Т. уехалъ, — бабушке ево приесть стоилъ около тридцати тысячъ, долгъ уплатила и 17,000 тысячъ онимъ отпустила, но настояла, чтобы онъ взялъ часть отцовскую и взяла доверенность делится. Екатерина Андрѣевна просила деньгами по тысячи рублей за душу, за 160 душъ ево части, но нынечи соглашается взять по 600 сотъ за душу. Катерина Андрѣевна, оное неожидавши, такъ скораго раздѣлу, очень огорчается и, кажется, бабушка въ душѣ своей имѣетъ къ нимъ великую ненависть. Вотъ вамъ новость наша Казанская»...

Княгиня Баратаева простосердечно, какъ видно, жалѣетъ «бабушку», т. е. Ан. Ник., которой пріѣздъ въ Казань (вѣроятно, со службы) внучка ея, Молостова, обошелся очень дорого: заплатила его долговъ 30,000 руб., да на руки выдала еще 17,000 руб., а затѣмъ передаетъ, что Кат. Андр. осталась недовольна, тѣмъ что Ал. Т. (вѣроятно, безъ ея вѣдома) вынужденъ былъ дать Ан. Ник. довѣренность на выдѣлъ свой изъ общаго имѣнія; вслѣдствіе чего Кат. Андр. вынуждена была эту часть продать по 600 руб. за душу (т. е. ревизскихъ, съ причитающеюся къ нимъ землею), тогда какъ безъ поспѣшнаго выдѣла она имѣла въ виду получить по тысячи руб. за душу, что̀ сдѣлало разницу въ ущербъ родственника А. Н., на 64,000 руб. Понятно, что Кат. Андр. «очень огорчалась».

Г. Пономаревъ не примѣчаетъ сущности сдѣлокъ А. Ник. по покупкамъ и перепродажамъ родоваго имѣнія, и въ доказательство ея доброжелательства ссылается на «фактъ» имущественнаго устройства ею родной своей дочери Татьяны; онъ видитъ, что при обмѣнѣ родовой части дочери по селу Масловкѣ, на купленную взамѣнъ оной деревню Тангачи, что Ан. Ник. «приплатила» изъ своихъ средствъ не менѣе 15,000 руб. Дѣло это представляется, однако же, иначе. Сорокъ душъ села Масловки, то есть превосходнаго имѣнія, выдающагося изъ всей округи, какъ по черноземнымъ полямъ, такъ и другимъ угодіямъ, слѣдуетъ цѣнить по 1,000 руб. за душу (цѣну, которую просила Кат. Андр.), что̀ составитъ за 40 душъ части Татьяны 40,000 руб. Оцѣнивая же по 600 руб., то есть, за что вынужденъ былъ Молостовъ продать свою часть, было бы 24,000 руб. По средней цѣнѣ, оказывается, имѣніе стоило 32,000 руб., а Ан. Ник. взамѣнъ онаго дала дочери имѣніе, за которое заплатила 30,000 руб., изъ чего слѣдуетъ выводъ, что Ан. Ник. не осталась въ убыткѣ и не могла приплатить изъ своихъ средствъ 15,000 руб., какъ выводитъ г. Пономаревъ.

Ежели, судя по письму княгини Баратаевой, существовала ненависть Ан. Ник. къ родственникамъ своимъ (Молостовымъ), то имѣются «данныя», по которымъ можно судить, каковы были отношенія ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Сошлюсь на имѣющееся у меня въ сборникѣ письмо Елизав. Сем. Мансуровой (дочери княгини А. А. Баратаевой). Письмо это отъ 27-го сентября 1806 года изъ Казани, къ ея дядѣ Ивану Александров. Родіонову (моему дѣду). Она пишетъ: «Милостивый государь, дядюшка Иванъ Александровичъ. Приношу вамъ мою благодарность за память и писаніе ваше... Мы получили письмо ваше при отъѣздѣ нашемъ изъ города. Борисъ Александровичъ ѣздилъ обозрѣвать губернію, и я тоже это время была все съ нимъ.

Слава Богу, мы кончили этотъ вояжъ благополучно, а время намъ благопріятствовало»... Далѣе, обращаясь къ Даріи Никифоровнѣ (женѣ Ивана Александровича), она пишетъ: «Матушка все въ хлопотахъ, миритъ нашу бабушку Ан. Ник. съ Татьяной Ивановной, бѣдная имѣла множество непріятностей, наконецъ, должна была оставить домъ своей матери и давно ужъ живетъ у Анны Андр. Вешняковой; вы не представите, тетушка, какъ она жалка, но думаю, что на сихъ дняхъ это все кончится, и она выйдетъ за Доронова, который давно уже въ ней искалъ. У насъ въ городѣ только и говорятъ что о этомъ, столько шуму надѣлалъ злой характеръ Анны Ник. Вотъ, матушка, непріятныя наши новости, мнѣ жаль моего Бориса Александровича, который вошелъ въ это и сколько много ему безпокойства».

Вотъ свидѣтельство отношеній матери къ дочери, причина которыхъ заключается въ характерности Анны Николаевны, такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ лицо близкое и по положенію своему совершенно независимое. Татьяна Ивановна, получивъ взамѣнъ родовой своей части по с. Масловкѣ, купленное ей матерью имѣніе Тангачи, передала оное, по смерти своего мужа, родственнику Мергасову по духовному завѣщанію. Анна Николаевна еще въ 1825 году не допускаетъ мысли, чтобы дочь безъ ея вѣдома могла бы располагать своимъ имуществомъ, и оспариваетъ ея посмертное распоряженіе. Замѣчателенъ также и отказъ генералъ-лейтенанта П. Ѳ. Желтухина отъ дер. Обуховки, отдаваемой Анной Николаевной въ даръ внучкѣ по женской линіи Надеждѣ Желтухиной. Богатство Желтухина можетъ лишь отчасти объяснить этотъ отказъ! Не имѣя намѣренія оправдывать поведенія Павла Ивановича Родіонова, скажу, однако же, что странно, какъ это дѣлаетъ г. Пономаревъ, который, не оправдывая Анну Николаевну въ тяжбѣ ея съ Мергасовымъ о завѣщанномъ ему ея дочерью имѣніи, ставитъ жестокимъ укоромъ ея внуку Лукѣ Павловичу, за то, что онъ родовое и таковое же въ отношеніи его оставшееся имѣніе, завѣщанное его бабкою на основаніи института, искалъ удержать за собою. Имущественныя права ограждаются гражданскими законами, пониманіе которыхъ весьма разнообразно, не смотря даже на существованіе въ настоящее время спеціальнаго для объясненія смысла и примѣненія законовъ учрежденія—кассаціоннаго департамента сената. Въ 20-хъ годахъ, не было даже свода законовъ, и сильные міра сего склоняли тѣмъ легче вѣсы правосудія въ свою пользу. То же случилось и съ Лукою Павловичемъ, который по смерти бабки оказался «голъ, какъ-соколъ», и ежели получилъ достаточное себѣ обезпеченіе въ движимости и въ незначительномъ имѣніи, о которыхъ Анна Николаевна не успѣла сдѣлать дополнительнаго завѣщательнаго распоряженія въ пользу будущаго института, то на первыхъ же порахъ пріема имѣнія казною испыталъ административное давленіе, вслѣдствіе котораго долженъ былъ отступиться отъ 500,000 руб., состоявшихъ въ хлѣбныхъ запасахъ при деревнѣ Масловкѣ, на которыя, очевидно, онъ имѣлъ право, какъ прямой по закону наслѣдникъ на движимость, о которой Анна Николаевна не оставила распоряженія.

Заканчиваю мою замѣтку слѣдующими выводами, съ которыми каждый непредубѣждённый и безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться: 1) что Анна Николаевна Родіонова, оставшись молодою вдовою, какъ женщина энергическая, принялась за устройство своихъ дѣлъ, послѣ Пугачевскаго погрома. 2) Устроила дѣла, и пріобрѣла, главнымъ образомъ, на доходы съ имѣ-

нія, другія имѣнія. 3) При содѣйствіи губернатора выдѣлила дѣтей отъ 1-го брака покойнаго мужа своего, и выдѣлила своимъ дѣтямъ части, которыя впослѣдствіи перевела покупками на свое имя. 4) Анна Николаевна оказалась несчастной въ сынѣ и внукѣ и, состоя въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ дочери своей Татьянѣ, вознамѣрилась передать родовое Родіоновское имѣніе, по смерти своей, на богоугодное дѣло, что̀ исполнила духовнымъ своимъ завѣщаніемъ, давъ имѣнію опредѣленное назначеніе, а именно, на основаніе казанскаго Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ. 5) Главнымъ двигателемъ этаго дѣла былъ казанскій прокуроръ Солнцевъ. 6) Мысль основать институтъ, а не какое другое благотворительное заведеніе, далъ ей Мих. Ник. Мусинъ-Пушкинъ, попечитель въ то время Казанскаго университета, а впослѣдствіи Петербургскаго и сенаторъ (женатъ былъ на Алекс. Сем. кн. Баратаевой), чему, безъ сомнѣнія, послужила въ 1809 году покупка обширнаго мѣста императрицей Маріею Өеодоровною, на которомъ и воздвигнуто зданіе института, и 7) Анна Николаевна, имѣя семейныя неудовольствія и несчастія, со свойственною энергическимъ людямъ настойчивостію и увлеченіемъ, стремилась къ достиженію своей цѣли,—основанія института, пренебрегая другими соображеніями, и въ этомъ смыслѣ, какъ основательница общеполезнаго дѣла, вполнѣ заслужила наименованіе замѣчательной женщины.

Д. Родіоновъ.

Письмо въ редакцію.

Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою дозволить мнѣ воспользоваться многоуважаемымъ вашимъ органомъ для выраженія просьбы о помощи ко всѣмъ, кто сочтетъ своимъ долгомъ оказать посильную помощь пожертвованіемъ въ пользу народнаго дѣла.

Близь деревни Жиржина, во ввѣренномъ мнѣ Ново-Александрійскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи, находится памятникъ въ честь русскихъ воиновъ, павшихъ 27-го іюля 1863 года при усмиреніи мятежа.

Отъ вліянія времени онъ пришелъ въ состояніе обветшалости и требуетъ серьезной ремонтировки, для приведенія въ надлежащій видъ. Средствъ для этого опредѣленныхъ не имѣется и, какъ актъ естественнаго и должнаго чествованія народомъ павшихъ за благо его, онъ можетъ и долженъ быть исправленъ путемъ добровольныхъ пожертвованій ревнителей блага и чести своего народа.

Необходимое для этого разрѣшеніе его высокопревосходительства, господина начальника края, на открытіе подписки добровольныхъ пожертвованій уже послѣдовало, но горсть русскихъ людей, проживающихъ въ Ново-Александрійскомъ уѣздѣ не въ силахъ сама выполнить выпавшій на долю ея долгъ почтенія памяти павшихъ за благо родины своей. Поэтому я осмѣливаюсь обратиться съ просьбою о помощи намъ въ этомъ дѣлѣ ко всѣмъ, гдѣ только нашъ призывъ можетъ найдти живой откликъ на это святое дѣло.

Льщу себя надеждой, что вы не откажете дать мѣсто этой просьбѣ на страницахъ своего журнала и что прочитавшіе ее еще разъ докажутъ, что рука ихъ попрежнему щедра, гдѣ чувствуется общественная нужда.

Примите и пр.

Ново-александрійскій уѣздный начальникъ, Люблинской губерніи.

Н. Кириловичъ.

лять обвинить его въ томъ, что онъ раздѣляетъ ваши взгляды. Бюловъ прусскій уроженецъ и...

Баронесса замолчала, видя смущеніе Провансаля, и, чтобы сгладить впечатлѣніе, произведенное ея словами, обратилась къ Герману съ вопросомъ: раздѣляетъ ли онъ мнѣніе Гарниша о необходимости перейдти отъ словъ къ дѣлу?

— Мнѣ кажется,—отвѣтилъ Германъ:—что послѣ того униженія, которое испытывала нѣмецкая нація, въ ней пробудилось сознаніе своего нравственнаго упадка и необходимости общаго возрожденія. Послѣднее возможно только подъ тѣмъ условіемъ, если къ этому будутъ направлены всѣ усилія лучшихъ людей Германіи; тогда только въ народѣ можетъ пробудиться гражданское мужество, и онъ съумѣетъ отстоять свои права!

— Сначала нужно пріобрѣсти ихъ,—возразилъ Гарнишъ:—а для этого нѣтъ другаго средства, кромѣ пороху и оружія!

— Но духовное возрожденіе должно во всякомъ случаѣ предшествовать этому,—сказалъ Провансаль:—еще долго будутъ отзываться слѣды нравственной порчи, охватившей всѣ слои общества послѣ смерти великаго короля...

— Объ этомъ можно спорить до безконечности,—замѣтилъ Гарнишъ.—Къ сожалѣнію, я долженъ идти!

— До свиданія!—сказала баронесса въ отвѣтъ на его почтительный поклонъ.—Пожалуйста, не забывайте вашего маленькаго паціента...

IX.

Приготовленія.

Германъ вернулся домой вполнѣ довольный своимъ визитомъ. Правансаль познакомилъ его въ общихъ чертахъ съ сложнымъ дѣлопроизводствомъ министерства финансовъ; и онъ на столько разсчитывалъ на свои силы, что надѣялся въ непродолжительномъ времени освоиться съ дѣлами и справиться съ формой. Любезное обращеніе баронессы льстило его самолюбію, хотя онъ не подозрѣвалъ, что этому немало способствовалъ тотъ интересъ, какой былъ возбужденъ въ ней загадочной исторіей съ Аделью, о которой она слышала отъ своего мужа.

Многое побуждало Германа принять предложеніе Бюлова, или, по крайней мѣрѣ, временно поступить на службу въ министерство финансовъ, чтобы испробовать свои силы. Онъ не считалъ Миллера способнымъ разсердиться на него за этотъ шагъ и даже хотѣлъ спросить его совѣта, чтобы не прерывать съ нимъ сношеній и на всякій случай не закрывать себѣ дороги къ ученой дѣятельности. Друзья Германа съ своей стороны настаивали, чтобы онъ

поступилъ на государственную службу, особенно Рейхардтъ, который находилъ, что это дастъ ему возможность примѣнить съ пользою свои способности и познакомиться съ жизнью, вслѣдствіе столкновенія съ разнаго рода людьми.—Если даже вы не будете принимать участія въ предстоящей борьбѣ,—сказалъ онъ Герману,—то во всякомъ случаѣ молодыя силы нужны для возрожденія нашей родины, или, вѣрнѣе сказать, для ея преобразованія. Опытъ показалъ, что старые порядки никуда не годятся, и что только, благодаря имъ, Наполеону удалось поработить насъ...

Луиза поддерживала мнѣніе отца, хотя не высказала своей тайной надежды, а именно, что Германъ, живя среди общества, скорѣе поддастся господствующему настроенію, тѣмъ болѣе, что ей было извѣстно, что Бюловъ втайнѣ сочувствуетъ патріотическимъ стремленіямъ Пруссіи.

Одна Лина Гейстеръ была недовольна намѣреніемъ Германа поступить на службу, и даже разсердилась на мужа, когда онъ высказалъ по этому поводу свое одобреніе.

— Ну, Германъ!—воскликнулъ Гейстеръ, пожимая ему руку:—радуюсь за тебя, что ты вступишь на настоящую дорогу и примешься за дѣло! Повѣрь, что это лучшее средство противъ иппохондріи, и ты живо излѣчишься отъ нея. Если встрѣтишь какія либо затрудненія въ дѣлахъ, и тебѣ понадобится совѣтъ или справка, а также книги изъ моей библіотеки, то все это къ твоимъ услугамъ. Вдобавокъ, у насъ будетъ новый сюжетъ для разговора..

Лина молчала, хотя ей стоило большаго труда скрыть свою досаду; но когда Германъ вопросительно взглянулъ на нее, она сказала съ принужденной улыбкой:—Увидимъ, какъ еще понравится тебѣ эта перемѣна, Германъ! Ты оставишь поэтовъ и мыслителей и подчинишься ярму французскихъ канцелярскихъ порядковъ, будешь глотать пыль старинныхъ актовъ и писать никому ненужныя бумаги. Сколько разъ самъ Людвигъ жаловался на это, а теперь уговариваетъ тебя идти по той же дорогѣ!

Людвигъ улыбнулся. Хотя онъ часто подсмѣивался надъ мечтательностью и возвышенными стремленіями своей жены, но въ глубинѣ души радовался этому и не желалъ видѣть ее иной. Съ другой стороны, онъ слишкомъ довѣрялъ ей, чтобы находить что либо предосудительное въ томъ живомъ участіи, съ какимъ она относилась къ Герману.

Но Лина объяснила по-своему его улыбку и смутилась при мысли, что онъ могъ увидѣть упрекъ въ ея словахъ. Хотя она невольно вспомнила о тѣхъ минутахъ, когда Людвигъ возвращался со службы усталый, недовольный, безучастный ко всему, но, все-таки, ей не слѣдовало говорить объ этомъ при постороннемъ лицѣ. Ей казалось несомнѣннымъ, что то же будетъ и съ Германомъ, и что если онъ сдѣлается чиновникомъ, то въ самомъ непродолжи-

тельномъ времени кругъ его интересовъ съузится и онъ также, какъ и Людвигъ, станетъ съ воодушевленіемъ толковать о служебныхъ дѣлахъ, придворныхъ интригахъ и легкомысліи высшаго общества. Сердце ея сжималось при мысли о скорой разлукѣ съ другомъ: ихъ бесѣды и совмѣстное чтеніе прекратятся сами собой, и большую часть дня она будетъ осуждена на одиночество.

Она была въ такомъ печальномъ настроеніи духа, что почти обрадовалась, когда Германъ съ Людвигомъ ушли на прогулку и оставили ее одну. Теперь ничто не мѣшало ей предаться своимъ невеселымъ размышленіямъ. Не менѣе огорчало ее и то обстоятельство, что Луиза Рейхардтъ въ послѣднее время стала непріязненно относиться къ ея дружбѣ съ Германомъ и даже, при случаѣ, позволяла себѣ дѣлать, по этому поводу, обидные для нея намеки. Еще надняхъ Луиза принесла ей брошюру Шлейермахера: «Катихизисъ разума», которую совѣтовала внимательно прочесть, и при этомъ добавила, что «мысли автора крайне назидательны для каждой замужней женщины, а тѣмъ болѣе въ Касселѣ, при господствующей распущенности нравовъ»...

Лина была глубоко оскорблена подозрѣніями своей новой пріятельницы, но, тѣмъ не менѣе, прочла рекомендованную брошюру; и это заставило ее впервые задуматься надъ характеромъ ея отношеній къ Герману. Она несомнѣнно была привязана къ нему, но развѣ это мѣшало ей любить попрежнему Людвига; къ тому же Германъ постоянно относился къ ней съ полнымъ уваженіемъ и высказывалъ такіе благородные взгляды на любовь и неприкосновенность брака, что съ этой стороны всякія опасенія были бы совершенно лишнія. Молодая женщина, успокоенная этими мыслями, рѣшила до времени избѣгать всякихъ объясненій съ Луизой Рейхардтъ, въ надеждѣ, что истина рано или поздно обнаружится, и она будетъ оправдана.

Между тѣмъ въ городѣ шли дѣятельныя приготовленія къ открытію рейхстага, который возбуждалъ много толковъ и безпокойства. Нѣкоторые изъ депутатовъ пріѣхали заранѣе: одни—чтобы познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, представиться ко двору и министрамъ, другіе—чтобы заручиться знакомствомъ съ вліятельными людьми для своихъ личныхъ дѣлъ, пріискать себѣ удобную квартиру и пр.; у иныхъ были знакомые въ Касселѣ, и они хотѣли провести съ ними время, до начала занятій.

Баронъ Канштейнъ, занимавшій въ это время должность кассельскаго мэра, суетился едва ли не больше всѣхъ и безъ устали разъѣзжалъ по городу, дѣлая разныя распоряженія. При крайнемъ педантизмѣ, это былъ человѣкъ помѣшанный на внѣшности и придававшій значеніе всякимъ мелочамъ.

Порядокъ, установленный при старыхъ гессенскихъ сеймахъ, не годился для настоящаго случая, такъ какъ теперешній рейхстагъ долженъ былъ состояться на иномъ основаніи и съ особенной торжественностью. Собраніе должно было состоять изъ ста депутатовъ: въ числѣ ихъ были выбраны семьдесятъ землевладѣльцевъ изъ наиболѣе извѣстныхъ дворянскихъ фамилій; пятнадцать депутатовъ изъ ремесленнаго и торговаго сословія; остальные пятнадцать человѣкъ выбраны изъ высшихъ сановниковъ, профессоровъ и заслуженныхъ лицъ въ отставкѣ. Мэръ считалъ наиболѣе приличнымъ размѣстить депутатовъ по частнымъ квартирамъ, сообразуясь, по возможности, съ положеніемъ и вкусомъ каждаго изъ нихъ, хотя этимъ распоряженіемъ онъ неизбѣжно дѣлалъ немалый подрывъ для гостинницъ. Тѣмъ не менѣе, хозяева гостинницъ считали нелишнимъ приготовить комнаты для пріѣзжихъ въ надеждѣ, что нѣкоторые охотнѣе помѣстятся у нихъ, нежели на частныхъ квартирахъ, гдѣ они будутъ стѣснены во многихъ отношеніяхъ.

Парижскіе портные, поселившіеся въ Касселѣ, открыли по случаю предстоящаго рейхстага новые магазины съ хвастливыми вывѣсками; въ главѣ ихъ былъ: «Legendre, tailleur bréveté de sa majesté le roi de Westfalie». Фирма Пайоль и Мартель вывѣсила объявленіе о продажѣ готовыхъ мундировъ для депутатовъ со всѣми принадлежностями, включая шляпу и верхнее платье за 777 франковъ. Газеты были переполнены всевозможными рекламами и объявленіями. Между прочимъ, какой-то M-eur Augustin, peintre en miniature, племянникъ и ученикъ знаменитаго Augustin'а, живописца императора, предлагалъ свои услуги представителямъ рейхстага, въ надеждѣ на выгодный сбытъ ихъ портретовъ.

Въ числѣ пріѣзжихъ было нѣсколько дамъ сомнительнаго общественнаго положенія, о которыхъ трудно было сказать, что̀ собственно привлекло ихъ въ Кассель: желаніе ли видѣть торжественныя шествія и блистательныя празднества, или надежда утѣшить представителей рейхстага въ разлукѣ съ женами и дѣтьми? Изъ этихъ дамъ особенно обращали на себя вниманіе г-жа Штейнбахъ, бывшая въ разводѣ съ мужемъ, и «шведская графиня», нанявшая квартиру у ювелира Іолберга, молодая, роскошно сложенная женщина, о которой ходили самые разнорѣчивые слухи.

На театрѣ выступили дѣвицы Пейчъ изъ Гамбурга, извѣстныя балетныя танцовщицы, обладавшія всѣми внѣшними преимуществами, чтобы привлекать сердца мужчинъ. Предстояло немало другихъ развлеченій, которыя должны были вывести кассельцевъ изъ колеи обыденной жизни и заставляли ихъ нетерпѣливо ожидать открытія рейхстага.

X.

Въ королевскомъ саду.

Наступилъ конецъ іюня. Въ загородномъ королевскомъ дворцѣ готовилось большое торжество, по случаю католическаго праздника Петра и Павла; къ королевскому столу въ числѣ другихъ гостей были приглашены пріѣхавшіе въ Кассель депутаты. Дворцовый садъ и примыкавшій къ нему паркъ были въ этотъ день открыты для публики и съ ранняго утра наполнились нарядной толпой. Германъ не былъ тамъ со времени своей первой поѣздки съ барономъ Рефельдомъ и поэтому охотно принялъ предложеніе Провансаля отправиться туда вмѣстѣ въ наемномъ экипажѣ.

Провансаль явился въ условленный часъ и тотчасъ же сообщилъ Герману о возвращеніи министра Бюлова.—Но онъ такъ занятъ массой дѣлъ, накопившихся въ его отсутствіе,—добавилъ секретарь:—что даже отказался сегодня отъ параднаго обѣда во дворцѣ!

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ будетъ неудобно представиться министру финансовъ?—спросилъ Германъ, немного смущенный этимъ извѣстіемъ.

— Напротивъ, онъ приметъ васъ дня черезъ два, а пока приказалъ мнѣ достать вамъ билетъ для входа въ день открытія рейхстага, такъ какъ, вѣроятно, вы захотите видѣть это торжество. Однако, намъ пора, экипажъ ожидаетъ насъ!.. Если вы ничего не имѣете противъ этого, то мы заѣдемъ по дорогѣ за моимъ стариннымъ магдебургскимъ пріятелемъ, Натузіусомъ, который пріѣхалъ сюда въ качествѣ депутата отъ департамента Эльбы и также приглашенъ къ королевскому столу. Онъ остановился у одного изъ чиновниковъ министерства юстиціи, Энгельгарда, и такъ какъ онъ никогда не бывалъ въ Касселѣ, то я обѣщалъ довезти его до дворца. Я увѣренъ, что Натузіусъ понравится вамъ; рѣдко можно встрѣтить такого симпатичнаго и хорошаго человѣка, какъ онъ!

Германъ поспѣшилъ изъявить свое согласіе, и Провансаль отдалъ приказъ кучеру остановиться передъ домомъ Энгельгардовъ. Здѣсь имъ не пришлось долго ждать, потому что Натузіусъ, увидя изъ окна подъѣхавшій экипажъ, тотчасъ же вышелъ къ нимъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, но моложавый на видъ, съ приличными манерами, изящно одѣтый и съ красивымъ выразительнымъ лицомъ. Онъ встрѣтилъ Германа какъ стараго знакомаго и тотчасъ же разговорился съ нимъ, припоминалъ пріятные часы, проведенные имъ въ домѣ Бюлова, когда этотъ жилъ въ Магдебургѣ, разспрашивалъ о кассельской жизни и съ большой похвалой отозвался о семьѣ Энгельгардовъ, которая произвела на него самое пріятное впечатлѣніе.

Среди разговора они незамѣтно доѣхали до дворцоваго сада. По главной аллеѣ расхаживали взадъ и впередъ разряженные кавалеры и дамы съ длинными шлейфами, въ ожиданіи часа, назначеннаго для королевскаго пріема. Провансаль зналъ въ лицо всѣхъ придворныхъ и даже многихъ изъ пріѣзжихъ депутатовъ и называлъ ихъ по имени. Владѣтельный епископъ фонъ-Корвей, служившій въ это утро обѣдню въ церкви Петра и Павла, былъ въ своемъ полномъ праздничномъ облаченіи; онъ разговаривалъ съ генераломъ, который издали поражалъ своимъ необычайнымъ сходствомъ съ Фридрихомъ Великимъ.

— Это графъ Шуленбургъ-Кенертъ, членъ вестфальскаго государственнаго совѣта,—сказалъ Провансаль.

— Въ былыя времена я не разъ встрѣчалъ этого господина, который заслужилъ печальную извѣстность въ Германіи своей безпримѣрной трусостью!—сказалъ Натузіусъ.—Занимая важный постъ прусскаго военнаго министра, онъ пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы уговорить берлинцевъ покориться чужеземному игу и, между прочимъ, не нашелъ нужнымъ заблаговременно вывезти боевые запасы изъ столицы и оставилъ ихъ въ распоряженіи французовъ! Онъ же подалъ голосъ за второй раздѣлъ Польши и походъ противъ Франціи. Впрочемъ, трудно было и ожидать отъ него чего либо лучшаго! На сколько мнѣ извѣстно его прошлое, онъ смолоду занимался всякими спекуляціями, игралъ на биржѣ, постоянно нянчился съ евреями и легкомысленными женщинами и, при своей близости къ старому прусскому королю, занималъ его разсказами о городскихъ сплетняхъ и любовныхъ интригахъ. Я увѣренъ, что его дѣятельность въ Вестфаліи не принесетъ ничего, кромѣ вреда... Но кто эта прелестная женщина, которая идетъ къ намъ на встрѣчу?

— Это Біанка Лафлешъ, жена королевскаго интенданта, уроженка Генуи,—сказалъ Провансаль.

— Рѣдко можно встрѣтить такую красавицу! —продолжалъ съ восторгомъ Натузіусъ.—У нея голова и фигура античной статуи, и какой ослѣпительно бѣлый цвѣтъ лица!

— Іеронимъ познакомился съ нею въ Генуѣ,—сказалъ вполголоса Провансаль.

— Когда же король былъ тамъ?

— Развѣ вы забыли, что Іеронимъ пріѣзжалъ въ Миланъ для расторженія своего брака съ Елизаветой Паттерсонъ! Отсюда Наполеонъ отправилъ его въ алжирскую экспедицію для освобожденія плѣнныхъ генуэзцевъ. Іерониму дѣйствительно удалось привезти съ собой изъ экспедиціи человѣкъ двадцать, которыхъ онъ привезъ въ Геную, гдѣ народъ восторженно встрѣтилъ его; здѣсь же познакомился онъ съ красивой женой банкира Лафлеша и попалъ подъ власть этой кокетки. Когда Іеронимъ сдѣлался вестфаль-

скимъ королемъ, Біанка переселилась сюда со всѣми своими родственниками...

Провансаль замолчалъ, потому что въ эту минуту они снова поровнялись съ г-жей Лафлешъ; она шла подъ руку съ какимъ-то смуглымъ господиномъ, который, видимо, старался занять свою собесѣдницу интереснымъ разговоромъ.

— Кто этотъ господинъ?—спросилъ Натузіусъ:—у него умное лицо.

— Это Шевалье Пишонъ,—отвѣтилъ Провансаль:—первый ораторъ государственнаго совѣта; Бюловъ уважаетъ его, какъ человѣка идеи и весьма свѣдущаго; онъ обладаетъ замѣчательною памятью и рѣдкимъ краснорѣчіемъ; всѣ партіи заискиваютъ въ немъ, но онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ нихъ... Однако, вамъ пора идти, вы видите—всѣ спѣшатъ во дворецъ...

Королева въ это время только-что вернулась изъ парка и поднималась по главной лѣстницѣ, въ сопровожденіи перваго камергера барона де-Шале и своей статсъ-дамы, мадамъ Молле де-ла-Рошетъ.

Натузіусъ простился съ молодыми людьми, которые, проводивъ его до дворца, свернули въ боковую аллею. Но тутъ, къ ужасу Германа, они встрѣтили оберъ-гофмейстерину, которая шла въ сопровожденіи двухъ королевскихъ пажей. Она остановилась, видимо, поджидая его, такъ какъ отослала пажей. Провансаль почтительно поклонился и также прошелъ мимо. Такимъ образомъ Германъ очутился наединѣ съ оберъ-гофмейстериной и, снявъ шляпу, въ смущеніи стоялъ передъ нею. Она обратилась къ нему съ привѣтливой улыбкой.

— Очень рада видѣть васъ, г. докторъ!—сказала она.—Мнѣ уже приходило въ голову, что вы уѣхали изъ Касселя или даже умерли, потому что не знала, чѣмъ объяснить ваше долгое отсутствіе! Между тѣмъ, я до сихъ поръ въ долгу у васъ за нѣмецкіе уроки.

Германъ окончательно растерялся при этихъ словахъ, которые живо напомнили ему прошлое, и проговорилъ съ усиліемъ:

— Вы такъ добры ко мнѣ, графиня... я чувствую себя глубоко виноватымъ передъ вами...

Онъ остановился изъ боязни, что сказалъ слишкомъ много, и не могъ придумать, какъ выйдти изъ своего затруднительнаго положенія.

— Къ сожалѣнію, я не могу продолжать нашего разговора,—сказала графиня:—потому что во дворцѣ могутъ замѣтить мое отсутствіе, но я должна многое сообщить вамъ... Зайдите ко мнѣ, когда я буду въ городѣ. До свиданія!..

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, затѣмъ опять вернулась и добавила торопливо:

— Едва не забыла сказать вамъ, что генералъ Моріо узналъ

о нѣмецкихъ урокахъ отъ генералъ-директора полиціи... Скажите, пожалуйста, вы никогда не встрѣчали переодѣтыхъ полицейскихъ въ моемъ домѣ?

— Нѣтъ, графиня, я вѣдь не знаю никого изъ нихъ, да и вообще мнѣ не приходилось встрѣчать незнакомыхъ лицъ въ вашемъ домѣ.

— Значитъ, это кто нибудь изъ прислуги... вѣроятнѣе всего—моя горничная!.. Я знаю, Моріо былъ невѣжливъ съ вами, а теперь все измѣнилось... Адель осчастливила его; поэтому не избѣгайте встрѣчи съ нимъ и не отказывайтесь, если онъ обратится къ вамъ съ какимъ нибудь предложеніемъ... Сдѣлайте это для Адели! До свиданія!

Графиня поспѣшно удалилась, оставивъ Германа въ полномъ недоумѣніи. Послѣднія слова были произнесены ею съ особеннымъ удареніемъ и на столько озадачили его, что онъ напрасно старался уяснить себѣ ихъ смыслъ.

Онъ поспѣшилъ нагнать Провансаля, но былъ такъ занятъ своими мыслями, что съ трудомъ могъ поддерживать разговоръ. За обѣдомъ онъ мало-по-малу развеселился; привѣтливое обращеніе графини Антоніи разсѣяло его послѣднія сомнѣнія относительно приключенія съ Аделью, которое, не смотря на его легкомысліе, все-таки, безпокоило его время отъ времени.

Онъ всталъ изъ-за стола въ наилучшемъ настроеніи духа и предложилъ Провансалю сѣсть въ экипажъ и отправиться пить кофе въ загородный ресторанъ Кейлгольца. — Кстати, — добавилъ онъ:—я никогда не былъ тамъ, но слышалъ...

— Allons!—прервалъ его Провансаль:—Прекрасная мысль! Тамъ можно подчасъ встрѣтить интересное общество, и во всякомъ случаѣ намъ дадутъ чашку хорошаго кофе.

XI.

Полицейскій агентъ.

Молодые люди застали у Кейлгольца многочисленную публику; кромѣ обычныхъ посѣтителей, было много пріѣзжихъ. Полицейскій агентъ Вюрцъ сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ; онъ былъ въ новомодномъ штатскомъ платьѣ и явился сюда въ надеждѣ подслушать неосторожныя рѣчи, такъ какъ Берканьи поручилъ ему слѣдить за депутатами. Онъ разыгрывалъ роль bon vivant'a, велѣлъ подать себѣ изысканный обѣдъ и заговаривалъ со всѣми, прибавляя къ каждому слову: «Могу васъ увѣрить! ma parole d'honneur! какъ честный человѣкъ!» При этомъ Вюрцъ былъ особенно откровененъ съ пріѣзжими, разсказывалъ придворныя сплетни, по-

рицалъ положеніе дѣлъ и лицъ, стоящихъ у «кормила правленія», хотя не называлъ ихъ именъ.

Но пока всѣ старанія полицейскаго агента не привели ни къ какимъ результатамъ; всѣ видимо избѣгали его, такъ какъ многіе знали его въ лицо и поспѣшили предостеречь болѣе довѣрчивыхъ. Только одинъ депутатъ изъ Гарца, Мельгаузъ, началъ возражать Вюрцу и дѣлать ему вопросы, но его остановилъ молодой военный врачъ, сидѣвшій съ нимъ за однимъ столомъ.

— Г. Мельгаузъ,—сказалъ онъ громко:—совѣтую вамъ неособенно довѣрять г. Вюрцу; если вы сообщите слишкомъ много свѣдѣній, то ему трудно будетъ донести ихъ до полицейскаго бюро, тѣмъ болѣе, что онъ плотно покушалъ. Пожалѣйте этого «честнаго человѣка!»

— Что вы хотите сказать этимъ?—воскликнулъ Вюрцъ, поднимаясь съ мѣста.—Надѣюсь, что это сдѣлано не съ цѣлью возбудить противъ меня подозрѣніе этихъ господъ!.. Вы слишкомъ смѣлы, monsieur le chirurgien aide-major! Вы знаете меня...

— Конечно, знаю, потому и говорю!—возразилъ со смѣхомъ молодой врачъ.

— Я могу пожаловаться на васъ полковнику Рюэллю!—сказалъ Вюрцъ угрожающимъ тономъ.—Мнѣ уже удалось проучить нѣсколькихъ!

— Это всѣмъ извѣстно, а равно и то, что часть штрафа, наложеннаго на виновныхъ, попала вамъ въ карманъ!—продолжалъ врачъ.— Но заранѣе предупреждаю, что отъ меня будетъ вамъ плохая пожива!

— Вы осмѣливаетесь порицать законъ!—воскликнулъ Вюрцъ.— Штрафы установлены закономъ, и ни одинъ благонамѣренный гражданинъ не можетъ находить въ нихъ ничего предосудительнаго!

— Я никогда не позволю себѣ ничего подобнаго!—возразилъ врачъ, который видимо находился подъ вліяніемъ выпитаго вина и все болѣе возвышалъ голосъ.—Напротивъ, я восхищаюсь ежедневно нашими прекрасными законами и полезными нововведеніями! Вотъ, напримѣръ, что можетъ быть лучше двухъ учрежденій, заимствованныхъ нами изъ Франціи, которыя доставляютъ заработокъ столькимъ людямъ, а именно: тайная полиція и публичные дома!

Насмѣшливый тонъ молодаго врача смутилъ присутствующихъ; нѣкоторые изъ сидѣвшихъ съ нимъ за однимъ столомъ встали со своихъ мѣстъ и отошли въ сторону, но, къ общему удивленію, Вюрцъ одобрительно кивнулъ головой.

— Вы правы, молодой человѣкъ!—сказалъ онъ.—Многимъ пришлось бы умереть съ голоду, если бы не было этихъ учрежденій, хотя между ними большая разница... Но оставимъ этотъ вопросъ! Разумѣется, при томъ щекотливомъ положеніи, въ какомъ я на-

хожусь въ Касселѣ, у меня много враговъ! Но кто эти враги? Безумцы, которые прежде всего вредятъ самимъ себѣ, навлекая подозрѣніе полиціи своими незаконными поступками...

— Прекрасно!—замѣтилъ врачъ:—но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ вводить въ соблазнъ этихъ людей, выпытывать ихъ, а затѣмъ объяснять въ дурную сторону сказанныя ими слова.

— Выпытывать! Какъ вы странно выражаетесь!—воскликнулъ Вюрцъ:—объясните, пожалуйста, что вы понимаете подъ этимъ словомъ?.. На сколько я могъ замѣтить, каждый человѣкъ стремится противодѣйствовать закону; это какъ бы его прирожденный грѣхъ, отъ котораго онъ долженъ избавиться, если хочетъ быть хорошимъ гражданиномъ. Если онъ не слѣдитъ за собой, то можетъ наступить моментъ, когда его нравственный недугъ на столько усилится, что общество должно исключить его изъ своей среды. Если какое нибудь должностное лицо, допустимъ даже, полицейскій, желаетъ предупредить этотъ моментъ и съ этой цѣлью дѣлаетъ нѣкоторые вопросы, то едва ли можно найдти тутъ что либо предосудительное и называть это выпытываніемъ! Надѣюсь, вы поняли меня?..

— Еще бы! Я увѣренъ, что и всѣ присутствующіе здѣсь поняли, что вы хотѣли сказать,—возразилъ молодой врачъ:—намъ остается только благодарить васъ за откровенность...

Эти слова вызвали общій хохотъ.

— Что означаетъ этотъ смѣхъ, милостивые государи?—спросилъ Вюрцъ повелительнымъ тономъ.—Не думаете ли вы издѣваться надо мною!.. Я вижу, что попалъ въ невозможное, могу сказать, непозволительное общество... Но куда дѣвался хозяинъ? Господинъ Кейлгольцъ, пожалуйте сюда!

Содержатель ресторана тотчасъ же явился на зовъ:

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ почтительнымъ тономъ, обращаясь къ Вюрцу, хотя былъ видимо доволенъ происходившей сценой.

— Я посовѣтовалъ бы вамъ, г. Кейлгольцъ,—замѣтилъ съ раздраженіемъ полицейскій:—побольше обращать вниманія на общество, которое собирается у васъ, тѣмъ болѣе, что ваше заведеніе за городомъ и полиціи трудно слѣдить за тѣмъ, что происходитъ здѣсь. Сегодня я имѣлъ случай убѣдиться, что у васъ разсказываютъ анекдоты о придворной жизни, осуждаютъ общественныя учрежденія и положеніе дѣлъ и, вдобавокъ, издѣваются надъ представителями закона...

Вюрцъ остановился, вытеръ носовымъ платкомъ крупныя капли пота, выступившія на лбу, и, окинувъ все общество грознымъ взглядомъ, продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Мы еще увидимся съ вами, г. Кейлгольцъ! я справлюсь, когда кончается срокъ вашего патента! А васъ, господа, я также знаю всѣхъ въ лицо и при случаѣ напомню вамъ о себѣ!

Съ этими словами Вюрцъ торжественно вышелъ изъ комнаты.

— Счастливый путь!—крикнулъ ему вслѣдъ молодой врачъ съ громкимъ смѣхомъ, но на этотъ разъ весьма немногіе вторили ему, потому что угроза полицейскаго агента смутила большинство присутствующихъ.

Германъ и Провансаль сидѣли вдали, но слышали весь разговоръ. Когда Вюрцъ прошелъ мимо нихъ, размахивая своимъ носовымъ платкомъ, отъ котораго распространился запахъ «eau de bouquet», Германъ невольно вспомнилъ тотъ вечеръ, когда онъ, выйдя изъ гостинной оберъ-гофмейстерины, остановился въ корридорѣ около комнаты горничной и разговаривалъ съ нею. Сильный запахъ тѣхъ же духовъ и тогда поразилъ его; при этомъ послышался какой-то шорохъ за дверью, но въ то время онъ не обратилъ никакого вниманія на это обстоятельство. Несомнѣнно, что въ комнатѣ горничной скрывался Вюрцъ; это подтверждалось и словами графини Антоніи, что «она не вполнѣ довѣряетъ нарумяненной француженкѣ».

Герману казалось необходимымъ сообщить немедленно оберъ-гофмейстеринѣ свое подозрѣніе и предостеречь ее относительно горничной, которая, служа въ тайной полиціи, могла навлечь на нее много непріятностей. Онъ на столько погрузился въ свои размышленія, что не разслышалъ первыхъ словъ хозяина, который, стоя у одного изъ столовъ, о чемъ-то громко разсказывалъ.

— Это отчаянный плутъ!—ораторствовалъ Кейлгольцъ:—онъ также противенъ мнѣ, какъ и его духи, которыми онъ заражаетъ воздухъ въ домахъ честныхъ людей! Какъ вамъ нравятся его угрозы?... Положимъ, я неособенно боюсь ихъ! Онъ расплачивается такимъ образомъ за ѣду и вино въ гостинницахъ, потому что не считаетъ нужнымъ тратить на это деньги. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ его личность неизвѣстна, онъ выдаетъ себя за честнаго нѣмца и безпрепятственно исполняетъ роль полицейскаго шпіона, а если очутится среди людей, знающихъ его, то проклинаетъ свою службу, которая лишаетъ его общественнаго довѣрія и пр. Вы не можете себѣ представить, господа, что это за лицемѣръ и негодяй! Онъ знакомится съ горничными и покоряетъ ихъ сердца, чтобы слѣдить за господами и проникнуть въ семейныя тайны. Этимъ способомъ Вюрцъ пробрался въ домъ Штрейха, который, благодаря его доносу, недавно потерялъ мѣсто въ военномъ министерствѣ и очутился съ женой и дѣтьми въ самомъ бѣдственномъ положеніи...

— На этотъ разъ я не согласенъ съ вами,—возразилъ молодой врачъ.—Штрейхъ былъ безусловно виноватъ, освобождая за деньги сыновей богатыхъ крестьянъ отъ солдатчины въ ущербъ бѣднякамъ, и Вюрцъ хорошо сдѣлалъ, что донесъ на него, хотя вы сами знаете, на сколько я ненавижу это отвратительное пресмыкающееся животное!

Хозяинъ заступился за Штрейха; изъ-за этого начался споръ, въ которомъ приняли участіе многіе изъ присутствующихъ. Германъ и Провансаль вышли изъ ресторана и сѣли въ экипажъ, чтобы отправиться въ городъ.

Провансаль, наскучивъ продолжительнымъ молчаніемъ своего спутника, рѣшился, наконецъ, заговорить съ нимъ.

— Г. Тёйтлебенъ,—началъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:— простите, если я позволю себѣ не совсѣмъ умѣстное замѣчаніе... Послѣ встрѣчи съ графиней Антоніей, вы стали особенно задумчивы... Не думайте, что только праздное любопытство руководитъ мною, но мнѣ показалось, что между нами существуетъ симпатія! У каждаго человѣка бываютъ минуты, когда ему особенно пріятно повѣрить свою сердечную тайну тому лицу, къ которому онъ имѣетъ особенное довѣріе. Я первый покажу вамъ примѣръ откровенности и говорю безъ обиняковъ, что люблю одну знатную даму, хотя до сихъ поръ никогда не высказывалъ ей моихъ чувствъ, и, такъ какъ она, повидимому, не замѣчаетъ ихъ, то мнѣ остается только молча поклоняться ей.

— Съ своей стороны прошу извиненія, если я прерву васъ,— сказалъ Германъ.—Глубоко цѣню ваше довѣріе ко мнѣ, не думайте, чтобы въ настоящемъ случаѣ я хотѣлъ что либо скрывать отъ васъ, но дѣйствительно между мной и графиней Антоніей нѣтъ и тѣни любви. У насъ есть одно общее дѣло, которое еще не кончено, и я не знаю, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ кажется, что я напалъ на слѣдъ одной тайны, которая имѣетъ большое значеніе для графини Антоніи, и, что всего замѣчательнѣе, что этимъ открытіемъ я обязанъ духамъ г. Вюрца... Это на столько невѣроятно, что вы будете смѣяться надо мною!

— Нисколько, — возразилъ Провансаль: — дѣла, гдѣ замѣшана тайная полиція, можно открывать только чутьемъ, такъ какъ ея агенты также руководятся этимъ въ большинствѣ случаевъ...

— Въ настоящую минуту я не могу сообщить вамъ никакихъ подробностей,—продолжалъ Германъ:—но когда дѣло выяснится, я все разскажу вамъ и даже, быть можетъ, попрошу вашего совѣта.

Провансаль ничего не возражалъ, и они молча доѣхали до города.





ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Открытіе рейхстага.

ДВОРЪ ПОКИНУЛЪ на нѣсколько дней лѣтнюю резиденцію и переселился въ старинный городской дворецъ прежнихъ ландграфовъ. 1-го іюля, назначенъ былъ большой смотръ войскамъ, и поэтому всѣ улицы, примыкавшія къ дворцовой площади, съ ранняго утра наполнились праздной толпой. Іеронимъ выѣхалъ верхомъ, окруженный своимъ штабомъ; затѣмъ явилась королева въ сопровожденіи придворныхъ дамъ. Выйдя изъ кареты, она собственноручно привязывала ленты къ знаменамъ и штандартамъ различныхъ полковъ; при этомъ король говорилъ каждому полку привѣтственныя рѣчи на французскомъ языкѣ, а его адъютантъ, принцъ Сальмъ, тутъ же переводилъ ихъ понѣмецки.

По окончаніи этой церемоніи начался смотръ. Король, объѣзжая войска, дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, но возраженія сопровождавшихъ его офицеровъ произвели непріятное впечатлѣніе на стоявшихъ по близости солдатъ и показались имъ слишкомъ безцеремонными. Между прочимъ, Іеронимъ, увидя ржавчину на пушкахъ, поставленныхъ среди площади и отлитыхъ по приказанію Моріо, довольно рѣзко замѣтилъ послѣднему:

— Voilà de vos canons, qui sont bien rouillés, général!

Моріо отвѣтилъ ему тѣмъ же тономъ:

— Sire, se ne sont pas des voitures de la cour!

Іеронимъ отвернулся и молча проѣхалъ дальше.

Послѣ смотра въ одной изъ дворцовыхъ залъ для высшихъ военныхъ чиновъ былъ приготовленъ завтракъ на 200 особъ. Милостивое одобреніе войскамъ со стороны Іеронима привело офицеровъ въ хорошее настроеніе духа, тѣмъ болѣе, что еще наканунѣ полученъ былъ приказъ, по которому каждому пѣхотному офицеру назначено было по 300 франковъ и по 500 гвардейскимъ для обмундировки.

Но смотръ былъ только прелюдіей для дальнѣйшихъ празднествъ. На слѣдующій день, 2-го іюля, послѣдовало открытіе рейхстага. Городъ опять оживился, и все пришло въ движеніе. Въ шесть часовъ утра, въ замокъ «Orangerie» прибылъ начальникъ гвардіи, генералъ Кудрà, и отсюда отдавалъ приказанія войскамъ, которыя выстроились шпалерами вдоль дворцовой площади до воротъ Ау.

Замокъ «Orangerie», гдѣ долженъ былъ собраться рейхстагъ, представлялъ собой величественное зданіе, состоящее изъ трехъ высокихъ павильоновъ и двухъ флигелей. Здѣсь были двѣ большія залы, и одна изъ нихъ приготовлена для предстоящаго торжества. На возвышеніи стоялъ тронъ для короля и скамьи для министровъ. Одна ложа предназначалась для королевы и ея свиты, другая для дипломатическаго корпуса и знатныхъ особъ. Передъ эстрадой было оставлено пустое пространство, широкій проходъ раздѣлялъ залу на двѣ половины; переднія скамьи, обитыя голубой матеріей, были приготовлены для членовъ государственнаго совѣта и депутатовъ; за ними слѣдовали скамьи съ красной обивкой для публики, которая допускалась по билетамъ, предъявляемымъ при входѣ.

Къ одиннадцати часамъ собрались депутаты. Они были въ своей парадной одеждѣ, которая состояла изъ голубаго кафтана, вышитаго оранжевымъ шелкомъ, и бѣлаго шелковаго шарфа; на плечахъ были накинуты голубыя вышитыя мантіи изъ шелковой матеріи, подбитыя бѣлымъ; черныя бархатныя шапки à la Henri IV, съ страусовыми перьями, дополняли ихъ костюмъ. Они чувствовали себя неловко въ непривычной одеждѣ французскаго покроя, которая плохо гармонировала съ ихъ серьезными нѣмецкими физіономіями; безпрестанно оправляли мантію, которая особенно тяготила ихъ, и только весьма немногіе держали себя съ достоинствомъ.

Члены государственнаго совѣта также явились въ полномъ парадѣ: въ своихъ бархатныхъ мантіяхъ и шарфахъ, съ беретами, украшенными страусовыми перьями. Они сѣли на переднія скамьи; на слѣдующихъ размѣстились пріѣхавшіе депутаты. Публика заранѣе заняла свои мѣста, и въ томъ числѣ Германъ и Провансаль.

Большая ложа, назначенная для дипломатическаго корпуса и другихъ знатныхъ особъ, почти моментально наполнилась разряженными дамами и кавалерами, потому что отданъ былъ приказъ никого не пускать послѣ одиннадцати часовъ. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ экипажъ королевы; президентъ рейхстага и четыре депутата

вышли навстрѣчу ея величества и проводили въ комнату, смежную съ залой, гдѣ она осталась до прибытія короля.

Ровно въ одиннадцать часовъ двадцать одинъ выстрѣлъ изъ пушки возвѣстилъ выѣздъ Іеронима изъ дворца. Всѣми овладѣло чувство нетерпѣливаго ожиданія, а нѣкоторые даже сожалѣли, что лишены возможности видѣть парадный королевскій поѣздъ.

Впереди всѣхъ ѣхали верхами: кассельскій губернаторъ и молодой бригадный генералъ Ревбель съ своими адъютантами, въ сопровожденіи отряда кавалеріи.

За ними слѣдовали четыре парадныхъ кареты; въ нихъ сидѣли церемоніймейстеръ съ своими товарищами по должности, министры, дворцовый оберъ-маршалъ г. Мейронэ и адъютантъ короля, заступившій мѣсто оберъ-шталмейстера.

Король ѣхалъ въ великолѣпномъ экипажѣ съ парадной упряжью; его сопровождали верхами: начальникъ гвардіи, адъютанты, шталмейстеры и шефъ жандармовъ Бонгаръ.

Поѣздъ замыкался рядомъ каретъ. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ оберъ-камергеръ и духовникъ короля; въ остальныхъ разные придворные чины.

Президентъ рейхстага, графъ Шуленбургъ-Вольфсбургъ, вышелъ изъ залы съ восемью депутатами, чтобы встрѣтить короля у входа, и въ тотъ же моментъ королева вошла въ ложу съ своими статсъ-дамами.

Въ залѣ наступила мертвая тишина. Нѣсколько секундъ спустя, появились два «huissiers», отворили настежъ обѣ половинки дверей. Впереди всѣхъ шелъ президентъ рейхстага съ восемью депутатами; за ними слѣдовали пажи, церемоніймейстеры, адъютанты короля, министры, оберъ-маршалъ и оберъ-шталмейстеръ. Затѣмъ вышелъ король, окруженный высшими придворными сановниками; при этомъ опять раздался вдали двадцать одинъ выстрѣлъ изъ пушки. На Іеронимѣ была бѣлая парадная одежда и пурпуровая мантія, шляпа съ перьями, украшенная бриллiантами, бѣлые шелковые башмаки съ бѣлыми кокардами и красными каблуками.

Всѣ поднялись при появленіи короля и, снявъ шляпы, ожидали, пока онъ вошелъ на эстраду и сѣлъ на тронъ, послѣ чего всѣ заняли свои мѣста. Церемоніймейстеры размѣстились на ступеняхъ эстрады, пажи выстроились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короля. Начальникъ гвардіи, оберъ-маршалъ и оберъ-шталмейстеръ встали позади трона, а за ними остальная свита. Министры сѣли на приготовленныя для нихъ скамьи; кассельскій губернаторъ, духовникъ короля, генералъ Бонгаръ и адъютанты его величества помѣстились позади министровъ, рядомъ съ кресломъ оберъ-камергера. Передъ трономъ на возвышеніи было приготовлено кресло для президента, который торжественно сѣлъ на свое мѣсто; около него по обѣимъ сторонамъ встали «huissiers» рейхстага.

Когда все пришло въ порядокъ, оберъ-камергеръ подошелъ къ королю, чтобы выслушать приказанія его величества.

Германъ въ первый разъ видѣлъ мужа графини Антоніи и съ любопытствомъ разсматривалъ его. Это былъ красивый человѣкъ, съ аристократической осанкой и изящными манерами, но чуждыми торжественности важнаго сановника, чтò было особенно замѣтно, когда онъ подошелъ къ королю, а затѣмъ передалъ его слова министрамъ.

Симсонъ, завѣдовавшій въ это время министерствомъ юстиціи, поднялся съ своего мѣста и, подойдя къ трону, спросилъ у его величества дозволенія представить ему депутатовъ.

Между тѣмъ, одинъ изъ церемоніймейстеровъ, по приказанію оберъ-камергера, обратился къ собранію съ предложеніемъ выбрать кого нибудь изъ своей среды для представленія депутатовъ его величеству. Выборъ палъ на предсѣдателя суда изъ Эйнбека, и онъ началъ вызывать депутатовъ по департаментамъ, въ альфавитномъ порядкѣ. Затѣмъ каждый депутатъ поочередно подходилъ къ ступенямъ эстрады, и министръ юстиціи Симсонъ вторично повторялъ его фамилію, а онъ произносилъ присягу на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.

По окончаніи этой утомительной церемоніи, король началъ свою рѣчь, и всѣ присутствующіе опять сняли шляпы.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, по поводу открытія рейхстага, король, ссылаясь на министра юстиціи,—который долженъ былъ познакомить депутатовъ съ положеніемъ дѣлъ, — просилъ собраніе обратить особенное вниманіе на два главныхъ вопроса. Первый изъ нихъ касался введенія общаго законодательства въ государствѣ, составленномъ изъ разнородныхъ частей. При этомъ король выражалъ надежду, что существующія погрѣшности и недостатки въ мѣстныхъ узаконеніяхъ могутъ быть устранены, если то, что есть хорошаго въ старыхъ законахъ, будетъ оставлено и будутъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія изъ «Code Napoleon». Второй вопросъ касался погашенія долговъ, лежащихъ на отдѣльныхъ провинціяхъ, для образованія общаго «національнаго долга». Совмѣстно съ этимъ, — добавилъ король, — разрозненные жители отдѣльныхъ частей государства составятъ одну націю, воодушевленную однимъ духомъ и одинаковыми стремленіями, сильную своимъ единствомъ, кредитомъ, финансами и военными доблестями, которыми вестфальцы также прославятся, какъ и ихъ предки. Выполненіе этой широкой задачи король возлагалъ на собравшихся представителей народа и съ своей стороны обѣщалъ заботиться о благѣ дорогаго для него государства. Онъ заключилъ свою рѣчь словами:

«Nous y travaillerons de concert: moi en roi et père, vous en sujets fidèles et affectionnés!»

Слова эти были заглушены крикомъ сотни голосовъ: «Да здравствуетъ его величество! Да здравствуетъ королева!»

Король поднялся съ мѣста, и шествіе двинулось къ выходу въ томъ же порядкѣ; королева въ это время вышла изъ ложи въ сопровожденіи своихъ дамъ.

Публика послѣдовала примѣру ихъ величествъ, и зала сразу опустѣла. Во избѣжаніе давки и безпорядковъ депутаты, члены государственнаго совѣта и всѣ пріѣхавшіе въ экипажахъ отправились другой дорогой, такъ что королевскій поѣздъ могъ безпрепятственно слѣдовать прежнимъ путемъ черезъ ворота Ау.

Среди общей суматохи Германъ потерялъ изъ виду Провансаля и столкнулся лицомъ къ лицу съ барономъ Рефельдомъ, который только-что вернулся изъ своей поѣздки въ Берлинъ и также присутствовалъ при церемоніи открытія рейхстага. Оба поспѣшили выйдти изъ залы и, выбравъ самый короткій путь, поднялись по лѣстницѣ до воротъ Ау, откуда видѣнъ былъ весь королевскій поѣздъ, который медленно поднимался по извилистой дорогѣ среди огромнаго стеченія народа. Возгласы: «Да здравствуетъ король! Виватъ ихъ величествамъ!» сливались съ грохотомъ пушекъ и прекратились только съ прибытіемъ Іеронима во дворецъ.

II.

Assister au grand couvert.

Въ день открытія рейхстага у капельмейстера Рейхардта былъ званый обѣдъ, въ честь трехъ депутатовъ, съ которыми онъ познакомился во время своего пребыванія въ Галле. Германъ и баронъ Рефельдъ также получили приглашеніе и явились раньше другихъ гостей.

Германъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ видѣннаго имъ зрѣлища, которому придавалъ особенное значеніе. Ему грезилось, что отнынѣ король и народъ составятъ нѣчто нераздѣльное. Онъ не сомнѣвался, что Іеронимъ не желаетъ быть самовластнымъ, такъ какъ въ своей рѣчи, поручивъ рейхстагу устройство дѣлъ въ государствѣ и составленіе новыхъ законовъ, предоставлялъ себѣ скромную роль покровителя ихъ и блюстителя порядка. Кромѣ того, торжественная церемонія открытія рейхстага повліяла на Германа и въ другомъ отношеніи. До этого онъ колебался поступить на государственную службу, но теперь практическая общественная дѣятельность получила въ его глазахъ иной смыслъ. Онъ видѣлъ въ ней долгъ, налагаемый на гражданина въ каждомъ свободномъ государствѣ.

Капельмейстеръ отнесся скептически къ этому новому увлеченію Германа и поднялъ на смѣхъ, что онъ нашелъ въ Касселѣ англійскій парламентъ, и спросилъ: понравился ли ему вычурный нарядъ депутатовъ?

— Присмотритесь сперва къ ходу дѣлъ,—добавилъ онъ:—и тогда, быть можетъ, вы излѣчитесь отъ вашего восторженнаго состоянія. Результатъ совѣщаній рейхстага можетъ совершенно не соотвѣтствовать тому, что вы видѣли и слышали сегодня. Вы скоро убѣдитесь, что наши депутаты поставлены въ полную зависимость отъ воли Наполеона, равно и король Жеромъ, который исполняетъ только приказанія своего брата, такъ что намъ нечего ждать какихъ либо полезныхъ перемѣнъ.

— Въ одномъ я согласенъ съ г. Тёйтлебеномъ, — сказалъ баронъ: — что вестфальскій король несомнѣнно желаетъ объединенія своихъ разрозненныхъ владѣній, и намъ остается только желать ему полнаго успѣха, потому что въ этомъ случаѣ Вестфалія со временемъ примкнетъ къ будущей Германской имперіи.

— Да, но для этого необходимо, чтобы Жеромъ отрѣшился отъ своихъ узкихъ семейныхъ интересовъ и имѣлъ достаточно ума и мужества, чтобы сдѣлаться нѣмецкимъ королемъ,—возразилъ Рейхардтъ, вставая съ мѣста, чтобы встрѣтить гостей, которые явились почти одновременно.

Въ числѣ ихъ были двое изъ приглашенныхъ депутатовъ—баронъ Бранкони и канцлеръ Нимейеръ, которые явились въ парадныхъ костюмахъ, потому что къ пяти часамъ должны были поспѣть во дворецъ, чтобы присутствовать при парадномъ столѣ ихъ величествъ. Третій депутатъ, землевладѣлецъ Кеферштейнъ, отказался отъ обѣда, но обѣщалъ заѣхать позже и лично извиниться передъ капельмейстеромъ.

Во время обѣда, Рейхардтъ заговорилъ объ Испаніи и замѣтилъ, что, по странной случайности, открытіе вестфальскаго рейхстага совпадаетъ съ газетными извѣстіями объ открытіи испанской «юнты», созванной императоромъ Наполеономъ въ Байонѣ.

— Какъ вамъ извѣстно,—продолжалъ онъ:—короля Карла принудили уступить испанскій престолъ Іосифу, брату Наполеона. Новый король издалъ прокламацію къ народу, а «юнта» постановила выразить Іосифу свои вѣрноподданническія чувства, объяснить націи великія выгоды, какія она можетъ ожидать отъ новаго правительства и склонить ее къ повиновенію и соблюденію закона.

Капельмейстеръ, коснувшись излюбленной тэмы, никогда не обращалъ вниманія на образъ мыслей и убѣжденія своихъ собесѣдниковъ. Такъ было и теперь. Нимейеръ не былъ трусомъ, но въ качествѣ депутата считалъ нелишнимъ соблюдать осторожность въ присутствіи незнакомыхъ людей, и чувствовалъ себя неловко. слушая Рейхардта. Онъ недавно получилъ мѣсто канцлера уни-

верситета и помнилъ, какъ, полтора года тому назадъ, нѣсколько студентовъ въ Галле своей неосторожностью навлекли гоненіе на всѣ нѣмецкіе университеты.

Нимейеръ былъ убѣжденъ, что капельмейстеръ на этомъ не остановится, и его ожиданія не замедлили оправдаться.

Рейхардтъ распространился на ту тэму, что король Іосифъ также, какъ и Жеромъ, прибѣгъ къ поддержкѣ высшаго духовенства.— Извѣстно ли вамъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ депутатамъ:— что нашъ министръ юстиціи Симсонъ отъ имени короля разослалъ циркуляръ епископамъ, гдѣ, между прочимъ, писалъ о тяжелой обязанности королей заботиться объ общественной нравственности и искорененіи порока съ помощью добродѣтельныхъ людей? Представьте себѣ, Жеромъ заботится объ искорененіи порока! Что вы скажете на это, господа?

Рефельдъ, замѣтивъ безпокойство канцлера, рѣзко перемѣнилъ разговоръ:

— Удивительно,—сказалъ онъ:—какъ французы любятъ громкія фразы. Такъ, напримѣръ, въ постановленіи испанской «юнты» проведена та мысль, что Испанія и Франція, подъ властью короля Іосифа, будутъ солидарны въ своихъ интересахъ, но эта мысль выражена слѣдующей трескучей фразой: «Qu'il n'y ait pas des Pyrenées, или другими словами: «Пиренеи должны исчезнуть!»

— Скоро ли наступитъ время, когда и мы скажемъ, что нѣтъ больше Гарца и Тюрингенскаго лѣса!—воскликнулъ Рейхардтъ.— Когда-то мы соберемся съ силами, чтобы прогнать за Вогезы угнетателей Германіи!

При этихъ словахъ канцлеръ въ испугѣ вскочилъ съ своего мѣста и, обращаясь къ Бранкони, торопливо проговорилъ:

— Однако, намъ пора, баронъ! Среди пріятныхъ разговоровъ, мы совсѣмъ забыли, что должны еще заѣхать за Риценбергеромъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться во дворецъ. Прошу извиненій, г. капельмейстеръ! Ради Бога, не безпокойтесь и оставайтесь на мѣстѣ!..

Хозяинъ дома изъявилъ сожалѣніе, что они не могутъ долѣе пробыть у него, и, проводивъ ихъ до передней, вернулся опять въ столовую. Г-жа Рейхардтъ замѣтила мужу, что онъ своими смѣлыми рѣчами приводитъ въ смущеніе гостей и не успокоится до тѣхъ поръ, пока его не заставятъ замолчать.

— Быть можетъ, ты и права, моя дорогая!—возразилъ капельмейстеръ.—Мнѣ дѣйствительно не слѣдовало пугать Нимейера; онъ и безъ того волновался при мысли, что будетъ присутствовать при grand couvert!..

Разговоръ былъ прерванъ прибытіемъ депутата Keферштейна, который также былъ въ полномъ парадѣ и объявилъ, что зашелъ

только на нѣсколько минутъ, чтобы извиниться передъ Рейхардтами, такъ какъ долженъ спѣшить во дворецъ.

— Надѣюсь, вы не разсердитесь на меня, г. капельмейстеръ!— добавилъ онъ:—но, къ несчастью, я получилъ вашу записку, гдѣ вы меня приглашаете на обѣдъ, одновременно съ пригласительнымъ билетомъ изъ дворца на «grand repas» ихъ величествъ. Отказаться отъ такой чести было невозможно, и я долженъ былъ лишить себя удовольствія обѣдать у васъ, чтобы надлежащимъ образомъ воспользоваться королевскимъ угощеніемъ.

Рейхардтъ громко расхохотался:

— Мой милый другъ!—воскликнулъ онъ.—Вы совсѣмъ не поняли, въ чемъ заключается приглашеніе? Васъ позвали во дворецъ, чтобы вы могли видѣть, какъ будутъ кушать ихъ величества.

Кеферштейнъ показалъ пригласительный билетъ, которымъ замѣтно гордился, и возразилъ съ насмѣшливой улыбкой: —Прошу извиненія, на сколько мнѣ извѣстно, слово видѣть означаетъ по-французски voir, regarder,—это вы найдете въ любомъ лексиконѣ, а въ билетѣ написано: assister au repas de leurs majestés.

— Ну, да! assister значитъ присутствовать при обѣдѣ ихъ величествъ!

— Вы ошибаетесь, Рейхардтъ!—замѣтилъ депутатъ.—Assister означаетъ помогать, какъ это доказываетъ слѣдующая фраза: Que le bon Dieu vous assiste!

— Изъ этого, всетаки, не слѣдуетъ, что васъ приглашаютъ кушать съ ихъ величествами! — отвѣтилъ капельмейстеръ. — Тутъ о помощи не можетъ быть и рѣчи.

— Полноте! — продолжалъ Кеферштейнъ. — Вы слишкомъ буквально понимаете слово assister? Я не считаю себя вправѣ учить васъ, но, всетаки, выслушайте мое объясненіе. Это слово, какъ мнѣ кажется, не болѣе какъ смѣлое выраженіе, или, лучше сказать, французская любезность. Французы замѣчательно деликатны и вѣжливы; въ этомъ отношеніи мы должны поучиться у нихъ. Вы слышали сегодня, что король съ своей рѣчи просилъ l'assistance, т. е. содѣйствія рейхстага для составленія новыхъ законовъ и пр.; это самое слово примѣнено къ приглашенію на обѣдъ, слѣдовательно и тутъ мы будемъ участниками, а не простыми зрителями!

Баронъ Рефельдъ многозначительно взглянулъ на хозяина дома, чтобы дать ему понять, чтобы онъ оставилъ депутата при его счастливой иллюзіи.

Но капельмейстеръ не обратилъ на это никакого вниманія и, пожимая руку Кеферштейну, сказалъ:

— Когда вы убѣдитесь на опытѣ, что я вѣрнѣе васъ понялъ деликатность французовъ, то сдѣлайте одолженіе, вернитесь сюда для утоленія голода; обѣдъ будетъ на-готовѣ для васъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ отправимся въ оперу.

Депутатъ изъявилъ свое согласіе съ недовѣрчивой улыбкой.

— Сегодня, если не ошибаюсь, даровой спектакль?—спросилъ онъ.

— Да, — сказалъ Рейхардтъ: — идетъ Донъ-Жуанъ, и я дирижирую оркестромъ. Вѣроятно, Жеромъ также изъ чувства деликатности назначилъ эту піесу въ честь представителей рейхстага. Сегодня ихъ величества будутъ сидѣть въ главной ложѣ..

Кеферштейнъ спѣшилъ во дворецъ и, простившись со всѣми, уѣхалъ.

Вскорѣ раздались выстрѣлы изъ пушекъ, возвѣщавшіе, что во дворцѣ начался парадный королевскій обѣдъ.

Нѣкоторые изъ гостей выразили сомнѣніе, чтобы Кеферштейнъ вернулся назадъ и воспользовался полученнымъ приглашеніемъ, потому что могъ ожидать насмѣшекъ со стороны капельмейстера. Но этотъ далъ торжественное обѣщаніе встрѣтить депутата съ серьёзнымъ видомъ и не дѣлать никакихъ вопросовъ, пока онъ самъ не заговоритъ объ этомъ.

Противъ общаго ожиданія Кеферштейнъ явился довольно скоро и, поздоровавшись съ хозяиномъ дома, проговорилъ съ смущеннымъ видомъ:

— Вы правы, Рейхардтъ! Теперь уже никогда не забуду, что значитъ assister! Я чувствую волчій голодъ и буду искренно благодаренъ, если вы покормите меня чѣмъ нибудь...

Всѣ разсмѣялись, и въ томъ числѣ самъ Кеферштейнъ.

Подали обѣдъ, и онъ сосредоточилъ на немъ все свое вниманіе.

— Разскажите, пожалуйста, въ чемъ заключается королевскій обѣдъ и почему все кончилось такъ быстро?—спросилъ Германъ съ непритворнымъ любопытствомъ.

— Подождите немного, молодой человѣкъ, позвольте проголодавшемуся депутату, присутствовавшему при «grand couvert», подкрѣпить свои силы, и тогда я охотно исполню ваше желаніе, — отвѣтилъ Кеферштейнъ.

Немного погодя, утоливъ первый голодъ, онъ началъ свой разсказъ:

— Со стороны великолѣпія нельзя было ожидать ничего лучшаго! Все подавалось на золотѣ или вызолоченномъ серебрѣ, такъ что королевскій столъ блестѣлъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Ихъ величества сидѣли одни на возвышеніи подъ балдахиномъ, въ великолѣпныхъ креслахъ, на подобіе троновъ.

— Я былъ увѣренъ въ томъ!—замѣтилъ Рейхардтъ.—Ни одинъ подданный не можетъ обѣдать за параднымъ королевскимъ столомъ. У насъ также введенъ строжайшій придворный этикетъ; даже всѣ комнаты во дворцѣ распредѣлены по рангу такъ, что въ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ входить только особы извѣстнаго чина, другіе—нѣтъ. Порядокъ нашихъ празднествъ также заранѣе опредѣляется французскимъ императоромъ...

Между тѣмъ, Keферштейнъ, окончивъ обѣдъ, продолжалъ:— Епископъ, въ полномъ облаченіи, украшенный звѣздой прусскаго ордена Краснаго Орла, прочелъ передъ обѣдомъ молитву, въ качествѣ grand aumônier. Важные государственные сановники и придворные прислуживали за столомъ ихъ величествъ, принимая кушанья отъ пажей, которые приносили и уносили ихъ. Нѣмецкіе графы и бароны исполняли это съ педантическимъ достоинствомъ и съ такой торжественной миной, какъ будто хотѣли сказать: «Смотрите на насъ, мы прошли хорошую школу при нашихъ старыхъ дворахъ и знаемъ, какъ держать себя»! Французы, наоборотъ, все время улыбались и, быть можетъ, на смѣхъ нѣмцамъ, относились къ своей обязанности слегка, съ милой небрежностью. Мы, депутаты, министры и придворные любовались зрѣлищемъ на приличномъ разстояніи отъ королевскаго стола; при этомъ намъ, представителямъ рейхстага, дозволили сѣсть, и мы все время оставались въ нашихъ шапочкахъ à la Henri IV.

— Такъ вотъ что значитъ французское выраженіе: «assister au grand couvert!»—замѣтилъ иронически баронъ Рефельдъ.—Я не зналъ этого!

— Да, и я также убѣдился сегодня, что не понималъ смысла этой фразы!—возразилъ со смѣхомъ Keферштейнъ.—Впрочемъ, мнѣ не приходится жалѣть, что я не участвовалъ въ королевскомъ обѣдѣ. Все дѣлалось только для вида, какъ на театрѣ. Король и королева едва прикасались до кушаньевъ и только пробовали вина. Въ двадцать минутъ вся эта комедія была окончена, но мнѣ она показалась безконечной, потому что я умиралъ отъ голоду...

Жена капельмейстера напомнила мужу, что ему пора ѣхать въ театръ и неудобно заставить ждать себя. Рейхардтъ поднялся съ мѣста и взялъ шляпу, но, не смотря на всѣ его убѣжденія, Keферштейнъ наотрѣзъ отказался ѣхать съ нимъ, говоря, что хочетъ отдохнуть, тѣмъ болѣе, что послѣ оперы обязанъ явиться на фейерверкъ и иллюминацію.

III.

Тайные замыслы.

Въ то время, какъ въ Касселѣ шли дѣятельныя приготовленія къ торжественному открытію рейхстага, пришла вѣсть о скоромъ возвращеніи Бюлова изъ Парижа. Наполеонъ чрезвычайно милостиво принялъ министра финансовъ и оказалъ ему особенный почетъ, который доставилъ такое удовольствіе Іерониму, что враги Бюлова рѣшили отложить исполненіе своихъ замысловъ до болѣе удобнаго времени. Берканьи не придавалъ большаго значенія ласковому пріему Наполеона и, зная его характеръ, считалъ это вѣр-

нымъ признакомъ, что поѣздка министра кончится ничѣмъ или даже будетъ имѣть дурные результаты.

Дѣйствительно, по возвращеніи Бюлова въ Кассель, оказалось, что императоръ ни въ чемъ не отступилъ отъ своихъ требованій и только на короткое время отсрочилъ платежи. Іеронимъ увидѣлъ въ этомъ оскорбленіе своей особѣ и въ то же время почувствовалъ нѣкоторую зависть къ Бюлову: императоръ, не давая никакихъ льготъ вестфальскому королю, отнесся наилучшимъ образомъ къ министру финансовъ и всячески старался выказать ему свою милость. Враги Бюлова тотчасъ же замѣтили холодное обращеніе съ нимъ короля и не замедлили воспользоваться этимъ. За день до открытія рейхстага у нихъ явился новый союзникъ, въ лицѣ барона фонъ-Линденъ изъ Берлина.

Этотъ уполномоченный посланникъ Іеронима при прусскомъ дворѣ явился съ предвзятымъ убѣжденіемъ, относительно привязанности Бюлова къ Пруссіи и своему прежнему королю. Онъ зналъ, что Бюловъ, занимая въ Магдебургѣ должность президента камеры военныхъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, отправилъ значительную сумму денегъ несчастному королю послѣ битвы при Іенѣ, когда французы подошли къ городу, а затѣмъ воспользовался довѣрчивостью французскаго главнокомандующаго и заставилъ его умѣрить свои требованія.

Человѣкъ, какъ Линденъ, душою преданный французскому правительству и готовый преслѣдовать всякую политическую неблагонадежность, вполнѣ соотвѣтствовалъ планамъ Берканьи, который безъ особеннаго труда увѣрилъ его, что напалъ на слѣдъ тайной корреспонденціи министра съ прусскими заговорщиками.

Король съ большимъ интересомъ слушалъ извѣстія, сообщенныя ему посланникомъ, о сношеніяхъ, планахъ и средствахъ Пруссіи, о тайныхъ обществахъ, которыя стремились возбудить народное возстаніе, о пребываніи гессенскаго кронъ-принца въ Берлинѣ и пр. Не смотря на продолжительную аудіенцію, многіе вопросы остались нетронутыми, и поэтому Іеронимъ велѣлъ посланнику опять явиться къ нему послѣ оперы.

Линденъ былъ худощавый, невзрачный человѣкъ, съ черными, пытливыми глазами и нервнымъ подергиваньемъ въ лицѣ. Онъ отличался льстивыми манерами придворнаго и давно бросилъ всѣ научныя занятія, чтобы всецѣло посвятить себя политической дѣятельности, или, говоря точнѣе, своему полицейскому усердію. Въ ожиданіи вторичной аудіенціи у короля, фонъ-Линденъ отправился во дворецъ до окончанія оперы; многіе изъ придворныхъ послѣдовали его примѣру.

Іеронимъ оставался до конца представленія, потому что былъ вмѣстѣ съ королевой, и вернулся недовольный исполненіемъ оперы, хотя, по мнѣнію капельмейстера, піеса шла вполнѣ удовлетвори-

тельно. Неизвѣстно, что̀ привело короля въ дурное расположеніе духа: надоѣло ли ему сидѣть съ королевой въ главной ложѣ, гдѣ на него были устремлены всѣ взоры, или грустный конецъ Донъ-Жуана произвелъ на него дурное впечатлѣніе? Но, во всякомъ случаѣ, король не считалъ нужнымъ объяснять что либо и тотчасъ же пригласилъ въ свой кабинетъ фонъ-Линдена, генералъ-директора полиціи и нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, которые пользовались его особеннымъ довѣріемъ.

Началась конференція среди грохота пушекъ, сопровождавшихъ шумъ фейерверка; трескъ ракетъ, огненныхъ колесъ и бураковъ смѣшивался съ криками и рукоплесканіями многочисленной народной толпы, собравшейся передъ дворцомъ. Король всего болѣе интересовался тѣмъ, что могло способствовать осуществленію его мечты увеличить Вестфальское королевство въ ущербъ Пруссіи. Линденъ, не подозрѣвая этого, распространился о патріотическихъ стремленіяхъ Пруссіи, которая, съ цѣлью увеличить свои силы и облагородить военную службу, ввела общую военную повинность и приняла мѣры къ поднятію уровня образованія и нравственности офицеровъ. Кромѣ того,—добавилъ посланникъ,—въ Берлинѣ поднятъ вопросъ о всеобщемъ вооруженіи, чтобы имѣть возможность въ короткое время мобилизировать значительное войско.

Іеронимъ отнесся презрительно къ этимъ извѣстіямъ. По тону его голоса и смѣлымъ замѣчаніямъ присутствующихъ, можно было заключить, что всѣ болѣе или менѣе находились въ возбужденномъ состояніи, чему, конечно, содѣйствовалъ уличный шумъ и крѣпкія вина, которыя подавались съ разными закусками. Одни молчали или говорили отрывистыми фразами, другіе горячились безъ видимой причины, что̀ придавало конференціи характеръ частной бесѣды, въ особенности, когда Линденъ коснулся тайныхъ сношеній Касселя съ прусскими патріотами и въ числѣ неблагонадежныхъ лицъ назвалъ Бюлова. Было уже далеко за полночь, когда участники конференціи вышли изъ дворца.

На слѣдующій день былъ парадный пріемъ у короля. Въ числѣ различныхъ лицъ представлялось много военныхъ, получившихъ повышеніе по службѣ, а также придворныхъ, назначенныхъ на должности; всѣ они приносили присягу.

Пока длилась эта церемонія, значительная часть публики оставалась въ сосѣдней залѣ. Берканьи воспользовался удобной минутой, когда никто не обращалъ на него вниманія, и, отозвавъ Мальха къ дальней оконной нишѣ, сказалъ съ торжествующимъ видомъ:

— Мы можемъ поздравить другъ друга съ успѣхомъ, мой дорогой Мальхъ! Король уполномочилъ меня произвести тайный обыскъ у министра финансовъ. Линденъ подготовилъ почву, сообщивъ о своемъ предположеніи, что между Касселемъ и Пруссіей существуютъ тайныя сношенія; при этомъ онъ добавилъ, что не

можетъ привести никакихъ опредѣленныхъ фактовъ и думаетъ, что для разъясненія дѣла не мѣшало бы пересмотрѣть частную корреспонденцію Бюлова. Я слушалъ молча докладъ посланника, но когда король взглянулъ на меня, то я позволилъ себѣ замѣтить, что неудобно производить оффиціальный обыскъ, пока не будетъ найдено чего либо предосудительнаго въ бумагахъ министра, и предложилъ втайнѣ осмотрѣть ихъ. Король ничего не отвѣтилъ, но сегодня утромъ, когда мы были наединѣ, передалъ мнѣ написанное карандашемъ уполномочіе на тайный обыскъ у министра. Іеронимъ отличается замѣчательнымъ тактомъ въ такого рода дѣлахъ. Теперь все въ нашихъ рукахъ, и мой хамелеонъ Вюрцъ уже получилъ надлежащія инструкціи...

— Но весь вопросъ въ томъ, какъ и когда вы умудритесь произвести обыскъ!—возразилъ Мальхъ.—Бюловъ вернулся изъ Парижа и, вѣроятно, по своему обыкновенію почти не выходитъ изъ кабинета. Если вы рѣшите эту трудную задачу, то я буду считать васъ геніальнымъ человѣкомъ! Ну, теперь можно будетъ выпустить въ свѣтъ четырехстишіе на Бюлова, которое вы оставили тогда у меня для прочтенія. Надѣюсь, что вы успѣли напечатать его.

— Да, мы напечатали его на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ и въ значительномъ количествѣ экземпляровъ! Въ слѣдующую ночь, во время придворнаго бала, пасквиль на Бюлова будетъ прибитъ на углахъ всѣхъ улицъ.

— Стихи на столько понравились мнѣ,—замѣтилъ Мальхъ:—что, не смотря на свою плохую память, я выучилъ ихъ наизусть!

При этомъ онъ продекламировалъ вполголоса:

Midas avait des mains, qui changeaient tout en or.
Que Monsieur de Bulow n'en a-t-il des pareilles?
Pour l'état brisé ce serait un trésor.
Mais helas! de Midas il n'a que les oreilles.

(Все, до чего прикасался Мидасъ, превращалось въ золото. Почему бы мсьё де-Бюлову не имѣть такихъ рукъ? Это было бы сокровищемъ для раздробленнаго государства. Но, увы! у него только уши Мидаса).

— Да, это очень мило! — сказалъ съ улыбкой Берканьи, пожимая руку своему пріятелю. Затѣмъ оба присоединились къ остальной публикѣ, наполнявшей залу.

Но противниковъ Бюлова постигла полная неудача съ пасквилемъ, какъ это бываетъ иногда съ родителями, которые видятъ генія въ неудавшемся сынѣ и ожидаютъ для него большаго успѣха въ жизни, а свѣтъ не только холодно относится къ нему, но съ явнымъ пренебреженіемъ.

Въ назначенное время на углахъ всѣхъ улицъ появились листки съ упомянутымъ четырехстишіемъ на двухъ языкахъ, но пасквиль не произвелъ ожидаемаго впечатлѣнія. Простой народъ, не слыха-

вшій никогда преданія о Мидасѣ и не понимая смысла стиховъ, равнодушно проходилъ мимо, между тѣмъ какъ болѣе образованная публика нашла ихъ вычурными и неостроумными. При этомъ многіе увидѣли въ напечатаніи пасквиля злобное намѣреніе какой нибудь партіи, сознающей свое безсиліе передъ министромъ финансовъ.

На слѣдующее утро Берканьи, съ грустнымъ видомъ человѣка, исполняющаго по необходимости долгъ службы, подалъ королю какъ бы сорванный со стѣны листокъ со слѣдами клея по краямъ. Но Іеронимъ, утомленный ежедневными торжествами, пасмурно принялъ его; онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и видимо озабоченъ извѣстіями изъ Пруссіи; къ этому присоединилось, быть можетъ, какое нибудь усложненіе въ его сердечныхъ дѣлахъ. Онъ не только не разсмѣялся, прочитавъ стихи, но назвалъ ихъ нелѣпыми и велѣлъ изслѣдовать дѣло и, подъ вліяніемъ свойственнаго ему добродушія, замѣтилъ, что вполнѣ признаетъ заслуги Бюлова, какъ министра.

Берканьи, изъ боязни, что король отмѣнитъ отданный имъ приказъ — произвести тайный обыскъ у Бюлова, замѣтилъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Теперь мнѣ необходимо поспѣшить съ тайнымъ обыскомъ у Бюлова! Не подлежитъ сомнѣнію, что французскій посланникъ пошлетъ донесеніе въ Парижъ по поводу этихъ злополучныхъ стиховъ, и было бы нелишнимъ заручиться какими нибудь документами, чтобы умилостивить императора, такъ какъ министръ юстиціи пользуется большимъ расположеніемъ его величества.

— Да, это было бы крайне желательно, но еще вопросъ: подтвердится ли чѣмъ нибудь ваше предположеніе? Иначе за оскорбленіе чести фонъ-Бюлова намъ прійдется дать отвѣтъ передъ собравшимся рейхстагомъ.

— Ваше величество,—возразилъ генералъ-директоръ полиціи,— вы слишкомъ милостивы къ Бюлову; я могу обнаружить факты, которые докажутъ, что онъ не заслуживаетъ такого довѣрія.

— Весьма возможно,—сказалъ Іеронимъ: — что я отношусь къ нему слишкомъ снисходительно и придаю ему больше значенія, нежели онъ этого заслуживаетъ! Поэтому я не думаю отмѣнять сдѣланнаго распоряженія, а теперь прошу васъ отправиться къ Бюлову и выразить отъ моего имени, на сколько я возмущенъ этимъ глупымъ пасквилемъ.

Берканьи былъ озадаченъ приказаніемъ короля, которое считалъ унизительнымъ для своего достоинства, и не зналъ, какъ отдѣлаться отъ него. Въ это время доложили о прибытіи министра юстиціи Симсона. Онъ также явился къ королю съ оттискомъ стиховъ въ рукахъ и, высказавъ свое негодованіе по поводу оскорбленія, нанесеннаго заслуженному министру, настаивалъ на томъ, чтобы Бюловъ получилъ блистательное удовлетвореніе.

Генералъ-директоръ полиціи поспѣшилъ воспользоваться этимъ заявленіемъ, чтобы избавиться отъ непріятнаго порученія.—Ваше величество, — сказалъ онъ, обращаясь къ королю:—вы только-что изволили сдѣлать относительно этого распоряженіе, но прошу позволенія высказать мое мнѣніе. Не признаете ли вы болѣе удобнымъ поручить объясненіе съ Бюловымъ министру юстиціи г. Симсону? Должность начальника полиціи налагаетъ на меня обязанность преслѣдовать преступленіе, а не входить въ какія либо объясненія, потому что меня легко могутъ обвинить въ пристрастіи.

— Вы совершенно правы, Берканьи! — замѣтилъ король.—Поэтому прошу васъ, мой милый Симсонъ, отправиться къ Бюлову и передать ему, на сколько я возмущенъ глупостью его озлобленныхъ противниковъ; вы изложите дѣло въ томъ видѣ, какъ найдете нужнымъ. Если онъ считаетъ себя оскорбленнымъ, то скажите ему отъ моего имени, что будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы отыскать виновныхъ, и я не допущу, чтобы отъ отказался отъ должности министра финансовъ, потому что болѣе чѣмъ когда нибудь нуждаюсь въ его услугахъ.

Такимъ образомъ Берканьи пришлось выслушать много непріятныхъ намековъ, которые непосредственно относились къ нему, хотя зналъ, что они были сдѣланы безъ намѣренія задѣть его. Мнѣніе короля относительно стиховъ вывело его изъ ослѣпленія; теперь онъ самъ понялъ всю ихъ нелѣпость; и у него явилось опасеніе, чтобы не заподозрѣли его въ авторствѣ. Поэтому онъ воспользовался удаленіемъ Симсона, чтобы отвлечь короля отъ занимавшихъ его мыслей, и заговорилъ о таинственной дамѣ, выдававшей себя за шведскую графиню.

— Чтобы имѣть возможность подробно доложить о ней вашему величеству,—сказалъ Берканьи:—я лично передалъ ей письменное разрѣшеніе жить въ Касселѣ. Квартира ея убрана съ большимъ вкусомъ, и сама она произвела на меня необыкновенно пріятное впечатлѣніе своимъ свѣжимъ, молодымъ личикомъ и живостью. Но сознаюсь, что, не смотря на это, я вполнѣ убѣжденъ, что она вовсе не графиня, а простая авантюристка. Она подробно разспрашивала меня о придворномъ этикетѣ, потому что намѣрена представиться ко двору. По этому поводу я потребовалъ отъ нея форменные документы, относительно ея графскаго происхожденія, и назначилъ самый короткій срокъ для доставленія ихъ. Чѣмъ меньше будетъ она имѣть времени, чтобы сочинить ту или другую романическую исторію, тѣмъ скорѣе доберемся мы до истины.

Берканьи достигъ своей цѣли. Король былъ видимо заинтересованъ и, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ относительно наружности шведской графини, поручилъ генералъ-директору полиціи устроить какъ бы нечаянную встрѣчу съ нею. Предлогомъ могъ служить осмотръ загороднаго дворца Шёнфельда въ назначенный часъ; ко-

роль обѣщалъ пріѣхать туда верхомъ какъ бы для прогулки, чтобы увидѣть вблизи мнимую графиню.

Когда этотъ сюжетъ для разговора истощился, Берканьи сообщилъ королю о прибытіи Pigault-Lebrun'a, любимаго романиста короля, который вызвалъ его изъ Парижа, въ качествѣ своего чтеца и библіотекаря.

— Очень радъ слышать это,—сказалъ Іеронимъ.—Онъ будетъ читать мнѣ газеты и бюллетени и кстати займется выборомъ и покупкой книгъ для моей библіотеки. Pigault-Lebrun отличный разсказчикъ и сообщитъ мнѣ разныя новости изъ Парижа. Сегодня мы опять возвращаемся въ нашу загородную резиденцію; привезите его завтра ко мнѣ; я велю приготовить комнаты, въ которыхъ онъ можетъ поселиться.

Вошелъ секретарь Маренвилль съ бумагами и положилъ ихъ на столъ для подписи. Король такъ обрадовался его приходу, что Берканьи счелъ нелишнимъ тотчасъ же удалиться.

IV.

Интимный разговоръ.

Король, оставшись наединѣ съ своимъ секретаремъ, всталъ съ кресла и пересѣлъ на кушетку.

— Наконецъ-то!—сказалъ онъ съ досадой.—Надѣюсь, Маренвилль, вы не станете занимать меня глупымъ пасквилемъ на Бюлова, а сообщите мнѣ что нибудь болѣе интересное. Все раздражаетъ меня, потому что дѣла складываются не такъ, какъ бы я хотѣлъ этого. Въ послѣднее время я даже не имѣлъ возможности поговорить съ вами, благодаря этимъ несноснымъ празднествамъ. Между прочимъ, меня безпокоитъ то обстоятельство, что Сесиль не хочетъ больше довольствоваться обществомъ, которое она встрѣчаетъ въ домѣ Симсоновъ, и стремится въ большой свѣтъ, а старикъ поддерживаетъ въ ней эту фантазію.

— Все это въ порядкѣ вещей,—возразилъ со смѣхомъ Маренвилль.—Почтенный дядюшка имѣетъ совершенно превратное понятіе о племянницѣ своей супруги. Онъ считаетъ ее милымъ, талантливымъ ребенкомъ, который случайно попалъ на ложную дорогу, вступивъ на сцену, и надѣется, что она, поживъ въ его семьѣ, опять будетъ вести себя, какъ слѣдуетъ. Вы знаете, ваше величество, что Сесиль Гёберти можетъ разыграть какую угодно роль. Ma parole d'honneur! трудно выдумать болѣе комичную исторію. Служитель Θемиды очутился съ повязкой богини на глазахъ, благодаря своей супругѣ; онъ держитъ въ рукахъ вѣсы правосудія, а король держитъ въ объятіяхъ особу, взятую имъ на свое попеченіе!

— Перестаньте, Маренвилль, не накликайте на меня бѣды!— возразилъ, улыбаясь, король.—Обманъ можетъ обнаружиться; Сесиль способна сама сорвать повязку съ глазъ старика. Нужно чѣмъ нибудь умилостивить ее; она уже не разъ ставила меня въ непріятное положеніе своей неосторожностью. Вспомните, какъ она неожиданно явилась вслѣдъ за мной въ Фонтенбло, во время празднествъ, устроенныхъ по случаю моей свадьбы. Императоръ былъ внѣ себя отъ гнѣва и, если узнаетъ, что она опять здѣсь, то мнѣ не сдобровать. Внушите, чтобы она, по крайней мѣрѣ, не разглашала своей фамиліи; агенты Наполеона извѣщаютъ его обо всемъ, что дѣлается у насъ.

— Всего было бы лучше,—сказалъ секретарь:—если бы Сесиль, по пріѣздѣ въ Кассель, съ перваго же дня измѣнила свою фамилію.

— Вотъ было бы кстати!—воскликнулъ со смѣхомъ Іеронимъ.— Развѣ могла она явиться въ домъ своего дяди Симсона подъ чужимъ именемъ и съ фальшивымъ паспортомъ?

— Pardon! я упустилъ изъ виду это обстоятельство!—отвѣтилъ секретарь.

— Другое дѣло, если бы мы нашли подходящаго молодаго человѣка и женили его на ней; тогда она могла бы явиться въ обществѣ подъ новой фамиліей. Разумѣется, въ Касселѣ столько дамъ, что я легко могу обойдтись безъ Сесили, но если ее выслать отсюда, то она непремѣнно устроитъ скандалъ... Впрочемъ, она на столько очаровательна, что я ничего не имѣю противъ того, чтобы она осталась здѣсь... Ecoutez! Я устрою себѣ подобіе Sans-Souci, или, говоря попросту, загородный домъ въ уединенномъ мѣстѣ, и буду пріѣзжать для охоты. Мы отправимъ туда Гёберти, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а мужа ея мы назначимъ дворцовымъ префектомъ, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.

— Однимъ словомъ, когда король вздумаетъ отдыхать послѣ охоты въ своемъ Sans-Souci, мужъ Сесили будетъ отсылаться въ Кассель съ убитой дичью.

— Gaillard!.. замѣтилъ одобрительно Іеронимъ.—Разумѣется, впослѣдствіи, когда эта исторія потеряетъ для общества интересъ новизны, молодая женщина опять вернется въ Кассель.

— А вы предоставите ей наслаждаться семейнымъ счастьемъ и найдете себѣ что нибудь новое...

— Eh bien, что нибудь свѣжее... Сердце мое безусловно жаждетъ новой любви! Вообще я рѣшилъ выключить изъ списка нѣкоторыя имена. Что вы скажете на это, Маренвилль?

— Прекрасно, ваше величество! Но, вѣроятно, вы пожелаете опять пополнить списокъ и остановите вашъ выборъ на лучшихъ здѣшнихъ фамиліяхъ, чтобы заручиться ихъ преданностью...

— Прежде всего я хочу отдѣлаться отъ Бабетъ, какъ она ни мила, но у нея, на мой вкусъ, слишкомъ... A propos! Сюда прі-

ѣхалъ Pigault-Lebrun; мы уступимъ ему Бабетъ и поселимъ ихъ во флигелѣ лѣтняго дворца.

— Конечно, подчасъ бываетъ пріятно вспомнить старину, а Бабетъ будетъ вблизи!—замѣтилъ со смѣхомъ Маренвилль.

— Поймите, что я умираю со скуки это лѣто!—продолжалъ Іеронимъ.—Ecoutez! При дворѣ ходятъ толки о необычайной красотѣ одной молодой дамы... chose! Если не ошибаюсь, то она замужемъ за начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ...

— Мадамъ Гейстеръ?—спросилъ Маренвилль.

— Совершенно вѣрно, мадамъ Гейстеръ... Развѣ вы знакомы съ нею?

— Я встрѣтилъ ее случайно у министра Симсона; молодые пріѣзжали къ нему съ визитомъ... Дѣйствительно она замѣчательно красива...

— Ну, вотъ!—прервалъ король.—Всѣ въ восторгѣ отъ нея, не исключая дамъ, которыя сами имѣютъ притязаніе на красоту. Говорятъ, что она безспорно самая красивая женщина въ Касселѣ, и вы до сихъ поръ не показали ее мнѣ!

— Это совершенно незаслуженный упрекъ, ваше величество!—возразилъ улыбаясь Маренвилль.—Я хорошо помню, что ни одна красивая женщина не должна существовать въ нашей резиденціи, иначе какъ de par le roi! и уже навелъ всѣ необходимыя справки...

— Ну, что же?—спросилъ съ нетерпѣніемъ король.

— Дѣло въ томъ, что г. Гейстеръ едва ли согласится перейдти въ министерство иностранныхъ дѣлъ и уѣхать изъ Касселя, и вообще, по слухамъ, онъ не принадлежитъ къ числу податливыхъ мужей. Молодая чета сдѣлала изъ приличія необходимые визиты, а теперь они живутъ вдали отъ общества, кромѣ немногихъ друзей, которые посѣщаютъ ихъ. Такимъ образомъ, трудно найдти доступъ къ молодой женщинѣ и возбудить въ ней честолюбіе...

— Во всякомъ случаѣ, вы должны какъ нибудь устроить это дѣло,—возразилъ король.—Я чувствую, что графиня Франциска скоро надоѣстъ мнѣ; она становится слишкомъ тяжеловѣсна, благодаря ея положенію; съ оберъ-гофмейстериной у меня также самыя натянутыя отношенія. Она требуетъ отъ меня какихъ-то возвышенныхъ поступковъ, соотвѣтствующихъ моему королевскому сану, не принимаетъ никакихъ подарковъ и осаждаетъ меня просьбами за разныхъ лицъ. Когда я заговорю о любви, то она распространяется о моихъ обязанностяхъ относительно народа!

— Другими словами, она игнорируетъ личныя желанія Іеронима и помнитъ, что передъ нею король, отъ котораго зависитъ благополучіе подданныхъ!—возразилъ секретарь серьезнымъ тономъ.—Не разрывайте съ нею, ваше величество. Въ этой женщинѣ сказывается кровь ея благородныхъ предковъ; она мечтаетъ о славѣ молодаго короля; благодаря оберъ-гофмейстеринѣ, и королева смот-

рить ея глазами, что придаетъ вамъ извѣстный ореолъ у нѣмцевъ, при ихъ крайнемъ идеализмѣ. Этимъ не слѣдуетъ пренебрегать! Не забудьте, ваше величество, что графиня Антонія представляетъ собою исключеніе среди нашихъ дамъ, которыя вообще отличаются довольно реальными стремленіями. Возьмемъ для примѣра мадамъ дю Кудрà! Всѣ находятъ ее очаровательной и, чортъ возьми, я самъ того же мнѣнія...

— Вы кстати напомнили мнѣ о ней, Маренвилль! Вчера, во время grand couvert, она стояла противъ меня: я нашелъ въ ея наружности большую перемѣну къ лучшему и рѣшилъ, что, вѣроятно, легкомысленная жизнь ей въ пользу, или что мужу удалось, наконецъ, образумить ее!

— Послѣднее—ни въ какомъ случаѣ!—возразилъ секретарь.—Дю Кудрà страстно влюбленъ въ свою жену и не въ состояніи въ чемъ либо сдержать ее. Старикъ Бонгаръ не даромъ выразился о ней, что на «levers» madame дю Кудрà можно встрѣтить самыхъ безнравственныхъ людей не только вашего двора, но и всего Касселя!..

Король всталъ съ кушетки и сѣлъ къ письменному столу, чтобы подписать бумаги, принесенныя секретаремъ, но черезъ минуту отложилъ перо и сказалъ:

— Поѣзжайте къ ней, Маренвилль, и передайте отъ моего имени, что если она рѣшится измѣнить образъ жизни изъ уваженія къ своему достойному мужу, то я готовъ оказать ей покровительство; назначу ее статсъ-дамой королевы и самъ привезу ей дамскій орденъ въ тотъ вечеръ, который она сама назначитъ.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что она съ радостью согласится на это, а тѣмъ болѣе изъ уваженія къ своему мужу,—замѣтилъ съ улыбкой Маренвилль.

— Это было бы для меня нѣкоторымъ развлеченіемъ, такъ какъ я жду разныхъ непріятностей отъ рейхстага. Между прочимъ, поднятъ будетъ вопросъ о двухъ милліонахъ, выданныхъ мнѣ придворнымъ агентомъ Якобсономъ и которые я до сихъ поръ остался долженъ моей матери. Бюловъ въ большомъ затрудненіи, потому что эти деньги должны быть выплачены, а мои доходы слишкомъ недостаточны, чтобы я могъ внести такую огромную сумму. Трудно предвидѣть исходъ при такомъ роковомъ стеченіи обстоятельствъ!.. Но мы, во всякомъ случаѣ, воспользуемся прелестными іюльскими ночами! Вечера будутъ въ нашемъ распоряженіи, и вы должны позаботиться, Маренвилль, чтобы мы провели ихъ какъ можно веселѣе и разнообразнѣе. Иначе, стоитъ ли быть вестфальскимъ королемъ, чтобы изнывать отъ скуки!

V.

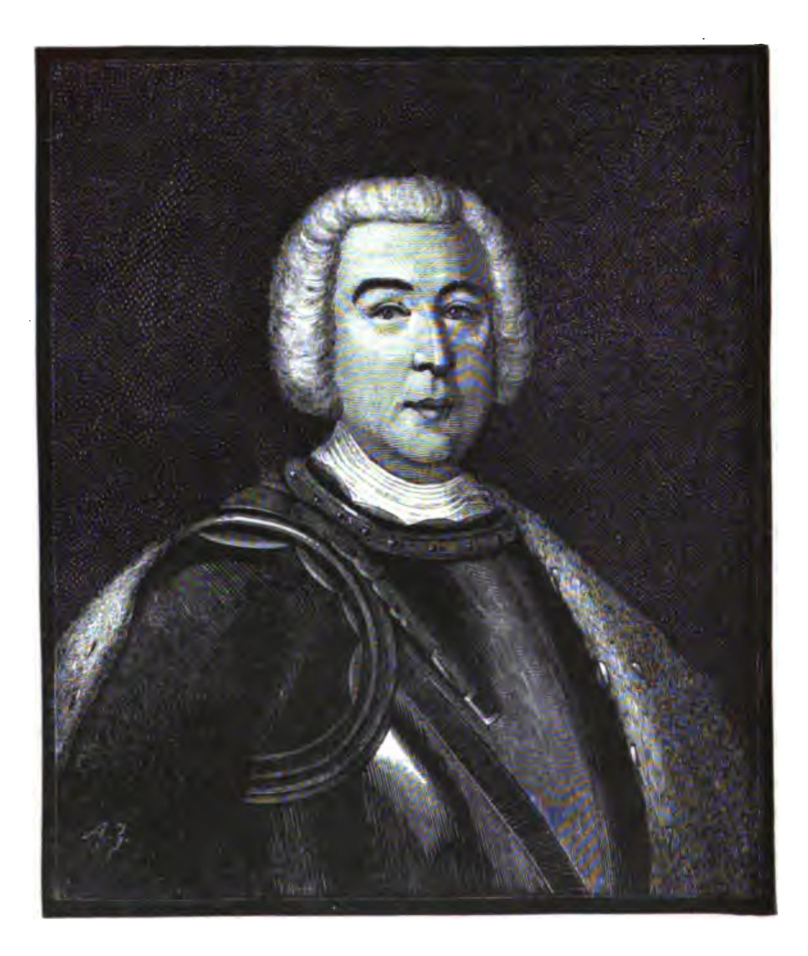
Министръ финансовъ.

Первыя засѣданія рейхстага были посвящены выборамъ членовъ въ коммиссіи: финансовыхъ, гражданскихъ дѣлъ и уголовнаго законодательства. Король вернулся въ свою лѣтнюю резиденцію и здѣсь, сидя на тронѣ, окруженный высшими государственными сановниками и министрами, торжественно принялъ депутацію рейхстага, которая поднесла ему привѣтственный адресъ. Затѣмъ наиболѣе важныя дѣла, подлежащія обсужденію, перешли изъ государственнаго совѣта на разсмотрѣніе рейхстага. Бюловъ, окончивъ подготовительныя работы, спѣшилъ воспользоваться свободнымъ временемъ и охотно принималъ посѣтителей.

Германъ, по совѣту Провансаля, также явился съ утреннимъ визитомъ къ министру финансовъ и засталъ у него депутата Натузіуса. Бюловъ привѣтливо встрѣтилъ молодаго человѣка и, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ, сказалъ:

— Я слышалъ г. Тёйтлебенъ, что вы намѣрены заняться нашимъ дѣломъ; душевно буду радъ, если работа увлечетъ васъ; тогда наука будетъ служить для васъ отдыхомъ, и ничто не помѣшаетъ вамъ посвящать ей свободныя минуты. Мы сейчасъ же рѣшимъ вопросъ относительно вашей должности въ министерствѣ. Провансаль не всегда удачно выражается понѣмецки, между тѣмъ я желаю, чтобы дѣловыя бумаги были написаны безупречнымъ нѣмецкимъ языкомъ, и слогъ, при отсутствіи многословія, отличался бы легкостью и ясностью изложенія. Къ тому же, Провансаль на столько заваленъ дѣлами, что нуждается въ помощи, а вы, повидимому, находитесь съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ что я безъ всякаго колебанія опредѣляю васъ сверхштатнымъ чиновникомъ въ нашемъ министерствѣ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ я самъ буду вашимъ руководителемъ, и увѣренъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени вы свыкнетесь съ вашей службой. Разумѣется, было бы нелишнимъ для васъ основательно познакомиться съ политической экономіей и различными финансовыми вопросами. Вообще я разсчитываю на ваши хорошія способности, честный образъ мыслей и желаніе трудиться...

Съ этими словами Бюловъ отворилъ дверь въ небольшую, просто убранную комнату, смежную съ кабинетомъ.—Вотъ здѣсь,—добавилъ онъ:—у этой конторки, вы будете заниматься, пока не освоитесь съ дѣломъ; въ случаѣ надобности я всегда могу позвать васъ, а также оказать вамъ помощь, если вы встрѣтите какое нибудь затрудненіе. Такимъ образомъ, мы ближе познакомимся другъ съ другомъ, и я постараюсь при первой возможности выхлопотать у



НЕФЕДЪ НИКИТИЧЪ КУДРЯВЦЕВЪ.

Съ фамильнаго портрета, писаннаго въ XVIII столѣтіи.

Дозв. ценз. спб., 24 іюля 1887 г.



М. Н. КАТКОВЪ.

(Некрологъ).

20-го іюля, въ 3 часа пополудни, въ с. Знаменскомъ, подъ Москвою (около станціи Бутово, Курской жел. дор.), скончался Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, знаменитый русскій публицистъ и весьма извѣстный ученый, долгое время занимавшій почетное мѣсто въ кругу профессоровъ Московскаго университета. М. Н. Катковъ (по свѣдѣніямъ Біогр. Словаря профессоровъ Московскаго университета) родился въ Москвѣ, въ 1818 году. Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, Меѳодіемъ, онъ остался, въ раннемъ возрастѣ, сиротою на попеченіи матери своей (урожд. Турлаевой), не имѣвшей никакихъ средствъ, но обладавшей большимъ умомъ и энергіей. Ей обязанъ покойный Михаилъ Никифоровичъ своимъ воспитаніемъ и первоначальнымъ образованіемъ, а можетъ быть, и тою желѣзною силою воли, которая впослѣдствіи выдвинула его на передовой постъ бойца, такъ много лѣтъ сряду отстаивавшаго разумныя основы русской общественной и государственной жизни. Средства матери были, однако же, настолько ограниченны, что М. Н. Каткову пришлось нѣкоторое время учиться въ Преображенскомъ сиротскомъ училищѣ; потомъ около года пробылъ онъ въ 1-й

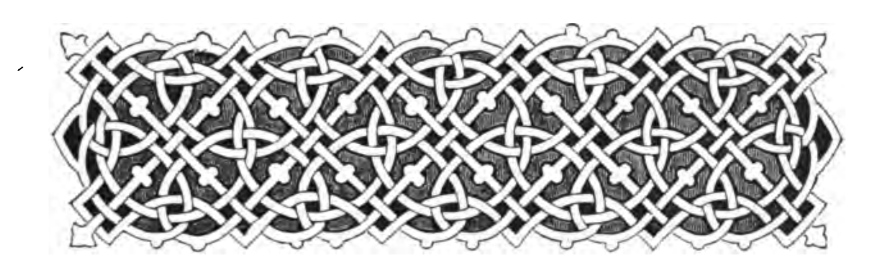
московской гимназіи, пока, наконецъ, не попалъ въ приготовительный пансіонъ М. Г. Павлова—заведеніе, въ своемъ родѣ образцовое, гдѣ и приготовился къ поступленію въ университетъ. Въ августѣ 1834 года поступилъ онъ на словесное отдѣленіе Московскаго университета и, четыре года спустя, окончилъ курсъ, удостоенный степени «кандидата съ отличіемъ». Увлекаясь наукою, Михаилъ Никифоровичъ, повидимому, тогда уже задумалъ избрать ученую карьеру и потому, тотчасъ послѣ выпуска, сталъ готовиться къ экзамену на степень магистра, который и сдалъ весьма успѣшно въ 1839 году. Два года спустя, ему удалось отправиться за границу—также съ научною цѣлью, и посѣтить Германію, Францію и Бельгію. Большую часть времени, проведеннаго за границей (а именно полтора года), М. Н. Катковъ пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ и слушалъ въ университетѣ блистательный курсъ «Положительной философіи» у Шеллинга. Въ началѣ 1843 года онъ возвратился въ Россію и, проѣздомъ черезъ Петербургъ, намѣревался было оставить ученую карьеру и вступить на поприще гражданской службы, по которому ему также открывалась хорошая дорога. Говорятъ, что встрѣча съ бывшимъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, графомъ С. Г. Строгоновымъ, послужила поводомъ къ тому, что онъ оставилъ свое намѣреніе: графъ уговорилъ его не покидать науки. По возвращеніи въ Москву, Михаилъ Никифоровичъ занялся приготовленіемъ магистерской диссертаціи, и въ 1845 году защитилъ публично, въ качествѣ диссертаціи, свое извѣстное изслѣдованіе «Объ элементахъ и формахъ словено-русскаго языка» (сдѣлавшееся теперь библіографическою рѣдкостью). Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ въ Московскій университетъ, по каѳедрѣ философіи [1]), и занималъ эту каѳедру до 1850 г., т. е. до того времени, когда, по новому положенію, преподаваніе филосо-

[1]) Памятникомъ этихъ занятій философіею явились классическія статьи М. Н. въ «Пропилеяхъ», изд. Леонтьевымъ (Очеркъ древнѣйшаго періода греческой философіи).

фіи передано было профессорамъ богословія. Оставленный на службѣ при университетѣ, М. Н. Катковъ былъ впослѣдствіи «прикомандированъ» къ изданію «Московскихъ Вѣдомостей», какъ газеты, составлявшей собственность Московскаго университета. По воцареніи императора Александра II, глубоко сочувствуя подготовляемымъ въ Россіи реформамъ, М. Н. Катковъ основалъ «Русскій Вѣстникъ», сдѣлавшійся вскорѣ лучшимъ изъ тогдашнихъ русскихъ ежемѣсячныхъ журналовъ; въ немъ было отведено широкое мѣсто разработкѣ вопросовъ о самоуправленіи и крестьянской реформѣ и обличенію темныхъ сторонъ русской жизни; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появились наиболѣе замѣчательныя произведенія графа Л. Толстого, Тургенева, Салтыкова, Достоевскаго и другихъ выдающихся русскихъ писателей. Вслѣдъ за тѣмъ, принявъ на себя изданіе «Московскихъ Вѣдомостей», М. Н. Катковъ выступилъ на поприще публициста, доставившее ему столь громкую извѣстность. Здѣсь во всемъ блескѣ высказались его крупный талантъ, обширныя знанія, твердость характера, горячій патріотизмъ и ясное пониманіе государственныхъ задачъ Россіи. Голосъ его пріобрѣлъ авторитетное значеніе не только среди истинно-русскихъ людей и правительства, но и въ Европѣ, потому что Катковъ, пробуждая національное самосознаніе, направлялъ или, вѣрнѣе, создавалъ общественное мнѣніе. Пренебрегая враждебными криками и навѣтами, не поддаваясь ни угрозамъ, ни соблазнамъ, съ начала шестидесятыхъ годовъ и до послѣдней минуты своей жизни М. Н. Катковъ ни на шагъ не отступилъ отъ положительнаго направленія, которое стремился внести въ русскую политику и въ русскую жизнь, жертвуя всѣмъ идеѣ русскаго единства и горячо отстаивая русскіе интересы. Публициста равнаго ему еще не было, и едва ли скоро будетъ, въ Россіи. Конечно, М. Н. Катковъ иногда ошибался и заблуждался, какъ всѣ люди, увлекающіеся извѣстнаго рода идеалами, но и во всѣхъ его увлеченіяхъ сказывался глубокій мыслитель и человѣкъ искренній, не способный ничѣмъ прикрываться, не робѣющій ни передъ кѣмъ, не останавли-

вающійся передъ препятствіями, не подчиняющійся никакимъ вліяніямъ и давленіямъ. Онъ всегда являлъ собою примѣръ гражданскаго мужества, столь рѣдкій между русскими публицистами и писателями. Дѣятельность М. Н. Каткова тѣсно связана съ исторіей русскаго государственнаго и общественнаго развитія за послѣднія тридцать лѣтъ, и правдивая, основательная оцѣнка ея еще не можетъ быть сдѣлана въ настоящее время. Неподдѣльная, повсемѣстная скорбь, вызванная кончиной М. Н. Каткова, доказываетъ, что наше общество сознаетъ вполнѣ, какую тяжкую, незамѣнимую утрату понесло оно въ лицѣ этого замѣчательнаго русскаго человѣка.





Н. А. КУДРЯВЦЕВЪ И ЕГО ПОТОМСТВО.

Въ «ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ» 1885 года, т. XX, напечатана замѣтка П. Н. Полеваго подъ заглавіемъ «Забытыя могилы», гдѣ, между прочимъ, приведены двѣ надгробныя надписи, найденныя имъ на запустѣломъ кладбищѣ при церкви св. Іоанна Предтечи, въ С.-Петербургѣ, близъ Обводнаго канала. Эти двѣ надписи при дальнѣйшемъ ихъ изученіи представляютъ интересныя подробности для русской исторіи XVIII вѣка. Одна изъ надписей находится на могилѣ Анастасіи Нефедьевны Татищевой, рожденной Кудрявцевой, другая—на могилѣ ея дочери, Анны Алексѣевны Паниной, первой супруги извѣстнаго дѣятеля эпохи Екатерины II, графа Петра Ивановича Панина. Личность и дѣятельность графа П. И. Панина, одного изъ самыхъ самостоятельныхъ и независимыхъ русскихъ характеровъ, знаменитаго усмирителя Пугачевщины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «персональнаго супротивника» Екатерины II (по ея собственному выраженію) — хорошо знакома образованнымъ русскимъ людямъ; фамилія Татищевыхъ всѣмъ также памятна по роли и значенію въ исторіи русской образованности перваго русскаго историка, Вас. Никит. Татищева. Но кто такіе Кудрявцевы, находившіеся въ родствѣ съ Паниными и Татищевыми? Это извѣстно весьма немногимъ. Между тѣмъ, имена какъ дѣда Анастасіи Нефедьевны Татищевой, Никиты Алферовича, такъ и ея отца, Нефеда Никитича Кудрявцевыхъ, неразрывно связаны съ исторіей средняго и нижняго Поволжья XVIII вѣка и не могутъ быть обойдены молчаніемъ въ исторіи Россіи. Кудряв-

цевы—отецъ и сынъ не великіе историческіе дѣятели, но точные, ревностные исполнители велѣній Петра Великаго и усердные работники въ дѣлѣ пересозданія московскаго государства на европейскій ладъ. Ихъ дѣятельность скромна, не самостоятельна, но весьма плодотворна и интересна, главнымъ образомъ, для исторіи Казанскаго края.

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ является однимъ изъ правителей Казанскаго края и весьма дѣятельнымъ сотрудникомъ Петра Великаго по такому важному въ то время государственному дѣлу, какъ кораблестроеніе. Онъ сослужилъ Россіи почтенную службу въ борьбѣ съ восточными инородцами—башкирами, долго не подчинявшимися правительственнымъ русскимъ распорядкамъ; а для того, чтобы оцѣнить его дѣятельность по кораблестроенію, стоитъ только припомнить то значеніе, какое придавалъ морскому дѣлу великій русскій шкиперъ, и ту историческую заслугу, какую оказалъ созданный имъ флотъ русскому государству.

Сынъ Никиты Алферовича, Нефедъ Никитичъ, былъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ кораблестроенія въ Казани, затѣмъ, послѣ него, занялъ его же должность казанскаго вице-губернатора и около ста лѣтъ отъ роду былъ убитъ въ Казани шайками Пугачева.

Нефедъ Никитичъ не оставилъ мужскаго потомства. Но судьба потомства его дочери Анастасіи Нефедьевны Кудрявцевой, вышедшей замужъ за Алексѣя Даниловича Татищева, открываетъ передъ нами нѣсколько любопытныхъ страницъ изъ исторіи русской общественности и образованности. Для этой исторіи, весьма мало у насъ разработанной, не маловажнымъ пособіемъ являются дворянскія родословныя, изъ которыхъ, путемъ изслѣдованія частныхъ фактовъ жизни иногда малоизвѣстныхъ личностей и ихъ родственныхъ отношеній и брачныхъ союзовъ, выясняется очень много интересныхъ подробностей какъ для исторіи быта и нравовъ эпохи, такъ и для исторіи политической. Къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ доселѣ не изслѣдованъ вполнѣ должнымъ образомъ, хотя и появляется все болѣе и болѣе родословныхъ и исторій отдѣльныхъ дворянскихъ фамилій. Многіе совершенно несправедливо смотрятъ на дворянскія родословныя, какъ на собираніе какихъ-то никому ненужныхъ мелочныхъ подробностей, и относятся къ генеалогическимъ даннымъ съ ироніей, предполагая, что каждая дворянская родословная изучается исключительно для преслѣдованія мелкихъ тщеславныхъ цѣлей. Съ серьёзной точки зрѣнія такой взглядъ не выдерживаетъ критики, потому что въ наукѣ исторической, какъ и въ каждой наукѣ, нѣтъ такой мелочи, которая при должномъ научномъ анализѣ не нашла бы себѣ надлежащаго ученаго примѣненія.

Располагая матеріаломъ для біографій Никиты Алферовича Кудрявцева и нѣкоторыхъ изъ его потомковъ, матеріаломъ, частію

изданнымъ, но разбросаннымъ по разнымъ историческимъ и этнографическимъ сборникамъ, частію же неизданнымъ, считаю небезъинтереснымъ подѣлиться моими свѣдѣніями съ читателями «Историческаго Вѣстника». Данныя изъ печатнаго матеріала будутъ мною указаны въ подлежащихъ цитатахъ, а о неизданномъ я скажу теперь же нѣсколько словъ.

Потомки по женской линіи Кудрявцева, казанскіе дворяне и землевладѣльцы, Николай Евгеньевичъ Боратынскій и князь Леонидъ Александровичъ Ухтомскій, передали въ мое распоряженіе еще въ 1875—1877 годахъ копіи съ жалованной грамоты на имѣнія Никитѣ Алферовичу и его сыну Нефеду Никитичу Кудрявцевымъ, данной императрицей Екатериной I 31-го мая 1726 года, и нѣкоторыя другія бумаги, касающіяся имѣній Кудрявцевыхъ. Въ 1876 году Иванъ Ивановичъ Арнольдовъ, священникъ церкви села Каймаръ, близь Казани (имѣнія Кудрявцева, принадлежащаго нынѣ разнымъ владѣльцамъ, въ томъ числѣ Николаю Евгеньевичу Боратынскому и его сестрѣ Зинаидѣ Евгеньевнѣ Геркенъ), сообщилъ мнѣ подробное описаніе одной картины, хранящейся въ Каймарской церкви и имѣющей отношеніе къ Нефеду Никитичу Кудрявцеву, и народныя преданія о немъ, живущія доселѣ среди крестьянъ села Каймаръ. Эти преданія записаны о. Арнольдовымъ со словъ каймарскаго крестьянина Сергѣя Степанова Закамскаго, прадѣдъ котораго Василій Ивановъ Закамской былъ человѣкомъ весьма близкимъ къ Нефеду Никитичу Кудрявцеву и очень хорошо его помнилъ. Въ началѣ 1886 года магистрантъ русской исторіи Казанскаго университета Н. П. Лихачевъ доставилъ мнѣ двѣ рукописи, принадлажащія его отцу и заключающія въ себѣ данныя о Нефедѣ Никитичѣ Кудрявцевѣ: 1) «Списокъ алфавитный Казанской провинціи дворянамъ и прочимъ владѣльцамъ, и съ показаніемъ сколько за кѣмъ, и по которой дорогѣ, и въ какомъ имянно жительствѣ состоитъ мужеска пола душъ крестьянъ». Списокъ этотъ, безъ означенія года, составленъ, повидимому, въ концѣ 1760-хъ или въ самомъ началѣ 1770-хъ годовъ. 2) Собраніе оффиціальныхъ бумагъ, касающихся казанскихъ имѣній дворянъ Лихачевыхъ, первой половины XVIII вѣка.

При моемъ очеркѣ прилагаются два портрета по фотографическимъ снимкамъ казанскаго фотографа Локке: 1) Нефеда Никитича Кудрявцева и 2) Алексѣя Даниловича Татищева. Оригиналы писаны масляными красками и принадлежатъ Н. Е. Боратынскому.

I.

Происхожденіе Кудрявцевыхъ. — Начало службы Никиты Алферовича Кудрявцева.—Воеводство въ Казани и наказъ казанскимъ воеводамъ 1697 года.—Взглядъ Петра Великаго на дубовые лѣса и завѣдыванье Кудрявцевымъ корабельными лѣсами въ Поволожьи. — Другія служебныя его обязанности.

(1695—1705 гг.).

Фамилія Кудрявцевыхъ, происходящая изъ тверскихъ дворянъ, не принадлежитъ къ числу древнихъ и знатныхъ «родословныхъ» русскихъ фамилій [1]). Это одна изъ средне-служилыхъ фамилій Московскаго государства. Въ концѣ XVII вѣка встрѣчается нѣсколько Кудрявцевыхъ въ чинахъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, дьяковъ и казачьихъ атамановъ [2]). Свѣдѣній объ отцѣ Никиты Алферовича мы не имѣемъ. Годъ рожденія Никиты Алферовича также неизвѣстенъ, извѣстно только, что онъ началъ службу жильцомъ и участвовалъ въ обоихъ походахъ Петра Великаго подъ Азовъ (1695 и 1696 гг.) [3]). Вѣроятно Никита Алферовичъ въ то время обратилъ на себя вниманіе царя Петра, потому что въ слѣдующемъ 1697 году,—въ тотъ годъ, когда молодой царь поѣхалъ къ нѣмцамъ учиться кораблестроенію, — Кудрявцевъ былъ назначенъ вторымъ воеводою въ Казань (первымъ воеводой былъ посланъ съ нимъ вмѣстѣ окольничій князь Петръ Лукичъ Львовъ).

Въ наказѣ, данномъ князю Львову и Кудрявцеву и представляющемъ весьма важный источникъ для ознакомленія съ положеніемъ средняго и нижняго Поволожья въ концѣ XVII вѣка, Петръ Великій уже обращаетъ вниманіе на то дѣло, которое явилось впослѣдствіи, такъ сказать, спеціальностью Никиты Алферовича и поставило его въ близкія отношенія къ царю-преобразователю. «Вое-

---

[1]) Въ 1633 и 1636 годахъ упоминается тверитянинъ Давидъ Кудрявцевъ на городовой службѣ въ Рузѣ. (См. историческіе матеріалы для составленія церковной лѣтописи Московской епархіи, собр. В. и Г. Холмогоровыми, выпускъ I, М. 1881 г., стр. 238).

[2]) См. Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ, изд. Ивановымъ, М. 1853 г., стр. 216 и указатели именъ къ «Полному Собранію Законовъ», сост. Г. К. Рѣпинскимъ, и къ «Актамъ Историческимъ». Въ Казани была еще дворянская фамилія Кудрявцевыхъ, потомки которой здравствуютъ доселѣ. Но находится ли эта фамилія въ какомъ либо родствѣ съ Никитою Алферовичемъ Кудрявцевымъ — мнѣ неизвѣстно.

[3]) Жалованная грамота Кудрявцевымъ. Принимая во вниманіе годъ рожденія меньшого сына Никиты Алферовича Кудрявцева, Нефеда Никитича (см. ниже IV главу настоящаго очерка) можно предположить, что Никита Алферовичъ родился въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ XVII вѣка. Такимъ образомъ въ походахъ подъ Азовъ онъ участвовалъ уже человѣкомъ пожилымъ лѣтъ около 50-ти или за 50.

водамъ съ товарищи,—читаемъ мы въ этомъ наказѣ,—струговъ и всякихъ припасовъ, какъ снастей, такъ и лѣсовъ, безъ указу великаго государя и безъ грамотъ не дѣлать»... Далѣе наказъ обращаетъ вниманіе на положеніе въ краѣ инородцевъ: татаръ, чувашъ, черемисъ, мордвы и вотяковъ, бывшихъ въ то время еще опасными воинственными врагами русской власти, на иноземцевъ, поселенныхъ въ краѣ и находившихся тамъ на службѣ, и на мѣдное рудокопное дѣло, начатое въ самой Казани и въ ея окрестностяхъ еще въ 1653 году, при воеводѣ, бояринѣ князѣ Никитѣ Ив. Одоевскомъ[1]). Но мѣдное рудокопное дѣло почти совсѣмъ прекратилось въ окрестностяхъ Казани къ концу XVII вѣка, а потому Кудрявцевъ обратилъ вниманіе на разработку мѣдныхъ рудъ за Камой и за Ураломъ, въ Кунгурѣ[2]).

Князь Львовъ, какъ видно, получилъ вскорѣ другое назначеніе, потому что съ 1699 года Никита Алферовичъ Кудрявцевъ является одинъ воеводою въ Казани. Въ то время Казань со всѣми низовыми городами (такъ назывались города, расположенные по Волгѣ и ея притокамъ отъ праваго берега Оки до Каспійскаго моря) была подчинена находившемуся въ Москвѣ Приказу Казанскаго дворца, гдѣ «начальнымъ человѣкомъ», главнымъ судьею былъ извѣстный воспитатель Петра Великаго, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, принявшій впослѣдствіи монашество во Флорищевой пустыни, съ именемъ Боголѣпа, и Кудрявцеву выпадала на долю весьма нелегкая должность управлять полурусскимъ краемъ подъ контролемъ Московскаго Приказа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнять сепаратныя и весьма разнообразныя велѣнія царя Петра. Сохраненіе корабельныхъ лѣсовъ въ Казанскомъ краѣ, который въ то время изобиловалъ лѣсами, составляло его главную обязанность.

Штелинъ, съ такимъ усердіемъ собиравшій всѣ данныя для характеристики Петра Великаго, передаетъ слѣдующій любопытный разсказъ о томъ, какъ берегъ Петръ Великій дубовые корабельные лѣса и какое важное значеніе придавалъ ихъ сохраненію. Я полагаю, что разсказъ этотъ будетъ вполнѣ умѣстенъ въ біографіи Кудрявцева, завѣдывавшаго корабельными лѣсами въ обширномъ Казанскомъ краѣ. «Дабы народу подать примѣръ собою о сбереженіи дубоваго лѣсу, приказалъ онъ примѣченные имъ въ Кронштадтѣ два старые дуба огородить, поставить подлѣ оныхъ круглый столъ и скамейки, и пріѣзжая часто лѣтомъ туда, сиживалъ подъ тѣнію оныхъ съ великимъ удовольствіемъ, въ маломъ обществѣ тамошнихъ начальниковъ и кораблестроителей, и часто говаривалъ о сихъ деревьяхъ: «Ахъ если бы мы здѣсь и въ окрест-

---

[1]) «Полное Собраніе Законовъ», т. III, № 1,579, стр. 284—301.

[2]) Ibid. «Акты Историческіе», т. V, стр. 532, грамота царя Петра къ Кунгурскому воеводѣ Ивану Коробьину, 1699 года.

ности нашли хотя столько дубоваго лѣса, сколько тутъ листовъ и желудей!» На взморьѣ, супротивъ Кронштадта и Петергофа, государь, нашедъ небольшой дубовый лѣсъ, выстроилъ увеселительный дворъ и назвалъ оный въ честь дубу, Дубки. Многихъ кораблестроителей и морскихъ офицеровъ, кои въ угодность своему государю въ Петербургѣ въ садахъ своихъ сажали дубы, при первомъ видѣ благодарилъ предъ всѣми. Онъ и самъ выбралъ себѣ за городомъ, на Петергофской дорогѣ, мѣсто длиною въ 200, а шириною въ 50 шаговъ, для разсады дубоваго лѣсу, который, по свойству здѣшняго климата, растетъ хотя медленно, но довольно хорошо, и нѣкоторыя деревья нынѣ уже вышиною въ двѣ или три сажени. Сіе мѣсто велѣлъ онъ огородить частоколомъ, а на оный прибить рукописный указъ, чтобы никто не отважился сихъ подростковъ обрывать, или какимъ либо инымъ образомъ портить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Спустя нѣсколько лѣтъ, какъ молодые дубы выросли въ ростъ человѣческій, проѣзжая мимо, по обыкновенію своему остановился и пошелъ ихъ посмотрѣть; но къ великому огорченію нашелъ онъ вѣтви и множество листьевъ пучками разбросанные по землѣ; на что разгнѣвался тѣмъ болѣе, что оные, какъ легко примѣтить можно было, не вѣтромъ и погодою, но совершенно изъ шалости и умыслу сорваны. И такъ коль скоро возвратился въ городъ, тотчасъ призвавъ генералъ-полицмейстера, приказалъ ему поставить тайно напротивъ онаго въ ближнемъ лѣсу сторожей, кои бы крѣпко смотрѣли, кто коснется до сей завѣтной дубовой рощи. Спустя нѣсколько дней потомъ замѣчена была цѣлая шайка пьяныхъ, большею частію господскихъ людей, кои, мимо идучи, перелѣзли черезъ огородку, и сорвавъ нѣсколько вѣтвей и связавъ изъ листьевъ пучки, накалывали оные на шляпы. Они были схвачены, приведены въ полицію и на рынкѣ публично высѣчены. Наканунѣ же дня сего было повѣщено съ барабаннымъ боемъ, чтобъ кто нибудь изъ каждаго двора былъ непремѣнно при наказаніи сихъ вредителей дубовъ».

Кудрявцевъ долженъ былъ сплавлять карабельные лѣса изъ Казани и ея окрестностей Волгой, а за тѣмъ Дономъ, при значительномъ количествѣ рабочихъ изъ казанскихъ инородцевъ и изъ тяглыхъ дворцовыхъ крестьянъ, въ Азовъ, по требованію тамошняго главнаго начальника И. А. Толстаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кудрявцевъ обязанъ былъ отправлять рабочихъ изъ тѣхъ же инородцевъ въ Ингрію для строенія «Санктпитербурха» .и набирать людей и лошадей въ драгунскіе полки. Кромѣ того, Кудрявцевъ имѣлъ массу мелочныхъ порученій отъ царя, въ родѣ освидѣтельствованія вѣса всѣхъ церковныхъ колоколовъ въ Казани и ея окрестностяхъ: можно предполагать, что дѣлалось это для того, что царь думалъ употребить колокольную мѣдь на литье пушекъ, столь необходи-

мыхъ ему въ войнѣ съ Карломъ XII, въ особенности послѣ Нарвскаго пораженія [1]).

За свою службу въ Казани Никита Алф. Кудрявцевъ былъ поверстанъ помѣстьями въ уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ. Въ 1698 году у него было помѣстной земли въ двухъ означенныхъ уѣздахъ до тысячи четей въ полѣ, а въ дву потомужъ (т. е. въ двухъ остальныхъ поляхъ также по тысячѣ), всего три тысячи четей одной пахотной земли, не считая луговъ и лѣсовъ, что на теперешнюю земельную мѣру составитъ 4,500 казенныхъ десятинъ, которыя были распредѣлены по множеству селеній и деревень Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ [2]).

Самыми трудными годами для Ник. Алф. Кудрявцева были четыре года, съ 1705 по 1709 годъ, когда въ Казанскомъ краѣ, во всемъ среднемъ и нижнемъ Поволжьи и Пріуральи, вспыхнули инородческія движенія. Мы разумѣемъ причинившія столь много заботъ царю Петру возмущенія въ Астрахани и въ Башкиріи.

II.

Башкирскій и Астраханскій бунты. — Роль Ник. Алф. Кудрявцева въ усмиреніи послѣдняго бунта.—Б. П. Шереметевъ и князь П. И. Хованскій въ Казани и отношенія къ нимъ Ник. Алф. Кудрявцева.

(1705—1708 гг.).

Башкирскій бунтъ возникъ въ 1705 году изъ-за произвольныхъ поборовъ съ инородцевъ уфимскихъ воеводъ, въ особенности воеводы Сергѣева. Астраханскій бунтъ возникъ въ томъ же 1705 году изъ-за преобразованій Петра Великаго. Его зачинщиками были стрѣльцы, сосланные на службу въ Астрахань послѣ московскаго мятежа 1698 года.

Петръ Великій, озабоченный войной съ Карломъ XII на западной окраинѣ русскаго государства, былъ очень встревоженъ этими общественными настроеніями на противоположной окраинѣ— восточной. Въ августѣ 1705 года, съ войсками противъ возставшихъ башкиръ и астраханцевъ былъ имъ посланъ Б. П. Шереметевъ изъ Курляндіи, гдѣ находился тогда фельдмаршалъ, выслѣживая движенія въ Ригѣ шведскаго генерала Лёвенгаупта и потерпѣвъ отъ него сильное пораженіе при мызѣ Гемауртгофѣ. Лишь

---

[1]) Голиковъ, т. V, стр. 72—74; т. II, стр. 276, 284; т. III, стр. 270; т. XIII, стр. 451—452, 457. «Казан. Губ. Вѣд.» 1859 г. № 1 и жалованная грамота.

[2]) Собраніе оффиціальныхъ бумагъ Лихачевыхъ.

въ исходѣ 1705 года прибылъ Шереметевъ въ Казань и, занятый главнымъ образомъ бунтомъ астраханскимъ, поверхностно и неправильно взглянулъ на движеніе среди башкиръ. Еще на пути къ Казани, Шереметевъ предпринялъ рядъ мѣръ, несогласныхъ съ распоряженіями Ник. Алф. Кудрявцева и не вытекавшихъ изъ обстоятельствъ дѣла, и тѣмъ парализовалъ авторитетъ мѣстныхъ властей, желая уменьшить значеніе башкирскаго возстанія въ глазахъ царя Петра. Смѣнивъ уфимскаго воеводу Сергѣева и назначивъ на его мѣсто безъ вѣдома Кудрявцева человѣка угоднаго башкирамъ, уфимца Аничкова, вмѣсто опредѣленнаго Кудрявцевымъ Аристова,—Шереметевъ велѣлъ выпустить на свободу содержащихся въ Казани подъ карауломъ коноводовъ башкирскаго возстанія, и послалъ съ ними въ башкирскую землю офицера для увѣщанія возставшихъ и для объявленія имъ объ избраніи и присылкѣ къ Шереметеву депутатовъ для переговоровъ [1]).

Еще до пріѣзда фельдмаршала въ Казань, Кудрявцевъ доносилъ ему о положеніи дѣлъ въ Башкиріи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Уфимцы положеннаго на нихъ стараго ясаку противъ прошлыхъ лѣтъ не платятъ, и посланнымъ отъ насъ изъ Казани чинятъ противенство, подводъ по указамъ противъ прежняго не даютъ. Посланнаго изъ Казани на Уфу воеводу Льва Аристова на дорогѣ остановили и не пущаютъ и говорятъ, что воевода де у нихъ Александръ Аничковъ и онъ де имъ любъ, а говорятъ, что Аничкову приказалъ ты быть воеводою. Изъ верховыхъ городовъ бѣглецовъ иновѣрцевъ примаютъ, и кои до сего числа къ нимъ пришли, не отдаютъ. А тотъ Аничковъ за нѣкоторыми причинами тамъ быть по многу негоденъ. Вѣдомость намъ есть, что посланные отъ милости твоей на Уфу приказомъ твоимъ башкирцамъ быть къ тебѣ съ челобитьемъ велѣли; и по словамъ посланныхъ твоихъ поѣхали къ вашей милости съ Уфы челобитчики вѣдомый воръ и бунтовщикъ башкирецъ Демейко съ товарыщи, которой прошлаго лѣта въ Казанскомъ уѣздѣ села и деревни разорялъ, людей побивалъ и въ полонъ бралъ и стада отгонялъ. А ихъ башкирцовъ по указу царскаго величества велѣно вѣдать намъ и отъ всякихъ ихъ шатостей приводить въ покореніе и во всякое послушаніе, а окромѣ насъ никому ни въ чемъ вѣдать нё велѣно. А будетъ ваша милость изволить челобитье ихъ примать и ослабу имъ чинить, то всеконечно добра нѣкакого ждать. И естли что учинится, то не отъ насъ, мы правимъ дѣла по имянному царскаго величества указу, свое на насъ положенное, и въ разномъ несогласіи и никогда состоянія добраго не бываетъ. О томъ отъ насъ писано въ полки, а не писать было намъ не возможно для того, что они иновѣрцы имѣютъ нравы всегда въ ослабѣ не постоянны, хотя малую

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 417—418.

себѣ какую ослабу увидятъ, то всѣ городы и уѣзды того же пожелаютъ, въ тѣ числа укротить ихъ будетъ невозможно. А что изволишь ваша милость писать къ намъ о присылкѣ хлѣба, и мы радѣть вседушно по усердію своему ради, и которой приготовленъ, съ тѣмъ пошлемъ за первымъ льдомъ водою; а въ другомъ учинился недоборъ, иновѣрцы уже по ирієздѣ нашемъ стали платить, а до пріѣзду нашего нѣчто мало платили, чинились непослушны, а другіе и нынѣ въ томъ упорствѣ стоятъ, а сказывали, что ожидаютъ отъ тебя по челобитнымъ указовъ, по которымъ будто вы обѣщали имъ учинить опредѣленіе» [1]).

Въ Казани Шереметеву пришлось не по вкусу: Кудрявцевъ не намѣренъ былъ слѣпо исполнять его приказанія. Онъ проситъ своего пріятеля и человѣка весьма близкаго Петру Великому, адмирала графа Ѳ. А. Головина исходатайствовать ему дозволеніе возвратиться на время, хотя до Пасхи въ Москву. «Ни о чемъ къ тебѣ не пишу, только прошу учини мнѣ и братски какъ возможно домогайся, какъ бы ни есть меня взяли къ Москвѣ, хотя на малое время... Не вижу ничего здѣсь добраго»,—писалъ Шереметевъ Головину изъ Казани въ декабрѣ 1705 года. Черезъ недѣлю онъ повторилъ свою просьбу: «Я въ Казани живу, какъ въ крымскомъ полону. Не пишу къ тебѣ ни о чемъ здѣшнемъ: желалъ бы я самъ васъ видѣть; писалъ я къ самому капитану (Петру Великому), чтобы указалъ мнѣ быть къ себѣ: нынѣ подай помощи, чтобы меня взять къ Москвѣ» [2]).

Положеніе Кудрявцева было весьма затруднительно, и онъ рѣшился обратиться къ самому близкому человѣку къ царю Петру— Александру Даниловичу Меншикову. Вотъ характеристическое письмо къ нему Кудрявцева, писанное въ началѣ 1706 года. «Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій Александръ Данилычь! доношу твоему сіятельству послѣдній твой рабъ Никита Кудрявцевъ: къ уфимскимъ башкирцамъ ѣздилъ я отъ Казани въ 300 верстахъ, а не доѣхалъ до Уфы 200 верстъ, и ихъ собравшись человѣкъ съ 400 ко мнѣ пріѣхали въ саадакахъ, въ нихъ отъ первыхъ три человѣка Уразай Ногаевъ, Кемей Шишмаметевъ да Мещерякъ Имай; сказалъ я имъ государеву милость, что царское величество пожаловалъ ихъ, указалъ имъ платить ясакъ противъ прошлыхъ лѣтъ, а новонакладнаго ничего не имать. И они выслушавъ, поклонились, а повидимому знатно, что не усердно то приняли. Имъ же говорилъ, чтобъ бѣглыхъ къ себѣ татаръ, чувашу, черемису и прочихъ иновѣрцевъ не принимали, а которые есть, тѣхъ бы отдали. И они того и слышать не хотѣли, и сказали, что они бѣглыхъ никого не

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 415.

[2]) Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. IV, ч. 1-я, стр. 493—494.

знаютъ. Имъ же говорилъ: для чего они государевымъ посланнымъ по дорогамъ противъ прежнихъ лѣтъ никому по указамъ подводъ не даютъ? Сказали, что и впередъ давать не будемъ никому, и изъ нихъ одинъ башкирецъ Уразай по-русски говорилъ мнѣ: полно де намъ съ тобою говорить! ты де ѣздишь безъ государева позволенія собою, чтобъ де денегъ больше собралось, и по тѣмъ словамъ пошли отъ меня съ двора всѣ, и отшедъ отъ двора, стали кругомъ и прислали ко мнѣ мещеряка Сулмаметка, и онъ говорилъ, прислали де его начальники и всѣ мірскіе люди сказать: слышно де имъ, что идетъ на Уфу воевода Левъ Аристовъ, и они де его Льва не пустятъ, у нихъ де хорошъ воевода Александръ Аничковъ. И какъ я отъ нихъ поѣхалъ назадъ, и они ѣхали напередъ меня и позади съ ружьемъ человѣкъ съ 60 тридцать верстъ, а слышно мнѣ, буде бы я сталъ брать подводы, не хотѣли давать. Послѣ того послали мы на Уфу Льва Аристова на Александрово мѣсто Аничкова, для лучшаго усмотрѣнія, и онъ Левъ поѣхалъ, и писалъ къ намъ въ Казань, что башкирцы его на Уфу ѣхать не пущаютъ, остановили на дорогѣ до Уфы верстъ за 200, а говорятъ: велѣлъ де у нихъ быть воеводою Александру Аничкову Борисъ Петровичъ и намъ де онъ любъ. А онъ Александръ житель Уфинской, и имѣли мы въ томъ опасенія, нѣтъ ли отъ него къ нимъ въ упорствѣ какого ослабленія. А изъ верхнихъ городовъ иновѣрцы и уѣздные люди бѣгутъ въ Уфинской уѣздъ, а башкирцы принимаютъ и заказу нашего не слушаютъ, и мы поставили по дорогамъ заставы, а имая ихъ велѣли приводить въ Казань. Отъ господина фельтъмаршалка посыланъ былъ на Уфу Василій Арсеньевъ, и пріѣхавъ съ Уфы сказывалъ, что поѣхалъ къ нему фельтъмаршалку съ Уфы въ челобитчикахъ пущій воръ и бунтовщикъ башкирецъ Демейко съ товарыщи, который въ прошломъ въ 705 году разорялъ села и деревни и людей побивалъ и въ полонъ бралъ и стада отгонялъ. Да и опричь того слышно, что Уфинцы поѣхали къ нему фельтъмаршалку бить челомъ по словамъ присланныхъ отъ него. А до посылки на Уфу фельтмаршалковой стали было быть смирно и полонное отдавали и впредь отдавать хотѣли, и послѣ того не такъ. Естли его милость въ такія дѣла станетъ вступать и такому народу учинить, не освѣдомясь съ нами, хотя малую ослабу, то всеконечно намъ въ доброе ихъ установить и злое отъ нихъ отрѣшить будетъ невозможно, для того, что мы, по обѣщанію своему, дѣлаемъ душевнымъ намѣреніемъ и безмездно, а другіе особымъ намѣреніемъ, о которомъ ихъ намѣреніи ваше превосходительство сами довольно извѣстны» [1]).

Ходатайство Кудрявцева передъ Меншиковымъ не осталось втунѣ. Въ январѣ 1706 года Б. П. Шереметевъ получилъ въ Ка-

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 415—417.

зани отъ царя Петра повелѣніе поспѣшать внизъ по Волгѣ къ Астрахани, а «всѣ казанскія дѣла оставить въ Казани и въ походѣ своемъ, въ тамошнее дѣло, кромѣ военныхъ дѣлъ, что надлежитъ къ походу, не вступать ни во что, предоставивъ все Никитѣ Кудрявцеву съ товарищи». Фельдмаршалъ долженъ былъ оставить въ Казани войско въ количествѣ 3,000 человѣкъ подъ начальствомъ окольничаго Петра Матвѣевича Апраксина, а для наблюденія надъ исполненіемъ царскаго приказа былъ приставленъ къ Шереметеву соглядатай, любимый сержантъ царя Петра Щепотьевъ, привезшій въ Казань вышеупомянутое повелѣніе фельдмаршалу. Щепотьевъ привезъ письмо Петра Великаго къ Шереметеву въ Казань 16-го января 1706 года, а 18-го января фельдмаршалъ уже выступилъ изъ Казани по пути къ Саратову [1]. Кудрявцевъ отправился въ Москву для личныхъ переговоровъ съ бояриномъ Тих. Никит. Стрѣшневымъ, занимавшимъ въ то время весьма видное служебное положеніе. Стрѣшневъ, родственникъ царя Петра Великаго, былъ главнымъ судьею разряда, который за нахожденіемъ Петра Великаго на театрѣ военныхъ дѣйствій (въ Курляндіи и въ теперешнихъ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Витебской) управлялъ всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ Россійскаго государства [2].

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ возвратился въ Казань вполнѣ довольный своей поѣздкой въ Москву. Онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Казань, но при этомъ скромномъ званіи получилъ отъ царя «полную мочь» относительно башкирскихъ и астраханскихъ дѣлъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ мѣстныхъ воеводъ низовыхъ городовъ: Петръ Великій считалъ Кудрявцева «вящше свѣдущимъ въ тамошнихъ дѣлахъ» [3].

Къ половинѣ 1706 года Шереметеву удалось прекратитѣ возмущеніе въ Астрахани, а къ концу 1707 года главнѣйшіе изъ бунтовщиковъ были казнены въ Москвѣ; но не такъ скоро прекращено было волненіе среди башкиръ. Въ теченіе 1706 и 1707 годовъ оно разгоралось все сильнѣе и сильнѣе, выразившись въ попыткѣ основать независимое башкирское ханство. У башкиръ появился самозванный султанъ, посѣтившій Крымъ и Константинополь и просившій тамъ помощи противъ Россіи, и затѣмъ пробравшійся на Кубань, къ горскимъ прикавказскимъ племенамъ и къ калмыкамъ.

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 418.—Письма Петра Великаго къ графу Б. П. Шереметеву, изд. Миллеромъ, М. 1774 г., стр. XXV и № 73.

[2]) Письма Петра Великаго къ графу Шереметеву, стр. XXIV и примѣч. на той же страницѣ.

[3]) Ѳ. Ѳ. Веселаго, Общій морской списокъ, Спб., 1885 г., ч. I, стр. 201.— Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. II, стр. 168; т. III, стр. 271; т. XIII, стр. 217.—Кудрявцевъ, между прочимъ, былъ уполномоченъ разверстывать податные сборы по всѣмъ низовымъ городомъ, по своему усмотрѣнію.

Сторонники этого султана въ Башкиріи уже открыто возстали противъ русскихъ властей.

Въ началѣ 1708 года, Кудрявцевъ писалъ царю: «Башкирское воровство умножается, и татары Казанскаго уѣзда многіе пристали и многіе пригородки Закамскіе, также и на казанской сторонѣ Камы рѣки дворцовое село Елабугу, осадили, и изъ тѣхъ пригородковъ Заинскъ, который отъ Казани разстояніемъ 200 верстъ, сожгли и людей порубили, а иныхъ въ полонъ побрали; а уѣздныхъ людей, татаръ и чувашу Казанскаго и Уфимскаго уѣздовъ воры башкирцы наговариваютъ, будто ратныхъ людей посылаютъ прибыльщики безъ твоего указа, собою, и чтобъ вездѣ русскихъ людей побивать, потому что они съ прибыльщиками одновѣрцы, и, собрався великимъ собраньемъ, хотятъ идти подъ Казань. Башкирцы, ходившіе на Яикъ съ торгами, говорили, что казаки говорили имъ, чтобъ русскихъ людей, которые будутъ на нихъ, башкирцевъ, наступать, рубили» [1].

Опасенія Кудрявцева не замедлили исполниться. Въ февралѣ 1708 года толпа мятежныхъ башкиръ была уже въ 80 верстахъ отъ Казани. Присланный Петромъ Великимъ съ войскомъ, бояринъ князь П. И. Хованскій вступилъ въ переговоры съ бунтовщиками и этимъ, конечно, только усилилъ ихъ самомнѣніе. Вся мѣстность, занимаемая въ настоящее время уѣздами Мензелинскимъ, Мамадышскимъ, Чистопольскимъ, Спасскимъ, Лаишевскимъ и Казанскимъ—предавалась ими страшному опустошенію: деревни разграблялись, раззорялись и сжигались, жители ихъ побивались и уводились въ плѣнъ. Бунтовщики появились, наконецъ, въ 30 верстахъ отъ Казани, и только благодаря энергичнымъ распоряженіямъ Никиты Алферовича Казань была спасена. Отрядъ подъ начальствомъ Осипа Бартенева, высланный Кудрявцевымъ противъ мятежниковъ, отбросилъ ихъ отъ Казани и, вмѣстѣ съ другимъ отрядомъ казака Невѣжина, разбившаго бунтовщиковъ подъ Билярскомъ, привелъ къ покорности всю восточную территорію теперешней Казанской губерніи. Бунтовщики стали теперь сами заискивать передъ княземъ Хованскимъ, склоняясь на переговоры. Тщетно Кудрявцевъ отговаривалъ боярина отъ мирныхъ сношеній съ башкирами и татарами, очень хорошо зная ихъ «воровство», и совѣтовалъ князю Хованскому усилить противъ нихъ наступательныя военныя дѣйствія. «Не учи меня»,—возразилъ князь Кудрявцеву, и самъ пошелъ въ башкирскую землю съ войскомъ, вступивъ въ переговоры съ мятежниками. Онъ обѣщалъ имъ прощеніе подъ условіемъ выдачи ихъ султана, во имя котораго они подняли знамя бунта. Султанъ былъ выданъ и казненъ [2].

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 234.—Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, т. II, стр. 119, 523.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 233—237.

Но этимъ не прекратились мятежи въ Башкиріи. Они тянутся черезъ все XVIII столѣтіе. Такъ называемый Батыршинъ бунтъ 1755 года является грознымъ прологомъ къ общему инородческому и крестьянскому движенію 1770-хъ годовъ, охватившимъ страшнымъ общественнымъ пожаромъ всю восточную окраину Россіи и извѣстнымъ подъ именемъ Пугачевщины.

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ не принимаетъ уже участія въ усмиреніи башкирскихъ «нестроеній» послѣдующихъ годовъ: мѣсто правителя Казанскаго края занимаетъ другое лице. Царь Петръ остался недоволенъ Кудрявцевымъ, приписавъ его нерадѣнію произвольныя дѣйствія уфимскихъ воеводъ, подавшихъ поводъ къ безпорядкамъ, и вмѣсто награды—сдѣлалъ ему выговоръ [1]). Вѣроятно тому способствовали навѣты на Кудрявцева Б. П. Шереметева и князя Хованскаго.

III.

Учрежденіе Казанской губерніи въ 1708 году и первый казанскій губернаторъ П. М. Апраксинъ.—Назначеніе Кудрявцева казанскимъ вице-губернаторомъ.—Основаніе въ Казани адмиралтейства и строеніе въ немъ судовъ подъ наблюденіемъ Кудрявцева.—Переписка Кудрявцева съ Петромъ Великимъ.—Казанскій помѣщикъ Молоствовъ.—Награжденіе Кудрявцева деревнями.—Жалованная грамота Кудрявцевымъ.—Смерть Никиты Алферовича.

(1708—1728 гг.).

Въ 1708 году областное управленіе Россіи было измѣнено и впервые царство русское раздѣлилось на восемь губерній, въ числѣ которыхъ всѣ низовые города, со включеніемъ Башкиріи, составили обширную Казанскую губернію. Можно предполагать, что мятежи астраханскій и башкирскій явились одной изъ причинъ, заставившихъ Петра Великаго усилить административную власть и централизировать ее не въ Москвѣ, въ Приказѣ Казанскаго дворца, какъ было до тѣхъ поръ, а въ Казани, этомъ историческомъ средоточіи Поволжья и Пріуралья. Первымъ губернаторомъ въ Казани былъ окольничій Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, родной братъ второй супруги царя Ѳедора Алексѣевича, царицы Марѳы Матвѣевны, и генералъ-адмирала, графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, уже бывшій въ Казани, какъ мы видѣли выше, начальникомъ войскъ въ отрядѣ фельдмаршала Шереметева. Насколько этотъ администраторъ новаго порядка понималъ свои обязанности, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта, занесеннаго въ оффи-

[1]) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго., т. II, с. 119, 523.

ціальный документъ. Отправляясь въ походъ за Кубань въ 1711 году, Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ печалился, не зная кому поручить Казань въ свое отсутствіе. Въ Царицынѣ онъ вспомнилъ о своемъ четырехмѣсячномъ сынѣ и послалъ въ Казань указъ, что оставляетъ этого сына намѣстникомъ своимъ, а по малолѣтству его опредѣлилъ къ нему старыхъ своихъ слугъ, которымъ приказалъ его именемъ всякія дѣла справлять. Указъ свой онъ приказалъ прочесть при собраніи казанскихъ жителей на публичномъ мѣстѣ, въ присутствіи сына, котораго велѣлъ при этомъ держать подъ одѣяломъ. «А какъ онъ самъ въ Казань возвратился,—читаемъ въ оффиціальномъ актѣ,—такъ того сына своего приказалъ мамѣ вынести подъ одѣяломъ въ палату, гдѣ множество людей было, и благодарилъ за мудрые его поступки, а онъ сталъ плакать, и ближній бояринъ Апраксинъ ко всѣмъ людямъ молвилъ тако: «вотъ-ста смотрите, какое у меня умное дитя: обрадовался мнѣ да и плакать сталъ»; и люди ему отвѣтствовали: «весь, государь, въ тебя». На то онъ людямъ сказалъ: «да не въ кого же де-ста быть, что не въ насъ, Апраксиныхъ» [1]).

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ, управлявшій Казанью уже одиннадцать лѣтъ, не получилъ никакого назначенія. Былъ также забытъ и его товарищъ по управленію—Вараксинъ. Эта обида заставила ихъ обоихъ излить свою горесть въ слѣдующемъ письмѣ къ князю Меншикову: «Свѣтлѣйшій государь, князь Александръ Даниловичъ милостивый. Присланъ къ намъ въ Казань Великаго Государя указъ, за приписаніемъ его самодержавныя десницы, велѣно Казань и другіе низовые города вѣдать окольничему Петру Матвѣевичу Апраксину, но объ насъ опредѣленія никакого не учинено. Просимъ милосердую твою свѣтлость о милостивомъ твоемъ указѣ: гдѣ намъ повелитъ ваша свѣтлость быть, и въ какомъ опредѣленіи, чтобъ намъ, послѣднимъ твоимъ рабамъ, во изганіи и въ непорядкѣ не быть. Послѣдніи раби, Никита Кудрявцевъ, Стефанъ Вараксинъ, просимъ твою свѣтлость, имѣя надежду яко на Бога, припадая къ стопамъ ногъ твоихъ» [2]).

Вслѣдствіе этого письма, Кудрявцевъ оставленъ попрежнему комендантомъ въ Казани. Черезъ четыре года, въ 1712 году, ему поручается то дѣло, которымъ онъ завѣдывалъ и раньше, но теперь по болѣе широкой программѣ. Кудрявцевъ назначенъ былъ главнозавѣдующимъ корабельными лѣсами во всемъ Поволжьи отъ устья Оки до Каспійскаго моря [3]). Именной указъ сенату отъ 15-го

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XVIII, примѣчаніе 7, изъ «Послужнаго списка кубанскаго походу», рукопись Императорской Публичной Библіотеки, по извлеченію, напечатана въ «Военномъ Сборникѣ» 1867, III.

[2]) «Русская Старина» 1872 г., V, стр. 914.

[3]) Жалованная грамота Кудрявцеву.

мая 1712 года излагаетъ подробную инструкцію Кудрявцеву о заготовленіи дубоваго корабельнаго лѣса и доставленіи его «Волгой по вешней полой водѣ до Твери», откуда онъ уже долженъ доставляться въ Петербургъ по распоряженію петербургскаго адмиралтейства [1]).

Въ 1714 году Кудрявцевъ, оставаясь при корабельныхъ лѣсахъ, назначается казанскимъ вице-губернаторомъ. Онъ сохраняетъ эту важную въ то время должность до конца царствованія Петра Великаго и при Екатеринѣ I, при трехъ казанскихъ губернаторахъ — Петрѣ Самойловичѣ Салтыковѣ (назначенъ послѣ П. М. Апраксина, въ 1713 году, былъ губернаторомъ въ Казани до 1719 года), его сынѣ, Алексѣѣ Петровичѣ Салтыковѣ, управлявшемъ Казанскою губерніею съ 1719 до 1725 года, и при А. П. Волынскомъ, въ первое его губернаторство въ Казани (съ 1725 по 1727 годъ) [2]). Съ 1814 года Кудрявцевъ вступаетъ въ дѣятельную переписку съ Петромъ Великимъ по части кораблестроенія, заготовки и сплава по Волгѣ корабельныхъ лѣсовъ. Эта переписка, касающаяся иной разъ самыхъ мелочныхъ вопросовъ кораблестроенія, весьма любопытна для характеристики дѣятельности Кудрявцева, но я не стану подробно останавливаться на ней, дабы не затруднять большинства читателей мало понятными для неспеціалистовъ техническими терминами [3]).

Въ 1718 году было основано въ Казани адмиралтейство для строенія судовъ, и Ник. Алф. Кудрявцевъ является въ Казанскомъ

---

[1]) П. С. З., VI, стр. 831, V. стр. 16.

[2]) См. статью г. Пупарева «Казанскіе губернаторы», «Казанск. Губ. Вѣд.» 1857 года, № 47 и мою монографію о Волынскомъ, «Др. и Нов. Россія», 1876 года, т. II, стр. 31—32.—Небезъинтересно познакомиться съ вознагражденіемъ, получаемымъ Кудрявцевымъ за его кропотливыя и трудныя обязанности. Онъ, какъ вице-губернаторъ, получалъ 600 р. въ годъ деньгами и 300 четвертей хлѣба. (Изъ дѣлъ кабинета Петра Великаго, у Соловьева, «Исторія Россіи», т. XVI, стр. 196).

[3]) Вполнѣ переписка Кудрявцева съ Петромъ Великимъ до сихъ поръ не издана. Она хранится въ дѣлахъ такъ называемыхъ «Кабинета Петра Великаго» въ государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ.—Извлеченія изъ нея помѣщены въ «Дѣяніяхъ Петра Великаго» Голикова, въ «Исторіи Россіи» Соловьева (т. XVI, 204—205, 223, 300), въ «Сборн. Рус. Ист. Общ.» (т. XI, 282—283). Донесенія Н. А. Кудрявцева по кораблестроенію за 1717—1720 гг. находятся въ рукописномъ сборникѣ библіотеки Казанскаго университета (документ. катал. № 21. 371). Эти донесенія вмѣстѣ съ письмами къ Петру Великому по корабельному дѣлу и другихъ лицъ извлечены изъ рукописи бывшимъ въ 1858—1860 гг. профессоромъ Русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ Н. А. Поповымъ и напечатаны имъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.» (1859 г., кн. IV) подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ въ 1717—1720 годахъ». О дѣятельности Ник. Алф. Кудрявцева по заготовкѣ лѣсовъ для строенія морскихъ судовъ въ Петербургѣ см. также «Общій морской списокъ» Ѳ. Ѳ. Веселаго, Спб., 1885 года, ч. I, стр. 201—202.

краѣ не только завѣдующимъ корабельными лѣсами, но и главнымъ кораблестроителемъ. Подъ его наблюденіемъ, по подробнымъ инструкціямъ Петра Великаго, строятся въ Казани волжскіе «рейшифы, перекрещенные русскимъ народомъ въ расшивы, и «гортгоуты», предназначенные для преслѣдованія «удалыхъ добрыхъ молодцовъ понизовой вольницы». При немъ возникаетъ особое почти сословіе такъ называемыхъ лашмановъ, изъ мѣстныхъ инородцевъ, преимущественно татаръ, освобожденныхъ отъ податей за обязательныя работы по сохраненію и заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ.

Учрежденіе адмиралтейства вызвало много сложныхъ заботъ со стороны Кудрявцева; но неутомимому царю-работнику все казалось недостаточнымъ. Въ 1715 году Петръ Великій указалъ значительнѣйшую часть мясного провіанта, вообще на весь россійскій заводимый имъ флотъ, заготовлять въ Казани, подъ наблюденіемъ Кудрявцева. Пропорція же этого мясного провіанта была весьма почтенная: она заключалась въ 15,000 пудахъ соленаго свиного мяса [1]). Никита Алферовичъ весьма тяготился обязанностью наблюдать надъ соленьемъ свинины, въ чемъ не имѣлъ никакого понятія. Въ письмахъ его къ Петру Великому слышатся постоянныя и горькія сѣтованія на хлопоты и непріятности, сопряженныя для него съ этимъ незнакомымъ ему производствомъ. «Сей послѣдній рабъ Твой прошу и доношу Вашему Царскому Величеству,—пишетъ, напримѣръ, царю казанскій вице-губернаторъ въ іюнѣ 1719 года,—служить и работать и отправлять мяса со всѣмъ сердцемъ радъ, только въ соленьѣ мясъ ничего не знаю, какъ быть мясамъ хорошимъ; и въ семъ опасаюсь Вашего Царскаго Величества гнѣву, чтобъ того за незнаемость мою на мнѣ не взыскалъ» [2]). Петербургское адмиралтейство было недовольно соленьемъ свинины въ Казани, и генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣеевичъ Апраксинъ низвергалъ на несчастнаго Кудрявцева выговоръ за выговоромъ за недоброкачественность соли и способъ соленья имъ свинины. При казанскомъ адмиралтействѣ состоялъ особый «мясосольный мастеръ», голландецъ Классъ-Геретсинъ, который отстаивалъ свой способъ соленья и приписывалъ недовольство петербургскаго адмиралтейства интригамъ тамошняго «мясосольнаго мастера». Ник. Алф. Кудрявцевъ долженъ быть входить въ мельчайшія техническія подробности относительно соленья и обо всемъ подробно доносить Петру Великому. Невольно поражаешься въ этой перепискѣ преобразователя Россіи съ казанскимъ вице-губернаторомъ, до какихъ мелочей въ государственномъ хозяйствѣ способенъ былъ доходить

---

[1]) Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. VII, стр. 351.

[2]) «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Россіи» 1859 года, кн. IV, «Матеріалы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ», сообщ. Н. А. Поповымъ стр. 73—75.

всеобъемлющій умъ того человѣка, который сокрушилъ «Шведскаго Льва» и воззвалъ Россію, по выраженію современниковъ, «отъ небытія къ бытію». Но Кудрявцевъ былъ положительно удрученъ и угнетенъ такими мелочами и доходилъ просто до отчаянія.

Для характеристики дѣловыхъ сношеній Никиты Алферовича съ Петромъ Великимъ привожу еще письмо его къ царю, писанное въ февралѣ 1721 года. Это письмо, вызванное заботливостью Кудрявцева о сохраненіи въ Казанской губерніи корабельныхъ лѣсовъ, представляетъ весьма интересныя подробности о нравахъ казанскаго дворянства первой четверти XVIII вѣка. Рѣчь въ письмѣ идетъ о «сумасбродномъ, старомъ Молоствовѣ, богатомъ казанскомъ помѣщикѣ». «Прошу милосердія на сумасброднаго, стараго Молоствова,—пишетъ Кудрявцевъ царю Петру,—ѣздилъ по деревнямъ татарскимъ и, сбирая татаръ, сказываетъ имъ, что онъ присланъ отъ Вашего Царскаго Величества съ полнымъ указомъ уставить въ мірѣ правду и волю имѣетъ казнить и вѣшать какъ и прежде вѣшалъ, такъ и нынѣ можетъ дѣлать самовластно, никого не боясь, и внушаетъ имъ, что отъ податей государство все разорилось, разсказываетъ, какъ древнія государства раззорялись и пропали, и наше также раззорилось и пропадетъ. Также сказываетъ имъ, что Ваше Царское Величество не указалъ нынѣ корабельнаго лѣса готовить и велѣлъ всѣмъ повольно дубъ рубить, и я работою корабельныхъ лѣсовъ будто мучу напрасно людей. Стакался съ Гаврилою Норовымъ, велитъ имъ дубовые лѣса всякому на свои нужды рубить и письма давалъ, чтобъ рубили. Во свидѣтельство правды словъ своихъ говорилъ, что въ 1717 году многихъ людей перевѣшалъ, за что похвалу себѣ принялъ, и обѣщался татарамъ, что до смерти своей будетъ имъ помощникомъ и предводителемъ всякому дѣлу; что хотѣлъ было постричься, но теперь для нихъ до смерти не пострижется, и нынѣ имъ же, татарамъ, сказалъ, что поѣдетъ въ С.-Петербургъ и привезетъ указъ, что меня передъ ними татарами казнить» [1]).

Не легко приходилось Ник. Алф. Кудрявцеву въ Казанской губерніи. Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ въ 1711 году, причинялъ огорченія областнымъ правителямъ не меньше прежнихъ московскихъ приказовъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Кудрявцевъ кабинетъ-секретарю Макарову еще въ 1717 году: «Я послалъ Царскому Величеству особое просительное писмишко, чтобъ меня помиловалъ за бѣдную мою дряхлость и безпамятство, указалъ меня отъ губернаторскихъ дѣлъ освободить: несносно стало, по указамъ отъ правительствующаго сената трудно исправляться. Другія губерніи милуютъ, а на нашу все прибавляютъ, и когда ихъ превосходительству приносимъ оправданіе, здраваго разсмо-

[1]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», XVI, стр. 300.

трѣнія не чинятъ и не принимаютъ; одно затвердили, что наша губернія богата: она такъ богата сдѣлалась, что передъ другими губерніями съ дворовъ все вдвое сбираемъ и всеконечно опустѣетъ; а перемѣнить нельзя: хотя чего малаго не дошлемъ, все штрафы, да разоренье» [1]).

Окончивъ двадцати-лѣтнюю борьбу со Швеціей и крѣпко ставъ на берегахъ Балтійскаго моря, Петръ Великій обратилъ особое вниманіе на восточныя области своего государства и на отношенія Россіи къ сосѣднимъ съ нею восточнымъ азіатскимъ племенамъ. Многолѣтняя дѣятельность Никиты Алферовича Кудрявцева въ качествѣ правителя Казанскаго края и строителя морскихъ и рѣчныхъ судовъ—не могла быть незамѣченною Петромъ Великимъ, и онъ щедро наградилъ престарѣлаго казанскаго вице-губернатора, пожаловавъ ему въ январѣ 1722 года имѣнія въ Казанской губерніи, изъ числа отобранныхъ въ Казани у мурзъ и татаръ за невоспріятіе христіанской вѣры греческаго закона [2]). Это пожалованье Петра Великаго значительно увеличило и безъ того большія земельныя владѣнія Кудрявцева. Кромѣ новыхъ помѣстій въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ, Никитѣ Алферовичу были теперь пожалованы Петромъ Великимъ помѣстья въ уѣздахъ Симбирскомъ, Пензенскомъ, входившихъ въ составъ тогдашней Казанской губерніи [3]). Въ 1722 году Петръ Великій предпринялъ походъ въ Персію и, проѣздомъ по Волгѣ къ Каспійскому морю, былъ въ Казани и остался весьма доволенъ состояніемъ адмиралтейства.

Уже по кончинѣ Петра Великаго, 31-го мая 1726 года, Екатерина I засвидѣтельствовала служебныя заслуги Никиты Алферовича Кудрявцева и сына его, Нефеда Никитича, жалованною грамотою, утверждавшею за ними всѣ пожалованныя Кудрявцеву Петромъ Великимъ имѣнія.

При исполненіи важныхъ и многотрудныхъ обязанностей казанскаго вице-губернатора и главнозавѣдующаго кораблестроеніемъ въ Поволжьи Никита Алферовичъ находился до половины 1726 года. Въ концѣ 1728 года онъ умеръ въ глубокой старости. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ не могъ уже столь энергично, какъ прежде, относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и за неисполненіе предписаній Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ подвергнутъ почти наканунѣ своей смерти (13 февраля 1728 г.) штрафу въ 500 рублей [4]).

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», XVI, стр. 184.
[2]) Барановъ, Опис. Сен. Архива, I, № 970.
[3]) Жалованная грамота Екатерины I и Собраніе оффиціальныхъ бумагъ Лихачевыхъ.
[4]) Ѳ. Ѳ. Веселаго, «Общій морской списокъ», ч. I, стр. 202.

IV.

Сыновья Никиты Алферовича. — Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ и его служба до 1730 года.—Георгій Дашковъ, архіепископъ Ростовскій и «инквизиція» надъ Нефедомъ Никитичемъ Кудрявцевымъ въ Казани. — Служба Нефеда Никитича до его отставки.

(1676—1740 гг.).

На комъ былъ женатъ Никита Алферовичъ Кудрявцевъ — неизвѣстно. Извѣстно только, что у него было три сына: Александръ, Никита и Меѳодій. Александръ былъ ушибленъ лошадью и умеръ отъ этого ушиба въ молодыхъ годахъ; Никита принялъ монашество въ знаменитомъ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, перемѣнивъ свое мірское имя на монашеское имя Кирилла въ честь основателя этого монастыря [1]). Меньшой сынъ—Меѳодій, въ просторѣчіи Нефедъ, унаслѣдовалъ отъ отца и завѣдываніе корабельными лѣсами въ Поволжьи и казанское вице-губернаторство.

Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ родился около 1676 года и началъ службу въ 1704 году, по обычаю того времени, рядовымъ въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ, сражаясь противъ Карла XII подъ начальствомъ фельдмаршала Б. П. Шереметева (тогда еще не графа). Черезъ годъ онъ былъ уже вахмистромъ, а въ 1706 году произведенъ Шереметевымъ прямо въ поручики (производить въ оберъ-офицерскіе чины имѣли право русскіе главнокомандующіе въ теченіе всего XVIII вѣка, до воцаренія императора Павла). Въ 1711 году Нефедъ Никитичъ служилъ въ Казани, гдѣ отецъ его въ то время былъ комендантомъ, и участвовалъ подъ начальствомъ Петра Матвѣевича Апраксина въ походѣ на Кубань, а въ 1712 году поручено ему, вмѣстѣ съ извѣстнымъ «прибыльщикомъ» Матвѣемъ Нестеровымъ, осмотрѣть и описать годные на корабельное строеніе дубовые лѣса по Волгѣ, по Окѣ и прочимъ рѣкамъ. [2]) Въ 1718 году Нефедъ Никитичъ переведенъ прежнимъ чиномъ поручика въ гвардейскій Преображенскій полкъ; въ 1722 году мы находимъ его снова въ Казани и на Волгѣ въ свитѣ Петра Великаго принимающимъ дѣятельное участіе въ персидскомъ походѣ. Онъ

---

[1]) Свѣдѣнія о старшихъ сыновьяхъ Никиты Алферовича Кудрявцева заимствованы изъ разсказовъ Сергѣя Степанова Закамскаго. Закамскій утверждаетъ, что Никита Никитичъ былъ даже настоятелемъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Это не вѣрно. Въ спискахъ настоятелей этого монастыря Строева—настоятеля съ именемъ Кирилла за XVIII вѣкъ нѣтъ вовсе.

[2]) Жалов. грамота Кудрявцевымъ.—Сборн. рус. ист. общ., XI, 227. — Опис. Сен. Арх. Баранова, I, № 213.—Ѳ. Ѳ. Веселаго «Общій морской списокъ», ч. I, стр. 200.

посылается императоромъ въ калмыцкіе улусы для «взятія калмыцкаго войска и для другихъ дѣлъ», и, начальствуя надъ калмыками, участвуетъ въ сраженіи близь поселенія Эндери на Кавказѣ, гдѣ русскія войска, по неосторожности главнаго начальника, бригадира Ветерани, потерпѣли пораженіе. Петръ Великій оказывалъ въ это время большое довѣріе Нефеду Никитичу: императоръ вручилъ ему весьма значительную, по тому времени, сумму денегъ (10,000 рублей) на раздачу калмыкамъ и на покупку для войскъ лошадей, и находился съ нимъ въ перепискѣ [1]).

Еще при жизни Никиты Алферовича Кудрявцева, 29 апрѣля 1727 года, Нефедъ Никитичъ, въ то время уже полковникъ, былъ опредѣленъ на его мѣсто, вице-губернаторомъ въ Казань [2]). Онъ не сошелся съ А. П. Волынскимъ, назначеннымъ казанскимъ губернаторомъ въ 1728 году, и много способствовалъ къ открытію его злоупотребленій по части вымогательства денегъ съ чувашъ, черемисъ и служилыхъ казанскихъ татаръ.

Во время происшедшей въ Казани распри между Волынскимъ и казанскимъ митрополитомъ Сильвестромъ, Нефедъ Никитичъ держалъ сторону послѣдняго, что и повело къ открытой ссорѣ Кудрявцева съ Волынскимъ. Сильвестру покровительствовалъ всесильный въ Сѵнодѣ при Петрѣ II ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ, на племянницѣ котораго былъ женатъ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ. Такимъ образомъ родственныя отношенія къ Георгію Дашкову были причиной, что казанскій вице-губернаторъ мирволилъ Сильвестру и всталъ въ дурныя отношенія къ Волынскому.

Георгій Дашковъ, происходившій изъ старинной дворянской фамиліи и служившій до монашества въ военной службѣ, не оставлялъ подъ клобукомъ и рясой своихъ прежнихъ привычекъ. Будучи архимандритомъ Троицкой Лавры, онъ жилъ широко и весело: держалъ громадную прислугу, множество лошадей и экипажей, имѣлъ прекрасный столъ, и выѣзды его изъ Лавры походили не на скромную поѣздку монаха, а на торжественный выѣздъ помѣщика-вельможи въ отъѣзжее поле на охоту. Онъ любилъ своихъ родственниковъ и щедро одаривалъ ихъ. У него было два брата и двѣ сестры. Братья владѣли помѣстьями въ Алексинскомъ уѣздѣ, а сестры были хорошо пристроены замужъ: одна за князя Панкр. Давыдова, а другая за Андрея Хитрово [3]).

При содѣйствіи Нефеда Никитича Кудрявцева, казанскіе инородцы подали въ Сенатъ жалобу на Волынскаго, обвиняя его въ противузаконныхъ и произвольныхъ съ нихъ поборахъ, и 29-го іюля

[1]) Жалов. грамота Кудрявцевымъ.—Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», IX, 376, 381—385; X, 389; XI, 471, 474.

[2]) П. И. Барановъ. Опис. сен. арх., II, № 2191.

[3]) Чистовича, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», примѣч. на 185 стр. и стр. 354.

1728 года Верховный Тайный Совѣтъ поручилъ Нефеду Никитичу Кудрявцеву, вмѣстѣ съ флота капитанъ-командоромъ Козловымъ, произвести слѣдствіе о взяткахъ Волынскаго съ казанскихъ инородцевъ [1]). Результатомъ этого слѣдствія было отчисленіе Волынскаго отъ должности казанскаго губернатора и учрежденіе надъ нимъ въ Москвѣ «инквизиціи».

Въ концѣ 1729 года Нефедъ Никитичъ уѣхалъ изъ Казани въ Москву, оффиціально по своимъ домашнимъ дѣламъ [2]), а неоффиціально для того, чтобы окончательно очернить Волынскаго въ глазахъ высшаго правительства. Въ Москвѣ, въ началѣ 1730 года, Кудрявцевъ былъ очевидцемъ кончины Петра II, избранія на престолъ Анны Іоанновны и знаменательнаго движенія среди «шляхетства», послѣдовавшаго за этимъ избраніемъ. Но въ совѣщаніяхъ шляхетскихъ и въ составленіи ихъ политическихъ проектовъ онъ, повидимому, не принималъ участія; по крайней мѣрѣ ни подъ однимъ изъ проектовъ мы не встрѣчаемъ его подписи. Къ половинѣ 1730 года Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ возвратился въ Казань, и вскорѣ послѣ того самъ на себѣ испыталъ превратности тогдашняго «опаснаго и суетнаго времени», по выраженію современниковъ.

Вмѣсто Волынскаго хотѣли назначить губернаторомъ въ Казань одного изъ членовъ опальной въ то время фамиліи князей Долгорукихъ, бывшаго въ числѣ «верховниковъ»—князя Михаила Владиміровича Долгорукаго, но затѣмъ передумали и назначили графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина, человѣка ставшаго впослѣдствіи «конфидентомъ» Волынскаго и черезъ десять лѣтъ, послѣ назначенія своего губернаторомъ въ Казань, въ 1740 году, поплатившагося за эти «конфиденціи» «урѣзаніемъ языка» и заключеніемъ въ тюрьму Соловецкаго монастыря.

Въ 1733 году графъ Мусинъ-Пушкинъ получилъ изъ Сената указъ, которымъ предписывалось ему арестовать своего вице-губернатора вмѣстѣ съ его женой и сдѣлать это какъ можно осторожнѣе, безъ всякой огласки. Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ съ женой находились въ своей деревнѣ Каймарахъ, и графъ Мусинъ-Пушкинъ отправилъ туда капитана Останкова съ конвоемъ, приказавъ ему арестовать вице-губернатора и его жену и доставить въ Казань, каждаго порознь, такъ чтобы они между собою и ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ не имѣли.

---

[1]) П. И. Барановъ, Опис. Сен. Арх., II, № 3148.—Подробности о служебныхъ неладахъ Неф. Ник. Кудрявцева съ Волынскимъ во время губернаторства послѣдняго въ Казани, см. въ «Дѣлѣ архимандрита Казанскаго Спасскаго монастыря Іоны Салникѣева», напеч. г. Чистовичемъ въ «Чт. М. Об. Ист. и Др.» 1868 г., кн. III, стр. 39, 63—71, 91 и слѣд.

[2]) П. И. Барановъ, Опис. Сен. Арх., II, № 3656.

Что было тому причиной? Злоупотребленія Кудрявцева по службѣ? Нѣтъ. Причиной его ареста было опять-таки его родство съ Георгіемъ Дашковымъ.

Когда столь извѣстный въ русской исторіи XVIII вѣка новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, этотъ «верховникъ» въ «вѣдомствѣ православнаго исповѣданія», созданнаго Петромъ Великимъ, предпринялъ борьбу съ своими противниками въ Сүнодѣ—Георгій Дашковъ долженъ былъ одинъ изъ первыхъ испытать на себѣ вражду Ѳеофана. Ростовскій архіепископъ не былъ сторонникомъ Петровыхъ «новшествъ» въ области церкви, и терпѣть не могъ духовныхъ «изъ черкассъ», т. е. южно-руссовъ и во главѣ ихъ Ѳеофана. Георгій Дашковъ палъ въ сѣтяхъ, разставленныхъ ему хитроумнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Въ декабрѣ 1730 года онъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ отдаленный, такъ называемый, Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ. Не сразу узнала жена Нефеда Никитича Кудрявцева, любившая своего дядю, что съ нимъ сталось; наконецъ, она провѣдала, гдѣ онъ находится, и изъ Казани отправила къ нему въ началѣ 1731 года тайно своего двороваго человѣка Мальцева съ гостинцами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали деньги и мѣха. Посланному она поручила подробно развѣдать о житьѣ-бытьѣ опальнаго ех-архіепископа. Георгій не взялъ ни денегъ, ни мѣховъ, принявъ остальные гостинцы.

— Что сказать племянницѣ? спросилъ Мальцевъ.

— Скажи, что изъ Сүнода присланъ указъ о моемъ посхимленіи, и что на первой недѣлѣ поста посхимлюсь,—отвѣчалъ Дашковъ. Потомъ, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:—Вотъ нѣтъ у меня такого друга, который бы попросилъ обо мнѣ царевну Екатерину Іоанновну: можетъ быть, она и доложила бы государынѣ, чтобы меня перевели въ другой монастырь, поближе къ Москвѣ.

На это Мальцевъ отвѣчалъ:

— Добро, я скажу барину,—и, распрощавшись съ Дашковымъ, отправился въ обратный путь.

Эти-то сношенія съ Дашковымъ его племянницы и другихъ родственниковъ повели къ новому процессу, въ который были впутаны Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ съ женой.

Сүнодъ поручилъ казанскому архіепископу Илларіону Рогалевскому вмѣстѣ съ губернаторомъ допросить Кудрявцева и его жену о сношеніяхъ ихъ съ Георгіемъ Дашковымъ. Допросить нужно было секретно, порознь мужа и жену, безъ всякаго послабленія, а въ случаѣ разнорѣчія должны были сдѣлать имъ очную ставку. Сүнодальный оберъ-секретарь Дудинъ писалъ казанскому архіепископу Илларіону Рогалевскому въ секретномъ письмѣ: «Ежели что станетъ губернаторъ снисходительное показывать, кромѣ правды, къ неправдѣ, въ томъ извольте смотрѣть, и его отъ того, елико можете, воздерживать».

Допросы Нефеду Никитичу и его женѣ не привели, однако, къ непріятнымъ для нихъ послѣдствіямъ. Кромѣ, изложенныхъ выше, посылокъ Мальцева къ Дашкову, ничего не обнаружилось, и Кудрявцевыхъ оставили въ покоѣ [1]).

Въ томъ же 1733 году Нефедъ Никитичъ получилъ должность оберъ-комиссара казанскаго адмиралтейства и, по рангу этой должности, произведенъ въ бригадиры. Въ 1737 году онъ поѣхалъ въ Петербургъ вслѣдствіе полученія извѣстія объ опасной болѣзни своей дочери Анастасіи Нефедьевны Татищевой, и такъ долго зажился въ столицѣ, что получилъ въ 1738 году отъ адмиралтейской коллегіи понужденіе «отправиться къ мѣсту служенія немедленно безъ всякаго отрицанія».

Нефедъ Никитичъ былъ уволенъ отъ службы въ регентство Бирона, 30 октября 1740 года, безъ повышенія рангомъ; но черезъ 12 дней послѣ того, когда Биронъ уже былъ низложенъ, правительница Анна Леопольдовна наградила Кудрявцева чиномъ генералъ-маіора [2]).

V.

Село Каймары и церковь, построенная въ немъ Нефедомъ Никитичемъ Кудрявцевымъ.—Крестьянинъ села Каймаръ Василій Ивановичъ Закамской.—Стефанъ Гловацкій и картина съ виршами, написанная въ честь Нефеда Никитича Кудрявцева.—Нѣсколько словъ о русской колонизаціи Казанскаго края и значеніе названій: «Каймары» и «Байтеряково».

Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, выйдя въ отставку, поселился въ Казани, проживая частію въ своемъ домѣ, въ городѣ, въ приходѣ Николы Тульскаго, частію въ подгородномъ своемъ селѣ Каймарахъ, гдѣ построилъ церковь еще въ 1723 году во имя св. св. Кирилла Бѣлозерскаго, Александра Невскаго и Меѳодія Патарскаго, т. е. въ память своихъ братьевъ и въ честь того святаго, имя котораго носилъ самъ. Нефедъ Никитичъ, получивъ въ наслѣдство отъ отца и братьевъ всѣ имѣнія въ Поволжьи, былъ, кромѣ того, жалованъ помѣстьями и за свою собственную службу и увеличивалъ количество своихъ земельныхъ владѣній въ Казанскомъ краѣ

---

[1]) Подробности о сношеніяхъ жены Кудрявцева съ Георгіемъ Дашковымъ и о допросѣ Нефеда Никитича и его жены извлечены мною изъ книги профессора Чистовича «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время»; см. стр. 354—362.— Георгій Дашковъ, въ схимѣ Гедеонъ, былъ сосланъ, по новымъ на него извѣтамъ въ 1734 году въ Успенскій Нерчинскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ 17 апрѣля 1739 года; ibid., стр. 347, 365, 671.

[2]) Барановъ, Оп. Сен. Арх., III, №№ 7969 и 8023.—Ѳ. Ѳ. Веселаго, «Общій морской списокъ», ч. I, стр. 200—201.

покупкою деревень у мѣстныхъ помѣщиковъ. Ему принадлежало множество селеній вокругъ Казани, перешедшихъ въ настоящее время или по наслѣдству, или посредствомъ продажи, въ руки многихъ казанскихъ дворянъ помѣщиковъ [1]). Довольство у Нефеда Никитича, по словамъ крестьянина Сергѣя Закамскаго, было во всемъ, но особенно онъ славился конскимъ заводомъ, изъ котораго представлялъ лошадей и къ царскому двору. Этотъ же крестьянинъ передаетъ слѣдующій, не лишенный интереса, разсказъ: «Семейство Нефеда Никитича было малое; дѣти, хотя рождались, но умирали. Когда у него родилась дочь Анастасія, онъ съ супругой своей положилъ выбрать ей въ воспріемники того, кто рано утромъ, въ день крещенія, попадется ему на встрѣчу. На этотъ случай пошелъ рано на пчельникъ каймарскій крестьянинъ Василій Ивановъ Закамской и попался Нефеду Никитичу на встрѣчу, и такимъ образомъ сдѣлался крестнымъ отцомъ Анастасіи Нефедьевны. Вслѣдствіе такого обстоятельства, Василій Ивановъ Закамской, а равно его сынъ и внукъ пользовались у г. Кудрявцева и его наслѣдниковъ разными льготами и большимъ предпочтеніемъ передъ другими крестьянами и жили въ довольствѣ. Внукъ Василія Ивановича Закамскаго, Степанъ Петровъ Закамской почти до смерти своей былъ въ Каймарахъ бурмистромъ» [2]).

Для характеристики общественныхъ отношеній Нефеда Никитича Кудрявцева весьма любопытенъ одинъ вещественный памятникъ, хранящійся въ церкви села Каймаръ—картина съ изображеніями святыхъ, имена которыхъ носили онъ самъ, его отецъ и его дѣдъ. Картина эта подарена Нефеду Никитичу учителемъ только что основанной въ то время въ Казани духовной семинаріи Степаномъ Гловацкимъ. Его перу принадлежатъ вирши вокругъ картины. На картинѣ этой изображенъ священномученикъ Меѳодій, епископъ Патарскій, во весь ростъ на цвѣтной атласной матеріи, длиной въ 5 четвертей и $3^1/_2$ четверти ширины. Поверхъ мантіи св.

[1]) Село Кириловское, Каймары, Казанскаго уѣзда, въ 20 верстахъ отъ Казани, находится на Уржумскомъ трактѣ. По 10-й народной переписи (1858 года) въ этомъ селѣ считалось 750 мужскихъ душъ и 810 женскихъ, всего—1560 душъ обоего пола.—Собраніе бумагъ Лихачевыхъ.—Въ числѣ своихъ многочисленныхъ деревень Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ имѣлъ деревни и въ Симбирскомъ уѣздѣ. М. П. Погодинъ (біографія Н. М. Карамзина, М. 1866 года, т. I, стр. 2 и примѣчанія на ней), указавъ, что крестнымъ отцемъ Карамзина былъ сосѣдъ Карамзиныхъ по имѣнію Кудрявцевъ, спрашиваетъ: не Нефедъ ли Никитичъ? Это весьма возможно, но отвѣта на этотъ вопросъ намъ не удалось нигдѣ встрѣтить.

[2]) Въ надгробныхъ надписяхъ, сообщенныхъ П. Н. Полевымъ, дочь Нефеда Никитича Кудрявцева названа Анастасіей, а въ семейныхъ преданіяхъ ея потомковъ называется она Маріей; также Маріей называетъ ее и крестьянинъ Сергѣй Закамской. По всей вѣроятности, имя Анастасіи казалось ей слишкомъ вульгарнымъ, и она стала называться Маріей. Такія перемѣны именъ встрѣчаются у причудливыхъ барынь и въ болѣе позднее время.

Меѳодія надѣтъ омофоръ, на головѣ—митра; въ правой рукѣ онъ держитъ посохъ, а въ лѣвой четки; вверху надъ головой изображенія Вседержителя, съ боковъ, по правую сторону великомученика Никиты, а по лѣвую священномученика Елевферія [1]); внизу, у ногъ св. Меѳодія, написаны слѣдующія вирши—

На лѣвой сторонѣ:

Благолѣпный сей саномъ, красенъ же дѣлы,
Яже подробну токмо счесть аще имѣли
Уста тысячу языкъ отнюдь неудобно;
Ангеломъ бо съ младыхъ лѣтъ въ житіи подобно;
Добродѣтельми выну красно процвѣташе;
Тѣмъ и Патріаршества ѳрономъ почтенъ бяше.

На правой сторонѣ:

На немъ же присно дѣлы сіяхъ всюду ясно
Вогу зѣло угодно, бѣсомъ же ужасно,
Бисть бо бодръ кротостіи Пастырь, и честны учитель
Вѣры поборникъ крѣпки церкви защититель.

Буквы, набранныя въ этихъ виршахъ особымъ шрифромъ, на подлинной картинѣ написаны киноварью. Будучи сложены вмѣстѣ, онѣ составляютъ слѣдующую фразу: Благородному Господину Меѳодію Никитичу виватъ.

Внизу виршей клеймо: въ немъ изображена ягода, а вокругъ ягоды надпись на латинскомъ языкѣ: Amore, more, ore, re, corde, favore. По обоимъ бокамъ клейма такая надпись: «Блогородному и Высокопочтенному его милости Господину Меѳодію Никитичу Кудрявцеву своему Милостивому Патрону и Благодѣтелю въ день тезоименитства его сіе изображеніе со всесмиреннымъ усердіемъ въ даръ принесе,—нижайшій рабъ Стефанъ Гловацкій».

Резиденція Нефеда Никитича Кудрявцева, село Каймары и другое его имѣніе, деревня, въ настоящее время село, Байтеряково—названіями своими даютъ любопытныя указанія для исторіи колонизаціи Казанскаго края русскими; а потому я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе въ область исторической этнографіи средняго Поволжья.

Черемисы, называющіе сами себя Мари-люди, принадлежатъ, какъ извѣстно, къ аборигенамъ средняго Поволжья, гдѣ помѣщаетъ ихъ и древнѣйшая славяно-русская лѣтопись «Повѣсть Времянныхъ лѣтъ». Волга раздѣляетъ черемисъ на двѣ вѣтви: живущіе на правой, горной, сторонѣ Волги называются черемисами горными, а населяющіе лѣвый, луговой ея берегъ—луговыми.

Разсматривая внимательно названія теперешнихъ селъ и деревень на обѣихъ сторонахъ Волги, приходишь къ невольному за-

[1]) Имя Меѳодій въ просторѣчіи произносилось Нефедъ, а Елевферій—Алферъ. Отецъ Никиты Алферовича былъ Елевферій.

ключенію, что нѣкогда черемисская народность заселяла несравненно бо̀льшую территорію, чѣмъ въ настоящее время, и что она постепенно вытѣснялась съ мѣстъ своего первоначальнаго жительства сперва зашедшими въ среднее Поволжье въ XIII в. татарами, а затѣмъ, съ половины XVI в., русскими. Татары назвали Мари Чирмесъ, передѣланное русскими въ Черемисъ, что означаетъ—воинственный. Воинственные нѣкогда черемисы, наводившіе страхъ и на новгородскихъ «ушкуйниковъ», любившихъ спускаться на своихъ легкихъ судахъ «внизъ по матушкѣ по Волгѣ» ради «широкаго раздолья», и на рати суздальскихъ князей и московскихъ государей, ходившихъ въ царство Булгарское, а затѣмъ въ Казанское, являются въ настоящее время мирнымъ, даже забитымъ народомъ. «Съ одной стороны черемиса, а съ другой берегися»!—эта пословица, запечатлѣвшая собою воинственность черемисъ, въ настоящее время является отдаленнымъ историческимъ преданіемъ, удивляя русскихъ конца XIX в. различіемъ между нынѣшними черемисами и черемисами жившими триста лѣтъ тому назадъ. Такимъ же памятникомъ прежней воинственности черемисъ являются русскія поселенія на сѣверѣ Казанской и на югѣ Вятской губерній, поселенія лишь оффиціально называемыя городами, а въ дѣйствительности болѣе похожія на плохія деревни. Царевококшайскъ, Царевосанчурскъ, Уржумъ, Малмыжъ,—все это крѣпости, выстроенныя русскимъ правительствомъ въ концѣ XVI в. для удержанія возстаній и волненій среди черемисъ. Съ паденіемъ Казани, подъ напоромъ русской воинской силы, черемисы дожны были мало по малу смириться и уступить свое мѣсто новымъ насельникамъ, русскимъ, въ обиліи являвшимся въ Поволжье изъ московскаго государства.

Есть основаніе предполагать, что во второй половинѣ еще XIV в. вся горная сторона Волги въ предѣлахъ теперешней Казанской губерніи была сплошь населена черемисами. На это указываетъ названіе въ этой мѣстности цѣлой территоріи, извѣстной въ то время подъ именемъ Маркваш ъ (Марроквашъ), что̀ по объясненію одного мѣстнаго казанскаго ученаго, знатока черемисскаго языка Н. И. Золотницкаго, означаетъ корень, центръ черемисской земли[1]). Это имя территоріи XIV в. въ настоящее время сохранилось лишь въ названіяхъ нѣсколькихъ чувашскихъ деревень Моргоушъ и въ двухъ русскихъ деревняхъ—Маркваши.

---

[1]) Воскресенская лѣтопись подъ 1374 годомъ говоритъ, что ушкуйники... «пограбиша все Засурье и Маркваш ъ» (П. С. Р., Лѣт., т. VIII, стр. 21). По объясненію г. Золотницкаго Мар, мари=черемисы: рок=земля; важ ъ=корень; см. въ книгѣ А. Ѳ. Риттиха «Казанская губернія», ч. II, стр. 122.—Снес. также объясненіе въ книгѣ С. М. Шпилевскаго «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи», Казань, 1877 годъ, стр. 174.—Позднѣйшее объясненіе г. Золотницкаго слова «Марквашъ» см. въ «Извѣстіяхъ Казанскаго Общ. Археол., Ист. и Этногр.», т. III, стр. 50—56.

На лѣвой сторонѣ Волги названія селъ и деревень еще болѣе указываютъ на нѣкогда большое распространеніе здѣсь черемисъ. Такъ въ уѣздахъ Царевококшайскомъ, Казанскомъ и Мамадышскомъ мы встрѣчаемъ нѣсколько селеній и деревень съ именемъ Кукмары, что указываетъ на изобиліе черемисъ. Кук—по-черемисски—много; Кук-мары—много черемисъ. Иногда рядомъ съ Черемисскимъ Кукмаромъ встрѣчается Русскій Кукмаръ, что указываетъ уже на проникновеніе русскаго населенія среди черемисъ. Около самой Казани теперь совершенно нѣтъ черемисскихъ поселеній, которыя едва-едва встрѣчаются въ западной части Казанскаго уѣзда и наполняютъ почти весь сосѣдній съ Казанскимъ Царевококшайскій уѣздъ. Въ этомъ уѣздѣ русскія названія селеній перемѣшиваются съ черемисскими, съ сильнымъ преобладаніемъ послѣднихъ, причемъ иныя деревни съ русскимъ названіемъ населены черемисами[1]). Но при началѣ русской колонизаціи въ Казанскій край, со второй половины XVI вѣка, близь самой Казани, верстъ на 20—30 отъ нея жили черемисы, которые были прогнаны русскими колонистами, завладѣвшими ихъ землями. На этотъ-то именно фактъ и указываетъ названіе имѣнія Кудрявцева—села Каймаръ.

Кай—по-черемисски—поди, уйди, ступай. Каймары—уходи черемиса. По преданію, ушедшіе черемисы основали въ Вятской губерніи—Новые Каймары. Недалеко отъ Кудрявцевскихъ Каймаръ находится деревня также указывающая своимъ названіемъ на изгнаніе русскими черемисъ изъ окрестностей Казани. Эта деревня—Шушары, Каймаръ-мышъ тожъ. Мышь—приставка, составляющая въ татарскомъ языкѣ окончаніе прошедшаго причастія; каймаръ-мышъ—уходящіе черемисы. Про Шушары существуетъ поговорка: «Шушары горятъ—въ Каймары хотятъ», указывающая на ихъ связь съ селомъ Каймары[2]). Припомнимъ при этомъ, что Строгановыми, первоначальными русскими колонизаторами верховьевъ Камы, былъ построенъ на этой рѣкѣ въ 1558 году Кай-городъ, составлявшій оплотъ отъ набѣговъ черемисъ и вотя-

---

[1]) Подробности см. въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, изд. центр. Статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, Спб. 1866 года (стр. 5—46; 61—84; 109—157; 172—195), и въ интересныхъ изслѣдованіяхъ по вопросу русской колонизаціи въ Казанскомъ краѣ на основаніи изученія названій населеныхъ мѣстностей—г. директора училищъ Казанской губерніи Иліод. Александровича Износкова. Къ сожалѣнію изъ этихъ изслѣдованій вполнѣ напечатаны лишь данныя, касающіяся двухъ уѣздовъ Казанской губерніи—Мамадышскаго, въ «Трудахъ IV археологическаго съѣзда» (т. I, Казань, 1884 г., стр. 116—148) и Казанскаго, въ «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1885 г. (есть и отдѣльные оттиски этихъ статей).

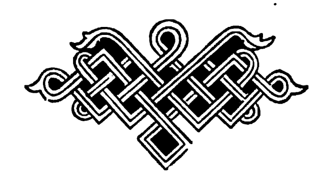
[2]) См. указ. выше трудъ И. А. Износкова «Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанскаго уѣзда», отд. изд. 1885 г., Каймарская волость, стр. 3—9.—Словарь Золотницкаго, стр. 253—254.

ковъ [1]). Въ названіи этого городка слышится опять слово Кай — ступай, уходи. Весьма, вѣроятно, что и Кай-городъ былъ названъ такъ въ память того, что враги русскихъ черемисы ушли и оставили свою территорію въ рукахъ новыхъ засельниковъ.

Деревня Байтерякова (въ настоящее время село Дмитріевское-Байтеряково, Лаишевскаго уѣзда), принадлежавшая также Нефеду Никитичу Кудрявцеву, названіемъ своимъ связана съ Мурзой Байтерякомъ и указываетъ этимъ названіемъ на отношеніе русскихъ къ другому инородческому племени Поволжья — чувашамъ. Чувашенинъ по происхожденію и служилый мурза казанскаго царя Шигъ Алея, Байтерякъ помогалъ русскимъ во время ихъ походовъ подъ Казань при Іоаннѣ Грозномъ, за что былъ пожалованъ отъ него землями въ завоеванномъ имъ царствѣ казанскомъ и, принявъ православіе, явился родоначальникомъ князей Байтеряковыхъ. Въ теперешнихъ губерніяхъ Казанской и Симбирской есть нѣсколько селеній, возникшихъ на этихъ земляхъ, заселенныхъ русскими и названныхъ Байтеряковыми. Близь одного изъ нихъ, села Успенскаго-Байтерякова, Тетюшскаго уѣзда, указываютъ на могилу засельника этихъ земель, мурзы Байтеряка [2]).

Д. А. Корсаковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



[1]) См. «Столѣтіе Вятской губерніи», сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края, изд. Вятскимъ статистическимъ комитетомъ, Вятка, 1880 г., т. I, стр. 62.

[2]) Словарь Золотницкаго, стр. 229. Его же, Алфавитный списокъ инородческихъ именъ, служащихъ къ объясненію названій населенныхъ мѣстностей Казанской губерніи, въ «Трудахъ IV Арх. Съѣзда», т. I, отд. историч. геогр. и этногр., стр. 156.



ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢЕВИЧА ПОЛЕВАГО[1].

VII.

Два слова о значеніи «Московскаго Телеграфа».—Несчастная случайность губитъ журналъ.—Драма Кукольника и ея успѣхъ на петербургской сценѣ.—Критика Николая Алексѣевича на эту драму.—По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сознаетъ свою ошибку, но не успѣваетъ ее исправить.—Ожиданіе грозы.—Распоряженіе о высылкѣ Н. А. Полеваго съ жандармомъ въ Петербургъ.—Его возвращеніе и разсказъ объ эпизодахъ поѣздки.—Засѣданіе въ кабинетѣ графа Бенкендорфа.—Министръ народнаго просвѣщенія въ роли прокурора.—Обвиненіе въ распространеніи революціонныхъ идей.—Запрещеніе «Московскаго Телеграфа».—Новые планы изданій, затѣваемыхъ Николаемъ Алексѣевичемъ и новыя карательныя мѣры Уварова, подавляющія его энергію.

Я НЕ ПОЧИТАЛЪ и не почитаю нужнымъ, въ «Запискахъ» о жизни и сочиненіяхъ Николая Алексѣевича Полеваго, говорить о содержаніи издававшагося имъ журнала, и указываю иногда только на тѣ статьи его, которыя относятся къ какому-нибудь важному случаю на поприщѣ издателя, или представляютъ черту его ума и характера. Любопытствующіе могутъ въ самомъ «Московскомъ Телеграфѣ» видѣть, въ какомъ направленіи издавался этотъ журналъ, и остались ли мы вѣрны общему его характеру и духу до конца его существованія. Въ настоящее время, «Московскій Телеграфъ», какъ старый журналъ, потерялъ всю свою занимательность и статьи

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXIX, стр. 24.

его, большею частію, не могутъ обратить на себя вниманія,—даже не могутъ быть вполнѣ понятны для новаго поколѣнія. Но, въ свое время, для своихъ современниковъ, онъ былъ истиннымъ, и, какъ говорятъ нынѣ, передовымъ журналомъ; по крайней мѣрѣ, покуда онъ существовалъ, общее мнѣніе признавало его лучшимъ изъ русскихъ журналовъ, и я остаюсь въ увѣренности, что онъ принесъ много пользы распространеніемъ всякаго рода свѣдѣній, и еще больше взглядомъ своимъ на успѣхи въ наукахъ и на событія умственной и общественной жизни. Не знаю, долго ли еще могъ бы онъ существовать, если бы неожиданный случай не сдѣлался поводомъ къ его прекращенію, и не утомилась ли бы, наконецъ, дѣятельность самого издателя его, встрѣчавшаго, какъ мы видѣли, безчисленныя непріятности на своемъ поприщѣ. Но могу удостовѣрить, что и въ послѣдніе, такъ же какъ въ первые года «Московскаго Телеграфа», мы съ братомъ равно усердно трудились, стараясь дать своему журналу значеніе современнаго органа правды и всякаго успѣха.

Такъ достигли мы 1834 года. Въ началѣ этого года была напечатана въ Петербургѣ новая драма г. Кукольника: Рука Всевышняго отечество спасла. Г. Кукольникъ показалъ первою своею драмою: Торквато Тассо, что у него было поэтическое дарованіе; но онъ шелъ ложнымъ путемъ, больше заботясь о театральныхъ эффектахъ, нежели о драматическомъ выраженіи истины, впадалъ въ ошибки при изображеніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и наполнялъ рѣчи ихъ высокопарными фразами. Эти общіе недостатки всѣхъ его драмъ особенно ярко выказались въ Рукѣ Всевышняго, гдѣ авторъ, желая сильнѣе выразить патріотическія чувства, впалъ въ самыя странныя преувеличенія.

Прочитавъ драму Кукольника, Николай Алексѣевичъ написалъ разборъ ея, гдѣ строго выставлялъ и осуждалъ недостатки произведенія, нелишеннаго достоинствъ, но составленнаго по ложной системѣ. Онъ тѣмъ сильнѣе хотѣлъ выразить это, что признавалъ въ г. Кукольникѣ необыкновенное поэтическое дарованіе, и, какъ критикъ, хотѣлъ предохранить автора отъ ошибокъ въ будущихъ его произведеніяхъ. Особенно рѣзко отозвался онъ о ложномъ патріотизмѣ, который преувеличеніями своими вредитъ истинѣ.

Между тѣмъ, онъ сбирался съѣздить въ Петербургъ по разнымъ дѣламъ своимъ. Это было передъ масляницею, когда Рука Всевышняго уже была поставлена на петербургской сценѣ, и первыя представленія ея отличались необыкновеннымъ блескомъ. Сказывали, что 40,000 рублей было употреблено на постановку этой знаменитой пьесы, и самая блистательная публика наполняла ложи и кресла въ первыя представленія ея на Александринскомъ театрѣ. Государь Императоръ удостоилъ ее своимъ вниманіемъ и одобреніемъ. Рука Всевышняго казалась патріотическою, народною дра-

мою, передъ которою преклонялись всѣ — и знатные, и простолюдины. О ней не произносили ничего, кромѣ похвалъ.

Въ это-то время тріумфовъ г. Кукольника и его драмы, братъ мой пріѣхалъ въ Петербургъ. Съ первыхъ шаговъ тамъ оглушенный хвалами Рукѣ Всевышняго, онъ тотчасъ отправился въ театръ посмотрѣть ее въ представленіи, и былъ изумленъ съѣздомъ публики въ театръ и необыкновенными изъявленіями одобренія пьесѣ. Первые ряды креселъ были заняты высшими сановниками и генералами, ложи наполнены знатными семействами, и зала потрясалась отъ рукоплесканій. Николай Алексѣевичъ повстрѣчался въ театрѣ съ однимъ изъ вліятельныхъ людей, благосклоннымъ къ нему, и почти первымъ вопросомъ того было: «Напишетъ ли онъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» одобрительное извѣстіе о патріотической піесѣ Кукольника?» Братъ мой отвѣчалъ, что онъ уже написалъ разборъ ея, по печатному экземпляру, полученному имъ въ Москвѣ, но что этотъ разборъ будетъ вовсе неодобрительнымъ для пьесы. «И разборъ вашъ уже напечатанъ?» спросилъ тотъ же знакомый. — Нѣтъ еще; однако я уже отдалъ его для печатанія въ моемъ журналѣ. — «Что вы дѣлаете, Николай Алексѣевичъ!» воскликнулъ чуть не съ ужасомъ вліятельный знакомецъ. «Вы видите, какъ принимаютъ здѣсь пьесу; надобно соображаться съ этимъ мнѣніемъ; иначе вы навлечете себѣ страшныя непріятности!.. Прошу васъ, какъ искренній вашъ доброжелатель, примите самыя дѣятельныя мѣры, чтобы вашъ неодобрительный разборъ Руки Всевышняго не появлялся въ печати. Напишите, если можно, завтра же, чтобы въ Москвѣ не печатали его».

Такая просьба была равносильна приказанію, и братъ мой на другой же день написалъ ко мнѣ, чтобы я не печаталъ разбора Руки Всевышняго, написаннаго имъ для «Московскаго Телеграфа», а если онъ уже напечатанъ, но еще книжка не вышла въ свѣтъ, то онъ просилъ исключить этотъ разборъ и замѣнить его какою нибудь другою статьею. Въ немногихъ словахъ, но довольно ясно, онъ объяснялъ мнѣ причину такого распоряженія. Я получилъ его письмо, когда несчастный разборъ былъ уже напечатанъ, книжка «Московскаго Телеграфа» съ этимъ разборомъ была роздана и, вѣроятно, уже получена въ Петербургѣ, когда письмо его дошло до меня. Не судьба ли это? Иногда печатаніе «Московскаго Телеграфа» задерживалось на недѣлю и больше; а тутъ, когда было бы такъ кстати встрѣтиться какой нибудь задержѣ въ выходѣ послѣдней книжки нашего журнала — она вышла изъ типографіи необыкновенно скоро!.. Видно, я, въ отсутствіе моего брата, хлопоталъ о томъ слишкомъ усердно.

Вскорѣ послѣ этого, воротившись въ Москву, Николай Алексѣевичъ передалъ мнѣ свои опасенія, что надобно ожидать какихъ нибудь непріятностей за статью о Рукѣ Всевышняго. Онъ основы-

валъ свои опасенія на разговорѣ о ней, изложенномъ мною выше: этотъ разговоръ съ оффиціальнымъ лицомъ, которое почти приказывало ему расхвалить пьесу г. Кукольника, и въ противномъ случаѣ предсказывало послѣдствія непріятныя, конечно, былъ предупрежденіемъ доброжелательнымъ, и имѣло свое значеніе. Когда оказалось невозможно исполнить полуоффиціальное приказаніе—оставалось ждать, что изъ того выйдетъ? Мы утѣшались надеждою, что, можетъ быть, все кончится нашими опасеніями, или много если строгимъ замѣчаніемъ.

Прошло недѣли двѣ, и мы продолжали обыкновенныя занятія по журналу, нисколько не подозрѣвая близости грозы. Я и братъ мой жили въ разныхъ домахъ: онъ за Сухаревой Башнею, въ домѣ Кошелева (нынѣ Перлова), я на Тверской, въ домѣ Мятлевой, гдѣ была и контора «Московскаго Телеграфа»—первая въ Россіи контора журнала, какъ будто и въ этомъ брату моему суждено было служить примѣромъ для русскихъ журналистовъ!

Въ день Благовѣщенія, 25 марта, явился въ контору «Московскаго Телеграфа» посланный отъ оберъ-полицеймейстера, съ извѣщеніемъ къ Николаю Алексѣевичу Полевому, чтобы онъ немедленно явился къ его превосходительству. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я тотчасъ послалъ къ моему брату, передать ему полученное извѣщеніе, и въ запискѣ при томъ просилъ заѣхать отъ оберъ-полицеймейстера ко мнѣ (это было очень близко), уже предвидя, что начинается тревога по журналу. Часа черезъ два или три, проведенные мною не спокойно, братъ заѣхалъ ко мнѣ, и сказалъ, что ему приказано немедленно отправиться въ Петербургъ. Онъ просилъ отсрочить ему отъѣздъ до слѣдующаго дня, располагаясь ѣхать въ дилижансѣ, но генералъ-губернаторъ (князь Д. В. Голицынъ), къ которому сопровождалъ его оберъ-полицеймейстеръ, лично объявилъ ему, хотя и съ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ долженъ отправиться на перекладныхъ, и въ сопровожденіи жандармскаго унтеръ-офицера, не откладывая своего отъѣзда далѣе вечера того же дня. «Мнѣ приказано отправить васъ въ самый день полученія приказа, прибавилъ добрый князь, и все что̀ могу я сдѣлать, это—дозволить вамъ оставаться въ Москвѣ до вечера; хоть поздно, но выѣзжайте сегодня».

Братъ мой нисколько не сробѣлъ отъ такого строгаго распоряженія высшаго начальства, ибо онъ былъ убѣжденъ въ чистотѣ своихъ поступковъ. Могли обвинить его въ оплошности, но не въ какомъ нибудь зломъ намѣреніи, и потому-то онъ, надѣясь на справедливость тѣхъ, къ кому долженъ былъ предстать для оправданія, вѣрилъ, что дѣло его кончится объясненіемъ съ его стороны. Для чего однакожъ отправляли его съ оффиціальнымъ провожатымъ и требовали въ Петербургъ экстренно? Это одно могло безпокоить насъ, и неизвѣстность, зачѣмъ и для чего это, была тягостна. Оберъ-по-

лицеймейстеръ сказалъ моему брату только, что сопровождающій его унтеръ-офицеръ получитъ приказаніе куда доставить его въ Петербургѣ.

Остальное время дня мы провели вмѣстѣ. Братъ передалъ мнѣ не только разныя рукописи для журнала и дѣловыя бумаги, но и свои намѣренія и предположенія на случай какого нибудь неожидаемаго имъ несчастія, точно будто отправлялся въ невозвратный путь. Такъ требовало благоразуміе, потому что одинъ Богъ знаетъ будущее.

«Журналъ нашъ продолжай, если я долго не ворочусь, не перемѣняя направленія; за него не обвинитъ насъ никто, и это готовъ я сказать самымъ строгимъ моимъ судьямъ»,—прибавилъ онъ въ заключеніе разныхъ своихъ распоряженій о «Московскомъ Телеграфѣ». Словомъ, и онъ, и я—мы были тверды, сколько возможно, въ подобныхъ обстоятельствахъ; однако, грустное ощущеніе было неизбѣжно при этой нравственной борьбѣ. Къ счастію, добрая жена Николая Алексѣевича оказала удивительное для женщины мужество въ этотъ печальный день, и даже сама ободряла мужа, прося его быть спокойнымъ и за себя, и за семейство. Двери были заперты для всѣхъ постороннихъ, и мы провели всѣ часы до ночи въ семейномъ кружкѣ. Помню, что за ужиномъ Николай Алексѣевичъ шутилъ и смѣялся, стараясь развеселить маленькихъ своихъ дѣтей. Между тѣмъ, пріѣхалъ провожатый его, съ почтовою телѣжкою, и надобно было отправляться. Эти послѣднія минуты были горьки. Изъ квартиры Николая Алексѣевича до Тверской заставы, мы съ братомъ ѣхали въ городскихъ саняхъ, а телѣжка сзади. Покуда унтеръ-офицеръ пошелъ явить свою подорожную у заставы, мы еще сказали другъ другу нѣсколько словъ, давая обѣщаніе быть неизмѣнными и осторожными въ своихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, телѣжка двинулась въ темнотѣ ночи, и я оставался на мѣстѣ, покуда былъ слышенъ стукъ ея... Перекрестившись и поручивъ себя и брата Милосердому Защитнику слабыхъ людей, я воротился домой.

Черезъ нѣсколько дней—можетъ быть и черезъ недѣлю, потому что тогда почты ходили между Петербургомъ и Москвой дня по три—я получилъ отъ брата письмо, запечатанное огромною графскою печатью. Онъ увѣдомлялъ меня, что доѣхалъ до Петербурга благополучно, живетъ тамъ очень спокойно, еще никого не видалъ, и просилъ меня успокоивать его семейство, къ которому было приложено письмецо, въ такомъ же смыслѣ написанное. Черезъ нѣсколько дней, было получено еще письмо отъ него, гдѣ писалъ онъ почти то же, что̀ и въ первомъ. Апрѣля 3-го или 4-го, уже вечеромъ, ко мнѣ прискакалъ посланный отъ Николая Алексѣевича съ извѣстіемъ, что онъ возвратился и зоветъ меня къ себѣ. Я поспѣшилъ къ нему и увидѣлъ его идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ

улыбкой. Начались разспросы и разсказы, и мы пробесѣдовали долго. Не въ одинъ этотъ вечеръ, но и потомъ много разъ передавалъ онъ мнѣ всѣ подробности своего невольнаго путешествія въ Петербургъ, и я изложу здѣсь главныя изъ нихъ, необходимыя для поясненія событія, важнаго въ жизни моего брата.

Въ Петербургъ привезли его въ квартиру Леонтія Васильевича Дубельта, начальника штаба корпуса жандармовъ. Генералъ Дубельтъ встрѣтилъ моего брата не только вѣжливо, но и съ изъявленіемъ самаго дружескаго расположенія. Онъ отвелъ ему одну изъ комнатъ въ своемъ помѣщеніи, и сказалъ: «Скажу вамъ откровенно, что, по обязанности моей, я долженъ приставить стражу къ вашей комнатѣ; но я не сдѣлаю этого; только вы дайте мнѣ слово, что не будете имѣть ни съ кѣмъ сообщенія, ни переписки, оставаясь неотлучно дома. Къ вамъ въ комнату будутъ приносить обѣдъ, чай, и все, что вамъ нужно. Я знаю, что вы не можете жить безъ книгъ: библіотека моя къ вашимъ услугамъ, и, сверхъ того, если вамъ угодно какую книгу, напишите мнѣ заглавіе,—она будетъ къ вамъ доставлена. Между тѣмъ отдыхайте отъ дороги. Я доложу о вашемъ пріѣздѣ графу Александру Христофоровичу, и передамъ вамъ его распоряженія.»

Брату моему, въ тогдашнемъ его положеніи, оставалось благодарить за такую привѣтливость. Онъ далъ слово, котораго требовалъ генералъ Дубельтъ, и, не желая употреблять во зло его благосклонности, просилъ только послать купить для него книгу, незадолго вышедшую въ свѣтъ. Эта книга была — толстѣйшая физика Велланскаго! Братъ мой еще въ Москвѣ хотѣлъ купить ее, хотя не могъ бы тамъ скоро избрать время одолѣть такую книгу; вдругъ очутившись посреди полнаго досуга, онъ вздумалъ занять его трудною работою читать Велланскаго. Тяжелыя, трудныя для чтенія, но дѣльныя книги — истинное благодѣяніе для того, кому надобно занять досугъ, иногда болѣе тягостный, нежели самая трудная работа.

На другой или на третій день по пріѣздѣ моего брата въ Петербургъ, генералъ Дубельтъ объявилъ ему, что онъ долженъ явиться къ графу Бенкендорфу. «Въ семь часовъ, потрудитесь отправиться къ нему: это очень близко отсюда, и графъ будетъ дома». Николай Алексѣевичъ пошелъ пѣшкомъ, безъ провожатаго, и могъ почесть это знакомъ особенной довѣренности.

По прибытіи въ домъ, гдѣ жилъ графъ Бенкендорфъ, братъ мой назвалъ себя, и его немедленно пригласили въ кабинетъ графа. При входѣ туда, онъ удивился, когда увидѣлъ министра народнаго просвѣщенія Уварова, сидѣвшаго подлѣ стола, насупротивъ графа Бенкендорфа, который привѣтливо встрѣтилъ моего брата и попросилъ его подсѣсть къ нимъ. Братъ еще не успѣлъ исполнить этого, какъ Уваровъ обратился къ нему съ рѣчью, торжественно говоря:

— Вотъ, г. Полевой, вы видите, справедливо ли я предупреждалъ васъ много разъ, чтобы вы, какъ журналистъ, дѣйствовали благоразумно, и сообразжались съ внушеніями высшихъ властей. Теперь вамъ, конечно, непріятно явиться здѣсь отвѣтчикомъ?

— Позвольте мнѣ сказать, ваше высокопревосходительство, — отвѣчалъ Николай Алексѣевичъ,—что я не понимаю вашихъ словъ. Въ чемъ и за что являюсь я отвѣтчикомъ?

— Садитесь, садитесь, Николай Алексѣевичъ! — перебилъ его графъ Бенкендорфъ. Намъ надобно поговорить съ вами о многомъ.

Когда братъ мой сѣлъ, графъ спросилъ его, какимъ побужденіемъ руководствовался онъ въ своемъ отзывѣ о патріотической драмѣ Кукольника? И какъ могъ онъ выразить мнѣніе, противоположное мнѣнію всѣхъ. Братъ мой отвѣчалъ, что въ отзывѣ своемъ онъ пользовался правомъ, даннымъ всякому критику выражать свое мнѣніе о произведеніяхъ литературы, и если его мнѣніе противоположно мнѣнію большинства или даже всѣхъ, то другіе критики могутъ опровергать его убѣжденія и доводы.

— Тутъ дѣло идетъ не о литературныхъ достоинствахъ сочиненія,—возразилъ Уваровъ,—а о противорѣчіи вашемъ общему патріотическому чувству, которое возбуждаетъ драма Кукольника. Вы, какъ русскій, не должны были бы чувствовать иначе, нежели всѣ самые возвышенные патріоты.

— Я ничего и не писалъ противъ патріотическихъ чувствованій, а указывалъ только на недостатки сочиненія, которое можетъ возбуждать патріотическій восторгъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть неудовлетворительно, какъ произведеніе литературное и поэтическое.

— Но осуждая его, вы охлаждаете общее впечатлѣніе, которое, напротивъ, должно быть поддерживаемо. Драма Кукольника была для васъ какъ будто поводомъ къ осмѣянію самаго возвышеннаго чувства.

Брату моему не трудно было опровергать такія обвиненія, шедшія совсѣмъ не отъ того побужденія, которое заставило его указать на недостатки Руки Всевышняго. Болѣе и болѣе одушевляясь, онъ развилъ свой взглядъ такъ убѣдительно, что графъ Бенкендорфъ сталъ поддерживать его и иногда возражать Уварову, который явно желалъ обличить моего брата въ неблагонамѣренности. Споръ длился уже часа два, когда, наконецъ, графъ сказалъ:

— Объ этомъ предметѣ довольно. А о другихъ поговоримъ завтра, для чего вы, Николай Алексѣевичъ, пожалуете ко мнѣ вечеромъ въ тотъ же часъ, какъ сегодня.

Изъ этого разговора братъ мой ясно увидѣлъ, что обвинителемъ его былъ Уваровъ, а графъ Бенкендорфъ старался придать всему форму обыкновеннаго разговора, и предупредительностью своею останавливалъ рѣзкія выходки и обвиненія министра народнаго просвѣщенія. Ясно было также, что Рука Всевышняго служила по-

водомъ къ какимъ-то другимъ обвиненіямъ. Передъ Уваровымъ лежала толстая тетрадь въ листъ; по временамъ, онъ перевертывалъ въ ней листы и заглядывалъ въ нее мимоходомъ.

Въ слѣдующій вечеръ, въ кабинетѣ графа Бенкендорфа, братъ мой опять увидѣлъ министра Уварова. Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, передъ своею толстою тетрадью, и на сей разъ сталъ прямо обвинять брата моего въ неблагонамѣренномъ направленіи «Московскаго Телеграфа», въ дерзостяхъ, какія онъ позволяетъ себѣ писать въ немъ, и главное — въ возбужденіи умовъ къ неуваженію властей и въ похвалахъ французской революціи.

Братъ мой твердо возразилъ, что хотя онъ могъ бы не отвѣчать на такія обвиненія, сославшись законнымъ образомъ на то, что ни одна строчка въ его журналѣ не напечатана безъ одобренія цензуры, а послѣ такого одобренія, онъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности, однако, желая уничтожить даже тѣнь подозрѣнія противъ его благонамѣренности и чистоты его помышленій, онъ проситъ объяснить, гдѣ и чтò въ его журналѣ могло дать поводъ къ тѣмъ обвиненіямъ, какія объявляетъ ему г. министръ.

Тогда Уваровъ, послѣ метафизическаго объясненія, что направленіе журнала выказывается не въ отдѣльныхъ статьяхъ, а въ духѣ, проникающемъ каждую изъ нихъ, и что это явно для опытнаго наблюдателя, хотя и не можетъ быть обличено осязательно, провозгласилъ:

— За всѣмъ тѣмъ, какъ искусно ни скрываете вы тайное направленіе вашего журнала, оно невольно проявляется во многихъ статьяхъ. Напримѣръ...

Тутъ онъ развернулъ свою толстую тетрадь, и началъ прочитывать выписки или, лучше сказать, выдержки изъ «Московскаго Телеграфа», наполнявшія эту тетрадь. То были большею частью отдѣльныя фразы или мысли изъ большихъ статей, и въ такомъ видѣ иногда представляли смыслъ, противоположный тому, какой придавалъ имъ авторъ. Къ числу такихъ выдержекъ принадлежалъ отзывъ о Лафайэтѣ, услужливо перепечатанный Надеждинымъ въ «Молвѣ», съ злонамѣреннымъ намекомъ на образъ мыслей издателя «Московскаго Телеграфа», какъ показалъ я это раньше.

Прочитавъ эту выписку, Уваровъ сказалъ:

— Такимъ образомъ, вы выхваляете Лафайэта, называя его самымъ честнымъ человѣкомъ, благороднѣйшимъ изъ гражданъ, а этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ главныхъ двигателей французской революціи; это отъявленный противникъ королевской власти, самый опасный бунтовщикъ.

Братъ мой, какъ говорилъ онъ мнѣ, былъ изумленъ нелѣпостью такого обвиненія въ устахъ просвѣщеннаго человѣка (какимъ несомнѣнно былъ Уваровъ); но припомнивъ, откуда взята была по-

хвала Лафайэту, онъ сказалъ, что, выписанное изъ «Московскаго Телеграфа», мнѣніе о Лафайэтѣ принадлежитъ не ему; что это слова изъ анекдота, разсказаннаго англійскою писательницею лэди Морганъ, и слышаннаго ею во время путешествія въ Парижъ. Она пишетъ, что какъ-то Наполеонъ началъ жестоко порицать Лафайэта въ присутствіи графа Сегюра, который вступился за отсутствовавшаго своего друга, сослуживца, кажется, даже родственника, и, не страшась гнѣва деспота, сказалъ ему, что онъ отзывается о Лафайэтѣ, не зная его, что Лафайэтъ честнѣйшій человѣкъ и проч.

Объяснивъ это, братъ мой спросилъ:

— Неужели изъ этого анекдота можно вывести, что я не только хвалю Лафайэта какъ политическое лицо, но въ лицѣ его хвалю и французскую революцію? Можно-ли приписывать мнѣ слова и мнѣнія, которыя составляютъ мимоходную подробность въ статьѣ, не мною писанной?

Уваровъ, продолжая утверждать, что таково постоянное направленіе «Московскаго Телеграфа», привелъ въ доказательство еще одну выписку, гдѣ было сказано, что «Франція всегда идетъ впереди другихъ государствъ, и даритъ своими успѣхами европейскіе народы». Чудесная память моего брата, тотчасъ надоумила его, что это было сказано въ одной ученой статьѣ объ успѣхахъ французовъ въ химіи и вообще въ естествознаніи. Онъ, невольно улыбаясь, объяснилъ это, и заставилъ тѣмъ графа Бенкендорфа разсмѣяться. Вообще, какъ говорилъ мнѣ братъ мой, графъ Бенкендорфъ, казался больше защитникомъ его или, по крайней мѣрѣ, доброжелателемъ: онъ не только удерживалъ порывы Уварова, но иногда подшучивалъ надъ нимъ, иногда просто смѣялся, и во все время страннаго допроса, какой производилъ министръ народнаго просвѣщенія, шефъ жандармовъ старался придать характеръ обыкновеннаго разговора тягостному состязанію бѣднаго журналиста съ его грознымъ обвинителемъ. Съ этой поры братъ составилъ себѣ благопріятное мнѣніе о характерѣ графа Бенкендорфа, который оправдалъ такое мнѣніе во всѣхъ послѣдующихъ сношеніяхъ съ нимъ.

Невозможно было прочитать всю тетрадь, лежавшую передъ Уваровымъ: изъ нея были прочитаны лишь немногія мѣста, подававшія поводъ къ опроверженіямъ со стороны Николая Алексѣевича и, наконецъ, уже просто шелъ разговоръ о разныхъ предметахъ, сообразныхъ съ обстоятельствами. Братъ мой откровенно передавалъ свои мнѣнія, свой взглядъ, свои убѣжденія, думая, конечно, что чѣмъ лучше узнаютъ его, тѣмъ больше отдадутъ ему справедливости. Разговоръ кончился тѣмъ, что Уваровъ прекратилъ свои нападенія, графъ Бенкендорфъ былъ очень любезенъ, и братъ мой могъ полагать, что онъ оправдалъ себя въ мнѣніи этихъ двухъ сановниковъ. Онъ оставилъ ихъ уже довольно поздно

вечеромъ. Возвратившись къ генералу Дубельту, онъ пересказалъ ему происходившее въ этотъ вечеръ, и спросилъ, что жъ остается ему еще дѣлать?—«Подождите,—отвѣчалъ г. Дубельтъ.—Вѣроятно вы скоро узнаете это».

Прошло еще дня два, въ которые братъ мой оставался не выходя изъ дому и не слыша ничего новаго.

Давши слово не видаться ни съ кѣмъ, онъ и не думалъ нарушать его; но въ описываемые мною дни случилось съ нимъ нѣчто смѣшное: стòитъ разсказать эту смѣшную случайность.

Проходя въ сумерки отъ своей квартиры до дому графа Бенкендорфа, братъ мой повстрѣчалъ лицомъ къ лицу знакомаго своего, камеръ-юнкера Пильсутскаго, который въ Москвѣ былъ нѣсколько времени сослуживцемъ его по одному комитету. Надобно замѣтить, что этотъ господинъ былъ величайшій лгунъ, доводившій ложь до поэзіи: разсказывалъ небывалыя приключенія, выдавалъ за событія свои выдумки; словомъ, лгалъ для того, чтобы лгать, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ и злыхъ намѣреній. Всѣ такъ и знали его, такъ принимали и рѣчи его. Увидѣвъ Николая Алексѣевича, онъ изъявилъ радость, осыпалъ его вопросами, и тотъ едва отдѣлался отъ него приличнымъ образомъ, спѣша на назначенное ему свиданіе. Въ тотъ же вечеръ г. Пильсутскій разсказалъ знакомымъ, что встрѣтилъ Полеваго, что говорилъ съ нимъ, и повторялъ это всѣмъ, знавшимъ Николая Алексѣевича. Но какъ они знали, что Полевой не задолго передъ тѣмъ былъ въ Петербургѣ и уѣхалъ въ Москву, а потомъ нигдѣ не появлялся въ тѣ дни, когда г. Пильсутскій утверждалъ, что встрѣтилъ его, то всѣ только улыбались и говорили другъ другу: «Неизмѣнный вралъ! разсказываетъ небылицу, и готовъ побожиться, что говоритъ правду!»

Впослѣдствіи, когда объяснилось это изъ разговоровъ съ знакомыми, братъ мой много смѣялся тому, что г. Пильсутскій, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни, сказалъ правду—и никто не повѣрилъ ему!

Но обратимся къ разсказу истинному. Кажется, на третій день послѣ второго вечера, проведеннаго братомъ моимъ у графа Бенкендорфа въ состязаніи съ Уваровымъ, генералъ Дубельтъ объявилъ ему, что онъ долженъ возвратиться въ Москву.

— Какъ же я могу понимать это?—спросилъ братъ мой.—Оправдалъ я себя отъ нареканій? Свободенъ совершенно?

— Не знаю,—отвѣчалъ г. Дубельтъ.—Объявляю вамъ только, что вы должны возвратиться въ Москву, и отправиться туда сегодня же вечеромъ, съ тѣмъ же провожатымъ.

— Какъ, опять на перекладныхъ? въ телѣжкѣ?

— Да.

— Помилуйте, генералъ! Меня измучилъ такой переѣздъ изъ Москвы сюда, и уже слишкомъ тягостно будетъ ѣхать еще такимъ образомъ.

— Чтожъ дѣлать! Мнѣ приказано такъ отправить васъ.

— Да у меня и денегъ нѣтъ на проѣздъ; а откуда я возьму ихъ, не выходя изъ комнаты?

Въ объясненіе надо замѣтить, что братъ мой ѣхалъ изъ Москвы, платя прогоны отъ себя, хотя подорожная была выдана жандарму. При отъѣздѣ у него было немного денегъ, и оставшихся въ Петербургѣ не достало бы на обратный переѣздъ въ Москву. Онъ полагалъ, что ему возвратятъ издержки на это невольное путешествіе; но генералъ Дубельтъ съ обычною своею любезностью сказалъ:

— О деньгахъ не заботьтесь, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ! Возьмите у меня, сколько вамъ надобно. По пріѣздѣ въ Москву, вы возвратите ихъ мнѣ.

Онъ немедленно вручилъ ему двѣсти рублей, и заботился вообще снарядить его сколько возможно удобнѣе. Но личная его любезность не закрывала отъ моего брата, что дѣло еще не было кончено. Правда, что съ нимъ обходились самымъ пріязненнымъ образомъ, и онъ прожилъ у генерала Дубельта нѣсколько дней со всѣми удобствами; однако, видѣлъ себя все-таки арестантомъ, и не зналъ, чѣмъ это кончится. Понятно, что послѣ этого, переѣздъ въ Москву былъ ему не веселъ, и онъ доѣхалъ до заставы ея грустный и измученный, стараясь угадать, куда тамъ повезетъ его жандармъ. Надобно сказать, что это былъ тотъ же унтеръ-офицеръ, который сопровождалъ его въ Петербургъ, добрый малороссіянинъ, отличавшійся необыкновеннымъ простодушіемъ. Онъ ни въ чемъ не стѣснялъ моего брата, и, напротивъ, во время дороги, прислуживалъ ему, какъ самый усердный слуга. Когда почтовая телѣжка остановилась у заставы, унтеръ-офицеръ соскочилъ на мостовую, снялъ фуражку и пожелалъ моему брату всякаго благополучія.

— Стало быть, я могу ѣхать прямо домой? спросилъ у него братъ мой.

— Безпремѣнно, ваше благородіе. Дальше я провожать васъ не могу: такъ приказано.

Обрадованный своею свободою, братъ мой вынулъ остававшуюся у него въ бумажникѣ двадцати пяти рублевую ассигнацію и на радости отдалъ ее доброму служивому, вмѣстѣ съ русскимъ «спасибо» за услуги въ дорогѣ. Неожиданная щедрость моего брата изумила унтеръ-офицера до такой степени, что онъ благодарилъ его, называя чуть ли не превосходительствомъ, и въ заключеніе воскликнулъ:

— Дай Богъ и впередъ ѣздить съ вами, ваше превосходительство!

— Ну, братъ, дай Богъ чтобы этого не случалось! возразилъ Николай Алексѣевичъ, смѣясь.

Разсуждая обо всѣхъ подробностяхъ его поѣздки и особливо о разговорахъ, какіе имѣлъ онъ въ Петербургѣ, мы недоумѣвали,

что же такое было это и чѣмъ могло кончиться? Обвиненія, высказанныя Уваровымъ, были такъ неопредѣленны, общи; и, прибавлю, такъ натянуты и нелѣпы, что графъ Бенкендорфъ справедливо смѣялся, выслушивая ихъ, и братъ мой надѣялся на его заступленіе. Уваровъ показалъ явное предубѣжденіе противъ моего брата, обвинялъ его пристрастно, однако, послѣ выслушанныхъ объясненій, могъ быть справедливымъ. Словомъ сказать, мы обольщали себя надеждою, что все случившееся было только мимолетною грозою, которая пройдетъ безъ непріятныхъ для насъ послѣдствій.

Возобновились прежнія занятія Николая Алексѣевича по журналу, которому онъ столько лѣтъ посвящалъ труды свои, и такимъ образомъ прошло недѣли двѣ. Между тѣмъ, готова была новая книжка журнала, и изъ типографіи отправили ее въ цензурный комитетъ, для полученія билета на выпускъ; но посланному сказали, что билета выдать нельзя, и что издатель «Московскаго Телеграфа» долженъ самъ явиться въ комитетъ. Онъ немедленно поѣхалъ туда, и ему объявили, что изданіе его журнала запрещено. Даже отпечатанная его книжка не могла быть выдана въ свѣтъ и подверглась конфискаціи.

Надобно ли говорить, что это событіе было для насъ прискорбно? Кромѣ того, что оно прекращало полезную дѣятельность Николая Алексѣевича и набрасывало на него тѣнь въ глазахъ правительства, оно, мало сказать, наносило ему убытокъ, — раззоряло его. Всѣ заготовленные для журнала матеріалы погибли, и надобно было чѣмъ нибудь замѣнить получавшійся отъ него доходъ; а легко ли это? возможно ли даже было это человѣку, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимавшемуся исключительно литературой? Онъ вдругъ увидѣлъ себя въ положеніи самомъ стѣсненномъ, и скоро ли могъ найдти занятіе, которое давало бы ему достаточный на прожитіе доходъ?

Могу увѣрить читателя, что въ эту критическую минуту мы нисколько не сробѣли. «Видно, Богу такъ угодно: покоримся его волѣ, и будемъ надѣяться, что онъ насъ поддержитъ и подкрѣпитъ». Таковъ былъ единственный оплотъ, на которомъ могли мы утвердиться, и который далъ намъ бодрость и мужество въ новой борьбѣ съ жизнью. Надѣяться на людей мы не могли, потому что были не ребята неопытные. Мы знали по собственному опыту, чего можно ожидать отъ друзей, которые видѣли отъ насъ много добра; какъ же не было бы ребячествомъ съ нашей стороны ожиданіе какого нибудь участія отъ людей чуждыхъ? Къ тому же «Московскій Телеграфъ» востановилъ противъ насъ столько обиженныхъ самолюбій, что многіе явно выражали свое удовольствіе, когда услышали, что прекратился ненавистный имъ журналъ. Прибавлю, однако жъ, что немногіе, которыхъ мнѣніемъ дорожили мы, изъя-

вили Николаю Алексѣевичу искреннее участіе въ неожиданномъ его горѣ. Я упоминалъ, что благородный Ив. Вас. Кирѣевскій пріѣзжалъ къ нему въ это время засвидѣтельствовать свое уваженіе; было и еще нѣсколько человѣкъ, сдѣлавшихъ тоже. Не называю ихъ, но благодарность къ нимъ жива въ моемъ сердцѣ.

Что было главною, если не единственною причиною запрещенія «Московскаго Телеграфа»? Говорю положительно: желаніе Уварова, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія. Это несомнѣнно, это доказываютъ подробности, которыя сопровождали вызовъ Николая Алексѣевича въ Петербургъ, разговоры съ нимъ Уварова и дальнѣйшія преслѣдованія со стороны министра, который, кажется, хотѣлъ уничтожить всякую дѣятельность моего брата, какъ покажетъ дальнѣйшій мой разсказъ, и являлся ожесточеннымъ его гонителемъ при всякомъ случаѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ. Теперь обратимся къ тому, какъ онъ воспользовался обстоятельствами для запрещенія «Московскаго Телеграфа».

Не знаю навѣрное, но имѣю причины думать, что онъ же представилъ государю императору ложное обвиненіе противъ моего брата, будто онъ обращаетъ въ смѣхъ и охуждаетъ патріотическія чувствованія, выраженныя г. Кукольникомъ въ драмѣ его: Рука Всевышняго отечество спасла. Желая изслѣдовать это, государь приказалъ вытребовать Полеваго въ Петербургъ и поручилъ графу Бенкендорфу, вмѣстѣ съ Уваровымъ, узнать образъ мыслей издателя «Московскаго Телеграфа». Сказываютъ, что государь прибавилъ: «Уваровъ давно говорилъ мнѣ про этого человѣка и даже показывалъ цѣлую книгу выписокъ изъ его журнала; кстати, пусть спроситъ объясненій и по журналу». Такимъ образомъ, Уваровъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Во время разговора съ моимъ братомъ, онъ былъ обвинителемъ, а графъ Бенкендорфъ только удерживалъ его отъ увлеченій. Онъ непремѣнно хотѣлъ обвинить гонимаго имъ журналиста, и, вѣроятно, въ такомъ смыслѣ составилъ докладъ о немъ, то есть, представилъ его человѣкомъ опаснымъ по образу мыслей, потому что и впослѣдствіи представлялъ такимъ же (это мы увидимъ далѣе). Не такъ думалъ о братѣ моемъ графъ Бенкендорфъ, обращавшійся къ нему не какъ Уваровъ и, наконецъ, давшій ему возможность оправдать себя въ мнѣніи правительства единственно добрыми своими отзывами о немъ. Зная это, не трудно рѣшить, кто изъ нихъ двухъ требовалъ запрещенія «Московскаго Телеграфа» какъ блага отечеству?

Не ошибаясь въ томъ, что Н. А. Полевой не перестанетъ писать и послѣ запрещенія его журнала, Уваровъ предписалъ цензурнымъ комитетамъ, чтобы они не дозволяли печатать ничего, написаннаго бывшимъ издателемъ «Московскаго Телеграфа», такъ что, по произволу министра народнаго просвѣщенія, самое имя Н. А.

Полеваго сдѣлалось запрещеннымъ для печати! Не нужно объяснять, что такое распоряженіе было не только несправедливо, притѣснительно, но и нелѣпо, потому что неисполнимо. Кто сталъ бы сомнѣваться въ истинѣ разсказываемаго мною событія, а очень естественно сомнѣваться въ истинѣ разсказа о такой нелѣпости, того прошу продолжать чтеніе этихъ «Записокъ». Доказательства встрѣтятся скоро.

Мы съ братомъ рѣшились заняться переводомъ и изданіемъ разныхъ книгъ, надѣясь такимъ образомъ съ пользою употребить свое время, оставшееся свободнымъ послѣ прекращенія «Московскаго Телеграфа». Этому могла способствовать небольшая книжная торговля, образовавшаяся при конторѣ «Московскаго Телеграфа», гдѣ продавались книги, принимавшіяся отъ издателей въ коммиссію, и, кромѣ того, покупались тѣ, которыя обѣщали значительный сбытъ. Такъ, напримѣръ, мы купили за наличныя деньги, разумѣется, съ уступкою, нѣсколько сотенъ экземпляровъ Исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина, и они были немедленно распроданы. Переименовавъ контору журнала въ книжную лавку, мы продолжали это дѣло, даже увеличивая его понемногу, то есть покупая для продажи всѣ лучшія книги. Оно было тѣмъ удобнѣе и легче для насъ, что для управленія нашею книжною торговлею былъ у насъ человѣкъ испытанной честности, благоразумный, дѣятельный, уже много лѣтъ, съ первой юности своей, бывшій своимъ и какъ бы роднымъ въ нашемъ домѣ. Это — извѣстный впослѣдствіи книгопродавецъ Петръ Алексѣевичъ Ратьковъ, сначала бывшій секретаремъ при журналѣ, а потомъ управляющимъ конторою его.

Николай Алексѣевичъ предоставилъ мнѣ ближайшій надзоръ за нашею книжною торговлею, которая производилась въ томъ же домѣ, гдѣ я жилъ, а самъ онъ искалъ себѣ занятій кабинетныхъ. Кипучая его дѣятельность не могла ограничиваться переводомъ какой нибудь книги, и онъ, придумывая разныя предпріятія, рѣшился начать изданіе, небывалое до тѣхъ поръ въ Россіи. Не за много лѣтъ прежде, въ Англіи и во Франціи начали появляться, такъ называемыя, иллюстрированныя изданія съ политипажами, т. е. съ рисунками, вырѣзываемыми на деревѣ. Рѣзьба на деревѣ несравненно дешевле рѣзьбы на мѣди или на стали, и съ деревянной гравированной доски можно оттиснуть тысячи рисунковъ; къ этому придумали еще снимать съ доски металлическое клише (или слѣпокъ), а клише можетъ дать почти неограниченное число рисунковъ, отчего оттиски дѣлаются чрезвычайно дешевы, и изданія съ такими рисунками могутъ продаваться почти по той же цѣнѣ какъ и изданія безъ рисунковъ. Собравъ свѣдѣнія обо всемъ этомъ, братъ мой рѣшился издавать періодически сборникъ съ политипажными рисунками, издавать выпусками, такъ что его нельзя

было признать журналомъ, хотя по образу выхода онъ походитъ на журналъ, и могъ быть издаваемъ на подписку. Подготовивъ все къ новому своему предпріятію, Николай Алексѣевичъ представилъ въ московскій цензурный комитетъ програму, гдѣ стояло въ заглавіи: «Живописное Обозрѣніе» и проч., издаваемое Николаемъ Полевымъ. Въ программѣ онъ объяснялъ планъ и цѣль своего изданія, упоминая также, что это книга, для удобства издаваемая выпусками. Онъ думалъ, что его не допустятъ печатать ее, потому что признаютъ періодическимъ изданіемъ, которое могло быть дозволено только съ высочайшаго разрѣшенія. Открылось совсѣмъ иное: цензурный комитетъ наотрѣзъ отказалъ въ дозволеніи издавать «Живописное Обозрѣніе», потому что въ заглавіи его должно было находиться имя Николая Полеваго, какъ издателя, а предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія было запрещено дозволять къ печатанію что бы то ни было съ этимъ именемъ. Напрасны были всѣ хлопоты отклонить такое неслыханное притѣсненіе. Цензурный комитетъ не рѣшался дать позволеніе на изданіе «Живописнаго Обозрѣнія» отъ имени Н. А. Полеваго, а если бы послалъ это дѣло на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія, то, конечно, получилъ бы въ отвѣтъ новое подтвержденіе прежняго его распоряженія объ опальномъ журналистѣ. Замѣтимъ, что г. министръ дѣйствовалъ не на основаніи какого-нибудь закона или судебнаго рѣшенія, а просто по собственному произволу. Братъ мой не былъ подъ судомъ, не былъ лишенъ никакихъ гражданскихъ правъ, даже не слыхалъ никакого оффиціальнаго приговора или осужденія за свой журналъ, а г. Уваровъ не былъ ни законодатель, ни судья. Но какъ могъ противиться его произвольнымъ распоряженіямъ братъ мой?

Принимая въ соображеніе стѣсненное свое положеніе, и не надѣясь ни на какой успѣхъ отъ борьбы съ сильнымъ гонителемъ, Николай Алексѣевичъ рѣшился издавать «Живописное Обозрѣніе» не отъ своего лица. Онъ былъ въ самыхъ пріятельскихъ сношеніяхъ съ г. Семэномъ, искуснымъ типографщикомъ и образованнымъ французскимъ книгопродавцемъ, у котораго нѣсколько лѣтъ печатался «Московскій Телеграфъ». Г. Семэнъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Франціею по своей типографіи и торговлѣ, и способствовалъ Николаю Алексѣевичу въ приготовленіяхъ къ «Живописному Обозрѣнію», принявъ на себя всѣ хлопоты по матеріальной и художественной части, за что долженъ былъ получать половину предполагаемаго дохода отъ изданія. Когда, по произволу Уварова, нельзя было издавать «Живописное Обозрѣніе» отъ имени Н. А. Полеваго, братъ мой передалъ всѣ права на него г. Семэну, ограничившись тѣмъ, что за редакцію этого изданія долженъ былъ получать условленную половину выгодъ. Вотъ отчего «Живописное Обозрѣніе» явилось съ именемъ г. Семэна, какъ

издателя, и появленіе изданія замедлилось до половины 1835 года. Но никакія затрудненія и стѣсненія не помѣшали успѣху «Живописнаго Обозрѣнія». Оно было первымъ въ Россіи иллюстрированнымъ изданіемъ, и хотя политипажныя гравюры были тогда вообще плохи, даже очень плохи, такъ что англійскій Penny Magazine и французскій Magasin Pittoresque, изъ которыхъ были заимствованы главнѣйшіе рисунки «Живописнаго Обозрѣнія», мало отличались отъ старинныхъ нашихъ лубочныхъ изданій, однако, публика встрѣтила ихъ какъ пріятную новость. Впослѣдствіи, глазъ нашъ привыкъ къ изящнымъ политипажнымъ рисункамъ, которые почти не хуже рисунковъ на мѣди; но тогда, я помню это, плохіе политипажи казались удовлетворительными, отчего они и имѣли такой громадный успѣхъ во всей Европѣ. Большое достоинство «Живописному Обозрѣнію» придавали статьи, наполнявшія его и писанныя Николаемъ Алексѣевичемъ, съ тѣмъ необыкновеннымъ тактомъ, какой показывалъ онъ во всѣхъ своихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Онѣ были совершенно по плечу нашей читающей публикѣ, хотя могли удовлетворять и самаго образованнаго читателя. Онъ избиралъ для нихъ рисунки любопытнѣйшихъ предметовъ природы, искусства, ремеслъ, портреты и памятники замѣчательныхъ людей, кстати помѣщалъ и современныя извѣстія; словомъ, придалъ своему сборнику почти занимательность журнала. Общее одобреніе было таково, что съ перваго же года «Живописное Обозрѣніе» стали выписывать въ большомъ числѣ экземпляровъ для учебныхъ заведеній, и самъ Уваровъ разрѣшилъ получать его въ разныхъ подвѣдомыхъ ему заведеніяхъ. Г. Семэнъ былъ знакомъ съ нимъ и представилъ ему свое изданіе, которое онъ и принялъ, какъ будто не зналъ, кто былъ душею этого изданія.

Между тѣмъ, братъ мой не могъ же не выставлять своего имени на нѣкоторыхъ, прежде начатыхъ имъ книгахъ, какъ-то на «Исторіи русскаго народа», которая, при появленіи своемъ, удостоилась Высочайшаго благоволенія. Онъ полагалъ, что такимъ образомъ постепенно смягчитъ онъ своими дѣйствіями упрямую жестокость министра народнаго просвѣщенія.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

1.

Письмо Сергѣя Николаевича Глинки.

Почтенный и любезный

Ксенофонтъ Алексѣевичъ!

Я жилъ и не жилъ въ Москвѣ. Извѣстно, что я не былъ около 25-ти лѣтъ ни въ театрѣ, ни въ клобахъ. Мѣстился въ кругу семейства и въ кругу добрыхъ друзей. Большая часть семейства со мною; друзья въ душѣ моей.

И такъ съ улицъ московскихъ, то есть изъ обители моихъ мечтаній, согнали меня крючкотворная ябеда и истома души: то есть— тяжба.

Я пишу теперь на французскомъ языкѣ: Considèrations sur la marche graduelle de la Rèvolution française. Двѣ главныя причины переворота французскаго суть: презрѣніе къ человѣчеству и недостатокъ ума и духа законодательнаго.

Вотъ нѣкоторыя свидѣтельства:

«La vie des hommes semble trop abandonnée au caprice».—L'anarchie féodale ne subsiste plus, et plusieurs de ses lois subsistent encore; ce qui met dans la législation française une confusion intolérable. (Voltaire).

«Je voudrais autant soumettre ma cause au premier passant qu'à des juges armés de leurs ordonnances nombreuse». Это сказалъ Монтаній. И Екатерина почти то же повторила въ Наказѣ (§ 107).

Въ надгробномъ словѣ президенту Ламоаньону, Флешье говоритъ: «Combien de fois a-t-il essayé de bannir du Palais ces lenteurs affectées, et ces détours presque infinis, que l'avarice a inventés a fin de faire durer des procès par les lois mêmes qu'on a faites pour les finir, et de profiter en même temps des dépouilles de celui qui perd, et de celui qui gagne sa cause»!

Вотъ что называютъ Юриспруденціей!..

«Les Romains, говоритъ Кондильякъ, ont eu le malheur de créer la jurisprudence, fausse science que les Grecs n'ont pas connus: (тутъ слѣдуетъ еще выписка, но такъ неразборчиво написанная, что почти невозможно прочитать ее вполнѣ; пропускаю ее).

«Dieu,—говоритъ Боссюэтъ,—veut-il faire des législateurs, il leur envoye son esprit de sagesse et de prévoyance, il leur fait prévenir les maux qui menacent les états, et poser les fondements de la tranquillité publique».

Привѣтствуя М. М. Сперанскаго съ Сводомъ Законовъ, я писалъ, что этотъ подвигъ вѣкомъ двинулъ впередъ Россію. Пусть Сводъ Законовъ сведетъ и сдружитъ правду и правоту, и пусть правда и правота выведутъ изъ Свода Законовъ то, что̀ Екатерина въ Наказѣ называетъ первымъ счастіемъ государства, то есть букварь узаконеній.

Нельзя не подивиться странности сердца человѣческаго! Когда я мечталъ, что по самоотверженію отъ всякой земной собственности, не буду никогда знать порога судовъ, тогда безпечнымъ окомъ смотрѣлъ на ябеду и на тяжбы, которыя вписали меня въ цехъ насильствователя, грабителя, и такъ далѣе. Этимъ всѣмъ честятъ меня въ доносѣ.

Но то же странное сердце любитъ и помнитъ васъ и всѣхъ вашихъ.

«Къ вамъ несется,
«Сердце рвется,
«Не уймется
«Васъ любить,
«Съ вами жить».

Salut et hommages à vous et à tous les vôtres.

Tout à vous S. Glinka.

19-го января 1835 года.
Смоленскъ.

2.

Выписка изъ книги: «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ» (Спб. 1836 года).

Перестрѣлка 14-го іюня 1829 года замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ прибылъ къ нашему корпусу въ день выступленія на Саганлугъ, и былъ обласканъ графомъ Эриванскимъ. Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долинѣ Инжа-Су, непріятель внезапно атаковалъ передовую цѣпь нашу, находившуюся подъ начальствомъ подполковника Басова. Поэтъ, въ первый разъ услышавъ около себя столь близкіе звуки войны, не могъ не уступить чувству энтузіазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ. Опытный маіоръ Семичевъ, посланный генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, столь свойственной новобранцу-воину, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противу непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ передъ собою незнакомаго героя въ круглой шапкѣ и въ буркѣ. Это былъ первый и послѣдній военный дебютъ любимца музъ на Кавказѣ. (Стр. 305-я (послѣдняя) 2-го тома).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Переводъ и изданіе Путешествія Дюмонъ-Дюрвиля.—Высочайшее благоволеніе императора Николая I, объявленное Николаю Алексѣевичу чрезъ графа А. Х. Бенкендорфа, за статью о памятникѣ Петра Великаго, напечатанную въ «Живописномъ Обозрѣніи».—Первая мысль о переводѣ Шекспировыхъ пьесъ для русской сцены.—Переводъ Гамлета.—Достоинства этого перевода и его чрезвычайная популярность.—Трудности постановки «Гамлета» на сценѣ.—Совмѣстная работа Н. А. Полеваго и Мочалова.—Заслуги Н. А. Полеваго для русской сцены и его чрезмѣрное безкорыстіе.—Причины его увлеченій сценою.—Мочаловъ въ Гамлетѣ.

Ограниченный кругъ литературной дѣятельности по изданію «Живописнаго Обозрѣнія» не могъ удовлетворять пылкаго и многосторонняго Николая Алексѣевича. Онъ занимался этимъ изданіемъ добросовѣстно, съ обычною своею любовью ко всякому литературному предпріятію, которое принималъ на себя, и успѣлъ образовать первое въ Россіи иллюстрированное періодическое изданіе, по образцу тогдашнихъ французскихъ и англійскихъ изданій того же рода. Оно, какъ уже я упоминалъ, чрезвычайно понравилось русской публикѣ и утвердилось на долго. Такимъ образомъ Николай Алексѣевичъ, между прочимъ, такъ сказать мимоходомъ, сдѣлалъ еще одно полезное нововведеніе въ нашей литературѣ, и можетъ быть названъ вчинателемъ иллюстрированныхъ изданій въ Россіи. Но полу-педагогическій характеръ «Живописнаго Обозрѣнія», которое, доставляя вообще пріятное и полезное чтеніе, предназначалось особенно для дѣтей, и много-много если для юношей и людей неученыхъ,—этотъ характеръ не давалъ довольно разгула воображенію и трудолюбію бывшаго издателя «Московскаго Телеграфа». Потому-то онъ, наполняя листы «Живописнаго Обозрѣнія», писалъ въ то же время повѣсти, романы, и началъ переводъ и изданіе извѣстнаго Путешествія Дюмонъ-Дюрвиля, думая, что эта книга будетъ для современнаго поколѣнія тѣмъ же, чѣмъ былъ для отцовъ нашихъ, да и для самого Николая Алексѣевича, Всемірный путешественникъ, составленный аббатомъ Дела-Портомъ и переведенный на русскій языкъ трудолюбивымъ писателемъ и умнымъ дипломатомъ Я. И. Булгаковымъ. Это предпріятіе моего брата оказалось очень неудачно. Во-первыхъ, въ то же время сталъ издавать другой переводъ той же самой книги г. Плюшаръ, славный книжный антрепренеръ, бывшій тогда въ большой силѣ, такъ что всѣ журналы только похваливали его предпріятія. Его петербургское изданіе

чрезвычайно помѣшало московскому изданію. Любопытно замѣтить, что съ тѣхъ поръ какъ началась издательская дѣятельность Смирдина, и почти всѣ лучшіе литераторы жили въ Петербургѣ, тамъ выходили самыя занимательныя, дѣльныя книги, тамъ легче были и всѣ литературныя предпріятія, при множествѣ лицъ, которыя готовы были способствовать имъ. Москва далеко отставала въ этомъ отношеніи отъ Петербурга, и, наконецъ, въ публикѣ образовалось мнѣніе, что только петербургскія книги хороши. Это доказывалось даже отзывами книгопродавцевъ и бродячихъ продавцевъ книгъ, которые охотнѣе покупали петербургскія книги, и дороже платили за нихъ, говоря: «Намъ вотъ чтò дорого», и указывая на магическое для нихъ въ заглавіи слово «С.-Петербургъ». При такомъ направленіи мнѣнія, трудно было моему брату соперничать съ изданіемъ Плюшара. Потому-то, напечатавъ нѣсколько томовъ своего Путешествія Дюрмона-Дюрвиля, онъ, съ большою уступкою, продалъ все свое изданіе книгопродавцу Улитину, и разсрочилъ полученіе денегъ въ дальніе сроки. Но не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, послѣ продажи книги, какъ Улитинъ прекратилъ платежи и предложилъ своимъ кредиторамъ сдѣлку. Это не только нанесло большой убытокъ Николаю Алексѣевичу, но и чрезвычайно стѣснило его. Начатое имъ предпріятіе погибло и не было кончено.

Стѣсненный со всѣхъ сторонъ, подъ гнетомъ долговъ, уже довольно значительныхъ, братъ мой изыскивалъ средства къ облегченію себя, но средства эти заключались въ его умѣ и его перѣ, а именно за нихъ-то Уваровъ умѣлъ представить его человѣкомъ опаснымъ, и подвергнулъ опалѣ и своему личному преслѣдованію. Первое облегченіе увидѣлъ опальный по одному неожиданному случаю, который долженъ я описать здѣсь въ знакъ признательности къ тѣмъ, кто были главными дѣйствователями при этомъ случаѣ. Изъ нихъ только одинъ остается въ живыхъ, [1]) и потому откровенность моя должна быть еще дозволительнѣе.

Императоръ Николай часто посѣщалъ Москву, и его почти всегда сопровождалъ графъ А. Х. Бенкендорфъ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, графъ спросилъ у состоявшаго при его канцеляріи чиновника, занимавшаго въ Москвѣ должность цензора періодическихъ изданій: «А что подѣлываетъ Полевой? какъ живетъ онъ?» Надобно замѣтить, что чиновникъ былъ за много лѣтъ прежде знакомъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ, но въ описываемое мною время они почти не видались. На вопросъ графа онъ отвѣчалъ: «Полевой завѣдываетъ редакціей небольшого періодическаго изданія: «Живописное Обозрѣніе», и пишетъ тамъ прекрасныя статьи». Бывшій при этомъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ свиты его величества Левъ Михайловичъ Цынскій, прибавилъ съ своей сто-

[1]) Писано въ 1865 году.

роны, что онъ, по обязанности наблюдая за всѣми поступками Николая Алексѣевича Полеваго, не можетъ сказать о немъ ничего, кромѣ добраго; Полевой живетъ тихо, скромно, трудится и рѣдко показывается въ обществѣ. «А что же это за журналъ, котораго редакторомъ Полевой?» спросилъ графъ Бенкендорфъ у своего чиновника (не называю его, потому что онъ здравствуетъ и въ настоящее время). Тотъ вынулъ изъ своего портфеля листки «Живописнаго Обозрѣнія» и, представляя ихъ графу, сказалъ: «Вотъ изданіе Полеваго. Прошу ваше сіятельство обратить вниманіе на статью: Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ, и вы согласитесь со мною, что нельзя писать благонамѣреннѣе и лучше». Графъ пробѣжалъ указанную ему статью, и она произвела на него такое благопріятное впечатлѣніе, что онъ воскликнулъ: «Я сейчасъ представлю это Государю Императору!» И съ листкомъ въ рукѣ онъ ушелъ во внутреннія комнаты дворца, а черезъ нѣсколько времени возвратился съ веселымъ лицомъ и сказалъ своему чиновнику: «Государь Императоръ чрезвычайно доволенъ статьею о Петрѣ Великомъ, и поручилъ мнѣ изъявить свое благоволеніе за нее автору. Отправьте же сейчасъ фельдъегеря, съ приказаніемъ къ Полевому, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ ко мнѣ. Надобно порадовать его!» Добрый чиновникъ замѣтилъ графу, что внезапный пріѣздъ фельдъегеря, съ приказаніемъ явиться къ шефу жандармовъ, можетъ встревожить Николая Алексѣевича Полеваго, и еще больше испугать его семейство. «Позвольте, ваше сіятельство,—прибавилъ онъ,—мнѣ самому отправиться къ Полевому и предупредить его, что онъ явится къ вамъ для счастливой вѣсти».—Спасибо вамъ, что вы вздумали объ этомъ,—отвѣчалъ графъ Бенкендорфъ. Съ Богомъ, отправляйтесь.

Кто не согласится, что эта сцена дѣлаетъ величайшую честь доброму сердцу графа Бенкендорфа и показываетъ благородство, съ какимъ онъ отправлялъ трудную свою должность. Дѣйствія добраго его чиновника не нуждаются въ похвалахъ и говорятъ сами за себя. Онъ съ радостнымъ лицомъ пріѣхалъ къ Николаю Алексѣевичу, намекнулъ ему о доброй вѣсти и привезъ его къ графу Бенкендорфу, который объявилъ ему высочайшее благоволеніе и объяснилъ, что Государь готовъ поощрять его во всѣхъ полезныхъ трудахъ. Послѣ разговора съ графомъ Бенкендорфомъ, братъ мой поуспокоился за свою будущность, видя или полагая, по крайней мѣрѣ, что противъ него нѣтъ постояннаго, неумолимаго предубѣжденія, и что гоненіе отъ Уварова было слѣдствіемъ личнаго озлобленія на неугомоннаго писателя.

Во всѣхъ послѣдующихъ сношеніяхъ своихъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ, графъ Бенкендорфъ дѣйствовалъ съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ къ нему, и даже когда случалось ему (и не одинъ разъ послѣ этого) дѣлать выговоры неосторожному писателю,

онъ старался щадить и ободрять въ немъ человѣка. Странное противорѣчіе въ поступкахъ двухъ сильныхъ тогда людей! Тотъ, кто, по назначенію своему, могъ преслѣдовать литератора, всячески облегчалъ его и старался вывесть изъ опалы, тогда какъ другой, по званію своему покровитель и защитникъ всѣхъ литераторовъ, преслѣдовалъ невиноватаго ни въ чемъ и игралъ въ отношеніи къ нему роль инквизитора. Потому-то братъ мой очень справедливо сказалъ, однажды, что «полиція обходится съ нимъ какъ министръ просвѣщенія, а дѣйствительный министръ просвѣщенія какъ полиція».

Еще во время изданія «Московскаго Телеграфа», Николай Алексѣевичъ имѣлъ мысль перевести одну изъ драмъ Шекспира и поставить ее на сцену, въ полномъ убѣжденіи, что это воскресить и нашу публику и актеровъ, которые чувствовали неудовлетворительность современнаго репертуара. И актеры, и публика скучали, но продолжали довольствоваться пошлыми комедіями и водевилями, которые ввелъ въ моду А. Писаревъ. Однообразіе репертуара нарушалось иногда чудовищными мелодрамами или нелѣпыми передѣлками знаменитыхъ драмъ. Никому и въ мысль не приходило, какъ измѣнить такое жалкое состояніе театра. И литераторы, и актеры были увѣрены, что сочиненія Шекспира писаны не для нашего времени, не годятся для сцены и не могутъ имѣть успѣха передъ нашею публикою. Братъ мой думалъ совсѣмъ иначе, часто говаривалъ мнѣ объ этомъ и жалѣлъ, что не имѣетъ досуга заняться переводомъ Шекспировой драмы. Въ 1835 году, хотя также занятый множествомъ литературныхъ работъ, онъ сталъ о т д ы х а т ь иногда за переводомъ Шекспира (это собственное его выраженіе). Для перевода избралъ онъ **Г а м л е т а**, конечно, самую глубокомысленную изъ драмъ великаго британскаго поэта, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли не самую богатую живыми, потрясающими душу, сценами и безсмертными изреченіями. Выборъ этой пьесы для перевода показываетъ необыкновенную проницательность Николая Алексѣевича. Какъ хорошо зналъ онъ, что̀ нужно было нашей публикѣ, и чѣмъ можно было вызвать ее къ невѣдомому ей до тѣхъ поръ эстетическому наслажденію! Какую ни избралъ бы онъ другую изъ пьесъ Шекспира для перваго знакомства съ нимъ нашей публики, успѣхъ едва ли увѣнчалъ бы предпріятіе? Другія пьесы Шекспира не представляютъ такого разнообразія подробностей, какъ **Г а м л е т ъ**, и подчиняютъ зрителя какому нибудь одному глубокому ощущенію; а тогдашняя публика наша еще не могла увлечься этимъ. Въ **Г а м л е т ѣ**, если она и не понимала основной мысли автора, то увлекалась общимъ ходомъ, чудеснымъ разнообразіемъ и силою почти каждаго явленія. Самая оригинальность содержанія этой великой драмы, таинственный, не всякому доступный характеръ главнаго лица, въ которомъ Шек-

спиръ вовсе не думалъ выставить героя, все тутъ было такъ ново, поразительно, полно жизни, что публика не могла остаться равнодушною при такой пьесѣ. Николай Алексѣевичъ одинъ за всѣхъ сообразилъ это и, наконецъ, съ необыкновенною своею пылкостью занялся новымъ для него самого трудомъ. Я уже не разъ упоминалъ, что онъ почти съ равною легкостью писалъ стихами и прозой; но борьба съ Шекспиромъ и самый родъ стиховъ его представляли много трудностей для переводчика. За всѣмъ тѣмъ, онъ исполнилъ свое дѣло совершенно удовлетворительно, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ успѣхъ, необычайный, продолжительный и постоянный, какимъ была награждена смѣлая его попытка. Могутъ перевести Гамлета гораздо лучше и ближе, нежели перевелъ его братъ мой, но достоинство его перевода можетъ отрицать только пристрастная критика. Многія мѣста этого перевода прекрасны, и вообще онъ написанъ въ томъ характерѣ и тонѣ, какими отличается подлинникъ, что и способствовало его успѣху. Очень хорошій переводъ той же пьесы, еще прежде исполненный Вронченкомъ, больше всего страдаетъ тѣмъ, что онъ не въ духѣ подлинника и не передаетъ разнообразія его тоновъ и оттѣнковъ. Но Шекспировы лица въ переводѣ Полеваго говорятъ такъ, какъ должны они говорить сообразно своему характеру и намѣренію автора. Вотъ чтò дало успѣхъ переводу моего брата и въ сценическомъ представленіи, и въ обыкновенномъ чтеніи. Враги его желчно повторяли, что въ этомъ переводѣ есть ошибки, неточности, неудачныя передѣлки. Можетъ быть; но общность выкупаетъ мелкіе недостатки, неизбѣжные во всякомъ трудѣ. Въ безсильной злости старались представить смѣшными нѣкоторыя выраженія того же перевода, сдѣлавшіяся общенародными поговорками, напримѣръ—за человѣка страшно! Что ему Гекуба! и еще другія. Но это выраженія прекрасныя, сильныя, правильныя, которые недаромъ сдѣлались популярными. Смѣшны тѣ, которые смѣются надъ ними.

Переводъ былъ конченъ, но предстояла еще великая трудность—поставить его на сцену. Николай Алексѣевичъ призвалъ къ себѣ актера Мочалова и предложилъ ему свой переводъ даромъ для представленія въ его бенефисъ. Мочаловъ былъ актеръ съ дарованіемъ, съ сильнымъ чувствомъ, но человѣкъ грубый, необразованный, неспособный собственными силами понимать Шекспира, потому что былъ совершенный невѣжда, и начитанность его ограничивалась ролями, которыхъ игралъ онъ безчисленное множество. При первомъ предложеніи моего брата, онъ попятился, почти испугался и сталъ повторять общее тогда мнѣніе, что Шекспиръ не годится для русской сцены. Братъ мой старался объяснить ему, что онъ ошибается, польстилъ успѣхомъ самолюбію его, которое было неизмѣримо, прочиталъ съ нимъ Гамлета и отдалъ ему свою рукопись для изученія. Черезъ нѣсколько времени Мочаловъ явился

къ нему, сталъ декламировать нѣкоторые монологи Гамлета, и братъ мой увидѣлъ, что онъ вовсе не понимаетъ назначаемой ему роли. Братъ толковалъ ему, что тутъ надобно не декламировать, не бѣсноваться, а объяснять мысль и чувство, вложенныя авторомъ въ слова. Онъ самъ началъ прочитывать ему каждое явленіе, со всѣми возможными комментаріями, выслушивалъ его чтеніе, поправлялъ, указывалъ, что̀ и какъ должно быть произнесено и, наконецъ, пробудилъ въ этомъ даровитомъ человѣкѣ чувство и сознаніе. Мочаловъ, артистъ неподдѣльный, охотно приходилъ къ нему совѣтоваться во всемъ, касательно роли Гамлета, и слѣдовалъ его совѣтамъ, конечно, потому, что находилъ отголосокъ имъ въ своей душѣ. Все лѣто 1836 года занимался такимъ образомъ Николай Алексѣевичъ съ Мочаловымъ и, наконецъ, былъ доволенъ имъ, обѣщая ему блистательный успѣхъ. Принятіе Гамлета на сцену не могло встрѣтить препятствій, потому что директоромъ московскаго театра былъ добродушный Загоскинъ, тогда искренній пріятель Николая Алексѣевича, а душою театральнаго управленія былъ Алексѣй Николаевичъ Верстовскій, самъ художникъ и образованный цѣнитель изящнаго. Онъ также находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ братомъ и много способствовалъ хорошей постановкѣ пьесы на сценѣ. Роль Гамлета занималъ Мочаловъ, Полонія—г. Щепкинъ, роль Офеліи занимала г-жа Орлова, а королевы, матери Гамлета — г-жа Львова-Синецкая. Всѣ они были хороши въ своихъ роляхъ, а особливо трое первые. Второстепенныя лица также нашли себѣ хорошихъ представителей; напримѣръ, роль могильщика-говоруна отлично представлялъ г. Орловъ. Николай Алексѣевичъ присутствовалъ на нѣсколькихъ репетиціяхъ и былъ полезенъ своими совѣтами всѣмъ этимъ даровитымъ артистамъ и общности ихъ игры. Кромѣ того, что онъ вполнѣ понималъ Шекспира, онъ превосходно читалъ и могъ дать хорошій совѣтъ и примѣръ тѣмъ, кто произносилъ неправильно, ложно какую нибудь рѣчь, или не понималъ чувства, которое должно было одушевлять дѣйствующее лицо. Наконецъ, пьеса была слажена для представленія, и бенефисъ Мочалова назначенъ, кажется, въ февралѣ 1837 года[1]). Это было достопамятное событіе и для моего брата, и для будущности русской сцены. Отъ успѣха или неуспѣха зависѣла новая дѣятельность бывшаго журналиста и новая жизнь драматическаго искусства въ Россіи.

Я былъ на первомъ представленіи русскаго Гамлета и помню впечатлѣнія, какія испытывала публика, наполнявшая театръ. Пер-

---

[1]) Первое представленіе Гамлета на московской сценѣ происходило 22-го января 1837 года. Въ дневникѣ Н. А. Полеваго находимъ объ этомъ упоминаніе въ слѣдующихъ словахъ: «Давали на театрѣ Гамлета. Поутру послѣдняя репетиція». И далѣе, подъ 27-мъ января: «2-е представленіе Гамлета. Не поѣхалъ, и смотрѣлъ танцы дѣтей». П. П.

выя сцены, особливо та, гдѣ является тѣнь Гамлетова отца, были непонятны и какъ бы дики для зрителей; но когда начались чудесные монологи Гамлета, одушевленные дарованіемъ Мочалова, и превосходныя, вѣчно-оригинальныя сцены, гдѣ Гамлетъ выступаетъ на первый планъ, поражая зрителя неожиданностью и глубиной своихъ чувствованій, публика вполнѣ предалась очарованію великаго творенія и сочувствовала всѣмъ красотамъ, такъ щедро разсыпаннымъ въ этой дивной пьесѣ. Рукоплесканіямъ, вызовамъ не было конца, и переводчикъ увидѣлъ все сочувствіе, всю признательность къ нему публики. Почти то же повторилось и на Петербургской сценѣ, гдѣ вскорѣ былъ поставленъ переводъ Николая Алексѣевича, и гдѣ роль Гамлета занималъ В. А. Каратыгинъ. Это послѣднее обстоятельство служитъ лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ вѣчныхъ порицателей Николая Алексѣевича, которые утверждали, что успѣхъ Гамлета зависѣлъ отъ игры Мочалова. Въ Петербургѣ занималъ главную роль Каратыгинъ и исполнилъ ее совсѣмъ иначе, нежели Мочаловъ; однако успѣхъ былъ не меньше, оттого, что главная причина этого успѣха заключалась въ самой пьесѣ и почти въ каждой роли, которыя даже при посредственной игрѣ производятъ удивительное дѣйствіе. При хорошемъ исполненіи, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, Гамлетъ не могъ не имѣть великаго успѣха, потому что открывалъ и публикѣ, и хорошимъ актерамъ новый міръ. Нельзя не сознаться, что тотъ, кто первый усвоилъ русской сценѣ Шекспира, оказалъ великую услугу сценическому искусству въ Россіи.

Объясненіемъ этой заслуги я желаю подтвердить ту мысль, которая находится въ основаніи моихъ «Записокъ» о Н. А. Полевомъ: онъ былъ передовой человѣкъ въ нашей литературѣ, начинатель всякаго успѣха, бывшаго на очереди. Нельзя отрицать событій, и потому нельзя не согласиться, что онъ былъ преобразователемъ многихъ отраслей нашей литературы, и успѣхи его въ этомъ происходили оттого, что онъ глядѣлъ на все свѣтлымъ взглядомъ, видѣлъ то, чего не видали другіе, а при неусыпной дѣятельности своей безпрерывно стремился къ новымъ успѣхамъ. Проложивъ дорогу въ одномъ направленіи, онъ начиналъ работать въ другомъ и за каждое предпріятіе принимался со всѣмъ увлеченіемъ своей пылкой души. Несомнѣнныя его дарованія помогали ему въ этомъ.

Всеобщій, неоспоримый успѣхъ Гамлета, доставилъ Николаю Алексѣевичу новую, громкую извѣстность, и въ то же время глубокое уваженіе артистовъ. Онъ вошелъ въ этотъ новый для него міръ и, восхваляемый со всѣхъ сторонъ, началъ почти тотчасъ писать большую драму собственнаго своего сочиненія: Уголино. Черезъ годъ она была представлена, и успѣхъ ея былъ также блистателенъ, хотя она не имѣла никакихъ достоинствъ, кромѣ сценическихъ эффектовъ и нѣсколькихъ великолѣпныхъ тирадъ. Станемъ ли

удивляться послѣ этого, что обольщенный успѣхомъ авторъ, увлекся драматическимъ поприщемъ и поставилъ на сцену цѣлый рядъ театральныхъ пьесъ, удачныхъ и неудачныхъ, но долго поддерживавшихъ русскую сцену? Сценическіе успѣхи обольстительны; трудно защититься отъ увлеченія ими и самому несамолюбивому автору; а въ Николаѣ Алексѣевичѣ было много самолюбія именно такого рода, которое любитъ блескъ и громъ. Иногда онъ жертвовалъ ему всѣми другими соображеніями, какъ случилось, къ сожалѣнію, и съ его дѣятельностью для театра. Мы увидимъ это въ постепенномъ описаніи дальнѣйшихъ годовъ его жизни. Я не нахожу ничего похвальнаго въ томъ, что онъ не воспользовался блистательными и нежданными своими театральными успѣхами для пособія своему стѣсненному положенію. Какъ первую, такъ и слѣдующія пьесы свои, онъ дарилъ на бенефисы актерамъ и актрисамъ; а между тѣмъ, почти каждая пьеса его выдерживала безчисленныя представленія, и это составило бы значительный доходъ для автора. Извѣстно, что у насъ пьеса, представленная въ бенефисъ актера или актрисы, дѣлается достояніемъ театральной дирекціи, и уже не даетъ никакого вознагражденія автору или переводчику. Какой же суммы дохода лишился Николай Алексѣевичъ отъ этихъ дарствованій г.г. артистамъ? Можетъ быть, мнѣ случится упомянуть и о томъ, какою благодарностью отплатили ему нѣкоторые изъ нихъ! Здѣсь замѣчу только, что, не хваля неумѣстнаго великодушія моего брата, я вижу въ этомъ новое доказательство, какъ мало думалъ онъ о денежныхъ своихъ выгодахъ. А враги прославляли его корыстолюбцемъ. Хорошъ корыстолюбецъ, не умѣвшій соблюдать собственныхъ своихъ законныхъ выгодъ!

II.

Уваженіе молодежи къ Николаю Алексѣевичу. — Его знакомство съ Бѣлинскимъ.—Смирдинъ предлагаетъ Н. А. Полевому редактированіе «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества». — Передача московскихъ дѣлъ брату и сборы въ Петербургъ.—Рабусъ и Верстовскій.— Проводы Николая Алексѣевича.— Бѣдственное положеніе Бѣлинскаго и его недовольство Н. А. Полевымъ. — Мочаловъ и «Уголино».

Образъ жизни Николая Алексѣевича и послѣ прекращенія «Телеграфа» не измѣнился ни въ чемъ. Попрежнему онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ съ утра до вечера, принималъ добрыхъ пріятелей, оставшихся ему вѣрными, и находилъ отдыхъ и утѣшеніе въ своемъ семействѣ. Молодые ученые и литераторы почитали за долгъ являться къ нему съ выраженіемъ своего уваженія. Къ числу ихъ принадлежали молодые люди, готовившіеся въ Дерптскомъ пе-

дагогическомъ институтѣ къ занятію каѳедръ въ русскихъ университетахъ. Еще изъ Дерпта прислали они моему брату печатныя свои диссертаціи, съ самыми лестными для него надписями. Эти книжки и до сихъ поръ сохранились. Пріѣзжавшіе для занятія каѳедръ въ Московскомъ университетѣ, гг. Рѣдкинъ, Крюковъ и нѣкоторые другіе являлись къ Николаю Алексѣевичу и потомъ посѣщали его, покуда онъ оставался въ Москвѣ. Нѣтъ надобности пояснять, что такіе знаки уваженія благородныхъ молодыхъ людей были истиннымъ вознагражденіемъ человѣку, посвятившему жизнь свою на пользу русскаго просвѣщенія.

Къ этому времени относится знакомство Николая Алексѣевича съ Бѣлинскимъ [1]), который былъ нѣсколько лѣтъ жаркимъ его поклонникомъ, а потомъ—озлобленнымъ, непримиримымъ врагомъ. Я не знаю первоначальной жизни Бѣлинскаго; знаю только, что онъ былъ въ положеніи самомъ невыгодномъ, даже бѣдственномъ, когда началъ свое литературное поприще критическими статейками въ журналахъ Надеждина. Отчасти онъ самъ былъ причиною своего печальнаго положенія: не уживался ни съ кѣмъ, былъ вспыльчивъ, задоренъ и самолюбивъ до невообразимой степени. Подтвержденіемъ этого служитъ та исторія, которая заставила его выйдти изъ университета. Онъ написалъ какую-то часть русской грамматики, признавая, что всѣ писавшіе до него объ этомъ предметѣ, ничего не смыслили. Съ рукописью своего опыта грамматики явился Бѣлинскій къ тогдашнему попечителю Московскаго университета, графу С. Г. Строгонову, и сталъ объяснять ему, что онъ много трудился надъ грамматикой, открылъ въ ней новые законы, и представляетъ г. попечителю часть своего труда. Просвѣщенный, искренній покровитель всякаго любознательнаго стремленія, особливо въ студентахъ подвѣдомаго ему университета, графъ С. Г. Строгоновъ принялъ рукопись Бѣлинскаго очень благосклонно, и сказалъ, что отдастъ разсмотрѣть ее свѣдущимъ людямъ. Когда, черезъ нѣсколько времени, Бѣлинскій явился узнать объ участи своего труда, графъ Строгоновъ возвратилъ ему рукопись его, исписанную замѣчаніями довольно колкими, насмѣшливыми и сказалъ, что приговоръ людей ученыхъ неблагосклоненъ къ этому дѣтскому, поверхностному труду; что онъ даже удивляется, какъ Бѣлинскій вздумалъ представить ему свой легкій опытъ за нѣчто образцовое. Бѣлинскій отвѣчалъ на этотъ отзывъ такъ, что уже не могъ болѣе оставаться въ университетѣ, и бѣдствовалъ, находясь нѣсколько времени гувернеромъ при воспитанникахъ у г. Погодина, а потомъ сдѣлался сотрудникомъ Надеждина, который платилъ ему бездѣлицы за многорѣчивыя его статьи. Но въ этихъ

---

[1]) Въ Дневникѣ Николая Алексѣевича Полеваго, уже въ самомъ началѣ 1837 года, о Бѣлинскомъ упоминается, какъ о близкомъ человѣкѣ. П. П.

статьяхъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, была искренняя любовь къ просвѣщенію, были и мысли иногда очень вѣрныя, всегда смѣлыя, словомъ, въ нихъ виденъ былъ тотъ Бѣлинскій, который разросся впослѣдствіи до необыкновенныхъ размѣровъ въ хорошемъ, и въ дикомъ, нелѣпомъ. Опытный взглядъ Николая Алексѣевича угадалъ это въ первыхъ попыткахъ Бѣлинскаго, котораго тогда же назвалъ онъ нелѣпымъ; но, всегда цѣня любовь къ просвѣщенію и юношескій жаръ въ стремленіи къ лучшему, онъ приблизилъ его къ себѣ, любилъ бесѣдовать съ нимъ, познакомилъ его со мною, и вскорѣ Бѣлинскій сдѣлался постояннымъ гостемъ у брата моего и у меня. Эта пріязнь была совершенно безкорыстною какъ съ нашей, такъ и съ его стороны. Братъ мой, самъ опальный литераторъ, не могъ покровительствовать ему ни въ чемъ; а Бѣлинскій, безвѣстный юноша, не могъ оказать ему никакой услуги. Мы видѣли въ немъ только добродушную искренность и благородную пылкость во всѣхъ его стремленіяхъ; онъ, съ своей стороны, выражалъ намъ свои жалобы, свои сѣтованія на людей, на ихъ испорченность, пошлость и, конечно, находилъ утѣшеніе въ бесѣдѣ съ тѣми, кому такъ искренно открывалъ свою душу. Самолюбіе его еще не было затронуто.

Вскорѣ представился моему брату случай измѣнить свое положеніе къ лучшему, какъ полагалъ онъ, и, не задумываясь ни мало, онъ рѣшился на это. Дѣятельный, прославившійся своими книжными, почти всегда счастливыми предпріятіями, А. Ф. Смирдинъ задумалъ новое большое предпріятіе. Онъ согласилъ издателей «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» передать ему на условленное время изданіе ихъ газеты и журнала, съ правомъ пригласить для редакціи обоихъ изданій Н. А. Полеваго, который изъявилъ на то свое согласіе. Для разсказа моего важны не подробности условій этого предпріятія, а одно то, что братъ мой рѣшился переселиться въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы принять на себя главную, какъ онъ полагалъ, редакцію двухъ большихъ изданій. Онъ объявилъ мнѣ объ этомъ, когда договоръ его съ Смирдинымъ былъ уже конченъ. Смирдинъ обезпечивалъ ему большія выгоды, а на издержки переселенія и уплату нѣкоторыхъ нетерпящихъ долговъ выдавалъ впередъ 20,000 рублей ассигнаціями, правда, не наличными деньгами, а своими векселями, которые принимались тогда всѣми процентерами какъ чистыя деньги. Человѣкъ осторожный задумался бы надъ этими блестящими предложеніями, соединенными съ такимъ сцѣпленіемъ разныхъ обстоятельствъ и отношеній, изъ которыхъ каждое, при неудачѣ, могло разстроить все предпріятіе и поставить Николая Алексѣевича въ бѣдственное положеніе (какъ это и случилось!); между тѣмъ онъ разрывалъ всѣ прежнія связи, лишался хоть маленькихъ средствъ и поддержекъ въ Москвѣ, и переселялся въ Петербургъ, гдѣ на всѣхъ путяхъ множество со-

стязающихся, гдѣ, по русской поговоркѣ, на обухѣ рожь молотятъ. Однимъ изъ величайшихъ неудобствъ новаго его положенія было то, что онъ долженъ былъ часто сталкиваться съ Булгаринымъ, который оставался непремѣннымъ участникомъ въ «Сѣверной Пчелѣ», и хотя братъ мой еще не зналъ его такъ, какъ узналъ впослѣдствіи, однако, имѣлъ много случаевъ удостовѣриться, что это былъ человѣкъ капризный, взбалмошный, готовый всѣмъ пожертвовать своему мелкому самолюбію—и корысти, какъ оказалось послѣ.

Другая опасность грозила брату моему въ лицѣ неумолимаго преслѣдователя его, министра Уварова, который, своимъ вліяніемъ, могъ препятствовать ему во всемъ, дѣлать разныя непріятности и воспользоваться какою нибудь его неосторожностью, чтобы совершенно раздавить его. Но братъ еще вѣрилъ, что правота его могла обезоружить сильнаго врага. Наконецъ, самъ Смирдинъ, честный, добрый, готовый на все хорошее, былъ человѣкъ пустой, слабый со многихъ сторонъ, и главное — загадочный, какъ купецъ. Братъ мой, конечно, зналъ, что Смирдинъ не имѣлъ почти никакого капитала въ своей торговлѣ, развелъ огромныя дѣла на кредитъ, и отъ перваго удара могъ пошатнуться. Но зная это, могъ-ли онъ предполагать, что предпріятія Смирдина будутъ всегда удачны, а при неудачѣ могъ ли надѣяться, что этотъ добрый человѣкъ поддержитъ его, когда самъ очутится въ тискахъ? Всѣ эти соображенія могли бы придти въ голову кого нибудь другого, но не моего брата, довѣрчиваго до легкомыслія, легко увлекавшагося и ослѣпленнаго новымъ, обширнымъ поприщемъ литературной дѣятельности. Денежныя выгоды казались ему второстепеннымъ обстоятельствомъ; главнымъ для него было то, что онъ опять будетъ дѣйствовать какъ журналистъ. Я передалъ ему кой-какія свои соображенія, но увидѣлъ, что это былъ тщетный трудъ. Онъ мечталъ, что успѣетъ устроить свои отношенія и поправить стѣсненныя обстоятельства. Оставалось пожелать ему возможнаго успѣха и способствовать, чѣмъ я могъ, въ его дѣлахъ.

Онъ былъ долженъ въ Москвѣ значительныя суммы и, что̀ еще хуже—долженъ ростовщикамъ, то есть людямъ, которые даютъ деньги не меньше, какъ за 12 процентовъ. При такихъ чудовищныхъ процентахъ ожидаетъ заемщика неминуемая гибель, если какой нибудь счастливый оборотъ не пособитъ ему собрать въ короткое время сумму для платежа окончательнаго. Братъ мой разсчитывалъ и надѣялся, что въ новомъ положеніи ему удастся это. На платежъ ближайшихъ долговъ своихъ онъ оставлялъ мнѣ нѣсколько векселей, передавалъ принадлежавшія ему изданія и обѣщалъ, что если бы мнѣ случилось произвести за него какой-либо платежъ своими деньгами, то онъ возвратитъ ихъ при первой возможности. Я могъ взяться за это, потому что нѣсколько удачныхъ

изданій книгъ доставили мнѣ капиталъ, хотя небольшой: сверхъ того, книжная торговля, родившаяся изъ бывшей конторы «Московскаго Телеграфа», шла очень успѣшно, такъ что у меня была оборотная сумма. Разумѣется, что основаніемъ такихъ отношеній служила наша беззавѣтная, безкорыстная дружба, — которая не знаетъ разсчетовъ. Я готовъ былъ сдѣлать для моего брата все что̀ только могъ, такъ же какъ онъ дѣлалъ для меня все, что̀ было въ его возможности. Мы не думали о томъ, кто кому изъ насъ останется долженъ, а разсчитывали только, какъ бы пособить другъ другу въ случаѣ нужды. Словомъ, я обѣщалъ ему успокоивать и облегчать его въ Москвѣ, а онъ обѣщалъ способствовать мнѣ въ Петербургѣ всѣмъ, чѣмъ и гдѣ только могъ. Съ горькою улыбкою вспоминаю, что, говоря о долгахъ, о векселяхъ, о деньгахъ, мы прилагали къ нимъ презрительные эпитеты, жалѣли о людяхъ, которые только ими занимаютъ свою жизнь, и смѣялись, довѣрчиво утѣшая себя, что скоро избавимся отъ такихъ отношеній съ людьми. Мы еще не испытали на себѣ, какъ трудно избавиться отъ гидры, называемой долгами!.. Если книгу мою будутъ читать молодые люди, вступающіе на поприще жизни, умоляю ихъ, для счастія въ жизни, не входить ни въ какіе, даже малѣйшіе долги. Лучше ѣсть черный хлѣбъ, испытать голодъ, холодъ, всякое стѣсненіе, чѣмъ занимать деньги, не имѣя вѣрнаго фонда для уплаты ихъ. Тотъ долженъ на вѣкъ проститься съ спокойствіемъ и свободой, кто дѣлается должникомъ ростовщиковъ.

Но мы съ братомъ не знали этихъ горькихъ истинъ и вполнѣ были увѣрены, что избавимся отъ крайняго стѣсненія дѣятельностью, трудомъ, терпѣніемъ. Я не очень вѣрилъ петербургскимъ его надеждамъ, но былъ увѣренъ въ немъ, зналъ его неизмѣнимое никакими случайностями благородство, его умъ, неистощимый въ средствахъ, и не думалъ только объ одномъ, что онъ самъ могъ очутиться въ положеніи неисходномъ! Что значатъ воля и самая геройская рѣшимость передъ всемогущими обстоятельствами?

Братъ передалъ мнѣ редакцію «Живописнаго Обозрѣнія», потому что, переселяясь въ другой городъ, не могъ больше заниматься ею. Я поддержалъ это изданіе и занимался имъ нѣсколько лѣтъ, раздѣляя выгоды съ издателемъ, г-мъ Семэномъ, человѣкомъ пріятнымъ во всѣхъ сношеніяхъ. Оно служило мнѣ поддержкою и въ собственныхъ моихъ дѣлахъ, и въ обязательствахъ моего брата. Лѣтомъ 1837 года Николай Алексѣевичъ отправилъ свою жену и часть своего семейства въ Ревель для поправленія здоровья морскими купаньями; съ остальными дѣтьми онъ жилъ до осени въ скромной своей квартирѣ (подъ Новинскимъ, во флигелѣ дома Сафонова). Эти мѣсяцы оставили пріятное воспоминаніе въ моей жизни. Братъ мой, полу-одинокій, чаще обыкновеннаго видался со мною, и иногда проводилъ цѣлые дни со мною и моимъ

семействомъ, на дачѣ, а его сообщество въ искреннемъ кругу заключало въ себѣ прелесть неизъяснимую. Всѣмъ извѣстенъ его умъ; но только ближайшіе къ нему люди могли судить, до какой степени этотъ умъ, обогащенный самой обширной начитанностью и основательнымъ изученіемъ многихъ предметовъ, былъ пріятенъ и, можно сказать, обаятеленъ. Онъ примѣнялся ко всѣмъ предметамъ, ко всѣмъ положеніямъ, къ самымъ разнообразнымъ лицамъ. Равно способный разговаривать съ первостепеннымъ ученымъ о его предметѣ и весело шутить съ ребенкомъ, Николай Алексѣевичъ умѣлъ придать всему форму образованности, и былъ такъ же уменъ въ сужденіяхъ о предметахъ науки, какъ и въ пріятной болтовнѣ съ умною женщиною. Замѣчу мимоходомъ, что онъ былъ особеннымъ любимцемъ женщинъ, которыя находили въ его бесѣдѣ остроуміе и пріятную, легкую, оригинальную игру воображенія, придававшую разговору поэтическій оттѣнокъ. Въ самой веселости его всегда проглядывала грусть—свойство многихъ необыкновенныхъ людей; но онъ умѣлъ шутить и предаваться радости, какъ бы подавляя неисцѣлимую грусть своей души. Сколько жизни и силы было въ его мечтахъ о совершенствованіи и счастіи человѣчества! Сколько любви къ изящному и ко всѣмъ поэтамъ и художникамъ! Сколько идей и порывовъ благородныхъ, прекрасныхъ, чистыхъ! Къ сожалѣнію, онъ только немногое могъ осуществить своею дѣятельностью и постояннымъ трудомъ,—но счастливъ и тотъ, кто можетъ сдѣлать столько же, какъ онъ успѣлъ сдѣлать въ непродолжительную свою жизнь!

Бесѣды наши разнообразились иногда присутствіемъ немногихъ искреннихъ знакомыхъ. Въ это время особенно сблизился съ нами академикъ Карлъ Ивановичъ Рабусъ, хорошій ландшафтный живописецъ, образованный художникъ и чрезвычайно любезный человѣкъ. Нѣмецъ по происхожденію, малороссіянинъ по воспитанію, онъ соединялъ въ себѣ хорошія качества того и другого народа. Продолжительное путешествіе по Греціи и Германіи, ученіе въ Академіи Художествъ, оригинальныя черты малороссіянъ, все служило предметомъ для его остроумныхъ разсказовъ и сужденій. Онъ вынесъ теплую душу изъ разныхъ испытаній жизни и отличался дѣтскимъ простодушіемъ въ обращеніи; но когда рѣчь касалась искусства, въ немъ видна была душа художника. Этотъ необыкновенный человѣкъ умеръ слишкомъ рано. Воспоминаніе о немъ не умретъ для его друзей.

Николай Алексѣевичъ находилъ истинное наслажденіе въ дружескихъ сношеніяхъ съ другимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, Алексѣемъ Николаевичемъ Верстовскимъ, въ которомъ столько же любилъ и уважалъ онъ блестящее его дарованіе и глубокія познанія въ музыкѣ, сколько пылкую, поэтическую его душу. Притомъ рѣдко можно встрѣтить человѣка столь оригинально-остроумнаго!

Все это вмѣстѣ привязывало Николая Алексѣевича къ Алексѣю Николаевичу Верстовскому, и онъ очень часто видѣлся съ нимъ въ послѣдніе мѣсяцы своего житья въ Москвѣ. Онъ вызвался написать либретто для новой оперы г. Верстовскаго. Былъ избранъ сюжетъ, даже написано, нѣсколько сценъ; но сначала хлопоты переселенія, а потомъ заботы и непріятности, начавшіяся для моего брата тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, помѣшали исполненію этого намѣренія.

Не называю другихъ, безвѣстныхъ публикѣ лицъ, съ которыми жаль было разставаться Николаю Алексѣевичу при переселеніи его въ городъ. Семейныя привязанности также должны быть тайною лишь тѣхъ, кому онѣ принадлежатъ. Тѣмъ не меньше грустно оставлять людей, дорогихъ сердцу или душѣ по какимъ бы то ни было отношеніямъ. Братъ мой испытывалъ это вполнѣ, но мужественно стремился къ исполненію принятаго имъ намѣренія.

Послѣднія двѣ или три недѣли, послѣ отправленія въ Петербургъ остальной части своего семейства, Николай Алексѣевичъ прожилъ у меня въ квартирѣ, въ отдѣльныхъ комнатахъ, гдѣ у него перебывало множество посѣтителей. Иные приходили по дѣламъ, другіе желали побесѣдовать съ нимъ, нѣкоторые хотѣли на прощанье выразить ему свое уваженіе, потому что для всѣхъ нашихъ знакомыхъ отъѣздъ моего брата казался событіемъ. Какъ жители Москвы, они, можно подумать, хотѣли выразить за нее, что она разстается съ однимъ изъ достойнѣйшихъ сыновъ своихъ.

Въ это время Бѣлинскій оказывалъ ему самую жаркую приверженность, и едва-ли не чаще всѣхъ бывалъ у него. Николай Алексѣевичъ, видя его умъ и добрыя стремленія, желалъ оказать ему пособіе въ бѣдственномъ его положеніи и вмѣстѣ способствовать его успѣхамъ. Съ такими цѣлями, онъ приглашалъ его писать для тѣхъ изданій, которыхъ готовился быть редакторомъ, и обѣщалъ переселить его въ Петербургъ, если откроется постоянное и выгодное для него занятіе. Бѣлинскій съ увлеченіемъ желалъ, чтобы это исполнилось, обѣщалъ самое искреннее сотрудничество и боялся только, что въ газетѣ слишкомъ тѣсны рамы для его статей, которыя любилъ онъ писать размашисто, многословно, и не умѣлъ укладываться въ опредѣленныхъ границахъ. «Что можно сказать въ фельетонѣ»! говаривалъ онъ. «Иную мысль не разовьешь и въ книгѣ»,—прибавлялъ онъ, не зная искусства быть краткимъ и любя вводить въ свои разсужденія всякую посторонщину. Надѣялись отвратить какъ-нибудь это затрудненіе, отдѣливъ для Бѣлинскаго побольше мѣста въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества». Онъ умолялъ только объ одномъ: напечатать вполнѣ его статью о Гамлетѣ и Мочаловѣ, котораго признавалъ онъ геніальнымъ актеромъ. Онъ еще только сбирался писать эту статью, но говорилъ, что она выйдетъ объемиста, вѣроятно распо-

лагаясь разговориться въ ней de omni re scibili. Братъ мой не могъ судить о ней, но на вѣру въ дарованіе и усердіе Бѣлинскаго обѣщалъ, что исполнитъ его желаніе. Можно-ли было предполагать, что эта несчастная статья, никогда вполнѣ и не написанная, будетъ поводомъ для Бѣлинскаго къ непримиримой злобѣ и мщенію противъ того, кто оказывалъ ему столько радушія?

Время летѣло быстро при множествѣ посѣщеній, визитовъ, дѣлъ и разныхъ приготовленій къ отъѣзду. Уладивши всѣ свои дѣла въ Москвѣ, сколько было можно, Николай Алексѣевичъ спѣшилъ оставить прежнія отношенія для новыхъ, которыя призывали его въ Петербургъ. Наконецъ, назначенъ былъ день его отъѣзда. Грустный день! Я чувствовалъ тоску невыразимую, теряя много съ его удаленіемъ, теряя единственнаго друга, съ которымъ, въ продолженіе стольких лѣтъ, дѣлилъ всѣ радости и горести, труды и заботы, мысли и ощущенія. Мнѣ казалось невообразимо жить въ Москвѣ безъ него!

Николай Алексѣевичъ не говорилъ никому изъ знакомыхъ о днѣ своего отъѣзда, не желая, чтобы толпа провожала его, и стѣсняла въ послѣдніе часы, которые хотѣлъ онъ посвятить родственной любви и дружбѣ. Такъ и случилось, что его никто не провожалъ; пришелъ только Бѣлинскій, [1]) и когда, наконецъ, братъ мой сѣлъ въ дорожный экипажъ, я съ Бѣлинскимъ отправился проводить его за Тверскую заставу. Проѣхавъ съ версту по шоссе, мы остановились; Николай Алексѣевичъ вышелъ изъ своего экипажа, и когда мы крѣпко обнялись на прощанье—слезы невольно покатились изъ нашихъ глазъ... Онъ спѣшилъ броситься въ дилижансъ (кажется, взятый имъ весь, потому что съ нимъ отправлялся П. А. Ратьковъ и еще кто-то)... Долго и безмолвно стоялъ я на дорогѣ, покуда экипажъ не скрылся изъ глазъ. Когда, наконецъ, опомнился я отъ моихъ ощущеній, я увидѣлъ стоявшаго вблизи меня Бѣлинскаго—въ слезахъ!.. Онъ не могъ равнодушно видѣть сцены прощанія моего съ братомъ. Не говоря ничего, я пожалъ ему руку и пригласилъ ѣхать ко мнѣ, провести нѣсколько времени вмѣстѣ. Помню, что мы говорили не много, но я былъ чрезвычайно благодаренъ ему за его сочувствіе... Довольно было видѣть его въ этотъ день, чтобы увѣриться въ его добромъ сердцѣ. Я и теперь увѣренъ, что онъ былъ способенъ къ самымъ нѣжнымъ и возвышеннымъ чувствованіямъ, хотя грубая кора покрывала его. Несчастіемъ жизни его была—желчная болѣзнь, можетъ быть, порожденная страданіями и бѣдностью, и еще больше—гордость и самолюбіе, эти страшные недуги души, особенно когда они владѣютъ человѣкомъ такъ, какъ владѣли Бѣлинскимъ.

---

[1]) Въ Дневникѣ Николая Алексѣевича Полеваго, подъ 12 октября 1837 года, находимъ слѣдующую помѣтку: «Уѣхалъ. Братъ, Мочаловъ и Бѣлинскій провожали меня до заставы. Со мною Ратьковъ». П. П.

Николай Алексѣевичъ оставилъ мнѣ нѣсколько скучныхъ дѣлъ и заботъ. Тягостнѣе всего былъ платежъ долговъ его по срочнымъ векселямъ, которыхъ скопилось въ это время довольно много. Средствъ, переданныхъ имъ мнѣ, не доставало, и поневолѣ надобно было прибавлять своихъ денегъ, а это затрудняло меня. Я принужденъ былъ самъ занимать, въ надеждѣ, что вскорѣ онъ будетъ въ состояніи уплатить и по прежнимъ и по новымъ векселямъ. Не безразсудство и не исключительно дружба къ брату заставляли меня такъ дѣйствовать, а увѣренность, что труды его вознаградятся, особливо при тѣхъ выгодныхъ условіяхъ, на какихъ онъ долженъ былъ начать свою дѣятельность въ Петербургѣ. Да и могъ-ли я не платить за него, хотя бы собственными деньгами, когда гибель его могла погубить и меня?

Другою скучною, хотя пустою въ основаніи, заботою былъ для меня Мочаловъ съ своимъ бенефисомъ. Надобно пояснить, что братъ мой отдалъ ему Уголино, какъ и Гамлета, безплатно, и Мочаловъ назначилъ его для представленія въ свой бенефисъ, который, по росписанію дирекціи, приходился въ первыхъ числахъ января. Братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ октября, и долго потомъ даже не упоминалъ, отдалъ-ли онъ въ цензуру свою пьесу и скоро ли она выйдетъ оттуда. Между тѣмъ въ Москвѣ уже разучивали роли и начали репетировать Уголино, прежде нежели онъ былъ дозволенъ къ представленію, и Мочаловъ безпрестанно приходилъ ко мнѣ справиться, не получилъ-ли я извѣстія изъ Петербурга? Когда это замедлилось, онъ началъ изъявлять отчаяніе, бѣсноваться, печалиться, даже высказывать иногда опасенія, что онъ, по милости Николая Алексѣевича, останется безъ бенефиса. Я останавливалъ его порывы, утѣшалъ его и видѣлъ въ немъ только ребенка, покуда онъ не явился ко мнѣ однажды—пьяный! Я выпроводилъ его и велѣлъ отказывать ему, если онъ придетъ еще. Къ счастію, разрѣшеніе представлять Уголино пришло во время, и Мочаловъ снова явился передо мною ребенкомъ: радовался, просилъ извиненія и такъ искренно сожалѣлъ о безпокойствахъ, надѣланныхъ имъ мнѣ, что я помирился съ нимъ. Онъ, такъ же какъ отецъ его, славный въ свое время актеръ, былъ одаренъ отъ природы чрезвычайно щедро, но не умѣлъ или не могъ воспользоваться своимъ дарованіемъ вполнѣ. Выразительное, благородное лицо, симпатическій голосъ, рѣдкая способность одушевляться своею ролью, могли бы способствовать ему усовершенствоваться въ сценическомъ искусствѣ. Но оставшись безъ всякаго образованія, онъ слишкомъ рано выступилъ на сцену и, къ несчастію, слѣдовалъ примѣрамъ и указаніямъ дурной, ложной школы; наконецъ, что̀ совершенно погубило его и свело преждевременно въ гробъ, онъ—также подобно отцу—предавался пьянству до изступленія. За всѣмъ тѣмъ, въ хорошіе, трезвые періоды своей жизни, онъ показывалъ иногда

такое сильное сценическое дарованіе, что могъ быть причисленъ къ лучшимъ актерамъ, какіе бывали на русской сценѣ. Роль Гамлета исполнялъ онъ превосходно, лучше нежели какой либо другой изъ русскихъ артистовъ, и это доказываетъ, какимъ художникомъ явился бы онъ, если бы съ юныхъ дней получилъ хорошее образованіе, воспитался не на театральныхъ подмосткахъ въ періодъ ложнаго направленія и не испортилъ себя глупыми ролями и безпорядочною жизнью.

Не роптатъ, какъ Мочаловъ, но появлялся ко мнѣ съ печальнымъ лицомъ Бѣлинскій. Онъ также ждалъ утѣшительныхъ вѣстей отъ Николая Алексѣевича, а ихъ не было. Читатели увидятъ причины этого въ письмахъ моего брата, которыя приведу я далѣе; но я не зналъ въ первое время, почему онъ и ко мнѣ писалъ лишь немного словъ, а о Бѣлинскомъ даже не упоминалъ. Вотъ что̀ печалило Бѣлинскаго, и я скорбѣлъ, видя его несчастное положеніе, не имѣя средствъ помочь ему, тѣмъ больше, что съ нимъ надобно было обходиться какъ съ огнемъ, готовымъ вспыхнуть отъ легчайшаго прикосновенія горючаго вещества. Необходимо было щадить его самолюбіе и гордость, а между тѣмъ онъ находился подъ гнетомъ — мало сказать бѣдности — тяжкой нищеты. Опишу случай, который покажетъ это.

Съ нимъ жили одинъ или двое братьевъ: по крайней мѣрѣ помню одного, въ изношенномъ студенческомъ нарядѣ. Кажется, Бѣлинскій взялъ къ себѣ брата (или братьевъ), когда еще имѣлъ кой-какія средства къ существованію, сотрудничая въ журналахъ Надеждина. Когда не стало этого пособія, онъ очутился въ отчаянномъ положеніи. Въ описываемое мною время, братъ его приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что Виссаріонъ Григорьевичъ боленъ, такъ что не можетъ выходить, а между тѣмъ ему необходимо повидаться со мною, и онъ проситъ меня посѣтить его. Я немедленно отправился къ нему, по указанію его брата. Бѣлинскій жилъ въ домѣ князя Касаткина-Ростовскаго, выходящемъ главнымъ фасадомъ на Петровку, а другимъ въ переулокъ и на канаву. Этотъ огромный домъ всегда бывалъ наполненъ множествомъ жильцовъ, находившихъ тамъ самыя дешевыя квартиры. Входъ въ квартиру Бѣлинскаго былъ изнутри двора. Когда я переступилъ къ нему за порогъ, то невольно остановился, увидѣвъ себя въ какой-то обширной комнатѣ, раздѣленной на каморки и углы, гдѣ отъ мрака и па̀ру трудно было разглядѣть что нибудь. На спросъ мой о В. Г. Бѣлинскомъ, мнѣ указали уголъ, гдѣ, за какою-то перегородкою, сидѣлъ въ полумракѣ бѣдный мой знакомецъ и, окутанный шарфами, сильно кашлялъ. Онъ изъявилъ мнѣ свою благодарность за посѣщеніе, и послѣ нѣсколькихъ обиняковъ и горькихъ шутокъ надъ своимъ положеніемъ, сказалъ, что ему крайне необходимы — пять рублей!.. Я посѣтовалъ на него за церемоніи и предложилъ сколько

ему было нужно для всѣхъ неотступныхъ потребностей. Мое радушное ободреніе было видимо пріятно страдальцу. Онъ не благодарилъ меня, а только крѣпко пожалъ мнѣ руку, когда я уходилъ.

Бѣдность всегда тягостна, иногда убійственна; но особенно болѣзненна она для того, кто чувствуетъ въ себѣ возвышенныя стремленія и душевныя силы—потому что ихъ-то она и придавливаетъ. Я видѣлъ, что въ такомъ положеніи находился Бѣлинскій. Онъ чувствовалъ себя выше многихъ; можетъ быть, мечталъ и о той славѣ, какою пользуется послѣ своей смерти; но, томясь въ грязномъ углу, почти безъ хлѣба, больной, онъ конечно страдалъ тяжко. Изыскивая всѣ средства помочь ему и зная, что гордость его возмутилась бы отъ всякаго предложенія, которое почтетъ онъ унизительнымъ для себя, я рѣшился, наконецъ, предложить ему работу, въ видѣ одолженія для меня самого. Я издавалъ тогда многотомную книгу: Дѣянія Петра Великаго, сочиненія Голикова (2-е изданіе), и написалъ къ Бѣлинскому самое дружеское письмо, гдѣ просилъ его принять на себя чтеніе корректурныхъ листовъ печатаемой мною книги, и предлагалъ ему за трудъ такую плату, какой обыкновенно корректоры не получаютъ. Я опасался, что онъ, по гордости своей, отвергнетъ мое предложеніе какъ обиду, и обрадовался, когда получилъ отъ него отвѣтъ, почти въ слѣдующихъ словахъ: «Не только не отказываюсь отъ вашего предложенія, но хватаюсь за него какъ за спасительное средство въ моемъ положеніи. Присылайте мнѣ поскорѣе корректуры, давайте ихъ больше, и будьте увѣрены, что я стану съ величайшимъ усердіемъ исправлять всѣ ошибки наборщиковъ. Да это поэзія въ моемъ положеніи!»

Я былъ очень радъ, что могъ быть хоть сколько нибудь полезенъ Бѣлинскому; но сношенія наши послѣ этого были непродолжительны. Въ № 4 «Сѣверной Пчелы» 1838 года—слѣдовательно въ самомъ началѣ года—была напечатана статья Бѣлинскаго подъ заглавіемъ: Гамлетъ. Драма Шекспира. Мочаловъ въ роли Гамлета. Статья первая. Въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго, и она должна была только служить приступомъ или частью введенія, потому что авторъ сбирался написать цѣлую книгу о Гамлетѣ и Мочаловѣ. Вскорѣ онъ послалъ второй большой отрывокъ ея къ моему брату; но этотъ отрывокъ не былъ напечатанъ, по той причинѣ, какъ говорилъ мнѣ потомъ Николай Алексѣевичъ, что Бѣлинскій слишкомъ хвалилъ переводчика Гамлета, а всѣ знали, что переводчикъ былъ редакторомъ «Сѣверной Пчелы», и ему казалось неумѣстнымъ печатать похвалы себѣ въ той газетѣ, которая находилась въ его распоряженіи. Оттого второй отрывокъ знаменитой статьи Бѣлинскаго не являлся въ печати, и онъ сначала недоумѣвалъ, жаловался мнѣ на брата моего и, наконецъ, разсердился на него, когда были напечатаны гдѣ-то насмѣшливыя замѣчанія на первую статью о Гамлетѣ. «Зачѣмъ же онъ манилъ меня надеж-

дами?» говорилъ мнѣ Бѣлинскій. «Зачѣмъ напечаталъ первую статью, и не печатаетъ второй? и гдѣ же теперь буду я защищаться отъ нападеній за первую, когда мнѣ заперты двери въ «Сѣверную Пчелу?» Я совѣтовалъ ему подождать объясненій отъ моего брата, ручался, что съ его стороны, вѣрно, нѣтъ ничего, кромѣ желанія быть пріятнымъ и полезнымъ Бѣлинскому; но этотъ пылкій человѣкъ явно охладѣлъ къ моему брату. Онъ еще продолжалъ посѣщать меня, но уже не упоминалъ ни о Гамлетѣ, ни о статьѣ своей. Тутъ вскорѣ онъ сблизился съ нѣсколькими молодыми людьми, которые совершенно повернули ему голову. Онъ приводилъ ко мнѣ одного изъ нихъ (Бакунина); съ другими я былъ знакомъ прежде его, и не могъ никогда сблизиться съ этимъ кружкомъ. Вскорѣ они рѣшились издавать свой журналъ; но объ этомъ рѣчь впереди.

К. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ [1].

III.

НЕПОСРЕДСТВЕННО-НАРОДНОЕ.

IV.

Сатирическіе журналы.

КРОМѢ КОМЕДІЙ, исключительно національное направленіе литературы выразилось еще въ нѣкоторыхъ сатирическихъ журналахъ.

Мы познакомились выше съ журналомъ «Стародумъ, или другъ честныхъ людей», который задумывалъ издавать подъ конецъ жизни Фонвизинъ.— Можетъ быть, еще ярче, чѣмъ въ этомъ изданіи, народное направленіе сказалось въ сатирическихъ журналахъ Новикова: «Трутень» (1769—1770 гг.), «Живописецъ» (1772—1773 гг.) и «Кошелекъ» (1774 г.). Чрезвычайно остроумно осмѣиваетъ Новиковъ, во имя нравственной высоты древней русской жизни, современные ему нравы, нравы петиметровъ и щеголихъ, явившихся у насъ вслѣдствіе слѣпой и неразумной подражательности русскаго общества.—Съ народной точки зрѣнія ратуютъ «Трутень» и «Живописецъ» за крѣпостныхъ крестьянъ, живыми красками рисуя ихъ тяжелую участь и осмѣивая

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIX, стр. 61.

суровыхъ помѣщиковъ; за сатирой этого рода кроется благородная мысль о необходимости освобожденія крестьянъ.

Не будемъ останавливаться на журналахъ Новикова: ихъ слѣдуетъ разсмотрѣть въ связи со всею вообще дѣятельностью знаменитаго поборника просвѣщенія; подробный анализъ ихъ читатель можетъ найдти въ моей книгѣ: «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.».

Но, кромѣ названныхъ изданій Фонвизина и Новикова, народнаго направленія придерживались и еще нѣкоторые журналы. Въ 1769 году, сталъ выходить, какъ извѣстно, цѣлый рядъ сатирическихъ листковъ; починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ, издававшей «Всякую всячину». Автору настоящаго сочиненія приходилось уже говорить, что нѣкоторые изслѣдователи литературы Екатерининской эпохи смѣшиваютъ журналы 1769 года, признавая во всѣхъ ихъ одно и то же направленіе. Но это большая ошибка. При обозрѣніи литературы скептическо-матеріалистическаго направленія мы видѣли, что къ числу изданій и сочиненій, выражавшихъ это направленіе, принадлежатъ: «Всякая всячина» и «Ни то ни сьо», журналъ крайне отрицательнаго характера.—Другіе журналы были въ другомъ духѣ. И между ними народное направленіе мы видимъ въ изданіяхъ Чулкова «И то и сьо» и неизвѣстнаго редактора «Смѣсь».

Обратимся къ первому изъ нихъ. Подробное заглавіе его: «И то и сьо. Строками служу, бумагой бью челомъ, а обое вообще извольте покупать, купивъ же считайте за подарокъ, для тово, что не большова оное стоитъ». Издатель «И того и сего», Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ, извѣстенъ какъ собиратель этнографическихъ матеріаловъ, любитель народныхъ пѣсенъ. Журналъ выходилъ въ теченіе всего 1769 года (начиная съ конца января) по вторникамъ, по полулисту, или 8 страницъ, въ номерѣ. Сатира его—простодушно-наивная, неглубокая, отчасти даже отвлеченная; но симпатичная.—Въ первыхъ же номерахъ Чулковъ хотѣлъ опредѣлить характеръ своего изданія—какъ веселаго и безобиднаго чтенія для удовольствія.

«Я предпріялъ увеселять тебя и шутить передъ тобою столько, сколько силы мои позволятъ, единственно для той причины, чтобъ заслужить твою благосклонность»,—

съ такими словами обращается къ читателю редакторъ въ статьѣ «Поздравленіе съ новымъ годомъ», напечатанной въ «первой недѣлѣ». Согласно съ этимъ въ журналѣ постоянно встрѣчаются примѣры легкой сатиры, соединенной съ довольно наивнымъ нравоученіемъ.—О безобидномъ, скромномъ характерѣ смѣха сатиры «И того и сего» говорится во 2 № въ статьѣ безъ заглавія; здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ и, между прочимъ, сказано:

«Я пишу на произволящаго, ни о комъ самолично не говорю и никого именемъ не называю, мѣряю дѣла аршиномъ, такъ, какъ купцы товары, и оцѣняю ихъ не слишкомъ дорого, за смѣхомъ за море не ѣжжу, а шучу около себя, вреда и убытку не приношу моему отечеству, наукъ не ломаю и языка нашего не порчу, такимъ образомъ опасаться меня не должно, а развѣ надобно мнѣ что нибудь присовѣтовать по пословицѣ: умъ хорошо, а два лучше того».

Но, однако, въ журналѣ мы встрѣчаемъ не только смѣхъ для увеселенія, а и живую и мѣткую насмѣшку надъ современными пороками. Такъ, онъ осмѣиваетъ французоманію русскаго общества, пристрастіе къ модамъ, модную, развратную жизнь. Напримѣръ, въ № 1, въ упомянутой уже статьѣ «Поздравленіе съ Новымъ годомъ» авторъ говоритъ:

«Я не столько уменъ, какъ другіе; однако человѣкъ доброй обѣщался поучить меня нѣсколько, и дѣло остановилось только затѣмъ, чтобы порядиться съ нимъ, сколько онъ возьметъ за мѣсяцъ за ученье. Человѣкъ онъ взрослый и весьма искусный парикмахеръ, онъ безъ всякой ошибки разчесываетъ волосы и говоритъ, что имѣетъ къ тому природное дарованіе, увѣрялъ меня нѣкогда, что словесныя науки гораздо меньше стоятъ, нежели волосоподвивательное искусство. Сперва было я тому не вѣрилъ, но онъ убѣдилъ меня весьма сильными доказательствами, которыхъ никакъ отразить не можно: сказывая, что азбуку, часословъ и псалтырь выучилъ онъ въ полгода, а подвивать волосы учился невступно двенадцать лѣтъ, но и теперь ставитъ не весьма завидные кудри».

Въ 31-й недѣлѣ журнала, во 2-й эпитафіи осмѣивается, правда въ очень дубоватыхъ стихахъ, щеголиха, «прекрасная дѣвица», которая

Когда жила, любила дурака,
Невѣжу, простяка,
Безмозглаго дѣтину,
А по-просту сказать, двуногую скотину,
Потратила и честь, и разумъ для амура;
Поэтому она, безъ всякихъ забобонъ,
Такая-жь, какъ и онъ—
И шаль, и дура!

Подобныя «дуры» явились у насъ, по мнѣнію Чулкова, вслѣдствіе французскаго воспитанія.

Затѣмъ журналъ осмѣивалъ взяточничество. Напримѣръ, въ 32-й недѣлѣ напечатана элегія «Крючкотворецъ, или взяткобратель». Подъячій-взяточникъ жалуется здѣсь на недостатокъ доходовъ и съ тоскою вспоминаетъ о прежнихъ, счастливыхъ временахъ:

Такой ли долженъ быть моихъ пожитковъ плодъ,
Когда со всѣхъ сторонъ ходилъ ко мнѣ народъ?
Съ слезами милости моей они просили
И невозбранно мнѣ подарки приносили.
До перваго часа въ Приказѣ я бывалъ,
А послѣ онаго до вечера смекалъ,
На сколько въ этотъ день подарковъ получилъ,

И сколько я скупыхъ тюрьмою проучилъ.
Законъ мнѣ былъ одинъ,—чтобъ ближнимъ помогать
И ихъ имѣніе побратски раздѣлять.
Для пользы общества трудился несказанно,
А за труды мои я бралъ безперестанно.
Такъ долгъ твердилъ уму,
Что даромъ услужить не можно никому,
Когда не хочешь вздѣть презрѣнную суму.
А нынѣ, о напасть! о случаи суровы!

Подъячій говоритъ, что онъ лучше готовъ утопиться, удавиться, опиться, нежели отказаться брать взятки.

Народный характеръ придаетъ журналу Чулкова и любовь издателя къ пословицамъ; ихъ встрѣчается въ журналѣ довольно много, и онѣ обыкновенно удачно выбраны и умѣло употреблены.

Отмѣтимъ еще симпатичную черту изданія: «И то и сьо» сочувствовало образованію и людямъ, стремящимся къ нему. Такъ, напримѣръ, въ одной статьѣ съ состраданіемъ разсказывается о молодомъ человѣкѣ, котораго отецъ избилъ за его желаніе учиться.

Общій тонъ журнала, какъ сказано, веселый; но этотъ тонъ нарушается грустнымъ окончаніемъ. Послѣдняя статья послѣдняго номера—эпитафія, въ которой авторъ обращается отъ лица изданія къ читателю съ такимъ печальнымъ воззваніемъ:

Прохожій, если ты съ умомъ,
Вздохни, однако, не о томъ,
Что я уже скончался, —
Вздохни, что ты еще на свѣтѣ семъ остался.

Въ этихъ словахъ слышно какъ будто какое-то разочарованіе въ жизни, какое-то недовольство... Сатирическіе журналы Новикова умирали не своею смертью; объ изданіи Чулкова, повидимому, нельзя сказать этого: его вышло 52 номера, т. е. именно столько, сколько было обѣщано редакціею. Но нельзя, однако, не замѣтить, что въ №№ 51 и 52 (появившихся въ одномъ выпускѣ) страницы 9 и 10 совершенно пусты. Г. Неустроевъ (авторъ «Историческаго розысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ») полагаетъ, что или изъ этихъ страницъ исключенъ текстъ по отпечатаніи листа, или онѣ были оставлены пустыми для рукописныхъ вставокъ того, что оказалось неудобнымъ напечатать. Весьма возможно, что цензура наложила руку на журналъ Чулкова.

Другой изъ поименованныхъ журналовъ съ народнымъ направленіемъ носилъ названіе «Смѣсь» и также издавался въ 1769 году (начиная съ 1-го апрѣля). Журналъ этотъ серьёзнѣе, нежели «И то и сьо». Издатель его неизвѣстенъ, и его приписывали одно время Новикову. Но это совершенно неосновательно. Во-первыхъ, въ «Смѣси», въ 20-мъ листѣ, напечатано письмо къ издателю съ приложеніемъ письма къ издателю «Трутня» (т. е. къ Новикову); въ послѣднемъ письмѣ воздаются похвалы «Трутню», а въ первомъ

говорится, что самъ «Трутень» этого письма не принялъ; отсюда ясно, что издатель «Смѣси» и Новиковъ два разныя лица. Во-вторыхъ, въ «Смѣси» слишкомъ много переводныхъ статей; редакторъ самъ заявляетъ въ предъувѣдомленіи: «Я, набравшись чужихъ мыслей и видя нынѣ много періодическихъ сочиненій, вздумалъ писать смѣсь, о которой вольно всячески судить». Это очень не похоже на Новикова, всегда думавшаго и дѣйствовавшаго самобытно. Въ 4 № «Смѣси», въ отвѣтъ на напечатанное письмо Боголюбова (гдѣ «Смѣсь» называлась дочерью или внучкой «Всякой всячины»), говорится: «Мимоходомъ дамъ примѣтить читателю, что справедливѣе назвать «Смѣсь» дочерью тѣхъ сочиненій, коихъ видны въ ней переводы».

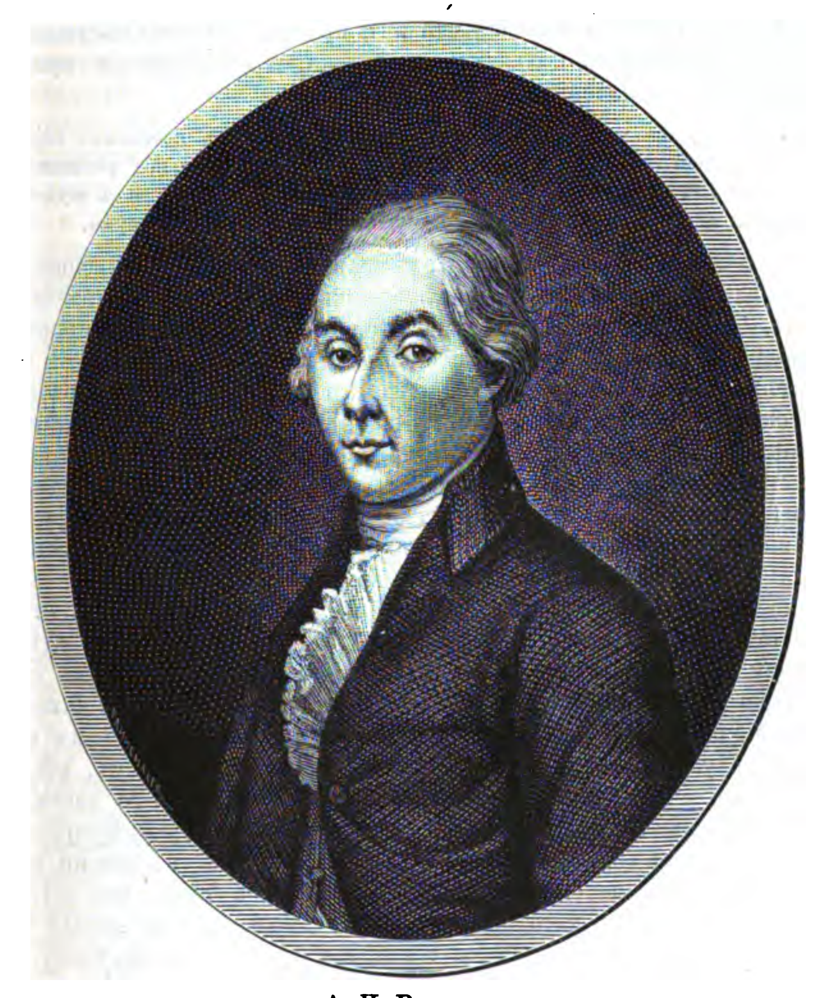
Не должно, однако, отсюда заключать, что «Смѣсь» была лишена оригинальности. Не смотря на множество переводныхъ статей, журналъ этотъ издавался въ народномъ духѣ. Это, вѣроятно, и было причиной приписыванія его Новикову.

Мы встрѣчаемъ въ немъ осмѣяніе французоманіи, модъ и модныхъ нравовъ русскаго общества. — Такъ, въ 1-мъ № напечатана статья: «Происхожденіе, польза и употребленіе опахала», гдѣ авторъ подсмѣивается надъ моднымъ пристрастіемъ къ вѣерамъ. Въ такомъ же родѣ статья: «Защищеніе румянъ». — Петиметровъ, щеголей журналъ изображалъ довольно остроумно. Статья безъ заглавія (въ первыхъ нумерахъ) очень живо рисуетъ модные разговоры петиметровъ въ церкви, ухаживанія ихъ за щеголихами. Въ «Письмѣ къ издателю» (напечатанномъ въ 13-мъ листѣ) изображенъ петиметръ, говорящій лишь фразы о любви и очень похожій на искусно сдѣланную куклу. «Вотъ, г. издатель (говоритъ авторъ), до какого совершенства дошло въ Россіи искусство. Дѣлаютъ машины весьма похожія на людей». Къ этому редакція отъ себя прибавляетъ примѣчаніе: «Если вы будете такъ разсматривать всѣхъ людей, какъ разсматривали сію куклу, то я думаю, что найдете много ей подобныхъ».

Журналъ сочувствовалъ древней Руси и обличалъ новомодные нравы во имя древнихъ русскихъ добродѣтелей. Въ «Письмѣ Самоглота» (въ 19-мъ листѣ) говорится:

«Мы сперьва были просты, правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ, но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ петиметровъ, стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперьва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головой и махаютъ руками; сверхъ же сего пудримся и спрыскиваемся благовонными водами. Скажите, не лутче-ли мы нашихъ предковъ? Конечно, всякой бы глубокомыслящей человѣкъ и самъ бы Аристотъ удивился нашему превращенію. Я думаю, не легко было господамъ французамъ передѣлать насъ на свой ладъ: мы много походили на грубыхъ древнихъ римлянъ и почитали Катоновы добродѣтели».

Кромѣ подобнаго рода статей, народное направленіе журнала выражается въ сильномъ сочувствіи его простому народу и въ осмѣяніи родовыхъ предразсудковъ, дворянской гордости и спѣси. Въ листѣ 25-мъ напечатана статья «Рѣчь о существѣ простого народа». Въ этой «Рѣчи» авторъ иронически доказываетъ, что у



А. Н. Радищевъ.

Съ гравированнаго портрета Алексѣева.

простого народа не можетъ быть ни разума, ни добродѣтели, «за тѣмъ, что добродѣтели присвояются однимъ благороднымъ».

«Простолюдины безразсудны; они справедливы, вѣрны, набожны и исполняютъ многія похвальныя дѣла; но не разсуждаютъ, для чего сіе дѣлаютъ и какая имъ отъ того происходитъ польза... Ударь крестьянина, то онъ бросится

самъ на тебя, такъ точно, какъ дикой звѣрь. Но благородная душа иногда и снесетъ отъ тебя обиду, дабы по времени тебѣ хорошенько отомстить; или, вынувъ шпагу, честно тебя заколетъ... Простые разбойники грабятъ, терзая людей, на подобіе тигровъ, и ихъ за то наказываютъ. Но разумные люди знаютъ, что надобно имѣть хорошій чинъ, защиту и мѣсто, и тогда уже начинаютъ грабить».

Авторъ статьи говоритъ, что онъ просилъ анатома изслѣдовать головы крестьянина и знатнаго человѣка, и изслѣдованіе привело къ такимъ заключеніямъ:

«Крестьянинъ умѣлъ мыслить основательно о многихъ полезныхъ вещахъ. Но въ знатной головѣ анатомъ нашелъ весьма неосновательное размышленіе: требованіе чести безъ малѣйшихъ заслугъ, высокомѣріе, смѣшанное съ подлостью любовныя мечтанія, худое понятіе о дружбѣ и пустую родословную».

Таково направленіе «Смѣси», направленіе, повидимому, довольно опредѣленное.—Но въ журналѣ замѣчается нѣкоторая двойственность. Такъ, не всегда выдерживается въ немъ сочувствіе простому народу; напримѣръ, въ «Волшебной сказкѣ» (напечатанной въ 5-мъ листѣ) народъ именуется «подлымъ», и авторъ не видитъ въ немъ высокихъ нравственныхъ качествъ: онъ полагаетъ, что простая дѣвушка не устоитъ передъ обаяніемъ золота; волшебница, помогая петиметру, обращаетъ его въ молодого купчика, даетъ ему мѣшокъ денегъ и затѣмъ съ увѣренностью говоритъ: «ты теперь вѣрно понравишься своей любовницѣ».—Сочувствуя древнимъ русскимъ началамъ, журналъ въ то же время высказываетъ идеи, совершенно не гармонирующія съ этими началами. Таково, напримѣръ, странное отношеніе къ женщинѣ въ одной статьѣ 24-го листа, гдѣ, по поводу Бризеиды Гомера, авторъ говоритъ, что женщинамъ свойственно любить военныхъ. Въ этой же статьѣ выражается какое-то, совершенно не свойственное русскому духу, благоговѣніе къ военному дѣлу. Въ журналѣ слышится порой и раціонализмъ, хотя въ слабой степени. Напримѣръ, авторъ одной статьи 14-го листа, говоря о древнихъ «загадкахъ» и «іероглифахъ», съ увѣренностью полагаетъ, что образное выраженіе идей явилось въ жизни народовъ позже отвлеченнаго; «нахожу (говоритъ онъ), что загадки употребительны съ того времени, какъ люди, оставя ясныя природныя выраженія, полюбили темныя и витіеватыя нарѣчія».

Эта двойственность въ журналѣ объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ былъ, не смотря на народность своего направленія, подъ иностранными вліяніями. «Смѣсь» не даромъ назвала себя «дочерью тѣхъ сочиненій, коихъ переводы въ ней видны».

Изученіе нашей журналистики прошлаго вѣка, быть можетъ, откроетъ народное направленіе и еще въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Екатерининской эпохи.

V.

Сочиненія о крѣпостномъ правѣ.

Кромѣ комедій и журналовъ, народное направленіе литературы выразилось еще въ цѣломъ рядѣ очень интересныхъ и важныхъ сочиненій о крестьянахъ и крѣпостномъ правѣ, сочиненій публицистическихъ и историческихъ.

Положеніе крестьянъ въ Екатерининскія времена было очень печальное, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ записки современниковъ и другіе историческіе источники. Добрынинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что модная роскошь и развратъ помѣщиковъ, которые онъ видѣлъ во время путешествія со своимъ архіереемъ, были «очень яснымъ таинствомъ плоти и крови измученныхъ крестьянъ».—А какъ крестьянъ мучили суровые помѣщики, это видно, напримѣръ, изъ Фонвизинскаго «Недоросля». Авторъ комедіи смѣшитъ своею Простаковой; но если бъ онъ обрисовалъ ее серьёзнѣе, она походила бы на знаменитую Салтычиху, заключенную за жестокое обращеніе съ крѣпостными; не даромъ же Фонвизинъ называетъ ее «фуріей, адскимъ порожденіемъ».—Отъ чиновниковъ крестьяне терпѣли, можетъ быть, не меньше, чѣмъ отъ помѣщиковъ; этимъ объясняется возмущеніе заводскихъ крестьянъ въ началѣ царствованія Екатерины. Пугачевскій бунтъ былъ также вызванъ ненормальнымъ положеніемъ крѣпостныхъ людей. Руничъ говоритъ (въ своихъ запискахъ), что бунтъ произошелъ отъ ненависти бѣглецовъ, помѣщичьихъ крестьянъ.—Императрица, должно быть, сознавала причины обоихъ бунтовъ; усмиреніе и того и потомъ другого она поручила А. И. Бибикову, который умѣлъ заслуживать довѣріе крестьянъ кроткими мѣрами. Изъ писемъ Бибикова къ женѣ видно, какъ тяжело было его дѣло по усмиренію Пугачевскаго возстанія. «Душою размученъ отъ разныхъ обстоятельствъ, о чемъ говорить некогда и не по что» (писалъ онъ, между прочимъ, можетъ быть, намекая на причины бунта). Бибиковъ умеръ, не успѣвъ довести дѣло до конца, и возстаніе возгорѣлось снова. На мѣсто его былъ выбранъ П. И. Панинъ. Руничъ разсказываетъ, что Панинъ, когда ввели въ его пріемную пойманнаго Пугачева, «въ ужасномъ рыданіи... востревоженіи духа своего... воскликнулъ: Боже милосердый! во гнѣвѣ Твоемъ праведно наказалъ Ты насъ симъ злодѣемъ!» Потомъ онъ велѣлъ вывести Пугачева и,—повѣствуетъ Руничъ,—сказалъ рѣчь дворянамъ о поведеніи ихъ относительно крестьянъ. Быть можетъ, Панинъ указалъ въ этой рѣчи, что причины бунта крылись въ неправдѣ самыхъ отношеній дворянъ къ крестьянамъ, въ неправдѣ крѣпостнаго права.—Въ пер-

вые годы своего царствованія императрица Екатерина желала освобожденія крѣпостныхъ (объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ пропущенныя статьи «Наказа»); но она не привела своихъ желаній въ исполненіе, вѣроятно, потому, что слишкомъ мало было людей, сочувствующихъ этому. Въ «Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія» депутаты отъ козловскаго дворянства Коробьинъ, отъ гороховецкаго дворянства Протасовъ и маршалъ комиссіи Бибиковъ, предлагавшіе улучшеніе участи крѣпостныхъ людей, потерпѣли неудачу. А когда читался въ собраніи депутатовъ указъ о торговлѣ, купцы возбудили ходатайство, чтобы и имъ тоже, какъ дворянамъ, позволено было владѣть крестьянами. Въ Екатерининскую эпоху крѣпостные не могли дождаться свободы, потому что даже иные лучшіе люди того времени считали свободу для нихъ преждевременной и опасной. Извѣстный масонъ и благотворитель Лопухинъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что «народъ требуетъ обузданія для собственной его пользы», и что для сохраненія «общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ». Онъ сравниваетъ крестьянъ съ не совсѣмъ оправившимися больными, которымъ можно гулять только въ больничномъ саду; дать крестьянамъ полную свободу значило бы ихъ же уморить.—Сильнѣе и ярче всего презрѣніе общества XVIII вѣка къ простымъ людямъ сказалось въ наименованіи ихъ «подлыми» людьми. Этимъ словомъ называетъ крестьянина даже Полѣновъ, въ сущности другъ народа, въ своемъ сочиненіи «О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи».

Въ 1768 году, Вольное Экономическое Общество въ С.-Петербургѣ предложило на конкурсъ тему: «О поземельной собственности крестьянъ». Въ отвѣтъ на это было прислано много сочиненій, русскихъ и иностранныхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны произведенія: Вольтера, Беарде-Делабея (де л'Аббе) и нашего законовѣда Полѣнова. Первое и послѣднее были удостоены почетнаго отзыва; но высшая награда была присуждена Беарде-Делабею [1]). Французскій авторъ проводитъ въ своемъ сочиненіи ту мысль, что какъ естественное право человѣка, такъ и государственная польза требуютъ, чтобы крестьяне были освобождены. Но онъ тутъ же дѣлаетъ, подрывающую эту мысль, оговорку. По его мнѣнію, крестьянъ прежде надо подготовить къ освобожденію посредствомъ воспитанія; въ противномъ случаѣ вольность послужитъ только во вредъ и обществу, и самимъ крестьянамъ. Авторъ считаетъ крестьянъ дѣтьми, дикарями, даже «самодвижущимися машинами», поэтому полагаетъ, что освободить ихъ въ подобномъ состояніи, это все равно, что спустить медвѣдя съ цѣпи.—Сочиненіе Беарде-Делабея нельзя считать выраженіемъ исключительнаго взгляда отдѣльной личности: въ немъ

---

[1]) Труды Вольнаго Экономическаго Общества, 1768 г., т. 8.

отразились вообще воззрѣнія философіи XVIII вѣка съ ея аристократическимъ характеромъ. Мы знаемъ, какъ смотрѣлъ на народъ Вольтеръ. Его сочиненіе, присланное въ Вольное Экономическое Общество, не требуетъ освобожденія крестьянъ, а только допускаетъ



Иванъ Никитичъ Болтинъ.

Съ гравированнаго портрета Розанова.

его, если сами помѣщики пожелаютъ въ этомъ дѣлѣ послѣдовать примѣру государя; и во всякомъ случаѣ, — думаетъ Вольтеръ, — крестьяне не должны имѣть поземельной собственности, — имъ достаточно рукъ, чтобы работать. Объ этомъ и вообще о взглядахъ

Вольтера на народъ было подробнѣе говорено въ другой части настоящаго сочиненія.—Ж. Ж. Руссо, такъ рѣдко расходившійся съ Вольтеромъ и энциклопедистами, нѣсколько иначе смотрѣлъ на народъ и его освобожденіе. Но въ сущности его взгляды, въ данномъ случаѣ, таковы же, какъ и воззрѣнія Беарде-Делабея. Особенно опредѣленно они выразились въ «Considérations sur le gouvernement de Pologne». Руссо называетъ здѣсь крестьянъ существами подобными намъ, т. е. образованнымъ людямъ, признаетъ ихъ даже самою здоровою частью государства, и потому считаетъ необходимымъ освободить ихъ. Въ главѣ 13-й онъ говоритъ, что для прогрессивнаго движенія государства впередъ необходимо «открыть двери рабамъ къ пріобрѣтенію вольности».—Но всѣ эти благородныя мысли свои знаменитый философъ-романтикъ самъ же подрываетъ противорѣчащими имъ оговорками. Руссо находитъ, что свобода тяжела для рабовъ, что прежде, нежели тѣла, надо освободить ихъ души. Въ 6-й главѣ сочиненія онъ такъ разсуждаетъ:

«Я боюсь пороковъ и подлости рабовъ. Свобода есть пища вкусная, но трудно перевариваемая; нужны хорошіе желудки, чтобы ее перенести... Величавая и святая свобода! если бы эти бѣдные люди могли тебя знать, если бы они знали... на сколько твои законы болѣе суровы, чѣмъ иго тирановъ», они «боялись бы тебя во сто разъ больше, чѣмъ рабства». «Освободить народы... великое и прекрасное дѣло, но дерзкое и опасное»; надо «прежде всего сдѣлать (рабовъ) достойными свободы и способными перенести ее».

Въ 13-й главѣ книги Руссо предлагаетъ такой проектъ освобожденія крѣпостныхъ. Надо прежде всего (говоритъ онъ), составить «реестръ крестьянъ, которые отличились хорошимъ поведеніемъ, хорошимъ обработываніемъ полей, хорошими нравами»; потомъ изъ этихъ крестьянъ постепенно освобождать извѣстное число, вознаграждая за это помѣщиковъ разными льготами, преимуществами, чтобы «освобожденіе раба было для помѣщика почетно и выгодно, а не тягостно». Такъ разсуждалъ Руссо.—Сочиненіе Беарде-Делабея очень близко къ этимъ разсужденіямъ.

Иначе думалъ нашъ русскій писатель Полѣновъ. Въ своемъ произведеніи «О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи» [1]) онъ посмотрѣлъ на дѣло трезвѣе. Мрачными красками рисуетъ онъ положеніе крестьянъ и предсказываетъ возможность народныхъ возмущеній, какъ слѣдствіе этого положенія; не свободу считалъ онъ опасной, а крѣпостную зависимость. Пугачевскій бунтъ былъ исполненіемъ его предсказаній. Но интересно, что Полѣновъ, требуя освобожденія, все-таки, не можетъ отказаться отъ нѣкоторой власти помѣщиковъ надъ крестьянами: по его мысли, крестьянинъ долженъ непремѣнно одинъ день въ недѣлю работать на помѣщика, и это право, можетъ быть, продано помѣщикомъ кому угодно. Го-

[1]) «Русскій Архивъ», 1865 годъ, № 3.

воря объ осуществленіи своихъ идей, Полѣновъ замѣчаетъ, что «это должно совершаться медленно и постепенно, ибо извѣстно, что сего вдругъ безъ великой опасности произвести въ дѣйство не можно и многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго народа».

Гораздо лучше видѣлъ истину въ этомъ дѣлѣ Радищевъ. Въ знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» (1790 года), онъ говоритъ о необходимости освобожденія одновременно всѣхъ крестьянъ волею верховной власти и о необходимости надѣленія освобожденныхъ землею. Онъ высказалъ тѣ два основныхъ принципа крестьянской реформы, которые и были черезъ 70 лѣтъ дѣйствительно положены въ ея основаніе. Личность Радищева чрезвычайно интересна и характерна, равно какъ и его сочиненія. Воспитанникъ иностранной философіи, онъ былъ въ то же время кореннымъ русскимъ человѣкомъ въ душѣ; но онъ никогда не умѣлъ примирить въ себѣ противорѣчій и жилъ въ постоянной путаницѣ различныхъ идей и направленій. Преобладающее, однако, начало въ его литературной дѣятельности—начало народное. Но мы не будемъ здѣсь останавливаться на его сочиненіяхъ и характерѣ, ибо статью о Радищевѣ автора настоящаго сочиненія читатель найдетъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1883 годъ, въ апрѣльской книжкѣ.

Увлеченный многими идеями философовъ XVIII вѣка, не изъ ихъ философіи, однако, почерпнулъ Радищевъ свою благородную мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ.—Точно также не изъ этой философіи, хотя и увлекался то же многими ея положеніями, взялъ мысли о крестьянахъ и Болтинъ, авторъ «Примѣчаній на исторію Древнія и Нынѣшнія Россія г. Леклерка» [1]). Въ своихъ «Примѣчаніяхъ» на Леклерка Болтинъ представляетъ проектъ освобожденія крѣпостныхъ людей. — Въ вопросѣ о крѣпостныхъ и ихъ освобожденіи Болтинъ нѣсколько путается, впадаетъ въ противорѣчія; но эти колебанія-то его и представляютъ для насъ особенный интересъ, потому что служатъ указаніями — какія идеи и откуда зарождались въ нашемъ историкѣ.—Онъ сочувственно цитируетъ мысли Руссо, что «свобода есть вкусная, но неудобоваримая пища», что «прежде должно учинить свободными души рабовъ, а потомъ уже тѣла» [2]); но онъ не соглашается съ мнѣніемъ знаменитаго мыслителя, что нужно освобождать крестьянъ постепенно, сообразно съ ихъ поведеніемъ. Подобный планъ онъ считаетъ невозможнымъ и убѣжденъ, что дать свободу надо всѣмъ и одновременно.—Весьма важно замѣтить, что необходимость освобожденія Болтинъ выво-

[1]) Примѣчанія на исторію «Древнія и Нынѣшнія Россіи» г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ, 2 т., 1788 годъ.

[2]) Томъ I, стр. 236.

дитъ изъ своего изученія русской исторіи. Онъ говоритъ, что вольность высоко цѣнилась въ древней Руси, и указываетъ въ подтвержденіе на договоръ Игоря съ греками, на указъ 1559 года, полагающій смертную казнь за умышленіе на вольность.—Сравнивая Россію съ Франціею, онъ утверждаетъ, что рабство не было у насъ такъ сурово, какъ во Франціи.—Во II-мъ томѣ своего обширнаго сочиненія [1]), онъ представляетъ интересный историческій очеркъ закрѣпощенія крестьянъ. Въ началѣ крестьяне были (говоритъ онъ) вольны, и не было и донынѣ нѣтъ никакого закона, дѣлающаго ихъ крѣпостными. До прикрѣпленія къ землѣ, до уничтоженія Юрьева дня, помѣщики не имѣли права требовать съ нихъ больше, чѣмъ слѣдовало по условію. Даже послѣ прикрѣпленія къ землѣ помѣщики не имѣли права продавать крестьянъ; этотъ гнусный обычай (а не законъ) утвердился только съ теченіемъ времени.

Не только по взгляду на крестьянскій вопросъ, но и по другимъ его мыслямъ Болтинъ можетъ быть названъ писателемъ народнаго направленія. Его можно считать однимъ изъ начинателей нашего позднѣйшаго, очень важнаго, литературнаго направленія—славянофильства. Очень похожи на позднѣйшія славянофильскія воззрѣнія его взгляды на древнюю Русь, на ея вѣче, на отношенія между княземъ и вѣчемъ, на русскій народный характеръ (отличительными качествами котораго Болтинъ считалъ: мягкость, наклонность къ семейной жизни, терпимость), его сравненіе русскаго народа съ народами Запада, его взгляды на общину и крестьянскій міръ, на Петра Великаго; передъ Петромъ онъ, правда, благоговѣлъ, но нѣкоторымъ его реформамъ не сочувствовалъ, какъ, напримѣръ, перенесенію столицы изъ Москвы въ Петербургъ.

Нѣчто похожее на славянофильство есть (хотя въ слабой степени) и у другого извѣстнаго историка Екатерининскихъ временъ—князя Щербатова. Онъ тоже можетъ быть до нѣкоторой степени причисленъ къ писателямъ, въ дѣятельности которыхъ выражаются народныя начала. Симпатіи князя Щербатова къ родной старинѣ и народу сказались не столько въ его «Исторіи», сколько въ статьяхъ публицистическихъ, гдѣ онъ высказываетъ свое неудовольствіе, или негодованіе на паденіе нравовъ современнаго общества.—Въ «Письмѣ къ вельможамъ, правителямъ государства» [2]) онъ негодуетъ на сильныхъ людей, притѣсняющихъ народъ, и сочувствуетъ этому послѣднему, не смотря на свой аристократизмъ. Въ трактатѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» [3]) онъ, какъ человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, энергично указы-

---

[1]) Томъ II, стр. 208 — 248.

[2]) «Русская Старина» 1872 года, январь.

[3]) «Русская Старина» 1870 года, начиная съ іюля, и 1871 года іюнь.

ваетъ, съ точки зрѣнія этихъ правилъ, на современный развратъ общества. Онъ говоритъ, что сближеніе съ Европой поправило нашу внѣшность, но разрушило древнюю нравственность. Князь Щербатовъ представляется въ своихъ публицистическихъ сочине-



Князь М. М. Щербатовъ.
Съ неизданнаго гравированнаго портрета изъ собранія Бекетова.

ніяхъ непосредственнымъ, наивнымъ русскимъ человѣкомъ со многими его достоинствами и со многими недостатками.

Разсмотрѣвъ рядъ сочиненій съ народнымъ характеромъ, сдѣлаемъ теперь, въ немногихъ словахъ, выводы изъ всего сказаннаго выше.

Во-1-хъ, оказывается, что народное направленіе въ литературѣ Екатерининской эпохи особенно богато произведеніями и выдающимися писателями. Оно выражается въ цѣломъ рядѣ комедій, сатирическихъ журналовъ, публицистическихъ, историческихъ и другого рода сочиненій. Главные представители его: поэтъ съ огромнымъ талантомъ Фонвизинъ, замѣчательный публицистъ Радищевъ и историкъ-славянофилъ Болтинъ.

Во-2-хъ, весьма замѣчательно то обстоятельство, что всѣ писатели этого направленія выражаютъ народные взгляды и чувства безсознательно, инстиктивно. Они сочувствуютъ простымъ русскимъ людямъ, русской старинѣ, роднымъ обычаямъ и нравамъ, потому что они сами—русскіе люди. Но сознаніе ихъ зачастую расходится съ ихъ непосредственнымъ чувствомъ. Авторы комедій, напримѣръ, въ формѣ своихъ произведеній явно подражаютъ иностраннымъ оригиналамъ; Фонвизинъ старательно приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ идеи французскихъ и англійскихъ педагоговъ, и его резонеры (за исключеніемъ Стародума)—совершенные иностранцы; Радищевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Гельвеція, Руссо, Вольтера и другихъ философовъ и до конца жизни не смогъ примирить воспринятыхъ отъ нихъ идей съ дорогими ему русскими чувствами и мыслями; у Болтина преклоненіе передъ Руссо испортило проектъ освобожденія крестьянъ.

Но, въ-3-хъ, не смотря на это, названные писатели сдѣлали много для развитія и укрѣпленія народной идеи въ нашей литературѣ и жизни: а) они представили цѣлый рядъ болѣе или менѣе художественно нарисованныхъ русскихъ типовъ; б) они осмѣяли съ замѣчательнымъ юморомъ французоманію русскаго общества; в) они подмѣтили (какъ, напримѣръ, Болтинъ и Фонвизинъ) темныя стороны жизни западно-европейскихъ народовъ; г) они сказали горячее слово за крестьянъ, за ихъ свободу (въ этомъ отношеніи первое мѣсто, очевидно, принадлежитъ Радищеву); д) наконецъ, они, главнымъ образомъ Болтинъ, подмѣтили отличительные признаки нашего народнаго характера и нашей исторіи.

Такая ихъ дѣятельность не могла пройдти безъ сильнаго вліянія на общество. И въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что комедіи въ театрѣ смотрѣлись охотно, публика ихъ любила, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ «Драматическій словарь» 1787 года; журналы читались также охотно (Живописецъ, напримѣръ, выдержалъ нѣсколько изданій); Фонвизинъ былъ въ большой славѣ, и огромное вліяніе его на общество не можетъ подлежать сомнѣнію. Радищевъ и Болтинъ не пользовались, конечно, такой популярностью, но и они не прошли безслѣдно. Хотя «Путешествіе» Радищева разошлось въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, но ссылка, а затѣмъ смерть его надѣлали много шуму и вызвали сочувствіе къ нему общества; на его смерть писались стихи; а вскорѣ затѣмъ послѣдовало изданіе

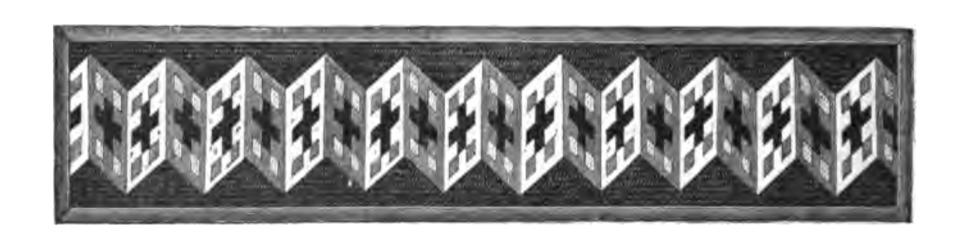
его сочиненій. «Примѣчанія на исторію Леклерка» Болтина читались, вѣроятно, съ охотою, ибо дѣды наши дорожили національною честью.

Все это приводитъ насъ къ отрадному заключенію, что, при всемъ безуміи увлеченія нашего общества Екатерининскихъ временъ иноземнымъ, русскія начала были въ немъ, однако, очень сильны, связь съ историческимъ прошлымъ не прерывалась и духу древней русской жизни не грозила опасность изсякнуть въ жизни новой.

А. Незеленовъ.

25-го апрѣля
1887 г.





ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ АЛМАЗОВЪ.

I.

Что такое алмазъ. — Алмазныя копи въ Остъ-Индіи. — Способы добыванія въ нихъ алмазовъ. — Цѣнность алмазовъ. — Бразильскіе алмазы. — Мѣстонахожденіе ихъ.—Находка большого алмаза «Южная звѣзда».—Его исторія.—Дурная слава бриллiанта «Коинуръ».—Количество и стоимость всѣхъ алмазовъ, находящихся въ обращеніи. — Цвѣтные американскіе алмазы. — Коллекція алмазовъ короля португальскаго. — Исторія одного мнимаго алмаза. — Африканскія алмазныя копи. — Алмазъ «Звѣзда Южной Африки». — «Сухія» алмазныя копи. — Городъ Кимберли. — Способы добыванія алмазовъ въ африканскихъ копяхъ. — Замѣчательные алмазы съ африканскихъ пріисковъ.—Разница въ достоинствѣ и цѣнѣ алмазовъ. — Мѣстонахожденіе алмазовъ въ Китаѣ и въ Австраліи.

СЛОВО АЛМАЗЪ происходитъ отъ арабскаго «элмасъ». Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ тѣлъ, алмазъ самое твердое. Твердость его = 10; не смотря на всю твердость, алмазъ такъ хрупокъ, что его можно растолочь въ самый мельчайшій порошокъ. Относительный вѣсъ алмаза = 3,5... 3,6, по химическому составу онъ чистый углеродъ. О происхожденіи алмаза существуютъ три гипотезы: одни объясняютъ происхожденіе алмазовъ послѣдствіемъ тлѣнія органической клѣточки; другіе видятъ въ немъ результатъ каленія угля—и, наконецъ, третьи приписываютъ происхожденіе алмаза разложенію угольной кислоты. Кристаллическая система алмаза правильная, отдѣленіе наклонно-гранное (тетраэдрическое), изломъ раковистый,— и, какъ камень, онъ кристаллизуется въ формахъ правильной системы и отличается простымъ преломленіемъ лучей свѣта. Лучшаго

качества алмазъ безцвѣтенъ, съ сильнымъ блескомъ и съ высшей степенью игры цвѣтовъ,—про такой камень говорятъ, что онъ «чистѣйшей воды»; но большею частію алмазы бываютъ съ слабымъ оттѣнкомъ другихъ цвѣтовъ, какъ-то: винно-желтаго, соломеннаго, бураго, грязно-зеленаго, свѣтло-синеватаго, стального, красноватаго, и чернаго—такіе камни зовутся ювелирами съ «надцвѣтомъ». Алмазы, окрашенные рѣзко въ густой красный, синій, желтый, зеленый, розовый и черный цвѣта, высоко цѣнятся любителями; извѣстны неотдѣланные еще алмазы, которые при содѣйствіи химическихъ реагентовъ, употребленныхъ при высокой температурѣ, теряютъ свой цвѣтъ,—къ такимъ принадлежатъ блѣдно-розовые алмазы, которые, при простомъ нагрѣваніи въ печи, получаютъ густой розовой цвѣтъ; впрочемъ, цвѣтъ этотъ по охлажденіи камня опять пропадалъ. Но бывали случаи, когда первобытный цвѣтъ алмаза измѣнялся навсегда. Такой примѣръ былъ замѣченъ на алмазѣ г. Мартона, извѣстнаго продавца бриллiантовъ,—онъ подвергъ высокой температурѣ довольно крупный бриллiантъ коричневаго цвѣта—и, послѣ опыта, камень навсегда удержалъ розовато-красный отблескъ.

Наружность сырыхъ алмазовъ весьма непривлекательна; поверхность добытыхъ изъ земли кристалловъ и каплеобразныхъ или зернистыхъ агрегатовъ алмаза, большею частію, бываетъ шероховата и покрыта полупрозрачною трещиноватою корою свинцово-сѣраго блеска; цвѣтъ сырыхъ алмазовъ различный, съ желтымъ, зеленоватымъ и черноватымъ оттѣнкомъ,—попадаются, впрочемъ, и безцвѣтные кристаллы чистѣйшей воды.

Въ древности приписывали алмазамъ особенное вліяніе на судьбу и счастіе человѣка; ихъ носили какъ талисманъ. Въ «Книгѣ Свойствъ» говорится, что изъ двухъ воюющихъ сторонъ побѣдительницею выйдетъ та, которая владѣетъ болѣе тяжеловѣснымъ алмазомъ. Кажется, этому повѣрью особенную силу придавалъ Карлъ Смѣлый,—извѣстно, что всѣ свои драгоцѣнности, и особенно алмазы, онъ бралъ въ битвы, слѣпо вѣруя въ таинственную силу драгоцѣнныхъ камней. Въ несчастной битвѣ при Нанси, онъ носилъ на себѣ тотъ алмазъ, который теперь носитъ имя «Санси» (см. его описаніе).

По словамъ восточныхъ писателей (см. К. Патканова. Драгоцѣнные камни по понятіямъ армянъ XVII вѣка), если привязать къ рукѣ женщины алмазъ, то при тяжелыхъ родахъ она легко разрѣшается отъ бремени. Алмазъ также имѣлъ свойство сгонять съ лица «пестрый цвѣтъ»; носящій алмазъ бываетъ угоденъ царямъ; слова его уважаются; онъ зла не боится, не будетъ страдать болью желудка, не теряетъ памяти и всегда бываетъ веселъ. Если алмазъ истолочь на камнѣ въ порошокъ и дать человѣку принять внутрь, то онъ подобно яду причинитъ ему смерть.

Самые лучшіе и крупные алмазы, извѣстные въ Европѣ, добыты въ Остъ-Индіи. Алмазная копь, извѣстная во всемъ мірѣ, на-

ходится въ Буделькундѣ, близъ Панна. Здѣсь въ XVIII вѣкѣ болѣе 100,000 работниковъ занималось добычей алмазовъ. Теперь едва двѣ сотни рукъ производятъ эту важную работу. Пріиски лежатъ у подножія небольшого пригорка, въ десяти минутахъ ходьбы отъ Буделькунда. Самая шахта имѣетъ въ діаметрѣ отъ 12 до 15 метровъ, а въ глубину 20. Наносная почва, которую она прорѣзываетъ, состоитъ изъ горизонтальныхъ, одинъ надъ другимъ лежащихъ слоевъ, образовавшихся изъ остатковъ гнейса; подъ ними находится алмазная руда, смѣсь кремня и кварца, лежащая на красноватомъ глинистомъ грунтѣ. Приступая къ добыванію руды, шахту просверливаютъ въ какомъ нибудь направленіи и вытаскиваютъ, что попадется подъ руку. Рабочіе спускаются съ самаго уровня по наклонному спуску, охраняемому солдатами, стоя по колѣно въ водѣ, которую не могутъ исчерпать даже бадьи водочерпательной машины; рабочіе ограниваются тѣмъ, что наполняютъ корзины грязноватою массою и выносятъ ее на верхъ. Тамъ, подъ навѣсомъ, помѣщается цѣлая система каменныхъ жолобовъ, въ которыхъ руда тщательно промывается; кремнистый остатокъ выкладывается на мраморный столъ и поступаетъ на разсмотрѣніе сортировщиковъ. Послѣдніе, имѣя каждый за спиною досмотрщика, разсматриваютъ камни одинъ за другимъ, откидывая негодные обратно въ корзину, а алмазы оставляя возлѣ. Кажется, съ открытія алмазовъ не введено еще никакого улучшенія въ способѣ ихъ добыванія. Преданіе говоритъ, что первые алмазы огромной величины были найдены совершено случайно при вырытіи колодца. Вслѣдствіе столь несовершеннаго способа, Паннскія копи, разработываемыя уже въ теченіе двадцати вѣковъ, все еще находятся почти въ непочатомъ видѣ,—и, въ тотъ день, когда работа начнетъ производиться штолнями, безъ сомнѣнія, получатся удивительные результаты. Алмазоносный слой простирается въ длину болѣе чѣмъ на 30 километровъ къ сѣверо-востоку отъ Панны; самыми значительными копями считаются здѣсь: Мира, Камарія, Этава, Брійпуръ и Барагари.

Алмазовъ здѣсь ежегодно добываютъ на сумму отъ 1½ до 2 милліоновъ франковъ, что̀ очень немного, если взять во вниманіе, что эти алмазы считаются лучшими во всемъ свѣтѣ. Впрочемъ, въ Европу они доходятъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Алмазы же, которые мы привыкли называть индійскими, по большей части, бразильскіе камни, которые путешествуютъ сначала въ Индію, а потомъ возвращаются обратно въ индійскихъ оберткахъ и ярлыкахъ. Алмазы Панны превосходной игры и чистой воды; они представляютъ удивительное разнообразіе цвѣтовъ, начиная отъ самаго чистаго бѣлаго до чернаго и переходя во всѣ промежуточные оттѣнки—молочный, желтый, розовый и зеленый. Вѣсъ ихъ не превышаетъ среднимъ числомъ пяти и шести каратовъ, но попадаются и гиганты.

Не смотря на всѣ недостатки системы эксплуатаціи, дѣйствительный доходъ съ копей можно считать въ два раза больше оффиціальнаго дохода. Воровство въ копяхъ практикуется въ крупныхъ размѣрахъ. Раджа нашелъ только одинъ способъ положить ему нѣкоторый предѣлъ,—онъ установилъ приблизительную цифру обязательнаго дохода съ копей; такъ, если онъ получаетъ менѣе этой условленной цифры, то вызываетъ къ себѣ главнаго заподозрѣннаго въ плутняхъ начальника, велитъ его обезглавить и конфискуетъ все его состояніе.

Раджа продаетъ свои алмазы прямо въ Алагабадъ и въ Бенаресъ. Всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ выстроилъ мастерскія для обдѣлки камней въ Паннѣ; прежде алмазы продавались въ сыромъ видѣ. Алмазы здѣсь гранятъ въ форму розы и дикштейна (рис. 1). Dickstein, Diamant epais, indische Schnitt). Индійцы почему-то не любятъ многогранныхъ бриллiантовъ, пользующихся въ Европѣ такою славою.

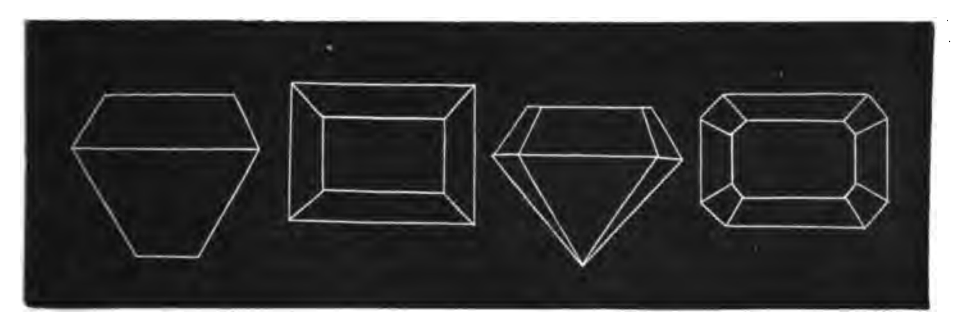


Рис. 1-й. Индійская огранка алмазовъ.

Не менѣе превосходные алмазы находятъ въ Бразиліи, въ провинціи Минасъ-Гераэсъ. Здѣсь знаменитъ богатыми находками округъ Діамантино. Алмазы въ этой мѣстности встрѣчаются въ слоистомъ песчаникѣ, называемомъ здѣсь итаколумитъ. Первые алмазы были найдены въ 1727 году; по разсказамъ, зерна алмазовъ долго служили туземцамъ какъ игральныя фишки, — многія изъ этихъ фишекъ попали въ Лиссабонъ, и здѣсь голландскій консулъ первый распозналъ въ нихъ алмазы.

Сперва добываніе алмазовъ было стѣснено высокими налогами и разными строгими правилами; но въ настоящее время алмазы въ Бразиліи можетъ отыскивать каждый; правительство беретъ съ квадратной сажени подать по одному реалу (около одной тринадцатой копѣйки) ежегодной подати—и, сверхъ того, взимается пошлина за вывозимые алмазы, полпроцента съ ихъ цѣнности.

Добыча алмазовъ въ Бразиліи производится въ Сано-Жоано-до-Барро; здѣсь различаютъ рѣчные и полевые пріиски,—алмазы нахо-

дятъ прямо на поверхности, въ руслѣ высохшей рѣки, или снимаютъ слой почвы въ 20 и 25 футовъ. Характернымъ признакомъ въ рѣчномъ и полевомъ пріискѣ служатъ роговикъ, кварцъ, хризолитъ, халцедонъ, турмалинъ, наждакъ и анатасъ, а также и разноцвѣтные кусочки различныхъ видовъ глины. Въ нѣкоторыхъ руслахъ вода вымываетъ котлообразныя углубленія, гдѣ иногда находятъ цѣлыя гнѣзда алмазовъ,—были счастливцы, которые изъ такихъ ямъ добывали болѣе 8,000 каратовъ алмаза. Большая часть алмазовъ, находимыхъ въ Бразиліи, вѣситъ менѣе карата, — алмазы до пяти и шести каратовъ попадаются весьма рѣдко, — крупный алмазъ вѣсомъ болѣе сотни каратовъ былъ найденъ только разъ въ пятидесятыхъ годахъ. Онъ былъ выставленъ въ 1856 году на парижской выставкѣ; замѣчательно, что этотъ камень не принесъ счастія ни одному изъ его владѣльцевъ. Нашла его невольница, принесшая обѣдъ неграмъ-работникамъ; пока они ѣли, она сѣла по близости и отъ нечего дѣлать начала разбирать камни, между которыми и открыла великолѣпный алмазъ. Она отдала его своему хозяину, который однако за такую драгоцѣнную находку не далъ ей свободы. Изъ этого невеликодушнаго поступка, суевѣріе и выводитъ всѣ послѣдующія несчастія владѣльцевъ этого алмаза. Первый владѣлецъ алмаза, какъ человѣкъ весьма небогатый, получилъ дозволеніе за плату отъ другого владѣльца искать здѣсь алмазы. Владѣлецъ пріиска предъявилъ свои притязанія на камень, потому что невольница нашла его не въ томъ мѣстѣ, гдѣ было дано позволеніе,—дѣло дошло до тяжбы; чтобы вести ее, владѣлецъ камня заложилъ его въ банкъ за 55,000 рублей; изъ этой суммы онъ уплатилъ большіе проценты и комиссію; пока тянулся процессъ, владѣлецъ алмаза умеръ,—у его вдовы не осталось денегъ. Алмазъ переходилъ черезъ нѣсколько рукъ, пока одинъ торговецъ брилліантами не купилъ его за 250,000 рублей, для чего долженъ былъ занять часть денегъ за большіе проценты. Съ купленнымъ камнемъ онъ отправился въ Амстердамъ, гдѣ его ошлифовалъ. Обработка ему стоила около 45,000 голландскихъ гульденовъ. Камень оказался не первой воды; его предлагали различнымъ монархамъ и пользовались всякимъ случаемъ бракосочетанія въ царствующихъ домахъ, чтобы сбыть эту драгоцѣнность, — но безуспѣшно; владѣлецъ камня съ горя умеръ отъ такой неудачи. Камень этотъ теперь принадлежитъ одному французскому торговому дому, который заплатилъ за него только часть денегъ; названъ онъ «Южною звѣздою». Рис. 2 изображаетъ камень въ сыромъ видѣ; рис. 3— въ ограненномъ видѣ. Замѣчательно, что, по народному повѣрью, всѣ крупные брилліанты приносятъ несчастіе своимъ владѣльцамъ. Такъ, извѣстный «Коинуръ» особенно извѣстенъ своею дурною славою. Изъ 18 государей Индостана, по очереди владѣвшихъ этимъ брилліантомъ, одни были предательски умерщвлены, или

пали въ сраженіяхъ, другіе были низвергнуты и изгнаны и умерли въ нищетѣ. По этому случаю недавно въ «Times» напечатано было письмо одного патріота англичанина, совѣтующаго королевѣ Викторіи отдѣлаться отъ рокового драгоцѣннаго камня. Полагаютъ, что всѣ алмазы, добытые до 1850 года въ Бразиліи, вѣсятъ 10.169,586 каратовъ, или около 130 пудовъ, что составитъ цѣну приблизительно въ 112 милліоновъ рублей. По Квенштедту всѣхъ алмазовъ у всѣхъ народовъ не болѣе какъ 100 центнеровъ или 300 пудовъ, что составитъ кубъ въ $3^{1}/_{2}$ фута, на который съ удобствомъ можно бы было опереться. Французское правительство, которое нѣкогда въ теченіе столѣтій щеголяло своимъ блескомъ, владѣетъ приблизительно лишь двумя фунтами алмазовъ, въ суммѣ равняющихся кубу съ ребромъ въ 66 миллиметровъ длиной, или шару не болѣе 3-хъ дюймовъ въ діаметрѣ, который уложится во всякій карманъ.



Рис. 2-й.

По свѣдѣніямъ же американскихъ газетъ, вѣсъ всей массы алмазовъ, добытыхъ изъ одной тощей почвы африканской «алмазной республики», равняется около 400 пудовъ! Эта куча алмазовъ давно уже превратилась въ солитеры, ривьеры и брилліантовую пыль,

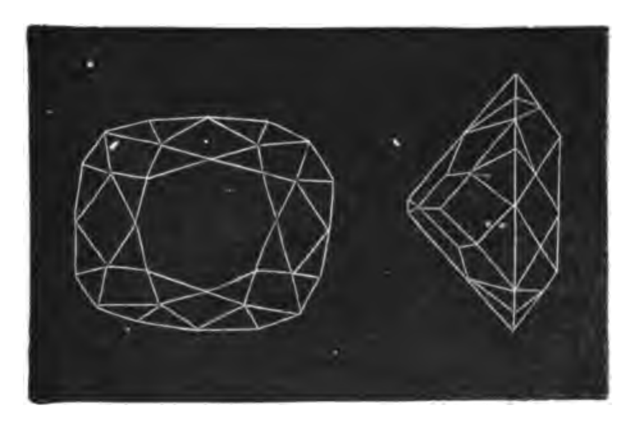


Рис. 3-й.

представляющую колоссальную цѣнность въ 400 милліоновъ рублей. По разсказамъ путешественниковъ, почти всякій діамантинецъ занимается торговлей алмазами, и даже дамы съ особенною любовію торгуютъ этими драгоцѣнными камнями. Торговля алмазами

у франтовъ Діамантины такая же страсть, какая въ европейскихъ городахъ проявляется въ модѣ на лошадей и собакъ.

Въ провинціи Багіи, въ верховьяхъ рѣкъ Арассуаи и Піади находятъ алмазы преимущественно цвѣтные, а также и карбонаты (аморфные алмазы). Въ сокровищницѣ португальскаго короля хранится богатая коллекція алмазовъ всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, стоющая 18 милліоновъ рублей; тамъ же лежатъ и два огромныхъ брилліанта, добытыхъ также въ копяхъ Америки. Первый изъ этихъ алмазовъ, какъ говорятъ, вѣситъ 1,680 каратовъ; второй алмазъ, найденный у Ріо-Абаэте, вѣсомъ 138½ кар. Свѣдѣнія объ этихъ гигантахъ-алмазахъ покрыты таинственностью, и по разсказамъ англичанина Мове—алмазы эти ничто иное какъ безцвѣтные топазы. Вѣроятно, настоящая природа этихъ алмазовъ когда нибудь откроется, и ихъ, пожалуй, постигнетъ участь извѣстнаго алмаза Дюпоиза, надѣлавшаго столько шуму въ Европѣ въ пятидесятыхъ годахъ. Дюпоиза, майоръ португальской службы, распространилъ въ газетахъ слухи о находящемся у него сокровищѣ, необыкновенномъ алмазѣ, который могъ бы сдѣлать его Крезомъ, еслибъ нашелся состоятельный покупатель. Новое чудо, мнимый алмазъ, былъ выставленъ первоначально въ Лейбахѣ. Онъ вѣсилъ болѣе ⅓ фунта и былъ въ шесть разъ болѣе знаменитаго «регента», которому ни чѣмъ не уступалъ. Австрійское правительство послало въ Лейбахъ одного изъ агентовъ полиціи для привлеченія Дюпоиза въ Вѣну, — такъ какъ было предувѣдомлено бразильскимъ посланникомъ о пропажѣ въ его отечествѣ одного весьма крупнаго алмаза. Въ Вѣнѣ была составлена комиссія изъ минералоговъ для изслѣдованія камня, которая послѣ перваго же осмотра объявила его топазомъ. Такимъ образомъ Дюпоиза избавился отъ преслѣдованія со стороны бразильскаго посольства, но навлекъ на себя подозрѣніе въ намѣреніи произвести обманъ; впрочемъ, онъ, кажется, обманывалъ самого себя, нежели другихъ; онъ такъ былъ очарованъ своимъ сокровищемъ, что когда ему показали удвоеніе пламени свѣчи, производимое его камнемъ, то сталъ считать этотъ камень за алмазъ еще болѣе драгоцѣнный, за единственный, въ которомъ усматривается двойное лучепреломленіе свѣта. Дюпоиза отправился въ Венецію, гдѣ еще разъ защищалъ алмазную природу своего камня, но испытаніе на шлифовальномъ станкѣ обнаружило очевиднѣйшимъ образомъ всю несостоятельность его доводовъ. Обстоятельство это повергло его въ такое отчаяніе, что онъ хотѣлъ утопиться, бросившись въ лагуну, но, къ счастію, его спасли. Подробное описаніе этого камня находимъ въ газетѣ «Constitutionel», за 1858 годъ; авторъ статьи предполагаетъ, что камень Дюпоиза—не топазъ, а безцвѣтный шпинель (?).

Самый большой алмазъ, найденный въ Бразиліи бѣднымъ рыбакомъ, вѣситъ 120 каратовъ; онъ хранится въ собраніи португальскаго короля.

Въ Южной Африкѣ, въ Капской землѣ, вблизи рѣкъ Оранжевой и Вааль, находятся пріиски, обладающіе необыкновеннымъ богатствомъ алмазовъ; копи эти извѣстны подъ именемъ «Алмазныхъ полей» (Diamonds fields). Двадцать лѣтъ тому назадъ эта мѣстность была самая дикая—да и теперь путь къ ней, по словамъ путешественниковъ, представляетъ одну безплодную, знойную и пыльную пустыню, безъ признаковъ растительности; только однѣ побѣлѣвшія кости быковъ, лошадей и другихъ животныхъ указываютъ дорогу къ пріискамъ. Не мало погибло здѣсь и людей, изнуренныхъ труднымъ путемъ. Самый ближайшій городъ къ пріискамъ—это Каптаунъ; отсюда нѣсколько часовъ ѣзды до пріисковъ извѣстныхъ подъ именемъ «сухихъ копей (Dry Digging) въ отличіе отъ «рѣчныхъ копей» (River Digging), лежащихъ въ двадцати пяти миляхъ далѣе. Съ вершины небольшой возвышенности передъ глазами видна цѣпь низкихъ холмовъ, образовавшихся изъ земли, вырытой въ копяхъ Дютуа (Dutoits Tah), Бельфонтенъ (Bulefontein) и Кимберли (Kimberley). По равнинѣ, у подошвы песчаныхъ холмовъ, раскинулся большой городъ, сверкая на солнцѣ своими бѣлыми кровлями. Дорога къ пріискамъ идетъ по краю мелководнаго озера, называемаго «pan», по тому самому мѣсту, гдѣ нѣкогда жилъ фермеръ Дютуа мирно и одиноко до того дня, когда въ горсти голышей не нашелъ вдругъ 15-ти алмазовъ. Въ городѣ главная контора алмазныхъ копей «Diamonds fields'offide of the Inland Company» и другія конторы съ гиганскими надписями и вывѣсками: «здѣсь покупаютъ алмазы», «торговецъ алмазами» и т. д. Открытіе алмазовъ произошло слѣдующимъ образомъ. Въ 1867 году нѣкто Джонъ О'Релли, торговецъ и охотникъ, по пути внутрь страны остановился у сліянія рѣкъ ночевать на фермѣ одного голландца, Ванъ Никерка. Дѣти фермера играли на земляномъ полу красивыми камешками, давно уже собранными въ рѣкѣ. Одинъ изъ камешковъ привлекъ вниманіе О'Релли, онъ поднялъ его и замѣтилъ: «кажется, это алмазъ»? Никеркъ разсмѣялся. «Можете взять его себѣ»,—сказалъ онъ,—«это навѣрное не алмазъ, такихъ булыжниковъ здѣсь множество». Однако, О'Релли не смутился насмѣшкой и сказалъ Никерку, что, съ его позволенія, онъ возьметъ этотъ камень въ Каптаунъ, узнаетъ, что это такое, и въ случаѣ если это алмазъ, то онъ подѣлится съ фермеромъ его стоимостью. По дорогѣ, въ городѣ Кальсбургѣ, онъ показалъ камень доктору Атерстону и тотъ подтвердилъ, что это дѣйствительно алмазъ вѣсомъ въ $22^1/_2$ карата. Этотъ алмазъ былъ проданъ за 3,000 долларовъ. Надо сказать къ чести О'Релли, что онъ добросовѣстно подѣлился барышемъ съ Никеркомъ. Тутъ Никеркъ вспомнилъ, что видѣлъ точно такой же камень громадной величины въ рукахъ кафирскаго знахаря, употреблявшаго его при своихъ заклинаніяхъ. Никеркъ немедленно разыскалъ фетиша, далъ ему за камень 500 штукъ овецъ, нѣсколько лошадей, почти все свое имущество и самъ въ тотъ же

день продалъ алмазъ опытному торговцу за 56,000 долларовъ; это была знаменитая «Звѣзда Южной Африки». Камень вѣсилъ $83^1/_2$ карата въ неотдѣланномъ видѣ и по чистотѣ воды и блеску не уступалъ индійскимъ каменьямъ. Когда онъ былъ отдѣланъ, его пріобрѣлъ графъ Дёдлей, и онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ бриллiанта Дёдлея. Вслѣдъ затѣмъ, туземцы, роясь въ землѣ, нашли еще много каменьевъ. Народъ всполошился; общее возбужденіе росло и усиливалось съ каждымъ днемъ. Въ 1869 году уже цѣлыя партіи промышленниковъ въ фургонахъ тащились по унылымъ степямъ къ рѣкѣ Ваалю. Народъ стекался со всѣхъ странъ и скоро, словно по волшебству, выросъ цѣлый городъ палатокъ, съ 12-ю и больше тысячъ жителей въ Пніелѣ и Клипдрифтѣ, на противоположныхъ берегахъ рѣки, гдѣ находили алмазы въ изобиліи и превосходнаго качества, роясь въ кучѣ голышей, выброшенныхъ волнами. Скоро сотни люлекъ въ родѣ тѣхъ, которыя употребляются австралійскими золотопромышленниками, качались на берегу рѣки, вокругъ нихъ суетились цѣлыя арміи рудокоповъ, сѣяльщиковъ и носильщиковъ. Люди были ошеломлены своимъ счастьемъ. Бѣдняки въ одинъ мигъ становились богачами. Появились трактиры, лавки, пивоварни, собиравшіе такую же обильную дань, какъ и сами промышленники. Толпы искателей счастія переносили свои кочевья вверхъ и внизъ по рѣкѣ, дѣлая все новыя и новыя открытія, въ 1870 и 1871 годахъ, на площади отъ 40 до 50 миль въ окружности.

Вскорѣ однако фортуна обратилась къ другой мѣстности, не столь веселой, за то еще болѣе благодарной. Въ 1871 году, въ самый разгаръ процвѣтанія алмазнаго промысла, вдоль береговъ рѣки, вдругъ пронесся слухъ о находкахъ алмазовъ у озера Дютуа, на открытой равнинѣ.—И вотъ толпа массами хлынула къ этимъ новымъ, такъ называемымъ, «сухимъ копямъ». Здѣсь собралось до 40,000 жителей, которые и построили городъ вокругъ площади около 23-хъ акровъ.—Затѣмъ была открыта здѣсь же маленькая копь Бельфонтенъ и еще смежная съ ней же копь «Old de Beers» и, наконецъ, послѣдняя и теперь оставшаяся послѣдней «New Rusch» или Кимберли (Kimberley). Несомнѣнно, это самый богатый по естественнымъ сокровищамъ уголокъ на земномъ шарѣ. Здѣсь, на пространствѣ радіуса въ одну милю, находится сердце алмазнаго промысла Южной Африки. Въ настоящее время въ Кимберли сосредоточены всѣ труды и усилія алмазнаго промысла. Кимберли имѣетъ населеніе отъ 20,000 до 25,000; изъ нихъ около 4,000 собственно промышленниковъ (diggers), 2,000—торговцевъ алмазами, 2,000—людей, занимающихся другими промыслами, какъ напримѣръ, содержаніемъ лавокъ, трактировъ и т. д. и, наконецъ, отъ 10,000 до 15,000 чернокожихъ, употребляемыхъ въ качествѣ рудокоповъ и рабочихъ въ шахтахъ.—Улицы проведены довольно правильно; въ числѣ большихъ зданій имѣется пять церквей, еврейская синагога и нѣсколько

клубовъ. Въ торговой части города почти на каждомъ домѣ красуется надпись: «торговецъ алмазами». На окраинахъ разбросано множество палатокъ, занятыхъ промышленниками, а еще далѣе виднѣются убогія лачужки готентотовъ и карановъ. Тамъ же стоятъ фургоны колоніи, доставляя временное убѣжище семействамъ, пріѣхавшимъ въ Кимберли—искать счастья. По всей окружающей равнинѣ, да и мѣстами по городу, навалены большія кучи голубоватой глины, вывезенной изъ копи на участки, или огороженныя мѣста разныхъ промышленниковъ; иныя изъ этихъ кучъ уже брошены послѣ тщательнаго осмотра, а иныя только что привезены и въ нихъ возятся голые запыленые негры, лѣниво перетряхиваяситы. Часто можно видѣть всю семью промышленника за этой работой.

Подъ именемъ алмазной копи здѣсь разумѣютъ колодезь (pipe) въ нѣсколько акровъ поверхности и неизвѣстной глубины, идущій въ прямомъ направленіи сквозь слои сланцеватой глины; каждая шахта, а ихъ только четыре, была наполнена до верху пескомъ, туфомъ и конгломератомъ, содержащимъ алмазы. Эта копь выкопана и разработана на глубину около 250 футовъ. Большинство городскихъ улицъ ведутъ къ этой копи. Подойдя къ краю вала, передъ глазами открывается внизу глубокая пропасть, громадный зіяющій котелъ овальной формы; съ краю его внизъ ведетъ крутой спускъ на глубину двухсотъ пятидесяти футовъ; отъ одного края копи до другого протяженіе въ тысячу футовъ, (около пятой части мили). Видъ этой копи способенъ поразить всякаго; воздухъ здѣсь наполненъ гуломъ человѣческихъ голосовъ и визгомъ ведеръ, спускающихся и подымающихся на металлическихъ проволокахъ. Внизу и вокругъ на краю копи работаетъ до 10,000 людей. Если хорошенько вглядѣться, то видно, что люди работаютъ группами, каждая на отдѣльныхъ размежеванныхъ участкахъ; посреди группы стоятъ надсмотрщикъ, или хозяинъ. Черезъ всю шахту простираются, подобно паутинѣ, безчисленныя бѣлыя нити, сверкающія на солнцѣ. Прослѣдивъ одну такую нить, мы увидимъ, что это глянцовитая проволока, побѣлѣвшая отъ постояннаго употребленія.— Здѣсь, на верху, на краю такъ называемаго «рифа», также кишитъ жизнь, пожалуй еще оживленнѣе, чѣмъ внизу. Вокругъ, на обѣихъ противулежащихъ сторонахъ, приспособлены прочныя деревянныя постройки, называемыя станками (staging) и стоившія около 250,000 долларовъ. Онѣ построены въ три яруса, какъ трехъэтажные дома, и въ каждомъ этажѣ приспособлены подмостки, на которыхъ стоятъ рабочіе. Вдоль каждаго яруса крѣпко вдѣланы сотни колецъ, фута по четыре въ діаметрѣ, съ рукояткой по бокамъ, которую вертятъ четыре кафира. Желѣзныя проволоки идутъ сюда съ разныхъ точекъ окружности, но значительно разнятся между собою по длинѣ; нѣкоторыя протянуты вертикально внизъ, съ рифа, другія, напротивъ, протянуты далеко въ центръ копи, или же на разные промежуточные

пункты, но каждая въ свой особый участокъ. Эти проволоки протянуты отъ привода каждаго колеса на станкѣ, внизъ къ соотвѣтствующему участку, гдѣ каждая прикрѣплена къ столбику, крѣпко вбитому въ землю. Такимъ образомъ, колесо, проволока и участокъ— будь онъ хоть самый маленькій, въ $^1/_{16}$ долю—неразлучны и равны по числу. На этихъ желѣзныхъ проволокахъ таскаютъ изъ копи голубую глину на верхъ въ ведрахъ, съ помощью ворота.

Семь лѣтъ тому назадъ это мѣсто ни чѣмъ не отличалось отъ окрестной плоской равнины, почти пустынной. Небольшая партія развѣдчиковъ, роясь въ пескѣ, подъ деревомъ, тамъ, гдѣ теперь центръ, нашла нѣсколько мелкихъ алмазовъ. Тотчасъ же послѣ находокъ толпа устремилась къ новому пріиску. Почва оказалась необыкновенно богатой алмазами: сперва шелъ чистый, красный песокъ, за нимъ на глубинѣ четырехъ футовъ достигли твердаго известняка и мергеля. Глыбы эти тоже содержали алмазы, но ихъ трудно было разбивать; промышленники въ спѣшкѣ и горячкѣ бросали ихъ въ сторону. Подъ этимъ слоемъ шла желтоватая масса рыхлаго камня; этотъ слой обладалъ также алмазами и легко поддавался обработкѣ. Когда бассейнъ углубился, то увидѣли, что онъ имѣетъ рѣзко обозначенные края изъ тальковой глины, подымающіеся отвѣсно вокругъ, какъ скала. Вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдились, что уже за этимъ предѣломъ алмазовъ не водится, поэтому слой оставили нетронутымъ и назвали «рифомъ». Позднѣе, впрочемъ, убѣдились, что алмазоносный конгломератъ и камни тѣсно прилегаютъ къ этому рифу и врѣзываются во всѣ его углубленія, рытвины, жилы и щели. При возбужденномъ состояніи искателей, работа закипѣла съ изумительной быстротой снова. Скоро, на глубинѣ отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ, достигли очень твердаго каменистаго конгломерата, сѣроголубого цвѣта, который получилъ названіе «голубой массы» (blue stuff). Тотчасъ же при видѣ этого слоя поднялись крики: «твердый пластъ!» и многіе поспѣшили продать свои участки въ убытокъ; но голубая масса, хотя была дѣйствительно тверже и упорнѣе всѣхъ другихъ слоевъ, оказалась очень обильной алмазами, и работа загорѣлась съ новой силой. Еще ни въ одномъ пріискѣ не добирались до этого пласта, хотя онъ существовалъ всюду въ той же относительно глубинѣ, но никто изъ рудокоповъ не рылъ до этой глубины, или же вода просачивалась и затопляла пріиски.

Тѣмъ временемъ, каждый участокъ въ тридцать одинъ квадратный футъ, вмѣсто $2^1/_2$ долларовъ, уже стоилъ отъ 5,000 до 40,000 долларовъ; 20,000 было весьма обыкновенной цѣной. До 400 полныхъ участковъ помѣщались въ предѣлахъ кольцеобразнаго рифа. Но многіе изъ нихъ подраздѣлялись на половины, четверти, восьмыя и даже шестнадцатыя доли, такъ что на днѣ шахты образовалось до 1,600 отдѣльныхъ центровъ разработки.

По мѣрѣ того, какъ углублялась копь и достигала ста и больше футовъ, появилось два препятствія; сперва ихъ преодолѣвали довольно легко, но впослѣдствіи они стали серьёзны и весьма убыточны для многихъ промышленниковъ. Во-первыхъ, это скопленіе воды, которая просачивалась сквозь слои окружающей стѣны, а во-вторыхъ, обвалы самой этой стѣны или рифа. Въ теченіе полугода работы дѣлались недоступными—одно время всей копи грозило наводненіе—но, послѣ многихъ неудачъ, промышленники были рады заплатить одному подрядчику 30,000 долларовъ за выкачиваніе воды въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ помощью единственнаго парового насоса, имѣвшагося тогда на пріискахъ.

Большинство крупныхъ бриллiантовъ, т. е. отъ 20-ти каратовъ и болѣе, было найдено именно во время работы внизу киркой, благодаря тому, что цементообразная «голубая масса» ломается легче въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится такой твердый камень, какъ алмазъ. Замѣчено было, что два камня никогда не попадались вмѣстѣ или даже близко другъ отъ друга: алмазы были разсѣяны въ конгломератѣ съ замѣчательной равномѣрностью. Вскорѣ былъ введенъ способъ промывки алмазовъ водою. Введеніе машины для промывки алмазовъ воскресило жизнь въ этой мѣстности. Всѣ владѣльцы копи усвоили этотъ способъ, и вскорѣ покинутыя кучки высѣвокъ осаждались толпами усердныхъ рабочихъ. Трудно было спасти даже почву улицъ отъ усердія промывателей, и многіе дворы, выложенные сухой, твердой глиной, получали вдругъ неожиданную цѣнность. Процессъ промывки наводнилъ рынокъ очень мелкими алмазами, которые прежде пропадали даромъ. Тѣмъ не менѣе и эта метода еще несовершенна, такъ какъ до сихъ поръ пропадаютъ алмазики величиной въ булавочную головку и мельче.

Добываніе алмазовъ требуетъ большихъ затратъ. Возьмемъ, напримѣръ, промышленника средней руки, владѣющаго четвертью участка. Ему представляется на выборъ, смотря по мѣстности, заплатить отъ тысячи до десяти тысячъ долларовъ за четвертую долю участка, т. е. $7^1/_2$ футовъ изъ 31 фута, т. е. полнаго участка.— Орудія для рытья ему будутъ стоить 1,000 долларовъ. Партія рабочихъ изъ 20 кафировъ—по пяти долларовъ въ недѣлю каждому, или 100 долларовъ. Наемъ одного надсмотрщика стоитъ 25 долларовъ въ недѣлю; кушанье и табакъ рабочимъ въ недѣлю—5 долларовъ. Затѣмъ еще расходъ на перевозку земли и уплату податей; все это составитъ въ общемъ расходъ въ 200 долларовъ въ недѣлю, т. е. свыше 10,000 долларовъ въ годъ, кромѣ расходовъ на собственный прожитокъ. Добываніе алмазовъ вознаграждаетъ $^2/_3$ изъ всего числа людей, которые занимаются этимъ промысломъ. Рѣдко кто очищаетъ 50,000 долларовъ изъ одного участка: успѣхъ доступенъ только тѣмъ, кто можетъ начать дѣло съ капиталомъ отъ 3,000 до 5,000 долларовъ.

Самые замѣчательные алмазы съ африканскихъ пріисковъ—это найденный въ 1884 году, въ августѣ, вѣсомъ въ 475 каратовъ. Алмазъ этотъ, по слухамъ, пріобрѣтенъ группою лондонскихъ и парижскихъ ювелировъ. Обработка алмаза поручена опытному гранильщику, который работаетъ надъ нимъ уже второй годъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, алмазу этому суждено быть прекраснѣйшимъ бриллiантомъ въ мірѣ; по вѣсу, по чистотѣ воды и блеску онъ оставитъ далеко за собою всѣ существующіе коронные и историческіе бриллiанты. По окончаніи шлифовки камень вѣсилъ 230 каратовъ; для того, однако, чтобы придать ему возможно изящную форму и еще болѣе увеличить блескъ, рѣшено уменьшить его вѣсъ еще приблизительно на тридцать каратовъ, такъ что въ совсѣмъ готовомъ видѣ вѣсъ его будетъ равняться около 200 каратовъ.

Затѣмъ идутъ: Стюартъ, (Stewart), Шрейнеръ (Schreiner) и, наконецъ, «Звѣзда Южной Африки» (The Star of South Africa). «Стюартъ» въ неотдѣланномъ видѣ вѣсилъ $288^3/_8$ карата (почти двѣ унціи), и можетъ считатся вторымъ изъ крупныхъ алмазовъ безъ пороковъ, найденнымъ до сихъ поръ въ Южной Африкѣ. По величинѣ, его превосходятъ только три солитера въ мірѣ. Первоначальный владѣлецъ его заплатилъ 150 долларовъ за свой участокъ въ копи и отдалъ его въ наймы метису, по имени Антони, чтобы обработывать его на паяхъ. Антони, наблюдая за партіей рабочихъ, почему-то былъ выведенъ изъ терпѣнія однимъ изъ нихъ и, схвативъ его кирку, копнулъ ею нѣсколько разъ; вдругъ, по его собственному выраженію, онъ остановился словно околдованный при видѣ огромнаго камня, похожаго на бриллiантъ. Нѣсколько минутъ онъ не въ силахъ былъ ни говорить, ни двинуться съ мѣста, изъ страха разсѣять чары; но потомъ, собравшись съ духомъ, бросился къ камню и схватилъ его. Цѣлыхъ два дня, послѣ этого, онъ не могъ ни ѣсть, ни пить—до того сильно было его волненіе. «Шрейнеръ»—этотъ большой алмазъ названъ именемъ своей владѣтельницы, молодой кимберлійской дамы; онъ еще не обдѣланъ и покоится въ подземельи кимберлійскаго банка. По вѣсу онъ перещеголялъ Стюарта—въ немъ 308 каратовъ; но вслѣдствіе нѣкоторыхъ неправильностей, онъ, вѣроятно, потеряетъ въ отдѣлкѣ болѣе обычной половины вѣса. Что же касается «Звѣзды Южной Африки», то мы уже упоминали выше объ интересныхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ ея находку. Этотъ бриллiантъ имѣетъ трехъугольную форму; онъ чистѣйшей воды и замѣчательнаго блеска. Въ настоящее время онъ извѣстенъ подъ именемъ алмаза Дёдлея.

Кромѣ этихъ, есть еще нѣсколько великолѣпныхъ каменьевъ, занимающихъ мѣсто наряду съ самыми крупными въ Европѣ.—Въ 1871 году, въ копи Дютуа былъ найденъ алмазъ вѣсомъ въ 124 карата. Онъ принадлежитъ профессору Тенанту, въ Лондонѣ; тамъ его и обдѣлывали, цвѣтъ его блѣдно-желтый, очень блестящій, вѣсъ 66 каратовъ.

Извѣстенъ также еще одинъ капскій алмазъ въ 80 каратовъ, принадлежащій г. Герману въ Нью-Іоркѣ. Въ 1879 году капитаномъ Джонсу былъ найденъ алмазъ вѣсомъ въ 244 карата. Недавно также въ Лондонѣ былъ выставленъ камень въ 150 каратовъ, добытый здѣсь же, формой онъ похожъ на яйцо, только со впадиной о двѣнадцати углахъ, чрезвычайно чистой воды; нашелъ его нѣкто Портеръ-Родесъ. Подобно всѣмъ африканскимъ алмазамъ онъ нѣсколько желтоватой воды. Преобладающій желтый цвѣтъ капскихъ алмазовъ дѣлится на много оттѣнковъ,—отъ темно-оранжеваго до блѣдно-соломеннаго, переходящаго незамѣтно въ бѣлый.— По отношенію къ степени окраски они обозначаются названіями бѣлый (white), капскій бѣлый (Cape white) bije water, off color и желтый (yellow). Если взять камни совершенно одинаковаго качества во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и только разнящихся въ оттѣнкѣ, то бѣлый цѣнится въ десять разъ выше желтаго, и сообразно съ этимъ цѣнность повышается и понижается, смотря по степени окраски. Необходимъ очень привычный глазъ и хорошій пробирный камень (test stone), чтобы разобрать тонкія различія между бѣлымъ, капскимъ бѣлымъ и bije water.

Есть алмазы молочно-бѣлые, а отъ времени до времени попадаются блѣдно-голубого или голубого оттѣнка; послѣдніе цѣнятся очень высоко. Коричневые и розовые встрѣчаются часто, и цѣнятся не очень высоко. Находятъ и мелкіе зеленые камни. Чисто черныхъ алмазовъ не существуетъ, хотя встрѣчаются многіе темные и непрозрачные,—послѣдніе чрезвычайно хрупки, хотя и отличаются гораздо большей твердостью. Что касается формы алмазовъ, то встрѣчаются почти всѣ видоизмѣненія изометрической системы, къ которой принадлежитъ алмазъ. Любопытны также подробности о взрывчатыхъ алмазахъ, — послѣдніе изъ копей получаются весьма чистыми и блестящими, и только черезъ какой нибудь часъ показывается маленькая трещинка:—купецъ, который попался въ просакъ съ такимъ алмазомъ, замѣтивъ изъянъ, немедленно бѣжитъ продавать камень, но у дверей лавки замедляетъ шаги, входитъ съ самымъ безпечнымъ видомъ и предлагаетъ на продажу свой алмазъ, увѣряя, что онъ уже съ мѣсяцъ тому назадъ изъ копи. Покупатель, разумѣется, въ виду царапины, покупаетъ по дешевой цѣнѣ, и черезъ нѣсколько часовъ, къ ужасу своему, замѣчаетъ, что маленькая царапина уже превратилась въ трещину, и распространилась гораздо дальше; и онъ тоже сбываетъ камень въ убытокъ, и такъ далѣе камень переходитъ изъ рукъ въ руки, падая въ цѣнѣ, и, наконецъ, распадается на мелкія части. Это явленіе, полагаютъ, происходитъ оттого, что камень освобождается отъ большого давленія, которому былъ подвергнутъ кристалъ въ его тѣсной каменной оболочкѣ. Промышленники такіе камни тотчасъ завертываютъ въ хлопчатую бумагу или кладутъ ихъ въ масло передъ тѣмъ, чтобы продать.

Цѣны на мѣстѣ добычи алмазовъ слѣдующія: чистой воды, вѣсомъ въ одинъ каратъ,—12 долларовъ, такой же камень отъ 2-хъ до 3-хъ каратовъ цѣнится отъ 20 до 35 долларовъ, такой же въ четыре карата по 30 долларовъ съ карата; желтые камни—отъ 6 до 8 долларовъ съ карата. Скупщики пріобрѣтаютъ алмазы для лондонскаго рынка. По отчетамъ, каждый мѣсяцъ поступаетъ въ Лондонъ алмазовъ на сумму 1.500,000 долларовъ; эта крупная цифра невольно заставляетъ подумать о томъ, что когда нибудь наступитъ и внезапный упадокъ цѣнъ. Но, кажется, алмазъ не сдѣлается никогда предметомъ дешевымъ и обыденнымъ. Природа помѣстила его въ странахъ трудно доступныхъ, и онъ, вѣроятно, навсегда останется царственнымъ драгоцѣннымъ камнемъ.

Кромѣ описанныхъ нами трехъ главныхъ мѣстонахожденій алмазовъ, послѣдніе добываютъ также въ Китаѣ и Австраліи, на островахъ Борнео и Суматрѣ,—и, затѣмъ, еще случались небогатыя находки алмазовъ въ Ирландіи, Сѣверной Америкѣ, въ Мексикѣ, въ Алжирѣ и у насъ на Уралѣ. О мѣстонахожденіяхъ алмазовъ въ Китаѣ извѣстны слѣдущія подробности: округъ Шантунгъ славится своими алмазами въ Китаѣ, которые и составляютъ его главный предметъ вывоза; мѣстные алмазы не велики, рѣдко попадаются больше булавочной головки, обыкновенно же меньше. Здѣсь практикуется слѣдующій оригинальный способъ добычи алмазовъ. Алмазоискатели обуваются въ соломенные лапти и гуляютъ по пескамъ долинъ и русламъ тѣхъ горныхъ ручейковъ, гдѣ находятся алмазы. Алмазоносныя горы лежатъ приблизительно въ 15-ти миляхъ къ юго-востоку отъ Ичо-фу и носятъ названіе Чинганглингъ. Алмазы, отличающіеся отъ песка своею шероховатостію и угловатостію, проникаютъ въ соломенные лапти и вязнутъ въ нихъ; каждая пара лаптей носится извѣстное время, затѣмъ ихъ собираютъ въ большомъ количествѣ и сожигаютъ вмѣстѣ; алмазы остаются въ пеплѣ, который пересматривается весьма тщательно.

Въ Австраліи алмазы были найдены въ новомъ Южномъ Уэльсѣ въ 1851 году г. Reedy Cveek'омъ, въ 16-ти миляхъ отъ Батурста. Затѣмъ, въ 1867 году было добыто нѣсколько алмазовъ въ золотыхъ розсыпяхъ, въ 19 миляхъ отъ «Mudjee». Въ 1869 году разработка въ этомъ мѣстѣ была окончена; самый большой изъ найденныхъ алмазовъ вѣсилъ $5^5/_8$ каратовъ. Цвѣтъ австралійскихъ алмазовъ: отъ соломено-желтого, бурого до чисто-безцвѣтнаго; удѣльный вѣсъ=3,44. Кристаллы преимущественно: октаэдры и додекаэдры. Позднѣе еще находили алмалы въ Bald Hill'ѣ и Hill-End'ѣ; здѣсь также встрѣчались алмазы аморфные — карбонаты (Bort), удѣльный вѣсъ послѣднихъ=3, 56. Подробности этихъ находокъ описаны Гротомъ въ его «Zeitschrift fur Kristalographie» 1883 года.

II.

Открытіе алмазовъ на Уралѣ.—Карбонаты.—Исторія бриллiантовъ «Двѣнадцать Мазариновъ».—Формовка и шлифовка алмазовъ.—Качества алмазовъ.—Алмазъ короля португальскаго «Браганца».—Алмазъ раджи голкондскаго «Низамъ».—Алмазъ шаха персидскаго «Деріенуръ».—Русскій алмазъ «Орловъ».—Его исторія.—Австрійскій алмазъ «Флорентинецъ».—Второй русскій алмазъ «Шахъ».—Алмазы турецкаго султана.—Французскій бриллiантъ «Регентъ».—Его исторія.—Намѣреніе французскаго республиканскаго правительства продать съ аукціона коронные бриллiанты.—Ихъ осмотръ парламентской комиссіи.—Исторія одного испанскаго бриллiанта.—Англійскіе бриллiанты «Коинуръ» и «Регалія».—Бриллiантъ «Санси».—Его исторія.—Бриллiанты французской императрицы Евгеніи и египетскаго хедива.—Извѣстные бриллiанты частныхъ лицъ.

Въ Россіи алмазы были открыты на Уралѣ въ 1829 году. Къ открытію ихъ послужило, какъ говоритъ академикъ Н. И. Кокшаровъ, путешествіе по Уралу и Алтаю, предпринятое въ 1829 году ученою экспедиціею барона Алек. Гумбольта. Баронъ былъ увѣренъ въ нахожденіи алмазовъ на Уралѣ, и передъ отъѣздомъ своимъ туда сказалъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, что не явится болѣе къ государынѣ безъ русскихъ алмазовъ. Поэтому, когда экспедиція посѣтила золотоносныя и платиноносныя розсыпи Урала, имѣющія большое геологическое сходство съ розсыпями Бразиліи, то членъ экспедиціи Густавъ Розе занялся самыми тщательнѣйшими микроскопическими изслѣдованіями различныхъ минераловъ. Но, при всемъ его стараніи, между ними онъ не нашелъ ни малѣйшихъ слѣдовъ алмаза. Открытіе алмазовъ въ окрестностяхъ Биссерскаго завода было сдѣлано графомъ Полье и г. Шмидтомъ 5-го іюля 1829 года. Графъ въ письмѣ къ министру финансовъ графу Канкрину описываетъ открытіе алмазовъ слѣдующимъ образомъ: «5-го іюля пріѣхалъ я на розсыпь вмѣстѣ съ г. Шмидтомъ, и въ тотъ же день, между множествомъ кристалловъ желѣзнаго колчедана и галекъ кварца, открылъ я первый алмазъ. Алмазъ этотъ былъ найденъ наканунѣ 14-тилѣтнимъ мальчикомъ изъ деревни Калининской Павломъ Поповымъ; затѣмъ, два дня спустя, былъ найденъ второй алмазъ и потомъ третій». Въ слѣдующемъ году было найдено 26 алмазовъ, которые вѣсили $14^5/_8$ карата. Въ «Горномъ Журналѣ» 1858 года былъ напечатанъ полный реэстръ алмазовъ, найденныхъ на Крестовоздвиженскихъ золотыхъ промыслахъ въ періодъ времени съ 1830 по 1858 годъ; въ означенныхъ мѣсностяхъ было найдено всего 131 алмазъ, вѣсъ которыхъ представлялъ 60 каратовъ. Кромѣ розсыпей Биссерскаго завода, алмазы находили и въ другихъ мѣстахъ Урала; но до сихъ поръ алмазы на Уралѣ встрѣчались вообще рѣдко и въ ничтожномъ количествѣ, что нѣкоторыхъ и заставляетъ еще сомнѣваться въ дѣйствительности нахожденія ихъ тамъ.

На островахъ Борнео и Цейлонѣ добываются сплошные черные алмазы (аморфные), называемые въ техникѣ «карбонатами»; они совершенно непрозрачны, и рѣдко употребляются на украшенія. Но порошокъ карбоната находитъ весьма обширное употребленіе при рѣзкѣ и шлифовкѣ различныхъ драгоцѣнныхъ камней, а также, въ видѣ мелкихъ кусочковъ, употребляется при буреніи твердыхъ горныхъ породъ. Унцъ такого порошка стоитъ 1,500 франковъ.

Искусство шлифовать алмазы было открыто въ 1454 году Людвигомъ Беркеномъ, который случайно замѣтилъ, что ежели алмазъ тереть о другой алмазъ, то оба они полируются. Первымъ отшлифованнымъ алмазомъ владѣлъ Карлъ Смѣлый; второй алмазъ, ограненнный въ форму брилліанта, принадлежалъ папѣ Сиксту IV и третій Людовику IX. Въ числѣ работъ Беркена считаютъ двѣнадцать бриллiантовъ кардинала Мазарини (les douze Mazarin). Недавно распространился слухъ, что «12 Мазарини», нѣкогда принадлежавшіе французской коронѣ и исчезнувшіе безъ слѣда въ 1830 году, куплены и подарены испанскимъ королемъ Альфонсомъ своей супругѣ принцессѣ Мерседесъ въ день обрученія. Узнавъ о желаніи короля найдти лучшіе бриллiанты въ Европѣ, одинъ изъ ювелировъ Амстердама привезъ съ собою двѣнадцать бриллiантовъ, затмившіе всѣ видѣнные королемъ. Продавецъ объявилъ въ Мадридѣ, что ему только поручено продать ихъ, но что лицо, чью собственность они составляютъ, хочетъ остаться неизвѣстнымъ. Придворный ювелиръ, осмотрѣвъ предложенные бриллiанты, увѣрялъ, что равныхъ имъ по величинѣ и блеску не найдти во всемъ мірѣ, и что они шлифованы по особой системѣ (?), тайна которой уже утрачена теперь. Король очень обрадовался этому и купилъ бриллiанты. Когда ихъ стали обдѣлывать въ золото, то распространился слухъ, что они ничто иное, какъ такъ называемые «12 Мазарини». Исторія бриллiантовъ Мазарини на столько интересна, что мы считаемъ не лишнимъ разсказать ее. Кардиналъ Мазарини купилъ въ разное время двѣнадцать бриллiантовъ, но никогда не надѣвалъ ихъ, потому что Людовикъ XIV замѣтилъ ему, что ихъ достоинъ носить только король. Умирая, Мазарини завѣщалъ ихъ королю, который и приказалъ украсить ими корону Франціи. Когда власть перешла въ руки Конвента, то послѣдній рѣшился продать бриллiанты, но запрошенная за нихъ цѣна, хотя и была ниже дѣйствительной стоимости камней, испугала всѣхъ государей Европы, такъ что члены Конвента предпочли не продавать, а заложить бриллiанты въ Голландіи. Бонапартъ, ставъ первымъ консуломъ, немедленно выкупилъ ихъ, справедливо предполагая, что они будутъ лучшими украшеніями его короны. Въ послѣдній разъ публика видѣла эти бриллiанты въ 1830 году, когда они были выставлены на показъ. Во время февральской революціи ящикъ съ бриллiантами

куда-то исчезъ, и о немъ не было потомъ ни слуху ни духу, пока двѣнадцать бриллiантовъ, купленные королемъ Алфонсомъ, не заставили предполагать, что они-то и есть знаменитые бриллiанты Мазарини.

Шлифовка алмазовъ производится въ Амстердамѣ; всѣхъ фабрикъ занимающихся этимъ въ городѣ тридцать три; лучшими шлифовщиками считаются евреи; самые крупные промышленники алмазами въ Амстердамѣ — Маасъ и Даніельсъ. Первую гранильную машину алмазовъ изобрѣлъ еврей Абраамъ Скаріа; теперь на каждой фабрикѣ находится паровая машина въ 300 силъ; ея дѣло вертѣть стальной валъ, къ которому придѣланъ широкой цилиндръ съ жолобами, гдѣ вращаются безконечные ремни, проведенные ко всѣмъ гранильнымъ станкамъ. Обработка алмаза состоитъ въ слѣдующемъ: алмазъ сперва опускаютъ въ азотную кислоту—и, потомъ, вытеревъ, начинаютъ его скоблить острымъ алмазомъ, очищая грязь и шероховатость,—затѣмъ, поступаетъ онъ въ руки формовщика, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы спилить углы съ неправильнаго алмаза такъ искусно, чтобы потеря въ общемъ вѣсѣ была какъ можно меньше. Всѣ операціи производятся посредствомъ другихъ острыхъ алмазовъ, вдѣланыхъ въ китъ (родъ цемента). Когда всѣ неровности съ камня сняты, алмазъ взвѣшиваютъ и записываютъ число каратовъ, и затѣмъ начинаютъ шлифовку. Для этого составляютъ смѣсь олова и латуни, и когда масса на огнѣ сдѣлается мягкой, погружаютъ въ нее бриллiантъ на столько, чтобы наружу былъ видѣнъ одинъ уголъ грани; потомъ его смазываютъ масломъ съ пылью карбоната и кладутъ острымъ угломъ на вертящуюся желѣзную тарелку, дѣлающую до 2,500 оборотовъ въ минуту, прикрывая алмазъ небольшимъ грузомъ. Черезъ нѣсколько минутъ грань бываетъ готова, а черезъ часъ готовъ и весь камень. Трудъ шлифовщиковъ и формовщиковъ оплачивается соразмѣрно стоимости бриллiанта до тѣхъ поръ, пока онъ не превышаетъ 50 каратовъ, далѣе плата идетъ уже по взаимному соглашенію; но до 50 каратовъ работа составляетъ 45% стоимости сырого алмаза.

Самая наисовершеннѣйшая форма огранки алмаза, — это такъ называемый тройной бриллiантъ англійской грани (Dreifachen Brillant, dreifaches gut) см. рис. 4. Въ первый разъ эта форма была придана 12 алмазамъ кардинала Мазарини, изобрѣтателемъ этой огранки Людвигомъ Беркеномъ, о которомъ говорено выше. Въ общемъ она представляетъ двѣ усѣченныя пирамиды (фиг. 1). На верхней и нижней части бриллiанта находятся плоскости или грани, такъ наприм.: самая верхняя площадка *a* (фиг. 2), изображающая верхнюю часть бриллiанта, въ горизонтальной проекціи, которою усѣчена вершина пирамиды верхней части бриллiанта, называется таблицею (Tafel). Самая нижняя площадка *h* (фиг. 3 и 4), изображающая нижнюю часть бриллiанта въ той же проекціи, усѣкающую вершину пира-

миды нижней части брилліанта — кюлассою (Culasse ou pointe du brillant, по-нѣмецки Kalette). Она противоположна таблицѣ и ей параллельна; плоскости въ верхней части брилліанта (фиг. 2), прилегающія одною изъ своихъ сторонъ къ таблицѣ, зовутся гранями звѣзды (Sternfacetten); плоскости же *c* верхней части (фиг. 2) и плоскости *f* нижней части брилліанта (фиг. 3 и 4), прилегающія одною изъ своихъ сторонъ къ окружному канту брилліанта (рундисту, Rundiste), предназначаемому для оправы,—поперечными гра-

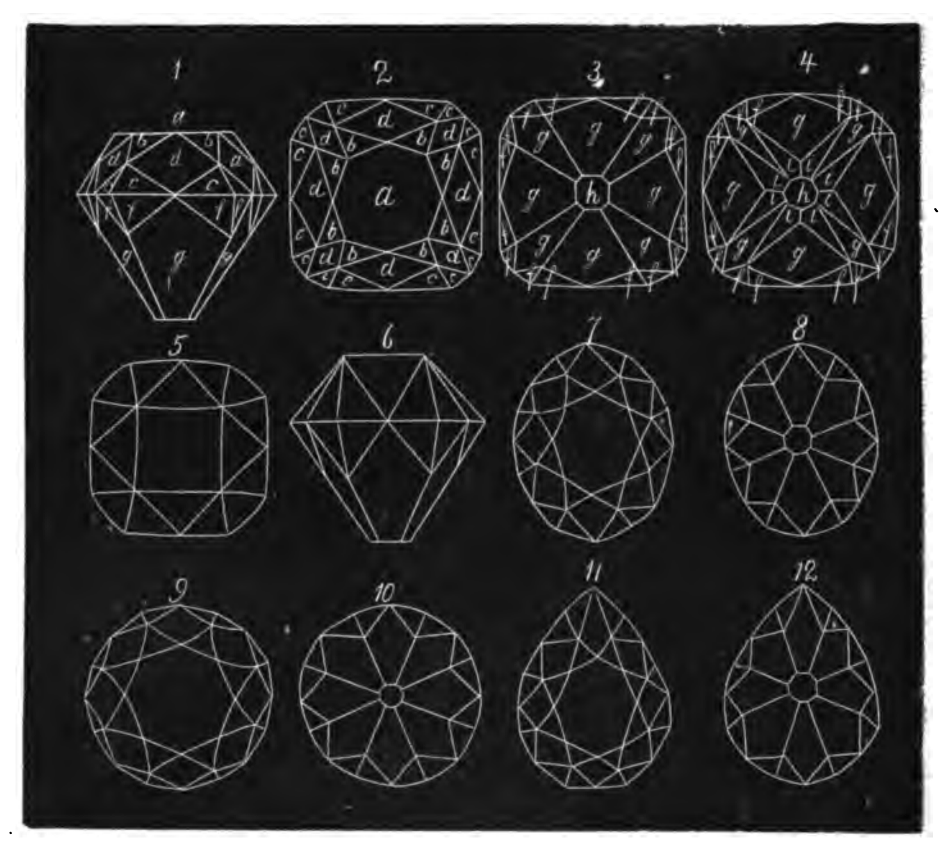


Рис. 4-й.

нями (Querfacetten). По числу граней, брилліанты дѣлятся на тройные и двойные. На верхней части тройнаго брилліанта находятся таблица и 32 грани (фиг. 2), расположенныя вокругъ въ три ряда, а именно: верхній рядъ образуетъ восемь треугольныхъ граней *b* звѣзды, средній 8 четыреугольныхъ граней *d* и нижній 16 треугольныхъ поперечныхъ граней *c*. На нижней его части (фиг. 3) находится кюласса и, большею частію, только 24 грани, расположенныя въ два ряда, а именно: одинъ рядъ состоитъ изъ 16 тре-

угольныхъ поперечныхъ граней *f*, и другой—изъ 8 граней *g* прилегающихъ къ кюлассѣ. У нѣкоторыхъ бриллiантовъ нижняя часть бываетъ иногда составлена также изъ трехъ рядовъ граней, какъ это показано на фиг. 4, гдѣ плоскости третьяго ряда (плоскости *i*) образуютъ звѣзду вокругъ кюлассы. Иногда также бываютъ еще 4 четыреугольныя плоскости, помѣщенныя между плоскостями *g*, *f* и *f*.

Двойной бриллiантъ (Zweifahen brillant) фиг. 5 и 6 представляется такимъ въ горизонтальной и вертикальной проекцiи. На верхней его части находится таблица и 16 треугольныхъ граней, прилежащихъ однѣ къ другимъ въ обратномъ положенiи и расположенныхъ въ два ряда (фиг. 5). На его нижней части находится кюласса и 20 граней, расположенныхъ въ два ряда, поперечныя грани, числомъ 12, треугольники, а прочiя, числомъ восемь, пятиугольники. Слѣдуя описанiю академика Н. И. Кокшарова, наиболѣе совершенными признаны слѣдующiя отношенiя размѣровъ въ бриллiантѣ: высота верхней части = $^1/_3$ всей высоты бриллiанта, высота нижней = $^2/_3$, поперечникъ таблицы = $^4/_9$ поперечника окружнаго канта, площадь кюлассы = $^1/_5$ площади таблицы. Окружный кантъ у англичанъ дѣлается острымъ—у голландцевъ тупымъ, послѣднiй пригоденъ болѣе для оправы. Огранка «розою» или «алмазомъ» называется такая, которая представляетъ снизу плоскую грань, а сверху снабженную двумя рядами треугольныхъ фасетовъ,—такiя мелкiя розы шлифуются болѣе 100 штукъ на одинъ каратъ. Общая форма бриллiанта можетъ быть весьма разнообразна: четыреугольная, ромбическая, круглая, овальная, грушеобразная и т. д. Смотри фиг. 7, 8, 9, 10, 11 и 12. На фиг. 1, 2, 3 и 4 мы представили точную копiю съ идеальнаго бриллiанта въ свѣтѣ—«Регента». Алмазы обнаруживаютъ весь свой внутреннiй огонь только будучи правильно огранены; тогда проявляется вполнѣ ихъ значительная способность разсѣевать и переломлять свѣтъ. Когда свѣтъ проходитъ черезъ призму, онъ разсѣевается, разлагается на радужные цвѣта; древнiе называли это иризацiею (Iris). Сила свѣторазсѣянiя стекла относится къ такой же силѣ алмаза какъ 2 къ 3, т. е. если черезъ стекло видѣнъ радужный спектръ въ 2 дюйма длиной, то, при одинаковыхъ условiяхъ, черезъ алмазъ онъ покажется въ три дюйма длиной, на половину больше.

Шлифовка алмазовъ въ томъ именно и заключается, чтобы сдѣлать изъ нихъ комбинацiю большого числа призмъ; вслѣдствiе этого въ какомъ направленiи ни смотрѣть черезъ алмазъ, вездѣ глазъ встрѣчаетъ радужные цвѣта. Напримѣръ, правильно ограненный, англiйскiй тройной бриллiантъ имѣетъ 58 граней, которыя представляютъ комбинацiю 1,652 призмъ.

Сила преломленiя свѣта стекла и алмаза относятся какъ 5 къ 8, т. е. если стеклянная лупа увеличиваетъ предметъ 5 разъ въ по-

перечникѣ, то такой же величины и формы алмазная лупа будетъ его увеличивать въ 8 разъ. По этой причинѣ прежде дѣлали алмазныя увеличительныя чечевицы, оказавшіяся, однако, слишкомъ дорогими и неудобными по трудности придать имъ надлежащую форму. Наконецъ, нужно упомянуть еще объ одномъ свойствѣ алмаза, увеличивающемъ въ немъ игру свѣта. Извѣстно, что если свѣтовые лучи падаютъ изъ одной среды (наприм., воздуха) въ другую, болѣе плотную (наприм., стекло), то часть ихъ преломляется и выходитъ съ другой стороны, часть же отражается обратно. Алмазъ, сильно преломляющій свѣтъ, отражаетъ назадъ и въ стороны значительно больше свѣтовыхъ лучей, чѣмъ стекло, и эти лучи дѣйствуютъ на нашъ глазъ, разложившись на радужные цвѣта.

Блескъ алмаза своей силой превосходитъ блескъ всѣхъ прозрачныхъ камней; съ нимъ можетъ сравниться только металическій блескъ свойственный, впрочемъ, только непрозрачнымъ тѣламъ.

Самымъ большимъ изъ извѣстныхъ въ свѣтѣ алмазовъ считается алмазъ португальскаго короля, называемый «Браганца», вѣсъ его 1,680 каратовъ, онъ неограненъ и имѣетъ форму куринаго яйца. По опредѣленію англійскаго минералога Мове, какъ мы выше уже говорили, камень этотъ нельзя считать алмазомъ. Слѣдовательно, наибольшимъ алмазомъ въ настоящее время долженъ считаться алмазъ раджи мальтанскаго, вѣсящій 318 каратовъ; онъ найденъ на островѣ Борнео, форма его грушеобразная (рис. 5); по блеску и прозрачности онъ высокаго достоинства. Этому алмазу туземцы приписываютъ сверхъестественныя качества; такъ, по понятію ихъ, отъ него зависитъ плодородіе и богатство страны; они вѣрятъ также, что алмазъ этотъ исцѣляетъ отъ всевозможныхъ болѣзней, стоитъ только опустить его въ воду, и потомъ выпить ее.

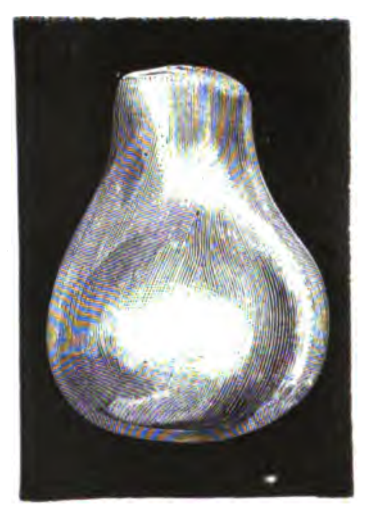


Рис. 5-й.



Рис. 6-й.

Послѣ этого алмаза, по величинѣ слѣдуетъ извѣстный подъ именемъ «Низамъ»,—алмазъ раджи голконскаго, вѣсъ его 340 каратовъ, цѣна пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Камень этотъ также въ сыромъ видѣ (рис. 6). Затѣмъ, слѣдуетъ большой алмазъ персидскаго шаха, чистѣйшей бѣлой воды, вѣсомъ въ 279 каратовъ; онъ оцѣненъ въ 12.000,000 рублей; персіяне зовутъ его «Деріенуръ», т. е. «море свѣта». Въ бытность персидскаго шаха въ Петербургѣ, нѣкоторые изъ состоявшихъ при немъ имѣли случай близко видѣть этотъ знаменитый алмазъ; по словамъ очевидцевъ, онъ длиною въ вершокъ, имѣетъ совершенно гладкую поверхность и вѣситъ $8^1/_2$ золотниковъ. Другой не менѣе извѣстный алмазъ персидскаго шаха, присланный англійскимъ правительствомъ въ 1809 г. въ подарокъ шаху черезъ сэра Гарфорда Джонса, имѣетъ тоже

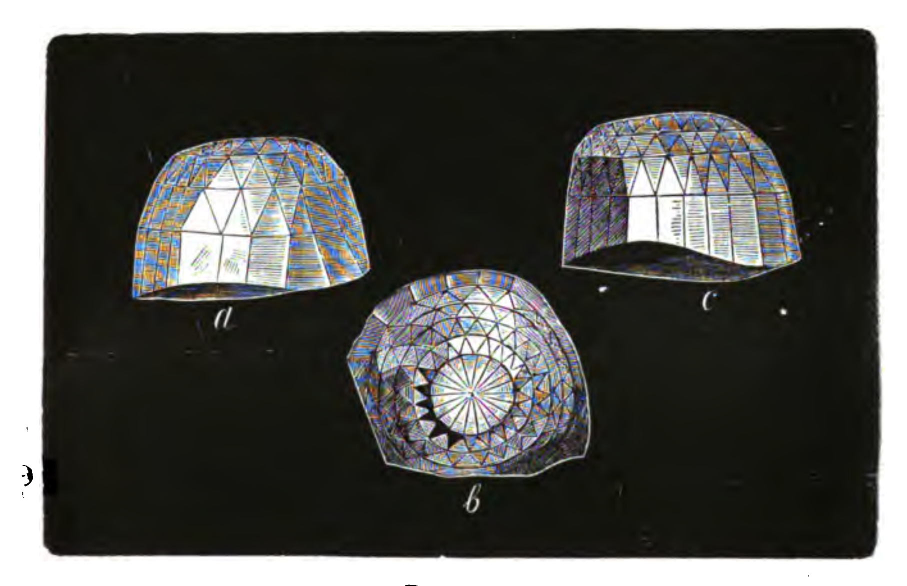


Рис. 7-й.

баснословную цѣну, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ, мы не имѣемъ его описанія. Этимъ драгоцѣннымъ подаркомъ въ свое время было устранено вліяніе Наполеона I на Востокѣ и заключенъ мирный трактатъ Англіи съ Персіею.

Послѣ Деріенура, по величинѣ слѣдуетъ русскій алмазъ или «Орловъ» (рис. 7), онъ же и амстердамскій алмазъ. Ограненъ онъ розою и вставленъ въ державный скипетръ русскаго монарха; вѣсъ его $194^3/_4$ карата, цѣна его вмѣстѣ со скипетромъ 2.399,410 рублей серебромъ; онъ совершенно безцвѣтенъ и самой чистѣйшей воды. По преданію, онъ нѣкогда служилъ глазомъ индійскаго идола, потомъ сіялъ въ тронѣ шаха Надира и оттуда былъ выкраденъ од-

нимъ солдатомъ во время смутъ въ 1747 году, а въ 1772 году принадлежалъ уже императрицѣ Екатеринѣ II; онъ былъ поднесенъ императрицѣ любимцемъ ея княземъ Гр. Гр. Орловымъ, который пріобрѣлъ этотъ алмазъ покупкою отъ тогдашняго придворнаго банкира (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ) Ивана Лазаревича Лазарева. Необычайность такой драгоцѣнности, находившейся сначала въ собственности частнаго лица, и, можетъ, самыя обстоятельства, при которыхъ онъ былъ поднесенъ императрицѣ, подали поводъ къ фантастическимъ выдумкамъ и породили много слуховъ и разсказовъ о томъ, какъ достался знаменитый алмазъ г. Лазареву. Одни утверждаютъ, будто алмазъ выкраденъ у Надиръ шаха; другіе—будто онъ пріобрѣтенъ Лазаревымъ за безцѣнокъ отъ какого-то не знавшаго ему цѣны человѣка; третьи, будто какой-то кавказскій житель, по порученію Лазарева, врѣзалъ драгоцѣнную вещь себѣ въ ногу и въ такомъ видѣ перенесъ ее изъ Индіи чрезъ кавказскія горы и доставилъ въ Петербургъ и пр. Въ подлинныхъ современныхъ бумагахъ того времени находимъ слѣдующія подробности объ этомъ драгоцѣнномъ алмазѣ: «Подлинное доношеніе астраханскаго мѣщанина Гилянчева тамошнему губернатору И. В. Якобію, 1778 года, свидѣтельствуетъ, что тесть его, Гилянчева, армянинъ Григорій Сафрасъ, родомъ жулфинецъ (въ Индіи), переѣхавшій въ Россію изъ Голландіи, купилъ рѣдкую въ свѣтѣ вещь, алмазный камень дорогой цѣны, который вывезенъ имъ въ Россію и проданъ за 400,000 рублей». Изъ завѣщанія этого Сафраса 1771 года, написаннаго въ Петербургѣ, передъ поѣздкою въ Голландію, видно, что Іоганъ Агазаръ, а по здѣшнему Иванъ Лазаревъ, былъ ювелиръ высочайшаго двора. Его и брата его, Акима, Сафрасъ назначаетъ своими душеприказчиками и проситъ, дабы одинъ изъ нихъ, или вообще оба, октября 1-го 1767 года въ амстердамскій банкъ имъ для сохраненія за тремя печатями на красномъ воску положенной пакетъ, въ которомъ Остъ-индіанскаго мину камень алмазъ вѣсомъ въ 779 грановъ голландскихъ находится, обратно требовали»... Въ 1772 году, октября 20-го, свидѣтельствуетъ Лазаревъ, «Григорій Сафрасъ, своего одного сто девяносто пяти кратнаго алмаза половинную часть продалъ мнѣ за 125,000 рублей и оной камень со стороны своей особою письменною довѣренностію оставленъ былъ отъ него у меня, чтобъ мнѣ стараться на общей счетъ продать и за расходомъ, что въ выручкѣ будетъ, ровною половиною намъ раздѣлить, какъ то въ 1774 году означенный одинъ алмазъ и проданъ отъ меня свѣтлѣйшему князю Орлову, въ семилѣтніе сроки, за 400,000 рублей. И до продажи камня и втеченіи пятилѣтняго времени на счетъ старанія о продажѣ онаго камня расходу издержано было 11,800 рублей». Это писалъ Лазаревъ въ С.-Петербургѣ 1779 г. сентября 1-го въ одномъ изъ своихъ прошеній нашему правительству, по поводу раздѣла между

наслѣдниками Сафраса. О подношеніи этого камня императрицѣ— отъ 24 ноября 1773 года, графъ Сольмсъ доносилъ депешей прусскому королю Фридриху: «Сегодня князь Г. Орловъ въ Царскомъ-Селѣ поднесъ императрицѣ вмѣсто букета — алмазъ, купленный имъ за 400,000 рублей у купца Лазарева. Камень этотъ былъ выставленъ въ этотъ день при дворѣ». Вообще Екатерина II очень любила бриллiанты — она даже играла въ карты, расплачиваясь вмѣсто денегъ алмазами. Вотъ какъ описываетъ она такую игру, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму: «для игры въ макао были приготовлены три большіе стола, съ покрышками изъ бархатныхъ ковровъ. На каждомъ столѣ небольшой ящикъ, золотая ложечка и афиша; послѣдняя гласила слѣдующее: «африканскій вельможа выложилъ на каждомъ столѣ ящикъ съ бриллiантами не на продажу, а чтобъ играть въ макао. Каждое девять будетъ оплачиваться камнемъ въ одинъ каратъ». Далѣе государыня говоритъ: «какъ весело играть въ бриллiанты! Это похоже на «Тысячу и одну ночь» и т. д.

Игра въ макао въ прошломъ вѣкѣ была весьма распространенная, состояла она въ томъ, что каждому участнику игры сдается по три карты; для небольшого выигрыша надо, чтобъ число очковъ въ трехъ его картахъ составляло цифру 9. При этомъ фигуры, т. е. король, дама, валетъ и десятки не считаются вовсе. Напримѣръ сдано: дама, король и тройка; вы открываете и заявляете три очка. Если у противника вашего, примѣрно, десятка, тройка и шестерка, то онъ беретъ всѣ деньги, поставленныя остальными играющими. Бриллiантъ въ одинъ каратъ представляетъ собою сравнительно малую цѣнность, такъ что у Екатерины игра, пожалуй, обходилась дешевле иной нынѣшней. Бриллiанты для игры были—вынутые изъ оправъ или необдѣланные въ оправу. Игра въ бриллiанты происходила только въ дни большихъ событій; описываемая императрицею игра состоялась въ достопамятный день рожденія Александра Павловича; съ этимъ днемъ тогда упрочивалось престолонаслѣдіе въ Россіи [1]).

Послѣ русскаго алмаза слѣдуетъ австрійскій алмазъ, называемый «Флорентинецъ» онъ же алмазъ великаго герцога тосканскаго (фиг. 8 *a* и *b*). Вѣсъ его 139½ каратовъ; по виду онъ далеко уступаетъ въ красотѣ «Орлову» и ограненъ въ видѣ панделока—камень этотъ нѣкогда принадлежалъ герцогу Сфорца, затѣмъ папѣ Юлію II, который и подарилъ его австрійскому императору.— Въ 1735 году владѣлъ имъ послѣдній изъ Медичисовъ, герцогъ Іоаннъ Гастонъ. Императрица Анна Іоанновна, видя совершенное разореніе Тосканы, поручила устроить покупку за дешевую цѣну тосканскаго алмаза своему придворному шуту, италіанцу Мира.

[1]) См. «Рус. Арх.», стр. 44, 1878 г.

Странный выборъ агента объясняется слабоуміемъ герцога Гастона, которому предполагалось достаточнымъ предложить нѣсколько лишнихъ тысячъ червонцевъ, чтобы уладить дѣло выгодно.—Шутъ

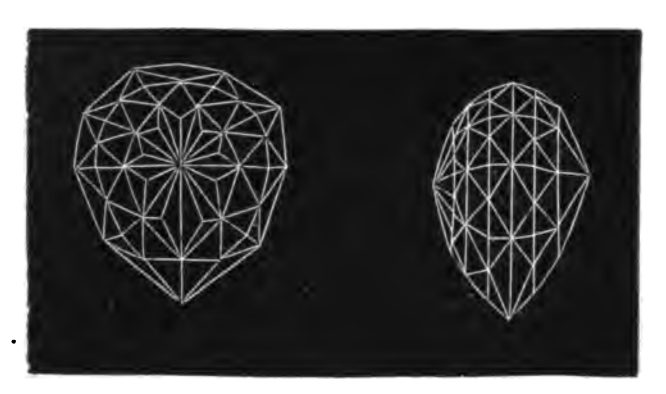


Рис. 8-й.

Мира или Педрилло обращался къ герцогу съ весьма оригинальнымъ письмомъ, предлагая, кромѣ денегъ, еще помощь войскомъ, въ количествѣ 15,000, да 40,000 «аванъ гвардіи изъ калмыковъ и казаковъ, дабы бездѣльникамъ гишпанцамъ напускъ дать».

Послѣ этого алмаза славится красотою безукоризненной воды и совершенною безцвѣтностью другой алмазъ русскаго государя, из-

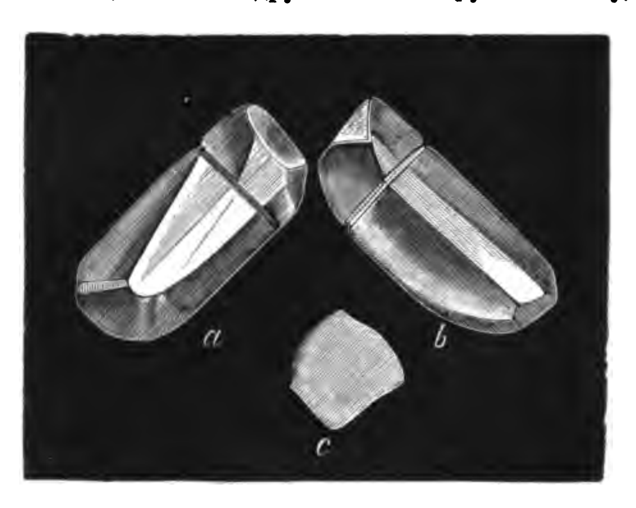


Рис. 9-й.

вѣстный подъ именемъ «Шаха» (фиг. 9 *a*, *b*, *c*). Онъ поднесенъ въ 1829 году императору Николаю персидскимъ принцемъ Хозроемъ, младшимъ сыномъ Абасса Мирзы.—Онъ вѣситъ 87 каратовъ и

имѣетъ форму естественной октаэдрической кристаллизаціи. На граняхъ этого камня еще замѣтны арабскія надписи, которыми онъ нѣкогда былъ покрытъ.—Другой русскій дорогой цѣны «діамантъ» вѣсомъ въ 56 каратовъ былъ поднесенъ на золотомъ блюдѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ «въ знакъ признательности отъ русскаго купечества».

Турки и персіяне особенно любятъ алмазы; по понятію ихъ, пристальное созерцаніе прозрачнаго бриллiанта разгоняетъ хандру, снимаетъ съ глазъ мрачную завѣсу, дѣлаетъ человѣка проницательнѣе и настраиваетъ его на веселый ладъ. Восточный человѣкъ держитъ бриллiантъ передъ глазами и повертываетъ его во всѣ стороны, желая, такъ сказать, исторгнуть изъ него особый блескъ и испуская при каждомъ поворотѣ вздохъ и чувствительное—ахъ! Между сокровищами турецкаго султана есть три замѣчательныхъ алмаза, которымъ турки приписываютъ сверхъестественныя качества. Первый изъ этихъ алмазовъ вѣситъ 147 каратовъ, второй 70 каратовъ и третій 50 каратовъ.

Бриллiанты французской и англійской коронъ, хотя и меньше вышеприведенныхъ алмазовъ, но по красотѣ и блеску далеко ихъ превосходятъ. Лучшимъ изъ нихъ считается французскій бриллiантъ, извѣстный подъ именемъ «Регента» или «Питта» (см. рисун. 4 фиг. 1, 2, 3, 4). Бриллiантъ этотъ самой чистѣйшій воды, вѣсомъ въ 136¾ каратовъ: въ сыромъ видѣ онъ вѣситъ почти на двѣ трети больше 410 каратовъ.—Ошлифовка его продолжалась два года и стоила 27,000 талеровъ; одного алмазнаго порошка при работѣ было употреблено на 14,000 рублей; отрѣзанныхъ при шлифовкѣ кусочковъ оказалось на 48,000 рублей. Алмазъ этотъ былъ найденъ въ Остъ-Индіи въ алмазной пещерѣ «Пастиль». По другимъ источникамъ, «Регентъ» происходитъ изъ рудниковъ Портеала, гдѣ былъ найденъ невольникомъ, который, чтобъ лучше скрыть находку, разрѣзалъ себѣ ногу и спряталъ въ ранѣ свою находку. Невольникъ этотъ сошелся съ однимъ матросомъ, которому и открылъ свою тайну, умоляя его доставить ему случай къ побѣгу; матросъ пригласилъ его на корабль, взялъ отъ него камень и вѣроломнымъ образомъ столкнулъ невольника въ море. Матросъ продалъ потомъ камень Питту за тысячу фунтовъ стерлинговъ, вскорѣ промоталъ деньги и съ отчаянія повѣсился. По другимъ разсказамъ, Питтъ купилъ этотъ камень въ 1701 году у знаменитаго торговца алмазами въ Индіи Яхмунда за 312,500 франковъ; затѣмъ перепродалъ его регенту Франціи, герцогу орлеанскому, за 2.500,000 франковъ.— По разцѣнкѣ, сдѣланной въ 1791 году комиссіею ювелировъ, онъ оцѣненъ въ 12.000,000 франковъ. Во время революціи, въ 1792 году «Регентъ» былъ украденъ вмѣстѣ съ другими сокровищами французской короны, но вскорѣ его нашли, и французская республика заложила этотъ бриллiантъ въ Берлинѣ у купца Трескова.

Впослѣдствіи, Наполеонъ 1 выкупилъ его и носилъ на рукояткѣ своей шпаги. По другимъ варіантамъ, «Регентъ» былъ заложенъ правительству Батавіи, а не въ Берлинѣ.

Недавно, правительство французской республики рѣшило продать съ аукціона французскіе коронные брилліанты. Вся коллекція оцѣнена въ 40.000,000 франковъ; въ ней, между прочими брилліантами, находится «Регентъ», оцѣненный теперь только въ 6.000,000 франковъ. Парламентская комиссія, которой поручено было разсмотрѣніе законопроекта о продажѣ коронныхъ брилліантовъ, осматривала ихъ на мѣстѣ нахожденія въ министерствѣ финансовъ. Здѣсь присутствовали бывшій министръ художествъ и искусствъ г. Пру и ювелиры братья Бапстъ. Коронные брилліанты находились во время Реставраціи въ кладовыхъ дома Бапстъ, который съ конца прошлаго столѣтія пользовался титуломъ короннаго ювелира. При Людовикѣ-Филиппѣ брилліанты были переведены въ Gar de Meuble; при имперіи, Тьери, пользовавшійся довѣріемъ Наполеона III, хранилъ ихъ въ своемъ шкафу, теперь они помѣщаются въ подвальномъ этажѣ министерства финансовъ. Сюда именно и спустилась комиссія для разсмотрѣнія этихъ драгоцѣнностей, которыя были выставлены на столъ въ пятнадцати ларчикахъ. Украшенія, имѣющія или историческій интересъ, или артистическую стоимость, лежали отдѣльно, таковы: коллекція орденовъ, присланныхъ иностранными монархами французскимъ монархамъ, часы Людовика XIV, брошь, украшенная алмазами, ограненными во Франціи въ эпоху, когда въ ней только что начиналось искусство ихъ гранненія; шпага художественнаго ювелирнаго французскаго искусства и т. п. Ювелиры, братья Бапстъ, старались доказать членамъ комиссіи, какъ было бы интересно сохранить эти предметы, сдѣлавъ для нихъ особую витрину въ музеѣ. По ихъ мнѣнію, сумма въ 430 до 450 тысячъ франковъ, какую можно за нихъ выручить, является довольно незначительной. Что же касается «Регента», этого единственнаго по красотѣ въ мірѣ камня, то Бапстъ также не совѣтовалъ продавать его. Этотъ камень въ старину цѣнился въ 12 милліоновъ франковъ, теперь же нельзя опредѣлить точную его стоимость; цѣна его много будетъ зависить отъ случая. Очень можетъ быть, что онъ продастся только за 600,000 или за 700,000 франковъ и тогда французы будутъ имѣть униженіе видѣть, какъ какой нибудь американскій Барнумъ станетъ возить его по ярмаркамъ, показывая какъ рѣдкость. Другіе брилліанты, оцѣниваемые всѣ вмѣстѣ въ 10—12 милліоновъ франковъ, не имѣютъ историческої цѣнности. Справляясь съ старинными каталогами, нельзя узнать ни одного украшенія, кромѣ сапфироваго, рубиноваго и бирюзоваго, сдѣланныхъ для герцогини Беррійской; остальное все было передѣлано по фантазіи императрицы Евгеніи. Между прочимъ въ этой коллекціи есть одинъ поясъ, стоющій отъ 800,000 до 900,000

франковъ и имѣющій довольно странное происхожденіе. Императрицѣ Евгеніи, присутствовавшей на представленіи феерія «Riche au Rois», очень понравился металлической поясъ г-жи Дельваль, исполнявшей главную роль Анки; императрица не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока ей не сдѣлали такой же, украсивъ его коронными бриллiантами. Эта опереточная фантазія повела къ ювелирному произведенію очень дурного вкуса; императрицѣ скоро онъ опротивѣлъ; она надѣвала его только одинъ разъ. По слухамъ, президентъ республики рѣшился раздѣлить всю коллекцію на три класса: 1) бриллiанты геральдическіе внесть для храненія въ галлерею Аполлона; 2) бриллiанты, имѣющіе особенное минералогическое значеніе, принесть въ даръ музею естествознанія и 3) всѣ прочіе бриллiанты продать въ пользу музея. Изъ числа драгоцѣнныхъ камней французской короны навсегда исчезли: сначала алмазъ «Санси» (описаніе см. выше), затѣмъ прелестный бриллiантъ Наполеона I вѣсомъ въ тридцать четыре карата, который императоръ имѣлъ всегда при себѣ и въ день Ватерлосской битвы потерялъ; затѣмъ, большой синій алмазъ, украденный въ 1792 году, и «Мазарины»; въ числѣ пропавшихъ камней также не извѣстна судьба большого огненнаго опала императрицы Жозефины, извѣстнаго подъ именемъ «пожаръ Трои». Въ маѣ нынѣшняго года началась продажа коронныхъ бриллiантовъ. Кромѣ 250 французскихъ и иностранныхъ ювелировъ, распродажи эти привлекли много частныхъ покупателей, дамъ и любопытныхъ. На особенной эстрадѣ отведены были мѣста сенаторамъ, депутатамъ и представителямъ печати. У подножія экстрады за длиннымъ столомъ засѣдали: директоръ государственныхъ имуществъ, назначенные администраціею продавцы и присяжные эксперты. Въ первый день распродажи продано десять вещей на сумму полмилліона франковъ. Самою дорогою вещью оказалось бриллiантовое ожерелье, пріобрѣтенное однимъ нью-іоркскимъ ювелиромъ за 145,000 франковъ.

Въ исторіи французскихъ бриллiантовъ извѣстно также своею странною судьбою ожерелье королевы Маріи-Антуанеты; въ этомъ колье, принадлежащемъ ювелирамъ братьямъ Бэмамъ, было помимо небольшихъ бриллiантовъ семнадцать великолѣпныхъ, въ орѣхъ величиною алмазовъ, пріобрѣвшихъ почти историческую извѣстность. Знаменитый процессъ объ этотъ ожерельѣ въ свое время возбудилъ въ Европѣ не мало толковъ и породилъ цѣлые фоліанты судебныхъ документовъ.

Для полноты разсказовъ о бриллiантахъ не можемъ не привести одного любопытнаго факта, который толкуется суевѣрными испанцами, по поводу смерти короля Альфонса XII. Будучи женихомъ первой своей жены, дочери герцога Монпансье, принцесы Мерседесъ, король подарилъ ей небольшое колечко съ бриллiантомъ, какъ интимный сувениръ, стоящій внѣ оффиціальныхъ подарковъ. Моло-

дая принцесса надѣла кольцо на палецъ и не разставалась съ нимъ. По ея смерти, король отдалъ кольцо своей бабушкѣ, королевѣ Христинѣ. Нѣсколько времени спустя послѣдняя умерла и кольцо досталось инфантѣ дель-Пиларъ, сестрѣ Альфонса XII, и та умерла черезъ нѣсколько дней. Опять кольцо вернулось къ королю, который на этотъ разъ подарилъ его инфантѣ Христинѣ, сестрѣ королевы Мерседесъ, второй дочери герцога Монпансье. Три мѣсяца спустя Христина умерла. Тогда король въ послѣдній разъ взялъ кольцо, заслужившее такую печальную славу, и не захотѣлъ болѣе разставаться съ нимъ. По его смерти, когда стали составлять опись вещамъ короля, видъ этого кольца напомнилъ, что всѣ, носившіе его, вскорѣ умирали. Дѣйствительно, въ короткій промежутокъ времени пять особъ, владѣвшихъ этимъ кольцомъ, умерло: двѣ королевы, двѣ принцессы и король. Теперь никто не захотѣлъ больше носить его и кольцо было пожертвовано Пречистой Дѣвѣ дель-Альмудена, патронессѣ Мадрида, и въ настоящее время красуется на ея образѣ, повѣшенное на простой ленточкѣ.



Рис. 10-й.

Послѣ «Регента», по красотѣ считается «Коинуръ» (гора-свѣта); (рис. 10); *a* и *b* представляютъ Коинуръ въ первоначальной огранкѣ алмазомъ, а *c*—въ формѣ брилліанта, принадлежащаго англійской королевѣ Викторіи. Брилліантъ этотъ поднесенъ ей въ даръ остъ-индскою компаніею въ 1850 году. Прежде онъ былъ ограненъ розою и вѣсилъ 186$^{1}/_{16}$ каратовъ, теперь имѣетъ форму правильнаго брилліанта. Послѣ огранки, онъ утерялъ 80 каратовъ своего вѣса; огранку дѣлалъ Форзангеръ, одинъ изъ первыхъ шлифовщиковъ амстердамскаго гранильнаго заведенія г. Костера. Для удобства работы, продолжавшейся тридцать восемь дней, была приспособлена небольшая паровая машина въ четыре лошадиныя силы. По разсказамъ гранильщиковъ, алмазъ—вещь до того капризная, что если его начать гранить и перестать среди работы на долго, то игра будетъ гораздо хуже. Когда былъ привезенъ «Коинуръ» и отданъ для огранки Форзангеру, то посольство, привезшее камень, ухаживало за нимъ цѣлые полгода, какъ за груднымъ ребенкомъ: его кормили въ извѣстные часы, наблюдая за тѣмъ, чтобы ѣда была питательна и здорова, ему не давали утомляться, устраивали ему въ свободное

время развлеченія, охраняя его сонъ, словомъ принимали всѣ предосторожности, чтобы онъ не заболѣлъ. Если брилліантъ начатъ однимъ рабочимъ, то онъ непремѣнно долженъ быть и конченъ имъ, такъ какъ все дѣлается только по глазомѣру и на память. Когда «Коинуръ» былъ оконченъ, то родился даже вопросъ, не подмѣнили ли его, до того онъ былъ бѣлъ. «Коинуръ» считается самымъ старымъ алмазомъ въ свѣтѣ; по преданію, онъ найденъ въ Гани, въ алмазной пещерѣ и въ первоначальномъ видѣ вѣсилъ 900 каратовъ. Шахъ Надиръ, завоевавъ Дели, увезъ его вмѣстѣ съ другими сокровищами Великаго Могола. Потомъ владѣлъ имъ Ранджетъ-Сингъ, но въ 1849 году, послѣ взятія Пенджаба, алмазъ попалъ въ руки англичанъ, и теперь хранится въ Тоуэрѣ, въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ другими коронными брилліантами королевы англійской. Академикъ Н. И. Кокшаровъ, въ своихъ «Матеріалахъ для минералогіи Россіи» приводитъ другой варіантъ разсказа объ этомъ алмазѣ; по словамъ его: «Слѣдуя индійской легендѣ, за 5,000 лѣтъ тому назадъ, герой Карна, сынъ бога солнца, носилъ «Коинуръ» во время войны, воспѣтой Мага-Барата. Во всякомъ случаѣ, завоевалъ его смѣлый авантюристъ Алединъ въ 1306 году отъ раджи Малви; когда въ 1665 году, Таверпье, путешествовавшій на Востокѣ въ теченіе сорока лѣтъ для покупки драгоцѣнныхъ камней, посѣтилъ сокровищницу Великаго Могола, тогда Моголъ собственноручно показывалъ ему большой алмазъ въ 280 каратовъ вѣсомъ, имѣющій форму яйца, разрѣзаннаго пополамъ. Говорятъ, впрочемъ, что алмазъ этотъ вѣсилъ первоначально 793⁵/₈ карата, но что мало искусный венеціанскій шлифовщикъ разломилъ его и, такимъ образомъ, привелъ его въ настоящій уменьшенный видъ. Шахъ Надиръ, завоевавъ Дели въ 1739 году, сдѣлался обладателемъ этого камня и далъ ему названіе «Коинура». Впослѣдствіи имъ владѣлъ король лагорскій — и когда Лагоръ былъ присоединенъ къ остъ-индской компаніи, то компанія и поднесла «Коинуръ» королевѣ Викторіи».

Профессоръ Тенантъ полагаетъ, что «Коинуръ» и алмазъ «Орловъ» составляютъ отдѣльныя части одного огромнаго алмаза, такъ часто описываемаго подъ именемъ «Великаго Могола». Обломкомъ этого же алмаза считаютъ алмазъ въ 132 карата вѣсомъ, которымъ владѣлъ Аббасъ-Мирза, по разсказамъ, добывъ его отъ одного бѣднаго жителя въ Карасонѣ, употреблявшаго его вмѣсто кремня.

Говоря о брилліантѣ англійской королевы, нельзя не разсказать исторію брилліантовъ англійской короны, извѣстныхъ подъ именемъ «Регалія». Въ 1270 году украшенія эти находились въ Тамплѣ у французской королевы Маргариты. Вскорѣ они перешли, въ качествѣ залога, въ руки французскихъ торговцевъ, снабдившихъ англійскаго короля Генриха II необходимою суммою для веденія борьбы съ непокорными баронами. Въ 1272 году алмазы прибыли въ Лондонъ, гдѣ имъ была составлена первая опись, слу-

жащая для повѣрки и въ настоящее время. При Эдуардѣ III они вновь попадаютъ въ залогъ уже къ фламандскимъ купцамъ, устроившимъ для короля крупный заемъ. Генрихъ V заложилъ эти украшенія лондонскому мэру. Послѣ этого короля, Генрихъ VI прибѣгалъ нѣсколько разъ къ такому же средству. При Генрихѣ VIII обязанности хранителя «Регаліи» были самыми почетными и выгодными въ смыслѣ денежнаго вознагражденія.

Кромѣ роскошнаго помѣщенія, хранитель имѣлъ даровой столъ, ежедневно состоящій изъ 14-ти блюдъ, вина, пива и проч. Кромѣ того, онъ одинъ имѣлъ почетное право возлагать корону на голову монарха и всякій разъ убирать ее въ сокровищницу, когда оканчивалось парламентское засѣданіе.

Впослѣдствіи, привиллегіи хранителя «Регаліи» были уничтожены и въ настоящее время никому не возбраненъ доступъ въ хранилище сокровищъ англійской короны.

Въ 1673 году, нѣкто Блёдъ сдѣлалъ удачную попытку похитить алмазы. Преступникъ былъ арестованъ; было выяснено, что онъ дѣйствовалъ не по своей инціативѣ, и вскорѣ послѣ ареста былъ не только выпущенъ на свободу, но и получилъ даже отъ короля Карла II значительную денежную помощь.

Послѣ «Коинура», видное мѣсто занимаетъ извѣстный бриллiантъ «Санси» (рис. 11). Онъ совершенно чистой воды, вѣситъ 53½ ка-

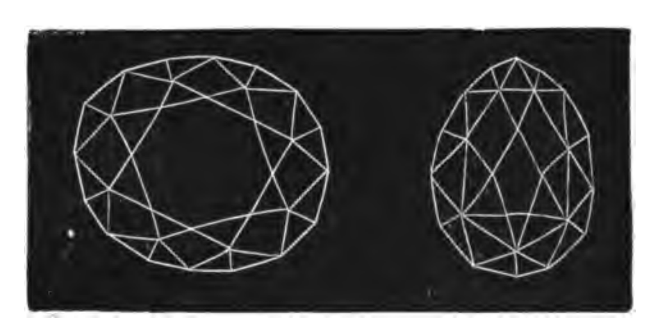


Рис. 11-й.

рата и имѣетъ форму груши, ограненной двойною бриллiантовою розетою. Камень этотъ найденъ въ Восточной Индіи. Около четырехъ вѣковъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки какъ особъ царственнаго рода, такъ и людей простого званія. Онъ былъ проданъ разъ за милліонъ франковъ, другой разъ за скромный гульденъ, и, наконецъ, пріобрѣтенъ за 500,000 франковъ; первымъ его владѣльцемъ былъ Карлъ Смѣлый, который и отдалъ его въ 1475 году голландскому дворянину Людвигу Беркену для огранки. По преданію, это первый ошлифованный Беркеномъ алмазъ. За обработку его Карлъ Смѣлый заплатилъ послѣднему 3,000 червонцевъ; «Санси» укра-

шалъ шлемъ Карла Смѣлаго, и когда въ 1477 году, послѣ битвы при Нанси, Карлъ былъ убитъ, то алмазъ попалъ въ руки одного солдата, который продалъ его пастору за одинъ гульденъ; пасторъ перепродалъ его одному бродячему торговцу за полтора гульдена. Въ 1489 году «Санси» принадлежалъ уже португальскому королю Антону, который, нуждаясь въ деньгахъ, отдалъ его въ залогъ за 40,000 турскихъ ливровъ, одному французскому дворянину, и впослѣдствіи продалъ его, ему же, за 100,000 ливровъ. Послѣдній перепродалъ этотъ алмазъ барону Николаю Гарлею Санси, отъ котораго алмазъ этотъ и получилъ свое названіе, такъ какъ въ родѣ Санси онъ хранился около ста лѣтъ. Въ 1588 году, баронъ Санси былъ посланъ въ Золотурнъ для вербовки рекрутъ. Французскій король Генрихъ III просилъ Санси прислать ему изъ Золотурна алмазъ, чтобъ подъ закладъ его достать денегъ. Санси послалъ камень съ своимъ вѣрнымъ слугою, котораго на дорогѣ убили разбойники въ Юрскихъ горахъ. Такъ какъ послѣ того алмазъ болѣе не появлялся на свѣтъ, то Санси пришло на умъ, что вѣрный слуга проглотилъ его. Трупъ убитаго разыскали и дѣйствительно въ желудкѣ послѣдняго нашли алмазъ. Этимъ алмазомъ послѣ того владѣли: Генрихъ IV, потомъ Марія Медичи. Въ 1688 году «Санси» принадлежалъ англійскому королю Якову II; затѣмъ, камень этотъ поступилъ въ число сокровищъ Людовика XIV. Въ 1775 году, въ день вѣнчанія своего на царство, Людовикъ XVI имѣлъ «Санси» въ своей коронѣ. До 1789 года «Санси» считался собственностью французскаго двора, но послѣ первой французской революціи «Санси» пропалъ безъ вѣсти, и только въ 1830 году онъ снова появился на свѣтъ. Въ этомъ году, П. Н. Демидовъ чрезъ посредство извѣстнаго парижскаго ювелира Маріонъ Бургиньона покупаетъ этотъ алмазъ отъ французскаго негоціанта Жана Фриделейна за 500,000 франковъ. По покупкѣ этого алмаза у П. Н. Демидова возникаетъ процессъ съ французскимъ правительствомъ. Изъ процесса узнается, что алмазъ «Санси» принадлежалъ герцогинѣ Берійской, а не Фриделейну, который только былъ ея агентомъ при продажѣ алмаза. «Санси» поступаетъ во владѣніе П. Н. Демидова только въ 1835 году. Алмазомъ этимъ теперь владѣетъ г-жа Карамзина. Въ исторіи крупныхъ брилліантовъ не послѣднее мѣсто также занимаетъ брилліантъ императрицы французовъ Евгеніи; вѣсъ его пятьдесятъ одинъ каратъ (рис. 12); послѣ него хорошъ также саксонскій безцвѣтный брилліантъ въ 48¾ карата, затѣмъ голландскій брилліантъ въ 36 каратовъ, брилліантъ египетскаго вице-короля, такъ называемый «Паша Египетскій» (рис. 13). Хедивъ Египта заплатилъ за него 760,000 франковъ. Не менѣе извѣстенъ также брилліантъ графини де Шово, вѣсомъ въ сорокъ каратовъ; онъ называется «Полярная звѣзда» (рис. 14). Брилліантъ этотъ былъ купленъ княгинею Тат. Борис. Юсуповой, за 300,000 руб. сер.

Для болѣе полнаго понятія о знаменитыхъ алмазахъ, приводимъ здѣсь изображенія «Великаго Могола» (рис. 15). Камень этотъ найденъ въ колурскомъ рудникѣ, въ Голкондскомъ королевствѣ; въ сыромъ видѣ онъ вѣсилъ 780½ каратовъ, ограненъ онъ плохимъ итальянскимъ гранильщикомъ Гортензіо Боргисомъ въ форму половины яйца, имѣетъ видъ розы толщиною въ тринадцать съ половиной линій и въ діаметрѣ одиннадцать линій. Гдѣ находится теперь этотъ камень, неизвѣстно; полагаютъ, что онъ хранится въ сокровищницѣ персидскаго шаха. Затѣмъ, извѣстны также, по описанію Тавернье, алмазы Великаго Могола, которые онъ видѣлъ въ его сокровищницѣ въ 1665 году (рис. 17, 18, 19, 20). На рис. 16 изображено алмазное стекло Великаго Могола. Эта драгоцѣнность въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія продавалась въ Петербургѣ за 150,000 рублей. Алмазъ принадлежитъ тремъ лицамъ: двумъ голландскимъ банкирамъ, и извѣстному продавцу бриллiантовъ г. Левенштиму.

Неизвѣстна также судьба бриллiанта Наполеона I, вѣсящаго 34 карата. Императоръ купилъ его отъ г. Элиза наканунѣ своей свадьбы. По разсказамъ, въ 1848 году, при перевозкѣ французской сокровищницы, неизвѣстно куда дѣвалась пара бриллiантовыхъ панделокъ, цѣною въ 300,000 франк. Тоже неизвѣстна судьба бриллiанта въ 82½ карата, подъ именемъ «Piggot». Онъ цѣнился въ 750,000 франковъ и былъ розыгранъ въ лотерею въ 1801 году въ Лондонѣ.

На рис. 21 изображенъ бриллiантъ герцога вестминстерскаго «Нассакъ»; вѣсъ его 78⅞ карата. Прежде онъ былъ ограненъ алмазомъ и вѣсилъ 89¾ карата. Герцогъ пріобрѣлъ его у остъ-индской компаніи.

Кромѣ описанныхъ нами крупныхъ бриллiантовъ, извѣстны были въ Европѣ нѣкогда цѣлыя коллекціи бриллiантовъ. Три такія знаменитыя собранія бриллiантовъ были распроданы—одно въ Женевѣ, герцога брауншвейгскаго, за пять милліоновъ франковъ, и два въ Лондонѣ, — первое въ количествѣ 50,000 штукъ бриллiантовъ, принадлежавшихъ князю Эстергази,—и второе—испанской королевѣ Изабеллѣ; послѣдняя коллекція была распродана за 12.000,000 франковъ. На парижской выставкѣ была выставлена коллекція бриллiантовъ, отчасти принадлежащихъ принцессѣ уэльской, отчасти составляющихъ собственность короны Индіи. Стоимость этихъ бриллiантовъ свыше 30.000,000 франковъ. Они сохранялись въ спеціально для этой цѣли сдѣланномъ шкафу, и находились подъ постояннымъ надзоромъ англійскаго полицейскаго офицера, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи восемь констеблей, ночью число ихъ удвоивалось. Недавно въ Лондонъ пріѣзжала жена одного изъ пяти директоровъ калифорнскаго банка, драгоцѣнная коллекція бриллiантовъ которой, благодаря громадной стоимости, тоже


Рис. 12-й


Рис. 13-й.


Рис. 14-й.


Рис. 15-й.


Рис. 16-й.


Рис. 17-й.


Рис. 18-й.


Рис. 19-й.

нуждалась въ особенно тщательномъ полицейскомъ надзорѣ. По словамъ очевидцевъ, въ золотомъ поясѣ этой госпожи находилось 850 крупныхъ бриллiантовъ; въ портбукетѣ 1,793 штуки, тiара изъ крупныхъ бриллiантовъ, въ срединѣ которыхъ одинъ въ 50,000 долларовъ, браслетъ съ 50 бриллiантами, каждый въ 8 каратовъ, колье изъ 240 крупныхъ бриллiантовъ и т. д.

Въ числѣ рѣдкихъ, крупныхъ цвѣтныхъ алмазовъ извѣстны: красный русскiй бриллiантъ въ 10 каратовъ,—онъ



Рис. 20-й.



Рис. 21-й.

купленъ императоромъ Павломъ I за 100,000 рублей. Затѣмъ, два бриллiанта саксонскаго короля: зеленый (рис. 22), вѣсомъ въ сорокъ каратовъ, цѣною въ 400,000 талеровъ, и желтый въ тридцать каратъ. Не менѣе извѣстенъ въ исторiи драгоцѣнностей бриллiантъ темносиняго цвѣта (рис. 23) голландскаго банкира Гоппе, вѣсящiй 44 карата; онъ купленъ за 450,000 франковъ; этотъ камень, вмѣстѣ съ безукоризненнымъ превосходнымъ темносинимъ цвѣтомъ, имѣетъ игру и живость лучшаго безцвѣтнаго бриллiанта. Изъ числа цвѣт-



Рис. 22-й.



Рис. 23-й.

ныхъ бриллiантовъ извѣстны также: розовый маркиза де Дрэ—и два блестящихъ по красотѣ и цвѣту, синiй и розовый, принадлежащiе извѣстному любителю и собирателю драгоцѣнныхъ камней графу В. С. Шиловскому-Васильеву. Славится также черный бриллiантъ въ десять каратовъ вѣса императора германскаго. Затѣмъ, гiацинтоваго цвѣта короля бразильскаго.

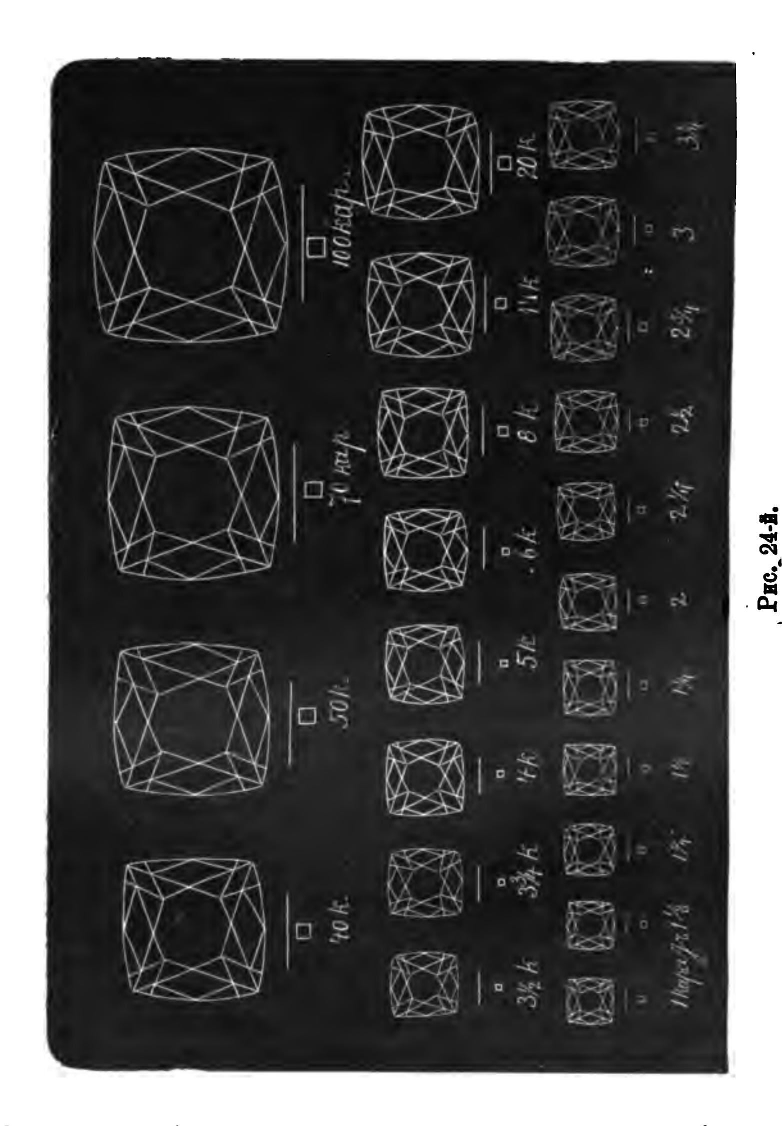


Рис. 24-й.

Въ заключеніе нашей статьи прилагаемъ рисунокъ (рис. 24), поверхности бриллiянтовъ, по ихъ относительному вѣсу; вертикальныя линіи указываютъ на толщину камня.

М. И. Пыляевъ.



ГЕРЦОГЪ Э. О. РИШЕЛЬЕ [1].

Герцогъ Ришелье, посвятившій лучшіе годы своей жизни и лучшую долю своей энергіи на служеніе Россіи, принадлежитъ къ числу такихъ крупныхъ историческихъ личностей, которыя поневолѣ обращаютъ на себя вниманіе потомства. Шестьдесятъ пять лѣтъ уже минуло со времени смерти этого замѣчательнаго человѣка, а между тѣмъ воспоминанія о немъ до сихъ поръ до такой степени живы и свѣжи въ Новороссіи, до такой степени тѣсно связаны со всѣми полезными и благодѣтельными учрежденіями этого края, что имя герцога Ришелье невозможно отдѣлить отъ исторіи нашего Юга вообще, и въ особенности отъ исторіи той Одессы, которую онъ такъ горячо любилъ до самой своей кончины. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что герцогъ Ришелье сдѣлалъ для врученнаго его попеченіямъ Новороссійскаго края, и въ особенности для Одессы—то же, что великій преобразователь сдѣлалъ для сумрачной Ингерманландіи и своего туманнаго «парадиза»; но съ тою разницею, что чудеса, вызванныя могучимъ мановеніемъ Петра стоили Россіи десятковъ тысячъ человѣческихъ жертвъ и громадныхъ затратъ, тогда какъ чудеса, произведенныя герцогомъ Ришелье на пустынныхъ берегахъ Чернаго моря, не стоили ни одной жертвы и въ значительной степени способствовали увеличенію матеріальнаго благосостоянія Россіи. Результаты, достигнутые знаме-

---

[1]) «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества»; т. LIV, Спб. 1886 года.

нитымъ французомъ по его управленію Новороссійскимъ краемъ, вообще говоря, должны быть отнесены къ лучшимъ и благороднѣйшимъ завоеваніямъ цивилизаціи, къ тѣмъ безкровнымъ побѣдамъ, которыми—увы! слишкомъ рѣдко могутъ похвалиться наши администраторы, принимающіеся за управленіе новыми областями, пріобрѣтенными нашимъ оружіемъ. Администраторовъ, подобныхъ герцогу Ришелье, не много наберется въ нашей исторіи за послѣднихъ два вѣка! И примѣръ его тѣмъ болѣе поразителенъ, что онъ былъ въ Россіи чужаниномъ, пришельцемъ, «на время усыновленнымъ новою отчизною», и трудился не ради какихъ бы то ни было выгодъ, повышеній или удовлетворенія мелкаго тщеславія, а ради той идеи добра и блага всего человѣчества, которой онъ служилъ такъ преданно до самой смерти.

О герцогѣ Ришелье, какъ администраторѣ, какъ дѣятелѣ, вызвавшемъ къ жизни громадный Новороссійскій край и, въ частности, какъ о градоначальникѣ города Одессы, было у насъ писано довольно много. Въ послѣднее время, личность герцога Ришелье привлекла (довольно позднее) вниманіе его соотечественниковъ и одинъ изъ молодыхъ французскихъ ученыхъ, г. Леонсъ Пэню, посвятилъ ему довольно обширную монографію [1]), часть которой, впослѣдствіи, вошла въ книгу того же автора: «Французы въ Россіи» [2]). Но все до сихъ поръ написанное о герцогѣ Ришелье очень мало знакомитъ насъ съ личностью и характеромъ знаменитаго одесскаго градоначальника, и только матеріалы, недавно изданные въ LIV томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», дорисовываютъ намъ съ полною отчетливостью и ясностью характеристику этого благороднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго изъ сподвижниковъ Александра Благословеннаго.

Мы воспользуемся новыми матеріалами, напечатанными въ Сборникѣ, не для пополненія біографіи герцога Ришелье, не для пополненія исторіи Новороссійскаго края новыми и любопытными данными, а только для того, чтобы полнѣе и рельефнѣе выставить его нравственную личность и въ отношеніяхъ къ современникамъ, а въ особенности къ императору Александру Павловичу, до нѣкоторой степени, найдти объясненіе того неотразимаго обаянія, которымъ герцогъ умѣлъ такъ прекрасно пользоваться на благо и пользу ввѣренной его управленію области. Вотъ почему, минуя подробности біографическія, касаясь ихъ лишь настолько, насколько онѣ намъ окажутся необходимы, мы воспользуемся, главнымъ образомъ, письмами герцога къ современникамъ (въ особен-

---

[1]) «Le duc de Richelieu en Russie», помѣщенную въ журналѣ «Correspondent», t. 127 (nouv. série), pp. 569—802.

[2]) Мы въ свое время сдѣлали изъ нея извлеченія и помѣстили ихъ въ нашемъ журналѣ.

ности къ императору Александру и графу Кочубею) и письмами современниковъ къ герцогу, а также и любопытными воспоминаніями о немъ г. Сикара, который имѣлъ полное право причислить себя къ числу ближайшихъ «одесскихъ друзей герцога».

Армандъ-Эммануилъ-Софія-Септиманія дю-Плесси Ришельё, герцогъ де-Ришелье—пятый герцогъ этого имени—не былъ прямымъ потомкомъ знаменитаго кардинала, по той простой причинѣ, что кардиналъ не могъ имѣть и не имѣлъ семьи; но громкій титулъ свой и громадныя богатства онъ наслѣдовалъ отъ кардинала, такъ какъ герцогство-перство соединено было по волѣ короля Людовика XIII, въ 1631 году, не съ личностью кардинала, а съ его помѣстьемъ—Ришельё, которое было объявлено наслѣдственнымъ въ мужскомъ и женскомъ колѣнѣ. Кардиналъ завѣщалъ свое имя и титулъ внуку сестры своей Франциски дю-Плесси, и отъ этого-то внука по прямой линіи происходилъ Армандъ Ришелье, родившійся 25-го сентября 1766 года въ Бордо. При рожденіи онъ получилъ, кромѣ двухъ герцогскихъ титуловъ, третій наслѣдственный титулъ графа Шинона.

Одинъ изъ біографовъ герцога, Сенъ-При, проводитъ въ началѣ своего очерка любопытную параллель между герцогомъ Арманомъ Эммануиломъ и его дѣдомъ, знаменитымъ маршаломъ Ришелье, болѣе прославившимся своими побѣдами въ области любовныхъ приключеній, нежели на поляхъ битвъ, хотя и несомнѣнно талантливымъ и мужественнымъ представителемъ изнѣженнаго и развращеннаго вѣка Людовика XV. Сенъ-При задается вопросомъ: «Могъ ли дѣдъ оказать хотя какое нибудь вліяніе на воспитаніе внука? Если бы возможно было допустить это предположеніе, то такое вліяніе должно было бы поставить въ величайшую заслугу памяти дѣда, потому что его внуку пришлось рости и развиваться при иныхъ, лучшихъ условіяхъ. Дѣдъ-маршалъ выросталъ на рукахъ фаворитокъ короля, у ногъ принцессъ и маркизъ, скучавшихъ среди праздной роскоши версальской жизни; а внукъ, при жизни дѣда, былъ отданъ сначала въ строгую коллегію дю-Плесси, а потомъ продолжалъ воспитаніе и образованіе подъ спеціальнымъ руководствомъ духовнаго лица, весьма ученаго и почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ. А между тѣмъ, достовѣрно извѣстно, что дѣдъ обожалъ внука! Онъ отъ ранняго дѣтства уже провидѣлъ въ немъ поддержку своего имени и надежду рода. И ребенокъ отвѣчалъ дѣду самою горячею привязанностью и всегда хранилъ память о немъ въ сердцѣ, хотя, въ жизни, между этими двумя представителями одного и того же рода, только и было общаго, что храбрость, а во всемъ остальномъ внукъ не походилъ на дѣда. Дѣдъ былъ не взыскателенъ въ отношеніи къ нравственности, легкомысленъ, страстно привязанъ къ роскоши, къ удовольствіямъ, къ пышности,

и какъ будто служилъ постояннымъ образцомъ отрицательныхъ добродѣтелей для внука, который, однако же, при всей своей умѣренности, при всей простотѣ своихъ вкусовъ и привычекъ, любилъ въ теченіе всей своей жизни вспоминать своего роскошнаго дѣда и гордился кровною связью съ этимъ представителемъ минувшаго блеска и славы» [1]).



Герцогъ Ришелье.
Съ гравированнаго портрета Мансфельда.

На шестнадцатомъ году, герцогъ де-Ришелье былъ, по обычаю времени, обвѣнчанъ съ дѣвицею Розаліею Сабиною де-Рошешуаръ и, тотчасъ послѣ брака, отправился въ обширное путешествіе по Европѣ, вмѣстѣ со своимъ наставникомъ. Чрезвычайно любопытно

[1]) A. De St. Prist: Etudes diplomatiques et litteraires. La Nouvelle-Russie et le duc de Richelieu, 239—271.

то обстоятельство, что ни одинъ изъ біографовъ герцога не даетъ намъ, положительно, никакихъ свѣдѣній о его дальнѣйшей супружеской и семейной жизни. Послѣ выселенія своего изъ Франціи, въ 1791 году, онъ является чистѣйшимъ представителемъ вѣчнаго странника-эмигранта и бездомнаго бобыля, ни съ кѣмъ несвязаннаго на родинѣ никакими близкими, тѣсными узами сердца. Въ 1790 году, во время поѣздки въ чужіе края, изъ Вѣны, вмѣстѣ съ принцемъ Шарлемъ де-Линь и юнымъ графомъ Ланжерономъ, горячій герцогъ Ришелье воспользовался возможностью поступить подъ знамена Потемкина, приготовлявшаго гибель Измаила. Въ самый день штурма, на глазахъ у Суворова, трое молодыхъ французовъ отличились серьёзными подвигами мужества. Герцогъ, ходившій на приступъ въ одной изъ штурмовыхъ колоннъ, былъ раненъ, получилъ Георгія 4-й степени и золотое оружіе въ награду. Затѣмъ, съ небольшими перерывами, герцогъ числился на русской службѣ, съ чиномъ полковника, исполнялъ за границей порученія русскаго правительства, участвовалъ въ кампаніяхъ 1793—1796 годовъ въ рядахъ австрійскихъ войскъ и только въ 1795 году, по заключеніи базельскаго мира, возвратился въ Петербургъ, съ цѣлью получить въ нашей арміи постоянное назначеніе. Но на этотъ разъ, Ришелье, хотя и лично-извѣстный императрицѣ Екатеринѣ, былъ встрѣченъ не особенно радушно (эмигранты успѣли прискучить), и ему, только уже по усиленному ходатайству фельдмаршала графа Румянцева, данъ былъ кирасирскій полкъ Военнаго Ордена, квартировавшій на Волыни, въ окрестностяхъ Дубно.

Произведенный императоромъ Павломъ въ генералъ-маіоры, Ришелье былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго его величества полка, квартировавшаго въ Царскомъ Селѣ. Но тутъ, Ришелье,—опытный и храбрый офицеръ,—оказался совершенно непригоднымъ для плацъ-парадныхъ фокусовъ и за какую-то ничтожную неисправность или неточность въ выполненіи новыхъ артикуловъ, былъ лишенъ командованія полкомъ и впалъ въ немилость. Правда, императоръ Павелъ, нѣсколько времени спустя, произвелъ опальнаго герцога въ генералъ-лейтенанты; но до самаго конца царствованія не давалъ ему никакого назначенія въ военной службѣ. Время пребыванія въ Царскомъ Селѣ играетъ, однако же, весьма важную роль въ біографіи герцога Ришелье, потому что именно здѣсь онъ успѣлъ сдѣлаться близко-извѣстнымъ великому князю Александру Павловичу, который даже допустилъ его въ небольшой и тѣсный кружокъ людей, имѣвшихъ къ нему прямой доступъ. Слѣды такого близкаго личнаго знакомства и вызванной имъ прізни видны во всѣхъ письмахъ императора Александра къ герцогу Ришелье и въ томъ высокомъ довѣріи, которымъ императоръ облекъ герцога, какъ только убѣдился, что онъ окончательно думаетъ посвятить свою дѣятельность на пользу Россіи.

Тѣмъ болѣе страннымъ можетъ показаться для многихъ, что, въ самомъ началѣ новаго царствованія, Ришелье вдругъ возвращается на родину, и въ январѣ 1802 года является въ Парижѣ. Что было причиною такого страннаго отъѣзда?

Г. Половцевъ, составившій въ началѣ LIV тома **Сборника** краткій біографическій очеркъ, на основаніи «первичныхъ источниковъ и документовъ, впервые обнародуемыхъ въ Сборникѣ», поясняетъ дѣло тѣмъ, что «востановленіе Бонапартомъ государственнаго и общественнаго порядка во Франціи внушило (будто бы) Ришелье мысль вернуться на родину»... «Но онъ скоро убѣдился, что нельзя ему будетъ спокойно жить во Франціи, не вступивъ въ службу перваго консула, а объ этомъ онъ, разумѣется, и не думалъ» [1]). Въ этомъ показаніи или, лучше сказать, въ этой догадкѣ, мы видимъ нѣкоторое противорѣчіе. Если дѣйствительно «возстановленіе государственнаго порядка» внушило Ришелье мысль возвратиться во Францію, то вмѣстѣ съ этою мыслью ему неизбѣжно должна была представляться и мысль о необходимости служить подъ знаменами перваго консула, совершенно несогласная ни съ убѣжденіемъ герцога Ришелье, ни съ тѣми фамильными преданіями, которыми онъ всегда такъ дорожилъ. Никакое «возстановленіе общественнаго порядка» Бонапартомъ не могло имѣть никакого значенія въ глазахъ **герцога** Ришелье, глубоко преданнаго павшей королевской династіи. Бонапартъ представлялся герцогу и въ 1802 году, и въ теченіе всей остальной его жизни, не болѣе какъ «похитителемъ власти», не иначе, какъ «геніемъ зла и неправды», и для объясненія поѣздки Ришелье въ Парижъ, въ 1802 году, мы находимъ гораздо болѣе простое и совершенно-естественное объясненіе въ воспоминаніяхъ его друга и товарища, графа Ланжерона, напечатанныхъ въ томъ же томѣ **Сборника**.

«Главнымъ поводомъ къ поѣздкѣ герцога въ Парижъ было желаніе устроить, по возможности, свои семейныя дѣла. Онъ заботился не о спасеніи обломковъ своего громаднаго состоянія: побужденія его были выше, благороднѣе, достойнѣе его. Онъ являлся во Францію затѣмъ, чтобы удовлетворить массу кредиторовъ своего отца, которые, при отсутствіи герцога, ни въ какомъ случаѣ не могли бы получить никакой уплаты. Онъ нетолько расплатился со всѣми, но еще и обезпечилъ существованіе своихъ двухъ сестеръ — и не оставилъ себѣ ничего» [2]).

Послѣ этого подвига, герцогъ Ришелье и обратился къ императору Александру съ извѣстною просьбою о вторичномъ принятіи его на службу, на которое Александръ отвѣчалъ прекрасными сло-

---

[1]) Стр. VI и VII.

[2]) См. LIV т. Сборника: Notice sur les premières années de M. le Duc Richelieu etc., par le comte de Langeron (стр. 25).

вами письма къ герцогу 27 іюня 1802 года: «Вамъ извѣстны мои чувства и уваженіе къ Вамъ и вы можете судить о томъ, какъ я буду доволенъ, когда увижу Васъ въ Петербургѣ и буду знать, что Вы служите Россіи, которой можете принести столько пользы».

Ровно полгода спустя, въ началѣ 1803 года, указомъ, даннымъ правительствующему сенату, «Дюкъ Эммануилъ Осиповичъ де-Ришелье»—былъ назначенъ градоначальникомъ въ Одессу.

Герцогъ былъ снабженъ обширными полномочіями, а въ 1805 году, когда онъ сдѣланъ былъ херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ гражданскою частью въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ, а также начальникомъ войскъ крымской инспекціи — власти герцога подчинена была такая громадная область, которая, по размѣрамъ территоріи, смѣло могла соперничать съ владѣніями любого французскаго короля. Весь Югъ Россіи отъ Днѣстра и до Кубани, до предгорій Кавказа былъ предоставленъ въ полное распоряженіе герцога Ришелье, который достойнѣйшимъ образомъ оправдалъ на дѣлѣ высокую довѣренность императора Александра, и, по общему сознанію всѣхъ біографовъ, открылъ собою новую эру въ жизни Россіи, Крыма и Кавказа. Будущій историкъ нашего Юга долженъ будетъ, со временемъ, подвести итоги дѣятельности этого необыкновеннаго человѣка, который съумѣлъ такъ горячо привязаться къ Россіи и такъ всецѣло посвятить ей лучшіе годы своей жизни. Не вдаваясь въ оцѣнку дѣятельности герцога Ришелье, какъ градоначальника Одессы и губернатора Новороссіи, какъ добраго генія Южной Россіи, мы удовольствуемся въ этомъ отношеніи только выдержкою изъ того доклада объ Одессѣ и Херсонѣ, который, послѣ десятилѣтняго пребыванія на Югѣ Россіи, былъ представленъ герцогомъ императору, въ 1813 году. Вотъ что пишетъ самъ Ришелье въ этомъ докладѣ:

«Одесса и вообще Новороссія, въ самое короткое время, сдѣлали такіе успѣхи, что, кажется, ни одна страна никогда не дѣлывала подобныхъ. Здѣшнія мѣста, въ прежнее время, были совершенною пустынею. Кромѣ 100,000 татаръ, жившихъ въ Крыму, все остальное населеніе состоитъ изъ колонистовъ, выселившихся сюда изъ внутреннихъ губерній Россіи и изъ-за границы, и въ настоящее время достигающихъ цифры 1,600,000 душъ. Самый важный изъ новыхъ здѣшнихъ городовъ—Одесса, была основана въ 1794 году, но развивался очень туго до 1802. Въ это время въ Одессѣ было 400 домовъ и отъ 7 до 8,000 жителей. Теперь жителей въ ней 35,000 и болѣе 2,600 домовъ, причемъ городъ продолжаетъ пополняться красивыми и прочными постройками. Доходъ съ продажи хлѣбнаго вина, уступленный городу въ 1803 году, не восходилъ выше 47,000 рублей, а теперь равняется 280,000. Почта приносила 11,000 рублей, а въ 1813 принесла уже 190,000. Торговля

всѣхъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ 1796 году не превосходила полутора милліона, а теперь ввозъ и вывозъ въ тѣхъ же самыхъ портахъ достигаетъ почтенной цифры 45.000,000 рублей, не считая банковыхъ оборотовъ, которыми Одесса занимается не болѣе трехъ лѣтъ сряду, причемъ однако же они уже равняются слишкомъ 25.000,000 рублей серебромъ».

«Таможенные сборы были ничтожны,—теперь они превосходятъ два милліона ежегоднаго дохода. Херсонъ былъ жалкимъ мѣстечкомъ; въ немъ теперь 30,000 жителей и городъ обладаетъ торговой флотиліей въ 200 купеческихъ судовъ, на которыхъ, во время турецкой кампаніи, мы доставляли продовольствіе на Дунай для нашей молдавской арміи. Винный откупъ для всей Новороссіи приносилъ только 220,000 рублей; а въ послѣднее время былъ сданъ съ торговъ за 2.800,000 рублей, и за него дадутъ навѣрно болѣе на слѣдующихъ торгахъ. За право продажи соли изъ Перекопскихъ соленыхъ озеръ платилось прежде всего 200,000 рублей. Чистый доходъ съ нихъ въ нынѣшнемъ году равнялся уже 2.400,000 руб.».

И всѣ эти результаты были достигнуты герцогомъ въ теченіе десяти лѣтъ управленія краемъ! И всѣ эти результаты составляютъ неболѣе какъ десятую долю того, что было въ дѣйствительности сдѣлано и достигнуто неутомимымъ герцогомъ Ришелье, проводившимъ всю жизнь въ разъѣздахъ и въ такой кипучей дѣятельности, о которой трудно дать понятіе, не ознакомившись ближе съ этою замѣчательною историческою личностью. Вотъ почему, не утомляя читателя ни формулярнымъ спискомъ службы герцога, ни подробнымъ исчисленіемъ заслугъ его по отношенію къ Новороссіи, мы остановимся только на тѣхъ фактахъ его біографіи и переписки, которые даютъ намъ нѣкоторый ключъ къ разгадкѣ многаго, что въ дѣятельности Ришелье можетъ показаться почти невѣроятнымъ.

Въ этомъ отношеніи однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для характеристики Ришелье какъ частнаго человѣка и какъ общественнаго дѣятеля, являются воспоминанія о немъ г. Сикара, одного изъ одесскихъ негоціантовъ, переселившихся при герцогѣ изъ Южной Франціи въ Одессу.

Г. Сикаръ, близко знавшій герцога и въ его частной жизни, и въ административной дѣятельности, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Ришелье съумѣлъ блестящимъ образомъ примѣнить къ своему назначенію и свое прекрасное образованіе, основанное на весьма положительныхъ знаніяхъ историческихъ и политико-экономическихъ, и всѣ лучшія стороны своего нравственнаго типа, которыя онъ всегда, до поры до времени, скрывалъ подъ внѣшнею оболочкою свѣтскости и безукоризненной учтивости въ отношеніи къ окружающимъ.

Правда, неограниченныя полномочія данныя герцогу государемъ, вполнѣ ему довѣрявшимъ, были очень важною точною опоры для

его дѣятельности; но и довѣріе государя могъ, въ данномъ случаѣ, по отношенію къ Новороссіи, оправдать только такой прямой, честный и неутомимо-дѣятельный человѣкъ, какъ герцогъ Ришелье.

Очень важно было то, что приступая къ своей многообразной дѣятельности, онъ рѣшилъ держаться самыхъ простыхъ, самыхъ общихъ началъ экономическихъ, наиболѣе примѣнимыхъ къ той простой, едва зачинающейся жизни, которую онъ встрѣтилъ на нашемъ Черноморскомъ побережьи. Не руководясь никакими запутанными системами, не допуская никакой сложной канцелярской путаницы, герцогъ говорилъ постоянно: «Не будемъ регулировать, не будемъ изобрѣтать правилъ для жизни. Мы стоимъ на новой почвѣ, не зная вовсе ея уклона; а когда время намъ его укажетъ, тогда мы ему и послѣдуемъ».

Разнородная колонія, состоявшая изъ самыхъ разнообразныхъ національныхъ элементовъ, подчиненныхъ власти герцога, конечно, должна была въ началѣ представлять собою довольно курьезное цѣлое. Герцогъ прекрасно понималъ, что невозможно подчинить одинаковымъ условіямъ жизни грека и англичанина, француза и армянина, нѣмца и болгарина — и вырабатывалъ постепенно скрѣпляющую общественную связь, которая могла бы эти элементы сдерживать и направлять по одному общему пути. «Мы должны помнить»,—говоритъ герцогъ,—«что мы здѣсь не составляемъ общества прочно-осѣвшаго и уже установившагося, которое можетъ существовать и при застоѣ, и даже при нѣкоторомъ упадкѣ матеріальнаго благосостоянія... Нѣтъ! мы должны идти впередъ, во что бы то ни стало, должны добиваться улучшеній и процвѣтанія во всѣхъ смыслахъ, во всѣхъ сторонахъ жизни»!

Поощряя частную предпріимчивость, личный трудъ и личную иниціативу, герцогъ, въ то же время, былъ страшнымъ врагомъ всякихъ привилегій, всякихъ монополій и даже значительныхъ второстепенныхъ преимуществъ, составляющихъ извѣстнаго рода поощренія; онъ былъ убѣжденъ, что, для каждаго производителя, лучшимъ поощреніемъ должна служить полная свобода дѣйствій и равноправная конкурренція.

Всѣхъ поражала необычайная простота его въ сношеніяхъ съ тѣми лицами, которыя имѣли къ нему дѣловое отношеніе. При немъ не было ни обширнаго управленія, ни штаба, ни громадной канцеляріи, ни безполезной массы второстепенныхъ и третьестепенныхъ исполнителей. Два адъютанта, три офицера генеральнаго штаба и два инженера составляли его штабъ. Канцелярія, въ которую стекались всѣ дѣла, состояла изъ троихъ, а иногда и изъ четверыхъ начальниковъ отдѣленія, при которыхъ состояли писцами по два и по три человѣка. И при помощи этой-то канцеляріи, которая не стоила государству и 15,000 рублей ассигнаціями въ годъ герцогъ управлялъ тремя губерніями, колоніями, таможеннымъ населеніемъ

Крыма, ногаями, черноморскими и бугскими казаками, завѣдывалъ снабженіемъ молдавской арміи продовольственными запасами во время войны, и постоянно снабжалъ продовольствіемъ наши войска, дѣйствовавшіе въ Закавказьи.

Само собою разумѣется, что управлять обширнымъ краемъ при такихъ ничтожныхъ средствахъ могъ только герцогъ, при своей неутомимости и необычайномъ умѣньѣ вести дѣло спокойно, ровно, постоянно, не усиливая и не ослабляя энергіи. Онъ всегда лично вскрывалъ всѣ пакеты, приходившіе съ почты на его имя, лично принималъ всѣ прошенія, самъ ставилъ на нихъ рѣшенія, самъ помѣчалъ наиболѣе важныя бумаги, всегда самъ диктовалъ приказы. Одаренный необычайною легкостью въ работѣ, герцогъ все писалъ безъ черновыхъ, прямо на-бѣлò, при этомъ еще не переставая что-нибудь напѣвать въ полголоса или даже пѣть во весь голосъ, и занимаясь письмомъ на маленькомъ кругленькомъ столикѣ, на которомъ онъ даже и локтей разложить не могъ надлежащимъ образомъ. Такъ работалъ онъ обыкновенно не менѣе 8 и 10 часовъ въ день, продолжая работу послѣ обѣда только въ долгіе зимніе вечера, а остальную часть дня посвящалъ своимъ занятіямъ внѣ дома, прогулкамъ по городу и осмотру различныхъ учрежденій или же надзору за обработкой своего небольшого подгороднаго владѣнія, или посѣщенію общества и публичныхъ увеселеній, которыя онъ старался ободрить и поддержать.

Выходя изъ дому, герцогъ ходилъ по городу пѣшкомъ, а иногда ѣзжалъ верхомъ или въ простыхъ дрожкахъ, какъ самый простой смертный. Никто никогда не видалъ его ни въ каретѣ, ни окруженнаго свитой. Онъ посѣщалъ всѣ работы, всюду останавливался на улицахъ съ первымъ встрѣчнымъ, если ему нужно было чтò нибудь разузнать, обо всемъ любилъ справляться на мѣстѣ и все происходившее въ городѣ зналъ, этимъ путемъ, лучше, чѣмъ кто бы то ни было изъ его окружающихъ. Мало того: отъ времени до времени, онъ заходилъ то въ то, то въ другое присутственное мѣсто или судъ, и проводилъ въ присутствіи цѣлые часы, внимательно слѣдя за общимъ ходомъ дѣлъ. При этомъ онъ бывалъ на всѣхъ публичныхъ и частныхъ балахъ, куда его приглашали, принималъ участіе во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ, на обѣдъ съ собою приглашая всегда человѣкъ двадцать пріятелей, которые собирались у него и по вечерамъ; а разъ въ недѣлю, вечеромъ, у него были собранія, на которыя собирался буквально весь городъ. Высоко цѣня военныя качества солдата и живую связь начальника съ подчиненною ему частью, герцогъ лично присутствовалъ на смотрахъ и ученьяхъ войскъ, иногда 2—3 раза въ недѣлю.

Особеннымъ характеромъ теплоты и радушной пріязни отличались воскресные пріемы герцога, на которые, спозаранку, собирались всѣ власти, и всѣ горожане, которые почему либо желали

видѣть своего дорогого градоначальника. Тутъ ужъ герцогъ являлся не представителемъ власти, а скорѣе главою обширнаго семейства. Пріемъ кончался, когда герцогу приходилось идти на парадъ передъ соборомъ. Оттуда онъ направлялся въ гимназію, выслушивалъ отчетъ начальства о поведеніи воспитанниковъ въ теченіе недѣли, бралъ изъ нихъ съ собою двоихъ, наиболѣе отличившихся, шелъ съ ними въ церковь, оттуда въ гости или на прогулку, затѣмъ везъ ихъ къ себѣ обѣдать, забавлялъ и ласкалъ ихъ цѣлый день, и самъ лично отвозилъ ихъ обратно въ гимназію, какъ разъ къ назначенному часу. При всѣхъ этихъ общественныхъ занятіяхъ, въ которыя герцогъ умѣлъ вносить удивительно много простоты, добродушія и обаятельной веселости, онъ не забывалъ еще и личныхъ занятій: ежегодно представлялъ лично имъ составленный и написанный статистическій отчетъ о своемъ управленіи, поддерживалъ весьма обширную личную корреспонденцію (всегда собственноручно), и никогда не держалъ при себѣ никакого секретаря. Пользуясь съ толкомъ каждою свободною минутою, онъ читалъ всѣ газеты, всѣ періодическія изданія и все, что попадалось ему подъ руку, потому что чтеніе было его страстью; и, въ дополненіе къ чтенію случайному, Виргилій и Цицеронъ постоянно лежали на столикѣ, около его кровати, въ видѣ обычнаго подспорья.

Не оставивъ себѣ ни гроша изъ своего наслѣдства, герцогъ жилъ только жалованьемъ, которое доходило до 25,000 рублей ассигнаціями въ годъ. Онъ находилъ эту сумму болѣе, чѣмъ достаточною для удовлетворенія всѣхъ своихъ личныхъ потребностей и для покрытія расходовъ по дому и хозяйству. Но за то и бытъ его былъ простъ до чрезвычайности; мебель въ шести комнатахъ занимаемой имъ квартиры ничѣмъ не отличалось отъ мебели въ квартирѣ бѣднаго чиновника, а въ кабинетѣ герцога стоялъ диванъ, который служилъ ему на ночь и кроватью, когда его покрывали постелью и одѣяломъ. И добродушный герцогъ жилъ среди этой простоты, совершенно довольный своею судьбою, и жаловался на нее только тогда, когда не находилъ возможности изъ своего кармана помочь неимущему или достойному труженнику.

Но, при всей этой мягкости, добродушіи и простотѣ отношеній, при всей снисходительности къ окружающимъ, герцогъ былъ человѣкомъ чрезвычайно твердаго характера и непоколебимой воли. «Пожалуйста»,—говаривалъ онъ всѣмъ своимъ сослуживцамъ,—«не довѣряйтесь моей излишней мягкости, и помните, что чего я хочу, того я хочу не на шутку, и того всегда добьюсь». При этомъ, проявляя постоянно большую рѣшительность въ дѣйствіяхъ, герцогъ не затруднялся никакими формальностями, ни на кого не любилъ складывать отвѣтственности и отличался замѣчательною находчивостью въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ и ко всѣмъ, вступавшимъ въ дѣловыя отношенія съ нимъ. Заимствуемъ изъ вос-

поминаній г. Сикара нѣсколько интересныхъ эпизодовъ, служащихъ подтвержденіемъ только что высказаннаго нами. Въ 1810 году, школа военныхъ кантонистовъ въ Херсонѣ состояла изъ 700 воспитанниковъ. Каждый разъ, когда герцогъ посѣщалъ эту школу, онъ находилъ въ ней образцовый порядокъ. Но, со стороны, добрые люди довели до свѣдѣнія герцога, что этотъ порядокъ—только видимый, и часто несчастныя дѣти ужасно страдаютъ отъ всякихъ лишеній и злоупотребленій начальства. Едва узнавъ это, герцогъ, въ тотъ же день, тайкомъ выѣхалъ изъ Одессы и никому не сказалъ, куда ѣдетъ. Вечеромъ, пріѣхавъ въ Херсонъ, онъ прямо направляется въ школу кантонистовъ, лично убѣждается въ совершенной справедливости сообщенныхъ ему свѣдѣній, и тотчасъ же смѣщаетъ все начальство школы и ввѣряетъ ее попеченіямъ лично извѣстнаго ему офицера. На другой день къ вечеру, герцогъ былъ уже въ Одессѣ и занимался своими обычными дѣлами, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нѣкто К., русскій купецъ и одесскій старожилъ, человѣкъ упрямый и съ большими предразсудками, въ началѣ управленія герцога, порицалъ съ величайшимъ озлобленіемъ каждый шагъ новаго градоначальника и каждое мѣропріятіе того городскаго комитета, который состоялъ подъ начальствомъ герцога. Прослышавъ объ этомъ, Ришелье пригласилъ его къ себѣ, заявилъ ему, что онъ находитъ его рвеніе къ дѣлу весьма похвальнымъ и заслуживающимъ поощренія, а потому и назначаетъ его членомъ комитета, чтобы привлечь его къ принятію дѣятельнаго участія въ управленіи городомъ. Само собою разумѣется, что К., весьма смущенный, отговаривается, отказывается; но герцогъ стоитъ на своемъ и К. на другой день назначенъ членомъ комитета. Герцогъ требуетъ, чтобы онъ участвовалъ въ обсужденіи каждаго, хоть сколько нибудь существеннаго и важнаго вопроса, и этимъ путемъ доводитъ упрямаго К. до того убѣжденія, что всѣ принимаемыя комитетомъ мѣры клонятся только ко благу и пользѣ горожанъ.

Во время войны съ Турціею, въ Одессу пришло разомъ нѣсколько кораблей, нагруженныхъ товаромъ, который требовалось немедленно выгрузить на берегъ, а между тѣмъ необходимо было соблюсти по отношенію къ этому грузу такія таможенныя формальности, которыя должны были отнять нѣсколько недѣль. Купцы взмолились къ герцогу, объяснили ему, что если дѣйствительно вздумаютъ соблюдать законныя формальности, то товаръ сгніетъ на корабляхъ и нужно будетъ за невольную задержку кораблей заплатить громадную неустойку. Герцогъ приказалъ немедленно товаръ выгрузить на свой страхъ и рискъ. Кто-то рѣшился ему замѣтить, что онъ принимаетъ на свою отвѣтственность болѣе чѣмъ на 800,000 товара. «Вотъ видите ли,—отвѣчалъ герцогъ,—если бы дѣло шло о 8,000 р., то я бы еще сталъ тревожиться, потому что

такую сумму съ меня бы еще могли взыскать; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о 800 тысячахъ, я надѣюсь на справедливость государя императора, который, вѣроятно, одобритъ мой способъ дѣйствія».

Тираспольскій казначей, выплачивая пенсіи отставнымъ военнымъ, при каждой получкѣ дѣлалъ имъ разныя прижимки, въ видахъ вымогательства отъ нихъ нѣкоторой подачки. Герцогъ узналъ объ этомъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и пригрозилъ, что если тотъ еще разъ себѣ это дозволитъ, то будетъ исключенъ изъ службы. Не довольствуясь этимъ, при первомъ проѣздѣ черезъ Тирасполь, во время представленія мѣстныхъ чиновниковъ, герцогъ подошелъ къ злосчастному казначею и сказалъ: «Очень радъ съ вами лично познакомиться. По наслышкѣ только знаю, что вы не любите выдавать денегъ безъ денегъ».

Одинъ изъ давнихъ кредиторовъ герцога, взявшій у него въ долгъ около 40,000 р.,—единственное его достояніе—жилъ въ Вѣнѣ, денегъ не платилъ и документа не высылалъ. Герцогъ просилъ у государя позволенія получить, для поѣздки въ Вѣну, двухмѣсячный отпускъ, чтобы уладить это дѣло. Государь ему въ отпускѣ отказалъ, но велѣлъ выдать ему изъ казны 40,000 р. Ришелье этихъ денегъ не тронулъ, и когда, въ 1812 году, въ Одессѣ былъ полученъ высочайшій манифестъ, которымъ всѣ сословія призывались на защиту отечества, онъ первый, подавая примѣръ представителямъ города, пожертвовалъ свои единственныя 40,000 руб. на военныя издержки.

Такой человѣкъ, конечно, всѣмъ могъ смотрѣть прямо въ глаза и со всѣми могъ говорить искренно. Такою именно прямотою и благородствомъ дышетъ одно изъ писемъ герцога къ императору Александру (отъ октября 1806 г.), которое мы и приводимъ здѣсь почти цѣликомъ:

«Я только что получилъ приказаніе вашего императорскаго величества, переданное мнѣ черезъ князя Прозоровскаго, относительно передачи г. маркизу де-Траверсэ командованія войсками въ Крыму, защита коего ему отнынѣ поручена. Ваше императорское величество изволите припомнить, что въ истекшемъ году, въ отвѣтъ на просьбы мои о назначеніи меня въ молдавскую армію, вы убѣдили меня, государь, что мое присутствіе здѣсь было необходимо для защиты Крыма и вообще прибрежій Чернаго моря. Тогда я повиновался приказаніямъ вашего императорскаго величества и очень былъ далекъ отъ помышленія о томъ, что мнѣ предстоитъ униженіе — видѣть, какъ у меня будетъ отнято командованіе войсками, состоявшими подъ начальствомъ моимъ въ теченіе пяти лѣтъ, и самая защита страны, довѣренной моимъ заботамъ, будетъ передана другому въ то именно время, когда есть возможность ожидать столкновенія съ врагомъ...

«Не знаю, государь, чѣмъ заслужилъ я подобную немилость,

но долженъ вамъ сознаться, что нахожусь въ самомъ унизительномъ положеніи, въ какое можетъ быть поставленъ человѣкъ, способный дорожить своей честью... Умоляю васъ, государь, или возвратить мнѣ подобающее занимаемому мною посту командованіе мѣстными войсками, или же дозволить мнѣ удалиться отсюда... Преданный вашему величеству самымъ искреннимъ образомъ, посвятивъ на служеніе вамъ всю мою жизнь, болѣе по глубокому уваженію къ вашимъ личнымъ качествамъ, нежели по какимъ бы то ни было инымъ побужденіямъ, я даже не могу и подумать о возможности разлучиться съ вами. Но я былъ бы недостоинъ тѣхъ милостей, коими вы меня осыпали, если бы не повиновался, въ данномъ случаѣ, голосу чести,—единственнаго наслѣдія, завѣщаннаго мнѣ моими предками»...

Человѣкъ, который могъ писать подобныя письма Александру I, имѣлъ полное право разсчитывать на то, что его слово будетъ принято и оцѣнено государемъ по достоинству, какъ слово правдиваго и прямого человѣка. Въ этомъ именно смыслѣ онъ писалъ Разумовскому, въ Вѣну (19-го января 1806 г.): «Глубоко сожалѣю о томъ, что императоръ, по особому чувству деликатности (за которое я ему весьма признателенъ, но которое онъ довелъ до излишней щепетильности) не захотѣлъ воспользоваться моими услугами въ этой войнѣ[1]); я склоненъ, однако же, думать, что слово, замолвленное кстати, могло бы перевернуть все дѣло, и я чувствую, что такое именно слово я могъ бы сказать. Но провидѣніе судило иначе, и не мнѣ, маленькому человѣчку, возставать противъ его рѣшеній».

Такою же твердою увѣренностью въ томъ, что онъ можетъ имѣть вліяніе на императора, проникнуто замѣчательное письмо герцога къ императору Александру съ весьма полезными указаніями на нѣкоторыя уступки, при помощи которыхъ могъ быть заключенъ и обезпеченъ миръ съ Турціей, столь необходимый Россіи въ 1811 году, въ виду надвигавшейся съ Запада грозы. Это письмо выказываетъ въ герцогѣ тонкаго дипломата и государственнаго человѣка, лучше многихъ другихъ понимавшаго значеніе борьбы, въ которую предстояло вступить Россіи.

«Постоянныя сношенія наши съ Константинополемъ, — пишетъ герцогъ императору,—болѣе и болѣе убѣждаютъ меня въ томъ мнѣніи (которое было у меня и прежде), что турки никогда не согласятся на миръ на требуемыхъ нами условіяхъ»... (Герцогъ доказываетъ далѣе, что заключить миръ съ турками будетъ не трудно, «пожертвовавъ только Валахіей до Серета». При этомъ онъ указываетъ на необходимость обезопасить себя со стороны Турціи, для освобожденія силъ на борьбу съ Наполеономъ). «Когда васъ уви-

[1]) Т. е. въ войнѣ съ Наполеономъ, въ кампаніи 1805—1806 г.

дять сильнымъ,—говоритъ герцогъ,—и вполнѣ избавившимся отъ всякихъ затрудненій, то и Франція отнесется къ вамъ съ уваженіемъ, и Пруссія съ Австріей пріобрѣтутъ немного болѣе увѣренности. Эти выгоды положенія настолько велики, что имъ едва ли можно предпочесть печальное преимущество обладанія разворенной Валахіей?... Удерживая за собою Молдавію и крѣпости, ваше величество спасаете честь вашего оружія, пріобрѣтаете прекрасную провинцію и выполняете предначертанія императрицы Екатерины, отъ осуществленія которыхъ она отказалась при обстоятельствахъ гораздо менѣе серьёзныхъ, нежели нынѣшнія. Ради самого Бога, государь, внемлите голосу вѣрнаго слуги, глубоко вамъ преданнаго! Легко можетъ быть, что, немного спустя, будетъ уже поздно! Теперь вы еще можете назначить границею Серетъ. Кто знаетъ, удастся ли вамъ черезъ два года удержаться даже и на Днѣстрѣ? Всѣ средства къ оборонѣ, какими вы обладаете, не будутъ излишними при отраженіи угрожающей вамъ опасности; соберите же ихъ во-едино, государь, и пусть ваши фланги будутъ совершенно свободны въ то время, когда вамъ прійдется выдерживать нападеніе съ фронта».

«Если же, какъ я надѣюсь,—пишетъ герцогъ государю въ другомъ письмѣ,—миръ будетъ заключенъ съ турками при помощи нѣкоторыхъ соображеній, предложенныхъ мною князю Горчакову, то окажется возможность изъ моей дивизіи выдѣлить 12 баталіоновъ, которые съ успѣхомъ могутъ быть обращены противъ Австріи. Въ такомъ случаѣ, осмѣлюсь просить ваше величество, чтобы и я не былъ забытъ... и мнѣ была бы дана возможность принять участіе въ борьбѣ добраго генія противъ злого».

Императоръ Александръ, видимо, придавалъ большое значеніе совѣтамъ герцога, потому что немедленно отвѣчалъ ему (18-го сентября 1811 г.):

«Все, что вы мнѣ говорите относительно пользы заключенія мира съ Портою, очень близко моему сердцу. Если бы я могъ заключить миръ на указанныхъ вами условіяхъ, я заключилъ бы его даже сегодня; но въ томъ-то и дѣло, что, до настоящаго времени, турки не хотятъ даже и слышать о какихъ бы то ни было территоріальныхъ уступкахъ... Если бы, косвеннымъ образомъ, у васъ нашлась возможность побудить (ту сторону) къ заключенію мира на условіяхъ, изложенныхъ въ вашемъ письмѣ, вы оказали бы мнѣ этимъ весьма важную услугу».

Но, не смотря на высокое довѣріе, выказываемое постоянно Александромъ по отношенію къ герцогу Ришелье, около императора находилось не мало людей, которые съ завистью смотрѣли на независимое положеніе герцога и, при удобномъ случаѣ, старались подставить ему ногу. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и графъ Гурьевъ, много дѣлавшій непріятностей герцогу и постоянно

задерживавшій всѣ его представленія и доклады. Глубоко оскорбленнымъ чувствомъ собственнаго достоинства переполнено одно изъ писемъ герцога къ графу Гурьеву (отъ 28-го апрѣля 1811 г.), отправленное незадолго до его отъѣзда въ Одессу изъ Петербурга, куда, въ началѣ 1811 года, онъ пріѣхалъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ по управленію Новороссійскимъ краемъ:

...«Смѣю просить васъ,—пишетъ герцогъ графу Гурьеву,—о возможномъ ускореніи рѣшенія представленныхъ мною просьбъ. Я просилъ о повышеніи для двоихъ вице-губернаторовъ—херсонскаго и таврическаго—и о томъ, чтобы въ коммерціи-совѣтники былъ возведенъ херсонскій градскій глава, одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, какіе мнѣ извѣстны. Хотѣлось бы имѣть счастіе увезти съ собою эти милости и видѣть исполненіе другихъ, менѣе важныхъ просьбъ, которыми я рѣшился васъ безпокоить. Если бы у меня была отнята возможность дѣлать добро и области, управляемой мною, и частнымъ лицамъ, то мое положеніе опротивѣло бы мнѣ до такой степени, что я, конечно, поспѣшилъ бы его покинуть. Льщу себя надеждой, что ваше сіятельство не оставите моей просьбы безъ вниманія и т. д.».

Графъ Гурьевъ, конечно, поспѣшилъ удовлетворить желанію герцога, но тѣмъ не менѣе этотъ честный и безкорыстный дѣятель, покидая Петербургъ и Дворъ и спѣша въ свой укромный уголокъ, увозилъ въ душѣ своей очень горькія и тяжелыя впечатлѣнія, навѣянныя на него дворскими интригами и недоброжелательствомъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ сановниковъ. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу во Францію, къ одной изъ своихъ пріятельницъ (15-го февраля 1811 г.):

...«Черезъ нѣсколько дней возвращаюсь въ Одессу, а оттуда въ Молдавію и въ Крымъ, къ моимъ обычнымъ переѣздамъ. До конца буду исполнять мою обязанность съ обычнымъ усердіемъ. Бѣдная Одесса, бѣдное Черноморское побережье, съ которыми я льстилъ себя надеждой такъ прочно и такъ славно связать свое имя! Очень опасаюсь того, что этимъ мѣстностямъ придется вновь впасть въ въ то же состояніе варварства, изъ котораго онѣ лишь недавно извлечены. Какъ несбыточны оказались мои мечты о возможности созидать въ вѣкъ развалинъ и разрушенія, о возможности положить основаніе благосостоянію страны, въ то время, когда почти всѣ другія страны страдаютъ отъ бѣдствій, которыя, какъ я полагаю, угрожаютъ и намъ. Перстъ Провидѣнія слишкомъ ясно указуетъ намъ на суетность подобныхъ мечтаній, и намъ остается только — подчиняться его указаніямъ и сокрушаться въ молчаніи».

Но мы бы не кончили статьи нашей, если бы вздумали изъ переписки герцога Ришелье извлекать все то, что въ ней есть ин-

тереснаго [1]). Ограничиваясь указаніемъ только выдающихся фактовъ, мы напомнимъ читателямъ, что дѣятельность герцога въ нашей Южной Россіи закончилась въ 1813 году, когда онъ былъ вызванъ во Францію во время Реставраціи и занялъ важный постъ въ министерствѣ. День отъѣзда герцога изъ Одессы, по словамъ г. Сикара, былъ днемъ самой искренней печали: его провожалъ весь городъ и масса народа двинулась провожать его за городъ. Многіе плакали, и самъ герцогъ былъ растроганъ до глубины души. Ему больно было разставаться съ друзьями, сослуживцами и знакомыми—больно было разставаться со своимъ новымъ отечествомъ, которое было ему милѣе его родины. Но долгъ призывалъ его на службу Франціи, и герцогъ преклонился передъ указаніемъ судьбы своей.

Чрезвычайно поучительно и даже трогательно то теплое участіе къ судьбамъ Одессы и всей Новороссіи, которое Ришелье не переставалъ выказывать постоянно, до самой своей смерти. Отрываясь отъ тяжелыхъ заботъ государственныхъ, онъ постоянно посылалъ императору Александру свои мнѣнія и проекты [2]), касавшіеся устройства края и различныхъ частностей его управленія. Въ этихъ проектахъ и мнѣніяхъ многое превосходно и вполнѣ заслуживаетъ вниманія будущаго историка, но Ришелье не довольствовался этими заботами: онъ постоянно хотѣлъ имѣть самыя точныя, самыя свѣжія свѣдѣнія объ Одессѣ и Новороссіи, и потому, до самой смерти, поддерживалъ переписку со своими одесскими друзьями и питалъ въ нихъ надежду на скорое свое возвращеніе въ Россію.

На роскошномъ приморскомъ бульварѣ Одессы былъ воздвигнутъ впослѣдствіи памятникъ герцогу Ришелье—одинъ изъ тѣхъ немногихъ памятниковъ, которые дѣйствительно служатъ выраженіемъ благодарности общественному дѣятелю въ потомствѣ. По странной случайности, памятнику герцога пришлось пострадать во время извѣстной бомбардировки Одессы англійской эскадрой въ 1855 году. Одно изъ ядеръ попало, на излетѣ, въ мраморный пьедесталъ памятника и въ немъ засѣло; слѣпокъ этого ядра, съ приличною надписью, былъ вставленъ въ пьедесталъ на вѣчныя времена.

П. П.

---

[1]) Особенно интересны письма къ герцогу отъ графа Разумовскаго, графа Румянцева и Кочубея—интересны по высказываемымъ въ нихъ мнѣніямъ объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ и Турціи, не утратившимъ значенія даже и въ настоящую минуту.

[2]) Извѣстный Ришельевскій лицей былъ основанъ по проекту герцога.



БЫВШЕЕ МАРКИТАНТСТВО ГОРОДА БѢЛЕВА.

При первомъ раздѣленіи Петромъ I Россіи на 8 губерній, Бѣлевъ, въ 1708 году, былъ приписанъ сначала къ Смоленской, потомъ къ Кіевской губерніямъ, въ 1719 году къ Бѣлгородской губерніи Орловской провинціи, а въ 1777 году отошелъ къ Тульскому намѣстничеству, переименованному въ 1797 году въ губернію. Городъ находится почти на окраинѣ собственной губерніи и, удалившись отъ своего губернскаго города на 120 верстъ, только въ 80-ти верстахъ лежитъ отъ Калуги и въ 100—отъ Орла; въ 3-хъ верстахъ по козельской дорогѣ находится граница Лихвинскаго уѣзда (Калужской губ.) и въ 20 — Болховскаго (Орловской губ.). Гербъ города, пожалованный ему въ 1778 году, представляетъ въ голубомъ полѣ ячменный снопъ—эмблема, знаменующая большое число пивоваренныхъ заводовъ, существовавшихъ до большого пожара 1801 года. Этимъ же пожаромъ истреблены и кожевенно-юфтяные заводы, которыми славился городъ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

По мощному голосу Петра I, бѣлевцы, въ числѣ первыхъ торговцевъ, явились въ Петербургъ съ выраженіемъ вѣрноподданническаго желанія—торговать пенькою и саломъ во вновь открывшемся петербургскомъ портѣ. Изъ прибывшихъ тогда къ царю лицъ, до насъ дошло имя только одного лица—именитаго посадскаго человѣка Стефана Стефановича сына большого Собинина, которому Петръ I подарилъ серебряный ковшъ. Ковшъ этотъ долго хранился въ потомствѣ Собинина, но гдѣ онъ теперь—не извѣстно. Внукъ

Стефана Стефановича, Николай Васильевичъ, удостоившійся быть при коронаціи покойнаго Александра I въ качествѣ депутата отъ г. Бѣлева, былъ награжденъ, лично, чиномъ титулярнаго совѣтника,— награда въ то время выходившая изъ ряда обыкновенныхъ. Депутатъ другого какого-то торговаго города (помнится—Ржева), по разсказамъ старожиловъ, удостоился будто бы получить чинъ коллежскаго ассессора; впрочемъ, за дѣйствительность послѣдняго не ручаюсь. А чинъ Собинина значится на его памятникѣ: «Здѣсь погребено тѣло бѣлевскаго 2-й гильдіи купца и титулярнаго совѣтника»... Одна часть теперешихъ потомковъ Стефана Стефановича (внуки Николая Васильевича) ведетъ и теперь въ Бѣлевѣ горячее торговое дѣло хлѣбомъ; другая же часть (правнуки отъ старшаго брата Николая Васильевича—Алексѣя Васильевича) торговлею не занимается, а посвятила себя сельскому хозяйству въ собственныхъ имѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что линія эта пользуется наслѣдственнымъ правомъ почетныхъ гражданъ. Кромѣ именитыхъ посадскихъ людей Собининыхъ, торговали въ портѣ посадскіе люди, а впослѣдствіи 1-й и 2-й гильдіи купцы: Дорофеевы, Орловы, Селины, Крючковы, Гуровы и Истомины.

Самымъ цвѣтущимъ временемъ для портовой торговли Бѣлева, повидимому, считать нужно конецъ прошлаго столѣтія (80 — 90 годы) и начало нынѣшняго. По 4 ревизіи, 1782 года, въ Бѣлевѣ числилось около 350 купеческихъ капиталовъ; по 5-й и 6-й — 250 (изъ коихъ 20 капиталовъ по 1 и 2 гильдіямъ) [1]; въ 1855 году— 160, въ 1871 году — 127; въ настоящемъ 1886 году — 70. Тутъ можно развѣ допустить одно: тогдашнюю дешевизну гильдейскихъ пошлинъ... Въ началѣ нынѣшняго столѣтія явились сильные портовые торговцы изъ рода Сорокиныхъ и Прохорова. Намъ хорошо памятно, какъ эти горячіе торговцы, съ однимъ изъ потомковъ Стефана Собинина, коммерціи совѣтникомъ Николаемъ Собининымъ, вели свое дѣло къ Петербургу; зимою, цѣлые сотни подводъ, бывало, тянутся изъ Бѣлева къ Зубцову съ пенькою и саломъ, откуда, по веснѣ, сплавляются къ столицѣ Вышневолоцкою системою. Это было въ 1830, 1840 и 1850 годахъ текущаго столѣтія. Городское общество, при ходатайствѣ о проведеніи съ Орла на Бѣлевъ телеграфа, въ приговорѣ 5-го мая 1867 года объясняло, что бѣлевскіе торговцы отправляютъ въ столицу до 700 тысячъ пудовъ пеньки, до 8,500 бочекъ украинскаго сала, до 3,000 бочекъ масла, до 20 тысячъ четвертей льняного сѣмени, до 25 тысячъ четвертей ржаного хлѣба. Цифры громадныя и даже — изумительныя! Но эти цифры были — послѣдняя, конвульсивная вспышка отживающаго. Со смертію нѣкоторыхъ торговыхъ дѣятелей, оптовое дѣло Бѣлева

[1] Эти-то 20 лицъ, по разсказамъ старожиловъ, и торговали оптомъ къ Петербургу.

слабѣло все болѣе и болѣе; теперь оно находится въ рукахъ почти одного торговца (Улановъ), правда, торговца чрезвычайно сильнаго. Другой оптовый торговецъ (Игнатовъ) бо̀льшую часть своего дѣла перевелъ на Каму. Остальныя же лица, прежде сильно торговавшія, въ настоящее время или ведутъ небольшое торговое дѣло, или нашли для себя болѣе удобнымъ совсѣмъ оставить его, посвятивши себя вполнѣ новаго рода дѣятельности—сельскому хозяйству. Такимъ образомъ, бывшую оптовую торговлю Бѣлева теперь можно называть не болѣе какъ «преданьемъ старины глубокой»... На долю города остается, стало быть, одна мѣстная торговля; довольно значительные воскресные базары даютъ торговому люду возможность заработывать средства къ существованію. Плетеніе же всѣмъ женскимъ населеніемъ города кружевъ, кое-какъ, поддерживаетъ существованіе остальныхъ обывателей. Къ несчастію трудящихся, здѣшнее кружевное плетеніе, шедшее прежде даже за границу (высшій сортъ), теперь почему-то мало требуется; по этому случаю оно упало въ цѣнѣ.

Главнѣйшій же промыселъ бѣлевскихъ жителей, по количеству прежде занимавшихся имъ лицъ, былъ маркитантство при арміяхъ и въ разныхъ мѣстахъ расположенія военныхъ отрядовъ. Можно смѣло сказать, что между многочисленными городами нашего обширнаго отечества, едва ли сыщется другой, такъ сильно усвоившій себѣ эту промышленность. Отдаленныя мѣста Грузіи и Польши, станицы Дона и Черноморья, а болѣе всего—Кавказскій край, служатъ многимъ бѣлевцамъ мѣстами постояннаго жительства; на Кавказѣ нѣтъ укрѣпленія или мѣстечка, гдѣ не находилось бы нѣсколькихъ бѣлевцевъ. Маркитантство представляетъ для нашего горожанина какую-то особенную заманчивость, и лишь только звукъ трубы военной прогремитъ въ какомъ либо краю нашего отечества, въ Бѣлевѣ уже начинаются приготовленія и сборы къ отъѣзду въ армію: складываются артели и капиталы, скупаются повозки, лошади, мѣстный нужный товаръ и прочее. Наконецъ, назначается день отъѣзда. Послѣ необходимой молитвы чудотворной иконѣ св. угодника Николая Чудотворца и Скорбящей Божіей Матери и послѣ истинно товарищеской и преизобильной на дорогу пирушки, весь поѣздъ въ веселомъ расположеніи духа, окруженный множествомъ родныхъ и близкихъ, отправляется въ путь искать счастія, для него еще скрытаго и неопредѣленнаго, а можетъ быть, и могилы на не родной землѣ и подъ чужимъ небомъ... Такимъ образомъ, говоря примѣрно, изъ числа отправившихся въ турецкую кампанію 1829 года 300 маркитантовъ, едва ли третья часть вернулась въ Бѣлевъ; остальные умерли въ Молдавіи отъ чумы и другихъ болѣзней, заразившись первою отъ окружавшихъ солдатъ. Затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, во время борьбы на Кавказѣ съ знаменитымъ Шамилемъ, рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы кровожадная рука горца не

лишила бѣлевскаго общества одного или двухъ членовъ его; семьи, напримѣръ, Азарова и Минакова были избиты поголовно [1]). Въ прошлую Крымскую кампанію, при всей незначительности наличныхъ жителей Бѣлева, ѣздило для маркитантства въ армію болѣе 100 человѣкъ: большинство же издавна промышляло на Кавказѣ. Оффиціальнымъ путемъ здѣшніе маркитанты вызывались для продовольствія войскъ, бывшихъ на Чугуевскихъ маневрахъ и во время сбора стотысячной арміи при открытіи Бородинскаго памятника въ 1839 году.

Въ памятные 1812—1815 годы, весь почти Бѣлевъ, говоря въ переносномъ смыслѣ, выѣзжалъ въ чужедальнія стороны, и рѣдкій изъ его гражданъ не прошелъ тогда Германіи и не побывалъ въ Парижѣ, рѣдкій не могъ разсказать исторіи военныхъ дѣйствій того времени. Поговорка: «Молода—въ Саксоніи не была!» сложилась именно тогда въ Бѣлевѣ, какъ бы въ насмѣшку тѣмъ, оставшимся дома горожанамъ, которые не ходили съ войсками до Дрездена, столицы Саксоніи. Такъ какъ наборы въ Отечественную войну были большіе и частые, а мѣщане города почти всѣ маркитантствовали, то бывшей тогда городской думѣ, для исполненія рекрутской повинности, пришлось прибѣгнуть къ экстренной мѣрѣ: командировать въ Германію и Францію съ открытою инструкціею своего рекрутскаго отдатчика. Онъ забиралъ по дорогѣ очередныхъ и везъ ихъ, разумѣется, подъ строжайшимъ присмотромъ, въ штабъ главной квартиры; тутъ отдатчику выдавалась квитанція въ пріемѣ рекрута. Въ народѣ долго, послѣ того, памятовалась фамилія этого всесильнаго, по тогдашнему времени, общественнаго дѣятеля,—фамилія эта была: «Барбышъ». Фамилія съ малороссійскимъ окончаніемъ въ нашихъ мѣстахъ есть неслыханная рѣдкость; если это слово-кличка бывшему отдатчику, данная ему народомъ въ раздраженіи, то она вполнѣ характеризуетъ нравственныя качества лица, носившаго ее...

Мнѣ памятны два старика-маркитанта—Анфиловъ и Селинъ (по-простонародному—Отражевъ и Ромашечкинъ); по ихъ словамъ, они, во время своей молодости, были свидѣтелями взятія Очакова и Измаила, а великаго Суворова знавали, будто бы, еще фанагорійскимъ полковникомъ. Рядомъ съ моею квартирою, отдѣляясь только садовымъ заборомъ, содержитъ въ собственномъ домѣ постоялый дворъ ветеранъ-маркитантъ, здѣшній гражданинъ Тимоѳей Климовичъ Соловьевъ. Тимоѳей Климовичъ, по его словамъ, былъ въ Парижѣ 16-ти-лѣтнимъ мальчикомъ; ему теперь, стало быть,

[1]) При внезапномъ нападеніи, въ 1849 году, на Темиръ-Ханъ-Шуру, черкесъ уже занесъ шашку надъ головою маркитанта Калашникова, моего школьнаго товарища, но солдатъ кабардинскаго полка вонзилъ черкесу въ бокъ штыкъ и — Калашниковъ спасся отъ смерти.

надобно дать болѣе 85-ти лѣтъ. Но бывалый маркитантъ далеко не выглядываетъ такимъ старикомъ; въ немъ сохранились еще крѣпость въ ногахъ, бодрость и хорошая память. Послѣ похода въ Парижъ, Соловьеву довелось быть маркитантомъ въ турецкомъ походѣ. О встрѣтившемся съ маркитантомъ Озеренскимъ за границею казусѣ, чуть не стоившемъ ему жизни, я, со словъ Соловьева, передамъ ниже.

Заманчивый и, конечно, полный, въ военное время, приключеній, нужды и горя, промыселъ этотъ не всегда одинаково вознаграждалъ матеріально трудившихся; въ недавнее время, маркитантство въ крѣпостяхъ и при отрядахъ на Кавказѣ доставляло здѣшнимъ жителямъ только кусокъ насущнаго хлѣба и рѣдкому—состояніе; не то была для нихъ Отечественная война. Почти каждый изъ тогдашнихъ маркитантовъ, побывавъ на чужой сторонѣ, привезъ порядочный запасъ денегъ и, не очень вдаваясь въ разсужденіе о будущемъ, прожилъ ихъ въ свое удовольствіе; даже большая часть домовъ города, какъ разсказываютъ, обязаны своею постройкою этимъ памятнымъ и, по сложившимся обстоятельствамъ, тяжелымъ для Россіи годамъ!

Едва ли гдѣ либо можно теперь встрѣтить жетонъ, выбитый, повидимому, французскою благонамѣренною партіею въ память освобожденія Франціи отъ порабощенія ея Наполеономъ I. Жетонъ этотъ мѣдный и хорошо отчеканенъ; съ одной стороны на немъ изображенъ императоръ Александръ I, съ французскою надписью кругомъ, а съ другой св. великомученикъ Георгій, на конѣ, поражающій змія, и тоже съ надписью. По словамъ маркитанта, подарившаго мнѣ жетонъ, подобные знаки были бросаемы въ народъ при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ. Знаки эти могли быть отчеканены и съ общаго согласія трехъ союзныхъ государей. Но подарокъ другого маркитанта, относящійся, повидимому, къ Семилѣтней войнѣ Россіи съ Фридрихомъ Великимъ—сущая загадка. Подарокъ этотъ—серебряная монета низкой пробы. На одной сторонѣ изображена наша покойная государыня Елизавета Петровна, съ нѣмецкою надписью кругомъ: «Елизавета Императрица Русская», а съ другой—одноглавый орелъ, внутри котораго поставлено римское VI, а внизу 1761 годъ. Кругомъ же надписано: «Монета королевства Прусскаго». Маркитантъ говорилъ, что нѣсколько подобныхъ монетъ осталось отъ дѣда его, бывшаго маркитантомъ съ русскими войсками въ войнѣ съ «цыцарцемъ». Не были ли эти монеты, по приказанію Елизаветы, выбиты въ Россіи собственно для русскихъ войскъ, побѣдившихъ войска Фридриха Великаго при Цорнсдорфѣ и Гроссъ-Эгерсдорфѣ? Была же въ Эстоніи, въ царствованіе Елизаветы, въ 1757 году, своя монета, величиною въ старый четвертакъ, съ надписью: «Монета Эстонская», но только—съ двуглавымъ орломъ; надписи тоже были нѣмецкія, а серебро—высокой пробы. Подобная монета хранится у меня.

Съ какимъ удовольствіемъ, я помню, старые маркитанты города, находившіеся на покоѣ и замѣнившіе себя, гдѣ слѣдуетъ, или дѣтьми, или внуками, вспоминаютъ о своихъ дѣлахъ прошлаго времени! Подобныя воспоминанія можно было подслушать преимущественно на общественныхъ собраніяхъ думы, или, за рюмкой водки, въ веселой частной компаніи. Бывало маркитантъ, улучивъ время вырваться изъ арміи для побывки домой, щедрою рукою соритъ деньгами: есть вѣрная надежда опять разжиться съ избыткомъ. Выѣдетъ ли, посмотришь, зимою, на катанье, онъ изумляетъ порядкомъ и довольствомъ: одѣтый въ хорошенькій тулупъ, съ бобровою высокою шапкою на головѣ, опоясанный заграничнымъ поясомъ, — онъ есть чистый типъ русскаго купца прошлаго времени; на женѣ его, покрытой, сверхъ кокошника или повязки, тяжелою жемчужною рефетью, надѣта штофная шуба съ богатымъ воротникомъ; лошадка у него молодая и сытая, а объ упряжи и говорить нечего. По большой Калужской улицѣ, мѣстѣ теперешняго публичнаго катанья (Бѣлевъ, скажу къ слову, щеголяетъ и конями, и экипажами), можно было видѣть прежде, въ зимнее время, около 300 экипажей зажиточныхъ бѣлевцевъ, находившихъ въ катаньѣ не малое удовольствіе. На этомъ основаніи, какой-то острякъ того времени даже придумалъ поговорку, что «жена полная, лошадь толстая, хомутъ красный и кнутъ длинный»—будто бы вывѣска здѣшняго маркитанта. Заглянулъ ли бы, въ то время, кто на домашній бытъ пріѣзжаго[1]), и тутъ увидалъ бы, что живется въ довольствѣ и открыто: съ утра до вечера ворота дома пріѣзжаго не запирались; здѣсь толпились не только родные, но и чужіе, и всякій, кому только желалось провѣдать гостя, попробовать его хлѣба-соли, поговорить о военныхъ событіяхъ того времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать и о своихъ родныхъ, тоже отлучившихся. Шумная жизнь тогда лишь смѣнялась какимъ-то тихимъ безлюдіемъ, когда пріѣзжій опять отправлялся въ армію. Далеко, и далеко не то—пріѣздъ маркитанта ближайшаго къ намъ времени (хотя за 35 лѣтъ тому назадъ) изъ чужедальнихъ странъ на родину, послѣ 10—15-лѣтней его отлучки. Правда, родня и знакомые, съ недѣльку попируютъ, повеселятся у пріѣхавшаго хозяина-гостя, въ честь его прибытія, и у себя, въ свою очередь, зададутъ не одну пирушку, но потомъ все пойдетъ тихо, своимъ чередомъ. Поживъ съ полгода или болѣе, пріѣзжій уже начинаетъ собираться въ дорогу,—наконецъ, собрался и уѣхалъ, и опять, разумѣется, надолго; но вмѣстѣ съ собою подманилъ попытать своего счастія человѣка два-три горожанъ.

---

[1]) Я въ своихъ рукахъ имѣлъ нѣсколько билетовъ на проѣздъ изъ арміи до Бѣлева здѣшнихъ маркитантовъ и въ томъ числѣ, помнится, одинъ за подписью Барклая-де-Толли.

Не одинъ звукъ трубы военной влекъ здѣшнихъ гражданъ на чужбину: и въ мирное время они, обыкновенно въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, отправлялись кто на Кавказъ, кто въ Польшу—поискать счастія, пожить тамъ, нажить, если придется, деньжонокъ, пріѣхать въ Бѣлевъ—прожить ихъ, а потомъ опять пуститься въ дальнюю дорогу. Болѣе же отправляли туда молодыхъ мальчиковъ (въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ) для того, какъ говорятъ, чтобы они видѣли свѣтъ и испытали нужду. Когда еще, бывало, ребенокъ учится, заботливые родители подготовляютъ его къ мысли о разставаніи съ нимъ и, сговорясь съ другими родителями, имѣвшими намѣреніе отправить тоже своихъ дѣтей,—общими силами сдаютъ ихъ всѣхъ подъ попечительство какихъ нибудь ѣдущихъ въ дальній путь взрослыхъ горожанъ, уже бывшихъ на «линіи» [1]) или въ Польшѣ и потому знакомыхъ съ тамошними мѣстами, для которыхъ не составитъ особаго труда распредѣлить мальчиковъ по занятіямъ. Такимъ-то или почти такимъ-то образомъ большая часть бѣлевцевъ начинала прежде гражданственную жизнь свою и первое знакомство съ мірскими нуждами и потребностями!

Трогательно было видѣть, какъ эти малютки (отъ 12 до 13 лѣтъ), отданные подъ чужой надзоръ и почти еще непонимавшіе цѣли своего назначенія, ѣдутъ на чужую сторону, отрывающую ихъ, на неизвѣстное число лѣтъ, отъ попеченія родителей... Не пріятно ли было послѣднимъ, послѣ того, получить извѣстіе, что ребенокъ ихъ при мѣстѣ да еще и съ платою! Годовъ черезъ 5 этотъ уже акклиматизировавшійся житель Кавказа поступаетъ товарищемъ въ маркитантскую артель съ полученіемъ части пая изъ приторгованныхъ барышей, или приличнаго, по заслугамъ, жалованья; отправленный съ отрядомъ въ горы, онъ знакомится здѣсь съ глазу на глазъ съ опасностями. Проведя самый нѣжный возрастъ юности не подъ кровомъ баловницы-матери, но подъ желѣзною иногда волею людей совершенно чужихъ, испытавъ нужду во всѣхъ ея родахъ и видахъ—и, наконецъ, по обстоятельствамъ, имѣвъ ближайшее сношеніе съ разными народами (осетинцами, ногайцами, лезгинами, грузинами, шапсугами, натухайцами и проч.),—этотъ ранній гражданинъ, не выходя изъ предѣловъ закона физическаго, невольно переходитъ грань закона моральнаго и преждевременно развивается разумомъ. Продолжая жить такимъ образомъ, сынъ становится, наконецъ, единственною опорою семейства. Ему сыплются, заочно, благодарныя благословенія матери и сестеръ, существующихъ его вспомоществованіемъ. Уже прошло болѣе 10 лѣтъ его отлучки, а онъ и не думаетъ ѣхать повидаться съ родными. Надобно бы, кажется, сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что и мать горячо того желаетъ. Вотъ послѣдняя полу-

[1]) Такъ здѣшніе горожане называютъ вообще весь Кавказъ съ принадлежащими къ нему землями.

чаетъ отъ сына радостное извѣстіе, что какъ только устроятся дѣла, то за непремѣнный долгъ поставлено будетъ—пріѣхать къ ней. Но проходитъ еще годъ, а сладостная мысль видѣть сына—не исполняется. Съ исходомъ, затѣмъ, другого года, мать, потерявъ всякую надежду на пріѣздъ ожидаемаго гостя, только горюетъ объ одномъ, что, можетъ быть, умретъ, не порадовавшись на родное дитя и не благословивъ его. Однажды, наконецъ, у воротъ дома матери останавливается повозка. Пріѣзжій, въ косматой черкесской шапкѣ, идетъ во дворъ; отворивъ дверь комнаты, онъ только молча смотритъ, какъ бы поражаясь воспоминаніемъ. Кто бы это такой?—думаетъ мать—неужели Ваня?.. Но быть не можетъ! Тотъ былъ (образъ его запечатлѣнъ въ материнскомъ сердцѣ) худенькій, плаксивый мальчикъ, а этотъ—бравый молодецъ, въ черкесскомъ бешметѣ, съ кинжаломъ за поясомъ; нѣтъ, не онъ!.. «Матушка!»—говоритъ пріѣзжій,—«неужели вы мнѣ не рады?»... Вмѣсто отвѣта, мать, въ безпамятствѣ, бросается дорогому гостю на шею, и радостныя слезы матери и сына, смѣшавшись вмѣстѣ, высказываютъ то, что не можетъ быть высказано никакимъ языкомъ человѣческимъ... Мнѣ самому доводилось быть свидѣтелемъ картины подобнаго свиданія.

Изъ всего этого видно, что духъ маркитантства въ Бѣлевѣ есть давній и наслѣдственный. Маркитантъ М. В. Азаровъ, проводившій всю свою жизнь на Кавказѣ (двоюродный братъ убитаго), 30 лѣтъ тому назадъ передавалъ мнѣ, что въ одномъ изъ тамошнихъ городовъ, онъ будто бы видѣлъ на кладбищѣ памятникъ по какомъ-то бѣлевскомъ горожанинѣ, умершемъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Посадскій человѣкъ Михаилъ Вязмятинъ, въ 70 и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, выдѣлывалъ столовые ножи, которые, по разсказамъ, могли будто бы перерубать желѣзный прутъ, а секретъ особой закалки металла онъ позаимствовалъ, будто бы, у горцевъ, во время пребыванія его на Кавказѣ. За тѣмъ мать поэта Жуковскаго, съ сестрою, привезена была къ г. Бунину возвратившимся изъ Румянцевской арміи, въ концѣ 70-хъ годовъ, его крестьяниномъ, который ѣздилъ съ бѣлевскими горожанами туда для маркитантства. Съ маркитантами знаменитаго Суворовскаго перехода черезъ Альпы, мнѣ, въ дѣтствѣ, приходилось сталкиваться. Въ Отечественную же войну, какъ мы видѣли, выѣзжалъ въ маркитантство почти весь Бѣлевъ. Не выпало только счастливаго жребія на долю бѣлевскихъ маркитантовъ продовольствовать русскую армію, въ 1877 году, за Дунаемъ и Балканами: ихъ, какъ извѣстно, замѣнили тамъ, къ сожалѣнію, Ицки, Гершки, Борухи, Срули, Юдки и прочіе «цесные целовѣки» еврейскаго происхожденія. Если взять 28 и 30 лѣтъ тому назадъ, то можно смѣло сказать, что третья часть собственно бѣлевцевъ живала внѣ своего города, посѣщая его по одному разу въ теченіе 10 лѣтъ, а не то и со всѣмъ никогда не посѣщая. Въ

настоящее время, всѣ эти глубоко уважаемые торговцы, если можно выразиться лучшія промышленныя силы города, переписались въ мѣста ихъ промысла и постояннаго жительства,—бѣлевскихъ маркитантовъ или ихъ потомковъ сейчасъ можно найдти, на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, въ городахъ: Ставрополѣ, Петровскѣ, Дербентѣ, Кизлярѣ, Моздокѣ, Пятигорскѣ, Владикавказѣ, Магометъ-Юртѣ, Назранѣ, Грозномъ, кр. Веденѣ (гдѣ взятъ Шамиль), станицахъ: Сунженской, Слѣпцовской, Тенгинской; на правомъ флангѣ: въ Тифлисѣ, Прочноокопѣ, станицахъ Лабинской и Устьлабинской, а равно и въ другихъ мѣстахъ Кавказскаго края. Затѣмъ, перечислились въ мѣста постояннаго жительства и тѣ горожане, которые издавна промышляли въ Польшѣ,—и городу, разумѣется, пришлось невольно ослабѣть... Теперь уже Бѣлевъ не можетъ считаться «богатымъ, промышленнымъ и торговымъ городомъ», какимъ онъ считался въ старыхъ учебникахъ и какимъ былъ на самомъ дѣлѣ болѣе столѣтія...

О казусѣ, встрѣтившемся въ Отечественную войну съ маркитантомъ Озеренскимъ, [1]) я слышалъ недавно отъ маркитанта того времени Соловьева, моего сосѣда, и отъ сына умершаго Озеренскаго, проживающаго теперь въ Бѣлевѣ (у него есть еще братъ). Случай этотъ, кажущійся съ перваго взгляда почти невѣроятнымъ, оправдывается только строгостію мѣръ военнаго времени, когда къ виновному примѣняютъ законы полевого военнаго уложенія. Тогдашнее военное начальство, по какой-то особенной причинѣ «сочло нужнымъ выдавать плѣннымъ французамъ только по бѣлой булкѣ въ сутки», о чемъ строго-настрого, чéрезъ кого слѣдуетъ, заявило полковымъ маркитантамъ. Въ какой мѣстности это распоряженіе послѣдовало, сказать вѣрно не могу. Маркитантъ Озеренскій, ловкій, разбитной парень, вздумалъ продавать французамъ мелкіе медовые пряники (жамки), привезенные имъ съ собою. Эта невинная, повидимому, спекуляція Озеренскаго дошла до свѣдѣнія начальства. Пошли обыски; къ несчастію, нѣсколько фунтовъ запрещеннаго товара было найдено у нашего молодца въ карманахъ его штановъ. Тотчасъ же наряженный военный судъ приговорилъ виновнаго къ разстрѣлянію. На другой день суда, повели бѣднаго малаго за городъ, для исполненія надъ нимъ приговора. Сами солдаты, съ заряженными ружьями провожавшіе преступника, сильно сожалѣли его, какъ жертву, скорѣе, неосторожности и невѣдѣнія. Къ совершенному благополучію Озеренскаго, офицера въ конвоѣ не было, а замѣнялъ его унтеръ-офицеръ. Симпатизируя своему собрату, ни за что, повидимому, погибавшему, маркитанты, по дорогѣ, зазывали

---

[1]) Озеренскаго я зналъ лично; онъ умеръ лѣтъ 20 тому назадъ. Маркитантъ этотъ, какъ говорится, прошелъ огонь и воду, какъ и большая часть старыхъ маркитантовъ.

его къ себѣ и приговаривая: «выпей, братъ, Ваня—смѣлѣе будетъ умирать!» усердно подносили ему вино. Натощакъ, Озеренскій такъ набрался, что, не доходя до мѣста казни, упалъ безъ памяти. Конвойные донесли начальству, что на пути съ преступникомъ сдѣлалось дурно, а его самого принесли назадъ. Эта оттяжка спасла жизнь Озеренскому: вышедшій вскорѣ, вслѣдствіе какого-то важнаго событія, милостивый манифестъ сдѣлалъ Озеренскаго свободнымъ. Сынъ добавляетъ, что, по словамъ покойнаго отца, само военное начальство ходатайствовало у главнокомандующаго о смягченіи приговора надъ Озеренскимъ. Главнокомандующій, отмѣнивъ смертную казнь, замѣнилъ ее другимъ для Озеренскаго наказаніемъ: прогнать его сквозь 12,000 шпицрутеновъ. Приговоръ этотъ, разумѣется, былъ бы исполненъ надъ виновнымъ, но манифестъ, какъ сказано выше, отмѣнилъ и это наказаніе, равносильное то же смерти, но только смерти медленной и мучительной...

Нѣчто подобное тоже случилось, въ 40 годахъ, съ маркитантомъ Степановымъ на Кавказѣ. По злобѣ баталіоннаго командира, онъ попалъ было подъ судъ за продажу, будто бы, пороха черкесамъ. Вмѣшательство князя Воронцова, знавшаго Степанова лично, дало этому дѣлу благопріятный исходъ, и Степановъ былъ оправданъ.

Не могу при этомъ не разсказать о кровавомъ случаѣ, происшедшемъ на Кавказѣ съ здѣшнимъ маркитантомъ Василіемъ Ситниковымъ, засвидѣтельствованномъ, въ свое время, письменно бывшимъ главнымъ докторомъ владикавказскаго военнаго госпиталя Фрейтагомъ; самъ Ситниковъ передавалъ мнѣ объ этомъ событіи лично въ 1850 году. Случай этотъ уясняетъ, до какой степени можетъ быть живучъ человѣкъ.

По обыкновенію, Ситниковъ уѣхалъ на Кавказъ вмѣстѣ съ другими горожанами и поступилъ въ услуженіе въ маркитантскую артель. Прослуживши нѣсколько лѣтъ, Ситниковъ, какъ человѣкъ вполнѣ грамотный (обучался въ училищѣ), нашелъ возможность перейдти на службу въ повѣренные къ владикавказскому откупщику существовавшаго тогда акцизнооткупного комиссіонерства. Это былъ въ то время многочисленный классъ не тѣхъ повѣренныхъ, на которыхъ нынѣ лежитъ обязанность вести тяжебныя дѣла своихъ кліентовъ и защищать ихъ интересы,—старые повѣренные по откупу дѣлали совершенно иное дѣло: они провѣряли достоинство продаваемаго кабатчиками вина и принимали отъ нихъ деньги для доставки откупщику. Такимъ образомъ, лѣтомъ 1849 года, Василій Ситниковъ, вмѣстѣ съ другимъ повѣреннымъ изъ мѣстныхъ грузинъ, выѣхали изъ Владикавказа для сбора денегъ. Даже между черкесами (мирными и немирными) грузинъ славился силою, смѣлостью, наѣздничествомъ и умѣньемъ владѣть оружіемъ. Ситниковъ былъ тоже наѣздникъ, какъ и большая часть тогдашнихъ молодыхъ маркитантовъ, но оружіемъ владѣлъ плохо: не приходилось еще упо-

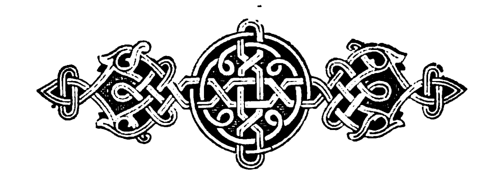
треблять его въ дѣло. Оба повѣренные были вооружены шашками и винтовками. Время было окололо сумерекъ. Когда верховые отъѣхали версты три или четыре, то грузинъ, хорошо говорившій по-русски, сказалъ Ситникову: «Охъ, братъ, Вася! Съ нами случится какое нибудь несчастіе: меня измучило предчувствіе». И, дѣйствительно, предчувствіе не обмануло горца. Лишь только путники въѣхали въ горное ущелье, какъ передъ ними появились четыре черкеса, выросшіе словно изъ земли. Въ грузина, какъ соперника опаснаго, сразу полетѣли два выстрѣла. Выстрѣлы эти убили наповалъ грузина, и онъ, во весь громадный свой ростъ, растянулся у ногъ лошади. Другіе два выстрѣла назначались на долю Ситникова; пуля одной винтовки, устремленной почти въ упоръ, попала въ грудную полость и прошла на вылетъ; другая же, мѣченная въ високъ, не попала въ свое мѣсто, а только ошеломила Ситникова и до кости сорвала со лба мясо и кожу. Но такъ какъ повѣренный все еще сидѣлъ на лошади, то одинъ изъ черкесовъ сталъ рубить его шашкою по головѣ. По чувству самосохранія, Ситниковъ схватился руками за голову и большая часть ударовъ пришлась на кисть правой руки и изуродовала ее. Наконецъ, упалъ съ коня и Ситниковъ и притворился мертвымъ: ибо одинъ изъ черкесовъ предлагалъ товарищамъ, поспѣшавшимъ грабить лежащихъ, сдѣлать надъ нимъ извѣстную операцію, послѣ которой смерть неизбѣжна. На это предложеніе другой горецъ, дороживши, повидимому, временемъ, возразилъ: «Небось, онъ и такъ издохъ»! И такимъ циничнымъ образомъ, по словамъ раненаго, выражался одинъ изъ мирныхъ черкесовъ, кунакъ (другъ) его, который довольно часто одолжался Ситниковымъ и не одинъ разъ пилъ съ нимъ мѣстное вино (чихирь). На слѣдствіи выяснилось, что этотъ-то коварный пріятель былъ и руководителемъ нападенія. Когда ускакали грабители, захватившіе съ собою и обоихъ коней повѣренныхъ, то Ситниковъ имѣлъ еще силу приподняться и, при помощи лѣвой руки и собственныхъ зубовъ, оторвать клокъ собственной рубахи (она была ветха) для того, чтобы хотя немного усмирить кровь, лившуюся изъ раны въ груди. Въ такомъ занятіи застали Ситникова, уже сильно ослабѣвшаго, линейные казаки съ ближайшаго поста; они слышали выстрѣлы и поняли, что это не даромъ. Раненый могъ только заявить имена нѣкоторыхъ грабителей и впалъ въ безпамятство. Опомнился онъ, черезъ три недѣли, уже во владикавказскомъ военномъ госпиталѣ. Страданія Ситникова были ужасны, изъ грудной полости вышли кости, разбитыя пулею. Пролежавши полгода, раненый, или, правильнѣе сказать, вокресшій Ситниковъ вышелъ изъ госпиталя и оставилъ навсегда Кавказъ, во 1-хъ потому, что онъ не способенъ былъ ни къ какому труду; во 2-хъ потому, что родственники уличенныхъ и осужденныхъ преступниковъ поклялись на кинжалѣ—отмстить, во чтобы то ни стало, Сит-

никову за его доносъ на убійцъ, а клятва фанатика-горца въ исполненіи мщенія—священна. Изъ Бѣлева Ситниковъ отправился въ Москву; тамъ въ одномъ изъ трактировъ ему посчастливилось попасть маркеромъ въ билліардную, при каковой должности онъ и прослужилъ до самой смерти. Умеръ лѣтъ около 15 тому назадъ. Въ паспортѣ Ситниковъ именовался Ивановымъ.

Семьѣ убитаго грузина, по словамъ Ситникова, было выдано 600 р. сер.; правительство взыскало эти деньги съ общества, къ которому принадлежали убійцы.

Всегдашнее пребываніе между храбрыми кавказскими солдатами и постоянные походы въ глубину горъ, гдѣ обитали черкесы, не могли оставаться безлѣдными для духа нѣкоторыхъ, болѣе воспріимчивыхъ маркитантовъ. И они въ свою очередь, хотя на время дѣлались защитниками отечества. Такъ маркитантъ апшеронскаго полка Аксеновъ, жившій въ Прочноокопѣ, становился всегда въ ряды стрѣлковъ и на ряду съ солдатами стрѣлялъ въ засѣвшихъ гдѣ либо горцевъ. Черкесы злились на него и не разъ мѣтили въ него, но все напрасно; за все время Аксеновъ получилъ только одну рану: вдоль лба, отчего на лбу образовался большой шрамъ. Маркитантъ Аѳанасій Краснослѣповъ, во время Крымской войны, былъ всегда участникомъ вылазокъ противъ англо-французовъ съ черноморскими пластунами. Краснослѣпову перебили обѣ ноги и онъ долго ходилъ на костыляхъ. Ему была пожалована высочайшая награда: золотая медаль на георгіевской лентѣ, съ надписью: «за храбрость». Кромѣ того, помнится, онъ былъ избавленъ отъ платежа податей. Краснослѣповъ живетъ теперь на югѣ Россіи. Мнѣ памятны молодые маркитанты 40 и 50-хъ годовъ: Вырскій, братья Волковы и другіе. Это были нетолько наѣздники, но и отличные джигиты, которые оружіемъ могли выдѣлывать все то же, что выдѣлывали, въ свое время, линейные казаки. Подобные аматеры пріѣзжали въ Бѣлевъ всегда на кавказскихъ коняхъ.

П. Мартыновъ.





ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ.

(Изъ быта начала XVII вѣка).

ВѢРА ВЪ ВОЗМОЖНОСТЬ сношеній человѣка съ неземными силами, въ возможность пользованія ихъ услугами для достиженія различныхъ цѣлей, сохранилась и по настоящую пору въ формѣ различныхъ суевѣрій, предразсудковъ и повѣрій, и не въ одной лишь массѣ чернаго люда; много пройдетъ еще десятковъ лѣтъ, пока перестанутъ выдѣляться «тяжелые дни», изгладится вѣра въ привороты, вліяніе дурного глаза и встрѣча съ зайцемъ, перебѣжавшимъ дорогу, перестанетъ считаться зловѣщею... Въ началѣ же прошлаго столѣтія этой вѣрой были заражены не только простые смертные, но и лица, принадлежавшіе къ царскому дому; не чуждъ былъ этой вѣры и самъ великій преобразователь Россіи, императоръ Петръ I. Такъ, въ 1700 году, по его приказанію, было произведено строгое слѣдствіе, съ кнутомъ и пытками, надъ царевною Екатериною Алексѣевною по обвиненію ея въ томъ, что она чрезъ различныхъ лицъ желала найти кладъ и при помощи этого клада привлечь расположеніе своего царственнаго брата къ себѣ, сестрамъ и къ нелюбимой царемъ его женѣ. Въ 1718 году, Петръ I явилъ новое доказательство существованія въ немъ этой вѣры, сохранившееся въ столбцахъ Сибирскаго Приказа московскаго архива министерства юстиціи.

Въ самомъ началѣ 1718 года въ Москву былъ присланъ изъ Воронежа донской казакъ Емельянъ Щадринъ, сказавшій за собою «государево слово». При допросѣ Щадринъ сказалъ, что «государево слово», за нимъ такое: «нынѣшняго лѣта въ Хоперскомъ Одинѣ

городкѣ сказывалъ ему того городка казакъ Ѳедоръ, а чей сынъ не знаетъ, на Одинѣ стало-де намъ на рѣкѣ жить стѣсненіе, а пишетъ-де къ нимъ въ Верхніе городки измѣнникъ Некрасовъ, чтобъ они шли жить на Кубань, а даромъ-де казаки ихъ на Кубань не пойдутъ, для того—Игнашка велитъ имъ раззорить государевы города и села. А какъ-де они казаки пойдутъ съ Дону на Кубань, и они бъ казаки о томъ къ нему Игнашкѣ писали, а онъ-де Игнашка будетъ къ нимъ для раззоренія русскихъ городовъ, и какъ-де ихъ казаки подымутся, сдѣлаютъ добро. А къ кому тотъ Игнашка писалъ, и съ кѣмъ, того ему тотъ Ѳедоръ не сказалъ. И если-де ему Емельяну дано будетъ служилыхъ людей 500 человѣкъ, и онъ-де того вора Некрасова можетъ взять живаго безъ урона тѣхъ служилыхъ людей, такимъ случаемъ: пуститъ подъ нихъ воровъ воду, а сверху туманъ, и отъ того имъ, ворамъ, будетъ великій страхъ и живыхъ мочно побрать. А выучился онъ, Емельянъ, воду и туманъ напускать тому года съ три въ Черкасскомъ у донскаго казака Степана Тимоѳеева; тотъ Степанъ умре тому года съ два. А въ донскихъ городкахъ на поляхъ ту воду и туманъ онъ, Емельянъ, напускивалъ; а никто той науки за нимъ не знаетъ и не видалъ. А какъ все учинить, скажетъ онъ самому Царскому Величеству; а въ той наукѣ отвращенія отъ Бога онъ не имѣлъ и нынѣ не имѣетъ, и колдовства въ той наукѣ и призыванія нечистыхъ духовъ нѣтъ».

Трудно сказать, вѣрилъ ли самъ Щадринъ въ свое искусство напускать воду и туманъ на непріятеля, или посредствомъ наглой лжи хотѣлъ добиться чего нибудь; во всякомъ случаѣ въ своемъ дѣлѣ ему удалось заинтересовать самого государя и добиться личнаго свиданія съ нимъ. На вопросъ Петра: какимъ образомъ Щадринъ можетъ напускать воду и туманъ, онъ отвѣчалъ: «то дѣло можетъ онъ, Емельянъ, дѣйствовать каменемъ, а нынѣ того камня при немъ нѣтъ, спрятанъ, какъ его поймали, въ Керенской вотчинѣ князя Александра Черкасскаго въ селѣ Александровскомъ на крестьянскомъ дворѣ подъ клѣтную кровлю въ лубки; а буде тотъ камень утерялся, и такой же камень онъ достанетъ, потому что такія каменья родятся въ птицѣ воронѣ, а вынимаютъ въ одно время, весною, въ великій постъ, какъ высиживаютъ дѣтей; величиною тотъ камень съ копѣйку серебряную, видомъ черенъ».

Не смотря на очевидную нелѣпость объясненія Щадринымъ способа напускать туманъ и воду на непріятеля, Петръ, очевидно, призналъ такое искусство возможнымъ и распорядился послать Щадрина въ указанное имъ мѣстонахожденіе нужнаго для опытовъ камня, въ Керенскій уѣздъ, въ вотчину князя Черкасскаго село Александровское, въ сопровожденіи капитана Максима Пестова. Камня своего Щадринъ въ указанномъ мѣстѣ не нашелъ и, по возвращеніи въ Москву, обвинялъ сопровождавшаго его капитана въ

томъ, что тотъ не допустилъ его обыскивать тотъ крестьянскій дворъ, гдѣ хранился его камень; а капитанъ, въ свою очередь, утверждалъ, что Щадринъ обыскивалъ домъ, да ничего не нашелъ. Однако казакъ не потерялся: онъ заявилъ, что такой же чудодѣйственный камень онъ можетъ достать и въ Москвѣ, стоитъ только поймать ворона въ то время, когда онъ будетъ сидѣть въ гнѣздѣ на яицахъ или при маленькихъ дѣтяхъ; у такого ворона въ зобу имѣется нужный ему камень, которымъ онъ станетъ дѣйствовать, «въ которое время похочетъ».

Требованіе Щадрина было удовлетворено. Ближній стольникъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій приказалъ сокольникамъ отыскать воронье гнѣздо и снять съ гнѣзда ворона. Въ самомъ непродолжительномъ времени «помытчиками» были доставлены на потѣшный дворъ три ворона живыхъ и Щадринъ былъ приведенъ туда же въ сопровожденіи подъячаго Варѳоломея Митусова, которому былъ данъ строгій наказъ—наблюдать надъ Щадринымъ, что онъ будетъ дѣлать съ тѣми воронами. Щадринъ, не трогая пойманныхъ птицъ, началъ спрашивать сокольниковъ: «тѣ вороны сколь давно, и съ гнѣзда ль и съ яицъ ли сняты?» Оказалось, что вороны пойманы на волѣ, а не съ гнѣзда сняты, а потому для Щадрина оказались непригодными; онъ непремѣнно требовалъ, чтобы вороны были сняты съ гнѣзда и притомъ съ яицъ или дѣтей, сокольники же отказывались отъ такой задачи, говоря, что они для поимки вороновъ изъ гнѣзда съ яицъ «на дерева лазили и силки ставили, и они-де осторожностью своею днемъ и ночью въ тѣ свои гнѣзда не пошли, и яица остудили и отъ гнѣздъ отлучились, и за тѣмъ поймать ихъ невозможно». Но за такими нустяками, какъ поимка ворона съ гнѣзда, столь важное дѣло, конечно, не могло быть брошено; Щадрину предложили отправиться въ сопровожденіи сержанта Дементья Лебедева, въ Сокольничью слободу и лично объяснить «помытчикамъ» свои желанія. Въ Сокольничей слободѣ помытчикъ Илья Михаиловъ вызвался добыть нужнаго Щадрину ворона и Щадринъ наединѣ далъ ему разныя наставленія, относящіяся до поимки ворона, но о своихъ приказаніяхъ отнюдь никому не велѣлъ говорить, а за поимку ворона съ гнѣзда отъ себя обѣщалъ заплатить 10 рублей. Михаиловъ нашелъ вороново гнѣздо подъ селомъ Алексѣевскимъ на соснѣ и въ ночь съ 15 на 16-е апрѣля, какъ онъ разсказывалъ, во время утрени, «пришедъ къ тому дереву, на то дерево влѣзъ и тайно изъ гнѣзда ворона снявъ и положа въ кулекъ принесъ домой, а въ томъ гнѣздѣ остались дѣти, уже оперились». Пойманный воронъ въ кулькѣ же былъ переданъ Щадрину, «и онъ, Щадринъ»,—разсказывалъ сержантъ Лебедевъ,—«взявъ того ворона въ кулькѣ, велѣлъ ему, сержанту, себя обыскать, что у него ничего нѣтъ, и онъ, Лебедевъ, съ солдаты его обыскивалъ, въ рукахъ и въ платьѣ ничего у него не нашли,

а послѣ обыску онъ, Щадринъ, тайно изъ того ворона вынулъ въ сѣняхъ при немъ сержантѣ и помытчикѣ Ильѣ невѣдомо что и, не показавъ имъ, завернулъ въ платокъ и отдалъ ему, Лебедеву, велѣлъ беречь; а ворона мертваго тому помытчику велѣлъ отнесть и бросить подъ то дерево, гдѣ снялъ съ гнѣзда. А какъ-де онъ, Щадринъ, руки изъ кулька вынулъ, и руки были у него, Щадрина, въ крови». Камень, вынутый Щадринымъ изъ ворона, завернутый въ платокъ былъ взятъ у него, положенъ въ крашенинный мѣшечекъ, запечатанъ сургучемъ и отданъ на храненіе въ казенномъ ящикѣ сторожу Василью Семенову, а перстень, которымъ былъ запечатанъ мѣшечекъ, отданъ Щадрину.

Теперь, добывши камень, Щадринъ заявилъ, что онъ можетъ дѣйствовать тѣмъ камнемъ, «въ которое время похочетъ и чтобъ съ тѣмъ камнемъ послать его къ Царскому Величеству». Но «Царскаго Величества», вѣроятно, не было въ Москвѣ, и Щадринъ до поры до времени былъ отданъ за караулъ каптенармусу Захару Насѣдкину.

20-го мая государь былъ въ гостяхъ у князя Ивана Өедоровича Ромодановскаго, которому было приказано позаботиться о поимкѣ для Щадрина ворона. Ромодановскій доложилъ государю о добытомъ Щадринымъ камнѣ и объ его готовности дѣйствовать тѣмъ камнемъ, при чемъ показалъ и самый камень, и по приказанію Петра приведенъ былъ и Щадринъ. Хотя Щадринъ и обѣщалъ дѣйствовать камнемъ, «въ которое время похочетъ», однако на этотъ разъ онъ отказался дѣйствовать, ссылаясь на ненастную погоду: «въ тотъ дождь дѣйствовать невозможно». Петръ и теперь еще вѣритъ въ возможность дѣйствовать камнемъ, въ возможность препятствія дѣйствію камня отъ дождя, и приказываетъ отложить опытъ до установленія ясной погоды. Въ лѣтнее время не долго ждать хорошей погоды: въ прекрасный ясный день 2 іюня государь опять пріѣхалъ къ Ромодановскому и приказалъ Щадрину дѣйствовать камнемъ. Передаемъ словами документа о дѣйствованіи Щадрина камнемъ: «И тотъ Щадринъ сперва отговаривался, что тѣмъ камнемъ будетъ онъ дѣйствовать противъ непріятельскаго войска, а потомъ велѣлъ поставить на дворѣ дву человѣкъ шведовъ-арестантовъ, и тѣ шведы на дворѣ у забора въ углу поставлены, и онъ, Щадринъ, изъ хоромъ смотря въ окно на тѣхъ шведовъ, держа тотъ камень въ рукахъ и во рту, шепталъ съ полчаса невѣдомо что, только дѣйства никакого не показалъ и Царскому Величеству сказалъ, что того учинить ему нынѣ невозможно потому что въ томъ дѣйствѣ ничего ему не служитъ, а учинитъ онъ то подлинно противъ непріятельскаго войска».

Обманъ открылся и разгнѣванный государь не пожелалъ больше присутствовать при опытахъ, а велѣлъ за ложный извѣтъ наказать его. Вотъ приговоръ Петра, который былъ объявленъ Щадрину:

«Донской казакъ Емельянъ Щадринъ! Великій Государь указалъ тебѣ сказать: присланъ ты съ Воронежа для того, что, будучи ты въ Керенску, сказалъ за собою государево слово, а въ приказѣ извѣщалъ ты объ его государевѣ дѣлѣ, о которомъ хотѣлъ показать передъ Царскимъ Величествомъ, и по тому своему извѣту передъ Царскимъ Величествомъ ничего не показалъ, и тотъ твой извѣтъ во всемъ явился ложный, и за тотъ твой ложный извѣтъ Великій Государь указалъ учинить тебѣ наказанье: бить кнутомъ и послать на каторги въ работу на 10 лѣтъ». Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 22-го сентября того же года.

А. Востоковъ.





ЗАПИСКИ ФАВЬЕ.

ПОМѢЩАЕМЫЯ ниже замѣтки о русскомъ дворѣ послѣднихъ годовъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны и начала царствованія императора Петра III принадлежатъ перу тогдашняго секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ Фавье (Favier). Какъ замѣтки современника-очевидца, хорошо знакомаго и съ внѣшнею и съ внутреннею политикою Россіи, а равно и съ главнѣйшими государственными дѣятелями этой эпохи, при томъ же лица умнаго и весьма образованнаго [1]), записки Фавье могутъ занять, по своему интересу, не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ современныхъ иностранныхъ извѣстій о тогдашней Россіи. Отозванный въ 1761 году [2]) своимъ дворомъ, вѣроятно, вслѣдствіе столкновеній съ назначеннымъ въ 1760 году новымъ посланникомъ въ Петербургѣ, Бретёйлемъ, (Breteuil) [3]), Фавье, по возвращеніи въ

---

[1]) «Онъ (т. е. Фавье)... мужикъ разумной и ученой. Онъ у насъ часто бываетъ»,—писалъ канцлеръ гр. М. Л. Воронцовъ въ 1761 году своей дочери баронессѣ А. М. Строгоновой (Архивъ кн. Воронцова, кн. 4-я, стр. 463—464). «Онъ (Фавье) знакомъ съ Россіею,—писалъ въ 1762 году гр. А. Р. Воронцовъ канцлеру гр. М. Л. Воронцову,—и съ руководящими началами Вашей политики. Кромѣ того онъ въ совершенствѣ знаетъ литературу и исторію, обладаетъ и другими познаніями, которыя не часто встрѣтишь среди Русскихъ». (Архивъ кн. Воронцова, кн 5-я, стр. 142).

[2]) Фавье выѣхалъ изъ Россіи въ апрѣлѣ 1761 года. (Архивъ кн. Воронцова, кн. 4-я, стр. 463—464).

[3]) Бретёйль старался вредить Фавье и послѣ его отозванія. (Архивъ кн. Воронцова, кн. 5-я, стр. 141—142).

Парижъ, занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ замѣтокъ о Россіи. Этимъ своимъ запискамъ онъ далъ слѣдующее общее заглавіе: «Observations sur la cour de Russie, le Ministère et le système actuel»[1]), и въ октябрѣ 1761 года представилъ ихъ начало французскому министру иностранныхъ дѣлъ герцогу Шуазёль Праленъ[2]). «Единственное мое желаніе,—писалъ Фавье въ концѣ своего посвященія герцогу,—это заслужить Ваше покровительство. Лучшее и притомъ единственное для меня къ тому средство, это доказать мое рвеніе къ службѣ настоящимъ моимъ трудомъ». Но обстоятельства не благопріятствовали Фавье по его возвращеніи изъ Россіи на родину. Бретёйль не переставалъ его преслѣдовать и во Франціи. Положеніе Фавье было настолько плачевно, что онъ намѣревался даже въ 1762 году покинуть Францію и перейдти на службу въ Россію, гдѣ ему съ охотою предлагали мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ[3]). Почему это намѣреніе не осуществилось, мы не знаемъ. О дальнѣйшей участи автора сообщаемыхъ нами замѣтокъ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ ничего болѣе сообщить. Знаемъ только, что еще въ 1782 году Фавье жилъ въ Парижѣ[4]), а умеръ онъ до 1787 года.

Какъ высоко цѣнились записки Фавье въ образованномъ русскомъ обществѣ конца XVIII вѣка, въ виду интереснаго ихъ содержанія, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго отзыва о нихъ графа А. Р. Воронцова. Этотъ послѣдній, прося (во время первой французской революціи) совѣтника русскаго посольства въ Парижѣ Мошкова постараться достать нѣкоторыя интересовавшія его бумаги, преимущественно донесенія французскихъ посланниковъ о Россіи, упоминаетъ о запискахъ Фавье въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «По смерти извѣстнаго г. Фавье всѣ бумаги его взяты по

---

[1]) Подлинныя записки Фавье хранятся въ моемъ собраніи рукописей (№ 209). «Ваша Свѣтлость соблаговолили дозволить мнѣ,—говоритъ Фавье въ своемъ посвященіи герцогу Прадену,—представить вамъ наброски моего изслѣдованія о Россіи, представляющаго интересъ по самому своему содержанію, особенно же касательно политики петербургскаго двора и нашихъ торговыхъ предположеній. Но, такъ какъ знакомство съ государственными дѣятелями столь же необходимо, какъ и знакомство съ государственными дѣлами, то я началъ мой трудъ характеристикою главнѣйшихъ государственныхъ лицъ въ Россіи.»

[2]) César-Gabriel de Choiseul, duc de Praslin, замѣстилъ въ 1761 году своего родственника Etienne-François duc de Choiseul, который въ этомъ году изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ военнымъ министромъ.

[3]) См. письмо гр. А. Р. Воронцова къ графу М. Л. Воронцову отъ 17-го сентября 1762 года. (Архивъ кн. Воронцова, кн. 5-я, стр. 141—143).

[4]) Лафермьеръ, въ іюнѣ 1782 года, въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову изъ Парижа писалъ слѣдующее: «J'ai vu deux fois m-r Favier, que je n'ai pas trouvé extrêmement changé, quoique un peu vieilli, il parle toujours bien, mai un peu lentement». (Я видѣлъ дважды г. Фавье; я нашелъ его не слишкомъ измѣнившимся: онъ немного постарѣлъ, но все также хорошо говоритъ, хотя немного медленно). Архивъ кн. Воронцова, кн. 29-я, стр. 235.

приказу покойнаго министра Верженя (Vergennes † 1787); онъ (Фавье) по бытности своей въ Россіи, по части политической о насъ много писалъ; итакъ,—доканчиваетъ графъ Воронцовъ,—не возможно ль будетъ и сіи бумаги достать»[1]).

Въ своихъ запискахъ Фавье представилъ свой взглядъ на Россію, ея тогдашнее положеніе, внутреннія дѣла, финансы, торговлю, ея отношенія къ европейскимъ державамъ, наконецъ, характеристики императрицы Елизаветы Петровны, великаго князя Петра Θеодоровича и его супруги великой княгини Екатерины Алексѣевны, а также нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей того времени[2]). Мы позволяемъ себѣ представить вниманію читателей, въ переводѣ, живыя и любопытныя замѣтки Фавье о русскомъ дворѣ, снабдивъ ихъ нѣкоторыми примѣчаніями. При этомъ мы должны замѣтить, что часть этихъ замѣтокъ (именно характеристика императрицы Елизаветы Петровны и великаго князя Петра Θеодоровича) напечатана въ «Русской Старинѣ» 1878 года, подъ заглавіемъ «Русскій дворъ въ 1761 году. Переводъ съ французской рукописи Лафермьера, хранящейся въ библіотекѣ его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича въ г. Павловскѣ»[3]). Въ предисловіи къ этой статьѣ редакція «Русской Старины», между прочимъ, заявила, что ей неизвѣстно кому принадлежатъ эти замѣтки, но, что онѣ писаны рукою Лафермьера, бывшаго въ 1770—1780 годахъ секретаремъ великаго князя Павла Петровича. Съ своей стороны мы можемъ заявить, что, по сравненіи этихъ замѣтокъ съ нашею рукописью, оказалось, что онѣ составляютъ дословный списокъ съ подлинныхъ замѣтокъ Фавье. Потому, чтобы второй разъ не печатать уже извѣстнаго, мы и рѣшились выпустить въ нашемъ переводѣ характеристики императрицы Елизаветы Петровны и великаго князя Петра Θеодоровича и помѣстить остальныя, до сихъ поръ еще ненапечатанныя характеристики.

Θеодоръ Аө. Бычковъ.

---

[1]) Смотри Архивъ кн. Воронцова, книга 13-я, стр. 482.

[2]) Вотъ оглавленіе замѣтокъ Фавье: № 1. L'Impératrice. № 2. Le Grand Duc. № 3. La Grande Duchesse. № 4. Le Grand Chancellier, premier Ministre Comte de Woronzoff. № 5. M-rs de Schwaloff (Шуваловы). № 6. Des autres personnes qui ont quelque influence dans les affaires étrangères. № 7. Du système actuel par rapport à la guerre présente. № 8. Sur le système actuel relativement à la paix prochaine. № 9. Du système de la Russie à l'égard de la Suède. № 10. Du système de la Russie à l'égard du Danemark. № 11. Du système de la Russie à l'égard de la Pologne. № 12. Du système de la Russie à l'égard de la Porte. № 13. Du système de la Russie à l'égard de la cour de Vienne. № 14. Du système de la Russie à l'égard de l'Angletterre. № 15. Du système de la Russie à l'égard de la Hollande et des autres nations commercantes. № 16. Observations générales sur le commerce. № 17. Discussion de nos projets de commerce avec la Russie и № 18. Notes sur la nouvelle cour de Russie.

[3]) См. «Русская Старина», 1878 года, т. XXIII, стр. 187—206.

I.

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна.

Личность великой княгини уже была предметомъ многихъ ни на чемъ неоснованныхъ или преувеличенныхъ похвалъ. Но многое въ ней можетъ быть оцѣнено по достоинству. Начнемъ съ ея красоты, о которой менѣе всего можно сказать, что она ослѣпительна: талія довольно длинная и тонкая, но не гибкая; осанка благородная, но поступь не грацiозная и жеманная; грудь узкая; лицо длинное, въ особенности же подбородокъ; ротъ улыбающійся, но плоскій и какъ бы вдавленный; носъ съ маленькимъ горбикомъ; глаза небольшіе, но взоръ живой и пріятный; на лицѣ небольшіе слѣды вѣтреной оспы. Вотъ дѣйствительный портретъ женщины, которая болѣе красива, чѣмъ дурна, но которою нечего особенно восторгаться.

Ея склонность къ кокетству тоже была преувеличена. Два романа, которые она имѣла, заставили смотрѣть на нее, какъ на женщину съ пылкимъ характеромъ и съ фантазіями. Напротивъ, будучи женщиной съ чувствомъ, весьма страстною, нѣжною, но романической, она уступила только склонности сердца и, быть можетъ, весьма естественному желанію имѣть дѣтей.

Умъ великой княгини, столь же прославляемый, какъ и ея красота, такъ же романиченъ, какъ и ея сердце. Почти отшельническій образъ жизни, который она ведетъ, проводя всѣ семь зимнихъ мѣсяцевъ, не выходя изъ своихъ покоевъ, малочисленное общество, которое она тамъ видитъ и которое для нея не представляетъ никакого интереса, все это заставляетъ ее заниматься чтеніемъ.

Кромѣ того, ей не переставали твердить, что великій князь (Петръ Ѳеодоровичъ) никогда не будетъ самъ управлять, что онъ будетъ заниматься смотрами и военнымъ дѣломъ, а что управленіе внутренними и внѣшними дѣлами падетъ непремѣнно на перваго министра, первою заботою котораго будетъ лишить великую княгиню всякаго довѣрія, а слѣдовательно и всякаго уваженія, и что единственное средство предотвратить подобное несчастіе, это такъ себя подготовить, чтобы самой имѣть возможность исполнять обязанности перваго министра.

Эти рѣчи, которыя были весьма правдоподобны, внушили ей похвальное стремленіе заняться своимъ самообразованіемъ. Чтеніе и размышленія были для нея единственнымъ къ тому средствомъ. Но вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти теоретическія и практическія познанія въ государственномъ управленіи, она бросилась въ метафизику и нравственныя теоріи нашихъ (т. е. французскихъ) новѣйшихъ философовъ. Отъ нихъ она научилась, что не должно от-

дѣлять искусство образовывать людей отъ искусства ими управлять. И изъ всѣхъ этихъ правилъ, столь же неопредѣленныхъ, какъ и ослѣпительныхъ, она, подобно этимъ философамъ, составила себѣ сводъ политическихъ убѣжденій, весьма возвышенныхъ, но не приложимыхъ къ дѣлу.

Проведеніе на практикѣ такого управленія было бы еще тѣмъ болѣе труднымъ и даже опаснымъ, что пришлось бы имѣть дѣло съ народомъ грубымъ, который вмѣсто идей имѣетъ только суевѣрныя преданія, а вмѣсто нравовъ—рабскую боязнь и глупое послушаніе. Эти силы весьма живучи, и было бы безразсудно стараться замѣнить ихъ другими.

Но какъ ни велико стремленіе великой княгини къ политикѣ и философіи, стремленіе, внушенное ей честолюбіемъ и людьми, она всегда съ удовольствіемъ возвращается къ своему прежнему, наиболѣе ею любимому чтенію, именно къ романамъ [1]), театральнымъ пьесамъ и другимъ книгамъ, болѣе подходящимъ ко вкусу ея пола.

Конечно, нельзя отрицать, что великая княгиня женщина большого ума, весьма образованная и способная къ дѣлу. Остается только желать, чтобы она любила нашъ (т. е. французскій) народъ столько же, сколько она любитъ французскій языкъ и литературу. Но этою надеждою нельзя себя льстить: она уже очень любила англичанъ и казалась только равнодушной къ намъ (французамъ), когда немилость къ Бестужеву [2]) и изгнаніе графа Понятовскаго [3]) — что приписывалось нашему вліянію — превратили это ея равнодушіе въ рѣшительную ненависть къ намъ, французамъ.

---

[1]) Извѣстно, что императрица Екатерина занималась сначала чтеніемъ легкихъ книгъ, а затѣмъ привыкла къ чтенію болѣе серьезному. «Первая книга, прочитанная мною въ замужествѣ, — говоритъ она въ своихъ запискахъ, — былъ романъ подъ заглавіемъ Tiran le blanc, и въ теченіе цѣлаго года я читала одни романы. Но они стали мнѣ надоѣдать. Случайно мнѣ попались Письма госпожи Севинье, которыя я прочла съ удовольствіемъ и очень скоро. Потомъ мнѣ подвернулись подъ руку сочиненія Вольтера, и послѣ нихъ я стала разборчивѣе въ моемъ чтеніи».

[2]) Паденіе канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина совершилось въ началѣ 1758 г. Въ числѣ лицъ, способствовавшихъ его паденію, былъ и французскій посланникъ при нашемъ дворѣ маркизъ Л'Опиталь (l'Hôpital). Екатерина, которой было запрещено вмѣшиваться въ политику, находилась, однако, въ тайныхъ сношеніяхъ, между прочимъ, и съ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, а потому его арестованіе грозило и ей опасностью.

[3]) Графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій (р. 1732, † 1798 г. въ Петербургѣ), бывшій посломъ польскимъ въ Петербургѣ и пользовавшійся расположеніемъ Екатерины II, долженъ былъ покинуть Петербургъ лѣтомъ 1758 года. Впослѣдствіи (съ 1764 г.) послѣдній король польскій.

II.

Канцлеръ графъ Воронцовъ[1]).

Характеристика графа Воронцова является для меня дѣломъ весьма щекотливымъ. Каждый по своему смотритъ на вещи и ихъ представляетъ. Нѣкоторымъ лицамъ пришлось раньше меня изобразить характеръ канцлера. Каждый имѣлъ свое мнѣніе и, естественно, старался, чтобы этому мнѣнію повѣрили. Слишкомъ часто случается, что такія противорѣчивыя сужденія имѣютъ источникомъ чисто личныя побужденія, короче сказать самолюбіе. Если оно болѣе или менѣе удовлетворено, то оно видитъ предметы въ болѣе или менѣе благопріятномъ свѣтѣ, и описываетъ ихъ такъ, какъ оно ихъ видитъ. Отсюда и вытекаетъ различіе мнѣній иногда совершенно противоположныхъ.

Я буду держаться золотой середины между двумя этими крайностями въ представляемомъ мною очеркѣ о графѣ Воронцовѣ. Я не скажу, чтобъ это былъ самый чистосердечный, самый правдивый изъ министровъ европейскихъ дворовъ; скажу только, что онъ является таковымъ лишь для своего двора, и что, если принять во вниманіе духъ его народа, воспитаніе, форму правленія, обязанности, возлагаемыя на него его должностью, то его слѣдуетъ признать наиболѣе честнымъ изъ тѣхъ, кои доселѣ занимали этотъ важный постъ. Мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ о взглядѣ его и русскаго двора на настоящее положеніе дѣлъ; здѣсь мы будемъ разсматривать его только съ нравственной точки зрѣнія, безъ всякихъ личностей и предубѣжденія.

Это человѣкъ хорошихъ нравовъ, трезвый, воздержанный, ласковый, привѣтливый, вѣжливый, гуманный, холодной наружности, но простой и скромный. Нѣкоторыми изъ этихъ добродѣтелей онъ обязанъ болѣе своему характеру, чѣмъ воспитанію. Болѣзненный и меланхолическій, не могущій безнаказанно предаваться излишествамъ, онъ долженъ болѣе бояться удовольствій, чѣмъ ихъ искать. Онъ находитъ удовольствіе только въ театрѣ или самой небольшой коммерческой игрѣ. Изъ страстей за нимъ замѣчается только одна— страсть къ постройкамъ, которыя обходятся ему дорого. Его дворецъ[2]) обширенъ и великолѣпенъ, но безъ вкуса и дурно располо-

---

[1]) Графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ (р. 12 іюля 1714 г. † 15 февраля 1767 г.). Участвовалъ въ возведеніи императрицы Елизаветы Петровны на престолъ, въ 1744 г. получилъ графство; съ 1758 по 1763 г. былъ канцлеромъ.

[2]) Дворецъ Воронцова (нынѣшній Пажескій корпусъ) построенъ 1756—1757 годахъ извѣстнымъ архитекторомъ графомъ Растрелли. Постройка дворца очень обременяла Воронцова въ денежномъ отношеніи.

женъ. Его прислуга многочисленна; ливреи богаты; столъ изобиленъ, но не отличается изысканностью и тонкостью блюдъ; приглашенныхъ у него бываетъ много, но безъ особаго выбора; расходы его громадны и производятся съ видомъ небрежности, въ которой нѣтъ ничего напускного. Его обкрадываютъ, его разоряютъ, между тѣмъ какъ онъ не удостоиваетъ обращать ни малѣйшаго на это вниманія.

Его вообще мало расположены считать умнымъ; но ему нельзя отказать въ природномъ разсудкѣ. Безъ малѣйшаго или даже безъ всякаго изученія и чтенія, онъ имѣетъ весьма хорошее понятіе о дворахъ, которые онъ видѣлъ, и также хорошо знаетъ дѣла, которыя онъ велъ. И когда онъ имѣетъ точное понятіе о дѣлѣ, то судитъ о немъ вполнѣ здраво.

Этотъ министръ, какъ кажется, утомленъ своею должностью; онъ, повидимому, боится дѣлъ и не въ состояніи долго заниматься подрядъ; онъ избѣгаетъ даже слишкомъ продолжительные разговоры и разсужденія при своихъ свиданіяхъ съ иностранными послами. Всякій споръ, всякое противорѣчіе даже и съ его стороны, когда надо настаивать на чемъ нибудь съ жаромъ, отзывается на немъ болѣзненно. Выходя изъ этихъ совѣщаній, онъ имѣетъ видъ усталаго, еле дышащаго человѣка, съ которымъ, какъ будто, только что былъ нервный припадокъ. Но еще болѣе онъ страдаетъ отъ того, что ему часто становятся поперегъ и мѣшаютъ придворные заговоры и интриги.

И вслѣдствіе ли дѣйствительной необходимости для его природы, не переносящей суроваго климата родины, или же вслѣдствіе другихъ причинъ, но только онъ весьма часто вздыхаетъ по прекрасномъ небѣ Италіи, или по спокойной и тихой жизни въ умѣренномъ климатѣ Франціи.

Кстати, говоря объ этихъ его желаніяхъ, чистосердечныхъ или притворныхъ,—это безразлично,—можно, мнѣ кажется, составить понятіе о степени его склонности и расположенности къ главнѣйшимъ народностямъ Европы, которыя онъ зналъ, или съ которыми онъ по преимуществу имѣлъ дѣло: на первомъ мѣстѣ стоятъ итальянцы, далѣе французы, въ 3-хъ англичане и въ 4-хъ австрійцы. Я не буду здѣсь отыскивать источника всѣхъ этихъ различныхъ степеней пріязни. Я только скажу, что, по отношенію къ французамъ, канцлеръ съ юности былъ сторонникомъ Франціи и всего французскаго. Онъ былъ связанъ тѣсною дружбою съ де-ла Шетарди[1]) и дѣйствовалъ съ нимъ заодно во всемъ, что могло вести

[1]) Маркизъ де-ла Шетарди, бывшій французскимъ посланникомъ въ Россіи, въ 1744 году былъ высланъ изъ Россіи и на границѣ отобраны у него знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Слѣдующій посланникъ Дальонъ отозванъ въ концѣ 1747 года, и затѣмъ французское правительство никого не назначало въ Петербургъ до 1757 года.

къ болѣе тѣсному союзу между двумя этими дворами (т. е. русскимъ и французскимъ); если онъ и былъ вынужденъ, какъ царедворецъ и министръ, покинуть Шетарди въ его несчастіи, то онъ всегда желалъ снова видѣть при русскомъ дворѣ посла Франціи и быть опять въ состояніи тѣсно сойтись съ французскимъ дворомъ. Онъ это тотчасъ же и сдѣлалъ, какъ только версальскій трактатъ далъ ему къ тому поводъ и, безъ вѣдома Бестужева, заключилъ союзъ между Франціею и Россіею. Здѣсь не мѣсто, конечно, разсуждать было ли это выгодно для Франціи, но я могу, по крайней мѣрѣ, увѣрить, что намѣренія Воронцова были хорошія и честныя. Онъ дружно жилъ съ Л'Опиталемъ [1]). Въ Петербургѣ онъ является какъ бы прирожденнымъ покровителемъ всѣхъ живущихъ въ немъ французовъ; его домъ всегда открытъ для нихъ и бываетъ ими полонъ, вслѣдствіе чего англичане изъ зависти прозвали его домъ даже France house, т. е. домъ Франціи. Я поставилъ австрійцевъ послѣдними въ его сердцѣ, имѣя на это вѣскія причины. Естественно не любить тѣхъ, которые, какъ мы знаемъ, хотѣли причинить намъ зло. Канцлеру весьма хорошо извѣстно, что, во время послѣдней войны и въ теченіе всего тѣснаго союза Бестужева съ вѣнскимъ дворомъ, этотъ послѣдній постоянно поддавался всѣмъ интригамъ этого министра противъ него, Воронцова; онъ хорошо понимаетъ, что, ранѣе версальскаго договора, онъ былъ извѣстенъ въ Вѣнѣ, какъ сторонникъ Франціи, и по этой причинѣ находился въ немилости и что, если нынѣ вѣнскій дворъ оказываетъ столько вниманія ему и его семейству, то двору этому дорого стоитъ быть вынужденнымъ заискивать у того человѣка, погибель котораго была для него столь желательна. Кромѣ того, хотя канцлеръ и весьма спокойнаго характера, но онъ не можетъ выносить высокомѣрнаго и повелительнаго тона вѣнскаго двора и его министровъ. Напротивъ, онъ желаетъ, по крайней мѣрѣ, равенства между обѣими императрицами и охотно даетъ чувствовать покровительство, оказываемое одною изъ нихъ другой. Мнѣ остается только сказать о нѣкоторыхъ недостаткахъ, въ которыхъ упрекаютъ канцлера, это именно: отсутствіе твердости, что̀ заставляетъ его часто быть нерѣшительнымъ и колеблющимся; слабость и робость, мѣшающія ему, такъ сказать, знать свое мѣсто и придавать своему голосу столько вѣса, сколько онъ и долженъ имѣть въ дѣлахъ имперіи какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Сами русскіе, привыкшіе къ самовластію перваго министра, иногда сожалѣютъ о высокомѣріи и рѣзкой твердости Бестужева. Они совершенно справедливо замѣчаютъ, что ихъ правительство слабѣетъ

---

[1]) Маркизъ Л'Опиталь назначенъ въ 1757 году французскимъ посланникомъ въ Россіи, вслѣдъ за подписаніемъ 31-го декабря 1756 года акта приступленія Россіи къ версальскому договору.

отъ столкновеній партій и ихъ заговоровъ другъ противъ друга, слѣдствіемъ чего является нерѣшительность, медлительность и недостатокъ согласія во всѣхъ дѣйствіяхъ; что равенство власти у начальствующихъ хорошо въ республикѣ, но не въ такой имперіи, какъ Россія: въ ней слѣдуетъ государю или самому управлять, или предоставить управленіе страною, отъ своего имени, одному лицу, облеченному всеоружіемъ власти.

Вліяніе, на которое всѣ вообще жалуются и которое колеблетъ вліяніе Воронцова, это—вліяніе Шуваловыхъ. Они жили съ канцлеромъ весьма политично, я часто бывалъ вмѣстѣ съ ними у него на обѣдахъ; но на самомъ дѣлѣ между двумя этими семьями не было ни довѣрія, ни дружбы. Я слышалъ, что послѣ моего отъѣзда между ними произошелъ разладъ, но ничего положительнаго не могу сказать, такъ какъ не имѣю съ русскимъ дворомъ никакой переписки.

III.

Шуваловы.

Начнемъ съ камергера Ивана Ивановича Шувалова [1]). Этотъ фаворитъ, бывшій прежде пажемъ императрицы и съ тѣхъ поръ не покидавшій ее, образовался безъ помощи путешествій и ученія. Съ пріятною наружностью онъ соединяетъ чисто французскую манеру держаться и говорить. Онъ вѣжливъ, привѣтливъ и особенно покровительствуетъ артистамъ и писателямъ. Императорская Академія Художествъ, коей основателемъ его можно до нѣкоторой степени считать и которую обыкновенно называютъ его именемъ, и его переписка съ Вольтеромъ по поводу «Исторіи Петра Великаго» [2]) съ перваго взгляда могутъ показаться его самыми серьёзными занятіями; однако, было бы ошибочно такъ думать: онъ вмѣшивается во всѣ дѣла, не нося особыхъ званій и не занимая особыхъ должностей. Его двоюродные братья пользуются имъ, чтобы проводить свои намѣренія и противодѣйствовать канцлеру (графу Воронцову). Чужестранные посланники и министры постоянно видятся съ Ив. Ив. Шуваловымъ и стараются предупреждать его о предметахъ своихъ переговоровъ. Однимъ словомъ, онъ пользуется всѣми преимуществами министра, не будучи имъ; впрочемъ, вліяніе на дѣла онъ имѣетъ, дѣйствуя только сообща съ своими двоюродными братьями.

[1]) Ив. Ив. Шуваловъ (р. 1-го ноября 1727 † 14-го ноября 1797), основатель и кураторъ Московскаго университета (1755); по его мысли открыта въ 1758 Академія Художествъ.

[2]) При посредствѣ Ив. Ив. Шувалова Вольтеръ получилъ возможность писать свою исторію Петра Великаго (въ 1757 году). Черезъ Шувалова посылались Вольтеру нужныя ему выписки изъ архивныхъ матеріаловъ.

Камергеръ, такъ его зовутъ для краткости, имѣетъ только одинъ красивый дворецъ, въ которомъ, впрочемъ, онъ не живетъ, такъ какъ имѣетъ помѣщеніе при дворѣ; но обстановка у него роскошная и, какъ говорятъ, онъ имѣетъ наличными деньгами болѣе милліона рублей серебромъ. Онъ употребляетъ свое богатство весьма благороднымъ образомъ. Будучи щедрымъ и великодушнымъ, онъ облагодѣтельствовалъ многихъ французовъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ Россіи; и надо признаться, что онъ не ищетъ случая этимъ хвастать. Однако, его склонность къ Франціи и французамъ остается все прежнею. Онъ оплакиваетъ свое положеніе, которое лишаетъ его возможности путешествовать, осебенно же онъ сожалѣетъ, что никогда не бывалъ въ Парижѣ и еще сильнѣе канцлера вздыхаетъ о свободѣ и нѣжномъ климатѣ Франціи. Впрочемъ, это пристрастіе—чистосердечно оно или нѣтъ—это безразлично—нисколько не вліяетъ на политическую дѣятельность камергера, которая, повторяю, направляется двоюродными его братьями, болѣе пожилыми и честолюбивыми, чѣмъ Ив. Ив. Шуваловъ. Для себя лично онъ ищетъ удовольствій и развлеченій, насколько, впрочемъ, это ему дозволяетъ его положеніе: онъ имѣлъ нѣсколько любовницъ. По влеченію ли или изъ расчета, но Ив. Ив. старался пріобрѣсти у великой княгини то же довѣріе и быть при ней въ такомъ же положеніи, какъ и при императрицѣ. Эта попытка, однако, ему не удалась, и великая княгиня сохранила глубокое чувство ненависти къ нему, приписывая изгнаніе графа Понятовскаго отчасти зависти камергера.

Его двоюродные братья графы Петръ и Александръ Ивановичи Шуваловы [1]) извлекли для себя выгоды, пользуясь его счастливой судьбой. Оба они сенаторы и кавалеры ордена св. Андрея Первозваннаго. Сверхъ того, первый изъ нихъ генералъ-фельдцейхмейстеръ и командующій многими корпусами, хотя онъ никогда не служилъ; а второй занимаетъ важный постъ начальника тайной канцеляріи. Старшій графъ Петръ Ивановичъ сдѣлался столь же извѣстнымъ, сколь и ненавистнымъ своими привилегіями. Кромѣ цѣлыхъ, можно сказать, провинцій съ 20 до 30 тысячами крестьянъ, богатыхъ рудниковъ въ Сибири и разныхъ концессій, онъ получилъ отъ императрицы привилегію на исключительное право вывоза продуктовъ Россіи. Ежегодно отправляются имъ въ Бордо и другіе порты Франціи 2 корабля съ нѣкоторыми русскими товарами, возвращающіеся оттуда съ виномъ, водкою и другими товарами, на которыхъ онъ порядочно еще выигрываетъ. Тѣ же отрасли про-

---

[1]) Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ (р. 1711 † 4 января 1762 г.) генералъ-фельдмаршалъ. Графъ (съ 1746 г.) Александръ Ивановичъ Шуваловъ (р. 1710 † 1771) при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ завѣдывалъ тайною канцеляріею; въ 1761 г. пожалованъ въ фельдмаршалы.

мышленности, которыми онъ не желаетъ самъ заниматься, онъ отдаетъ на откупъ иностраннымъ купцамъ и почти всегда англичанамъ, которые извлекаютъ изъ этого только свою пользу, причиняя большіе убытки публикѣ. Отъ этого сильно страдаютъ порты и цѣлые города Россіи, между прочимъ и Выборгъ въ Кареліи, нѣкогда весьма богатый и промышленный городъ, а въ которомъ теперь нѣтъ другихъ торговцевъ, кромѣ фермеровъ Петра Шувалова! Даже Архангельскъ много отъ этого терпитъ, и вообще вся торговля весьма стѣснена вслѣдствіе монополіи, которая господствуетъ въ государствѣ. Графъ Петръ Шуваловъ уменъ, т. е. весьма хитеръ и склоненъ къ интригамъ. Онъ хорошо знакомъ съ внутренними дѣлами государства и много вмѣшивается въ военныя дѣла, хотя никогда не бывалъ на войнѣ. Онъ въ высшей степени склоненъ къ хвастовству. Какъ генералъ-аншефъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ и начальникъ инженерной части, онъ заставилъ много говорить о нѣкоторыхъ новыхъ учрежденіяхъ и изобрѣтеніяхъ, честь открытія которыхъ онъ себѣ приписывалъ, хотя собственно они ни къ чему полезному не привели, напримѣръ, Шуваловскія пушки, о которыхъ много писано въ газетахъ, но которыя, впрочемъ, ни къ чему негодны, и особый Шуваловскій корпусъ изъ 12,000 людей (для образованія его лишили другіе полки самыхъ лучшихъ солдатъ), который стоилъ громадныхъ денегъ, но былъ совершенно безполезенъ и, наконецъ, былъ уничтоженъ. Впрочемъ, всѣ эти нововведенія, не смотря на ихъ неуспѣхъ, доставляли графу Петру случай прославлять себя и пріобрѣтать своего рода безсмертіе посредствомъ медалей, надписей, статуй и т. п.; во всей Европѣ, кажется, нѣтъ лица которое было бы изображаемо и столь часто и столь разными способами, существуютъ его портреты, писанные и гравированные, бюсты и пр. У него манія заставлять писать съ себя портреты и дѣлать съ себя бюсты. Вмѣсто того, чтобы скромно умѣрять блескъ своего счастія, онъ возбуждаетъ зависть азіатскою роскошью въ дому и въ своемъ образѣ жизни: онъ всегда покрытъ бриллiантами, какъ Моголъ, и окруженъ свитою изъ конюховъ, адъютантовъ и ординарцевъ. Супруга его (это его 2-я жена, она урожденная княжна Одоевская [1])— молодая, красивая, кроткая и скромная) живетъ подобно султаншѣ, ей не достаетъ только евнуховъ. Говорятъ, что графъ знаетъ французскій языкъ, но онъ говоритъ только по-русски и по-нѣмецки. Онъ не имѣетъ никакого расположенія къ французской націи, а очень любитъ англичанъ; англійскіе торговцы, поселившіеся въ Россіи, почти всѣ—его фермеры, компаніоны или комиссіонеры.

Графъ П. И. Шуваловъ весьма любитъ вмѣшиваться въ дѣла внѣшней политики и часто держится совсѣмъ противнаго мнѣнія

[1]) 1-я жена графа П. И. Шувалова была Мавра Егоровна Шепелева. 2-я жена была княжна Анна Ивановна Одоевская († 1762 г.), дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя И. В. Одоевскаго.

съ канцлеромъ. Но насколько онъ свѣдущъ во внутреннихъ дѣлахъ, настолько же ему мало знакомы дѣла внѣшней политики, такъ какъ онъ никогда не выѣзжалъ изъ своего отечества, и по этой части ничего не читалъ и не изучалъ.

Почти тоже можно сказать и о братѣ его графѣ Александрѣ, за исключеніемъ развѣ того, что этотъ послѣдній не такъ богатъ и не такъ роскошно живетъ. Графъ Александръ Шуваловъ занимаетъ весьма важный и довѣренный постъ начальника тайной канцеляріи, вслѣдствіе чего подъ его властію находятся всѣ государственные преступники (въ томъ числѣ и императоръ Іоаннъ Антоновичъ). Отъ этого въ Россіи всѣ страшно боятся графа А. И. Шувалова. Прежде оба брата Шуваловы были полными хозяевами въ сенатѣ, но канцлеръ нашелъ средство уменьшить ихъ значеніе, замѣстивъ 5 вакантныхъ мѣстъ въ сенатѣ и назначивъ, между прочимъ, на одно изъ нихъ своего брата [1]).

Никто изъ трехъ Шуваловыхъ не можетъ похвалиться расположеніемъ великаго князя, который, впрочемъ, ихъ всѣхъ трехъ ненавидитъ не въ одинаковой степени. Камергеръ, болѣе скромный и умѣренный въ своемъ «случаѣ», менѣе ненавистенъ великому князю, чѣмъ графъ Александръ, который долго былъ ему въ тягость, въ качествѣ присмотрщика надъ нимъ, занимая должность оберъ-гофмейстера его двора. Все же великій князь его ненавидитъ менѣе, нежели графа Петра. Гордость, жадность и роскошь сего послѣдняго готовятъ ему, въ случаѣ кончины императрицы, по крайней мѣрѣ, ссылку въ Сибирь, ссылку, влекущую за собой, по закону, конфискацію имущества и возвращеніе государству всего того, что было отчуждено изъ государственнаго имущества. Такова будущность, грозящая царедворцу, наиболѣе могущественному и которому наиболѣе завидуютъ въ настоящее время въ Россіи.

IV.

О лицахъ, имѣющихъ нѣкоторое вліяніе на иностранную политику.

Не распространяясь здѣсь о сенатѣ и разныхъ коллегіяхъ, замѣтимъ только, что сенатъ въ Россіи, имѣющій большое значеніе въ дѣлахъ внутреннихъ, почти не имѣетъ никакого вліянія на дѣла внѣшнія. Кромѣ обоихъ Шуваловыхъ, императрица совѣщается

---

[1]) Назначеніе графа Р. Л. Воронцова сенаторомъ состоялось въ 1760 году, тогда же были назначены въ сенаторы: знаменитый оренбургскій генералъ-губернаторъ Неплюевъ, генералъ-поручикъ Костюринъ и генералъ-поручикъ Жеребцовъ.

только еще съ однимъ Неплюевымъ [1]), бывшимъ долгое время посломъ въ Турціи, особенно обо всемъ, что относится до этой державы. Другихъ сенаторовъ, наиболѣе даровитыхъ и уважаемыхъ, можно слышать разсуждающими только въ собраніи, и то для проформы.

Почти то же самое можно замѣтить и относительно многочисленной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Хотя она, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ будто разсуждаетъ и подаетъ свое мнѣніе, но на самомъ дѣлѣ все дѣлаютъ три или четыре лица, состоящія при этой коллегіи (съ званіемъ статскихъ совѣтниковъ), подъ наблюденіемъ канцлера. Изъ нихъ г. Волковъ [2]) считается орломъ. Онъ пишетъ на русскомъ языкѣ почти всѣ бумаги, адресуемыя къ посламъ или къ иностраннымъ дворамъ. Бумаги эти переводятся на французскій или нѣмецкій языки уже другими лицами, по причинѣ ли того, что вслѣдствіе многихъ занятій у Волкова нѣтъ для этого свободнаго времени, или же потому, что оба помянутые языка ему мало знакомы. Дѣйствительно, онъ вовсе не говоритъ по-французски, и именно это отдаляетъ его отъ общенія съ иностранными послами и министрами. Кромѣ того, его вкусы, его знакомства, особенно же страсть къ карточной игрѣ по большой, заставляютъ его вести такой образъ жизни, который въ другомъ обществѣ всѣ назвали бы безнравственнымъ и ставили бы ему въ вину. Это вообще весьма странный человѣкъ: ночи онъ проводитъ въ игрѣ, а дни въ писаніи бумагъ. Краснорѣчивый, онъ въ то же время имѣетъ живой и свѣтлый умъ, тонкую логику; онъ умѣетъ вывести изъ затрудненія и употребить нужный оборотъ рѣчи; а когда нужно, онъ умѣетъ говорить двусмысленно и отмалчиваться.

Олсуфьевъ [3]) имѣетъ способность къ языкамъ. Кромѣ нѣмецкаго и англійскаго, онъ говоритъ очень хорошо на всѣхъ языкахъ сѣвера, гдѣ онъ долго былъ на службѣ по дипломатической части; и даже на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, хотя онъ никогда не былъ ни въ Италіи, ни во Франціи. Олсуфьевъ владѣетъ весьма подробными свѣдѣніями о всѣхъ Европейскихъ дворахъ и

[1]) Неплюевъ Иванъ Ивановичъ (р. 5 ноября 1693 † 11 ноября 1773); съ 1721 по 1734 годъ посолъ въ Турціи; съ 1742 — 1758 годъ оренбургскій губернаторъ; въ 1760 году назначенъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ.

[2]) Волковъ Дмитрій Васильевичъ (р. 1718 † 1785) въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны былъ секретаремъ министерской конференціи; при Петрѣ III былъ его тайнымъ секретаремъ и пользовался вліяніемъ и довѣріемъ императора; въ царствованіе Екатерины II занималъ разныя административныя должности, въ 1781 году пожалованъ въ сенаторы. Написалъ, между прочимъ, извѣстный манифестъ о вольности дворянской.

[3]) Олсуфьевъ Адамъ Васильевичъ (р. 1721) состоялъ прежде при русскомъ посольствѣ въ Швеціи. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны былъ секретаремъ кабинета ея величества, а съ восшествія на престолъ Екатерины Великой до самой кончины ея былъ статсъ-секретаремъ.

знаетъ свѣтъ, въ которомъ онъ много вращается, даже въ обществѣ иностранныхъ пословъ и министровъ. У него веселый нравъ, пріятный и весьма тонкій умъ, видъ открытый, общительный; его легко можно принять за человѣка, любящаго удовольствія, такъ какъ онъ дѣйствительно любитъ обѣды, общество, музыку (которую онъ знаетъ въ совершенствѣ), театръ и все, что къ нему относится, но еще болѣе онъ, Олсуфьевъ, дѣловой человѣкъ. Кромѣ большого участія, которое онъ принимаетъ въ дѣлахъ внѣшней политики, онъ, по должностямъ кабинетъ-секретаря императрицы, хранителя ея собственной казны, управляющаго собственными ея имѣніями и т. п., имѣетъ ежедневныя занятія. Но занятія эти весьма пріятны, потому что онъ всегда имѣетъ дѣло прямо съ императрицею, отдаетъ отчетъ только ей и имѣетъ случай получать весьма часто знаки ея довѣрія и дружбы.

Что касается господина Гросса [1]), то, хотя онъ и иностранецъ, но онъ еще этою зимою (1761 года) занималъ важную должность въ той же коллегіи. Канцлеръ отлично знаетъ его безграничную преданность и привязанность къ Бестужеву, предшественнику и врагу его. Но все же, или вслѣдствіе доводовъ своего ума, или вслѣдствіе своего характера (ибо канцлеръ не мстителенъ и не питаетъ чувства ненависти), онъ, казалось, забылъ всѣ эти личные счеты и видѣлъ въ Гроссѣ только полезнаго подчиненнаго и человѣка достойнаго одобренія по своимъ познаніямъ, опытности и ловкости. Канцлеръ употреблялъ его ко многимъ дѣламъ и сообщалъ ему всѣ наиболѣе важныя свѣдѣнія. Если онъ и отправилъ Гросса въ Голландію, то вовсе не для того (какъ можно было бы подумать), чтобы отъ него отдѣлаться, но, напротивъ, чтобы сохранить его, ибо Гроссъ столь слабаго здоровья и тѣлосложенія, такъ плохо переноситъ Петербургскій климатъ, что въ Петербургѣ онъ погибъ бы безвозвратно. Кромѣ того, вполнѣ ясно, что, если бы конгрессъ состоялся, то Гроссъ принялъ бы въ немъ участіе. Я не стану говорить о расположеніи, которое питаютъ эти три статскіе совѣтника къ иностраннымъ дворамъ. Гроссъ пользовался во Франціи весьма незавидною славою во времена Бестужева, вслѣдствіе стол-

---

[1]) Андрей Леонтьевичъ Гроссъ (р. 1713 въ Штутгартѣ † 1765); съ 1744—1749 управлялъ русскимъ посольствомъ въ Парижѣ; съ 1749—1750 годъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ; съ 1752—1758 въ Варшавѣ, въ 1761—1764 въ Голландіи и съ 1764—1765 годъ въ Лондонѣ. Изъ Берлина Гроссъ былъ отозванъ вслѣдствіе непріятностей, которыя ему дѣлало прусское правительство (Соловьевъ «Исторія Россіи», XXIII, стр. 61—63), а въ Варшавѣ имѣлъ столкновенія съ французскимъ посломъ графомъ Брольи по поводу вопроса объ избраніи преемника королю польскому. Въ 1762 году Гроссъ былъ назначенъ на мѣсто князя А. М. Голицына посланникомъ въ Лондонъ, но король Георгъ III велѣлъ объявить, что, онъ, по разнымъ причинамъ, не желаетъ принять Гросса. Тогда полномочнымъ министромъ былъ назначенъ въ Лондонъ графъ А. Р. Воронцовъ. Однако, въ 1764 году Гроссъ былъ снова назначенъ посланникомъ въ Лондонъ.

кновеній своихъ съ берлинскимъ дворомъ (тогдашнимъ французскимъ союзникомъ), а потомъ и съ французскимъ посломъ въ Варшавѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что французскій дворъ не долженъ ни особенно любить его, ни полагаться на него. Но въ послѣднее время поступили весьма благоразумно, что стали обращаться съ нимъ вѣжливѣе. Такой образъ дѣйствій значительно сблизилъ Гросса съ французскимъ дворомъ, по крайней мѣрѣ наружно.

Волковъ мало имѣетъ общенія съ иностранцами, только развѣ за игрой въ домахъ нѣкоторыхъ англичанъ, а отъ этого, весьма естественно, онъ еще менѣе питаетъ пріязни къ французамъ.

Что касается Олсуфьева, то онъ видится и имѣетъ общеніе со всѣми народностями; но болѣе онъ знакомъ съ талантливыми итальянцами и итальянками, ибо у него склонность къ талантамъ, а также съ англичанами, ибо ихъ въ Петербургѣ больше, чѣмъ французовъ. Его обхожденіе со всѣми столь одинаково, что трудно изъ него вывести какое бы то ни было заключеніе.

V.

Замѣтки о новомъ русскомъ дворѣ.

Къ характеристикѣ великаго князя[1]) пока нечего прибавить. Послѣдствія покажутъ ошибся ли я. Въ характерѣ его, какъ я изобразилъ его, обнаруживается исключительная склонность къ формѣ; вслѣдствіе этого можно опасаться, что въ скоромъ времени онъ издастъ высочайшій указъ, которымъ будетъ запрещено носить французскія парчевыя, дорогія матеріи по крайней мѣрѣ лицамъ мужскаго пола во всей имперіи.

Что касается великой княгини, то какой я ее изобразилъ, такой надѣюсь ее и увидятъ, особенно если она будетъ имѣть вліяніе и пользоваться довѣріемъ. Но такъ какъ новый императоръ, какъ кажется, обратился къ партіи Воронцовыхъ, то можно полагать, что постараются обойдтись безъ нея, и что Бестужевъ не возвратится къ дѣламъ.

Характеръ канцлера уже очерченъ. Если припомнить сказанное мною, то станетъ понятнымъ, что равнодушіе, которое онъ высказывалъ къ своему посту должно было увеличиться со смертію императрицы. Онъ утомился должностью по крайней мѣрѣ физически. Уставъ трудиться и имѣть умъ постоянно въ напряженномъ состояніи, что необходимо для управленія дѣлами внѣшней политики, онъ самъ выпросилъ себѣ помощника въ лицѣ вице-канцлера.

---

[1]) Смотри «Русскую Старину», 1878 года, т. XXIII, въ которомъ помѣщена характеристика великаго князя Петра Θеодоровича.

князя Голицына [1]). Графъ Воронцовъ не такой человѣкъ, чтобы заботиться много о мѣстѣ (должности), которымъ онъ былъ бы отнынѣ обязанъ благоволенію къ его племянницѣ [2]). Его супруга [3]), которая пользовалась расположеніемъ покойной императрицы (красивая женщина и на дѣлѣ весьма хорошая особа, хотя ханжа и любитъ играть въ карты), не была бы въ состояніи пріучить себя къ этой мысли.

Обѣдавъ у нихъ нѣсколько разъ вмѣстѣ съ «фрейлиной», я видѣлъ сколько стоило графинѣ труда хорошо принимать ее и быть съ нею любезной. Я полагаю, что какъ самъ графъ, такъ и его супруга, предпочли бы 50 тысячъ ливровъ дохода въ Италіи, чѣмъ все величіе ихъ настоящаго положенія. Если бы они избавились отъ этого положенія и стали бы свободными, то считали бы себя самыми счастливыми. Перемѣна климата и образа жизни, впрочемъ, необходима для канцлера; онъ не можетъ долго прожить въ Петербургѣ. Его болѣзнь, о которой только что узнали [4]), служитъ тому новымъ доказательствомъ; очевидно, что его болѣзнь при кончинѣ императрицы не была притворною.

Что касается до его брата графа Романа [5]), столь осыпаннаго милостями, то это полный господинъ, не слишкомъ высокаго роста, съ довольно красивой головой, любящій удовольствія, комфортъ, ѣду, игру въ карты и деньги (ибо онѣ доставляютъ все это). Я его считаю лишеннымъ честолюбія и способнымъ къ интригамъ лишь относительно внутренней политики государства. Онъ мало знакомъ съ иностранными дѣлами, ибо онъ не владѣетъ французскимъ языкомъ. Какъ кажется, онъ и не слишкомъ объ этомъ безпокоится, и изъ иностранныхъ министровъ онъ видится только съ однимъ шведскимъ, барономъ Поссе, такъ какъ они давнишніе друзья, равно какъ и гувернантки ихъ дѣтей.

Я уже говорилъ о «фрейлинѣ», его дочери. Эта дѣвица съумѣла такъ поддѣлаться подъ вкусъ великаго князя и его образъ жизни, что общество ея стало для сего послѣдняго необходимымъ.

---

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (р. 1723, † 1807) до 1762 года, посолъ въ Лондонѣ. Петромъ III (9-го іюня 1762 г.), назначенъ вице-канцлеромъ, уволенъ отъ этой должности въ 1775 году.

[2]) Графиня Елизавета Романовна Воронцова, камеръ-фрейлина и кавалерственная дама ордена св. Екатерины 1-й степени. Пользовалась особымъ расположеніемъ Петра III, впослѣдствіи вышла замужъ за А. И. Полянскаго.

[3]) Графиня Анна Карловна Воронцова (р. 1721, † 1775 г.), была урожденная графиня Скавронская, двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны.

[4]) Канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ умеръ въ Москвѣ 15-го февраля 1767 года отъ чахотки.

[5]) Графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ (р. 17-го іюля 1707, † 30-го ноября 1783) при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ генералъ-поручикъ и сенаторъ; въ день восшествія на престолъ Петра III получилъ чинъ генералъ-аншефа и орденъ св. Андрея Первозваннаго; въ царствованіе Екатерины Второй былъ намѣстникомъ разныхъ губерній.

Ея братъ графъ Александръ[1]), котораго прежде назначали въ Голландію, вѣроятно, будетъ играть видную роль. Онъ будетъ давать направленіе мыслямъ сестры, и она будетъ судить о вещахъ такъ же, какъ онъ.

Титулъ фельдмаршала есть, какъ извѣстно, только титулъ, и въ Россіи онъ еще болѣе незначителенъ, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Братья Шуваловы, получившіе это званіе и, сверхъ всякаго чаянія, до сихъ поръ еще остающіеся у власти, обязаны этимъ неожиданнымъ счастіемъ слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) множеству денегъ, которымъ Петръ Шуваловъ ссужалъ великаго князя въ предыдущее царствованіе подъ видомъ ссуды (на самомъ же дѣлѣ это была своего рода контрибуція), и 2) выгодамъ, которыя проистекали отъ того, что во власти Шуваловыхъ находилась особа императора Іоанна Антоновича (графъ Александръ Шуваловъ имѣлъ власть надъ этимъ императоромъ, равно какъ и надъ всѣми государственными преступниками, въ качествѣ начальника тайной канцеляріи). Однако это не можетъ такъ продолжаться: интересы государства, понятые лучше, требуютъ уничтоженія монополій и другихъ притѣсненій Петра Шувалова. Послѣ недавно послѣдовавшей (въ 1662 г.) его смерти, сынъ его, Андрей Шуваловъ[2]), остался ничѣмъ не гарантированный, такъ какъ онъ никоимъ образомъ не можетъ разсчитывать на тѣ милости, которыми пользовался его отецъ. Это тотъ самый Андрей Шуваловъ, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было видѣть въ Парижѣ. Рано или поздно Шуваловъ потерпитъ наказаніе, можетъ быть, единственно для того, чтобы раздѣлить награбленное имъ добро между любимцами новаго двора, которые большею частію или иностранцы безъ всякихъ средствъ или русскіе, имѣющіе большіе долги и склонные къ мотовству. Что касается Ивана Ивановича Шувалова, то, такъ какъ онъ стремился только къ деньгамъ и бралъ только то, что ему давали, то его дѣянія, все же, болѣе законны. Если бы великая княгиня имѣла силу, то ему пришлось бы плохо, но, если она не будетъ ею пользоваться, то можно полагать, что его не станутъ слишкомъ тревожить. Крайне сомнительна достовѣрность извѣстія будто бы онъ назначается вице-канцлеромъ: онъ не имѣетъ ни способностей для занятія этого поста, ни желанія его занять. Фельдмаршалъ Тру-

---

[1]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ (р. 1741 сентября 4-го, † 2-го декабря 1805 г.). Служилъ при Екатеринѣ II по дипломатической части, затѣмъ былъ президентомъ комерцъ-коллегіи и сенаторомъ. Во все царствованіе Павла I былъ не удѣлъ. Съ 1802—1804 года государственный канцлеръ.

[2]) Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ (р. 1744, † 1789), впослѣдствіи былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и дѣйствительнымъ камергеромъ. Путешествовалъ въ молодости за границею и, между прочимъ, сошелся съ Вольтеромъ.

бецкой [1]) пользуется общимъ уваженіемъ, Глѣбовъ же [2]), напротивъ, пользуется весьма малою долею уваженія; но онъ, по справедливости, человѣкъ съ талантами (говоритъ онъ только по-русски и по-нѣмецки и имѣетъ при себѣ нѣкоего француза Ростэни (Rostainy), которому, впрочемъ, немного довѣряетъ). Обстоятельство это не слишкомъ благопріятно для Чернышевыхъ. Иванъ Григорьевичъ [3]) (который былъ назначенъ въ Аусбургъ, но остался въ Вѣнѣ—другъ и совѣтникъ камергера), братъ посла, занималъ (въ 1760 и 1761 гг.) мѣсто оберъ-прокурора сената въ то время, когда Глѣбовъ былъ только прокуроромъ сената, тогда какъ теперь послѣдній занялъ должность несравненно важнѣйшую. Новый гофмаршалъ двора Нарышкинъ [4]), находящійся въ родствѣ съ царскимъ домомъ (по матери царя Петра, которая была рожденная Нарышкина) не имѣетъ, впрочемъ, никакого значенія; онъ любитъ игру больше всего другого (эта страсть вообще преобладаетъ въ обществѣ). Жена этого Нарышкина [5]) (не та красавица Нарышкина [6]), супруга оберъ-егермейстера, очаровательница всего Петербурга въ томъ числѣ и И. И. Шувалова, которую покойная императрица терпѣть не могла) вовсе не питаетъ ненависти къ иностранцамъ. Раутонъ (Wroughton), англійскій консулъ, молодой и красивый человѣкъ, былъ съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ.

Оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ [7]), братъ гофмаршала, разбитной малый, съ свободнымъ обращеніемъ; онъ отлично говоритъ по-французски, но очень глупъ, обжора и человѣкъ весьма дурного тона. Онъ состоялъ камергеромъ при великомъ князѣ, съигралъ со многими купцами нѣсколько довольно дерзкихъ шутокъ: разрывалъ, напримѣръ, счета, или отказывался

---

[1]) Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой (р. 26-го мая 1699 г., † 16-го октября 1767). Съ 1740 по 1760 годъ, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, былъ генералъ-прокуроромъ; въ 1756 году пожалованъ въ фельдмаршалы, а 3-го іюня 1763 года уволенъ въ отставку.

[2]) Глѣбовъ Александръ Ивановичъ (р. 1718 г., † 1790); съ 1761 года по 1764 года былъ генералъ-прокуроромъ, оставаясь въ то же время и генералъ кригсъ-коммиссаромъ (должность эта была очень доходна). Женатъ былъ на графинѣ М. С. Гендриковой (въ 1-мъ бракѣ за Чоглоковымъ).

[3]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ (р. 1726 г., † 1797 г.). Въ 1760—1761 году оберъ-прокуроръ сената; въ 1765 командиръ галернаго порта; въ 1767—1769 году посолъ въ Лондонѣ. При императорѣ Павлѣ президентъ адмиралтействъ-коллегіи и генералъ-фельдмаршалъ по флоту (12-го ноября 1796 г.). Братъ его графъ Петръ былъ въ 1761 году посломъ въ Парижѣ.

[4]) и [5]) Гофмаршалъ Ал. Ал. Нарышкинъ женатъ былъ на А. Н. Румянцовой.

[6]) Оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, это Семенъ Кирилловичъ, женатый на М. П. Балкъ-Полевой.

[7]) Нарышкинъ Левъ Александровичъ (р. 1733 † 1799). Съ 1745 года былъ камергеромъ при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Впослѣдствіи дѣйствительный камергеръ, оберъ-шенкъ и оберъ-шталмейстеръ, извѣстный шутникъ и весельчакъ.

платить по нимъ, а оставлялъ за собою товаръ. Не сдерживалъ также даннаго слова, бралъ взаймы въ банкѣ, уносилъ деньги и не уплачивалъ. Болѣе простительною шуткою можно назвать, что онъ разъ, давая ужинъ великому князю въ кредитъ, самъ это ему объявилъ, чему великій князь отъ души смѣялся. Покойная императрица всячески желала удалить его отъ великаго князя и это было одной изъ причинъ ихъ размолвки. Изъ вновь пожалованныхъ кавалеровъ ордена св. Андрея Первозваннаго, графъ Скавронскій [1])—братъ жены канцлера, оберъ-гофмейстеръ двора; баронъ фонъ Корфъ [2]), добрый лифляндскій дворянинъ, женатый на другой сестрѣ Скавронскаго, занимаетъ должность оберъ-полицеймейстера; графъ Шереметевъ [3]) богатѣйшій вельможа государства, человѣкъ весьма образованный; онъ былъ бы очень доволенъ, если бы былъ назначенъ посломъ во Францію. Шереметевы соединены съ царскимъ домомъ давними узами родства. Послѣдній изъ вновь пожалованныхъ кавалеровъ баронъ Бредаль [4]) былъ оберъ-егермейстеромъ и министромъ (ministre d'état) великаго князя, какъ голштинскаго герцога. Эта великая честь, оказанная Бредалю есть дань любви новаго императора въ Голштиніи и къ нѣмецкой партіи. Все же Бредаль умный и образованный человѣкъ и единственный изъ голштинскихъ царедворцевъ, который какъ слѣдуетъ изучалъ дѣла; всѣ же остальные занимались только военными мелочами. Къ числу таковыхъ принадлежалъ генералъ Брокдорфъ, пользовавшійся любовью великаго князя; этому генералу тоже оказанъ знакъ монаршей милости: онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго [5]). Если расположеніе императора къ Брокдорфу не измѣнилось, то онъ не будетъ нуждаться въ нашемъ (французскомъ) ходатайствѣ для полученія ордена Бѣлаго Орла; да, быть можетъ, онъ и не будетъ слишкомъ объ этомъ хлопотать, потому что, если императоръ захочетъ пожаловать второго голштинскаго дворянина кавалеромъ ордена св. Андрея, то, по всей вѣроятности, выборъ его падетъ на Брокдорфа [6]). Лицо, которое, безъ

[1]) Графъ Мартынъ Карл. Скавронскій (р. 1717 † 1776), оберъ-гофмейстеръ высочайшаго двора.

[2]) Баронъ Николай Андреевичъ Корфъ (р. 1710 † 1766, генералъ-аншефъ, сенаторъ, генералъ полицеймейстеръ, былъ женатъ вторымъ бракомъ на графинѣ Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской.

[3]) Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ (р. 26-го февраля 1713 † 1788 года), сынъ фельдмаршала. При Петрѣ III пожалованъ оберъ-камергеромъ.

[4]) Петръ Петровичъ Бредаль; онъ былъ сыномъ адмирала русской службы Петра Бредаля, принятаго въ нашу службу Петромъ Великимъ въ 1703 году.

[5]) Голштинскій генералъ-аншефъ Брокдорфъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго 10-го февраля 1861 года. О большомъ вліяніи, которое имѣлъ Брокдорфъ на великаго князя Петра Ѳедоровича, и о потворствѣ Брокдорфа дурнымъ наклонностямъ Петра III упоминаетъ Екатерина II въ своихъ «Запискахъ».

[6]) Ордена Андрея Первозваннаго Брокдорфъ не получилъ.

сомнѣнія, будетъ имѣть въ военномъ дѣлѣ большое вліяніе на новаго императора, это принцъ Георгъ Голштейнъ-Готторпскій [1]). Поспѣшность, съ которою императоръ вызвалъ его тотчасъ послѣ своего вступленія на престолъ, доказываетъ какъ дорожитъ его величество присутствіемъ въ своей арміи лицъ, получившихъ военное образованіе въ Пруссіи. Было бы безполезно повторять здѣсь то, что я говорилъ уже выше въ характеристикѣ великаго князя. Замѣчу только, что этотъ принцъ долженъ быть весьма извѣстенъ нашимъ (т. е. французскимъ) военнымъ, которые были въ плѣну въ союзной арміи, и весьма мало французскимъ дипломатамъ. Съ большею долею, вѣроятности, можно его считать сторонникомъ короля прусскаго, по крайней мѣрѣ по привычкѣ, и большимъ противникомъ короля датскаго вслѣдствіе его наслѣдственныхъ притязаній. Великій князь желалъ видѣть этого принца выбраннымъ въ курляндскіе герцоги, отсюда и вытекаетъ вражда его къ принцу Карлу саксонскому [2]). Въ царствованіе покойной императрицы этотъ избранный герцогъ могъ опасаться только охлажденія къ нему этой государыни и нѣкоторыхъ смутъ въ герцогствѣ. При нынѣ же царствующемъ императорѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, онъ можетъ ожидать болѣе печальныхъ послѣдствій.

Не знаю какова будетъ участь Олсуфьева. Благосклонность и довѣріе, которыми онъ пользовался у покойной императрицы, и знаки коихъ она ему оказала въ послѣднія минуты жизни, очень можетъ быть, помѣшаютъ ему сохранить то же довѣренное положеніе въ новое царствованіе. Но онъ такъ искусенъ, такъ образованъ и даже столь необходимъ, кромѣ того, въ немъ такъ много очаровывающей любезности и качествъ для общества и увеселеній, что онъ, по всей вѣроятности, найдетъ способъ понравиться ихъ величествамъ. Въ Волковѣ всегда нуждались, кромѣ того, онъ никогда не принадлежалъ къ какой либо партіи; эти обстоятельства, повидимому, еще болѣе укрѣпятъ его положеніе въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Гроссъ ничего не могъ потерять съ перемѣною царствованія. Хотя и въ предшествовавшее царствованіе съ нимъ хорошо обращались, какъ мною уже замѣчено, но въ нынѣшнее царствованіе онъ можетъ расчитывать еще на улучшеніе своего положенія. Об-

---

[1]) Принцъ голштинскій, Георгъ дядя императора Петра III, прусской службы генералъ-маіоръ, былъ вызванъ въ Россію тотчасъ по восшествіи на престолъ Петра. Императоръ Петръ III былъ къ нему весьма привязанъ, пожаловалъ ему генералъ-фельдмаршалское званіе съ титуломъ высочества, произвелъ въ полковники лейбъ-гвардіи коннаго полка, съ жалованіемъ по 48,000 рублей въ годъ. Принцъ Георгъ умеръ въ 1763 году.

[2]) Курляндское герцогство получилъ въ 1758 году саксонскій принцъ Карлъ, третій сынъ польскаго короля Августа. Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ былъ крайне этимъ недоволенъ: онъ предлагалъ въ герцоги курляндскіе своего дядю принца голштинскаго Георга, но получилъ отказъ со стороны императрицы Елисаветы Петровны.

стоятельство, что онъ былъ постоянно вѣренъ Бестужеву, былъ довѣреннымъ исполнителемъ его проектовъ въ дѣлахъ иностранной политики, новый императоръ, конечно, не поставитъ ему въ вину. Графу Воронцову онъ былъ столь же преданъ; и Воронцовъ, утвердившись на своемъ посту и пользуясь благосклонностью государя, безъ сомнѣнія, будетъ оказывать ему большее довѣріе и дружбу. Кромѣ того, новая миссія Гросса въ Англію будетъ менѣе щекотлива, болѣе пріятна и блестяща, чѣмъ то положеніе, которое онъ занималъ въ царствованіе покойной императрицы. Интересно было бы знать, будетъ ли приказано этому новому полномочному министру находиться по отношенію къ Франціи въ такихъ же дружескихъ, сердечныхъ отношеніяхъ, какъ это было приказано его предшественнику. Полагаю, что, въ случаѣ полученія имъ подобнаго приказа, онъ охотно будетъ исполнять, не обращая вниманія на то, что произошло между нимъ и нѣкоторыми французскими посланниками при иностранныхъ дворахъ. Слабое здоровье заставило Гросса желать покинуть Россію. Желаніе и надежда совершенно возстановить здоровье заставляютъ его предпочитать чистый и здоровый климатъ густому дыму отъ торфа и каменнаго угля. Поэтому онъ предпочелъ бы Францію Голландіи или Англіи. Отъ него лично я слышалъ, что онъ будетъ очень радъ при первой возможности снова увидать Парижъ. Имѣя такія намѣренія, Гроссъ, конечно, будетъ стараться поправиться французамъ, чтобы заранѣе не лишать себя возможности получить то назначеніе, котораго единственно онъ, повидимому, очень добивается.

Знатные роды, происходящіе: 1) отъ князей литовскихъ (Голицыны, Трубецкіе, Репнины [1]) и Куракины), 2) отъ прежнихъ владѣтельныхъ удѣльныхъ князей (самый знатный изъ этихъ родовъ — это князья Долгоруковы и 3) отъ вассальныхъ и находящихся подъ покровительствомъ Россіи князей (князья Черкасскіе, Грузинскіе и многіе другіе, происходящіе отъ татарскихъ мурзъ) могутъ только выиграть при новомъ дворѣ. Въ предыдущія царствованія они пользовались весьма малыми почестями. Это было даже основнымъ правиламъ политики Петра Великаго; преобразователь Россіи желалъ, чтобы между его подданными существовало различіе только по чинамъ и должностямъ, онъ постоянно старался раздавать почести единственно по достоинству и заслугамъ лицъ. Иногда, правда, онъ ошибался, проводя это правило, а преемники его страшно имъ злоупотребляли. Теперь же вполнѣ ясно, что знать возстановитъ свои права при государѣ нѣмецкаго происхожденія. Онъ уже оказалъ, при вошествіи своемъ на престолъ, знаки его благоволенія Трубецкимъ и Куракинымъ. Голицыны и Долго-

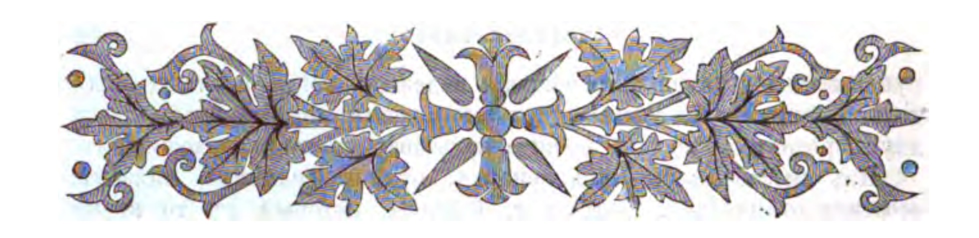
[1]) Князья Репнины вовсе не происходятъ отъ князей литовскихъ, а чистокровные Рюриковичи, потомки св. князя Михаила черниговскаго.

руковы возлагали на него большія надежды, когда онъ еще былъ только великимъ княземъ; нѣкоторые молодые представители этихъ двухъ родовъ давно уже прежде пользовались его расположеніемъ.

Изъ иностранцевъ этотъ монархъ, будучи великимъ княземъ, особенно отличалъ г. Кейта и г. Раутона, который въ то время былъ англійскимъ консуломъ. Этотъ послѣдній—молодой человѣкъ 26 или 27 лѣтъ отъ роду, очень красивой наружности, получилъ постъ въ Петербургѣ еще при покойномъ королѣ (Георгѣ II), благодаря ходатайству леди Ярмутъ (Jarmouth). Къ сожалѣнію, онъ, не поладивъ съ петербургскою колоніею англійскихъ купцовъ, рѣшился лѣтомъ 1761 года вернуться въ Англію. Но какъ только въ Лондонѣ узнали о вошествіи на престолъ Петра III, тотчасъ же отправили Раутона резидентомъ, чтобы онъ помогалъ Кейту [1]) въ исполеніи возложенныхъ на сего послѣдняго обязанностей. Хотя Раутонъ и не обратилъ пока на себя должнаго вниманія нѣкоторыхъ иностранныхъ министровъ, но въ будущемъ навѣрно будетъ имъ пользоваться.



[1]) Кейтъ былъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ съ 1758 по 1762 годъ до августа мѣсяца.



ВЛАСТЕЛИНЫ КАПИТАЛОВЪ.

Люди богатѣютъ не тѣмъ, что пріобрѣтаютъ, но тѣмъ, что сохраняютъ при себѣ.

Фильдингъ.

Сбереженный грошъ — пріобрѣтенный грошъ.

Поговорка.

I.

Честный жидъ. — Старый домъ. — Жидовская улица. — Воспоминанія Гёте. — Архивныя тайны. — Майеръ-Ампшель Ротшильдъ. — Партія въ шахматы. — Продажа рекрутовъ. — Гессенскіе капиталы.

Честный жидъ, какъ сосѣди-христіане прозвали Майера-Ампшеля Ротшильда, основавшаго въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія банкирскій домъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, былъ родоначальникомъ фирмы, сдѣлавшейся впослѣдствіи всесвѣтнымъ казначеемъ и въ теченіе столѣтія удерживающей за собою главенство въ мірѣ капиталовъ на биржахъ Европы.

Донынѣ въ «Жидовской улицѣ» (Judengasse) Франкфурта на Майнѣ путешественникамъ показываютъ такъ называемый «Старый домъ» (№ 152), въ которомъ, въ 1743 году, родился Майеръ-Ампшель Ротшильдъ. За пять сотъ лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1240 году, евреи впервые появились въ этомъ городѣ. Они были нѣсколько столѣтій рабами или крѣпостными римскихъ императоровъ, платили имъ дань, обязаны были жить исключительно въ отведен-

номъ имъ кварталѣ, окруженномъ высокими валами, причемъ только немногіе изъ нихъ имѣли право жениться. Въ числѣ такихъ привиллегированныхъ евреевъ оказался и торговецъ рѣдкостями и старыми монетами, Амшель-Мозесъ Ротшильдъ, жившій въ Жидовской улицѣ, въ домѣ № 152. Этотъ домъ назывался мѣстными жителями «домомъ съ красною вывѣскою» (roth Schild), вслѣдствіе чего Амшель-Мозесъ сталъ именоваться Ротшильдомъ, тогда какъ предки его носили другую фамилію.

По словамъ Гёте, родившагося въ Франкфуртѣ на Майнѣ, христіане очень рѣдко посѣщали тамошній еврейскій кварталъ; дома въ немъ были тѣсно прижаты одинъ къ другому, набиты снизу до крыши обитателями, жившими посреди грязной, неопрятной, отвратительной обстановки. Воздухъ въ этомъ кварталѣ былъ зараженъ такими сильными міазмами, что только привычные къ нимъ обонятельные нервы могли выносить подобную вредную атмосферу. Жидовская улица, нынѣ совершенно перестроенная, представляла при Гёте узкій, грязный переулокъ, обрамленный разрушенными домами, съ толпою неряшливыхъ евреевъ, на которыхъ можно было смотрѣть только съ отвращеніемъ. Все это измѣнилось на глазахъ даже Гёте, который, боявшійся въ первые годы проходить въ Жидовскую улицу, впослѣдствіи съ удовольствіемъ проводилъ свое время въ средѣ еврейскихъ семей. Своимъ богатствомъ, своимъ значеніемъ въ торговлѣ и въ мірѣ капитала Франкфуртъ на Майнѣ обязанъ евреямъ и преимущественно Ротшильдамъ. Въ годъ смерти, (1812 г.), Майера-Амшеля Ротшильда, въ жидовскомъ кварталѣ Франкфурта считалось всего 2,214 жителей, а нынѣ евреи составляютъ десятую часть всего населенія этого города.

О происхожденіи богатствъ Ротшильдовъ распространено въ печати много баснословныхъ разсказовъ. Причиною тому оказывается то обстоятельство, что донынѣ семейные архивы Ротшильдовъ остаются недоступными для публики. А между тѣмъ сколько свѣта пролито было бы на исторію нынѣшняго столѣтія, сколько интересныхъ данныхъ по финансамъ, торговлѣ, промышленности, денежнымъ операціямъ, сдѣлались бы извѣстными, если бы эти строгоохраняемые архивы сдѣлались общимъ достояніемъ. Вѣроятно, многое изъ нихъ можно было бы обнародовать безъ всякаго ущерба для достоинства и для матеріальныхъ интересовъ всесвѣтной банкирской фирмы. Многіе пытались добиться доступа въ архивъ Ротшильдовъ. Одному изъ такихъ наиболѣе настойчивыхъ изслѣдователей присланъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «гг. Ротшильды крайне сожалѣютъ, что не могутъ сообщить ему никакихъ данныхъ объ операціяхъ основателя фирмы, такъ какъ не сохранилось документовъ о совершенныхъ имъ займахъ и другихъ финансовыхъ операціяхъ, а также не могутъ снабдить его и фотогра-

фіею, потому что онъ никогда не снималъ съ себя портрета. Въ заключеніе же нѣтъ возможности перечислить и всѣхъ членовъ семьи, такъ какъ полной родословной не существуетъ» [1]).

Майеръ-Амшель Ротшильдъ въ 1755 году лишился своихъ родителей и былъ отосланъ родственниками въ Фюртъ, дополнить свое образованіе на званіе раввина. Таково было желаніе его родителей, но не его самого. Даже въ училищѣ онъ сдѣлался извѣстнымъ въ качествѣ собирателя и торговца древними монетами, вслѣдствіе чего и познакомился съ нѣкоторыми нумизматиками. Убѣдившись окончательно въ своемъ нерасположеніи къ богословію, Ротшильдъ возвратился въ Жидовскую улицу, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе единовѣрцевъ своими способностями и своимъ хитроуміемъ. Ему стали дѣлать разныя предложенія и онъ, наконецъ, опредѣлился на службу къ банкирской фирмѣ Оппенгейма, въ Гановерѣ. Энергическій, дѣятельный, знающій, Ротшильдъ былъ чрезъ нѣсколько лѣтъ принятъ въ товарищи по этой фирмѣ. Собравъ своими сбереженіями достаточный для самостоятельной дѣятельности капиталъ, Ротшильдъ оставилъ Оппенгейма и сталъ торговать древними монетами, золотомъ, серебромъ, словомъ всѣмъ, отъ чего ему могла быть только прибыль. Оппенгеймы отнеслись къ нему враждебно, но Ротшильдъ восторжествовалъ надъ ними окончательно своимъ энергическимъ и честнымъ образомъ дѣйствія. Тогда онъ рѣшился переселиться во Франкфуртъ на Майнѣ въ домъ отца, гдѣ уже и жилъ въ 1770 году, женившись въ этомъ году на Гудулѣ Шнаппе. Къ прежнимъ своимъ занятіямъ онъ присоединилъ покупку переводныхъ векселей, такъ что вскорѣ оставилъ торговлю рѣдкостями и древностями и исключительно занялся банкирскими и финансовыми дѣлами. Всѣ его спекуляціи отличались осторожною смѣлостью и потому сопровождались успѣхомъ. Во всѣхъ своихъ сдѣлкахъ онъ выказывалъ такую честность, такое прямодушіе, что его не только во Франкфуртѣ, но и въ сосѣднихъ провинціяхъ стали звать «честнымъ жидомъ», вслѣдствіе чего дѣла его расширялись и умножались. Даже самъ прежній его хозяинъ, Оппенгеймъ, возгордился успѣхами своего бывшаго приказчика и при каждомъ удобномъ случаѣ рекомендовалъ всѣмъ съ наилучшей стороны франкфуртскаго банкира Майера-Амшеля Ротшильда.

Во время своихъ занятій у Оппенгейма, Ротшильдъ познакомился съ генералъ-лейтенантомъ барономъ Эсторфомъ, близкимъ другомъ ландграфа гессенскаго, Вильгельма IX, частное состояніе котораго простиралось до 36 милліоновъ таллеровъ. Когда Ротшильдъ

---

[1]) Литература не богата сочиненіями о Ротшильдахъ. Лучшими считаются: трудъ фонъ Генца, бывшаго другомъ барона Соломона Ротшильда (вѣнскаго), письма сэра Томаса Фоуэля Букстона, знавшаго коротко Натана-Майера Ротшильда (лондонскаго) и недавно вышедшее сочиненіе Джона Ривса (The Rothschilds: the financial rulers of nations, London 1887).

пріобрѣлъ своими операціями лестную для себя извѣстность, Эсторфъ, руководствуясь своимъ опытомъ и отзывомъ Оппенгейма, рекомендовалъ ландграфу Ротшильда, какъ человѣка, могущаго быть его финансовымъ агентомъ. Ротшильдъ получилъ приглашеніе явиться къ ландграфу. Войдя къ нему въ комнату, банкиръ засталъ ландграфа погруженнымъ въ шахматную игру съ барономъ Эсторфомъ, повидимому, выигрывавшимъ партію. Ротшильдъ, не мѣшая игрокамъ, сталъ въ сторонѣ, но внимательно слѣдилъ за ихъ ходами. Наконецъ, ландграфъ, прижатый къ стѣнѣ искусными ходами своего противника, въ отчаяніи опрокинулся на спинку кресла, и, увидавъ банкира, спросилъ у него.

— Вы умѣете играть въ шахматы?

— Не угодно ли вашему высочеству передвинуть вотъ эту штучку,—отвѣчалъ банкиръ, указывая съ тѣмъ вмѣстѣ и ходъ въ игрѣ.

Вслѣдствіе этого совѣта, успѣхъ игры постепенно перешелъ на сторону ландграфа, и онъ выигралъ партію. Тогда онъ разговорился съ Ротшильдомъ о цѣли его прихода и остался очень доволенъ его умомъ и свѣдѣніями, имъ сообщенными. Вслѣдствіе этого свиданія, Майеръ-Амшель Ротшильдъ былъ назначенъ придворнымъ банкиромъ ландграфа гессенскаго. По уходѣ Ротшильда, ландграфъ обратился къ Эсторфу и сказалъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, вы мнѣ не дурака рекомендовали.

Наибольшая часть состоянія ландграфа гессенскаго помѣщена была въ англійскіе фонды, которые находились на храненіи у лондонскаго банкирскаго дома ванъ-Ноттенъ. Майеръ-Амшель Ротшильдъ велъ всѣ дѣла ландграфа съ ванъ-Ноттеномъ. Но когда третій сынъ Ротшильда, Натанъ, въ 1798 году, учредилъ въ Лондонѣ свой банкирскій домъ, то ландграфъ далъ ему довѣренность завѣдовать всѣми его фондами и капиталами въ Англіи, по своему усмотрѣнію, съ передачею ему всѣхъ дѣлъ, которыми прежде управлялъ ванъ-Ноттенъ.

II.

Пять сыновей и пять банкирскихъ домовъ. — Натанъ Ротшильдъ въ Англіи. — Его дѣятельность въ Манчестерѣ. — Переселеніе въ Лондонъ. — Смѣлыя спекуляціи. — Покупка и продажа золота. — Присутствіе при Ватерлоо. — Переѣздъ чрезъ Ламаншскій каналъ. — Ловкій обманъ лондонской биржи. — Огромный барышъ.

У Майера-Амшеля Ротшильда было пять сыновей — Ансельмъ, Соломонъ, Натанъ, Карлъ, Джемсъ. Изъ нихъ Натанъ основалъ, въ 1798 году лондонскій домъ Ротшильдовъ, Джемсъ, самый младшій,

парижскій—въ 1812 году, Соломонъ въ 1816 году—вѣнскій, а Карлъ въ 1820 году—неаполитанскій. Изъ пяти братьевъ, Натанъ оказался наиболѣе смышленымъ финансистомъ, ловкимъ, отважнымъ спекулянтомъ и содѣйствовалъ преимущественно созданію всемірной извѣстности фирмѣ Ротшильдовъ. Впрочемъ, англійскій рынокъ и борьба Великобританіи съ Наполеономъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій много ему въ томъ помогли.

Переселеніе Натана Ротшильда вызвано было торговыми соображеніями. Въ концѣ прошедшаго столѣтія весь континентъ Европы, особенно Германія и Австрія, зависѣлъ отъ Англіи, относительно снабженія, хлопчато-бумажными товарами. Но англійскіе мануфактуристы, увѣренные въ своей монополіи, обращались свысока и халатно со своими иностранными потребителями, какъ бы закрѣпощенными за ними. По словамъ Натана Ротшильда Букстону, имъ всѣмъ было мало мѣста во Франкфуртѣ на Майнѣ. «Я завѣдовалъ (говорилъ Натанъ) въ отцовской фирмѣ англійскими товарами. Въ нашъ городъ пріѣхалъ одинъ большой оптовой торговецъ, главенствовавшій на мануфактурномъ рынкѣ. Онъ былъ вполнѣ монополистомъ и дѣлалъ намъ милость, когда соглашался продавать намъ свои товары. Я какъ-то его обидѣлъ, и онъ поэтому не согласился показать мнѣ свои образцы. Это происходило во вторникъ. Тогда я сказалъ отцу:—«Я отправляюсь въ Англію». Я говорилъ только понѣмецки. Въ четвергъ я уже былъ въ дорогѣ. Чѣмъ болѣе я приближался къ Англіи, тѣмъ дешевле становились англійскіе товары. По прибытіи въ Манчестеръ, я на всѣ мои деньги накупилъ тамошнихъ издѣлій, которыя были очень дешевы и нажилъ большіе барыши. Я вскорѣ убѣдился, что такъ можно наживать заразъ на трехъ предметахъ — на хлопкѣ, на краскѣ и на выдѣлкѣ мануфактурнаго товара. Поэтому я сказалъ, фабриканту:—«Я буду снабжать васъ хлопкомъ и красками, а вы меня мануфактурнымъ товаромъ». Вслѣдствіе этого я наживалъ на каждомъ моемъ оборотѣ и, притомъ, въ состояніи былъ продавать эти товары дешевле кого либо. Въ очень короткое время поэтому я превратилъ свои 20,000 фунтовъ стерлинговъ въ капиталъ въ 60,000 фунтовъ стерлинговъ. Весь мой успѣхъ основанъ былъ на слѣдующемъ правилѣ: «Я могу исполнить все то, что другой человѣкъ можетъ сдѣлать, а потому я буду конкурировать съ торговцемъ, не показавшимъ мнѣ образцы и со всѣми остальными».

Этотъ разсказъ лучше всего характеризуетъ рѣшительную натуру Натана Ротшильда и его глубокую увѣренность въ своихъ силахъ. Успѣхъ его въ Манчестерѣ былъ такого рода, что этотъ городъ показался слишкомъ ограниченною сферою дѣйствія для ума, умѣющаго заразъ захватывать три барыша на одномъ товарѣ. Поэтому онъ переселился въ Лондонъ, гдѣ и сосредоточилъ всѣ дѣла своей франкфуртской фирмы. Вскорѣ послѣ переселенія Натана Рот-

шильда въ Лондонъ, Наполеонъ вторгся въ Германію. «Ландграфъ гессенъ-кассельскій (говорилъ Натанъ Букстону) отдалъ моему отцу свои деньги; времени нельзя было терять, и онъ переслалъ ихъ мнѣ. Я совершенно неожиданно получилъ по почтѣ 600.000 фунтовъ стерлинговъ и помѣстилъ ихъ въ дѣла такимъ выгоднымъ образомъ, что ландграфъ подарилъ мнѣ все свое вино и бѣлье».

Поживъ въ Англіи, Натанъ Ротшильдъ составилъ себѣ вѣрное понятіе о ея могуществѣ и объ источникахъ ея силы и богатства. Поэтому, въ ея борьбѣ съ императоромъ Наполеономъ, онъ основательно разсчитывалъ на ея конечную побѣду и сталъ дѣйствовать согласно съ этимъ своимъ убѣжденіемъ. Онъ не ошибся и нажилъ вслѣдствіе того огромное состояніе.—«Вскорѣ послѣ основанія моей фирмы въ Лондонѣ, говоритъ Натанъ Ротшильдъ, я узналъ, что остъ-индская компанія имѣетъ на продажу золота на 800,000 фунтовъ стерлинговъ. Я пошелъ и купилъ его. Мнѣ было извѣстно, что герцогъ Веллингтонъ (командовавшій въ то время англійскими войсками въ Португаліи и не получавшій своевременно денегъ) нуждался въ золотѣ. Я скупилъ по пониженной цѣнѣ значительное количество его векселей. Правительство прислало за мною и объявило мнѣ, что ему нужно это золото. Но получивъ отъ меня золото, оно не знало, какъ перевести его въ Португалію. Я принялъ это дѣло на себя и доставилъ туда деньги черезъ Францію. Это былъ наилучшій оборотъ, сдѣланный мною когда либо».

Говорятъ, что Натанъ Ротшильдъ нажилъ на этой операціи 150,000 фунтовъ стерлинговъ.

Хотя Натанъ-Майеръ Ротшильдъ вообще назывался въ Англіи купцомъ, однако, не смотря на его обширныя и знаменательныя торговыя сдѣлки, сценою его наибольшихъ и наивыгоднѣйшихъ побѣдъ была фондовая биржа. Въ то время, когда цѣна фондовъ и всѣхъ бумагъ подвергалась сильнымъ, рѣзкимъ колебаніямъ, особенно во время наполеоновскихъ войнъ, сильному капиталисту, при крайне спекулятивной натурѣ, прирожденной Натану Ротшильду, трудно было удерживаться отъ оборотовъ на фондовой биржѣ. Но умѣніе наживать деньгу, при необыкновенной счастливой прозорливости въ выборѣ для того подходящихъ операцій, сдѣлали его руководящимъ лицомъ на лондонской фондовой биржѣ, не смотря на то, что онъ казался юношею среди тамошнихъ сѣдыхъ головъ. Никто изъ членовъ этой биржи не могъ, однако, подобно Ротшильду, сказать, что «въ теченіе пяти лѣтъ онъ умножилъ свой капиталъ въ 2,500 разъ».

Первое дѣло, которое онъ, какъ сказано выше, совершилъ съ правительствомъ Англіи, дало ему доступъ къ ея министрамъ, а это обстоятельство способствовало полученію, изъ привиллегированныхъ источниковъ, ранѣе другихъ такихъ свѣдѣній изъ политическаго міра, которыя могли имѣть вліяніе на денежный и фондовый

рынки. Каждое ранѣе другихъ полученное имъ извѣстіе давало ему возможность наживать тысячи на фондовой биржѣ, пульсъ которой онъ умѣлъ щупать лучше всякаго другого. Но Натанъ Ротшильдъ вскорѣ сталъ находить неудовлетворительными для себя привиллегированныя извѣстія, обезпеченныя ему сближеніемъ его съ правительствомъ, и онъ устроилъ свою собственную систему полученія новостей, которыя стали къ нему приходить гораздо ранѣе прибытія правительственныхъ курьеровъ и посланцевъ. Онъ сформировалъ собственный штабъ дѣятельныхъ агентовъ и курьеровъ, которые должны были слѣдовать въ хвостѣ армій или пребывать при различныхъ дворахъ и передавать ему систематически, не жалѣя расходовъ, вѣсти о всемъ происходящемъ. Ротшильдъ устроилъ голубиную почту, при посредствѣ которой извѣстія съ континента получались имъ быстро и чрезъ короткіе промежутки времени. Онъ тратилъ огромныя суммы на голубей и всегда готовъ былъ заплатить дорого за тѣхъ изъ нихъ, которые отличались быстрымъ, сильнымъ полетомъ. Неоднократно онъ получалъ важныя извѣстія ранѣе правительства. Такъ Натанъ Ротшильдъ первый объявилъ о разбитіи Наполеона подъ Ватерлоо, и онъ же первый сообщилъ лорду Абердину объ іюльской революціи въ Парижѣ.

Побѣда англичанъ при Ватерлоо доставила Натану Ротшильду огромные барыши. Многія изъ его обширныхъ спекуляцій были основаны на увѣренности въ окончательномъ успѣхѣ англійскаго оружія. Но вдругъ неожиданное возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы разрушило разомъ его золотыя мечты и возобновило прежнія опасенія и тревоги. Натанъ Ротшильдъ, предугадывая, что будущность его состоянія зависитъ отъ судьбы Наполеона, рѣшился, не довѣряя болѣе быстротѣ своихъ курьеровъ и дѣятельности своихъ агентовъ, самъ отправиться на материкъ Европы, чтобы лично слѣдить за ходомъ событій. Онъ прибылъ въ Бельгію и направился за англійскими войсками. Когда герцогъ Веллингтонъ занялъ позицію при Ватерлоо, Натанъ Ротшильдъ немедленно сообразилъ, что наступилъ моментъ кризиса, а потому не удовольствовался тыломъ арміи, но выѣхалъ на поле битвы и выбралъ себѣ мѣстность, съ которой можно было видѣть обѣ арміи. Вокругъ себя онъ увидѣлъ многихъ изъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, напримѣръ, графа Поццо ди Борго, барона Мюффлинга, генерала Алава и другихъ. Натанъ Ротшильдъ обращался съ разспросами къ каждому, кто только выслушивалъ его. Отвѣты, получаемые имъ, были неутѣшительны. Всѣ были увѣрены, что битва между двумя подобными замѣчательными полководцами, будетъ продолжительна и упорна. Многіе надѣялись на побѣду Веллингтона, но никто не считалъ себя въ правѣ предсказать ее.

Битва началась. Натанъ Ротшильдъ сквозь облака порохового дыма старался слѣдить за эпизодами борьбы. Когда старая гвардія

Наполеона, ринувшись въ атаку подъ начальствомъ маршала Нея, была отброшена окончательно англичанами и преслѣдуема ими, Натанъ Ротшильдъ освободился отъ своего страха и съ спокойнымъ духомъ немедленно поскакалъ обратно въ Брюссель. Были уже сумерки, когда онъ оставилъ поле битвы. Этой ночной поѣздки онъ никогда не забывалъ. Въ Брюсселѣ онъ не безъ труда досталъ экипажъ, чтобы какъ можно скорѣе поѣхать въ Остенде, куда онъ прибылъ измученнымъ, утромъ 7 (19) іюня. Не смотря на крайнюю усталость, онъ не хотѣлъ отдыхать. Погода была бурная, но онъ все-таки потребовалъ у рыбаковъ, чтобы его перевезли чрезъ Ламаншскій каналъ въ Англію. Ротшильдъ началъ съ предложенія рыбакамъ 500 франковъ, повышалъ плату постепенно, но никто не рѣшался пускаться въ море при непогодѣ. Наконецъ, когда Ротшильдъ предложилъ 2,000 франковъ, одинъ изъ рыбаковъ согласился перевезти его въ Англію, подъ условіемъ, чтобы означенная сумма была выдана его женѣ до отвала отъ берега.

Лишь только Ротшильдъ отплылъ по направленію къ Англіи, буря стихла, подулъ попутный вѣтеръ и ускорилъ переѣздъ, такъ что вечеромъ путники прибыли уже въ Дувръ. Но и тутъ неутомимый спекулянтъ не пожелалъ хотя бы немного отдохнуть, а, отыскавъ наилучшихъ почтовыхъ лошадей, отправился въ Лондонъ, и на слѣдующій день стоялъ на фондовой биржѣ, прислонившись къ излюбленной имъ колоннѣ. По лицу банкира видно было, что онъ удрученъ какою-то страшною катастрофою. На биржѣ уже было извѣстно, что Ротшильдъ необыкновенно поспѣшно возвратился съ континента, и что его агенты усиленно сбывали съ рукъ всѣ фонды. Посѣтители, посмотрѣвъ на сумрачное лице Ротшильда, обмѣнивались между собою многознаменательными взглядами и единодушно приходили къ заключенію, что всѣ надежды ихъ рушились окончательно. Обыкновенно шумное собраніе биржи отличалось на этотъ разъ какою-то особенною тишиною. Спекулянты тихо переходили одинъ отъ другого, шопотомъ сообщая поводы къ такимъ усиленнымъ, значительнымъ продажамъ главнаго биржеваго воротилы. Общій страхъ увеличился, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Ротшильдъ по секрету сообщилъ одному своему пріятелю, что Блюхеръ, со своею арміею въ 117,000 пруссаковъ, былъ разбитъ 4 (16) и 5 (17) іюня подъ Линьи, и что Веллингтонъ не надѣется, со своимъ небольшимъ отрядомъ, остановить побѣдоноснаго Наполеона, располагающаго гораздо значительнѣйшими боевыми силами. Это сообщеніе довершило общую панику. Фонды вдругъ сильно понизились, при общемъ убѣжденіи, что только что водворенный миръ въ Европѣ смѣнится новою, продолжительною войною.

Но на слѣдующій день совершенно неожиданно произошла полная перемѣна декорацій. Повсюду разносилась вѣсть, что Веллинг-

тонъ одержалъ надъ Наполеономъ блистательную побѣду. Натанъ Ротшильдъ первый сообщилъ эту вѣсть своимъ пріятелямъ по фондовой биржѣ. Лице его сіяло восторгомъ; фонды сразу поднялись. Многіе сожалѣли о потеряхъ Ротшильда, продававшаго вчера фонды по дешевымъ цѣнамъ. Никто не подозрѣвалъ, что въ то время, когда его офиціальные агенты продавали бумаги на биржѣ, никому неизвѣстныя лица покупали для него все, что только предлагалось на продажу. Этимъ спекулятивнымъ манеромъ онъ нажилъ на фондовой биржѣ болѣе одного милліона фунт. стерл. (по нынѣшнему курсу около 10 милліоновъ руб. кред.).

III.

Отсутствіе кредита.—Отецъ и сынъ.—Ротшильды и Наполеонъ.—Первый правительственный заемъ.—Три правила, завѣщанныя отцомъ сыновьямъ.—Старуха Гудула въ старомъ домѣ.—Натанъ Ротшильдъ и дочери Кохена.—Натанъ Ротшильдъ и государственные займы.—Монополія ртути.—Борьба съ англійскимъ банкомъ.—Банкиръ и девять приказчиковъ.—Нескончаемый обмѣнъ билетовъ на золото.—Частныя лица и банкъ.

Если Майеръ-Амшель Ротшильдъ, честностью, прямодушіемъ, осторожностью, сосредоточилъ въ своей франкфуртской фирмѣ милліоны, положившіе основаніе владычеству ея въ мірѣ финансовъ, то сынъ его, Натанъ-Майеръ Ротшильдъ, своими смѣлыми, до дерзости, спекуляціями, рѣдкою прозорливостью, не только умножилъ эти милліоны, но и доставилъ фирмѣ, ея дѣятельностью въ Англіи, всесвѣтную извѣстность.

Надобно, однако, замѣтить, что начало нынѣшняго столѣтія благопріятствовало Майеру-Амшелю Ротшильду въ накопленіи его милліоновъ. Вслѣдствіе наполеоновскихъ войнъ, кредитъ, торговля не существовали на материкѣ Европы. Континентальная система императора французовъ не увеличивала народнаго богатства, не создавала капиталовъ. Майеръ-Амшель Ротшильдъ, при такомъ положеніи дѣлъ, смѣло диктовалъ каждому свои нелегкія условія по дѣлаемымъ имъ ссудамъ. Благопріятствуемый обстоятельствами и счастіемъ, въ совокупности съ его замѣчательною способностью предусматривать развязку дѣлъ, Ротшильдъ быстро наживалъ капиталы. При господствѣ мира въ Европѣ, онъ не достигъ бы подобнаго успѣха. Въ этомъ ему болѣе всего помогъ Наполеонъ Бонапарте. И онъ, и Ротшильдъ, стремились къ всемірному владычеству, одинъ надъ государствами, другой надъ капиталами. Наполеонъ и его династія рухнули, не дойдя до цѣли; Ротшильды же, достигнувъ ея, продолжаютъ преуспѣвать на томъ же поприщѣ. Паденіе Наполеона еще болѣе усилило значеніе Ротшильдовъ.

Въ 1804 году, Майеръ-Амшель Ротшильдъ считалъ уже свой банкирскій домъ настолько укрѣпившимся, что рѣшился сдѣлать для датскаго правительства заемъ въ 4.000,000 таллеровъ. Эта операція удалась вполнѣ, и Ротшильдъ для того же государства сдѣлалъ по 1812 годъ займовъ на сумму 10.000,000 таллеровъ. Въ то же время Натанъ Ротшильдъ, по своимъ связямъ съ англійскимъ правительствомъ, убѣдилъ послѣднее уплату денежныхъ субсидій своимъ иностраннымъ союзникамъ въ войнахъ противъ Наполеона производить чрезъ ихъ банкирскій домъ. Подобное порученіе принесло большіе барыши фирмѣ, потому что въ иной годъ эти субсидіи простирались до 11.000,000 фунт. стерлинговъ.

Майеръ-Амшель Ротшильдъ скончался 1 (13) сентября 1812 г. Передъ смертью онъ собралъ около себя пятерыхъ сыновей. Благословивъ ихъ, онъ убѣждалъ ихъ пребывать вѣрными закону Моисея, жить между собою въ дружбѣ и союзѣ и не предпринимать ничего, не посовѣтовавшись со своею матерью.

— Соблюдайте эти три правила и вы вскорѣ будете богачами среди наиболѣе богатыхъ и міръ будетъ принадлежать вамъ,—сказалъ, при послѣднемъ издыханіи, Майеръ-Амшель Ротшильдъ.

Предсмертное его завѣщаніе было строго выполнено его сыновьями съ присущимъ сыновнимъ послушаніемъ, служащимъ характеристикою евреевъ. Предсказаніе ихъ отца почти буквально осуществилось. Мать ихъ, Гудула, скончалась только въ 1849 году, девяноста шести лѣтъ отъ роду, переживъ своего мужа тридцатью семью годами. Она до смерти не покидала стараго дома въ Жидовской улицѣ.

— Живя въ этомъ домѣ,—говорила Гудула,—я видѣла какъ мои сыновья сдѣлались богатыми и могущественными, и такъ какъ я не сдѣлалась высокомѣрнѣе въ моей старости, то не лишу ихъ счастья, которое несомнѣнно покинетъ ихъ, если я изъ гордости выѣду изъ моего скромнаго жилища.

Натанъ-Майеръ Ротшильдъ женился, въ 1806 году, на дочери Леви Барнета Кохена, одного изъ богатѣйшихъ евреевъ того времени, жившаго въ Лондонѣ. Согласившись на предложеніе Ротшильда, Кохенъ усомнился, однако, относительно состоянія своего будущаго зятя. Человѣкъ, спекулировавшій отважно на биржѣ на значительные капиталы, не могъ оборачиваться только чужими деньгами, а потому Кохенъ изъ благоразумія и попросилъ доказательствъ его богатства. Но Ротшильдъ отказалъ ему въ его желаніи, сказавъ, что «по отношенію къ его состоянію и его доброму характеру, Кохенъ ничего лучшаго сдѣлать не можетъ, какъ отдавъ за него всѣхъ своихъ дочерей».

Натанъ Ротшильдъ пріобрѣлъ себѣ еще большую извѣстность въ Англіи по своей связи съ займами, выпущенными разными правительствами. Эти операціи доставляли ему большіе барыши. Можно

сказать, что Натанъ Ротшильдъ первый сдѣлалъ иностранные займы популярными въ Англіи и убѣдилъ тѣмъ капиталистовъ въ выгодности помѣщенія въ нихъ своихъ сбереженій. Крупные капиталисты Англіи и ранѣе того пріобрѣтали иностранные фонды, но не масса публики. Для этой цѣли Ротшильдъ настоялъ на томъ, чтобы проценты и погашенія по заграничнымъ займамъ уплачивались въ Лондонѣ, по опредѣленному курсу въ фунтахъ стерлинговъ, чѣмъ и способствовалъ успѣху всѣхъ государственныхъ займовъ, совершенныхъ при его участіи. Онъ авансировалъ даже собственные капиталы для своевременной уплаты процентовъ и погашенія, если со стороны какого либо правительства происходило замедленіе въ высылкѣ необходимыхъ для того суммъ, чтобы только не ронять въ публикѣ довѣрія къ займамъ, совершеннымъ чрезъ его фирму, чего другіе банкирскіе дома не отваживались дѣлать. Впервые Натанъ Ротшильдъ принялъ на себя реализацію займа въ 12.000,000 фунт. стерл., для англійскаго правительства, въ 1819 году. Операція эта не имѣла успѣха; облигаціи этого займа понизились въ цѣнѣ, но Ротшильдъ успѣлъ ловкимъ образомъ во время свалить эту тяготу на другія плечи. Съ 1818 по 1832 годъ, Натанъ Ротшильдъ реализировалъ слѣдующіе главные 5% займы (были еще меньшаго размѣра): въ 1818 г. для Пруссіи въ 5.000,000 фунт. стерл., въ 1822 г. для нея же въ 3.500,000 фунт. стерл., въ 1822 г. для Россіи въ 3.500,000 фунт. стерл., въ 1823 г. для Австріи, а въ 1824 г. для Неаполя, въ 2.500,000 фунт. стерл. каждый, въ 1825 и 1829 г. для Бразиліи одинъ въ 2.000,000, а другой въ 800,000 фунт. стерл., въ 1832 г. для Бельгіи въ 2.000,000 фунт. стерл., а всего на 21.800,000 фунт. стерл. Большая часть этихъ займовъ совершена была съ замѣчательнымъ успѣхомъ.

Но не всегда счастіе благопріятствовало Натану Ротшильду. Съ нимъ бывали такія катастрофы, что другая фирма на его мѣстѣ не выдержала бы и обанкротилась. Такъ, при обращеніи лордомъ Бекслеемъ билетовъ казначейства въ $3^1/_2$% заемъ, Ротшильдъ понесъ потерю въ 500,000 фунт. стерл. Въ 1823 году, при вступленіи французскихъ войскъ въ Испанію, Ротшильду угрожала огромная потеря по французскому займу, но, по счастію для него, онъ во время предусмотрѣлъ эту опасность и принялъ мѣры къ распредѣленію этого убытка съ другими банкирами, менѣе его осторожными.

До открытія мѣсторожденія ртути въ Калифорніи, Европа снабжалась этимъ металломъ изъ Алмадены (въ Испаніи) и Идріи (Австріи). Въ 1831 г. Испанія, во время своихъ финансовыхъ затрудненій, заключила съ Натаномъ Ротшильдомъ заемъ и, въ обезпеченіе правильной уплаты по немъ процентовъ, заложила ему Алмаденскіе рудники. Результатомъ этой сдѣлки было повышеніе вдвое цѣны испанской ртути. Тогда торговцы обратились въ Идрію,

въ надеждѣ купить тамъ ртуть по дешевой цѣнѣ, но Ротшильдъ и тутъ ихъ предупредилъ. Рудники въ Идріи также оказались у него въ зависимости, такъ что онъ овладѣлъ монополіею на ртуть. По словамъ Натана Ротшильда, «онъ разомъ обдѣлалъ умную штуку»; но тогдашняя печать ополчилась на него жестокими статьями за вздорожаніе лекарствъ, необходимыхъ для бѣдныхъ больныхъ.

Натанъ Ротшильдъ не побоялся вступить въ борьбу съ англійскимъ банкомъ, не смотря на его могущество и на поддержку его правительствомъ, и доказалъ, что банкъ не въ силахъ соперничать съ нимъ. Для успѣха одной финансовой операціи, Ротшильдъ нуждался въ звонкой монетѣ. Директоры банка охотно дали необходимое ему золото, подъ условіемъ возврата его въ назначенный день. Въ опредѣленный срокъ Ротшильдъ явился въ банкъ. На вопросъ, принесъ ли онъ золото, банкиръ представилъ кипу билетовъ банка на означенную сумму. Ему напомнили про условіе сдѣлки, причемъ директоры пояснили, что, въ одолженіе ему, они затронули резервный металлическій фондъ, и что имъ крайне необходимо теперь именно золото.

— Очень хорошо, господа,—отвѣчалъ Ротшильдъ,—возвратите мнѣ банковые билеты. Я убѣжденъ, что вашъ кассиръ оправдаетъ обязательства банка по его билетамъ золотомъ изъ вашей кладовой, а тогда и я въ состояніи буду отдать вамъ взятый мною звонкій металлъ.

Другой случай Ротшильда съ англійскимъ банкомъ также характеренъ, хотя нѣкоторые біографы сомнѣваются въ его достовѣрности. Банкъ нанесъ смертельную обиду Натану Ротшильду, отказавшись принять къ учету вексель, на значительную сумму, переведенный Ансельмомъ Ротшильдомъ, въ Франкфуртѣ, на своего брата въ Лондонѣ. Директоры банка высокомѣрно отвѣчали, что банкъ дисконтируетъ только свои собственные векселя, но не векселя частныхъ лицъ.

— Частныя лица!—воскликнулъ Натанъ Ротшильдъ, когда ему сообщили объ отвѣтѣ банка. — Частныя лица! Я дамъ почувствовать этимъ господамъ, какого рода мы частныя лица.

Три недѣли спустя Натанъ Ротшильдъ явился въ банкъ, немедленно по его открытіи. Это время онъ употребилъ на покупку въ Англіи и на континентѣ Европы билетовъ англійскаго банка, сколько только могъ онъ набрать ихъ. Онъ вынулъ изъ своего бумажника банковый билетъ въ 5 фунт. стерл. и кассиръ немедленно отсчиталъ ему пять совереновъ, взглянувъ, однако, съ большимъ удивленіемъ на Ротшильда. Ему показалось страннымъ, что банкиръ явился самъ получить такую ничтожную сумму. Но Ротшильдъ внимательно осмотрѣлъ одну монету за другою и осторожно опустилъ ихъ въ небольшой холстинный мѣшокъ. Затѣмъ, онъ вынулъ изъ бумажника второй, третій, четвертый, десятый, сотый,

тысячный билетъ, постоянно требуя уплаты золотомъ по нимъ, и осматривая каждую монету передъ опусканіемъ ея въ мѣшокъ. По временамъ онъ взвѣшивалъ монеты на вѣсахъ, говоря, что «закономъ ему предоставлено подобное право». Вынувъ банковые билеты изъ перваго бумажника и наполнивъ золотомъ первый мѣшокъ, онъ передалъ ихъ своему конторщику, который, взамѣнъ ихъ, вручилъ банкиру новый запасъ билетовъ. Такимъ образомъ, пока не насталъ часъ закрытія банка, Ротшильдъ продолжалъ обмѣнивать его билеты на золото. Онъ пробылъ въ банкѣ семь часовъ и обмѣнялъ билетовъ на 21,000 фунт. стерл. Но такъ какъ въ одно время съ нимъ девять его приказчиковъ продѣлывали въ банкѣ ту же самую операцію, то въ этотъ день изъ него выдано было золота на 210,000 фунт. стерл. Сверхъ того, Натанъ Ротшильдъ до того занялъ всѣхъ счетчиковъ банка своимъ дѣломъ, что никто изъ постороннихъ лицъ не могъ обмѣнять ни одного билета. Англичане любятъ всякаго рода чудачества, а потому и выходка милліонера вызвала общій восторгъ въ публикѣ. Но директорамъ банка было не до смѣха, особенно когда на слѣдующій день, съ открытіемъ банка, Ротшильдъ вновь появился въ сопровожденіи своихъ девяти союзниковъ. Особенно директоры смутились, когда услыхали, какъ финансовый деспотъ сказалъ съ ироническимъ простодушіемъ:

— Господа директоры отказываются принимать мои векселя, а я поклялся не держать у себя ихъ обязательствъ. Я только предупреждаю ихъ, что у меня скуплено банковыхъ билетовъ столько, что на обмѣнъ ихъ потребуются два мѣсяца.

Въ два мѣсяца можно было бы вытащить изъ банка золота на одиннадцать милліоновъ фунт. стерл. Директоры банка смутились и стали совѣщаться о томъ, что имъ дѣлать. На слѣдующее утро отъ банка появилось извѣщеніе, что векселя Родшильда будутъ принимаемы банкомъ съ такою же охотою, какъ и его собственныя обязательства.

IV.

Три періода. — Могущество фирмы. — Объявленіе войны въ зависимости отъ Ротшильдовъ. — Милліардъ займовъ. — Назначеніе Ротшильдами министра финансовъ. — Помощь ихъ въ кризисы. — Замѣчательная гарантія. — Ротшильды въ Австріи. — Баронское достоинство.

Исторія возникновенія и дальнѣйшаго процвѣтанія фирмы Ротшильдовъ распадается на три періода. Первый обнимаетъ собою время съ основанія банкирскаго дома въ Франкфуртѣ на Майнѣ до кончины, въ 1812 году, Майера-Амшеля Ротшильда. Второй съ 1812 года по 1830 годъ, въ которое время окончательно учреди-

лись остальные три отдѣленія этой фирмы, въ Парижѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ, сверхъ франкфуртскаго и лондонскаго, и положено было прочное основаніе міровому значенію банкирскаго дома, вслѣдствіе обширныхъ финансовыхъ операцій, имъ предпринятыхъ. Наконецъ третій періодъ относится до дѣятельности фирмы съ 1830 года по настоящее время.

Съ 1812 года фирма Ротшильдовъ отказалась во многомъ отъ прежняго образа дѣйствій, найденнаго ею устарѣлымъ. Фирма располагала уже такими значительными денежными средствами и пользовалась такимъ обширнымъ кредитомъ, что старинныя банкирскія операціи, бывшія въ ходу въ Франкфуртѣ на Майнѣ, не считались уже достойными ея вниманія. Найдено было, что всего выгоднѣе и удобнѣе имѣть дѣла съ правительствами, именно производить за ихъ счетъ платежи, выдавать имъ авансы, реализировать для нихъ займы и проч. Такимъ образомъ, съ 1812 по 1830 годъ, банкирскій домъ Ротшильдовъ предпринялъ и осуществилъ такія значительныя финансовыя операціи, какихъ не совершала еще ни одна подобная фирма. Ротшильды, вслѣдствіе того, пріобрѣли необыкновенное могущество на денежномъ рынкѣ и на биржѣ. Вліяніе ихъ было до того сильно, что въ Европѣ создалось убѣжденіе, что война можетъ быть препринята любымъ государствомъ только при помощи со стороны Ротшильдовъ, потому что контроль ихъ надъ денежными рынками ставилъ въ зависимость отъ нихъ возможность добыть капиталы или остаться безъ нихъ.

Поэтому большая часть государственныхъ займовъ, которые донынѣ лежатъ тяжелымъ бременемъ на главныхъ европейскихъ народахъ, добыта была при посредствѣ банкирскихъ и финансовыхъ фирмъ съ Ротшильдами во главѣ. Съ 1812 по 1830 годъ, по самому вѣрному исчисленію, Ротшильды выпустили займовъ только для пяти великихъ державъ Европы—Россіи, Англіи, Австріи, Франціи, Пруссіи—на милліардъ таллеровъ (930.000,000 руб. метал), не считая милліоновъ, данныхъ второстепеннымъ государствамъ и разнымъ древнимъ дворянскимъ родамъ въ Австріи и Германіи. При этихъ услугахъ со своей стороны капиталами, Ротшильды неоднократно выставляли условія, имѣвшія политическое значеніе. Такъ они согласились сдѣлать заемъ для правительства Обѣихъ Сицилій только подъ условіемъ, чтобы неаполитанскій король Фердинандъ I назначилъ министромъ финансовъ вновь ихъ друга, кавалера ди Медичи, который передъ тѣмъ былъ уволенъ отъ этой должности и сосланъ въ Флоренцію. Но когда въ Англіи, въ 1826 году, послѣ періода необузданной спекуляціи, порожденной обиліемъ капиталовъ въ предшествовавшіе годы, разразился необыкновенный кризисъ, сопровождаемый банкротствомъ торговыхъ домовъ и банковъ, наиболѣе солидныхъ, причемъ даже состоятельность англійскаго банка подвергалась сомнѣнію, Ротшильды, именно Натанъ-Майеръ, оказали этому кре-

дитному учрежденію существенныя услуги и помогли выйдти изъ затруднительнаго положенія. Точно также, въ 1830 году, во время переполоха въ коммерческомъ и денежномъ мірѣ, вызваннаго іюльскою революціею, только помощь, оказанная Ротшильдами своимъ кредитомъ и своими капиталами, спасла отъ несостоятельности многія солидныя фирмы, въ расплохъ застигнутыя кризисомъ. Извѣстно также, что, по окончаніи войны между Франціею и Германіею, въ 1871 году, баронъ Ліонель Ротшильдъ (сынъ Натана, заступившій мѣсто отца въ Лондонѣ) далъ германскому правительству гарантію въ томъ, что онъ удержитъ отъ колебаній вексельный курсъ. Такая гарантія въ сильной степени облегчила уплату Германіи Франціею пятимилліярдной контрибуціи, но подобную гарантію могла дать и выполнить только могущественная банкирская фирма, подобная Ротшильдамъ. Никто другой въ Европѣ не выдержалъ бы подобнаго обязательства.

Послѣ смерти Майера-Ампеля Ротшильда дѣлами фирмы въ Франкфуртѣ на Майнѣ остался управлять старшій изъ братьевъ Ансельмъ. Онъ скончался въ 1855 году, оставивъ по завѣщанію одному изъ своихъ племянниковъ состояніе отъ 60 до 70 милліоновъ гульденовъ. Натанъ Ротшильдъ скончался въ 1836 году, Соломонъ и Карлъ-Майеръ Ротшильды—въ 1855 году, а Джемсъ въ 1868 году. Неаполитанская фирма закрыта была вскорѣ послѣ смерти Карла-Майера Ротшильда, потому что сынъ его, Адольфъ, предпочелъ вести частную жизнь, вдали отъ дѣлъ, что ему и возможно было привести въ исполненіе, благодаря его значительному состоянію. Всѣ пять братьевъ вели дѣла своего банкирскаго дома во все время съ ненарушимымъ согласіемъ его цѣлей и интересовъ. Въ этомъ они въ точности слѣдовали завѣту своего отца. Всякое предложеніе, откуда и отъ кого бы оно ни поступало, подвергалось ихъ общему обсужденію и разсмотрѣнію. Каждая финансовая операція, даже сравнительно не первокласснаго значенія, приводилась въ исполненіе по строго заранѣе обдуманному плану, причемъ всѣ братья одинаково трудились въ пользу ея успѣха и въ одинаковой степени участвовали въ полученныхъ отъ того барышахъ. Такое единогласіе и единодушіе, не смотря на полную самостоятельность каждой вѣтви фирмы въ отдѣльномъ городѣ, обезпечило успѣхъ и возростаніе могущества Ротшильдовъ.

Хотя евреи уже нѣсколько столѣтій имѣли выдающееся вліяніе на дѣла въ Австріи, такъ что въ Вѣнѣ преимущественно они были принимаемы даже въ высшемъ кругу, однако, Ротшильды, послѣ основанія своего дома въ столицѣ габсбургской имперіи, очень скоро затмили всѣхъ единовѣрцевъ своими финансовыми оборотами, блистательными пріемами, огромнымъ благосостояніемъ. Вліяніе и тяготѣніе, выказанное Соломономъ Ротшильдомъ, доставило этой фирмѣ преобладающее значеніе въ финансахъ и на денежномъ рынкѣ

Австріи. Это преобладаніе сохранилось донынѣ за этимъ банкирскимъ домомъ. Австріи Ротшильды обязаны своимъ родовымъ титуломъ. Императоръ Францъ, въ 1815 году, возвелъ Ротшильдовъ въ потомственные дворяне, а въ 1822 году даровалъ имъ баронское достоинство.

V.

Джемсъ Ротшильдъ въ 1812 году.— Сосредоточіе операцій у него.— Милліарды контрибуцій.— Продѣлка Уврара.— Низверженія Тьера Ротшильдами.— «Европейцы».— Спекуляція акціями сѣверной дороги.— Мошенничество Карпентье.— Разговоръ о милліонахъ.— Персики Паке.— Горасъ Верне и даровой портретъ Джемса Ротшильда.— Услужливость его.— Первый еврей въ парламентѣ.— Лордъ Ротшильдъ.

Основаніе Ротшильдами банкирскаго дома въ Парижѣ, въ 1812 году, не смотря на тяжесть руки Наполеона I, ими испытанной, а также не смотря на неблагопріятные виды тогда на дѣла вообще, служитъ новымъ доказательствомъ ихъ прозорливости и смѣлости въ финансовыхъ оборотахъ. Наполеонъ I, какъ извѣстно, не нуждался въ финансовой помощи со стороны Ротшильдовъ, но такъ какъ золото, врученное англійскимъ правительствомъ для англійской арміи въ Португаліи и Испаніи, Натану Ротшильду, было доставлено по назначенію чрезъ Францію, то безъ сомнѣнія Джемсъ Ротшильдъ, тѣмъ или другимъ способомъ заручился извѣстнаго рода содѣйствіемъ у французскаго правительства, потому что иначе онъ не выполнилъ бы съ успѣхомъ означенной операціи. Во всякомъ случаѣ, Ротшильды съумѣли выбрать наиболѣе благопріятный моментъ для основанія своей фирмы въ Парижѣ. Въ 1815 году, по низверженіи Наполеона I, всякаго рода денежныя операціи стали сосредоточиваться въ конторѣ Джемса Ротшильда. Вслѣдствіе вліянія и сильной рекомендаціи курфирста гессенскаго, Джемсъ Ротшильдъ уполномоченъ былъ получить милліардъ франковъ контрибуціи, потребованной съ Франціи, за военные расходы, союзными державами, по вступленіи ихъ войскъ въ Парижъ. Такимъ же образомъ чрезъ руки Ротшильда прошли два милліарда вознагражденія и доставили ему большіе барыши. Въ 1824 году, при неудачѣ, постигшей проектъ министра маркиза Виллеля конверсіи всего 5% долга Франціи въ трехъ-процентный, вслѣдствіе отринутія этого проекта палатою перовъ послѣ утвержденія его палатою депутатовъ, банкиры Берингъ и Лафитъ понесли серьёзныя потери, между тѣмъ какъ Джемсъ Ротшильдъ, спекулируя одновременно и новыми 3% фондами и старыми 5% облигаціями, избѣгнулъ этихъ убытковъ.

Въ 1830 году извѣстный парижскій банкиръ Увраръ получилъ, изъ достовѣрнаго источника, за недѣлю до обнародованія свѣдѣнія о предполагаемыхъ декретахъ министерства Полиньяка, имѣвшихъ послѣдствіемъ іюльскую революцію и низверженіе Бурбоновъ. Увраръ посвятилъ въ свою тайну нѣкоторыхъ банкировъ и курсовыхъ маклеровъ и поспѣшно выѣхалъ въ Лондонъ. На тамошней биржѣ онъ сталъ сильно продавать фонды, такъ что Ротшильды, будучи главными ихъ покупателями, и слѣдовательно заинтересованными въ поддержаніи имъ цѣны, сильно обезпокоились и отправили особаго курьера въ Парижъ узнать о причинахъ такихъ огромныхъ продажъ фондовъ. Но парижскій домъ, не имѣя ключа къ разгадкѣ, зналъ не болѣе своей лондонской фирмы. Между тѣмъ, за нѣкоторое время передъ тѣмъ, Джемсъ Ротшильдъ заключилъ съ французскимъ правительствомъ заемъ, въ видѣ 4°/о ренты по цѣнѣ 104 фр. 7 сан.; слѣдовательно онъ встревожился извѣстіями изъ Лондона и отправился къ Полиньяку за разъясненіями. Послѣ свиданія съ первымъ министромъ, Ротшильдъ объявилъ, что тотъ далъ ему честное слово, что задуманные декреты не будутъ приведены въ исполненіе. Но на слѣдующее утро сдѣлалось извѣстнымъ, что король Карлъ X подписалъ ихъ. Послѣдствіями ихъ обнародованія было пониженіе займа, взятаго на себя Ротшильдами въ суммѣ 78.513,750 франк., на двадцать до тридцати процентовъ. Долго послѣ того не оказывалось покупателей на эту 4°/о ренту. Но такъ какъ Джемсъ Ротшильдъ успѣлъ главную часть этого займа передать въ другія руки, то онѣ и пострадали болѣе всего, вслѣдствіе чего его сильно обвиняли въ томъ, что онъ оставилъ своихъ союзниковъ въ безпомощномъ положеніи. Увраръ же со своимъ маклеромъ Аме разомъ нажилъ своею операціею два милліона франковъ. Продолжая спекулировать на пониженіе ренты и по возвращеніи своемъ изъ Лондона въ Парижъ, Увраръ еще увеличилъ свои барыши, тѣмъ болѣе, что въ февралѣ 1831 года рента упадала даже до 48 фр.

Паденіе министерства Тьера въ 1840 году произведено было преимущественно подъ вліяніемъ дома Ротшильдовъ. Тьеръ можетъ быть и ошибался, но онъ дѣйствовалъ тогда, какъ подобаетъ каждому французу, дорожащему достоинствомъ и честью своего государства. Подобная забота, однако, никогда не тревожила Ротшильдовъ, потому что они не заступались ни за какую народность. Ротшильды космополиты или по меньшей мѣрѣ европейцы (хотя многіе съ этимъ не согласны), но ни нѣмцы, французы, англичане, русскіе, итальянцы, турки. Пользуясь огромнымъ вліяніемъ въ дипломатическихъ сферахъ, Ротшильды старались всегда сохранить миръ, въ ущербъ достоинства государей.

Съ 1848 года, когда капиталъ парижской фирмы дома Ротшильдовъ опредѣлялся въ 600 милліоновъ франковъ, монополія Джемса Ротшильда по заключенію финансовыхъ операцій для фран-

цузскаго правительства прекратилась. Но онъ передъ тѣмъ уже сталъ во главѣ предпріятій по сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Францiя въ значительной степени обязана ему осуществленіемъ своей рельсовой сѣти. Главнѣйшимъ предпріятіемъ въ этомъ отношеніи была постройка сѣверной желѣзной дороги. Она была открыта 3-го (15-го) іюня 1846 года. Капиталъ общества этой дороги состоялъ изъ 300,000 акцій, по 500 франк. каждая. Ротшильдъ одинъ явился съ предложеніемъ правительству потому, что закупилъ всѣхъ соперниковъ, которые могли бы пойдти на болѣе выгодныя условія. Заручившись разрѣшеніемъ, Джемсъ Ротшильдъ всѣми правдами и неправдами повысилъ акціямъ цѣну до 848 франк., продалъ всѣ бывшія у него на рукахъ, затѣмъ такимъ же путемъ понизилъ ихъ и вновь скупилъ по дешевой цѣнѣ, разоривъ пріобрѣвшихъ ихъ ранѣе съ большою преміею. Говорили, что онъ нажилъ на этой игрѣ до 140 милліоновъ франковъ, хотя сумма эта и кажется нѣсколько преувеличенною. Но Джемсъ Ротшильдъ и поплатился впослѣдствіи, когда кассиръ Карпентье обокралъ сѣверную дорогу.

Карпентье имѣлъ пятерыхъ сообщниковъ по своимъ подлогамъ, изъ числа служившихъ въ обществѣ сѣверной дороги. Они задумали свое преступленіе за долго, потому что, за полгода до побѣга изъ Франціи, какъ потомъ оказалось, купили, для своего переѣзда въ Америку, пароходъ въ Англіи за 1.800,000 франк. Говорили, что Карпентье обокралъ дорогу на сумму отъ 30 до 32 милліоновъ франковъ, хотя она осталась собственно въ тайнѣ, потому что Джемсъ Ротшильдъ пополнилъ весь недостатокъ въ кассѣ. Карпентье первымъ выѣхалъ изъ Парижа. Пользуясь особымъ покровительствомъ Ротшильда, Карпентье явился къ нему, съ просьбою дать ему отпускъ на четыре дня. Ротшильдъ охотно согласился и пустился съ нимъ въ разговоръ, сообщивъ ему, что онъ только что сдѣлалъ очень выгодное дѣло, на которомъ нажилъ пять милліоновъ франковъ.

— Если моя желѣзнодорожная спекуляція въ Алжирѣ,—продолжалъ банкиръ,—также хорошо мнѣ удастся, то я надѣюсь къ моимъ пяти милліонамъ прибавить еще три.

— Вы ихъ поставите впереди или позади вашихъ пяти милліоновъ? спросилъ его Карпентье,—т. е. вы положите себѣ въ карманъ тридцать пять милліоновъ или всѣ пятьдесятъ три. Поставьте ихъ впереди и подарите мнѣ пять милліоновъ; вамъ все-таки останется еще порядочная сумма.

Ротшильдъ разсмѣялся на эту шутку, но не согласился подарить пять милліоновъ.

— Я не могу отдать вамъ мои пять милліоновъ, но вотъ возьмите мою цѣпь отъ часовъ; она будетъ служить вамъ друже-

ственнымъ воспоминаніемъ о нынѣшнемъ днѣ, доставившемъ мнѣ столько удовольствія и столько барыша.

Цѣпь эта имѣла большую цѣнность. Карпентье принялъ подарокъ, хотя уже обладалъ большимъ состояніемъ, имъ награбленнымъ, но отослалъ его своему брату, передъ отъѣздомъ изъ Парижа. Изъ означеннаго разговора, переданнаго Джемсомъ Ротшильдомъ своимъ пріятелямъ, видно, что отношенія между нимъ и Карпентье были очень близкія, тѣмъ болѣе, что и главнымъ кассиромъ на сѣверной желѣзной дорогѣ онъ былъ назначенъ по настоянію банкира передъ ея правленіемъ. Ротшильдъ пришелъ въ ярость, узнавъ о мошенничествѣ Карпентье. Онъ не жалѣлъ денегъ, чтобы поймать своего бывшаго фаворита. Когда сыщики отправились на поиски за нимъ, то Ротшильдъ объявилъ имъ, что не пожалѣетъ десяти милліоновъ франковъ, чтобы только отыскать Карпентье.

Садовникъ Паке выростилъ въ январѣ три великолѣпные персика. Въ то время способъ полученія подобныхъ плодовъ зимою, нынѣ всѣмъ доступный, былъ необыкновенною новостью. Джемсъ Ротшильдъ вмѣстѣ съ другими явился полюбоваться рѣдкостью.

— Ваши персики, сказалъ банкиръ, роскошны. Сколько вы желаете за нихъ.

— Тысячу пятьсотъ франковъ, г. баронъ.

— Будто бы?

— Совершенно вѣрно. Я лишняго не прошу,—отвѣчалъ Паке.

— Три персика за 1,500 франковъ. Боже мой! А эти персики, можетъ быть, какая нибудь дрянь.

— Позвольте, позвольте,—воскликнулъ обиженный садовникъ.— Я васъ немедленно убѣжду въ противномъ.

Паке сорвалъ персикъ, разрѣзалъ его на двѣ половины; одну далъ барону Ротшильду, а другую самъ съѣлъ.

— Ну, что теперь скажете, г. баронъ. Вы знатокъ въ персикахъ; я довѣряю въ этомъ случаѣ тонкости вашего вкуса.

— Очень хороши, великолѣпны,—отвѣчалъ Ротшильдъ, съѣдая персикъ.

— Эти персики лучшей породы; мякоть твердая, ароматъ изящный. На открытомъ воздухѣ, персикъ этой породы спѣетъ только въ сентябрѣ.

— Ну что, г. Паке, какая ваша послѣдняя цѣна?

— Извините; какъ сказано, 1,500 франковъ.

— Да вы шутите; теперь одного персика нѣтъ.

— Все равно; цѣна имъ для васъ прежняя 1,500 франковъ—это плоды для милліонеровъ; я не уступлю ничего.

Ротшильдъ купилъ, наконецъ, персики, убѣдившись въ доводахъ садовника. Но столкновеніе Джемса Ротшильда съ извѣстнымъ живописцемъ Горасомъ Верне окончилось не столь благополучно для

банкира. Послѣдній, посѣтивъ однажды художника, спросилъ, что онъ возьметъ снять съ него портретъ.

— Для васъ, г. баронъ, четыре тысячи франковъ.

— Какъ бы не такъ. Вамъ придется сдѣлать всего два или три мазка вашею кистью. Такого рода мазки, по моему мнѣнію, слишкомъ дороги.

— Какъ вы смѣете торговать искусствомъ! воскликнулъ артистъ.—Да, четыре тысячи франковъ, ни сколько не меньше.

Ротшильдъ вновь выразилъ свое удивленіе.

— Если вы прибавите еще слово,—сказалъ Верне,—я запрошу въ тридорога. Рисовать ли вашъ портретъ или нѣтъ?

Джемсъ Ротшильдъ, считая Верне помѣшаннымъ, поспѣшилъ выйдти изъ его мастерской.

— Подождите, закричалъ художникъ ему въ догонку. Я нарисую вашъ портретъ даромъ.

И онъ сдержалъ свое слово. На картинѣ, изображающей сдачу Абдель-Кадера французамъ, представленъ безобразный жидъ, спасающійся съ шкатулкою наполненною драгоцѣнностями и деньгами. Лице его выражаетъ скаредную скупость и безотчетный страхъ. Этотъ еврей въ карикатурномъ видѣ представляетъ собою портретъ барона Джемса Ротшильда.

Во время многолѣтняго пребыванія, въ сороковыхъ годахъ, Н. И. Греча въ Парижѣ, онъ познакомился съ Джемсомъ Ротшильдомъ, потому что чрезъ его банкирскій домъ получалъ свои деньги изъ Россіи. Однажды онъ получилъ отъ знакомаго книгопродавца, изъ Гамбурга, новую вышедшую тамъ книгу, за которую необходимо было заплатить всего 5 франковъ. Не зная, какъ такую ничтожную сумму переслать въ Гамбургъ особенно въ тогдашнее время, когда не было нынѣшнихъ для того почтовыхъ удобствъ, Гречъ, въ одно изъ своихъ ежемѣсячныхъ посѣщеній конторы Ротшильда, разсказалъ ему о своемъ затрудненіи.

— Мой банкирскій домъ къ вашимъ услугамъ,—сказалъ Ротшильдъ.

— Какъ, вы беретесь уплатить за меня 5 франковъ въ Гамбургѣ? спросилъ Гречъ.—Стоитъ ли утруждать себя подобною мелочью?

— Для банкира первая обязанность угождать публикѣ и быть ей полезнымъ. Переводъ вашихъ пяти франковъ въ Гамбургъ такое же для меня дѣло, какъ и переводъ ста тысячъ. Пожалуйте въ кассу и внесите въ нее ваши 5 франковъ.

Во время февральской революціи и послѣдовавшихъ за тѣмъ бурныхъ дней въ Парижѣ, Маркъ Косидьеръ распорядился, чтобы постоянно была стража не только около дома Ротшильда въ этомъ городѣ, но и около его виллъ. Когда же впослѣдствіи Косидьеръ оказался въ Лондонѣ въ изгнаніи и нищетѣ, Джемсъ Ротшильдъ

препроводилъ къ нему 30,000 франковъ при письмѣ, въ которомъ предлагалъ ему начать на эту сумму какое нибудь дѣло и возвратить ее, когда ему вздумается, чрезъ десять, двадцать лѣтъ. Эти деньги положили основаніе благосостоянію Косидьера, начавшаго торговлю виномъ.

Послѣ смерти Джемса Ротшильда, главою парижскаго дома сдѣлался баронъ Альфонсъ Ротшильдъ, старшій его сынъ. Обороты парижской фирмы обширнѣе и значительнѣе всѣхъ другихъ ея вѣтвей; она занимается не только банкирскими операціями, но также коммерческими и разными промышленными предпріятіями. Альфонсъ Ротшильдъ произвелъ уплату пяти милліарднаго вознагражденія Германіи Франціею послѣ войны 1870—1871 года. Эта операція потребовала особаго напряженія силъ: по мѣсяцамъ, Альфонсъ Ротшильдъ со своими конторщиками работалъ ежедневно, не исключая воскресныхъ дней, до полуночи. Разумѣется, эта операція принесла не мало барыша банкирской фирмѣ.

Натану-Майеру Ротшильду въ Лондонѣ наслѣдовалъ сынъ его, Ліоннель, потому что остальные его три брата не пожелали заниматься банкирскими операціями. Ліоннель пошелъ по стопамъ отца и заключилъ при своей жизни не менѣе восемнадцати государственныхъ займовъ, на сумму 160,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1876 году онъ авансировалъ англійскому правительству 4.000,000 фунтовъ стерлинговъ для покупки у хедива египетскаго принадлежавшихъ ему акцій компаніи Суэцскаго канала. Ротшильдъ нажилъ на этомъ дѣлѣ около 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Болѣе двадцати лѣтъ онъ былъ финансовымъ агентомъ русскаго правительства. При помощи его фирмы и парижскаго ея дома, министру финансовъ М. Х. Рейтерну удалось создать серію нашихъ желѣзнодорожныхъ консолидированныхъ займовъ, сопровождавшихся успѣхомъ и давшихъ возможность соорудить обширную желѣзнодорожную сѣть въ Россіи. Ліоннель Ротшильдъ былъ первымъ евреемъ, допущеннымъ, послѣ продолжительной борьбы, въ палату общинъ англійскаго парламента. Послѣ кончины въ 1879 году Ліоннеля Ротшильда, въ главѣ лондонской фирмы остались три его сына, Натаніель, Леопольдъ и Альфредъ. Изъ нихъ Натаніель, въ 1886 году, возведенъ королевою Викторіею въ достоинство пера и называется лордъ Ротшильдъ. Франкфуртскою фирмою управляетъ, послѣ Ансельма-Майера, племянникъ его, Вильгельмъ, а вѣнскою, съ 1879 года, младшій внукъ Соломона Ротшильда, Соломонъ-Альбертъ, такъ какъ два его брата, Фердинандъ и Натанъ, отказались заниматься денежными и торговыми дѣлами.

Пав. Усовъ.



ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О РОССІИ[1].

V.

Письма англійскаго доктора изъ Крыма въ 1854—1856 годахъ.

ОДИНЪ ИЗЪ главныхъ докторовъ британской арміи въ дни Крымской кампаніи былъ молодымъ медикомъ, только что окончившимъ курсъ въ Единбургскомъ университетѣ. 25-го октября 1854 года, его командировали на мѣсто военныхъ дѣйствій, гдѣ онъ и прожилъ до конца іюня 1855 года, т. е. почти до послѣдняго дня очищеніи крымской территоріи отъ союзныхъ враговъ. Все это время молодой врачъ по англійскому обычаю писалъ длинныя письма къ своимъ родственникамъ въ Англію и столь часто, что изъ нихъ составился почти цѣлый дневникъ. Тридцать лѣтъ эти письма лежали подъ спудомъ, и лишь теперь они опубликованы въ видѣ довольно почтеннаго тома [2]). Въ письмахъ этихъ ничего нѣтъ новаго, но они интересны, какъ безъискусственная передача свидѣтеля великой борьбы о тѣхъ чувствахъ, слухахъ и мнѣніяхъ, которые волновали тогда союзную армію, о жизни ея и взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ четырехъ соединенныхъ враговъ. Притомъ историческое

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIX, стр. 180.

[2]) Вотъ полное заглавіе этой книги: A story of Active Service in Foreign Lands Extracts from letters sent home from the Crimea 1854—1856. By an Edinburgh Boy W. Blackwaod. London. 1886.

изслѣдованіе о Крымской кампаніи еще далеко не закончено. Она пока свѣжа на памяти живыхъ людей, и потому всякая повѣсть о ней имѣетъ право на вниманіе русскаго историка и читателя. Общество закончитъ свои счеты съ великой борьбой лишь тогда, когда будетъ произнесенъ строгій приговоръ надъ виновниками излишнихъ страданій и смертей на этомъ славномъ полѣ брани. Безъ такого приговора урокъ исторіи не полонъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ многія скорбныя страницы изъ послѣдней кампаніи 1877—1878 годовъ. Въ этомъ отношеніи исторія войнъ играетъ для армій не менѣе важную роль, чѣмъ стратегическія науки.

Слѣдуя обычаю, мы приведемъ изъ записокъ англійскаго доктора лишь то, что, по нашему разумѣнію, можетъ сколько нибудь интересовать русскаго читателя, оставляя въ сторонѣ всѣ изліянія сердца, на которыя столь тароваты англичане въ перепискѣ. У каждаго народа свой нравъ: англичане умѣютъ показывать сердце на письмѣ, французы на словахъ, мы, русскіе, умѣемъ его чувствовать. Кесарево кесарю...

Отправившись изъ Англіи на транспортномъ суднѣ 25-го октября, авторъ прибылъ въ Балаклову лишь 12 ноября и въ первомъ же письмѣ увѣдомляетъ своихъ родителей, что взять Севастополь вовсе не такъ легко, какъ привыкли думать въ Англіи. Въ лагерѣ союзниковъ всѣ были недовольны другъ другомъ. Англичане и французы считали невозможнымъ довѣриться туркамъ; турки въ свою очередь съ восточной откровенностью говорили своимъ защитникамъ: «Francese no bono, inglese no bono!»; французы удивлялись медленности работъ на англійскихъ батареяхъ; англичане указывали на французовъ съ упрекомъ, почему они не атакуютъ Севастополь, подвинувшись столь близко къ нему и владѣя достаточнымъ количествомъ войскъ. Въ средѣ самихъ британцевъ царствовало великое неудовольствіе противъ ихъ главнокомандующаго Роглана. Ежедневный страхъ ожиданія русскаго нападенія, частые тревожные слухи о предстоящей генеральной атакѣ на Севастополь и, наконецъ, разочарованіе послѣ многократной молвы о близости мира. Въ началѣ кампаніи крайне бѣдствовала отъ недостатка пищи и отсутствія не только помѣщеній, но и теплаго платья, вся британская армія; въ концѣ кампаніи та же участь постигла французовъ, ходившихъ питаться къ англичанамъ подачкой въ видѣ сухарей, оставшихся отъ солдатской порціи. Холодъ, снѣгъ и вѣтеръ зимы дали и въ Крыму хорошій урокъ русскимъ врагамъ, и не даромъ они вѣрили, будто Николай Павловичъ сказалъ: «Рогланъ хорошій генералъ, но у меня есть три генерала лучше его— январь, февраль и мартъ». Британскіе офицеры и солдаты жили зимой 1854 года въ палаткахъ прямо на грязи, вмѣсто постели служила солома; у автора подушку замѣнялъ сакъ-де-вояжъ, одѣяломъ служило пальто, подсвѣчникомъ воткнутый въ землю русскій штыкъ,

а единственной посудой—на половину обломленное блюдо. «Проснувшись утромъ,—пишетъ докторъ,—я чувствую всегда страшную боль въ костяхъ отъ жесткаго ложа», и уже въ концѣ ноября жалуется на нестерпимый холодъ. Онъ считаетъ великимъ счастіемъ, что захватилъ съ собой изъ Англіи ножъ, вилку и ложку. Кухня и столовая были подъ открытымъ небомъ. Кофе доставлялся сырымъ, солдаты кое-какъ «прожигали» его; затѣмъ сухари и соленое мясо долго были единственной пищей на бивуакѣ. Между тѣмъ въ Балаклавѣ не было недостатка въ провизіи. Такъ, греки, евреи и мальтійцы выстроили цѣлый гостиный дворъ со всякими припасами, продавали ихъ, разумѣется, втридорога. Маленькій окорокъ ветчины стоилъ 25 шиллинговъ (около 13 р.), фунтъ сахару 1 шиллингъ (60 коп.), одна свѣчка 40 коп., кусочекъ простого мыла 90 коп., фунтъ соленаго масла 1 р. 20 коп., горчица 3 р. за фунтъ и т. д. Понятно, что такими лакомствами могли пользоваться лишь богатые офицеры, но и тутъ ихъ безбожно обирали. Автору пришлось на первыхъ же порахъ размѣнять привезенный изъ родины чекъ, причемъ съ него сдѣлали учетъ почти четыре рубля на сто. Багажъ, отосланный изъ Англіи въ октябрѣ 1854 года, прибылъ лишь 18-го мая 1855 года. 21-го декабря 1854 года приказъ по арміи объявилъ, что королева посылаетъ каждому солдату теплое пальто и шапку, а герцогъ Веллингтонскій выслалъ батальону стрѣлковъ ящикъ съ водкой-бранди по разсчету дюжины бутылокъ на каждаго офицера. Цѣлую зиму солдаты съ нетерпѣніемъ ждали королевскаго подарка, а офицеры герцогскаго. Увы, бранди и теплая одежда приплыли лишь весной, когда холода прошли и надо было скрываться подъ тѣнь отъ палящихъ лучей южнаго солнца. Заболѣваніе и смертность естественно дѣлали свое дѣло безпрепятственно при такой обстановкѣ. «Люди страдаютъ ужасно,—пишетъ авторъ,—въ началѣ января 1855 года среднимъ числомъ около тысячи солдатъ по болѣзни выбываетъ изъ строя». Въ траншеи пришлось по недостатку здоровыхъ людей высылать, вмѣсто обычнаго числа шестисотъ, только 150 солдатъ. Болѣзни, холодъ, русскія пушки и долгая стоянка безъ яснаго конца впереди пріучили англійскихъ солдатъ смотрѣть на себя, какъ на приговоренныхъ къ смерти. Когда 28-го января прибыла партія въ 200 рекрутовъ, англійскіе солдаты встрѣтили ихъ такимъ безнадежнымъ привѣтствіемъ: «Бѣдные товарищи, недолго вамъ придется погулять до госпиталя!» Кромѣ постоянныхъ работъ надъ устройствомъ батарей, причемъ англичане горько жаловались, что на ихъ дюлю достался грунтъ болѣе тяжелый, чѣмъ французамъ, солдаты должны были таскать на себѣ всѣ пушки изъ Балаклавы, ибо лошадей не хватало, а грязь стояла выше колѣна, грязь липкая, известковая, которую авторъ писемъ сравниваетъ съ разведеннымъ гипсомъ. Чтобъ двинуть 24-хъ фунтовую пушку требовалось усиліе 84 солдатъ, а 68-ми

фунтовую везли обыкновенно цѣлымъ батальономъ. Къ недостатку теплой одежды прибавился еще износъ мундировъ и штановъ, рвавшихся быстро объ острые колючки мѣстнаго кустарника. Послѣ каждаго сраженія британскіе солдаты набрасывались на раненыхъ и убитыхъ русскихъ, снимая съ нихъ одежду, а въ особенности высокіе сапоги, очень цѣнимые врагами. Французы, въ началѣ кампаніи, относительно хорошо одѣтые и накормленные, въ этихъ случаяхъ довольствовались обшариваніемъ однихъ кармановъ у лежащихъ на полѣ битвы. Среди офицеровъ англійскаго корпуса былъ также полнѣйшій маскарадъ,—каждый одѣвался во что приходилось. Авторъ писемъ былъ очень счастливъ, когда ему удалось купить чистую рубашку и женскую мантилью на заячемъ мѣху. Главныя нареканія за такія лишенія, конечно, относились къ штабу. Авторъ книги не можетъ скрыть зависти, что квартира главнокомандующаго въ Балаклавѣ пользуется всѣми удобствами, и выражаетъ недовольное удивленіе, увидѣвъ Роглана такимъ, «какъ будто онъ и не былъ на войнѣ». Дѣйствительно, кромѣ лишеній, были другія причины жаловаться на штабъ. Онъ усердно донималъ офицеровъ и денежнымъ способомъ. Такъ, за пропажу офицерскаго багажа, англійскій штабъ выдавалъ крайне мизерное вознагражденіе, а когда разнесся слухъ о мирѣ, далеко до настоящаго мира, то, чтобъ не оставлять за казной транспортныхъ лошадей, стоившихъ дорого и сдѣлавшихся излишними съ проведеніемъ желѣзной дороги, ихъ стали обязательно раздавать офицерамъ по цѣнамъ очень высокимъ. Съ автора писемъ казна потребовала восемь фунтовъ (болѣе 80 руб.) за пони, тогда какъ ему самому на базарѣ предлагали за прекраснаго арабскаго коня всего одинъ фунтъ (около 10 р. 50 к.). Британскіе офицеры и солдаты громко роптали и тосковали, а встрѣчаясь съ высшимъ начальствомъ, безъ церемоніи выражали свои упреки. На Рождествѣ 1855 года, напримѣръ, англійскій главнокомандующій лордъ Рогланъ встрѣчаетъ солдата второй дивизіи и ласково спрашиваетъ его:

— Ну, милый другъ, надѣюсь, что ты имѣлъ хорошій обѣдъ для праздника?

— Такъ точно, ваше—ство,—отвѣчаетъ солдатъ:—я получилъ ровно одну порцію угля.

Уголь тогда раздавали для согрѣванія палатокъ на манеръ восточнаго «мангала»—жаровни. Послѣ неудачной іюньской атаки на Реданъ[1]) и Малаховъ одного раненаго англійскаго офицера принесли на мѣсто, гдѣ стоялъ Рогланъ. Главнокомандующій подошелъ къ нему и освѣдомился о ранѣ.

---

[1]) Я пишу эту статью за границей и потому не имѣю возможности замѣнять иностранныя названія нашихъ севастопольскихъ твердынь русскими именами.
А. М.

— Я никогда во всю мою жизнь не видалъ подобнаго образчика несчастныхъ ошибокъ, — отвѣтилъ ему офицеръ: — насъ бьютъ на убой какъ свиней, и ни одна душа не повернется на подмогу намъ!

Рогланъ благоразумно отошелъ прочь отъ раздраженнаго страдальца. Все это взятое вмѣстѣ не могло, конечно, держать духъ англійскихъ войскъ высоко. Авторъ много разъ въ разное время пишетъ, что солдаты неохотно идутъ на аванпосты, и еще чаще приводитъ случаи, когда англійскіе дежурные отряды въ траншеяхъ были захвачены русскими врасплохъ и бѣжали, не смотря на отвагу ихъ офицеровъ. Бо́льшій порядокъ водворился лишь по смерти Роглана, которую войска чуть не праздновали, какъ и вѣсть о паденіи кабинета Абердина. При новомъ начальникѣ, генералѣ Симпсонѣ, солдаты были окончательно помѣщены въ деревянные бараки, числомъ до двадцати тысячъ штукъ, привезенные изъ Англіи, стоившіе по 50 фунтовъ каждый (около 550 р.) и проданные по заключеніи міра Россіи, какъ повѣствуетъ авторъ, по 7 шиллинговъ за штуку (менѣе 4 рублей). Въ Балаклавѣ устроили тогда складъ казенной провизіи и запасовъ, продававшихся по цѣнамъ Англіи, такъ что дорогой базаръ грековъ, евреевъ и мальтійцевъ уничтожился самъ собой. Авторъ, какъ военный врачъ, часто находился на аванпостахъ, имѣлъ командировки въ разныя стороны, но объ англійской общинѣ сестеръ милосердія, организованной во вторую половину войны госпожей Нейтингель, упоминаетъ лишь какъ о работающихъ въ Балаклавѣ. На передовые посты ни одна сестра не появлялась. Между тѣмъ и докторовъ не хватало. За батареями была вырыта яма, гдѣ и производились перевязки раненымъ и складъ ихъ. Въ ближайшемъ же госпиталѣ старшій докторъ обыкновенно спрашиваетъ: «Что хочешь поѣсть?» Больные заказываютъ себѣ разныя блюда, а прислуга по возможности исполняла ихъ прихоти.

Передавъ общую картину жизни британскаго лагеря подъ Севастополемъ, заимствуя ее изъ названной книги, я считаю болѣе удобнымъ привести въ хронологическомъ порядкѣ записи автора о событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ во время кампаніи, пропуская, разумѣется, все, что не можетъ имѣть интереса.

Начнемъ эти выписки съ 21-го ноября 1854 года. Подъ этимъ числомъ авторъ, между прочимъ, писалъ: «Чувствуется недостатокъ въ энергіи руководителей; солдаты и офицеры поэтому смотрятъ на всю эту войну какъ на простой фарсъ... Сегодня русскій дезертиръ сказалъ, что завтра русскіе собираются сдѣлать второе нападеніе на Балаклаву... Принесли двухъ раненыхъ русскихъ солдатъ; у обоихъ переломлена пулей берцовая кость; сдѣлали подъ хлороформомъ ампутацію. Одинъ изъ нихъ настоятельно убѣждалъ, что онъ полякъ, надѣясь, вѣроятно, что этимъ онъ заслужитъ особую заботливость о себѣ... Лейтенантъ стрѣлковой бригады Трейонъ съ

маленькой командой тихонько ночью подобрался къ ямѣ, изъ которой русскіе стрѣляли въ работающихъ на траншеѣ англичанъ, перебилъ всѣхъ русскихъ и отнялъ яму. Храбрый лейтенантъ и и семеро изъ солдатъ пали жертвой этого опаснаго предпріятія. Мы почти не стрѣляемъ въ ожиданіи подвоза артиллерійскихъ снарядовъ. Генералъ Канроберъ хочетъ атаковать Севастополь, но Рогланъ не соглашается, предсказывая, что атака потребуетъ слишкомъ много жертвъ и городъ нельзя будетъ удержать, пока форты его и русскія суда не уничтожены... Англійскіе друзья не узнали бы своихъ офицеровъ, офицеры и солдаты одинаково грязны и въ лохмотьяхъ, съ постарѣвшими отъ заботъ лицами. Гордость британскаго офицера сильно понизилась съ той поры, какъ онъ превратился въ собственнаго слугу: теперь не рѣдкость встрѣтить офицера верхомъ на клячѣ, съ привязанными къ сѣдлу окороками, мѣшкомъ съ сыромъ и съ бутылкой бранди, торчащей изъ кармана.. Но это продолжится не долго, черезъ двѣ недѣли мы будемъ въ Севастополѣ». Та же надежда повторяется и 27-го ноября, когда авторъ пишетъ: «атака на городъ назначена на 15-е декабря; генералъ Бароге д'Ильеръ съ 80 тысячъ французовъ предполагаетъ высадиться на сѣверную сторону. Многіе сангвиники собираются кушать свой рождественскій обѣдъ въ стѣнахъ Севастополя. 1-го декабря. Впалыя щеки и опущенные взоры солдатъ краснорѣчиво говорятъ о ихъ положеніи; даже бороды, разрѣшенныя имъ, не скрываютъ печальнаго выраженія ихъ лицъ. Мы ждали русской атаки 29 ноября, въ день рожденія императора Николая, и готовились встрѣтить ее... Я не пойду на аванпосты восемь дней съ ряду, т. е. вѣрнѣе болѣе никогда не пойду, ибо въ эти восемь дней Севастополь долженъ сдаться. 5-го декабря: Лордъ Данкелинъ (Dunkellin), сынъ графа Кленликерда, возвращаясь съ своимъ отрядомъ поздно вечеромъ, ошибся тропинкой и попалъ чуть не вплотную на русскій пикетъ. Солдаты его крикнули «Russians!» и дали тягу, оставивъ своего офицера на произволъ судьбы. Лордъ, разумѣется, попалъ въ плѣнъ. Иной былъ случай съ офицеромъ алжирскаго корпуса французской арміи, который вдругъ вскочилъ въ англійскій аванпостъ съ восклицаніемъ: «Какъ я радъ, что попалъ къ русскимъ; я боялся, что англичане станутъ стрѣлять въ меня!» Онъ также ошибся дорогой и былъ донельзя разстроенъ, узнавъ, что онъ попалъ не къ русскимъ, а къ англичанамъ. На другой день его отвели въ главную квартиру, откуда передали его французскимъ властямъ. Тамъ его судили по полевымъ законамъ и разстрѣляли... Мы прочитали въ «Лондонской Газетѣ» депешу лорда Роглана, описывающую сраженіе при Инкерманѣ. Пристрастіе и невѣрность ея произвела общее впечатлѣніе неудовольствія. Тѣ, которые принимали участіе въ этомъ боѣ, единогласно утверждаютъ, что онъ описанъ невѣрно, что̀, впрочемъ, неудивительно, ибо главнокомандующій прибылъ на мѣсто сра-

женія лишь въ концѣ боя. Назначеніе наградъ встрѣчено какъ полное оскорбленіе справедливости. Дивизіонные и бригадные генералы, хотя и присутствовали на полѣ битвы, но всѣ подтверждаютъ, что они не отдали ни одного приказа о расположеніи войскъ. Все дѣло было неожиданностью и сразу перешло на рукопашную между полками и ротами... Офицеры весь день распоряжались самостоятельно... Если бы была устроена надлежащая защита, не было бы столь огромныхъ жертвъ людскихъ жизней. Только теперь строятъ батареи и ставятъ на нихъ пушки. Наши шефы до сихъ поръ думали, что горы и котловины не позволятъ русскимъ атаковать насъ съ этой стороны... Союзники шибко подготовляются къ генеральной атакѣ. Надняхъ одинъ инженерный офицеръ побывалъ тайкомъ въ Севастополѣ, узналъ наиболѣе удобный путь для атаки и держитъ пари на сто фунтовъ, что мы будемъ въ городѣ ранѣе Рождества. Мы почти не отвѣчаемъ на русскую канонаду. Почему? Смѣются, будто нашъ штабъ бережетъ снаряды, чтобъ стрѣлять ими изъ русскихъ пушекъ. 20-го декабря. Всѣ войска были наготовѣ, ожидая атаку русскихъ. Однако, день прошелъ мирно. 21-го декабря. Новое ожиданіе атаки. Около полуночи дали знать, что русскіе идутъ, и точно они появились у самыхъ траншей прежде, чѣмъ успѣли собраться наши люди. Аванпостъ въ паникѣ бѣжалъ, и никакія усилія офицеровъ не могли остановить его. Мы потеряли 8 убитыми и ранеными. Русскіе забрали одѣяла да бутылку съ водкой и ушли обратно. 1855 года 1-го января. Слухъ, что наши батареи завтра откроютъ огонь, который будетъ продолжаться сорокъ восемь часовъ, послѣ чего мы пойдемъ штурмомъ на Мамелонъ и другіе форты Севастополя. 5-го января. Французы имѣютъ 160 пушекъ на своихъ позиціяхъ, они пододвинулись на 150 шаговъ къ русскимъ батареямъ, такъ что ихъ стрѣлки подбиваютъ всѣхъ русскихъ артиллеристовъ и русскіе не могутъ долѣе стрѣлять при дневномъ свѣтѣ. Французы ждутъ только нашей помощи, чтобъ начать бомбардировку... Солдатъ 23 et Fusiliers, который былъ взятъ въ плѣнъ при Инкерманѣ и былъ потомъ вмѣстѣ съ Липранди на высотахъ подъ Балаклавой, бѣжалъ изъ плѣна. Онъ разсказываетъ, что русскія войска одѣты и помѣщены хорошо, но что ихъ очень плохо кормятъ. 8 января. Французы совсѣмъ готовы для атаки и съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждутъ, когда мы уставимъ на мѣсто наши осадныя орудія. 11-го января. Русскіе съиграли было ловкую штуку съ французами нѣсколько ночей тому назадъ. Они атаковали оба конца, французы бросились на защиту этихъ концовъ, а тѣмъ временемъ сильный русскій отрядъ напалъ на ихъ центръ и захватилъ мортиры. Но двѣ ночи спустя французы заставили ихъ заплатить дорого за эту хитрость—они сдѣлали вылазку, много убили и ранили, забравъ 170 душъ въ плѣнъ. Говорятъ, что русская императрица

умерла и что ея послѣднимъ словомъ была просьба о мирѣ. Государь, выслушавъ ее, сердито вышелъ изъ комнаты. Теперь утверждаютъ, что зиму мы проведемъ на бивуакѣ, ожидая весеннихъ подкрѣпленій изъ Англіи, Франціи и Турціи. 25-го января. Толкуютъ, что близкое заключеніе мира несомнѣнно. Французы взяли на себя постройки части нашихъ батарей. Мы все еще посылаемъ на траншеи поротно отъ каждаго полка, тогда какъ вслѣдствіе болѣзней въ нѣкоторыхъ ротахъ всего 6—9 душъ. Оттого наша стража на траншеяхъ очень слаба. 28-го января. Поставили два деревянныхъ барака, каждый на тридцать солдатъ. Генералъ Канроберъ получилъ отъ французскаго императора приказъ торопиться осадой. Можетъ быть, это придастъ энергіи и нашему шефу окончить настоящее ужасное положеніе, которое внушаетъ ненависть всѣмъ и каждому. Въ главной квартирѣ продолжаютъ усиленно увѣрять, что скоро наступитъ миръ. 19-го февраля. Принцъ Альбертъ (покойный супругъ королевы) прислалъ въ подарокъ солдатамъ трубки и табакъ. Постройка желѣзной дороги подвигается медленно. Русскій дезертиръ, увидѣвъ ее, сказалъ: «Эта штука означаетъ паденіе Севастополя!» [1]). Конечно, это предсказаніе сбудется, если русскіе оставятъ дорогу въ покоѣ, но они могутъ также уничтожить ее. 1 марта. Нашъ офицеръ пошелъ осматривать патрули и сталъ возвращаться на батарею не съ конца ея, а по срединѣ. Часовой, увидавъ его и не узнавъ, вдругъ заоралъ: «Идутъ! идутъ! Бѣги, братцы, бѣги!»—произошла паника, и часового наказали. Марта 8. Еще въ декабрѣ заявили, что будетъ теплое платье, а только теперь выдали девять паръ сапогъ на 15 офицеровъ. Лордъ Руссель телеграфировалъ изъ Берлина лорду Роглану о смерти императора Николая и на слѣдующій день лордъ Баргершъ (Burghersh) съ бѣлымъ флагомъ ѣздилъ въ Севастополь и спрашивалъ русскихъ, слышали ли они объ этой новости. Русскіе отвѣчали, что это неправда. Вѣроятно, они желаютъ скрыть непріятное извѣстіе отъ гарнизона. 16-го марта. Русскіе начали постройку батареи на горѣ противъ нашихъ траншей. Французы уже давно избрали это мѣсто для своихъ работъ, но пока собирались, русскіе предупредили ихъ. Мы стояли все время на-готовѣ, а французы дѣлали попытку взять Мамелонъ. Линейныя войска ихъ были отброшены; зуавы взяли траншеи, но не могли удержаться. Они воротились въ страшной досадѣ на армію, рвали себѣ бороды и пр. Планъ атаки измѣненъ. Теперь мы пойдемъ на Реданъ, и наши инженеры ведутъ сапы въ эту сторону. Когда Севастополь сдастся, мы будемъ читать въ газетахъ восхваленіе французской арміи. Здѣсь всѣ глу-

---

[1]) Изъ этихъ словъ ясно, кто такіе были русскіе дезертиры, умѣвшіе такъ ловко льстить врагу. Жаль, что авторъ книги не называетъ ихъ національности, но и безъ того угадать нетрудно, что дезертиры были «не русскіе». А. М.

боко убѣждены, что наши солдаты будутъ штурмовать, а французы пойдутъ по ихъ слѣдамъ и въ слѣдующемъ нумерѣ «Moniteur'a» (французская оффиціальная газета того времени) явится описаніе атаки съ восторженнымъ ѳиміамомъ французской воображаемой отвагѣ. 22-го марта. Французы имѣютъ обыкновеніе отбивать у русскихъ стрѣлковыя ямы, засыпать ихъ и бросать. Русскіе послѣ этого возвращаются, роютъ яму снова и опять стрѣляютъ. Вчера Канроберъ, объѣзжая передовыя работы, обратился къ постамъ съ упрекомъ. «Англичане, взявъ ямы, охраняютъ ихъ,—сказалъ онъ,—а вы бросаете ихъ тотчасъ, какъ захватите!» Докторъ девятаго полка пошелъ къ французамъ, они выстрѣлили въ него и убили наповалъ. Сэръ Браунъ нѣсколько ночей тому назадъ былъ свидѣтелемъ, какъ французы вышли, чтобъ отнять у русскихъ стрѣлковую яму, но лишь только русскіе замѣтили ихъ движеніе и забили въ набатъ, французы тотчасъ вернулись за свои траншеи. Сэръ Браунъ выражаетъ столь сильное негодованіе на такой образъ дѣйствія французовъ, что, говоритъ, предпочелъ бы заключеніе мира въ Вѣнѣ. Наши солдаты также смѣются надъ французами и разсказываютъ между собой: «Десять тысячъ французовъ пускаютъ залпъ за залпомъ въ двѣнадцать... думаешь, въ 12 тысячъ русскихъ?.. нѣтъ, просто въ двѣнадцать русскихъ. Когда залпы кончатся, всѣ двѣнадцать русскихъ вскочатъ на ноги. Вотъ какъ французы стрѣляютъ!» 23-го марта. Въ прошлую ночь русскіе напали на наши передовыя работы. По неизъяснимой случайности, дежурный офицеръ снялъ пикетъ въ самомъ слабомъ мѣстѣ нашей защиты, и русскіе явились на парапетѣ раньше, чѣмъ наши солдаты успѣли схватиться за оружіе. Непріятель вскорѣ отступилъ, взявъ въ плѣнъ нѣсколькихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и виновнаго вышесказанной небрежности. 26-го марта. Устроена читальная комната для офицеровъ — много газетъ и книгъ. 30-го марта. Русскіе не могутъ понять нашей медленности, дающей имъ время укрѣпиться. Перемиріе длилось два часа для уборки убитыхъ съ обѣихъ сторонъ. Одинъ русскій офицеръ, говорящій по-французски, спрашивалъ нашихъ офицеровъ съ насмѣшкой: «Когда же они возьмутъ Севастополь?» Русская батарея Мамелонъ причиняетъ большой вредъ французамъ, ибо она командуетъ надъ ихъ передовыми работами и надъ фортомъ «Викторія». 2-го апрѣля. Генеральное бомбардированіе должно было начаться сегодня, но отложено до четверга, чтобъ дать французамъ время кончить ихъ работу. Вотъ какія глупости ихъ печатныя самохваленія, что они требуютъ штурма и т. п. Желѣзная дорога доставляетъ намъ огромные запасы артиллерійскихъ снарядовъ. Русскіе сосредоточили большія силы на высотахъ, смотрящихъ на долину Черной рѣчки. Обсерваціонный это корпусъ, или готовится на насъ атака,—мы не знаемъ. Но перспектива быть атакованными съ тыла, когда мы заняты

бомбардировкой съ фронта, очень непріятна. 6-го апрѣля. Наши батареи еще не открыли регулярнаго огня. Причина тому, говорятъ, идущіе переговоры въ Вѣнѣ. 8-го апрѣля. Опять русскіе напали неожиданно для стражи, взявъ на штыки пикетъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ получилъ штыковую рану. Около двадцати солдатъ ранены, нѣсколько убитыхъ. 9-го апрѣля. Наконецъ, настаіъ давно ожидаемый день. Не смотря на проливной дождь, батареи открыли страшный огонь по Севастополю. 13-го апрѣля. Четвертый день нестерпимаго треска. Мы имѣемъ много убитыхъ и раненыхъ. Шесть пушекъ сбиты непріятельскимъ огнемъ. У одной пушки восемь матросовъ изъ девяти были убиты на мѣстѣ разорвавшейся бомбой. 16-го апрѣля. Одна изъ русскихъ бомбъ ударилась въ нашъ пороховой магазинъ. Раздался страшный ударъ взрыва, убившій двухъ и сильно ранившій шестерыхъ солдатъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ спокойно спалъ на передовомъ посту, какъ вдругъ на грудь къ нему слетѣлъ камень, оторванный взрывомъ и его снесли въ лазаретъ безжизненнымъ. Русскіе снова сдѣлали нападеніе на насъ. Не понимаю, для чего эта безпрестанная рѣзня людей, безполезная одинаково какъ для насъ, такъ и для нихъ! 20-го апрѣля. Вторая бомбардировка кончилась, говорятъ, потому, что французы отказались атаковать Мамелонъ и Круглую Башню (Малаховъ курганъ), которые какъ разъ противъ ихъ позиціи, во время предположеннаго генеральнаго штурма. Прошлой ночью 77 и 90 полки взяли у русскихъ двѣ ямы, но одна изъ нихъ была вновь отбита русскими. Около пятидесяти солдатъ у насъ ранено и убито; убиты также одинъ полковникъ и одинъ капитанъ. Теперь у насъ царствуетъ убѣжденіе, что надо ждать новыхъ подкрѣпленій и придется еще одну зиму прожить здѣсь до взятія Севастополя. 26-го апрѣля. Мы часто слышимъ въ Севастополѣ музыку оркестра; очень хорошая музыка. Говорятъ, что русскій оркестръ составленъ такъ: у каждаго солдата коровій рогъ, настроенный на одну ноту. Капельмейстеръ стоитъ впереди и палочкой указываетъ, который изъ солдатъ долженъ издать звукъ. Трудная работа у такого капельмейстера [1])! Нашихъ раненыхъ теперь перевозятъ по желѣзной дорогѣ, и мы имѣемъ телеграфъ. 27-го апрѣля. Сэръ Стродфордъ-Редклифъ (британскій посланникъ въ Царьградѣ, одинъ изъ двухъ главнѣйшихъ иниціаторовъ Крымской кампаніи) сегодня осматривалъ войска и укрѣпленія. Конечно, онъ увидѣлъ все въ полномъ благополучіи. Какъ жаль, что онъ не пожаловалъ сюда двумя мѣсяцами раньше: онъ изумился бы тогда и почувствовалъ бы состраданіе. 4-го мая. Говорятъ, что шансовъ на миръ очень мало, и что Ав-

---

[1]) Подобную глупость я слышалъ отъ депутата англійской палаты общинъ и тридцать лѣтъ спустя послѣ Крымской кампаніи, т. е. въ 1885 году.

А. М.

ствія грозить вмѣшаться въ борьбу. Вчера русскіе дѣлали вылазку на французовъ, но потеряли массу убитыми, раненными и плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ попались восемь офицеровъ. Захватили также восемь маленькихъ мортиръ. Французы очень хвастаются этой побѣдой, и дѣйствительно, это едва ли не въ первый разъ, что они удержали то, что взяли. Экспедиція изъ 11 тысячъ французскихъ и англійскихъ войскъ подъ командой Джоржа Брауна отправилась въ Керчь, откуда русскіе главнымъ образомъ получаютъ продовольствіе. Мы надѣемся вскорѣ услышать, что русскимъ нанесенъ тамъ серьёзный ударъ. 14-го мая. Если французы не будутъ сопротивляться, намъ предстоитъ вскорѣ атака на Севастополь. Но мы уже потеряли всякую вѣру въ французовъ, даже ихъ собственные офицеры соглашаются, что французскіе солдаты хуже общаго ожиданія. Они качаютъ головой при мысли о штурмѣ Мамелона, который уже давнымъ давно надлежало взять. Русскіе имѣютъ огромный укрѣпленный лагерь на сѣверной сторонѣ съ сорока или пятидесятью пушками, очевидно, въ предчувствіи нашего нашествія на городъ. Они знаютъ о каждомъ нашемъ движеніи. Говорятъ опять, что шансы на миръ поднялись. Канробера очень бранятъ, что онъ помѣшалъ экспедиціи Брауна отправиться въ Керчь. Онъ это сдѣлалъ, не спросивъ даже согласія лорда Роглана. Между тѣмъ успѣхъ былъ обезпеченъ, ибо Керчь укрѣплена плохо, и русскіе не ожидаютъ нападенія на нее. Браунъ совершенно поссорился съ Канроберомъ за эту помѣху.

13-го мая. Сардинцы очень красиво выглядывающіе солдаты, но они отказались идти на службу въ траншеи: и такъ какъ туркамъ нельзя довѣрять, то нашъ Light Division, посланный было въ командировку, долженъ остаться на мѣстѣ. 25-го мая. Вчера былъ большой смотръ нашей кавалеріи и полевой артиллеріи генералами союзной арміи. Зрѣлище было прекрасное. Особенно красивы наши гусары и драгуны, недавно пришедшіе изъ Индіи на великолѣпныхъ арабскихъ коняхъ. На парадѣ они барашки, въ битвѣ — тигры. Присутствовали лордъ Рогланъ, маршалъ Пелиссье—новый французскій главнокомандующій — Омеръ-паша, дивизіонные генералы и штабы. Турецкіе генералы были одѣты прекрасно—въ синихъ сюртукахъ, разукрашенныхъ золотой тесьмой, и съ драгоцѣнными камнями на ефесахъ саблей. Омеръ-паша былъ настоящимъ золотымъ солнцемъ и имѣлъ дорогіе брилліанты на своей красной фескѣ. У него нѣтъ повелительнаго вида, за то каждая черта выдаетъ въ немъ настоящаго солдата. Я не могъ смотрѣть безъ улыбки на маленькаго и толстаго Пелиссье, напоминавшаго мнѣ ту куклу съ круглымъ дномъ, которая кувыркается при каждомъ прикосновеніи къ ней. На смотру присутствовали также двѣ англійскія леди—одна дочь священника, другая—жена гусарскаго офицера. 28-го мая. Новость о безкровной побѣдѣ была объявлена вчера и

встрѣчена общей радостью всей арміи. Экспедиціонный корпусъ подъ командой Брауна взялъ Керчь въ день рожденія королевы, безъ потерь, захватилъ 50 пушекъ крупнаго калибра и уничтожилъ большой литейный заводъ. Азовское море теперь открыто для союзниковъ флота, что составляетъ весьма важную выгоду. 4-го іюня. Былъ разговоръ снова начать бомбардировку и уже приготовлено много порохового запаса, но случилось неожиданно слѣдующая вещь. Одинъ изъ нашихъ солдатъ благополучно бѣжалъ изъ стрѣлковой ямы къ непріятелю. Тотчасъ русскіе открыли страшный огонь въ магазины нашей передовой траншеи—бѣжавшій солдатъ, должно быть, указалъ имъ это мѣсто. Русскій дезертиръ и нашъ офицеръ, наблюдающій, что дѣлается въ городѣ, докладываютъ, что тамъ совершается большое движеніе. Вѣроятно, бѣжавшій отъ насъ направляетъ атаку. Наши артиллеристы должны были остановить сегодня ночью стрѣльбу изъ мортиръ. Бомбы такъ скверно сдѣланы, что разрываются тотчасъ по вылетѣ изъ дула. Многіе изъ нашихъ очень серьёзно ранены ими. Говорятъ, что эти бомбы заготовлены еще въ 1810 году—только сорокъ пять лѣтъ тому назадъ! 7-го іюня. Началось третье бомбардированіе Севастополя. У насъ взорвало артиллерійскій магазинъ 21-й батареи и испорчено пять амбразуръ. Людямъ приказано собираться къ пяти часамъ вечера. Готовится, значитъ, атака. Дѣйствительно около 5 часовъ 20,000 французовъ прошли мимо, а въ 6 часовъ 30 минутъ съ форта «Викторія» были пущены сигнальныя ракеты и начался штурмъ Мамелона, гдѣ вскорѣ и взвилось трехцвѣтное знамя. Тотчасъ начался и штурмъ Малахова кургана, но непріятель храбро отстоялъ его. Во время этихъ штурмовъ мы усиленно стрѣляли изъ ямъ и сдѣлали попытку нападенія на Реданъ. 8-го іюня. Французы потеряли вчера около двухъ тысячъ; наша потеря сравнительно съ малымъ числомъ нашей арміи также велика. Въ 88-мъ полку убито четыре офицера и три ранены; въ 62-мъ убиты также четыре офицера, въ томъ числѣ полковникъ. Реданъ столь испорченъ нашей бомбардировкой, что выглядитъ хоатической руиной. 11-го іюня. Два дня тому назадъ было перемиріе, продолжавшееся четыре часа для уборки мертвыхъ. Русскіе вполнѣ воспользовались этимъ временемъ. Тотчасъ, какъ сняли бѣлый флагъ, тѣ батареи, которыя до перемирія были совершенно испорчены и молчали, открыли вновь убійственный огонь. Очевидно, что они въ четыре часа успѣли сдѣлать больше, чѣмъ мы обыкновенно успѣваемъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Осматривалъ Мамелонъ и удивляюсь, какъ столь мастерское инженерное произведеніе могло быть столь легко взято. На очереди опять вопросъ—«штурмъ или правильная осада»? Общее мнѣніе стоитъ за первое, ибо ежедневныя потери при осадѣ, взятыя вмѣстѣ, не меньше тѣхъ, которыя потребуются для общей атаки. Солдаты весьма неохотно идутъ на передовую службу, зная,

что тамъ многимъ достанется. Я спрашивалъ нашего инженера, когда же закончатся работы на батареяхъ. Онъ отвѣтилъ, что мы ждемъ прогресса работъ у французовъ, а французы говорятъ, что мы ихъ задерживаемъ. Всѣ до крайности возбуждены этой нескончаемой медленностью. 18-го іюня. Сегодня союзная армія потерпѣла такое пораженіе, какого никто не ожидалъ. Было рѣшено штурмовать одновременно Малаховъ курганъ и Реданъ. На мою долю выпало идти съ полкомъ[1]). Мы вышли въ 12 часовъ ночи. Къ сожалѣнію, я не могу вамъ передать плана атаки, ибо все было измѣнено въ самую послѣднюю минуту, что произвело большой безпорядокъ. Сначала были назначены сто человѣкъ впереди для стрѣльбы черезъ амбразуры въ артиллеристовъ, сто другихъ должны были нести фашины для постройки моста черезъ ровъ и ждать до начала общаго штурма. Затѣмъ, передовыхъ оставили, а матеріалъ для моста роздали батальону и думали, что все это удастся очень легко. Въ три часа ночи подали сигналъ, французы бросились на Малаховъ, мы—на Реданъ. Огонь нашихъ батарей былъ столь сильный, а врагъ отвѣчалъ на него такъ слабо, что мы были увѣрены, что русскія батареи почти уничтожены, и какъ же дорого мы поплатились за это довѣріе къ нашимъ пушкамъ! Молчаніе русскихъ было хитростью; лишь только мы подошли къ подошвѣ холма, какъ изъ каждаго русскаго орудія вылетѣлъ градъ ядеръ и другихъ ужасныхъ снарядовъ. Удивляюсь, какъ солдаты могли подъ такимъ огнемъ идти впередъ. Они дошли до берега рва, успѣли бросить въ него хворостъ, пытаясь сдѣлать мостъ, четверо офицеровъ уже вскочили на него, но тотчасъ же пали подъ градомъ пуль, какъ скошенная трава. Невозможно описать весь ужасъ этой сцены. Шесть или семь часовъ сряду я перевязывалъ массу раненыхъ, не имѣя ни одного помощника при себѣ. И за эти жертвы мы не выиграли ничего. Французы были отбиты отъ Малахова, какъ мы отъ Редана, но мы съ гораздо большими потерями. 22-го іюня. Ходятъ самые разнообразные слухи о причинахъ неудачнаго штурма на Малаховъ и Реданъ. Нѣкоторые приписываютъ ихъ всецѣло французамъ, другіе—не безъ основанія—обвиняютъ наше начальство. Наши инженеры завѣряли, что русскія батареи уничтожены, ошибка, за которую мы столь дорого заплатили. Наша атакующая сила была слишкомъ слаба. Одинъ русскій офицеръ, на другой день послѣ битвы, во время перемирія для уборки тѣлъ сказалъ, что непріятели считали нашу атаку просто ложной тревогой. Онъ смѣялся надъ идеей идти на штурмъ съ тысячью солдатъ, тогда какъ батарея защищена впятеро большимъ

[1]) Предъ походомъ на штурмъ два доктора бросили между собою жребій, кому идти; жребій выпалъ на долю автора, а другой докторъ все время спокойно пролежалъ въ палаткѣ.

числомъ войскъ. Французы атаковали Малаховъ ранѣе назначеннаго времени, и тѣмъ дали врагу возможность скучить войска. Говорятъ, что лордъ Рогланъ, увидѣвъ флагъ на Малаховѣ, принялъ его за трехцвѣтный и вообразилъ, что фортъ уже во власти французовъ. Глубокая печаль царствуетъ во всемъ лагерѣ. Наша потеря 86 офицеровъ 1,495 солдатъ. 29-го іюня. Вчера въ 9 часовъ вечера умеръ Рогланъ. Несомнѣнно, одна изъ причинъ его неожиданной смерти—нервное разстройство послѣ неудачи, ибо со времени ея лордъ былъ боленъ. Браунъ нездоровъ и уѣзжаетъ въ Англію, Кодрингтонъ также. Кромѣ того, два генерала убиты и двое ранены подъ Реданомъ. Команда такимъ образомъ переходитъ къ Симпсону. 6-го іюля. Послѣ полудня я присутствовалъ на похоронной процессіи лорда Роглана, которая отправилась въ четыре часа по направленію къ Казачей бухтѣ. Путь былъ уставленъ шпалерой изъ всей англійской пѣхоты. Но такъ какъ ея не хватило, то на остальной части пути стояли французы. Впереди шелъ нашъ полкъ драгунъ; за ними французскіе драгунскіе и кирасирскіе полки, далѣе французскія и англійскія конныя батареи. Гробъ Роглана везли на девяти-фунтовой пушкѣ, на крышкѣ шляпа съ перомъ и сабля, въ ногахъ плащъ, по бокамъ гроба ѣхали четверо главнокомандующихъ союзной арміи — Ла-Мармора и Пелиссье съ правой, Омеръ-паша и Симпсонъ съ лѣвой стороны; за ними слѣдовала свита. Церемонія имѣла странный видъ — всѣ видѣли въ ней нѣчто въ родѣ праздника... Мы ушли съ нея почти радостные... 20-го іюля. Французамъ прислали кирасы для защиты ихъ при будущемъ нападеніи на Малаховъ. 3-го августа. Всѣ очень довольны новымъ главнокомандующимъ. Онъ завелъ регулярную службу по очереди на траншеяхъ. Кромѣ того, генералъ Симпсонъ приказалъ во время ночныхъ работъ отвѣчать на каждый непріятельскій выстрѣлъ двумя, и это оказалось дѣйствительнымъ средствомъ—русскіе съ той поры почти замолкли. Есть слухъ, что нѣкоторые офицеры отказываются служить подъ первымъ режимомъ, но я не нахожу здѣсь подтвержденія его. Правда, свиты умершихъ генераловъ уѣхали въ Англію, а больные генералы, отправясь на родину, забрали съ собой своихъ адъютантовъ, но вѣдь остальные не свободны. Если бъ дали возможность уѣзжать, я думаю, мало бы кто задумался воспользоваться ею. Было, впрочемъ, маленькое происшествіе въ этомъ родѣ. Одинъ храбрый капитанъ послалъ просьбу объ отставкѣ, мотивируя ее такимъ образомъ: «Какъ я могу помирить свою совѣсть и ежедневную мольбу Господу о спасеніи съ службой на траншеяхъ, гдѣ я самъ подвергаю опасности свою жизнь!?» Прошлой ночью русскіе опять безуспѣшно дѣлали противъ насъ вылазку. Не смотря на жаркій стрѣлковый огонь, дѣло обошлось вполнѣ благополучно, у насъ нѣтъ ни раненыхъ, ни убитыхъ. 13-го августа. Вся армія была прошлой ночью на ногахъ,

то же у французовъ и на Черной рѣчкѣ. Ходилъ слухъ, что русскіе предполагаютъ сдѣлать генеральную атаку. У насъ былъ выработанъ такой планъ: при приближеніи русскихъ снять аванпостъ, допустить ихъ къ нашимъ работамъ и прогнать ихъ вправо, гдѣ ихъ приняли бы въ перекрестный огонь, и по пятамъ ихъ отправиться въ Севастополь. Русскіе, однако, не явились... Бомбардировка отложена до 15-го августа, дня рожденія императора Наполеона. 16-го августа. Тишина утренней зари была вдругъ потрясена громкимъ огнемъ въ долинѣ Черной рѣчки, занятой войсками Сардиніи, Турціи и отчасти французскими. Около 50-ти тысячъ русскихъ спустились внизъ и открыли жестокую пальбу изъ полевыхъ орудій. Русскіе шли и стояли очень большими компактными массами. Какая у нихъ была цѣль,—трудно догадаться. Вначалѣ мы думали, что это ложная тревога, за которой послѣдуетъ штурмъ на наши укрѣпленія. Ждали день и ночь. Въ этой битвѣ впервые участвовали сардинцы и вели себя превосходно, что̀ очень подняло ихъ упавшій отъ бездѣйствія духъ. Въ 10 часовъ утра, русскіе были отбиты и удалились. Мы и французы подняли раненыхъ русскихъ около 1,400, погребли ихъ около 2-хъ тысячъ и забрали до 500 въ плѣнъ, въ томъ числѣ трехъ генераловъ. Потеря французовъ 400, сардинцевъ 200. Послѣ полудня я ѣздилъ на поле битвы. Все оно покрыто ранеными и трупами русскихъ воиновъ. Французы ходятъ по полю и обираютъ раненыхъ, крадя у нихъ ордена, деньги и проч., хотя съ русскихъ позицій огонь не прекращается. 17-го августа. Поле сраженія все еще покрыто тѣлами; я былъ очень счастливъ, увидя, что наши солдаты поятъ водой русскихъ раненыхъ, не могущихъ двигаться. Большая часть ихъ выглядываетъ хорошо кормленными, но они очень дурно одѣты, особенно поношены у нихъ сапоги. Физіономіи ихъ такія отвратительныя, какихъ я никогда не видывалъ: они похожи на преступниковъ самаго низкаго свойства[1]). 24-го августа. На одномъ изъ двухъ русскихъ генераловъ, павшихъ при битвѣ на Черной рѣчкѣ, найдена переписка съ главнокомандующимъ въ Севастополѣ. Генералъ просилъ доставки провизіи и подкрѣпленій, а Остенсакенъ отвѣчалъ ему, что въ Балаклавѣ онъ найдетъ провизіи болѣе, чѣмъ нужно. Эта находка пояснила намъ истинное значеніе битвы и русскихъ намѣреній. Черезъ два часа послѣ начала битвы изъ Лондона пришла телеграмма нашему главнокомандующему съ извѣщеніемъ, что въ такомъ-то мѣстѣ русскіе предполагаютъ сдѣлать капитальное нападеніе. Удивительно, какъ узнали столь заблаговре-

[1]) Такому сужденію англичанина не слѣдуетъ удивляться. Застѣнчивость, столь свойственная русскому человѣку, въ Англіи привилегія лишь уличенныхъ преступниковъ, а нахальная и презрительная гордость—щегольство. А. М.

менно о русскомъ намѣреніи въ Лондонѣ. Теперь извѣстны въ точности русскія потери на Черной рѣчкѣ, а именно:

Французы передали русскимъ во время часовъ перемирія	3,333	тѣла.
Французы погребли	1,500	тѣлъ.
Снято съ поля битвы раненыхъ	3,000	душъ.
Взято въ плѣнъ	500	
Итого. . .	8,333	

«Это ужасная потеря сравнительно съ малыми жертвами французовъ и сардинцевъ. Объяснить ее можно единственно тѣмъ, что русскіе стояли въ очень скученномъ порядкѣ, и союзная тяжелая артиллерія рвала у нихъ людей цѣлыми рядами. 27-го августа. Сегодня нашъ константинопольскій посланникъ, лордъ Стродфордъ де Редклифъ, раздавалъ отъ имени королевы ордена. Нѣсколько ночей мы стояли наготовѣ, ожидая атаки. Говорятъ, что у русскихъ чувствуется сильный недостатокъ провизіи. Они построили мостъ, соединяющій сѣверную часть бухты съ южной. Нѣсколько дней тому назадъ въ Севастополь вступила императорская гвардія. Рѣшено, что мы сдѣлаемъ отводъ на Реданъ, а французы будутъ въ это время брать штурмомъ Малаховъ. Русскіе сдѣлали на нихъ опять вылазку. По этому поводу французы выражаютъ удивленіе, отчего русскіе нападаютъ все на ихъ укрѣпленія, а не атакуютъ англійскихъ, на которыхъ стража всегда вчетверо слабѣе? Мы не отвѣчаемъ имъ, не желая обижать откровеннымъ объясненіемъ, что считаемъ одного нашего солдата стоющимъ, по меньшей мѣрѣ, четырехъ французовъ. 3-го сентября. Ожидается нападеніе русскихъ съ фронта и съ Черной рѣчки. У нихъ на Макензіевыхъ высотахъ, кромѣ артиллеріи и кавалеріи, до 90 тысячъ пѣхоты. Для встрѣчи этой части союзники приготовили 100 тысячъ, а 50 или 60 тысячъ для отбитія атаки съ фронта. 7-го сентября. Идетъ такая пальба изъ всѣхъ союзныхъ батарей, какой до сей поры еще не было. Двѣ ночи тому назадъ я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ непріятельское судно въ заливѣ сгорѣло до тла. Спектакль былъ роскошный, пожаръ ярко освѣщалъ даже нашъ лагерь. Неизвѣстно, наша или французская ракета зажгла судно, а можетъ, сами русскіе спалили его, чтобъ не отдавать намъ. Идутъ величайшія приготовленія къ генеральному штурму. Три тысячи сардинцевъ выступили на передовую линію. Нашимъ людямъ приказали взять провизіи на два дня и собраться къ шести часамъ вечера. 10-го сентября. Кончился тяжелый кошмаръ—Севастополь палъ. Нѣтъ словъ описать всеобщую радость. Это великая побѣда, но куплена она очень дорого. Русскіе потеряли неимовѣрное число людей,—до сихъ поръ приносятъ ихъ раненыхъ, хотя уборка ихъ началась еще вчера съ ранняго утра. Много нашихъ раненыхъ найдено въ городѣ въ

ужасномъ положеніи. Они были взяты русскими въ плѣнъ, и русскіе, отступая въ торопяхъ, оставили ихъ безъ пищи и питья, имѣли даже варварство снять съ нихъ рубашки. На разсвѣтѣ 8-го числа начался сильный огонь изъ союзныхъ батарей на Малаховъ и Реданъ. Наша штурмовая колонна была готова къ девяти часамъ, а французская къ семи, такъ какъ она должна была начать атаку раньше насъ. Въ десять часовъ батареи смолкли, но въ одиннадцать съ половиной бомбардировка возобновилась. Ровно въ полдень началось дѣло. Французы бросились на Малаховъ и застигли русскихъ врасплохъ въ ту минуту, когда на батареяхъ происходила смѣна стражи. Они застали русскаго генерала за завтракомъ,—до такой степени русскіе были неготовы встрѣтить атаку. Пошли и наши войска. Когда мы добрались уже до парапета безъ малѣйшаго сопротивленія, то застали тамъ лишь пять человѣкъ стражи, двухъ изъ нихъ прикончили штыкомъ, остальныхъ забрали въ плѣнъ. Но въ эту минуту русскій гарнизонъ забилъ тревогу и войска, сбитыя съ Малахова французами, хлынули на Реданъ. Наши были немедленно отброшены даже ранѣе, чѣмъ успѣли забить всѣ пушки. Русскіе открыли ужасную ружейную стрѣльбу, и вторая атака также не удалась. Вторая и Light Division составляли нашу штурмовую колонну, вмѣстѣ съ гвардіей и Highbanders. Въ одной Light Division у насъ болѣе 1,500 убитыхъ и раненыхъ. Въ теченіе ночи мы слышали много громкихъ взрывовъ, которые дѣлалъ непріятель, покидая Реданъ. Если бъ наши люди и взяли его, то ихъ разорвали бы на куски русскія мины. Пожаръ виднѣлся во многихъ частяхъ города, горѣли и суда въ заливѣ. Взрывы слышались и тамъ. Кругомъ нашего лагеря былъ поставленъ караулъ, не пускавшій людей въ городъ въ виду опасности отъ взрывовъ. Французы же то и дѣло возвращались изъ города, нагруженные добычей. На бастіонѣ de Mât и на Маломъ Реданѣ французы были отбиты съ огромной потерей. Несомнѣнно, та же участь ждала ихъ и на Малаховомъ курганѣ, если бъ не оплошность русскихъ военноначальниковъ, за которую мы должны возносить благодарственныя молитвы Провидѣнію. Французовъ бранятъ за то, что они не навели пушки Малахова на Реданъ, надъ которымъ Малаховъ командуетъ; если бъ они сдѣлали это, результатъ нашей атаки былъ бы иной. Крупная непредусмотрительность [1]). Чистая потѣха было видѣть вчера штурмовую колонну французовъ при возвращеніи ея

[1]) Извѣстно, что французы въ свою очередь обвиняли англичанъ просто въ трусости и жестоко надсмѣялись надъ ними слѣдующимъ образомъ: англичане очень приставали къ хорошенькой французской маркитанткѣ, и она жаловалась на нихъ соотечественникамъ; послѣдніе посовѣтовали ей послѣ неудачной англійской атаки надѣть на себя бумажку съ надписью «Реданъ», считая это лучшимъ средствомъ избавить маркитантку отъ приближенія къ ней британскихъ любезниковъ. А. М.

изъ города въ лагерь. Солдаты были нагружены всевозможными вещами, начиная отъ мебели, платья, украшеній и т. п. Впереди шелъ барабанщикъ въ бѣломъ кружевномъ чепцѣ на шапкѣ, многіе солдаты несли развернутые цвѣтные зонтики. Пальто, обѣденные столы, кресла, сапоги и почти всякая вещь домашняго обихода виднѣлась тутъ въ солдатскихъ рукахъ, даже птицы, кошки и одна свинья! Теперь и я сижу съ великимъ удовольствіемъ на креслѣ, купленномъ у французскаго солдата за шиллингъ. 20-го сентября. Light Division сегодня дѣлала парадъ для раздачи ей крымскихъ медалей. Во многихъ полкахъ и у нѣкоторыхъ генераловъ сегодня былъ обѣдъ въ честь побѣды. Русскимъ мы опять дали время собраться съ силой на сѣверной сторонѣ, откуда они стрѣляютъ и бьютъ нашихъ. 1-го октября. Составлена комиссія изъ высшихъ офицеровъ союзныхъ армій для распредѣленія добычи. Добыча эта состоитъ изъ пяти тысячъ орудій разнаго калибра, 328 тысячъ фунтовъ пороха и массы бомбъ и проч. Вотъ какъ была ошибочна наша вѣра, что у русскихъ не хватаетъ боеваго матеріала! 5-го октября. Экспедиціонный корпусъ въ 9 тысячъ солдатъ отправился куда-то; куда — это секретъ для насъ. Князь Горчаковъ предложилъ очистить Крымъ, если русскимъ войскамъ будетъ дозволено уйдти съ военной честью и забравъ всѣ свои запасы. Въ этомъ ему, конечно, было отказано. 9-го октября. Союзные генералы рѣшили не предпринимать никакихъ серьёзныхъ дѣйствій до весны. 18-го октября. Великая новость дня! Маршалъ Пелиссье произведенъ въ званіе «Севастопольскаго герцога», а нашъ генералъ Симпсонъ получилъ титулъ «баронессы де Реданъ», ибо мужской титулъ ему не къ лицу»...

На этомъ днѣ мы прекращаемъ выписки изъ писемъ автора, а изъ остальныхъ страницъ его книги приведемъ лишь общую картину пребыванія непріятелей на русской территоріи. 14-го ноября случился въ Севастополѣ взрывъ. Перепугъ былъ страшнѣйшій, и генералъ Кодрингтонъ, услыхавъ трескъ, вскочилъ въ радости и воскликнулъ:

— «Наконецъ-то! русскіе взрываютъ свои форты на сѣверной сторѣ и уходятъ прочь!»

Русскій дезертиръ изъ венгровъ долго безпокоилъ союзниковъ пророчествомъ, что русскіе намѣреваются сдѣлать нападеніе съ Макензіевыхъ высотъ. Англичане, по приходѣ въ Севастополь, устроились съ комфортомъ, кое-какъ сочинивъ въ разрушенныхъ домахъ крыши и стѣны. Французы, напротивъ, терпѣли страшную нужду отъ холода и голода; ихъ солдаты ходили просить милостыню въ англійскій лагерь. На Рождествѣ британцы организовали на Черной рѣчкѣ скачки при необыкновенной обстановкѣ. На непріятельской сторонѣ собралось до ста тысячъ зрителей; въ разведенномъ нарочно садикѣ сидѣли высшіе чины; на другой сторонѣ рѣки стояли

массы русскихъ. Нашимъ генераломъ были посланы приглашенія на праздникъ, но они отклонили его; нѣкоторые русскіе офицеры, впрочемъ, переплыли рѣку и явились въ гости къ врагамъ, еще не покинувшимъ русскую территорію. Играли многочисленные оркестры музыки. Французы въ свою очередь на Воронцовской дорогѣ въ ресторанчикѣ устроили танцклассъ, гдѣ дамами были только маркитантки, да изрѣдка переодѣтые въ дамское платье безбородые румяные британскіе юноши, сначала увлекавшіе мистифицированныхъ французиковъ, а потомъ, когда обнаруживался мужской полъ этихъ прелестницъ,—приводившіе французовъ въ бѣшенство. Грабежъ Севастополя продолжался долго. Еще въ половинѣ сентября авторъ книги купилъ у французскаго солдата вышитый напрестольникъ, взятый съ алтаря въ севастопольской церкви. Авторъ послалъ этотъ напрестольникъ какъ курьезную вещь въ Лондонъ, въ подарокъ отцу, оправдываясь, однако: «Не подумайте,—писалъ онъ,— что я самъ совершилъ святотатство, о нѣтъ, я только купилъ эту вещь, какъ удобную для посылки». Въ февралѣ, англичане устроили нѣчто въ родѣ театра въ Севастополѣ, гдѣ солдаты изображали кордебалетъ, пѣвцовъ и чучелъ для живыхъ картинъ. Декорація представляла слѣдующую аллегорію, нарисованную офицерами—посреди турокъ, котораго мнутъ съ одной стороны Россія, съ другой союзники, а на полу сидитъ Пруссія съ бутылкой шампанскаго въ рукахъ. 4-го февраля, главнокомандующіе враговъ съ блестящей свитой отправились на высоты Севастополя и любовались на уничтоженіе порохомъ и огнемъ форта Николая, казармъ и магазиновъ. Врагъ, уходя, не хотѣлъ оставить ихъ намъ въ относительно цѣломъ видѣ. Тогда же въ англійскомъ лагерѣ случился большой конфузъ — одинъ изъ ихъ раненыхъ солдатъ, нанявшійся на службу, чтобъ избѣжать на родинѣ наказаніе за грабежъ церкви, убилъ своего товарища по госпиталю, чтобъ воспользоваться его маленькими деньгами. Пришлось праздновать побѣду повѣшеніемъ преступника, и для примѣра на это зрѣлище было собрано по тысячѣ душъ отъ каждой британской дивизіи. Въ воскресенье, въ двадцатыхъ числахъ февраля, состоялся первый парадъ у англичанъ послѣ взятія Севастополя, на которомъ присутствовало до 23,000 солдатъ, и французскій главнокомандующій раздавалъ британцамъ французскія медали за храбрость. 29-го февраля, заключено перемиріе. Эта важная церемонія, по словамъ автора, произошла на трактирномъ мостикѣ, положенномъ черезъ Черную Рѣчку посрединѣ между русскими и французскими аванпостами. Французы вывѣсили бѣлый флагъ ровно въ полдень. Тотчасъ главнокомандующіе обѣихъ сторонъ сошлись и обмѣнялись подписью на документахъ. Съ той поры русскіе солдаты стали дружиться съ врагами и на рѣчкѣ образовалось нѣчто въ родѣ базара, гдѣ новые друзья обмѣнивались и продавали другъ другу разную мелочь. На мѣстѣ перемирія французы

принялись разводить садъ и строить обширный павильонъ, предполагая дать въ немъ балъ, причемъ приглашенія были разосланы русскимъ дамамъ даже въ Симферополь. Авторъ выражаетъ въ письмѣ отъ 21-го марта сомнѣніе въ томъ, что русскія дамы пріѣдутъ, но не сообщаетъ, удостоилъ ли онъ своимъ присутствіемъ праздникъ враговъ. Далѣе начались поѣздки британцевъ въ русскій лагерь и описаніе его грязи... Въ концѣ мая опять были парады для взаимной раздачи знаковъ отличія, и только въ концѣ іюня 1856 года, авторъ отплылъ на транспортномъ суднѣ вонъ изъ Россіи...

Англія воздвигла въ честь крымской побѣды огромный памятникъ славы на одной изъ самыхъ бойкихъ площадей Лондона. Стоила ли британская армія этого памятника,—краснорѣчивый отвѣтъ въ вышеприведенныхъ письмахъ англичанина, не предназначавшаго ихъ для печати и рѣшившагося опубликовать лишь черезъ тридцать лѣтъ послѣ войны.

А. Молчановъ.





КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны Иваномъ Бычковымъ. Спб. 1887. 8°. 199 стр.

ОТЧЕТЫ Императорской Публичной библіотеки представляли всегда и продолжаютъ представлять до настоящаго времени весьма существенный, нетолько библіографическій, но даже и литературный интересъ. Интересъ этотъ на столько великъ, что нѣкоторые годы отчетовъ, печатаемыхъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, были въ свое время быстро раскуплены, составляютъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость, и мы не знаемъ ни одной частной библіотеки, которая бы могла похвалиться тѣмъ, что обладаетъ полнымъ собраніемъ «отчетовъ» Публичной библіотеки за всѣ годы.

«Отчетъ» нынѣшняго года пріобрѣтаетъ особенный интересъ потому, что заключаетъ въ себѣ объемистую и прекрасную статью И. Аѳ. Бычкова, которая явилась и отдѣльною книгою, въ видѣ особаго оттиска изъ «Отчета». Эта статья составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ общую сокровищницу русскаго историко-литературнаго матеріала, и дополняетъ біографію Жуковскаго (до сихъ поръ еще далеко не полную и неясную) множествомъ весьма важныхъ подробностей,—даетъ даже возможность заглянуть въ самые тайные, самые сокровенные уголки его чистой, истинно-поэтической души. Съ другой стороны, статья Ив. Аѳ. Бычкова доставляетъ весьма богатый библіографическій и критическій матеріалъ, нетолько пополняющій послѣднее изданіе сочиненій поэта массою новыхъ варіантовъ, отрывковъ, набросковъ, но даже и цѣльными, до сихъ поръ еще нигдѣ не напечатанными произведеніями Жуковскаго. Въ числѣ послѣднихъ упомянемъ о весьма замѣчательномъ переложенія «Слова о полку Игоревѣ» и о большомъ отрывкѣ изъ А г а с ѳ е р а (Странствующій жидъ), который г. Бычкову было не легко извлечь изъ очень запутанной и неразборчивой рукописи. Но услуги, оказанныя статьею

Ив. Аѳ. Бычкова не исчерпываются этими важными дополненіями извѣстнаго намъ запаса поэтическихъ произведеній Жуковскаго: онъ доставляетъ намъ возможность заглянуть въ самую сущность творчества поэта, знакомитъ насъ съ внутреннимъ механизмомъ его творческой дѣятельности и даетъ полную возможность многое въ произведеніяхъ Жуковскаго прослѣдить отъ зарожденія первой мысли въ головѣ поэта, отъ перваго черновоrо наброска въ памятной книжкѣ до послѣднихъ поправокъ уже готоваго текста. Этихъ важныхъ результатовъ г. Бычковъ достигаетъ тѣмъ, что печатаетъ бумаги Жуковскаго, по всѣмъ отдѣламъ, въ строго хронологическомъ порядкѣ, а тетради «разныхъ годовъ, но относящіяся до одного какого либо произведенія (напр. до перевода Одиссеи)», помѣщаетъ непосредственно одна за другою», приводя ихъ, такимъ образомъ, въ опредѣленную послѣдовательность. Все описаніе бумагъ Жуковскаго распредѣлено въ слѣдующемъ порядкѣ: а) матеріалы для автобіографіи поэта и его путевые дневники; б) сочиненія и переводы, въ стихахъ и прозѣ; в) нѣсколько бумагъ, касающихся литературнаго общества «Арзамасъ»; г) бумаги, относящіяся до самообразованія Жуковскаго, и д) педагогическія его работы. Особенно важными для характеристики Жуковскаго оказываются его дневники, полные прекрасныхъ мыслей, афоризмовъ и даже поэтическихъ набросковъ, ярко рисующихъ намъ кристально-чистую душу поэта. Вотъ напр. его мысли о счастьѣ и о правдѣ.

«Наша цѣль: общее счастіе. Думая о себѣ, думать о другихъ. Свое особенное все приноровлять къ общему. Не желать и не дѣлать ничего, чтобы противно было счастію кого нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно общему. Дѣлать все то только, что̀ бы къ нему способствовало.»

«Даже говоря правду, надобно быть нѣсколько скрытнымъ, т. е., надобно правдѣ, самой непріятной, давать такой образъ, который бы не могъ отвратить отъ нея того человѣка, которому ее предлагаешь. Иначе, она несомнѣнно потеряетъ свое дѣйствіе и будетъ нѣкоторымъ образомъ брошена на поруганіе. Говорить истину съ грубостью и жестокостью, которыми хвалились стоики, есть нѣкоторымъ образомъ непозволенное самохвальство, совершенно противное той пользѣ, которую принести хочешь, и показывающее одинъ только эгоизмъ, сокрытый подъ маскою правдоподобія».

Для біографовъ Жуковскаго эти дневники — сущій кладъ!..

Весьма цѣнны немногія, но важныя и новыя свѣдѣнія объ «Арзамасѣ», по которымъ это литературное общество является далеко не въ той степени малозначущимъ и исключительно-шутливымъ, какимъ оно многими представлялось до сихъ поръ. По бумагамъ Жуковскаго, напротивъ, «Арзамасъ» является весьма опредѣленнымъ литературнымъ кружкомъ, намѣтившимъ себѣ весьма осязательную и вполнѣ исполнимую программу.

Трудъ г. Бычкова, для людей понимающихъ значеніе подобныхъ трудовъ, заставляетъ насъ желать, чтобы молодой изслѣдователь продолжалъ свою почтенную и полезную работу надъ богатымъ запасомъ рукописнаго, автографическаго матеріала, которымъ переполнены картоны Императорской Публичной библіотеки. Въ этихъ картонахъ заключается, вѣроятно, много того, что можетъ и должно пополнить пробѣлы новѣйшаго періода нашей исторіи литературы. Желательно, чтобы, эти картоны не миновали рукъ такого добросовѣстнаго и умѣлаго труженика, какъ Ив. Аѳ. Бычковъ.

П. П.

Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Изданіе третье, измѣненное и дополненное. Часть II. И. А. Гончаровъ. А. Ф. Писемскій. М. Е. Салтыковъ. Л. Н. Толстой. Спб. 1887.

Литература, какъ исторія, мало говоритъ о современныхъ явленіяхъ. Какъ изложеніе текущихъ событій превращается въ политику, такъ оцѣнка новыхъ произведеній дѣлается критикою. Если трудно выводить заключенія изъ незавершившихся еще политическихъ фактовъ, то гораздо труднѣе произносить окончательное сужденіе о писателѣ еще продолжающемъ свою дѣятельность. Не изображай характеристику историческаго лица, пока онъ еще дѣйствуетъ,—совѣтуютъ мыслители: онъ еще можетъ совершенно измѣниться въ концѣ своего поприща. Тотъ же совѣтъ можно повторить и по отношенію къ писателямъ, да ему и безъ того слѣдуетъ наша критика, какъ извѣстно, почти вовсе не занимающаяся оцѣнкою всей дѣятельности лучшихъ нашихъ писателей. О. Ѳ. Миллеръ представляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе — и едва ли не единственное. Съ особеннымъ рвеніемъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ пишетъ статьи, составляетъ чтенія, произноситъ рѣчи о каждомъ выдающемся произведеніи любимаго автора и о всей его дѣятельности. Любовь къ русской литературѣ заставляетъ его иногда отзываться черезчуръ снисходительно о явленіяхъ, требующихъ болѣе строгаго къ нимъ отношенія, дѣлать слишкомъ поспѣшныя заключенія, но онъ не остается равнодушенъ, какъ его собраты, присяжные критики и профессора литературы, къ ея трудамъ, и она должна быть ему за это благодарна. Публика также оцѣнила усердіе профессора, охотно слушаетъ его лекціи и покупаетъ его книги, выдерживающія по нѣскольку изданій, хотя бы даже и потому, что никто не издаетъ ничего болѣе талантливаго въ этомъ родѣ. Далеко не со всѣми приговорами г. Миллера можно согласиться, но въ каждой статьѣ его видны любовь къ своему предмету, знаніе его и добросовѣстное отношеніе къ нему. При каждомъ новомъ изданіи своихъ рѣчей и чтеній онъ исправляетъ и дополняетъ ихъ и если не сдѣлалъ этого во второмъ томѣ своихъ «Русскихъ писателей» по отношенію къ г. Гончарову, то вѣроятно потому, что считалъ его литературную дѣятельность уже вполнѣ законченною и въ то время, когда въ первый разъ писалъ объ ней въ 1874 году. Если онъ и теперь не говоритъ ничего о «Фрегатѣ Палладѣ» и другихъ произведеніяхъ романиста, составившаго себѣ извѣстность тремя романами, разобранными г. Миллеромъ, на 30-ти страницахъ, то, конечно, потому, что впечатлѣнія туриста и критика ровно ничего не прибавляютъ къ характеристикѣ романиста. Не многимъ больше (40 страницъ) занимаетъ и характеристика Писемскаго, и еще по поводу его романа «Въ водоворотѣ» критикъ довольно подробно разбираетъ подобныя же произведенія гг. Лѣскова, Ключникова, Всеволода Крестовскаго и Маркевича. Болѣе обширная статья (сто страницъ слишкомъ) посвящена оцѣнкѣ М. Е. Салтыкова и, наконецъ, половина книги (болѣе 200 страницъ) занята подробнымъ разборомъ произведеній Л. Н. Толстого, начиная съ его первыхъ опытовъ и оканчивая 12-мъ томомъ послѣдняго собранія его сочиненій. Онъ даетъ поводъ г. Миллеру пожалѣть о «печальной теоріи графа Толстого относительно женскаго образованія» и осудить его за нехристіанскую теорію «непротивленія злу», которая становится просто теоріею «мирволенія злу». Въ опроверженіе ея критикъ указываетъ на изгнаніе торж-

никовъ вервіемъ изъ храма и приводитъ мнѣніе о Л. Н. Толстомъ одного изъ народа, сказавшаго: «умнѣющій человѣкъ нашъ графъ, а юродствуетъ». Вообще въ сужденіяхъ О. Ѳ. Миллера нѣтъ не только ни тѣни озлобленія къ какому либо писателю, сквозящаго въ отзывахъ иныхъ критиковъ съ мелкою завистливою натурою, но преобладаетъ безконечное благодушіе, впадающее мѣстами въ восторженность, также вредящую правильной оцѣнкѣ таланта, какъ и ѣдкія вылазки желчнаго аристарха противъ всякаго дарованія.

В. З.

Вліяніе Шекспира на русскую драму. Историко-критическій этюдъ Сергѣя Тимоѳеева. М. 1887.

Г. Тимоѳеевъ задался прекрасною мыслью—прослѣдить въ нашей литературѣ вліяніе, оказанное Шекспиромъ на творчество нашихъ писателей, какъ въ видѣ переводовъ, поставленныхъ на сценѣ, такъ и въ видѣ классической основы, которую наши авторы изучали, тщательно сообразуясь съ нею въ своемъ творчествѣ. Г. Тимоѳеевъ, какъ намъ кажется, сдѣлалъ только одну, немаловажную ошибку: онъ погнался за достиженіемъ двухъ цѣлей разомъ... Въ небольшой своей книжкѣ онъ задумалъ дать и пособіе для преподавателей словесности, и руководство для учениковъ; а такъ какъ разомъ достигнуть обѣихъ цѣлей невозможно, то онъ и путается въ своемъ изложеніи между теоретическими воззрѣніями и голыми фактами, неудовлетворяя вполнѣ преподавателя, и давая слишкомъ много лишняго ученику.

Вслѣдствіе такой двойственности цѣли, положенной въ основу книги г. Тимоѳеевымъ, мы видимъ въ ней много лишняго, — такого, что можно было выпустить изъ нея съ великимъ удобствомъ. Предпославъ книгѣ своей «предисловіе» и «введеніе», авторъ, конечно, могъ бы совершенно свободно совмѣстить въ этомъ введеніи все, что касалось бы исторіи пересажденія Шекспировскихъ произведеній на русскую почву, потому что о вліяніи Шекспира, въ прошломъ вѣкѣ, говорить странно. Шекспиръ вступилъ твердою ногою на русскую почву только тогда, когда романтизмъ одолѣлъ предшествовавшія ему литературныя направленія и привелъ къ реальному направленію, которое оказалось такъ близко русскому сердцу и уму. Къ чему же было говорить на цѣлыхъ 20 страницахъ о французскомъ вліяніи, о псевдоклассицизмѣ, о Екатеринѣ и фонъ-Визинѣ, о Сумороковѣ и Княжнинѣ? Собственно говоря, г. Тимоѳееву слѣдовало бы начать книгу свою прямо со второй главы, гдѣ онъ выяснилъ «отличительныя черты Шекспирова творчества», и которую мы признаемъ лучшею и наиболѣе полезною главою книги. Съ нею тѣсно связана слѣдующая III глава, въ которой авторъ занимается Пушкинымъ и намѣчаетъ вліяніе, оказанное Шекспиромъ на созданіе «Бориса Годунова», хотя и совершенно напрасно касается Пушкинскаго байронизма.

Въ IV главѣ, гдѣ г. Тимоѳеевъ говоритъ о «подражателяхъ Шекспиру» (о Полевомъ и Кукольникѣ, и къ подражателямъ Шекспиру относитъ онъ и Островскаго, и Чаева, и Мея, и А. Толстого), нетолько учитель, но и ученикъ могъ бы указать много промаховъ критическихъ. Прежде всего замѣтимъ, что г. Тимоѳеевъ слишкомъ легко относится къ такой попыткѣ, какъ передѣлка «Гамлета», сдѣланная Н. Полевымъ для русской сцены — передѣлка, которая блистательнымъ образомъ, впервые доказала возмож-

ность ставить на русской сценѣ Шекспировскія пьесы[1]). Затѣмъ, нельзя безъ нѣкотораго удивленія видѣть, что г. Тимоѳеевъ, назначающій свою книгу для учениковъ, одинаково основываетъ свои сужденія и на критическихъ отзывахъ Ѳ. Булгарина въ покойной «Сѣверной Пчелѣ», и на отзывахъ П. В. Анненкова, пользуясь ими, какъ авторитетами равносильными. Благодаря такой критической неразборчивости, г. Тимоѳеевъ не вполнѣ осязательно указываетъ намъ разницу между «подражаніемъ» Шекспиру въ «сюжетахъ» и въ «пріемахъ творчества» и между воспроизведеніемъ русской исторической дѣйствительности авторами, проникнутыми духомъ глубоко изученнаго ими Шекспира. А между тѣмъ, тутъ разница огромная! Большимъ недостаткомъ книги г. Тимоѳеева слѣдуетъ считать и то, что говоря о такихъ переводчикахъ Шекспира, какъ Кронебергъ и Вронченко, онъ не удѣляетъ въ своей книгѣ мѣста подробному разбору переводовъ Дружинина, который такъ много и такъ плодотворно потрудился для перенесенія Шекспира на русскую почву и нетолько переводилъ, но и прекрасными критическими статьями способствовалъ въ значительной степени правильному пониманію Шекспира.

Совершенно искусственно приложенною къ общему содержанію книги является V глава ея, въ которой г. Тимоѳеевъ говоритъ и о Грибоѣдовѣ, и о Гоголѣ, и объ Островскомъ («Гроза»), и о Писемскомъ, гдѣ онъ рѣшается утверждать, что суровый реализмъ, столь свойственный самой натурѣ русскаго человѣка, является тоже слѣдствіемъ вліянія Шекспировскихъ драмъ на русской почвѣ! Это ужъ слишкомъ странно, чтобы не сказать болѣе. Для доказательства этой странной мысли, конечно, приходится прибѣгать къ натяжкамъ, въ родѣ того, что, напримѣръ, извѣстная сцена съ читальщикомъ въ IV дѣйствіи «Бывыхъ соколовъ»—будто бы всецѣло обязана (чѣмъ?) Шекспиру и создана даже въ декоративномъ отношеніи подъ вліяніемъ «Гамлета» (?!). Послѣ этого можно, пожалуй, смѣло утверждать, что и «Женитьба» Гоголя навѣяна «Винзорскими кумушками» Шекспира?

Если бы въ книгѣ г. Тимоѳеева «исканіе Шекспира и Шекспировскаго вліянія» не было доведено до крайности, книга могла бы быть полезною для учителей «ничего не читавшихъ».

П. Л. В.

Всеобщая исторія литературы подъ редакціей профессора А. Кирпичникова. Томы XIX и XX.

Получивъ въ концѣ прошлаго года двадцатый выпускъ этого изданія, выходящаго уже восьмой годъ, мы ждали для отзыва объ немъ исполненія обѣщанія, высказаннаго на обложкѣ: «21-й выпускъ выйдетъ въ концѣ 1886 года». Между тѣмъ и 1887 годъ перешелъ уже за половину, а о продолженіи изданія нѣтъ никакого извѣстія. 19-й выпускъ появился еще въ 1885 году и мы также напрасно ждали въ то время слѣдующаго, чтобы дать отчетъ о какомъ нибудь полномъ, законченномъ періодѣ исторіи литературы. Приходится поэтому говорить о выпускахъ, между появленіемъ которыхъ прохо-

[1]) Замѣтимъ кстати, что г. Тимоѳеевъ напрасно думаетъ, будто бы Н. Полевой былъ знакомъ съ Шекспиромъ «изъ переводовъ» (стр. 92). Полевой прекрасно зналъ Шекспира въ подлинникѣ, и могъ свободно цитировать изъ него цѣлыя сцены.

дитъ болѣе года и въ которыхъ заключаются неоконченныя статьи. Въ какой мѣрѣ это удобно — можетъ судить всякій. Издатель обѣщаетъ кончить книгу на 25-мъ выпускѣ. Но въ двадцатомъ выпускѣ говорится еще только о вѣкѣ возрожденія. Неужели въ остальные пять выпусковъ умѣстится исторія литературы XVII, XVIII и XIX столѣтій цивилизованныхъ націй, если даже Востокъ будетъ оставленъ въ сторонѣ? Вѣдь это значило бы скомкать, укоротить самые важные періоды, и въ то время, когда менѣе значительнымъ дано такое широкое развитіе.

Закончены въ этихъ выпускахъ только три статьи: «Нѣмецкая литература до 30-тилѣтней войны» П. О. Морозова, «Испанія и Португалія въ вѣкъ возрожденія» А. И. Кирпичникова и «Франція въ эпоху возрожденія». Редакторъ представилъ вѣрныя характеристики нѣмецкихъ гуманистовъ Рейхлина, Ульриха Гуттена, Эразма Ротердамскаго; г. Морозовъ — Лютера, Фишарта, Ганса Сакса. Затѣмъ г. Кирпичниковъ съ достаточной полнотою обрисовалъ эпоху Сервантеса, Лопе-де-Вега, Кальдерона, Камоэнса. Но слѣдующая статья о французскихъ писателяхъ эпохи возрожденія уже черезчуръ коротка и поверхностна. Вся она занимаетъ 17 страницъ. Но если о Боэси, Маро, Ронсарѣ можно ограничиться тѣми немногими строками, которыя имъ посвящаетъ авторъ, то характеристика Монтеня и въ особенности Рабеле требовала гораздо бо́льшаго развитія. На оберткѣ выпуска статья эта приписана г. Морозову, въ текстѣ подъ нею подпись Р., то есть редакція. Не оттого ли и статья вышла такъ коротка, что̀ ее пришлось писать редактору вмѣсто сотрудника? Во всякомъ случаѣ это слѣдовало оговорить. Послѣдняя статья этого выпуска «Англійская литература въ эпоху возрожденія» принадлежитъ г. Н. Стороженкѣ и еще не окончена, но въ ней хорошо очерчены Томасъ Морусъ (котораго авторъ напрасно называетъ Моромъ), мистеріи, предшественники Шекспира и самъ Шекспиръ.

Недавно издатель этого широко задуманнаго, но слишкомъ медленно выполняемаго труда, г. Карлъ Риккеръ, праздновалъ юбилей своей книгопродавческой фирмы. Не лучшимъ ли подаркомъ къ этому дню было бы скорѣйшее окончаніе сочиненія, первые выпуски котораго рискуютъ устарѣть, пока появятся послѣдніе.

В—ъ.

Изъ пережитаго. Автобіографическія воспоминанія Н. Гилярова-Платонова. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1887.

Русская литература не можетъ похвастать особеннымъ богатствомъ автобіографій, написанныхъ видными и талантливыми дѣятелями на разныхъ поприщахъ разной общественной жизни. Скромность ли вожаковъ русской мысли, русскаго общественнаго мнѣнія и художественнаго слова, внѣшнія ли неблагопріятныя обстоятельства, или всероссійская лѣнь являются причинами такого явленія,—не беремся судить: мы заявляемъ только о фактѣ, печальномъ и грустномъ, но существующемъ. Всякая новинка въ этой области, написанная живо и талантливо, читается поэтому съ большимъ интересомъ, знакомя насъ въ типическихъ изображеніяхъ съ бытомъ отжившимъ и отживающимъ, съ любопытными представителями-типами минувшаго, съ общимъ складомъ прошлой жизни въ мельчайшихъ ея подробностяхъ; если авторъ воспоминаній личность, выдающаяся духовно, для насъ увлекателенъ и

интересенъ процессъ его развитія, его психическаго роста, вліяніе на это развитіе среды и школы, наконецъ, общіе итоги развитія, полученные подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ внѣшнихъ воздѣйствій. На такія-то мысли насъ навело чтеніе интересныхъ воспоминаній извѣстнаго московскаго публициста Гилярова-Платонова. Подобныхъ талантливыхъ автобіографій не много наберется въ русской литературѣ, и мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что въ его воспоминаніяхъ заключенъ обильный интересъ бытовой, педагогическій и психологическій.

Бытовой интересъ сосредоточивается въ изображеніи духовнаго сословія, изъ котораго вышелъ самъ авторъ и о предкахъ котораго мы узнаемъ, съ половины прошлаго столѣтія, въ изображеніи жизни семьи, въ которой выросъ авторъ, и которая, по его признанію, жила въ XVII вѣкѣ, въ городѣ Коломнѣ, какъ бы отдѣленная отъ всего міра, безъ гостей и знакомыхъ, словно въ скитѣ, «гдѣ царилъ угрюмый, вѣчно молчаливый патріархъ», гдѣ тянулись дни томительно однообразной вереницей, въ тѣсной родительской храминѣ съ лежанкой, палатями и свѣтелкой, среди невозмутимой тишины, разнообразясь развѣ только тѣмъ, что «сегодня скоромный, а завтра постный день, а вотъ скоро наступитъ храмовой праздникъ или «Свѣтлый день»; наконецъ, въ изображеніи того міра, въ которомъ оживленный интересъ возбуждали вопросы, «какъ править службу, когда сойдутся Благовѣщенье, храмовой праздникъ и Великая Пятница въ одинъ день»,—того міра, въ которомъ чай былъ рѣдкость, а кофе знакомъ только по слухамъ, для котораго городничій представлялъ грандіозную фигуру, а семинаристъ «перваго разряда» почтенную величину.

Педагогическій интересъ—въ разсказахъ о тогдашнихъ пріемахъ первоначальнаго обученія, о духовномъ училищѣ и семинаріи съ ихъ сѣкуціями, кулачными боями, оригинальными педагогами и насѣкомыми,—словомъ въ разсказахъ о дореформенной духовной школѣ, которая, не смотря на огромные недостатки, въ изображеніи г. Гилярова выходитъ гораздо привлекательнѣе печальной бурсы Помяловскаго.

Наконецъ, психологическій интересъ—въ разсказѣ о развитіи самого автора воспоминаній, о занятіяхъ учебныхъ, объ его положеніи среди товарищей, объ отношеніи къ нимъ, въ разсказахъ о той внутренней сильной работѣ духа, которая происходила помимо вліянія школы, при посредствѣ обильнаго не по лѣтамъ чтенія, и которая выражалась въ прихотливыхъ полетахъ разгоряченной фантазіи, уносившей мальчика отъ гнетущаго окружающаго въ міръ фантастическихъ грезъ, изъ свѣтлорозовой залы школы съ изрѣзанными, словно изгрызенными скамьями, вдобавокъ зачерненными, изъ среды грубыхъ мальчишекъ, отъ которыхъ несется гамъ ругательствъ и стукъ раздаваемыхъ колотушекъ, изъ темнаго угла колѣнопреклоненныхъ въ лохмотьяхъ нагольныхъ тулуповъ, отъ тупицъ, въ числѣ двухъ или трехъ, сидящихъ зажавши уши и задалбливающихъ въ сотый разъ короткую фразу, отъ свирѣпаго ректора, расхаживающаго по залѣ и заносящаго руку съ табакеркой, чтобы ударить, отъ свиста розгъ, отъ плевковъ, въ которыхъ упражняются искусники, пуская ихъ изъ угла въ уголъ и попадая въ цѣль съ удивительною мѣткостью.

Свои воспоминанія г. Гиляровъ-Платоновъ дѣлитъ на двѣ части, посвящая первую часть повѣствованію до перехода въ семинарію дѣтскимъ годамъ и пребыванію въ училищѣ, вторая часть заключаетъ въ себѣ семинарскій пе-

ріодъ жизни автора, оканчиваясь переходомъ въ академію, когда уже юношей онъ находился въ «преддверіи науки». Сосредоточивая главный интересъ повѣствованія на себѣ, на своей внутренней жизни и внѣшнихъ перипетіяхъ школьной жизни, жизни въ кругу сверстниковъ, друзей, а на выпускѣ изъ семинаріи, когда авторъ былъ въ богословскомъ классѣ, жизни на урокахъ, г. Гиляровъ подчасъ возвышается до истинно-художественной изобразительности, дѣлая мѣткія и рельефныя характеристики то своихъ друзей (глава «Три друга») и самого себя въ разные періоды жизни («Фантастическія убѣжища», «Временное отупѣніе», «Раздумье», «На оселкѣ жизни»), то своихъ товарищей по училищу и семинаріи («Товарищи» и «Составъ учащихся», «Богословскій классъ»), своихъ родственниковъ («Предки», «Родительское гнѣздо», «Два брата»), то начальствовавшихъ и учителей («Два ректора», «Попъ Захаръ и попъ Родивонъ»), то, наконецъ, близкихъ знакомыхъ—особенно типичныхъ и почему либо интересныхъ. Таковы, напримѣръ, главы «И. И. Мѣщаниновъ», «Дядушка Петръ Ивановичъ», «Донъ Кихоты просвѣщенія», гдѣ въ первой изъ этихъ главъ, авторъ разсказываетъ о рѣдкихъ и единственныхъ экземплярахъ людей даже въ уѣздной глуши начала нынѣшняго столѣтія, что называется, антикахъ—братѣ и сестрѣ, жившихъ безвыѣздно въ своемъ родовомъ коломенскомъ домѣ; во второй о замѣчательномъ типѣ полицейскаго по призванію, своего рода ищейкѣ, которая по лицу можетъ узнавать преступника и отгадывать видъ преступленія; въ третьей о нѣсколькихъ любопытныхъ оригиналахъ—«донъ-кихотѣ просвѣщенія», фабрикантѣ Прохоровѣ, начавшемъ учиться въ семинаріи въ зрѣлыхъ лѣтахъ, чтобы получить возможность проповѣдовать, ораторѣ по призванію, который разъ по одномъ умершемъ студентѣ сказалъ такую рѣчь: «братіе, братъ нашъ Павелъ умеръ; тѣло его состояло изъ кислорода, водорода, углерода и азота, которые высвободились. А гдѣ его душа? и пр.»; объ архимандритѣ Θеодорѣ Бухаревѣ, который говорилъ, что христіанское богословіе раскрывается въ «Современникѣ», И. А. Зацѣпинѣ, докторѣ, написавшемъ Опытъ сближенія медицинскихъ наукъ съ вѣрою, Лукашевичѣ, который доказывалъ, что русскій и китайскій языкъ тождественны, что всѣ языки происходятъ отъ русскаго, что только стоитъ читать китайскія слова навыворотъ, съ конца, и получатся русскія, и написалъ по этому поводу ученое сочиненіе подъ заглавіемъ Чаромутіе.

Короче сказать, воспоминанія г. Гилярова даютъ спокойную и почти безпристрастную, пожалуй, даже положительную картину быта духовныхъ училищъ, семинарій и отчасти академій, быта духовенства первой половины нынѣшняго столѣтія, правдивый разсказъ о своемъ психическомъ ростѣ, во многихъ отношеніяхъ любопытномъ и оригинальномъ, и нѣсколько талантливыхъ портретовъ типическихъ личностей. Полнотѣ содержанія и цѣнности соотвѣтствуетъ сжатый, точный, хотя нѣсколько сухой и блѣдный языкъ, которымъ г. Гиляровъ владѣетъ весьма бойко, какъ талантливый публицистъ, но не какъ художникъ слова. Можетъ быть, когда нибудь авторъ намъ разскажетъ о своей дѣятельности на ученой и политической аренѣ, на своемъ издательскомъ, журнальномъ поприщѣ? Будемъ надѣяться.

С. Т—въ.

Седмицы польскаго мятежа. 1861—1864. Историческая монографія въ двухъ частяхъ Н. И. Павлищева. Изд. В. С. Балашева. Спб. 1887.

Трудъ покойнаго Николая Ивановича Павлищева, имя котораго извѣстно читателямъ нашего журнала по его статьѣ «Къ характеристикѣ графа Берга», появляется нѣсколько позже, чѣмъ полагалъ выпустить его въ свѣтъ самъ почтенный авторъ, котораго смерть похитила девять лѣтъ тому назадъ. Н. И. Павлищевъ въ 1820 году окончилъ курсъ въ царскосельскомъ лицеѣ, былъ женатъ на родной сестрѣ нашего великаго поэта Ольгѣ Сергѣевнѣ Пушкиной и въ теченіе 40 л., съ 1831 по 1871 г., прослужилъ въ Варшавѣ, и, занимая здѣсь отвѣтственныя должности, близко стоялъ къ дѣламъ высшаго государственнаго значенія. Свой досугъ онъ отдавалъ на изученіе историческаго прошлаго и политическаго настоящаго той страны, гдѣ ему, на службѣ своей родинѣ, пришлось провести почти всю свою жизнь. Результатомъ этихъ изученій явился цѣлый рядъ трудовъ, изданіе которыхъ было предпринято покойнымъ авторомъ въ 8 томахъ. Три изъ нихъ онъ успѣлъ выпустить еще при жизни, и это была превосходная монографія: «Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украйну» (Спб., 1878). Четвертый и пятый томы появляются теперь въ свѣтъ, заключая въ себѣ монографію о польскомъ мятежѣ, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей библіографической замѣтки. Изъ другихъ сочиненій Павлищева слѣдуетъ упомянуть о его «Историческомъ атласѣ» (Спб., 1874) и о премированномъ учебникѣ польской исторіи, принятомъ, какъ руководство, въ гимназіяхъ царства Польскаго. Кромѣ того, въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ покойный Павлищевъ печаталъ свои статьи и изслѣдованія, изъ которыхъ самое замѣчательное «Поѣздка въ Червонную Русь»,—статья, помѣщенная въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1847 годъ, заключающая въ себѣ крупное археологическое открытіе: въ деревнѣ Чермно (Люблинской губерніи) Н. И. Павлищевъ открылъ слѣды древняго города «Червеня», давшаго названіе Червонной Руси.

«Седмицы польскаго мятежа» представляютъ наглядную лѣтопись грустныхъ событій 1861—1864 года, веденную изъ недѣли въ недѣлю непосредственнымъ ихъ очевидцемъ, который имѣлъ подъ рукой сокровенныя отъ всякаго другого данныя. Въ монографіи Павлищева читатели не найдутъ никакихъ разсужденій, а одни только факты, и притомъ факты, подкрѣпленные вѣскими документальными приложеніями и библіографическими ссылками на польскую періодическую печать того времени, которыя уже сами по себѣ открываютъ свободный путь для какихъ бы то ни было обобщеній, въ какомъ бы то ни было духѣ. Вообще же книга Павлищева представляетъ безпристрастный пересказъ событій, въ которомъ ясно вырисовывается исполненная драматизма картина національной смуты, когда силы, годныя на что либо полезное и возвышенное, тратились на самоубійственную агонію, вызываемую людьми, увлеченными внѣшней мишурой свободомыслія, прикрывавшей на самомъ дѣлѣ позывы самаго беззастѣнчиваго папскаго деспотизма по отношенію къ народу, именемъ котораго украшалось знамя безпочвеннаго мятежа.

Е. Г.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійская критика о русской литературѣ первой половины 1887 года. — Нѣмецкая критика о русскихъ политическихъ брошюрахъ.—Книга о Скобелевѣ.—Французскій переводъ «Обыкновенной исторіи» Гончарова.—Древникъ Башкирцевой.—Характеристика королевы Викторіи съ англійской и русской точекъ зрѣнія. — Равенство половъ въ Англіи. — Англійская Индія и англійская конституція. — Русскія и французскія тюрьмы. — Историческія основы современной Европы.—Болѣзнь Востока.—Картины старой Англіи.—Швабія.—Женщина въ русскихъ пословицахъ.

АТЕНЕУМЪ, журналъ англійской и иностранной литературы, науки, искусства, музыки и драмы, помѣщаетъ ежегодные обзоры европейскихъ литературъ. Въ послѣднее время обзоры эти стали помѣщаться въ первомъ нумерѣ каждаго новаго года—за прошлый годъ, и мы сообщили отзывы этого лучшаго критическаго журнала Англіи о литературномъ движеніи въ нашемъ отечествѣ. Теперь, въ первомъ іюльскомъ нумерѣ своего еженедѣльнаго изданія, журналъ вздумалъ дать, за первое полугодіе 1887 года, отчетъ о литературѣ Бельгіи, Даніи, Франціи, Германіи, Голландіи, Венгріи, Россіи, Испаніи. Италія, Швеція, славянскія земли и Греція почему-то не вошли въ этотъ обзоръ, но и отзывы о замѣчательныхъ литературныхъ явленіяхъ въ восьми странахъ не отличаются полнотою и обстоятельностью свѣдѣній. Всѣмъ восьми литературамъ отведено въ журналѣ только десять страницъ, то есть менѣе 32 столбцовъ, по четыре столбца на каждую, и только три отзыва подписаны извѣстными именами: о Бельгіи—Эмилемъ Лавеле, о Венгріи — Вамбери и о Германіи — Робертомъ Циммерманомъ. Статью о Франціи писалъ, вѣроятно, еврей, потому что расхваливаетъ Дрейфуса и другихъ его соотечественниковъ, да и въ статьѣ о Россіи, подписанной невѣдомымъ въ русской литературѣ именемъ Serge Varscher (не

Варшауеръ ли ?) болѣе всего восхищаются «лучшимъ поэтомъ нашего времени—Надсономъ, нѣжностью и музыкою его стиховъ». Главнымъ литературнымъ событіемъ истекшаго полугодія авторъ считаетъ чествованіе полувѣковой годовщины смерти Пушкина, «поставившаго русскую поэзію на твердое и національное основаніе и научившаго насъ всемірнымъ, гуманнымъ истинамъ, которыя однѣ даютъ безсмертіе художнику». Чествовали поэта съ одинаковою торжественностью во всѣхъ концахъ Россіи: на Кавказѣ, въ Сибири, въ Польшѣ и центральной Азіи. Лучшее изданіе его сочиненій послѣ литературнаго фонда—принадлежитъ Поливанову (?); послѣднимъ поставлено изданіе «Новаго Времени» въ десяти крошечныхъ томикахъ. Называть крошечными томы этого изданія не значитъ быть справедливымъ и безпристрастнымъ. Вторымъ важнымъ литературнымъ явленіемъ авторъ называетъ «Власть тьмы» (The power of darkness) Л. Н. Толстого, но передаетъ невѣрно исторію съ этой пьесой, увѣряя, что роли въ ней были уже разучены лучшими актерами императорскихъ театровъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ ея представленіе и даже продажу пьесы, когда она разошлась уже въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Авторъ, однако, правъ, говоря, что пьеса оскорбляетъ моральное чувство, и что Л. Толстой могъ бы избавить публику отъ многихъ черезчуръ ужъ реальныхъ сценъ, въ которыхъ реализмъ превращается уже въ цинизмъ. Затѣмъ упоминается о послѣднихъ сатирахъ Щедрина и о «болѣе популярныхъ писателяхъ», Короленко, Гаршинѣ и Матчетѣ, о послѣднемъ романѣ г. Немировича-Данченко «Семья богатырей» (или «Гигантовъ», какъ переводитъ критикъ: A family of giants), о дебютѣ миссъ Крестовской, дочери новелиста (которая, къ слову сказать, уже года четыре печатаетъ свои повѣсти въ «Русскомъ Вѣстникѣ»). Наряду съ Линовскимъ-Трофимовымъ поставленъ г. Лѣсковъ, Вагнеръ (Котъ Мурлыка), Аверкіевъ, графъ Саліасъ (его «Свадебный бунтъ», переведенъ—«Mariage conspiracy»), Михайловъ, г-жа Виницкая, Маминъ (Сибирякъ) и г-жа Ростопчина (?). Приведены одни названія ихъ произведеній—безъ всякой оцѣнки; только Глѣбу Успенскому отведено особо десять строкъ. Лучшими комедіями сезона названы «Семья» В. А. Крылова, «Арказановы» кн. Сумбатова и «Тетенька» Куликова. Изъ критическихъ статей названы разборы послѣднихъ религіозныхъ произведеній Л. Н. Толстого, принадлежащіе гг. Громекѣ, Гусеву и Карсову; статьи гг. Михайловскаго, Буслаева, Страхова, Опочинина, Барсова, изъ ученыхъ книгъ — сочиненія гг. Кондакова, труды нашихъ историческихъ и археологическихъ обществъ, «Исторія Ливоніи» г. Чешихина и «Исторія раскола» графа Гейдена. Изъ всѣхъ этихъ именъ и заголовковъ сочиненій врядъ ли иностранцы могутъ сдѣлать какіе либо выводы.

— Гейфельдеръ, петербургскій корреспондентъ лейпцигскаго журнала «Magazin fur die Litteratur des In-und Auslandes», въ своихъ послѣднихъ «Литературныхъ свѣдѣніяхъ изъ Россіи» (Litteraturbericht aus Russland) говоритъ о политическихъ брошюрахъ и памфлетахъ, написанныхъ русскими или относящихся къ Россіи. Нѣмецкій писатель придаетъ большое значеніе этимъ произведеніямъ, причисляя ихъ, если не къ изящной, то къ характеристической литературѣ, выражающей національныя стремленія. Прежде всего онъ говоритъ о брошюрѣ «Франко-русскій союзъ и европейская коалиція» (L'alliance franco-russe et la coalition européenne) и утверждаетъ, что она произвела сильное впечатлѣніе въ обществѣ, потому что написана рус-

скимъ генераломъ. Называя нѣсколько извѣстныхъ именъ, которымъ приписываютъ эту брошюру, Гейфельдеръ отвергаетъ всѣ предположенія и убѣжденъ, что русскій генералъ не станетъ такъ поносить все нѣмецкое и заподозривать другихъ чуть не въ измѣнѣ отечеству. Брошюра приписывается Жюльетѣ Аданъ, уже высказавшей въ своей книгѣ «La société de St.-Petersbourg» ненависть къ Германіи. Помогалъ ей въ составленіи памфлета нынѣшній редакторъ Nouvelle revue, «русскій еврей, бывшій профессоръ медицинской петербургской академіи, г. Ціонъ». Успѣху двухъ названныхъ сочиненій много содѣйствовало, впрочемъ, по словамъ автора, запрещеніе ихъ цензурою. Другая брошюра «Комментарій къ поэмѣ г. Случевскаго о балтійскихъ провинціяхъ» (Commentaire du poeme de m-r. Sloutchewsky sur les provinces baltiques) вышла въ Лейпцигѣ. Это возраженіе на извѣстную книгу г. Случевскаго, написанное нѣмцемъ въ защиту балтійскихъ порядковъ, которымъ понятно не сочувствуетъ русскій путешественникъ; за то его нѣмецкій комментаторъ называетъ всѣ описанія г. Случевскаго—выдумкой и удивляется, какъ онъ и вообще всѣ русскіе дурно отзываются о балтійскомъ дворянствѣ. Это происходитъ оттого, что русскіе, по словамъ разсердившагося комментатора, ничего не понимаютъ въ политикѣ. Третья брошюра принадлежитъ какому-то Осипу Осиповичу и носитъ названіе «Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, его жизнь, характеръ и дѣла, по русскимъ источникамъ и, преимущественно, по его собственнымъ дневнымъ приказамъ» (Michael Dmitriewitsch Skobelew, sein Leben, sein Charakter und seine Taten, nach russischen Quellen und vorzüglich nach seinen eigenen Tagesbefehlen). По поводу этой біографіи критикъ вспоминаетъ о книгѣ г. Градовскаго, переведенной еще въ 1885 году на нѣмецкій языкъ безъ политическихъ выходокъ русскаго автора, неодобрительно отзывающагося о Скобелевѣ, тогда какъ нѣмецкій критикъ считаетъ его личностью достойною удивленія, а его нѣмецкій біографъ выводитъ изъ поступковъ и приказовъ генерала основное правило всякой войны: непремѣнно помогать другъ другу. Скобелевъ и на дѣлѣ убѣдился въ томъ, какъ важно это правило, когда не получилъ помощи на Зеленыхъ горахъ. Осиповичъ, впрочемъ, осуждаетъ во многомъ своего героя, основываясь на показаніяхъ генераловъ Зотова и Тотлебена, хотя въ общихъ чертахъ отзывается объ немъ съ энтузіазмомъ, что осуждаетъ Гейфельдеръ, находя, что подвиги Скобелева раздули Немировичъ, Мак-Гаханъ, Марвинъ, «Новое время», «Русь», «Московскія Вѣдомости» и Жюльета Аданъ. Да ужъ одно единодушіе всѣхъ этихъ русскихъ, англійскихъ, французскихъ именъ и газетъ различныхъ направленій должно было бы доказать критику, что заслуги Скобелева не призрачны, если одинаково цѣнятся всѣми. Пусть воспоминанія г. Немировича-Данченко, какъ говоритъ критикъ, отличаются «дилетантскимъ характеромъ, анекдотичностью и шовинизмомъ», но критикъ самъ же сознается, что дѣла Скобелева съ каждымъ годомъ дѣлаются достояніемъ народной легенды. Въ заключеніе своей статьи Гейфельдеръ дѣлаетъ оцѣнку записокъ генерала Зотова, переведенныхъ уже на нѣмецкій языкъ и встрѣченныхъ въ Германіи съ большимъ интересомъ, хотя записки нисколько не лестно отзываются о пруссакахъ, нѣмцахъ, румынахъ, а мѣстами и о русскихъ интендантахъ, о мобилизаціи и проч. Гейфельдеръ приводитъ также мѣста изъ записокъ генерала Шильдера о Тотлебенѣ, переведенныя въ нѣмецкомъ журналѣ «Международное обозрѣніе всѣхъ армій и флотовъ». Критикъ удивляется правдивости русскихъ

генераловъ и откровенности, съ какою они сознаются въ своихъ ошибкахъ, что даетъ возможность по этимъ запискамъ, по статьямъ «Военнаго Сборника», сочиненіямъ г. Куропаткина, Драгомирова и друг. уже и теперь имѣть ясное, хотя, конечно, все еще неполное понятіе о послѣдней войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ.

— Гальперинъ перевелъ «Обыкновенную исторію» (Simple histoire par Jvan Gontcharow). Французская критика находитъ, что, не смотря на свою простоту, исторія переполнена длинными разсужденіями на одну и ту же тему. Въ ней слишкомъ мало фактовъ и слишкомъ много разговоровъ дядюшки съ племянникомъ. Дядя, разочарованный скептикъ, хочетъ сдѣлать похожимъ на себя племянника энтузіаста и идеалиста, а тотъ, въ свою очередь, хочетъ извлечь хоть искру чувства изъ своего дядюшки—кремня. Главную мысль автора критика видитъ въ томъ, что жизнь не должна витать въ заоблачныхъ мечтахъ, а опираться на трудъ и дѣятельность. Племянникъ, разочаровавшись въ своихъ идеалахъ, выгодно женится, а дядя раскаявается въ томъ, что не обращаетъ вниманія на идеальныя стремленія своей жены. Счастье стало быть—между двумя крайними убѣжденіями, какихъ держались оба родственника — выводъ порядочно банальный и чтобы придти къ нему—не стоило писать длиннаго романа. Но не смотря на его растянутость, онъ нравится парижской публикѣ своимъ мѣстнымъ колоритомъ. Переводъ Гальперина очень хорошъ.

— Въ Парижѣ вышелъ «Дневникъ Маріи Башкирцевой» (Journal de Marie Bachkirtzew) молодой русской дѣвушки, умершей отъ чахотки, не достигнувъ 30-ти лѣтъ, много учившейся, еще больше думавшей, одаренной разнородными талантами, но которые она не успѣла развить. Сначала она хотѣла быть пѣвицей, потомъ писательницей, наконецъ занялась живописью и достигла въ ней довольно значительныхъ успѣховъ. Имя ея сдѣлалось извѣстнымъ на художественныхъ выставкахъ. Картины ея получили награды, почетные отзывы. Одну изъ нихъ «Митингъ» французское правительство купило въ 1884 году для національнаго музея. Въ ноябрѣ того же года художница умерла, оставивъ дневникъ, являющійся теперь въ печати, хотя и не предназначавшійся къ ней. По этому-то онъ дышетъ правдой и безъискусственностью. Башкирцева откровенно разсказываетъ о своихъ мечтахъ, надеждахъ, идеалахъ, разочарованіяхъ. Въ искусствѣ она была реалисткой и предпочитала писать картины повседневной жизни. На ея послѣдней картинѣ «Улица», оставшейся неоконченною, изображена скамейка на бульварѣ съ сидящимъ на ней разнообразнымъ людомъ. Объ этой картинѣ она говоритъ въ своемъ дневникѣ: «такая скамья—цѣлый романъ, цѣлая драма. Счастливы артисты, которые не похожи на насъ, дураковъ, стремящихся воспроизводить жизнь, какъ она есть. Они берутъ натурщицу, ставятъ ее передъ плюшевою занавѣсью, или изображаютъ восходъ солнца изъ-за тучъ. Какой ужасъ!.. Мнѣ скажутъ, что я ищу представителей человѣчества только среди народа. Народъ или короли—мнѣ все равно, лишь бы не восходы солнца и не ручейки». На жизнь Башкирцева глядѣла однако съ идеальной точки зрѣнія, была очень религіозна, искала истинной любви и, смотря сквозь ея призму, преувеличивала значеніе и талантъ французскаго живописца Бастіена Лепажа, умершаго также въ чахоткѣ, вслѣдъ за своей поклонницей. Въ послѣдніе мѣсяцы ихъ жизни, когда оба они уже не могли покидать своей постели, художника приносили къ Башкирцевой и умирающіе прово-

дили немногіе, оставшіеся имъ на долю часы, въ долгихъ, задушевныхъ бесѣдахъ объ искусствѣ, природѣ, человѣчествѣ, о жизни иной въ другомъ лучшемъ мірѣ, въ который не очень вѣрилъ Лепажъ, хотя и не противорѣчилъ своей собесѣдницѣ, говорившей: «такъ много нужно сдѣлать, а жизнь такъ коротка». По крайней мѣрѣ Башкирцева не знала въ ней лишеній и недостатковъ. Принадлежа къ богатой семьѣ, хотя и брошенной отцомъ, русскимъ генераломъ, она жила постоянно въ Парижѣ съ матерью. Дневникъ рано погибшей дѣвушки съ крупнымъ, хотя и не сформировавшимся дарованіемъ, читается съ огромнымъ интересомъ.

— Къ юбилею англійской королевы вышло множество книгъ, конечно, въ хвалебномъ тонѣ. Болѣе серьёзною и почти официальною считается двухтомное сочиненіе Варда—«Царствованіе королевы Викторіи: обзоръ пятидесяти лѣтъ прогресса» (The reign of Queen Victoria: a survey of fipfi years of progress. Editedby Thomas Humphry Ward). Авторъ изъ 25-ти главъ своего сочиненія написалъ только пять, остальныя составлены другими лицами и представляютъ довольно полную картину развитія политическихъ, общественныхъ, научныхъ и другихъ учрежденій въ Англіи въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія. Такъ лордъ Вольслей описалъ военныя силы Англіи, главный судья королевства Боуэнъ—ходъ юстиціи, профессоръ Гексли—наукъ и т. д. Болѣе обширныя главы посвящены иностранной и колоніальной политикѣ, путямъ сообщенія, искусству, законодательству. Авторъ только одной главы «Развитіе конституціи» находитъ, что это развитіе не синонимъ прогресса и что въ этомъ отношеніи можно было бы сдѣлать нѣсколько больше съ 1837 года. «Палата лордовъ, говоритъ онъ, съ каждымъ годомъ дѣлается аномаліею въ демократическомъ правительствѣ, да и палата общинъ далеко не отвѣчаетъ своему назначенію». Въ главѣ объ Индіи сознаются въ ошибкахъ прошлаго и настоящаго и въ опасеніяхъ за будущее.

Говоря объ Ирландіи, отдѣляютъ національный вопросъ отъ аграрнаго и находятъ, что для второго сдѣлано очень много. Армія представлена въ самомъ оптимистическомъ свѣтѣ и только во флотѣ есть кое-какіе грѣшки. Лучшія главы—о финансовомъ развитіи, богатствѣ, промышленныхъ асоціаціяхъ, земледѣліи, хлопчато-бумажной и желѣзной торговлѣ; слабѣе всего главы о школахъ и воспитаніи, о медицинѣ, о литературѣ. Въ юбилейномъ изданіи натурально ничего не говорится о темныхъ сторонахъ этого царствованія: о девяти милліонахъ ирландцевъ въ эти пятьдесятъ лѣтъ погибшихъ отъ голода, въ тюрьмахъ, на эшафотахъ, въ возстаніяхъ, эмигрировавшихъ въ Америку; объ истребленіи англичанъ въ Афганистанѣ, Суданѣ; объ уничтоженіи цѣлаго племени австралійцевъ, объ ужасающемъ пауперизмѣ страны, о расшатанномъ союзѣ съ Ирландіею, о стремленіи къ сепаратизму африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ колоній, о ненадежномъ положеніи Индіи, о торговой и промышленой конкуренціи Соединенныхъ Штатовъ, о колонизаторскомъ и комерческомъ антагонизмѣ Германіи. Конечно, противъ всего этого англичане могутъ привести цифры, имѣющія также свое краснорѣчіе: населеніе соединеннаго королевства, не смотря на утраты въ Ирландіи, поднялось въ 50 лѣтъ съ 25 милліоновъ до 37-ми, а колоній съ 4-хъ до 16-ти. Въ Индіи, вмѣсто 90 милліоновъ подданныхъ, у Англіи теперь 200 и 55 милліоновъ вассальныхъ племенъ, торговля возрасла съ 3-хъ до 16-ти милліардовъ франковъ; металургическая промышленность увеличилась въ 8

разъ, ткацкая въ 7, общественное богатство съ 6-ти милліардовъ дошло до 15-ти. Въ царствованіе женщины сдѣлано все-таки много для женщинъ, дѣтей, стариковъ, больныхъ, рабочихъ. Сама королева, доживъ почти до 70-ти лѣтъ, осталась все такой же наивной, вѣрующей институткой, какою была и при вступленіи на престолъ. Это видно изо всѣхъ ея сочиненій, изъ «Дневника моей жизни». Послѣ полувѣкового царствованія, она не относится къ людямъ скептически, не презираетъ ихъ какъ всѣ деспоты; ее не излѣчила отъ вѣры въ человѣчество и людская неблагодарность. Викторія вѣритъ въ Бога и въ свою страну, въ превосходство англичанъ надъ другими націями, въ радости семейной жизни, въ привязанность своихъ приближенныхъ, въ безкорыстіе и прямоту человѣческой натуры. Вѣра въ добро—не то же ли счастіе? Смерть ближнихъ: мужа, дочери Алисы, сына Альбани, не развиваетъ въ ней эгоизма горя, отвращенія къ жизни, хотя, какъ мать она любитъ своихъ дѣтей и внуковъ сильнѣе, чѣмъ это принято по королевскому этикету. Она всегда проста и откровенна, хоть не всегда гуманна. Когда при началѣ войны 1870 года придворный проповѣдникъ Маклеодъ разгромилъ въ церкви французовъ «этихъ исчадій Содома и Гоморры, дѣтей блудницы Вавилона»,—королева записала въ своемъ «дневникѣ», что очень довольна прекрасною рѣчью этого служителя алтаря. Философія ея очень узка, міровоззрѣніе заключается въ тѣсныхъ рамкахъ. Монтескье говоритъ, что для прочности республики необходимо, чтобы въ ней было больше честныхъ, но недалекихъ людей. Въ конституціонныхъ монархіяхъ достаточно и одного такого лица, держащагося золотой посредственности (aurea mediocritas) если это лицо — король. Поэтому-то королева Викторія—идеалъ конституціоннаго величія. Геніальные короли приносятъ несчастіе народамъ. Викторія не накличетъ бѣдствій на свою страну. Она не любитъ Россію, не любитъ и Францію, не понимая ея вѣчной погони за идеаломъ лучшаго правительства. Бережливая—даже чрезчуръ,—холодная, разсудительная, себялюбивая, строго соблюдающая всѣ условія и приличія, Викторія настоящее воплощеніе англійской націи, «a representative woman», какъ ее называютъ ея подданные.

— На французскомъ языкѣ вышло также къ юбилею нѣсколько книгъ объ Англіи. Нѣкто Феликсъ Ремо написалъ о «равенствѣ половъ въ Англіи» (L'égalité des sexes en Angleterre). Книга издана редакціей Nouvelle revue и принадлежитъ, конечно, кому нибудь изъ сотрудниковъ Жюльеты Аданъ, автора «общества Берлина, Вѣны, Лондона, Петербурга» и пр. Это тотъ же легкій языкъ, вылощенныя фразы, пикантные анекдоты, мѣстами вѣрныя свѣдѣнія, перемѣшанныя съ французскимъ благерствомъ, съ утвержденіями наобумъ, съ плохимъ знаніемъ дѣла, но занимательною болтовнею. Борьба за расширеніе правъ женщины, поднятая въ послѣднее время въ Англіи, передана, впрочемъ, довольно вѣрно отъ первыхъ попытокъ къ эмансипаціи до ея дѣятельной пропаганды въ обществахъ, въ родѣ «лиги покровительства женщинъ» мистрисъ Патерсонъ и др. Гораздо болѣе значенія имѣетъ книга Бартелеми Сент-Илера «Англійская Индія, ея настоящее положеніе и ея будущее» (L'Inde anglaise, son état actuel et son avenir). Главный выводъ автора тотъ, что столкновеніе между Англіей и Россіей изъ-за Индіи неминуемо и результаты его сомнительны, такъ какъ силъ Англіи даже въ союзѣ съ Германіей и Австріею врядъ ли достаточно для противодѣйствія Россіи, если даже война возникаетъ одновременно въ Азіи и Европѣ. Положеніе Индіи представлено довольно вѣрно, хотя авторъ на сторонѣ англичанъ, а

не туземцевъ. Онъ ошибается только, увѣряя, что католическая пропаганда не дѣлаетъ успѣховъ въ Индіи: напротивъ, іезуиты кишатъ особенно въ южныхъ провинціяхъ страны.

— Академикъ Бутми написалъ «Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи» (Le développement de la constitution et de la société politique en Angleterre). Этотъ предметъ уже достаточно исчерпанъ самими англичанами въ сочиненіяхъ Фримана и Стобса, нѣмцами въ трудахъ Гнейста, даже самими французами: Гизо и Огюстеномъ Тьерри. Бутми пользуется всѣми этими авторами, но, какъ настоящій французъ, оставляетъ безъ вниманія работы другихъ писателей, у которыхъ могъ бы найдти много интереснаго потому же предмету: у Самюэля Гардингера по исторіи XVII вѣка, у Лекки—по XVIII вѣку, Стангопа, Маколея и др. Бутми изслѣдуетъ политическія учрежденія Англіи съ норманскаго завоеванія. Конечно, «витенагемотъ» Альфреда и Эдуардовъ не парламентъ Вильгельма III или Викторіи, но нельзя же было умолчать и о началахъ конституціоннаго устройства. Религіозный переворотъ изображенъ слабо. Этюдъ оканчивается 1884 годомъ, когда въ парламентъ вторгся демократическій элементъ въ лицѣ рабочаго сословія.

— Пресловутый князь Крапоткинъ, выпущенный на свободу, издалъ свои воспоминанія подъ названіемъ «Въ русскихъ и французскихъ темницахъ» (In russian and french prisons). Нечего и говорить, что здѣсь вымыселъ играетъ гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ дѣйствительность. Русскія тюрьмы онъ изображалъ и прежде, и только въ описаніи французскихъ встрѣчаются новыя подробности, которымъ однако можно вѣрить только, sous bénefice d'inventaire, какъ говорятъ французы. Въ концѣ книги замѣчательно разсужденіе о томъ, въ какой степени всякія темницы могутъ приносить пользу. Athenaeum говоритъ, что сказкамъ о пыткахъ въ тюрьмахъ странно вѣрить въ наше время, когда всѣ цивилизованныя государства признали договорами взаимную выдачу преступниковъ. Не выдаютъ ихъ только Китаю, у котораго пытки входятъ въ кодексъ законодательства и пріемы государственнаго устройства.

— «Историческія основы современной Европы (The historical basis of modern Europe by Archibald Weir) отъ 1760 до 1815 года»—странная книга: она говоритъ обо всемъ, что случилось замѣчательнаго въ политикѣ, промышленности, наукѣ, литературѣ искусствъ, въ теченіе этихъ 55 лѣтъ, почему-то взятыхъ авторомъ предѣломъ своихъ изслѣдованій,—и, въ то же время не даетъ отвѣта на то, въ чемъ же состояли главныя стремленія этой эпохи? Это и не прагматическая исторія и не философское обсужденіе одного изъ ея періодовъ. О томъ же самомъ времени можно прочесть гораздо подробнѣе, яснѣе и послѣдовательнѣе у Вебера или даже въ недавно вышедшей англійской исторіи Силея. Читается она легко, но въ ней невидно именно того, на что указываетъ авторъ въ заголовкѣ: основаній современнаго положенія. Главнымъ двигателемъ этой эпохи авторъ считаетъ—стремленіе людей къ пріобрѣтенію благосостоянія и матеріальнаго комфорта посредствомъ измѣненій въ политической формѣ организаціи государства. Но это же стремленіе выражалось и позже и еще съ большею рѣзкостью. Да и доказательства, подкрѣпляющія основную мысль книги, слишкомъ слабы, чтобы заставить читателя согласиться съ авторомъ.

— Какой-то цивилизованный турокъ, а вѣрнѣе всего французъ подъ маскою правовѣрнаго мусульманина, издалъ изслѣдованіе «Болѣзни Востока» (Le mal d'Orient, moeurs turques par Kesnin bey). Эта болѣзнь современной Турціи—ея нравственное разложеніе и преимущественно взяточничество и кража, разъѣдающая всѣ слои турецкаго общества, начиная съ самыхъ высшихъ чиновниковъ. Природа на Востокѣ удивительная, но въ его людяхъ, чѣмъ они стоятъ выше, тѣмъ замѣтнѣе въ нихъ всякое отсутствіе совѣсти, всякаго понятія о нравственности и честности. «Это не только—государство, клонящееся къ паденію, это общество, которое гибнетъ навѣки. Константинополь—это очаровательная красавица, зараженная ужаснымъ недугомъ, отравляющимъ ея дыханіе». Между тѣмъ Россія не сегодня—завтра овладѣетъ Константинополемъ, христіанское населеніе котораго, и въ особенности греки, ничѣмъ не лучше турокъ. Они должны отступить въ глубь Азіи. Черное море должно сдѣлаться русскимъ озеромъ, Австрія будетъ раздавлена между двумя колоссами. Таковы выводы почтеннаго мусульманина. Въ подкрѣпленіе ихъ онъ приводитъ и документы, повидимому, офиціальные. Между ними любопытны между прочимъ подробные счеты взятокъ, данныхъ турецкимъ чиновникамъ, начиная съ главнаго лица въ управленіи: по табачной монополіи 120,000 піастровъ, по постройкѣ одной желѣзной дороги 75,000; передано во дворецъ по другимъ счетамъ 125,000, 60 и 50; по оружейному заводу 100,000, за концессію плаванія въ константинопольскихъ водахъ, за поставку суконъ, устройство галатскаго банка 170,000 и т. д.; всего въ короткое время султанскій дворъ получилъ бакшиша до 14 милліоновъ франковъ. Дворъ этотъ продается съ аукціона. Кто дастъ больше, тому и даютъ все, что онъ потребуетъ. Чему же удивляться, что всѣ визири и министры обманываютъ султана, представляя къ его ратификаціи позорную египетскую конвенцію, узаконивающую захватъ страны фараоновъ англичанами. Не открой ему глаза послы русскій и французскій, султанъ подписалъ бы ее, да подпишетъ и теперь, какъ ни упирается. Англія дастъ еще больше денегъ, придумаетъ другую уловку, и Египетъ уже не вырвется изъ рукъ всемірныхъ грабителей.

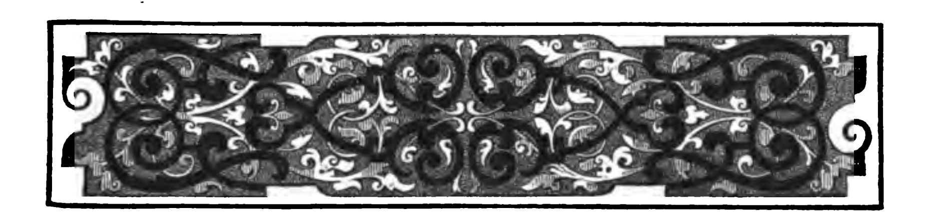
— Культурныя картины старой Англіи (Kulturbilder aus Alt-England) Теодора Батке напоминаютъ по названію ранѣе вышедшую книгу Рейнгольда Паули «Картины старой Англіи», хотя ни та, ни другая книга не отвѣчаютъ своему названію, такъ какъ Старая Англія у Паули ограничивается эпохой Чоусера, а у Батке—Шекспиромъ. Жизнь Лондона въ царствованіе Елисаветы обрисована, впрочемъ, вѣрно и живо этимъ послѣднимъ авторомъ, пользовавшимся хотя извѣстными, но мало изслѣдованными источниками, изъ которыхъ Батке извлекъ дѣйствительно занимательныя картины. Центромъ ихъ является великій драматургъ, оставившій столько геніальныхъ произведеній и такъ мало свѣдѣній о самомъ себѣ и своей жизни. Батке не прибавляетъ ничего новаго къ этимъ свѣдѣніямъ, но хорошо групируетъ ихъ.

— Нѣмецкая критика восхищается картинами Швабіи (Aus Schwaben), набросанными двумя писателями: Паулусомъ и Штилеромъ. Для нѣмца имя Швабіи, откуда вышли всѣ Гогенштауфены и Гогенцоллерны имѣетъ, безспорно, большое значеніе и также дорого каждому гражданину объединенной Германіи, какъ ненавистно каждому члену разъединенной югославянской семьи, столько вѣковъ эксплуатируемой этими швабами подъ предлогомъ ихъ расоваго превосходства. Но авторы очень отчетливо и живописно

изобразили свою родину въ восьми главахъ, заключающихъ въ себѣ описаніе страны и ея жителей, древностей, искусства, Шварцвальда, швабскихъ Альпъ, верхней Швабіи, земель по Неккеру и Тауберу. Не одни туристы, но и серьёзные ученые найдутъ въ этой книгѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія объ этой части Германіи. Хорошія иллюстраціи, приложенныя къ ней знакомятъ наглядно съ замѣчательнѣйшими мѣстностями страны.

— Въ Петербургѣ имѣетъ большой успѣхъ сборникъ разныхъ мыслей о женщинахъ, въ короткое время выдержавшій семь изданій, составленный безъ всякой системы и не имѣющій серьёзнаго значенія; сборникъ, въ основу котораго взята французская книга «Le mal qu'on a dit de femmes» понравился не прекрасному полу, особенно тѣмъ, кто отзывался о прекрасномъ полѣ съ сатирической, а мѣстами даже съ цинической точки зрѣнія. Въ Лейпцигѣ вышла подобная же брошюра, но въ болѣе безпристрастномъ тонѣ и съ научной подкладкой: «Женщины въ зеркалѣ французской, итальянской и русской поговорочной мудрости» (Die Frauen im Spiegel der französischen, italienischen und russischen Spruchweisheit). Въ брошюрѣ есть еще второе заглавіе: «дополненіе къ сравнительной народной психологіи». Авторъ докторъ Леонгардъ Фрейндъ изъ сопоставленія поговорокъ и пословицъ трехъ народовъ о женщинахъ дѣлаетъ выводы—иногда остроумные, чаще парадоксальные о степени нравственнаго и культурнаго развитія этихъ національностей. Всего слабѣе у него—русскія пословицы, съ которыми онъ очевидно мало знакомъ. Всѣ онѣ, по мнѣнію автора—не въ пользу женщинъ, хотя русскій языкъ очень богатъ всякаго рода ласкательными именами и любовными выраженіями. Онъ приводитъ между прочимъ слѣдующія поговорки: «Женскій язычокъ отрѣзалъ не одну мужскую шею»; «поповская хитрость выше чертовской, а женская выше поповской»; «у семи женщинъ одна душа» Фрейндъ нигдѣ не указываетъ, откуда онъ цитируетъ поговорки и между ними встрѣчаются очень странныя, какъ напр. «не раздѣвайся же дочка, вѣдь ты хотѣла идти купаться» или уже черезчуръ реальная, которую мы оставляемъ безъ перевода: «Kein Fleisch so theuer als das Mittelstück».





СМѢСЬ.

Трехсотлѣтіе Тобольска. Въ іюнѣ нынѣшняго года минуло триста лѣтъ со времени основанія Тобольска. Мы живемъ въ той половинѣ столѣтія, когда сотни городовъ, пожалованныхъ въ это званіе Екатериною II, воспользовались правомъ чествованія своихъ столѣтнихъ юбилеевъ, но Тобольскъ не имъ чета. Пусть и триста лѣтъ не представляютъ для всякаго стариннаго русскаго города выдающейся особенности, и не прибавляютъ чести,—тѣмъ не менѣе Тобольскъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Сибири (третій по времени основанія). Не такъ давно онъ назывался «столицею Сибири» и считалъ самъ себя таковой. Онъ сосредоточивалъ въ себѣ всѣ центральныя управленія обширнѣйшей въ свѣтѣ страны, и пользовался многочисленными привиллегіями и пособіями правительства. Въ сущности Тобольскъ и самъ городъ правительственный, казенный, въ противоположность городамъ, созданнымъ по волѣ, избранію и трудомъ народа. Онъ помнитъ то время, когда окончательно исчезло съ лица земли Кучумово укрѣпленіе, и стала приходить въ совершенное забвеніе память о татарскомъ владычествѣ въ этихъ мѣстахъ. Съ этого времени надо считать начало сибирской исторіи и ея колонизаціоннаго періода. Съ основанія Тобольска началось быстрое и поступательное движеніе дальше на востокъ, въ глубь сибирской обширной равнины, прорѣзанной сѣтью рѣкъ. Тобольскъ же упрочилъ бытъ и тѣхъ поселеній, которыя уже успѣли устроиться раньше и назади его. Московскій царь съ этого времени началъ дѣйствовать рѣшительнѣе и смѣлѣе. Онъ тотчасъ же на Сибирское царство наложилъ ясакъ, а въ 1590 г. прислалъ и воеводу, кн. Кольцова-Масальскаго. Тобольскъ сдѣлался настоящимъ городомъ, бывши до тѣхъ поръ тыненымъ острогомъ. Въ 1594 г. его срубили въ стѣну съ башнями и воротами, обвели валомъ и рвами и, сверхъ того, новымъ частоколомъ и назвали главнымъ городомъ Сибири,—и, сталъ онъ «рубленымъ» городомъ. Москва поспѣшила городскому архіерею присвоить санъ митрополита, снабдивъ его бѣлымъ клобукомъ и правомъ совершать въ Вербное Воскресенье торжественное шествіе на осляти. Въ воеводы назначались не иначе, какъ ближніе царскіе бояре, впослѣдствіи времени получившіе высокія права намѣстниковъ, а при Екатеринѣ II

во дворцѣ ихъ даже воздвигнутъ былъ императорскій тронъ, на нижнихъ ступеняхъ котораго намѣстники принимали праздничныя поздравленія. Вліяніе Тобольска быстро росло и распространилось на всю сибирскую равнину. Въ XVIII столѣтіи въ Тобольскѣ были уже: при архіерейскомъ домѣ—училище, послужившее основою будущей семинаріи, и геодезическое училище; плѣнными шведами заведены частныя школы; однимъ изъ митрополитовъ—школа иконописцевъ. Въ 1705 г., въ день Іоанна Богослова, близъ одной церкви, всенародно представляли одну изъ духовныхъ кіевскихъ рапсодій, а въ 1796 и 1797 гг. издавался даже журналъ въ вольной типографіи. Съ усиленіемъ въ верховьяхъ Тобола и Иртыша населенія, понуждавшагося къ истребленію лѣсовъ, Тобольскъ сталъ испытывать бѣдствія наводненій. Отъ подъема руслъ обѣихъ многоводныхъ рѣкъ нижній городъ нѣсколько разъ подвергался опасности полнаго уничтоженія. Съ перваго сильнаго наводненія въ 1734 г. и второго въ 1789 г. размывшаго и разрушившаго весь нижній городъ, это бѣдствіе сдѣлалось періодическимъ. Знаменскій монастырь три раза перемѣнилъ свое мѣсто. Верхній городъ не избѣгъ подобной же участи: страшные пожары выдѣляютъ Тобольскъ изъ ряда всѣхъ нашихъ городовъ. Насчитывается 12 такихъ пожарныхъ бѣдствій, которыя имѣютъ право на названіе историческихъ: одинъ разъ (1701 г.) сгорѣли оба города до тла, осталось только 28 домовъ. Но городъ отстраивался вновь, цѣпко удерживаясь на насиженномъ мѣстѣ, благодаря правительственной помощи и достаткамъ жителей въ цвѣтущую пору. Къ концу прошлаго вѣка процвѣтаніе оказалось призрачнымъ. На югѣ усмирены были степные кочевники, стали ближнія мѣста безопасны: народное движеніе устремилось туда въ безошибочномъ разсчетѣ на плодоносныя черноземныя почвы, на роскошныя травяныя степи. Торговля сырыми продуктами проложила себѣ неожиданно для царствующаго града новые и прямые пути. Вмѣсто сѣверныхъ искусственныхъ городовъ (города вообще не привились къ Сибири), въ молодой странѣ разрослись громадныя вольныя слободы, какъ большіе и сильные города. Выросли въ далекой восточной Сибири свои торговые пункты, какъ Кяхта, Иркутскъ и пр. Народилась и отдѣлилась своими интересами новая страна—Восточная Сибирь съ Забайкальемъ и Амуромъ. Тобольскъ остался совершенно въ сторонѣ и сталъ чахнуть. Еще до 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія какъ бы для поддержки ссыльнаго города (владѣющаго даже ссыльнымъ колоколомъ) тянулись на Тобольскъ партіи арестантовъ ради распредѣленія приказомъ по Сибири, но и ихъ уже перестали водить туда. Съ окончаніемъ желѣзной дороги, направленной на Тюмень, Тобольскъ палъ окончательно.

Открытіе памятника В. А. Жуковскому. 4-го іюня, происходило торжество открытія и освященія памятника Василію Андреевичу Жуковскому, сооруженнаго въ Петербургѣ въ Александровскомъ саду и находящагося на площадкѣ противъ главной адмиралтейской арки—съ одной стороны, и конца Невскаго проспекта—съ другой. Торжество началось въ первомъ часу пополудни. Къ этому времени въ Александровскомъ саду собралось множество приглашенныхъ лицъ, представители администраціи, градоначальникъ, представители городского общественнаго управленія, гласные городской думы, сынъ покойнаго поэта П. В. Жуковскій, почитатели поэта и литераторы. Полукругомъ у подножія памятника сгруппировалась масса дѣтей, учениковъ двухъ городскихъ школъ имени В. А. Жуковскаго, открытыхъ въ 1883 г.—воспитанники этихъ школъ прибыли сюда въ сопровожденіи своихъ наставниковъ. Торжество началось богослуженіемъ, совершеннымъ причтомъ Адмиралтейской церкви. Когда упала завѣса, взорамъ присутствующихъ открылся, сдѣланный изъ темной бронзы, бюстъ В. А. Жуковскаго. Лицо поэта обращено къ Зимнему дворцу и къ Александровской колоннѣ. Памятникъ очень красивъ. На двухъ ступеняхъ возвышается мраморный пьедесталъ со слѣдующими надписями со всѣхъ четырехъ сторонъ; на лицевой сторонѣ памятника изображено: «Василій Андреевичъ Жуковскій—1783—1852 г.».

Затѣмъ ниже:

«Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость».

Пушкинъ.

Съ другой стороны:

«Бывали дни восторженныхъ видѣній,
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный геній,
Природа вся мнѣ пѣснею была».

Жуковскій, «Ундина». 1836 г.

Съ третьей стороны:

«Поэзія есть богъ въ святыхъ мечтахъ земли».

Жуковскій «Камоэнсъ», 1839 г.

Съ четвертой стороны:

«Воздвигнутъ въ 1887 г. городскимъ общественнымъ управленіемъ».

Изба Кутузова. 21-го іюня, на Поклонной горѣ, въ двухъ верстахъ отъ Дарогомиловской заставы, по Можайскому тракту, происходила закладка, возобновляемой обществомъ хоругвеносцевъ храма Христа Спасителя, исторической «совѣтной Кутузовской избы», памятника Отечественной войны 1812 г. Изба эта 7-го іюня 1868 г. сгорѣла. Общество хоругвеносцевъ, желая увѣковѣчить память 1-го сентября 1812 г., знаменитаго для Россіи дня, когда главнокомандующій россійской арміи, фельдмаршалъ Голенищевъ-Кутузовъ собралъ въ избѣ этой, принадлежащей крестьянину деревни Фили, Фролову, военный совѣтъ генераловъ и опредѣлилъ для блага отечества: «отдать непріятелю Москву и съ арміей отступить по рязанской дорогѣ», исходатайствовало, при посредствѣ московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, дозволеніе возобновить на свой счетъ историческую избу эту, по прежнему ея образцу. Когда сгорѣла изба, т. е. 19 лѣтъ тому назадъ, владѣлецъ Филей, Э. А. Нарышкинъ, клочекъ земли, занимаемой той избой въ 216 кв. саж., подарилъ городской Думѣ, но Дума, не желая получить его даромъ, заплатила г. Нарышкину 200 р. Г. Нарышкинъ возвратилъ ихъ думѣ на основной капиталъ памятника на мѣстѣ сгорѣвшей избы фельдмаршалу Кутузову. До пожара въ избѣ сохранялась вся обстановка, бывшая во время совѣта: столъ, скамьи, знаменитая чернилица и пр. На стѣнахъ были портреты генераловъ, находившихся на совѣтѣ и, кромѣ того, была заведена книга, въ которую записывали свои имена посѣщавшіе избу. Въ избѣ этой ночевалъ великій князь Константинъ Павловичъ, ѣхавшій въ Москву на коронацію императора Николая Павловича. Во время пожара инвалиды-сторожа избы спасли только одни портреты генераловъ и сдали ихъ думѣ; послѣдняя же остатки избы продала за 40 р. и о памятникѣ до 1883 г. никакого распоряженія не дѣлала. Въ этотъ годъ, послѣ коронаціи, офицеры гренадерскаго корпуса, желая увѣковѣчить историческое мѣсто военнаго совѣта 1812 г., исходатайсвовали поставить на немъ памятникъ и обнести его рѣшеткой. На ихъ средства сооруженъ гранитный обелискъ съ двумя на мраморныхъ доскахъ слѣдующими надписями: 1) «На мѣстѣ этомъ находилась изба, принадлежавшая крестьянину деревни Фили—Фролову, гдѣ 1-го сентября 1812 г. былъ военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала князя Кутузова, рѣшившаго участь Москвы и спасеніе Россіи. Изба сгорѣла 7-го іюня 1868 г. Офицеры гренадерскаго корпуса, бывшіе въ военной прогулкѣ въ 1883 г. въ окрестностяхъ Москвы, проникнувшись благоговѣніемъ къ историческому мѣсту, возымѣли желаніе увѣковѣчить это мѣсто камнемъ и обнести его оградой, что и исполнено заботами и усердіемъ чиновъ гренадерскаго корпуса 8-го ноября 1883 г.» 2) На второй доскѣ над-

пись такого содержанія: «На совѣтѣ фельдмаршалъ высказалъ, что потерею Москвы еще не потеряна Россія. Поставляю обязанностью сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самимъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель, и потому намѣренъ, пройдя Москву, отступить по рязанской дорогѣ». Закончилъ онъ совѣтъ такъ:—«Мнѣ придется поплатиться за все, но жертвую собой и для блага отечества приказываю отступать!» 21-го іюня, хоругвеносцы, въ полномъ собраніи всѣхъ своихъ членовъ, съ старостой своимъ, послѣ литургіи въ храмѣ св. Покрова на Филяхъ, съ мѣстнымъ духовнымъ причтомъ, крестнымъ ходомъ прослѣдовали на историческое мѣсто, гдѣ уже было выведено первое основаніе избы и отслуженъ молебенъ.

150-тилѣтіе иконы Казанской Богоматери. 2-го іюля исполнилось сто пятьдесятъ лѣтъ со дня перенесенія иконы Казанской Божьей Матери изъ Троицкаго собора на Петербургской сторонѣ, и постройки Казанской церкви на площади, на которой до этого времени стояли соляные амбары. Первый храмъ назывался «Рождествобогородицкимъ соборомъ» во имя главнаго придѣла Рождества Богородицы, другіе два придѣла были: во имя ап. и ев. Іоанна Богослова и св. Антонія и Өеодосія Кіевопечерскихъ. Освященіе храма 2-го іюля 1737 совершилось самымъ торжественнымъ образомъ. Наканунѣ этого дня, въ 6 часовъ вечера, императрица Анна Ивановна вышла съ придворными изъ лѣтняго дворца; когда церемоніальное шествіе достигло Невскаго проспекта, на колокольнѣ начался звонъ, продолжавшійся до вступленія императрицы во храмъ. Вмѣстѣ съ шествіемъ императрицы была несена икона духовникомъ императрицы. При входѣ въ церковь икону и императрицу встрѣтили съ крестомъ всѣ члены сѵнода и всѣ бывшіе въ Петербургѣ епископы, вмѣстѣ съ придворнымъ духовенствомъ и пѣвчими. Въ церкви икону поставили на устроенномъ для нея мѣстѣ въ иконостасѣ у лѣваго клироса. Существуетъ преданіе, что во времена Петра I икона Казанской Божьей Матери находилась снаружи на воротахъ Александро-Невскаго монастыря. По другимъ сказаніямъ икона по перенесеніи ея изъ Москвы въ 1710 г. была поставлена въ часовнѣ внутри гостинаго двора на Петербургской сторонѣ. 3-го іюля 1737 года, въ 8 час. утра, начался благовѣстъ въ новопостроенной церкви; императрица съ особами царскаго дома и придворными прибыла въ храмъ вскорѣ послѣ начала благовѣста. У церкви императрицу встрѣтили: Питиримъ архіепископъ нижегородскій, александро-невскій архимандритъ Стефанъ Калиновскій, московскаго новоспасскаго монастыря архимандритъ Никодимъ, Іоаннъ и другое духовенство. По вступленіи императрицы въ соборъ, началось освященіе главнаго придѣла, а потомъ совершена литургія, послѣ которой Амвросій епископъ вологодскій и бѣлозерскій говорилъ проповѣдь. Усердіемъ императрицы на икону возложена была новая золотая риза съ драгоцѣнными камнями. Цѣнность нынѣшней ризы, исполненной по сооруженіи настоящаго Казанскаго собора, равняется 35,450 руб., въ ней золота вѣсомъ около десяти фунтовъ, на ней алмазовъ 96 каратовъ, брилліантовъ 190 каратовъ большихъ и мелкихъ, рубиновъ 50 каратовъ, изумрудовъ 120 каратовъ, сафировъ 120 каратовъ и, затѣмъ, множество жемчуговъ, принесенныхъ въ даръ императрицею Маріею Өедоровною и Елизаветою Алексѣевною. Новый храмъ былъ причисленъ къ придворному вѣдомству. Здѣсь совершались всѣ архіерейскія торжественныя богослуженія въ присутствіи высочайшихъ особъ, бракосочетанія лицъ императорской фамиліи; здѣсь императрица Екатерина II, при восшествіи на престолъ, принимала отъ духовенства и народа вѣрноподданническую присягу. Павелъ I въ 1801 г., вмѣсто этой церкви, въ ближайшемъ отъ нея разстояніи на той же площади, построилъ существующій теперь соборъ во имя Казанской Божьей Матери, поручивъ постройку храма профессору архитектуры Воронихину. Десять лѣтъ строился храмъ, и въ 1811 году, 15-го сентября, въ день коронаціи Александра I освященъ петербургскимъ митрополитомъ Амвросіемъ. Въ 1813 г.

старый храмъ былъ сломанъ, причемъ была найдена бѣлая мраморная доска, на которой въ точности обозначено время постройки разобранной церкви.

Юбилей Н. И. Кокшарова. Въ іюнѣ исполнилось 50 лѣтъ ученой дѣятельности нашего извѣстнаго минералога, горнаго инженера, ординарнаго академика академіи наукъ, Николая Ивановича Кокшарова. Въ виду огромныхъ заслугъ юбиляра передъ русской наукой, его многочисленныхъ изслѣдованій въ области минералогіи, геогнозіи и геологіи, чествованіе его отличалось особенной торжественностью. Николай Ивановичъ родился въ Томской губерніи въ 1818 г. Въ 1830 г. онъ выдержалъ пріемный экзаменъ въ горный институтъ, въ который въ то время принимались малолѣтніе, и черезъ 7 лѣтъ, въ 1837 г., 6-го іюня, блестяще окончилъ курсъ наукъ и былъ произведенъ въ прапорщики корпуса горныхъ инженеровъ. Послѣ выпуска изъ горнаго института, Н. И. неоднократно совершалъ геологическія экспедиціи по Россіи и Уралу, читалъ въ разное время лекціи по минералогіи, геологіи и физической географіи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, — въ горномъ институтѣ, институтѣ путей сообщенія, земледѣльческомъ институтѣ, Константиновскомъ училищѣ, пажескомъ корпусѣ, земледѣльческой школѣ и др. Съ 1849 г. по 1852 г. состоялъ смотрителемъ главной физической обсерваторіи. Въ 1855 г. онъ былъ избранъ адъюнктомъ академіи наукъ, въ 1866 г. ординарнымъ академикомъ. Въ 1848 г. былъ приглашенъ читать лекціи по кристаллографіи и геогнозіи въ Петербургскомъ университетѣ, а въ 1866 г. избранъ его почетнымъ членомъ. Петербургское минералогическое Общество избрало его своимъ президентомъ и почетнымъ членомъ. Въ 1872 г. онъ былъ назначенъ директоромъ горнаго института и въ этой должности оставался до конца 1881 г. Въ области минералогіи Н. И. сдѣлалъ очень много: онъ изслѣдовалъ массу отечественныхъ минераловъ и описалъ ихъ частью въ особо изданныхъ мемуарахъ, частью помѣстилъ свои изслѣдованія въ изданіяхъ и бюллетеняхъ академіи наукъ. Изъ его трудовъ особенно выдается обширное сочиненіе «Матеріалы для минералогіи Россіи», изданіемъ котораго на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ нашъ знаменитый кристаллографъ занимается съ 1853 года; этотъ трудъ имѣетъ громадный успѣхъ въ Россіи и доставилъ Н. И. почетную извѣстность европейскаго ученаго за границей. Трудно перечислить всѣ званія, въ которыхъ состоитъ въ настоящее время Н. И. Маститый юбиляръ, кромѣ предсѣдательства въ минералогическомъ Обществѣ, состоитъ членомъ: горнаго совѣта, горнаго ученаго комитета и геологическаго комитета; почетнымъ членомъ университетовъ: петербургскаго, московскаго, кіевскаго и казанскаго, военно-медицинской академіи и нью-іоркской академіи наукъ, соучастникомъ королевской римской академіи наукъ, членомъ-корреспондентомъ слѣдующихъ академій наукъ: парижской туринской, геттингенской (въ ней и почетнымъ членомъ), датской, баварской, филадельфійской и германской леопольдо-каролинской; почетнымъ членомъ натурально-историческихъ Обществъ: петербургскаго, московскаго, кіевскаго, харьковскаго, уральскаго, рижскаго, петербургскаго минералогическаго, парижскаго минералогическаго, лондонскаго геологическаго, вольно-нѣмецкаго въ Франкфуртѣ на Майнѣ, оберъ-гессенскаго, штирійскаго и петербургскаго фармацевтическаго Общества; членомъ-корреспондентомъ геологическаго института въ Вѣнѣ и Обществѣ натуралистовъ бельгійскомъ и фрейбургскомъ. Кромѣ того, Н. И. Кокшаровъ состоитъ докторомъ минералогіи и геогнозіи университета св. Владиміра въ Кіевѣ. Словомъ, за 50 лѣтъ своей неутомимой дѣятельности, Николай Ивановичъ много принесъ пользы для движенія русской науки впередъ, для поддержанія блестящаго состоянія нашего горнаго института и для образованія цѣлаго ряда превосходныхъ горныхъ инженеровъ и минералоговъ, чѣмъ вполнѣ заслужилъ всѣ почести и выраженіе глубокаго къ нему уваженія.

Столѣтіе войска черноморскаго. 3-го іюля исполнилось 100 лѣтъ съ того момента, когда покрытые славою кубанскихъ битвъ старшины бывшаго запо-

рожскаго войска, впослѣдствіи дѣятели войска черноморскаго — Сидоръ Бѣлый, Антонъ Головатый, Захарій Чепига и др., въ Кременчугѣ получили отъ проѣзжавшей по Малороссіи императрицы Екатерины II, въ отвѣтъ на поднесенное ей прошеніе, именной указъ на новое возрожденіе запорожскаго войска и временное поселеніе между рѣкъ: Днѣстромъ и Бугомъ; послѣ чего въ слѣдующемъ году 14-го января возрожденному войску опредѣлено было занять нынѣшнюю Кубанскую область, собственно Черноморію, по правому берегу рѣки Кубани.

† 9-го іюня, въ Петербургѣ отставной контръ-адмиралъ **Никандръ Николаевичъ Клокачевъ**, на 60 году. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ прямыхъ, благородныхъ и преданныхъ своему дѣлу моряковъ, которые на всякомъ посту, гдѣ бы они ни находились, оставляютъ по себѣ почетныя воспоминанія. Имя почившаго надолго сохранится среди судопромышленниковъ Маріинской системы. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ инспекторовъ на упомянутой системѣ, которые были очевидцами громадныхъ жертвъ, вслѣдствіе господства тамъ сибирской язвы. Онъ тогда же напечаталъ въ газетахъ нѣсколько замѣчательныхъ статей о Маріинской системѣ: эти статьи, богатыя фактами, пролили впервые свѣтъ на положеніе упомянутой системы и вызвали мѣры къ улучшенію ея. Клокачевъ умеръ отъ паралича сердца, въ послѣдніе годы жизни переживъ много невзгодъ: враги старались отнять у него то, чѣмъ онъ болѣе всего дорожилъ—доброе имя; но правда восторжествовала. Умеръ онъ, какъ большинство честныхъ людей, не оставивъ своей семьѣ ничего, кромѣ уважаемаго имени, да скромной пенсіи.

† 26-го іюня послѣ продолжительной болѣзни одинъ изъ старѣйшихъ служакъ по городскому общественному управленію — **Владиміръ К. Шелейховскій**. Онъ прослужилъ въ петербургской думѣ почти 40 лѣтъ и лишь въ началѣ прошлаго года оставилъ должность завѣдующаго дѣлопроизводствомъ столичнаго городскаго по воинской повинности присутствія. Онъ получилъ воспитаніе въ 1 кадетскомъ корпусѣ, служилъ нѣкоторое время въ конной артиллеріи и оставилъ военную службу въ 1847 г. по приглашенію коммиссіи для введенія новаго общественнаго управленія въ Петербургѣ. Начавъ съ самой незначительной должности, онъ постепенно прошелъ почти всѣ въ ней должности,—въ продолженіе 15 лѣтъ редактировалъ «Извѣстія городской думы», исправлялъ временно обязанности городскаго секретаря и пр. На сколько полезна была дѣятельность этого талантливаго и добросовѣстнаго труженика, доказывается массою похвальныхъ общественныхъ приговоровъ, составленныхъ въ Думѣ въ разное время въ уваженіе его дѣятельности; такихъ приговоровъ было 31. Покойнымъ, между прочимъ, была составлена въ первый разъ нынѣ ежегодно издающаяся справочная книга петербургскаго купеческаго сословія; онъ изслѣдовалъ причины накопленія податной мѣщанской недоимки и положилъ первыя начала къ устройству общественнаго призрѣнія въ мѣщанскомъ сословіи. На немъ лежали ближайшія распоряженія по введенію въ столицѣ жеребьевой системы отбыванія рекрутской повинности и по призыву ополченія 1854 года. Не перечисляя огромныхъ трудовъ покойнаго, важныхъ докладовъ по различнымъ отраслямъ городскаго хозяйства, слѣдуетъ сказать, что всюду были видны талантливость его и неутомимое трудолюбіе. Въ 1881 году Дума постановила выдавать В. К., во вниманіе къ его заслугамъ, изъ городскихъ доходовъ пенсію въ размѣрѣ 2,400 рублей въ годъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ В. К. состоялъ также старшимъ сотрудникомъ комитета о нищихъ. Какъ человѣкъ, Шелейховскій былъ отзывчивъ къ чужой нуждѣ, всегда готовъ помочь ближнему. Трудовая заботливая жизнь уложила его въ могилу на 63 году.

† 4-го іюня отъ паралича сердца, на 76 году генералъ-адъютантъ **Иванъ Васильевичъ Анненковъ**. Онъ оставилъ по себѣ память талантливаго историка и добраго человѣка. Составленная имъ и выпущенная въ 1848 году «Исторія лейбъ-гвардіи коннаго полка отъ 1731—1848 гг.» доставила ему громкую из-

вѣстность въ военныхъ кружкахъ. Кромѣ этого капитальнаго труда, покойный сдѣлалъ еще весьма важный вкладъ въ русскую литературу, доставивъ подлинныя рукописи А. С. Пушкина своему брату, П. В. Анненкову, занимавшемуся тогда составленіемъ біографіи поэта и приведеніемъ въ систематическій порядокъ его рукописей. Какъ военный человѣкъ, И. В. пріобрѣлъ репутацію выдающагося администратора. Выйдя изъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, И. В. былъ назначенъ вице-директоромъ инспекторскаго департамента (нынѣ главный штабъ) и командированъ во время Севастопольской кампаніи для сформированія дружины полтавскаго ополченія. Исполнивъ блистательно возложенную на него задачу, И. В. былъ назначенъ начальникомъ петербургскаго жандармскаго управленія. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ сдѣлался извѣстнымъ петербуржцамъ какъ дѣятельный оберъ-полицеймейстеръ. Пробывъ въ этой должности до 1864 года, покойный въ 1866 г. назначенъ на должность 1-го петербургскаго дворцоваго коменданта. Въ 1881 г. назначенъ въ члены Александровскаго комитета о раненыхъ, гдѣ и состоялъ по день своей кончины.

† Первый въ Россіи музыкальный лексикографъ **П. Д. Перепелицынъ.** Онъ родился въ 1818 г., состоялъ въ военной службѣ и, дойдя до чина полковника, занялся музыкально-литературными работами историческаго содержанія. Перепелицынымъ составленъ «Музыкальный словарь», «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», печатаемый и понынѣ въ «Нови». Вмѣстѣ съ М. И. Ивановымъ издана имъ въ началѣ нынѣшняго года «Музыкальная памятная книжка». Въ рукописяхъ у Перепелицына остались приготовленными «Описаніе музыкальныхъ инструментовъ у различныхъ народовъ древнихъ и новыхъ» и «Краткія біографіи русскихъ музыкальныхъ дѣятелей» съ конца прошедшаго столѣтія, причемъ покойный имѣлъ трудъ и терпѣніе собрать много портретовъ. Перепелицынъ былъ далекъ отъ консерваторскаго міра, его тамъ и не знали; но въ средѣ литературной покойный, будучи хотя и весьма скромнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, пользовался симпатіями знавшихъ и сходившихся съ нимъ лицъ.

† 8-го іюня, **Александръ Ивановичъ Лебедевъ.** Имя его хорошо извѣстно въ театральномъ мірѣ. Онъ былъ балетоманъ въ душѣ. Отъ первой балерины до послѣдней танцовщицы всѣ знали его, а нѣкоторыя были съ нимъ въ большой дружбѣ. Въ то же время онъ былъ ходячій словарь по балету и зналъ подробныя біографіи артистокъ и артистовъ балета за послѣднія тридцать лѣтъ и ихъ лучшія роли. Артисты любили покойнаго искренне и онъ платилъ имъ взаимностью. Онъ не пропускалъ ни одного балетнаго представленія, на семейныхъ чествованіяхъ артистовъ произносилъ экспромты. По профессіи, онъ былъ учитель танцевъ въ гатчинскомъ институтѣ. Слабость зрѣнія заставила его прекратить свои скромныя занятія. Въ то же время, при новыхъ порядкахъ въ театрѣ, онъ былъ лишенъ постояннаго кресла. Послѣдніе два года онъ провелъ вдали отъ театра и отъ лицъ, которыхъ любилъ искренне всю жизнь. Онъ умеръ, не имѣя ни копѣйки за душой. Матеріальную помощь временно оказывали ему балетные артисты. Они же собрали кое-какія деньги и на погребеніе его. Лебедевъ былъ человѣкъ вполнѣ честный, безкорыстный, добрый и преданный искусству всѣмъ сердцемъ. Въ газетномъ мірѣ онъ былъ также популяренъ: его знали всѣ балетные рецензенты, которые очень часто пользовались его свѣдѣніями и знаніемъ «балетнаго міра». Онъ и самъ не мало писалъ въ газетахъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Историческая справка.

Въ «Заграничныхъ историческихъ новостяхъ» майской книжки «Историческаго Вѣстника» текущаго года изложено содержаніе обнародованныхъ

недавно воспоминаній покойнаго французскаго генерала Вимпфена, напечатанныхъ однимъ изъ парижскихъ двухнедѣльныхъ журналовъ подъ заглавіемъ: «Devant Sebastopol. Notes et souvenir». Между прочимъ, со. словъ генерала Вимпфена разсказанъ слѣдующій эпизодъ (стр. 484): «Отрядъ, въ которомъ былъ Вимпфенъ, сталъ въ виду Евпаторіи 13-го сентября, съ судовъ отправленъ былъ парламентеръ къ начальнику города, признавшему невозможность сопротивленія. Русскій маіоръ предложилъ даже, въ случаѣ занятія города, поставить муку, которую могли перемолоть сорокъ-пятьдесятъ мельницъ расположенныхъ въ окрестности».

Строки эти совершенно вѣрно передаютъ подлинникъ, который гласитъ буквально такъ: «Тринадцатаго сентября мы поплыли къ Евпаторіи. Полковникъ Трошю былъ посланъ парламентеромъ къ коменданту (au commandant de la place). Онъ былъ принятъ русскимъ маіоромъ, признавшимъ всякое сопротивленіе невозможнымъ. Этотъ маіоръ прибавилъ, что, если того потребуютъ, онъ поставитъ муку, перемолотую мѣстными мельницами, которыхъ въ окрестностяхъ города и по морскому берегу, дѣйствительно, штукъ сорокъ-пятьдесятъ».

Такимъ образомъ, повторяю, оригиналъ переданъ «Историческимъ Вѣстникомъ» почти съ дословною точностью, но излагаемое этимъ оригиналомъ событіе—происходило совсѣмъ иначе. Во-первыхъ, никакого коменданта (commandant de la place), въ моментъ высадки 1854 года, въ Евпаторіи вовсе не было, и не было тамъ никакого военнаго, или особаго, экстраординарнаго начальника города, маіора, а просто былъ обычный городничій, чиновникъ штатскаго чина и карьеры, прежде служившій въ канцеляріи таврическаго гражданскаго губернатора, Ѳедоръ Николаевичъ Костюковъ. Во-вторыхъ, военная «сила» Евпаторіи состояла тогда изъ нѣсколькихъ инвалидовъ подъ командою штабсъ-капитана Аполлона Александровича Ганзера, и имъ, разумѣется, было воспрещено отстаивать открытый, безоружный, ничѣмъ не защищаемый городъ отъ непріятельской армады, уже для того, чтобы не подвергнуть ихъ несомнѣнному пораженію и напрасному истребленію, и чтобы не навлечь на жителей ужасовъ бомбардировки. Но, въ третьихъ, не фантастическій, никогда не существовавшій, комендантъ-маіоръ, а штатскій городничій Ѳ. Н. Костюковъ принялъ парламентера. И, главное, въ четвертыхъ, этотъ штатскій городничій Ѳедоръ Николаевичъ Костюковъ, не только не предлагалъ поставить, если того потребуютъ, муку, взявшись перемолоть зерно на окружающихъ городъ мельницахъ (которыхъ тогда, кстати сказать, стояло не сорокъ-пятьдесятъ, а цѣлыя сотни), не только ничего подобнаго не предлагалъ городничій Ѳ. Н. Костюковъ: совершенно напротивъ, при первомъ показавшемся непріятельскомъ вымпелѣ, онъ, хотя и не имѣлъ никакихъ инструкцій по этому предмету, на свой страхъ, подъ носомъ у врага, зажегъ и истребилъ огнемъ провіантскій магазинъ и находившіеся въ городѣ зерновые склады, которые такъ и не достались союзникамъ, благодаря чему, когда Евпаторія, нѣсколько позже, была занята дессантнымъ отрядомъ, продовольствовать его пришлось транспортами изъ Константинополя... Прибавлю, что непріятель былъ очень раздраженъ пріемомъ, лишившимъ его запасовъ, на которые онъ разсчитывалъ, и въ отместку полонилъ Ѳ. Н. Костюкова, да кстати схватилъ и одного мѣстнаго почтеннаго обывателя Романа Степановича Лихошерстова, «позволившаго» себѣ оказать явную непривѣтливость непрошенымъ гостямъ. Обоихъ держали въ плѣну, въ Англіи, не въ особенной холѣ и выпустили, кажется, лишь по заключеніи мира...

Р. С. Лихошерстовъ давно умеръ. Не знаю, живъ ли еще Ѳ. Н. Костюковъ, послѣ войны не возвращавшійся болѣе въ Евпаторію. Не знаю также, занесена ли его твердость въ реляціи Крымской кампаніи, или скромное исполненіе долга осталось незамѣтнымъ въ вихрѣ міровыхъ событій, но изложенное передано мнѣ, въ свое время, въ 1856 году, самими жителями далеко не чужого мнѣ города, возобновлено въ памяти недавнею побывкою въ немъ и можетъ быть подтверждено десяткомъ находящихся еще въ живыхъ евпаторійцевъ-очевидцевъ.

Н. Щербань.

короля, чтобы васъ опредѣлили на штатное мѣсто. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сразу назначить вамъ постоянное жалованье, и вы должны будете довольствоваться временными денежными наградами. Согласны ли вы на это условіе?

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство,—возразилъ Германъ:— что, поступая на службу въ качествѣ ученика, я не могу разсчитывать на какое либо денежное вознагражденіе.

— Простите, если я осмѣлюсь вмѣшаться въ разговоръ,—сказалъ Натузіусъ:—но я нахожу, что вы, г. докторъ, напрасно отказываетесь отъ денегъ; отъ васъ требуютъ извѣстнаго труда, а въ этомъ случаѣ каждый изъ насъ имѣетъ право на вознагражденіе.

— Разумѣется,—замѣтилъ министръ финансовъ:—а теперь, г. Натузіусъ, мы можемъ продолжать начатый разговоръ...

Германъ всталъ съ мѣста и хотѣлъ уйдти, но Бюловъ удержалъ его:—Вамъ нечего обращаться въ бѣгство; вы нисколько не стѣсните своимъ присутствіемъ, а для васъ наша бесѣда будетъ имѣть нѣкоторый интересъ, потому что касается печальнаго положенія Вестфаліи. Но, конечно, все, что вы услышите, должно остаться между нами...

Бюловъ произнесъ послѣднія слова съ особеннымъ удареніемъ, затѣмъ, обращаясь къ депутату, сказалъ:—Дѣйствительно, мой дорогой Натузіусъ, съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ должность министра финансовъ, мнѣ приходится нести нелегкую ношу. Мое положеніе тѣмъ затруднительнѣе, что Вестфалія скроена изъ обрѣзковъ нѣсколькихъ государствъ, которыя прежде управлялись своими государями, имѣли свои законы, учрежденія, обычаи. Все это смѣшанное населеніе безусловно тяготится чужеземнымъ игомъ, между тѣмъ, отъ него требуютъ не только дружелюбнаго отношенія къ Франціи, но и непосильныхъ жертвъ въ пользу послѣдней. На вестфальскій престолъ возведенъ легкомысленный человѣкъ, который ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ о блескѣ своей короны, безъ удержи предается расточительности и чувственнымъ наслажденіямъ. Его окружаютъ всевозможные авантюристы, которые имѣютъ на него дурное вліяніе, помогаютъ ему мотать деньги и пользуются всякимъ случаемъ для наживы. Говорю это вамъ, какъ честнымъ людямъ и моимъ соотечественникамъ, потому что, занимая постъ министра, я не могу публично высказывать такія вещи.

— Для полноты картины,—сказалъ депутатъ:—можно было бы добавить, что небольшое Вестфальское государство съ двухъ-милліоннымъ населеніемъ истощено войной. Не говоря уже о всевозможныхъ поборахъ, передвиженіе войскъ продолжается до сихъ поръ; землевладѣльцы и крестьянскія общины разорены въ конецъ; государственный долгъ простирается до ста тысячъ франковъ! Въ то же время промышленность окончательно остановилась; фабрики,

не получая больше субсидій отъ правительства, въ большинствѣ случаевъ находятся въ бездѣйствіи, и даже главный источникъ доходовъ страны—вывозъ зерноваго хлѣба и шерсти, прекратился; уничтожена и транзитная торговля... Вотъ арена дѣятельности вестфальскаго министра финансовъ!

— Въ вашихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія,—замѣтилъ Бюловъ:—но, къ сожалѣнію, далеко не всѣ депутаты понимаютъ настоящее положеніе дѣлъ. Мальхъ, въ качествѣ оратора отъ правительства, въ ближайшемъ засѣданіи рейхстага подниметъ вопросъ о необходимости новаго займа въ двадцать милліоновъ франковъ. Депутаты сдѣлаютъ попытку протестовать противъ этого, а затѣмъ будутъ вынуждены дать свое согласіе.

— Положимъ, что ваше предсказаніе сбудется,—возразилъ Натузіусъ:—но гдѣ надѣетесь вы сдѣлать заемъ? Вестфалія—молодое государство и ведетъ такой веселый образъ жизни, что едва ли пользуется особеннымъ кредитомъ. Довѣріе, въ этихъ случаяхъ, возможно только подъ условіемъ постоянныхъ источниковъ дохода и при точномъ соблюденіи принятыхъ обязательствъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если вы останетесь у насъ министромъ финансовъ, то мало-по-малу создадите кредитъ для нашего государства, но вы не могли сдѣлать этого въ одинъ годъ.

— Тѣмъ не менѣе,—возразилъ съ улыбкой Бюловъ:—я не теряю надежды на заемъ и уже заручился обѣщаніями въ Голландіи. Тамъ лежатъ большіе капиталы безъ всякаго употребленія, благодаря застою въ торговлѣ. Одинъ богатый банкиръ беретъ на себя устройство этого дѣла, а нашъ посланникъ въ Нидерландахъ, баронъ Мюнхгаузенъ, ручается за него, что онъ выполнитъ свое обѣщаніе...

Въ эту минуту вошелъ Фаустъ, камердинеръ Бюлова, съ докладомъ, что полицейскій коммиссаръ желаетъ видѣть министра.

Бюловъ отдалъ приказаніе принять его, и Германъ, къ немалому удивленію, увидѣлъ Вюрца, который явился съ почтительнымъ поклономъ и подалъ запечатанный пакетъ съ бумагами. Министръ, не заглядывая въ бумаги, сталъ внимательно читать приложенное письмо.

Натузіусъ воспользовался этой минутой, чтобы поговорить съ Германомъ, къ которому чувствовалъ особенную симпатію; но этотъ слушалъ его разсѣянно, такъ какъ мысли его были заняты другимъ. До сихъ поръ онъ не успѣлъ сообщить графинѣ Антоніи о своихъ подозрѣніяхъ, и теперь упрекалъ себя за небрежность. Онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Вюрца, и его особенно поразило то безпокойство, съ какимъ полицейскій агентъ осматривалъ комнату и, повидимому, на столько увлекся своимъ занятіемъ, что вздрогнулъ, когда министръ, прочитавъ письмо, заговорилъ съ нимъ:

— Прошу передать мсьё де-Берканьи,—сказалъ Бюловъ:—что я весьма благодаренъ ему за стараніе открыть автора сочиненнаго противъ меня пасквиля. Но могу поручиться, что ни одинъ изъ моихъ подчиненныхъ не написалъ бы ничего подобнаго, потому что они слишкомъ хорошо знаютъ мое положеніе, чтобы завидовать мнѣ. Скажите также г. генералъ-директору, что я считаю себя вполнѣ удовлетвореннымъ сдѣланнымъ розыскомъ, и, если онъ желаетъ продолжать это дѣло, то развѣ для того, чтобы исполнить желаніе короля. Кстати, возьмите обратно и эти документы.

Какъ только Вюрцъ удалился изъ комнаты, Бюловъ сказалъ:

— Берканьи хочетъ увѣрить меня, что авторъ стиховъ одинъ изъ моихъ подчиненныхъ, но у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что это кто нибудь изъ ихъ партіи. Впрочемъ, не стоитъ больше говорить объ этой глупой исторіи. Теперь вы, мой другъ Натузіусъ, пойдите къ моей женѣ, а я займусь съ г. докторомъ, чтобы немного познакомить его съ дѣлами.

Германъ былъ пораженъ необыкновеннымъ умомъ министра и ясностью его объясненій, и послѣ двухчасовой работы вышелъ отъ него въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ былъ увѣренъ, что, съ помощью такого руководителя и книгъ, ему нетрудно будетъ освоиться съ дѣломъ и оправдать надежды своихъ друзей. Хотя въ послѣднее время въ обращеніи Лины съ нимъ была замѣтна нѣкоторая сдержанность, которая подчасъ раздражала его, но онъ такъ привыкъ дѣлиться съ молодой женщиной своими впечатлѣніями, что тотчасъ же отправился къ ней. Лина была одна и молча выслушала его восторженный разсказъ о свиданіи съ Бюловымъ, а затѣмъ сказала:

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что тебѣ необходимо сходить къ Миллеру, который хотѣлъ направить тебя на ученую дѣятельность; ты выбралъ другой путь, не предупредивъ его; поэтому онъ вправѣ ожидать отъ тебя, чтобы ты объяснилъ ему все, или, вѣрнѣе сказать, оправдался бы въ его глазахъ... Но я слышу голосъ Людвига; онъ разговариваетъ съ кѣмъ-то на лѣстницѣ; если не ошибаюсь, это—Эммерихъ!

Разговоръ былъ прерванъ къ немалой досадѣ Германа, который по холодному пріему молодой женщины ясно видѣлъ, что она недовольна имъ, и ему хотѣлось объясниться съ ней.

Гейстеръ вошелъ въ сопрожденіи Эммериха. Оба только-что вернулись изъ тайнаго совѣщанія, происходившаго въ одномъ частномъ саду на краю города. При томъ оживленіи, какое господствовало въ столицѣ съ открытіемъ рейхстага, могли смѣлѣе собираться для совѣщаній, не обращая на себя вниманіе полиціи.

— Лейтенантъ ночуетъ у насъ сегодня, Лина; вели приготовить ему комнату,—сказалъ Гейстеръ.

— Третій разъ являюсь я къ вамъ неожиданнымъ гостемъ,— добавилъ Эммерихъ, пожимая руку молодой женщинѣ; затѣмъ, обращаясь къ Герману, воскликнулъ:—очень радъ видѣть васъ, баловень судьбы, мы отлично проведемъ вечеръ! Ну, мудрецъ Гейстеръ, дайте вина, я умираю отъ жажды! Намъ нужно спокойно побесѣдовать съ господиномъ докторомъ и убѣдить его вступить въ нашъ союзъ.

— Не говорите такъ громко, лейтенантъ,—замѣтилъ Гейстеръ:— я хозяинъ дома и считаю долгомъ напомнить вамъ, что вы прежде всего можете погубить самого себя при малѣйшей неосторожности. Не запугивайте молодаго человѣка, если хотите, чтобы онъ сдѣлался нашимъ союзникомъ. Мы посвятимъ его въ тайны гессенскаго союза, который отчасти извѣстенъ ему, и пусть онъ самъ рѣшитъ, что̀ ему дѣлать, а брать его штурмомъ не слѣдуетъ. Онъ можетъ не имѣть съ нами ничего общаго, но какъ честный человѣкъ и гражданинъ долженъ подумать о нашей несчастной родинѣ, которая стонетъ подъ чужеземнымъ игомъ...

— Душевно благодаренъ вамъ за довѣріе,—сказалъ Германъ:— я часто бываю съ вами, и мнѣ было бы крайне тяжело, если бы мое присутствіе мѣшало вамъ говорить о дѣлѣ, которое всего больше интересуетъ васъ. Познакомьте меня съ цѣлями и средствами вашего союза и путями, какими вы думаете дѣйствовать. Откровенно говоря, я неособенно сочувствую вашему курфирсту, или, вѣрнѣе сказать, его притязаніямъ на престолъ, потому что онъ самъ по себѣ не имѣетъ для меня значенія. Мнѣ кажется, на первомъ планѣ должны быть интересы Германіи, или, по крайней мѣрѣ, Пруссіи...

— Разумѣется, но одно не мѣшаетъ другому, и мы объяснимъ вамъ почему, а пока выпьемъ за друзей отечества!—возразилъ Гейстеръ, наливая вино въ стаканы.

VI.

Вюрцъ попадаетъ въ западню.

Германъ охотно принялся за работу, тѣмъ болѣе, что впервые почувствовалъ подъ собой почву и непосредственную связь съ дѣйствительной жизнью. Бюловъ обладалъ особенной способностью пріохотить къ труду своихъ подчиненныхъ и расположить ихъ къ себѣ, благодаря ровному, гуманному обращенію и сердечной добротѣ. Германъ, при своей воспріимчивости, съ первыхъ же дней всецѣло поддался обаянію свѣтлой личности министра, который относился къ нему съ особеннымъ довѣріемъ и, благодаря свободному времени, часто бесѣдовалъ съ нимъ и самъ руководилъ его работой.

Но вскорѣ было получено извѣстіе, что въ Эссенроде, родовомъ имѣніи Бюлова, за нѣсколько миль отъ Брауншвейга, градомъ былъ выбитъ весь хлѣбъ на поляхъ. Арендаторы хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы нарушить заключенные контракты, вслѣдствіе чего Бюловъ считалъ необходимымъ отправиться на мѣсто для переговоровъ съ ними. Хотя онъ былъ увѣренъ, что король неохотно дастъ ему разрѣшеніе на эту поѣздку при настоящемъ положеніи дѣлъ, но не терялъ надежды получить отпускъ, и съ этой цѣлью отправился въ лѣтнюю резиденцію ихъ величествъ. Іеронимъ, противъ всякаго ожиданія, не сдѣлалъ никакихъ возраженій и торопливо изъявилъ свое согласіе, а затѣмъ, какъ бы опомнившись, взялъ съ него слово, что онъ вернется въ возможно скоромъ времени. Поэтому Бюловъ немедленно собрался въ дорогу и выѣхалъ въ тотъ же день вечеромъ.

На слѣдующее утро, едва Германъ успѣлъ приняться за работу въ отведенной ему комнатѣ, какъ услышалъ шаги въ кабинетѣ министра и голоса двухъ людей, которые шопотомъ разговаривали между собой. Обыкновенно Бюловъ, выходя изъ дому, запиралъ дверь кабинета и отдавалъ ключъ своему камердинеру, какъ это сдѣлалъ онъ и теперь, вслѣдствіе спѣшнаго отъѣзда. Кромѣ денежной кассы, всѣ ящики стола оставались открытыми, потому что въ кабинетъ можно было войдти не иначе, какъ черезъ потаенную дверь изъ комнаты баронессы.

Германъ сталъ прислушиваться. Одинъ изъ разговаривающихъ былъ несомнѣнно камердинеръ Фаустъ, другой голосъ также показался ему знакомымъ. Чрезъ минуту онъ услыхалъ, какъ повернули ключъ въ письменномъ столѣ, выдвинули и задвинули ящикъ; затѣмъ, ему показалось, что на столъ бросили нѣсколько монетъ.

Германъ былъ сильно встревоженъ, хотя въ головѣ у него не было ни одной опредѣленной мысли. Но, послѣ приключенія съ Берканьи, онъ сдѣлался недовѣрчивѣе и, вставъ съ мѣста, осторожно пріотворилъ дверь, чтобы увидѣть, что̀ происходитъ въ кабинетѣ.

— Слѣдовательно, я буду здѣсь въ два часа,—шепнулъ чужой голосъ.

— Но вѣдь это время обѣда,—отвѣтилъ нехотя Фаустъ.

— Тѣмъ лучше, вы запрете меня въ кабинетѣ, а сами будете служить за столомъ баронессы; затѣмъ, вы меня выпустите. Не возражайте; такъ будетъ всего удобнѣе для меня...

Германъ былъ пораженъ этимъ разговоромъ и, присмотрѣвшись внимательнѣе, съ ужасомъ узналъ въ удалявшейся фигурѣ полицейскаго агента Вюрца.

Когда камердинеръ заперъ дверь кабинета, Германъ подошелъ къ нему быстрыми шагами и сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ.

Таинственный жестъ Германа, его встревоженное лицо объяснили все. Камердинеръ поблѣднѣлъ и боязливо вошелъ за нимъ въ комнату, смежную съ кабинетомъ.

— Что дѣлалъ этотъ полицейскій въ кабинетѣ барона?—спросилъ Германъ строгимъ тономъ. — Я слышалъ, что онъ положилъ какія-то бумаги въ ящикъ письменнаго стола... Объясните, что̀ это значитъ? Я знаю этого господина; онъ сдѣлалъ вамъ одно предложеніе, и вы не знаете, какъ выпутаться изъ бѣды.

Старикъ растерялся и опустилъ голову; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и, наконецъ, подъ вліяніемъ страха опустился на колѣни передъ Германомъ.

— Спасите меня, господинъ докторъ,—проговорилъ онъ со стономъ:—я сдѣлалъ непростительную глупость... слишкомъ поторопился... и даже, быть можетъ... Но не подумайте обо мнѣ что либо дурное! Ради Бога!..

— Встаньте, Фаустъ, сядьте на стулъ и успокойтесь,—сказалъ Германъ.—Я знаю, вы честный человѣкъ и возмущены предложеніемъ этого негодяя; онъ несомнѣнно хочетъ воспользоваться вашей довѣрчивостью. Развѣ вы не догадываетесь въ чемъ дѣло?

— Да, господинъ докторъ, теперь мнѣ все ясно, хотя прежде не пришло въ голову... Я думалъ, что могу оказать ему небольшую услугу; онъ сказалъ мнѣ, что надняхъ былъ у барона и оставилъ у него свои бумаги съ просьбой о поступленіи на службу въ министерство финансовъ, и что баронъ обѣщалъ ему хорошее мѣсто. Сегодня онъ принесъ свой аттестатъ, который хотѣлъ приложить къ остальнымъ документамъ; сначала я не хотѣлъ пускать его въ кабинетъ, но онъ попросилъ меня показать ему портретъ короля...

— И вы отворили ему дверь. Ну, а затѣмъ?—спросилъ съ нетерпѣніемъ Германъ.

— Когда онъ вошелъ въ кабинетъ,—продолжалъ, запинаясь, камердинеръ:—ему вздумалось посмотрѣть, не сдѣлано ли какого нибудь распоряженія относительно его опредѣленія на службу, и онъ сказалъ мнѣ, что дѣло должно лежать въ лѣвомъ ящикѣ письменнаго стола. Но я не позволилъ ему рыться въ бумагахъ министра, и тогда...

— Тогда этотъ негодяй далъ вамъ денегъ!

Камердинеръ съ испугомъ взглянулъ на Германа: — Кто вамъ сказалъ это, г. докторъ?—пробормоталъ онъ.—Да, я взялъ деньги... возьмите ихъ... онѣ мучатъ меня! изъ-за нихъ я согласился впустить его въ кабинетъ, чтобы онъ могъ прочесть бумагу о своемъ назначеніи... Но теперь я не допущу его до этого и прогоню отсюда... Впрочемъ, нѣтъ, сдѣлайте это сами, г. докторъ, вы—добрый человѣкъ, и не выдадите меня, иначе я потеряю мѣсто!..

Съ этими словами Фаустъ поспѣшно сунулъ деньги въ руку Германа, и съ умоляющимъ видомъ смотрѣлъ на него. На глазахъ его выступили слезы.

Германъ понялъ, что Вюрцъ обманулъ камердинера, и что вся исторія съ опредѣленіемъ на службу выдумана имъ для прикрытія другой цѣли. Онъ также не сомнѣвался, что полицейскій агентъ, при своей трусости не рѣшился бы дѣйствовать по собственной иниціативѣ и, вѣроятно, исполняетъ приказаніе Берканьи. Теперь вся задача заключалась въ томъ, чтобы не допустить Вюрца до пересмотра частной корреспонденціи министра, которая хранилась въ лѣвомъ ящикѣ письменнаго стола и, очевидно, служила цѣлью обыска, и въ то же время избѣжать всякой огласки. Наконецъ, въ головѣ Германа созрѣлъ планъ, который показался ему вполнѣ исполнимымъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ повредить дѣлу:

— Возьмите назадъ деньги,—сказалъ онъ, обращаясь къ камердинеру:—и не спѣшите возвращать ихъ этому подлецу, а еще лучше оставьте ихъ у себя. Нужно устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы плутъ самъ попалъ въ приготовленную имъ западню! Прежде всего вы должны исполнить въ точности, что я скажу вамъ, тогда вы не только выпутаетесь изъ бѣды, но дадите мнѣ возможность заявить министру, что вы поступили честно въ настоящемъ случаѣ и согласно съ его интересами. Чтобы не возбуждать какихъ либо подозрѣній въ полицейскомъ агентѣ, вы встрѣтите его съ таинственнымъ видомъ и осторожно отворите ему дверь кабинета, затѣмъ, уйдете и оставите его одного. Но если вы вздумаете сдѣлать малѣйшее предостереженіе или предупредить его какимъ либо способомъ, то этимъ докажете, что вы дѣйствуете съ нимъ заодно, а этого будетъ достаточно, чтобы баронъ отказалъ вамъ отъ мѣста.

Фаустъ не могъ понять, для чего требуютъ отъ него, чтобы онъ разыгрывалъ комедію, которая казалась ему совершенно неумѣстной. Но серьёзный и увѣренный тонъ Германа разсѣялъ его сомнѣнія; онъ обѣщалъ слѣпо исполнить полученныя приказанія, и на столько увлекся возложенной на него ролью, что, забывъ о полученныхъ деньгахъ, распространился о своей неподкупной честности и преданности г. министру.

Германъ разсѣянно слушалъ камердинера и, прервавъ его, послалъ спросить у баронессы дозволенія немедленно явиться къ ней по важному дѣлу.

Къ двумъ часамъ Германъ вернулся въ свою рабочую комнату и сталъ прислушиваться. Вскорѣ раздались шаги на лѣстницѣ, затѣмъ, отворилась дверь въ кабинетъ и въ ту же секунду закрылась снова. Германъ слышалъ, какъ Вюрцъ поспѣшно подошелъ къ письменному столу и сталъ вынимать бумаги изъ лѣваго ящика. Сердце его замерло отъ тревожнаго ожиданія; и онъ только тогда вздохнулъ свободно, когда услышалъ, что баронесса вошла въ кабинетъ черезъ потаенную дверь. Но полицейскій агентъ на столько погрузился въ свое занятіе, что не замѣтилъ ея появленія.

— Что это значитъ?—воскликнула баронесса удивленнымъ голосомъ. — Кто вы такой? Какъ вы смѣете рыться въ бумагахъ моего мужа? Это не слыханная дерзость! Какъ попали вы сюда?..

Съ этими словами баронесса потянула шнурокъ звонка, и черезъ минуту появились изъ разныхъ дверей Гарнишъ съ Провансалемъ и камердинеръ Фаустъ.

— Я не понимаю, какъ могъ попасть сюда этотъ человѣкъ? — спросила баронесса строгимъ тономъ, обращаясь къ камердинеру.— Развѣ дверь не была заперта на ключъ? Еще не доставало, чтобы воры являлись къ намъ въ такую пору дня!

— Баронъ приказалъ мнѣ ежедневно освѣжать его кабинетъ во время обѣда, — отвѣтилъ торопливо Фаустъ. — Вѣроятно, господинъ воспользовался открытою дверью, а я въ это время прислуживалъ за столомъ...

— Меня всего больше поражаетъ смѣлость этого человѣка, — продолжала баронесса.—Очевидно, онъ явился сюда съ цѣлью похитить тайныя бумаги министерства, чтобы затѣмъ продать ихъ на вѣсъ золота. Посмотрите, какъ онъ безцеремонно хозяйничалъ здѣсь. Къ счастію, я услышала, какъ отворилась дверь въ кабинетъ моего мужа, и вошла вò-время, чтобы помѣшать пріятному занятію непрошеннаго гостя! Но что станемъ мы дѣлать съ нимъ?

Гарнишъ и Провансаль были дѣйствительно удивлены, такъ какъ баронесса, переговоривъ съ Германомъ, рѣшила не предупреждать ихъ, чтобы придать болѣе серьёзный характеръ подготовленной ею сценѣ.

Германъ, уступая настойчивому трѐбованію баронессы, долженъ былъ остаться въ своей комнатѣ, хотя въ эту минуту ему очень хотѣлось видѣть физіономію пойманнаго шпіона.

Все случилось такъ неожиданно, что Вюрцъ, при всей своей наглости, былъ смущенъ и, сознавая, что попалъ въ ловушку, не зналъ, какъ выпутаться изъ бѣды. Но, когда Гарнишъ замѣтилъ, что, «быть можетъ онъ исполняетъ только приказъ своего начальства», то полицейскій агентъ тотчасъ же овладѣлъ собой и сказалъ увѣреннымъ тономъ:

— Вы не ошиблись, милостивый государь, я здѣсь по служебной обязанности и получилъ, хотя тайное, но тѣмъ не менѣе оффиціальное уполномочіе произвести обыскъ въ кабинетѣ министра.

— Въ такомъ случаѣ, вы обязаны исполнить приказъ вашего начальника,—возразилъ Гарнишъ, а мы, съ своей стороны, будемъ протестовать противъ этого. Г. Провансаль составьте протоколъ, что присутствующій полицейскій коммисаръ вынулъ бумаги изъ письменнаго стола министра финансовъ, и мы заставимъ его подписать этотъ актъ.

Вюрцъ спохватился, что сдѣлалъ промахъ и сказалъ:

— Я не подпишу протокола, потому что считаю это совершенно

лишнимъ, вы можете довольствоваться моимъ словеснымъ заявленіемъ, что въ настоящемъ случаѣ я дѣйствовалъ, какъ оффиціальное лицо.

— Если вы будете упорствовать въ вашемъ отказѣ,—возразилъ Провансаль:—то мы позовемъ слугъ и силой выпроводимъ васъ отсюда.

— Нѣтъ, это было бы не совсѣмъ удобно,—замѣтилъ Гарнишъ:—потому что тогда намъ пришлось бы связать этого господина и отправить въ полицейское бюро, какъ обыкновеннаго вора. Прошу васъ составить протоколъ, а господинъ коммисаръ подпишетъ его.

Секретарь сѣлъ писать. Вюрцъ не сдѣлалъ болѣе никакихъ возраженій и, стоя у стола, занялся разглядываніемъ королевскаго портрета.

— Я не ошибся,—сказалъ вполголоса Гарнишъ, обращаясь къ баронессѣ:—этотъ господинъ явился сюда по служебной обязанности. Вы видите, онъ не чувствуетъ ни малѣйшаго смущенія...

Наконецъ, протоколъ былъ составленъ. Полицейскій агентъ безпрекословно подписалъ его; Провансаль и Гарнишъ скрѣпили актъ своими подписями, въ качествѣ свидѣтелей.

Вюрцъ попросилъ позволенія уйдти и, получивъ согласіе, тотчасъ же удалился. Германъ воспользовался этимъ, чтобы выйдти изъ своей комнаты, и выслушалъ, какъ новость, разсказъ Провансаля о случившемся.

— Не знаю,—заговоритъ ли со мною Берканьи объ этой исторіи!—сказалъ Гарнишъ. Въ настоящее время онъ до крайности любезенъ со мной, потому что я лѣчу его дочь.

— Развѣ Розалія больна?—спросила баронесса.

— Да, и очень серьёзно. Вамъ извѣстно, что дѣвочка очаровательно танцуетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она вернулась изъ Парижа, ей приходилось почти ежедневно бывать на вечерахъ въ высшемъ обществѣ, гдѣ всѣ въ восторгѣ отъ ея граціи. Недавно Розалія была на придворномъ вечерѣ и, такъ какъ въ дѣвочкѣ развито тщеславіе не по лѣтамъ, то похвалы королевы произвели на нее слишкомъ сильное впечатлѣніе; къ тому же, возвращаясь ночью въ городъ, она, вѣроятно, простудилась и слегла въ постель. Берканьи въ отчаяніи; страхъ за жизнь любимой дочери, быть можетъ, заставитъ его забыть неудачу, постигшую его агента. Моя подпись на протоколѣ также не особенно понравится ему, но теперь онъ не рѣшится выказать мнѣ своего неудовольствія... Однако, мнѣ пора идти! До свиданія...

Затѣмъ, Гарнишъ поцѣловалъ руку баронессы и, дружески простившись съ молодыми людьми, поспѣшно удалился.

VII.

Послѣдствія обыска.

Баронесса и ея друзья не придавали особеннаго значенія таинственному обыску, который приписывали иниціативѣ Берканьи и людей его партіи. Но самъ Бюловъ, узнавъ о случившемся, по возвращеніи въ Кассель, отнесся къ дѣлу серьёзнѣе. Онъ невольно вспомнилъ, что засталъ генералъ-директора полиціи въ королевскомъ кабинетѣ, когда явился во дворецъ просить объ отпускѣ, и, что король при этомъ многозначительно взглянулъ на Берканьи, на лицѣ котораго выразилось едва скрываемое удовольствіе. Не ускользнула тогда отъ вниманія Бюлова и та поспѣшность, съ какой король изъявилъ согласіе на его несвоевременную просьбу объ отпускѣ. Теперь взвѣсивъ все это, онъ пришелъ къ убѣжденію, что попытка произвести обыскъ въ его кабинетѣ была сдѣлана по повелѣнію Іеронима и рѣшена заранѣе.

Ласковый пріемъ, оказанный ему королемъ по возвращеніи, еще болѣе утвердилъ его въ этой мысли, такъ какъ очевидно имѣлъ цѣлью смягчить нанесенное ему оскорбленіе. Поэтому, во время разговора съ его величествомъ, онъ велъ себя крайне сдержанно и даже не упомянулъ о неудавшемся обыскѣ.

Хотя Бюловъ не чувствовалъ никакой злобы противъ добродушнаго короля, но рѣшилъ не оставлять дѣла безъ послѣдствій, въ виду враждебной партіи, которая не замедлила бы воспользоваться его уступчивостью для новыхъ козней. Изъ боязни упустить удобный моментъ, онъ немедленно подалъ королю жалобу на генералъ-директора полиціи, который самовольно поручилъ своему агенту Вюрцу произвести обыскъ въ его кабинетѣ, вопреки всѣхъ правилъ установленныхъ въ подобныхъ случаяхъ.

Іеронимъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, но дѣло получило такую огласку, что онъ не могъ ни замять его, ни оставить безъ вниманія, и, послѣ долгихъ совѣщаній съ Берканьи, рѣшился передать его на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Здѣсь начались оживленныя пренія. Противники Бюлова употребили всѣ усилія, чтобы его жалоба оставлена была безъ послѣдствій, и оправдывали поступокъ Берканьи съ точки зрѣнія тайной полиціи, которая для достиженія своихъ цѣлей, не всегда можетъ быть разборчива въ средствахъ. Друзья Бюлова съ своей стороны не особенно энергично отстаивали его интересы, потому что имъ былъ сдѣланъ намекъ, что король не только зналъ о предполагаемомъ обыскѣ, но даже разрѣшилъ его. Такимъ образомъ, вопросъ объ удовлетвореніи, поднятый Бюловымъ могъ кончиться ничѣмъ,

еслибъ не вмѣшался Симсонъ, министръ юстиціи, который считалъ долгомъ чести заступиться за товарища:

— Я увѣренъ,—сказалъ онъ,—что эта исторія произведетъ тяжелое и непріятное впечатлѣніе, какъ на собравшихся депутатовъ, такъ и на все населеніе нашего небольшаго государства. Можетъ ли быть что либо возмутительнѣе того факта, что лучшій изъ нашихъ министровъ, дѣятельно заботившійся о благосостояніи страны, подвергается подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ нашими врагами! Недоброжели Бюлова не имѣютъ даже на столько гражданскаго мужества, чтобы оффиціально призвать его къ отвѣту и выступить въ качествѣ обвинителей. Я французъ по происхожденію, но смѣло ручаюсь за неподкупную честность моего товарища по службѣ, хотя не могу назвать его своимъ соотечественникомъ. На сколько мнѣ извѣстно, все преступленіе Бюлова заключается въ томъ, что, живя въ нѣмецкой Вестфаліи, онъ игнорируетъ такъ называемую французскую партію, а эта изъ ненависти къ нему хочетъ во что бы то ни стало обвинить его въ политической неблагонадежности. Скажу словами Тацита: «Causa periculi non crimen ullum aut querela laesi cujusquam, sed gloria viri ac pessimum inimicorum genus». Кто послѣ этого захочетъ быть министромъ въ государствѣ, гдѣ семейная переписка можетъ попасть въ руки полицейскихъ шпіоновъ, которые безцеремонно врываются въ домъ, съ уполномочіемъ перерыть всѣ бумаги, хотя бы въ нихъ заключались важнѣйшія государственныя тайны!.. Во всякомъ случаѣ, виновники этой дерзкой попытки подвергнутся строгой отвѣтственности! Императоръ Наполеонъ не замедлитъ сдѣлать запросъ: въ чемъ заключается преступленіе человѣка, котораго онъ удостоилъ своей высокой милости?..

Послѣдній доводъ былъ всего убѣдительнѣе и произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, въ особенности на Іеронима. Чтобы удовлетворить Бюлова, онъ не видѣлъ другаго исхода, какъ выразить формально Берканьи свое королевское неудовольствіе по поводу обыска, который былъ втайнѣ разрѣшенъ имъ. Государственный совѣтъ, съ своей стороны, постановилъ подвергнуть генералъ-директора полиціи домашнему аресту, а полицейскаго агента Вюрца тюремному заключенію.

Сначала Берканьи былъ непріятно озадаченъ неожиданнымъ исходомъ дѣла, но, зная, что король щедро вознаградитъ его, безропотно взялъ на себя отвѣтственность за неудавшійся обыскъ. Къ тому же Розалія начала поправляться, и онъ былъ даже отчасти доволенъ домашнимъ арестомъ, который давалъ ему возможность проводить большую часть дня съ своей любимицей. Благодаря этому, онъ находился въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, что вздумалъ разыграть роль великодушнаго человѣка и благодарнаго отца, относительно доктора Гарниша. Послѣдній не только получилъ щед-

рое вознагражденіе за визиты и богатый подарокъ, который былъ ему присланъ на домъ, но, когда онъ явился въ послѣдній разъ къ своей паціенткѣ, Берканьи подалъ ему съ улыбкой небольшой запечатанный пакетъ.

— Возьмите это съ собой, г. докторъ!—сказалъ генералъ-директоръ.—Tenez! Хотя эти бумаги не имѣютъ такой цѣны, какъ ваши превосходные рецепты, которыми вы воскресли мою милую Розалію, но они доставятъ вамъ удовольствіе, потому что отъ нихъ зависитъ ваше благосостояніе... Разумѣется, на будущее время вы будете осторожнѣе!

Гарнишу пришло въ голову, не заключается ли въ пакетѣ подписанный имъ недавно протоколъ, и краска гнѣва выступила на его лицѣ, но Берканьи на прощанье такъ добродушно пожалъ ему руку, что онъ успокоился.

Гарнишъ, выйдя на лѣстницу, поспѣшно сорвалъ печать съ таинственнаго пакета и къ удивленію увидѣлъ свои собственныя письма къ заграничнымъ друзьямъ. Въ этихъ письмахъ, перехваченныхъ тайной полиціей, заключалось много такого, что компрометировало его и могло имѣть для него дурныя послѣдствія. Гарнишъ, улыбаясь, спряталъ пакетъ въ карманъ: — Въ этомъ бывшемъ іезуитѣ есть извѣстная доля благородства! — пробормоталъ онъ сквозь зубы, довольный тѣмъ, что такъ легко выпутался изъ бѣды.

Для Германа приключеніе съ обыскомъ имѣло самыя благопріятныя послѣдствія. Министръ финансовъ тѣмъ болѣе оцѣнилъ оказанную ему услугу, что, по счатливой случайности, его тайная переписка съ Пруссіей не попала въ руки враговъ. Онъ сталъ приглашать Германа къ себѣ на обѣды и вечера и, ближе познакомившись съ нимъ, откровенно высказывалъ ему свои задушевныя мысли и взгляды на положеніе ихъ общей родины.

Баронесса Бюловъ также относилась благосклонно къ Герману, и явно высказывала ему предпочтеніе передъ Провансалемъ и Гарнишемъ, изъ которыхъ одинъ наскучилъ ей своимъ сентиментальнымъ поклоненіемъ, другой—своей назойливой любовью.

Помимо нравственной пользы, которую извлекалъ Германъ въ кругу образованныхъ и развитыхъ людей, его настоящее положеніе было выгодно для него и въ другомъ отношеніи. Министръ знакомилъ своего молодаго подчиненнаго со всѣми знатными сановниками, которые посѣщали его, и при этомъ обходился съ нимъ какъ съ человѣкомъ равнымъ себѣ, чтобы открыть ему доступъ въ высшее общество. Послѣднее было тѣмъ достижимѣе, что французы, занимавшіе видныя мѣста въ Касселѣ, бо̀льшей частью были сами незнатнаго происхожденія и гордились тѣмъ, что обязаны всѣмъ своимъ личнымъ заслугамъ. Униженное нѣмецкое дворянство, съ своей стороны, чувствовало извѣстное нравственное удовлетвореніе,

если среди его соотечественниковъ являлась какая нибудь выдающаяся личность и обращала на себя общее вниманіе.

Изъ числа лицъ, посѣтившихъ Бюлова, чтобы выразить ему сочувствіе, по поводу нанесеннаго ему оскорбленія, былъ и военный министръ Моріо. При видѣ его, Германъ хотѣлъ тотчасъ же удалиться, но Бюловъ удержалъ его и представилъ генералу, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, назвавъ его «вольноопредѣляющимся» на службу. Германъ едва могъ скрыть овладѣвшее имъ смущеніе, но самъ Моріо вывелъ его изъ затрудненія своей любезностью:

— Мы уже имѣли случай познакомиться,—сказалъ онъ съ улыбкой. У насъ была маленькая стычка: вольноопредѣляющійся держалъ себя слишкомъ смѣло съ генераломъ, что не согласно съ требованіями военной дисциплины, и я немного погорячился. Жаль, баронъ, что вы засадили молодаго человѣка за ваши счеты; ему слѣдовало бы остаться учителемъ, потому что онъ обладаетъ даромъ превращать своихъ ученицъ въ невѣстъ!

— Мнѣ разсказывалъ объ этомъ вашъ будущій шуринъ Фюрстенштейнъ. Я надѣюсь, что г. докторъ обладаетъ также даромъ превращать въ золото все, до чего прикоснется рукой, а у меня, какъ увѣряютъ мои недоброжелатели, только ослиные уши Мидаса...

— Bravo! C'est charmant!—воскликнулъ съ громкимъ смѣхомъ Моріо и, обращаясь къ Герману, добавилъ: — Теперь мы заключили съ вами миръ, г. докторъ, не правда ли? Я сердился на ваши уроки, а они сдѣлали меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Нѣмецкій языкъ оказался слишкомъ труднымъ для Адели; она съ досады возненавидѣла учителя и сбѣжала отъ него въ мои объятія! Характеръ Адели замѣтно измѣнился къ лучшему... Elle est aimable, elle est charmante!..

Германъ, встревоженный и смущенный не находилъ словъ для отвѣта и выжидалъ удобной минуты, чтобы удалиться, но Моріо продолжалъ тѣмъ же добродушнымъ тономъ:

— Вотъ еще что, г. докторъ... Наша свадьба назначена черезъ восемь дней; мы пришлемъ вамъ пригласительный билетъ. Вѣроятно, вы не откажетесь поздравить Адель, но надѣюсь, что на этотъ разъ дѣло обойдется безъ стиховъ!

При этихъ словахъ Моріо опять захохоталъ.

Германъ окончательно смутился и, поклонившись молча, поспѣшилъ уйдти въ свою комнату. Воспоминаніе о послѣднемъ часѣ, проведенномъ съ Аделью, живо воскресло въ его памяти. Внезапная ненависть, которую она почувствовала къ нему, имѣла въ его глазахъ нравственную основу, а теперь какое глубокое разочарованіе! Онъ терялся въ догадкахъ: было ли все сказанное генераломъ Моріо придумано имъ самимъ для собственнаго успокоенія, или Адель сыграла всю эту комедію, чтобы выпутаться изъ бѣды?

Онъ сѣлъ въ кресло, печально опустивъ голову. Глубокая тоска овладѣла его сердцемъ, подъ вліяніемъ гнетущихъ впечатлѣній. Сколько лжи и обмана было въ этой любви, которая представлялась ему въ такихъ поэтическихъ краскахъ! Неужели онъ долженъ присутствовать на ненавистной для него свадьбѣ и принести свои пожеланія новобрачнымъ?

— Нѣтъ этого никогда не будетъ! — рѣшилъ онъ мысленно. Впрочемъ, кто знаетъ... Быть можетъ, Адель, увидя меня, образумится и пожалѣетъ, что вздумала связать свою жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ. Но что дѣлать въ этомъ случаѣ?..

Однако, эти сомнѣнія и вопросы не долго занимали Германа. Мало-по-малу поведеніе Адели показалось ему менѣе возмутительнымъ, когда онъ вспомнилъ легкомысліе и распущенность нравовъ, которые господствовали въ высшемъ кассельскомъ обществѣ. Какое ему было дѣло до этого общества? Что мѣшало ему создать для себя, внѣ его, другой, болѣе нравственный, духовный міръ и вернуться къ тѣмъ идеальнымъ воззрѣніямъ на любовь и супружескія отношенія, какія были у него во времена студенчества! Исторія съ Аделью могла быть поучительна для него по своимъ послѣдствіямъ.

Германъ, по уходѣ Моріо, сѣлъ писать подъ диктовку министра, который вслѣдъ затѣмъ поручилъ ему перевести одну важную служебную бумагу на нѣмецкій языкъ. Дѣла незамѣтно отвлекли Германа отъ тревожныхъ думъ, но печальное настроеніе духа не оставляло его.

Въ этотъ день онъ былъ приглашенъ къ Гейстерамъ на званный вечеръ, гдѣ долженъ былъ собраться интимный кружокъ. Луиза Рейхардтъ также обѣщала прійдти, хотя до этого, подъ разными предлогами, нѣсколько разъ отказывалась отъ приглашеній Лины къ немалому огорченію молодой женщины.

Прежде всѣхъ явилась г-жа Энгельгардтъ, такъ какъ до прихода гостей хотѣла переговорить наединѣ съ Линой о занимавшемъ ее дѣлѣ. Оно касалось, гостившаго въ ихъ домѣ, депутата Натузіуса, который по словамъ г-жи Энгельгардтъ близко сошелся съ ея семействомъ и надняхъ, говоря о супружеской жизни, выразился такимъ образомъ, что «можно было почти навѣрно сказать», что онъ собирается сдѣлать предложеніе одной изъ ея дочерей.

— Я сама пришла къ такому же заключенію въ послѣдній разъ, когда была у васъ, — сказала Лина. Натузіусъ пользуется такой прекрасной репутаціей, что противъ него ничего нельзя возразить, кромѣ того, что онъ немного старъ для вашихъ дочерей.

— Мои дочери такъ воспитаны, что нѣкоторая разница лѣтъ не можетъ составить препятствія! — возразила г-жа Энгельгардтъ. Я считаю эту партію блестящей во всѣхъ отношеніяхъ, не говоря уже о томъ, что Натузіусъ славится, какъ богатѣйшій фабрикантъ. Но, къ сожалѣнію, изъ моихъ дочерей ему, повидимому, всего больше нравится Тереза, а я не знаю, свободно ли ея сердце...

Лина поняла, что заботливая мать предназначала эту дочь Герману, но не сдѣлала никакого возраженія.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Людвигъ съ Германомъ, вскорѣ затѣмъ явилась Луиза Рейхардтъ и остальные гости. За чаемъ разговоръ зашелъ о бракѣ и супружескихъ отношеніяхъ. Линѣ хотѣлось втянуть Германа въ разговоръ, и заставить его высказать свой взглядъ на строгое соблюденіе супружескихъ обязанностей, которому онъ придавалъ особенное значеніе. Молодая женщина надѣялась этимъ доказать Луизѣ Рейхардтъ несправедливость ея подозрѣній и оправдать свои дружескія отношенія къ Герману.

Но пока всѣ ея усилія оставались напрасными. Германъ молчалъ или отдѣлывался общими фразами.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ одинъ изъ гостей, что главная причина несчастія въ бракѣ заключается въ томъ, что сходятся люди, совершенно неподходящіе другъ другу, вслѣдствіе какого нибудь разсчета.

— Разумѣется!—возразилъ Гейстеръ.—Но и помимо этого въ частной, какъ и въ общественной жизни бываютъ періоды, когда люди начинаютъ тяготиться нормальными условіями существованія, отстаютъ отъ серьёзнаго труда, и жажда къ наслажденію всецѣло поглощаетъ ихъ. Разнузданныя страсти нарушаютъ равновѣсіе, подрываютъ основы, которыми держится общественная нравственность. Наступаетъ полная доморализація, которая прежде всего отзывается на супружескихъ отношеніяхъ...

— Мы переживаемъ одинъ изъ такихъ періодовъ,—замѣтила съ волненіемъ Луиза.—Не говоря уже о высшемъ обществѣ, даже въ семьяхъ нѣмецкихъ бюргеровъ супружеская вѣрность стала рѣдкостью. Меня особенно поражаетъ въ этихъ случаяхъ легкомысліе женщинъ, быть можетъ, потому, что мы вообще относимся снисходительнѣе къ мужу, который измѣняетъ своей женѣ...

— Это вполнѣ естественно!—сказалъ Германъ.—Супружеская вѣрность только въ мужчинѣ составляетъ добродѣтель, въ женщинѣ она—нормальное явленіе.

— Я не понимаю въ чемъ заключается это различіе,—возразилъ Гейстеръ.

— Прошу извиненія, если буду называть вещи по имени,—продолжалъ Германъ,—но для меня это различіе вполнѣ ясно. Мужчина, по своей организаціи, болѣе склоненъ къ половому влеченію, чѣмъ женщина, и въ немъ сильнѣе потребность перемѣны; ему нужно бороться съ собой, чтобы преодолѣть свою природу. Поэтому супружеская вѣрность съ его стороны добродѣтель, а въ женщинѣ—нормальное явленіе. Ея назначеніе—воспринять и взлелѣять зародыши жизни; и всякая честная, нравственно неиспорченная женщина инстинктивно отклоняетъ отъ себя все то, что можетъ по-

мѣшать росту медленно развивающагося человѣческаго существа. Ей не приходится насиловать свою природу, а только ограждать себя отъ внѣшнихъ соблазновъ. Когда женщина измѣняетъ мужу, то она совершаетъ преступленіе не только противъ нравственности, но и противъ своей природы, и заслуживаетъ полнаго презрѣнія. Отступая отъ своихъ обязанностей, она нарушаетъ святость семейнаго очага, является какимъ-то выродкомъ, вреднымъ для общества!..

Рѣзкій приговоръ Германа смутилъ Лину и остальныхъ дамъ; одна Луиза Рейхардтъ сохранила прежнее спокойствіе, видимо довольная своимъ молодымъ пріятелемъ.

Гейстеръ подошелъ къ Герману и, взявъ подъ руку, увелъ съ собою въ кабинетъ, а затѣмъ неожиданно обнялъ его съ порывистой нѣжностью, которая совершенно не соотвѣтствовала его обычному сдержанному обращенію.

— Что съ тобою, Людвигъ?—спросилъ съ удивленіемъ Германъ.— Что случилось?

Гейстеръ ласково взглянулъ на него и отвѣтилъ взволнованнымъ голосомъ:—Если ты понимаешь то, что я чувствую въ эту минуту, то всякія объясненія будутъ лишними, если нѣтъ,—тѣмъ лучше для тебя!

Съ этими словами онъ еще разъ обнялъ Германа и, пожимая ему руку, сказалъ:—Мы останемся навсегда друзьями!—Я довѣряю тебѣ, какъ родному брату...

Гейстеръ не договорилъ своей мысли и вышелъ изъ кабинета, чтобы присоединиться къ остальному обществу. Германъ послѣдовалъ его примѣру.

VIII.

Свадьба.

Нѣсколько дней спустя, Германъ получилъ формальное приглашеніе на свадьбу Моріо и невольно улыбнулся, вспомнивъ, какъ онъ намѣревался смутить Адель своимъ появленіемъ и заставить ее отказаться отъ необдуманнаго брака. Теперь его занимала мысль, какое впечатлѣніе произведетъ на него Адель въ бѣломъ подвѣнечномъ нарядѣ, и въ состояніи ли онъ будетъ выдержать свою роль, на сколько этого требовали приличія большаго свѣта, о которомъ онъ думалъ съ нѣкоторымъ трепетомъ. Не разъ приходило ему въ голову, что онъ можетъ не присутствовать на свадьбѣ и избавить себя отъ тягостнаго испытанія, но его удерживалъ совѣтъ оберъ-гофмейстерины, «не отвергать любезностей Моріо, ради Адели». Бюловъ, съ своей стороны, также сталъ уговаривать его не отказываться отъ почетнаго приглашенія, когда объ этомъ зашелъ раз-

говоръ за ужиномъ, на которомъ никого не было изъ постороннихъ, кромѣ Провансаля.

— Насколько мнѣ извѣстно,—добавилъ Бюловъ,—общество будетъ довольно разнообразное. Между прочимъ, приглашено нѣсколько дамъ, которыя вовсе не принадлежатъ къ высшему обществу, такъ что трудно сказать, чѣмъ руководились при выборѣ гостей!

Улыбка, которая сопровождала эти слова, ясно показывала, что для него лично тутъ не было ничего загадочнаго.

Приглашенія были разосланы Маренвиллемъ, которому король поручилъ устроить свадебное пиршество для своего военнаго министра и бывшаго адъютанта. При этомъ Маренвилль долженъ былъ представить его величеству нѣсколько молодыхъ дамъ, изъ которыхъ бы онъ могъ выбрать жену для будущаго префекта своего загороднаго дворца, Ваберна. Одинъ изъ приглашенныхъ молодыхъ людей предназначался въ мужья Сесиль Геберти, племянницы министра юстиціи и тайной любовницы короля. О Германѣ не могло быть и рѣчи, потому что Маренвилль не слыхалъ объ его существованіи. Но самъ Моріо, зная, что выборъ лицъ, приглашенныхъ на его свадьбу, не отличается особенной строгостью, воспользовался случаемъ, чтобы оказать любезность молодому человѣку, передъ которымъ чувствовалъ себя въ долгу за нѣмецкіе уроки, тѣмъ болѣе, что не могъ предложить ему денежнаго вознагражденія.

Бракосочетаніе было торжественно совершено архіепископомъ въ католической церкви. Затѣмъ слѣдовалъ королевскій праздникъ, устроенный въ саду, чему благопріятствовалъ теплый іюльскій вечеръ. Кругомъ были разставлены войска, что было сдѣлано во избѣжаніе наплыва посторонней публики, но еще болѣе для того, чтобы оказать почетъ военному министру.

Новобрачные принимали поздравленія въ богато убранной палаткѣ. Германъ подошелъ вмѣстѣ съ другими гостями, пріѣхавшими въ одно время съ нимъ, и замѣтилъ, что Адель смутилась, увидя его. Она, краснѣя, отвѣтила на его поклонъ, затѣмъ торопливо отвернулась къ молодой дамѣ, сидѣвшей рядомъ съ нею, но Моріо съ торжествующимъ видомъ принялъ его поздравленія и сказалъ улыбаясь:

— Merci, monsieur le professeur!

Быстро пролетѣла минута, которую Германъ ожидалъ съ такимъ трепетомъ; все показалось ему такимъ пошлымъ и нелѣпымъ, что онъ едва не расхохотался; но боязнь обратить на себя общее вниманіе заставила его овладѣть собой. Въ концѣ аллеи онъ встрѣтилъ Бюлова, который шелъ подъ руку съ женой и вернулся вмѣстѣ съ ними, чтобы еще разъ взглянуть на новобрачныхъ.

Моріо былъ въ богатомъ мундирѣ лейбъ-гвардейскаго полка, шефомъ котораго онъ былъ только что назначенъ; на Адели было бѣлое атласное платье, затканное серебромъ и убранное золотымъ кружевомъ и драгоцѣнными камнями. Ея пышный нарядъ, выписанный изъ Парижа, занималъ всѣхъ дамъ; одна баронесса Бюловъ не обратила на него никакого вниманія и задумчиво слѣдила за выраженіемъ лица Адели.

Когда они отошли отъ толпы, баронесса сказала вполголоса мужу:

— Замѣтилъ ли ты, Викторъ, какое блѣдное и печальное лицо у новобрачной? Я увѣрена, что ее мучитъ какое нибудь затаенное горе...

— Можетъ быть,—возразилъ Бюловъ,—только я ничего не замѣтилъ. Но говори тише, и успокойся! Ты слишкомъ взволнована, посмотри, какія у всѣхъ сіяющія и довольныя физіономіи; генеральша Салà съ удивленіемъ смотритъ на тебя!

— Не знаете ли вы, баронесса, кто эта молодая дама, которая сидитъ рядомъ съ генеральшей Моріо?—спросилъ Германъ, который отчасти слышалъ отвѣтъ Бюлова и не могъ понять, о комъ идетъ рѣчь.

— Это графиня Гарденбергъ, бывшая фрейлина прусской королевы Луизы,—сказала баронесса.—Она пріѣхала сюда изъ Кенигсберга, но съ какою цѣлью, неизвѣстно...

Разговаривая между собой, они пошли дальше по саду, чтобы взглянуть на приготовленія къ иллюминаціи и фейерверку. Лучи заходящаго солнца просвѣчивали сквозь листву деревьевъ; легкій поднявшійся вѣтерокъ разносилъ запахъ цвѣтущихъ липъ. Но среди собравшейся публики было мало людей, которые были способны поддаваться впечатлѣніямъ природы или прислушиваться къ гармоничнымъ звукамъ оркестра, скрытаго за деревьями. Говоръ въ раскинутыхъ палаткахъ и въ буфетѣ, устроенномъ подъ навѣсомъ изъ сосновыхъ вѣтвей, становился все громче и оживленнѣе, хотя нѣкоторые изъ гостей, въ особенности нѣмцы, держали себя довольно чопорно, въ ожиданіи прибытія короля, который могъ явиться неожиданно.

Новобрачные, принявъ поздравленія, прохаживались между палатками; Германъ старался избѣгнуть встрѣчи съ ними, но Моріо увидѣлъ его издали и, подозвавъ къ себѣ, представилъ какому-то господину, который видимо наскучилъ ему своей болтовней:

— Вы должны непремѣнно познакомиться другъ съ другомъ!—воскликнулъ со смѣхомъ генералъ Моріо.—Очень радъ, что въ числѣ моихъ гостей два ученыхъ представителя двухъ литературъ. Вотъ, г. докторъ, знаменитый Pigault-Lebrun или Лёбренъ, какъ мы его называемъ здѣсь, романы котораго вѣроятно извѣстны вамъ, а этотъ молодой человѣкъ—нѣмецкій философъ и тайный преподаватель нѣмецкаго языка!..

Моріо захохоталъ при послѣднихъ словахъ и вернулся къ своей молодой супругѣ, которую оставилъ среди аллеи.

Слова генерала Моріо, на этотъ разъ, не произвели никакого впечатлѣнія на Германа. Его интересовала личность извѣстнаго французскаго писателя, съ которымъ онъ давно былъ знакомъ по его занимательнымъ разсказамъ: «L'enfant du carnaval», «Angelique et Jeannetton» и др. Лёбренъ, съ своей стороны былъ радъ познакомиться съ молодымъ ученымъ въ Касселѣ, тѣмъ болѣе, что наружность Германа произвела на него пріятное впечатлѣніе. Онъ взялъ его подъ руку и увелъ въ отдаленную часть сада, гдѣ могъ говорить безъ стѣсненія о томъ, что приходило ему въ голову.

Лёбрену было лѣтъ за пятьдесятъ. Это былъ невзрачный, худощавый человѣкъ, съ смуглымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ, которое носило отпечатокъ веселой фантазіи, легкомыслія и неистощимаго остроумія. Онъ говорилъ безъ умолку, постоянно переходя изъ серьёзнаго тона въ насмѣшливый и, по живости характера и свойственной ему довѣрчивости, съ перваго же знакомства выболталъ Герману много лишняго, что далеко не соотвѣтствовало тому положенію, какое онъ занималъ при дворѣ.

— Король выписалъ меня сюда, въ качествѣ своего чтеца,—сказалъ онъ, между прочимъ, Герману,—но такъ какъ мудрено читать безъ книгъ, то мнѣ приходится занимать его величество разсказами на подобіе Шехерезады въ «Тысяча одной ночи». Король читаетъ только правительственныя газеты и бюллетени, а литературу замѣняютъ ему дамы qu'il connaît par coeur, и, при этомъ, онъ не упускаетъ изъ виду предостереженія поэта Горація: «Nocturna versate manu, versate diurna!» Я познакомился съ Іеронимомъ въ Парижѣ, гдѣ отчасти принималъ участіе въ его увеселеніяхъ. Теперь онъ вспомнилъ объ этомъ и отлично устроилъ меня въ своей лѣтней резиденціи. Мнѣ отведены двѣ комнаты въ лѣвомъ флигелѣ зàмка, изъ оконъ открывается прекрасный видъ на горы, покрытыя лѣсомъ. Надѣюсь, что вы посѣтите меня... Даже я чувствую себя тамъ нѣмцемъ и предаюсь романтизму! Поздно вечеромъ, когда мы сидимъ съ Бабетъ у окна, до насъ доносится чудный лѣсной ароматъ, въ горахъ слышенъ какой-то таинственный шорохъ.

— Я не зналъ, что вы женаты!—сказалъ Германъ.

Лёбренъ многозначительно улыбнулся, такъ какъ не могъ удержаться отъ тщеславнаго желанія похвастаться передъ простодушнымъ нѣмцемъ, что и онъ, не смотря на свои годы, пользуется благосклонностью прекраснаго пола. Затѣмъ, онъ внимательно осмотрѣлъ ближайшіе кусты и, убѣдившись, что никто не можетъ подслушать его, сказалъ:

— До сихъ поръ Бабетъ принадлежала къ литературѣ, которую король знаетъ par coeur. Видите ли, я посвящаю васъ въ его тайны, такъ какъ убѣжденъ, что вы не выдадите меня... Дѣло

въ томъ, что Іеронимъ охотно дѣлится съ другими предметами своего изученія, какъ во избѣжаніе сценъ ревности, такъ и ради приличій, и ничего не имѣетъ противъ того, если нѣкоторыя изъ его пріятельницъ становятся женами или пріятельницами его приближенныхъ. Такимъ образомъ Бабетъ попала въ мои руки. Теперь она заботливо ведетъ наше маленькое хозяйство и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, когда моя піэса «Les rivaux d'eux mêmes», будетъ поставлена на здѣшней сценѣ!

— Вѣроятно этотъ культъ любви совершается втайнѣ отъ королевы?—спросилъ Германъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Лёбренъ,—но это нисколько не мѣшаетъ королю любить и уважать свою супругу. Кромѣ того, Іеронимъ долженъ соблюдать нѣкоторую осторожность ради императора, который требуетъ, чтобы онъ меньше увлекался любовью и болѣе обращалъ вниманія на управленіе государствомъ. «Каждый долженъ заниматься своимъ ремесломъ»,—еще недавно писалъ Наполеонъ брату,—«мы, государи, должны поступать соотвѣтственно нашему призванію»...

Лёбренъ остановился и быстро повернулъ голову.

— Что съ вами?—спросилъ съ удивленіемъ Германъ.

— Вы видите, сюда идетъ какая-то дама на rendez-vous! Спрячемся скорѣе!—Съ этими словами Лёбренъ, взявъ за руку Германа, скрылся вмѣстѣ съ нимъ за деревьями.

— Вотъ не ожидалъ! — воскликнулъ онъ со смѣхомъ, потирая руки.—Это генеральша Салà! Ah, Madame, vous venez planter des cornes dans ce jardin là?.. Впрочемъ, нѣтъ, самъ супругъ спѣшитъ сюда. Pardon, Madame, я напрасно заподозрилъ васъ! Voyons! Теперь достанется бѣдному генералу; увидимъ, въ чемъ будетъ заключаться судъ!

Германъ чувствовалъ себя неловко при мысли, что онъ будетъ подслушивать, но Лёбренъ дѣлалъ такіе комическіе жесты, что ему стоило большаго труда, чтобы не расхохотаться. Въ это время раздался рѣзкій голосъ генеральши:

— Сколько же времени должна я ожидать васъ!—воскликнула она, обращаясь къ своему супругу.—Сидя за бутылками, вы, разумѣется, не могли замѣтить, что происходитъ между Фюрстенштейномъ и мадемуазель Гарденбергъ?

— Дѣйствительно я не успѣлъ еще обратить вниманія на графа Фюрстенштейна, — отвѣтилъ генералъ своимъ обычнымъ грубымъ басомъ, хотя въ тонѣ его голоса слышалась безотвѣтная покорность супругѣ.

— Ну, такъ теперь постарайтесь найдти время, чтобы переговорить съ нимъ,—возразила она,—или приведите его сюда: я сама спрошу его, что онъ думаетъ относительно нашей Меланіи. Адель оставитъ теперь домъ своего брата. Какъ вамъ извѣстно, мы ожи-

дали этого момента для рѣшительныхъ дѣйствій, а тутъ, какъ на зло, графъ Фюрстенштейнъ сталъ бывать у насъ рѣже прежняго. Сегодня онъ открыто ухаживаетъ за Гарденбергъ; всѣ говорятъ, что вѣроятно дѣло кончится свадьбой. Поймите, что это позоръ для насъ въ глазахъ всего общества!

— Ah bah, Madame! — воскликнулъ генералъ. — Вы знаете, что Фюрстенштейнъ друженъ съ отцомъ молодой графини. Она пріѣхала изъ Кенигсберга и не имѣетъ здѣсь знакомыхъ; естественно, что графъ, какъ любезный кавалеръ, считаетъ своимъ долгомъ занять ее. Voilà ce que c'est!..

— Можно ли быть такимъ простофилей! — прервала съ нетерпѣніемъ генеральша. — Неужели вы не сознаете, что тутъ задѣта честь вашей дочери?

— Madame, если вы желаете бесѣдовать со мной, то прошу не употреблять неприличныхъ выраженій, — возразилъ обиженный генералъ, краснѣя отъ гнѣва. — Чортъ возьми, представьте себѣ, если кто нибудь подслушаетъ нашъ разговоръ!.. Ventre Saint-Gris!.. Вы сами виноваты, если Фюрстенштейнъ дѣйствительно удалится отъ насъ, потому что прежде времени объявляли всѣмъ, что онъ женится на Мелани, хотя, быть можетъ, ему и въ голову не приходило дѣлать ей предложенія! Вотъ онъ вамъ и покажетъ, что считаетъ себя вправѣ располагать собою... Однако, успокойтесь, увѣряю васъ, что его сегодняшнее ухаживаніе за молодой графиней не имѣетъ серьёзнаго значенія!

— А я убѣждена, что она пріѣхала изъ Кенигсберга для извѣстной цѣли. Не забудьте, что она была фрейлиной у королевы Луизы и не безъ причины разсталась съ ея величествомъ.

— Развѣ вы не слыхали, что прусскій дворъ вообще сокращаетъ свой штатъ?..

— Вы смѣшите меня своими остроумными догадками, генералъ! То, что я слышала отъ Берканьи, совершенно противорѣчитъ вашимъ словамъ. Но вотъ идетъ Маренвилль съ маіоромъ Росси... Пойдемте, дайте вашу руку! Вы увидите, какъ я проучу этого коварнаго Фюрстенштейна!..

— Надѣюсь, сударыня, вы не посмѣете сдѣлать скандала на королевскомъ праздникѣ?

Отвѣтъ генеральши Сала нельзя было разслышать, потому что въ эту минуту супруги свернули на боковую тропинку.

Невидимые свидѣтели происходившей сцены поспѣшили выйдти изъ своей засады, чтобы присоединиться къ остальному обществу. Лёбренъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и такъ громко высказывалъ свои сооображенія по поводу подслушаннаго разговора, что Германъ, замѣтивъ издали французскаго посланника съ его супругой, поспѣшилъ подойти къ нимъ, чтобы избавиться отъ своего болтливаго собесѣдника.

— Очень радъ видѣть васъ!—сказалъ баронъ Рейнгардъ, любезно здороваясь съ нимъ. — Побудьте съ моей женой; говорятъ, пріѣхалъ король, я долженъ встрѣтить его.

Германъ предложилъ руку баронессѣ Рейнгардъ и, по ея желанію, направился вмѣстѣ съ нею къ оркестру, чтобы послушать вблизи «Свадьбу Фигаро». Здѣсь они застали барона Бюлова съ женой и сѣли рядомъ съ ними на скамейку.

Немного погодя, къ нимъ присоединился посланникъ, и, выждавъ окончаніе музыкальной пьесы, предложилъ перейдти въ болѣе отдаленную часть сада, гдѣ бы можно было говорить безъ стѣсненія.

— Я сейчасъ видѣлъ короля и узналъ не совсѣмъ утѣшительныя вѣсти относительно нашего почтеннаго капельмейстера,—сказалъ онъ, когда небольшое общество размѣстилось въ бесѣдкѣ, гдѣ не было никого изъ посторонней публики.

— Развѣ король уже здѣсь?—спросила баронесса Бюловъ.

— Да, онъ только что явился, и во фракѣ, чтобы показать, что онъ здѣсь какъ частное лицо и не желаетъ стѣснять гостей. Я засталъ его въ тотъ моментъ, когда онъ говорилъ привѣтственную рѣчь солдатамъ, если можно назвать такъ двѣ произнесенныя имъ нѣмецкія фразы: «Храбрые солдаты, васъ также угостятъ виномъ! Сегодня радостный день, выпейте за здоровье генерала Моріо!» Солдаты отвѣтили на нѣмецкое привѣтствіе короля заученнымъ французскимъ возгласомъ: «Vive le roi!» Іеронимъ улыбнулся и спросилъ сопровождавшаго его фонъ Мальсбурга: «Надѣюсь, что это сдѣлано безкорыстно со стороны солдатъ?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, остался видимо доволенъ этимъ...

— Но, какимъ образомъ зашла у васъ рѣчь съ королемъ о капельмейстерѣ,—спросилъ Бюловъ.

— Король, увидя меня, подозвалъ къ себѣ и съ первыхъ же словъ объявилъ, что намѣренъ закрыть нѣмецкій театръ въ Касселѣ. Хотя онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ, какъ бы случайно, но я замѣтилъ по его смущенному виду, что его мучитъ опасеніе, какъ отнесется императоръ къ подобному факту. Вѣроятно, король хотѣлъ заручиться моимъ одобреніемъ, чтобы въ случаѣ затрудненія сослаться на меня.

— Но для чего хотятъ уничтожить нѣмецкій театръ?—спросила баронесса Бюловъ.

— Я увѣренъ, что это дѣлается въ угоду французской партіи и по ея настойчивому требованію, — возразилъ посланникъ. — Все дѣло въ томъ, что желаютъ устранить Рейхардта и выдвинуть Блангини. Кромѣ того, мнѣ достовѣрно извѣстно, что захвачено нѣсколько шифрованныхъ писемъ, адресованныхъ на имя Рейхардта, довольно подозрительнаго содержанія, а кто поручится за легкомысленнаго капельмейстера, что съ тѣхъ поръ не нашлось противъ него новыхъ уликъ?..

— Что же вы сказали на это?—спросилъ съ волненіемъ Бюловъ.— Мы, нѣмцы, должны протестовать противъ закрытія нашего театра!

— Я это имѣлъ въ виду,—возразилъ посланникъ,—и категорически объявилъ Іерониму, что, въ силу инструкціи, данной мнѣ императоромъ, не могу допустить закрытія нѣмецкаго театра въ столицѣ нѣмецкой Вестфаліи. Но, такъ какъ съ своей стороны я долженъ былъ сдѣлать какую нибудь уступку, то рѣшилъ пожертвовать нашимъ другомъ капельмейстеромъ!..

— Какъ могъ ты это сдѣлать, Карлъ?—воскликнула съ упрекомъ баронесса Рейнгардъ.—Бѣдная Луиза!

— Сношенія капельмейстера съ Пруссіей ни для кого не составляютъ тайны!—продолжалъ посланникъ спокойнымъ голосомъ.— Если бы онъ остался здѣсь, то его постигла бы самая печальная судьба; поэтому я не вижу особенной бѣды, если онъ на нѣкоторое время оставитъ Кассель. Я подалъ мысль королю присоединить къ нѣмецкой оперѣ итальянскую «Opera buffa», а для пріисканія хорошихъ пѣвцовъ для обѣихъ оперъ отправить капельмейстера Рейхардта въ Вѣну и Прагу, и, въ случаѣ надобности, въ Италію. При этомъ я упомянулъ, что въ его отсутствіе Блангини можетъ управлять оркестромъ...

— Лучше нельзя было ничего придумать,—замѣтилъ Бюловъ,— но весь вопросъ въ томъ, какъ отнесется тщеславный старикъ къ этой перемѣнѣ. Онъ пойметъ, что это почетное порученіе не болѣе, какъ предлогъ, чтобы отставить его отъ должности.

— Мнѣ кажется, что всего удобнѣе сообщить обо всемъ Луизѣ Рейхардтъ, чтобы она сама переговорила съ отцомъ,—сказалъ Германъ.—Если вамъ угодно, то я тотчасъ же отправлюсь къ ней.

— Да, сдѣлайте одолженіе,—сказалъ посланникъ,—и передайте также Луизѣ, что я устроилъ это дѣло, тогда она пойметъ, что не было иного исхода.

— Насколько я знаю характеръ капельмейстера,—сказала жена посланника,—онъ съ радостью возьмется за это порученіе и будетъ ликовать при мысли, что можетъ оказать покровительство истиннымъ талантамъ. Вы увидите, что ваши опасенія совершенно лишнія!

— Возвращайтесь скорѣе, г. докторъ, чтобы видѣть иллюминацію и фейерверкъ,—сказала баронесса Бюловъ вслѣдъ уходившему Герману, который отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ на эту любезность.

— Вашъ новый подчиненный становится совсѣмъ свѣтскимъ человѣкомъ,—сказалъ съ улыбкой посланникъ, обращаясь къ Бюлову. — Вамъ скоро придется дать ему высшую должность...

Германъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что едва не прошелъ мимо оберъ-гофмейстерины, не замѣтивъ ея.

Графиня Антонія пріѣхала прямо изъ дворца и должна была передать новобрачной поздравленія королевы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятную новость объ ея назначеніи статсъ-дамой.

— Вы уже уходите и чѣмъ-то озабочены?—спросила она Германа пофранцузски.—Надѣюсь, что съ вами не случилось ничего непріятнаго!

— Нѣтъ, графиня, я тотчасъ вернусь назадъ, но едва ли мнѣ удастся опять говорить съ вами; поэтому пользуюсь случаемъ, чтобы сообщить о сдѣланномъ мною случайномъ открытіи: ваша французская горничная Анжелика имѣетъ тайныя сношенія съ полицейскимъ агентомъ Вюрцомъ...

— Высокій, противный господинъ съ острымъ носомъ и подбородкомъ?—спросила графиня.

— Да, и при этомъ нарумяненный и надушенный!

— Несомнѣнно, что онъ! Мнѣ самой онъ показался подозрительнымъ, я откажу Анжеликѣ. Благодарю васъ. До свиданія!

Графиня вошла въ садъ, Германъ поспѣшно отправился къ Рейхардтамъ.

IX.

Визитъ у Миллера.

На слѣдующій день вечеромъ у французскаго посланника собрался небольшой кружокъ друзей Рейхардта, чтобы узнать о результатахъ переговоровъ Луизы съ отцомъ, такъ какъ она обѣщала черезъ Германа явиться къ назначенному часу. Оказалось, что баронесса Рейнгардъ не ошиблась въ своемъ предположеніи и что капельмейстеръ остался очень доволенъ новымъ назначеніемъ, которое считалъ весьма почетнымъ для себя. Онъ даже, повидимому, не допускалъ мысли, что его отставили отъ должности, и, подробно распространяясь о предстоящемъ путешествіи, ни разу не упомянулъ о томъ, что занимаемое имъ мѣсто будетъ передано другому и онъ навсегда лишится его.

— Дѣло это окончательно рѣшено!—продолжала Луиза.—Сегодня утромъ гофмаршалъ Бушпорнъ оффиціально заявилъ моему отцу, что король поручаетъ ему набрать артистовъ для оперы буффъ и уже ассигновалъ для этой цѣли соотвѣтствующую сумму. Время отъѣзда зависитъ отъ воли отца, такъ что, благодаря вашему дружескому участію, баронъ Рейнгардъ, его отставка отъ должности, которую можно было ожидать со дня на день, пройдетъ незамѣтно для него.

Съ этими словами Луиза поблагодарила посланника крѣпкимъ пожатіемъ руки. Но она была видимо огорчена отъѣздомъ отца, который долженъ былъ нарушить весь строй ихъ домашней жизни,

не только съ нравственной, но и съ матеріальной стороны. Извѣстіе, сообщенное ей наканунѣ Германомъ, застало ее врасплохъ; она провела тревожную ночь и цѣлый день не могла избавиться отъ мучившей ее тоски. Теперь она дѣлала напрасныя усилія, чтобы казаться веселой, но почти не принимала участія въ общемъ разговорѣ. Шла рѣчь о вчерашнемъ праздникѣ. Всѣ замѣтили натянутыя отношенія между Фюрстенштейномъ и генеральшей Салà, которая была въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что уѣхала до начала иллюминаціи.

Германъ, краснѣя, передалъ подслушанное имъ объясненіе генеральши Салà съ ея супругомъ и возбудилъ этимъ общій смѣхъ.

— Едва ли мадемуазель Салà можетъ нравиться кому либо!— замѣтила баронесса Бюловъ.—Если Фюрстенштейнъ предпочтетъ графиню Гарденбергъ, то никто не осудитъ его за это...

— Разумѣется, тѣмъ болѣе, что такіе случаи бываютъ ежедневно,—возразилъ посланникъ.—Но я сообщу вамъ новость, которая произведетъ не малую сенсацію въ Касселѣ: оказывается, что Моріо пріобрѣлъ молодую жену, но лишился мѣста военнаго министра!

— Дѣйствительно, это будетъ неожиданностью для всѣхъ,— сказалъ Бюловъ.—Но кто же замѣнитъ его?

— Генералъ Эбле, о которомъ вы вѣроятно слышали въ Магдебургѣ. Это талантливый и энергичный человѣкъ и при этомъ крайне доброжелательный и любезный. Вамъ не придется жалѣть о смѣнѣ Моріо, баронъ Бюловъ!

— Но когда состоялось это назначеніе?

— Приказъ объ отставкѣ Моріо полученъ вчера,—отвѣтилъ посланникъ, но король не хотѣлъ огорчать своего любимца, въ день его свадьбы, и только завтра объявитъ ему непріятную вѣсть. Наполеонъ давно недоволенъ Моріо, чуть ли не съ того времени, когда онъ изъ привязанности къ Іерониму вышелъ изъ французской службы и поступилъ на вестфальскую. Кромѣ того, Моріо слишкомъ медлилъ съ отсылкой 6,000 человѣкъ вестфальской арміи, назначенныхъ въ Испанію, и навлекъ на себя гнѣвъ Наполеона, который вообще не отличается терпѣніемъ...

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ слуги, который доложилъ, что ужинъ поданъ; и гости, по приглашенію хозяйки дома, перешли въ столовую.

Было уже довольно поздно, когда разошлось небольшое общество; Германъ довелъ Луизу до ея дому.

Съ тѣхъ поръ, какъ его занятія опредѣлились и ему приходилось проводить ежедневно нѣсколько часовъ за работой, онъ не чувствовалъ прежняго стремленія къ уединенію и охотно посѣщалъ своихъ друзей, въ особенности Гейстеровъ.

Обыкновенно, по вечерамъ, онъ заставалъ ихъ дома и вмѣстѣ съ ними совершалъ далекія прогулки по живописнымъ окрестностямъ города. Но дня черезъ два послѣ свадьбы Моріо, когда ему болѣе, чѣмъ когда либо, хотѣлось подѣлиться съ друзьями своими мыслями и впечатлѣніями, онъ могъ пробыть съ ними всего нѣсколько минутъ, потому что они собирались на званый вечеръ.

Лина была уже совсѣмъ одѣта. Германъ засталъ ее одну въ пріемной и вошелъ въ ту минуту, когда она надѣвала передъ зеркаломъ свое жемчужное ожерелье.

— Какъ жаль, что мы приглашены на сегодняшній вечеръ!— воскликнула она.—Но что ты намѣренъ дѣлать съ собою, Германъ? Не мѣшало бы тебѣ посѣтить Миллера, онъ давно приглашалъ тебя, а ты до сихъ поръ не можешь собраться къ нему!

— Объясни мнѣ, пожалуйста, почему тебя такъ интересуетъ Миллеръ?—спросилъ съ удивленіемъ Германъ.

— Я знаю, что надоѣла тебѣ, напоминая столько разъ объ этомъ визитѣ! Къ сожалѣнію, мнѣ едва ли удастся познакомиться съ Миллеромъ, но я увѣрена, что бесѣда съ такимъ умнымъ и знающимъ человѣкомъ доставила бы мнѣ истинное наслажденіе. Вдобавокъ, я хотѣла поблагодарить его, потому что никогда не забуду тотъ вечеръ, когда ты вернулся отъ него и прочелъ мнѣ лекцію о греческихъ философахъ! Ты говорилъ такъ краснорѣчиво и съ такимъ воодушевленіемъ, что смыслъ Платонова «Пира» сразу уяснился мнѣ, и, перечитывая его, я все болѣе и болѣе увлекаюсь этимъ образцовымъ произведеніемъ. Одинъ Миллеръ съумѣлъ такъ воодушевить тебя, и я преклоняюсь передъ нимъ; подъ руководвомъ такого учителя ты бы могъ составить себѣ почетное имя въ ученомъ и литературномъ мірѣ!..

— Не ожидалъ я отъ тебя такого честолюбія, Лина!—возразилъ Германъ.—У тебя мужской складъ ума при любящемъ женскомъ сердцѣ, такъ что я окончательно убѣждаюсь, что ты принадлежишь къ тѣмъ избраннымъ существамъ, которыя совмѣщаютъ въ себѣ отличительныя свойства обоихъ половъ. Но, чтобы ты не возгордилась этимъ преимуществомъ, я буду молить Юпитера возстановить равновѣсіе: онъ раздѣлитъ тебя на двѣ половинки, и одну изъ нихъ я возьму себѣ, потому что отъ моей будущей жены я требую только половину твоихъ достоинствъ, и тогда буду совсѣмъ счастливъ съ нею!

— Мнѣ остается только благодарить тебя за любезность,—возразила, улыбаясь, молодая женщина.—Но твоя мечта не осуществима: обѣ половинки моей особы вмѣстѣ или порознь принадлежатъ Людвигу, и онъ никому не уступитъ ихъ...

— А вотъ онъ и самъ идетъ заявить объ этомъ!—добавилъ со смѣхомъ Германъ.

Гейстеръ вошелъ со шляпой въ рукѣ, и всѣ вмѣстѣ вышли на улицу. Здѣсь Германъ простился съ своими друзьями и пошелъ дальней дорогой, чтобы быть у Миллера не раньше 8 часовъ.

Онъ засталъ историка, окруженнаго книгами; передъ нимъ лежали двѣ толстыя тетради со всевозможными выписками, которыми онъ пользовался для своихъ историческихъ работъ. Германъ, войдя въ кабинетъ, остановился въ смущеніи и пробормоталъ извиненіе, что явился не во-время.

— Нѣтъ, пожалуйста, оставайтесь! — сказалъ Миллеръ, поспѣшно откладывая перо. — Сегодня я не чувствую ни малѣйшаго желанія заниматься, но сѣлъ за работу, потому что не зналъ какъ убить время. Такова судьба насъ, холостяковъ, когда наступитъ старость съ ея немощами; день тянется за днемъ въ печальномъ одиночествѣ! Никому нѣтъ дѣла до насъ... Вотъ пожалуйте сюда, садитесь на этотъ диванъ; здѣсь вамъ будетъ покойнѣе..

Германъ сѣлъ на указанное ему мѣсто. Въ эту минуту онъ мысленно упрекалъ себя, что до сихъ поръ не объявилъ Миллеру о своихъ занятіяхъ у министра финансовъ, и не зналъ, съ чего начать непріятное для него объясненіе. Но дѣло оказалось проще, чѣмъ онъ предполагалъ. Хотя Миллеръ и спросилъ его, какъ подвигаются его комментаріи къ «Пиру» Платона, но, не дожидаясь его отвѣта, началъ длинное разсужденіе о цивилизующемъ вліяніи Греціи для древняго міра. Такимъ образомъ Германъ имѣлъ достаточно времени, чтобы обдумать свои слова, и, наконецъ, выждавъ удобную минуту, объяснилъ мотивы, побудившіе его принять предположеніе Бюлова.

— Я только хотѣлъ испытать свои силы на новомъ пути,— продолжалъ Германъ,—и не думаю отказываться отъ ученой дѣятельности. Одно не мѣшаетъ другому. Въ Библіи говорится, что «нельзя служить двумъ господамъ», но пока я и не думаю служить, а только учусь...

— Я не могу осуждать васъ за это,—возразилъ Миллеръ.—Мы переживаемъ такія смутныя времена, что человѣкъ долженъ подготовить себя къ самой разнообразной дѣятельности. Съ одной наукой далеко не пойдешь!.. Вотъ послушайте, что, между прочимъ, пишетъ мнѣ мой другъ Пертесъ!

Миллеръ взялъ со стола распечатанное письмо и началъ читать:

... «У насъ, нѣмцевъ, никогда не было недостатка въ широкихъ міровыхъ задачахъ; мы предавались наукѣ ради самой науки. Развѣ не была Германія общей академіей наукъ для Европы? Развѣ сдѣлано было какое либо открытіе, изобрѣтеніе, высказана новая идея, которыя бы не были тотчасъ же усвоены и переработаны нами? Мы жили всегда общеевропейскою жизнью. Но мы никогда не умѣли пользоваться нашими матеріальными и духовными богатствами, потому что недостаточно умѣть думать, нужно умѣть

и дѣйствовать! Ученость, сама по себѣ, не мѣшаетъ людямъ быть дураками!»...

— Что вы скажете на это?—спросилъ Миллеръ, задумчиво складывая письмо.—Вотъ я хотѣлъ совмѣстить профессорскую и государственную дѣятельность въ Майнцѣ и Вѣнѣ. Послѣдняя не удалась мнѣ; всѣ находятъ это... Можетъ быть, съ вами будетъ иначе!..

Миллеръ положилъ руку на плечо Германа и продолжалъ взволнованнымъ голосомъ:—Но прежде всего, мой другъ, вооружитесь мужествомъ; это важнѣе денегъ, славы, самой жизни! Никогда не измѣняйте своимъ убѣжденіямъ... Служите правдѣ, общему благу... Трусость приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ! Я избѣгалъ всякихъ столкновеній съ властью изъ чувства самосохраненія, больше всего дорожилъ жизнью и ошибся въ разсчетѣ. Вѣчная борьба и трепетъ за драгоцѣнное существованіе на столько истощили мои силы, что въ 57 лѣтъ я чувствую себя разбитымъ человѣкомъ и не знаю, доживу ли до слѣдующаго мая! Но моя смерть ничто не измѣнитъ и пройдетъ также безслѣдно, какъ и моя жизнь...

Сильный кашель прервалъ слова Миллера; онъ въ изнеможеніи опустился на подушку дивана.

— Зачѣмъ вы говорите о смерти?—сказалъ Германъ.—Неужели человѣкъ съ такимъ обширнымъ умомъ, какъ вы, съ такими свѣдѣніями можетъ считать себя негоднымъ ни для какой дѣятельности, даже отказаться отъ всякой надежды на будущее. Мужество опять вернется къ вамъ, если вы дадите волю своему перу. Отъ васъ зависитъ воодушевить нѣмецкую молодежь! Предусмотрительные люди ждутъ большихъ перемѣнъ въ слѣдующемъ 1809 году...

— Противъ этого можно многое возразить, но я чувствую себя слишкомъ утомленнымъ, и мы поговоримъ объ этомъ при слѣдующемъ свиданіи... Но, ни въ какомъ случаѣ, я не позволю себѣ отговаривать васъ отъ политической и общественной дѣятельности; и, чтобы способствовать ей, дамъ вамъ рекомендательныя письма къ моимъ друзьямъ: министру Симсону, члену государственнаго совѣта Лейсту, молодому Якову Гримму, подающему такія блестящія надежды, и другимъ. Если не ошибаюсь, вы посвящены въ тайну гессенскихъ и прусскихъ сношеній, но не забывайте, что безусловная опасность грозитъ тому, кто въ дѣлахъ этого рода поступаетъ слишкомъ самонадѣянно или выказываетъ неумѣстную довѣрчивость къ людямъ...

Германъ собрался идти. Миллеръ ласково простился съ нимъ и, пожимая руку, сказалъ:

— До свиданія! Я пришлю вамъ обѣщанныя рекомендательныя письма... Не забудьте посѣтить Симсона; хотя онъ служитъ Наполеону, но это человѣкъ безусловно честный и непоколебимый въ

своихъ убѣжденіяхъ. Только, пожалуйста, не передавайте ему нашего сегодняшняго разговора и, вообще, не упоминайте при немъ о нѣмецкихъ патріотическихъ стремленіяхъ...

X.

Непонятая любовь.

На слѣдующій день Миллеръ прислалъ обѣщанныя рекомендательныя письма, но Германъ не могъ тотчасъ воспользоваться ими, потому что все утро былъ занятъ дѣлами, а послѣ обѣда получилъ записку отъ Лины, которая просила его немедленно зайдти къ ней.

Германъ отправился къ Гейстерамъ и, по обыкновенію, засталъ Лину одну въ пріемной, потому что Гейстеръ, въ послѣднее время, проводилъ всѣ вечера у себя въ кабинетѣ, подъ предлогомъ занятій.

— Я давно жду тебя,—сказала Лина:—мы отправимся вмѣстѣ къ г-жѣ Энгельгардтъ, которая хочетъ переговорить съ тобой о какомъ-то важномъ дѣлѣ...

Съ этими словами она надѣла шляпу и перчатки и, взявъ подъ руку Германа, вышла вмѣстѣ съ нимъ.

Г-жа Энгельгардтъ приняла ихъ въ своей комнатѣ и съ нѣкоторою торжественностью пригласила ихъ сѣсть. Сначала она завела рѣчь о постороннихъ предметахъ, но такъ какъ разговоръ шелъ вяло, то она рѣшилась приступить къ дѣлу. Вопросъ касался депутата Натузіуса, который сватался къ одной изъ ея дочерей.

— Это замѣчательно добрый и благовоспитанный человѣкъ!—добавила она.—Вчера, во время объясненія, онъ такъ прекрасно говорилъ о своей будущей семейной жизни, что я была тронута до слезъ.

Германъ былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что, не смотря на всѣ усилія, не могъ придать своему лицу серьёзнаго выраженія и, выслушавъ г-жу Энгельгардтъ, съ улыбкой спросилъ, на которую изъ ея семи дочерей палъ выборъ Натузіуса?

Шутливый тонъ, съ какимъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, оскорбилъ г-жу Энгельгардтъ, но она не выказала своего неудовольствія и продолжала тѣмъ же тономъ:—Вотъ по этому поводу я и хотѣла поговорить съ вами, г. докторъ! Вашъ взглядъ на супружество, который вы недавно высказали на вечерѣ у Гейстеровъ, такъ понравился мнѣ, что я рѣшилась спросить у васъ совѣта въ настоящемъ случаѣ. Натузіусъ, дѣлая предложеніе одной изъ моихъ дочерей, не объяснилъ, которая изъ нихъ особенно нравится ему и предоставилъ намъ рѣшить этотъ вопросъ. Но такое отношеніе къ

будущей женѣ доказываетъ, что съ его стороны нѣтъ истинной любви, и на меня напало сомнѣніе...

— Слѣдовательно, вы думаете, что подобное сватовство можетъ повести къ неудачному супружеству?—спросилъ Германъ къ немалому смущенію г-жи Энгельгардтъ, которая начинала досадовать на его недогадливость.

— Быть можетъ, Натузіусъ по какимъ либо соображеніямъ хочетъ предоставить другимъ женихамъ право перваго выбора!.. — замѣтила Лина, чтобы вывести изъ затрудненія свою пріятельницу.

— Мнѣ кажется, что тутъ дѣйствуютъ совсѣмъ другіе мотивы!— возразилъ Германъ.—Насколько я могъ понять изъ намековъ почтеннаго депутата, выборъ вовсе не затрудняетъ его, но онъ считаетъ себя слишкомъ старымъ сравнительно съ вашими дочерьми. Къ этому, вѣроятно, присоединилось опасеніе, чтобы не подумали, что онъ слишкомъ цѣнитъ свое богатство и видное положеніе въ свѣтѣ,—и вотъ ему пришло въ голову сдѣлать предложеніе въ такой формѣ.

— Я сама не разъ имѣла случай убѣдиться въ его деликатности, — сказала г-жа Энгельгардтъ: — но если дѣйствительно онъ влюбился въ одну изъ моихъ дочерей, а она съ своей стороны не на столько расположена къ нему, чтобы принять его предложеніе, то его мечта о супружескомъ счастьѣ будетъ разрушена.

— Едва ли! Натузіусъ въ такихъ годахъ, когда разсудокъ и сознаніе долга берутъ перевѣсъ надъ увлеченіемъ. Онъ помирится съ необходимостью и перенесетъ свою привязанность на ту изъ вашихъ дочерей, которая согласится быть его женой.

— Но я желала бы знать, на которую изъ нихъ палъ его выборъ!—возразила г-жа Энгельгардтъ.

— Если не ошибаюсь, то ему всего больше нравится фрёйлейнъ Тереза!

— Тереза? И вы такъ спокойно объявляете мнѣ объ этомъ!— воскликнула г-жа Энгельгардъ печальнымъ тономъ, забывая, что выдаетъ свою затаенную мысль.

— Не знаю, почему васъ удивляетъ это!—продолжалъ Германъ, не обращая вниманія на ея слова.—Хотя между вашими дочерьми довольно большое фамильное сходство, но мнѣ вполнѣ понятно, почему фрёйлейнъ Тереза могла произвести особенно сильное впечатлѣніе на Натузіуса. Во всей ея граціозной фигурѣ, исполненной чувства собственнаго достоинства, въ задумчивыхъ глазахъ видна прекрасная душа, способная къ глубокой, прочной привязанности. Если она выйдетъ замужъ за человѣка, который будетъ въ состояніи оцѣнить ее, то въ ней проснется сознаніе своей духовной силы; она будетъ чувствовать себя счастливой и дастъ счастье окружающимъ ее.

Слова эти успокоительно подѣйствовали на сердце матери, хотя она была обманута въ своихъ ожиданіяхъ. Очевидно, Германъ, отдавая справедливость достоинствамъ ея дочери, не подозрѣвалъ, что молодая дѣвушка интересуется имъ, и, слѣдовательно, она ни въ чемъ не могла упрекнуть его.

— Благодарю васъ, вы разрѣшили мои недоумѣнія,—сказала г-жа Энгельгардтъ, дѣлая усиліе, чтобы улыбнуться.—Я переговорю съ дочерьми; мужъ мой наотрѣзъ отказался высказать свое мнѣніе, говоря, что такого рода дѣла должны рѣшаться матерью.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Терезы. Она была блѣднѣе обыкновеннаго и, торопливо поздоровавшись съ гостями, сказала матери, что г. Натузіусъ проситъ позволенія прійдти къ ней.

Г-жа Энгельгардтъ встревожилась, замѣтивъ разстроенный видъ дочери, и нетерпѣливо поправила чепчикъ на своей головѣ; затѣмъ, вмѣсто отвѣта, молча обняла смущенную дѣвушку.

— Что должна я сказать г. Натузіусу?—спросила Тереза, съ трудомъ удерживая слезы, которыя готовы были выступить на ея глазахъ, при ласкѣ матери.

— Проси его въ гостинную и скажи, что я сейчасъ прійду,—отвѣтила г-жа Энгельгардтъ.

Молодая дѣвушка вышла изъ комнаты, не поворачивая головы.

Лина воспользовалась этой минутой, чтобы проститься съ хозяйкой дома. Германъ послѣдовалъ ея примѣру.

— Что съ тобой, Лина? — спросилъ онъ, когда они вышли на улицу:—я давно не видѣлъ тебя такой молчаливой и задумчивой, какъ сегодня!

— Слушая вашъ разговоръ, я невольно задала себѣ вопросъ: почему одни такъ серьёзно смотрятъ на любовь и супружество, а другіе даже не считаютъ нужнымъ задумываться надъ этимъ?..

— Все зависитъ отъ характера,—возразилъ Германъ.—Г-жа Энгельгардтъ несомнѣнно принадлежитъ къ людямъ первой категоріи; сегодня она произвела на меня особенно пріятное впечатлѣніе, потому что не ухватилась обѣими руками за выгоднаго жениха, подобно большинству матерей, а подняла вопросъ о томъ: составитъ ли онъ счастье ея дочери? Замѣтила ли ты, какъ она была огорчена, когда ей показалось, что я не понялъ ее?

Лина не нашлась, что отвѣтить. При другихъ условіяхъ, она подняла бы на смѣхъ простодушіе Германа, но теперь рѣшилась молчать, ради Терезы, и спросила съ улыбкой:—Почему ты думаешь, что это было причиной огорченія г-жи Энгельгардтъ?

Германъ, не обращая вниманія на ея вопросъ, продолжалъ:

— Мнѣ вполнѣ понятны сомнѣнія этой почтенной женщины при рѣшеніи такого важнаго дѣла, какъ бракъ дочери. Трудно перечислить тѣ усложненія, какія бываютъ въ сношеніяхъ людей въ этихъ случаяхъ! Любовь овладѣваетъ душой человѣка, помимо его

желанія; она не подчиняется никакимъ законамъ, но надъ нею тяготѣетъ роковая судьба: счастье дается случайно, помимо какихъ либо разсчетовъ и внутренняго сознанія права. Не даромъ Юпитеръ смѣялся надъ клятвами влюбленныхъ и неудержимо предавался своимъ чувственнымъ увлеченіямъ. Въ большинствѣ случаевъ, чувственность играетъ главную роль въ любви, и только, въ видѣ исключенія, мы встрѣчаемъ женщину, которая можетъ дать намъ нравственное удовлетвореніе—и тогда только возможно полное, ничѣмъ не нарушаемое счастье...

Въ это время они дошли до квартиры Гейстеровъ. Оказалось, что Людвигъ вышелъ изъ дому за полчаса до ихъ возвращенія.

— Не знаю, замѣчаешь ли ты, Лина, что, въ послѣднее время, твой мужъ какъ-то особенно грустенъ и молчаливъ,—сказалъ Германъ, когда они сѣли въ столовой, гдѣ поданъ былъ кофе.—Мнѣ не разъ приходило въ голову, что онъ, вѣроятно, нездоровъ, или съ нимъ случилось что нибудь непріятное!

Сердце молодой женщины болѣзненно сжалось при этихъ словахъ. Съ нѣкоторыхъ поръ, она сама терялась въ догадкахъ относительно мрачнаго настроенія мужа, и переживала тяжелыя минуты неопредѣленнаго безпокойства и внутренней борьбы. Ей казалось, что она любитъ своего Людвига попрежнему; и тѣмъ оскорбительнѣе для нея была перемѣна ихъ отношеній. Если онъ недоволенъ ея безцеремоннымъ обращеніемъ съ Германомъ, то почему ни разу не пришло ему въ голову заговорить съ нею объ этомъ? Неужели она должна удалить отъ себя преданнаго друга, который не подалъ къ этому ни малѣйшаго повода, и подъ какимъ предлогомъ можетъ она отказать ему отъ дому? Въ этомъ случаѣ ей пришлось бы сознаться, что она не увѣрена въ себѣ, или же представить Людвига въ нелѣпой роли ревнующаго. То и другое было немыслимо. Не разъ собиралась онъ переговорить съ мужемъ, но ее останавливала боязнь, что, быть можетъ, онъ вовсе не думаетъ объ ея отношеніяхъ къ Герману и найдетъ ея объясненіе совершенно неумѣстнымъ. Такимъ образомъ, ей ничего не оставалось, какъ молчать и внимательнѣе прежняго слѣдить за собой.

Но это тяжелое душевное состояніе на столько не соотвѣтствовало веселому и беззаботному характеру Лины, что подъ конецъ ей удалось увѣрить себя, что ея мужъ озабоченъ какими нибудь неудачами въ политическихъ дѣлахъ, и, что это, въ связи съ усиленной работой, на столько повліяло на его слабое здоровье, что онъ впалъ въ дурное расположеніе духа.

Замѣчаніе Германа смутило ее, потому что онъ, не подозрѣвая этого, коснулся наболѣвшей раны ея сердца; прежнія сомнѣнія проснулись въ ней съ новой силой. Она печально улыбнулась ему въ отвѣтъ и сказала, что, вѣроятно, Людвигъ слишкомъ устаетъ отъ работы и это отражается на его душевномъ настроеніи.



АЛЕКСѢЙ ДАНИЛОВИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

Съ фамильнаго портрета.

Дозв. ценз. спб., 26 августа 1887 г.



БЫЛЫЯ ЗНАМЕНИТОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Кургановъ и его „Письмовникъ“.

СЛОВО ВЕЛИКАГО поэта, хотя бы мимоходомъ сказанное, вѣско и вліятельно: цѣлыя поколѣнія, воспитывающіяся на его произведеніяхъ, принимаютъ на вѣру его сужденія, повторяютъ его мнѣнія, усвоиваютъ даже тонъ ихъ,—отнесется онъ съ уваженіемъ къ чему нибудь—это уваженіе переходитъ изъ рода въ родъ, часто не подвергаясь ни малѣйшей провѣркѣ,—посмѣется онъ надъ какимъ нибудь общественнымъ или литературнымъ фактомъ—и, презрительно-насмѣшливое отношеніе къ этому факту удерживается еще легче и провѣряется еще меньше.

Пушкинъ наклеилъ насмѣшливый ярлыкъ на книгу Курганова, и съ тѣхъ поръ не было образованнаго человѣка, который не зналъ бы этой книги по имени, и почти не было людей, губы которыхъ не складывались бы въ насмѣшливую улыбку при одномъ названіи—«Письмовникъ».

Въ недоконченной повѣсти-шуткѣ—«Исторія села Горохина», Пушкинъ говоритъ (не про себя, конечно): «Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, ничего никогда не читали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе «Письмовника» долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть и, не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ ге-

нерала NN., у котораго батюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ,—и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству: никто не зналъ его лично»... Далѣе авторъ разсказываетъ, какое представленіе составилъ онъ себѣ о Кургановѣ, и какъ, попавъ въ деревню впослѣдствіи, онъ по страсти къ литературѣ, воспитанной въ немъ «Письмовникомъ», упражнялся въ разныхъ родахъ поэзіи и прозы, пока не надумалъ писать лѣтопись своего села. Читателю дается понять, что вычурный, старообразный стиль и педантически-формальное отношеніе къ литературѣ унаслѣдовано авторомъ лѣтописи отъ «Письмовника» Курганова. «Письмовникъ» является, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ квинтъ-эссенціи старомоднаго литературнаго вкуса.

Очевидно, самъ Пушкинъ «Письмовника» («Новѣйшимъ» онъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изданіи не называется) не читалъ, а развѣ только держалъ въ рукахъ, убѣдился, что въ немъ вовсе нѣтъ образцовыхъ писемъ и дѣловыхъ бумагъ, и что онъ заключаетъ въ себѣ теорію поэзіи и образцы ея, и по году изданія заключилъ о литературныхъ взглядахъ составителя. Разумѣется, мы не имѣемъ никакого права претендовать на Пушкина за такое слишкомъ легкое отношеніе къ почтенной въ своемъ родѣ книгѣ, которая ко времени его дѣтства и юности давно уже перешла изъ гостиныхъ и кабинетовъ въ каморки мѣщанъ и старыхъ дворовыхъ; напротивъ, Пушкинъ оказалъ услугу памяти «Письмовника», обративъ вообще вниманіе на фактъ необыкновенной популярности этой книги въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—книги, которая находилась даже въ такихъ помѣщичьихъ домахъ, гдѣ никакихъ книгъ не было. Пушкинъ не отнесся къ ней повнимательнѣе, раздѣляя общее предубѣжденіе противъ книгъ, спустившихся въ лакейскія, и столь же общее предубѣжденіе противъ книгъ устарѣлыхъ, особенно понятное въ періодъ великой литературной революціи.

Предубѣжденіе противъ «Письмовника» Курганова раздѣляли съ Пушкинымъ всѣ литераторы его времени,—всѣ, кромѣ тѣхъ немногихъ, кто читалъ «Письмовникъ», или хоть внимательно перелистывалъ. Вотъ два примѣра иного, болѣе справедливаго отношенія.

В. К. Кюхельбекеръ, извѣстный декабристъ и пріятель Пушкина, одинъ изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ (по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи) людей своего времени, получилъ «Письмовникъ», отсиживая свой срокъ въ тюрьмѣ, прочелъ его и вотъ что записалъ въ свой дневникъ[1]): «Письмовникъ вовсе не такъ дуренъ, какъ я воображалъ; напротивъ, по времени, когда былъ написанъ, можетъ назваться очень порядочною, даже хорошею книгою. И нынѣ можно въ немъ найдти довольно много любопыт-

---

[1]) Печатался въ «Русской Старинѣ» за 1875 годъ, тт. XIII и XIV.

наго, не говорю уже объ очень полномъ собраніи русскихъ пословицъ, между которыми я нашелъ много мнѣ вовсе неизвѣстныхъ и чрезвычайно замысловатыхъ; но и анекдоты, т. е. тѣ, которые у него названы анекдотами, а не повѣстями, всѣ почти хороши, по крайней мѣрѣ гораздо лучше большей части печатаемыхъ нынѣ».

Но для того, чтобы рѣшиться прочесть «Письмовникъ», нужно было сидѣть въ одиночномъ заключеніи, или быть присяжнымъ критикомъ журнала. Такой присяжный критикъ отыскался въ 1831 году въ «Московскомъ Телеграфѣ» и по поводу новаго изданія «Письмовника» далъ о немъ весьма благопріятный отзывъ, какъ о книгѣ замѣчательно умной и полезной для своего времени. Если кто виноватъ въ пренебреженіи къ «Письмовнику» и его автору, то скорѣе современные намъ историки литературы, которые такъ мало обращали вниманія на книгу, воспитавшую цѣлыя поколѣнія,—книгу, безпримѣрную по своей распространенности и вліянію, къ тому же написанную человѣкомъ, далеко незауряднымъ. Но и ихъ винить нельзя: русская литература второй половины XVIII вѣка, чрезвычайно богатая по содержанію, интересная даже для уразумѣнія главныхъ теченій западно-европейской литературы, у насъ скорѣе затронута, чѣмъ изслѣдована. Жатва обильна, но жателей мало.

Біографія автора «Письмовника» весьма небогата фактами, да и эти факты не легко очистить отъ ошибокъ. Двѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ, весьма неудовлетворительны: Берхъ, книжка котораго вышла въ 1829 году, пользовался весьма немногими документами и весьма недостовѣрными разсказами младшихъ современниковъ Курганова; г. Колбасинъ отнесся къ своей задачѣ чрезвычайно небрежно и невѣрно передаетъ факты, почерпнутые имъ изъ книгъ,—можно ли вѣрить сообщаемымъ имъ преданіямъ? Такъ какъ дѣла прошлаго столѣтія въ архивѣ морского министерства не разобраны, я не могъ достать никакихъ бумагъ, касающихся службы Курганова. Къ счастью, Ѳ. Ѳ. Веселаго, извѣстный авторъ «Исторіи Морского корпуса» и издатель «Описи архива Морского Министерства», былъ такъ любезенъ, что взялъ на себя трудъ навести справки и сообщилъ мнѣ нѣсколько весьма интересныхъ данныхъ, вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, о спеціальныхъ трудахъ Курганова (см. ниже), о достоинствахъ которыхъ я судить не въ состояніи.

Николай Гавриловичъ Кургановъ родился въ Москвѣ въ 1725 году (Берхъ) или въ 1726 г. (Колбасинъ); онъ былъ сынъ унтеръ-офицера; воспитаніе получилъ онъ въ Школѣ Навигаціонныхъ наукъ, которую основалъ Петръ Великій въ 1701 году. Эта школа долго была излюбленнымъ дѣтищемъ преобразователя Россіи, первой и самой важной изъ всѣхъ спеціальныхъ школъ, въ которыхъ онъ подготовлялъ себѣ сотрудниковъ. Онъ не жалѣлъ на нее денегъ:

туда были выписаны три профессора изъ Англіи, и главному изъ нихъ, Фарварсону, кромѣ хорошаго жалованья, было назначено 50 фунтовъ стерлинговъ за каждаго успѣшно окончившаго курсъ ученика. Школа сперва помѣщалась за Москвой рѣкой, а черезъ пять лѣтъ была переведена въ Сухареву башню, гдѣ и оставалась до своего закрытія. Въ 1715 году, когда гавань была перевена изъ Воронежа въ Петербургъ, Петръ основалъ Морскую Академію и перевелъ туда Фарварсона. На новомъ мѣстѣ служенія Фарварсонъ сталъ ссориться съ барономъ Сентъ-Илеромъ, но Петръ, повидимому, сталъ на сторону опытнаго преподавателя Навигаціонной Школы, и Сентъ-Илеръ въ 1717 году былъ «отпущенъ». Послѣ открытія Морской Академіи, школа Сухаревой башни не закрылась, а стала подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ для Академіи. За отъѣздомъ Фарварсона, главной педагогической силой въ ней остался извѣстный составитель ариѳметики Магницкій, у котораго Кургановъ, по всей вѣроятности, и учился математическимъ наукамъ; знаніямъ французскаго языка, грамматики и русской словесности Кургановъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ обязанъ профессору(?) Михаилу Васильевичу Попову[1]). «Онъ училъ меня изъ любви къ отечеству, полагая, что я оному могу быть полезенъ».

Въ 1739 году математическія науки въ Россіи потерпѣли большой ущербъ вслѣдствіе смерти Фарварсона въ Петербургѣ и Магницкаго въ Москвѣ. Конечно, легче было замѣнить Фарварсона, нежели Магницкаго: за хорошее жалованье въ новую столицу легче было выписать знающаго человѣка, а Навигаціонная Школа, послѣ смерти Магницкаго, естественно должна была падать; къ счастью для Курганова, онъ оставался въ ней недолго. Въ 1741 году онъ поступилъ въ Морскую Академію, очевидно, съ очень хорошей подготовкой, такъ какъ уже черезъ два года преподавалъ астрономію въ гардемаринскихъ классахъ «и обучалъ дѣтей въ нѣсколькихъ знатныхъ домахъ» (Верхъ). Въ 1744 году Кургановъ уже ученикъ «большой астрономіи», кромѣ содержанія (5 руб. въ мѣсяцъ) получалъ жалованье (2 руб. въ мѣсяцъ) за свои педагогическіе труды въ стѣнахъ Академіи. Черезъ два года, онъ снова повышается въ должности, его дѣлаютъ ученымъ подмастерьемъ

---

[1]) Верхъ, «Жизнеописаніе Н. Г. Курганова», стр. 4—5. Здѣсь несомнѣнная ошибка: профессора Михаила Попова не было, а были—въ Москвѣ, профессоръ Михаилъ Поповскій, извѣстный переводчикъ Попа и Локка и, въ Петербургѣ, профессоръ астрономіи Никита Поповъ. Здѣсь же разумѣется, по всей вѣроятности, писатель Михаилъ Поповъ, работавшій вмѣстѣ съ Чулковымъ. О немъ въ словарѣ Новикова сказано: «Поповъ Михайло, коллежскій регистраторъ, при комиссіи сочиненія проекта новаго уложенія, написалъ довольно весьма изрядныхъ стихотвореній и сообщилъ не мало переводовъ» и т. д. «Nachricht von einigen russischen Schriftstellern» ect. 1768 («Библ. Зап.», т. III, стр. 609 и слѣд.) называетъ его ehemaliger Hofacteur.

(отъ мастеръ въ средневѣковомъ значеніи этого слова magister) математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, съ жалованьемъ 180 руб. въ годъ,—такимъ образомъ, онъ изъ ученика старшаго класса превращается въ штатнаго преподавателя, хотя и низшаго разряда, въ нѣчто въ родѣ лаборанта или адъюнкта.

Кургановъ въ это время былъ полезнымъ дѣятелемъ уже не въ одной Морской Академіи: въ томъ же 1746 году, онъ, вмѣстѣ съ адъюнктомъ Академіи Наукъ Красильниковымъ, ѣздилъ въ командировку опредѣлять берега Балтійскаго моря. Въ 1750 и въ 1752 годахъ профессоръ Гришовъ былъ командированъ той же Академіей Наукъ для астрономическихъ работъ на островъ Эзель; по его желанію, съ нимъ былъ посланъ и Кургановъ. Въ томъ же 1752 году Морская Академія указомъ была преобразована въ Морской корпусъ, куда Кургановъ былъ «написанъ» въ той же должности ученаго подмастерья. Трудно было въ то время человѣку изъ незнати пробиваться педагогіей въ офицерскіе чины; но Кургановъ, очевидно, отличался не заурядными способностями и энергіей. Въ 1756 году онъ получилъ чинъ подпоручика, а въ 1760—поручика. Раньше этого послѣдняго повышенія, онъ началъ свои издательскія труды: въ 1757 онъ издалъ составленную имъ «Универсальную ариѳметику», книгу, которой предстояла долгая жизнь и большое распространеніе: она была принята въ Морскомъ корпусѣ и безъ сомнѣнія въ другихъ школахъ, гдѣ проходилась математика въ такомъ объемѣ; она вытѣснила хорошую въ свое время, но устарѣвшую ариѳметику Магницкаго. Кургановъ вовсе не слѣдовалъ примѣру тѣхъ неблагодарныхъ учениковъ-авторовъ, которые въ видѣ рекомендаціи своимъ книжкамъ предпосылаютъ упреки предшественникамъ въ невѣжествѣ и нелогичности; напротивъ, эпиграфъ для своей ариѳметики онъ взялъ изъ книги Магницкаго. Въ 1761 году тотъ же Красильниковъ наблюдалъ прохожденіе Венеры по порученію Академіи; вѣроятно, по его указанію «ученый подмастерье» былъ приглашенъ участвовать въ его работѣ. Въ 1764 году Кургановъ издалъ, переведенное имъ, «Новое сочиненіе о навигаціи» Бугера, которое было переиздано потомъ три раза: въ 1785 году, въ 1799 и 1802 годахъ. Въ томъ же году онъ представилъ въ канцелярію корпуса новое математическое сочиненіе, которое въ прошеніи своемъ характеризовалъ такимъ образомъ: «собралъ я изъ новѣйшихъ и иностранныхъ изданій книгу, содержащую въ себѣ основательное ученіе геометріи, тригонометріи и геодезіи»; онъ проситъ сочиненіе это напечатать въ количествѣ 600 экземпляровъ, съ тѣмъ чтобы 500 пустить въ продажу въ пользу корпуса, а 100 предоставить ему въ видѣ авторскаго гонорара. Такъ скромны были требованія тогдашнихъ составителей учебниковъ! Книга эта была напечатана подъ именемъ «Генеральной Геометріи» въ 1765 году, а онъ былъ пожалованъ чиномъ капитана и произ-

веденъ въ учители. «Генеральная Геометрія», не въ примѣръ другимъ литературнымъ трудамъ маленькихъ людей XVIII столѣтія и даже не въ примѣръ другимъ книгамъ самого Курганова, посвящена не какой либо высокой особѣ, а слушателямъ автора. Въ 1767 году начальство корпуса поручило ему разобрать разныя вещи, накопившіяся за долгіе годы подъ куполомъ Адмиралтейства. 1769 годъ, чрезвычайно важный въ исторіи русской мысли и просвѣщенія, имѣлъ большое значеніе и въ научно-литературной дѣятельности Курганова. Онъ издалъ цѣлыя двѣ книги: «Грамматику россійскую, универсальную», превратившуюся впослѣдствіи въ «Письмовникъ», и переведенные съ французскаго «Элементы геометріи по Евклиду», которые вскорѣ были приняты въ качествѣ учебника. Вообще, въ это время учебники Курганова были въ большомъ ходу въ мѣстѣ его служенія: по программѣ 1765 года, кромѣ ариѳметики, по его же книгѣ—«Бугеровой Навигаціи» проходятъ астрономію, географію, навигацію плоскую, меркаторскую и круглую. Нельзя думать, чтобы его учебники были въ такомъ ходу вслѣдствіе его служебнаго вліянія: съ 1762 года Морскимъ корпусомъ начальствовалъ Голенищевъ-Кутузовъ, человѣкъ очень образованный, мечтавшій о томъ, чтобы ввести въ курсъ подвѣдомственнаго ему заведенія humaniora; если бы учебники Курганова были изложены варварскимъ языкомъ и не имѣли педагогическихъ достоинствъ, Голенищевъ-Кутузовъ едва ли позволилъ бы сдѣлать ихъ обязательными. О «Письмовникѣ» мы будемъ говорить ниже, а теперь покончимъ съ службой и научными сочиненіями Курганова. Въ маѣ мѣсяцѣ 1770 года капитанъ Кургановъ за переводъ съ англійскаго книгъ Саверьени «О счисленіи ходу корабля» и Гариса «О часахъ для счисленія времени на морѣ» и за календарь «съ астрономическими и эфемеридными табелями» получилъ въ награду сто рублей. Въ 1771 году зданіе Морского корпуса сгорѣло, и онъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, гдѣ кадетамъ было удобно практиковаться въ своей спеціальности, но гдѣ вдали отъ столицы, двора и даже отъ главныхъ своихъ начальниковъ—Голенищевъ-Кутузовъ не счелъ возможнымъ переѣхать въ Кронштадтъ, посѣщалъ корпусъ сравнительно рѣдко, такъ что къ его пріѣзду офицеры подготовляли кадетъ—воспитанники дичали и нравы ихъ грубѣли, какъ видно, между прочимъ, изъ статьи Мельницкаго «Адмиралъ Рикордъ и его современники» («Морской Сборникъ» 1856 годъ часть 2-я). Кургановъ, который во время пожара, какъ пишетъ самъ въ своемъ прошеніи, лишился домишка въ 16-й линіи, былъ назначенъ исправлять должность инспектора классовъ. Повидимому, начальство поручило ему эту должность не потому, что считало его безусловно способнымъ къ ней, а за неимѣніемъ лучшаго, такъ какъ не всѣ служащіе въ Морскомъ корпусѣ согласились оставить столицу и переселиться въ Кронштадтъ; насъ

убѣждаетъ въ этомъ то обстоятельство, что черезъ четыре года, въ 1775 г., Кургановъ былъ отставленъ отъ должности инспектора и остался только профессоромъ. Но особыхъ провинностей на этомъ административномъ посту за нимъ не оказалось, судя по тому, что онъ, въ 1772 г., былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и при оставленіи должности инспектора ему была объявлена благодарность въ приказѣ. Онъ и во время инспекторства не оставлялъ своихъ литературно-ученыхъ трудовъ: въ 1773—1774 годахъ, онъ издалъ переведенныя съ французскаго книги: «О точности морского пути» и «Наука Морская»[1]), въ предисловіи къ которой онъ бранится стихами со своими будущими критиками[2]). Въ томъ же 1774 году, 7-го марта, ему былъ выданъ патентъ отъ Академіи Наукъ на званіе профессора, который мы здѣсь приводимъ цѣликомъ:

«Симъ свидѣтельствуемъ, что находящагося въ Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ Учителемъ, правящаго дѣйствительно должность Профессора высшей Математики и Навигаціи, Господина Маіора Николая Курганова, по усмотрѣнію нашему, въ разсужденіе достаточнаго въ тѣхъ наукахъ знанія, и уважая его похвальные труды въ искусномъ сочиненіи и переводахъ многихъ полезныхъ учебныхъ, къ помянутымъ наукамъ принадлежащихъ книгъ, признаваемъ за человѣка ученаго и достойнаго быть дѣйствительнымъ Профессоромъ оныхъ Наукъ».

Подписали: Профессоръ И. Эйлеръ.
Профессоръ С. Котельниковъ.

Берхъ увѣряетъ, что Кургановъ получилъ этотъ патентъ по экзамену; этого не видно изъ самаго текста, да и трудно представить себѣ, какимъ образомъ можно было экзаменовать секундъ-маіора, о знаніяхъ котораго свидѣтельствуютъ его книги и прежнія работы въ сообществѣ съ членами Академіи? Съ этихъ поръ Кургановъ былъ матеріально обезпеченъ: жалованья получалъ онъ 700 руб. и 200 руб. добавочныхъ за классъ морской тактики; по тогдашнему времени, это было содержаніе очень хорошее, въ особенности для человѣка такъ мало избалованнаго въ молодости. Если прежніе ученые труды Курганова можно было мотивировать желаніемъ выбраться въ люди, добиться приличнаго общественнаго положенія и оклада, то послѣдующія его работы ясно доказываютъ, что это былъ не единственный и даже не главный мотивъ, такъ

---

[1]) «Наука Морская, сирѣчь опытъ о теоріи и практикѣ управленія кораблемъ и военнымъ флотомъ». Оригиналъ напечатанъ во Франціи въ 1765 году; русскій переводъ посвященъ наслѣднику престола (Берхъ, стр. 14).

[2]) Охота въ васъ дѣла чужія порицать
Понудила перо противъ васъ изощрять:
Нѣтъ въ васъ къ трудамъ любви, слѣпа любовь къ самимъ,
Теряете свою отъемля честь другимъ и пр.

какъ Кургановъ и теперь издаетъ книжку за книжкой. Въ 1777 г. онъ напечаталъ книгу «О наукѣ военной»[1]), въ предисловіи къ которой высказываетъ замѣчательную литературную откровенность. «Г. читатель!—говоритъ онъ въ самомъ началѣ,—здѣсь ничего нововыдуманнаго мною нѣтъ, что мудрецы называютъ сочиненіемъ, а все старое, потому что издано преложеніе изъ разныхъ иноземныхъ книгъ». Далѣе онъ разъясняетъ, что взялся за эту работу по необходимости, такъ какъ прежнія руководства устарѣли. Указавъ на главныя свои пособія и изложивъ планъ своей книги, онъ пользуется случаемъ, чтобы высказать свою ненависть къ педантскому способу обученія, при чемъ ссылается на любимую свою книгу: «Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества» (1774 г.).

Книга Курганова посвящена начальнику корпуса, вице-адмиралу Голеннщеву-Кутузову; но въ этомъ скромномъ, свободномъ особенныхъ восхваленій, на которыя такъ были щедры литераторы и переводчики XVIII вѣка, посвященіи нельзя видѣть желанія выслужиться, а лишь покорность обычаю и проявленіе чувства благодарности къ умному и гуманному начальнику, съ которымъ Кургановъ имѣлъ, кромѣ того, и частныя отношенія: судя по тому, что 3-е изданіе своей ариѳметики онъ посвятилъ сыну Кутузова, едва ли послѣдній не былъ его ученикомъ.

Дальнѣйшія біографическія свѣдѣнія о Кургановѣ есть только хронологическій перечень наградъ, имъ полученныхъ, и его изданій.

Въ 1784 году онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, въ 1785 году получилъ Владимірскій крестъ. Въ 1790 году онъ напечаталъ «Пополненіе къ Бугеровой наукѣ мореплаванія» и занялся 4-мъ изданіемъ «Письмовника», между прочимъ, чтобы сдѣлать его непохожимъ на контрафакцію, вышедшую въ 1788 году. Въ 1791 г. произведенъ онъ въ подполковники, а въ 1792 г., когда Морскому корпусу былъ подаренъ государыней ораніенбаумскій дворецъ и всѣмъ служащимъ были увеличены оклады, Николай Кургановъ былъ сдѣланъ инспекторомъ. Теперь отправленіе этой должности требовало еще бо̀льшей энергіи и бо̀льшаго искусства, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, такъ какъ съ 1783 г., вмѣсто 360 учениковъ, въ корпусѣ полагалось 600[2]); но начальство лучше узнало и оцѣнило Курганова, и онъ оставался инспекторомъ до самой смерти.

Въ 1794 г. онъ вновь издалъ свою ариѳметику, при чемъ, какъ пишетъ въ предисловіи, «по совѣту добра человѣка, купца Ивана

[1]) На второмъ листѣ напечатано другое заглавіе: «Книга Морской Инженеръ, т. е. ѳеорія и практика о укрѣпленіи напольныхъ и приморскихъ мѣстъ, о защищеніи флотовъ въ укрѣпленныхъ гаваняхъ» и пр.

[2]) Послѣ шведской войны думали комплектъ ихъ довести до 1,000 человѣкъ, но это не состоялось.

Петровича Глазунова», рѣшился откинуть всѣ позднѣйшія измѣненія и добавленія и повторить первое изданіе 1757 года. Въ 1796 году, отпечатавъ 6-е изданіе своего «Письмовника», онъ умеръ 70 лѣтъ отъ роду. Женѣ его была назначена пенсія.

О дѣтяхъ Курганова имѣются только крайне скудныя свѣдѣнія: одинъ изъ біографовъ увѣряетъ, что всѣхъ его дѣтей крестилъ Мих. Вас. Поповъ, другой (Колбасинъ[1]) упоминаетъ только объ одномъ его сынѣ Петрѣ, предававшемся излишеству въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ и бывшемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія субъ-инспекторомъ въ Харьковскомъ университетѣ. Я справлялся объ немъ черезъ проф. А. С. Лебедева въ архивѣ университета. Помощника инспектора Курганова не оказалось, но былъ Кургановъ, имя не обозначено, преподаватель военныхъ наукъ, аттестованный при опредѣленіи его на эту должность (въ 1806 г.), какъ «испытанный въ математическихъ наукахъ, а также довольно знающій и рисовальное искусство»; чиномъ онъ былъ капитанъ 2-го ранга. Послужной списокъ его пропалъ.

Какое же представленіе можемъ мы составить объ авторѣ знаменитаго «Письмовника» на основаніи этихъ скудныхъ біографическихъ свѣдѣній и преданій, сообщенныхъ г. Колбасинымъ? Что Николай Гавриловичъ Кургановъ былъ человѣкъ выдающихся способностей и рѣдкой энергіи, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; пробить себѣ такую широкую дорогу безъ особенныхъ связей, безъ знатныхъ покровителей не могъ умъ заурядный. 15-тилѣтній унтеръ-офицерскій сынъ прибылъ въ Петербургъ съ такой научной подготовкой, которая давала ему право надѣяться или на должность мастера не въ тогдашнемъ, а въ современномъ значеніи слова, или при благопріятныхъ условіяхъ на первый офицерскій чинъ во флотѣ. Въ вѣкъ безусловнаго господства иностранцевъ или ихъ учениковъ въ русской наукѣ, Кургановъ, ученикъ Магницкаго, избираетъ ученую дорогу. Онъ отлично понимаетъ, что безъ знанія языковъ ничего невозможно сдѣлать, и устремляется за этимъ знаніемъ съ огромной затратой не только своихъ неисчерпаемыхъ силъ, но и съ затратой своихъ скудныхъ денежныхъ средствъ. Результатъ извѣстенъ: онъ не только овладѣлъ четырьмя языками (французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и латинскимъ); но, реалистъ по воспитанію и по природнымъ склонностямъ, онъ пріобрѣлъ филологическую снаровку и вкусъ къ филологическимъ занятіямъ, какъ это показываетъ его универсальная грамматика. Говорятъ, бѣдность закаляетъ человѣка, дѣлаетъ его стойкимъ въ борьбѣ; это вѣрно: при равныхъ условіяхъ, юноша, дѣтство котораго протекло въ наемномъ углу, или въ мѣщанскомъ домишкѣ, легче достигнетъ первой цѣли, окончанія курса и независимаго

---

[1]) Стр. 202.

положенія, нежели дитя достаточной семьи, но за то люди, не испытавшіе бѣдности, и представить себѣ не могутъ, какъ трудно удержаться отъ искушенія отдохнуть на лаврахъ, послѣ дорого купленной побѣды. Молодой Кургановъ, получавшій около 200 рублей жалованья, имѣвшій уроки въ «знатныхъ домахъ», не разъ бросаетъ покойный Петербургъ и знатные дома, чтобы ѣхать, то по берегамъ Балтійскаго моря, то на островъ Эзель, гдѣ ему, какъ маленькому подначальному человѣку, конечно, приходилось и нужду терпѣть и видѣть, какъ за его труды награждали другихъ. Но Кургановъ, очевидно, имѣлъ благородную страсть къ работѣ, которая съ годами и съ увеличеніемъ средствъ, какъ умственныхъ, такъ и матеріальныхъ, не слабѣла, а напротивъ крѣпла.

Сдѣлавшись преподавателемъ Морскаго корпуса, Кургановъ медленно, но вѣрно подвигался впередъ; но это движеніе нельзя сравнивать съ тѣмъ правильнымъ, безпрепятственнымъ движеніемъ, которое совершаетъ теперь преподаватель средняго или высшаго учебнаго заведенія: во-первыхъ Кургановъ былъ русскій, а высшія педагогическія должности въ такомъ спеціальномъ учебномъ заведеніи занимали иностранцы [1]; во-вторыхъ на занятіе профессуры Кургановъ не имѣлъ и права, какъ это видно изъ того, что потребовался для него особый патентъ отъ Академіи Наукъ. При такихъ условіяхъ только выдающійся ученый педагогъ, снабжавшій корпусъ своими учебниками по всѣмъ главнымъ предметамъ преподаванія, могъ достигнуть званія профессора и должности инспектора. Что касается до его педагогическихъ способностей, въ нихъ убѣдиться легко, имѣя передъ собою составленныя имъ книги. Позволяю себѣ, съ разрѣшенія г. Веселаго, привести нѣсколько строкъ изъ его частнаго письма ко мнѣ: «Разбирая морскія сочиненія Курганова, нельзя не удивляться, кромѣ другихъ достоинствъ, полному отсутствію педантизма и горячему старанію излагать самыя сухія вещи общепонятнымъ и «пріятнымъ» для читателей образомъ. При всесторонней, даже самой строгой, оцѣнкѣ трудовъ Курганова нельзя не видѣть, что они на нѣсколько десятилѣтій опередили своихъ современниковъ».

Полагаю, что можно ничего не прибавлять къ мнѣнію такого почтеннаго спеціалиста и такого опытнаго педагога.

Перехожу къ нравственному характеру Курганова. Отсутствіе писемъ и краткость предисловій, въ которыхъ авторъ почти ничего не говоритъ о себѣ, наконецъ, самый родъ его сочиненій дѣлаютъ его характеристику черезвычайно затруднительной и волей неволей заставляютъ обращаться къ преданіямъ, занесеннымъ въ книгу г. Колбасина. Въ этой книгѣ обликъ Курганова не страдаетъ неясностью, но иное дѣло — вопросъ о его вѣрности.

[1] См. Ѳ. Ѳ. Веселаго о. с. прим. 185.

Кургановъ представляется—по крайней мѣрѣ во вторую половину его жизни, когда нравственный обликъ его сложился вполнѣ, однимъ изъ тѣхъ могучихъ, но безобразныхъ русскихъ характеровъ, вышедшихъ изъ народа, которые проявляютъ въ своей дѣятельности большую умственную силу, но губятъ сами себя и свое дѣло отсутствіемъ культуры и исконнымъ русскимъ порокомъ—слабостью къ чаркѣ; огромное большинство такихъ самородковъ кончаетъ жизнь подъ заборами, не додѣлавъ дѣла; другіе, болѣе сильные, успѣваютъ проложить тебѣ дорогу, но далеко не столь широкую, какъ этого можно было бы ожидать по ихъ способностямъ и энергіи; да и на этой дорогѣ, давая волю своему чудачеству, они отталкиваютъ отъ себя людей и представляются не столько полезными дѣятелями, сколько образчиками русской самобытной, но не культивированной силы; передъ этой силой благоговѣютъ патріоты извѣстнаго пошиба, но большинству она скорѣе внушаетъ жалость, чѣмъ удивленіе.

Г. Колбасинъ представляетъ Курганова человѣкомъ огромнаго роста, грубымъ по виду и по обращенію, въ какомъ-то архалукѣ съ металлическими крючками, въ красномъ плащѣ, съ толстой дубиной въ рукахъ. Онъ держался вдали отъ общества, жилъ по своему, сильно работая и сильно пьянствуя. Кадеты прозвали его шкивидакомъ—такъ называютъ матросовъ, нанимающихся на частную службу.

Анекдоты, приводимые г. Колбасинымъ о томъ, какъ Кургановъ прогналъ отъ себя Эмина, который пришелъ съ нимъ знакомиться послѣ изданія «Письмовника», какъ онъ отзывался о своихъ сочиненіяхъ—«Это пустяки! такую ли еще книжонку можно написать!»—изображаютъ его исключительно чудакомъ, не особенно симпатичнымъ.

Такой портретъ Курганова не совсѣмъ сходится даже съ тѣми скудными біографическими свѣдѣніями, которыя приведены нами выше. Положимъ, что на святой Руси возможно встрѣтить людей, которые, пьянствуя полстолѣтія, сохраняютъ до конца жизни всю силу умственныхъ способностей; но трудно допустить, чтобы образованный и гуманный Голенищевъ-Кутузовъ держалъ профессоромъ, а потомъ сдѣлалъ инспекторомъ, такого пьянаго чудака. Еще труднѣе представить себѣ, какимъ образомъ въ франтоватый екатериненскій вѣкъ могъ быть терпимъ подполковникъ, постоянно ходящій въ красномъ плащѣ, съ толстой дубиной. Да и вообще свѣдѣнія, сообщаемыя г. Колбасинымъ, становятся подозрительными, когда мы рядомъ съ этими «сказаніями очевидцевъ» читаемъ, что Кургановъ въ анекдотахъ своего «Письмовника» пишетъ сатиру на вельможъ екатерининскаго времени или изображаетъ собственную не приглядную судьбу, тогда какъ намъ хорошо извѣстно, что эти анекдоты только переведены Кургановымъ.

Къ счастью, мы имѣемъ другой портретъ Курганова, портретъ, написанный не словами,—разумѣю рисунокъ перомъ, сдѣланный въ 1789 году кѣмъ-то изъ слушателей Курганова, воспроизведенный въ книгѣ Ѳ. Ѳ. Веселаго и теперь воспроизводимый здѣсь. Этотъ портретъ, хоть и сбивается на добродушную карикатуру, вполнѣ подтверждаетъ то, что сказано выше о недостовѣрности сообщеній г. Колбасина.

Передъ нами человѣкъ въ форменномъ кафтанѣ (а не въ архалукѣ), съ пуклями и съ косой, съ сильно развитымъ лбомъ, съ крупными энергическими чертами лица, съ чѣмъ-то въ родѣ иронической усмѣшки на крупныхъ губахъ; въ рукѣ онъ держитъ книгу собственнаго изданія. Подпись—навигаторъ, обсерваторъ, астрономъ, морской ходитель, корабельный водитель, небесныхъ звѣздъ считатель,—плодъ кадетскаго остроумія—свидѣтельствуетъ о томъ страхѣ, который ученики питали къ великой учености Курганова, можетъ быть, о его страстишкѣ похвалиться этою ученостью, но мы знаемъ, что такая похвальба вовсе не была пустымъ хвастовствомъ. Во всякомъ случаѣ, ни изображеніе, ни подпись не имѣютъ ничего общаго съ медвѣдеподобнымъ чудакомъ въ красномъ плащѣ и съ дубиной въ рукахъ и ни чѣмъ не противорѣчатъ фактамъ біографіи Курганова, честнаго и усерднаго дѣятеля, 50 лѣтъ съ огромной энергіей и важными результатами поработавшаго на пользу русскаго просвѣщенія. Въ Кургановѣ особенно симпатичны двѣ черты: неустанное трудолюбіе и прямота характера, поразительная для человѣка, который долженъ былъ бы выслуживаться въ Петербургѣ того времени. Конечно, это черты природныя, но, пожалуй, онѣ не сохранились бы въ такой чистотѣ, и не развились бы до такой степени, если бы Курганову пришлось пробивать дорогу въ иномъ вѣдомствѣ, а не среди моряковъ. Въ морякахъ даже и теперь, при всей силѣ нивеллирующей культуры, пріятно поражаютъ обѣ эти черты, такъ сказать, разлитыя въ массѣ, пропитывающія все сословіе. Огромная важность науки въ ихъ дѣлѣ заставляетъ ихъ трудиться для ея пользы и уважать всѣ ея отрасли. Опасности во время плаванія, сплоченность человѣческой семьи на небольшомъ кускѣ дерева, развиваютъ въ нихъ простоту въ обращеніи, отсутствіе чванства, фатовства, уваженіе къ человѣческому достоинству и дружелюбную откровенность. Понятіе объ интригѣ—хотя, конечно, и тамъ, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, бываютъ интриги,—какъ-то плохо вяжется съ понятіемъ о морской службѣ и о кружкѣ моряковъ. Строгая дисциплина во время работы, огромная власть начальника и товарищескія отношенія съ тѣмъ же самымъ начальникомъ въ каютъ-компаніи, отсутствіе невѣждъ и трусовъ, жизнь на виду у всѣхъ, рѣзкіе переходы отъ нужды и опасностей къ изобилію и полной свободѣ и, можетъ быть, больше всего этого продолжительное уда-

леніе отъ большихъ центровъ, жизнь лицомъ къ лицу съ природой и со смертью придаютъ обществу морскихъ офицеровъ нѣчто симпатичное, особенно рѣзко бросающееся въ глаза тому, кто въ первый разъ заглянетъ въ это общество или войдетъ въ сношенія



Николай Гавриловичъ Кургановъ.
Съ портрета приложеннаго къ «Исторіи Морского кадетскаго корпуса».

съ нѣсколькими его представителями. Эти симпатичныя черты морского общества услаждали долгіе досуги русскихъ литераторовъ, какъ напримѣръ г. Григоровича и г. Гончарова во время ихъ кругосвѣтныхъ плаваній. Если моряку приходится перемѣнить родъ службы и даже взяться за дѣло, къ которому онъ очень мало при-

готовленъ (что у насъ бывало сплошь и рядомъ), онъ можетъ надѣлать массу ошибокъ, можетъ проявить вовсе не симпатичныя стороны своего личнаго характера, но уваженіе къ наукѣ, къ труду и прямота, отсутствіе фальши, ненависть къ интригѣ, у него остаются въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Примѣромъ этого можетъ служить извѣстный министръ народнаго просвѣщенія и литераторъ Шишковъ, почти также много, какъ и Кургановъ, потрудившійся надъ наукой о морскомъ дѣлѣ [1]).

Еще разъ повторяю: развитіемъ двухъ великихъ достоинствъ—прямоты характера и любви къ научному труду, Кургановъ, какъ и Шишковъ, мнѣ думается, многимъ обязаны тому кружку, въ корымъ пришлось имъ дѣйствовать. Но этотъ отрадный духъ сословія стоитъ въ зависимости не только отъ условій жизни, на которыя указано выше, но и отъ традицій, отъ взглядовъ, которые передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. А такими хорошими традиціями нашъ флотъ обязанъ не только своему великому основателю—какой безумный порицатель можетъ отказать Петру въ прямотѣ характера и въ уваженіи къ научному труду?—но и тѣмъ скромнымъ сравнительно съ нимъ безвѣстнымъ труженикамъ, которые въ слѣдующихъ поколѣніяхъ поддерживали традиціи своимъ примѣромъ. Въ ихъ рядахъ не послѣднее мѣсто занимаютъ и Кургановъ, и Шишковъ, и люди еще нынѣ работающіе на пользу русской морской науки.

Первое изданіе знаменитаго «Письмовника» Курганова, вышедшее въ 1769 году не называется письмовникомъ; книга носитъ заглавіе: «Россійская универсальная грамматика или всеобщее писмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седьмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно забавныхъ вещей». Эпиграфъ выставленъ латинскій: Clericos es! legito haec, Laicus, legito ista libenter. Crede mihi, invenies hic quod uterque voles. D. Collis.

Если исключить слово libenter, получится правильный дистихонъ. Виньетка перваго изданія изображаетъ Тритона, что указываетъ на мѣсто служенія Курганова, а можетъ быть въ то же время и на типографію морского вѣдомства.

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ рядъ изреченій мудрецовъ о значеніи грамматики. Книга начинается съ «Приношенія читателю», подписаннаго иниціалами Н. К. За нимъ слѣдуетъ Предисловіе, въ которомъ авторъ разъясняетъ, что онъ взялся не за свое дѣло по необходимости, а именно, начавъ учить дѣтей своихъ грамматикѣ, усмотрѣлъ, что прежде изданная очень трудна для пониманія юношества, и потому задумалъ составить свою. Затѣмъ слѣдуетъ оглавленіе; за нимъ «Краткій повѣстной лѣтописецъ»,

---

[1]) Смотри книжку Соколова: «Записки гидрографическаго департамента», т. VII.

оканчивающійся 1752 годомъ, годомъ основанія корпуса; а затѣмъ начинается самая грамматика.

Грамматика изложена очень ясно и съ большимъ педагогическимъ тактомъ, хотя и не приспособлена къ пониманію дѣтей. Авторъ ея рѣзко отличаетъ славянскій языкъ и формы отъ русскихъ, пользуется параллелями изъ малорусскаго, цитируетъ распространенныя въ то время книги и журналы, вообще популяризируетъ грамматику Ломоносова, приспособленную только для пониманія хорошихъ студентовъ-классиковъ.

Первое присовокупленіе состоитъ изъ довольно большой коллекціи русскихъ пословицъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Второе и самое важное, болѣе всего способствовавшее успѣху грамматики, присовокупленіе называется: «Краткія замысловатыя повѣсти», въ числѣ 321. Николай Кургановъ (ниже, на стр. 185) самъ заявляетъ, что онѣ почти всѣ переведены съ иностраннаго, такъ что большой оригинальности искать въ нихъ нечего и еще съ меньшимъ правомъ можно видѣть въ нихъ важный памятникъ для исторіи сатиры въ вѣкъ Екатерины II, какъ это дѣлаетъ г. Колбасинъ. Нѣкоторыя изъ замысловатыхъ повѣстей напримѣръ: №№ 17, 120, 130 отличаются изряднымъ неприличіемъ; послѣдній также какъ и № 154 выкинутъ изъ послѣдующихъ изданій, можетъ быть, изъ опасенія духовной цензуры; нѣкоторыя переданы далеко неудачно, напримѣръ: №№ 36, 42, 81, 113, 204 и проч. Нѣкоторые анекдоты, напримѣръ № 31, 36 и другіе, даже мало понятны, за то во многихъ другихъ, напримѣръ въ №№ 47, 70, 100 и проч., какъ это чувствуется и при первомъ чтеніи, французское острословіе очень коротко и сильно передано порусски[1]).

Многіе изъ этихъ заимствованныхъ съ иностраннаго анекдотовъ, до появленія «Письмовника» Курганова, имѣли многовѣковую жизнь; иные пришли въ Европу изъ далекой Индіи, пережили въ латинскихъ сборникахъ, французскихъ фабліо и нѣмецкихъ швенкахъ средніе вѣка, попадались въ фацеціяхъ эпохи Возрожденія (напр. у Поджіо), пріурочивались къ разнымъ забавникамъ, въ родѣ Тиля Эйленшпигеля, и не одинъ разъ совершили путешествіе изъ народа въ литературу и обратно. Разбирать обстоятельно ихъ исторію здѣсь неумѣстно, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ не является у Курганова въ формѣ особенно удачной или искусно распространенной; я ограничусь только указаніемъ на нѣкоторыя замысловатыя повѣсти, русское происхожденіе которыхъ или твор-

[1]) № 100. «Мошенникъ, увидя богатаго купца, идущаго въ комедію, пошелъ за нимъ и сталъ позади, чтобы обрѣзать у него съ кафтана золотыя пуговицы. По окончаніи перваго дѣйствія, воръ началъ промышлять, а купецъ, усмотря, вынулъ ножичекъ и, улуча свое время, отрѣзалъ у вора ухо. Воръ вскричалъ:— Мое ухо! мое ухо! А тотъ:—Мои пуговицы! мои пуговицы! «Вотъ на, возьми ихъ». Вотъ изволь и твое ухо!».

чество Курганова болѣе, чѣмъ вѣроятно, и затѣмъ укажу на вѣроятные, посредственные или непосредственные, источники нѣкоторыхъ другихъ разсказовъ. № 79—«Двое ученыхъ, одинъ русакъ, а другой прусакъ, спорились о старомъ и новомъ штилѣ. Прусакъ многими доводами доказывалъ, что Григоріанское счисленіе вѣрнѣе стараго, говоря, что въ 1592 году отъ искусныхъ математиковъ найдено 10 дней излишка въ старомъ календарѣ, начиная отъ Юлія Кесаря по сіе время. «Тѣмъ для насъ лучше, отвѣчалъ русакъ; ибо когда новое счисленіе вѣрно, то послѣдній судъ будетъ у васъ ранѣе, нежели у насъ, когда дойдетъ до насъ, то уже адъ будетъ полонъ». Судя потому, какъ Курганова занималъ вопросъ о григоріанскомъ календарѣ, анекдотъ принадлежитъ ему самому. № 10. «Старуха, хватя добрую чарку вина, пришла къ вечернѣ, и тамъ, задремавъ, всхрапнула; другіе толкнули ее, чтобъ проснулась, тогда она возгласила: «подносите внучкѣ, а я болѣе не стану». № 244, выкинутый уже во второмъ изданіи, есть довольно грубый и для насъ не вполнѣ понятный пасквиль, повидимому, на какихъ-то двухъ товарищей Курганова, учившихся за границею; напротивъ того, туземная острота о благородствѣ [1]) должна почесться потому времени очень удачной. № 226—«Нѣкоторый пасторъ приказалъ своему слугѣ Давиду взять въ долгъ у мясника къ обѣду кишокъ, самъ пошелъ въ кирку; будучи въ оной, приводилъ онъ для изъясненія своей проповѣди многихъ пророковъ, и въ заключеніи того сказалъ громко: посмотримъ, слушатели, что намъ скажетъ на то Давидъ. Слуга лишь пришелъ тогда въ кирку и, думая, что попъ говорилъ ему, закричалъ: «батько! вѣдь мясникъ не даетъ безъ денегъ кишокъ».

№ 226, такъ же какъ и № 10, встрѣчается до сихъ поръ въ народѣ, но, какъ будетъ доказано ниже, они попали не въ «Письмовникъ» изъ народа, а изъ «Письмовника» въ народъ,—тоже надо полагать и относительно № 262: «Нѣкій мызный пасторъ похоронилъ на кладбищѣ любимую свою собаку. Епископъ хотѣлъ было его наказать за такое беззаконіе. Но попъ, вѣдая, что онъ корыстолюбивъ, объявилъ: «Ваше преподобіе! ежели бы вы знали, какъ эта собака была умна, вы бы ее почли за разумную животную: она сдѣлала духовную, по которой вамъ оставила серебряную чашу, изъ коей она ѣла. И такъ я вамъ ее вручаю». Епископъ, убѣжденной симъ подаркомъ, предалъ тотъ грѣхъ забвенію». Едва ли нужно говорить, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ анекдотѣ, въ на-

[1]) «Одинъ арлекинъ говорилъ: что ежели бы Адамъ былъ съ приписью подъячей, или бы купилъ комисарскій чинъ, то бы мы были благородные, а когда бы онъ слылъ Мурза, то бы сіятельные». Въ уста арлекину эта острота влагается не безъ литературнаго основанія, какъ это можно видѣть напр. хоть изъ такой библіографической справки: въ 1694 году вышла книга «Arliquiniana» ou les bons mots, les histoires plaisantes et agreables, recueillies des conversations d'Arliquin. Livre sans nom, divisé en 5 dialogues, 2 vv.

родной редакціи пастора замѣняетъ попъ. Весьма распространенный анекдотъ о лучшемъ снѣ (№ 227), пріуроченный Кургановымъ къ русскому и поляку, въ народныхъ устахъ, какъ извѣстно, пріурочивается къ русскому и татарину. Историческій анекдотъ о князѣ Ромодановскомъ (№ 160) самъ выдаетъ свое происхожденіе. Повѣсти подъ №№ 13 (о подъячемъ и раскольникѣ) и 141 (объ иностранныхъ учителяхъ изъ кучеровъ и парикмахеровъ), если выдуманы не самимъ Кургановымъ, то какимъ нибудь его соотечественникомъ и современникомъ, а № 262 о какомъ-то «подлаго и нищаго отца сынкѣ», женившемся на служанкѣ командира, и нажившемся взятками «лучше нежели профессорствомъ», лишенный соли, но за то изобилующій желчью, очевидно, есть плодъ личнаго раздраженія Курганова противъ какого-то взяточника.

Въ 1670 году въ Кельнѣ у книгопродавца Pierre Marteau вышла книжка: Roger Bontems en belle humeur, donnant aux tristes et aux affligés le moyen de chasser leurs ennuis et aux joyeux le secret de vivre tousiours (sic) contens. Она была перепечатана тамъ же въ 1708 году съ прибавкою къ титулу словъ: nouvelle édition, augmentée considerablement въ 1734 году [1]. Авторъ сборника скрылъ свое имя подъ буквою M съ тремя звѣздочками, которая явилась, впрочемъ, только при второмъ изданіи. Въ предисловіи онъ заявляетъ читателю, что цѣль его книги не въ томъ, чтобъ сообщить что нибудь полезное и нужное, а въ томъ, чтобъ изгнать скуку со свѣта. Въ книгѣ безъ счету и безъ оглавленія помѣщенъ длинный рядъ анекдотовъ, болѣе или менѣе веселыхъ и далеко не всегда приличныхъ, пересказанныхъ большею частію съ французскимъ изяществомъ и веселостью. Barbier (Dictionaire des ouvrages anonymes, vol. III, № 16,649) говоритъ, что авторомъ слѣдуетъ считать не герцога Рокелора (Roquelaure ум. 1732 г.), но скорѣе г. ле-Руа, извѣстнаго плагіатора. Дѣйствительно, сравнивъ эту книгу съ болѣе ранними сборниками XVII вѣка, съ Reveille Matin face tieux (въ Публичной библіотекѣ имѣются изданія 1643 и 1673 гг.), съ Contes du Sieur d'Ouville (изд. 1657 и 1699) и съ разными Contes à rire и Contes aux heures perdues (маловажныя передѣлки Contes d'Ouville), я имѣлъ полную возможность убѣдиться въ этомъ: изъ одного Reveille Matin сюда заимствована, по крайней мѣрѣ, десятая часть и заимствована безъ всякихъ измѣненій. Между исторіями сборника много фабліо и итальянскихъ новеллъ, разумѣется, въ обезображенномъ и сокращенномъ видѣ.

Довольно внимательное сличеніе Рожера Bontems съ «замысловатыми повѣстями» показало мнѣ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одной

---

[1]) 1-е изданіе я имѣлъ въ рукахъ въ Парижѣ, 2-е и 3-е находятся въ Императорской Публичной библіотекѣ. Въ каталогахъ Грессе и др. поминается еще нѣсколько изданій.

стороны съ несомнѣннымъ и близкимъ литературнымъ родствомъ, а съ другой—съ довольно смѣлой и искусной попыткой воспользоваться заимствованнымъ матеріаломъ для своихъ цѣлей.

Изъ 300 слишкомъ повѣстей 1-го изданія, по крайней мѣрѣ, 30 заимствованы Кургановымъ или непосредственно изъ Рожера Bontems, или изъ той неизвѣстной мнѣ книжки, которую жестоко обобралъ Рожеръ, не дававшій себѣ труда передѣлывать заимствованное [1]). А именно:

Roger Bontems.		Кургановъ [2]).	Roger Bontems.		Кургановъ.
I стр.	22	№ 8(?)	II стр.	2	№ 55
— »	78	№ 138	— »	10	№ 314
— »	96	№ 113	— »	10—11	№ 289
— »	100	№ 228	— »	40	№ 85
— »	116	№ 97	— »	50	№ 100
— »	117	№ 221	— »	53	№ 27
— »	119	№ 224	— »	64	№ 153
— »	137	№ 24	— »	102	№ 86
— »	145	№ 72	— »	105	№ 164
— »	149	№ 67	— »	129	№ 183
— »	153	№ 75	— »	129	№ 297
— »	158	№ 80	— »	133	№ 197(?)
— »	164	№ 10	— »	135—136	№ 233
— »	186	№ 166	— »	137	№ 81
— »	194	№ 46	— »	137—138	№ 114
— »	234	№ 171	— »	142	№ 109

Приведемъ хоть одинъ примѣръ анекдота, заимствованнаго съ очень малыми измѣненіями.

Roger Bontems II, 64: Un paysan plaidant contre un autre porta un bon pot de lait à son Procureur, le même jour que sa Partie lui porta un petit cochon. Le premier ayant perdu son Procès se mit à dire en pleurant: Où est mon lait? Le Clerc du Procureur répondit, le cochon l'a tout bû. Pardonnez-moi, Monsieur, repliqua-t-il, c'était une plus grosse bête.

Кургановъ. «Мужикъ будучи обиженъ отъ сосѣда, пошелъ къ воеводѣ жаловаться и подарилъ ему кувшинъ молока, а виноватой снеся поросенка, выкрутился. Тотъ сожалѣя, спросилъ подьячего: ахъ! гдѣ-то мое молоко? Подъячей открывъ тайну сказалъ: выпилъ поросенокъ. Ека мерская скотинка, пострѣлило бы ея горой».

---

[1]) Въ случаяхъ, гдѣ Contes d'Ouville или Reveille Matin представляютъ иныя редакціи разсказовъ, Кургановъ отъ нихъ дальше, чѣмъ отъ Рожера.

[2]) Рожера я цитирую по 3-му изданію 1734 года, такъ какъ больше вѣроятности, что именно оно было въ рукахъ у Курганова, а «Письмовникъ» по 4-му изданію, которое уже не подвергалось переработкѣ, и стало быть представляетъ «Письмовникъ» именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ пользовался огромнѣйшею популярностью и теперь находится во множествѣ частныхъ библіотекъ.

Значительное большинство «повѣстей» подверглось со стороны Курганова передѣлкѣ и, надо отдать ему честь, очень удачной: онъ обыкновенно выпускаетъ болтовню и ненужныя подробности, выдвигаетъ впередъ основной мотивъ и сильными русскими выраженіями придаетъ анекдоту энергію и до нѣкоторой степени національный характеръ. Вотъ, напримѣръ, Рожеръ разсказываетъ: «Одинъ крестьянинъ попросилъ у сосѣда на время осла, тотъ отвѣчалъ, что его нѣтъ у него въ домѣ, такъ какъ два дня назадъ онъ отдалъ его своему двоюродному брату. Пока онъ это говорилъ, оселъ началъ кричать и производить такой шумъ, будто волкъ хваталъ его за ляжки.—Какъ же?—сказалъ крестьянинъ,—а вы увѣряли, будто дали его на время одному изъ вашихъ двоюродныхъ братьевъ?—Чортъ возьми,—отвѣтилъ сосѣдъ,—развѣ вы болѣе вѣрите моему ослу, чѣмъ мнѣ»?

Кургановъ переводитъ: «Мужикъ просилъ своего сосѣда, чтобъ его ссудилъ осломъ. Сосѣдъ на то: я-де его послалъ другому и сожалѣю, что ты не сказалъ прежде. Но въ то время оселъ заблѣялъ. А! молвилъ сосѣдъ: вотъ и твой оселъ говоритъ, что это неправда; видно братъ, какъ ты ссудливъ.—Какъ тебѣ дураку не стыдно,—молвилъ другой, что ты болѣе вѣришь ослу, нежели мнѣ».

Приведенный выше, въ примѣчаніи, анекдотъ о пуговицахъ и ухѣ у Рожера выраженъ много хуже, а именно: «Одинъ дворянинъ, бывши въ соборѣ Парижской Богоматери, поймалъ вора, который у него съ плаща обрѣзалъ золотыя пуговицы и, вынувъ свою шпагу, отрѣзалъ у него совсѣмъ ухо и, показывая ему его, сказалъ: «Держи! вотъ твое ухо; оно не пропало; возврати мои пуговицы, и я тебѣ его возвращу». Хорошо было бы, еслибъ воръ могъ такъ же пришить свое ухо, какъ дворянинъ свои пуговицы».

Кто не согласится, что Кургановъ проявилъ въ передѣлкѣ этого анекдота положительный талантъ? Комедія удачно замѣнила божій храмъ, гдѣ подобныя остроты не умѣстны; злая иронія больше прилична хладнокровному купцу, чѣмъ вспыльчивому дворянину; ножичекъ для такой нѣжной операціи гораздо удобнѣе шпаги; діалогъ, начинающійся крикомъ вора, исполненъ жизни и драматизма; указаніе, что уха нельзя пришить, излишне и ослабляетъ впечатлѣніе.

Имена, мало извѣстныя русской публикѣ, Кургановъ обыкновенно замѣняетъ указаніями на занятіе или свойство человѣка (забавный бѣднякъ, риѳмачъ, неублюдокъ, шляхтичъ, нѣкоторый шутникъ), старается придать анекдотамъ фривольнымъ болѣе цензурности, а главное—понимаетъ, что сила анекдота въ его сжатости. Кое-гдѣ онъ окрашиваетъ разсказъ своими взглядами (напримѣръ, въ № 297 высказываетъ свое сочувствіе къ Діонисію Тиранну за его невѣріе въ идоловъ), и въ одномъ случаѣ (№ 233), если не ошибаюсь, вводитъ фактъ изъ исторіи русскаго просвѣ-

щенія, именно намекаетъ на Ломоносова. Рожеръ разсказываетъ (II, 135), какъ на собраніи чиновъ Лангедокскихъ пикировались 2 епископа; одинъ упрекнулъ другого низкимъ его происхожденіемъ; тотъ отвѣчалъ: «еслибъ вы были сыномъ моего отца, вы вмѣсто того, чтобъ быть епископомъ, теперь пасли бы свиней». У Курганова «славный Витія» вступаетъ на пиру въ препирательство съ «нѣкоторымъ именитымъ судьей». Тотъ рекомендуетъ Витіи вспомнить свою породу.—Я очень ее помню,—отвѣчалъ ему мудрецъ, ни мало не усумнясь,—и знаю, ежели бы вы были сыномъ моего отца, то бы вы и понынѣ еще ловили съ нимъ моржей, или пасли у него свиней».

Недостатокъ общаго (филологическаго) образованія въ анекдотахъ, заимствованныхъ Кургановымъ изъ Рожера, сказывается въ томъ, что два изъ нихъ въ «Письмовникѣ» лишены не только соли, но почти и смысла. А именно: № 113 «Зѣло брюшистаго, монаха идущаго улицею, спросила нѣкая насмѣшница: «Отче святый! Когда вы родите»?—«Когда найду повивальную бабку,—отвѣчалъ онъ».

Пофранцузски здѣсь не переводимый каламбуръ въ словѣ Sage-femme повивальная бабка и умная женщина.

№ 314. «Нѣкій грубаго свойства кавалеръ, увидя дорогой алмазъ на рукѣ пригожей госпожи сказалъ: «Для меня перстень пріятнѣе руки». Дама, смотря на него, отвѣчала,—а мнѣ нравится ольстра лучше скотины». Во-первыхъ французское слово licou—недоуздокъ, веревка—здѣсь не вѣрно переведено словомъ ольстра (кабуръ, кожаный чехолъ), и во-вторыхъ анекдотъ потерялъ смыслъ, такъ какъ Кургановъ забылъ сказать, что этотъ кавалеръ былъ украшенъ орденской голубой лентой.

А между тѣмъ, помимо этихъ ошибокъ, оба анекдота лучше пересказаны у Курганова, чѣмъ въ оригиналѣ.

Два вышеуказанные разсказа (№ 10 и № 226), ставшіе у насъ народными анекдотами, заимствованы Кургановымъ у Рожера, гдѣ они имѣютъ такой видъ: (№ 10) «Одна женщина, порядкомъ подвыпившая за обѣдомъ съ своими кумушками, отправилась слушать проповѣдь. Пары бахуса начали въ ней дѣйствовать; она заснула и стала храпѣть, такъ что проповѣдникъ, находившійся противъ нея и обезпокоенный ея храпомъ, сказалъ ея сосѣдямъ, чтобъ ее разбудили; когда ее потянули за руку, она, воображая, что все еще находится за столомъ, громко сказала:—Подносите кумѣ; я не могу пить больше».

(№ 226) «Деревенскій священникъ, имѣвшій простоватаго слугу, сказалъ ему въ воскресенье утромъ, что онъ пойдетъ служить обѣдню, а что тотъ долженъ готовить ему обѣдать. Слуга спросилъ, что ему угодно имѣть къ обѣду; священникъ заказалъ блюдо кишокъ (tripes). Когда слуга спросилъ денегъ, священникъ отвѣчалъ, что денегъ не надо: пусть онъ пойдетъ къ его куму Давиду и ска-

жетъ, что это для него; тотъ повѣритъ ему въ долгъ. Священникъ отправился служить обѣдню, и когда онъ съ кафедры приводилъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, слова пророковъ, процитировавъ нѣскольких, онъ вдругъ возвысилъ голосъ, говоря: «А что объ этомъ, господа, говоритъ Давидъ»?—Слуга, пришедшій въ это время, и подумавшій, что хозяинъ обращается къ нему, сказалъ громко: «Ей Богу, господинъ, онъ говоритъ, что коль нѣтъ денегъ, нѣтъ и кишокъ».

Чтобы покончить съ замысловатыми повѣстями, я перейду прямо къ 4-му изданію «Письмовника» 1790 года, гдѣ ихъ коллекція была значительно пополнена и приняла тотъ составъ, въ которомъ она существовала болѣе 40 лѣтъ. Въ этомъ изданіи къ 320 разсказамъ прибавлено еще 34, но въ томъ числѣ одинъ въ 40 слишкомъ страницъ. Это повѣсть о 3-хъ мадритскихъ женщинахъ, которыя на пари обманули мужей своихъ, при чемъ не только не нанесли порухи ихъ чести, но даже исправили ихъ отъ ихъ недостатковъ, вредившихъ счастію ихъ семейной жизни. (Первая—молодая жена фактора, который, имѣя собственное независимое состояніе, проводилъ все время на службѣ у банкира и изнурялъ себя ненужной работой, устроила такъ, что онъ счелъ себя мертвымъ, а потомъ временно помѣшавшимся отъ усиленныхъ трудовъ; вторая—жена разгульнаго живописца, послала мужа ночью за лѣкаркой, а въ это время измѣнила наружность дома и превратила его въ трактиръ, такъ что мужъ, вернувшись, не узналъ собственнаго своего жилища, былъ отъ него прогнанъ, а на другой день увѣрился, что онъ кутежами довелъ себя до галлюцинацій; третья—жена стараго ревнивца, заключила мужа въ монастырь, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и самъ сталъ вѣрить, что онъ изстари монахъ, пока голосъ, говорившій ему во мракѣ кельи, не увѣдомилъ его, что все это было наказаніемъ за его безумныя подозрѣнія и грубое обхожденіе съ женою.) Эта повѣсть переведена тоже съ французскаго, съ нѣкоторыми очень удачными сокращеніями, изъ книги L'Elite des Contes du Sieur D'Ouville, seconde partie. Rouen 1699[1]), гдѣ она начинается съ 191 стр. За нею, послѣ двухъ небольшихъ нравоучительныхъ разсказовъ (о побѣдѣ цѣломудрія нѣкой Клои и рѣдкомъ великодушіи одного крестьянина) слѣдуетъ «повѣсть потѣш-

[1]) Она есть въ Публичной библіотекѣ, гдѣ я ей и пользовался. Seconde partie составляетъ оно, кажется, къ Contes d'Ouville, изд. въ 1651. Помимо сокращеній, Кургановъ замѣнилъ трактирщика Pierre Mondragon Фалелеемъ Зуевымъ (это въ Испаніи-то!), жену его Катерину Mugnos назвавъ Афросиньей Егупьевой и почему-то прибавилъ имъ дочь Пигасію. Фабльо, изъ которой вышла эта повѣсть, напечатана у Barbazan II, № 9. Des trois dames, qui trouvèrent un anel, а первый эпизодъ изложенъ у Le Grand d'Aussy т. IV, стр. 218 подъ заглавіемъ: Le vilain de Bailleul, ou de la femme, qui fit-croire à son mari qu'il était mort, гдѣ онъ составляетъ отдѣльный фабльо.

ная о Педантѣ» Гортензіи (стр. 245—252), надъ которымъ насмѣялась одна богатая дѣвица; она переведена изъ того же сборника D'Ouville съ стр. 273; затѣмъ «Повѣсть о юношѣ, котораго его друзья увѣрили, что онъ ослѣпъ», [1]) «Повѣсть о удаломъ молодомъ солдатѣ» и безъ заглавія повѣсть о нѣкоемъ Фабрисѣ, поступившемъ въ лакеи къ старому мужу своей возлюбленной и пользовавшемся, благодаря ея хитрости, неограниченнымъ довѣріемъ своего хозяина. Эти 3 повѣсти переведены довольно близко, но хорошо, опять-таки изъ книги Рожера Bontems (I, 165 и слѣд., I, 44 и слѣд. и I, 56 и слѣд.); [2]) 2 и 3 изъ этихъ повѣстей чрезвычайно долговѣчные разсказы о невѣрныхъ женахъ, встрѣчающіеся и между наиболѣе популярными фабліо, швенками и у итальянскихъ новеллистовъ. Первому изъ нихъ особенно повезло въ новой русской литературѣ, такъ какъ онъ превосходно передѣланъ Далемъ подъ именемъ сказки о нуждѣ [3]).

Изъ послѣдующихъ разсказовъ, прибавленныхъ въ 4 изданіи, я могу съ достовѣрностью указать источникъ только № 330 (о проповѣди монаха къ разбойникамъ), который переведенъ изъ того же Рожера Bontems I, 105 и слѣд. (Sermon d'un Pere Cordelier fait à des brigands, pour sa rançon).

Между замысловатыми повѣстями встрѣчаются остроты античныя, позднiе философскіе миѳы, апофегмы, нисколько не забавныя; часто попадаются стихи, и иные анекдоты существуютъ только ради ихъ, въ другихъ случаяхъ, анекдотъ заканчивается дубоватымъ двухстишіемъ, какъ нравоученіемъ.

Нельзя не обратить вниманія на пестроту стиля, особенно замѣтную въ этомъ отдѣлѣ: Кургановъ, такъ прекрасно умѣвшій излагать научныя истины въ своихъ серьёзныхъ книгахъ, между прочимъ, и здѣсь въ грамматикѣ, иногда такъ удачно владѣвшій стихомъ, тутъ же рядомъ не можетъ передать понятно самого простого анекдота. Это не личная черта Курганова, а черта времени,

---

[1]) Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить ошибку, которую сдѣлалъ по поводу этой повѣсти Добролюбовъ: въ своей извѣстной статьѣ о книгѣ Аѳанасьева, «Сатирич. Журн.», онъ (Соч. I, 97) увѣряетъ, что «Собесѣдникъ», гдѣ эта повѣсть является въ измѣненной редакціи (юноша провинился не богохульствомъ, а комедіями), заимствовалъ ее у Курганова; но Добролюбовъ не зналъ, что этой повѣсти нѣтъ въ первыхъ 2 изданіяхъ «Письмовника»; она является только въ изд. 1790, стало быть 7 лѣтъ спустя послѣ «Собесѣдника».

[2]) D'un homme qui fut cocu, battu et content.

[3]) Мнѣ помнится, что я встрѣчалъ этотъ разсказъ въ видѣ русскаго народнаго анекдота; но теперь я не могъ найдти его у Аѳанасьева; только въ разсказѣ «Дорогая Кожа» (1-го изд. VII, стр. 331) встрѣчается одинъ disjectum membrum этой повѣсти: ловкій малый спроваживаетъ любовника хозяйки, придавъ ему видъ чорта.

Объ этой сказкѣ см. недолговѣчный журналъ Archiv für Geschichte deutscher Sprache u. Dichtung, 1873 года Juni-Juli-Heft, стр. 326.

или, по крайней мѣрѣ, общая черта писателей XVIII вѣка, не получившихъ правильнаго филологическаго образованія и упражнявшихся въ литературѣ только отъ времени до времени; извѣстно, какъ тяжелъ и не красивъ слогъ во многихъ мѣстахъ записокъ Державина, исписавшаго на своемъ вѣку столько бумаги.

Послѣ замысловатыхъ повѣстей, во всѣхъ изданіяхъ слѣдують «различныя шутки», тоже, очевидно, переводныя; ихъ немного, и онѣ не отличаются особымъ остроуміемъ; затѣмъ идутъ разномысленныя предложенія, т. е. собственно одно предложеніе о планетахъ, выраженное на разныя манеры; затѣмъ достопамятныя рѣчи (изреченія), небольшая глава о женщинахъ и бракѣ, опредѣленія и сравненія, хорошія мнѣнія, опись качествъ народовъ (тамъ, между прочимъ, голландцамъ приписанъ «золотой демонъ», на сырномъ тронѣ, въ табачной коронѣ), загадки и древнія апоѳегмы и Епиктитово нравоученіе. Все это главы, за исключеніемъ послѣдней, коротенькія, набранныя случайно, но полезныя и назидательныя для малограмотнаго, медленно читающаго человѣка. Честный составитель въ заключеніе объясняетъ, что древнія апоѳегмы взяты изъ книжки «Витіеватыя и нравоучительныя повѣсти», изданной въ Москвѣ, въ 1711 г. и переизданной много разъ Академіей, а Епиктитовы правила выбраны изъ Беллегардова французскаго перевода. Затѣмъ слѣдуютъ Учебные разговоры[1]), изъ которыхъ интереснѣй другихъ послѣдній, гдѣ авторъ высказываетъ убѣжденіе своего вѣка, что миѳологія выдумана стиходѣями, но приводитъ съ нѣкоторыми подтвержденіями и мнѣніе, что миѳологія взята изъ св. Писанія; изъ славянскихъ божествъ авторъ приводитъ только одного Перуна, котораго онъ считаетъ равнозначущимъ съ Юпитеромъ[2]); «должности» музъ онъ разграничиваетъ не только прозой, но и стихами, очевидно, собственнаго сочиненія[3]). Затѣмъ слѣдуетъ Разговоръ о различіи изрѣченія и писанія—нѣчто въ родѣ введенія къ наукѣ о языкѣ, съ прибавленіемъ свѣдѣній о книгопечатаніи и краткой реторики, піитики и метрики. Съ этой метрикой въ естественной связи слѣдующій крупный отдѣлъ: Сборъ разныхъ стиходѣйствъ[4]). Это очень интересный отдѣлъ: съ одной стороны составъ его показываетъ, какія произведенія россійской музы счи

---

[1]) Въ 1-мъ изданіи ихъ 4: «Между книжникомъ и мальчикомъ» (тема, извѣстная еще въ санскритской литературѣ—превосходство разсудка надъ ученостью)· «Между бодрымъ и сонливымъ», Кевита, ученика Сократова, о картинѣ (аллегорія, своего рода Roman de la Rose) и о миѳологіи.

[2]) За то цѣлый рядъ славянскихъ божествъ (въ томъ числѣ Симаергла, Колядо и пр.) въ стихотвореніи «Древнее суевѣріе» (1-го изд. стр. 290—291).

[3]) Напр. Кліа «точны бытія въ память предаетъ поя» и т. д.

[4]) Съ 4-го изданія: Сборъ разныхъ стихотворствъ, и тамъ съ него начинается 2-я часть.

талъ занимательными для своихъ читателей такой умный, опытный человѣкъ и такой искусный педагогъ, какъ Н. Г. Кургановъ, а съ другой стороны, огромная популярность «Письмовника» дѣлала выбранныя Кургановымъ стихотворенія общеизвѣстными и воспитывала на нихъ цѣлыя поколѣнія. Кургановъ, естественно, старался угодить на всякій вкусъ: въ его «Сборѣ» есть и высокая лирика всѣхъ видовъ, и пѣсни, и басни, и эпитафіи, и анекдоты въ стихахъ, и загадки, однимъ словомъ всѣ виды и роды, кромѣ поэмы и драмы; кое-что бралъ онъ изъ печатнаго матеріала (не подписывая именъ авторовъ), а больше заимствовалъ изъ рукописныхъ сборниковъ и, вѣроятно, изъ своей, весьма хорошей памяти, а кое-что, повидимому, есть плодъ его собственнаго вдохновенія; кромѣ того, тамъ много его стихотворныхъ переводовъ. Интереснѣе всего, конечно, пѣсни, какъ такой родъ поэзіи, который не прочитывается, а заучивается, усвоивается даже неграмотными людьми; пѣсня есть или мертворожденный продуктъ, или народная (хотя бы и не простонародная) поэзія; она и мотивомъ и содержаніемъ, или хоть однимъ изъ двухъ, выражаетъ поэтическое настроеніе массы людей. Въ «Сборѣ» Курганова есть нѣсколько пѣсенъ или, вѣрнѣе, романсовъ XVIII вѣка, вовсе не народныхъ по своему содержанію, но ународившихся, благодаря популярности «Письмовника». Въ дѣтствѣ я слыхалъ отъ совершенно неграмотной няньки двѣ пѣсни, въ одной изъ которыхъ дѣйствуютъ пастухъ и пастушка, въ другой Венера, Амуръ и пастушка, онѣ запомнились мнѣ, какъ запоминается все, что слышишь въ дѣтствѣ, и потомъ, вспоминая ихъ и старуху няньку, недоумѣвалъ, откуда къ ней могли попасть эти памятники архи-псевдо-классической поэзіи, недоумѣвалъ до тѣхъ поръ, пока не познакомился съ «Письмовникомъ» Курганова.

Въ рукописныхъ пѣсенникахъ, которые до сихъ поръ въ ходу въ глухой провинціи, на заводахъ, въ казармахъ и даже въ уѣздныхъ и духовныхъ училищахъ, часто попадается хоровая пѣсня:

Бѣсъ проклятый дѣла намъ затѣялъ;
Страсть картежну въ сердца наши всѣялъ...
Дайте намъ карты: здѣсь олухи есть! и т. д. [1]).

Она тоже обязана своей популярностью «Письмовнику». Обращаю вниманіе читателей, напримѣръ, на слѣдующую пѣсню неизвѣстнаго (по крайней мѣрѣ, мнѣ неизвѣстнаго) поэта, на тему о суетѣ мірской:

Только явятся солнца красы,
Всѣмъ одѣваться придутъ часы.
Воже мой, Боже! всякій день то же.

---

[1]) Въ печатномъ пѣсенникѣ, Москва, 1843 г., она находится въ 5-й части, стр. 120.

Къ должности водитъ всякаго честь,
Полдень приходитъ: надобно ѣсть.
Боже мой и т. д.

Тамъ разговоры насъ веселятъ,
Вѣсти и ссоры время дѣлятъ.
Боже мой и т. д.

Ложь и обманы сѣетъ злодѣй,
Рвутъ, какъ тираны, люди людей.
Боже мой и т. д.

Строги уставы мучатъ насъ вѣкъ:
Денегъ и славы ждетъ человѣкъ.
Боже мой и т. д.

Тотъ богатится, нагъ тотъ бредетъ,
Тотъ веселится, слезы тотъ льетъ.
Боже мой и т. д.

Щастье находимъ, щастье губимъ,
Чѣмъ жизнь проводимъ? ходимъ да спимъ.
Боже мой и т. д.

Время, о, время! Что ты? мечта.
Вѣкъ нашъ есть бремя, все суета.
Боже мой и т. д.

Сколько ни видимъ въ мірѣ суетъ,
Не ненавидимъ, любимъ мы свѣтъ.
Боже, о, Боже! Любимъ и то же.

Если мы примемъ въ расчетъ, что эта пѣсня, можетъ быть, на четверть столѣтія старше Фелицы, Вельможи и пр., мы должны признать, что «забавный русскій слогъ» изобрѣтенъ вовсе не Державинымъ, и нѣкоторыя пѣсни, болѣе книжныя по языку, любопытны, какъ вѣрныя картинки нравовъ эпохи: таковы, напримѣръ, пѣсни съ указаніями, что пьяныхъ приказныхъ ихъ свѣтское начальство, а пьяныхъ монаховъ—духовное, для вытрезвленія сажало на цѣпь желѣзную.

Въ «Сборѣ» есть особый отдѣлъ пѣсенъ подъ характернымъ заглавіемъ Кіево-калекскія,—подъ заглавіемъ, которое указываетъ и на школьное (изъ кіевскихъ школъ) происхожденіе нашихъ духовныхъ стиховъ, и на ихъ пѣвцовъ—каликъ перехожихъ; въ этотъ отдѣлъ помѣщена духовная пѣсня, еще не успѣвшая стать стихомъ, и веселыя пѣсни, пародіи о комарѣ, свалившемся съ дубу, и о тонущей мухѣ.

Въ число свѣтскихъ пѣсенъ, или «дѣла отъ бездѣлья», Кургановъ счелъ нужнымъ внести и нѣсколько пѣсенъ народныхъ, какъ-то: взятіе Казани, «Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ», о бояринѣ Шереметьевѣ (слич. Кирѣевскаго, VIII, 133) и проч.; число этихъ пѣсенъ при слѣдующихъ изданіяхъ не уменьшалось, а, напротивъ,

увеличивалось; такъ была прибавлена пѣсня: «Что пониже было города Саратова», которая впослѣдствіи примѣнялась къ Аракчееву. Любопытенъ фактъ внесенія въ книгу, предназначенную для большой публики и именно для просвѣщенія этой публики, нѣсколькихъ образцовъ народной поэзіи; но, какъ извѣстно, фактъ этотъ далеко не единичный: образованные люди екатерининскаго времени относились къ народной поэзіи вовсе не съ такимъ презрѣніемъ, какъ воображали въ сороковыхъ годахъ. Любопытна, кромѣ того, одна пѣсня, именно помѣщенная подъ № 19.

Ты безсчастный добрый молодецъ (2),
Безталанная твоя головушка,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, таланту нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ,
Что ссылаютъ меня съ корабля долой.
Отъ тебя ли, отъ безсчастнаго
Сине море взволновалося,
(Всѣ) волны въ морѣ разыгралися.
(Но) какъ возговоритъ безсчастный молодецъ:
Мы притянемте всѣ въ веселочки,
Мы причалимте ко бережку,
Ко часту кусту ракитову,
И мы срѣжемте по прутику,
И мы сдѣлаем(те) по жеребью,
Кои кинемте во сине море;
Ужь какъ всѣ жеребья поверхъ воды,
А безсчастнаго, какъ ключъ, ко дну.

Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ мотивовъ былины о Садкѣ; это не есть disjectum membrum, но одинъ изъ такихъ бродячихъ эпизодовъ, или общихъ мѣстъ, которыми пользовались составители былинъ. Обращаемъ вниманіе на нѣсколько солдатскихъ пѣсенъ, попавшихъ въ «Сборъ стиходѣйствъ»; онѣ не замѣчательны сами по себѣ, но замѣчателенъ фактъ ихъ распространенія въ прошломъ столѣтіи и ихъ посредствующее мѣсто между лирикой искусственной и народной. Давно бы слѣдовало обратить на нихъ серьёзное вниманіе и подвергнуть ихъ обстоятельному изученію, тѣмъ болѣе, что это такой видъ народной поэзіи, который удобно распредѣляется хронологически.

Наконецъ, чтобы покончить съ стихотворною хрестоматіей, обращу вниманіе читателей на чье-то, не особенно остроумное, стихотвореніе противъ масоновъ (№ 43, начинается: «Полны лжи ваши законы оказались, франкмасоны; Въ томъ тайна ваша и честь, что шесть сотъ шестьдесятъ шесть» и т. д.) и на приписку Курганова въ концѣ «Сбора»: «Сверхъ сего съ пріятностью можно читать на русскомъ нравоучительные Попіевы стихи подъ именемъ: «Опытъ о человѣкѣ», переводъ г. Поповскаго»—за которымъ слѣдуетъ изложеніе содержанія этой поэмы и отрывокъ изъ нея.

Г. Поповскій, ученикъ Ломоносова, высокодаровитый профессоръ Московскаго университета (род. 1730 г., ум. 1760 г.), одинъ изъ первыхъ облеченныхъ въ мундиръ борцовъ за свободу русской мысли; его переводъ поэмы Пôпа, изувѣченный духовной цензурой съ напечатанными особымъ шрифтомъ стихами самого цензора, въ свое время надѣлалъ много шуму.

Затѣмъ въ «Письмовникѣ» слѣдуетъ «Всеобщій чертежъ наукъ и художествъ», нѣчто въ родѣ систематики наукъ и въ то же время краткая энциклопедія. Здѣсь-то Кургановъ могъ вполнѣ проявить свой педагогическій тактъ и, дѣйствительно, проявилъ его: его опредѣленія сжаты и ясны, выборъ фактовъ для того времени очень удаченъ. Изложивъ вкратцѣ науку о поэзіи, онъ переходитъ къ философіи, гдѣ останавливается, какъ и слѣдовало ожидать, главнымъ образомъ на философіи моральной, при чемъ высказываетъ мысли вѣрныя и по тому времени либеральныя. Но особенно много останавливается онъ на естествознаніи и преимущественно на томъ его отдѣлѣ, который, будучи знакомъ ему въ подробности, наиболѣе способствуетъ уничтоженію суевѣрій, именно на астрономіи; долго останавливается онъ на доказательствахъ шаровидности земли; энергично возстаетъ противъ нелѣпаго страха, который внушаетъ появленіе кометъ. Зная, что русскіе книжные люди руководятся болѣе всего св. писаніемъ, и что извѣстный эпизодъ объ Іисусѣ Навинѣ плохо мирится съ астрономіей, онъ возстаетъ противъ буквальнаго пониманія св. писанія и приводитъ рядъ выписокъ изъ отцевъ церкви, примиряющихъ науку и религію. «Правда и Вѣра, говоритъ онъ, родныя сестры, дщери Всевышняго Родителя». Въ концѣ этого отдѣла помѣщенъ небольшой «Наказъ медицинскій» и перепечатанъ откуда-то «Рудометъ нѣмецкій», т. е. изображеніе человѣческой фигуры, съ обозначеніемъ, въ какой мѣсяцъ, изъ какой части тѣла полезно и изъ какой вредно пускать кровь. Въ срединѣ этого отдѣла помѣщена табель затменіямъ солнечнымъ и луннымъ на тридцать лѣтъ впередъ, которая почему-то въ послѣдующихъ изданіяхъ выброшена. Затѣмъ идетъ словарь иностранныхъ и славянскихъ словъ съ русскими толкованіями; словарь этотъ для историка русскаго языка любопытенъ во многихъ отношеніяхъ, хотя далеко не всѣ толкованія можно признать удачными, а нѣкоторыя положительно не вѣрны,—амфитеатръ—зрѣлище; амбра—янтарь, антраша—крыжескокъ, бракъ—осмотръ, опытъ, брандмейстеръ—огнеблюдъ, булычъ—мѣханоша, куминъ мужъ и т. д. За этимъ словаремъ слѣдуетъ прибавокъ къ нему, потомъ «Толкъ днямъ и мѣсяцамъ», потомъ «Оговорка», т. е. объясненіе къ словарю, въ которой авторъ ссылается на знаменитаго писателя въ доказательство ненужности иностранныхъ словъ и цитируя: «Трутень» и «Адскую почту» насмѣхается надъ модниками, уродующими родной языкъ. Книжку онъ кончаетъ словами:

«Все тутъ, Нѣтъ больше. Только Конецъ».

Таковъ составъ книги; посмотримъ на ея дѣйствіе, но при этомъ сдѣлаемъ необходимую оговорку, что это дѣйствіе происходило не столько отъ 1-го ея изданія, сколько отъ послѣдующихъ (вышедшихъ до конца столѣтія), о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Время перваго изданія «Письмовника», время знаменательное въ исторіи русской литературы: извѣстно, что въ томъ же 1769 году появилась масса русскихъ сатирическихъ журналовъ, [1]) свидѣтельствовавшихъ о пробужденіи русскаго самопознанія, о важномъ поворотѣ въ исторіи нашей цивилизаціи. Но здѣсь объ этомъ поворотѣ говорить не мѣсто, такъ какъ «Письмовникъ» служилъ ему лишь косвенно: сатира, обличеніе играетъ въ немъ слишкомъ слабую роль. Его цѣль увеличить число истинно грамотныхъ людей и пріохотить къ чтенію; появленіе его именно въ годъ рожденія сатирическихъ журналовъ почти случайно.

Что касается до вкуса къ легкому чтенію, который въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія проявился съ такою необычною силою, что даже до сихъ поръ многія классическія произведенія имѣются порусски исключительно въ переводахъ, сдѣланныхъ въ то время,— во время появленія «Письмовника» онъ былъ развитъ еще довольно слабо, судя по количеству выходившихъ въ свѣтъ книгъ этого рода и по медленному ихъ распространенію. Книги для легкаго чтенія, какъ извѣстно, у насъ стали выходить еще при Петрѣ Великомъ, а къ началу царствованія Екатерины II можно насчитать, можетъ быть, до сотни слишкомъ названій; но что же значитъ эта цифра сравнительно съ количествомъ книгъ дѣловыхъ, назидательныхъ и учебныхъ? Первые годы царствованія Екатерины плодовиты даже и въ этомъ отношеніи: назову, между прочимъ, «Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа индѣйскаго», съ французскаго переведены Академіи Наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ (сокращенная редакція Панчатантры), вышедшія въ 176 году и появившіяся 2 года спустя, «Нравоучительныя басни» извѣстнаго Ѳ. Эмина, который за годъ передъ тѣмъ выпустилъ свой нравоучительный и политическій тенденціозный романъ.—«Приключенія Ѳемистокла» и пр. (2 изд. 1781).

Извѣстно, какъ въ обществѣ малограмотномъ смотрятъ на книгу: книга только поучительная—скучна и имѣетъ опредѣленный, не широкій кругъ читателей; книга только забавная—не внушаетъ уваженія, — на нее какъ-то совѣстно тратить и деньги, и время. Книга Курганова понравилась именно тѣмъ, что, заключая въ себѣ массу полезныхъ свѣдѣній для людей самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, будучи необходимой книгой для человѣка, стремящагося къ литературному образованію, она въ то же время доставляла и раз-

[1]) См. Аѳанасьевъ, «Русскіе Сатирическіе журналы» и пр. Москва, 1859 года.

влеченіе своими «замысловатыми повѣстями», стиходѣйствами и пр. Она такимъ образомъ расчищала дорогу серьёзнымъ и поучительнымъ книгамъ съ одной стороны, съ другой доказывала воочію людямъ, которые смотрѣли на чтеніе, какъ на тяжелый трудъ, что чтеніе можетъ доставлять удовольствіе, и подготовляла публику для всякихъ «Сопутниковъ и Собесѣдниковъ веселыхъ людей», «Увеселеній женскаго пола» и пр. и пр. Если Пушкинъ и плохо зналъ «Письмовникъ»,—онъ вѣрно понялъ его значеніе, указавъ, что помѣщичій сынокъ, основательно усвоившій эту книгу, получалъ отъ нея вкусъ къ литературнымъ занятіямъ; мало того, онъ и въ другихъ областяхъ знанія долженъ былъ считаться человѣкомъ для того времени образованнымъ.

«Замысловатыя повѣсти и стихотворства» списывались въ особыя тетрадки [1]) и распространялись между людьми, которые «Письмовника» въ цѣломъ видѣ въ глаза не видали, усвоивались, какъ было выше указано, даже людьми безграмотными, проникали въ народъ; а въ то же время универсальная грамматика и статьи по реторикѣ и піитикѣ служили учебникомъ въ школахъ; по словамъ одного изъ младшихъ современниковъ, дѣловая часть «Письмовника» для такого употребленія часто вырывалась и переплеталась отдѣльно. Можетъ ли какая нибудь другая книга XVIII вѣка имѣть притязаніе на бо̀льшую популярность?

Два слова о послѣдующихъ изданіяхъ.

Первое изданіе «Письмовника», вѣроятно, по обычаю того времени небольшое, расходилось цѣлыхъ восемь лѣтъ. Второе вышло въ 1777 году подъ заглавіемъ «Книга Писмовникъ, а въ ней наука россійскаго языка съ седьмью присовокупленіями», напечатана она въ книгопечатнѣ морского общества благородныхъ юношей. Приношеніе читателю почему-то перешло изъ перваго лица въ третье и получило эпитетъ: общее, такъ какъ за нимъ слѣдуетъ приношеніе особое: «Его Высокородія, Статскаго Совѣтника высокопочтеннаго Алексія Аѳанасьевича г. Дьякова любезнымъ дѣтямъ» (ученикамъ Курганова?). Въ предисловіи, которое тоже перешло въ третье лицо, два иностранныхъ слова: грамматикъ и историкъ, признаться сказать, далеко неудачно переданы русскими словами письментарь и спищикъ. Любопытно это изгнаніе иностранныхъ словъ и замѣна латинскаго эпиграфа русскимъ, несовсѣмъ удачнымъ его переводомъ [2]) какъ заря будущей дѣятельности Шишкова и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показатель измѣненія круга читате-

---

[1]) Между рукописями князя П. П. Вяземскаго, составляющими теперь собственность Общества любителей древней письменности, есть толстая тетрадь XVIII вѣка (№ 291), куда изъ «Письмовника» вошла чуть не половина повѣстей.

[2]) «Духовный ли, мірской ли ты? Прилежно се читай;
«Все найдешь здѣсь тотъ и другой, но разумѣть смѣкай».

лей: успѣхъ выводитъ книгу изъ школьной сферы въ болѣе широкую, общественную.

Въ общемъ измѣненія сдѣланы небольшія: Кургановъ выкинулъ двѣ «повѣсти»; къ чертежу наукъ прибавилъ священную исторію (около 10 страницъ); послѣ этого отдѣла прибавилъ нравоучительныя размышленія изъ сочиненій канцлера графа Оксенштирна. Въ самомъ концѣ онъ прибавилъ небольшую статью о религіи, которая оканчивается указаніемъ полезныхъ книгъ; въ немъ говоритъ онъ: «а изъ свѣтскихъ книгъ первою нравоучительною книгою почитаю божественныя узаконенія о воспитаніи и образованіи россійскаго юношества, изданныя въ двухъ томахъ въ С.-Петербургѣ въ 1774 году».

Это изданіе, вѣроятно, сравнительно большое, расходилось еще дольше; весьма вѣроятно, Кургановъ, отвлеченный другими работами, не имѣлъ досуга заняться имъ и тѣмъ далъ поводъ чуть-чуть не къ контрафакціи: третье изданіе [1]) вышло въ 1788 году; перемѣнъ въ немъ противъ второго ровно никакихъ нѣтъ; на заглавномъ листѣ сказано, что оно печатано съ согласія автора; цѣна за него назначена почти вдвое дороже противъ второго (то стоило 15 гривенъ, а это 2 руб. 95 коп.).

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1787 годъ (стр. 900, № 61) напечатано объявленіе Николая Курганова Морского Шляхетскаго кадетскаго корпуса профессора и кавалера, что это изданіе сдѣлано самовластно, «безъ его, Курганова, согласія»; но что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ чистой контрафакціей, а съ какимъ-то недоразумѣніемъ (можетъ быть, Кургановъ на словахъ далъ кому нибудь изъ пріятелей, условное дозволеніе, которымъ поспѣшили воспользоваться), и что Кургановъ какимъ-то образомъ былъ хотя отчасти удовлетворенъ за потерпѣнные убытки, доказывается тѣмъ, что въ 4 изданіи онъ поминаетъ московское изданіе, вышедшее въ типографіи Фридриха Гиппіуса, безъ всякихъ рѣзкихъ словъ и какъ бы молча признаетъ его своимъ.

4-е изданіе, вышедшее въ 1790 году, подверглось, сравнительно, большимъ перемѣнамъ и дополненіямъ; его полное заглавіе, впослѣдствіи неизмѣнявшееся, таково: «Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка, со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія. N. N. изданіе, вновь выправленное, пріумноженное и раздѣленное въ двѣ части». Въ этомъ изданіи, кромѣ 30 слишкомъ повѣстей, о которыхъ была рѣчь выше, прибавлено: разсужденіе Сенекино о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ, три разговора (о любомудріи, о навигаціи и о геральдикѣ), распространена научная часть и, кромѣ того, внесено нѣсколько

[1]) Его не имѣется въ Публичной библіотекѣ, но я могъ воспользоваться имъ, благодаря любезности В. И. Саитова.

мелкихъ статей: объ академической библіотекѣ, о кунсткамерѣ, о «знатныхъ изобрѣтеніяхъ послѣдняго времени» и проч.

5-е и 6-е изданія, вышедшія при жизни Курганова, и 7-е, вышедшее въ 1802 году, ничего новаго въ себѣ не заключаютъ. Въ 8-мъ изданіи (въ 1809 году) [1]) прибавленъ новый, довольно большой отдѣлъ: «Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты русскихъ». Это нѣчто въ родѣ хрестоматіи изъ русской исторіи, состоящей изъ 47 разсказовъ, расположенныхъ не вполнѣ хронологически; больше всего анекдотовъ о Петрѣ и о Суворовѣ; есть разсказы и объ иностранныхъ высокихъ особахъ, къ русской исторіи отношенія не имѣющихъ.

Прибавка доказываетъ, что книга въ прежнемъ своемъ составѣ уже не удовлетворяла публику, а ея патріотическій характеръ и широковѣщательное заглавіе если и стоятъ въ зависимости отъ духа того времени, то съ другой стороны ясно свидѣтельствуютъ и объ измѣненіи состава читателей. «Письмовникъ» началъ замѣтно спускаться въ низшіе слои, но онъ продолжался и много послѣ того: какъ было указано въ началѣ статьи, еще въ 1831 году понадобилось его новое изданіе. Г. Геннади указываетъ еще, кромѣ того, 11-е изданіе въ 1837 году; другіе, повидимому, преувеличивая, считаютъ цѣлыхъ 18 изданій.

Нѣтъ сомнѣнія, что когда у насъ еще болѣе разростется интересъ къ памятникамъ нашей отечественной литературы, «Письмовникъ» Курганова вновь увидитъ свѣтъ и на полкахъ ученыхъ библіотекъ заживетъ новою, хотя и скромною жизнью. Извѣстная поговора: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ» и пр. несправедлива относительно человѣка общественнаго, которому волей неволей приходится сходиться съ множествомъ людей, нисколько ему не симпатичныхъ: точно также варьянтъ ея—«Скажи мнѣ, что ты читалъ, и я тебѣ скажу, кто ты»—не примѣнимъ къ современному читателю: чего только не перечитаетъ онъ, и какъ онъ не злопамятенъ относительно прочитаннаго? Не такъ было съ нашими дѣдами и прадѣдами: они читали немногое, но помногу, и прочитанное, дѣйствительно, обусловливало ихъ умственный складъ. Если мы желаемъ знать, кто они были, мы не можемъ отнестись съ пренебреженіемъ къ книгѣ, которая для многихъ изъ нихъ, какъ для Горохинскаго помѣщика, была единственной книгой, энциклопедіей всякой мудрости—моральной, литературной и реальной.

А. Кирпичниковъ.

---

[1]) Оно такъ же, какъ и предыдущее, напечатано «иждивеніемъ Ивана Глазунова», того самаго «добраго человѣка», съ которымъ былъ въ сношеніяхъ Кургановъ въ послѣдніе годы своей издательской дѣятельности.



ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢЕВИЧА ПОЛЕВАГО[1].

III.

Какъ правительство относилось въ это время къ Николаю Алексѣевичу.—Приготовленія къ изданію «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» въ 1838 году, подъ редакціею Николая Алексѣевича. — Новое гоненіе на него министра Уварова. — Запрещеніе Николаю Алексѣевичу даже подписывать имя свое подъ статьями. — Ксенофонту Алексѣевичу не дозволяютъ издавать «Московскаго Наблюдателя». — Хлопоты Ксенофонта Алексѣевича объ устраненіи этихъ запрещеній. — Успѣхъ «Гамлета» въ Петербургѣ. — Что заставило Николая Алексѣевича уѣхать изъ Москвы. — Онъ дѣлается негласнымъ редакторомъ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества», не смотря на запрещеніе Уварова. — Предположеніе объ устройствѣ этихъ двухъ журналовъ. — Заботы о постановкѣ «Уголино» на Московскомъ театрѣ. — Блестящій успѣхъ «Уголино» въ Петербургѣ. — Мнѣніе Николая Алексѣевича объ «Уголино».

Я НЕ МОГЪ не безпокоиться о моемъ братѣ, когда онъ, въ первое время по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, писалъ ко мнѣ коротенькія письма, съ самыми тревожными упоминаніями о разныхъ подробностяхъ своей жизни. Наконецъ, я получилъ отъ него первое большое письмо, отъ 5-го ноября, гдѣ онъ подробно излагалъ печальныя обстоятельства, вдругъ окружившія его въ Петербургѣ такъ тяжко, какъ нельзя было и ожидать.

Прежде нежели перепишу здѣсь его письмо, для поясненія я долженъ упомянуть, что братъ мой почиталъ себя не въ такихъ отношеніяхъ къ правительству, какъ это оказалось на дѣлѣ. Послѣ высочайшаго благоволенія, объявленнаго ему за статью о Петрѣ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXIX, стр. 261.

Великомъ (какъ упоминалъ я выше), графъ Бенкендорфъ не одинъ разъ, во время пріѣздовъ своихъ въ Москву, призывалъ его къ себѣ, разсуждалъ съ нимъ очень любезно о разныхъ предметахъ, поручалъ составлять статьи о пребываніи государя императора въ Москвѣ, и вообще обходился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ уважаемымъ и отнюдь не подозрительнымъ для правительства. Тотъ, кому, повидимому, былъ порученъ ближайшій надзоръ за моимъ братомъ послѣ запрещенія «Московскаго Телеграфа», Левъ Михайловичъ Цынскій (оберъ-полицеймейстеръ въ Москвѣ), постоянно изъявлялъ ему уваженіе и, можно сказать, самую искреннюю пріязнь, любилъ съ нимъ побесѣдовать, пообѣдать запросто съ двумя-тремя общими знакомыми, и когда доходила рѣчь до отношеній моего брата къ правительству, генералъ Цынскій увѣрялъ его, что онъ можетъ быть спокоенъ, что его безукоризненныя дѣйствія и честная жизнь вполнѣ извѣстны. Я былъ знакомъ съ генераломъ Цынскимъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и могу засвидѣтельствовать, что это былъ не такой человѣкъ, который былъ бы способенъ говорить то, чего не было. Я всегда видѣлъ въ немъ благороднаго, достойнаго сподвижника офицеровъ 1812 года, въ которыхъ господствовалъ честный характеръ. Нѣсколько жесткія формы не мѣшали ему дѣлать добро и пользу при исполненіи трудныхъ его обязанностей. Я самъ, лично, обязанъ ему за дѣйствія его при одномъ важномъ случаѣ моей жизни, и умру съ сердцемъ, полнымъ благодарнаго воспоминанія о немъ. Повторяю, что такой человѣкъ не былъ способенъ обманывать моего брата, когда говорилъ о благосклонномъ вниманіи къ нему правительства, о чемъ онъ, конечно, могъ имѣть вѣрное убѣжденіе. Да онъ не имѣлъ и надобности хитрить съ нимъ или ставить ему ловушку; а это также служитъ подтвержденіемъ искренности его словъ. При неблаговоленіи правительства, онъ, конечно, не былъ бы такъ предупредителенъ и дружелюбенъ во всѣхъ отношеніяхъ съ моимъ братомъ, какъ это видѣли мы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ съ увѣренностью, что онъ уже не въ опалѣ у правительства. Послѣ этого необходимаго поясненія тогдашнихъ политическихъ его отношеній, понятны будутъ подробности о нихъ въ его письмахъ ко мнѣ. Привожу здѣсь письма Николая Алексѣевича, какъ лучшія историческія свидѣтельства о его жизни, о немъ самомъ, и о нашей беззавѣтной дружбѣ. Въ этихъ письмахъ видны—вся душа его, все благородство, вся чистота каждаго его помышленія, и вмѣстѣ та сила ума и духа, которая поддерживала его въ трудныхъ, почти невыносимыхъ обстоятельствахъ.. Читая эти письма—писанныя къ другу, которому одному открывалъ онъ всего себя, и, конечно, не помышлялъ, чтобы когда нибудь сдѣлались они извѣстны публикѣ—читатель оцѣнитъ умъ, возвышенность и вмѣстѣ дѣтское простодушіе чело-

вѣка, на котораго такъ безсовѣстно клеветали многіе современники, клевещутъ и нѣкоторые изъ современныхъ настоящей эпохѣ писателей. Прости имъ, Боже: не вѣдаютъ, чтò творятъ! Желаю только, чтобы они уразумѣли истину, если сколько нибудь безпристрастія будетъ оставаться въ нихъ при чтеніи писемъ моего брата, которыя переписываю здѣсь буквально, даже со всѣми мелочными подробностями, и поясняю при томъ нѣкоторыя семейныя, искреннія фразы, намеки, названія.

«С.-Петербургъ, ноября 5-го дня 1837 года.

«Вотъ уже три недѣли завтра, мой добрый другъ и братъ Ксенофонтъ, какъ я въ Петербургѣ, и все еще послѣ записочки, на другой день послѣ пріѣзда моего, отсюда отправленной, ты не получаешь отъ меня ничего, когда мы положили писать другъ къ другу непремѣнно, и когда это, просто потребность души! Извиняешь ли меня?.. Что я не умеръ, это ты долженъ былъ навѣрное полагать, ибо «Сѣверная Пчела», конечно, не замедлила бы донести тебѣ о моей смерти, съ прибавленіемъ «извѣстный» и проч. Впрочемъ, за первую недѣлю моего петербургскаго житья могъ отдать тебѣ отчетъ почтеннѣйшій[1]),—я виноватъ только въ двухъ остальныхъ недѣляхъ. Но вотъ одно оправданіе—во все это время я только что живъ былъ, но до того истерзался во всѣхъ отношеніяхъ, что не хотѣлъ даже печалить твоего добраго сердца моими письмами; притворяться же передъ тобою я не могъ бы... Теперь отдыхаю, и, первое дѣло—писать къ тебѣ! Вотъ неизмѣнный порядокъ, какой мы установимъ: ты получишь это письмо въ среду, отвѣчай въ субботу немедленно, а я, получивъ опять отъ тебя въ среду, буду неизмѣнно отвѣчать въ субботу. Такимъ образомъ, будемъ мы писать по два раза въ мѣсяцъ. Безъ этого, мой милый, наша разлука будетъ слишкомъ тяжела. И то, Богъ знаетъ, долго ли намъ еще придется писать по субботамъ нашимъ... но это въ сторону. Ты согласенъ на мое условіе? По рукамъ. Я начинаю; буду передавать тебѣ хронологически все, что увидится, испытается, перечувствуется, въ двѣ недѣли, что услышу, узнаю, хочу дѣлать, что мечтаю, что отогрѣетъ и расхолодитъ мою душу. При полномъ познаніи меня, ты лучше моего будешь знать мою современную біографію. А ты, братъ и другъ, говори мнѣ правду, суди, брани, утѣшай меня; говори и о себѣ все. Дѣлà—писать особо. О слогѣ и складѣ позабудемъ.

«Отъѣздъ всегда представляетъ чтò-то грустное и тяжелое; но мой отъѣздъ былъ для меня тяжеле всего, что подобнаго испы-

---

[1]) Такъ называлъ Николай Алексѣевичъ, а за нимъ и всѣ въ семействѣ, Петра Алексѣевича Ратькова, который съ юныхъ лѣтъ жилъ въ нашемъ домѣ, и много лѣтъ былъ ближайшимъ къ намъ человѣкомъ, раздѣлявшимъ наши радости и горести.

талъ я прежде, такъ какъ и пріѣздъ мой въ Петербургъ. Впрочемъ, это ничего чрезвычайнаго и предвѣщательнаго не имѣетъ. Москва, гдѣ прожилъ я 18 лѣтъ, съ которой разстался навѣки, гдѣ оставлялъ тебя и твоихъ—единственное, съ чѣмъ дѣлился я сердцемъ, безъ чего теперь осиротѣлъ, даже въ собственной семьѣ своей (съ кѣмъ я тутъ подѣлюсь? Любить моихъ дѣтей, жертвовать для нихъ жизнью и всѣмъ, это дѣло совсѣмъ другое). Въ Петербургѣ, конечно, мнѣ придется уже умереть, и Петербургъ встрѣтилъ меня грустно; но вѣдь и въ Москвѣ умереть было бы когда нибудь надобно; а что встрѣтилъ я въ Петербургѣ, то могло случиться и въ Москвѣ. Все такъ; да что будешь дѣлать съ сердцемъ человѣческимъ? Это слово: «навсегда», это разставанье съ немногими, воспоминаніе о которыхъ навѣки уношу въ душѣ моей, разрывъ всѣхъ прежнихъ связей и отношеній, робость, при началѣ новой жизни, разлука навсегда съ тобою, тяжкая перспектива будущаго, неизвѣстнаго, лишеннаго всѣхъ обольщеній юности, облеченнаго въ трудъ, заботы, безъ любви, безъ дружбы истинной,—я плакалъ, рыдалъ, сѣвши въ дилижансъ свой, скрывалъ, задушалъ свое горе,—и, какъ благодаренъ я былъ «почтеннѣйшему»: онъ притворился спящимъ, не говорилъ ни слова со мною! За это я полюбилъ болѣе прежняго его умъ и сердце. Дорога наша шла изрядно.—Было смѣшное.—По пріѣздѣ увидѣлъ я то, чего уже ожидалъ—нѣмочку умирающую[1]). Но все однакожъ не думалъ я, чтобы это было такъ тяжело для меня и такъ быстро совершилось. Пять только дней страдала она при мнѣ, страдала ужасно, страшно стенала въ сосѣдней комнатѣ:—я почти не спалъ эти пять дней. За три дня она уже знала свою участь, и въ перемежки страданій призывала насъ къ себѣ, говорила съ нами о жизни за гробомъ, какъ о веселомъ гуляньѣ, говорила, что прежде ей хотѣлось жить; она любила меня, обожала, умерла почти на рукахъ моихъ, разговаривала еще минуты за двѣ до кончины, когда уже только въ груди ея оставалась жизнь, а все остальное принадлежало могилѣ. Мнѣ надобно было между тѣмъ ѣздить къ пасторамъ, которыхъ нашелъ я превеликими .....(Рейнботъ былъ уже тогда боленъ и недавно умеръ), потомъ на кладбище—заказывать могилу, заботиться о гробѣ, о факелахъ, Gewölbe, куда принесли бездушное тѣло!.. Старуха Mutter[2]) не перенесла удара, смертельно занемогла, и доктора почти отказывались отъ нея. Все это убило жену мою; я боялся, что она сляжетъ въ постель. Но все теперь помаленьку кончилось. Мы

[1]) Любя давать свои названія близкимъ и даже знакомымъ, по отличительнымъ чертамъ ихъ наружности или характера, Николай Алексѣевичъ называлъ нѣмочкою младшую сестру жены своей, миловидную и очень красивую дѣвицу, бѣлокурую, нѣжную, совершенную нѣмку по наружности и довольно мечтательную. Она жила у него въ домѣ и умерла отъ чахотки.

[2]) Теща Николая Алексѣевича. Она жила у него почти со времени его женитьбы и до своей смерти.

проводили нѣмочку на божію ниву (и, по ея заказу, на памятникѣ ей написано будетъ: Dahin, Dahin!). Нѣсколько дней все оставалось печально, тяжко, — теперь жизнь беретъ свое: старуха поправляется, жена моя принялась за хозяйство, дѣти опять играютъ. Мы располагаемся житьемъ, ладимъ, устраиваемся, разбираемся, хотя ничего еще не успѣли принаровить въ порядкѣ; все ново, незнакомо, многое иначе, а главное—на все надобно деньги, и ихъ у меня теперь очень немного... Старуха Mutter занимаетъ еще мой кабинетъ; я живу еще кое-какъ, не приглашаю еще никого къ себѣ, вижусь съ людьми только по дѣламъ. Я боялся, чтобы сильно не поддаться горю, не заболѣть; къ тому же дѣлъ такая тьма, и погода была все время ужасная; но, слава Богу, я отдѣлался только тяжелымъ припадкомъ гемороя моего; погода стала теперь прелестная. Думаю, что именно усиленная дѣятельность въ дѣлахъ спасла меня. Кантъ совершенно правъ, и потому-то монахамъ предписывается физическая молитва, чтобы отвлечь ихъ отъ психической гибели.— О главномъ дѣлѣ моемъ скажу, что оно все укладывается очень хорошо для меня, но не безъ досадъ, и все еще не кончено. Съ Булгаринымъ и Смирдинымъ мы уладили тотчасъ—написали разсчеты, проекты, условія, приготовили программу, но—первое: Гречъ не ѣдетъ [1]), а безъ него формально ничего нельзя кончить, хотя уже мы принялись за приготовленія и матеріалы (однихъ журналовъ и газетъ выписываемъ на 3,000 рублей и 7,000 рублей опредѣляется на книги; редакція передается вполнѣ мнѣ); второе — весьма важное, о чемъ прошу тебя никому не говорить, и что тебѣ между тѣмъ нужно знать—Уваровъ объявилъ мнѣ явное гоненіе— не принялъ меня, сказалъ, что не позволитъ объявлять имени моего въ журналѣ какъ сотрудника, не позволитъ мнѣ даже подписывать имени подъ статьями; упоминалъ съ неудовольствіемъ о предпріятіи твоемъ снять «Наблюдателя», сказалъ, что издастъ нарочно запрещеніе книгопродавцамъ снимать журналы! Все это сначала меня испугало, при мысли: неужели еще таится на меня подозрѣніе, и вся ласка, вся благосклонность ко мнѣ въ послѣднее время были только хитростью? Изъ чего же и для чего хитрить со мною? Меня успокоили слова добрѣйшаго Л. В. Дубельта, который клялся мнѣ, что это капризы Уварова, и что правительство противъ меня не только ничего не имѣетъ, но даже видитъ во мнѣ добраго и почтеннаго гражданина. Мы написали записку, письмо къ графу А. Х., другое къ А. Н. Мордвинову; я писалъ еще особо къ нашему пріятелю Н. А., и все это поскакало въ Москву при письмѣ Л. В. [2]). Въ письмахъ и запискахъ я го-

---

[1]) Н. И. Гречъ возвращался тогда изъ-за границы, и запоздалъ пріѣздомъ въ Петербургъ по непредвидѣннымъ причинамъ.

[2]) Графъ Бенкендорфъ, со всею своею канцеляріею былъ въ это время въ Москвѣ, гдѣ высочайшій дворъ проводилъ осень.

ворилъ искренно, просто, и съ надеждою жду отвѣта,—увѣренъ, что добрый царь разрѣшитъ все, что, можетъ быть, и Уварову нашептали какіе нибудь мерзавцы, потому, что въ прошломъ году онъ изъявлялъ мнѣ всю свою благосклонность. Увѣдомь меня, что дѣлалось у тебя по «Наблюдателю», и бросаешь или берешь ты это дѣло [1])? Не думаютъ ли видѣть тутъ чего нибудь общаго, какого нибудь хитраго литературнаго плана? Увѣдомь.

«Вотъ тебѣ главное изъ того, что касается до меня. Теперь присовокуплю нѣсколько мелочей. Меня облелѣяло здѣсь все театральное. Гамлета давали здѣсь уже пять разъ, и успѣхъ былъ неслыханный! Каратыгина вызывали даже среди самой пьесы, послѣ 3-го акта, и два раза по окончаніи. Надобно сознаться, что онъ показалъ дарованіе необыкновенное, бросилъ крикъ, и если искусство можетъ замѣнить все, то онъ замѣнилъ все искусствомъ. Сцены: «Удались отъ людей, Офелія!», съ матерью, To be or not to be, на кладбищѣ, глубокое изученіе роли вообще—это очаровало даже самого меня. Обстановка пьесы превосходная; тѣнь—совершенство сценическаго очарованія; Асенкова удивительно мила въ сценахъ безумія. Каратыгинъ прибѣжалъ ко мнѣ благодарить меня, просить Уголино, о которомъ увѣдомили его изъ Москвы, и чуть не прыгалъ отъ восторга, слушая чтеніе его; тутъ же былъ В. И. Орловъ и обнималъ меня отъ радости. Каратыгинъ выпросилъ, наконецъ, у меня Уголино на бенефисъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ Мочаловъ далъ его сперва въ Москвѣ. Я кончилъ и пересмотрѣлъ теперь Уголино. Онъ наскоро переписывается и поступитъ немедленно въ цензуру. Списокъ отдѣльный предварительно пошлю къ Мочалову. Почти нельзя сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ, хотя я лучше всѣхъ чувствую слабость и недостатки моего дѣтища. Но теперь оно было мнѣ истинною отрадою и утѣхою въ грусти, и въ немъ отзовется немножко моя душа. Вообще всѣ литераторы [2]) и знакомые приняли меня здѣсь радостно и ласково. Но главное, чтò теперь я чувствую—это совершенное между всѣхъ одиночество и

---

[1]) «Московскій Наблюдатель» былъ журналъ, существовавшій уже нѣсколько лѣтъ, но издавался очень плохо при помощи г. Шевырева и К°, и оттого едва ли окупалъ издержки изданія. Отвѣтственный издатель его, В. А. Андреевъ (я уже говорилъ о немъ), былъ очень радъ сбыть его съ рукъ, когда я предложилъ ему купить право изданія «Наблюдателя», которое было очень важно въ такую эпоху, когда не позволяли предпринимать новыхъ журналовъ. Я надѣялся извлечь всяческую пользу изъ журнала, не предполагая, что Уваровъ и въ этомъ найдетъ злоумышленіе. Дѣло о передачѣ журнала шло черезъ Моск. цензурный комитетъ, когда графъ С. Г. Строгоновъ (попечитель университета) призвалъ меня и сказалъ: «Сергій Семеновичъ пишетъ ко мнѣ, что онъ не согласенъ на передачу вамъ «Моск. Наблюдателя». Уваровъ не почиталъ необходимымъ облекать свой произволъ хоть бы въ законную форму!

[2]) Это слово въ подлинникѣ подчеркнуто и послѣ него поставленъ вопросительный знакъ въ скобкахъ. К. П.

безпрестанно невольная мысль: «Съ этими людьми тебѣ доживать вѣкъ!» тяготитъ меня. Это страшно. Мы такъ крѣпко держимся за жизнь; а развѣ жизнь это? Вижу людей добрыхъ, не глупыхъ, но гдѣ тѣ, у ума которыхъ хотѣлось бы поучиться и къ груди которыхъ прижаться? Работа, и тайная, унылая грусть и дума—вотъ одно утѣшеніе въ этомъ мірѣ, гдѣ теперь я нахожусь—ласковомъ, блестящемъ, вѣтренномъ, чопорномъ и холодномъ. Можетъ быть, обживусь, привыкну—да жизнь ли это?

«Булгаринъ, право, добрякъ; въ восторгѣ теперь отъ меня и отъ тебя; онъ состарѣлся и посѣдѣлъ, но не сдѣлался ни умнѣе, ни опытнѣе, ни ученѣе. Сенковскому весьма не любы всѣ наши новыя предпріятія; онъ старается даже разстроить, рассорить насъ, порядочно сплетничаетъ и немножко клевещетъ. Я принялъ за правило: ни на что не сердиться.

«У старика К. Т. Хлѣбникова я обѣдалъ въ прелюбопытномъ обществѣ: тутъ были Врангель и все моряки. Мы ѣли устрицы, запивали портеромъ, и я не видалъ какъ пролетѣло нѣсколько часовъ. Преспокойно разсказывали тутъ о Мексикѣ, Перу, Исландіи, Мадрасѣ, Кантонѣ,—эти люди все это сами видѣли! Гораздо скучнѣе провелъ я нѣсколько часовъ у Карльхофа, который, кажется, немножко плесневѣетъ... Да, нѣсколько словъ о почтеннѣйшемъ. Онъ былъ здѣсь превосходенъ; помирилъ Смирдина съ Фариковымъ, билъ въ руки съ Заикинымъ и И. Глазуновымъ, а Исаевы и проч. были просто рабы его. Кажется, что поѣздка его была не безполезна, и изъ этого ты можешь извлечь разсчеты; а почтеннѣйшій радъ сюда ѣздить, ибо онъ влюбленъ въ Асенкову и такой другъ съ Заикинымъ, что тотъ подчивалъ его шампанскимъ, и послѣ того не удавился! Сейчасъ пересмотрѣлъ я три письма, до сихъ поръ отъ тебя полученныя. За первое пожимаю у тебя руку, и—не говорю ни слова. Благослови тебя Богъ за то утѣшеніе, какое доставило мнѣ чтеніе его! Второе и третье требуютъ отвѣта. Я говорилъ Смирдину о цѣнѣ «Дѣяній» и онъ увѣряетъ, что это просто была съ его стороны ошибка, которую онъ исправитъ. Кстати: твои выписки изъ Марманта въ «Библ. для Чтенія» явились, кажется, вовсе искаженныя. Съ этимъ несноснымъ Сенковскимъ нельзя имѣть дѣла. Спѣшу теперь дописать ему, что слѣдуетъ на декабрь [1]) и ни за что не соглашусь быть долѣе его сотрудникомъ. Вокругъ него какая-то адская атмосфера и страшно пахнетъ сѣрою, хоть онъ безпрестанно куритъ лучшія сигарки.

«Меня во всемъ связали теперь уваровскія журнальныя недоумѣнія,—не знаю даже какую принять рѣчь, и что я такое?—А. Н. Верстовскому ты скажешь, что окончаніе «Уголино» задержало его

---

[1]) Николай Алексѣевичъ былъ обязательнымъ сотрудникомъ «Библіотеки для Чтенія» въ 1837 г.

оперу, но тѣмъ лучше я обдумаю и тѣмъ легче напишу ее. Мочалову передай, что выше говорилъ я объ «Уголино», а о Каратыгинѣ скажи ему поосторожнѣе—я между двухъ огней, и услышавъ мой отзывъ, онъ можетъ придти въ отчаяніе, когда между тѣмъ, его, какъ добраго, избалованнаго ребенка, надобно беречь. (Тутъ въ письмѣ еще слѣдуетъ нѣсколько строкъ, гдѣ онъ посылаетъ поклоны нѣсколькимъ близкимъ знакомымъ, упоминаетъ о своихъ векселяхъ разнымъ лицамъ, о платежахъ, и въ заключеніе говоритъ):

«Боже мой! на какую каторгу не согласился бы я, если бы только избавиться отъ этихъ мелкихъ змѣй, заботъ о хлѣбѣ и старикахъ, [1]) что̀ столько лѣтъ отравляетъ жизнь, да и когда не отравляло? Надежда, надежда! Будущее будетъ лучше. Нашъ отецъ, правда, думалъ такъ, умирая въ бѣдности и горѣ... Когда я прощался съ вами—ты знаешь: горе дѣлаетъ суевѣрнымъ—я сталъ цѣловать Минну [2]). Передъ тѣмъ она никакъ не хотѣла отвѣчать на вопросъ мой: какъ ее зовутъ, но тутъ подумалъ я: «Ея слова будутъ заключать будущую судьбу мою»!.. спрашиваю—она протягиваетъ рученки, ангельски улыбнулась и ясно отвѣчала: «Минна, Минна», Мнѣ казалось, что самъ Богъ сказалъ мнѣ за будущее ея словами! Зато, что она утѣшила меня, я полюбилъ ее больше; мнѣ даже совѣстно было передъ Бетси, что я простился съ нею гораздо равнодушнѣе, а милашка между тѣмъ плакала, какъ будто жалѣла о своемъ бѣдномъ дядѣ. Сынъ твой былъ превосходенъ... Перецѣлуй всѣхъ ихъ, поцѣлуй ручки жены и Maman, поговори съ Иваномъ Ивановичемъ о его умѣньѣ знать сердца людскія, и—на первый разъ до свиданія, милый братъ и другъ! Твой Николай».

Предположеніе брата и вызовъ писать другъ другу по субботамъ, черезъ двѣ недѣли непремѣнно — никогда не осуществилось. Это былъ только порывъ его пылкаго сердца, едва ли исполнимый и для двухъ самыхъ аккуратныхъ, самыхъ счастливыхъ нѣмцевъ, которые находятъ пріятное занятіе въ перепискѣ. Для двухъ русскихъ, вовсе не счастливыхъ, озабоченныхъ самыми разнообразными дѣлами и тревогами жизни, это нисколько не исполнимо. Послѣ приведеннаго здѣсь письма, опять цѣлый мѣсяцъ я получалъ отъ Николая Алексѣевича только коротенькія увѣдомленія о разныхъ непріятныхъ случаяхъ. Въ одномъ письмѣ онъ просилъ меня добиться свиданія съ А. Н. Мордвиновымъ, правителемъ канцеляріи графа Бенкендорфа, а если можно, то и съ самимъ графомъ, чтобы узнать, помогутъ ли они ему освободиться

---

[1]) Стариками называлъ онъ, по особенному случаю—ростовщиковъ, съ которыми, по несчастію, имѣлъ дѣла.

[2]) Маленькую дочь мою, которая сама называла себя Минною, и мы, смѣясь, такъ называли ее. Она умерла въ младенчествѣ.

отъ притязаній Уварова, который не позволялъ даже выставлять имени Н. А. Полеваго подъ журнальными статьями, а объ объявленіи его редакторомъ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» не хотѣлъ и слышать. Изъ письма Ник. А. ко мнѣ видно, что онъ писалъ объ этомъ къ графу Бенкендорфу и къ А. Н. Мордвинову, и, не получая отвѣта, не зналъ, что ему дѣлать. Мнѣ легко было повидаться съ г. Мордвиновымъ, потому что онъ жилъ въ домѣ искренняго нашего пріятеля, который и представилъ ему меня, какъ своего стараго знакомаго. Когда я заговорилъ о просьбѣ моего брата, г. Мордвиновъ нахмурился и рѣзко сказалъ мнѣ, что Николай Алексѣевичъ проситъ самъ не знаетъ о чемъ; что графъ Бенкендорфъ не можетъ вмѣшиваться въ распоряженія министра просвѣщенія. Я упомянулъ, что графъ, по благосклонности своей, могъ бы испросить соизволеніе государя императора на дозволеніе брату моему быть редакторомъ уже дозволенныхъ журналовъ. На это г. Мордвиновъ отвѣчалъ мнѣ сардоническимъ смѣхомъ, и прибавилъ, что графъ не приметъ на себя такого ходатайства. Послѣ нѣскольких другихъ подобныхъ отзывовъ его, я увидѣлъ, что напрасный трудъ былъ бы мнѣ безпокоить своею просьбою графа Бенкендорфа, когда мнѣ такъ рѣшительно отсовѣтывалъ это г. Мордвиновъ. Онъ сказалъ мнѣ, наконецъ, что Николай Алексѣевичъ вскорѣ получитъ отвѣтъ графа на свою просьбу. Дѣйствительно, отвѣтъ не замедлилъ прилетѣть въ Петербургъ, но былъ только повтореніемъ того, что сказалъ мнѣ г. правитель канцеляріи графа Бенкендорфа. Брату моему объявляли, что онъ долженъ соображаться съ распоряженіями министра просвѣщенія.

Я начиналъ очень безпокоиться о положеніи моего брата, не получая отъ него извѣстій нѣсколько недѣль сряду. Наконецъ, онъ прислалъ мнѣ новый, подробный отчетъ о себѣ за эти недѣли, когда, можно сказать, совершался кризисъ въ его петербургской жизни. Переписываю здѣсь и это письмо, только съ мелочными исключеніями немногихъ домашнихъ подробностей, которыя были бы непонятны читателю безъ длинныхъ поясненій; да онѣ и не представляютъ ничего важнаго или существеннаго. Въ этомъ письмѣ опять можно видѣть задушевныя его мысли и ощущенія, а они всего лучше знакомятъ съ человѣкомъ. Въ разсказѣ я не могъ бы ни припомнить, ни передать всего, что заключаетъ въ себѣ это замѣчательное письмо.

«С.-Петербургъ, 1-го января 1838 года. (20-го декабря 1837 года).

«Опять мѣсяцъ безмолвствовалъ я, и пропустилъ всѣ назначенные между нами сроки, мой добрый братъ и другъ Ксенофонтъ,— безмолвствовалъ, получивши даже и твое милое письмо отъ 6-го (11-го) декабря. Мнѣ стыдно было бы извиняться передъ тобою,— это значило бы унижать тебя и себя, и дружбу нашу, переходя-

щую пошлые предѣлы приличій. Но я могу показаться неизвиннымъ передъ сердцемъ твоимъ, при мысли, что я могу существовать и жить раздѣльно отъ тебя, не дѣлясь съ тобою душою и сердцемъ—этого ты не подумаешь, я увѣренъ, а если бы подумалъ—мнѣ это было бы горько! Ты умнѣе меня [1]), но сердце твое я знаю лучше тебя самого—спроси въ такомъ случаѣ у него, а не у холоднаго ума—обвинителя, часто клевещущаго на жизнь и душу человѣка. Надобно было давно писать къ тебѣ, отполнить немного отъ моего сердца—ему тогда становится легче, но... изъ слѣдующихъ за симъ описаній ты увидишь, что я не могъ передать тебѣ ничего, кромѣ грусти моей, и если бы, высказавши тебѣ, я и почувствовалъ себя легче—зачѣмъ раздѣлять съ тобой темныя стороны жизни? У тебя и своихъ довольно... Не знаю съ чего, но мнѣ кажется, что съ «сегодня» новый годъ (съ которымъ усердно тебя поздравляю), и въ моей судьбѣ сдѣлался какой-то переломъ къ лучшему. Ничего и нисколько особеннаго—но мнѣ такъ сдается чтò-то. Первый еще день проснулся я съ какой-то безотчетной отрадой въ душѣ, и первая мысль была: «Писать къ Ксенофонту!»—Рѣшено, и вотъ тебѣ посланіе, которое, думаю, будетъ длинновато. Есть у сердецъ свое тайное сочувствіе. Декабря 6-го я принялся писать къ тебѣ, не могъ не писать, и—изорвалъ цѣлый исписанный мною листъ... на него капнуло нѣсколько слезъ!.. Зачѣмъ было посылать ихъ въ Москву къ тебѣ? Пусть онѣ высохнутъ здѣсь!...

«Неужели же, братъ», скажешь ты—«тебѣ не было радостнаго дня, во все это время, пока ты не писалъ ко мнѣ»?—Да, клянусь Богомъ—да, ни одного дня, который отмѣтить бы въ календарѣ!—«Зачѣмъ же скакалъ ты въ Петербургъ? чего искалъ ты? Не раскаяваешься ли, что уѣхалъ туда?»—Нѣтъ не раскаяваюсь! Переселеніе въ Петербургъ было слѣдствіемъ продолжительнаго обдумыванія и рѣшительности на все! Я зналъ, что мнѣ будетъ тяжело, тяжело, но, смотри самъ, что было первоначальною причиною мысли о побѣгѣ изъ Москвы — ты знаешь и согласишься, что меня ни чтò не могло спасти отъ моего несчастія, отъ этого проклятія, наложеннаго судьбою на жизнь мою, отъ огня сжигавшаго меня медленно и страшно — ни чтò, кромѣ побѣга? Бѣжать, задушить себя работою, трудомъ, уединеніемъ... Разумѣется, что отъ этого лѣкарства умереть можно (да, кажется, этимъ дѣло и кончится, и—слава Богу!), но, по крайней мѣрѣ, я умру въ бою съ жизнью, не теряя достоинства человѣка, стараясь еще быть, сколько могу, полезнымъ моему семейству, моему отечеству, людямъ, можетъ быть... Воздухъ Москвы былъ тлетворенъ

[1]) Онъ употребляетъ здѣсь не то слово, которымъ хотѣлъ выразить свою мысль.

для меня, губилъ меня, жегъ меня... Итакъ... бѣжать[1])! Съ этимъ соединялась другая мысль: здѣсь могъ я употребить послѣднія средства спасти себя отъ стариковъ,—другого убійства жизни моей, а тамъ, въ Москвѣ, я не видѣлъ къ этому средствъ. Работать и видѣть какъ безплодно гибнетъ трудъ и время, мѣнять векселя на векселя... Трудъ мой, который я принимаю на себя здѣсь, едва выносимъ, но я вижу, по крайней мѣрѣ, цѣль его, вижу, что поработавши два-три года, я буду чистъ съ стариками и дѣтямъ оставлю кусокъ насущнаго хлѣба.. Ну, мой суровый Ксенофонтъ,—суди и говори:—Надобно ли мнѣ было ѣхать въ Петербугъ.—Да? не правда ли?—Ты видишь, что я разбираю себя, какъ анатомистъ разбираетъ трупъ человѣческій; а я точно трупъ—жить пересталъ я давно; отрицательное бытіе мое, польза и счастіе дѣтей—это уже не принадлежитъ къ моей жизни. Вѣдь жизнь-то значитъ счастье и наслажденье, а я откупорилъ стклянку съ этимъ небеснымъ газомъ—онъ вылетѣлъ, и теперь, какъ ни запирай эту драгоцѣнную стклянoчку—она пуста! Остается улыбнуться, и ждать, когда судьбѣ будетъ угодно разбить ее... Все это ты понималъ и знаешь, хоть я не имѣлъ силъ говорить съ тобою объ этомъ такъ обстоятельно; но написать, теперь, собралъ силы... хорошо. Итакъ, если переѣздъ въ Петербургъ былъ рѣшеніемъ въ жизни, необходимостью, отчего же грустить и хныкать? Я не грущу и не хныкаю передъ другими. Мое семейство видитъ меня всегда веселымъ—люди задумчивымъ иногда; но никому я не жалуюсь, работаю какъ только могу и умѣю; а иное дѣло съ тобою говорить — ты одинъ, которому могу, долженъ, сказать все, что сказалъ я тебѣ здѣсь. И тебѣ, разъ сказавши, я уже не повторю этого болѣе никогда. Отъ тебя не скрою и того, что до сегодня—жизнь моя въ Петербургѣ была безпрерывнымъ страданіемъ, и гораздо тяжеле московской жизни... Причины?.. Прежде всего—разлука съ тобой, мысль, что эта разлука уже навсегда, что даже могилы наши станутъ розно, и въ мой послѣдній часъ я не протяну къ тебѣ руки, не обращу на тебя взора, когда ты у меня одинъ въ мірѣ... Тяжело!!.. А потомъ, рѣшимость на разлуку, такую же съ тѣмъ, кто принудилъ меня бѣжать, и разлука съ нимъ... Если люди умираютъ два раза, то я уже испыталъ одинъ разъ томленія смерти... Отъ этихъ двухъ ранъ язвы останутся навсегда неисцѣльны; но до сихъ поръ изъ нихъ точилась горячая, свѣжая кровь. Далѣе, не ожидалъ я, признаться, чтобы переѣздъ мой сопровождался такими случайными непріятностями. Какъ нарочно, тутъ все скопилось: болѣзнь и смерть бѣдной нѣмочки.

---

[1]) Это мѣсто его письма, темное для читателя, не можетъ быть пояснено мною. Скажу только, что онъ говоритъ о тайнѣ сердца, унесенной имъ въ могилу.

болѣзнь старухи, разстройство и горе въ семействѣ. Вообрази, что мы еще отпѣвали мертвеца: Матрена, эта толстая, добрая женщина, правая рука по хозяйству въ семействѣ нашемъ, къ которой всѣ мы такъ привыкли—умерла надняхъ... Неправда ли, что, какъ нарочно, одно за другимъ?—Но, послѣ моего письма къ тебѣ, главнѣйшую непріятность составили мнѣ мои политическія, такъ сказать, обстоятельства—этотъ холодный, суровый отвѣтъ отъ графа Алекс. Христ. [1])—Признаюсь, что сначала это меня какъ громомъ поразило! Къ чему же было ласкать меня, лелѣять посулами? и неужели не увѣрились еще во мнѣ, не видѣли моей искренности, не поняли меня, и хотятъ терзать даже послѣ такого письма, какое посылалъ я къ графу въ Москву? Ѣхать въ Москву самому, просить, объясняться—это было невозможно, невозможно всячески—даже потому, что безплодная издержка 500 рублей, при теперешней моей нуждѣ, была бы мнѣ чувствительна. И между тѣмъ затягивать Смирдина и обширное его предпріятіе, когда все оно основывалось на мнѣ и на моемъ имени, и мысль, что отказъ можетъ дѣйствовать на отношенія ко мнѣ Греча и Булгарина, можетъ положить въ ихъ глазахъ темную на меня тѣнь, и дѣйствительно вредить имъ... Я боялся эгоизма Греча, поляцизма Булгарина, трусости Смирдина... И обо всемъ этомъ столько говорили; а главное: съ разрушеніемъ этого разрушалась вся моя надежда въ будущемъ, мечта о спасеніи отъ стариковъ, мечта о томъ, что можно еще сдѣлать много хорошаго, и я становился оплеванъ передъ всѣми, выѣхавъ на берега Невы, опять писать на заказъ романы и переводить Дюмонъ-Дюрвилей, биться изъ куска хлѣба... Согласись, что мое положеніе было, если не ужасно, то непріятно и прискорбно въ высшей степени! Надобно было рѣшиться—я отправился къ Гречу, Булгарину, Смирдину; сказалъ имъ все—вѣроятно, говорилъ какъ Цицеронъ [2]), говорилъ сильно, и искренно. Нѣтъ! всѣ могутъ быть людьми: Булгаринъ расплакался, Гречъ обнялъ меня, Смирдинъ сказалъ, что меня съ нимъ ничто не разлучитъ. Всѣ мы подали другъ другу руки, и, благословясь, подписали наши условія. Но уже тѣмъ болѣе мнѣ надобно было послѣ этого налечь на работу, ибо умолчаніе имени моего значило 20% долой, а бѣдный мой Смирдинъ шутитъ въ плохую шутку, рискуя на предпріятіе въ сотни тысячъ: бюджетъ «Пчелы» составляетъ 150,000, а «Сына Отечества» 50,000 рублей, когда теперь «Пчелы»

---

[1]) Отвѣтъ былъ почти повтореніемъ того, что сказалъ мнѣ лично А. Н. Мордвиновъ, и, вѣроятно, былъ писанъ имъ же. Графъ Бенкендорфъ объявлялъ моему брату довольно рѣзко, что дѣло его относится къ министру просвѣщенія, и даже не упоминалъ, что правительство смотритъ на Н. А. Полеваго, какъ на человѣка безукоризненнаго.

[2]) Выраженіе одного нашего знакомаго Попова, которое Николай Алексѣевичъ иногда употреблялъ, смѣясь.

расходуется только 2,500 экземпляровъ, а «Сына Отечества» — смѣшно сказать — 279 экземпляровъ! Но to be or not to be. — По крайней мѣрѣ, теперь мое положеніе обозначилось и опредѣлилось. Я понялъ такъ, что мнѣ надобно какъ можно не выказываться, не лѣзть въ глаза, стараться, чтобы увидѣли и удостовѣрились въ моей правотѣ, чистотѣ моихъ намѣреній. Жить, дышать и работать мнѣ не мѣшаютъ — чегожъ болѣе? Надежда на Бога, на чистую совѣсть и на трудъ. — И вотъ теперь, во-первыхъ я засѣлъ въ мою конуру; самъ никуда не бросаюсь; радъ, кто придетъ, но никого къ себѣ гостить не зову, никого у себя не собираю; являюсь въ литературныя общества тихо, скромно, вѣжливо. Во-вторыхъ — работаю. Сплю я теперь не болѣе пяти часовъ въ сутки. Что есть что̀ подѣлать — ты самъ понимаешь. Что̀ только надобно прочитать, что̀ обдумать и что̀ написать — голова идетъ кругомъ, когда вообразишь... Чтобы докончить тебѣ описаніе вещественнаго моего положенія, скажу такъ: житье у меня хорошо, домъ прекрасный, кабинетъ прелестный, по моему вкусу; семейныя грусти утишаются — жена моя теперь спокойнѣе; есть еще нужда въ деньгахъ, ибо ты самъ видѣлъ, что прежде всего надобно было бросить въ пасть старикамъ — 15,000 рублей; а переѣздъ, обзаведеніе, etc., etc. пожираютъ до сихъ поръ кучу денегъ — но все-таки у меня житье какъ было въ Москвѣ... Это все улаживается. Дѣти переносятъ переселеніе, слава Богу, хорошо. Ужасная погода во все это время не оказала и надо мною большого дѣйствія. — Надежды на вещественное улучшеніе моего быта, кажется, несомнительны — подписка здѣсь идетъ хорошо; публика ждетъ и говоритъ, хоть моего имени нѣтъ... Увидимъ, увидимъ что̀ будетъ, а между тѣмъ ты, конечно, пожелаешь знать, что̀ же мы и какъ готовимъ? Извольте, любезнѣйшій судія, слушайте и судите:

«Уваровъ и еще кое-кто (къ чести человѣчества немногіе!) торжествовали, когда полученъ былъ отказъ изъ Москвы. Если вѣрить Булгарину (порядочному лжецу), Уваровъ сказалъ ему: «Вы не знаете Полеваго: если онъ напишетъ Отче нашъ, то и это будетъ возмутительно»! Почему и отчего даетъ онъ мнѣ une célébrité si cruelle — особый вопросъ; но, кромѣ строжайшаго приказа смотрѣть за каждой моей строчкой, онъ самъ читалъ, маралъ, держалъ нашу программу, такъ, что мы умоляли его только отпустить душу на покаяніе, и вотъ почему программа вышла нелѣпа. Но вѣдь говорить дѣло, Уваровъ запретить не можетъ, когда мои намѣренія чисты? Дать всему жизнь неужели нельзя? Матеріаловъ бездна. Мы выписываемъ около 40 журналовъ и газетъ. И вотъ «Пчела» будетъ почти въ половину болѣе форматомъ, на хорошей бумагѣ. Треть листа отдѣляется на фельетонъ; сверху три первыя колонны — внутреннія извѣстія, три потомъ — политика; одинъ столбецъ далѣе — русская библіографія, одинъ — иностранная библіо-

графія, и четыре на статьи. Фельетонъ внизу—театръ и потомъ всякая всячина, а треть трехъ столбцевъ сзади — объявленія, какъ въ «Journal des Débats». Форма европейская — поколику то можно. О содержаніи чтò говорить? Чтò Богъ дастъ— для газеты нѣтъ запаса. Чтò только позволятъ, то все будетъ передано, и надобно только, чтобы все кипѣло новостью. Надзоръ мой полный—ни одна статья не пройдетъ безъ меня, кромѣ вранья Булгарина; но постараюсь, чтобы ему чаще садился на языкъ типунъ. Вотъ человѣкъ! Гречъ и я умоляемъ: «Пиши меньше», но онъ хорохорится и безжалостно пишетъ.—Библіографія будетъ моя, скромная, но дѣльная. Статьямъ надо придать колоритъ Шалевскій и Жаненовскій.—«Сынъ Отечества» будетъ въ форматѣ Библіотеки и толще ея. Тутъ всего важнѣе критика. Хочу принять благородный, скромный тонъ, говорить только о дѣлѣ. Въ наукахъ и искусствахъ больше историческаго и практическаго. Русской словесности—чтò Богъ дастъ—стану покупать, хоть и не знаю у кого?—Иностранной словесности богатство, и я тонỳ въ немъ. Первая книжка «Сынъ Отечества» явится 1-го января, почти въ 30 листовъ. Послѣ стиховъ, я бухнулъ въ нее мое начало Исторіи Петра Великаго; затѣмъ статьи Греча, Булгарина, Одоевскаго, двѣ повѣсти—Ж. Зандъ и Жакоба (библіофила)—премилыя. Статьи сухія: о Мининѣ, журналъ Сапѣги, посольство Баторія; статья Ротчева—очень дѣльная, о Ситхѣ; критика Сентъ-Бёва (Делиль и его сочиненія)—прелесть! Критика моя будетъ на книгу Менцеля; обзоръ литературы за 1837 годъ—тутъ я объявляю свою отдѣльность отъ Брамбеуса и независимость мнѣній моихъ, говорю истины всѣмъ! Въ заключеніе—политика или современная исторія—довольно плохо, однакожъ любопытно.—Ну, что скажешь? Разсуди самъ: когда успѣлъ я все это сдѣлать, и главное—кѣмъ? Вѣдь взяться не за кого—строки дать перевести не кому? Чтò ни дашь сдѣлать, все долженъ переработать самъ. Корректуру держитъ послѣднюю—Гречъ, и онъ истинно великій мастеръ, и даже ты передъ нимъ ничто. [1]) Говорить съ нимъ о грамматикѣ — для меня наслажденіе! — Теперь тутъ же шлепнутся о смирдинскій прилавокъ въ одинъ день и «Сынъ Отечества» и «Библіотека для Чтенія».—Неужели не увидятъ разницы въ языкѣ, тонѣ, системѣ, критикѣ? Тамъ безстыдство и кабакъ—здѣсь человѣческій языкъ и умъ, скромный, но вѣрный всему доброму и прекрасному. Жду рѣшенія, боюсь и надѣюсь. Ради Бога, я поспѣшу тебѣ послать 1-ю книжку, а ты мнѣ немедленно, и какъ можно скорѣе, напиши потомъ безпристрастно свое мнѣніе. Говори какъ посторонній, и говори правду, какъ она жестка ни будетъ;

[1]) Шутливый намекъ на всегдашніе мои споры съ нимъ объ исправности языка и корректуры въ «Московскомъ Телеграфѣ».

даже скажи о самомъ наружномъ видѣ, въ которомъ стараюсь я быть опрятнымъ. О «Пчелѣ» тоже говори истину. Твоего приговора буду ждать какъ голодный куска хлѣба.

«Теперь надобно бы потолковать о томъ, что можешь ты дѣлать для меня, какъ братъ и другъ, и какъ человѣкъ, которому надобно дать рѣчь въ Божьемъ мірѣ (а кстати можно и заработать: вѣдь ты работаешь же?). Объ этомъ я много думалъ, и все еще не рѣшилъ, а главное—рука моя устала писать, и такъ многое еще надобно бы говорить тебѣ, что на сей разъ я не соберу мыслей. До января надѣюсь еще писать тебѣ, и о дѣлахъ будетъ надобно поговорить—объ этой мерзости!—И описать тебѣ характеристику людей, съ которыми живу и которыхъ вижу. Это все отдѣльно. Но вотъ еще теперь необходимое.—1-е, къ Мочалову я писалъ и послалъ на твое имя рукопись Уголино. Изъ цензуры онъ на-дняхъ выйдетъ. Ольдекопъ не находитъ затрудненія, и только увѣряетъ, что это переводъ, и что онъ даже читалъ его понѣмецки! [1]) Слѣдственно, нѣтъ никакого сомнѣнія Мочалову списывать роли, ставить и учить Уголино. Здѣсь все это дѣятельно дѣлаютъ, ибо Каратыгинъ ухватился за Уголино руками и ногами, и въ концѣ января дастъ его въ свой бенефисъ. Если Мочаловъ рѣшится (процензурованный списокъ перешлется къ нему немедленно), то, сдѣлай милость, прими на себя трудъ собрать къ себѣ Мочалова, Щепкина, Орлова, и прочитай съ ними вполнѣ Уголино. Это необходимо, чтобы имъ растолковать содержаніе пьесы; а по моему списку ты вѣдь можешь читать свободно. Если мой почеркъ затруднитъ въ списываніи ролей, то отдай переписать его «мошенникамъ» [2]), и самъ послѣ того пересмотри списокъ. Отъ всего этого Уголино можетъ тебѣ надоѣсть, но будь снисходителенъ и добръ. Увѣрь Мочалова (что и сущая правда), что я не могъ скорѣе сдѣлать, и что если я не писалъ къ нему, то не переставалъ и не перестаю его любить, и на Каратыгина его не промѣняю (хотя, между нами, Каратыгинъ мнѣ весьма нравится—художникъ съ дарованіемъ и умный, образованный плутъ). Мочалову грѣшно винить меня, если онъ знаетъ все, что встрѣтило меня въ Петербургѣ. 2-е, скажи А. Н. Верстовскому, что каждый часъ отдыха моего посвящаю я теперь оперѣ, и что къ нему буду скоро писать подробно и обо многомъ любопытномъ. 3-е, важное обстоятельство—поговори съ Бѣлинскимъ, къ которому, если успѣю, напишу теперь письмо. Я получилъ его письма, но ей Богу, ничего не могу теперь сдѣлать! Пер-

[1]) Евстафій Ивановичъ Ольдекопъ, переводчикъ многихъ русскихъ сочиненій на нѣмецкій языкъ, издатель нѣмецкихъ журналовъ и книгъ въ Петербургѣ, былъ человѣкъ двусмысленный, какъ гражданинъ, но великій оригиналъ.

[2]) Были въ Москвѣ какіе-то два брата, отличные переписчики, которы переписывали намъ многое. Ихъ-то называлъ братъ мой «мошенниками»—и небезъ основанія.

вое, мое положеніе теперь и самого меня еще самое сомнительное. Надобно дать время всему укласться, и затягивать человѣка сюда, когда онъ при томъ такой неуклидчивый (и довольно дорого себя цѣнитъ), было бы неосторожно всячески, и даже по политическимъ отношеніямъ. Второе—чтò онъ можетъ дѣлать, и уживемся ли мы съ нимъ, при большой разницѣ во многихъ мнѣніяхъ, и когда нàчисто ему поручить работы нельзя, при его плохомъ знаніи языка и языковъ и недостаткѣ знаній и образованности? Все это нельзя ли искусно объяснить, увѣривъ при томъ (чтò клянусь Богомъ, правда), что какъ человѣка я люблю его и радъ дѣлать для него чтò только мнѣ возможно. Но, при объясненіяхъ, щади чувствительность и самолюбіе Бѣлинскаго. Онъ достоинъ любви и уваженія, и бѣда его одна—нелѣпость. Объ исполненіи всѣхъ этихъ порученій не замедли меня увѣдомить, ибо все это меня безпокоитъ.—Наконецъ, еще порученіе: вѣроятно, ты пойдешь къ Стефану Алексѣевичу [1]), 27 декабря, хоть ради моего напоминанія—отнеси ему мое письмо, а не то отошли его въ этотъ именно день, поутру. Я поздравляю его съ днемъ ангела, который проводили мы столько лѣтъ вмѣстѣ. Пожалуйста, поди самъ; ты его обрадуешь, Богъ знаетъ какъ, да вѣдь и собраніе бываетъ драгоцѣнное.—Съ душевнымъ чувствомъ читалъ я, какъ ты прòводилъ день моихъ именинъ, этотъ печальный день, который всегда и столько лѣтъ бывали мы вмѣстѣ съ тобой... Нѣтъ! я провелъ его здѣсь грустно; всѣмъ отказывалъ, кто приходилъ; обѣдалъ у насъ только дядя Карлъ Ивановичъ; но, сидя подлѣ него, я читалъ тихонько: «я пью одинъ»... и грустно переносился, то къ тебѣ, то къ могилѣ матери и сына, почіющихъ вмѣстѣ, далеко отъ меня [2])... У Греча, съ смертью сына, пиры на именинахъ его прекратились, и онъ провелъ день именинъ своихъ, въ первый разъ въ жизни, одинъ, запершись, и со слезами, наканунѣ, просивши не посѣщать его и не поздравлять. Потеря сына чуть было не убила его совсѣмъ и оставила въ немъ неизгладимое грустное впечатлѣніе.—Говорить ли тебѣ о несчастномъ событіи пожара [3])? Зрѣлище было ужасное, и когда на другой день пришелъ я туда, и вся эта громада предстала мнѣ, объятая пламенемъ—я невольно содрогнулся и просле-

---

[1]) Маслову.

[2]) Смерть нашей кроткой, незабвенной матери была истинно-трагическимъ событіемъ въ семействѣ. Она скончалась внезапно, мгновенно, отъ аневризма въ сердцѣ, 6-го декабря 1827 года, вечеромъ, когда у Николая Алексѣевича собралось много гостей и начались веселые танцы. Весь день она казалась здоровою, была весела, и сама одѣвала дочь и внучекъ въ бальныя платья... Въ полночь мы всѣ окружали уже охладѣвшій ея трупъ. Это произвело впечатлѣніе на всю жизнь, и братъ мой всегда грустно проводилъ день своихъ именинъ. Онъ упоминаетъ также о своемъ маленькомъ сынѣ Николаѣ, который умеръ въ Москвѣ.

[3]) Зимняго дворца въ Петербургѣ.

зился! Весь главный корпусъ выгорѣлъ! Впрочемъ, почти все движимое успѣли спасти—драгоцѣнности, бумаги—но убытокъ и затѣмъ милліонами считать надобно. Никакія усилія человѣческія не могли затушить пожара.

«Но, довольно—давай руку и прощай. Не сердишься за то, что я молчалъ? Тотъ ли же я въ этой кучѣ словъ, которую посылаю тебѣ, каковъ былъ?... Въ заключеніе, становлюсь на колѣни передъ твоею женою и цѣлую ея ручки, цѣлую Бетси, Колю и мою незабвенную, милую Минну—Минну! Благословляю васъ на здоровье и веселье. Твой всегда и вездѣ Николай».

Послѣ этого письма прошло опять довольно много времени, когда братъ увѣдомлялъ меня только, что онъ живъ, и просилъ объ исполненіи разныхъ своихъ порученій. Смѣшно подумать, что онъ, обремененный тяжкими трудами и заботами, въ нѣсколькихъ маленькихъ своихъ письмахъ писалъ мнѣ объ Уголино! Назначивъ эту пьесу на бенефисъ Мочалова, онъ долго не могъ добиться подписаннаго цензоромъ экземпляра, а между тѣмъ день бенефиса приближался, и братъ мой, боясь сдѣлать непріятность Мочалову, не зналъ что̀ дѣлать. И это между множествомъ опасностей, бѣдъ и невыносимыхъ работъ! Вотъ, между прочимъ, что писалъ онъ мнѣ отъ 1-го января 1838 года:

«Вчера, въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ встрѣчи Новаго года вмѣстѣ съ тобою, любезный, добрый братъ и другъ Ксенофонтъ, я встрѣтилъ его одинъ, думалъ только о тебѣ, далъ себѣ слово, что первое письменное слово мое въ Новомъ годѣ будетъ къ тебѣ, и суевѣрно исполняю это. Мой привѣтъ тебѣ любви и счастья, здоровья и всего хорошаго! Да отыдетъ отъ твоего порога всякое зло; да не посѣтитъ сердце твое духъ сомнѣнія въ моей къ тебѣ дружбѣ. Благословляю тебя и твоихъ, и молю Бога о вашемъ счастьѣ!... (Пропускаю нѣсколько строкъ, относящихся къ моему семейству). Другъ и братъ! лучше быть не обѣщаю, но что тотъ же буду и въ этомъ году—вотъ тебѣ рука моя! Я встрѣтилъ Новый годъ тихо, уныло, но не знаю какое-то отрадное чувство теплоты сливалось съ моею грустью, и я почелъ это добрымъ знакомъ. Въ послѣднія двои сутки у меня было столько работы, что спалъ я въ эти двое сутокъ, конечно, не болѣе шести часовъ всего навсего. Вчера, съ девяти часовъ утра до девяти вечера, безвыходно сидѣлъ я въ типографіи Смирдина, тамъ и обѣдалъ, и только два раза отправлялся къ цензорамъ, два раза къ Гречу. «Сынъ Отечества» вышелъ и «Пчела» вылетѣла (о нихъ послѣ); но усиліе работы привело меня въ какое-то одурѣніе. Я заѣхалъ въ англійскій магазинъ взять винца, къ Беранже взять пирогъ, и дома принужденъ былъ лечь. Тутъ меня утѣшила мысль, что я трудился для милыхъ мнѣ, для общаго спокойствія, можетъ быть, для пользы ближнихъ, и я отдохнулъ среди моихъ дѣтей. Въ 11 часовъ сѣли

за столъ, я съ женой и семействомъ, и встрѣтили Новый годъ почти безмолвно — каждый думалъ о своемъ, о томъ, какъ провелъ эти минуты за годъ. Изъ числа тогдашнихъ не было уже нѣмочки — а вы далеко... Сегодня нарочно проспалъ я почти до девяти часовъ, не велѣлъ никого пускать, и думаю, что проведу въ far niente и отдыхѣ цѣлый день. Впрочемъ, чувствую себя совершенно здоровымъ... О дѣлахъ ничего не пишу — послѣ, послѣ, и потому, что писать надобно о многомъ, и эстетическомъ, и политическомъ, и стариковскомъ, и душевномъ. Твои письма получилъ,— благодарю за все, за все... Сегодня обѣщали возвратить Уголино съ цензурной подписью. Онъ не сгорѣлъ, но его обрѣзываютъ, требуя разныхъ уступокъ и перемѣнъ, но, кажется, не важныхъ. Какъ не сказать, что письмо твое о немъ порадовало меня, именно потому, что оно было отъ тебя письмо!... Что-то скажешь ты о «Сынѣ Отечества», о «Пчелѣ», которые сегодня къ тебѣ отправляются... Помни мое положеніе, обстоятельства, отношенія—не рѣшай абсолютно. Надняхъ былъ у меня Галаховъ, и, право, я обрадовался ему, какъ родному! Къ тебѣ явится съ письмомъ моимъ офицеръ, съ большими бакенбартами и холодною наружностью — это Губеръ, переводчикъ «Фауста», и единственный человѣкъ, котораго по сю пору отыскалъ я въ Петербургѣ—поэтъ въ душѣ, благороденъ, уменъ, ученъ, нѣмецъ головою, русскій душою—полюби и обласкай его... Но, довольно — изъ маленькой записочки письмо мое сдѣлается тетрадкою — сколько бы говорить теперь съ тобою! Всего написать невозможно»...

Черезъ двѣ недѣли, посреди неотступныхъ порученій о своихъ долгахъ и платежахъ, онъ опять, въ самомъ короткомъ письмѣ, говорилъ объ Уголино.

...«Второе, что̀ должно бы меня веселить—это проклятый Уголино, которому, право, я ужъ не радъ, если только подумаю, что Загоскинъ не согласится позволить дать его въ бенефисъ Мочалова, не имѣя цензурованнаго списка, скрѣпленнаго Ольдекопомъ. Зная отчаянную голову Мочалова, я, право, не радъ ни чему! Ты повѣришь: 1-е, что я не имѣлъ возможности до сихъ поръ послать желанный списокъ; 2-е, что я не лгу, говоря, что Уголино пропущенъ и здѣсь играется, и что къ 1-му февраля списокъ его я вышлю. Неужели Загоскинъ не согласится сдѣлать маленькаго послабленія въ строгости канцелярскихъ правилъ по дирекціи? Неужели Верстовскій тутъ не пособитъ? Надѣюсь, что ты отвезъ имъ мои письма и присоединилъ къ моему свое ходатайство. Для убѣжденія, пришло мнѣ въ голову послать при семъ афишку, которая означаетъ полное разрѣшеніе на представленіе Уголино. Ради Бога увѣдомь меня обо всемъ этомъ глупомъ дѣлѣ, которое мнѣ чрезвычайно непріятно!... По моему, только капризъ, несогласный съ до-

бротою Загоскина, не позволить ему дать разрѣшенія, ибо бояться ему совершенно нечего».

Эти строки, гдѣ выражалъ онъ свое безпокойство, были въ письмѣ отъ 14 января; черезъ недѣлю, 21 января, вотъ что писалъ онъ:

«Есть въ нашей бѣдной жизни, въ жизни страдальцевъ, отрада, мой милый другъ и братъ Ксенофонтъ, если мы страданіемъ платимъ за то, что выдвигаемся немного изъ толпы, что̀ отдаемъ здѣшнія блага, удовлетворяющія столькихъ, за что-то, Богъ знаетъ, такое, чего и изъяснить сами не можемъ! Есть такая отрада, и есть часы такой отрады, когда толпа отдаетъ намъ справедливость за наше самопожертвованіе, когда она дѣлается нашею рабою, чувствуетъ свое ничтожество и невольно сознается, что въ ней хранятся еще и всегда будутъ храниться искры божественнаго, которыя выбиваются изъ нея, какъ искры изъ кремня огнивомъ. Въ эти мгновенія забываетъ она всѣ разсчеты, всѣ отношенія, плачетъ, хохочетъ, и награждаетъ художника-страдальца. Такія минуты рѣдки, такія награды драгоцѣнны, и я испыталъ теперь такую минуту, получилъ такую награду. Ты понимаешь, что я хочу говорить тебѣ о представленіи «Уголино». Для чего тебя не было здѣсь? Для чего не было здѣсь..... ты знаешь кого—я плакалъ бы съ вами, раздѣлился съ вами сердцемъ, и хоть на мгновеніе узналъ минуту радости, среди бездны золъ, скорбей, тяжкаго труда! Теперь, именно, еще не полно мое наслажденіе тѣмъ, что мнѣ не съ кѣмъ дѣлить его. Если удовлетворенъ художникъ, то человѣкъ унылъ, и тѣмъ грустнѣе ему. Но—ты и заочно со мною—спѣшу набросать тебѣ нѣсколько несвязныхъ словъ. Читай и воображай, что это я лично говорю съ тобою. Успѣхъ «Уголино» моего былъ здѣсь неслыханный и неожиданный. Только 5-го января могли мы получить рукопись изъ цензуры, и тогда начались репетиціи. Оставалось 12 дней, ибо положено было непремѣнно дать его 17-го. Въ воскресенье былъ я на предпослѣдней пробѣ — шло несвязно, неудовлетворительно и я не струсилъ потому только, что ты знаешь съ какимъ горькимъ равнодушіемъ смотрю я на все, мною созданное, особливо теперь. Какъ нарочно, въ понедѣльникъ былъ я окруженъ непріятностями, досадами,—ну, жизнью—понимаешь!—Вечеромъ покатился нашъ рыдванъ къ театру, и я заползъ въ ложу надъ бель-этажемъ (отъ котораго нарочно отказался, потому что явился въ ложѣ точно такъ, какъ описывалъ Вильгельма въ Аббадоннѣ. Съ нами были дѣти, тетка, другая, Л., дядя, Д. съ мужемъ etc. etc., потому что мнѣ подарили двѣ ложи). Театръ былъ полонъ—добрый знакъ, ибо тогда было 25° мороза, и Таліони плясала въ Большомъ театрѣ, а при такихъ случаяхъ всѣ другіе театры обыкновенно пусты. Я зналъ притомъ, что есть люди, пришедшіе шикать, смѣяться, и много другого. И вотъ начинается, расшевеливается, пошло дѣло—гремятъ! Послѣ 1-го акта Каратыгинъ вызванъ; второй шумнѣе—

вызываютъ въ срединѣ акта; съ третьимъ актомъ плачутъ, а съ окончаніемъ его—громъ и шумъ! Четвертый кончается, и отвсюду клики—автора! Послѣ пятаго новый вызовъ. Каратыгина вызывали разъ восемь. Успѣхъ былъ полный; по городу заговорили, но все еще были толки и споры. Бенефисная публика не публика, въ бель-этажѣ торчали бородки [1]), въ креслахъ студенческая кровь [2]). Назначили поскорѣе играть «Уголино», именно вчера, ибо его требовалъ голосъ публики. За билеты была драка, и я отправился уже въ кресла, и одинъ (съ Петровымъ, который пріѣхалъ живъ и здравъ), въ сюртукѣ, запросто—хотѣлъ быть зрителемъ. Театръ былъ набитъ биткомъ,—въ креслахъ знатоки, въ бельэтажѣ beau-monde, въ 1-мъ ярусѣ почти ни одной бородки. Каратыгинъ былъ утомленъ еще прежнею игрою за два дня; но онъ ожилъ—началось. Никогда—не я говорю это—не былъ онъ такъ хорошъ. Хлопанье было сначала умѣренное; но не могу изобразить, что сдѣлалось потомъ! Каждый стихъ былъ оцѣненъ, узнанъ, принятъ—и это въ холодномъ Петербургѣ, отъ beau-monde! Рукоплесканія сыпались, но это ничего; Каратыгина вызывали послѣ каждаго акта, но и это еще ничего. Третій актъ—всюду слезы: плакали дамы, мужчины, гвардейцы; иные вскакивали съ мѣстъ съ трепетомъ, и въ концѣ третьяго акта какъ страшный волканъ лопнулъ: «Автора»! загремѣло съ ревомъ, съ крикомъ, съ дрожаніемъ стѣнъ. Я принужденъ былъ выйдти при оглушительномъ воплѣ. Въ четвертомъ актѣ, въ пятомъ актѣ—то мертвое молчаніе, то бѣшеный громъ хлопанья, то «браво», то слезы, и всѣ какъ будто забыли, что на сценѣ передъ ними пустая выдумка. Говорили громко, что «Уголино» выше всего, и Богъ знаетъ что; меня обнимали, цѣловали, бѣжали за мной по корридорамъ; Каратыгину били, били; меня еще разъ опять вызвали; молодежь пила за мое здоровье, и «Уголино» опять даютъ, кажется, въ понедѣльникъ. Вотъ тебѣ описаніе этого любопытнаго вечера, а я, въ заключеніе, признаюсь тебѣ, вовсе не понимаю причинъ этого неслыханнаго

---

[1]) Бородки!.. черта времени. Тогда борода была принадлежностью купцовъ и простолюдиновъ.

[2]) Выраженіе Грибоѣдова въ извѣстномъ его экспромтѣ:

И сочиняютъ врутъ, и переводятъ врутъ!
Зачѣмъ же врете вы, о дѣти? Дѣтямъ прутъ!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть, но вы ругаться удальцы!
Студенческая кровь! Казенные бойцы!
Холопы «Вѣстника Европы»!

Въ «Вѣстникѣ Европы» приверженцы Каченовскаго порицали все, что отличалось въ современной словесности вкусомъ и дарованіемъ. Тогдашніе студенты особливо казенно-коштные, иногда грубые и малообразованные, бранились съ особеннымъ пыломъ. Казенные бойцы и студенческая кровь вошли у насъ въ поговорку.

успѣха!.. Вижу, чувствую всѣ недостатки пьесы, и когда и какъ она писана!

«Боже мой! если бы знали!.. Или сцены высокой любви, суеты человѣческой, чувства отца такъ доступны даже и этимъ людямъ, свѣтскимъ, избалованнымъ, прихотливымъ, взыскательнымъ? Не понимаю, ибо говорю тебѣ, что въ театрѣ былъ и такъ увлекся Петербургъ, и высшій Петербургъ! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, эта Вероника, эта любовь, это презрѣніе къ жизни, эта жизнь за гробомъ — куда уже давно перешелъ я душою, могутъ быть доступны всѣмъ? Всего же болѣе удивляетъ меня, что драма, въ наше время, можетъ увлекать какъ дѣйствительная жизнь, и то, что религіозное въ «Уголино» все было принято съ восторгомъ. Скажи, суди, рѣши, и даже скажи еще: продолжать ли мнѣ? Ты знаешь, что это не стоитъ мнѣ никакихъ усилій; но должно ли еще писать, или остановиться, сознавая свое жалкое безсиліе противъ великихъ образцовъ, и не льстясь на успѣхъ, какимъ, право, божусь Богомъ, не знаю за что̀ меня теперь оглушили? Этого рѣшенія твоего на будущее буду ждать нетерпѣливо, и вотъ тебѣ клятва: скажи ты — «нѣтъ»,—и, я брошу мое драматическое перо! Ты — моя совѣсть, а я что̀-то среднее между мертвецомъ и человѣкомъ живымъ. Ахъ, для чего тебя не было вчера здѣсь!..

«Не присовокупляю ни одного слова о дѣлахъ и пр. На этотъ разъ прочь землю,—только на этотъ разъ! Люди могутъ чувствовать все то, что моя Вероника, что Нино имъ высказывали, — порадуемся этому въ эту минуту! Мое письмо должно придти ко дню твоего ангела. Я думалъ, чтобы послать тебѣ въ подарокъ — посылаю вотъ это письмо, съ поздравленіемъ тебя со днемъ именинъ... Я не писалъ къ тебѣ о первомъ представленіи Уголино, потому что все еще, хотя успѣхъ былъ, да оставалось сомнѣніе, и потому еще, что какъ гора лежала у меня на сердцѣ: что если Мочалову не позволятъ? Вчера возвращаюсь домой, и нахожу письмо отъ тебя и Загоскина. Я вспрыгнулъ отъ радости и отдохнулъ. Благодарю тебя, и разумѣется, что теперь обязанность моя послать списокъ поскорѣе, въ чемъ будь увѣренъ. Благодарю тебя вторично за хлопоты, милый Ксенофонтъ, и въ день твоихъ именинъ жду увѣдомленія, что Уголино сдѣлаетъ въ Москвѣ. Напиши, напиши, и вѣрь, что каждую минуту наслажденія только съ тобою дѣлю я вполнѣ.

«Твой Николай.

IV.

В. И. Карлгофъ. — Я помогаю брату въ расчетѣ съ кредиторами. — Благодарность Николая Алексѣевича. — Убытки, какіе изданіе «Дюмонъ Дюрвиля» доставило Николаю Алексѣевичу.— Поэтъ Кольцовъ.—В. А. Каратыгинъ. — Интрига Булгарина и Сенковскаго противъ Николая Алексѣевича. — Отчаянное положеніе дѣлъ его. — Моя поѣздка въ Петербургъ, съ цѣлью помочь брату.— Впечатлѣнія этой поѣздки. — Тяжелое нравственное состояніе Николая Алексѣевича.

Я сердечно порадовался, не самому успѣху Уголино, а тому ободрительному впечатлѣнію, которое могло быть благодѣтельно для моего брата, унылаго, какъ показываютъ его письма, измученнаго, истерзаннаго неудачами, непріятностями, несчастіями. Я такъ же, какъ и онъ, самъ понималъ и видѣлъ недостатки его драмы, которой успѣхъ, хотя и безпримѣрный со временъ Озерова, объясняется тогдашнимъ настроеніемъ умовъ, бывшихъ подъ впечатлѣніями драмъ Виктора Гюго и Александра Дюма, и отчасти новостью, эффектными и нѣкоторыми прекрасными мѣстами самого сочиненія, и любовью большинства публики къ автору. Но каковы бы ни были причины, а успѣхъ, какъ показываетъ и письмо его, доставилъ ему нѣсколько усладительныхъ или хоть обольстительныхъ дней. Это было необходимо для его впечатлительной, легко увлекавшейся натуры. Безпрерывность неудачъ могла утомить, если не подавить его; успѣхъ даже наружный, но блестящій и громкій, придавалъ ему силы на новую борьбу съ жизнью.

Но не долго могъ я радоваться, воображая Николая Алексѣевича бодрымъ и веселымъ. Отъ 4-го февраля получилъ я письмо, гдѣ онъ писалъ мнѣ:

«У меня ужъ такъ давно заведено съ судьбою, мой любезнѣйшій другъ и братъ, что за каждый мигъ удовольствія плачу я горемъ и досадою. Успѣхъ Уголино усладилъ меня, и я уже ждалъ, что за это будетъ расплата. Такъ и сдѣлалось! Я провелъ послѣ того двѣ адскія недѣли! Меня терзали, мучили. Уголино возбудилъ неслыханную злобу. Успѣли было, воспользовавшись первымъ предлогомъ—оклеветать меня гнуснымъ образомъ, а Сенковскій и другіе чуть не перессорили насъ между собою. При тяжкомъ трудѣ, я долженъ былъ промышлять о политическомъ и гражданскомъ спасеніи моемъ. Вообрази, кто сдѣлался, между прочимъ, врагомъ и однимъ изъ жестокихъ гонителей моихъ?.. Карлгофъ, да Карлгофъ... и вмѣстѣ съ другими ругаетъ меня, клевещетъ на меня [1])...

[1]) Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, плохой стихотворецъ, былъ издавна знакомъ съ моимъ братомъ, но особенно сблизился съ нимъ и со мною послѣ 1831 года, когда онъ долго жилъ въ Москвѣ и потомъ часто пріѣзжалъ въ нее.

Но, я уцѣлѣлъ, дѣло улаживается, и авось либо это будетъ послѣднее. Чтожъ? вѣдь я человѣкъ, и жилы мои не желѣзныя — могутъ лопнуть...

«Можешь вообразить, что при всемъ этомъ, у меня не было ни силъ, ни даже времени писать къ тебѣ. Но въ этомъ ты меня простишь, а непростительно, что я какъ будто забылъ о дѣлахъ, этихъ мерзскихъ червяхъ, которые точатъ насъ заживо, какъ настоящіе червяки точатъ насъ въ могилѣ. Мой другъ! я опять къ тебѣ.

«Я получилъ разсчетъ почтеннѣйшаго, и ужаснулся, когда разсмотрѣлъ, что я уже остаюсь тебѣ долженъ 6,090 р. 40 коп. монетою, а еще вексель Газу... (слѣдуютъ подробности, которыя были важны только для того, кто писалъ ихъ, и для меня, на которомъ отзывалось тяжкое положеніе моего брата, друга, котораго не могъ я не спасать отъ бѣды... Послѣ разныхъ распоряженій, онъ и самъ прибавляетъ): Будь моимъ спасителемъ, добрый братъ и другъ. Я не пропаду еще, перенесу всѣ эти испытанія, и залогъ этого вижу въ томъ, что, не смотря на работу, я совершенно здоровъ. Усиліе ли это воли, рука ли Провидѣнія—не понимаю, но какъ мячикъ отскакиваю отъ всего и только дивлюсь, какъ переноситъ мое здоровье!!

«Хлопоты объ экземплярѣ «Уголино» теперь, кажется, кончены. Добрый Ольдекопъ былъ такъ вѣжливъ, что прямо отъ себя отправилъ списокъ съ своею подписью въ московскую дирекцію, еще отъ 27-го января. Слѣдственно, онъ давно уже тамъ полученъ, а къ успокоенію твоему прилагаю при семъ и письмо ко мнѣ Оль-

---

Мы видѣли въ немъ честнаго, добродушнаго человѣка, и пріязненныя отношенія его съ братомъ моимъ поохладились нѣсколько отъ одного обстоятельства, котораго я не могу объяснять, однако, и въ Петербургѣ наружныя формы были прежнія, такъ что они попрежнему говорили другъ другу—ты. Разрывъ, необъяснимый со стороны Карлгофа, послѣдовалъ на юбилеѣ Крылова, гдѣ нашъ пріятель былъ однимъ изъ распорядителей, и находился въ передней комнатѣ, когда братъ мой, приглашенный на юбилей, вошелъ туда. Увидѣвъ его, Карлгофъ, какъ бѣшеный, закричалъ: «Ты зачѣмъ сюда, врагъ Россіи, врагъ всѣхъ дарованій? Вонъ!» Братъ подумалъ, что Карлгофъ пьянъ, и хладнокровно сказалъ ему это.—«Нѣтъ, я знаю что говорю!»—закричалъ тотъ, и хотѣлъ броситься на него; другіе распорядители схватили его, увели, не смотря на крики, и при многочисленномъ собраніи Карлгофъ не смѣлъ болѣе неистовствовать. Братъ говорилъ мнѣ потомъ, что онъ не постигалъ и не угадывалъ причины такого, повидимому, безумнаго поступка. Впослѣдствіи онъ полагалъ, что Карлгофъ, причислившись тогда къ министерству просвѣщенія, хотѣлъ торжественно показать, что онъ врагъ Полевому, и Уваровъ наградилъ его за то, назначивъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Въ Одессѣ онъ вскорѣ умеръ. Проѣзжая чрезъ Москву, Карлгофъ пришелъ ко мнѣ, но меня не было дома и онъ, явившись къ женѣ моей, сказалъ, смиренно сложивъ руки: «Повѣрьте, я не виноватъ въ томъ, что случилось! Я не могъ поступить иначе»! Она отвѣчала, что не желаетъ говорить съ нимъ ни о чемъ непріятномъ, и рѣчь перешла на другіе предметы. Это одна изъ загадокъ, какія встрѣчаются въ жизни!

декопа. Здѣсь «Уголино» даютъ по два раза въ недѣлю, и театръ каждый разъ полонъ. При третьемъ представленіи меня опять вызвали съ страшнымъ шумомъ... Судьба смѣется надо мною... Богъ съ ней! этого я не заслуживалъ бы...

«Дай руку, другъ и братъ, и вѣрь, что тебя любитъ и обожаетъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ твой Николай».

Было бы неумѣстнымъ жеманствомъ съ моей стороны исключить слова и фразы, которыми выражалъ онъ дружбу и даже признательность свою мнѣ за мою неизмѣнную дружбу къ нему... Это находится въ письмахъ искреннихъ, задушевныхъ, не предназначавшихся ни для какой огласки... Но если бы теперь, изображая его жизнь, труды, радости и горести, представляя его передъ потомствомъ для вѣрнаго суда, я вздумалъ исключать тѣ строки, гдѣ выражается пламенная, благородная, признательная къ малѣйшей услугѣ душа его,—я отнялъ бы у читателя драгоцѣнныя и важныя черты для оцѣнки этого необыкновеннаго человѣка. Чувствованія его были сильны, пылки, вводили его даже въ увлеченія, и очень часто: такъ онъ и выражаетъ ихъ въ искренней перепискѣ. Потому-то, не смущаясь, переписываю похвалы его мнѣ, хотя смиренно сознаюсь въ душѣ, что онѣ преувеличены, и приносятъ больше чести ему, нежели мнѣ. Я дѣлалъ то, что всегда сдѣлаетъ не только истинный другъ и братъ, но и каждый истинный христіанинъ. Посмотрите же съ какою жаркою, безграничною, пламенно-выражаемою признательностью благодаритъ онъ того, кто въ посильныхъ услугахъ ему видѣлъ свою обязанность. Читатель не припишетъ мнѣ мелкаго и пошлаго самолюбія за напечатаніе слѣдующаго письма, столько же прекраснаго по чувству и выраженію, сколько выказывающаго человѣка.

«С.-Петербургъ, февраля 26-го 1838 года.

«Вотъ, на два твои послѣднія письма, любезный мой другъ и братъ Ксенофонтъ, слѣдовало бы мнѣ отвѣчать давно, но мнѣ хотѣлось выгадать нѣсколько часовъ, когда былъ бы досугъ сердцу. Нѣтъ! этого я не могъ выгадать въ теперешней жизни моей; напишу урывкомъ, что успѣю, потому что душа моя не вытерпливаетъ болѣе молчанія—гадкія дѣла тоже требуютъ своего вмѣшательства.— Твои два письма, послѣднія, таковы, что ты смѣло можешь стать съ ними предъ Судъ Бужій, и самъ Богъ причислитъ тебя къ лику избранныхъ, честная, благородная, высокая, умная душа!.. Какъ? ты ни бранишь меня, ты проникаешь въ душу мою, щадишь, лелѣешь, хочешь жертвовать мнѣ всѣмъ, чтобы только жалкіе, послѣдніе годы моей бѣдной жизни усладить, успокоить? Я обременяю тебя и моимъ горемъ, и моимъ безуміемъ, и досадными, глупѣйшими заботами, и—ни одного упрека! Рука братская протягивается ко мнѣ и сердце друга предложено мнѣ... Прости: не умѣю ни говорить, ни высказать всего, чѣмъ полно сердце мое... Твоя

награда... да думаешь ли ты о ней при благородномъ самопожертвованіи?.. Мнѣ хотѣлось бы отдѣлить нѣсколько дней и написать тебѣ подробно всю мою исповѣдь. Ты всегда упрекалъ меня въ неискренности, и, божусь, ошибался—это не неискренность, а чувство болѣе благородное, мысль: для чего мнѣ умножать собою, своими грустными суетами, дрязгомъ жизни, его и безъ того не цвѣтистую жизнь, посвященную работѣ тяжкой и сомнѣнію о будущемъ, когда вокругъ него нѣсколько милыхъ ему существъ, и взоръ его не можетъ съ утѣхой остановиться на нихъ, тревожась думой—«что̀ будетъ съ вами, если я не въ состояніи буду работать, если меня не будетъ?» И къ этому прибавлять мое горе? Мое, когда я еще въ силахъ самъ съ нимъ управляться?

«... Мой другъ! мнѣ хотѣлось бы дѣлить съ тобой только однѣ радости, одни наслажденія, хотѣлось бы только забывать съ тобою и міръ и дѣла его, въ немногія минуты, которыя небо удѣляетъ намъ на землѣ, минуты забывчивости, полуулыбки!.. Знаешь, какъ восхищаютъ меня теперь воспоминанія обо всѣхъ такихъ минутахъ въ теченіе жизни нашей, хотя ихъ вѣчно отравляла жизнь, и—немного ихъ было!.. Къ могилѣ путь, чѣмъ ближе, тѣмъ просторнѣе, уединеннѣе; сердцу тяжеле, душѣ тяжко, тяжело... Но что объ этомъ! Да будетъ то, чему быть... Ты обрадовалъ меня своей вѣстью, что собираешься пріѣхать ко мнѣ—не въ Петербургъ, и что̀ намъ до Петербурга—говорю, ко мнѣ. Я какъ ни разсчитываю, сдѣлать мнѣ этого почти нельзя; развѣ осенью; но ты, если можешь—нельзя ли, напримѣръ въ іюнѣ, въ лучшее время, прокатиться сюда? Клянусь, что ты исполнишь сладостную мечту мою, сдѣлаешь меня счастливымъ, оживишь меня, утѣшишь, дашь мнѣ новыя силы жить и страдать...—Боже мой! какъ многое надобно бы пересказать тебѣ... Подумай, погадай объ этомъ»...

«Марта 1, 1838 года.

«Помнишь ли, милый Ксенофонтъ, какой достопамятный день для насъ 26-е февраля? Ровно двадцать шесть лѣтъ тому, мы съ незабвеннымъ нашимъ старичкомъ выѣхали изъ Иркутска! 26 лѣтъ!.. Сколько времени! и чего не сдѣлалось въ это время—голова кружится,—а мы съ тобой, чего не испытали и не перечувствовали въ эти годы... Но, къ настоящему обратимся. Три дня прошло, какъ я началъ къ тебѣ письмо мое, и вотъ едва успѣваю приняться за него снова, и совершенно потерялъ нить мыслей, которыя хотѣлъ изложить въ немъ. Откладываю еще разъ, и, къ прискорбію, долженъ начать поскорѣе говорить только о дѣлахъ, о дѣлахъ, мерзкихъ гадкихъ насѣкомыхъ, когда душа хотѣла бы перелетѣть къ тебѣ въ этомъ письмѣ! Ни слова предисловій. Какъ братъ и другъ, ты прощаешь мнѣ все, и потому начнемъ по пунктамъ:

«1-е. Одно изъ мученій жизни моей составляютъ теперь долги— ихъ много, судя по средствамъ уплаты; но въ отношеніи этомъ положеніе мое не безнадежно, а только терзательно. Съ 1830 года, они лишаютъ меня покоя. Какъ они сдѣлались? Какъ всѣ усилія мои сбыть ихъ, только увеличивали ихъ—это исторія длинная и печальная. Соображая настоящее положеніе мое, я нахожу, что каждый годъ буду въ состояніи выплачивать по 30,000 рублей, такъ, что, кромѣ заплаченныхъ уже теперь, осенью переведу я еще такую же сумму на уплату, оставляя себѣ сколько можно менѣе на прожитокъ. Если успѣхъ будетъ въ предпріятіяхъ, мои средства увеличатся; но я разсчитываю только на возможно-вѣрное, ибо что̀ совершенно-вѣрное въ мірѣ? такимъ образомъ, считая убытки въ процентахъ, я могу имѣть надежду будущею осенью, 1839 года, кончить все; по крайней мѣрѣ, останутся бездѣлицы, и я буду долженъ еще работою Смирдину до 1841 года, ограничивая себя всячески. Слѣдственно, мой любезнѣйшій другъ, никакихъ пожертвованій съ твоей стороны не нужно, да и что̀ можетъ сдѣлать твое доброе усердіе? Самому тебѣ помощь нужна для укрѣпленія дѣлъ твоихъ. Знаю, что два эти года причинятъ еще мнѣ тысячу неудовольствій, но что же дѣлать? и притомъ, по крайней мѣрѣ, надежда будетъ подкрѣплять меня на терпѣніе, а въ работѣ буду я забывать все, сколько можно. И здѣсь-то надобно мнѣ, необходимо мнѣ твое братское участіе—подкрѣпи меня своею помощью и дѣломъ! Главные долги мои по векселямъ... Кромѣ того, остается долгъ Рыбниковой, за несчастнаго этого Дюмонъ-Дюрвиля—я плачу̀ деньги да̀ромъ, но это уже мое дѣло, и говорить тутъ нечего. [1]) Чѣмъ далѣе, тѣмъ легче можно будетъ дѣлать обороты, и я прилагаю при семъ отдѣльно, что̀ надобно

---

[1]) Приступая къ изданію своего перевода путешествія Дюмонъ-Дюрвиля, Николай Алексѣевичъ не имѣлъ денегъ на издержки печатанія его, и предложилъ знакомому своему купцу Рыбникову, человѣку довольно богатому—издать книгу съ тѣмъ, чтобы онъ ссудилъ денегъ на изданіе, и за то получилъ половину барыша, который казался брату моему вѣрнымъ. Тотъ, кажется, любилъ его, оказывалъ ему всегда величайшее свое уваженіе, и далъ нѣсколько тысячъ рублей (ассигнаціями), но, въ обезпеченіе ихъ и будущихъ барышей взялъ вексель въ двойной суммѣ, клянясь, что не употребитъ этого во зло. Я вѣрю, что онъ и исполнилъ бы свою клятву; но, къ несчастію, прежде нежели первые томы Дюмонъ-Дюрвиля были отпечатаны, Рыбниковъ умеръ, чуть ли не скоропостижно. Надъ имѣніемъ и дѣтьми его была учреждена опека, которая, нашедши векселя Николая Алексѣевича, не могла не потребовать платежа въ полной суммѣ, и не могла даже входить въ разборъ, точно ли онъ получилъ сумму, означенную въ векселяхъ. Не имѣя никакихъ законныхъ доказательствъ, братъ мой и не спорилъ—просилъ только отсрочки, и, такимъ образомъ, начала увеличиваться эта сумма извѣстными процентами. Я уже упоминалъ, что отъ изданія путешествія Дюмонъ-Дюрвиля ему былъ только убытокъ, и онъ имѣлъ право упомянуть въ письмѣ ко мнѣ, что платитъ Рыбниковой большую сумму да̀ромъ. Это было уже чистое несчастіе.

сдѣлать теперь, для платежей въ мартѣ и апрѣлѣ. Затѣмъ до осени, лѣтомъ, платежи мои не велики, а осенью, какъ выше объяснялъ я, у меня будутъ новыя средства уничтожить пересроченное теперь. Сдѣлай милость, добрый братъ, разсмотри прилагаемую записку, и прими на себя трудъ исполнить по ней!

«2-е, другая забота моя — неоконченныя работы. Здѣсь главное составляетъ Дюмонъ-Дюрвиль, о которомъ ты уже дружески заботился и писалъ ко мнѣ. Истинно, не имѣю я времени самъ окончить его, и если бы и было у меня сколько нибудь досуга, то надобно мнѣ употребить его на труды, требующіе собственной моей руки, каковы: маленькая исторія [1]), которую давно пора кончить; Аббаддона, за которую мучитъ меня Ширяевъ; Синіе и Зеленые, Колумбъ. Ради Бога, возьми на себя Дюмонъ-Дюрвиля! Положеніе такое: десятый томъ начатъ печатаніемъ и до половины его у меня переведено; остальную половину я кончу самъ; остаются: одиннадцатый (25 листовъ порусски и 12-й, гдѣ будетъ текста листовъ 15-ть порусски (остальное до 25-ти дополняютъ реестры и проч.), такъ что, полагаю, надобно тебѣ взять на себя листовъ сорокъ печатныхъ. Что дать за работы Галахову [2])? Рублей сорокъ (ассигнаціями какъ считали тогда), думаю съ листа, будетъ довольно. Остается за Глазуновымъ (Улитинымъ) 6,000 рублей, слѣдовательно, на бумагу, достальную уплату граверу, обвертку, печатаніе, останется 4,400 рублей. Изъ этого мнѣ надобно еще сдѣлать двѣ карты — онѣ станутъ не менѣе 1,000 рублей. Но Галахову довѣрить рѣшительно дѣла нельзя. Итакъ увѣдомь меня: берешься ли ты смотрѣть за нимъ и читать корректуру? Возьметъ ли онъ при томъ 40 рублей за листъ? Больше и дать не стоитъ, и самъ видишь, не изъ чего! И при такой платѣ за переводъ мнѣ надобно будетъ еще прибавить, кромѣ 6,000 рублей, весьма не мало. Но, что бы ни стало, только бы кончить. По моему разсчету, на напечатаніе потребно еще 200 стопъ бумаги. Я говорилъ при отъѣздѣ изъ Москвы Ратькову о заказѣ ея. Не знаю, заказана ли она и не получена ли уже? Если же нѣтъ, то Усачеву надобно немедленно заказать, что̀ и прошу тебя исполнить. Если же ты отъ окон-

---

[1]) Здѣсь разумѣетъ Н. А. краткую русскую исторію для юношества, изданную имъ впослѣдствіи.

[2]) Здѣсь рѣчь объ А. Д. Галаховѣ, томъ самомъ, который въ 1857 году, въ литературномъ спорѣ, притворялся незнающимъ меня, а въ 1837 и слѣдующихъ годахъ безпрестанно бывалъ у меня, искалъ работы, разумѣется за деньги, и, наконецъ, съ моею помощью и на мое иждивеніе, издалъ свою знаменитую Русскую христоматію, которая до сихъ поръ составляетъ всю его славу. Въ одномъ изъ приведенныхъ выше писемъ, братъ мой упоминаетъ, что обрадовался посѣщенію его, когда онъ явился къ нему въ Петербургъ, потому что онъ увидѣлъ въ немъ знакомаго москвича. Здѣсь слова его показываютъ, что онъ думалъ о литературныхъ способностяхъ г. Галахова.

чанія Дюмонъ-Дюрвиля откажешься,—то я право, не знаю, что мнѣ тутъ и дѣлать.

«Вотъ тебѣ mea culpa, другъ и братъ! Касательно платежей въ апрѣлѣ, въ свое время я перешлю къ тебѣ и изъясненія, и средства ихъ выполнить. Теперь болѣе писать нѣтъ силъ, да и времени! Вотъ передо мной пять листовъ корректуры, а между тѣмъ до 15-го только 12 дней — писать надобно еще бездну, а между тѣмъ, право, въ головѣ ни единой мысли нѣтъ... Слава Богу, что въ царствѣ слѣпыхъ и кривой королемъ быть можетъ!.. Руку твою, и поклонъ мой всѣмъ твоимъ, а дѣтямъ мое благословеніе».

Я не стану передавать здѣсь тѣхъ писемъ моего брата, въ которыхъ онъ почти исключительно писалъ мнѣ о своихъ долгахъ и разныхъ обязанностяхъ, которыя тяготили его, какъ тяжкое воздаяніе за разныя ошибки и несчастія прежней жизни въ Москвѣ. Довольно и того, что привелъ я въ примѣръ, чтобы судить какъ жалки, прискорбны и терзательны были отношенія, которыя привязывали его къ Москвѣ. Можно сказать, что они составляли мученіе его жизни и кончились только съ его жизнью. Напрасно льстилъ онъ себя надеждою, что трудъ и терпѣніе преодолѣютъ все, утѣшалъ себя близкою перемѣною обстоятельствъ своихъ къ лучшему, и даже назначалъ срокъ облегченію себя отъ долговъ. Такіе разсчеты почти всегда бываютъ невѣрны, а его разсчеты и надежды въ этомъ случаѣ почти всѣ основывались на связи съ Смирдинымъ, для чего онъ и переѣхалъ въ Петербургъ—но, именно этотъ разсчетъ прежде всего лопнулъ, какъ мыльный пузырь! Мы сейчасъ увидимъ это. Онъ не высказывалъ мнѣ всего, что не могъ не видѣть ясно; напротивъ, всегда, до послѣдней крайности, онъ представлялъ мнѣ обстоятельства свои не такъ отчаянными, какъ они были въ дѣйствительности. Я приписываю это его доброму желанію не огорчать меня преждевременно; а можетъ быть, что онъ и самъ себя утѣшалъ несбыточными надеждами, хотя каждое письмо его было проникнуто глубокою, неизцѣлимою скорбію, которая проглядывала въ рѣчахъ его даже, когда онъ хотѣлъ показать себя въ спокойномъ расположеніи духа. Это можно видѣть въ двухъ письмахъ его, которыя доставили мнѣ лично Кольцовъ и Каратыгинъ. Любопытно видѣть и мнѣніе его объ этихъ достопамятныхъ людяхъ.

«С.-Петербургъ, марта 30-го 1838 года.

«Вручитель этихъ строкъ Кольцовъ. Добрый мой Ксенофонтъ Позволь мнѣ сказать тебѣ о немъ, что это чистая, добрая душа, которую не надобно смѣшивать съ Слѣпушкиными. О дарованіи его ни слова; но я полюбилъ въ немъ человѣка. Пожалуйста, приласкай его; поговори съ нимъ просто, и ты увидишь прекрасные проблески души и сердца, и полюбишь его. Можетъ быть оттого, что мнѣ здѣсь холодно, какъ подъ полюсомъ, съ Кольцовымъ грѣлся

я, какъ будто у камина. Сейчасъ получилъ твое письмо... Прощай! Христосъ Воскресе — въ запасъ, потому что по полученіи этихъ строкъ тобою будетъ уже свѣтлая недѣля. Да свѣтлѣетъ она тебѣ и твоимъ!

«Твой Н.

Вотъ письмо врученное мнѣ В. А. Каратыгинымъ:

«С.-Петербургъ, марта 31-го 1838 года.

«Имя вручителя этого письма тебѣ очень извѣстно, мой добрый братъ и другъ Ксенофонтъ! Позволь же мнѣ познакомить тебя съ нимъ лично и порекомендовать его какъ умнаго и благороднаго человѣка, добраго семьянина и художника, пламенно любящаго свое искусство. Мы были къ нему несправедливы, какъ къ человѣку и артисту. Онъ точно и не былъ тѣмъ, что теперь. Надѣюсь, что ты увидишь его, и въ первый разъ узнаешь, позволь мнѣ тебя въ этомъ увѣрить—художника истиннаго. Не откажись посмотрѣть его въ «Гамлетѣ», «Лирѣ», «Людовикѣ XI-мъ» и «Уголино», что все намѣренъ онъ играть въ Москвѣ. Но теперь еще нѣсколько словъ о Каратыгинѣ—человѣкѣ. Можетъ быть, еще разъ я обманываюсь, но, право, во время шести мѣсяцевъ, живучи съ нимъ по сосѣдству, видаясь часто, говоря, бесѣдуя подолгу, я не видалъ въ немъ никакой темной стороны. Не будемъ требовать идеаловъ, но мнѣ много отрады принесъ Каратыгинъ, и ужъ за это долженъ полюбить его и обласкать. Позволь ему отнимать у тебя иногда и по нѣскольку времени, и будь съ нимъ добръ. Онъ проживетъ въ Москвѣ весь апрѣль, и—странное дѣло!—боится Москвы, хотя и скрываетъ это! Можетъ быть, теперешній пріѣздъ его помиритъ съ нимъ самыхъ его враговъ. Напиши мнѣ о немъ твое мнѣніе, искренно, и если ты согласишься съ мнѣніемъ моимъ о его дарованіи, то нельзя ли написать статейки двѣ-три и въ «Пчелу»; но печатнаго прошу тогда только, когда тебѣ онъ понравится, а письменнаго во всякомъ случаѣ. Кстати, ты увидишь, что Каратыгинъ человѣкъ весьма образованный, и обращеніе его таково, что онъ принятъ здѣсь во всѣ лучшія общества. Если хочешь знать здѣшнія литературныя сплетни, онъ разскажетъ тебѣ ихъ съ три короба, лично знакомый со всѣми.

«Хотѣлъ было я написать тебѣ съ нимъ большое письмо, обо всѣхъ и обо всемъ. Но, во-первыхъ, истинно нѣтъ времени, и во-вторыхъ, надобнобъ было послать тебѣ не письмо, а книгу. Въ этомъ полугодѣ такая путаница всего — событій, чувствъ, мыслей, людей, впечатлѣній — что, мнѣ кажется, я успѣлъ съ октября прожить пять лѣтъ. Съ чего начать и чѣмъ кончить? А о скольκомъ надобно бы мнѣ съ тобой посовѣтоваться, о скольκомъ спросить у тебя сирой душѣ моей и угнетенному сердцу! Гдѣ и

какъ передать все это на бумагѣ? И вотъ почему мольба моя къ тебѣ: пріѣзжай сюда, милый братъ! Ты ужъ меня этимъ обнадежилъ, и я живу теперь этою надеждою, какъ самою отрадною мечтою. Двѣ недѣли стоитъ тебѣ пожертвовать, ибо здѣсь довольно тебѣ прожить недѣлю. Дай мнѣ позабыть на недѣлю разстояніе и время, и нельзя ли тебѣ сдѣлать это въ маѣ, въ самое прекрасное время года. Болѣе недѣли я не хочу, и грѣхъ было бы отнимать... Напиши мнѣ объ этомъ, и назначь именно, какъ ты располагаешь быть. Я буду считать послѣ того дни, ибо ты не повѣришь, какъ мнѣ грустно и тоскливо, и какъ хотѣлось бы мнѣ хоть поплакать съ тобою, расположить, устроить все. Любопытнаго ты встрѣтишь здѣсь также очень много, и, можетъ быть, не безъ пользы съѣздишь въ разныхъ отношеніяхъ. Мнѣ же вырваться теперь отсюда невозможно, хоть и надобно бы непремѣнно побывать въ Москвѣ, для окончанія дѣлъ даже. Но я полагаю сдѣлать это осенью, а неужели ждать до тѣхъ поръ? Нѣтъ, нѣтъ! Ты пріѣдешь, мой добрый Ксенофонтъ, не правда ли?

«Не соберу мыслей, чтобы еще сказать тебѣ. Извѣстное дѣло— живъ, здоровъ, тотъ же, такъ же — нѣтъ! болѣе прежняго люблю и цѣню тебя. Разлука — пробный камень дружбы и любви. О новостяхъ и погодѣ писать тебѣ не стану, хоть многое можно бы сказать и забавнаго, и смѣшнаго даже. Цѣлую и благословляю всѣхъ твоихъ»...

Отъ 27-го апрѣля онъ опять писалъ ко мнѣ. Изъ этого письма, замѣчательнаго сосредоточенною грустью, я выпишу только начало, потому что все остальное въ немъ относится къ подробностямъ, не занимательнымъ для публики, хотя въ то время онѣ были чрезвычайно важны для него и для меня. Онъ писалъ это письмо по полученіи извѣстія о разстройствѣ дѣлъ книгопродавца Улитина, наносившемъ ему новый, неожиданный ударъ. Это была капля горечи, подлитая въ чашу, уже почти полную, и потому онъ больше говорилъ мнѣ объ общемъ своемъ положеніи, какъ могъ говорить только сильный духомъ, хотя и угнетаемый обстоятельствами, человѣкъ. Читатель обратитъ вниманіе и на то краснорѣчіе сердца, которому не мѣшаетъ небрежность выраженій въ слѣдующихъ строкахъ:

«Дни и недѣли проходятъ, любезный, добрый мой Ксенофонтъ, а я не пишу къ тебѣ. Тутъ страждутъ не учтивость, не приличія, не увѣдомленія о здоровьѣ; но есть сердечныя приличія, которыя оскорбляются такимъ молчаніемъ; есть и такія стороны души, нераздѣленіе которыхъ грустить насъ, тяготитъ, печалитъ. Что ты живъ, что я не умеръ—это и безъ писемъ мы всегда узнаемъ. Но какъ ты живъ, какъ я не умеръ—вотъ что̀ надобно сообщать. Отъ этого просто легче душѣ. А я молчу! Ты повѣришь, что молчаніе происходитъ оттого, что за перо приниматься не хочется;

сто разъ берешься, и—кидаешь его... Послѣ, авось лучше душѣ, если не лучше абсолютно. Приходитъ послѣ, и перо опять падаетъ изъ рукъ! Но, главное: теперь у меня idée fixe, что ты въ половинѣ іюня пріѣдешь въ Петербургъ, и я все откладываю до личнаго свиданія съ тобою. Ради Бога, не измѣни надеждѣ! Это непремѣнно надобно намъ сдѣлать даже для устройства судьбы нашей, для установки всѣхъ отношеній, политическихъ, денежныхъ, литературныхъ, для того чтобы я не издохъ собачьею смертью! Я никакъ не могу отсюда двинуться; писать всего нельзя, да и какое письмо передастъ взоръ, голосъ друга? какъ и припомнить, и придумать все на письмѣ? Твоимъ пріѣздомъ установимъ мы наше будущее, обдумаемъ, устроимъ его. Самыя опасности и бѣды не страшны, если къ нимъ мы приготовлены и въ нихъ всмотрѣлись напередъ, и сладили встрѣчу съ ними. И такъ: ты пріѣдешь—это рѣшено—пріѣдешь, хоть на три дня. Этого уже будетъ довольно для тебя и для меня, потому что эти три дня можемъ мы провести одни и вмѣстѣ; я думаю, тебѣ нѣтъ надобности смотрѣть Петербургъ, или ходить въ гости, слѣдственно, можно надуматься и наговориться. И такъ, до тѣхъ поръ не жди отъ меня многихъ и подробныхъ посланій. Но писать къ тебѣ однакожъ—необходимость, и даже дѣла заставляютъ это дѣлать—О дѣла, дѣла! Какая мерзость получила теперь между нами это почетное названіе.—Пойдемъ въ это Inferno жизни, которое стоитъ Дантева»...

Послѣ этого письма, далѣе наполненнаго тягостными подробностями о его дѣлахъ, я не получалъ отъ него извѣстій недѣли три, и уже предчувствовалъ, что это не даромъ. Предчувствіе мое оправдалось самымъ прискорбнымъ образомъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ:

«С.-Петербургъ, 21-го мая 1838 года.

«Не вини меня, мой добрый братъ, что на письмо твое отъ 4-го мая только теперь я отвѣчаю. Давно уже не было мнѣ столько досадъ и горя, какъ въ эти дни. Я былъ боленъ духомъ и тѣломъ. Ужасная погода, дождь, сырость сдѣлали для меня мой припадокъ геморроя, который и безъ того весною бываетъ тяжеле обыкновеннаго, чрезвычайно тяжелымъ. И въ это время два гнусные ляха Булгаринъ и Сенковскій, пользуясь отсутствіемъ Смирдина, рѣшились всячески меня уничтожить. Невозможность имѣть дѣло съ Булгаринымъ, и безпрестанныя несогласія, споры и шумъ, уже давно рѣшили меня бросить «Пчелу», и когда этотъ подлецъ нагло поссорился со мной, рѣшительно, за отзывъ объ его пакостной книгѣ [1]), и за отзывъ о сборникѣ Воейкова, написалъ отвѣтъ, началъ меня вездѣ ругать, клеветать, поносить во всемъ, я самъ предложилъ

---

[1]) Это была компиляція, которую Булгаринъ началъ издавать тогда подъ заглавіемъ: «Россія» и проч.

отказъ отъ «Пчелы», которою управлять я, кромѣ того, не находилъ никакой возможности по безчисленнымъ причинамъ. Тутъ Сеньковскій образовалъ планъ лишить меня всего, разрушить «Сынъ Отечества», а Булгаринъ подалъ бумагу, чтобы ему передавать всѣ мои корректуры. Не говоря объ оскорбительномъ тонѣ бумаги и униженіи, онъ началъ марать, задерживать, требовать вполнѣ редакціи себѣ; я остановилъ печатаніе, и отложилъ все до Смирдина[1]), который, какъ хозяинъ, купивши «Сынъ Отечества», можетъ имъ одинъ распоряжать. Между тѣмъ, надобно было защищать себя отъ клеветъ, ѣздить, и я занемогъ рѣшительно, почти такъ, какъ въ декабрѣ 1834 года, не могъ двинуть рукой, отъ слабости. Можешь представить себѣ мое положеніе, когда впереди... Слабость дошла у меня до того, что рука дрожала и голова кружилась, едва принимался я за перо. Скрывая болѣзнь отъ семейства, опечаленнаго слухами, видя все разрушающимся, представляя тебя въ хлопотахъ, тщетно ожидающимъ отъ меня отвѣта... торжество враговъ, состояніе дѣлъ... Тяжело мнѣ было, другъ Ксенофонтъ!.. Но отдыхъ, оставленіе работы, наставшая прекрасная погода, рѣшимость на все, подкрѣпили меня, а пріѣздъ Смирдина оживилъ и спасъ совершенно. Онъ заговорилъ съ подлецомъ смѣло, хотѣлъ все бросить, разрушить, не слушалъ Сеньковскаго, и вотъ рѣшено: я отказался отъ «Пчелы», а Булгаринъ отъ «Сынъ Отечества», который остается въ моемъ полномъ распоряженіи, съ именемъ одного Греча. Мнѣніе общее и высшее были во все время за меня. Булгаринъ злится, Сенковскій бѣсится, но чортъ съ ними! Собравши теперь силы, оканчиваю майскую книжку, и владѣя уже кое-какъ руками, спѣшу просить тебя»...

Окончаніе письма относилось къ дѣламъ, о которыхъ онъ просилъ меня.

Извѣстіе о непріятностяхъ и вредѣ, какихъ надѣлалъ ему Булгаринъ, чрезвычайно опечалило меня. Ясно было, что братъ мой, лишенный покровительства высшихъ властей, стѣсненный на литературномъ поприщѣ распоряженіями Уварова, не могъ выйдти изъ затруднительнаго положенія никакимъ трудомъ, никакими усиліями. Онъ находился въ зависимости отъ столькихъ лицъ и отношеній, что легче всего было нанести ему вредъ и даже погубить, уничтожить его совершенно. Смирдинъ оставался еще защитникомъ!.. Довольно этого для характеристики его положенія. Письмо его показывало также, что предпріятіе, для котораго переселился онъ въ Петербургъ, и которымъ надѣялся поправить свои обстоятельства, разрушилось, если не совершенно, то до такой степени, что онъ могъ трудиться только для насущнаго хлѣба, не думая уже о большихъ доходахъ. Все это озабочивало меня

---

[1]) Бывшаго тогда въ Москвѣ.

грустно. Если бы братъ и не звалъ меня къ себѣ въ Петербургъ, умоляя пріѣхать хоть на нѣсколько дней, я поѣхалъ бы къ нему послѣ его послѣднихъ извѣстій, чтобы увидѣть вблизи его положеніе, помочь ему въ чемъ нибудь, или, по крайней мѣрѣ, облегчить, успокоить его. Въ концѣ іюня могъ я исполнить это намѣреніе, пріѣхалъ къ нему и прожилъ у него недѣли двѣ. Онъ занималъ тогда квартиру въ домѣ бывшемъ Смирдина, недалеко отъ церкви Знаменія, на Лиговскомъ каналѣ [1]). По наружности, у него все было такъ же, какъ въ продолженіи многихъ лѣтъ бывало въ Москвѣ: порядочное помѣщеніе, нѣкоторыя удобства къ жизни и, вообще, наружное довольство; посторонніе и даже близкіе къ нему люди не могли замѣтить и въ немъ самомъ перемѣны. Но я тотчасъ увидѣлъ, что тяжкая грусть тяготѣла на его душѣ, и хотя онъ попрежнему казался веселымъ и любезнымъ, однако не могъ скрыть истиннаго состоянія своего духа отъ меня—да онъ и не скрывалъ его въ откровенныхъ разговорахъ со мною. Ему предстоялъ безконечный трудъ, не обѣщавшій такихъ вознагражденій, какихъ надѣялся онъ отъ предпріятія, на которое вызвалъ его Смирдинъ. Отказавшись отъ «Сѣверной Пчелы», онъ остался съ «Сыномъ Отечества», упадшимъ журналомъ, который надобо было возстановлять, и хотя онъ уже довелъ его до такой благопріятной извѣстности, что число подписчиковъ возрасло на него до 2000, однако, это едва вознаграждало за издержки изданія. Слѣдовательно, въ первый годъ онъ могъ разсчитывать только на небольшую сумму, какая положена была за редакцію, а въ будущемъ не имѣлъ средствъ улучшить журналъ, оттого, что былъ стѣсненъ и распоряженіями Уварова, и тяжкимъ надзоромъ, и безденежьемъ, и не соперничествомъ, а злобою другихъ журналистовъ, которые всячески старались вредить ему и ронять его изданіе. Между тѣмъ, переселеніе въ Петербургъ увеличило его долги вдругъ двадцатью тысячами рублей, которые взялъ онъ у Смирдина впередъ, и долженъ былъ заработывать ихъ медленнымъ трудомъ, платить проценты и за новый долгъ, и по старымъ своимъ долгамъ. Это представляло неисходную бездну,—Inferno, какъ выразился онъ въ письмѣ ко мнѣ,—и надъ этимъ адомъ можно было надписать:

Lasciate ogni speranza...

Я не имѣлъ никакой возможности пособить ему столько, чтобы онъ могъ выйдти изъ своего тяжкаго положенія—онъ и не требовалъ этого, облегчая свое сердце передачею мнѣ своихъ ощущеній, своихъ мыслей, своихъ надеждъ... да, надеждъ! Такова была сила духа въ этомъ человѣкѣ, что, вѣря Провидѣнію, онъ никакъ не полагалъ, чтобы несправедливость и злоба людей могли побѣдить его. Скажу болѣе: онъ не жаловался мнѣ ни на Уварова, ни на Бул-

[1]) Нынѣ домъ Волосныхъ.

гарина, ни на кого изъ злыхъ своихъ враговъ, и заключалъ разсказы о ихъ мерзостяхъ обыкновеннымъ своимъ въ такихъ случаяхъ присловіемъ: «Что жъ дѣлать: они люди!» Онъ надѣялся, что постоянный трудъ выведетъ его, наконецъ, изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, а чистота его помышленій и всѣхъ дѣйствій убѣдитъ высшія власти, что напрасно видятъ и преслѣдуютъ въ немъ опаснаго человѣка. Такія, можно сказать, дѣтскія понятія о дѣлахъ міра, казались тогда и мнѣ истинными, и я, сознаюсь, раздѣлялъ его убѣжденія. Да и можетъ ли иначе думать и чувствовать молодой человѣкъ, воспитанный въ чистотѣ духа? Только горькій опытъ показываетъ намъ, что выйдти изъ бѣдности честнымъ трудомъ — невозможно, безъ стеченія какихъ нибудь рѣдкихъ случайностей, и это всегда бываетъ только исключеніемъ изъ общаго. Начните разсматривать жизнь богача и средства, какими онъ нажилъ себѣ богатство: едва ли изъ сотни найдется одинъ, котораго богатство не было основано на обманѣ, лихоимствѣ, плутняхъ, ростовщичествѣ, грабительствѣ, а иногда и на такихъ преступныхъ дѣлахъ, которыхъ я и назвать не съумѣю—гадко! У богача, который не получилъ богатства въ наслѣдство, рѣдко не бываетъ въ жизни какого нибудь чернаго пятна. Но если трудно не только составить себѣ богатство, но и обезпечить свое существованіе работой головы или рукъ, то еще труднѣе освободиться отъ долговъ, какимъ бы то ни было образомъ возросшихъ до значительной суммы. Они безпрестанно увеличиваются отъ процентовъ, ростутъ постоянно, за каждый день, а трудовой рубль уменьшается и отъ неудачъ, и отъ недоплатъ, и отъ разныхъ случаевъ, которые вдругъ отрываютъ отъ васъ куски заработокъ, всегда медленно скопляющихся. Николай Алексѣевичъ испыталъ все это, въ недолгое время своего житья въ Петербургѣ. Много тысячъ стоило ему переселеніе туда; оно оказалось тщетною попыткою увеличить доходы; раззорившее его изданіе Дюмонъ Дюрвиля было продано Улитину, — а онъ не могъ ничего заплатить, и все-таки надобно было тратить деньги на окончаніе этой несчастной книги! А между тѣмъ, сколько онъ переплатилъ процентовъ по прежнимъ долгамъ! И такъ переселеніе, Дюмонъ-Дюрвиль, и разстройство Улитина, вмѣстѣ съ неизбѣжными издержками на житье, потребовали отъ него тысячъ сорокъ рублей, если не больше, а доходы его были въ этотъ годъ ничтожны—если только были они. Снисходительные кредиторы (то есть снисходительные покуда еще надѣются что нибудь выжать изъ должника) готовы были отстрочивать ему, но имъ надобно было при всякой отсрочкѣ платить впередъ по 12 процентовъ въ годъ: меньше не бралъ и другъ его Бѣгичевъ! Такое положеніе могло ужаснуть хоть кого, и мы измѣривали всю безнадежность его; но въ насъ еще столько было силъ, твердости духа, и — дѣтской неопытности, что мы не отчаявались трудомъ и постоянствомъ —

выйдти изъ своего затруднительнаго положенія. Я говорю здѣсь мы, потому что никогда не отдѣлялъ себя отъ брата, а съ этого времени, видя усилившіяся тягости и невольное уныніе отъ неудачъ и стѣсненій, я еще больше готовъ былъ дѣлить съ нимъ послѣднюю копѣйку. Дѣла и занятія наши шли отдѣльно, но я бралъ на себя успокоивать его кредиторовъ, которые большею частію были въ Москвѣ. Между нами еще не было никакого уговора о томъ, чѣмъ онъ вознаградитъ суммы, затраченныя мною за него, да нечего было и говорить объ этомъ, потому что у него въ это время все только рушилось и утрачивалось. Но я зналъ его, вѣрилъ ему, и не хотѣлъ, не могъ допустить его погибнуть, покуда имѣлъ средства поддерживать его. Наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ, я вѣрилъ, что онъ былъ въ переходномъ кризисѣ, и что дѣла его могутъ поправиться. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ подписка на «Сынъ Отечества» не могла на слѣдующій годъ увеличиться такъ, что одна могла бы обезпечить его положеніе? Развѣ не могъ онъ зарабатывать значительной суммы своими театральными пьесами, которыя имѣли такой блистательный успѣхъ на сценѣ? Развѣ не могло ему встрѣтиться въ Петербургѣ, въ сферѣ всякой дѣятельности, такого случая, который одинъ могъ вывезти его? Дарованія его были такъ сильны и разнообразны, что онъ могъ сдѣлать многое, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ все такъ легко улаживается!.. Мечты! мечты! готовъ я самъ сказать съ читателемъ. Но тогда все представлялось мнѣ въ иномъ свѣтѣ, и потому читатель пойметъ, что переговоры и продолжительныя разсужденія съ братомъ успокоили насъ столько, что мы бодро готовы были на новую борьбу съ судьбою. Я просилъ и умолялъ его не дарить театральныхъ пьесъ своихъ въ бенефисы актерамъ и актрисамъ (что онъ и обѣщалъ, хотя не исполнилъ никогда); просилъ не подряжаться за безцѣнокъ писать какія нибудь компиляціи, и не продавать никому, кромѣ меня, новыхъ своихъ сочиненій, обѣщая за нихъ больше, нежели получитъ онъ отъ кого нибудь другого; просилъ и убѣждалъ не поддаваться ласковымъ рѣчамъ такихъ сочинителей, какъ Бѣгичевъ, которые отымали у него время и платили только неблагодарностью и непріятностями. Онъ все обѣщалъ — хотя уже въ это самое время у него была огромная рукопись одного путешественника, мореплавателя, которую взялся онъ исправлять и издавать, а послѣ въ награду получилъ только ругательства и клеветы!..

Больше двухъ недѣль пробылъ я въ Петербургѣ, и время пролетѣло незамѣтно въ бесѣдахъ съ братомъ. Мы были почти неразлучны, и кромѣ нѣскольких выѣздовъ по дѣламъ и для необходимыхъ свиданій, я безотлучно оставался у него. Разъ мы выѣзжали вмѣстѣ осмотрѣть нѣкоторыя современныя достопамятности Петербурга; напримѣръ, были въ мастерской Брюлова и въ отдѣланной

незадолго до того церкви Смольнаго монастыря. Вмѣстѣ были мы въ театрѣ, взглянуть на Дюра въ роли Хлестакова и на любимицу моего брата—Асенкову. Еще разъ обѣдали на дачѣ у В. А. Каратыгина. Мой братъ искренно полюбилъ его, а нашъ громозвучный артистъ былъ человѣкъ ловкій и дальновидный, не смотря на то, что казался неуклюжимъ. Онъ имѣлъ свои расчеты, ласкаясь около моего брата. Мы вмѣстѣ посѣтили также своихъ старыхъ и близкихъ пріятелей: князя В. Ѳ. Одоевскаго и С. А. Соболевскаго. Послѣдній завелъ тогда обширную бумагопрядильню, на Невѣ, по Сампсоніевской улицѣ, кажется, въ товариществѣ съ однимъ изъ богачей Мальцевыхъ, и жилъ какъ англійскій фабрикантъ. На обѣдѣ у него случился знакомый еще съ моимъ отцомъ, славный нашъ синологъ отецъ Іоакинѳъ, который въ обществѣ былъ удивительно оригиналенъ своимъ китаизмомъ. Онъ до конца жизни, можно сказать, жилъ духомъ въ Китаѣ, и увѣрялъ, что только тамъ все хорошо.

Впрочемъ, весьма немногіе изъ старыхъ нашихъ пріятелей остались неизмѣнными въ отношеніи къ моему брату, надъ которымъ тяготѣли опала и раззореніе. Новыхъ знакомствъ онъ избѣгалъ, хотя не научился никогда не вѣрить людямъ, и всего легче было изловить его въ сѣти тому, кто прикидывался искренно приверженнымъ къ нему и полюбившимъ его. Мы видили въ письмахъ его, что нѣсколько времени онъ вѣрилъ даже увѣреніямъ Булгарина, которому уже не вѣрилъ никто, и никто не вообразилъ бы, даже на минуту, что этотъ человѣкъ былъ простодушный добрякъ! А такъ думалъ, хоть недолго, Николай Алексѣевичъ! Онъ говорилъ мнѣ съ большимъ горемъ о смерти К. Т. Хлѣбникова, не задолго умершаго въ званіи директора россійско-американской компаніи, и оказывавшаго горячее расположеніе къ моему брату. Я не зналъ Хлѣбникова, нѣкогда бывшаго приказчикомъ при моемъ отцѣ по дѣламъ означенной компаніи, и проведшаго почти всю жизнь въ дальней Сибири и въ Америкѣ. Желаю вѣрить, что этотъ умный и при томъ одинокій человѣкъ, былъ столько благороденъ, что помнилъ нашего отца и полюбилъ искренно Николая Алексѣевича.

Часто бывали у него въ это время два прежніе знакомые, уже очень упадшіе: это В. С. Филимоновъ и П. П. Свиньинъ. Перваго онъ давно не любилъ, но, не помня зла, принималъ, какъ человѣка, надъ которымъ тяготѣли большія несчастія.

Свиньинъ, разстроенный, и духовно и вещественно, былъ только скученъ своею болтливостью. Не упоминаю о другихъ, сколько нибудь извѣстныхъ или замѣчательныхъ людяхъ, которыхъ встрѣчалъ я у Николая Алексѣевича:—китайскія тѣни, они не оставляли послѣ себя никакого слѣда.

Послѣ всего видѣннаго и слышаннаго мною у брата, я оставлялъ его съ грустью, пораженный очевидностью плохого состоянія

его дѣлъ. Какъ ни утѣшали мы себя надеждами, но въ настоящемъ видѣли только трудъ, не обезпечивавшій ничего, а между тѣмъ бремя долговъ и злоба непріятелей угрожали большими опасностями. Братъ понималъ, наконецъ, какъ трудно было ему выйдти изъ тяжкаго его положенія, и, послѣ всѣхъ переговоровъ, мы не рѣшили почти ничего. Я обѣщалъ ему грудью отстаивать его во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, а онъ говорилъ, что въ началѣ зимы пріѣдетъ въ Москву, и тогда, если обстоятельства поразъяснятся, можно будетъ принять какія нибудь мѣры къ лучшему. Между тѣмъ, надобно терпѣть, работать и бороться съ людьми и нечаянностями судьбы.

Онъ проводилъ меня далеко за Московскую заставу, и тамъ пересѣлъ я изъ его экипажа въ дилижансъ. Съ молитвою къ Богу разстались мы; но тяжело было у меня на душѣ. Сначала я даже не замѣчалъ, что подлѣ меня сидѣлъ какой-то пожилой толстякъ. Онъ вѣжливо сталъ подчивать меня апельсинами, которыхъ накупилъ въ дорогу множество, и самъ ѣлъ ихъ безпощадно. Вскорѣ онъ, безъ всякихъ разспросовъ съ моей стороны, разсказалъ про себя, что онъ возвращается въ Тверь, гдѣ служилъ совѣтникомъ въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ, ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать о своемъ повышеніи и перемѣщеніи, и совершенно счастливый ѣдетъ назадъ, потому что имѣлъ во всемъ полный успѣхъ. Радость и счастье блистали въ его сангвиническомъ лицѣ, и онъ не могъ безъ восхищенія говорить о прекрасныхъ людяхъ, какіе живутъ въ Петербургѣ!.. Упоминаю объ этой встрѣчѣ съ счастливымъ человѣкомъ, потому что онъ поразилъ меня противоположностью съ собственными моими ощущеніями и съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Петербургѣ.

Около Новгорода присоединился къ намъ новый спутникъ, оригинальный по своему. Когда мы дожидались перемѣны лошадей у крыльца гостиницы, со стороны Петербурга подскакала тройка, запряженная въ телѣжку, изъ которой выпрыгнулъ молодой человѣкъ, щегольски одѣтый по дорожному, и прежде всего обратился къ кондуктору дилижанса, показывая ему билетъ. Онъ опоздалъ въ Петербургѣ, и на почтовыхъ пустился за дилижансомъ, гоня въ хвостъ и голову. Въ отдѣленіи, гдѣ было его мѣсто, оказалось и еще одно пустое, такъ что онъ немедленно залѣзъ туда и расположился тамъ спать, раздѣвшись почти до рубашки и говоря во всеуслышаніе, что не спалъ больше сутокъ. За то онъ и проспалъ сутки безпробудно. Уже на половинѣ дороги вышелъ онъ къ обѣду, и тутъ разсказалъ намъ, что онъ отставной офицеръ такой-то, откупщикъ какихъ-то городовъ въ Сибири, куда и ѣдетъ наживать деньги. Онъ съ удивительною откровенностью говорилъ о разныхъ мерзостяхъ, къ которымъ готовился, и заключилъ свои сужденія фразою: «Да! только бы нажить деньги!» Какъ видно, какіе нибудь прежніе успѣхи въ этомъ родѣ придавали ему самоувѣренность,

и онъ уже воображалъ себя милліонеромъ, а это радовало его до сумасшествія. «Вотъ еще счастливецъ!» подумалъ я невольно. Въ самомъ дѣлѣ, онъ казался счастливымъ по своему, бросалъ деньги на всякій вздоръ и выкрикивалъ трескучія фразы. Любимымъ его эпитетомъ было слово: блистательный. У него и дорога была блистательная и погода блистательная и обѣдъ, и вино блистательные! Не знаю, бластательно ли онъ продолжалъ свое поприще?

При возвращеніи въ Москву меня ожидало непредвидѣнное горе. Во время короткаго моего отсутствія, скончалась младшая сестра моя, бывшая замужемъ за И. И. Безсомыкинымъ. Наканунѣ моего отъѣзда изъ Москвы, я былъ у нея на дачѣ: она чувствовала себя немного нездоровою отъ простуды, но сама разливала чай и подшучивала надъ своею болѣзнію. Нельзя было и предполагать, что въ нэмного дней эта болѣзнь сведетъ ее въ могилу. Когда я ѣхалъ изъ Петербурга, ее уже не было въ здѣшнемъ мірѣ! Такая неожиданная потеря глубоко опечалила меня, и грустно отозвалась въ письмахъ брата, какъ увидимъ далѣе. Наша младшая сестра была существо необыкновенно прекрасное, кроткое, и немного ясныхъ дней видѣла она въ жизнь свою. Мы всѣ любили ее, и смерть ея, въ молодые годы, прибавила еще одно грустное воспоминаніе ко всѣмъ прежнимъ.

Между тѣмъ, дни и недѣли шли попрежнему, и я опять получалъ отъ Николая Алексѣевича въ неопредѣленное время письма, большею частію не радостныя, запечатлѣнныя тоскою неисцѣлимою. Въ нихъ лучше всего изображается тогдашняя его жизнь, которую описывалъ онъ мнѣ подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній, и потому я желалъ бы передать ее всю собственными его словами; къ сожалѣнію, большая часть его писемъ наполнена домашними, дѣловыми и потому даже непонятными современному читателю подробностями. Я принужденъ избирать только тѣ изъ писемъ моего брата, гдѣ онъ говорилъ не о дѣлахъ, не о старикахъ, а собственно о себѣ или о какихъ либо важныхъ въ его жизни событіяхъ.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ свиданія онъ писалъ мнѣ:

«Августа 15-го 1838 года, С.-Петербургъ.

«Съ невольнымъ содроганіемъ, мой милый братъ и другъ Ксенофонтъ, оглядываешься на прошедшее! Первое, что мнѣ теперь пришло въ голову: вотъ уже сорокъ дней, какъ мы съ тобой опять разстались! Сорокъ дней! Каждый тянулся какъ червякъ, протачивающій насквозь сердце, и уже толпа ихъ составила шесть недѣль, которыя отмѣчены нѣсколькими грустными, ни однимъ веселымъ часомъ, и затуманены темной думою о краткомъ пребываніи твоемъ здѣсь, о потерѣ въ это время милаго намъ человѣка, и о томъ, къ чему все это, и это ли жизнь? Но полученіе твоихъ писемъ всегда принадлежитъ у меня къ минутамъ свѣтлымъ.

Какія бы грустныя и тяжкія извѣстія они ни содержали, ты умѣешь писать ихъ такъ утѣшительно, такъ сладостно для сердца моего, что я отдыхаю, чувствую тогда, что въ свѣтѣ есть еще одинъ человѣкъ, съ которымъ дѣлюсь я душою, который вполнѣ понимаетъ меня, за жизнь котораго благодарю я Бога, ибо безъ тебя, думаю, мнѣ бы всего не перенести—благослови тебя Богъ за все, за все! Благодарю, благодарю,—и ты у меня точно одинъ. Есть другіе, драгоцѣнные для меня—мои дѣти, мои родные, за которыхъ готовъ я отдать жизнь мою, которые любятъ меня, но они—не ты, ихъ чувство ко мнѣ инстинктное, и съ ними не могу я дѣлиться вполнѣ моею душою. Впрочемъ, много надобно бы говорить, если бы все хотѣть высказать. Не сердись на меня, что я послѣ отъѣзда писалъ къ тебѣ только одно, дѣловое письмо. Два раза садился я писать, и въ оба раза рвалъ письма и бросалъ перо; такія грустныя выходили мои посланія! Не знаю отчего, во все это время такая печаль, такая тоска—давили, стѣсняли, душили меня, что я могъ прогонять ихъ только усиленнымъ трудомъ, и стараніемъ забыть обо всемъ и ни о чемъ не думать. Самъ не знаю, отчего былъ такой припадокъ грусти и сплина, если такъ можно назвать это... Неужели предвѣщаніе чего нибудь еще болѣе тяжкаго въ будущемъ? Но я готовъ на все—добро пожаловать! А собственно говоря, ничего особеннаго со мною не случилось: жена моя и Алексѣй пріѣхали благополучно (и Алексѣй дня два отъ радости бѣгалъ и прыгалъ какъ сумасшедшій, и теперь, когда станутъ говорить, что надобно опять ѣхать въ Москву, онъ плачетъ); отъ жестокой болѣзни моей излѣчился я совершенно (какимъ-то страннымъ, симпатическимъ лѣкарствомъ, при чемъ познакомился еще съ изобрѣтателемъ его, человѣкомъ отмѣнно замѣчательнымъ, о чемъ надобно разсказать тебѣ особенно—въ недѣлю вылѣчилъ онъ меня совершенно, хоть самъ вовсе не лѣкарь); дѣла, правда, гадки, терзательны, но они не могли въ это время сдѣлаться хуже прежняго. Тяжко мнѣ было извѣстіе о смерти сестры Лизы... Но, милый другъ! тутъ вмѣшивается для меня утѣшительное чувство. Я плакалъ, но думалъ: «тѣмъ лучше! Зачѣмъ было еще влачиться ей здѣсь? Къ чему была жизнь ея здѣсь? Еще просчитать болѣзнями и заботами нѣсколько лѣтъ?» Сегодня или завтра, для нея было все равно! Прекрасное и непостижимое явленіе была эта милая и добрая сестра наша, ибо ни передъ чьею жизнью нельзя поставить такого грустнаго: для чего?.. Словомъ: не понимаю причинъ, по которымъ такъ терзала меня съ самаго отъѣзда твоего убійственная тоска, такъ что письма, которыя я начиналъ къ тебѣ, пугали меня самого какимъ-то отчаяніемъ: я страшился послать ихъ къ тебѣ, прочитавъ самъ, и дралъ ихъ... Душа человѣческая—загадка неизъяснимая и такъ же мало зависитъ отъ насъ, какъ нашъ желудокъ. Теперь мнѣ легче... Но все еще не требуй отъ меня ничего склад-

наго, ничего систематическаго. Мой другъ и братъ! не сердись и впредь на мои нескладныя письма; не горюй, если вовсе ихъ не получишь... Не могу изобразить тебѣ безпрерывнаго страннаго соединенія двухъ крайностей въ нынѣшнемъ бытіи моемъ, какой-то нестерпимой тревоги, грусти душевной, и какого-то неопредѣленнаго порыва къ чему-то... Мнѣ надобно бы, кажется, три сердца для любви, дни въ пятьдесятъ часовъ, и восемь рукъ для работы, и все это принужденъ, долженъ я сжимать, стѣснять, нарочно долженъ бичевать себя настоящею жизнію, чтобы помирить мой безконечный внутренній міръ съ тѣснымъ міромъ внѣшнимъ... Чтò написалъ бы я теперь, если бы только было время, если бы только дали мнѣ дохнуть свободно!.. Что дѣлать? мы не творимъ себѣ условій нашего бытія! Покорность судьбамъ неисповѣдимымъ, покорность всему — слеза прошедшему, трудъ настоящему, вѣра будущему! Съ надеждой я давно распрощался, дружески, миролюбиво, но распрощался навсегда; съ любовью жестоко поссорился—это самая негодная изъ трехъ сестеръ, злая, своенравная, злопамятная; остается одна вѣра, кроткая, мечтательная, не земная, почти безплотная; остается братъ ея—трудъ. Но довольно, полно!.. Я могу исписать цѣлые листы, если стану разсказывать факты моего внутренняго міра... Лучше отдамъ теперь тебѣ отчетъ во внѣшнемъ. Мы всѣ здоровы, и спазмы мои, какъ я уже сказалъ, будто рукой сняты (чуднаго этого лѣкарства привезу я тебѣ въ Москву). Жизнь наша идетъ, какъ заведенные часы, какъ ты ее видѣлъ... (Тутъ описывалъ онъ нѣсколько домашнихъ подробностей, которыя пропускаю). Во все это время работалъ я усиленнымъ образомъ: выдалъ іюль «Сынъ Отечества», готовлю августъ и сентябрь; кромѣ того, подалъ въ цензуру VII томъ «Исторіи русскаго народа» и завтра подамъ рукопись IV тома Исторіи маленькой. Пишу, кромѣ того, Синихъ и Зеленыхъ[1]), и всячески стараюсь привести въ исполненіе условленный съ тобою планъ, то есть, чтобы окончить все, что начато мною, и тѣмъ пособить дѣламъ своимъ даже реально. Виноватъ: по нѣскольку минутъ удѣляю и Еленѣ Глинской; два акта ея почти готовы и накидывается третій. Полагаю, что всего скорѣе надобно теперь докончить Маленькую Исторію, и я стремлюсь къ этому всѣми силами. Потомъ примусь дѣятельнѣе и за другое. Послѣ отъѣзда твоего, я поплылъ развѣять грусть свою на морѣ и отдать ее вѣтрамъ балтійскимъ. Въ этомъ новомъ для меня мірѣ провелъ я цѣлыя сутки, былъ на корабляхъ, плавалъ на шлюпкахъ, и какъ дитя радовался новости дивныхъ

---

[1]) Это небольшой романъ изъ византійской исторіи, впослѣдствіи напечатанный (подъ заглавіемъ «Византійскія легенды»). Исторіею маленькой называетъ онъ написанную имъ русскую исторію въ 4-хъ томахъ, которую началъ онъ печатать еще въ Москвѣ.

впечатлѣній! Чтобы, кстати, исчислить тебѣ разныя варіаціи моего житья-бытья, вотъ онѣ за все это проведенное безъ тебя время: два утра просидѣлъ я съ Денисомъ Давыдовымъ, который старѣетъ ужасно, и живетъ въ прошедшемъ, или лучше сказать, въ одномъ: 1812-мъ годѣ и Наполеонѣ. Утро пробылъ я еще у Скобелева, который увлекъ меня своими оригинальными разсказами. Наконецъ, утро отдалъ я Данилевскому, который оказываетъ мнѣ теперь самое дружеское расположеніе. Раза два или три былъ я еще въ особенномъ мірѣ у Кузина, который играетъ теперь здѣсь первую роль между откупщиками. — Въ прошедшій вторникъ Лукмановъ давалъ большой обѣдъ академикамъ (онъ привезъ сюда въ академію свои картоны); но между академиками были приглашены и литераторы—Крыловъ, Гречъ, Кукольникъ; былъ Монферранъ, былъ я, былъ Глинка (С. Н.), и гости разошлись часу въ 12-мъ ночи. Всего любопытнѣе для меня были тутъ: продолжительный разговоръ съ Крыловымъ и знакомство съ Монферраномъ. Вотъ что было со мною въ эти дни самое любопытное; остальное все оффиціально, и къ свѣдѣнію твоему сообщить развѣ слѣдующее: журналъ «миваго» [1]) сняла компанія, гдѣ редакторомъ будетъ Краевскій, а участниками Недоумка, князь Одоевскій, Бенедиктовъ—всего по счету 70 человѣкъ!»... (окончаніе этого письма, къ сожалѣнію, потеряно).

Около начала ноября ѣздилъ въ Петербургъ г. Ратьковъ, управлявшій въ Москвѣ моею книжною торговлею, которая постепенно увеличилась. Едва воротился онъ, какъ я получилъ отъ брата письмо, замѣчательное смѣсью грусти, простодушія и вмѣстѣ какой-то веселости больного человѣка. Выпишу изъ этого письма, что можно; остальное показалось бы, безъ длинныхъ объясненій, загадками для читателя, не знающаго искренниxъ, домашнихъ подробностей семейной нашей жизни того времени.

«Почтеннѣйшій (т. е. П. А. Ратьковъ) будетъ уже съ тобою, мой любезный, добрый Ксенофонтъ, и, вѣроятно, успѣетъ уже пересказать тебѣ обо мнѣ всѣ новости, когда ты получишь это письмо, пущенное вслѣдъ за нимъ. И не странность ли? писать тотчасъ послѣ свиданія съ нимъ, и не писать съ нимъ ничего, а вслѣдъ его пустить посланіе? Что дѣлать! На странности закона нѣтъ, какъ на глупости человѣчьи законъ не писанъ. Главная причина моего молчанія была та, что я хотѣлъ непремѣнно ѣхать въ Москву и все время перепуталось при томъ у меня въ работѣ, досадѣ, невозможности освободить тебя отъ досадъ по моимъ московскимъ порученіямъ, и проч. и проч. А можетъ быть и отцова при-

---

[1]) «Отечественныя Записки» Свиньина, который съ близкими знакомыми обыкновенно употреблялъ слово **милый**, а произносилъ его **мивый**. Н. Ал. самого его называлъ—«**мивый**».

вычка, непобѣдимое влеченіе природы отцовской — молчать, когда говорить много нѣкогда и говорить веселаго нечего! Теперь я понимаю, отчего, бывало, онъ лежитъ, никуда не ходитъ, ни къ кому не пишетъ... Впрочемъ, почтеннѣйшій можетъ тебѣ разсказать, что особеннаго со мною ничего не сдѣлалось—все попрежнему... томительная, безрадостная, механическая жизнь, положеніе человѣка, котораго осыпали мошки и пчелы или осы, и кусаютъ, а онъ отгоняетъ ихъ, колотитъ — въ надеждѣ, что когда нибудь успѣетъ убѣжать отъ преслѣдованія этихъ не смертельныхъ, но скучныхъ насѣкомыхъ, которыя не ѣдятъ и не съѣдятъ, но кусаютъ больно и до опухоли... Да бросимъ этотъ вздоръ—чего нельзя перемѣнить, на то и жаловаться не должно. Скажу лучше, что теперь я располагаю рѣшительно, и надобно мнѣ непремѣнно въ Москву пріѣхать. Думаю встрѣтить новый годъ вмѣстѣ съ тобою; мое пребываніе въ Москвѣ продолжится недѣлю. Чтобы выгадать двѣ недѣли для цѣлой поѣздки, я теперь стараюсь кончить двѣ книжки нынѣшняго и первую будущаго года—ничего не пощажу, развѣ нездоровье одолѣетъ; а силы возстановятъ моя поѣздка, и свиданіе съ тобою. Это мнѣ мечтается радостнымъ событіемъ— тогда поговоримъ обо всемъ и о будущемъ, и о твоемъ предложеніи, которое доказываетъ твою любовь ко мнѣ; но пока, въ настоящихъ обстоятельствахъ, неисполнимо, милый другъ! Слова твои отзываются въ глубинѣ души моей и услаждаютъ только тѣмъ, что въ тебѣ вижу я истиннаго человѣка, прекрасное божье созданіе и друга моего! Ты съ каждымъ днемъ, съ каждымъ поступкомъ твоимъ становишься безцѣннѣе, неоцѣненнѣе для меня... Добрый Ксенофонтъ! объ этомъ не говорятъ—это чувствуютъ только; не станемъ же гадить небесныхъ чувствъ словами — они даны намъ на издержки земныя! Обращаюсь къ землѣ. Прошу и умоляю тебя прочесть прилагаемый при семъ отдѣльно листъ о дѣлахъ моихъ. Каждый пунктъ толковалъ я подробно почтеннѣйшему, и прошу тебя по однимъ пособить мнѣ, по другимъ исполнить, по третьимъ посовѣтовать. Къ первымъ принадлежитъ двѣ первыя статьи, и особенно вторая изъ нихъ, а къ третьимъ — статья о Дюмонъ-Дюрвилѣ и предложеніе Плюшара. Кажется, что по московскимъ моимъ дрязгамъ, при надеждѣ на твою дружбу и стараніе добраго почтеннѣйшаго, непріятностей быть не можетъ; впрочемъ, да будетъ воля Божія! Теперь о почтеннѣйшемъ: я ему душевно обрадовался и старался смѣшить его, перебралъ съ нимъ старину, толковалъ о Смирдинѣ, Заикинѣ, Фариковѣ, Бородинѣ, обо всемъ, и, какъ нарочно случилось — наканунѣ отъѣзда его былъ бенефисъ Асенковой и игралась моя пьеса, которая имѣла необыкновенный успѣхъ, какого я не ожидалъ, хотя она точно не дурна и вышла довольно кругла и завлекательна на сценѣ. Прочти ее. Говорятъ, что ее взялъ уже въ Москвѣ на бенефисъ свой Орловъ,

но не думаю, чтобы тамъ она прошла удачно. Здѣсь, сегодня, даютъ ее уже вторично и театръ будетъ опять набитъ, ибо билетовъ въ кресло поутру уже не было ни одного. Но это дѣло постороннее, а главное почтеннѣйшій, который былъ очень доволенъ, что наглядѣлся на Асенкову, во всѣхъ видахъ и, кажется, уѣхалъ отсюда доволенъ и веселъ. Поблагодари его отъ меня за подарокъ мнѣ пріѣздомъ. Кстати о смѣшномъ: здѣсь неожиданно являлся Лотхенъ [1]), хохоталъ и уѣхалъ предоволенъ, получивши обѣщаніе на какое-то пустое мѣстишко. Счастливцы!.. Важное событіе: надняхъ ѣдетъ въ Москву Демонъ [2]); заѣзжалъ ко мнѣ ругать меня, и теперь у него главный источникъ смѣха—смѣшное здѣшное общество мальчишекъ, редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ», которые, какъ нѣкогда московскіе мальчишки, смертельно боятся его. Что еще сказать новаго? О литературѣ писать не хочется—гадкое, отвратительное скопище дураковъ и шарлатановъ, погруженное въ сплетни и гадости! Довольно, что я пишу о литературныхъ пакостяхъ въ «Сынѣ Отечества». Не повѣришь, какъ мнѣ тошно и отвратительно среди этого клубка глистовъ—но чортъ съ ними!.. Лучше попросить тебя напомнить обо мнѣ твоимъ»...

Дѣйствительно, только я могъ понимать человѣка, способнаго написать подобное письмо въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ! Онъ такъ же искренно и простодушно шутилъ, какъ грустилъ и глубоко чувствовалъ все, происходившее вокругъ него и отзывавшееся на душѣ его. Это письмо показывало человѣка, не упадающаго духомъ ни при какихъ трудностяхъ жизни; не утомленнаго, но скучающаго жизнью, которая не представляла ничего утѣшительнаго. Онъ былъ способенъ увлекаться и обольщаться малѣйшею улыбкою судьбы и даже мечтою, потому что не умѣлъ ничего чувствовать въ половину, и въ самыя горькія минуты бывалъ иногда веселъ искренно.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

К. Полевой.

[1]) Такъ называлъ Н. А. одного дальняго родственника нашего, тогда молодого офицера Кассіана Сем. Любарскаго.

[2]) Въ тѣсномъ кругу близкихъ пріятелей такъ назывался С. А. Соболевскій, который въ глаза обыкновенно не щадилъ ихъ. Первый князь Одоевскій называлъ его: «мой Демонъ».



Н. А. КУДРЯВЦЕВЪ И ЕГО ПОТОМСТВО [1].

VI.

Императрица Екатерина II въ Казани въ 1767 г. и свиданіе ея съ Нефедомъ Никитичемъ Кудрявцевымъ. — Взятіе Казани Пугачевымъ и убіеніе Нефеда Никитича Кудрявцева.

(1767—1774 гг.).

ВЪ МАѢ 1767 ГОДА императрица Екатерина II посѣтила Казань. Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ былъ уже въ то время весьма дряхлымъ старцемъ: ему было лѣтъ 90 или даже болѣе того—онъ переживалъ свой вѣкъ. Онъ не только похоронилъ обѣихъ своихъ дочерей, но и зятя—Алексѣя Даниловича Татищева и внуку, Анну Алексѣевну, первую жену графа Петра Ивановича Панина. Кудрявцевъ не могъ уже ясно разглядѣть черты лица «Семирамиды сѣвера», такъ какъ былъ почти слѣпъ и жаждалъ хоть слышать голосъ той «героини», «славнѣйшей изъ женъ», которой восхищались всѣ современники и которую онъ зналъ лишь по наслышкѣ. Много хлопотъ стоило это дряхлому старику, на котораго въ то время въ Казани, повидимому, не обращали уже особаго вниманія; но Нефедъ Никитичъ достигъ, наконецъ, своего желанія, и въ воспоминаніе своей радости подарилъ императрицѣ четверку прекрасныхъ вороныхъ лошадей съ своего Каймарскаго завода. Екатерина II

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXIX, стр. 233.

называетъ Кудрявцева въ шутку «безсмертнымъ» въ своихъ письмахъ изъ Казани къ Никитѣ Ивановичу Панину. Въ одномъ изъ нихъ императрица такъ описываетъ свою встрѣчу съ Нефедомъ Никитичемъ. «Скажите брату вашему, что вчерась (28 мая 1767 года), я была въ здѣшнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ у воротъ встрѣтилъ меня его дѣдушка, Кудрявцевъ, и такъ мнѣ обрадовался, что почти говорить не могъ. Я остановилась и съ нимъ начала говорить, и онъ мнѣ сказывалъ, что онъ очень слабъ и почти слѣпъ, и какъ головою все подвигался, чтобъ меня видѣть, то и я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ онъ казался весьма довольнымъ; онъ уже ни ходить, ни одѣваться не можетъ, его водятъ» [1]).

Черезъ семь лѣтъ послѣ посѣщенія Казани Екатериной II, надъ всѣмъ Казанскимъ краемъ разразилась страшная общественная буря—Пугачевщина. 10 іюля 1774 года, шайки Пугачевцевъ подступали къ Казани съ востока и сѣверо-востока, опустошая окрестныя помѣщичьи селенія и производя безобразный самосудъ надъ помѣщиками и ихъ управляющими и приказчиками. Казанскіе помѣщики организовали для борьбы съ мятежниками дворянскій конный легіонъ изъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и нѣкоторые изъ нихъ сами поступили въ этотъ легіонъ, а другіе спасались изъ своихъ деревень въ Казань. Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, не имѣя возможности, за дряхлостью, лично принять участіе въ борьбѣ съ Пугачевцами, отправилъ въ дворянскій легіонъ часть своихъ крестьянъ, а также своего внука Петра Алексѣевича Татищева и его сына, своего правнука, Петра Петровича Татищева, заповѣдуя имъ обоимъ не щадить жизни въ вѣрности императрицѣ Екатеринѣ II [2]). Самъ Кудрявцевъ выѣхалъ въ Казань изъ своихъ Каймаръ незадолго передъ тѣмъ, какъ явились туда Пугачевцы, отъ которыхъ крестьяне со страху прятались въ сосѣдніе лѣса. Сергѣй Степановъ Закамской, передаетъ слѣдующія подробности о разгромѣ Пугачевцами Каймаръ: «Когда изъ шайки Пугача наѣхали въ Каймары съ тѣмъ, чтобы сыскать помѣщика Кудрявцева, въ покояхъ его поймали дядьку его Порфирія Барабанова, который былъ тучный собою и одѣвался чистенько. Сочтя Барабанова за помѣщика, они повѣсили его, хотя крестьяне увѣряли ихъ, что это дядька его. Приказывали эти бунтовщики священнику Семену Иванову созвать народъ изъ лѣсу посредствомъ звона колоколовъ. Когда народъ былъ созванъ, стали они допрашивать священника о помѣщикѣ; онъ ихъ увѣрялъ, что помѣщикъ въ Казани, а повѣшенный ими его дядька. Священника тоже хотѣли повѣситъ, но народъ едва-едва упросилъ ихъ за его

---

[1]) «Сб. Русск. Ист. Общ.», т. VI, стр. 160.

[2]) См. донесеніе графа П. И. Панина Екатеринѣ II отъ 10 октября 1774 г., «Сб. Русск. Ист. Общ.», т. VI, стр. 164—165.

добрую жизнь и усердную его службу оставить его, не предавать никакому наказанію. Эти злоумышленники выломали кладовыя у помѣщика, въ которыхъ были мѣдныя деньги сложены полѣнницами въ мѣшкахъ, и стали бросать оныя деньги народу, также пряники и орѣхи, которые тутъ же нашли; такъ было много всего, что и малыя дѣти приносили подолами всего не по одному разу».

Но Нефедъ Никитичъ не спасъ таки себя отъ разъяренной толпы мятежниковъ. 12 іюля, завладѣвъ на Арскомъ полѣ подъ Казанью рощей, кирпичными сараями и загороднымъ домомъ Кудрявцева (изъ котораго перестроена теперешняя приходская церковь св. великомученицы Варвары, близь Родіоновскаго института), мятежники устроили въ немъ свои баттареи, съ которыхъ и открыли огонь по первому высланному противъ нихъ отряду войскъ [1]). Казань была взята Пугачевымъ и сожжена. Множество «разнаго чина людей» погибло на казанскихъ улицахъ. Въ то время какъ часть служилыхъ людей вмѣстѣ съ окрестными помѣщиками заперлись въ казанской крѣпости, другіе помѣщики и обыватели казанскіе искали убѣжища въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ числѣ ихъ находился и Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, не хотѣвшій укрыться въ крѣпости и надѣявшійся спасти себя въ церкви близь чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Но Казанскій монастырь былъ разрушенъ и почти 100-лѣтній старецъ Нефедъ Никитичъ былъ умерщвленъ на церковной паперти Пугачевцами, подъ предводительствомъ предавшагося Пугачеву осинскаго гарнизоннаго подпоручика Миняева. Домъ Кудрявцева, находившійся близь церкви Николы Тульскаго—сгорѣлъ, а имущество изъ него было разграблено, при чемъ погибло много фамильныхъ документовъ и дѣловыхъ бумагъ [2]).

Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ въ памяти ближайшихъ къ нему поколѣній являлся героемъ, мученикомъ за убѣжденія. Въ преданіяхъ о его смерти дѣйствительность прикрашивалась фантазіею. Такъ, напримѣръ, по этимъ преданіямъ въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, является самъ Пугачевъ и его въ глаза обличаетъ Кудрявцевъ; между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности Пугачевъ не былъ въ Казанскомъ монастырѣ, а во время его разрушенія овладѣлъ гостинымъ дворомъ близь крѣпости.

Извѣстный патріотъ публицистъ С. Н. Глинка, а за нимъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій, на основаваніи этихъ изустныхъ преданій, сообщаютъ слѣдующія подробности о смерти Нефеда Никитича Кудрявцева: «Въ Казани, въ старости маститой, Кудряв-

[1]) Пушкинъ, «Исторія Пугачевскаго бунта», собр. сочиненій, изд. Анненкова, 1855 г., т. VI, стр. 183.

[2]) Донесеніе графа Панина отъ 10 октября 1774 г., «Сб. Русск. Ист. Общ.», т. VI, стр. 164 — 165. Прошеніе Екатерины Петровны Энгельгардтъ 1800 г., доставленное Н. Е. Боратынскимъ.

цевъ явилъ разительный примѣръ непоколибимой вѣры и вѣрности, который не умретъ въ исторіи: въ 1774 году, когда Пугачевъ двинулся съ скопищами своими къ Казани, губернаторъ приказалъ всѣмъ жителямъ удалиться въ крѣпость. Столѣтній Кудрявцевъ отказался идти въ оную.

— Я останусь въ предмѣстіи,—сказалъ онъ,—хочу видѣть самозванца, хочу изобличить его передъ Богомъ и людьми.

Не владѣя ногами, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и болѣзней, онъ упросилъ, чтобы его перенесли на креслахъ въ Казанскій дѣвичій монастырь. Вскорѣ мятежники ворвались въ предмѣстіе и въ церковь, гдѣ находился великодушный старецъ. Пугачевъ предводительствовалъ ими. При видѣ злодѣя и сообщниковъ его, Кудрявцевъ забылъ свои немощи, одушевился новыми силами, грозно и съ презрѣніемъ воззрѣлъ на возмутителей благосостоянія родины.

— Злодѣи!—воскликнулъ онъ,—вы забыли Бога; измѣнили вѣрѣ; измѣнили императрицѣ. Страшитесь суда Божія! Невинная кровь, вами пролитая, вопіетъ къ небесамъ; и вы дерзаете присутствіемъ своимъ осквернять храмъ Господень!

Воскипѣвъ яростію, Пугачевъ приказалъ предать Кудрявцева смерти. Злодѣи устремились на него съ саблями и копьями. Вѣрный сынъ отечества, пораженный уже многими ударами, плавая въ крови, снова возвысилъ голосъ, подкрѣпляемый благочестіемъ.

— Я не страшусь смерти,—вопіялъ онъ,—вы отворяете мнѣ путь въ селенія небесныя. А для васъ ужасна будетъ и жизнь и смерть. Покайтесь; обратитесь къ Богу; вспомните присягу; истребите злодѣя: онъ ведетъ васъ къ пагубѣ!

Мгновенно засвистала смертоносная пуля; мужественный голосъ Кудрявцева пресѣкся вмѣстѣ съ жизнію его. Враждуя противъ добродѣтели и вѣры, Пугачевъ приказалъ зажечь храмъ Господень. По удаленіи буйныхъ скопищъ, погасили пламя, и полусгорѣвшее тѣло страдальца было отыскано и погребено въ той же церкви внукомъ его Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ» [1]).

До сихъ поръ, при входѣ въ зимнюю церковь Казанскаго дѣвичьяго монастыря, въ сѣняхъ, у стѣны, противъ келій игуменьи существуетъ большое рѣзное изъ дерева распятіе съ предстоящими Св. Дѣвой и Іоанномъ Богословомъ. Передъ распятіемъ теплится неугасимая лампада. По преданію, живущему въ монастырѣ, на этомъ мѣстѣ убитъ и погребенъ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, «Слов. дост. людей Русск. земли», изд. 1836 г., т. III, стр. 127—128. Бантышъ-Каменскій заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ «Русской Исторіи» С. Глинки, на которую у него находится цитата.

VII.

Дочь Нефеда Никитича Кудрявцева Анастасія-Марія и ея мужъ Алексѣй Даниловичъ Татищевъ.

Изъ многочисленнаго семейства Нефеда Никитича Кудрявцева достигли зрѣлаго возраста лишь двѣ дочери—Анастасія-Марія (родилась въ 1708 году † 17 марта 1737 года) и Александра. Первая вышла замужъ около 1726 года за Алексѣя Даниловича Татищева, вторая поступила въ Казанскій дѣвичій монастырь и умерла въ немъ схимницей.

Мужъ Анастасіи Нефедьевны Кудрявцевой, Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, не связавшій своего имени съ какимъ нибудь важнымъ событіемъ въ исторіи Россіи, является тѣмъ не менѣе безъинтересной личностью въ исторіи русской общественности XVIII вѣка. Не состоя въ родствѣ съ своимъ знаменитымъ однофамильцемъ—первымъ русскимъ историкомъ Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ (они принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ линіямъ этой фамиліи), по своему «умоначертанію», какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, Алексѣй Даниловичъ представляетъ діаметральную противоположность послѣднему.

Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, въ молодости любимый денщикъ Петра Великаго, отличался смѣтливостью, расторопностью и умѣньемъ угодить. Эти качества провели его невредимымъ черезъ Сциллу и Харибду дворскихъ переворотовъ, послѣдовавшихъ за смертію «перваго императора». Онъ былъ одинаково «угоденъ» и Екатеринѣ I и Аннѣ Іоанновнѣ, и Бирону и Елизаветѣ Петровнѣ; лишь князьямъ Долгорукимъ не смогъ угодить Алексѣй Даниловичъ, и, во время ихъ фавора, при Петрѣ II онъ былъ удаленъ отъ двора. При Аннѣ Іоанновнѣ Татищевъ былъ камергеромъ и явился иниціаторомъ пресловутой потѣшной свадьбы придворнаго шута квасника-Голицына съ калмычкой Бужениновой въ «ледяномъ домѣ». Ему принадлежитъ замыселъ какъ самой свадьбы, такъ и «машкерадной» процессіи при брачномъ торжествѣ, распорядителемъ которой былъ А. П. Волынскій. Императрица Елизавета Петровна въ день своей коронаціи возложила на Татищева Александровскій орденъ, въ 1745 году назначила его генералъ-полицеймейстеромъ, съ производствомъ въ генералъ-поручики. Эту должность занималъ онъ въ теченіе пятнадцати слишкомъ лѣтъ, до самой своей смерти, и понесъ немало труда, стоя во главѣ управленія русской полиціей почти въ теченіе всего царствованія Елизаветы Петровны. Въ богатой новыми фактическими данными книгѣ П. Н. Петрова «Исторія С.-Петербурга съ 1703 по 1782 годъ» (С.-Петербургъ 1885 годъ, большой томъ in 8° въ 1,117 стр.)—болѣе ста

страницъ отведено обзору дѣятельности генералъ-полицеймейстера Татищева. Отсылая читателей къ любопытнымъ подробностямъ книги г. Петрова, укажемъ лишь на нѣкоторые болѣе выдающіеся факты изъ служебной дѣятельности А. Д. Татищева, на основаніи этой книги.

Должность генералъ-полицеймейстера была поставлена императрицей Елизаветой Петровной на небывалую до нея высоту. Изъ 5-го класса петровской табели о рангахъ она была возвышена въ 3-й и соединена съ военнымъ чиномъ генералъ-поручика. Генералъ-полицеймейстеръ, глава всей полиціи въ русскомъ государствѣ и главный начальникъ полиціи столичной, былъ подчиненъ только самой императрицѣ. Всѣ распоряженія по полиціи въ С.-Петербургѣ производились высочайшими повелѣніями, которыя объявлялъ генералъ-полицеймейстеръ; сенатъ лишенъ былъ права посылать ему «повелительные указы» и принимать жалобы на полицейскихъ чиновъ; всѣ такія жалобы разсматривались самимъ генералъ-полицеймейстеромъ и лишь на него приносилась жалоба сенату. Сама всесильная въ XVIII вѣкѣ Тайная Канцелярія не могла предписывать генералъ-полицеймейстеру, а должна была сноситься съ нимъ «промеморіями». Слѣдственная часть по Петербургу и его губерніи была сосредоточена также при управленіи генералъ-полицеймейстера, въ видѣ особой розыскной экспедиціи. Такое возвышеніе должности генералъ-полицеймейстера вызывалось, съ одной стороны ловкой и «угодливой» личностью А. Д. Татищева, а съ другой временными обстоятельствами.

Татищевъ рѣшился создать себѣ изъ новой должности положеніе. Приблизившись къ императрицѣ, онъ сталъ угождать и сильнымъ при ея дворѣ лицамъ: графамъ Разумовскимъ, а затѣмъ Шуваловымъ, Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, Бутурлинымъ и князьямъ Куракинымъ. При помощи этихъ сильныхъ «патроновъ», ему удалось разыграть роль сановника, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ сильную власть и видное служебное положеніе. Обстоятельства, заставлявшія тогдашнее русское правительство обратить вниманіе на организацію полиціи, опредѣлялись, прежде всего, безпорядками въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ во всемъ государствѣ и особенно безпорядками въ управленіи новой столицы, этого «парадиза», построеннаго Петромъ Великимъ на финскомъ болотѣ.

Особенно много безпокойствъ причинилъ въ то время правительству извѣстный разбойникъ, а затѣмъ сыщикъ Сыскнаго Приказа Ванька Каинъ—этотъ удалой добрый молодецъ изъ подонковъ русскаго народа, неудачникъ изъ того же типа людей, изъ котораго «удачниками» выходили Пугачевъ и другіе герои понизовой вольницы. Воровскія похожденія Ваньки Каина въ Москвѣ въ 1748 году, похожденія, имѣвшія связь съ недавно проявившеюся тогда

хлыстовскою ересью—заставили раскассировать весь наличный составъ Московскаго Суднаго Приказа. [1]) Только что законченная въ 1743 году вторая ревизія констатировала наплывъ въ Петербургъ громаднаго количества безпаспортныхъ, которые свободно укрывались въ лачугахъ, на пустыряхъ, бывшихъ въ изобиліи на мѣстѣ теперешнихъ лучшихъ петербургскихъ улицъ. Грабежи, разбои, частые пожары въ столицѣ—были естественнымъ результатомъ такого наплыва «шатущаго люда» и очень озабочивали предержащихъ властей. Пьянство въ кабакахъ и уличный развратъ на самыхъ видныхъ петербургскихъ улицахъ, корчемство, азартныя игры въ карты и кости, ростовщичество и обращеніе въ изобиліи большого количества векселей, контрабандная торговля разными запрещенными таможеннымъ тарифомъ товарами—дополняли непригляднуюю картину общественнаго состоянія Петербурга при императрицѣ Елизаветѣ. Контрабандные товары привозились чиновниками и служителями иностранныхъ посольствъ, которые были освобождены отъ таможеннаго досмотра и платежа пошлинъ за свои пожитки. Дома этихъ посольствъ являлись притономъ подозрительныхъ личностей, тайно пріѣзжавшихъ изъ-за границы, и всякихъ недозволенныхъ сборищъ и противозаконной продажи вина.

А. Д. Татищевъ дѣятельно принялся «предупреждать» и «пресѣкать», испрашивая цѣлый рядъ высочайшихъ повелѣній для возведенія въ Петербургѣ новыхъ зданій съ цѣлію застроить пустыри и для искорененія въ столицѣ указанныхъ выше ненормальныхъ явленій, не жалѣя притомъ батожья и «кошекъ». На сколько генералъ-полицеймейстеръ выражалъ свою ревность въ борьбѣ съ ворами и разбойниками, всего лучше видно изъ слѣдующаго преданія объ А. Д. Татищевѣ, приводимаго его біографомъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. Позорное клеймо вора, налагаемое на лице преступника и отмѣненное лишь императоромъ Александромъ II двадцать три года тому назадъ (17 апрѣля 1863 года)—изобрѣтено Татищевымъ. Онъ находилъ это средствомъ очень удобнымъ для ловли бѣжавшихъ изъ тюремъ и съ каторги преступниковъ.

— «Но,—возразилъ Татищеву одинъ изъ сановниковъ, которымъ онъ передавалъ свой проектъ,—бываютъ случаи, что иногда невинный получаетъ тяжкое наказаніе, и потомъ невинность его обнаруживается: какимъ образомъ освободите вы его отъ поносительныхъ знаковъ?»

— Весьма удобнымъ,—отвѣчалъ улыбаясь Татищевъ,—стоитъ только къ слову воръ прибавить еще двѣ литеры—не [2]).

---

[1]) Подробности см. въ монографіяхъ о Ванькѣ Каинѣ Г. В. Есипова «Восемнадцатый вѣкъ», сборникъ П. И. Бартенева, т. III и Д. Л. Мордовцева «Древняя и Новая Россія» 1876 годъ, т. III.

[2]) Словарь достоп. людей, изд. 1847 года, т. III, с. 398.

Императрица Елизавета любила, какъ извѣстно, и Богу помолиться усердно, и покушать сладко, и повеселиться. При ней возобновлены были совершенно прекратившіеся съ Петра Великаго «богомольные походы» въ монастыри московскихъ государей прежняго времени: императрица посѣщала въ торжественныхъ шествіяхъ и поѣздкахъ и вновь заведенную въ Петербургѣ Александроневскую лавру и монастыри новгородскіе и московскіе; особеннымъ торжествомъ отличались ея «походы» въ Троицкую лавру. Говѣнье императрицы, церковныя служенія въ царскіе и викторіальные дни и въ важнѣйшіе церковные праздники—составляли придворныя торжества. Рядомъ съ этими богомоліями шли придворные куртаги, театральныя представленія, посѣщенія государыней придворныхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и за городомъ, въ его окрестностяхъ, и торжественныя бракосочетанія и похороны высокопоставленныхъ лицъ. Иллюминаціи и фейерверки зажигались придворными при посѣщеніи ихъ императрицей; иллюминаціи и фейерверки освѣщали петербургскія улицы въ разные торжественные царскіе дни. Генералъ-полицеймейстеру было множество хлопотъ. Онъ долженъ былъ всюду сопровождать императрицу и дѣлать множество весьма сложныхъ распоряженій для соблюденія во всѣхъ этихъ торжествахъ должной тишины и необходимаго порядка.

Усердіе А. Д. Татищева вознаграждалось. Старшая изъ его дочерей была любимой фрейлиной императрицы, и онъ съумѣлъ ее выгодно пристроить, выдавъ замужъ за человѣка съ весьма хорошими связями при дворѣ. Самъ онъ получилъ въ подарокъ домъ въ Петербургѣ и не задолго до смерти произведенъ въ генералъ-аншефы.

Онъ умеръ 21 сентября 1760 года.

VIII.

Петръ Алексѣевичъ Татищевъ—масонъ.

Отъ Анастасіи-Маріи Нефедьевны Кудрявцевой у Алексѣя Даниловича Татищева родились сынъ Петръ и двѣ дочери—Анна и Марія.

Петръ Алексѣевичъ Татищевъ не наслѣдовалъ угодливости и вообще свойствъ своего отца и представляется намъ съ совершенно иными наклонностями. Сынъ Елизаветинскаго генералъ-полицеймейстера является весьма плохимъ служакой, сибаритомъ и мистикомъ и вводитъ насъ въ сферу совершенно противоположную сферамъ придворной и полицейской, въ которыхъ вращался его отецъ. Петръ Алексѣевичъ Татищевъ былъ масономъ, другомъ

Новикова и Шварца, и игралъ весьма видную роль въ дѣятельности московскихъ «свободныхъ каменьщиковъ».

Онъ началъ службу въ гвардіи, но рано вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ, женился на Анастасіи Парамоновнѣ Плещеевой, скоро овдовѣлъ и поселился на постоянное жительство въ Москвѣ, въ родовомъ своемъ домѣ, у Красныхъ воротъ, проводя лѣто въ Казани, около которой имѣлъ значительныя имѣнія, унаслѣдованныя имъ отъ отца и отъ матери [1]).

Одинъ изъ историковъ русскаго масонства, М. Н. Лонгиновъ, такъ характеризуетъ П. А. Татищева и его увлеченіе масонствомъ: «Петръ Алексѣевичъ жилъ въ Москвѣ, въ огромномъ домѣ своемъ, тратя большія суммы на всевозможныя прихоти, задавая роскошные пиры, и окружась цѣлымъ дворомъ приживальщиковъ и нахлѣбниковъ, которые пріучили его къ лести, расточаемой всегда передъ щедрыми богачами. Возможность удовлетворять немедленно всѣ желанія и причуды довела Татищева до пресыщенія жизнію. Онъ разочаровался въ ея радостяхъ и наслажденіяхъ, искалъ новыхъ удовольствій—и не находилъ ихъ, исчерпавши самый источникъ ихъ до дна. Это сильно подѣйствовало на его характеръ, омраченный также горестнымъ опытомъ, выказавшимъ ему въ истинномъ свѣтѣ льстецовъ, которые его окружали. Татищевъ сдѣлался недовѣрчивъ къ людямъ, которые такъ долго его обманывали, перемѣнилъ образъ жизни, уединился и былъ прославленъ за скупца тѣми же, которые еще недавно превозносили и употребляли во зло его щедрость. Вѣроятно въ то время, когда Татищевъ прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ, чтобъ одолѣвать томившую его тоску и надѣялся оживить себя какою либо новою дѣятельностію, онъ вступилъ какъ-то въ масоны. Вскорѣ онъ сдѣлался мастеромъ стула въ ложѣ «Трехъ знаменъ», собиравшейся въ его домѣ и работавшей по системѣ «строгаго наблюденія», которой статуты и степени, до четвертой включительно, были ею получены изъ Берлина черезъ члена ея, проживавшаго въ Москвѣ, англійскаго купца Туссеня» [2]).

Получивъ, въ 1779 году, патентъ на званіе мастера ложи «Трехъ знаменъ» отъ герцога брауншвейгъ-люнебургскаго Фердинанда, великаго мастера всѣхъ соединенныхъ шотландскихъ ложъ, игравшаго первенствующую роль въ масонствѣ XVIII вѣка, Петръ

---

[1]) «Дневникъ графа А. А. Бобринскаго», Р. Арх. 1877 годъ, т. III, ст. 142.— Въ концѣ 1760-хъ годовъ П. А. Татищевъ владѣлъ слишкомъ 800 ревизскими душами изъ наслѣдственныхъ имѣній отца въ одной лишь тогдашней Казанской провинціи (=всей теперешней восточной части Казанской губерніи и прилегающимъ къ ней уѣздамъ губерній Вятской, Уфимской и Самарской). Списокъ помѣщиковъ Казанской провинціи 1760-хъ годовъ, доставленъ Н. П. Лихачевымъ.

[2]) Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, М. 1867 годъ, ст. 139—140.

Алексѣевичъ Татищевъ пользовался большимъ авторитетомъ среди нѣмецкихъ и русскихъ масоновъ. Въ 1782 году, онъ является вмѣстѣ съ Новиковымъ главнымъ мастеромъ (предсѣдателемъ) ложи «Гармонія», а въ 1783 году стоитъ во главѣ всѣхъ русскихъ масоновъ. Россія была восьмой провинціей ордена, и, за вакансіей провинціальнаго великаго мастера, во главѣ русской провинціи стоитъ ея «пріоръ» (старшая должность послѣ «великаго мастера») Петръ рыцарь a signo triumphale—Петръ Алексѣевичъ Татищевъ. Въ то же время онъ занимаетъ мѣсто префекта ложи «Коронованнаго знамени», которая, какъ кажется, извѣстна была также подъ именемъ «капитула Татищева». Къ нему пишутся письма отъ нѣмецкихъ «братій», ему же, вмѣстѣ съ Новиковымъ и княземъ Трубецкимъ поручается, въ 1784 г., нѣмецкими масонами образовать въ Москвѣ «директорію для теоретической степени»[1]).

П. А. Татищевъ былъ также однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ-учредителей и денежныхъ вкладчиковъ извѣстнаго «Дружескаго ученаго Общества», основаннаго московскими масонами въ 1781 году, а затѣмъ и знаменитой «Компаніи типографической», давшей возможность широко развиться издательской дѣятельности Новикова. Въ салонахъ московскаго дома Татищева возникла самая мысль о «Дружескомъ» обществѣ, и въ этихъ салонахъ происходили его собранія[2]).

По всей вѣроятности, П. А. Татищевъ былъ насадителемъ масонства въ Казани, и если когда нибудь мы познакомимся съ совсѣмъ еще не изслѣдованной исторіей русскаго провинціальнаго масонства, то казанская ложа «Восходящаго солнца», безъ сомнѣнія, явится связанною тѣсными узами съ дѣятельностью П. А. Татищева.

Петръ Алексѣевичъ Татищевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ главнаго зиждителя и руководителя московскихъ масоновъ, профессора Шварца, высокогуманная натура котораго подчиняла своему нравственному авторитету всѣхъ, съ кѣмъ входила въ духовное общеніе: всѣ московскіе масоны испытывали на себѣ его нравственное превосходство. Шварцъ, если справедливо свѣдѣніе, сообщаемое однимъ современникомъ, вращавшимся въ кружкахъ московскихъ масоновъ, не высоко ставилъ умственныя качества Татищева, но пользовался его богатствомъ и связями на пользу

---

[1]) См. статьи Ешевскаго въ «Русск. Вѣстн.» 1864 г., т. LII, стр. 361—406; 1865 г., т. LVI, стр. 5—52. См. также брошюру А. Н. Пыпина: «Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его (1731—1822)», Спб., 1873 г. (напечатано въ количествѣ 99 экземпляровъ) и «Новые документы по дѣлу Новикова», сообщ. А. Н. Поповымъ въ «Сборн. Русск. Историч. Общ.», т. II, стр. 96—158.

[2]) Лонгиновъ, стр. 141.

дѣла «свободныхъ каменщиковъ»[1]). Татищевъ ввѣрилъ Шварцу воспитаніе своего сына и отправилъ его съ нимъ за границу, а послѣ смерти Шварца, въ 1784 году, выдалъ его вдовѣ и дочерямъ изъ собственныхъ денегъ 28,000 рублей[2]).

Когда умеръ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, съ точностью неизвѣстно. Въ 1792 г., во время ареста въ Москвѣ Новикова и разгрома всего его кружка, Татищева уже не было въ живыхъ: мы не находимъ его въ числѣ допрошенныхъ княземъ Прозоровскимъ и Шешковскимъ коноводовъ московскихъ «свободныхъ каменщиковъ».

IX.

Анна Алексѣевна Панина и княгиня Марья Алексѣевна Голицына.

Говоря выше о Елизаветинскомъ генералъ-полицеймейстерѣ Алексѣѣ Даниловичѣ Татищевѣ, я упомянулъ, что онъ съумѣлъ сблизиться съ разными высокопоставленными лицами двора Елизаветы Петровны, и что сближеніе это ему удалось закрѣпить бракомъ своей старшей дочери. Эта дочь Татищева, Анна Алексѣевна, дѣвятнадцатилѣтняя фрейлина императрицы (род. 1729 г.) была обвѣнчана въ 1748 году съ молодымъ, двадцативосьмилѣтнимъ полковникомъ, Петромъ Ивановичемъ Панинымъ (род. 1720 г.), младшимъ братомъ извѣстнаго впослѣдствіи дипломата, сторонника шведской конституціи и воспитателя императора Павла, Никиты Ивановича Панина.

Панины, по своимъ родственнымъ связямъ, принадлежали къ самымъ аристократическимъ и вліятельнымъ сферамъ въ Петербургѣ того времени. Сестра ихъ, Александра Ивановна Панина, была женою оберъ-шталмейстера князя Александра Борисовича Куракина, извѣстнаго придворнаго каламбуриста и остряка, одинаково забавлявшаго своими bon-mots и Анну Іоанновну съ Бирономъ, и Анну Леопольдовну и, наконецъ, Елизавету Петровну, и игравшаго весьма неблаговидную роль въ подкопахъ подъ Арт. Петр. Волынскаго и въ его гибели. Черезъ Куракиныхъ Панины состояли въ родствѣ съ князьями Голицыными, Бутурлиными и Лопухиными, а черезъ этихъ послѣднихъ съ царемъ Петромъ Великимъ: мать Александра Борисовича Куракина, Аксинья Өедоровна Лопухина была родная сестра первой супруги Петра Великаго — Авдотьи Өедоровны[3]).

---

[1]) «Русск. Арх.», 1884 г., т. I, стр. 1036.
[2]) Лонгиновъ, стр. 357.
[3]) Кн. П. В. Долгорукой, Росс. родосл. книга, т. I, стр. 316; т. II, стр. 58.

Братья Панины, не имѣя такой древней родословной, какъ князья Куракины (которые происходили отъ Литовскаго великаго князя Гедимина), сами по себѣ были весьма замѣчательными людьми того времени. Происходя отъ итальянскаго выходца въ Московское государство въ XV вѣкѣ Pagnini (эта фамилія существовала въ Луккѣ еще въ XVIII вѣкѣ [1]), отецъ Паниныхъ былъ заслуженный генералъ, закаленный въ бояхъ Петра Великаго съ Карломъ XII. Старшій изъ братьевъ Паниныхъ, Никита Ивановичъ, еще будучи очень молодымъ человѣкомъ, обратилъ на себя вниманіе императрицы Елизаветы Петровны и сталъ опаснымъ соперникомъ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. За это онъ былъ удаленъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ отъ двора: его назначили, 29-ти лѣтъ отъ роду, посланникомъ въ Копенгагенъ (въ 1747 г.), а оттуда перевели черезъ годъ посланникомъ же въ Стокгольмъ, гдѣ пробылъ онъ двѣнадцать лѣтъ. Меньшой братъ, Петръ Ивановичъ, съ 15-ти лѣтъ служилъ въ военной службѣ, отличался необычайной храбростью, участвуя въ войнахъ, турецкой—1736 года и шведской—1741 года, подъ знаменами величайшихъ русскихъ полководцевъ того времени—Миниха и Ласси, а затѣмъ отличился и въ Семилѣтнюю войну и въ царствованіе Екатерины II въ первую турецкую войну, и участіемъ въ важнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятіяхъ и, наконецъ, своею дѣятельностію по усмиренію Пугачевщины [2]).

Бракосочетаніе Петра Ивановича Панина съ Анной Алексѣевной Татищевой было совершено съ необыкновенной торжественностью, въ Петербургѣ, 8 февраля 1748 года, въ дворцовой церкви. О немъ было объявлено въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1748 г., № 13). Посаженными отцемъ и матерью со стороны невѣсты были: наслѣдникъ престола Петръ Ѳедоровичъ и его супруга Екатерина Алексѣевна, впослѣдствіи императрица Екатерина II. Со стороны жениха посаженнымъ отцемъ былъ канцлеръ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, а посаженной матерью жена графа Петра Ивановича Шувалова—Мавра Егоровна. Князья Куракины, Бутурлины, Лопухины и вся ихъ родня на ряду съ другими представителями знатныхъ русскихъ фамилій участвовали на свадьбѣ, которая сопровождалась пирами при дворѣ, у новобрачныхъ и у вельможъ.

Сохранилось письмо академика Василія Евдокимовича Адодурова, писанное на другой день свадьбы, 9 февраля 1748 года, къ Никитѣ Ивановичу Панину. Адодуровъ подробно описываетъ всю

[1]) «Русск. Арх.», 1886 г., т. I, стр. 376.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достоп. людей, изд. 1836 г., т. IV, стр. 96—97; 108—109. П. Н. Петровъ, о П. И. Панинѣ, «Русская Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 623—624.

брачную церемонію, перечисляетъ всѣхъ гостей, бывшихъ на свадьбѣ, и всѣ пиршества, слѣдовавшія за ней. Привожу изъ этого письма характеристическія подробности убранства комнаты новобрачной Паниной, въ домѣ Якова Лукича Хитрово, пріятеля семейства Паниныхъ. Домъ этотъ былъ взятъ у Хитрово на время для празднованія свадьбы. «Браутсъ-камера (Brautskammer — комната невѣсты) обита зеленымъ штофомъ, — писалъ Адодуровъ, — въ которой кровать поставлена такая жъ съ золотымъ голуномъ; тако жъ два стола, канапе, шесть креселъ и два табурета, такою жъ матеріей обитые. Передъ тою камерою поставленъ большой овальный столъ съ конфектами, въ покоѣ, обитомъ штофомъ малиновымъ съ золотыми рамами. Оный десертъ состоялъ изъ 21 штуки большихъ, кромѣ тарелокъ съ конфектами, которыя были по сторонамъ и представляли крѣпость, въ серединѣ которой видно было, на высокой башнѣ, одною стрѣлою пробитое сердце, которое Минерва своимъ щитомъ прикрывала. Крѣпость атаковали геніусы любви, или купидоны съ послѣдующимъ за ними полкомъ вооруженнаго регулярнаго войска и артиллеріею, подъ предводительствомъ ихъ полковника, который сидѣлъ на конѣ; а изъ двухъ купидоновъ, которые шли при немъ по сторонамъ, держалъ одинъ motto: A cette nuit l'attaque (въ эту ночь нападеніе). Для лучшаго успѣху ведены были къ той крѣпости апроши, которыя взялися изъ лѣсу, плодовитыми деревьями наполненнаго. Аммуничныя вещи везены были на лошадяхъ, а на батареяхъ и между шанцкорбами (Schanzkorb—крѣпостная корзинка, насыпанная землею) стояли мѣдныя пушки съ лафетами, которыми командовали купидоны. Солдаты имѣли знамя съ гербомъ Паниныхъ. И хотя крѣпость многими бастіонами и рвами укрѣплена была, однако, не надѣясь удержаться противъ толь сильной атаки, принуждена была выставить бѣлое знамя, на которомъ видѣнъ былъ гербъ Татищевыхъ. Иллюминованъ былъ сей десертъ 18-ю чистыми восковыми свѣчами, которыя разставлены были въ приличныхъ мѣстахъ внутри дессерта, да по сторонамъ около дессерта 18-ю свѣчами, поставленными въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Всѣхъ свѣчъ, которыя освѣщали оную камеру, было больше 60. Передъ тою камерою находился изрядно убранный залъ, и при немъ еще два покоя по сторонамъ, которые всѣ иллюминованы были восковыми свѣчами; а крыльцо и дверь снаружи по карнизамъ, также и ворота, горящими плошками»[1]).

Петръ Ивановичъ Панинъ очень любилъ свою жену: съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ онъ о ней десять лѣтъ спустя послѣ ея кончины, въ письмѣ къ императрицѣ Екатеринѣ II, отъ 10 октября 1774 года[2]). Шестнадцать лѣтъ прожила въ замужествѣ Анна

---

[1]) «Русск. Арх.», 1875 г., т. I, стр. 0370—0371.
[2]) «Сб. Русск. Истор. Общ.», т. VI, стр. 164.

Алексѣевна, имѣя отъ Петра Ивановича Панина семнадцать человѣкъ дѣтей, которыя всѣ умирали въ младенчествѣ [1]). Такое обиліе дѣтей не могло не повліять на здоровье Анны Алексѣевны Паниной. Къ 1764 году ясно обнаружились признаки чахотки, и въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года Анна Алексѣевна недомогала весьма серьёзно.

Порошинъ, одинъ изъ наставниковъ великаго князя Павла Петровича, отмѣчавшій изо дня въ день всѣ занятія и времяпрепровожденіе своего ученика, занесъ на страницы своихъ записокъ и свѣдѣнія о болѣзни и кончинѣ Анны Алексѣевны Паниной. Никита Ивановичъ Панинъ, въ то время воспитатель Павла Петровича, вслѣдствіе болѣзни своей невѣстки, нѣсколько дней не присутствовалъ при урокахъ великаго князя. 27 октября 1764 года Анна Алексѣевна скончалась, и великій князь, очень привязанный къ своему воспитателю, весьма скорбѣлъ о постигшемъ его семейномъ горѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ ея кончины у Павла Петровича былъ обѣдъ для близкихъ ему людей. Въ числѣ ихъ находился и Петръ Ивановичъ Панинъ, въ то время уже генералъ-аншефъ, покрытый славой своихъ военныхъ подвиговъ въ Семилѣтнюю войну. Никита Ивановичъ Панинъ былъ очень скученъ. Не веселъ былъ и Петръ Ивановичъ. Онъ разсуждалъ за обѣдомъ о томъ, «какъ часто человѣческія.намѣренія совсѣмъ въ другую сторону обращаются, нежели сперва положены были». «Сказывалъ при томъ,— замѣчаетъ Порошинъ,—о расположеніи житья своего, которое нынѣ совсѣмъ принужденъ перемѣнить по притчинѣ смерти Анны Алексѣевны и князь Бориса Александровича Куракина, его племянника» († 22 ноября 1764 г.). Для устройства дѣлъ своего племянника, Петръ Ивановичъ Панинъ собирался ѣхать въ Москву [2]).

Грусть вдовца мало по малу проходила. Уже на обѣдѣ у великаго князя Петръ Ивановичъ Панинъ шутилъ съ Порошинымъ, говоря ему, что, уѣзжая въ Москву, онъ, конечно, не поручитъ ему въ Петербургѣ своихъ любовныхъ дѣлъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, Петръ Ивановичъ Панинъ женился во второй разъ на фрейлинѣ Ведель, родственницѣ князей Кантемиръ. Она умерла въ 1776 году [3]).

Младшая сестра Анны Алексѣевны Паниной, Марья Алексѣевна Татищева (р. 4 января 1735, † 1801 г.) была замужемъ за гвардейскимъ капитанъ-поручикомъ княземъ Василіемъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1731, † 1754 г.), человѣкомъ рѣшительно ничѣмъ не замѣчательнымъ.

---

[1]) П. Ѳ. Карабановъ, Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII XIX вв. «Рус. Стар.» 1871 г., т. III, 1-е изд., стр. 169.

[2]) Записки Порошина, изд. 2-е «Русск. Стар., Спб., 1881 г., стр. 85, 92, 150.

[3]) Сборникъ Бартенева, XVIII вѣкъ, кн. I, стр. 145.

X.

Сынъ Петра Алексѣевича Татищева Петръ Петровичъ Татищевъ и дочери — Елизавета Петровна Чиркова и Екатерина Петровна Энгельгардтъ. Родственныя отношенія ихъ къ двумъ русскимъ поэтамъ — Денису Васильевичу Давыдову и Евгенію Абрамовичу Боратынскому.

У Петра Алексѣевича Татищева было четверо дѣтей: сынъ Петръ и три дочери — Анна, Елизавета и Екатерина, изъ которыхъ старшая умерла дѣвицею, а двѣ меньшіе вышли замужъ и своимъ женскимъ потомствомъ занесли свои имена на страницы исторіи русской литературы.

О Петрѣ Петровичѣ Татищевѣ я не располагаю подробными свѣдѣніями.

Послѣ того, какъ отецъ его овдовѣлъ, онъ жилъ въ Казани, у прадѣда своего, Нефеда Никитича Кудрявцева, подъ надзоромъ котораго, вѣроятно, получилъ первоначальное воспитаніе. Будучи мальчикомъ 12—14 лѣтъ, Петръ Петровичъ Татищевъ участвовалъ въ числѣ «шести благородныхъ юношей» въ аллегорическомъ представленіи, устроенномъ въ Казани, въ 1771 году, директоромъ гимназіи фонъ-Каницемъ на другой день коронаціи императрицы Екатерины II, 23-го сентября.

Торжество въ гимназіи открылось музыкальной увертюрой, а затѣмъ было произнесено нѣсколько рѣчей учителями гимназіи и учениками и прочитана ода императрицѣ. По окончаніи рѣчей и оды, за тѣмъ мѣстомъ залы, гдѣ онѣ произносились, поднялся вдругъ занавѣсъ и приглашенной публикѣ представилось слѣдующее зрѣлище. Возвышался балдахинъ, обитый зеленымъ штофомъ съ позументами; а подъ нимъ на возвышеніи помѣщалось кресло, обитое таковой же матеріей и на креслѣ былъ поставленъ портретъ императрицы. Съ обѣихъ сторонъ престола вышли шесть «малолѣтнихъ благороднихъ юношей» и столько же «благородныхъ дѣвицъ» въ пастушеской одеждѣ — и начался, подъ особо сочиненную музыку, балетъ, въ которомъ выражались «пріятнымъ искуснымъ образомъ чувствованія глубочайшаго почтенія и благоговѣнія къ Матери отечества». Двое изъ участниковъ въ балетѣ, войдя на ступень престола, окружили портретъ Екатерины II гирляндой, а прочіе пали на колѣни и, вставая, осыпали его цвѣтами. «Чрезъ сіи и другія искуственныя дѣйствія, — читаемъ въ современномъ описаніи торжества,—а особливо чрезъ нѣкоторыя молящія движенія аріи соотвѣтствующія, сія нѣжная знать наполняла сердца присутствующихъ радостнымъ усерднѣйшимъ чувствованіемъ, отъ коихъ получила за сіе благодарственную похвалу» [1]).

---

[1]) В. Владиміровъ, «Историч. Записка о 1-й казанской гимназіи», Казань, 1867 г., ч. I, ст. 116—118.

При образованіи въ 1773 году, казанскимъ дворянствомъ «дворянскаго легіона» для борьбы съ шайками Пугачевцевъ, Петръ Петровичъ Татищевъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, поступилъ въ этотъ легіонъ офицеромъ добровольцемъ и храбро бился на казанскихъ улицахъ съ толпами мятежниковъ въ день разгрома этого города Пугачевымъ. Онъ и его отецъ послѣдними проникли въ казанскую крѣпость, гдѣ заперлись начальствующія лица вмѣстѣ съ войсками: Татищевы, не имѣя уже возможности проникнуть въ крѣпость черезъ запертыя крѣпостныя ворота, были втащены туда на веревкахъ черезъ стѣну. Въ концѣ 1774 года, уже по усмиреніи Пугачевщины, Петръ Петровичъ Татищевъ, по прошенію, поддержанному сильнымъ ходатайствомъ передъ Екатериной II графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, его родственникомъ, — принятъ былъ на службу поручикомъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, расположенныхъ въ Казанской губерніи [1]).

Петръ Петровичъ Татищевъ былъ такъ же, какъ и его отецъ, масономъ. Воспитанный Шварцемъ, онъ ѣздилъ съ нимъ въ 1781 году въ Германію для изученія «системы строгаго наблюденія», и затѣмъ женился на сестрѣ масона, иностранкѣ незнатнаго происхожденія—m-lle Гинé [2]).

Отъ этого брака у него была одна только дочь, Анастасія Петровна, вышедшая за князя Петра Михайловича Долгорукаго († 1833 г.), извѣстнаго въ Московскомъ обществѣ подъ названіемъ «enfant prodigue» [3]).

Теперь позволю себѣ кратко указать на родственныя отношенія сестеръ Петра Петровича Татищева—Елизаветы и Екатерины.

Елизавета Петровна Татищева была замужемъ за казанскимъ помѣщикомъ, генералъ-майоромъ Николаемъ Александровичемъ Чирковывъ, а ея дочь, Софья Николаевна, стала женой извѣстнаго поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова (р. 16-го іюня 1784 г., † 22-го апрѣля 1839 г.).

Мужемъ Екатерины Петровны Татищевой († 13-го ноября 1821 годъ) былъ авторъ интересныхъ записокъ, обнимающихъ собою время трехъ царствованій: Екатерины II, Павла Петровича и Александра I—генералъ-майоръ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ (р. 10-го февраля 1766 г., † 4-го ноября 1836 г.).

Записки Энгельгардта, представляя важный источникъ для исторіи Россіи второй половины XVIII вѣка и начала XIX вѣка, касаются спеціально и Казанскаго края. Л. Н. Энгельгардтъ нахо-

[1]) Донесеніе графа П. И. Панина Екатеринѣ II, 10-го октября 1774 года, «Сборн. Русск. Истор. Общ.,» т. VI, стр. 164—165. Письмо Екатерины II къ П. И. Панину 20-го ноября того же года. Ibid., стр. 180—181.

[2]) Лонгиновъ, стр. 232.

[3]) Кн. П. В. Долгорукій, «Росс. Родосл. книга», ч. I, стр. 101—102.

дился на службѣ въ послѣдніе года царствованія Екатерины II и при императорѣ Павлѣ, а затѣмъ при Александрѣ I проживалъ частнымъ человѣкомъ. Первые года царствованія императора Павла онъ стоялъ съ своимъ полкомъ въ Оренбургѣ, а въ 1798 году, при посѣщеніи Казани императоромъ Павломъ, находился на ревю въ этомъ городѣ, куда были собраны всѣ войска изъ окрестныхъ городовъ и провинцій. Императоръ Павелъ, сопровождаемый великими князьями Константиномъ и Александромъ Павловичами, прибылъ въ Казань 24-го мая 1798 года и оставался въ бывшей столицѣ татарскаго улуса цѣлую недѣлю, производя ученье войскамъ и осматривая разныя мѣстныя учрежденія. Полкомъ Энгельгардта и имъ самимъ императоръ остался очень доволенъ, пожаловавъ ему анненскій орденъ, а въ слѣдующемъ году произвелъ его въ генералъ-майоры и въ командоры Мальтійскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. «Служа въ турецкую войну и противу поляковъ усердно и ревностно,— замѣчаетъ Энгельгардтъ,—былъ я въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, лица отъ непріятеля не отворачивалъ и почти ничего не получилъ; а за маршированье на Арскомъ полѣ (въ Казани) и удачные батальоные выстрѣлы получилъ два ордена» [1]). Энгельгардтъ сообщаетъ весьма подробныя и интересныя свѣдѣнія о пребываніи императора Павла въ Казани, дополняющія во многомъ «современный журналъ этого пребыванія», помѣщенный въ сборникѣ г. Бартенева «Осмнадцатый вѣкъ» (кн. IV, с. 464—469), и представляющія важный матеріалъ для характеристики Павла I.

Въ Казани Энгельгардтъ и женился въ 1799 году на Екатеринѣ Петровнѣ Татищевой. Выйдя въ отставку въ томъ же году, онъ сталъ проживать въ Казани, наѣзжая изрѣдка въ Москву по зимамъ, а лѣто проводя въ старинной резиденціи Нефеда Никитича Кудрявцева, селѣ Каймарахъ.

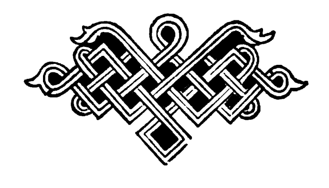
Обѣ дочери Энгельгардта вышли замужъ за писателей. Старшая дочь, Анастасія Львовна (р. 26 октября 1804, † 13 марта 1860 г.)—за извѣстнаго поэта Пушкинской эпохи Евгенія Абрамовича Боратынскаго (р. 19 февраля 1800, † 29 іюня 1844), а меньшая—Софья Львовна за Николая Васильевича Путяту (р. 22 іюля 1802, † 29 октября 1877 г.). Боратынскій, поэтъ мыслитель, задумчивая и задушевная поэзія котораго хорошо извѣстна всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, прекрасно отразилъ свой симпатичный нравственный образъ въ вдохновенныхъ произведеніяхъ, а потому и не нуждается еще въ новой характеристикѣ. Скажу нѣсколько словъ о мужѣ второй дочери Л. Н. Энгельгардта. Н. В. Путята былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Боратынскому, вслѣдствіе чего и женился на его свояченицѣ, къ Пушкину и вращался въ обществѣ Карамзина, князей Вяземскаго и Одоевскаго. Онъ былъ

[1]) Записки Энгельгардта, «Русск. Вѣстн.», 1859 г., т. XXIV, стр. 594.

человѣкъ большого ума и многосторонняго образованія; занимался много новой русской исторіей, но печаталъ мало изъ написаннаго имъ. Въ послѣдніе года жизни онъ былъ предсѣдателемъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности [1]).

Здѣсь я долженъ, наконецъ, остановить мою бесѣду съ читателями о Никитѣ Алферовичѣ Кудрявцевѣ и его потомствѣ. Начавъ концемъ XVII столѣтія, я довелъ свое повѣтствованіе до половины XIX вѣка. Въ теченіе двухъ столѣтій мы встрѣтились съ шестью поколѣніями, представители которыхъ подвизались на самыхъ разнообразныхъ общественныхъ поприщахъ, столь же разнообразныхъ какъ и условія времени, въ которое они жили и дѣйствовали. Казанскій воевода и главный надсмотрщикъ за судостроеніемъ по Волгѣ, представитель утилитарнаго вѣка Петра Великаго, стоитъ въ челѣ этихъ поколѣній; поэтъ-мыслитель 30-хъ годовъ текущаго столѣтія—ихъ замыкаетъ. А между ними проходитъ цѣлый рядъ лицъ, въ индивидуальной жизни которыхъ постепенно отражаются общія русскія событія и идеи вѣка отъ Петра Великаго до Николая I включительно, отражаются, правда, неясно и неполно,—но такова участь въ исторіи всѣхъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, не возвышающихся надъ общимъ уровнемъ современнаго имъ умственнаго развитія. Тѣмъ не менѣе изучать такое отраженіе общихъ событій народной исторіи и воззрѣній вѣка въ частной жизни и индивидуальномъ сознаніи отдѣльныхъ личностей—и интересно, и крайне важно. Исторія давно уже перестала быть повѣствованіемъ о дѣяніяхъ героевъ и знаменитыхъ мужей, а для серьёзнаго, научнаго изученія исторіи общества, этой любопытнѣйшей части народной исторіи, прежде всего нужно изучить возможно бо̀льшее число индивидуумовъ, изъ которыхъ слагается общество.

Д. Корсаковъ.



---

[1]) Свѣдѣнія о жизни Н. В. Путяты, къ сожалѣнію весьма краткія, см. въ «Русск. Арх. 1878 г., кн. I, стр. 125—127.



ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ отрывкѣ изъ моихъ воспоминаній я намѣренъ разсказать о памятномъ для всѣхъ тогдашнихъ воспитанниковъ Михайловскаго артиллерійскаго училища посѣщеніи императоромъ Николаемъ Павловичемъ училища въ 1853 году, едва не повлекшемъ за собою роковыхъ послѣдствій для нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей.

До праздниковъ Рождества оставалось съ небольшимъ недѣля, а дежурный офицеръ продолжалъ ежедневно, передъ окончаніемъ утреннихъ классовъ, заглядывать послѣдовательно въ каждый классъ и громко произносить:—«Перемѣнять куртки».

«Перемѣнять куртки»—значило, что воспитанники, перейдя послѣ утреннихъ классовъ въ камеры (спальни), должны были съ возможной быстротой, ибо вслѣдъ за классами начиналось фронтовое ученье, переодѣться изъ стараго платья въ новое. Новое, тщательно вычищенное и аккуратно сложенное нашими служителями, лежало въ камерахъ, на дубовыхъ табуретахъ, стоявшихъ между койками.

Въ тѣ дни, когда намъ приказывалось перемѣнять куртки, холщевые толстые парусинные чехлы, полосатые, синіе съ бѣлымъ, покрывавшіе наши койки (кровати), замѣнялись новыми, съ иголочки, шелковистыми.

А приказывалось это въ тѣ дни, когда ожидали, что училище посѣтитъ кто либо изъ императорской фамиліи или высшаго начальства.

Періодъ ежедневной «перемѣны куртокъ» (послѣ окончанія утреннихъ классовъ—старыхъ на новыя, а послѣ вечернихъ клас-

совъ—новыхъ на старыя, такъ какъ высокіе посѣтители по вечерамъ никогда не пріѣзжали) начинался обыкновенно въ сентябрѣ и кончался въ ноябрѣ.

Въ злополучномъ 1853 году, періодъ «перемѣны куртокъ» затянулся чрезвычайно. До рождественскихъ праздниковъ оставалась недѣля съ небольшимъ, а мы все еще ежедневно двоекратно переодѣвались. Я. И. Ростовцевъ успѣлъ нѣсколько разъ побывать у насъ; пріѣзжалъ наслѣдникъ цесаревичъ, а государя императора все еще ожидали. Это было тѣмъ болѣе знаменательно, что его величество въ теченіе осени и начала зимы побывалъ уже во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и у нашихъ, какъ мы ихъ называли, «двоюродныхъ братцевъ», въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. Кромѣ естественной, среди военнаго юношества, зависти къ этимъ, посѣщеннымъ государемъ, заведеніямъ, въ артиллерійскомъ училищѣ господствовало чувство небезосновательнаго опасенія. Очевидно, оно было заведеніемъ опальнымъ. Говорили, будто бы государь называлъ юнкеровъ артиллерійскаго училища «студентами», гнѣваясь на нихъ за цѣлый рядъ безпорядковъ: почти постоянные «скандалы», учиняемые учителямъ и дежурнымъ офицерамъ, приставанье къ новичкамъ, принимавшее иногда драматическіе и даже трагическіе размѣры. Идеальная лихость юнкерской батареи училища на смотрахъ и маневрахъ не искупала неряшества общей дисциплины. Носились слухи о преобразованіи и даже уничтоженіи училища; говорили о перестройкахъ, долженствовавшихъ уничтожить столь излюбленныя нами мелкія камеры (спальни), каждая на 10, 8 и даже 5 человѣкъ, и замѣнить ихъ большими общими кадетскими дортуарами. Все кадетское мы считали для насъ унизительнымъ, и не могло существовать бо́льшаго оскорбленія для юнкера артиллерійскаго училища, какъ назвать его кадетомъ: мы пользовались съ извѣстнаго возроста правомъ дѣйствительной службы, а кадеты нѣтъ; кадетъ сѣкли, а насъ нѣтъ, и т. д. Обратиться изъ юнкеровъ въ кадета, хотя бы только по внѣшнему образу жизни, казалось юнкерамъ горшимъ изъ всѣхъ возможныхъ золъ. Первымъ признакомъ грозящихъ преобразованій было назначеніе начальникомъ училища бывшаго инспектора классовъ Ореста Павловича Рѣзваго, на мѣсто престарѣлаго генералъ-лейтенанта барона Розена, прозваннаго Пихтой за его высокій, стройный ростъ и мелко-остриженные сѣдые волосы, а можетъ быть, и за мягкость сердца. Барона Розена обвиняли, конечно, не сами воспитанники, въ томъ, что онъ «распустилъ» училище. Онъ очень долго, съ временъ покойнаго великаго князя Михаила Павловича, основателя артиллерійскаго училища, управлялъ этимъ заведеніемъ. Человѣкъ онъ былъ очень хорошій, но начальникъ очень слабый. Его управленіе было отеческое, патріархальное. Онъ съ такой же простодушной искренней любовью относился къ юнкерамъ, какъ и къ своей мно-

гочисленной семьѣ. Воспитанники его любили, какъ добрую няньку, приказанія которой можно было ставить ни во что и которую, когда требовалось, можно было разжалобить.

При патріархальности управленія и при недостаткѣ энергіи со стороны барона Розена, его имѣли право обвинять въ томъ, что онъ распустилъ заведеніе. Назначеніе на его мѣсто О. П. Рѣзваго какъ бы было началомъ новой эры, которая не улыбалась воспитанникамъ, и тѣмъ болѣе казалась имъ непріятною, что новый начальникъ столько же былъ не популяренъ и не любимъ, сколько былъ любимъ и популяренъ старый. Замѣчательно, что и послѣ назначенія О. П. Рѣзваго безпорядки продолжали вспыхивать, какъ и прежде. Слѣдовательно, императоръ попрежнему могъ гнѣваться на училище, и даже вовсе въ эту зиму—первую зиму управленія Рѣзваго—лишить училище своего посѣщенія.

Однако, государь посѣтилъ насъ въ эту зиму. Но его пріѣздъ засталъ училище врасплохъ, не смотря на то, что его такъ долго ожидали. А, можетъ быть, именно потому, что ожидали такъ долго. Приготовляться продолжали ежедневно, но начали утрачивать надежду увидѣть императора.

Обыкновенно въ прежніе годы государь пріѣзжалъ гораздо ранѣе, иногда еще по осени; пріѣзжалъ онъ около полудня во время фронтового ученія, или обѣда (въ 1 часъ), и подъѣзжалъ къ церковному крыльцу, первому отъ воротъ, съ (нынѣшней) Симбирской улицы, на Выборгской сторонѣ. Со стороны Невы къ училищу нельзя было подъѣхать, какъ нынче. Церковное же крыльцо находилось почти противъ квартиры начальника училища, который въ періодъ «перемѣны куртокъ» находился постоянно дома, наготовѣ. Прежде всего государь обыкновенно шелъ въ лазаретъ (гдѣ заблаговременно больные одѣвались въ новые зеленые байковые халаты и въ туфли съ иголочки). За лазаретомъ слѣдовали музейныя залы, офицерскіе классы, библіотека, длинный классный корридоръ, нѣсколько переходовъ, прихожихъ, рекреаціонная зала; а только за нею начиналось, такъ сказать, гнѣздо нашей жизни, камеры, въ которыхъ мы жили постоянно, за исключеніемъ учебныхъ и трапезныхъ часовъ. Путь былъ на столько длинный, что покуда императоръ слѣдовалъ отъ лазарета до камеръ, въ нихъ успѣвали сгладить тѣ невинные безпорядки, которые могли бы произвести непріятное впечатлѣніе на августѣйшаго посѣтителя.

Въ періодъ «переодѣванья куртокъ» начальство налаживало цѣлую систему часовыхъ, должность которыхъ исправляли служители-солдаты въ обыкновенной рабочей формѣ, ибо она дозволяла имъ не обращать на себя вниманія на улицахъ. Одинъ часовой стоялъ около Литейнаго моста, гдѣ Литейный проспектъ сходился съ Гагаринской набережной; другой на серединѣ моста; третій у его конца, на берегу Выборгской стороны, то есть у самаго учи-

лища. Когда первый усматривалъ со стороны набережной или Литейнаго проспекта приближеніе ожидаемаго посѣтителя, онъ подавалъ знакъ второму, второй третьему, третій черезъ боковыя калитки, внутренній дворъ и корридоры бѣжалъ въ квартиру батарейнаго командира, затѣмъ начальника училища. Такъ, что ранѣе, чѣмъ посѣтитель въѣзжалъ на мостъ, все училище уже знало о его приближеніи и было наготовѣ. Самому же посѣтителю прежде, чѣмъ доѣхать до перваго подъѣзда, церковнаго, приходилось даже, съѣхавъ съ моста, прослѣдовать до и по Симбирской улицѣ всего около полуверсты.

Такова была система, успѣшно дѣйствовавшая въ теченіе многихъ лѣтъ.

На этотъ разъ, надо быть, часовые, тоже переставъ ждать, неудовлетворительно исполняли свои обязанности. Сдержанные крики—«государь!»—раздались въ камерахъ, когда императоръ уже поднимался по лѣстницѣ, ведущей къ такъ называемой караульной залѣ, находящейся какъ разъ въ центрѣ нашего гнѣзда, нашихъ камеръ. Государь, противъ обыкновенія, проѣхалъ мимо церковнаго крыльца и вышелъ изъ саней у внутренняго центральнаго, которое было почти всегда заперто, почти забыто и охранялось старымъ полуидіотомъ, лысымъ, неуклюжимъ отставнымъ солдатомъ-служителемъ-баньщикомъ, котораго мы звали Чувашкой, ибо онъ былъ родомъ чувашъ и во всю свою жизнь не выучился говорить порусски; только какъ попугай умѣлъ произносить: «здравія желаемъ», да «счастливо оставаться», и то съ уморительнымъ татарскимъ акцентомъ.

Крики—«государь! государь!»—пронеслись по училищу и произвели тѣмъ большій переполохъ, что самое время дня было необычайное для пріѣзда высокаго посѣтителя.

Время было между обѣдомъ и началомъ вечернихъ классовъ: третій часъ. Свѣтло-сѣренькій декабрскій день начиналъ переходить въ меланхолическіе зимніе сумерки. Половина юнкеровъ валялась на кроватяхъ въ разстегнутыхъ курткахъ; чехлы на койкахъ были сбиты; темно-зеленыя шторы на нѣкоторыхъ окнахъ спущены. Въ просторныхъ ватерклозетахъ,—умывальники тожъ,—любители куренья бесѣдовали, беззаботно пуская струю табачнаго дыма въ трубу камина. Даже старшій дежурный офицеръ, комната котораго была первая на пути государя, дремотно переваривалъ свой обѣдъ, растянувшись на жесткомъ клеенчатомъ диванѣ. Онъ едва успѣлъ застегнуть чешую у каски, надѣть перчатки, когда государь уже былъ у порога его комнаты. Вслѣдъ за ней шли камеры перваго взвода.

Къ счастью, первый взводъ, первый по росту, право-фланговый, частью состоялъ изъ болѣе взрослыхъ и болѣе степенныхъ юнкеровъ, а первая его комната, фельдфебельская, смежная съ офи-

церской, была самая степенная, именно потому, что фельдфебельская. Фельдфебель въ училищѣ всегда былъ только одинъ, первый ученикъ перваго класса. Въ этомъ году фельдфебелемъ былъ Дитмаръ. Но, не смотря на эти успокоительныя преимущества перваго взвода, въ немъ, все-таки, произошло нѣчто въ родѣ паническаго переполоха. Нѣкоторые юнкера, спавшіе безъ куртокъ и безъ галстуховъ, съ просонка, по усвоенной привычкѣ, захвативъ подъ мышку одежду и подтягивая на ходу распущенные шаровары, ринулись было въ ватерклозетъ, куда при безпорядкѣ въ туалетѣ привыкли «спасаться» отъ начальства. Но государь былъ болѣе, чѣмъ начальство; отъ него спасаться нельзя. Во время его обхода всѣ наличные воспитанники, не числящіеся ни въ отпуску, ни въ лазаретѣ, должны быть на лицо и стоять, руки по швамъ, около своихъ коекъ. Курильщики, кто блѣдный, кто красный, смотря по темпераменту и способу воспріятія страха, бѣжали изъ ватерклозета, озабоченные, чтобы не хлопнула дверь, — она, какъ на зло, такъ была устроена, что всегда хлопала; они стискивали свои зубы, чтобы сдержать слѣды табачнаго запаха. Государь особенно строго относился къ куренью въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; провинившихся наказывали нерѣдко разжалованьемъ въ солдаты и ссылкою на Кавказъ.

Кто поправлялъ койки, кто подымалъ шторы; всякій спѣшилъ къ своему мѣсту; вытягивался, выставлялъ грудь, подбиралъ подбородокъ.

Все это произошло въ двѣ - три минуты, покуда дежурный офицеръ рапортовалъ его величеству. И, почти чудомъ, все оказалось въ удивительномъ порядкѣ, когда государь проходилъ по камерамъ перваго взвода. Только одна штора криво и не до верху была поднята и даже слегка предательски покачивалась.

Въ трехъ другихъ, болѣе отдаленныхъ и менѣе степенныхъ, взводахъ, переполохъ былъ еще бо̀льшій, ибо тамъ было больше безпорядковъ. Въ особенности у проказливыхъ «рыжковъ». Рыжками звали самый мелкій по росту, четвертый взводъ. Потому назывался «рыжками», гласила наша юмористическая хроника, что во время оно, правофланговый, самый рослый молодецъ, перваго взвода, апетитно рыгнулъ и вырыгнулъ всѣхъ маленькихъ «рыжковъ». Въ слѣдующихъ за первымъ взводомъ было больше безпорядковъ. Но за то взводы эти имѣли и больше времени привести себя въ надлежащій видъ. Императоръ, правда, обходилъ камеры быстрымъ и крупнымъ шагомъ, но онъ останавливался на пути: либо принималъ рапорты старшихъ взводныхъ портупей-юнкеровъ и дежурныхъ ефрейторовъ, либо останавливался разговаривать со вновь поступившими воспитанниками-новичками. Послѣднихъ онъ, кромѣ своей необыкновенной способности отличать хотя бы единожды видѣнныя лица отъ новыхъ, могъ отличить по отсутствію на ихъ

кутывалъ погонъ. Погоны новичку давались обыкновенно къ Рождеству, когда онъ пріобрѣталъ удовлетворительную фронтовую выправку. Какъ императоръ, такъ и наслѣдникъ-цесаревичъ, при первомъ посѣщеніи послѣ пріема новыхъ воспитанниковъ удостоивали своего вниманія каждаго изъ вновь поступившихъ. Государь останавливался, читалъ фамилію на значкѣ койки и спрашивалъ:—«Кто твой отецъ?»,

Къ несчастію второго [illegible]

[illegible]

онѣ не могли не производить непріятнаго впечатлѣнія на Николая Павловича, привыкшаго, особенно въ сферѣ военной службы, къ прямолинейному порядку, простору и широкимъ перспективамъ наблюденія. Къ тому же при этомъ запутанномъ расположеніи комнатъ свертывавшаяся вслѣдъ за государемъ толпа юнкеровъ должна была безпорядочно скучиваться, толкаться, прижиматься къ стѣнамъ и койкамъ, а иногда даже вскакивать на нихъ для того, чтобы очистить мѣсто, когда государь возвращался въ обойденныя уже комнаты. Передніе ряды съ трудомъ сдерживали напоръ заднихъ; въ нѣкоторыхъ узкихъ переходахъ почти касались императора и иногда невольно оттирали отъ него дежурныхъ офицера и портупей-юнкера, къ которымъ онъ, по мѣрѣ надобности, обращался съ вопросами и приказаніями. Даже батарейному командиру и начальнику училища не всегда было возможно оставаться около самого государя.

На этотъ разъ, впрочемъ, болѣе четвертой части камеръ было обойдено, а начальникъ училища, Рѣзвый, все еще не являлся. И появился онъ въ роковой моментъ: когда императоръ обошелъ только-что одну изъ угловыхъ, закоулочныхъ, такъ сказать, комнатъ. Въ этой комнатѣ произошло слѣдующее.

Государь минуты двѣ разговаривалъ съ помѣщавшимся въ ней новичкомъ, койка котораго стояла какъ разъ около печки въ углу. И въ углу около печки государь подмѣтилъ тонкій запахъ табаку. Легко было заключить, что нѣсколько минутъ тому назадъ кто-то курилъ въ трубу.

— Узнать, кто курилъ,—приказалъ императоръ слѣдовавшему за нимъ дежурному офицеру, какъ только вернулся въ слѣдующую камеру, въ которой со всѣхъ сторонъ напирали на него напрасно старавшіеся стиснуться, почти сплюснуться, юнкера. Дежурный офицеръ обратился къ этой толпѣ и дрожащимъ полушопотомъ умолялъ признаться. Чрезъ нѣсколько минутъ, ранѣе, чѣмъ Николай Павловичъ успѣлъ выйдти изъ слѣдующей комнаты, дежурный офицеръ доложилъ ему трепетный и блѣдный: «не признаются, ваше величество». Гнѣвъ сверкнулъ въ глазахъ императора, и въ этотъ-то моментъ къ нему протолкался запыхавшійся, испуганный начальникъ училища О. П. Рѣзвый. Это было первое посѣщеніе государемъ училища съ тѣхъ поръ, какъ Рѣзвый былъ назначенъ вмѣсто Розена, именно для того, чтобы водворить порядокъ, «подтянуть». Не лестныя слова услыхалъ Орестъ Павловичъ отъ монарха. Ясно было, что не столько самый проступокъ вызвалъ гнѣвъ его, сколько то, что виновный не признавался, не взирая на тутъ же выраженную высочайшую волю.

А между тѣмъ юнкера не признавались только потому, что были просто ошеломлены, потому что самый пріемъ разслѣдованія былъ мгновенный, ошеломляющій. Какъ мы увидимъ въ концѣ этого

очерка, юнкера умѣли честно и смѣло виниться въ своихъ проступкахъ, не взирая на суровость ожидавшихъ ихъ каръ.

Изъ второго взвода надо было государю вернуться въ караульную залу, чтобы подняться во 2-й этажъ.

Караульная зала, въ которой стоитъ на высокомъ пьедесталѣ бюстъ императора Александра I-го, находилась въ центрѣ жилой части училища. Съ одной стороны ея были расположены камеры перваго взвода, съ другой—второго; съ третьей стороны къ ней примыкала площадка лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, вмѣщавшій третій и четвертый взводы.

Ни государя, ни цесаревича, юнкера никогда не допускали всходить по лѣстницѣ. Юноши приближались вплотную къ высокому посѣтителю, на сколько возможно осторожно и, конечно, порывисто, потому что каждый хотѣлъ быть ближе, подхватывали его плечи, спину, ноги и вносили на рукахъ на верхъ; иногда обносили по корридорамъ и камерамъ. Это была счастливая забава для молодежи; для того, кого несли, положеніе было неудобное; но государь всегда улыбался и шутилъ при этомъ; преданная ему молодежь улыбалась и радовалась, и съ веселымъ, почтительно сдерживаемымъ говоромъ тѣснилась около царя.

Наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Николаевичъ особенно добродушно относился къ этому обычаю, и тогда уже, когда былъ императоромъ. Онъ всегда слегка сопротивлялся, какъ бы отбивался отъ охватывавшей его молодежи, и нѣсколько разъ повторялъ: «Да что вы меня носите; я, слава Богу, могу и самъ ходить». Онъ вообще во время своихъ посѣщеній училища въ пятидесятыхъ годахъ пробуждалъ своею привѣтливостію теплое чувство во всей юной массѣ. Особенно памятенъ его пріѣздъ въ лагери въ Царскомъ Селѣ въ 1855 году. Послѣ своего вступленія на престолъ онъ впервые посѣтилъ лагерь военно-учебныхъ заведеній. Онъ не далъ себя нести вдоль линіи, но шелъ, высокій и стройный, окруженный цѣлымъ потокомъ дѣтей; въ лагеряхъ стояли всѣ корпуса. Начальства и офицеровъ около него не было видно; самые маленькіе изъ воспитанниковъ пересыпались около государя, какъ крупа, попадаясь къ нему подъ ноги, почти заигрывая съ нимъ; онъ все время шутилъ, и по выраженію его добраго лица несомнѣнно можно было заключить, что онъ былъ счастливъ не менѣе молодежи.

Помню также, какъ однажды въ 1856 году, зимой, обойдя посѣщенное имъ артиллерійское училище и спустясь къ подъѣзду, Александръ Николаевичъ довольно долго одѣвалъ свое пальто и свою высокую конно-гвардейскую фуражку. Юнкера толпою стояли кругомъ и слѣдили молча за движеніями императора.—«Что? удивляетесь, что я такъ долго укутываюсь?—весело и добродушно обратился къ нимъ Александръ Николаевичъ, тщательно надѣвая фу-

ражку,—а видите, я разъ отморозилъ уже себѣ уши, такъ теперь запрятываю ихъ поглубже подъ фуражку».

Его родитель, Николай Павловичъ былъ суровѣе, разговаривалъ мало, почти не улыбался; но всегда дозволялъ носить себя по лѣстницамъ и выносить изъ подъѣзда въ сани. На этотъ разъ, въ 1853 году, когда мы хотѣли поднять его, чтобы внести въ 3-й взводъ по лѣстницѣ, его величество строго приказалъ:—«Не тронь». Юнкера отступили, на сколько позволяла толкотня. Начальство, блѣдное и трепещущее, продолжало идти вслѣдъ за нимъ. Чувство, граничащее съ паникой, сообщилось всѣмъ, и до того всѣ были смущены, что въ 3-мъ и 4-мъ взводахъ дисциплинарные проступки стали проявляться на каждомъ шагу.

На порогѣ средней и самой большой камеры верхняго этажа, расположенной какъ разъ надъ караульной залой (камеру эту звали у насъ Москвой, а завѣдывавшаго ею портупей-юнкера величали титуломъ московскаго генералъ-губернатора),—на порогѣ этой «Москвы» портупей-юнкеръ подошелъ къ государю съ рапортомъ, до того смущенный, что выступилъ, вмѣсто лѣвой ноги, съ правой: съ фронтовой точки зрѣнія это было непростительнымъ проступкомъ, за что̀ портупей-юнкера государь назвалъ дуракомъ. Дальше все шло какъ-то неладно. Кто-то оказался безъ галстука, кто-то съ разстегнутымъ воротникомъ и т. д. Государь былъ на столько разгнѣванъ, что, спускаясь внизъ, не только не обошелъ другихъ частей зданія, но даже—чего никогда не случалось прежде—не удостоилъ заглянуть въ лазаретъ. Накинувъ въ корридорѣ поданную ему шинель и покрывшись своей тяжелой кирасирской каской, онъ быстро вышелъ на крыльцо. Сани стояли у подъѣзда. Толпа юнкеровъ робко приблизилась было къ нему и попыталась подсадить его въ сани, но императоръ, опять, строго оглянувъ насъ, скомандовалъ:—«На лѣво кругомъ!»,—самъ сѣлъ въ сани и подозвалъ къ себѣ генерала Рѣзваго.

Юнкера, отступившіе въ корридоръ, видѣли сквозь открытую дверь подъѣзда, что онъ нѣсколько минутъ что̀-то гнѣвно говорилъ начальнику училища. Потомъ сани тронулись и быстро исчезли въ облакѣ снѣжной пыли. Сумерки сильно сгустились уже... Тревожно разошлись юнкера по камерамъ. Что-то будетъ?..

А быть могло многое: даже уничтоженіе училища, размѣщеніе его юнкеровъ по кадетскимъ корпусамъ; даже разжалованіе въ солдаты старшихъ воспитанниковъ и въ кантонисты младшихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагали юнкера; и не менѣе юнкеровъ встревоженное начальство едва ли не раздѣляло этихъ опасеній.

Стемнѣло; пробилъ барабанъ: «строиться въ классы». Удрученные, словно подъ какимъ-то свинцовымъ гнетомъ грозной неизвѣстности, юнкера построились, промаршировали и разошлись по классамъ, въ которыхъ тускло теплились старомодныя масляныя

лампы, едва освѣщая темнозеленыя стѣны. Въ классахъ юнкерамъ было удобнѣе обсуждать всѣ, можно сказать, государственные вопросы. У юнкерства существовало свое домашнее управленіе, установленное обычаемъ. Первый (старшій) классъ рѣшалъ главнѣйшіе вопросы; иногда приглашался къ ихъ рѣшенію 2-й классъ. Остальные въ дѣлахъ общаго управленія не принимали участія. Фельдфебель, портупей-юнкера, ефрейторы имѣли въ этихъ совѣщаніяхъ вліяніе равное съ остальными; степень вліянія зависѣла отъ уваженія, которымъ каждый лично пользовался въ товарищеской средѣ, а не отъ нашивокъ, обусловливавшихъ только административное положеніе того или другого юноши. Тѣмъ не менѣе юнкерскій форумъ былъ справедливъ; принимая во вниманіе, что всѣ переговоры съ начальствомъ падали на портупей-юнкеровъ и фельдфебеля, форумъ старался, чтобы рѣшенія его не подвергали опасности парламентеровъ.

Въ этотъ злополучный вечеръ было не до ученія. Въ дежурной (классной комнатѣ), гдѣ собирались учителя, взволнованное начальство забыло о глаголѣ временъ и не разводило учителей по классамъ во время, назначенное росписаніемъ.

Въ старшихъ классахъ естественно обсуждался вопросъ: что дѣлать?

Такіе факты, какъ кольцо Сиверса, разстегнутый воротникъ Трипольскаго, подходъ съ рапортомъ съ правой ноги Подберезскаго, неподнятыя шторы, нѣсколько помятыхъ чехловъ на койкахъ,—ничѣмъ загладить было нельзя. Ясно. Но не за эти проступки могла обрушиться радикальная кара.—Главное—табачный запахъ, и главнѣе всего то, что «не признаются».

Между тѣмъ, всѣ, кто курилъ въ училищѣ предъ пріѣздомъ государя, теперь были готовы сознаться, многіе, даже изъ младшихъ классовъ, хотѣли сейчасъ идти сознаться. Но форумъ патриціевъ не дозволялъ дѣйствовать въ одиночку и сгоряча. Бѣда общая, и мѣры должны быть общія. Курили многіе, но, большею частью, въ ватерклозетахъ; на это не было обращено вниманія. Императоръ замѣтилъ запахъ только въ комнатѣ юнкера Корсакова и требовалъ признанія курившихъ въ этой комнатѣ. Этими послѣдними и должно пожертвовать, по справедливости, для возможнаго спасенія всего училища. Ихъ оказалось двое. Оба курившіе, конечно, не скрывали отъ товарищей своей вины: курилъ самъ Корсаковъ, портупей-юнкеръ, отвѣтствующій за порядокъ въ этой камерѣ, и Л—въ, юнкеръ 2-го класса. Они курили въ трубу. Патриціи и этихъ виновниковъ не допустили тотчасъ же сознаться; продолжали обсуждать. Если одинъ признается, то не будетъ ли все исполнено, что нужно? Кто одинъ? Л—въ готовъ быть этимъ однимъ: ему до выпуска въ офицеры полтора года, а Корсакову—полгода; въ полтора года, можетъ быть, ему простятъ; въ полгода же едва ли простятъ Кор-

сакову; это можетъ повліять на всю карьеру послѣдняго. Корсаковъ требовалъ, чтобы ему позволили пожертвовать собой: онъ сугубо виновенъ, ибо допустилъ безпорядокъ въ своей камерѣ; наконецъ, у него есть небольшая протекція, родной братъ, состоящій лично при Я. И. Ростовцовѣ; онъ можетъ имѣть хоть слабую надежду, что послѣдствія наказанія, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ будутъ смягчены; а у Л—ва въ Петербургѣ не только покровителей, но, кажется, и родныхъ даже не было... Великодушная борьба двухъ юношей была безапелляціонно рѣшена приговоромъ форума патриціевъ: вечерніе классы еще не кончились, когда Корсаковъ снесъ свою повинную голову батарейному командиру.

Корсаковъ былъ въ старшемъ классѣ; до выпуска въ офицеры, какъ мы сказали, ему оставалось менѣе полугода. По занятіямъ и по поведенію, онъ былъ на хорошемъ счету; онъ имѣлъ портупей-юнкерскія нашивки и права и, какъ всѣ портупей-юнкера артиллерійскаго училища, имѣлъ офицерскій темлякъ. Конечно, съ него тотчасъ же были сняты нашивки, темлякъ и даже, что̀ считалось высшимъ позоромъ и сравнивало его съ только-что поступившими и необучившимися фронту новичками, сняты были погоны. Само собою разумѣется, что онъ былъ посаженъ подъ арестъ, длившійся, впрочемъ, относительно недолго. Но за то въ черной безпогонной курткѣ новичка онъ ходилъ нѣсколько мѣсяцевъ. И, все-таки, это наказаніе, какъ оно ни было тягостно, по понятіямъ юнкеровъ, было милостиво до неожиданности. Милость же, конечно, обусловливалась тѣмъ, что онъ самъ сознался.

Все училище было также наказано: когда наступила суббота роковой недѣли, ознаменованной посѣщеніемъ императора, начальство объявило, что всѣ юнкера, включая новичковъ, которые не могли быть виноваты по самому своему положенію, оставлены безъ отпуска впредь до приказанія. Печально миновало воскресенье; но еще печальнѣе наступали праздники Рождества, приходившіеся на слѣдующей за этимъ воскресеньемъ недѣлѣ. Ни 23, ни 24 декабря никого не отпускали изъ училища; удрученная скукой, праздная молодежь (полугодовые, такъ называемые третные, экзамены только-что окончились) бродила по камерамъ и по плацу. Обычныя въ праздное время развлеченія, импровизированные спектакли и музыкальные вечера и даже маскарадъ съ танцами, были немыслимы. Опала была чувствительна, и опасенія о дальнѣйшихъ ея послѣдствіяхъ не прекращались.

Самый праздникъ Рождества проведенъ былъ въ заключеніи и мучительной неизвѣстности: что дальше? Самый праздникъ отличался отъ другихъ дней тѣмъ, что утромъ въ новыхъ курткахъ мы сходили въ церковь къ обѣднѣ, а за обѣдомъ, вмѣсто классическихъ плоскихъ мясныхъ котлетъ съ сально-жаренымъ картофелемъ, послѣ супа, все училище ѣло жареныхъ гусей. Все-таки,

утѣшеніе для молодыхъ желудковъ, еще не знакомыхъ съ диспепсіей, вызываемой нравственными причинами,—гусь былъ не только утѣшеніемъ, но даже лучемъ надежды. Жареные гуси хорошая вещь; но отпускъ домой еще лучше жареныхъ гусей, тѣмъ болѣе, что дома не обошлись бы безъ жаренаго гуся и чего нибудь даже послаще. А погода, какъ нарочно, стояла самая соблазнительная: ярко-солнечные, морозные, безвѣтряные дни. Мимо училища и по Литейному мосту, который былъ видѣнъ изъ оконъ во всю его длину, ходили и ѣздили счастливые кадеты, юнкера инженернаго училища, школы подпрапорщиковъ, правовѣды, лицеисты, пажи. Многіе изъ этихъ счастливцевъ заходили въ училище навѣстить юнкеровъ, знакомыхъ имъ, родственниковъ. Отъ этихъ гостей такъ соблазнительно пахло морозомъ, рождественскимъ весельемъ и свободой! Пріѣзжали отцы, матери, тетушки; привозили коробочки и сверточки сластей. Конференцъ-зала, служившая пріемной, на большую часть дня обращалась въ огромную гостиную, гдѣ посѣтители на жесткихъ стульяхъ Александровскаго стиля сидѣли группами около «своего юнкера». Но разговоры велись шопотомъ, прерывались унылымъ молчаніемъ. Матери сквозь слезы машинально оглядывали портреты императоровъ во весь ростъ и поясные бывшихъ директоровъ,—портреты висѣли по стѣнамъ огромной залы въ два свѣта,—и всѣ съ замирающимъ сердцемъ повторяли неотвязный вопросъ: что же будетъ?.. Юноши, большею частью мальчики, не спѣшили развертывать привезенныя имъ лакомства; завистливо взглядывали въ окно на мостъ, на мелькавшіе по немъ пѣшкомъ и на извозчикахъ кадетскіе султаны.—«Когда-то будемъ мы на свободѣ?»...

На второй день праздника юнкера за обѣдомъ въ столовой доѣдали своихъ гусей, когда сунувшійся въ дверь и тотчасъ же «сократившійся» служитель объявилъ:—«Генералъ Ростовцевъ изволятъ ѣхать».

Во все время критическаго періода продолжала дѣйствовать выше описанная нами система караульныхъ-инкогнито на углахъ улицъ и на мосту. А юнкера, конечно, продолжали перемѣнять куртки, ибо высшее начальство ожидалось ежеминутно. Кризисъ неизвѣстности и опалы долженъ же былъ чѣмъ нибудь разрѣшиться.

«Генералъ Ростовцевъ изволятъ ѣхать». Говорокъ, гудѣвшій въ залѣ, мгновенно смѣнился тишиной: ни гу-гу. Дежурный офицеръ, не докончивъ своего обѣда за маленькимъ квадратнымъ столикомъ въ глубинѣ зала, едва успѣлъ надѣть каску и перчатки и приготовился рапортовать, какъ генералъ Ростовцевъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, вошелъ въ столовую. Юнкера встали, стараясь не гремѣть пріотодвинутыми скамейками. «Здравствуйте, господа».—«Здравія желаемъ, ваше превосходительство!»—«Садитесь».

Служителя чинно гуськомъ въ ногу разнесли по столамъ оловянныя блюда съ праздничнымъ пирожнымъ. Мы чинно жевали золотистыя разварныя пышки съ нѣсколькими краснобурыми каплями брусничнаго варенья на верху и клейстерообразнымъ недопеченнымъ тѣстомъ внутри. Храня глубокое, чинное молчаніе, мы старались прочитать на лицѣ начальника штаба: что-то будетъ? Начальникъ училища Рѣзвый, батарейный командиръ К. Е. Дитрихсъ, и дежурный офицеръ, ходили съ нимъ и за нимъ взадъ и впередъ по широкому проходу между столами и тоже, казалось, старались чтò-то прочитать. Спрашивать, однако, не смѣли. Округлое, полное, бѣлокурое, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, матоводобродушное лицо, было серьёзно. Очевидно, генералъ не былъ расположенъ высказываться до поры до времени.

Заварныя пышки съѣдены, барабанъ пробилъ; юнкера встали; «Благодаримъ Тебя, Создателю», обращенное къ образу распятія Христова, пропѣто стройнѣе обыкновеннаго. Опять барабанъ. И чинно по два въ рядъ, подскакивая, чтобы попасть въ ногу, юнкера вышли изъ-за столовъ и изъ столовой. Вмѣсто камеръ, ихъ провели въ конференцъ-залу и выстроили противъ стѣны, съ которой на нихъ глядѣли портреты во весь ростъ двухъ императоровъ Александра и Николая Первыхъ. Сквозь окно зала виднѣлись Нева, Литейный мостъ, городское движеніе, праздничная свобода. Короткій декабрскій день начиналъ алѣть, солнце опускалось въ багровую морозную атмосферу.

Генералъ Ростовцевъ въ сопровожденіи училищнаго начальства пришелъ и обратился къ намъ съ рѣчью.

Генералъ Ростовцевъ не пользовался большою популярностію среди молодежи, но, приходя съ ней въ непосредственное соприкосновеніе, какъ, напримѣръ, теперь, съ артиллерійскимъ училищемъ, онъ производилъ впечатлѣніе скорѣе хорошее. Онъ не увлекалъ, но располагалъ къ себѣ. Онъ никогда не сердился, не бранился, не угрожалъ, не металъ молній своими умными свѣтло-сѣрыми глазами, не возвышалъ голоса. Все въ немъ было такъ мягко, начиная съ плотной, округлой, небольшой фигуры, облеченной въ свѣжій, но никогда не сверкавшій, какъ бы съ иголочки, генералъ-адъютантскій мундиръ. Руки были бѣлыя, мягкія и пухлыя, съ красивыми широкими ногтями; движенія спокойныя и округлыя; свѣтлые усы, пышные и мягкіе, какъ губы, какъ выходящая изъ этихъ губъ рѣчь. Онъ немного заикался, останавливался иногда на полусловѣ на нѣсколько секундъ съ открытымъ ртомъ, словно у него дыханіе перехватывалось. Случалось, — особенно когда ему приходилось разговаривать съ кѣмъ нибудь изъ юнкеровъ, заикавшихся, какъ и онъ,—что улыбка, усмѣшка пробѣгала по лицамъ предстоящихъ юношей: Jugend hat keine Tugend. Яковъ Ивановичъ замѣчалъ эти усмѣшки, но рѣшительно ничѣмъ не выказывалъ

своего неудовольствія. Съ юношами онъ всегда разговаривалъ простодушно, поотечески. Въ этомъ добродушномъ отеческомъ тонѣ не доставало какой-то нотки, можетъ быть, искренности; но мягкость голоса и выраженій дѣлали этотъ недостатокъ малочувствительнымъ. Его всегда слушали со вниманіемъ и съ уваженіемъ, особенно еще потому, что онъ никогда не говорилъ педагогическихъ благоглупостей, которыя могли бы подавать поводъ къ насмѣшкамъ.

На этотъ разъ Яковъ Ивановичъ говорилъ особенно мягко и особенно отечески. Онъ былъ глубоко огорченъ поведеніемъ училища, разгнѣвавшимъ государя. Онъ сообщилъ намъ, что его высочество наслѣдникъ-цесаревичъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, испытывалъ тѣ же чувства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любя училище, употреблялъ всѣ усилія, чтобы смягчить справедливый гнѣвъ своего августѣйшаго родителя, чтобы отвратить отъ заведенія грозившія ему кары: невиновные могли пострадать вмѣстѣ съ виновными. Ходатайство наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича не осталось безъ послѣдствій: государь повелѣлъ простить училище, оставивъ подъ наказаніемъ одного Корсакова. Сегодня же всѣ юнкера могутъ быть распущены по домамъ на остатокъ рождественскихъ праздниковъ. Затѣмъ, перейдя въ еще болѣе родительскій, дружескій, почти интимный тонъ, Яковъ Ивановичъ довольно долго усовѣщевалъ насъ насчетъ куренья, доказывалъ, какъ оно вредно въ юномъ возрастѣ, и закончилъ ссылкою на свой личный примѣръ:

— «Вотъ я, господа, началъ курить только, когда мнѣ было 23 года, когда я физически окрѣпъ; а до тѣхъ поръ даже не испытывалъ потребности».

Послѣ Рождества, проведеннаго почти въ заточеніи, миновало едва нѣсколько недѣль. Корсаковъ еще ходилъ безъ погонъ, какъ живое предостереженіе. Однажды, послѣ вечернихъ классовъ, изъ которыхъ мы обыкновенно пересыпали въ камеры безпорядочной и шумной толпой, дежурный офицеръ приказалъ предварительно выстроиться и идти, какъ полагалось уставомъ — строемъ по два въ рядъ. Приведя насъ въ рекреаціонную залу, дежурный офицеръ скомандовалъ: — «стой, равняйся».

Это была низкая, длинная, унылая зала, съ голыми темнозелеными стѣнами, печально освѣщенная двумя масляными лампами, висѣвшими на срединѣ потолка, претендовавшими на званіе люстры. У этой люстры было еще два никогда незажигавшихся ламповыхъ рожка и подо всѣми четырьмя подвѣшенъ стекляный, закапанный масломъ, кругъ въ широкомъ мѣдномъ ободкѣ, темная тѣнь котораго, словно траурная полоса опоясывала стѣны кругомъ. Въ этой залѣ насъ ожидалъ батарейный командиръ, Константинъ Егоровичъ Дитрихсъ, стройный, тонкій полковникъ, съ маленькой красивой продолговатой головой и съ легкой просѣдью въ усахъ. Его кра-

сивое лицо, съ нѣсколько римскимъ профилемъ, было очень озабочено, печально. Онъ всегда зимой какъ бы ёжился отъ холода въ своемъ просторномъ сюртукѣ. На этотъ разъ онъ ёжился больше обыкновеннаго, можетъ быть, ёжился не отъ одного холода. Обѣ руки его были, по привычкѣ, глубоко запрятаны во взаимно-противоположные рукава сюртука. Онъ горбился, словно подавленный какою-то тяжестью.

Его видъ, также какъ и мрачная зала, словно въ насмѣшку называемая рекреаціонною (въ ней никто никогда не проводилъ своихъ рекреацій),—наводила уныніе. Зачѣмъ насъ здѣсь остановили? Что скажетъ батарейный командиръ? Эти вопросы возбуждали безпокойство. Должно быть, что нибудь очень важное, потому что служителей, которые сновали по залѣ, дежурный офицеръ прогналъ; а дежурный портупей-юнкеръ, по распоряженію полковника, заперъ всѣ двери залы, которыя на нашей памяти всегда стояли настежъ и день и ночь. Что нибудь не только важное, но и таинственное.

Константинъ Егоровичъ заговорилъ съ нами очень взволнованнымъ голосомъ. И было отъ чего взволноваться. Вотъ приблизительно, на память, то, что сказалъ онъ.

Служитель Ѳедоровъ, чистя утромъ ватерклозеты, нашелъ застрявшій въ проводѣ писсуара 1-го взвода окурокъ папиросы. Онъ вынулъ этотъ окурокъ, обсушилъ его, — окурокъ былъ пропитанъ мочей,—и представилъ начальнику училища генералъ-маіору Рѣзвому. Рѣзвый поручилъ батарейному командиру произвести разслѣдованіе, о результатахъ котораго имѣлъ въ виду немедленно довести, чрезъ посредство генерала Ростовцева, до высочайшаго свѣдѣнія. Государь помиловалъ еще такъ недавно училище, возбудившее его гнѣвъ куреньемъ табаку, что новый однородный проступокъ являлся сугубо опаснымъ. Училище, и начальство, и юнкера, и самое существованіе заведенія избѣгли радикальной кары, благодаря заступничеству государя-наслѣдника; но едва ли могутъ надѣяться на это заступничество нынѣ.

Да проститъ небо Константину Егоровичу,—онъ былъ такъ разстроенъ, что, заговоривъ о послѣдствіяхъ, грозящихъ училищу, кажется, забылъ, что говоритъ въ качествѣ командира, обращаясь къ командѣ, состоящей изъ нижнихъ чиновъ. Онъ не упрекалъ, не грозилъ; онъ только глубоко скорбѣлъ. У него даже сорвалось съ языка, что не будь злополучный окурокъ представленъ усерднымъ служителемъ Ѳедоровымъ господину начальнику училища Рѣзвому, то онъ самъ, Дитрихсъ, постарался бы ограничить дѣло разслѣдованіемъ и наказаніемъ, такъ сказать, домашнимъ; постарался бы, чтобы императоръ не былъ вновь огорченъ, и чтобы училище было спасено. Но теперь Орестъ Павловичъ знаетъ... и онъ, Дитрихсъ, ничего для отвращенія бѣдствія предпринять не можетъ.

Рѣчь его была такъ искренняя, что едва ли за все долголѣтнее командованіе батареей онъ когда либо владѣлъ сердцами юношей какъ въ эту минуту.

— Есть одно средство,—продолжалъ онъ,—если не отвратить, то по возможности смягчить заслуженный гнѣвъ государя и заслуженную кару. Вы видѣли, что сознаніе Корсакова было спасительно. И нынче сознаніе того, кто курилъ утромъ папиросу въ ватерклозетѣ перваго взвода, можетъ смягчить гнѣвъ государя. Государь и въ первый разъ былъ разгнѣванъ не столько тѣмъ, что курили, сколько тѣмъ, что не сознавались. «Я лично не много могу сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ,—закончилъ свою рѣчь Константинъ Егоровичъ,—но сдѣлаю все, что могу, для того, чтобы наказаніе сознавшагося было по возможности смягчено. Повѣрьте мнѣ, господа».

И молодежь, недвижно, двумя шеренгами стоявшая предъ своимъ командиромъ, руки по швамъ, повѣрила ему своими крѣпко бившимися молодыми сердцами.

Константинъ Егоровичъ смолкъ. Въ мрачной залѣ тишина водворилась мертвая. Прошло минуты двѣ.

Дежурнымъ по училищу портупей-юнкеромъ былъ въ этотъ день Забѣлло. Онъ стоялъ внѣ строя, за лѣвымъ флангомъ четвертаго взвода; за мелкими лѣвофланговыми «рыжками» высилась его крупная, совсѣмъ развитая широкоплечая фигура, въ каскѣ, съ широкой бѣлой портупеей наискось по груди. Забѣлло шелохнулся, отчетливо перекрестился три раза и, раздвинувъ двѣ шеренги стоявшихъ впереди его мальчиковъ, подошелъ къ Дитрихсу.

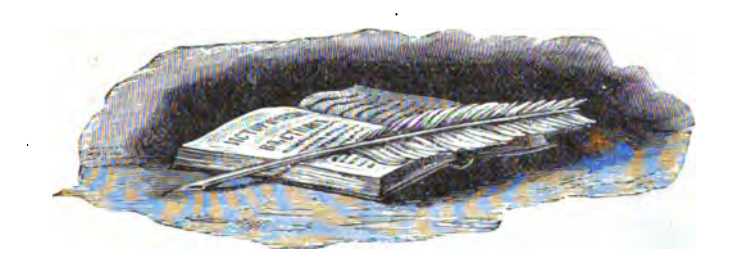
— Господинъ полковникъ, сегодня утромъ въ ватерклозетѣ перваго взвода курилъ я.

Въ глазахъ командира сверкнули слезы; онъ ласково, благодарно взглянулъ на повинившагося. Этого было достаточно для начальства. Но оказалось, не было достаточно для молодыхъ людей, чувства которыхъ были затронуты командиромъ. Дитрихсъ не успѣлъ еще сказать двухъ словъ Забѣлло, какъ около него образовалась уже цѣлая группа. Изъ рядовъ выступили и приблизились къ нему выпускные юнкера: Карлинскій, баронъ Розенъ, Якубовичъ и нѣсколько юнкеровъ младшихъ классовъ; между послѣдними Валламовъ, который впослѣдствіи, уже будучи офицеромъ, застрѣлился на Кавказѣ. Всего семь человѣкъ — всѣ, кто утромъ курилъ въ ватерклозетѣ 1-го взвода. Между тѣмъ, окурокъ найденъ былъ только одинъ; и съ практической точки зрѣнія было совершенно достаточно одной жертвы; достаточно было сознанія Забѣлло. Но юность руководится не практикой, а чувствами, которыя въ ней возбуждены. Чувство товарищества, одно изъ самыхъ теплыхъ юношескихъ чувствъ, побуждало всѣхъ семерыхъ пожертвовать собой. За что будетъ страдать одинъ Забѣлло? Можетъ быть, и оку-

рокъ, выковыренный служителемъ Ѳедоровымъ, не былъ именно его окуркомъ. Всѣмъ вмѣстѣ—лучше. Гуртомъ—дешевле.

Конечно, всѣ повинившіеся были наказаны. Подобно Корсакову, они были лишены не только нашивокъ,—кто ихъ имѣлъ,—но даже и погоновъ. За то Константинъ Егоровичъ Дитрихсъ сдержалъ свое слово и сдѣлалъ все, что могъ, дабы постигшее ихъ наказаніе не отразилось на ихъ офицерской карьерѣ; къ выпускному экзамену всѣмъ имъ были возвращены ихъ права, какъ и Корсакову. Конечно, обо всемъ было доведено до высочайшаго свѣдѣнія. Добровольное сознаніе семерыхъ на столько смягчило неудовольствіе Николая Павловича, что онъ пощадилъ училище и ограничился только тѣмъ что повелѣлъ быстрѣе приводить въ исполненіе еще ранѣе проектированное его преобразованіе.

Н. Фирсовъ.





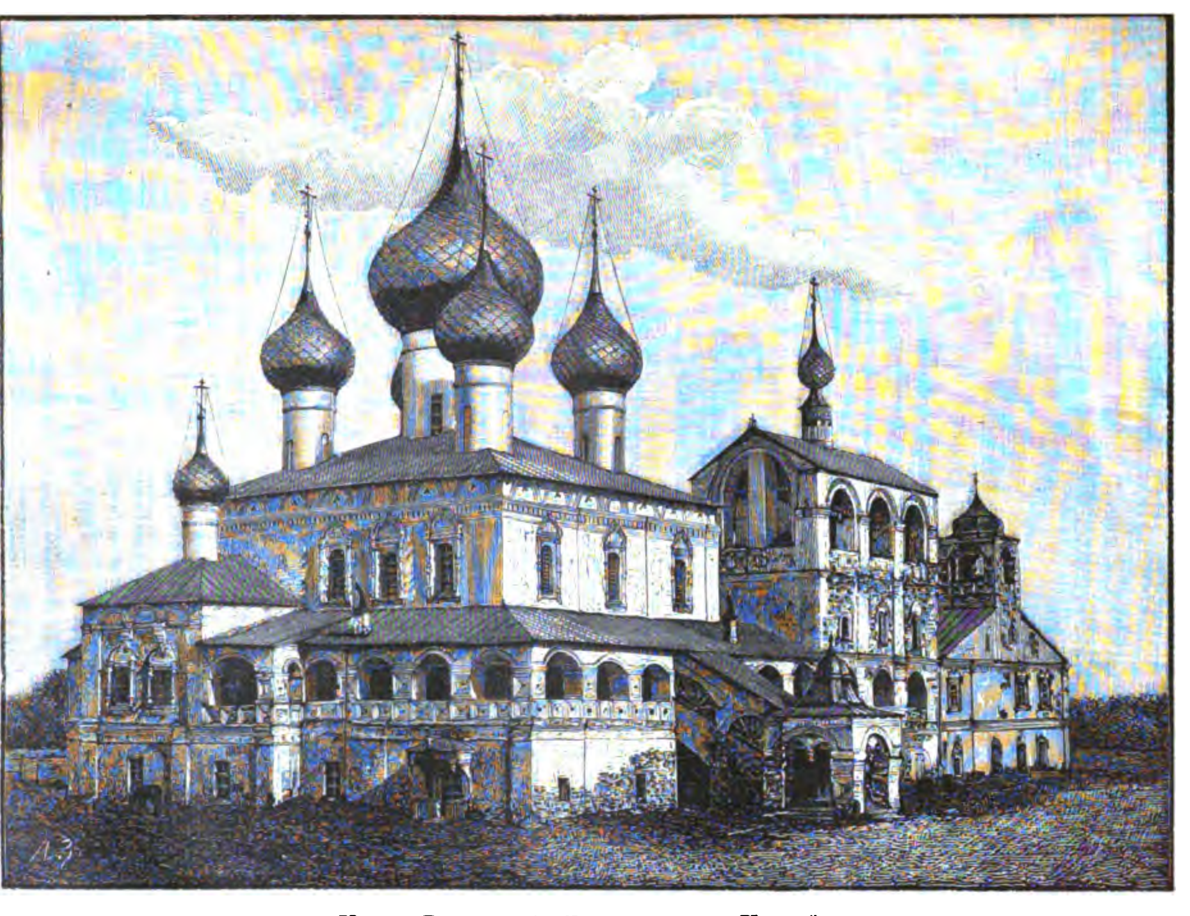
ЦЕРКВИ УПРАЗДНЕННАГО ВОСКРЕСЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ ГОРОДѢ УГЛИЧѢ.

«И призракъ милой старины
«Тѣснится въ грудь со мракомъ ночи»...

ВЪ ОДНОМЪ изъ древнѣйшихъ поволжскихъ городовъ, — Угличѣ находятся замѣчательныя развалины, на которыя почему-то мало обращаютъ вниманіе—это остатки упраздненнаго Воскресенскаго монастыря. Монастырскій храмъ съ пристройками, колокольнею и Пятницкой церковью—одинъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ памятниковъ строительнаго искусства допетровской Руси и составляетъ почти единственное драгоцѣнное украшеніе захудалаго города Углича.

Воскресенскій мужской монастырь существовалъ до 1764 года. Во время монастырской реформы за нимъ числилось 919 душъ крестьянъ, которые потомъ со всѣми землями и были зачислены въ казенное вѣдомство; монастырь упраздненъ, а архимандритъ Павелъ переведенъ на свободную вакансію настоятеля въ Угличскій Алексѣевскій монастырь; съ нимъ перешли туда же иноки и все излишнее для приходской церкви имущество.

Письменные акты не сохранили намъ сказаній о времени основанія монастыря; нѣтъ также объ этомъ и устныхъ преданій, но только въ духовномъ завѣщаніи Угличскаго князя Димитрія Жилки, писанномъ въ 1508 году, есть приказаніе, чтобы послѣ его смерти было отдано: «къ Воскресенію Христову въ монастырь сельцо Синцово съ деревнями въ Кадке, што за Яковомъ за Поплевинымъ



Храмъ Воскресенія Господня въ г. Угличѣ.

помѣстье, да сельцо Олиониково, што къ Синцову пришло, а къ нему шесть деревенъ, што за Васильемъ за Волонскимъ помѣстье».

Сначала Воскресенскій монастырь находился на самомъ берегу Волги, около мѣста вышеописанной Предтечевской церкви. Въ 1609 году поляки взяли его «боемъ». Запершіеся въ этомъ монастырѣ міряне съ архимандритомъ Лаврентіемъ и братіей были убиты и потоплены, монастырь же ограбленъ и сожженъ. Лѣтописецъ объ этомъ событіи говоритъ: «Монастырь прекрасный Воскресенія Христова они разбиша; архимандрита Лаврентія, 60 инокъ и болѣе 500 гражданъ,—всѣхъ различно погубляху: овыхъ вѣшаху, овыхъ съ паперти кидаху, овыхъ таскаху въ Волгу и топляху; а монастырь весь раззориша и огнемъ сожгоша, а монастырь бысть при самой Волгѣ».

Послѣ этого несчастнаго событія монастырь возобновился опять на прежнемъ мѣстѣ. Онъ содержалъ до 1649 года перевозъ черезъ рѣку Волгу, а, слѣдовательно, и участвовалъ во взиманіи бывшихъ тогда внутреннихъ таможенныхъ сборовъ. Послѣ 1649 года, по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, взамѣнъ этого права, онъ сталъ получать деньгами изъ мѣстныхъ таможенныхъ сборовъ 23 рубля 50 коп. въ годъ (выдача эта при Петрѣ I была уменьшена до 15 рублей). Въ концѣ первой половины XVII вѣка, въ этомъ монастырѣ принялъ постриженіе бывшій впослѣдствіи ростовскимъ митрополитомъ, знаменитый строитель Ростовскаго кремля, Іона Сысоевичъ[1]).

Памятуя о первомъ мѣстѣ своего постриженія, митрополитъ Іона имѣлъ къ Воскресенской обители особенное попеченіе; этимъ и объясняются его прекрасныя постройки, сохранившіяся до нашего времени. Воскресенскій монастырь часто терпѣлъ отъ разлитія Волги и это заставило Іону, при возобновленіи монастыря, перенести его на настоящее мѣсто, далѣе отъ берега. Точнаго опредѣленія времени перенесенія монастыря сдѣлать нельзя, но угличскія писцовыя книги стольника Самарина и подъячаго Русинова, 1674—1676 годовъ, застали монастырь уже на новомъ мѣстѣ. Постройка каменныхъ монастырскихъ зданій производилась въ теченіе 1674—1677 годовъ.

Въ писцовыхъ книгахъ находится краткое описаніе Воскресенскаго монастыря. Онъ въ то время былъ еще деревянный и имѣлъ двѣ церкви: Богородицы Одигитріи и Маріи Египетской. Послѣдняя изъ нихъ была на главныхъ вратахъ монастырской ограды, которую составлялъ просто заборъ и имѣла при себѣ шатровую колокольню съ замѣчательною по тогдашнему времени особенностью: на ней были устроены боевые часы съ перечасіемъ. Въ монастырѣ было 7 келій и 7 службъ, живущихъ было тогда, включая архимандрита и 3 іеромонаховъ, всего 24 человѣка.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», октябрь 1885 года—«Митрополитъ Іона III Сысоевичъ и его постройки въ кремлѣ Ростова Великаго» А. Титова.

Въ 1654 году, по словамъ маститаго историка города Углича В. И. Серебреникова, къ нему былъ приписанъ еще Архангельскій, близъ Углича (нынѣ село); сверхъ того, небольшая деревянная церковь Владимірской Божіей Матери. По вкладной «чернаго попа Кирила» церковь эта, давно существующая, находилась за городомъ, не подалеку отъ нынѣшняго Воскресенскаго убоговскаго кладбища и была, конечно, безприходная. Однакожъ фактъ подобнаго вклада довольно замѣчателенъ.

«Да въ томъ же монастырѣ,—говорится далѣе въ писцовыхъ книгахъ,—строятъ вновь церковь каменную Воскресенія Христова, въ придѣлахъ: соборъ Архистратига Михаила, въ другую сторону—Іакова, брата Господня, на высокихъ папертяхъ, а подъ папертьми во всѣ стороны палаты»...

«По мѣрѣ тое новые церкви съ переднюю страну и съ палатами 12¼ саженъ, а съ сѣверную и южную страну по 13 саженъ по алтарямъ 13 саженъ. А строилъ ту церковь Іона, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій». Къ церкви этой, по сооруженіи ея, пристроены потомъ колокольня, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, но чрезвычайно похожая на ростовскую соборную, и другой храмъ трапезный, во имя Смоленской Божіей Матери.

Такимъ образомъ раскинулась на 30 саженъ въ длину величественная масса зданій. Очевидно, всѣ эти постройки сдѣланы тѣмъ же Іоной, вскорѣ послѣ построенія главнаго храма. Позднѣйшія измѣненія (кромѣ увеличенія главъ на первоначально построенной церкви) почти не коснулись внѣшности этого памятника, но внутри многое измѣнено.

Въ нижнемъ этажѣ придѣла Архистратига Михаила сдѣланъ теплый храмъ Знаменія Божіей Матери, а самый придѣлъ находится въ упраздненномъ состояніи. Придѣлъ Іакова, брата Господня, посвященъ Владимірской Божіей Матери, что сдѣлано, можетъ быть, вслѣдствіе обветшанія вкладной церкви, изъ которой перемѣщена сюда и храмовая ея икона. Сверхъ того, въ среднемъ этажѣ колокольни былъ еще маленькій храмъ Маріи Египетской, замѣнившій соименный ему деревянный на монастырскихъ воротахъ; онъ тоже не существуетъ. Вѣроятно, всѣ эти передѣлки произошли уже послѣ упраздненія монастыря. Въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія сломана неоконченная каменная ограда, находившаяся съ западной и южной сторонъ этого зданія, постройки того же митрополита Іоны. Уцѣлѣвшія отъ этой ограды ворота передѣланы теперь въ часовню, гдѣ, передъ иконою Знаменія Божіей Матери, нарисованной на стѣнѣ, служатъ молебны.

Рядомъ съ церковью находится духовное училище и Воскресенскій храмъ называется семинарской церковью. Въ нижнемъ этажѣ храма помѣщается просфорня и живутъ ученики.

Палатки подъ церковью отдаются лавочникамъ подъ склады, которые держатъ ихъ крайне неопрятно, пробивая и переламывая своды и разрушая орнаменты. Самый храмъ не имѣетъ причта и приписанъ къ Предтечевскому, службы въ немъ бываютъ рѣдко.

Прекрасный портикъ, хотя и попорченый, наружные кафели, тоже большею частію замазанныя, и обширная галлерея даютъ полное понятіе о художественномъ вкусѣ строителя этого храма. Посѣтитель при первомъ взглядѣ, не смотря на всѣ искаженія, поражается красотой постройки; здѣсь цѣлая школа для изученія русскаго искусства, и видно полное процвѣтаніе строительнаго творчества XVII вѣка. Въ этой церкви, какъ бы въ маломъ видѣ, представленъ весь Ростовскій кремль съ соборной колокольнею Іонинской постройки и посейчасъ поражающіе самобытными архитектурными красотами.

Между тѣмъ, этотъ драгоцѣнный для изученія и образца русской архитектуры памятникъ доживаетъ свои послѣдніе дни: стѣны дали трещины, вездѣ все валится и близится къ разрушенію, уничтожаемое временемъ и невѣжественными людьми. Современные зиждители не оставили и эти развалины въ покоѣ: они замазали всѣ уцѣлѣвшія внутри стѣнныя фрески и размалевали, по выраженію одного современнаго бытописателя, «приличной и искусной живописью», понадѣлали новыхъ иконостасовъ и образовъ, но, къ счастію, не тронули старыхъ иконъ. Въ семинарской церкви иконы изъ стараго иконостаса цѣлы и разставлены по бокамъ храма. Хорошо также уцѣлѣли и старыя желѣзныя двери, но въ нижнемъ этажѣ и подъ папертью пробиты четырехъугольныя окна безъ всякой симметріи и при томъ, очевидно, въ разное время, такъ сказать, по мѣрѣ надобности.

Изъ священныхъ предметовъ сохранились: серебряный крестъ митрополита Іоны 7148 года, чеканенный въ Угличѣ, въ Воскресенскомъ монастырѣ; серебряные сосуды его же съ надписями, евангеліе со скрѣпою по листамъ, что «въ лѣто 1674 года, февраля въ 13 день, приложилъ въ домъ Воскресенія Никонъ Евстифеевъ Протопоповъ за свое здоровье и по своихъ родителехъ и ту сію книгу святое Евангеліе ни продавать, ни заложить, ни по душѣ никуда не отдавать; буде кто сію книгу св. Евангеліе изнесетъ изъ сея обители, Воскресенія Христова, продастъ, или заложитъ, или по душѣ отдастъ, тотъ человѣкъ судится со мною на второмъ пришествіи Христовомъ въ день страшнаго суда и приложена сія книга св. Евангеліе при архимандритѣ Серапіонѣ, иже о Христѣ со братіею».

Уцѣлѣли также и деревянные брачные вѣнцы XVIII вѣка, но они всѣ развалились. Кромѣ того, въ алтарѣ Воскресенской церкви сохраняются иконы и царскія врата, взятыя изъ двухъ моленъ знаменитыхъ старообрядцевъ купцовъ Выжиловыхъ. Замѣчательны



Видъ Пятницкой и Воскресенской церквей съ восточной стороны.

изъ уцѣлѣвшихъ иконъ этой молельни образъ Рождества Христова, крестъ серебряный съ мощами и надписью: «7164 годъ приложилъ сей крестъ въ монастырь Іоанна Богослова Переславля Рязанскаго, на Окѣ, Москвитянинъ Андрей Рыбниковъ по Борисѣ по Георгіевѣ по душѣ и по его родителехъ усопшихъ».

Почти рядомъ съ Воскресенскою церковью находится тоже каменная церковь «Параскевы именуемыя Пятницы».

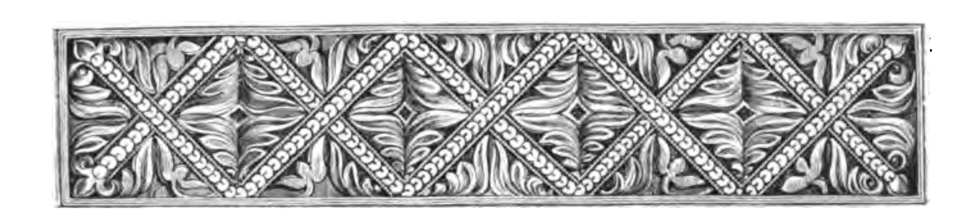
Нашъ рисунокъ представляетъ ее снятую съ восточной стороны вмѣстѣ съ Воскресенскимъ храмомъ. Церковь эта соединялась во время существованія монастыря каменной оградой, которая, какъ помѣчено выше, сломана. Пятницкая церковь была домовою церковью ростовскихъ владыкъ, она много разъ передѣлывалась. До 1862 года, внизу церкви помѣщалось угличское духовное правленіе, а съ 1863 года долгое время было ростовское духовное училище, переведенное временно сюда послѣ пожара. Она тоже не избѣгла безобразнѣйшихъ и безвкуснѣйшихъ передѣлокъ.

Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на эту бывшую обитель,—этотъ замѣчательный памятникъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не найдется дѣятель, который съумѣлъ бы возстановить эти святыни въ прежнемъ величественномъ видѣ? Обращаемъ на него вниманіе всѣхъ покровителей древняго русскаго искусства — святителей, властей, ученыхъ и молодыхъ художниковъ; здѣсь послѣдніе найдутъ прекрасные образцы для своихъ работъ, здѣсь можно поучиться многому. Обращаемъ на этотъ памятникъ также вниманіе и археологическихъ обществъ, которыя да поберегутъ этотъ перлъ русской архитектуры — самобытной, прекрасной и художественной. Глядя на эти развалины, невольно припоминаются слова поэта.

«Заглохла древняя обитель!
«Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
«И время — вѣчный разрушитель —
«Смывало постепенно слѣдъ
«Высокихъ стѣнъ, и храмъ священный,
«Добыча бури и дождей,
«Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей —
«Умершихъ памятникъ надменный».

Андрей Титовъ.





ОБРАЗЦЫ ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

ЖУРНАЛЫ прошлаго вѣка носятъ на себѣ, какъ и большинство тогдашнихъ литературныхъ произведеній, сатирическій характеръ. XVIII вѣкъ есть вѣкъ сатиры по преимуществу. Даже такіе отвлеченно-мистическіе журналы, какъ «Утренній Свѣтъ» (1777 г.), «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784 г.) по временамъ позволяютъ себѣ сатирическую выходку, не смотря на предшествовавшія злоключенія и преслѣдованія, которымъ подверглись лучшія изданія Новикова, обвиненныя въ излишнемъ «свободоязычіи» со стороны когда-то свободолюбивой императрицы. Но 70-е и 80-е годы прошедшаго столѣтія не могутъ дать намъ и тѣни понятія о силѣ и широтѣ обличительнаго взмаха обличителей нравовъ, дѣйствовавшихъ въ одно время сразу въ 8 сатирическихъ изданіяхъ. И что всего замѣчательнѣе, этотъ кульминаціонный пунктъ русской сатиры выдерживаетъ всякія придирки критики, и его значеніе не можетъ быть умалено никакими разсужденіями о несамостоятельности нашего литературнаго развитія вообще и сатирической журнальной работы въ частности. Я разумѣю преимущественно 1769 годъ, когда на журнальномъ поприщѣ столкнулись такіе литературные дѣятели, какъ императрица Екатерина II и Новиковъ, даже въ это время не сходившіеся въ своихъ взглядахъ на многія вещи. Само собой разумѣется, разъ на журнальномъ поприщѣ столкнулись двѣ силы, одна оффиціальная, другая частная, считавшая себя вполнѣ независимой и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельной, между ними не могло обойтись безъ перемолвокъ, особливо если принять въ разсчетъ, что

въ то время Екатерина считала возможнымъ терпѣть тѣхъ, кто рѣшался, по выраженію Державина, хотя бы и не въ его смыслѣ: «истину царямъ съ улыбкой говорить».

Къ этой терпимости государыни къ чужому мнѣнію, вытекавшей изъ теоретической доктрины о неприкосновенности человѣческой свободы, слѣдуетъ прибавить и то обстоятельство, что число журналовъ, напримѣръ, въ 1769 году было непомѣрно велико сравнительно съ читающей публикой, и у нѣкоторыхъ издателей явилось желаніе уничтожить соперниковъ и рекламировать передъ обществомъ себя, разумѣется, на счетъ конкуррентовъ. По поводу отсутствія читателей въ «Трутнѣ» было замѣчено: «Въ Москвѣ напечатанные въ Петербургѣ журналы читаютъ немногіе. Старой, но весьма разумной нашъ мѣщанинъ Правдинъ о семъ заключаетъ, что Москва ко украшенію тѣла служащія моды перенимаетъ гораздо скорѣе украшающихъ разумъ, и что Москва такъ же, какъ и престарѣлая кокетка, сатиръ на свои нравы читать не любитъ» [1]). Понятное дѣло, насколько интересна эта полемика, такъ какъ она, характеризуя представителей пачатнаго слова, храктеризуетъ и нравы XVIII вѣка и, разумѣется, уясняетъ нѣкоторые факты нашего литературнаго прошлаго. Наконецъ, эта полемика—единичное явленіе прошлаго вѣка; вслѣдъ за подъемомъ журнальнаго духа наступаетъ затишье, энергія издателей ослабѣваетъ, и въ 1770 году заканчиваетъ свое существованіе почти половина наиболѣе выдающихся изданій. «Всякая Всячина» простилась; «И то, и сьо» превратилось въ ничто; «Адская почта» остановилась, а «Трутню» также, пора летѣть на огонекъ въ кухню» замѣчаетъ въ 1770 году самъ издатель послѣдняго журнала Новиковъ [2]).

Съ начала 1769 года Козицкій вздумалъ издавать, при неоффиціальномъ участіи императрицы, еженедѣльное изданіе «Всякая Всячина», Чулковъ — такое же изданіе «И то, и сьо»; съ 21-го февраля стало выходить «Ни то, ни сьо» Рубана; съ 1-го марта «Поденщина» Тузова, съ 1-го апрѣля «Смѣсь», съ мая—«Трутень» Новикова, съ іюля «Адская Почта»—Эмина, обязанная своимъ возникновеніемъ роману Лесажа, наконецъ въ теченіе полугода выходилъ журналъ «Полезное съ Пріятнымъ». Всѣ эти журналы, различаясь тономъ и жгучестью сатирическихъ обличеній, строго обличали современные пороки и недостатки общества. Даже въ тѣхъ изданіяхъ, или листахъ, которые издавались, какъ тогда говорили, для увеселенія, желаніе ridendo castigare mores било замѣтной струей. При этомъ даже неважный журналъ «Полезное съ Пріятнымъ» печаталъ рядомъ съ сатирическими письмами теоретическія разсужденія о воспитаніи и житейскомъ обхожденіи,

---

[1]) «Трутень», 1769 г., стр. 44—45.
[2]) Ibidem, 1770 г., стр. 127.

какъ о предметахъ, возбуждавшихъ въ то время особенное вниманіе людей развитыхъ.

Съ другой стороны, сами издатели журналовъ были, если не выдающіеся въ общемъ люди, то тѣмъ не менѣе не безъизвѣстные въ литературѣ и на это весьма важно указать, говоря о полемикѣ между ними.

Козицкій былъ лекторомъ словесности при петербургкой Академіи Наукъ и состоялъ статсъ-секретаремъ при Екатеринѣ II, умѣвшей выбирать и приближать къ себѣ людей умныхъ и дѣловыхъ. Объ этомъ литературномъ соперникѣ своемъ Новиковъ отзывается въ Словарѣ такъ: «Сей искусный и ученый мужъ пріобрѣлъ бы не послѣднее мѣсто между славными россійскими писателями, ежели бы имѣлъ достаточное время для упражненія въ словесныхъ наукахъ. Слогъ его чистъ, важенъ (sic!), плодовитъ и пріятенъ» [1]). Сумароковъ, страшно завистливый къ чужимъ достоинствамъ, отзывался о Козицкомъ, какъ о талантливомъ сочинителѣ и въ спорахъ о чистотѣ языка часто ссылался на его авторитетъ. Онъ перевелъ, между прочимъ, на латинскій языкъ «Наказъ комиссіи» [2]). Издатель журнала «И то, и сьо», Чулковъ, слушалъ лекціи въ университетѣ и первый началъ собирать памятники народныхъ суевѣрій и пѣсенъ, правда крайне неисправно и произвольно (см. Сказ. Сахарова, т. I, кн. 1, стр. 28), но тѣмъ не менѣе съ полной любовью къ дѣлу. Даже въ журналѣ отразилось профессіональное занятіе издателя: статьи пересыпаны пословицами, поговорками, и видное мѣсто отведено здѣсь описанію народныхъ повѣрій и гульбищъ. Интереснѣе всего, что у Чулкова вовсе не было сотрудниковъ, кромѣ случайныхъ, въ числѣ которыхъ Новиковымъ указывается и Сумароковъ.

Издатель журнала «Ни то, ни сьо» Рубанъ былъ человѣкъ, получившій образованіе въ кіевской коллегіи и московскомъ университетѣ, но лишенный какого бы то ни было литературнаго таланта; даже слогъ его вялъ и по мѣстамъ обезображенъ варваризмами. Само изданіе было предпринято въ подражаніе Новикову и Козицкому.

О Новиковѣ говорить не будемъ; его личность и дѣятельность журнальная достаточно извѣстны, и желающіе могутъ обратиться къ монографіи профессора Незеленова, обстоятельно излагающей содержаніе журналовъ этого знаменитаго поборника просвѣщенія прошлаго вѣка.

Къ этимъ издателямъ слѣдуетъ присоединить оберъ-офицера Тузова, затѣявшаго въ подражаніе другимъ листкамъ «Поденщину»,

---

[1]) Опытъ Истор. Словаря, стр. 101—102.

[2]) Переписка Козицкаго съ Сумароковымъ, весьма характерная, напечатана въ «Лѣтопис. русс. лит.» Н. Тихонравова, «Отеч. Зап.» 1856 г. № 2, Библ. Зап. 1858 г. №14 и 15.

человѣка малодаровитаго въ литературномъ дѣлѣ и совершенно лишеннаго сатирическаго таланта, и его изданіе успѣха не имѣло. О значеніи «Адской Почты» Эмина можно судить по направленію журнала или вѣрнѣй его profession de foi, высказанномъ въ одномъ мѣстѣ: «Знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей мы никогда въ лицо не трогали нашими критическими разсужденіями». Но Эминъ не былъ лишенъ остроумія, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста журнала: «сатирическія сочиненія не будутъ подвержены обыкновенной мертвыхъ тѣлъ порчѣ: множество находящейся въ нихъ соли отъ такого несчастія сохранить ихъ можетъ [1])?

Такимъ образомъ, большинство журналовъ 1769 года имѣло сатирическое направленіе, и статьи, въ нихъ печатавшіяся, иногда сравнивались съ сочиненіями Робенера и Раблэ, но изъ этого, разумѣется, не выходитъ еще, что издатели имѣли одинаковый взглядъ и на цѣли сатиры, и на свои задачи. Это различіе во взглядахъ на задачи сатиры и сказалось прежде всего въ полемикѣ, на которую не скупились журналы. Начало полемикѣ положилъ Козицкій. Какъ только появилась «Всякая Всячина», вслѣдъ за ней чуть не каждый мѣсяцъ объявлялся новый журналъ, который, какъ «И то и сьо», считалъ долгомъ приписаться въ родню къ «Всячинѣ». Но, не смотря на подобный, далеко не литературный пріемъ, послѣдній журналъ, по выходѣ первыхъ же листовъ «Ни то, ни сьо», помѣстилъ 2 письма своихъ сотрудниковъ, подъ псевдонимами Ибрагима Курмамета и Ѳалалея, которые жаловались на новый журналъ въ такихъ выраженіяхъ: «Читая помѣщенные въ «Ни то, ни сьо» стихи, отъ частаго произношенія однихъ рѣчей зачала побаливать у меня голова. Надо бы мнѣ перестать, да я поупрямился... А какъ дочиталъ, то отъ частыхъ, да еще и на другихъ языкахъ,—«ни то, ни сьо», «ни то, ни сьо»—съ русскимъ что, что, что—сдѣлался обморокъ, который такъ силенъ былъ, что и теперь не могу въ натуральный порядокъ придти... Выздоровѣвъ, опять занемогъ отъ нововышедшаго сочиненія. Господа издатели «Ни того, ни сего», какъ видно, не будучи достаточны въ хорошихъ матеріяхъ, и наполняя враньемъ свой листокъ, находилися въ затрудненіи, какъ бы окончить оный, но не нашедъ болѣе ничего, вранье свое окончили повтореніемъ на разныхъ языкахъ названій своего вздора».

Поводомъ къ этой, выраженной далеко не въ литературной формѣ, выходкѣ послужили довольно тяжелые стихи въ «Ни то, ни сьо», рѣшившемся приравнять себя «Всякой Всячинѣ».

Скажите, отчего родилось «То и сіо»?
Что «Всяку Всячину» произвело и все,

[1]) «Адская Почта», декабрь, стр. 381—384; «Живописецъ», изд. 3, ч. 2, стр. 47; стр. 73 и слѣд.

Что есть на свѣтѣ семъ предъ нашими глазами
И смертному понять возможно что умами?
Какъ «Всякой всячины», такъ и «Того сего»
Начало сдѣлалось обѣхъ изъ ничего и т. д. (стр. 6—8)

Въ отвѣтъ на нападки «Всячины» обиженный издатель «Ни то, ни сьо» напечаталъ въ своемъ журналѣ письмо Неспускалова, въ которомъ безъ обиняковъ совѣтуется «пустить пыль въ глаза читателямъ», т. е. по образцу «Всякой Всячины» «плесть себѣ такія же похвалы, какими она всѣмъ уши прожужжала». Неспускаловъ придирается затѣмъ къ ошибкѣ враждебнаго журнала, сказавшаго взялъ вмѣсто взяла, и упрекаетъ «Всякую Всячину» въ забвеніи «рода своего и полу». «Можно ль понять, что она не отличила въ своихъ корреспондентахъ критики отъ ругательства? Пусть наводятъ читателямъ скуку своею несмачною критикой,—говоритъ защитникъ обиженнаго Рубана — вить всякъ знаетъ, что язвительность происходитъ не можетъ отъ добраго сердца. Не бранитесь съ бабушкой (Всякой Всячиной), которая, миловавши васъ, хотя и укусила, но по старости зубовъ не больно; да она жъ и рану зализала». Въ концѣ письма присоединена эпиграмма на Курмаметова съ сожалѣніемъ, что онъ, упавъ въ обморокъ, ожилъ; при этомъ издатель прибавляетъ: «мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако уже на возрастѣ» [1]).

По поводу этой полемики «Всячина» напечатала письмо Примирителева, который, какъ видно изъ псевдонима, убѣждалъ журналистовъ не ссориться и дѣйствовать дружно; при чемъ «Всячина» объявила, что не дастъ мѣста статьямъ, могущимъ перейти въ брань или дать для таковой поводъ. Но въ слѣдующемъ же листѣ журнала появилась такая обидная для ея конкуррентовъ замѣтка: «мимоходомъ дадимъ примѣтить, что со времени размноженія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ плодовитаго, какъ потомство «Всякой Всячины» (стр. 105)». Тотчасъ же издатель «Смѣси» публично отрекся отъ родства со «Всячиной», усумнясь, чтобы она, будучи нѣсколькими недѣлями только старѣе другихъ изданій, «могла таки въ Россіи размножить журналы, какъ развелись земляныя яблоки» (стр. 32).

Гораздо интереснѣе и значительнѣе по вопросамъ, ею поднимаемымъ, дѣлается полемика, когда въ ней начинаетъ принимать участіе остроумный издатель «Трутня», Новиковъ, ратующій за принципы сатиры quand même.

На стр. 139—140 «Всякая Всячина», снизошедшая отъ примиренія къ «умѣренности и аккуратности», рисуетъ портретъ человѣка (намекъ на Новикова, сатирическій талантъ котораго особенно силенъ былъ въ «Трутнѣ»), который, думая о себѣ болѣе

[1]) Стр. 33 и слѣд.

прочихъ, «возмечталъ, что свѣтъ стоитъ не такъ»; онъ увидѣлъ тамъ пороки, гдѣ другіе на силу могли разглядѣть весьма обыкновенныя человѣческія слабости, «ибо смертные никогда безъ слабостей не были и не будутъ». Не раздѣляя подобной строгости «Всячина» высказала свой взглядъ на задачу сатирическаго изданія: 1) не называть слабостей пороками, 2) хранить во всякомъ случаѣ человѣколюбіе и 3) не думать, чтобы кто могъ быть совершеннымъ.

И вотъ Новиковъ тотчасъ же въ «Трутнѣ» помѣстилъ письмо Правдолюбова такого содержанія: «Я того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобы на сей разъ не покривила своею мыслью и душой госпожа ваша прабабка («Всячина»), давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ сему человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ, слѣдовательно они порокамъ сшили кафтанъ отъ человѣколюбія; то такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ нисходитъ, или (сказать порусски) потакаетъ». [1]) Новиковъ, или его сотрудникъ, хотѣлъ сказать, не обижая, разумѣется, «Всякой Всячины», что если сатира будетъ избѣгать всего, что можетъ, раздражить мелочныхъ, недальновидныхъ, но безъ сомнѣнія, порочныхъ людей, то она обратится въ суесловіе объ отвлеченныхъ понятіяхъ добра и зла, безъ малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности; что если сатира будетъ лишь въ строго «улыбательномъ» духѣ, то она не оправдаетъ завѣщаннаго ей вѣковымъ опытомъ принципа: «castigare mores». Не такъ взглянули на дѣло издатели «Всякой Всячины» и, чуть ли не сочтя слова «Трутня» за выходку ad hominem, напечатали слѣдующій опасный для полемики прецедентъ. «На ругательства (!), напечатанныя въ «Трутнѣ»,—читаемъ здѣсь,—мы отвѣтствовать не будемъ; а только наскоро дадимъ примѣтить, что г. Правдолюбовъ, насъ называетъ криводушниками и потатчиками пороковъ для того, что мы сказали, что имѣемъ человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ, и что есть разница между пороками и слабостями. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы чорные пары и желчь (!) не оказывались даже и на бумагѣ, до которой онъ дотрогивается». [2]) Упрекъ въ желчи, которой въ за-

[1]) «Трутень» 1769 годъ стр. 33—34.
[2]) «Всякая Всячина», стр. 174—175.

мѣткѣ Правдолюбова, какъ мы видѣли, не было, вызвалъ дѣйствительно мелочную выходку послѣдняго.

«Госпожа «Всякая Всячина» на насъ прогнѣвалась, и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ... Видно,—говоритъ далѣе тотъ же Правдолюбовъ,—госпожа «Всякая Всячина» такъ набалована похвалами, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, если кто ее не похвалитъ. Не знаю, почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся... Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться—не знаю: мнѣ ли больше приличенъ, или сей госпожѣ». Финалъ Правдолюбова совершенно во вкусѣ нашихъ дней. «Она, сказавъ, что не хочетъ отвѣчать «Трутню», отвѣчала всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ ономъ письмѣ сдѣлалась видна. Когда жь она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ; то, кажется, для очищенія ея мыслей и внутренности небезполезно ей и полѣчиться». [1]) Это возраженіе какъ будто подѣйствовало на «Всякую Всячину» и дальнѣйшій тонъ ея дѣлается гораздо мягче. Въ 81 статьѣ ея напечатанъ отрывокъ «изъ письма къ г. сочинителю «Трутня» отъ Тихона Добросовѣтова» [2]). Здѣсь говорится, что «добросердечный сочинитель, во всѣхъ намѣреніяхъ, поступкахъ и дѣлахъ котораго блистаетъ красота души добродѣтельнаго и непорочнаго человѣка, изрѣдка касается къ порокамъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорбить человѣчества; но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка, украшеннаго различными совершенствами, т. е. добронравіемъ и справедливостью... Вотъ славный способъ исправлять человѣческія слабости... А изо всего составлять поношеніе, бранить всѣхъ—есть предметъ злонравнаго человѣка, который изъ всего составляетъ поношеніе и услаждается, уязвляя другихъ». Еще болѣе уступчивости и литературнаго такта выказалъ «Трутень», когда напечаталъ слѣдующее письмо Милосерда. [3]) «Скажите, за что вы всѣ, господа издатели журналовъ, бранитесь? Развѣ не можно писать, не дѣлая вамъ безполезныхъ и намъ непріятныхъ браней: или задумали вы спорить о первенствѣ? такъ пожалуйте оставьте сіе на наше рѣшеніе; мы знаемъ, кто пишетъ хорошо и кто худо: вѣдаемъ кого хвалить и кого ху-

[1]) «Трутень» стр., 47—49.
[2]) «Всякая Всячина», 213—215.
[3]) «Трутень» 1769 годъ стр. 125—127.

лить надлежитъ... Вы всѣ разныя имѣете способности: пусть одинъ изъ васъ проповѣдываетъ добродѣтель и пишетъ наставленія; а другой пусть осмѣиваетъ пороки и, писавъ сатирическія сочиненія, исправляетъ нравы; третій пусть разсказываетъ сказки, и тѣмъ забавляетъ малосмысленныхъ людей. Вотъ вамъ мирные договоры, согласитесь ихъ подписать и исполнять: исполняя сіе, вы всѣ будете полезны и намъ милы».

На этомъ и покончилась прямая полемика двухъ выдающихся журналовъ,—противники, повидимому, остались при своихъ мнѣніяхъ, лишь изрѣдка допуская легкія выходки другъ противъ друга.

Я умышленно долго остановился на этой полемикѣ выдающихся представителей сатиры прошлаго вѣка. Эта полемика—не простой журнальный, обусловливаемый задоромъ и личными интересами противниковъ, споръ,—это борьба двухъ противоположныхъ серьёзныхъ убѣжденій. Въ этой полемикѣ сошлись лицомъ къ лицу и поняли другъ друга представители двухъ направленій русской мысли екатерининскаго времени, столкнулись, если такъ можно выразиться, оффиціальный взглядъ на вещи и частный, неоффиціальный. И Новиковъ въ этомъ спорѣ былъ, конечно, болѣе правъ, чѣмъ редакторы «Всякой Всячины»: онъ былъ правъ, отстаивая высокую мысль, что терпимость пороковъ есть дѣло нехорошее, и что эта терпимость далеко не то же самое, что милосердіе. Онъ еще болѣе былъ правъ, говоря, что писателю должно быть предоставлено право дѣйствовать на нравы общества тѣмъ путемъ, какимъ онъ хочетъ—путемъ ли сатиры на пороки или представленіемъ добродѣтельныхъ образцовъ. Такъ же правъ Новиковъ, утверждая, что сатира должна быть «на лицо», т. е. что для воспроизведенія извѣстнаго порока писатель долженъ имѣть непремѣнно въ виду реальный оригиналъ. «Меня никто не увѣритъ въ томъ,—читаемъ въ одномъ мѣстѣ «Трутня», чтобы Моліеровъ Гарпагонъ писанъ былъ на общій порокъ», [1]) т. е. чтобы для него не было въ жизни и обществѣ, дающихъ матеріалъ для изобрѣтенія, оригиналовъ». Оружіе, которымъ борется Новиковъ, такъ же благородно, какъ и то, за что онъ, боролся; это оружіе—ясная, строго-логическая мысль. И если оружіемъ для «Всякой Всячины» служилъ зачастую пріемъ Вольтера — софизмъ, какъ на примѣръ, что подъячіе не были бы мздоимцами, если бы ихъ не соблазняли тяжущіеся,—то Новиковъ прямо, безъ увертокъ, проводитъ заботящую его мысль, не смотря на то, что хорошо зналъ, кто былъ его противникомъ. [2]) За это «свободоязычіе» Новиковъ вскорѣ и поплатился прекращеніемъ

---

[1]) «Трутень», стр. 152.

[2]) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, Пекарскаго, отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Академіи Наукъ, 1863 года.

«Трутня», послѣдовавшимъ, вѣроятно, не безъ иниціативы со стороны Екатерины II.

Благородная личность Новикова и сдержанный тонъ полемики его еще ярче бросаются намъ въ глаза при изученіи полемическаго движенія въ другихъ современныхъ «Трутню» журналахъ, возникшаго безъ всякой побудительной причины и принявшаго къ концу далеко не литературный характеръ. Къ участію въ полемикѣ «Трутня» со «Всякой Всячиной» другихъ журналовъ мы и обратимся.

Всѣ журналы, примкнувшіе къ Новиковской полемикѣ, раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. «Смѣсь» и «Адская Почта» стали за «Трутня», «И то, и сьо» за «Всячину».

«Смѣсь» напала на «Всякую Всячину» довольно удачно. «Или она выжила изъ ума? спрашиваетъ «Смѣсь». Она говоритъ, что подъячихъ искушаютъ и для того они берутъ взятки; а это такъ на правду походитъ, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и велитъ имъ дѣлать злое. Сія же старушка совѣтуетъ: чтобы не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться и раздѣлываться добровольно; всякій сіе знаетъ и по пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, если бы всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судовъ, и приказовъ». Въ концѣ статьи «Смѣсь» отказывается отъ бабушки, которая только то печатаетъ, что ей пришлютъ, и осмѣиваетъ мнѣніе, въ силу котораго мѣткая сатира и критика называются ругательствами, а Горацій, Ювеналъ, Буало—ругателями и забіяками: «имъ бы надлежало быть скромными въ разсужденіи людскихъ пороковъ!» [1]) Возставая противъ излишней мягкости «Всякой Всячины» въ оцѣнкѣ людскихъ дѣяній, «Смѣсь» бросала ей въ лицо горькій и при томъ, такъ сказать, принципіальный упрекъ въ самовосхваленіи. Подобный упрекъ былъ высказанъ и въ изданіи Рубана. Въ самомъ дѣлѣ, печатать дѣйствительныя или мнимыя похвалы своему журналу на его же страницахъ было обычнымъ явленіемъ въ журналахъ прошлаго вѣка, и поднять вопросъ о неприличіи подобнаго пріема было необходимо. Пародируя подобное самохвальство «И то, и сьо» говоритъ: «О великій человѣкъ и сочинитель «И того, и сего»! ежели бы не имѣли счастія видѣть твой еженедѣльникъ, то бы и донынѣ сидѣли въ безднѣ заблужденія, были бы грубыми невѣждами и не умѣли бы отличить худое отъ хорошаго» [2]). Обычай самохвальства до того укоренился въ тогдашней печати, что въ 1770 году, «Парнасскій Щепетильникъ», объявляя о своемъ изданіи, обѣщалъ не хвалить себя «подъ видомъ присылаемыхъ къ редактору писемъ» [3]).

---

[1]) «Смѣсь», стр. 85—87; 114—115.
[2]) Недѣля 46-я.
[3]) Стр. 11.

Заступаясь за «Трутня», «Смѣсь» напечатала письмо какого-то Д. К., въ которомъ указывалось, что въ Новиковскомъ журналѣ нѣтъ ни злонравія, ни невѣжества, какъ думаютъ нѣкоторые злонравные невѣжи, а есть ѣдкая соль; что въ сатирахъ этихъ выводятся пороки безъ околичностей и осмѣиваются испорченные нравы. «Пускай, — говоритъ Д. К., обращаясь къ издателю «Трутня»,— злоязычники проповѣдуютъ, что вы объявили себя непріятелемъ рода человѣческаго, что злость вашего сердца видна въ вашихъ сочиненіяхъ, что вы пишите наглую брань; это не умаляетъ достойную вамъ похвалу, но умножаетъ? [1].» «Адская Почта», объяснившая безъ обиняковъ, что «знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей она никогда въ лицо не трогала своими критическими замѣчаніями» [2]), вступилась, однако, за Новикова слѣдующей статьей. «Вчера за ужиномъ разсуждали объ Эрнестѣ; нѣкоторые его сочиненія хвалили, а другіе утверждали, что пишетъ весьма колко и что такія ругательства, какими наполнены его сочиненія, должны быть наказаны; напротивъ того, онъ ничего ругательству подобнаго не печаталъ, а только что пишетъ правду и никому ласкательствовать не хочетъ» [3]). Сатира, по мнѣнію «Адской Почты», «всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ уполномочена на осмѣяніе пороковъ и порочныхъ; вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности и отвлеченная мораль ни къ чему не поведутъ; ибо кому какое дѣло до подобныхъ граненыхъ разсужденій? Лукіанъ и Сенека многократно упрекали любимцевъ Нерона, однако, сочиненія ихъ признаны за достойныя вѣчнаго уваженія. Когда всѣ славнѣйшіе и великіе люди дозволяютъ и государямъ говорить истину, то для чего жь оную не представлять нашимъ согражданамъ» [4])? Противъ мнѣнія «Всячины», что сатира мѣшаетъ человѣколюбію, «Почта» возражала сравненіями: «если правосудіе, ненавидя убійство, строго наказываетъ убійцу, то не знаю, какъ можно любителямъ правосудія, ненавидя пороки, любить порочнаго, оными преисполненнаго. Если слѣпаго, ко рву приближающагося, отъ онаго человѣколюбіе отвести повелѣваетъ; но какъ можетъ тожъ самое человѣколюбіе запрещать: порочнаго отвращати отъ пороковъ» [5])?

Въ этихъ спорахъ противники не всегда сохраняли хладнокровіе и не рѣдко забывали о свѣтскихъ приличіяхъ; критика ихъ была исполнена страстности и личныхъ намековъ. Издатель «Адской Почты», Эминъ, жаловался, что одинъ изъ современныхъ ему стихотворцевъ назвалъ его янычаромъ [6]); другой критикъ

[1]) «Смѣсь», стр. 154.
[2]) «Адская Почта», стр. 78.
[3]) Ibid. стр., 288.
[4]) Ibid. стр. 73—78 и 375.
[5]) «Адская Почта», стр. 336 — 339.
[6]) Здѣсь очевидно крылся обидный намекъ на пребываніе Эмина въ Турціи. Подробности см. въ поэмѣ Чулкова «Плачевное паденіе стихотворца».

увѣрялъ, что Эминъ, спознавшись съ бѣсами, труды свои больше употреблялъ на услуги аду, нежели обществу. («Адская Почта», стр. 324, 334). Въ этой характерной полемикѣ, возникшей главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, изъ желанія рѣшить вопросъ о значеніи сатиры, «И то, и сьо» держало себя особнякомъ и относилось ко всѣмъ собратьямъ враждебно, не обходя своимъ вниманіемъ и такой незамѣтный журналъ, какъ «Поденщина». Побуждаемый такъ называемой jalousie du métier, журнальной конкурренціей и меркантильными соображеніями, издатель воинствующаго журнала въ листахъ, выпущенныхъ въ 24-ю и 25-ю недѣлю, жалуется, что появилось столько еженедѣльныхъ изданій. «Невозможно,— говоритъ онъ,— чтобы публика имѣла одинаковое вниманіе ко всѣмъ журналамъ, ибо и родители, страстно привязанные къ единственному ребенку, охладѣваютъ къ дѣтямъ, когда ихъ родится нѣсколько; излишество во всемъ (sic!) худо»! Эта нелѣпая выходка, напоминающая выраженіе одного изъ лицъ, приставленныхъ къ русской печати 30-хъ годовъ текущаго столѣтія: «Vaut mieux le monopole que des journaux» [1]), тотчасъ же вызвала рѣзкую насмѣшку «Трутня». «Въ нѣкоторомъ журналѣ кто-то сердится, что много журналовъ печатается. Видно, что соки ума его уже высохли... Гнѣваться онъ не малую имѣетъ причину: журналы сдѣлали то, что его листочковъ теперь почти никто не покупаетъ, а ему на новый разживъ деньги надобны» [2])! Задѣтый откровеннымъ намекомъ, попавшимъ, должно быть, не въ бровь, а въ глазъ, издатель «И того, и сего» ополчился разомъ противъ трехъ журналовъ, стараясь смѣшать ихъ съ грязью и выйдя, разумѣется, за предѣлы литературной чистоплотности. О «Всякой Всячинѣ» онъ замѣтилъ (въ формѣ письма отъ Д. П.), что съ уменьшеніемъ тѣлесныхъ силъ ослабѣваютъ въ человѣкѣ и душевныя дарованія. «Черезъ нѣсколько лѣтъ и я «Всякой Всячинѣ» подобенъ буду, потерявши то, что украшаетъ человѣчество»... Въ «Трутнѣ» Д. П «кромѣ язвительныхъ браней и ругательства, не нашелъ ничего добраго... Тутъ грубость и злонравіе въ наивысочайшемъ блистали совершенствѣ; но я подумалъ—остритъ критикъ,—что и онъ человѣкъ же, и что, можетъ быть, пороки, которыми язвитъ другихъ, ему еще болѣе всѣхъ свойственны». Что касается «Адской Почты», то о ней говорить у критика не хватило остроумія и онъ отдѣлывается фразой: «Я съ самаго младенчества къ духамъ адскимъ толикое получилъ омерзеніе, что не токмо переписки съ ними, но и полученіе писемъ черезъ курьера сего рода мнѣ не нравится». Интереснѣе всего заключеніе разобиженнаго журналиста. «Наконецъ,—говоритъ Д. П.,—читая изданіе ваше («И то, сьо»), я удо-

[1]) Изъ исторіи нашего литер. и общ. разв. Пятковскаго, т. II, 321.
[2]) «Трутень», 1769 г., стр. 95.

вольствовалъ мое желаніе. Оно показалось мнѣ невиннымъ упражненіемъ, приносящимъ иногда пользу, иногда увеселеніе; а не примѣтилъ въ немъ ни грубости, ни невѣжества, ни также язвительной критики» [1]).

Здѣсь характернѣе всего то, что Чулковъ, первый, какъ мы видѣли, поднявшій вопросъ о неприличіи литературнаго самовосхваленія, спокойно допускалъ его въ своемъ изданіи и при томъ рядомъ съ грубыми по тону, даже неприличными и безусловно несправедливыми порицаніями другихъ журналистовъ. Чтобы стяжать себѣ славу развязнаго журналиста, Чулковъ вслѣдъ за приведеннымъ письмомъ напечаталъ рѣшительно неприличные стихи противъ Новикова, какъ рѣзкаго обличителя современнаго общества и Эмина, какъ сочинителя «Россійской Исторіи».

Кто праотцевъ своихъ сатирами поноситъ,
И похвалы себѣ отъ всѣхъ за это проситъ —
Дуракъ!
Кто взялся написать исторію безъ смысла
И ставитъ тутъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла —
Дуракъ!
Кто всѣхъ безъ выбору сограждановъ ругаетъ
И только одного себя лишь почитаетъ —
Дуракъ! [2]).

Дальше этой пошлости, разумѣется, идти было некуда, и надо удивляться, что благородный издатель «Трутня» рѣшился снизойти до полемики съ пасквилянтомъ. Мало того, въ подражаніе Чулкову, Новиковъ напечаталъ стихотвореніе, по формѣ и содержанію вполнѣ сходное съ вышеприведеннымъ.

Читатели! Прошу рѣшить сію задачу:
Кто дара не имѣвъ, а пишетъ на-удачу —
Уменъ или дуракъ?
Кто въ прозѣ и въ стихахъ наставилъ столько словъ,
Которыхъ не свезутъ и тысяча ословъ —
Уменъ или дуракъ?
Кто хвалитъ самъ себя, а прочихъ всѣхъ ругаетъ
И въ семъ одномъ свое искусство полагаетъ, —
Уменъ или дуракъ? и т. д. [3]).

Такова была журнальная полемика 1769 года, года весьма важнаго, какъ я выше сказалъ, въ исторіи русской періодической печати и русской сатиры. Разсмотрѣвъ полемику всѣхъ лучшихъ изданій, нельзя, разумѣется, сказать, чтобы она отличалась мягкостью и соблюденіемъ приличій.

---

[1]) «И то, и сьо», недѣля 28 и 52.
[2]) «И то, и сьо», нед. 28.
[3]) «Трутень», изд. 1769 г., 110—111.

Если взглядъ «Всякой Всячины», а еще болѣе взглядъ журнала «И то, и сьо», далеко не былъ безупреченъ, то и Правдолюбовъ, ратовавшій въ «Трутнѣ» за сатиру, перешелъ въ крайность; въ одномъ изъ писемъ онъ черезчуръ расширяетъ область и значеніе сатиры и вмѣсто изображенія общихъ типическихъ недостатковъ разныхъ классовъ общества требуетъ, чтобы въ сатирическихъ сочиненіяхъ были допускаемы и намеки на отдѣльныя личности. Онъ утверждалъ, что должно «критиковать» порочнаго на лицо, а не вообще порокъ; надобно только, чтобы сатира не была вполнѣ открыта, иначе она вмѣсто раскаянія произведетъ въ порочномъ злобу. Понятно, такой взглядъ былъ ошибоченъ, но начинающіе литераторы не могли не ошибаться. Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторые, далеко не существенные недостатки полемики, какъ напр., страстность, мы должны признать, что эта полемика крайне симпатична. Вопросъ, поднятый «Трутнемъ» и «Всячиной» былъ вопросомъ принципіальнымъ, такое или иное рѣшеніе котораго обусловливало собой жизненность и то или другое дальнѣйшее развитіе сатиры. Исключая Чулкова, личность далеко не высокой нравственности[1]), остальными издателями руководили не матеріальные разсчеты, а, такъ сказать, интересъ дѣла, которому они, какъ Новиковъ, безкорыстно взялись служить. Правда, даже Новиковъ снизошелъ до грубой брани съ Чулковымъ, но здѣсь виноватъ духъ времени и отсутствіе сдержанности, которое обусловливалось понятнымъ страхомъ за свое дѣтище, сослужившее не малую службу если не современному, то послѣдующему поколѣнію общества.

Комариное жало, весьма понятно, гораздо меньше раздражаетъ человѣка въ спокойномъ состояніи духа, чѣмъ раздраженнаго; притомъ, для оцѣнки журнальной работы и полемики прошлаго вѣка слѣдуетъ непремѣнно принять въ разсчетъ, что издатель зачастую велъ свой журналъ одинъ, безъ сотрудниковъ, а зачастую почти и безъ подписчиковъ.

Проводя невольно параллель между полемикой современной и прошлаго вѣка, мы видимъ рѣзкую разницу, если не въ пріемахъ, то въ причинахъ, вызывающихъ полемику. Въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ, полемика исключительно коммерческаго свойства, борьба между противниками ведется преимущественно изъ-за подписчика, или читателя, къ которому и стараются поддѣлаться современные Чулковы. Въ прошломъ вѣкѣ полемика стояла внѣ коммерческихъ соображеній, и лучшіе журналы, какъ «Трутень» и «Адская Почта» нисколько не боялись, что читатель, по выраженію Щедрина, «шмыгнетъ въ подворотню», и смѣло проводили тѣ идеи, въ которыя вѣрили и которымъ въ интересахъ

[1]) См. о немъ въ книгѣ Вулича о Сумароковѣ, «Опытъ историч. словаря» Новикова и «Словарь русск. свѣтск. писателей», митр. Евгенія.

родной земли рѣшились служить. Изъ этого очевидно благородное, гуманизирующее вліяніе сатиры прошлаго вѣка, «не зрѣвшей на лица», по крайней мѣрѣ, въ своихъ лучшихъ представителяхъ. Читая современныя перебранки, возникающія изъ-за дѣленія «выѣденнаго яйца», всей душой жалѣешь, что полемизаторы мало знакомы съ родной прошедшей журнальной литературой, у которой имъ можно было бы многому поучиться.

Сергѣй Тимоѳеевъ.





СЕНАТОРЪ НОВОСИЛЬЦЕВЪ И ПРОФЕССОРЪ ГОЛУХОВСКІЙ.

(Эпизодъ изъ исторіи Виленскаго университета 1823—1824 гг.).

Исторія тайныхъ обществъ, образовавшихся въ Виленскомъ университетѣ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, издавна возбуждала къ себѣ интересъ въ русской и польской литературѣ. Съ одной стороны дѣятельность ихъ стоитъ въ тѣсной связи съ первымъ польскимъ возстаніемъ (1831 г.) и, слѣдовательно, въ исторіи русско-польскаго конфликта занимаетъ очень видное мѣсто; съ другой — въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ всѣхъ этихъ виленскихъ «шубравцевъ», «филоматовъ», «филаретовъ» [1]), «променистыхъ», ясно сказалось общее направленіе тогдашняго западно-русскаго просвѣщенія, руководимаго Виленскимъ университетомъ и его кураторомъ княземъ Чарторыйскимъ. Тѣсная, внутренняя связь Виленскаго университета съ тайными обществами достаточно видна уже изъ того одного, что русское правительство тогда же отстранило отъ профессорской въ немъ службы четырехъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ — Лелевеля, Даниловича, Бобровскаго и Голуховскаго; хотя степень виновности ихъ, очевидно, самому правительству представлялась далеко не одинаковой, если оно черезъ полтора года сочло, напримѣръ, возможнымъ вновь допустить Бобровскаго въ преподаванію въ Виленскомъ университетѣ. Въ настоящей статьѣ мы

[1]) Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1884 годъ помѣщена статья г. Кутейникова—«Виленскіе филареты».

воспроизводимъ исторію удаленія изъ Виленскаго университета профессора Голуховскаго на основаніи подлиннаго о немъ дѣла, хранящагося въ архивѣ канцеляріи попечителя виленскаго учебнаго округа (связка 82), куда мы получили доступъ, благодаря весьма обязательному разрѣшенію г. попечителя Н. А. Сергіевскаго.

Въ 1820 году Виленскій университетъ объявилъ конкурсъ на соисканіе въ немъ каѳедры логики, метафизики и нравоучительной философіи. Соискателей явилось двое — преподаватель Кременецкаго лицея Вишневскій (извѣстный впослѣдствіи авторъ «Исторіи польской литературы») и молодой преподаватель Варшавскаго университета по каѳедрѣ естественнаго права Іосифъ Голуховскій. Диссертація послѣдняго признана лучшею, и (1-го мая 1821 года) Голуховскій избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ. Янъ Снядецкій (прежній ректоръ), читавшій по порученію университетскаго совѣта конкурсное сочиненіе Голуховскаго, далъ о немъ самый одобрительный отзывъ. Особенно онъ хвалилъ автора за хорошее изложеніе и чистоту языка. Попечитель, князь Чарторыйскій, хотя и радовался (въ письмѣ къ Снядецкому отъ 21-го сентября 1821 года) [1]) тому, что новоизбранный профессоръ хорошо и ясно пишетъ попольски, находилъ его однако «нѣсколько онѣмечившимся» и прежде утвержденія министромъ въ должности профессора считалъ полезнымъ послать его въ Англію и Шотландію, для излѣченія отъ слишкомъ сильнаго увлеченія модною тогда нѣмецкою философіей (Шеллинга).

Должно быть, до свѣдѣнія министерства дошли не совсѣмъ благопріятные для Голуховскаго слухи. Утвержденіе его въ должности экстра-ординарнаго профессора Виленскаго университета, какъ увидимъ, надолго затянулось. Министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, прежде утвержденія, счелъ нужнымъ (23-го іюля 1821 года) обратиться къ находившемуся тогда въ Варшавѣ сенатору Н. Н. Новосильцеву съ просьбою навести въ Варшавѣ справки о Голуховскомъ, о его «способностяхъ и нравственныхъ качествахъ». Новосильцевъ спросилъ отзыва о Голуховскомъ у тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія царства Польскаго, графа Грабовскаго и, получивъ отъ него благопріятный для Голуховскаго отзывъ, въ подлинникѣ препроводилъ его къ князю Голицыну (19-го сентября 1821 года), присовокупивъ, что и членъ совѣта царства Польскаго, Шанявскій отзывается весьма одобрительно о «нравственности, прилежаніи и знаніяхъ» Голуховскаго. Но и послѣ этихъ одобрительныхъ отзывовъ утвержденіе министра не тотчасъ послѣдовало. Въ мартѣ 1822 года, Новосильцевъ, получивъ отъ пол-

---

[1]) Balinski, Pamiętniki o Iunie Sniadeckim, I, 337—338, II, 434—436.

ковника польской службы Голуховскаго письмо съ просьбою походатайствовать передъ министромъ о скорѣйшемъ рѣшеніи участи брата его Іосифа Голуховскаго, просилъ князя Голицына почтить его увѣдомленіемъ по дѣлу объ утвержденіи Голуховскаго въ должности профессора, для извѣщенія просителя. На этотъ запросъ Новосильцева, Голицынъ (12-го апрѣля 1822 года) отвѣтилъ только, что представленное Голуховскимъ на конкурсъ сочиненіе еще разсматривается въ министерствѣ, что разрѣшеніе послѣдуетъ по окончаніи разсмотрѣнія... Послѣ долгихъ проволочекъ, уже въ самомъ концѣ 1822 года (30-го декабря) послѣдовало утвержденіе Голуховскаго въ должности профессора Виленскаго университета и, какъ оказывается, такимъ образомъ, не безъ нѣкотораго содѣйствія сенатора Новосильцева.

Какъ видно изъ формулярнаго списка, Осипъ Ивановичъ Голуховскій девять лѣтъ учился въ Вѣнѣ, въ королевской академіи, слѣдовательно получилъ нѣмецкое образованіе (такъ не нравившееся въ немъ, какъ мы видѣли, князю Чарторыйскому). Въ Вѣнѣ Голуховскій напечаталъ (въ 1816 году) на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Сколь математика способствуетъ къ усовершенствованію человѣка». Въ 1817 году Голуховскій поступилъ въ Варшавскій университетъ, на нравственно-политическій факультетъ. Здѣсь онъ дважды награжденъ золотою медалью и удостоенъ степени магистра правъ. По выходѣ изъ университета Голуховскій сначала (съ 1-го сентября 1819 года до 1-го марта 1820 года) преподавалъ въ Варшавскомъ лицеѣ математику и греческій языкъ, потомъ (съ 1-го ноября 1820 года по 17 апрѣля 1821 года) въ Варшавскомъ университетѣ—естественное право. Пока тянулось дѣло о виленской его профессурѣ, онъ на собственный счетъ путешествовалъ съ ученою цѣлью за границей—въ Германіи и Франціи. Въ 1822 году въ Эрлангенѣ онъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Философія въ ея отношеніи къ бытію цѣлыхъ народовъ и людей порознь». Это сочиненіе Голуховскій посвятилъ философу Шеллингу. Тогда же Гейдельбергскій университетъ удостоилъ Голуховскаго степени доктора философіи.

Приступая къ чтенію лекцій въ Виленскомъ университетѣ въ 1823 — 1824 учебномъ году, Голуховскій представилъ въ совѣтъ университета, согласно требованію устава, свою программу курса философіи. Весь курсъ философіи въ этой программѣ раздѣленъ на три части: антропологію, логику и этику. Въ первый годъ профессоръ предполагалъ заняться по преимуществу изложеніемъ науки о человѣкѣ, и потому программа его по антропологіи составлена полнѣе и тщательнѣе, чѣмъ по другимъ частямъ курса. Послѣ введенія, программа дѣлитъ весь курсъ антропологіи на двѣ главныхъ части: первая часть разсматриваетъ человѣка въ отдѣльности, вторая часть разсматриваетъ человѣка въ совокуп-

ности, или все человѣчество. Вторая часть въ свою очередь дѣлится на три отдѣла: 1) о родѣ человѣческомъ въ отношеніи къ природѣ; 2) о родѣ человѣческомъ, разсматриваемомъ въ себѣ самомъ; 3) о родѣ человѣческомъ въ его отношеніи къ Высочайшему Существу. Для насъ въ данномъ случаѣ всего важнѣе первый отдѣлъ второй части, и мы выписываемъ его отъ слова до слова: «Отношеніе природы къ человѣку и его къ ней. Природа — колыбель человѣка. Человѣкъ — совершеннѣйшее существо въ природѣ. Хотя человѣкъ, пока остается въ природѣ, и зависитъ отъ нея, однако онъ всегда остается существомъ, имѣющимъ нравственную свободу. Стремленіе рода человѣческаго къ познанію природы. Совершенство человѣка, вышедшаго изъ рукъ Творца. Паденіе рода человѣческаго». За антропологіей въ программѣ слѣдуетъ логика, а за ней этика, или наука о нравственности. Объ этикѣ въ программѣ Голуховскаго сказано слѣдующее: «Основанія этой науки мы не можемъ точнѣе опредѣлить, какъ заявивши, что мы предположили излагать ее вполнѣ въ духѣ евангельскомъ, прибавляя лишь столько, сколько требуетъ систематическій порядокъ и, соединяя, насколько окажется возможнымъ, съ святыми истинами силу краснорѣчія, чтобы возжечь сердца къ добродѣтели и религіи». Въ изложеніи этики, какъ и антропологіи, профессоръ, по его словамъ, будетъ держаться по преимуществу австрійскихъ учебниковъ и новѣйшихъ научныхъ сочиненій, изданныхъ въ Австріи. Кромѣ того, онъ считаетъ своимъ долгомъ замѣтить, что принявши во вниманіе особенную пользу для юношества отъ произношенія лекцій наизусть, онъ рѣшился, не смотря на немалыя трудности, излагать свой курсъ на память; да при томъ громадномъ трудѣ, котораго потребуетъ изложеніе предмета, столь важнаго и обширнаго и къ тому же влекущаго за собой столько изысканій въ другихъ наукахъ, профессоръ не имѣетъ и физической возможности тотчасъ записывать то, о чемъ ему придется говорить.

Профессоръ Голуховскій вступилъ на каѳедру Виленскаго университета еще сравнительно молодымъ человѣкомъ. Ему тогда было 27 лѣтъ. Голуховскаго давно въ Вильнѣ ожидали (какъ объ этомъ читаемъ въ «Виленскомъ Дневникѣ»), потому что «литературные труды его доказали, что ему прекрасно извѣстны самыя глубокія тайны философіи» [1]). Лекціи его, при самомъ открытіи ихъ, сопровождались необыкновеннымъ успѣхомъ. Новый профессоръ сразу завоевалъ себѣ всеобщія симпатіи среди виленской университетской молодежи. Вскорѣ Голуховскій сталъ извѣстенъ всей Вильнѣ. На публичныя лекціи философіи, которыя онъ читалъ въ универ-

---

1) Dziennik Wilenski, 1823 года, т. III, стр. 8.

ситетѣ четыре раза въ недѣлю, въ четвертомъ часу пополудни, стала стекаться масса самой разнообразной публики. Люди разнаго возраста, разныхъ профессій, за часъ и болѣе предъ прибытіемъ популярнаго профессора тѣснились уже въ его аудиторіи. Толпа часто доходила до 600 человѣкъ. Отъ мужчинъ не отставали женщины: въ толпѣ, окружавшей каѳедру моднаго профессора, всегда можно было встрѣтить представительницъ избраннаго польскаго общества. Обыкновенныя университетскія залы не могли уже вмѣстить всѣхъ слушателей и слушательницъ Голуховскаго, и университетское начальство нашло нужнымъ перенести каѳедру профессора философіи въ огромную химическую лабораторію.

Необычайный успѣхъ лекцій Голуховскаго не ускользнулъ отъ вниманія мѣстной русской власти. По случаю скопленія необыкновеннаго множества слушателей на публичныя лекціи философіи, литовскій военный губернаторъ, замѣчая, что послѣ лекцій не раздаются листки, по которымъ бы можно было судить о содержаніи лекцій и слѣдовательно о пользѣ или вредѣ ихъ, предложилъ ректору университета Твардовскому закрыть доступъ на лекціи посторонней публикѣ, обязавши, кромѣ того, профессора послѣ каждой лекціи представлять ректору письменное изложеніе содержанія ея. Это послѣднее ректору предлагалось отсылать въ цензуру или самому просматривать и нести въ такомъ случаѣ за него отвѣтственность. Ректоръ отвѣтилъ губернатору, что въ силу дѣйствующихъ университетскихъ правилъ нельзя воспретить постороннимъ лицамъ слушаніе лекцій, разъ онѣ читаются публично. Онъ находилъ только удобнымъ, для уменьшенія числа слушателей, перемѣнить часы лекцій по философіи, перенести ихъ съ 4-хъ часовъ по полудни на 8 часовъ утра. Относительно самихъ лекцій философіи, ректоръ доносилъ губернатору, что Голуховскій читаетъ ихъ по программѣ, одобренной университетомъ и утвержденной министромъ, и что «на словахъ ничего худого онъ не прибавляетъ». Ректоръ спрашивалъ у губернатора, должно ли и за симъ учредить особую цензуру для разсматриванія «письменныхъ поученій» Голуховскаго, прибавляя, что до полученія отвѣта губернатора онъ совсѣмъ закрылъ чтеніе лекцій по философіи. Губернаторъ отвѣчалъ ректору, что существующая при университетѣ цензура для печатныхъ книгъ можетъ заняться разсмотрѣніемъ и рукописныхъ лекцій профессора Голуховскаго, или же самъ ректоръ долженъ нести отвѣтственность за все незаконное и двусмысленное въ нихъ. Кромѣ того, губернаторъ присовокупилъ, что пока не окончено данное цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ сенатору Новосильцеву относительно Виленскаго университета порученіе, онъ, губернаторъ, не находитъ полезнымъ возобновленіе лекцій по философіи, не только для публики, но и для студентовъ.

Обо всемъ вышеизложенномъ литовскій военный губернаторъ

донесъ главнокомандующему литовскимъ отдѣльнымъ корпусомъ цесаревичу Константину Павловичу. Въ бытность свою въ Петербургѣ цесаревичъ довелъ донесеніе литовскаго губернатора до свѣдѣнія государя императора Александра Павловича. Государь на это донесеніе изволилъ замѣтить: 1) что коль скоро профессору нужно на лекціяхъ объясняться на словахъ, распоряженіе о постоянномъ наблюденіи за содержаніемъ произносимыхъ имъ словъ вовсе неудобно для исполненія; 2) что подверженіе цензурѣ письменныхъ поясненій профессора послѣ всякой лекціи будетъ уже поздно, ибо разсмотрѣніе профессорскихъ ученій должно предшествовать лекціямъ, чтобы отвратить заблаговременно всякое неправильное истолкованіе преподаваемаго имъ предмета; 3) что перемѣна часовъ лекцій не имѣетъ никакой связи съ средствами отклоненія вредныхъ ученій, ежели таковыя существуютъ; и, наконецъ, 4) что ректоръ университета, какъ начальникъ, самъ по себѣ отвѣчаетъ за незаконное и двусмысленное преподаваніе профессоромъ урока. Поэтому государь приказалъ цесаревичу поручить сенатору Новосильцеву войдти въ разсмотрѣніе способа преподаванія профессоромъ Голуховскимъ философіи и, если онъ окажется вреднымъ, «принять по сношенію съ Виленскимъ университетомъ надлежащія мѣры къ отклоненію произойдти могущаго зла и устроить все сообразно прямымъ пользамъ по его (Новосильцева) усмотрѣнію».

Сообщая сенатору Новосильцеву объ этомъ высочайшемъ повелѣніи, цесаревичъ Константинъ Павловичъ препроводилъ къ нему всю переписку по дѣлу профессора Голуховскаго и просилъ о послѣдующемъ его увѣдомить, для всеподданнѣйшаго доклада его величеству. Бумага подписана цесаревичемъ 29-го февраля 1824 года въ Варшавѣ, а получена Новосильцевымъ въ Вильнѣ 8-го марта 1824 года. Ровно черезъ мѣсяцъ (8-го апрѣля) Новосильцевъ получилъ по тому же дѣлу другую бумагу изъ Петербурга, хотя нѣсколько иного характера. Министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ (29-го марта 1824 г.), писалъ Новосильцеву, что попечитель виленскаго учебнаго округа князь Чарторыйскій вошелъ къ нему съ представленіемъ объ открытіи въ Виленскомъ университетѣ лекцій по философіи на прежнемъ основаніи, но, что онъ, министръ, не зная мѣстныхъ обстоятельствъ, не находитъ удобнымъ приступать къ какимъ либо распоряженіямъ по этому предмету, не снесшись предварительно съ сенаторомъ, имѣющимъ нынѣ пребываніе въ Вильнѣ и пользующимся властью, предоставленною ему государемъ цесаревичемъ. Министръ просилъ сенатора увѣдомить его, какія слѣдуетъ принять мѣры по дѣлу объ открытіи вновь лекцій профессора Голуховскаго.

Новосильцевъ въ это время уже болѣе полугода находился въ Вильнѣ съ спеціальнымъ порученіемъ великаго князя Константина Павловича по громкому дѣлу о *тайныхъ обществахъ*, образо-

вавшихся въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Виленскомъ университетѣ и подчиненныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ. Учрежденная имъ (съ іюня 1823 г.) слѣдственная комиссія напала уже на слѣдъ тайныхъ обществъ и энергично разоблачала составъ и дѣйствія ихъ[1]). Дѣло профессора Голуховскаго, очевидно, по мнѣнію цесаревича и министра народнаго просвѣщенія стояло въ связи съ всѣмъ дѣломъ о тайныхъ обществахъ, и потому передано въ руки сенатора Новосильцева.

Новосильцевъ прежде всего потребовалъ отъ ректора Виленскаго университета программу курса философіи читаемаго профессоромъ Голуховскимъ въ $18\frac{23}{24}$ учебномъ году. Твардовскій препроводилъ къ Новосильцеву извѣстную уже намъ программу Голуховскаго въ русскомъ переводѣ. Здѣсь кстати замѣтить, что еще въ концѣ февраля (25-го числа) того же года (1824 г.) попечитель кн. Чарторыйскій (до котораго, конечно, дошли уже слухи объ извѣстномъ донесеніи литовскаго военнаго губернатора цесаревичу) сдѣлалъ всему университетскому совѣту, и въ частности нравственно-политическому факультету, замѣчаніе за несвоевременное представленіе ему программы Голуховскаго и предложилъ совѣту въ будущемъ году представить программу своевременно, до начала лекцій, а профессору Голуховскому вмѣнилъ въ обязанность составить ее съ большимъ и лучшимъ пониманіемъ того, что онъ предполагаетъ преподавать.

На представленную ректоромъ программу лекцій Голуховскаго Новосильцевъ написалъ довольно обширныя замѣчанія, представляющія не малый интересъ, какъ изложеніе философскихъ воззрѣній и политическихъ взглядовъ этого выдающагося государственнаго человѣка александровской эпохи.

Свой разборъ программы Голуховскаго Новосильцевъ начинаетъ съ антропологіи. Оставляя безъ возраженій программу первой части ея, онъ прямо обращается ко второй. По его мнѣнію, эта часть антропологіи, разсматривающая человѣка въ отношеніи къ природѣ, самому себѣ и Высочайшему Существу, не обнимаетъ еще всѣхъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ человѣкъ находится въ общежитіи, или, какъ сказано у Голуховскаго, въ совокупности. Въ этомъ состояніи,—продолжаетъ Новосильцевъ,—человѣкъ начинаетъ быть сыномъ, а потомъ дѣлается отцомъ семейства; сверхъ того, какъ членъ отдѣльнаго общества, составляющаго государство, онъ—воинъ, судья или просто гражданинъ. Всѣ эти ступени, чрезъ которыя

[1]) Интересующихся исторіею тайныхъ обществъ отсылаемъ къ чрезвычайно тщательно, по подлиннымъ документамъ составленному изслѣдованію С. В. Шолковича: «Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-западнаго края» (напечатанному въ первомъ выпускѣ «Сборника статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи», Вильна, 1885 года).

ему слѣдуетъ проходить съ самаго рожденія, налагаютъ на него особенныя обязанности, указаніе которыхъ составляетъ прямой предметъ философіи; а о нихъ въ программѣ нигдѣ не упомянуто. Самое разсматриваніе человѣка въ совокупности, т. е. разсматриваніе всего человѣчества, по мнѣнію Новосильцева, должно слѣдовать уже за разсматриваніемъ его въ семейныхъ отношеніяхъ. Въ естественномъ порядкѣ вещей, не цѣлое человѣчество подѣлилось на народы, провинціи и семейства, а изъ этихъ послѣднихъ составились народы, а изъ всѣхъ народовъ въ совокупности составляется человѣчество. Этотъ порядокъ въ расположеніи не можетъ быть безразличнымъ для философіи, потому что въ первомъ случаѣ всѣ человѣческія отношенія опредѣлялись бы a priori, т. е. по отвлеченнымъ только понятіямъ о человѣчествѣ, тогда какъ прямой источникъ всѣхъ понятій о должностяхъ и обязанностяхъ человѣка проистекаетъ изъ первоначальныхъ отношеній его къ своимъ родителямъ и родственникамъ, составляющимъ особенное семейство. Безполезно было бы доказывать, какъ вредно и опасно питать разумъ такими понятіями, которыя основываются на однихъ отвлеченныхъ умствованіяхъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о программѣ второй части антропологіи, Новосильцевъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ пунктовъ перваго ея отдѣла. Прежде всего, онъ недоволенъ тѣмъ, что Голуховскій, говоря объ отношеніи природы къ человѣку и обратно, не далъ яснаго и опредѣленнаго понятія о природѣ, не сказалъ о раздѣленіи ея на видимую и невидимую, вещественную и духовную, не указалъ хотя бы главныхъ положеній своей теоріи объ отношеніи человѣка къ природѣ. Между тѣмъ, всякому извѣстно, какія ужасныя заблужденія произвело неопредѣлительно употреблявшееся слово—«природа». Достаточно указать изъ древнихъ на Лукреція, а въ новѣйшее время на всю школу суемудрыхъ философовъ прошедшаго и настоящаго столѣтія, которая была едва ли не главнѣйшею причиною всѣхъ современныхъ бѣдствій. Далѣе метафорическое изреченіе: природа-колыбель человѣка (столь часто повторяемое французскими писателями), по мнѣнію Новосильцева, вовсе не представляетъ собой яснаго понятія. Оно производитъ нѣкоторое впечатлѣніе на воображеніе, но разума ни мало не удовлетворяетъ. Желательно, чтобы профессоръ объяснилъ, что̀ онъ тутъ разумѣетъ. Затѣмъ, по мнѣнію Новосильцева, нельзя оставлять безъ должнаго разъясненія и того положенія, что человѣкъ есть совершеннѣйшее существо въ природѣ, чтобы это общее и безусловное положеніе не произвело ложныхъ и даже вредныхъ понятій. Человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію, а потому безъ сомнѣнія, могъ бы быть первѣйшимъ существомъ въ природѣ по своему совершенству; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ въ дѣйствительности былъ совершеннѣйшимъ суще-

ствомъ, какъ то утверждается этимъ положеніемъ. «Понятія о совершенствѣ человѣка, безусловно возвышенныя въ воображеніяхъ, могутъ,—выписываемъ буквально,—возродить весьма вредныя мечтанія, какъ въ отношеніи человѣка къ самому себѣ, такъ еще болѣе въ отношеніи химерическихъ совершенствъ правленій, которыя изъ ложныхъ понятій о семъ совершенствѣ возникнуть могутъ. Таковою болѣзнію разсудка уже заражена большая часть молодыхъ людей, легкомысленныхъ и неопытныхъ людей, и которую не токмо не слѣдуетъ возбуждатъ, но, напротивъ, всѣми мѣрами преодолѣвать должно».

Главная сила возраженій Новосильцева направлена на программу этики. Новосильцевъ удивляется крайней сжатости ея,— удивляется тому, что Голуховскій въ ней вовсе не указываетъ, что онъ собственно будетъ преподавать, ограничиваясь простымъ заявленіемъ о намѣреніи своемъ преподавать въ духѣ евангелія. Этого голословнаго удостовѣренія, по мнѣнію сенатора, не достаточно для успокоенія попечительности правительства. Св. Писаніе говоритъ: «Испытуйте духи, не всякому духу вѣруйте. Блюдитеся, да не кто васъ прельститъ. Мнози бо пріидутъ во имя мое, глаголюще, яко азъ есмь». Это спасительное предостереженіе противъ ложныхъ ученій не позволяетъ руководиться одною слѣпою вѣрою къ человѣку, какъ бы ни были велики его дарованія, а требуетъ, чтобы ученіе его прошло чрезъ строгое испытаніе. Слово Божіе, изъ котораго почерпается евангелическій духъ, есть острѣйшее всякаго меча обоюду остра. Недостаточно ли этого, чтобы видѣть, съ какою осторожностію нужно съ нимъ обращаться, особенно въ примѣненіи его къ тѣмъ правиламъ, которыми должны опредѣляться обязанности каждаго человѣка въ гражданской его жизни. Чѣмъ больше мы ощущаемъ въ сердцѣ своемъ любви и благоговѣнія къ св. евангелію, тѣмъ пагубнѣе превратное употребленіе этого чистѣйшаго источника всѣхъ истинъ. Всѣ злыя наклонности и пороки, всѣ непозволительныя вожделѣнія, опираясь на ложныхъ религіозныхъ понятіяхъ о гражданскихъ обязанностяхъ, пріобрѣтаютъ такую сверхъестественную силу, что никакіе человѣческіе законы не могутъ уже удержать людей въ должныхъ границахъ. Пагубное, но непреодолимое надъ умомъ и волею дѣйствіе такъ называемаго фанатизма, происходящаго именно отъ ложныхъ религіозныхъ понятій о гражданскихъ обязанностяхъ, настолько всѣмъ извѣстно, что распространяться о немъ нѣтъ никакой нужды.

Изъ всего сказаннаго, по мнѣнію Новосильцева, ясно уже, что для правительства не безразлично знать или не знать, на какихъ именно евангелическихъ истинахъ профессоръ Голуховскій намѣревается основывать всѣ обязанности человѣка во всѣхъ его отношеніяхъ, предпринимая преподаваніе этики совершенно въ духѣ

евангелія... Нѣтъ ничего желательнѣе и не можетъ быть ничего полезнѣе—не только для учащагося юношества, но и для всего человѣчества, какъ то, чтобы христіанская этика повсюду распространила свое владычество. Она одна можетъ истребить тѣ злыя сѣмена пагубныхъ заблужденій, которыя посѣяны какъ для настоящаго, такъ и для будущихъ поколѣній, и излѣчить тѣ раны, которыя нанесла человѣчеству ложная, на вольнодумствѣ и пустыхъ мечтаніяхъ основанная философія. Но чѣмъ возвышеннѣе предназначеніе этой науки, чѣмъ непреложнѣе и обильнѣе проистекающая отъ нея польза, тѣмъ строжайшему испытанію должны быть подвергнуты начала, на коихъ она основывается, особенно въ отношеніи къ евангельскому духу. Разумѣніе этого таинственнаго духа не можетъ быть предоставлено произволу каждаго; оно тогда только служитъ вѣрнымъ путеводителемъ въ этой жизни, когда основано на ученіи св. отцевъ и на толкованіяхъ, принятыхъ церковью. Въ противномъ случаѣ вѣчныя и непоколебимыя истины евангелія были бы подвержены въ умахъ и сердцахъ людей такому же колебанію, какому подвержено воображеніе каждаго отдѣльнаго человѣка, и вся наука этики, созидаемая на такомъ заблуждающемся основаніи, обратилась бы въ пустое, безполезное и даже вредное умствованіе.

Препровождая въ университетъ свои замѣчанія на програму Голуховскаго, сенаторъ Новосильцевъ писалъ въ заключеніе, что, находя, согласно съ мнѣніемъ попечителя виленскаго округа князя Чарторыйскаго, что программа профессора Голуховскаго недостаточно объясняетъ предметъ, который онъ намѣренъ преподавать на публичныхъ лекціяхъ, и потому нуждается въ подробнѣйшемъ и опредѣленнѣйшемъ изложеніи и развитіи всѣхъ частей курса особенно этики, онъ, Новосильцевъ, полагаетъ, что до представленія Голуховскимъ новой, пополненной программы и разсмотрѣнія ея непосредственнымъ его начальствомъ и утвержденія ея министромъ, профессора Голуховскаго не слѣдуетъ допускать къ продолженію начатаго имъ курса. Впрочемъ, прибавлено въ заключеніе, судя по извѣстнымъ способностямъ, познаніямъ и правиламъ профессора Голуховскаго, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ можетъ въ полной мѣрѣ отвѣчать ожиданіямъ правительства. Вслѣдствіе этого, въ особомъ предложеніи (отъ 13-го мая 1824 г.) ректору Твардовскому, Новосильцевъ поручилъ ему потребовать отъ профессора Голуховскаго новой программы. Такимъ образомъ отзывъ сенатора Новосильцева о Голуховскомъ вообще не былъ безусловно неодобрительный.

Въ своемъ рапортѣ цесаревичу (отъ 11-го мая 1824 г.) Новосильцевъ изложилъ сущность сдѣланныхъ имъ замѣчаній на програму профессора Голуховскаго и донесъ о принятыхъ имъ по этому дѣлу мѣропріятіяхъ, для доклада государю императору. Вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, онъ отослалъ въ Варшаву самую програму Голуховскаго и свои на нее замѣчанія. Тогда же (13-го мая 1824 г.) Новосильцевъ увѣдомилъ о своихъ распоряженіяхъ касательно преподаванія Голуховскимъ философіи въ Виленскомъ университетѣ и министра народнаго просвѣщенія князя Голицына.

. Профессоръ Голуховскій, согласно требованію университетскаго начальства, принялся за составленіе новой программы, тотчасъ по полученіи имъ (26-го мая) замѣчаній сенатора Новосильцева въ польскомъ переводѣ (такъ какъ онъ не зналъ порусски). Программа скоро была готова, и препровождая ее въ университетъ (31-го мая 1824 г.), Голуховскій просилъ совѣтъ по возможности скорѣе разсмотрѣть ее.

Въ новой программѣ опять антропологія дѣлится на двѣ части, а вторая часть на три отдѣла: 1) о человѣкѣ въ отношеніи къ внѣшнему міру (вмѣсто: къ природѣ) и обратно; 2) о человѣкѣ въ отношеніи къ подобнымъ ему существамъ, съ которыми онъ находится въ отношеніяхъ семейныхъ, политическихъ и космополитическихъ, и о человѣческомъ родѣ, какъ цѣломъ; 3) о человѣкѣ и о всемъ человѣчествѣ въ отношеніи къ Богу. Голуховскій начинаетъ съ разъясненія частныхъ положеній перваго отдѣла, вызвавшихъ противъ себя цѣлый рядъ возраженій Новосильцева. Онъ соглашается теперь съ сенаторомъ, что слово «природа» очень неопредѣленное и двусмысленное, что разные философы соединяли съ нимъ различныя до противоположности понятія. При составленіи первой программы, онъ упустилъ это изъ виду, держа передъ глазами только свое представленіе природы; онъ думалъ, кромѣ того, что самый духъ, въ которомъ программа была составлена, и ссылка на извѣстныхъ австрійскихъ авторовъ послужатъ достаточнымъ ручательствомъ того, что изъ его устъ не выйдетъ превратнаго ученія. Профессоръ надѣется, что съ замѣною въ программѣ слова природа выраженіемъ внѣшній міръ исчезнетъ въ ней всякая темнота и двусмысленность, и разъясняетъ, что въ этомъ отдѣлѣ онъ намѣренъ дать молодежи общее представленіе внѣшняго міра, окинуть его однимъ философскимъ взглядомъ, указавъ общія черты этого грандіознаго зданія и выяснивъ соблюденную Творцомъ постепенность въ существахъ, его наполняющихъ. При основательномъ пониманіи внѣшняго міра, легко уже опредѣлить, въ чемъ человѣкъ зависитъ отъ него и въ чемъ выше его, насколько онъ подчиненъ законамъ необходимости и насколько одаренъ нравственною свободою. Когда въ прежней программѣ профессоръ написалъ: природа — колыбель человѣка, то это должно было значить, что внѣшній міръ только колыбель человѣка и болѣе ничего. Профессоръ предполагалъ тутъ опровергнуть пагубныя мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые, не ограничиваясь этимъ, преувеличили зависимость человѣка отъ внѣшняго міра до такой степени, что представ-

ляли его себѣ какъ бы въ лѣсу изъ земли выросшимъ. Правда, многіе французскіе писатели выраженіе: природа—колыбель человѣка, употребляли совершенно въ другомъ смыслѣ; но они у профессора совсѣмъ вышли изъ головы, когда онъ составлялъ первую программу, и просто, благодаря какому-то несчастному случаю, профессоръ очутился въ такомъ дурномъ обществѣ. Равнымъ образомъ, находившееся въ прежней программѣ выраженіе: «человѣкъ—совершеннѣйшее существо въ природѣ», не должно было ничего больше значить, какъ то, что человѣкъ—совершеннѣйшее твореніе въ этомъ видимомъ мірѣ, что онъ выше, напр., чѣмъ камень, растеніе, животное. Профессоръ вовсе не думаетъ поощрять то глупое самомнѣніе, будто бы намъ ничего уже не достаетъ до совершенства, или будто бы для того, чтобы достигнуть совершенства, все слѣдуетъ ниспровергнуть,—каковое мнѣніе въ недавнее время, къ несчастію, столь многихъ ослѣпило. Напротивъ, онъ постарается доказать, что изъ такихъ ложныхъ понятій ничего другого и выйдти не можетъ, какъ полное паденіе, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ.

Программа второго отдѣла, какъ мы уже выше видѣли, значительно видоизмѣнена Голуховскимъ въ соотвѣтствіе съ замѣчаніями Новосильцева. «Человѣкъ,—говорится тутъ,—постепенно выростая, входитъ въ болѣе широкіе и важные союзы: сперва онъ бываетъ сыномъ, потомъ отцомъ; въ государствѣ онъ становится или простымъ гражданиномъ, или воиномъ, или судьею; изъ соединенія индивидуумовъ возникаютъ семьи, изъ соединенія семей—народы, народы образуютъ весь человѣческій родъ». Особенно подробно профессоръ въ этомъ отдѣлѣ предполагаетъ говорить о государствѣ, потому что всѣ вредныя политическія теоріи, принесшія въ послѣднее время столько зла, вышли по большей части изъ превратнаго понятія о государствѣ. «Государство,—продолжаетъ Голуховскій,—не можетъ быть разсматриваемо, какъ аггрегатъ равныхъ одна другой частицъ; оно, наоборотъ, органическое цѣлое, въ которомъ разныя частицы, вовсе не равныя, а, напротивъ, различнымъ образомъ другъ другу подчиненныя, чрезъ это свое соединеніе образуютъ одно цѣлое».

Программа третьяго отдѣла антропологіи и программа логики оставлены Голуховскимъ безъ измѣненій, такъ какъ онѣ не вызвали никакихъ замѣчаній Новосильцева. Переходя къ изложенію программы нравственной философіи, Голуховскій прежде всего считаетъ нужнымъ объяснить, что значитъ употребленное имъ въ прежней программѣ выраженіе, что преподавать ее онъ будетъ совершенно въ духѣ евангельскомъ. Онъ намѣренъ основать ученіе нравственной философіи не на отдѣльныхъ мѣстахъ Новаго Завѣта, которыя можно понимать различнымъ образомъ, а на духѣ всего евангелія, изъ котораго, если только принять его въ цѣломъ, не-

возможно и сдѣлать превратнаго употребленія. Хотя объ отдѣльныхъ выраженіяхъ св. Писанія можно много спорить, но духъ этого божественнаго произведенія, взятаго въ цѣломъ, даже слишкомъ ясенъ. Наконецъ, профессоръ считаетъ нужнымъ замѣтить, что намѣреваясь черпать свое ученіе изъ такого чистаго источника, онъ не думалъ и не думаетъ присвоивать себѣ право самовольнаго и произвольнаго изъясненія священныхъ книгъ, онъ намѣренъ въ этомъ случаѣ сообразоваться съ тѣмъ, что̀ приняла св. церковь и что̀ въ основахъ своихъ всему міру извѣстно.

Весь курсъ нравственной философіи у Голуховскаго состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣловъ: 1) изъ той части психологіи, которая трактуетъ о чувствѣ и хотѣніи; 2) изъ общей практической философіи, трактующей о природѣ и достоинствѣ человѣческихъ дѣйствій, о высочайшемъ основаніи нравственности, о долгѣ и обязанности, о мотивахъ человѣческихъ дѣйствій, о добродѣтели, о грѣхѣ и преступленіи, о нравственной наградѣ и наказаніи, о совѣсти и нравственномъ характерѣ, о нравственной свободѣ, о коллизіи обязанностей; 3) изъ частной практической философіи, или этики въ тѣсномъ смыслѣ, заключающей въ себѣ систематическое изложеніе обязанностей человѣка въ отношеніи къ себѣ самому, къ другимъ людямъ и къ Богу; 4) изъ аскетики, содержащей указаніе препятствій къ добродѣтели и средствъ къ достиженію ея. Кромѣ того, Голуховскій предполагалъ прочесть своимъ слушателямъ курсъ исторіи философіи съ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшаго времени (оканчивая Шеллингомъ, Якоби, Кругомъ, Гербартомъ, Гегелемъ, Вагнеромъ и друг.).

Новая программа Голуховскаго была получена сенаторомъ Новосильцевымъ уже въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ для участія въ засѣданіяхъ составленнаго въ то время по высочайшему повелѣнію комитета для разсмотрѣнія дѣла о безпорядкахъ въ Виленскомъ университетѣ и изысканія мѣръ къ устраненію ихъ на будущее время. Этотъ комитетъ состоялъ изъ графа Аракчеева, новаго министра народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова и сенатора Новосильцева. Послѣдній, какъ человѣкъ непосредственно знакомый съ сущностью дѣла, былъ, разумѣется, самымъ дѣятельнымъ членомъ комитета, и его мнѣнія по всѣмъ дѣламъ о тайныхъ обществахъ, въ томъ числѣ и по дѣлу профессора Голуховскаго, легли въ основу постановленій комитета.

Окончательное мнѣніе Новосильцева о Голуховскомъ, безповоротно рѣшившее судьбу, только что начавшейся его виленской профессуры, содержится въ отношеніи Новосильцева къ графу Аракчееву (9 августа 1824 г.). Новосильцевъ писалъ, что, занявшись разсмотрѣніемъ новой программы Голуховскаго, онъ нашелъ, что хотя она, повидимому и сообразована съ его замѣчаніями на пер-

вую програму, но въ общемъ осталась въ прежнемъ видѣ, съ перемѣною только нѣкоторыхъ выраженій, что во всякомъ случаѣ она не представляетъ по расположенію своему яснаго обозрѣнія науки философіи въ разныхъ ея частяхъ. Если же планъ является уже запутаннымъ, то (думаетъ Новосильцевъ) еще менѣе ясности окажется въ самомъ преподаваніи. Наставникъ при изложеніи науки по мнѣнію Новосильцева, долженъ имѣть въ виду не собственныя свои изысканія и мнѣнія, а развитіе умственныхъ способностей своихъ слушателей, и потому, вмѣсто блужданія по извилинамъ новыхъ системъ и ученій, долженъ идти къ своей цѣли прямымъ, простымъ, готовымъ путемъ. Разсматривая програму Голуховскаго по частямъ, сенаторъ нашелъ, кромѣ того, что въ ней однѣ философскія науки не достаточно отдѣлены отъ другихъ, что, напримѣръ, двѣ первыя части програмы заключаютъ въ себѣ частицы и физіологіи, и психологіи, и метафизики, и въ то же время множество разныхъ другихъ замѣчаній и предположеній... Вообще, метода профессора Голуховскаго,—таково заключительное мнѣніе Новосильцева,—должна непремѣнно оставлять неопытнаго еще слушателя долгое время въ неизвѣстности, чему онъ собственно учится, и вмѣсто того, чтобы руководить его къ чистымъ и опредѣленнымъ понятіямъ, способна только увлечь его въ мглу гипотезъ и предположеній, въ которой незрѣлый разумъ будетъ блуждать скорѣе къ помраченію своему, нежели просвѣщенію.

Но не новая програма по философіи, хотя она и сильно не понравилась Новосильцеву, рѣшила участь Голуховскаго, а изданная имъ два года тому назадъ за границей книга: «Философія въ ея отношеніи къ бытію цѣлыхъ народовъ и людей порознь». Новосильцевъ внимательно прочелъ эту книгу, сдѣлалъ изъ нея много буквальныхъ выписокъ и на этихъ-то выпискахъ и обосновалъ свое заключеніе о политической неблагонадежности виленскаго профессора философіи. Въ виду особой ихъ важности въ разсказываемомъ нами эпизодѣ, мы позволяемъ себѣ выписать буквально нѣкоторыя изъ тѣхъ выписокъ, на которыя самъ Новосильцевъ обращалъ особенное вниманіе графа Аракчеева, оставляя, за неимѣніемъ у насъ подъ руками нѣмецкаго подлинника, неприкосновеннымъ нѣсколько устарѣлый для нашего времени русскій переводъ Новосильцева:

«Въ сей книгѣ объясняетъ г. Голуховскій, что кромѣ всеобщей, давно извѣстной, есть какая-то національная философія и въ подкрѣпленіе сего, говоритъ онъ на стр. 63, что каждый народъ долженъ имѣть своихъ философовъ, дабы не угасалъ священный огонь, дабы былъ у народа горнъ, у котораго можно было бы грѣться во дни мраза и у котораго могли бы воспламеняться всѣ тѣ, которые способны къ воспламененію или (какъ сказано въ подлинникѣ) «которые носятъ въ себѣ трутъ».

«Согласно съ симъ доказывается на стр. 102, что учитель философіи, не принимающій участія въ бытіи народа, не образующійся изъ себя и пренебрегающій нуждами онаго, останется всегда чуждымъ народу и отрѣшится отъ его нѣдръ; онъ токмо пришелецъ въ народѣ и не произошелъ изъ его состава».

«Таковая національная философія, по словамъ Голуховскаго, имѣетъ безконечно великую важность для бытія народа, ибо для возбужденія и воспламененія ума вліяніе ея неисчислимо... (Опускаемъ нѣсколько строкъ). Она распространяетъ на весь народъ особый духъ глубокомыслія и высокости и вноситъ что-то исполинское въ бытіе народа, какъ-то, напримѣръ, весьма очевидно въ грекахъ. Такъ должно учить философіи, дабы земля опять отверзла свои нѣдра и изслала на свѣтъ своихъ исполиновъ».

«Вотъ какое вліяніе имѣетъ философія, по мнѣнію г. Голуховскаго, на изученіе исторіи: «Когда мы при обдуманномъ чтеніи исторіи восхищаемся безпредѣльнымъ богатствомъ предметовъ въ бытіи народовъ и удивляемся силѣ, съ которою они стремятся къ оному,... то хладный мразъ насъ проникаетъ, когда мы въ обыкновенныхъ теоріяхъ государственной жизни находимъ все сіе изсохшимъ. Народъ предстаетъ намъ лишеннымъ свѣжихъ красокъ, которыми украшалась его жизнь. Уже незрима та внутренняя сила, съ которою воспрянулъ онъ изъ ночи вѣковъ въ животворящій день бытія, незримо то постоянство, въ которомъ возросъ въ теченіе столѣтій; тѣ неисчислимыя многообразности, въ которыхъ открывалась животворящая его сила — все сіе уже скрылось. Узы, внутренно соединявшія народъ, у него исторгнуты, онъ обращенъ въ кучу единицъ, связанныхъ извнѣ отъ самопроизвола ничтожными мечтами (entseelte Bearіffe), какъ бы шнуромъ. Изъ многоразличныхъ частей сколачивается сундукъ, называется государствомъ и въ него влагается народъ. Но государство по существу не есть самопроизвольно выдуманная машина, но постепенное порожденіе высочайшихъ идей человѣчества, возникшихъ на землѣ вмѣстѣ съ родомъ человѣческимъ. Государство есть самая возвышенная организація, исшедшая изъ нѣдра народнаго, вмѣстѣ съ нимъ сотворенная и возросшая, а не извнѣ къ нему присоединившаяся. Совершенное оной образованіе и есть предметъ цѣлой исторіи»...

«На стр. 65, говоритъ Голуховскій, что истинное могущество народа не основано на богатствѣ. Она обрѣтается въ силѣ умственнаго его стремленія, въ любви къ великимъ предпріятіямъ и въ характерѣ твердомъ и способномъ къ чрезвычайнымъ пожертвованіямъ. Если въ народѣ нѣтъ сего характера, то такой народъ прикнется къ великимъ происшествіямъ и событіямъ и пріобрѣтетъ оружіемъ много славы, но ему не дано произвести, не смотря на угнетеніе, великія событія».

«Сочинитель говоритъ въ семъ мѣстѣ довольно вразумительно о польской націи и участіи оной въ войнахъ Франціи и Наполеона, доказывая, что она безъ этого умственнаго стремленія, которое должна вселить въ нее національная философія, не въ состояніи приступить къ какимъ-то самостоятельнымъ и отъ другихъ народовъ независящимъ предпріятіямъ».

«Еще яснѣе открывается помышленіе автора въ предисловіи, гдѣ сказано: «Народъ польскій никого не оскорбилъ и самъ по себѣ возбуждаетъ въ каждомъ праведномъ сердцѣ сострадание и принятіе соучастія въ его судьбѣ. Народъ сей представляетъ изъ среды своей великіе примѣры къ честному возбужденію, ибо полякъ имѣетъ своихъ Мильтіадовъ, которые никогда не оставятъ его въ покоѣ; для него достаточно прижать къ сердцу домашнихъ боговъ, чтобы возгорѣть величайшимъ воспаленіемъ». Не излишнимъ полагаю обратить вниманіе на то, что Мильтіадъ, котораго сочинитель предпочтительно приводитъ въ примѣръ, извѣстенъ наиболѣе потому, что предводительствовалъ греками противъ персовъ, покорявшихъ Грецію; по мнѣнію же сочинителя, память о польскихъ Мильтіадахъ, никогда не оставитъ польскаго народа въ покоѣ».

Описавъ, затѣмъ, необыкновенный успѣхъ въ Вильнѣ философскихъ лекцій Голуховскаго въ первый же годъ его профессорства, Новосильцевъ ставитъ вопросъ: «Откуда такое рвеніе учиться философіи,—наукѣ, требующей необыкновеннаго напряженія ума и не просто занимающей или увеселяющей, какъ напримѣръ, словесность, поэзія, экспериментальная физика?» Это казалось мнѣ сначала загадочнымъ,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сенаторъ,—но появленіе **національной** философіи объяснило мнѣ сіе необыкновенное происшествіе. Не трудно догадаться, какія разсужденія г. Голуховскаго влекли публику на его лекціи, какая философія, перемѣшанная съ чѣмъ-то постороннимъ, сдѣлалась столь заманчивою».

Въ заключеніе своего отношенія къ графу Аракчееву, Новосильцевъ писалъ, что, хотя недостатки, оказавшіеся въ программѣ Голуховскаго, могли бы быть исправлены имъ при дальнѣйшемъ преподаваніи, но образъ его мыслей, склонность къ какой-то мистической философіи, и политическія чувствованія, вполнѣ открывающіяся изъ напечатанной за границей книги, не дозволяютъ ему быть преподавателемъ столь важной науки, какъ философіи, особенно въ польскихъ (sic!) губерніяхъ. «Одаренъ будучи краснорѣчіемъ и облекая разсужденія свои въ темныя, полупонятныя слова, онъ тѣмъ вящше можетъ дѣйствовать на молодые умы, стремящіеся, какъ извѣстно, наиболѣе къ тому, что кажется необыкновеннымъ и неудобопонятнымъ. Когда имъ говорить будутъ о какомъ-то предвѣчномъ государствѣ, исшедшемъ изъ нѣдра народнаго, образующемся высочайшими идеями народа, искони сему народу прина

длежащими, а не извнѣ пришедшими, существующія государства называть будутъ сундуками, въ которые замыкается народъ, то чего отъ таковыхъ наставленій ожидать можно?.. Молодой человѣкъ научится презирать существующія формы правительства, прежде чѣмъ успѣетъ познакомиться съ ними, и будетъ блуждать въ извилинахъ пустыхъ гипотезъ»...

Новосильцевъ въ своемъ отношеніи графу Аракчееву не находилъ нужнымъ подвергать Голуховскаго отвѣтственности за содержащіяся въ его книгѣ неодобрительныя мысли, такъ какъ книга напечатана имъ за границей и при томъ до службы его въ Виленскомъ университетѣ. Онъ предлагалъ только немедленно удалить его изъ Виленскаго университета. При этомъ, такъ какъ Голуховскій былъ родомъ изъ царства Польскаго или изъ австрійской Галиціи, то Новосильцевъ рекомендовалъ предложить ему выѣхать въ свое отечество.

Другому члену комитета, адмиралу Шишкову, какъ министру народнаго просвѣщенія, Новосильцевъ, кромѣ того, передалъ самую программу Голуховскаго во второй ея редакціи. Шишковъ собственноручно написалъ на ней карандашемъ слѣдующее: «Куча словъ, безтолковая, скорѣе удобная помрачить, нежели просвѣтить умъ, развратить нежели исправить сердце. Блестящая мишура, которая такъ называемымъ полученымъ, великимъ охотникамъ до всякихъ непонятностей, кажется золотомъ. Не паденіе ли ума и души человѣческой стекаться во множествѣ слушать сей вздоръ!»

Предложеніе сенатора Новосильцева объ удаленіи профессора Голуховскаго отъ службы въ Виленскомъ университетѣ принято было графомъ Аракчеевымъ и адмираломъ Шишковымъ. По постановленію комитета, высочайше утвержденному 14-го августа 1824 года, экстра-ординарный профессоръ Виленскаго университета по каѳедрѣ логики, метафизики и нравоучительной философіи Голуховскій, одновременно съ ординарными профессорами Лелевелемъ, Даниловичемъ и Бобровскимъ, удаленъ отъ должности и высланъ въ свое отечество, по преимуществу за изданную имъ за границей книгу антиправительственнаго содержанія.

Пл. Жуковичъ.





ТАМБОВСКАЯ ХОЛЕРНАЯ СМУТА ВЪ 1830—31 ГОДАХЪ.

ВЪ ІЮЛѢ 1830 года, по дорогамъ и селамъ Тамбовской губерніи стали ходить зловѣщіе слухи о какой-то неслыханной и весьма губительной болѣзни, имя которой—«холера морбусъ». 10 августа, грозныя вѣсти подтвердились оффиціально. Немедленно составленъ былъ губернскій холерный комитетъ для защиты тамбовскихъ обывателей отъ неслыханной заразы. Дотолѣ апатичныя губернскія власти сразу обнаружили небывалую правительственную энергію. Вся Тамбовская губернія покрылась сѣтью карантиновъ, кордоновъ, заставъ и пикетовъ. На городскихъ и сельскихъ выгонахъ стали безпрерывно жечь всякій навозъ, и дымъ отъ этого смраднаго куренія разносился по всему краю и застилалъ солнце. Въ это время взволнованные жители Тамбовской губерніи, измученные страхомъ грядущей повальной смерти, сдѣлались слишкомъ чутки ко всѣмъ грознымъ холернымъ вѣстямъ. Въ народѣ поднимался ропотъ. По городамъ, селамъ и деревнямъ пошли самыя неожиданныя разглашенія. Непризванные захолустные ораторы упорно твердили одно: «холеры у насъ нѣтъ и быть не можетъ, да такой болѣзни и не бывало. А что люди начали помирать, такъ это дѣйствуетъ отрава, пущенная господами и лѣкарями и начальниками въ рѣчки, колодцы и на воздухъ»... Слушалъ эти дикія и безсмысленныя рѣчи нашъ угрюмый, измученный всякою деревенскою страдою, сѣрый народъ и всему вѣрилъ... Сами сельскіе начальники, старосты и писаря, охотно и съ вѣрою въ правоту своихъ дѣйствій примыкали къ темнымъ и легковѣрнымъ толпамъ и дѣйствовали съ ними

заодно. Такой случай былъ въ ноябрѣ 1830 года въ селѣ Перкинѣ, Моршанскаго уѣзда. Туда пріѣхалъ земскій засѣдатель для устройства холернаго кордона и приказалъ мѣстному сотскому къ этому дѣлу приготовиться, собрать нужные матеріалы и рабочихъ. Черезъ 3 часа, послѣ полученнаго приказанія, сотскій явился къ засѣдателю и объявилъ, что перкинскіе крестьяне въ холеру не вѣрятъ и кордона строить не желаютъ. Это заявленіе мѣстнаго деревенскаго начальника внушительно поддержано было появленіемъ у засѣдательской квартиры крестьянской толпы человѣкъ въ 300. Тогда засѣдатель вышелъ на крыльцо своей квартиры и громко окликнулъ народъ.

— Что вы за люди и что̀ вамъ нужно?

— Не во гнѣвъ сказать вашей милости,—отвѣчали ему,—мы и безъ кордона усмотримъ вашу холеру. Знаемъ мы, какая это холера, очень превосходно знаемъ; только вы ужъ не пеняйте, если мы раздѣлаемся съ ней по своему.

Засѣдатель (фамилія его намъ неизвѣстна) былъ человѣкъ не робкій и двумъ, впереди стоявшимъ, крестьянамъ далъ по пощечинѣ, а третьяго, сосѣда ихъ, ударилъ кулакомъ по головѣ и вырвалъ у него нѣсколько волосъ изъ бороды. Храбрость, однако, не спасла засѣдателя. Его окружили и начали бить безъ милосердія.

Узналъ объ этомъ мѣстный дворянскій предводитель и наспѣхъ прибылъ, для усмиренія крестьянъ, въ Перкино, но и его не послушались, и ему громко выкрикивали:—«Слышали мы, какая такая объявилась холера, нечего намъ и толковать объ ней»...

Еще не унялось перкинское волненіе, какъ холерная смута объявилась въ селѣ Никольскомъ, Тамбовскаго уѣзда, по поводу устройства въ томъ селѣ холерной больницы. Когда полицейскія власти на сходѣ объявили о цѣли своего пріѣзда, то весь деревенскій міръ пришелъ въ волненіе и изъ толпы громко говорили:—«Ваши дѣла—непригожія и за такими непригожими дѣлами къ намъ въ село ѣздить не можно!»... Чины полиціи, ничего не сдѣлавъ, уѣхали въ Тамбовъ, но черезъ нѣсколько дней вернулись въ Никольское снова, потому что въ названномъ селѣ появилась холера. Съ полиціей пріѣхали два врача. Заболѣвавшіе умирали въ нѣсколько часовъ. Это крайне смутило жителей села Никольскаго и по деревенскимъ избамъ все быстрѣе и быстрѣе пошли нелѣпыя вѣсти о томъ, что, по наученью дворянъ, подкупленныхъ поляками, лѣкаря рѣжутъ и варятъ больныхъ въ кипяткѣ... Тогда никольскіе крестьяне, потихоньку отъ властей, собрались за околицей, вооружились кольями, дубинами, вилами и косами и, съ громкимъ крикомъ, пошли на больницу. Смотрителя и двухъ лѣкарей избили, при чемъ лѣкаря Гоффа приковали на ночь къ одному трупу, а больныхъ возвратили въ ихъ дома. Затѣмъ, пошли на полицію,

исправника и дворянскаго засѣдателя съ солдатами и понятыми, но тѣхъ и слѣдъ простылъ...

Впослѣдствіи всѣ эти виновные судимы были военно-судною комиссіею.

Во время слѣдствія и суда никольскіе крестьяне снова собрались толпою и рѣшили подать просьбу о защитѣ отъ гражданскаго начальства тамбовскому архіерею Евгенію. Съ этою цѣлію они избрали «двухъ старателей» и послали ихъ въ Тамбовъ къ мѣщанину Ильину, который промышлялъ составленіемъ просьбъ и исковъ.

Мѣщанинъ Ильинъ въ своемъ прошеніи отъ никольскихъ крестьянъ выражалъ ту мысль, что обыватели села Никольскаго всѣ обстоятъ благополучны, болѣзней повальныхъ у нихъ не было и нѣтъ, но гражданское начальство неизвѣстно почему выдумало, что въ ихъ селѣ завелась какая-то холера и прислало для притѣсненія ихъ чиновниковъ и двухъ лѣкарей.

Никольскихъ обывателей смущало то обстоятельство, что ихъ больныхъ сажали въ горячія ванны, а предъ ванной каждому паціенту пускали кровь. И отъ того,—плакались темные и взволнованные мужички,—многіе изъ нашихъ въ самой водѣ предали души свои Богу безъ напутствованія святыми Тайнами.

Произведеніе доморощеннаго юриста съ тамбовскаго базара заключалось слѣдующими словами: «знамо, что лѣкаря купленны поляками морить народъ, а начальство морочить, и никакой болѣзни у насъ не бывало и нѣтъ». Эту просьбу никольскіе старатели привезли изъ Тамбова въ Никольское и вслухъ прочитали на сходѣ отъ начала до конца. Слушали ее, эту нелѣпую нескладицу, угрюмые поселяне, одобрили и послали по назначенію. Но ходоковъ подъ самымъ Тамбовомъ взяли подъ стражу и, вмѣсто архіерейской пріемной, они очутились въ острогѣ.

При появленіи холеры народныя волненія произошли и въ городѣ Моршанскѣ. 13 августа 1831 года, уѣздный лѣкарь Ингверсенъ и частный лѣкарь Беккеръ хотѣли вскрыть первый холерный трупъ. Въ это время больничный смотритель, купецъ Ширяевъ, вошелъ въ палату и властно сказалъ врачамъ:

— Рѣзать тѣла не велю, а коли не послушаетесь—позову народъ и всѣхъ васъ перебьемъ.

Ингверсенъ и Беккеръ стали возражать. Тогда Ширяевъ топнулъ ногой и закричалъ:

— Молчать и поступать у меня по Божьему, а не по нѣмецкому. Вонъ отсюда!..

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, 14 сентября, въ Моршанской пригородной слободѣ былъ мірской сходъ. Пошатываясь, пришелъ

на сходъ изъ сосѣдняго кабака и обычный его посѣтитель, удѣльный крестьянинъ Коршуновъ, и громко (почти трезво) объявилъ своему міру:

— Братцы, помирать надо. Ночь на 26-е сентября будетъ весьма неблагополучная. Въ каждый домъ и въ каждую избу заглянетъ въ тотъ день сама холера, худая и страшная такая, и выберетъ, кого ей надо.

Отъ этихъ словъ смутилась вся пригородная слобода и весь городъ Моршанскъ. Прошли 12 дней самаго томительнаго ожиданія. Наступила грозная ночь подъ 26-е сентября. Всѣ моршанскіе обыватели, старые и малые, больные и здоровые, всѣ вышли вечеромъ изъ домовъ своихъ и пробыли ночь на улицѣ и до утра не смыкали глазъ своихъ и горячо молились. Ночь прошла благополучно. Пророчество Коршунова не сбылось. Самого же неудачливаго пророка посадили въ острогъ и навсегда лишили права участвовать въ мірскихъ совѣтахъ и выборахъ. Между тѣмъ, смуты, произведенныя имъ, долго не прекращались. Въ дополненіе къ ложнымъ пророчествамъ и видѣніямъ появились разныя примѣты. Доморощенные естествоиспытатели таинственно и глубокомысленно объявляли, что въ тотъ грозный годъ касаточекъ прилетѣло мало, а черныхъ воронъ и пустушекъ много, и то предвѣщаетъ великія народныя бѣдствія.

Въ грозную холерную годину, именно, осенью того же 1831 года, въ городѣ Моршанскѣ былъ и еще одинъ замѣчательный случай. Нѣкто, мѣщанинъ Залѣсскій, поссорился въ трактирѣ за билліардной игрой съ крестьяниномъ Шумаевымъ, отнялъ у него шапку и зашилъ въ нее сулемы и мышьяку. Съ этимъ трактирнымъ трофеемъ Залѣсскій отправился въ полицію и заявилъ частному приставу, что Шумаевъ есть человѣкъ весьма подозрительный по холерной части.

Владѣя несомнѣнною уликою на Шумаева, Залѣсскій совершенно развязно разсказалъ чинамъ моршанской полиціи:—«Читалъ я въ вѣдомостяхъ, что съ мыса Доброй Надежды присланы въ Берлинъ 30 ядовитыхъ стрѣлъ, и надъ тѣми стрѣлами дѣлали опытъ: одной стрѣлой коснулись ноги голубя, онъ тотчасъ забилъ крыльями и умеръ; другою дотронулись до чешуи рыбы карпа и въ тую жъ минуту рыба-карпъ умерла; третьею стрѣлою кольнули кошку, съ ней сдѣлалась рвота, поносъ и судороги и черезъ нѣсколько минутъ и кошки не стало».

— Для чего жъ эти стрѣлы присланы? спросилъ частный.

— Народъ морить и смуту дѣлать,—отвѣчалъ Залѣсскій.

Тогда Шумаева схватили и съ большою осторожностью отправили въ острогъ, такъ какъ вокругъ полиціи собралась огромная толпа и требовала выдачи холернаго распускателя...

Холерная смута постепенно и неудержимо распространилась по

всѣмъ уѣздамъ Тамбовской губерніи. Дошла она и до села Старыхъ Копылъ, Лебедянскаго уѣзда.

Старые Копылы расположены на лѣвомъ берегу рѣки Красивой Мечи. Близь села, на той же рѣкѣ, по теченію, стояла деревенька Мочилки. И вотъ однажды мочильскія бабы мыли бѣлье на рѣкѣ и увидѣли, что какой-то мужчина подошелъ къ берегу рѣки, постоялъ, посмотрѣлъ на воду и, быстро повернувшись, удалился по большой Елецкой дорогѣ. Вслѣдъ за тѣмъ одна изъ женщинъ замѣтила, что по рѣкѣ что̀-то плыветъ. Всѣ онѣ бросились къ неизвѣстному предмету, такъ какъ онъ плылъ у самаго берега, и усмотрѣли деревенскій холстъ. Женщины прибѣжали въ деревню и, перебивая одна другую, разсказали всему міру, что онѣ видѣли поляка и тотъ полякъ бросилъ въ воду холстъ съ ядомъ. Мужики погнались за полякомъ, настигли его и избили; поймали и холстъ... Полякъ и холстъ представлены были въ Лебедянь. Но на слѣдующій день двѣ женщины изъ Старыхъ Копылъ пришли въ лебедянскій земскій судъ и убѣдительно, со слезами, ссылаясь на крайнюю бѣдность, просили отдать имъ холстъ, который нечаянно упустили онѣ на рѣкѣ... Холстъ имъ возвратили. А также освободили изъ заключенія и мнимаго поляка, который оказался дворовымъ человѣкомъ помѣщика Клишина и посланъ былъ своимъ бариномъ съ письмомъ въ Елецъ на почту...

Разные тревожные холерные слухи съ особенною силою обнаружились также въ самомъ Тамбовѣ. Одинъ губернскій чиновникъ, по фамиліи Никитинъ, разглашалъ, что холерные начальники всѣхъ больныхъ, не разбирая болѣзни, насильно забирали въ больницы, залѣчивали ихъ тамъ и потомъ кучами сваливали въ особыя ямы; иногда больной былъ еще живъ, но и его сваливали въ мертвецкую кучу...

Между тѣмъ, тамбовскій мѣщанинъ Сорокинъ говорилъ не разъ на базарѣ такія рѣчи:

— Слышалъ я, братцы, отъ вѣрныхъ людей, будто турецкій султанъ продаетъ евреямъ Іерусалимъ, и какъ продажа совершится, всѣ евреи, со всего лица земнаго, соберутся въ обѣтованную землю свою и настанетъ жидовское царство. Русскіе же не хотятъ заступиться за святой городъ, и вотъ за такое поношеніе Гробу Господню посылаетъ Господь на русскихъ православныхъ людей холеру.

— За дорого ли продаетъ султанъ Іерусалимъ? спросили Сорокина.

— Знамо—за великіе милліоны, но у жидовъ этимъ милліонамъ числа и мѣры нѣтъ.

— А гдѣ султанъ будетъ совершать купчую: въ уѣздномъ судѣ или въ гражданской палатѣ?—вмѣшался въ разговоръ проходившій мимо частный приставъ...

Сорокинъ смѣшался и объявилъ частному, что онъ разсказы-

валъ не изъ своей головы, а по чужимъ рѣчамъ. Говорливаго мѣщанина отправили, однако, въ полицеймейстерскую канцелярію...

Въ грозные холерные дни 1830 — 31 годовъ въ Тамбовскихъ городахъ и селахъ совершались ежедневныя богослуженія, но и молитвы не всегда располагали богомольцевъ къ смиренію и терпѣнію.

27 іюня 1831 года жители села Бурнака, Борисоглѣбскаго уѣзда, вышли послѣ обѣдни изъ церкви и стали внутри церковной ограды. Когда къ крестьянамъ приблизился мѣстный священникъ Савринскій, его окружили и спросили:

— Есть ли подъ поломъ алтаря утвержденный въ землѣ крестъ и не наклонился ли онъ на сторону?

— Для чего вамъ это нужно? — спросилъ священникъ.

— Для того,—отвѣчали крестьяне,—чтобы упавшій или наклонившійся крестъ поправить, и тогда холера прекратится...

Послѣ этихъ словъ 6 человѣкъ крестьянъ вынули въ основаніи церкви нѣсколько кирпичей и полѣзли подъ алтарь. Остальные бурнакскіе обыватели сняли шапки, перекрестились и ждали результатовъ подпольной экспедиціи... И вотъ изслѣдователи вылѣзли на свѣтъ Божій и объявили, что креста подъ церковію нѣтъ. Тогда въ толпѣ поднялся шумный ропотъ. Всѣ были увѣрены, что крестъ подъ алтаремъ былъ, — но кѣмъ-то скраденъ... Между тѣмъ, священникъ Савринскій ушелъ домой. Народъ тронулся за нимъ и въ деревенской буйной толпѣ пошли такія рѣчи:—«Крестъ у насъ украденъ попомъ Василіемъ Савринскимъ, и онъ продалъ его тамбовскому губернатору, и оттого пошла въ народѣ холера»... Съ трудомъ отецъ Савринскій успокоилъ народъ, и вынужденъ былъ уговорить его выбрать ходаковъ для подачи прошенія эпархіальному архіерею относительно постановки креста подъ церковію. Прошеніе ихъ, разумѣется, уважено не было и эти ходаки, наравнѣ съ многими другими тамбовскими бунтовщиками, попали подъ судъ и по нѣскольку лѣтъ высидѣли въ острогахъ, или же высѣчены были кнутомъ, плетьми или батожьемъ и сосланы были въ каторжную работу и на поселеніе...

Но самая сильная холерная смута, перешедшая въ открытый бунтъ, происходила въ городѣ Тамбовѣ. Такъ какъ въ этомъ городѣ уже ходили въ народѣ разныя тревожныя разглашенія, о которыхъ мы упоминали выше, то начальство приняло сообразно съ обстоятельствами свои мѣры. Дома больныхъ холерою оцѣпили военными караулами. Въ городъ начали впускать только такихъ лицъ, которыя ѣхали изъ благополучныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этой послѣдней мѣры, число пріѣзжихъ въ нашъ городъ сразу сократилось, а также уменьшился подвозъ съѣстныхъ припасовъ. 14 сентября, по распоряженію преосвященнаго Евгенія, кругомъ Тамбова былъ крестный ходъ. Всѣ жители явились на это общественное

богослуженіе, послѣ предварительнаго поста, о чемъ заблаговременно разосланы были полицейскія объявленія. На первыхъ порахъ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1830 года, холера дѣйствовала въ губернскомъ городѣ довольно слабо, унося въ могилу около 5 человѣкъ въ сутки, тѣмъ не менѣе, врачебная управа потребовала у губернатора кожаныхъ халатовъ съ капюшонами и такихъ же рукавицъ. Эти доспѣхи предназначались для тѣхъ лицъ, которыя обязаны были хоронить умершихъ отъ холеры. Въ то же время по всѣмъ городскимъ улицамъ разъѣзжали крытыя повозки, наводя на всѣхъ обывателей паническій ужасъ, и забирали второпяхъ вмѣстѣ съ больными и пьяныхъ, число которыхъ въ холерную годину въ нашемъ городѣ, по крайней мѣрѣ, утроилось. Очнувшись въ больничныхъ палатахъ, эти послѣдніе ломились изъ больницы вонъ и разбивали казенныя окна. Извѣстный тамбовскій силачъ Гаврюшка разломалъ даже холерную повозку, въ которую насильно было усадили его слишкомъ исполнительные полиціанты... Всѣмъ привозимымъ въ больницу мѣстные врачи пускали кровь, а потомъ сажали ихъ въ теплыя ванны. Внутрь давали каломель и опій. Цирульники, пускавшіе кровь, болѣе или менѣе были пьяны, такъ какъ имъ отпускалась тогда даровая водка, и потому ихъ операціи не всегда были удачны...

При всѣхъ этихъ условіяхъ тамбовскіе жители отнеслись къ начальственнымъ мѣропріятіямъ, особенно же къ больницѣ, недовѣрчиво и враждебно... По вечерамъ у насъ накрѣпко запирали ворота, двери, закрывали ставни, рано тушили свѣчи и все-таки дрожали: вотъ-вотъ пріѣдетъ крытая повозка и заберетъ всѣхъ въ больницу на вѣрную и лютую смерть...

Тогда въ народѣ, уже и безъ того стѣсненномъ заставами и, вслѣдствіе этого, дороговизною съѣстныхъ припасовъ, поднялся ропотъ. Собирались жаловаться на врачей и начальство самому государю и, наконецъ, подъ руководствомъ уже названнаго нами мѣщанина Данилы Ильина, составили въ этомъ смыслѣ общественный приговоръ (153 подписи) и самое прошеніе.

Вечеромъ 17 ноября 1830 года, по приглашенію городского головы, купца Байкова, передъ городской думой собралась многолюдная толпа мѣщанъ, купцовъ и однодворцевъ. И вотъ между ними поднялся крикъ:—«Нѣтъ холеры! Зачѣмъ забираютъ народъ въ больницу! Тамъ рѣжутъ и варятъ людей»! На этотъ шумъ пріѣхалъ губернаторъ И. С. Мироновъ и сталъ успокоивать толпу, но его не послушались и продолжали шумѣть. Губернаторъ уѣхалъ домой. Настало мѣщанское царство. Ночью бунтовщики пошли въ первую городскую часть и сняли оцѣпленіе съ трехъ домовъ, въ которыхъ появилась холера. Около полуночи толпа разошлась.

Утромъ, 18 ноября, горожане опять собрались передъ городской думой и опять къ нимъ прибылъ губернаторъ, на этотъ разъ съ самимъ архіереемъ. Губернскія власти хотѣли было дѣйствовать

противъ народа рѣшительно, но побоялись, такъ какъ мѣстный баталіонъ оказался состоявшимъ большею частью изъ солдатъ престарѣлыхъ и не благонадежныхъ... Отъ думы толпа устремилась къ губернаторскому дому и потребовала объявленія о несуществованіи холеры. Съ наступленіемъ вечера бунтовщики, отчасти захмѣлѣвшіе, стали дѣйствовать еще смѣлѣе. Быстро и съ громкимъ крикомъ, всполошившимъ мирныхъ горожанъ, они пошли къ больницѣ, сбили съ мѣста охранявшій ее военный караулъ, ворвались во внутреннія больничныя комнаты, расшвыряли лѣкарства, опрокинули котлы съ теплою водой для ваннъ и такимъ образомъ, по оффиціальному выраженію, уничтожили больницу. При больничномъ разгромѣ бунтовщики вошли въ больничный сарай и вытащили оттуда нѣсколько труповъ. При этомъ съ особенною жалостію народъ смотрѣлъ на тѣло одного солдата съ мертвымъ младенцемъ—сыномъ въ рукахъ. «Вотъ,—говорили въ толпѣ,—злодѣямъ и малыхъ ребятъ не жалко»... Больничный фельдшеръ Даниловъ во время этой суматохи выбѣжалъ на лугъ и побѣжалъ къ лѣсу, но его догнали и жестоко избили... Въ это время къ бушевавшей больницѣ подошелъ съ частію губернскаго баталіона губернаторъ и, ничего не сдѣлавъ, вынужденъ былъ вернуться домой. На такъ называемомъ Никольскомъ мосту, перекинутомъ черезъ рѣку Студенецъ, его остановили и начали бранить, и только при помощи гарнизонныхъ штыковъ И. С. Мироновъ благополучно добрался до своего дома...

19 ноября преосвященный Евгеній служилъ въ соборѣ обѣдню и молебенъ. Затѣмъ, онъ вышелъ на площадь и сталъ уговаривать толпу, чтобы она успокоилась и ожидала милости отъ начальства. На эти слова мѣщанинъ Онуфріевъ отвѣчалъ архіерею:—«Отъ кого намъ ждать милости? Вся наша надежда на милость Божію»... Въ то же время одна мѣщанка подошла къ Евгенію и стала просить его, чтобы ей выдали или, по крайней мѣрѣ, показали тѣло наканунѣ умершаго въ больницѣ ея мужа. Тогда епископъ Евгеній сурово замѣтилъ ей: «Тебя, какъ бунтовщицу, надо взять подъ караулъ». Но толпа зашумѣла и заговорила:—«Нѣтъ, не выдадимъ»!

Вскорѣ послѣ того, въ Тамбовъ вступили части полковъ, вятскаго и казанскаго, митавскій гусарскій полкъ и конно-піонерный эскадронъ. Бунтъ прекратился. Мироновъ отправилъ государю донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Въ беззаконныхъ и богопротивныхъ дѣйствіяхъ тамбовскихъ мѣщанъ и однодворцевъ я усматриваю не одно простое неудовольствіе на мѣры, предпринимаемыя противъ холеры, но подозрѣваю гораздо важнѣйшія намѣренія злыхъ людей, которые дѣйствуютъ скрытнымъ образомъ посредствомъ сихъ невѣждъ на народное возмущеніе»... Однако, такихъ злыхъ людей и ихъ важнѣйшихъ намѣреній, по суду и слѣдствію, не оказалось...

По приговору военно-судной комиссіи, въ дѣйствіяхъ которой принималъ участіе флигель-адъютантъ графъ Ивеличъ, главными виновниками тамбовскаго холернаго бунта оказались мѣщане—Данила Ильинъ и Евлампій Акимовъ [1]).

Оба они приговорены были къ наказанію плетьми и ссылкѣ на каторгу. Восьмерыхъ подсудимыхъ приговорили къ наказанію шпицрутенами. Всѣхъ же подсудимыхъ было 200 человѣкъ, въ томъ числѣ городской голова Байковъ, купецъ Вологинъ, купецъ Купріяновъ, два купца Толмачевы и частный приставъ Шатиловъ...

Экзекуція надъ осужденными 1-й и 2-й категоріи происходила въ Тамбовѣ 1 сентября 1831 года [2]).

И. Дубасовъ.



[1]) Примѣчаніе. Вотъ опредѣленіе военно-судной комиссіи относительно послѣдняго: «Дерзкими своими поступками, несомнѣнно обнаруженными, Евлампій Акимовъ заслуживаетъ строжайшаго наказанія. Но горькое раскаяніе, которое онъ почувствовалъ, какъ скоро позналъ свое заблужденіе, достойно состраданія. Необразованный, обманутый толпами злоумышленниковъ, сей несчастный, имѣвъ отъ природы пылкій нравъ и не будучи до сихъ поръ замѣченъ въ дурныхъ поступкахъ, вообразилъ себѣ, что онъ защищаетъ ближняго изъ человѣколюбія и долгу христіанскаго, и тѣмъ въ теченіе одного дня сдѣлался государственнымъ преступникомъ».

[2]) Матеріаломъ для этой статьи послужило слѣдственное дѣло о тамбовскомъ холерномъ бунтѣ, хранящееся въ архивѣ тамбовскаго губернскаго правленія.



МАРТИНИСТЪ И ФИЛАНТРОПЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

БЛЕСТЯЩІЙ вѣкъ Екатерины II далеко не удовлетворялъ современниковъ. Не мало было недовольныхъ, хотя недовольство исходило изъ разныхъ источниковъ. Недовольные позволяли себѣ тайный и явный протестъ и несли за это кару. Но, какъ это часто бываетъ, въ число недовольныхъ и протестантовъ попадали и сторонники самаго мирнаго преуспѣянія своей родины. Выходило это оттого, что всякое преуспѣяніе, особенно въ области умственныхъ интересовъ, непремѣнно ведетъ къ подрыву наличнаго строя умственныхъ понятій, отчего одинъ только шагъ до извѣстныхъ политическихъ доктринъ, угрожающихъ существующему statu quo. Такова была въ Россіи судьба масонства. Его умственное вліяніе было такъ велико, что государственная полиція безопасности не могла не быть въ страхѣ за то, что общественная мысль, разъ приведенная въ движеніе, хотя бы и фантастическими и отвлеченными мечтаніями «свободныхъ каменщиковъ», непремѣнно прійдетъ затѣмъ къ политическимъ крайностямъ, тѣмъ болѣе, что таинственность дѣятельности масоновъ еще болѣе увеличивала опасенія. Получалось удивительное недоразумѣніе. Глава государства ищетъ и добивается тѣснаго общенія съ европейскими мыслителями, дѣятельность и пропаганда которыхъ открыто вела и привела къ кровавой революціи. Масоны вообще и русскіе масоны по преимуществу, съ Новиковымъ во главѣ, ставили своей задачей борьбу съ этимъ все разъѣдающимъ матеріализмомъ, выдвигая на первое мѣсто начало духовное, а, между тѣмъ, ихъ-то и постигла жестокая кара.

Въ то же время, блестящая эпоха Екатерины II не была порой народнаго благосостоянія: бѣдствія смѣняли одно другое,—бѣдствія, смыслъ и источникъ которыхъ былъ не ясенъ для полуобразованнаго общества. Люди съ умомъ и чуткимъ сердцемъ, всегда склонные къ идеѣ общаго благосостоянія, но, дѣйствуя въ разбродъ, направляя свою благотворительность на отдѣльные случаи, чувствуютъ свое безсиліе въ борьбѣ со зломъ во всемъ его цѣломъ. Отсюда естественно стремленіе объединиться подъ какимъ нибудь знаменемъ, хотя бы невполнѣ соотвѣтствующимъ наличной дѣйствительности. Таково было значеніе масонства, объединявшаго лучшихъ русскихъ людей своего времени. Сюда пришелъ Новиковъ съ плодотворною дѣятельностью, которая легко могла бы развернуться и подъ другимъ знаменемъ; сюда, вообще, шли люди, преисполненные желанія блага своей родинѣ. Типъ этихъ людей чрезвычайно интересенъ и поучителенъ, какъ типъ людей, порывавшихся къ частной иниціативѣ и ставившихъ прежде всего благо высшее, отвлеченное, разлитое на множество людей, а не окружающее ореоломъ славы небольшую группу лицъ, стоящихъ во главѣ зданія. Люди, которымъ не чужда мысль о благѣ человѣчества, бываютъ двухъ родовъ: одни склонны къ измышленію такихъ переворотовъ, которые сразу могли бы повернуть все верхъ дномъ и поставить все въ идеальный порядокъ, и, по ихъ мнѣнію, въ ожиданіи такихъ перспективъ, есть полное основаніе совершенно спокойно относиться къ ненормальнымъ явленіямъ наличной дѣйствительности; напротивъ, другіе не могутъ равнодушно проходить мимо угнетающей современности и готовы протянуть руку помощи всякому несчастію, не задаваясь мыслію о колоссальномъ общемъ переворотѣ.

Въ екатерининскую эпоху среда интеллигентная, въ которой далеко не всѣ представители были довольны существующимъ порядкомъ, не выдвигала благодѣтелей человѣчества перваго типа, но дала не мало людей второго типа,—и эти люди собрались преимущественно подъ знаменемъ масонства. Нельзя сказать, чтобы мы знали ихъ всѣхъ хорошо. Намъ извѣстенъ Новиковъ, благодаря той роли, какую онъ сыгралъ въ русской литературѣ, но, помимо его, поучительно поставить передъ глазами читателя человѣка, не отличившагося никакимъ чрезвычайнымъ подвигомъ, но представляющаго собою образецъ высокаго великодушія. Мы говоримъ о Походяшинѣ, который былъ другомъ Новикова, и на его филантропическія и просвѣтительныя предпріятія положилъ все свое полумилліонное состояніе. Походяшинъ — это типъ хорошаго человѣка екатерининскаго времени, а знакомство съ хорошими типами всегда полезно для позднѣйшихъ поколѣній, и особенно для нашего поколѣнія, чрезвычайно бѣднаго какими бы то ни было характерными типами. О Походяшинѣ сказано довольно много въ книгѣ Лонги-

нова—«Новиковъ и московскіе мартинисты», и отчасти въ сочиненіи Незеленова—«Н. И. Новиковъ», мы же задаемся мыслію пополнить уже занесенныя въ историческую литературу данныя біографіи Походяшина новыми документальными свѣдѣніями, находящимися въ матеріалахъ редакціи «Историческаго Вѣстника». Эти матеріалы представляетъ изъ себя всеподданнѣйшее прошеніе Походяшина, какъ извѣстно пострадавшаго вслѣдствіе катастрофы, постигшей Нóвикова, на имя императора Александра I отъ 5-го апрѣля 1801 года, съ приложеніемъ докладной записки Походяшина, въ которой изложены всѣ его отношенія къ Новикову и его единомышленникамъ, а также нѣкоторые изъ высочайшихъ указовъ императора Павла I, сущность которыхъ, впрочемъ, была уже изложена въ исторической печати.

О родѣ Походяшиныхъ существуетъ слѣдующее преданіе. Въ царствованіе Анны Іоанновны жилъ въ Верхотурьѣ простой ямщикъ Максимъ Михайловичъ Походяшинъ. Онъ возилъ на подводахъ мѣдную руду изъ рудниковъ на заводы. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ, Походяшинъ и шестеро его товарищей остановились ночевать въ лѣсу, спутали ноги своимъ лошадямъ и, поужинавши, легли спать. Проснувшись, они не нашли лошадей, которыя успѣли какимъ-то образомъ распутаться и уйдти. Шестеро извозчиковъ отправились по двое искать лошадей въ три противоположныя стороны, а Походяшинъ, хозяинъ ихъ, пошелъ одинъ въ четвертую. Послѣ долгой ходьбы, онъ попалъ на слѣдъ лошадей по росѣ, и вскорѣ, идя по слѣду, настигъ ихъ на берегу какой-то рѣчки и тамъ поймалъ. Онъ сталъ умываться въ рѣкѣ, и вдругъ увидѣлъ у берега чтò-то похожее на мѣдную руду; сталъ искать ее и нашелъ, что немного далѣе весь берегъ на нѣсколько верстъ въ длину покрытъ превосходною мѣдною рудою, лежавшею на поверхности земли, а раскопавши почву, убѣдился, что множество руды находится и въ ея нѣдрахъ. Походяшинъ возвратился по слѣду до мѣста ночлега и тщательно замѣчалъ дорогу. Возвратившись къ товарищамъ, онъ поставилъ на мѣстѣ ночлега крестъ, не говоря ни слова о своемъ открытіи. По окончаніи пути, Походяшинъ отправился къ губернатору, собравъ напередъ справки о законахъ по горной части, и обѣщалъ ему «благодарность», если онъ выхлопочетъ ему ссуду отъ казны для разработки открытой имъ руды.

Представленіе о немъ было сдѣлано. Бергъ-коллегія разрѣшила выдать Походяшину 25,000 рублей, если мѣстное начальство удостовѣритъ въ благонадежности дѣла, которая и была засвидѣтельствована, и Походяшину отпущена была означенная сумма.

Съ этою помощью, Походяшинъ основалъ на замѣченномъ имъ при рѣчкѣ мѣстѣ заводъ. Оказалось, что нигдѣ не было лучшей и обильнѣйшей руды. Предпріятіе Походяшина принесло ему ог-

ныя выгоды; онъ распространилъ кругъ своей дѣятельности и вскорѣ сдѣлался богачемъ. Достовѣрное изслѣдованіе о Походяшинѣ говоритъ, что онъ былъ казанскій уроженецъ, добровольно пришедшій въ Верхотурье на заработки, гдѣ плотничалъ и промышлялъ извозомъ. Съ молодости, онъ уже успѣшно занимался отыскиваніемъ руды и золота. Найдя послѣднее, Походяшинъ выгодно сдалъ находку въ частныя руки и перешелъ къ болѣе обширной дѣятельности. Въ 1740 году, онъ устроилъ уже пять винокуренныхъ заводовъ, недалеко отъ Тагильскаго завода въ Тюмени, Екатеринбургѣ и Ирбитѣ. Съ 1752 года Походяшинъ записанъ былъ верхотурскимъ купцомъ, а въ 1777 году—причисленъ къ первой гильдіи. Съ 1752 года по 1756 годъ, онъ держалъ верхотурскій откупъ съ купцомъ Власьевскимъ и былъ откупщикомъ въ Сибири до конца семидесятыхъ годовъ. Еще съ 1755 года, сталъ онъ отыскивать новые пріиски мѣдной и желѣзной рудъ, и это предпріятіе снова увѣнчалось успѣхомъ. Въ 1758 году онъ получилъ разрѣшеніе на открытіе новыхъ заводовъ, привиллегію и содѣйствіе къ тому отъ правительства. Онъ основалъ въ 1758 году Петропавловскій заводъ; въ 1760—Николопавдинскій и Туринскіе рудники; въ 1768 — Богословскій, и устроилъ около нихъ дороги. Впрочемъ, онъ продолжалъ и винокуренное свое производство.

Нравы этого богача составляли странную смѣсь самыхъ противорѣчивыхъ свойствъ. Усадьба его въ Верхотурьѣ состояла изъ цѣлаго квартала. Домъ деревянный, но огромный, заключалъ въ себѣ тридцать отлично росписанныхъ и богато-меблированныхъ комнатъ; около него стояли еще три дома, кухня, службы, скотный дворъ. Въ этомъ домѣ онъ великолѣпно принималъ знатныхъ посѣтителей и роскошно угощалъ пышнаго сибирскаго генералъ-губернатора Дениса Ивановича Чичерина, котораго и самъ посѣщалъ въ Тобольскѣ, куда возилъ главнымъ чиновникамъ богатые подарки, почему его тамъ принимали съ большимъ почетомъ. Онъ выстроилъ на свой счетъ въ нынѣ упраздненномъ Верхотурскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, противъ котораго жилъ, двѣ церкви и снабдилъ ихъ всѣми принадлежностями, и двѣ другія церкви на заводахъ. Украшая храмы и содержа на свой счетъ причты, онъ по субботамъ раздавалъ милостыню; давалъ рабочимъ деньги за цѣлый годъ впередъ, если было нужно; много тратилъ на воспитаніе своихъ дѣтей «по модѣ» и былъ въ связахъ со знатью.

Но этотъ же человѣкъ ходилъ лѣтомъ въ китайчатомъ халатѣ, а зимой въ нагольномъ тулупѣ; ѣздилъ на свои заводы съ обратнымъ извозчикомъ на дровняхъ; принималъ въ работники бѣглыхъ безъ опасенія, и, какъ говорятъ, на своемъ Луковскомъ заводѣ, принималъ и угощалъ нагрянувшаго туда Пугачева, чѣмъ и спасъ себя и заводъ. Иногда онъ занималъ деньги на обороты, не смотря

на свое богатство. Походяшинъ умеръ въ Верхотурьѣ вдовцомъ, въ 1781 году, и оставилъ трехъ сыновей. Старшій—Василій былъ помощникомъ отца, остался и умеръ въ купеческомъ званіи. Второй—Николай, служилъ въ гвардіи. Меньшой—Григорій, о которомъ идетъ рѣчь, родился около 1760 года; въ 1774 году поступилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ 1783 былъ поручикомъ, въ 1786—капитаномъ и вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ премьеръ-маіора.

Походяшинъ, еще будучи молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, былъ принятъ въ масоны въ Петербургѣ, по рекомендаціи Розенберга. Пріѣхавши въ 1785 году въ Москву, онъ познакомился черезъ Ключарева съ Новиковымъ; потомъ уѣхалъ изъ Москвы и, возвратившись туда, вскорѣ былъ принятъ въ «теоретическій градусъ» и сдѣлался усерднѣйшимъ почитателемъ мартинистовъ и особенно Новикова.

Прошло два года и случай поставилъ Походяшина въ ряды активныхъ филантроповъ и благожелателей человѣчества.

Наступившій 1787 годъ принесъ Россіи огромное бѣдствіе. Уже два года до того урожаи хлѣбовъ были скудны. Затѣмъ, зимою 1786—1787 года, сильные морозы уничтожили ржаные посѣвы. Цѣны на хлѣбъ, и безъ того непомѣрно возвышавшіяся, поднялись до невѣротной степени. Въ хлѣбороднѣйшихъ губерніяхъ нельзя было достать хлѣба; листья, сѣно и мохъ сдѣлались пищей людей, а объ обсѣмененіи полей нечего было и думать безъ особенныхъ для того мѣропріятій. Четверть ржи стоила въ Москвѣ до двадцати рублей.

Такое общественное бѣдствіе не могло не возбудить въ сильной степени дѣятельность мартинистовъ, искренне и горячо одушевленныхъ идеей широкой филантропіи. Въ эту тяжкую годину, они не рѣдко собирались для того, чтобы пріискивать средства помогать несчастнымъ, собирать подаянія и распоряжаться раздачею пособій. Въ одномъ изъ такихъ собраній Новиковъ сказалъ рѣчь. Бѣдствія неимущаго класса были описаны имъ столь краснорѣчиво, сладкое чувство благотворительности изображено столь живо, что все собраніе было глубоко тронуто.

Тогда всталъ съ мѣста человѣкъ еще молодой, подошелъ къ оратору и что-то прошепталъ ему на ухо. Это былъ богачъ, Григорій Максимовичъ Походяшинъ. Рѣчь Новикова такъ сильно поразила его, что онъ тутъ же заявилъ ему о своемъ желаніи пожертвовать на помощь несчастнымъ значительную долю своего состоянія—и, на другой же день, привезъ Новикову 10,000 рублей, за которыми послѣдовали еще бо̀льшія суммы, а именно, по свидѣтельству Болотова, Походяшинъ передавалъ Новикову около 300,000 рублей; имѣя въ рукахъ эти деньги, Новиковъ предпринялъ неслыханное благотворительное дѣло. Онъ скупалъ хлѣбъ и

производилъ безденежную раздачу его бѣднымъ въ Москвѣ и въ своемъ подмосковномъ селѣ Авдотьинѣ, приводя въ изумленіе современниковъ такими размѣрами благотворительности.

Московское общество и не подозрѣвало участія въ этомъ дѣлѣ Походяшина, и когда вскорѣ, затѣмъ, обнаружился упадокъ его состоянія, то всѣ заговорили, что будто бы онъ разорился на лѣченіе своей жены, замѣчательной красавицы.

Походяшину необходимо было привести въ извѣстность свои средства и для этого реализировать свое состояніе, заключавшееся въ различныхъ заводахъ, а потому онъ, вмѣстѣ съ братомъ, сталъ хлопотать о продажѣ этихъ заводовъ въ казну и продалъ ихъ, по словамъ Болотова, «даромъ», за милліонъ въ разсрочку. Самъ же Походяшинъ, въ запискѣ, поданной императору Александру I (впервые нами издаваемой), слѣдующимъ образомъ излагаетъ обстоятельства, при которыхъ онъ продалъ въ казну свои заводы: «по продажѣ въ казну въ 1791 году доставшихся намъ, обще съ братомъ моимъ послѣ отца, мѣдныхъ, желѣзныхъ и винокуренныхъ заводовъ за 2.500,000 рублей, въ щетъ сей суммы, при совершеніи купчей, получили мы только 250,000, а остальные 2.250,000 разсрочены были на десять лѣтъ безъ процентовъ. Какъ наличныя деньги, такъ и большую часть облигацій отложили мы на платежъ долговъ нашихъ и мнѣ изъ доставшихся облигацій, при раздѣлѣ съ братомъ моимъ досталось на часть мою 490,000 рублей».

Изъ этого разсчета очевидно, что въ теченіе пяти лѣтъ со времени выхода Походяшина въ отставку до 1791 года, имъ прожито не менѣе полумилліона рублей.

Въ то же время Походяшинъ, сблизившись съ Новиковымъ, видѣлъ то тяжелое положеніе, въ какое сталъ глава благодѣтельныхъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью просвѣщеніе Россіи. Какъ извѣстно, еще въ 1782 году Новиковъ основалъ дружеское ученое общество, программа дѣятельности котораго состояла въ слѣдующемъ: а) печатаніе разнаго рода книгъ, особенно ученыхъ и разсылка ихъ по училищамъ; б) содѣйствіе къ успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ русскіе мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, знанія качествъ и свойства вещей въ природѣ, химіи; в) занятія филологическою или переводческой семинаріей. Черезъ два года «Дружеское ученое Общество» было преобразовано въ «Типографическую компанію», цѣлью которой было издавать полезныя книги и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный обзоръ дѣятельности Новикова, великія заслуги котораго достойно оцѣнены исторіей русской литературы и русскаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе, просвѣтительныя предпріятія Новикова, не находя достаточной поддержки въ современной Россіи, не могли поддерживаться сами собой, а продолжали требовать все новыхъ жертвъ, источники которыхъ изсякали.

Въ 1791 году, дѣятельность «Типографской компаніи» почти прекратилась. Положеніе ея дѣлъ было безвыходно и члены ея были, наконецъ, вынуждены, въ ноябрѣ 1791 года, составить актъ объ ея уничтоженіи и передачѣ всѣхъ дѣлъ Новикову и Походяшину. Обстоятельства этой передачи сжато, но вполнѣ обстоятельно изложены въ объяснительной запискѣ Походяшина, приложенной къ вышеупомянутой всеподданнѣйшей просьбѣ. Эта записка остается до сихъ поръ не изданною, а потому, считаемъ не лишнимъ привести изъ нея дословное извлеченіе:

...«Дабы не быть и себѣ вреднымъ, и обществу безполезнымъ тунеядцемъ, вознамѣрился я употребить мой капиталъ въ какой либо коммерческой оборотъ для полученія пристойнаго дохода.

«Случай къ сему въ томъ же 1791 году представила мнѣ Типографическая компанія, которой участникъ поручикъ Новиковъ предложилъ мнѣ войдти съ нимъ въ товарищество, объявляя, что компанія предположила сдать всѣ свои заведенія въ одни руки тому, кто обяжется, хотя не вдругъ, во-первыхъ, возвратить всѣмъ членамъ компаніи капиталы ихъ, положенные ими при составленіи компаніи, т. е. кромѣ капитала Новикову принадлежащаго, съ небольшимъ 60 тысячъ рублей; во-вторыхъ, всѣмъ прочимъ кредиторамъ, коимъ компанія на щетъ своихъ заведеній задолжала; въ третьихъ, московскому опекунскому совѣту, занятыя компаніею подъ залогъ одного ихъ дома 80,000 рублей, съ наросшими на ту сумму въ 5 лѣтъ процентами. Въ замѣну жъ за то заплатившій оную получалъ такое имѣніе, въ числѣ коего, кромѣ двухъ не малыхъ каменныхъ домовъ, устроенной аптеки и типографіи, щиталось однихъ книгъ россійскихъ по продажнымъ цѣнамъ на 700,000 рублей. Предложеніе сіе показалось мнѣ выгоднымъ, но неопытность моя въ семъ представляла мнѣ нѣкоторыя затрудненія, почему и условились мы съ Новиковымъ, чтобы онъ принялъ на себя хозяйственное попеченіе о всемъ типографическомъ производствѣ и получалъ бы за труды свои и въ замѣну капитала въ сіе заведеніе прежде имъ употребленнаго изъ будущихъ доходовъ одну половину, а я за мой капиталъ получилъ бы другую; въ обезпеченіе же мое утверждено бы было все то имѣніе со всѣми заведеніями за мною однимъ, какъ скоро оно учинится свободнымъ отъ залога.

«Но какъ до высвобожденія изъ залога имѣнія нельзя было утвердить онаго за мною, то г. Новиковъ, вслѣдствіе моего соглашенія на сіе товарищество, приступилъ къ самому дѣлу, и въ началѣ учинилъ съ членами компаніи надлежащіе ращеты, для удовлетворенія коихъ даны были нѣкоторымъ собственные мои векселя, инымъ же векселя г. Новикова, а иные получили наличными деньгами. Въ то же время бывшіе члены Типографической компаніи уничтожили прежнее ихъ компанейское условіе, а утвер-

дили все имущество компанейское за однимъ Новиковымъ, въ томъ намѣреніи, чтобы съ помощью моего капитала могъ онъ очистить то имѣніе отъ всѣхъ залоговъ и потомъ утвердить за мной. И такъ, оставалось расплатиться съ прочими кредиторами, особливо же съ московскимъ опекунскимъ совѣтомъ, у котораго большая часть заведеній типографическихъ и аптека находились въ залогѣ, запастись бумагою и разными типографическими и аптекарскими матеріалами и сдѣлать многія хозяйственныя распоряженія. Но какъ выше сказано, капиталъ мой состоялъ въ срочныхъ облигаціяхъ, которыхъ я вручилъ г. Новикову на 375,000 рублей, то чтобы вдругъ получить знатную сумму денегъ и не быть въ разныя руки должнымъ, но въ одни, разсудилъ онъ просить опекунскій совѣтъ о ссудѣ его 300,000 рублей, вручая ему въ залогъ мои облигаціи и все типографическое имущество. На сію просьбу опекунскій совѣтъ неизвѣстно почему медлилъ согласиться и потому принужденъ онъ былъ размѣнивать мои облигаціи съ вычетомъ процентовъ въ партикулярныхъ рукахъ и размѣнялъ ихъ и разными переворотами въ уплату долговъ и на приготовленіе разныхъ матеріаловъ употребилъ до 275,000 рублей, чему всему была моя и его записка, которыя должны находиться вмѣстѣ съ прочими его бумагами.

«Впродолженіе сего, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1792 года, случилось съ г. Новиковымъ то нечаянное происшествіе, которымъ, по волѣ правительства, лишенъ онъ былъ свободы, все имѣніе его секвестровано и запечатано, бумаги и дѣла забраны и между оными захвачены и мои щетныя записки, у него находившіяся, тотъ мой пакетъ, въ которомъ лежали мои облигаціи (коихъ оставалось еще на 100,000 рублей), также и моя раздѣльная съ братомъ моимъ и другіе наши щеты, кои и по днесь находятся въ рукахъ правительства.

«Пораженъ будучи таковымъ непредвидѣннымъ нещастіемъ, что оставалось мнѣ иное, какъ ждать дальнѣйшихъ Высочайшихъ повелѣній. Между тѣмъ, московскій опекунскій совѣтъ, въ предосторожность свою намѣревался приступить къ продажѣ домовъ, типографіи и аптеки съ публичнаго торгу, черезъ что я угрожался потерею моего капитала, и для того принужденъ я былъ пожертвовать еще одною облигаціею въ 50,000 рублей, которую и взнесъ я въ тотъ совѣтъ (понеже отъ моего имени нельзя было) отъ имени личнаго поручителя полковника Ладыженскаго.

«Успокоивъ тѣмъ опекунскій совѣтъ, поѣхалъ я въ іюлѣ мѣсяцѣ того жъ года въ Санктпетербургъ, гдѣ пребывая въ долговременномъ ожиданіи Высочайшаго разрѣшенія о имуществѣ г. Новикова, долженъ былъ я по многимъ моимъ на щетъ сего имѣнія даннымъ, и по его г. Новикова, гдѣ я былъ порукою, векселямъ, при наступленіи сроковъ дѣлать платежи, кои превосходятъ 130,000 рублей.

«Наконецъ, по прошествіи трехъ лѣтъ воспослѣдовалъ Высочайшій указъ къ московскому главнокомандующему, повелѣвающій возвратить мнѣ найденныя между бумагъ г. Новикова на 100,000 рублей облигаціи мои, и освободить меня отъ платежа тѣхъ векселей г. Новикова, по коимъ я ручался; но къ нещастію моему таковыхъ векселей уже оставалось весьма мало. Прочее же имущество, т. е. домы, типографія, аптека и книги, отдано было въ вѣдомство московскаго приказа общественнаго призрѣнія, на которой возложено и попеченіе о распродажѣ онаго и о выплатѣ долга въ опекунскій совѣтъ. Дѣти же г. Новикова отданы были въ опеку родному брату его и совѣтнику Олсуфьеву, коихъ содержать и воспитывать велѣно было изъ доходовъ съ деревень его, Новикова получаемыхъ.

«Еще прежде нижеслѣдующаго долженъ я упомянуть, что вскорѣ по случившемся арестѣ г. Новикову, бывшіе члены компаніи дали мнѣ писменное свидѣтельство въ томъ, что я подлинно съ г. Новиковымъ вступилъ въ товарищество и употребилъ на щетъ компанейскаго имѣнія знатную сумму. Подлинное свидѣтельство сіе также находится въ рукахъ правительства, а копія съ онаго при семъ приложена подъ № 8-мъ.

«По вступленіи на престолъ Государя Императора Павла I, въ въ 5-тилѣтнемъ заключеніи бывшій вышеозначенный Новиковъ тотчасъ получилъ свободу, яко невинный, и указомъ даннымъ генералъ-прокурору Самойлову ноября 11-го дня 1796 года велѣно также и имѣніе его ему возвратить.

«Порутчикъ Новиковъ, нашедъ компанейское имѣніе въ крайне разстроенномъ состояніи, принужденнымъ нашелся отказаться отъ него. Ибо домы безъ хозяйственнаго призрѣнія пришли въ обветшаніе, многія россійскія книги были сожжены, иностранная библіотека его, знатной цѣны стоившая, по большей части истреблена и сожжена, а небольшіе остатки ея отданы въ Московскій университетъ и въ Заиконоспасскую академію; типографическія заведенія, по воспослѣдовавшемъ запрещеніи партикулярныхъ типографій, потеряли свою цѣну, аптека пришла въ упадокъ, долги въ 5 лѣтъ весьма черезъ наростъ процентовъ умножились. Кратко сказать, не предвидя никакихъ способовъ къ удовлетворенію всѣхъ кредиторовъ изъ имѣнія толь потерявшаго прежнюю цѣну свою, подавалъ онъ Государю Императору прошеніе въ какой силѣ хотя мнѣ неизвѣстно, но воспослѣдовавшимъ на оное 10-го апрѣля 1797 года Высочайшимъ указомъ повелѣно имѣніе Новикова оставить въ вѣденіи московскаго приказа общественнаго призрѣнія и изъ продажи онаго удовлетворить московской опекунской совѣтъ и прочихъ кредиторовъ, въ томъ числѣ и меня.

«Вслѣдствіе повелѣнія сего, по требованію онаго приказа, увѣдомилъ я его о числѣ моей претензіи, которая простирается кромѣ

облигаціи въ 50,000 рублей до 400,000 рублей, въ томъ числѣ и заплаченныя мною по арестѣ г. Новикова, по разнымъ его и моимъ векселямъ, 130,000 рублей и чтобъ не было сомнѣнія въ справедливости моихъ требованій, просилъ я при томъ, чтобъ приказъ благоволилъ отобрать надлежащія справки отъ г. Новикова, отъ бывшихъ членовъ «Типографической компаніи», отъ московскаго опекунскаго совѣта, и разсмотрѣть собранныя свѣдѣнія о семъ московскимъ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ.

«Сверхъ моей претензіи еще другіе партикулярные люди объявили своихъ исковъ на 300,000 рублей.

«И такъ вся сумма исковъ на имѣніе Новикова, въ томъ числѣ и искъ опекунскаго совѣта, который отъ наросту процентовъ возросъ до 157,000 рублей, простирается до 900,000 рублей.

«Для удовлетворенія сихъ исковъ, во исполненіе Высочайшей воли, по мнѣнію моему московскій приказъ общественнаго призрѣнія долженъ бы былъ принять надлежащія мѣры съ согласія всѣхъ претендателей; но вмѣсто того единственно устремилъ онъ стараніе свое къ удовлетворенію опекунскаго совѣта. Къ достиженію сей цѣли, во первыхъ, по представленію московскаго главнокомандующаго, выдано изъ ассигнаціоннаго банка оному совѣту за мою облигацію 50,000 рублей, потомъ проданы съ публичнаго торгу за безцѣнокъ домъ, аптека, бумага и проч. и совѣтъ совсѣмъ удовольствованъ.

Въ пользу же партикулярныхъ исковъ остались одни россійскія книги, которыхъ хотя и щиталось по прежнимъ описямъ на 700,000 рублей, но какъ товаръ сей такого рода, что нельзя продать его съ аукціоннаго торга (какъ то назначено) какъ за самую малую цѣну: то и испрашиваю я съ своей стороны той милости, чтобы слѣдующее число книгъ на мою часть взято было въ казну и отдано въ какую либо книжную лавку, гдѣ оно бы при прочихъ новыхъ книгахъ все со временемъ по надлежащей цѣнѣ продано быть могло; а мнѣ вмѣсто того хотябъ въ Бѣлоруссіи или Польшѣ дано было до 1,000 душъ (или хотя и менѣе) крестьянъ».

Всеподданнѣйшая просьба Походяшина принята, какъ это видно изъ помѣты, 17-го апрѣля 1801 года. Какая послѣдовала на нее резолюція — мы не знаемъ, но извѣстно, что 31-го мая 1801 года дѣло о долгахъ Новикова было передано изъ камеральнаго департамента въ уѣздный судъ, который до октября не могъ истребовать точной описи имущества Новикова изъ департамента.

Только 5-го марта 1803 года состоялся высочайшей указъ на имя московскаго военнаго губернатора графа Ивана Петровича Салтыкова слѣдующаго содержанія:

«Надворный совѣтникъ Походяшинъ, въ принесенномъ отъ него прошеніи, изъясняя разныя обстоятельства, приведшія книжную его торговлю въ упадокъ и разстройство, просилъ дозволенія распродать книжный его магазинъ въ Москвѣ посредствомъ лотереи.

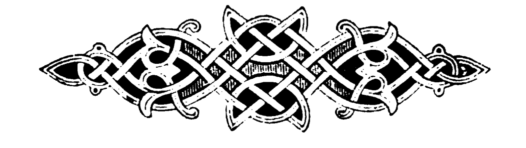
«Уваживъ въ приводимыхъ Походяшинымъ обстоятельствахъ, что книжный его магазинъ, при самой почти покупкѣ его у бывшей компаніи Новикова, по дѣлу для него постороннему и безъ вины его, былъ въ 1792 году конфискованъ и въ семъ положеніи черезъ десять лѣтъ до 1802 года находился,—я нахожу справедливымъ, снисходя на прошеніе Походяшина, дозволить ему открыть въ Москвѣ для распродажи книжнаго его магазина лотерею въ теченіи одного года, а не болѣе, считая отъ времени открытія, на правилахъ при семъ прилагаемыхъ.

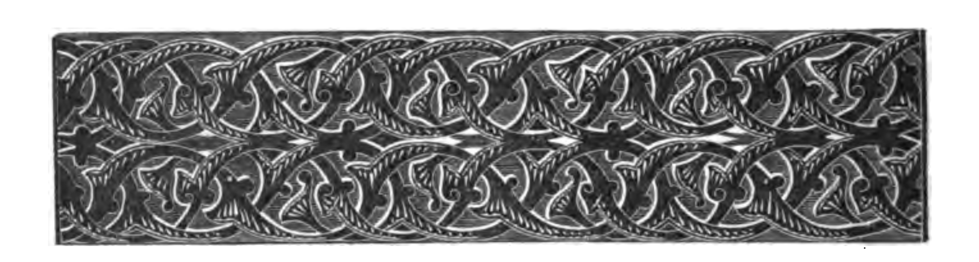
«Вы не оставьте, объяснивъ Походяшину сіе дозволеніе, оградить довѣріе публики самымъ точнымъ надзоромъ полиціи, чтобы никакого подлогу, ни замѣшательства въ высылкѣ билетовъ и полученіи по онымъ книгъ не послѣдовало».

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это мѣропріятіе, но врядъ ли оно сколько нибудь поправило безвыходное положеніе злополучнаго филантропа. Раззорившійся Походяшинъ, какъ говоритъ Лонгиновъ, прожилъ еще много лѣтъ и пережилъ своего друга Новикова. Онъ сохранилъ какое-то благоговѣніе къ памяти Новикова, обратившаго его на путь благотворенія и, какъ разсказываютъ, умеръ въ нищетѣ, глядя не висѣвшій надъ смертнымъ одромъ его портретъ Николая Ивановича.

Мы поставили передъ глазами читателя образъ человѣка, хотя и не сыгравшаго крупной исторической роли, но все-таки безусловно заслужившаго память потомства. Біографія такихъ людей, какъ Походяшинъ, не имѣя рѣзко бросающагося въ глаза значенія для исторіи политической, любопытны съ точки зрѣнія исторіи культуры. Къ сожалѣнію, нашъ очеркъ слишкомъ бѣденъ фактическими данными, чтобы воспроизвести внутренній міръ такого своеобразнаго человѣка, какъ Григорій Максимовичъ Походяшинъ.

Е. Гаршинъ.





РАЗСКАЗЫ ДОКТОРА ЕВРОПЕУСА О ГРАФѢ АРАКЧЕЕВѢ.

Прежде нежели передавать разсказы доктора Европеуса о графѣ Аракчеевѣ, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ разсказчикѣ, такъ какъ онъ былъ личностью весьма замѣчательною и популярною въ Новгородѣ. Иванъ Исаковичъ Европеусъ поступилъ на службу докторомъ въ Военныя Поселенія въ 1819 году, а съ 1832 г. состоялъ старшимъ докторомъ Новгородскаго военнаго госпиталя, и я засталъ его въ Новгородѣ въ 1853 году уже въ почтенныхъ лѣтахъ. Онъ имѣлъ обширную практику, былъ весьма опытнымъ докторомъ, въ особенности — дѣтскимъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Дѣйствительно, самая наружность его возбуждала симпатію. Это былъ человѣкъ небольшого роста, сѣдоватый, очень опрятный и бодрый, съ прекрасными голубыми глазами, выражавшими необыкновенную доброту и душевное спокойствіе. Характеръ имѣлъ ровный, голосъ мягкій, и одно его появленіе успокоивало больныхъ, а ласковое обращеніе и предупредительное вниманіе совершенно очаровывали паціентовъ. Въ особенности любили его дѣти, которыя, какъ только пріѣзжалъ Иванъ Исаковичъ въ чье либо семейство, сейчасъ выбѣгали къ нему навстрѣчу и ласкались. Онъ самъ очень ихъ любилъ, гладилъ по головкѣ и своими добрыми шутками возбуждалъ ихъ задушевный смѣхъ. Европеуса зналъ весь городъ, въ особенности бѣдный людъ, который онъ лѣчилъ даромъ и нерѣдко, посѣщая какихъ нибудь бѣдняковъ, самъ еще не только покупалъ имъ лѣкарства, но и помогалъ деньгами. Интересно было придти къ нему утромъ, когда съ 8 до 10 часовъ онъ принималъ всѣхъ безмездно.

На стульяхъ въ прихожей сидѣли крестьяне и нерѣдко нищіе въ своихъ лохмотьяхъ, а на ларѣ превосходительный докторъ—лично промывалъ раны на ногѣ какого-нибудь мужичка или собственноручно дѣлалъ на ней перевязку. Въ залѣ ожидалъ своей очереди народъ почище: чиновники, купцы, мѣщане, а посрединѣ ея на кругломъ столѣ лежала благодарность доктору, преимущественно—трубка холста, пятокъ яицъ, мотокъ нитокъ и т. п. сельскіе продукты. И этотъ пріемъ, и безмездное лѣченіе больныхъ производились ежедневно въ теченіе многихъ лѣтъ съ необыкновенною точностью и акуратностью. За то въ Новгородѣ про Ивана Исаковича ходилъ такой анекдотъ. Однажды зимою онъ засидѣлся гдѣ-то вечеромъ въ гостяхъ, а кучеръ за нимъ не пріѣхалъ. Тогда онъ рѣшился идти домой пѣшкомъ. На пустынной площади, на него напали два мошенника и сняли съ него шубу.

— Братцы,—сказалъ хладнокровно Иванъ Исаковичъ, что вы дѣлаете,—я уже старъ, до дому далеко: простужусь и умру.

— Да кто вы такой?—спросили мазурики.

— Я Иванъ Исаковичъ Европеусъ—докторъ.

— Ахъ, батюшка, Иванъ Исаковичъ,—сказали они,—извините, мы думали, что кто нибудь другой—и, подавши ему шубу, прибавили: мы ужъ васъ и проводимъ, чтобы васъ не обидѣли; и, дѣйствительно, проводили его до дому.

Когда въ 1861 году уже 65-ти лѣтъ отъ роду, онъ вышелъ въ отставку, чтобы ѣхать на покой въ Псковскую губернію въ усадьбу своей замужней дочери, съ нимъ случилось несчастіе, а именно онъ вывихнулъ себѣ ногу, но заботливость и искусство сапернаго доктора Гугенбергера излѣчили Европеуса. Гугенбергеръ не отходилъ отъ больного, какъ сидѣлка, и скоро его поправилъ. Интересно было видѣть проводы Ивана Исаковича, когда онъ шелъ на пароходъ, чтобы уѣхать изъ Новгорода. Конечно, его провожала и интеллигенція, но улица была положительно запружена бѣднымъ народомъ и, притомъ, не только мѣщанами и крестьянами изъ окрестныхъ деревень, но здѣсь были видны и нищіе со всего города. На глазахъ лохмотниковъ блестѣли слезы, многія старушки голосили: «закатилося наше солнышко красное, уѣзжаетъ благодѣтель нашъ—свѣтъ—Иванъ Исаковичъ!» словомъ, никогда въ жизни я не видалъ такой оригинальной толпы, какъ на проводахъ Европеуса.

Въ то время какъ Иванъ Исаковичъ лежалъ съ больною ногою въ номерѣ одной изъ нашихъ гостинницъ, потому что квартиру свою онъ уже сдалъ, такъ какъ его семейство уѣхало въ Псковскую губернію, я ходилъ его провѣдывать и просилъ его разсказать мнѣ о графѣ Аракчеевѣ. Возвратившись домой, я записывалъ эти разсказы и потомъ прочитывалъ ихъ ему. При одномъ изъ переѣздовъ моихъ съ квартиры на квартиру рукопись эта затерялась и я только недавно, совершенно случайно, нашелъ ее въ мо-

ихъ бумагахъ. Хотя воспоминанія самаго Европеуса и были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1872 года, но сличивъ теперь записанное мною съ напечатаннымъ, я нахожу, что моя рукопись во многихъ мѣстахъ дополняетъ разсказъ Европеуса, и потому считаю не лишнимъ ее напечать.

И. Можайскій.

Трудна была моя служба въ округѣ. Каждый день я долженъ былъ объѣхать 40 верстъ и даже обѣдать на телѣгѣ. Такимъ образомъ, отправляясь на практику въ 5 часовъ утра, я возвращался домой не ранѣе 11 часовъ вечера. При въѣздѣ въ деревни мнѣ подавали списокъ №№, въ которыхъ были больные, и я акуратно заѣзжалъ въ каждый №. Квартировали мы въ связяхъ: съ одной стороны я, съ другой священникъ. На верху помѣщалась аптека, а графъ останавливался всегда возлѣ прусскаго штаба, въ особомъ, нарочно для него выстроенномъ домѣ, откуда и ѣздилъ осматривать работы по округамъ. Однажды, по обыкновенію проѣзжая мимо этого дома, я слышу кто-то стучитъ мнѣ въ окошко. Смотрю— графъ и машетъ рукой, чтобъ я къ нему зашелъ. Вхожу въ переднюю. Доложили обо мнѣ адъютанту. Я разсказалъ ему въ чемъ дѣло, затрудняясь войдти къ графу по причинѣ выпачканныхъ въ глинѣ ботфортъ, однако же дѣлать было нечего,—нужно было войдти. Вытерши ихъ клеенчатымъ плащемъ, который всегда надѣвался мною въ дорогу, я по докладѣ адъютанта вхожу къ нему съ трепетомъ сердечнымъ, въ полной увѣренности получить выговоръ за какое нибудь упущеніе по службѣ. Къ удивленію моему, онъ встрѣтилъ меня ласково и, дѣлая ручку, говоритъ:—«Милости просимъ; а я у тебя былъ сегодня, но, къ сожалѣнію, не засталъ тебя дома. Очень благодаренъ тебѣ за твою усердную службу. Продолжай служить такъ, и я тебя не забуду». И дѣйствительно, въ три года сряду я получилъ три награды. Въ первый годъ—чинъ, семью годами ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало, во второй — бриліантовый перстень и въ третій—орденъ. Пріѣхавши домой, я услышалъ о визитѣ графа ко мнѣ слѣдующее: подъѣзжая къ моей квартирѣ (это было въ 6 часу утра), онъ увидѣлъ моего деньщика стоящимъ на крыльцѣ, вышелъ изъ коляски и подошелъ къ нему, спрашивая: «а что баринъ дома?»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ деньщикъ.

— Гдѣ же онъ?

— Уѣхалъ на службу.

— Ты врешь, онъ вѣрно и домой-то еще не возвращался. Гдѣ нибудь заигрался въ карты да и теперь тамъ сидитъ.

— Да ихъ благородіе и въ карты-то не играетъ, ваше сіятельство...

— А тутъ кто живетъ?—спросилъ онъ, указывая на квартиру священника.

— Здѣсь живетъ батюшка...

— Что онъ женатъ или вдовъ?

— Женатъ-съ.

— Ну такъ веди меня къ своему барину.

Сказать по правдѣ, у насъ уже заранѣе давали знать, когда графъ поѣдетъ, и потому смѣтливый деньщикъ прибиралъ къ тому времени квартиру особенно тщательно. Такъ было и въ этотъ разъ. Графъ заглянулъ во всѣ углы, остался доволенъ чистотою и услышавши, что на верху толкутъ, спросилъ:—«Кто это тамъ толчетъ? Что тамъ такое?»

— Тамъ аптека ваше сіятельство, — отвѣчалъ деньщикъ, — а толчетъ фельдшеръ.

Графъ поднялся вверхъ по лѣстницѣ и вошелъ въ аптеку. Его встрѣтилъ испачканный фельдшеръ, который работалъ и пачкался каждый и цѣлый день, такъ какъ работы было всегда очень много. Вельможа любилъ заставать человѣка врасплохъ, считая въ этомъ случаѣ грязное платье лучшимъ доказательствомъ усердія. Даже и на чиновникахъ любилъ онъ видѣть поношенные мундиры и заключалъ по нимъ, что ихъ обладатели скорѣе заняты дѣломъ, нежели франтовствомъ и модами.

— А гдѣ же твой начальникъ, гдѣ докторъ? — спрашиваетъ графъ у фельдшера.

— Уѣхалъ на практику, ваше сіятельство.

— Какъ же ты смѣешь мнѣ врать: деньщикъ его сказалъ мнѣ, что онъ уѣхалъ съ вечера играть въ карты и до сихъ поръ не возвращался, а ты увѣряешь, что онъ отправился на службу.

— Да нашъ докторъ-то и въ карты никогда не играетъ, ваше сіятельство...

Графъ заворчалъ что-то себѣ подъ носъ, однако же остался доволенъ порядкомъ и въ аптекѣ, потомъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Безъ сомнѣнія всякій пойметъ, что выспрашивая обо мнѣ того и другого порознь, онъ думалъ, что, можетъ быть, кто нибудь изъ двухъ, не сговорившись предварительно между собою, скажетъ ему правду, но вышло, что оба сказали правду и, разумѣется, такъ какъ я служилъ дѣйствительно усердно, то—въ мою пользу.

Вообще графъ любилъ у кого бы то ни было выспрашивать о своихъ подчиненныхъ разныя мелочи. Съ этою цѣлью онъ въ деревняхъ имѣлъ даже шпіоновъ и шпіонокъ. Послѣдними были по преимуществу старыя бабы-колотовки, къ которымъ нерѣдко заходилъ онъ въ избы, гдѣ сидѣлъ довольно долгое время. Разъ, вижу, одна изъ такихъ бабъ кланяется мнѣ въ окошко. Я ей также поклонился. Оказалось, что за нею стоялъ графъ.

— Кому ты это кланяешься? — спросилъ онъ ее, думая, что я такъ рѣдко посѣщаю это мѣсто, что она меня и не знаетъ.

— Ивану Исаковичу,—отвѣчала баба: дай ему Богъ долголѣтняго здравія, душевнаго спасенія.

— А что такъ?

— А то, что онъ насъ бережетъ, да о насъ заботится,—отвѣчала она.

Такіе благопріятные обо мнѣ слухи, которыми графъ дорожилъ, отчасти мое искусство, а главное—усердіе, въ которыхъ онъ убѣдился собственными частыми опытами, сдѣлали то, что ему захотѣлось, чтобы я былъ его домашнимъ докторомъ.

Разъ, я тогда уже, впрочемъ, былъ главнымъ докторомъ новгородскаго губернскаго госпиталя, является ко мнѣ мой товарищъ по медицинской академіи, домашній врачъ графа — Орловъ и привозитъ съ собой высочайшій приказъ о назначеніи меня докторомъ при особѣ графа и предписаніе о сдачѣ госпиталя и должности ему, Орлову. Назначеніе послѣдовало безъ моего желанія, даже безъ всякаго предварительнаго объясненія со мною, а содержаніе назначено было гораздо менѣе, нежели я получалъ при госпиталѣ. Зная тяжелый характеръ графа, его скупость и дороговизну грузинской жизни, я не на шутку задумался, изыскивая способы уклониться отъ лестной обязанности сдѣлаться его домашнимъ человѣкомъ и, наконецъ, рѣшился немедленно отправиться въ Петербургъ къ Вилліе, а по дорогѣ заѣхать и къ графу, чтобы лично просить себѣ или другого назначенія, или прибавки жалованья.

Но товарищъ понуждалъ меня сдавать скорѣе должность, предсказывая въ противномъ случаѣ—жестокій выговоръ. Я однако же уговорилъ его повременить нѣсколько дней, пока все приготовятъ къ сдачѣ и, увѣривши, что ни онъ, ни я не подвергнемся никакой отвѣтственности за промедленіе, поспѣшилъ къ своему начальнику съ просьбою дать мнѣ заднимъ числомъ отпускъ въ столицу всего на 5 сутокъ. Генералъ не могъ отказать мнѣ въ бездѣлицѣ, такъ какъ я постоянно лѣчилъ все его семейство, и вотъ—въ тотъ же день я уже въ Грузинѣ, надѣлъ мундиръ,—и иду къ графу.

Это было въ 6 часовъ вечера. Я засталъ его за чаемъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на меня и, проговоривши: «А — здравствуй! что, у тебя вѣрно новый мундиръ, и ты пришелъ ко мнѣ имъ похвастать»? продолжалъ пить чай.

— Нѣтъ, мундиръ старый, ваше сіятельство, но я пришелъ къ вамъ поговорить о своемъ назначеніи.

— Ахъ,—да! Вѣдь ты назначенъ ко мнѣ. Очень радъ!—И такъ скоро явился къ должности,—это замѣчательная аккуратность.

— Нѣтъ, я нарочно пріѣхалъ доложить вашему сіятельству, что хотя мнѣ и лестно было бы служить при вашей особѣ, но такъ какъ содержанія мнѣ назначено гораздо меньше, нежели я теперь получаю, то я не желалъ бы этого мѣста!

— Но вѣдь ты опредѣленъ высочайшимъ приказомъ, слѣдовательно это измѣнить уже нельзя.

— Однако же ваше сіятельство можете прибавить къ 2,000 еще 500 рублей: этого мнѣ было бы довольно.

— Нѣтъ, ужъ 500 рублей я тебѣ прибавить не могу.

— Въ такомъ случаѣ я буду принужденъ съ лучшаго перейти на худшее. Вашему сіятельству извѣстно, что я человѣкъ семейный, слѣдовательно долженъ заботиться и о будущемъ, а изъ 2,000 рублей уже ничего не отложишь.

— Я не понимаю о чемъ ты хлопочешь: дѣло уже кончено, и тебѣ остается только сдать должность и переѣхать сюда.

— Ну что же,—въ такомъ случаѣ я прослужу у васъ два мѣсяца и выйду въ отставку, а тамъ опредѣлюсь куда нибудь въ другое мѣсто. Въ отставку выйти мнѣ никто не можетъ запретить.

— Экой упорный шведъ!—сказалъ графъ,—ну, хорошо, я подумаю,—ступай теперь спать, да приходи ко мнѣ завтра: утро вечера мудренѣе.

Грустный возвратился я въ гостинницу.

— Кто живетъ въ сосѣднемъ домѣ? — спросилъ я, между прочимъ, прислужника.

— Графскій адъютантъ Клейнмихель, отвѣчалъ онъ мнѣ.—Графскій любимецъ, а—почитай, что никому нѣтъ больше работы какъ Петру Андреевичу. Деньщики говорятъ, что онъ и спитъ-то въ одёжѣ да въ креслахъ, — все боится, чтобъ не проспать, когда графъ къ себѣ потребуетъ. А почетъ небольшой, только что обѣдать къ нему ходитъ, да и то какъ въ чемъ оплошаетъ, такъ его сіятельство своему лакею наказываетъ: «скажи-молъ Петру Андреевичу, что для него сегодня прибора нѣтъ».

На слѣдующее утро я снова явился къ графу.

— Такъ ты рѣшительно не хочешь служить у меня? спросилъ онъ.

— При такомъ содержаніи это невозможно.

— Кто же назначается на твое мѣсто?

— Докторъ Орловъ...

— Орловъ?—А далеко твой госпиталь отъ Духова монастыря?

— Почти рядомъ.

При этихъ словахъ графъ сильно задумался. По его мгновенно измѣнившемуся лицу видно было, что его поразила какая-то мысль.

— Ну, этому не бывать!—это штуки, это все заранѣе расчитано, но имъ меня не надуть!—сказалъ онъ вдругъ, сердито покачивая головой.—Хорошо, приходи ужо вечеромъ, я тебѣ приготовлю письмо.

Чтобы объяснить вышеприведенный разговоръ Аракчеева со мною, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ Орловѣ.

Онъ былъ женатъ на умной, красивой и доброй женщинѣ, которую любилъ искренно. Это не помѣшало однако же грузинскимъ придворнымъ сплетницамъ распространить слухи будто бы онъ ухаживаетъ за воспитанницей графа молодой дѣвицей Татьяной Бо-

рисовной. Слухи эти, какъ говорятъ, были выпущены не безъ цѣли. Многіе изъ сплетницъ не любили доктора, а потому искали средствъ удалить его. Опытъ его недоброжелательницъ удался какъ нельзя лучше. Графъ, узнавши (и, разумѣется, въ самомъ соблазнительномъ колоритѣ) о неблагонамѣренности своего врача, взбѣсился какъ на него, такъ и на свою воспитанницу, а чтобы предполагаемая любовная интрига не шла дальше, послалъ дѣвицу въ Новгородъ, въ Духовъ монастырь, къ игуменьѣ, бѣличкой. Орлова же оставилъ пока при себѣ, предполагая, однако же, въ скоромъ времени смѣнить его мною. Такъ и случилось. Но дѣло въ томъ, что перемѣщая насъ—одного на мѣсто другого, графъ упустилъ изъ виду близость нашего госпиталя къ Духову монастырю или—иначе сказать—близость Орлова къ Татьянѣ Борисовнѣ. Этотъ промахъ узналъ онъ изъ моего разговора. Тутъ ему пришло на мысль, что разрозненная чета заранѣе уже столковалась снова сблизиться въ Новгородѣ и, хотя Орлову и въ умъ не приходило что либо подобное, но графъ былъ совершенно увѣренъ, что все это дѣлается не иначе, какъ по предначертанному плану. Невольно и неумышленно подведши снова подъ вельможенный гнѣвъ бѣднаго доктора, я этимъ лучше всякихъ просьбъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Вечеромъ графъ далъ мнѣ письмо къ Вилліе съ приказаніемъ вручить его немедленно по принадлежности.

Въ Петербургѣ, прежде чѣмъ явиться къ баронету, я зашелъ кой-куда по службѣ и вездѣ былъ встрѣчаемъ поздравленіями съ новымъ назначеніемъ. Признаться, эти поздравленія не слишкомъ меня утѣшали. Но по мнѣнію поздравителей такое довѣріе ко мнѣ суроваго графа было достойно зависти. Того же утра въ пріемный часъ я явился къ Вилліе и вручилъ ему письмо, отъ котораго, какъ я ожидалъ, зависѣло рѣшеніе моей участи. Онъ взялъ со стола свою лупу и, сквозь нее прочитавши письмо нѣсколько разъ, съ удивленіемъ спросилъ меня:

— Ты давно изъ Грузина?

— Я выѣхалъ изъ него вчера вечеромъ.

— Что, графъ здоровъ?

— Я оставилъ его совершенно здоровымъ.

— Такъ ли это?—Не замѣтилъ ли ты въ немъ какого нибудь разстройства?

— Нѣтъ, онъ былъ совершенно здоровъ.

— Удивительно! А я такъ думаю, что онъ сошелъ съ ума! Читалъ ли ты это письмо?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Ну, такъ я тебѣ скажу, что нѣсколько дней тому назадъ онъ просилъ меня убѣдительно, чтобы я перевелъ тебя къ нему, а теперь онъ проситъ одной послѣдней милости у государя,—чтобы тебя оставить на томъ же мѣстѣ.—Согласись, что это странно,—

какъ же я могу доложить объ этомъ государю? Сегодня одно, а завтра другое. По крайней мѣрѣ, объясни мнѣ причину этого удивительнаго противорѣчія.

Я разсказалъ ему о подозрѣніяхъ графа относительно Орлова. Онъ много смѣялся, государю доложить не осмѣлился, но чтобы сдѣлать угодное вельможѣ,—устроилъ это дѣло такъ, что я остался на прежнемъ мѣстѣ, Орловъ былъ переведенъ въ дальнюю губернію, а къ особѣ графа назначили новаго доктора.

Много кой-чего я могъ бы еще разсказать о графѣ, да всего вдругъ не припомнишь. Впрочемъ, такъ какъ прежде я говорилъ уже о его скупости, то для подтвержденія ея фактами, считаю достаточнымъ сказать, что обыкновенный обѣдъ его былъ чрезвычайно бѣденъ: вмѣсто мясного или рыбнаго жаркого—подавали часто жареный картофель, а пирожное замѣнялось гречневой кашей,—конечно, и въ этомъ можно найти хорошую сторону, объясняя такую небогатую пищу умѣренностью и простотою жизни, но тотъ, кто жилъ въ Грузинѣ и зналъ, сколько рублей взималъ графъ со своего крестьянина за выстроенную ему избу, безъ сомнѣнія согласится со мною, что скупость составляла отличительную черту его характера.

Я упоминалъ также, что характеръ его былъ тяжелъ. При этомъ не могу не вспомнить разсказовъ одного изъ графскихъ докторовъ, который долженъ былъ безотлучно находиться при этомъ вельможѣ въ часы его безсонницы. Это была истинная пытка. Раздражительный и капризный болѣе чѣмъ когда либо—графъ ложился обыкновенно, въ это трудное для всѣхъ къ нему приближенныхъ время, на диванъ, а доктора сажалъ около себя. Послѣ тягостнаго молчанія, прерываемаго тяжелыми вздохами, онъ вдругъ обращается къ доктору и говоритъ, протягивая къ нему руку:

— Пощупай мнѣ пульсъ!

Докторъ пощупаетъ ему пульсъ.

— Что, я боленъ?—спрашиваетъ графъ.

— Да, ваше сіятельство, вы больны.

— А знаешь ли, отчего я боленъ?

— Не знаю, ваше сіятельство!..

— Ну, такъ я тебѣ скажу: оттого, что ты дуракъ.

Наступаетъ опять молчаніе; слышатся вздохи и призываніе Бога.

— Что же ты все сидишь? скажетъ вдругъ графъ доктору.—Ты бы походилъ!

Докторъ начинаетъ ходить. Мало по малу шаги его надоѣдаютъ начальнику.

— Ты мнѣ и вздремнуть не дашь,—говоритъ онъ доктору,—все ходишь, хоть бы посидѣлъ.

Врачъ опять садится; тамъ опять ходитъ,—словомъ, чтобы не раздражить больного, становится вполнѣ его автоматомъ.

Неправда ли это похоже на кошку, которая играетъ съ пойманною ею мышью?

Такія траги-комедіи продолжались иногда въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Не мудрено, что слышавши о нихъ, я не рѣшился быть его домашнимъ докторомъ.

И какая же награда ожидала за это врача?!. Разъ при мнѣ за обѣдомъ графъ передалъ гостямъ бутылку съ виномъ, чтобы они налили себѣ рюмки (которыя, кстати сказать, были не болѣе наперстка), а когда дошла очередь до доктора:—«Ему не наливайте,—ему не надо», сказалъ графъ,—«дайте сюда бутылку».

Впрочемъ, грубость его съ подчиненными всѣмъ извѣстна. Я помню, какъ, осмотрѣвши работы на лѣсопильномъ заводѣ (что по Волхову), производство которыхъ было поручено одному подпоручику, графъ, недовольный ими, велѣлъ этому офицеру стать къ себѣ на запятки и повезъ его, такимъ образомъ, въ Грузино, слѣдовательно около 60-ти верстъ, и только тамъ отпустилъ его домой пѣшкомъ, не сдѣлавши, однако же, никакого замѣчанія. Съ прислугой онъ былъ еще суровѣе. Его лакеи служили за столомъ со страхомъ и трепетомъ. Достаточно было уронить вилку, чтобы онъ значительно мигнулъ виновному, и, смотришь, на мѣсто него къ столу является уже другой лакей, а тому на конюшнѣ отсчитываютъ 25 полновѣсныхъ ударовъ. Вообще порядокъ, а также и чистоту, любилъ онъ до излишней щепетильности. Мельчайшее упущеніе въ установленныхъ въ этомъ отношеніи правилахъ выводило его изъ себя. Такъ, напримѣръ, положено было, чтобы въ больничныхъ канцеляріяхъ всегда на столѣ были линейка и приборъ съ чернильницею и съ песочницею, а на немъ карандашъ, резина, перочинный ножикъ и два пера — непремѣнно безъ опушки, такъ какъ такими перьями писалъ самъ графъ. Все это такъ и лежало на случай ревизіи въ каждой больничной канцеляріи неприкосновеннымъ и новымъ. Но однажды при ревизіи самого графа одинъ изъ фельдшеровъ, какъ нарочно, второпяхъ забылъ на казенной чернильницѣ свое собственное перо съ опушкою. Оно бросилось графу въ глаза прежде всего, и такое упущеніе онъ счелъ чуть не личнымъ оскорбленіемъ. Начался разборъ, кому принадлежитъ это перо, какъ и зачѣмъ оно здѣсь, когда неоднократно подтверждалось, что перья должны быть по извѣстному образцу; замѣчаніямъ и выговорамъ не было конца. Досталось всѣмъ отъ старшаго до младшаго, и, если бы главный докторъ не былъ извѣстенъ графу своимъ усердіемъ, то несчастному писарю пришлось бы дорого поплатиться за свою разсѣянность.

Не однихъ служащихъ распекалъ онъ за безпорядокъ. Даже дамы подвергались въ этомъ случаѣ его неудовольствію. Однажды жена смотрителя штабнаго зданія, увидя, что ѣдетъ графъ, велѣла вымести скорѣе комнаты. Деньщикъ, думая хорошенько запрятать соръ, прикрылъ его рогожей у порога въ сѣняхъ. Графъ, проходя

въ квартиру смотрителя, вѣроятно, почувствовалъ его ногами подъ рогожей. Осмотрѣвши всѣ комнаты и оставшись довольнымъ ихъ чистотою, онъ вызываетъ въ сѣни жену смотрителя и, велѣвши деньщику приподнять рогожу и указывая на соръ, говоритъ:

— Какъ вамъ не стыдно, сударыня; вы думали, что я ничего не увижу; смотрите, чтобы этого впередъ не было, а то вамъ больше не жить въ этой квартирѣ.

Сказавши о дамѣ, не могу не замѣтить, что въ дамскомъ обществѣ графъ любилъ говорить самыя грязныя вещи, и это его тѣшило. Между тѣмъ, изъ писемъ его къ Настасьѣ и изъ обращенія съ нею видно, что онъ могъ быть очень нѣженъ и любезенъ съ прекраснымъ поломъ. Объяснять подобныя противорѣчія не наше дѣло; я разсказываю только факты и заключу ихъ тѣмъ, что въ день смерти своей возлюбленной онъ не былъ въ Грузинѣ и, такъ какъ ему боялись объяснить о ея кончинѣ, то въ округѣ всѣ узнали о ней прежде, нежели онъ самъ. Въ полной увѣренности, что такое извѣстіе будетъ для него ужасно, докторъ графа рѣшился мало по малу приготовить его къ этому жестокому удару. Съ этою цѣлію онъ сперва сказалъ ему, что Настасья опасно больна. Алексѣй Андреевичъ велѣлъ сейчасъ же заложить карету и поскакалъ въ Грузино. Не доѣзжая десяти верстъ, врачъ объявилъ ему, что она умерла, умолчавши однако же о томъ, что ее убили. Тогда графъ приказываетъ остановить экипажъ, высаживается изъ него, падаетъ на землю, рветъ ее въ отчаяніи руками, рыдаетъ и стонетъ какъ звѣрь. Кровавая драма, послѣдовавшая за этимъ событіемъ, я думаю, многимъ извѣстна, какъ и то, что тогдашній губернаторъ Жеребцовъ превысилъ по поводу ея, по настоянію Аракчеева, свою власть, а графъ потерялъ всякую довѣренность государя.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ графа, сопровождавшимъ траурную колесницу покойнаго императора Александра I. Въ Чудовѣ по поводу панихиды вышло между нимъ и графомъ Орловымъ столкновеніе, доказавшее окончательно, что онъ лишился всякаго значенія. Вотъ какъ было дѣло. Тѣло привезли въ Чудово вечеромъ; на утро была назначена панихида; Аракчеевъ просилъ, чтобы ее назначили въ 10 часовъ, но думая, что его будутъ ждать, опоздалъ явиться во-время и засталъ ее уже на исходѣ. Это показалось ему до того оскорбительнымъ, что онъ рѣшился сказать по этому поводу нѣсколько словъ графу Орлову.

— Это не ваше дѣло, ваше сіятельство,—отвѣчалъ ему Орловъ,— распоряжаться кортежемъ уполномоченъ здѣсь я, а не вы, слѣдовательно, всякое замѣчаніе съ вашей стороны будетъ излишнимъ.

Тогда Аракчеевъ смиренно сталъ въ уголъ, и по печальному выраженію его суроваго лица видно было, что онъ сознавалъ свое значеніе навсегда уже утраченнымъ.



ПЕРВАЯ ВЪ РОССІИ ЛАНКАСТЕРСКАЯ ШКОЛА.

ИМЯ Якова Ивановича Герда (род. 1799, † 1875) тѣсно связано съ народнымъ образованіемъ въ Россіи въ первую половину этого столѣтія. Имъ было учреждено первое въ Россіи училище взаимнаго обученія по методу Ланкастера; онъ же распространилъ эти училища въ Россіи и управлялъ ими до самаго ихъ закрытія.

Приглашенный изъ Англіи канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, Я. И. Гердъ (James Arthur Heard) не только выполнилъ возложенную на него задачу учрежденія ланкастерскаго училища, но составилъ и издалъ цѣлый рядъ учебныхъ руководствъ, перевелъ на русскій языкъ классическое произведеніе Гольдсмита «Векфильдскій священникъ» (переводъ, считающійся и до сихъ поръ лучшимъ), познакомилъ англичанъ съ симпатичною и энергичною личностью, княгинею Н. Б. Долгоруковою, написавъ романъ «The life and times of Nathalia Borisovna Princess Dolgorookov». Введенный въ высшій кругъ графомъ Румянцевымъ, Я. И. Гердъ легко могъ бы составить себѣ блестящую карьеру, но предпочиталъ жизнь скромную, усердно зенимаясь языками и науками.

О ланкастерскихъ училищахъ, которыя явились въ началѣ столѣтія и дали самыe блестящіе результаты въ очень короткое время, въ печати нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Помѣщаемъ здѣсь описаніе открытія перваго ланкастерскаго училища. Описаніе это составлено по дневнику Я. И. Герда.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія имена Песталлоци, Фелленберга, Ланкастера и д-ра Белля интересовали педагоговъ всѣхъ странъ.

Для ознакомленія съ ихъ методами веденія школъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уваровъ, послалъ въ Англію и Швейцарію четверыхъ молодыхъ людей, только что окончившихъ курсъ въ педагогическомъ институтѣ: Свенске, Ободовскаго, Буссе и Тимаева. Англійскаго языка они не знали, а потому, по пріѣздѣ въ Лондонъ, были поручены барону Штрандману, занимавшему тогда должность старшаго секретаря нашего посольства.

Незадолго передъ тѣмъ, Штрандманъ познакомился съ молодымъ англичаниномъ, Я. И. Гердомъ, которому канцлеръ графъ Румянцевъ поручилъ составить списки сочиненіямъ о Россіи, хранящимся въ британскомъ музеѣ, а также снять копіи съ нѣкоторыхъ рукописей. Подыскивая учителя англійскаго языка для присланныхъ молодыхъ людей, баронъ Штрандманъ остановился на Яковѣ Ивановичѣ и сдѣлалъ ему въ этомъ смыслѣ предложеніе, на что тотъ, заинтересовавшись Россіею при разборѣ разныхъ сочиненій, относящихся до нея, охотно согласился, получая въ обмѣнъ уроки русскаго языка. Молодые люди быстро подружились и начали ежедневно впятеромъ посѣщать центральное училище, которое велось по методу Ланкастера. Выдержавъ экзаменъ и получивъ дипломъ въ основательномъ изученіи метода Ланкастера, они стали опять впятеромъ посѣщать училище д-ра Белля и здѣсь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ имъ были выданы свидѣтельства въ томъ, что такъ называемый національный методъ обученія былъ ими изученъ вполнѣ.

Между тѣмъ, графъ Румянцевъ обратился къ барону Штрандману съ просьбою подыскать молодого человѣка вполнѣ знакомаго съ методомъ Ланкастера, для устройства училища въ имѣніи графа, мѣстечкѣ Гомель. Штрандманъ, не задумываясь, передалъ это предложеніе Я. И. Герду, обѣщавъ выговорить у графа условія, которыя обезпечили бы Я. И. въ матеріальномъ отношеніи.

Предки Я. И. Герда были богатые ирландскіе землевладѣльцы и, подобно другимъ землевладѣльцамъ Ирландіи того времени, жили открыто, широко, не соображаясь съ своими средствами, а потому мало по малу должны были распроститься съ своими обширными имѣніями, такъ что уже отецъ Якова Ивановича принужденъ былъ поступить въ морскую службу и умеръ капитаномъ фрегата, когда Я. И. было всего пять лѣтъ. Старшій братъ Якова Ивановича поступилъ также въ морскую службу, очень счастливо началъ свою карьеру, но въ 1812 году былъ убитъ въ войнѣ противъ Соединенныхъ Штатовъ. Это несчастіе имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу Я. И. Мать, приведенная въ отчаяніе потерею мужа и сына, ни за что не дозволила Я. И. поступить въ морскую службу.

Получивъ предложеніе Штрандмана и увлеченный желаніемъ познакомиться со страною такъ мало тогда извѣстною, Яковъ Ивановичъ обратился къ своей матери за дозволеніемъ ѣхать въ Рос-

сію. Та долгое время не соглашалась на разлуку съ нимъ и, наконецъ, уступивъ его убѣдительной просьбѣ, взяла съ него слово, что по исполненіи возложеннаго на него порученія Яковъ Ивановичъ вернется въ Англію.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1817 года, получивъ благословеніе матери, жившей тогда въ Портсмутѣ, Яковъ Ивановичъ вернулся въ Лондонъ, чтобы приготовиться къ отъѣзду. Взявъ каюту на купеческомъ кораблѣ, отправлявшемся въ Петербургъ, уложивъ свои пожитки и разныя учебныя пособія, необходимыя для школы, и простившись съ своими друзьями, Гердъ отправился въ путь. Погода все время стояла прекрасная, такъ что безъ всякихъ приключеній корабль черезъ три недѣли прибылъ въ Кронштадтъ, гдѣ Гердъ впервые познакомился съ тѣми затрудненіями и медленностью, съ которыми была тогда сопряжена перемѣна паспорта, въ особенности для человѣка незнакомаго ни съ языкомъ, ни съ обычаями страны.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ домъ канцлера, Я. И. узналъ, что графъ уже уѣхалъ въ Могилевскую губернію въ свое помѣстье Гомель, но передъ отъѣздомъ оставилъ дворецкому инструкцію для препровожденія Герда въ Гомель. Проведя нѣсколько дней въ осмотрѣ Петербурга, Я. И. выѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Грязные почтовые дома и постоялые дворы, отсутствіе бѣлаго хлѣба, обиліе насѣкомыхъ, непріятно поразили молодого англичанина, который предпочиталъ ночевать въ экипажѣ, чему, впрочемъ, благопріятствовала ясная, теплая погода. Но вотъ показался красивый деревянный домъ на высокомъ берегу рѣки Сожи, куда и подвезли Я. И. Герда. Здѣсь жилъ архитекторъ графа, г. Кларкъ, который и отвелъ у себя помѣщеніе для Я. И. до отдѣлки назначенной ему особой квартиры. Черезъ часъ послѣ пріѣзда, пришелъ сокретарь графа и сообщилъ, что его сіятельство, полагая, что Гердъ усталъ отъ дороги, не хочетъ безпокоить его въ этотъ день и проситъ на слѣдующее утро къ чаю; при этомъ секретарь передалъ пакетъ, адресованный чрезъ графа на имя Я. И. Герда. Въ этомъ пакетѣ находились первое письмо отъ его матери и другое — отъ барона Штрандмана.

Графъ принялъ Герда очень любезно и, видимо, вскорѣ полюбилъ его, такъ какъ почти ежедневно приглашалъ къ себѣ обѣдать и послѣ обѣда садился съ нимъ передъ каминомъ и бесѣдовалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Графъ Румянцевъ, не жалѣя средствъ на различныя общественныя дѣла, въ домашнемъ быту былъ очень разсчетливъ и жилъ чрезвычайно просто.

Имѣніями графа управлялъ генералъ-лейтенантъ Андрей Өедоровичъ Дерябинъ, бывшій прежде директоромъ горнаго корпуса, человѣкъ высоко образованный, гуманный, трудолюбивый. Какъ онъ, такъ и его супруга, урожденная княжна Урусова, свободно говорили поанглійски и отнеслись чрезвычайно внимательно къ

молодому англичанину, заброшенному судьбою въ столь глухое мѣсто, какъ Гомель.

До октября мѣсяца не было и разговора объ училищѣ и только по отъѣздѣ графа въ Петербургъ, А. Ѳ. Дерябинъ, отправляясь объѣзжать имѣнія графа, пригласилъ съ собою Я. И. Герда и дорогою сталъ подробно разспрашивать о родѣ училища, которое предполалось открыть. Услышавъ, что всѣ выгоды ланкастерской методы могутъ вполнѣ выказаться только тогда, когда будетъ собрано, по крайней мѣрѣ, 200 учениковъ, А. Ѳ. Дерябинъ указалъ на невозможность имѣть столько приходящихъ учениковъ тамъ, гдѣ деревни такъ разбросаны.

Возникшее совершенно неожиданно для Я. И. Герда препятствіе въ устройствѣ проектированнаго училища сильно его озадачило, но встрѣчая на пути крестьянскихъ дѣтей, просящихъ милостыню, онъ рѣшился составить проектъ закрытаго заведенія, въ которомъ обучались бы и воспитывались сироты крестьянъ, принадлежащихъ графу. Такихъ сиротъ можно было легко набрать свыше 200, такъ какъ въ одномъ ближайшемъ околодкѣ у графа было 17,000 душъ крестьянъ. Я. И. Гердъ не сомнѣвался въ томъ, что графъ согласится пожертвовать необходимую сумму для устройства такого заведенія, гдѣ малолѣтніе бродяги, вмѣсто лѣности и порока, пріучались бы къ порядку, нравственности и полезному труду. Выработавъ проектъ такого заведенія, Я. И. Гердъ представилъ его генералу Дерябину. Въ проектѣ были ярко выставлены всѣ преимущества ланкастерской методы, требующей только одного учителя, хотя бы въ училищѣ было 500 учениковъ, и по которой предметы, обыкновенно преподаваемые въ народныхъ школахъ, усвоиваются такъ быстро, что двухъ или трехъ часовъ въ день весьма достаточно удѣлять на уроки, посвящая остальное затѣмъ время дня на обученіе учениковъ такимъ ремесламъ и работамъ, которыя особенно полезны въ крестьянскому быту.

По проекту предполагалось открывать училище постепенно, принимая ежегодно по 50 человѣкъ, устанавливая комплектъ въ 200 учениковъ. При училищѣ требовалась земля для земледѣльческихъ работъ, на которой ученики могли бы заниматься хлѣбопашествомъ, снабженные для того орудіями, соразмѣрными съ ихъ возростомъ и силою. При училищѣ проектировались образцовая ферма и мастерскія.

Генералъ Дерябинъ одобрилъ проектъ Я. И. Герда во всѣхъ его пунктахъ и немедленно отправилъ къ графу, посовѣтовавъ, между тѣмъ, молодому англичанину заниматься русскимъ языкомъ.

Я. И. Гердъ послѣдовалъ доброму совѣту Андрея Ѳедоровича, но встрѣтилъ большія затрудненія въ изученіи русскаго языка, такъ какъ тогда не было на англійскомъ языкѣ ни русской грамматики, ни даже лексикона, а потому приходилось пользоваться

нѣмецкими и французскими. Усидчивымъ трудомъ Я. И. добился того, что къ веснѣ объяснялся порусски довольно правильно и свободно.

Графъ отнесся къ проекту Я. И. Герда очень тепло и захотѣлъ выполнить его во всѣхъ деталяхъ. Архитекторомъ были составлены проекты необходимыхъ зданій, изъ которыхъ большое, двухъэтажное, каменное, предназначалось для самаго училища. Между тѣмъ, графъ разрѣшилъ открыть одинъ классъ въ 50 человѣкъ въ своемъ домѣ, гдѣ была отведена квартира Я. И. и его помощнику. По полученіи разрѣшенія, тотчасъ же было приступлено къ изготовленію классныхъ столовъ, досокъ и другихъ принадлежностей и въ ноябрѣ мѣсяцѣ собраны и одѣты первые 50 мальчиковъ-сиротъ отъ 10 до 14-лѣтняго возроста.

По мастерствамъ всѣ ученики раздѣлялись на пять отдѣленій: кузнецовъ, столяровъ, телѣжниковъ, портныхъ и сапожниковъ. Каждый день, исключая праздничныхъ, ученики послѣ ранняго обѣда расходились по мастерскимъ, въ каждой по 10 человѣкъ, и работали тамъ подъ надзоромъ мастеровъ до 7 часовъ вечера, послѣ чего ужинали и ложились спать. Три утреннихъ часа, назначенныхъ для изученія Закона Божія, грамоты и первоначальныхъ правилъ ариѳметики, оказались очень достаточными; успѣхи учениковъ были удивительно быстры, такъ что когда князь Голицынъ, посѣтившій заведеніе черезъ три мѣсяца послѣ его открытія, увидѣлъ какъ крестьянскіе мальчики писали подъ диктовку, то съ трудомъ могъ повѣрить, что они учились такое короткое время.

По воскресеньямъ, ученики ходили къ обѣднѣ, занимались пѣніемъ, устроивали разныя игры, развивающія физическую силу и ловкость, и обучались правильной греблѣ на нарочно для того пріобрѣтенныхъ лодкахъ.

Наконецъ, большое зданіе для училища было закончено и снабжено всѣмъ необходимымъ. Графъ самъ хотѣлъ присутствовать при открытіи училища въ новомъ помѣщеніи и остался въ Гомелѣ до поздней осени. Большая, прекрасная зала была устроена сообразно требованіямъ новой методы ученія на 200 учениковъ, и къ бывшимъ уже въ училищѣ 50-ти ученикамъ прибавили еще столько же. Въ Михайловъ день, 8-го ноября 1819 года, въ залѣ собрались 100 учениковъ; всѣ просто, но опрятно одѣтые, съ коротко остриженными волосами, въ полу-кафтанахъ и шароварахъ, сшитыхъ самими учениками. Послѣ молебствія, священникъ сказалъ ученикамъ краткое, прочувствованное слово и, затѣмъ, графъ захотѣлъ видѣть, какъ ученики пишутъ подъ диктовку, читаютъ и рѣшаютъ задачи. Всѣ движенія, предписываемыя методою, были выполнены по командѣ менторовъ съ чрезвычайною точностью, чтеніе было толковое, писали безъ грубыхъ ошибокъ, задачи, на темы встрѣ-

чаемыя въ жизни, рѣшались быстро и со смысломъ. Графъ остался очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ и выразилъ свою признательность Я. И. Герду въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Слухъ о вновь открытомъ училищѣ распространялся все больше и больше. Много лицъ пріѣзжало въ Гомель спеціально, чтобы посмотрѣть на устройство училища. Начальникъ артиллерійской бригады, полковникъ Деллингсгаузенъ, просилъ позволенія прислать двадцать молодыхъ солдатъ въ училище для обученія. И если быстрота успѣховъ крестьянскихъ мальчиковъ всѣхъ удивила, то еще болѣе была поразительна скорость, съ какою эти солдаты научились читать, писать и разрѣшать задачи.

Лѣтомъ ученики занимались земледѣліемъ и огородничествомъ на отведенномъ участкѣ земли.

Дѣло въ училищѣ пошло правильно и помощникъ Я. И. Герда успѣлъ вполнѣ освоиться съ своими обязанностями, а потому Я. И. считалъ принятое на себя порученіе исполненнымъ.

Между тѣмъ, Я. И. Герду было сдѣлано нѣсколько предложеній. Такъ, князь Барятинскій, жившій постоянно въ своемъ помѣстьѣ, въ Курской губерніи, приглашалъ Герда къ себѣ для устройства училища подобнаго тому, какое было устроено имъ въ Гомелѣ и для занятія съ его сыновьями англійскимъ языкомъ.

Условія, предлагаемыя княземъ, были очень заманчивы, но Яковъ Ивановичъ, желая исполнить слово, данное своей матери, рѣшился вернуться въ Англію, обѣщая князю пріѣхать черезъ годъ въ Россію.

При отбытіи Я. И. Герда изъ Гомеля, всѣ ученики провожали его, изъявляя непритворную привязанность къ тому, который пріучилъ ихъ къ труду, ни разу не прибѣгая къ тѣлесному наказанію. Много училищъ устроилось у насъ съ тѣхъ поръ, еще больше было разныхъ ломокъ, но трудно подыскать хоть одно заведеніе, которое такъ близко удовлетворило бы народнымъ потребностямъ, какъ первое ланкастерское училище, учрежденное въ Гомелѣ.

Графъ Румянцевъ встрѣтилъ Я. И. Герда въ Петербургѣ чрезвычайно тепло и удержалъ его у себя до открытія навигаціи, взявъ съ него слово, что онъ вернется въ Россію продолжать свою благотворную дѣятельность. Передъ отъѣздомъ графъ вручилъ Якову Ивановичу сумму денегъ на проѣздъ и снабдилъ его письмомъ къ лондонскому училищному совѣту слѣдующаго содержанія:

«Господа! [1])

«Я пользуюсь случаемъ возвращенія г. Герда въ Англію, чтобы изъявить вамъ искреннюю мою признательность за великую пользу, принесенную мнѣ дарованіями и неусыпными стараніями этого лю-

---

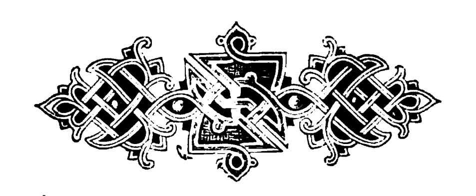
[1]) Письмо это взято изъ журнала лондонскаго училищнаго комитета за 1822 годъ.

безнаго молодого человѣка на поприщѣ народнаго просвѣщенія, и не могу пропустить этого случая, не сообщивъ вамъ, что онъ неизмѣнно благороднымъ и честнымъ своимъ поведеніемъ пріобрѣлъ уваженіе и дружбу всѣхъ знавшихъ его здѣсь. Прошу васъ, милостивые государи, встрѣтить его благосклонно и принять мои сердечныя желанія для успѣха вашихъ человѣколюбивыхъ стараній въ пользу просвѣщенія.

«Графъ Румянцевъ.

Дѣйствительно, черезъ годъ Я. И. Гердъ вернулся въ Россію, гдѣ и остался до конца своихъ дней, работая усердно на общую пользу и пользуясь уваженіемъ и любовью всѣхъ его знавшихъ и особымъ вниманіемъ трехъ императоровъ. По предложенію императора Николая Павловича, Яковъ Ивановичъ, въ 1842 году принялъ русское подданство и былъ зачисленъ въ потомственные дворяне.

И. Г.





КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Викторъ Гюго и его время, по его запискамъ, воспоминаніямъ и разсказамъ близкихъ свидѣтелей его жизни. Переводъ съ французскаго Ю. В. Доппельмайеръ. Съ предисловіемъ профессора Н. И. Стороженка. Съ портретомъ Виктора Гюго. Москва. 1887.



ВИКТОРѢ ГЮГО много написано на всѣхъ языкахъ Европы, за время его долголѣтней высокодаровитой, литературной дѣятельности. Исключеніемъ являются только враждебные къ нему гордые нѣмцы-патріоты, которые старались замолчать его огромныя заслуги предъ европейской литературой даже послѣ его смерти, когда всѣ «языки» слились въ единодушномъ хорѣ восхваленій великому писателю. При жизни Викторъ Гюго платилъ ненавистнымъ нѣмцамъ тою же монетою, смѣшивая Шиллера и Гете, приписывая послѣднему «Вильгельма Теля», по словамъ Тургенева, не давая себѣ труда познакомиться съ нѣмецкой литературой. Среди массы сочиненій, трактующихъ о великомъ поэтѣ, біографія Виктора Гюго, вышедшая недавно отдѣльной объемистой книгой въ очень добросовѣстномъ и литературномъ переводѣ, до сихъ поръ не утратила ни свѣжести, ни значенія, хотя впервые во Франціи она появилась болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Она основана на семейныхъ преданіяхъ и воспоминаніяхъ Виктора Гюго и его жены, которая является, какъ намъ кажется, только подставнымъ авторомъ этой книги. Авторство ея, вѣроятно, ограничивалось по большей части простымъ писаніемъ подъ диктовку знаменитаго мужа, который желалъ бросить хотя бы тѣнь своей литературной славы и на жену, повѣствуя о самыхъ подчасъ ничтожныхъ, мелочныхъ подробностяхъ своей жизни на ряду съ изложеніемъ исторіи благородной и невсегда безплодной борьбы противъ смертной казни, исторіи, иллюстрируемой цѣлымъ рядомъ любопытныхъ до-

кументовъ въ родѣ защитительной рѣчи его сына, преданнаго суду за печатный протестъ противъ смертной казни, рѣчи, полной пламеннаго краснорѣчія,—въ родѣ воззванія къ жителямъ острова Гернсэ, проникнутаго гуманнымъ чувствомъ, или письма къ лорду Пальмерстону, пропитаннаго уничтожающей проніею. Издавая книгу въ русскомъ переводѣ, ее необходимо было сократить, повыкинувъ нѣкоторыя совсѣмъ неинтересныя главы какъ, напримѣръ, глава подъ названіемъ: «Глупости, какія, по словамъ Виктора Гюго, онъ творилъ еще до рожденія своего на свѣтъ». Здѣсь помѣщены стихотворенія, написанныя Гюго тринадцати лѣтъ. Они многословны, безсодержательны и блѣдны, такъ что безъ ущерба для славы поэта могли бы быть оставлены подъ спудомъ.

Книга раздѣляется на двѣ неравномѣрныя части — первая въ сорокъ слишкомъ главъ, вторая—въ двадцать, или вѣрнѣе можетъ быть подраздѣлена. Объемъ этихъ частей обратно пропорціоналенъ интересу содержанія, что, конечно, очень странно, но весьма обыкновенно. Первая часть повѣствуетъ о семьѣ Гюго, его родственникахъ, о его дѣтствѣ, отрочествѣ, школьной жизни, о его первыхъ поэтическихъ опытахъ—и, наконецъ, его ранней женитьбѣ. Разсказъ переплетается съ обрисовками попутныхъ лицъ, описаніями разныхъ мѣстностей, упоминаніемъ о современныхъ событіяхъ. Вторая часть сообщаетъ много интересныхъ подробностей о драматической дѣятельности Виктора Гюго. Здѣсь разсказана исторія каждой драмы съ момента ея зачатія (съ точнымъ обозначеніемъ дня и часа, настроенія духа поэта и даже костюма, въ которомъ онъ писалъ нѣкоторыя произведенія) до появленія ея на сценѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльнымъ изданіемъ. Виктора Гюго принято считать главой романтической школы во Франціи. Борьба между новой школой и старой академической школой трагиковъ-ложноклассиковъ началась открыто съ обнародованія Викторомъ Гюго предисловія къ драмѣ Кромвель, которую нѣкогда такъ критиковалъ не безъ основанія Пушкинъ. Это предисловіе—манифестъ романтической школы. За манифестомъ послѣдовало генеральное сраженіе на представленіи драмы Гюго Эрнани. Проф. Стороженко говоритъ, что «всѣ перипетіи этой многознаменательной борьбы описаны съ замѣчательнымъ драматизмомъ». Мы сейчасъ дадимъ возможность читателю убѣдиться воочію въ «многознаменательности» этой борьбы и въ тѣхъ безобразіяхъ, которыя происходили на первомъ безкровномъ театральномъ сраженіи во время представленія Эрнани. Раскройте страницу 502 и вы убѣдитесь дѣйствительно въ «драматическомъ» положеніи тѣхъ дамъ высшаго круга, которымъ въ атласныхъ башмачкахъ пришлось шагать черезъ ручьи, образовавшіеся изъ «излишковъ питія» цѣлой ватаги защитниковъ романтизма. Эта ватага забралась въ театръ съ трехъ часовъ, запаслась по этому провизіей—колбасой, сосисками, ветчиной, хлѣбомъ и пр. и устроила въ храмѣ Мольера импровизированный ресторанъ, не успѣвъ закусить до прихода публики, чѣмъ послѣдняя была не мало удивлена. Совершенный же скандалъ произвели ручьи—«излишекъ питія». Дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ романтики расположились въ театрѣ, какъ на бивуакахъ, гдѣ нибудь въ лѣсу, не стѣсняясь въ отправленіи болѣе настоятельныхъ потребностей, чѣмъ голодъ. «Многознаменательное» начало не менѣе «многознаменательнаго» представленія, на которомъ свистали, кричали, шикали и всячески безобразничали. Можно только подивиться пылкости, необузданности и полнѣйшему отсутствію приличій среди современной Гюго театральной публики.

На каждомъ представленіи новой пьесы публика давала, такимъ образомъ, свое очень бурное представленіе, подчасъ болѣе пожалуй интересное чѣмъ дававшееся на сценѣ, ибо у Гюго очень немного пьесъ, которыя бы благоразумно держались въ границахъ художественнаго чувства мѣры и реальной правды. Конечно, самъ Гюго и его жена-біографъ противоположнаго мнѣнія; онъ подчасъ готовъ потягаться съ Шекспиромъ, «этимъ богомъ, по его словамъ, соединившимъ въ себѣ три наиболѣе характерныхъ генія нашей сцены: Корнеля, Мольера и Бомарше». Гюго, судя по тону изложенія нѣкоторыхъ мѣстъ книги, повидимому считалъ себя для Франціи такимъ же «богомъ», какъ Шекспиръ для Англіи и для всего міра; пожалуй онъ бы не прочь былъ имѣть и міровое значеніе въ области драмы. Но, разумѣется претензіи его такъ и остались претензіями, чтобы ни говорили его поклонники. Драмы его холодны и риторичны, въ большинствѣ случаевъ ходульны, и бьютъ на эффектъ, хотя и написаны прекрасными стихами. Въ драмахъ Гюго ярко сказалась характерная черта французскаго народа вообще и французской поэзіи въ частности — это пристрастіе къ бенгальскимъ огнямъ и фейерверку, къ пышной шумихѣ фразъ и внѣшнему блеску. Драмы Гюго не могутъ быть ни на минуту сопоставляемы съ драмами Шекспира, съ его вѣчными типами, глубоко жизненными и глубоко человѣчными, съ его пророческимъ даромъ сердцевѣденія, съ его мірообъемлющими умственными горизонтами. Гюго — во-первыхъ французъ, а потомъ вообще человѣкъ, Шекспиръ—во-первыхъ общечеловѣкъ, а потомъ англичанинъ XVI вѣка. Самовлюбленность мѣшала Гюго посмотрѣть на себя трезво, самовлюбленность диктовала похвальные отзывы о своихъ драмахъ.

Біографія Гюго написана очень талантливо и художественно просто. Въ изложеніи замѣтна рука мастера (самого, конечно, Гюго), подчасъ нѣсколькими штрихами набрасывающая портреты лицъ, которымъ приходилось играть болѣе или менѣе важную роль въ литературномъ движеніи Франціи XIX вѣка. Гордый и влюбленный въ себя Шатобріанъ, вдохновенный Лямпе, остроумный и веселый Нодье, добродушный энтузіастъ Эмиль Дешанъ, одѣтый въ огненнаго цвѣта жилетъ и бандитскую шляпу, типическій представитель литературной богемы Теофиль Готье—всѣ они стоятъ какъ живые. Особенно удачны портреты двухъ артистокъ-соперницъ: капризной и завистливой Марсъ и страстной, но сдержанной Дорвель, которымъ поэтъ отдалъ двѣ главныя роли въ своей драмѣ Анжело.

Не смотря на все значеніе Гюго въ исторіи всемірной литературы и въ исторіи литературы французской, намъ всетаки кажется слишкомъ громкимъ заглавіе книги, съ которой мы познакомили читателя: «Викторъ Гюго и его время». Будучи громкимъ, заглавіе и весьма неопредѣленно, да и фальшиво. Шекспиръ бы не могъ сказать про себя: «я и мое время», потому что не имъ создана та эпоха, въ которую онъ жилъ, а цѣлымъ рядомъ предшествующихъ вѣковъ. Это разъ. А во-вторыхъ, ни одна геніальная личность въ области литературы никогда, въ теченіе всей исторіи человѣчества, не создавала своего времени, ибо извѣстная эпоха слагается изъ массы разнородныхъ элементовъ, которые гораздо вліятельнѣе отдѣльной личности, хотя бы и геніальной, зачастую оцѣниваемой и признаваемой значительно позднѣе своего времени. Русскіе редакторы перевода пересолили въ поклоненіи Гюго до возведенія его въ архи-геніи. Таково наше «лакейство» передъ Западомъ. Скоро ли мы отъ него избавимся?

С. Т-въ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ шестой. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1887. Исторія среднихъ вѣковъ. Часть вторая.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, когда въ первый разъ масса европейской интеллигенціи стала съ интересомъ относиться къ исторіи и увидѣла въ ней «наставницу жизни», понятія о «среднихъ вѣкахъ», теперь близко знакомаго всякому гимназисту 6-го класса, не существовало вовсе. Напрасно стали бы мы отыскивать въ энциклопедическихъ словаряхъ того времени рубрики Moyen âge, свѣдѣній о тысячелѣтіи, отдѣляющемъ паденіе западной римской имперіи отъ взятія Константинополя турками и открытія Америки. Мы должны искать ихъ подъ другими рубриками, главнымъ образомъ подъ рубрикой barbares; частный, но знаменательный фактъ! Средніе вѣка открыли въ эпоху разочарованія революціей и реакціи противъ идей просвѣтительнаго вѣка и, открывъ ихъ, начали превозносить выше мѣры. Вотъ какъ на самой границѣ нашего столѣтія характеризуетъ это презрѣнное тысячелѣтіе молодой нѣмецкій писатель Гарденбергъ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Новалиса: «Была славная эпоха, когда въ Европѣ былъ одинъ глава, который направлялъ и объединялъ всѣ политическія силы; подъ его непосредственною властью находилось духовенство—міръ устроющее, къ небу путь показующее учрежденіе, возвѣщавшее человѣчеству чудесно-прекрасную, гуманную религію. Религіозное чувство въ средневѣковомъ, истинно-католическомъ обществѣ было всеобщимъ и мудрый глава церкви разумно противился дерзкому развитію насчетъ этого чувства другихъ человѣческихъ способностей, противился и несвоевременнымъ, опаснымъ открытіямъ въ области знанія».

Уже въ этихъ словахъ пылкаго романтика даетъ себя чувствовать тотъ обскурантизмъ, который черезъ 15—20 лѣтъ дискредитировалъ историческіе взгляды его школы, но неразумное восхищеніе средними вѣками вело за собою изученіе ихъ, а за изученіемъ естественно слѣдовала справедливая оцѣнка, ставшая въ настоящее время уже всеобщимъ достояніемъ. Кто не согласится теперь, что средніе вѣка есть чрезвычайно важная и интересная эпоха въ исторіи человѣчества? что въ нихъ при всей ихъ грубости замѣчается господство сильнаго религіозно-нравственнаго принципа въ такой степени, какой не зналъ болѣе благоустроенный и просвѣщенный древній міръ? что они—время высокихъ идеаловъ и безгранично широкихъ задачъ, время рѣзкихъ диссонансовъ между мечтою и дѣйствительностью, настолько рѣзкихъ, что соціологія становится передъ ними положительно въ тупикъ? что они, короче сказать, время чудесъ, которыхъ не признаетъ наука въ другихъ отдѣлахъ исторіи? Ограничусь только однимъ общеизвѣстнымъ примѣромъ. Не чудо ли въ самомъ дѣлѣ—первый крестовый походъ, когда неустроенная, разобщенная, вѣчно воюющая Европа проникается одной странной мечтою и идетъ, идетъ, какъ одинъ человѣкъ, на далекій востокъ, въ неизвѣстныя страны! Не чудо ли, что армія крестоносцевъ, насчитывавшая передъ Никеей до 400,000 человѣкъ и уменьшившаяся по дорогѣ къ Іерусалиму до 20,000, не потеряла бодрости и вѣры въ себя? Эти 20,000 взяли приступомъ прекрасно укрѣпленный городъ съ гарнизономъ втрое сильнѣйшимъ, чѣмъ осаждающая армія! Заливъ Іерусалимъ кровью женщинъ, дѣтей и стариковъ, эти дикіе люди

снимаютъ свои доспѣхи и на голыхъ колѣняхъ ползутъ ко гробу Господню, а, возставъ послѣ молитвы, принимаются благоустроять не бывало-чудное государство! Сколько странностей и противорѣчій!

Медикъ, постоянно имѣющій дѣло съ здоровыми въ нервномъ отношеніи натурами, легко можетъ забыть о существованіи психическихъ функцій въ человѣкѣ, при всемъ усердіи своемъ можетъ сдѣлаться одностороннимъ и ограниченнымъ. Во избѣжаніе этого ему бываетъ чрезвычайно полезно на нѣкоторое время поработать въ отдѣленіи душевно больныхъ. Точно также историкъ-мыслитель, имѣющій дѣло съ обществами первобытными, съ древнимъ міромъ, съ новой исторіей, легко можетъ впасть въ односторонность, будетъ все приписывать разсчету, стремленію къ пользѣ; статистическая цифра получитъ для него значеніе несокрушимой, всеуничтожающей силы... Ему необходимо отъ времени до времени обращаться къ среднимъ вѣкамъ, гдѣ дѣйствуютъ совершенно иные факторы, гдѣ онъ встрѣтится съ человѣкомъ, настолько же, повидимому, нарушающимъ законы соціологическіе, насколько нервная женщина, подверженная эпилептическимъ и т. п. припадкамъ, повидимому, нарушаетъ законы физіологіи.

Но не все тысячелѣтіе среднихъ вѣковъ въ этомъ отношеніи одинаково характерно: въ эпоху переселенія народовъ и даже до Карла Великаго включительно, мы имѣемъ дѣло съ массою душевно здоровою; такъ называемыя аномаліи и странности, крайняя душевная возбужденность, встрѣчаются только въ единицахъ, имѣющихъ ограниченное вліяніе; съ другой стороны въ XIV и XV вѣкахъ мы имѣемъ дѣло съ людьми отрезвившимися; они живутъ еще во всякомъ безобразіи и безпорядкѣ, но у нихъ уже есть представленіе о гражданской жизни, и они уже силятся выбраться на настоящую дорогу; въ вопросахъ религіозныхъ они больше лицемѣрятъ, чѣмъ увлекаются; если кто изъ нихъ и наклоненъ къ мечтательности, его мечты имѣютъ нѣкоторое реальное основаніе; онѣ больше тяготѣютъ къ землѣ, чѣмъ къ небу.

Лежащій передъ нами томъ Вебера излагаетъ факты именно характернѣйшей трети среднихъ вѣковъ: отъ начала X вѣка до смерти Генриха VI, Гогенштауфена (Фридрихъ II, уже государь со многими новыми идеями). Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ исторію походовъ нѣмецкихъ королей въ Италію, борьбу папства и имперіи, три первые крестовые похода; онъ разсказываетъ о жизни и дѣяніяхъ такихъ типичныхъ представителей средневѣковаго общества, какъ папа Григорій VII, Фридрихъ Барбарусса и Ричардъ Львиное Сердце. Если въ послѣдующее столѣтіе и встрѣчаются лица и дѣла, повидимому, столь же характерныя—разумѣемъ послѣдніе крестовые походы Генриха Люксамбургскаго и Людовика IX Святого—они имѣютъ видъ движенія по инерціи и такъ называемыхъ переживаній; въ общемъ же господствуетъ проза жизни и прозаически разсчетливые люди, въ родѣ Рудольфа Габсбургскаго и Филиппа IV Красиваго.

Но Веберъ не мыслитель, а только сухой и дѣльный разсказчикъ; онъ излагаетъ факты по послѣднимъ изслѣдованіямъ, а обобщать ихъ, размышлять надъ ними, предоставляетъ самому читателю. Переводъ также хорошъ, какъ и въ предыдущихъ томахъ, но на этотъ разъ переводчикъ, скрывающійся подъ фамиліей Андреева, присоединилъ къ книгѣ довольно длинное (сравнительно) и, правду сказать, довольно курьезное предисловіе. Поговоривъ о правописаніи арабскихъ словъ, относительно котораго расходятся западные оріенталисты (sic), онъ заявляетъ, что старался по возможности

уменьшить шаткости правописанія оригинала, также какъ и исправлять Вебера относительно неточности въ титулахъ лицъ духовныхъ. Затѣмъ онъ преусердно начинаетъ мылить себѣ голову за то, что не сдѣлалъ справокъ относительно титуловъ нѣкоторыхъ итальянскихъ и французскихъ каѳедръ и титуловъ владѣтелей свѣтскихъ,—откровенность похвальная, но мало обычная. Впрочемъ, не впадая въ отчаяніе относительно себя, онъ потомъ называетъ все это мелочами и нападаетъ на Вебера за его восхищеніе походами нѣмцевъ въ Италію, и это восхищеніе квалифицируетъ эпитетомъ отвратительный. Зачѣмъ же браниться-то, г. Андреевъ?

Въ заключеніе этой тирады переводчикъ приравниваетъ національную гордость нѣмцевъ и французовъ племенной гордости «полинезійскаго людоѣда». Въ концѣ предисловія онъ заявляетъ, что выбросилъ какъ лирическія тирады Вебера, такъ и мелкіе факты, касающіеся исторіи Германіи. Послѣднее едва ли заслуживаетъ одобренія.

А. К.

„Московскій Сборникъ" изд. подъ ред. Сергѣя Шаранова. Москва. 1887.

Эта книга издана редакціей «Русскаго Дѣла» въ видѣ вознагражденія подписчиковъ на газету, пріостановленную на 3 мѣсяца, съ 19-го декабря прошлаго года. Тутъ съ достаточной выдержанностью является передъ нами рядъ именъ авторовъ и произведеній, защищающихъ извѣстныя характерныя идеи того общественно-литературнаго направленія, къ которому примыкаетъ, между прочимъ, и упомянутая, не такъ давно возникшая, газета.

Мы остановимся въ краткихъ чертахъ на содержаніи статей, составляющихъ Сборникъ.

Беллетристическая его часть, представляемая стихотвореніями (П. И.) Аристова, С*** и Н. Миронова, (стр. XI—XX), не можетъ быть названа удавшейся; поэзіи и изящества тутъ очень мало. «Три сказки» (173 — 187. беллетристико-публицистическаго характера (I. Судъ въ грядущемъ, Садко II. Графъ Л. Н. Толстой и Подхалимовы, Тирру. III. Арбузы, Садко) болѣе удачны въ своемъ родѣ.

Весьма цѣнную часть сборника составляютъ нѣсколько вновь напечатанныхъ писемъ Ѳ. М. Достоевскаго и И. С. Аксакова къ г. Пуцыковичу (писемъ М. Д. Скобелева, обѣщанныхъ на обложкѣ и въ оглавленіи Сборника, въ самой книгѣ—по крайней мѣрѣ, въ нашемъ экземплярѣ—не имѣется). Письма Достоевскаго (5—15) относятся къ 1874—80 гг. и представляютъ нѣсколько интересныхъ моментовъ изъ жизни знаменитаго писателя за это время, исполненное величайшаго напряженія его литературной дѣятельности. Не менѣе, если еще не болѣе, интересны письма Аксакова (16—45), относящіяся къ 1878 — 80 гг., когда И. С., по поводу современныхъ политическихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, проявилъ особенную энергію и смѣлость, какъ ораторъ и публицистъ; эти-то порывы его, прерванные на нѣкоторое время извѣстной ссылкой Аксакова въ село Варварино послѣ надѣлавшей столько шума рѣчи его въ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, картинно и обстоятельно иллюстрируются многочисленными деталями, разбросанными въ письмахъ; Аксаковъ является тутъ съ обычными своими чертами: страстная искренность фанатика, мирившаяся съ замѣчательнымъ тактомъ журналиста, честныя стремленія, проницатель-

ный умъ, желѣзная энергія и чрезвычайная обаятельность убѣжденной и симпатичной натуры.—Письма Достоевскаго и Аксакова, помѣщенныя въ Сборникѣ, имѣютъ весьма важный біографическій интересъ.

Статьи гг. Сергѣя Шарапова «За что любятъ насъ французы»? (XXI—XXXII), Влад. Соловьева «Что требуется отъ русской партіи»? (46—53) и А. Кирѣева «Отвѣтъ заграничному славянину» (271—292) имѣютъ между собою то общее, что, противополагая основамъ и задачамъ русской жизни основы и задачи жизни западной, настаиваютъ на необходимости внести чисто-русскія стремленія и принципы въ нашу общественную и политическую жизнь.

Статья г. Шарапова въ сущности не даетъ отвѣта на поставленный въ ея заглавіи (и—думаемъ—не достаточно серьёзно формулированный) вопросъ. Тутъ говорится о двухъ культурахъ (романо-германской и славянской), объ ихъ исторической роли (первой—въ прошедшемъ, второй — въ будущемъ), о сочувствіи многихъ французскихъ интеллигентныхъ людей Россіи (Поль Дерулэдъ, Люсьенъ Мильвуа); авторъ совѣтуетъ Россіи вступить въ прочныя дружественныя отношенія съ Франціей въ сферѣ политики и сѣтуетъ на то, что направленіе внѣшней нашей политики находится теперь въ значительной зависимости отъ нѣмцевъ... Но за что въ самомъ дѣлѣ «любятъ насъ французы» (какъ убѣжденъ авторъ), статья отвѣта не даетъ.

Г. Влад. Соловьевъ указываетъ на наклонность многихъ русскихъ патріотовъ усвоивать идеи народности и національности съ Запада, отчего имъ естественно приходится впадать въ своей дѣятельности въ очень грубыя ошибки. Авторъ вовстаетъ противъ пассивнаго обрусенія и оправославленія чужихъ элементовъ, живущихъ въ Россіи, и совѣтуетъ поучиться истинному патріотизму у простого русскаго народа, свободнаго отъ исключительной націонализаціи и православнаго фанатизма; автору кажется справедливымъ, чтобы русское правительство предоставило дѣло національнаго и религіознаго объединенія свободной склонности, чуждой насилія. Статья заканчивается слѣдующими словами: «Одно изъ двухъ: или Россія находится въ духовномъ младенчествѣ, и тогда ни о какомъ сознательномъ общественномъ дѣйствіи и ни о какой русской «партіи» не можетъ быть и разговора. Или же для Россіи наступила пора духовной зрѣлости, и въ такомъ случаѣ русская партія должна прежде всего добиваться того, чтобы русскій народъ могъ свободно идти своимъ путемъ. Не внѣшніе враги и соперники, не поляки и нѣмцы на нашихъ окраинахъ составляютъ важную помѣху для правильнаго хода русской жизни; настоящая наша бѣда въ той охранительной системѣ, которая всячески старается внутри самой Россіи похоронить ея вѣру, угасить ея духъ, заглушить ея слово».

Статья г. А. Кирѣева представляетъ весьма живую и талантливую защиту идеаловъ, предначертанныхъ Россіи ея исторіей, противъ того, что требуетъ западная цивилизація и чему во многомъ поддаются южные и западные славяне, требущіе отъ Россіи, во имя «славянской идеи», отрѣшенія отъ наиболѣе характерныхъ и самобытныхъ чертъ ея нравственнаго существованія (каково, напримѣръ, православіе).

Г. Орестъ Миллеръ въ своей статьѣ «Спускала ли «Русь» нашимъ консерваторамъ?» (79—91) старается доказать, что И. С. Аксаковъ, будучи редакторомъ «Руси» велъ послѣдовательную и упорную борьбу съ послѣдователями «консервативнаго» направленія (въ особомъ, эгоистически ретроградномъ смыслѣ этого слова)—въ противоположность мнѣнію редактора «Рус-

скаго Дѣла», который утверждаетъ тутъ же (въ подстрочномъ примѣчаніи къ статьѣ) что «у покойнаго Аксакова были съ нашими «консерваторами» имеѣно «вѣжливо-дипломатическія отношенія».

Особеннаго вниманія русскаго читателя заслуживаетъ помѣщенная въ Сборникѣ статья «Латинство въ западномъ краѣ» неизвѣстнаго автора. Тутъ, на основаніи мѣстныхъ оффиціальныхъ документовъ, рисуется картина польско-католической пропаганды въ нашихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ послѣ подавленія польскаго возстанія 1863 года: польско-католическое духовенство послѣ этой неудачи не теряло времени и усердно распространяло въ западномъ краѣ идеи ненависти къ русской власти, укрѣпляло вѣру народа въ будущую свободу Польши и ярко рисовало передъ нимъ свой идеалъ истиннаго поляка-католика. Пропаганда эта была столь же политической, сколько и религіозной; средствами для нея служили книги, брошюры и всякаго рода другія воззванія въ стихахъ и прозѣ, обращаемыя къ народу, основаніе обществъ, кружковъ и гиковъ; эта пропагандитская литература печаталась въ польскихъ и въ заграничныхъ типографіяхъ и съ большимъ успѣхомъ проникала въ разные слои общества. Въ видѣ иллюстраціи къ этому сообщенію, не оставляющему въ себѣ сомнѣнія вслѣдствіе тѣхъ данныхъ, на которыхъ оно основано и имѣющему не одинъ историческій, но и живой практическій интересъ (такъ какъ указанные въ немъ факты продолжаютъ существовать и донынѣ), къ статьѣ помѣщено три приложенія: 1) «Объ изданіи жмудскихъ книгъ русскимъ алфавитомъ, 2) Переводъ съ жмудскаго одной изъ указанныхъ выше брошюръ, написанныхъ съ цѣлію пропаганды, «Варгай божничесъ католику», т. е. бѣдствія католической церкви, 3) «Митрополитъ Гинтовтъ и русскій учебникъ закона Божія для католиковъ». Мы не имѣемъ здѣсь возможности излагать содержанія этихъ въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ добавочныхъ статей.

Историкъ новой русской литературы, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ прочтетъ въ Сборникѣ статью г. Александра Кояловича «Дѣтство и юность Гоголя» (202—270), представляющую прекрасный, тщательно и систематически обработанный критико-біографическій очеркъ жизни и литературной дѣятельности Гоголя до 1829 г., когда—по мнѣнію автора—съ поѣздкой въ Любекъ кончается юность Гоголя. Авторъ старательно слѣдитъ за творчествомъ Гоголя съ самыхъ первыхъ слѣдовъ его проявленія (сначала въ видѣ, такъ называемыхъ «шутокъ», игры на сценѣ, потомъ стихотвореній, поэмъ, отъ которыхъ, впрочемъ, остались лишь одни косвенныя свѣдѣнія). Уже въ первыхъ творческихъ попыткахъ Гоголя г. А. Кояловичъ справедливо видитъ два теченія; лирическое и комическое и какъ сначала преобладало первое, такъ потомъ оно въ значительной мѣрѣ уступило мѣсто второму. Прочитавши эту статью, нельзя не выразить искренняго желанія, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ о знаменитомъ нашемъ писателѣ, который въ послѣдніе годы привлекъ къ себѣ особое вниманіе изслѣдователей новой русской литературы.

О трехъ остальныхъ статьяхъ Сборника: А. М. Н. «Нѣсколько мыслей по поводу проекта положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ» (54 — 78), К. Толстого, «Свобода и власть; V» (161 — 172) и «Вопль московской промышленности» (188—201) мы лишь упомянемъ, такъ какъ вторая изъ нихъ есть продолженіе статей того же автора, печатавшихся въ «Руси», а первая и третья—довольно спеціальны по содержанію.

Е. П.

Новая исторія (вторая половина XVIII и начало XIX вѣка). Чтенія ординарнаго профессора Казанскаго университета Н. А. Осокина. Казань. 1887.

Среди современныхъ профессоровъ-историковъ г. Осокинъ занимаетъ несомнѣнно одно изъ видныхъ мѣстъ, хотя, можетъ быть, онъ публикѣ очень мало извѣстенъ. Между тѣмъ, болѣе двадцати лѣтъ г. Осокинъ работаетъ для всеобщей исторіи; помимо спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ изученію средневѣковой Италіи и частью Англіи временъ Оливера Кромвеля, имъ уже издано нѣсколько курсовъ по исторіи среднихъ вѣковъ, новаго времени, по исторіи древне-римской республики. Кажется, всѣ данныя на лицо для популярности, если принять во вниманіе умѣнье г. Осокина сжато и содержательно излагать свой предметъ, искусной группировкой фактовъ мѣтко характеризовать эпохи и историческихъ дѣятелей, освѣщать факты, утверждая между ними связь, наконецъ, отыскивать руководящія начала въ различныхъ періодахъ, т. е. понимать духъ событій, идеи этихъ періодовъ, смотря на факты, какъ на отраженіе этихъ идей. Историческій методъ изслѣдованія г. Осокина весьма плодотворенъ; нужно пожелать ему большаго распространенія среди тѣхъ ученыхъ педантовъ (конечно, помѣрѣ силъ и возможности), которые являютъ собой любопытные музейные экземпляры ходячихъ энциклопедій и складочныхъ мѣстъ высиженыхъ знаній фактовъ, годовъ и множества именъ. Въ методѣ г. Осокина двѣ стороны: критическая и группирующая, ибо мало одной критики для опредѣленія дѣйствительности и обстановки факта,—необходимо группировать явленія по ихъ содержанію. Задача исторіи у него опредѣляется, какъ изслѣдованіе законовъ сложенія и роста человѣческаго общества. Исторія человѣчества, поэтому, является у него связнымъ цѣлымъ, въ которомъ существенную роль всегда играли, играютъ и будутъ играть два фактора—идея и личность, по очереди руководя историческими событіями. Поэтому, изложеніе различныхъ эпохъ отличается стройностью, ясностью и увлекательностью на ряду со строгой научностью изслѣдованія. Повторяемъ, можно только пожалѣть, что такіе историки какъ Осокинъ стоятъ какъ-то въ тѣни; его курсы по всеобщей исторіи были бы прочтены интеллигентной публикой и съ интересомъ, и не безъ назиданія. Жаль только, что всѣ они—литографированныя записки университетскихъ чтеній. Многіе ли станутъ читать и покупать литографированныя записки? Это существенная помѣха для распространенія въ публикѣ сочиненій г. Осокина и объ этомъ автору слѣдовало бы позаботиться, издавъ тѣ же курсы въ печатномъ видѣ.

Недавно появившіяся чтенія по новой исторіи трактуютъ въ сорока трехъ лекціяхъ главнымъ образомъ о двухъ великихъ событіяхъ второй половины XVIII вѣка и начала XIX—о французской революціи и о появленіи Наполеона, дѣятельность котораго доведена до заключенія съ Александромъ I Тильзитскаго мира. Посвятивъ первыя четыре лекціи бѣглой и сжатой, но весьма мѣткой характеристикѣ вообще новой исторіи до начала французской революціи въ теоріи, т. е. до развитія философскихъ и политическихъ ученій XVIII вѣка, авторъ подраздѣляетъ время съ XVI по 50-е годы XVIII столѣтія на два большихъ періода. Первый періодъ, реформаціонный, обнимающій полтораста лѣтъ, семидесятыми годами XVI столѣтія дѣлится на двѣ половины, изъ коихъ въ первую происходитъ развитіе и ростъ протестан-

тизма, а во вторую—паденіе его и возрожденіе католицизма. При этомъ германская раса взяла на себя защиту протестантизма, а романская — католицизма. Роковое раздѣленіе историческихъ ролей обусловило взаимную вражду. Вестфальскимъ миромъ заканчивается періодъ реформаціонный, смѣняясь періодомъ политическаго абсолютизма, послужившимъ знакомъ прекращенія преобладанія религіозныхъ интересовъ въ исторіи человѣчества. Періодъ политическаго абсолютизма длится сто лѣтъ, съ 1650 по 1750 годъ, когда въ философскихъ и политическихъ произведеніяхъ стали высказываться революціонныя начала и когда абсолютная монархія смѣнилась ограниченною формою. Разсматривая исторію реформаціоннаго періода во всѣхъ государствахъ Европы, авторъ при изложеніи второго періода останавливается преимущественно на Франціи, въ которой наиболѣе рельефно отражается идея вѣка въ лицѣ Ришелье, Мазарини и Людовика XIV. Франціи же удѣляется львиная доля и въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ вожаку человѣчества въ исторіи XVIII вѣка. Исторіи другихъ государствъ авторъ касается лишь по стольку, по скольку онѣ имѣли отношеніе къ главному дѣйствующему лицу тогдашняго времени, т. е. сначала къ французской революціи съ ея теоретически-философскомъ началомъ и съ террористически-кровавымъ концомъ, а затѣмъ къ Наполеону съ его міровыми завоевательными замыслами, съ его войнами, походами и вообще дѣятельностью международной. Среди повѣствованія о соприкасавшихся съ Франціей государствахъ наиболѣе страницъ посвящено Россіи въ царствованія Павла I и Александра I, при чемъ дѣлается обстоятельная оцѣнка личности послѣдняго, какъ монарха, игравшаго видную роль противника Наполеона.

Противоположность стремленій германской и романской расъ, характеризующая первый и второй періоды Новой исторіи, продолжаетъ отражаться и въ послѣдующее время, проявляясь въ такъ называемомъ колоніальномъ вопросѣ, хотя и уступаетъ первенствующее мѣсто другимъ руководящимъ началамъ. Роковая борьба расъ при участіи колоніальнаго вопроса косвеннымъ образомъ содѣйствовала уничтоженію политическаго абсолютизма. Упроченіе американской конституціи послужило для разныхъ странъ Европы заразительнымъ примѣромъ, содѣйствуя паденію абсолютизма, наряду съ тѣмъ движеніемъ свободной мысли, вышедшимъ изъ Англіи, въ нравственномъ, философскомъ, богословскомъ и политическомъ направленіяхъ. Наблюдая движеніе философскихъ идей XVIII вѣка, можно сгруппировать ихъ въ три категоріи: 1) успѣхи деизма, философіи либеральной монархіи, 2) деизмъ обращается въ атеизмъ, философскія теоріи—въ матеріализмъ и сенсуализмъ, въ политикѣ—въ полное равнодушіе къ конституціи, 3) реакція противъ матеріалистическихъ идей, возстановленіе религіи, какъ культа и проповѣди соціальной республики. Источники идей перваго періода въ Англіи—Локкъ и Ньютонъ, во Франціи центры развитія деизма и конституціонализма—Вольтеръ и Монтескье. Во второмъ періодѣ дѣйствуютъ Дидро и энциклопедисты, не высказывая объ атеизмѣ и матеріализмѣ ничего новаго, неизвѣстнаго древней философіи; въ третьемъ появляется Руссо, возстановившій права сердца, не касавшійся непосредственно христіанства, въ области политической, въ своихъ трактатахъ высказывавшійся за республику, даже иногда въ соціальномъ видѣ.

Послѣ вопросовъ сердца, экономическіе вопросы являются наиболѣе вліятельными. Политическія и общественныя идеи имѣли успѣхъ во Франціи

единственно потому, что были связаны съ интересами экономическими. Чрезъ осуществленіе ультра-радикальныхъ теорій казалось легче достичь матеріальныхъ благъ. Ненормальные жизненные контрасты между нищенствующимъ народомъ и безмѣрной роскошью привиллегированныхъ классовъ напоминали положеніе древне-римскаго общества во время политическаго переворота, предшествовавшаго превращенію республики въ монархію. Это было сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ и постепенное разореніе массы мелкихъ землевладѣльцевъ. Дворъ безумно тратилъ государственную казну, Людовикъ XV на одну маркизу Помпадуръ истратилъ болѣе 100 милліоновъ по теперешней стоимости денегъ, одинъ придворный штатъ поглощалъ болѣе 40 милліоновъ. Послѣдовало общее разстройство промышленности и торговли. Общество погрязло въ стремленіяхъ къ наживѣ, эгоизмѣ и въ чувственности. Естественнымъ выводомъ такого положенія была вспыхнувшая революція, предвозвѣстниками которой были многочисленные бунты голодныхъ, повторявшіеся изъ года въ годъ. Расшатавъ государственный строй Франціи, революція принесла только пользу отрицательную, ибо въ скоромъ времени отъ нея не осталось и слѣда. Революція породила Наполеона въ томъ смыслѣ, что представляла удобное время для произвольнаго захвата власти. Этимъ временамъ геніальный полководецъ и воспользовался, захвативъ власть прямо изъ рукъ народа, явившись какъ бы воплощеніемъ демократическихъ интересовъ подобно тому, какъ Цезарь явился воплощеніемъ въ своей личности революціи въ римской республикѣ. Наступаетъ время наполеоновской диктатуры (1800—1815), за которымъ слѣдуетъ періодъ реакціи (1815—1830), когда революціонный духъ скрывается въ нѣдрахъ общества, съ 30 по 48 годъ мы опять видимъ революціонныя начала, направленныя въ другую сторону — въ сторону возрожденія угнетенныхъ націй и торжества 3-го сословія — буржуазіи. Съ перваго взрыва соціальныхъ революцій наступаетъ четвертый періодъ, исходъ котораго опредѣлить еще нельзя. Существенный характеръ этого періода есть борьба во внутренней сферѣ труда съ капиталомъ, а въ области внѣшней политики— торжество національнаго начала, выразившееся въ объединеніи Италіи и Германіи, въ таковыхъ же порывахъ другихъ народностей, лишившихся политической самостоятельности, въ стремленіи всѣхъ сословій принять равномѣрное участіе въ дѣлахъ правленія.

Военный деспотизмъ Наполеона игралъ народами и престолами какъ шашками, далъ Франціи внѣшній блескъ взамѣнъ внутренняго развитія, а для Европы былъ полезенъ въ качествѣ пропаганды революціонныхъ идей, которыя измѣнили внутренній строй Запада. Идеи въ эту эпоху перестали преобладать и смѣнились личностями. Разница между исторіей революціи и исторіей Наполеона заключается въ способѣ дѣйствій. Раньше все дѣлалось для народа при посредствѣ народа, а при Наполеонѣ—все для народа, но ничего черезъ народъ. Въ такой политикѣ таился зародышъ гибели для Наполеона, ибо онъ въ своемъ деспотизмѣ и самообольщеніи преступилъ границы народныхъ интересовъ и погибъ отъ руки того же бога, которому безсознательно служилъ. Никто не будетъ возражать противъ того, что не идеальныя условія побуждали Наполеона содѣйствовать движенію народа, что личные интересы самого завоевателя направляли исторію перваго періода XIX вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ, Наполеонъ, какъ представитель цезаризма, опираясь на народную массу, ради своихъ интересовъ отстаивая интересы народные, дѣй-

ствовалъ совершенно въ духѣ революціи, пока не погибъ отъ того же оружія, которымъ боролся. Въ пропагандѣ революціонныхъ идей—великая историческая заслуга Наполеона.

С. Т—въ.

Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ Н. Вулича. Часть первая. Казань. 1887.

Съ величайшимъ удовольствіемъ, какъ самый занимательный романъ, прочли мы книгу г. Вулича и рекомендуемъ ее всѣмъ тѣмъ, кому дорога правдивая исторія русскаго просвѣщенія. Эта лѣтопись «первыхъ лѣтъ» Казанскаго университета, которую возстановляетъ передъ нами «по архивнымъ документамъ» авторъ разбираемой нами книги, принадлежитъ къ поучительнѣйшимъ страницамъ въ общей исторіи нашихъ университетовъ! Какіе люди! Какіе нравы! Какіе удивительные типы возникаютъ передъ нами, какъ живые, изъ архивной пыли! И опять на глазахъ развертывается все та же, давно знакомая картина: благія начинанія и благія намѣренія правительства, проводимыя въ жизнь усерднымъ не по разуму высшимъ начальствомъ и осуществляемыя плутами, ничего не имѣющими въ виду, кромѣ своекорыстныхъ расчетовъ. Университетъ открыли среди гимназіи и въ одномъ зданіи съ нею, и всѣхъ профессоровъ ея, какъ и все преподаваніе, вручили вѣдѣнію знаменитаго директора Яковкина, которому вполнѣ довѣрялъ попечитель Румовскій; а между тѣмъ, этотъ Яковкинъ представлялъ собою типъ такого Тюртюфа «въ русскомъ чиновничьемъ вкусѣ», что, благодаря его проискамъ и затѣямъ университетъ Казанскій цѣлыя девять лѣтъ не могъ выбиться изъ-подъ его ферулы, и хотя былъ открытъ въ 1804 г., но самостоятельную жизнь началъ не ранѣе, какъ съ 1814 года. Чтобы охарактеризовать этотъ періодъ полнаго самовластія Яковкина въ области казанской университетской науки, г. Буличъ замѣчаетъ очень остроумно:

«Какъ Людовикъ XIV, въ извѣстныхъ словахъ, соединялъ въ своей личности представленіе о цѣломъ государствѣ и являлся полнымъ его выразителемъ, такъ точно и Яковкинъ, въ теченіе слишкомъ девяти лѣтъ, пока не было допущено въ Казанскомъ университетѣ самоуправленіе по смыслу устава 1804 года, могъ съ полнымъ сознаніемъ произнести подобную же знаменательную фразу: «университетъ—это я!»

Впрочемъ, въ началѣ, какъ это обыкновенно водится, всѣ были всѣмъ очень довольны. «Юноши, новые студенты, удовлетворялись сознаніемъ, что ихъ произвели въ студенты; подчиненные спѣшили выполнять приказанія начальства, а попечитель Румовскій — осуществить идею правительства... О томъ какая будущность ожидаетъ въ Казани университетское преподаваніе—никто не думалъ».

Какъ при всякомъ подобномъ предпріятіи, затѣваемомъ въ Россіи, прежде всего озаботились не о «будущности преподаванія», а о постройкахъ, которыя обѣщали быть прибыльными для многихъ, а потому и возбуждали сильнѣйшій аппетитъ къ казенному пирогу и къ дутымъ смѣтамъ, какъ всегда, начинавшимся съ очень скромныхъ цифръ и быстро возроставшимъ до удивительныхъ размѣровъ.

Вскорѣ послѣ открытія университета, начинаются столкновенія совѣта профессоровъ съ директоромъ Яковкинымъ, который тотчасъ же рапортуетъ

попечителю, что гг. профессора «возмнили директора подвергнуть отвѣту предъ совѣтомъ и, вмѣсто предписаннаго пособія директору, мнять быть его судьями и правителями, къ предосужденію высшаго, постановленнаго надъ нимъ законнаго начальства, въ особѣ Вашего Превосходительства».

Стрѣла, ловко пущенная опытнымъ казуистомъ-директоромъ, конечно, достигла своей цѣли, и «возмнившіе» профессора получили надлежащую нахлобучку. Но они поддались не сразу и вступили въ продолжительную, совершенно-безполезную борьбу съ Яковкинымъ, который восторжествовалъ надъ ними во всѣхъ пунктахъ и привелъ, наконецъ, совѣтъ къ полной покорности.

Картины нравовъ университетскихъ, выставленныя г. Буличемъ, во многихъ отношеніяхъ изумительны. Особенно характерны тѣ чисто-опекунскія заботы, которыя иногда начальство принимаетъ на себя по отношенію къ профессорамъ, вникая въ каждый ихъ шагъ или занимаясь разборомъ самыхъ грязныхъ семейныхъ дрязгъ и сплетенъ. Такъ напр. профессоръ изъявляетъ желаніе выписать сочиненіе въ 2-хъ томахъ: «Recherches sur les différentes modifications de l'athmosphère»; но попечитель этой выписки не разрѣшаетъ на томъ основаніи, что эта книга, «при огромности своей, мало принесетъ пользы учащимся, потому что ни о чемъ больше въ ней не предлагается, какъ о воздухѣ». Или вотъ напримѣръ жена профессора Стортля (бывшая кухарка) ссорится съ какою-то сосѣдкою, женою наборщика; профессоръ вступается въ ссору, разнимаетъ расходившихся бабъ и подвергаетъ оскорбленію на словахъ. Немедленно онъ подаетъ латинскую жалобу начальнику (Яковкину) на жену наборщика, которая «publice dicere ausa est me Высокоблагородною non tantum non esse, sed subjunxit: plures tales esse hoc nomine indignos»; поэтому Стортль просилъ Яковкина «ut petulentiram hujus mulieris comprimat et lascivientem linguam corrigat». Дѣло поступило на разсмотрѣніе высшаго начальства, которому Стортль писалъ уже о женѣ наборщика: «la femme de S. a dit que le fruit, dont ma femme est enceinte, n'est (!) pas été de moi» и т. д.

Вотъ каковы были нравы и въ профессорской коллегіи! Мудрено ли, что осторожный и расчетливый Яковкинъ могъ среди нея властвовать и покорить ее своему вліянію.

П. П.

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Біографическія свѣдѣнія. Полтава. 1887.

Небольшая брошюра эта (24 страницы) написана въ опроверженіе не «записокъ Н. Н. Муравьева», какъ сказано въ предисловіи, а одной фразы этихъ записокъ, въ которыхъ покоритель Карса называетъ «русскаго Баярда» «безтолковымъ генераломъ». Эпитетъ, дѣйствительно, грубый и несправедливый, тѣмъ болѣе, что онъ скорѣе могъ быть примѣненъ ко многимъ распоряженіямъ самого кавказскаго главнокомандующаго. Брошюра подписана: «Гр. М.» и принадлежитъ очевидно одному изъ потомковъ графа Милорадовича. Вступаться за оскорбленіе дорогого намъ человѣка, который самъ не можетъ отвѣчать на обвиненія — черта уважительная, хотя въ сужденіи о близкихъ къ намъ лицахъ мы не можемъ быть вполнѣ безпристрастны, какъ и въ своемъ дѣлѣ. Окончательный приговоръ надъ историческими лицами долженъ быть предоставленъ историкамъ. Но и здѣсь рѣшительное слово

должно быть предоставлено писателямъ авторитетнымъ и заслужившимъ общее уваженіе и довѣріе. Между тѣмъ первую цитату о Милорадовичѣ авторъ брошюры беретъ не у Милютина, Богдановича или у кого нибудь изъ современныхъ и вполнѣ компетентныхъ военныхъ писателей, а у Михайловскаго-Данилевскаго! И что же говорится въ этой цитатѣ? что Милорадовичъ «рисовался вездѣ на статномъ конѣ, въ орденахъ и шляпѣ съ разноцвѣтными перьями, съ длинною трубкою въ рукѣ, распоряжаясь величаво». Онъ дѣйствительно герой не только историческій, но и народный, легендарный и сужденія о его подвигахъ авторъ брошюры совершенно основательно подтверждаетъ мнѣніями Ермолова, Евгенія Виртембергскаго, Граббе, Остенъ-Сакена. Только реляціями и оффиціальными донесеніями, хотя бы и Суворовскими, излишне было доказывать храбрость генерала. Муравьевъ выражаетъ сомнѣніе даже въ храбрости Милорадовича, говоря, что «не имѣлъ повода въ томъ удостовѣриться» и упоминая о томъ, что «иные считали его даже искуснымъ полководцемъ», прибавляетъ: «но кто зналъ лично бестолковаго генерала сего, тотъ вѣрно имѣлъ иное мнѣніе о его достоинствахъ». А вотъ именно достоинство его не только какъ храбраго, но и какъ искуснаго полководца подтверждаютъ всѣ лица упоминаемыя авторомъ брошюры. Такимъ образомъ, пристрастная выходка желчнаго прапорщика (всѣ Муравьевы недоброжелательно относились къ чужимъ заслугамъ) совершенно опровергается показаніями современниковъ Милорадовича и исторіей. У него были, конечно, свои недостатки, какъ у всякаго человѣка, но къ нимъ нельзя причислить недостатокъ храбрости и распорядительности. Его упрекали за излишнюю горячность, нерѣдко вводившую его въ ошибки (но какой же полководецъ не дѣлалъ ихъ?) за слабость къ прекрасному полу; по словамъ принца Евгенія Виртембергскаго «его часто принимали за фанфарона», но тотъ же принцъ называетъ его «героемъ въ истинномъ значеніи этого слова». Авторъ брошюры приводитъ въ ней нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, характеризующихъ эту симпатичную личность и, между прочимъ, переговоры его съ Мюратомъ и Себастіани о свободномъ выходѣ изъ Москвы арьергарда русской арміи (отвѣтъ его на плохомъ французскомъ языкѣ, впрочемъ, очень теменъ). Но въ цѣломъ брошюра носитъ отпечатокъ опроверженія, составленнаго слишкомъ на скорую руку. Такъ приведя одну, упомянутую выше цитату, авторъ говоритъ, что вообще «показанія Муравьева проникнутыя какимъ-то особымъ озлобленіемъ, выставляютъ Милорадовича самымъ бездарнымъ, безхарактернымъ человѣкомъ, чуть ли не трусомъ и подлецомъ». Эти постыдные эпитеты, напечатанные въ брошюрѣ курсивомъ, посильнѣе обвиненія въ бестолковости и противъ нихъ прежде всего слѣдовало бы вооружиться. Авторъ напрасно говоритъ, что «разбирать подобныя сужденія, послѣ всѣхъ отзывовъ о Милорадовичѣ, значило бы оскорблять русскій военный мундиръ, оскорблять Россію». Ни Россія, ни мундиръ не оскорбились бы, если бы авторъ привелъ подлинныя сужденія Муравьева и сопоставилъ ихъ съ признанными всѣми фактами, обнаружилъ бы всю мелочную, пристрастную завистливость, всѣ низменныя побужденія подобныхъ сужденій, позорящихъ не того, къ кому они относятся, а того, кто ихъ высказываетъ.

В—ъ.

Дневникъ генеральнаго хорунжаго Николая Ханенка. 1727—1753 г. Изданіе редакціи «Кіевской Старины». Кіевъ. 1887.

О существованіи дневника Николая Ханенка спеціалисты знаютъ уже лѣтъ тридцать; изданію же этого памятника суждено было осуществиться только весьма недавно на страницахъ «Кіевской Старины». Между тѣмъ, дневникъ Ханенка вмѣстѣ съ дневникомъ Якова Марковича представляютъ собою два важнѣйшіе памятника для изученія исторіи Малороссіи средины XVIII в., когда политическая жизнь этой страны начала терять самобытныя формы и стала сливаться съ общерусскою жизнью. О. М. Бодянскому удалось напечатать лишь часть дневника, касающуюся первой половины 1722 г. и составляющую отдѣльное цѣлое. Теперь, наконецъ, исполнилось давнишнее желаніе тѣхъ, кто не имѣлъ возможности познакомиться съ нимъ въ рукописи. Рукопись «Дневника» писана на отдѣльныхъ тетрадкахъ въ 4-ку, мелкимъ, своеобразнымъ почеркомъ, которыя въ позднѣйшее уже время переплетены въ одну книгу. Точно мы не знаемъ, съ котораго года начатъ дневникъ: Бодянскій упоминаетъ, что онъ видалъ первую дату—9 ноября 1719 года. Теперь же начало его относится всего къ 1727 году, и притомъ въ срединѣ недостаетъ цѣлыхъ семи лѣтъ (1734—1741).

Генеральный хоружій Николай Ханенко принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ родился въ 1691 году, рано остался сиротою и въ младенчествѣ былъ взятъ на воспитаніе въ семью дѣда Ломиковскаго, отсюда поступилъ въ Кіевскую академію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Яковомъ Марковичемъ. Кіевская академія не вполнѣ удовлетворила пытливый умъ Николая Ханенка: онъ ученіе доканчивалъ въ львовской академіи, гдѣ около 1710 года кончилъ курсъ. Въ этомъ же году, онъ поступилъ на службу въ ряды войска, а въ 1717 году перешелъ въ генеральную канцелярію. Пользуясь покровительствомъ гетмана Скоропадскаго, Ханенко въ 30 лѣтъ былъ уже «старшимъ канцеляристомъ» т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря, «реентомъ»; эта должность пользовалась большимъ значеніемъ и ее обыкновенно занимали близкіе гетману люди. По смерти Скоропадскаго, Ханенко сдѣлался подручнымъ человѣкомъ у Полуботка при исполненіи болѣе важныхъ порученій. Такъ онъ былъ посланъ въ числѣ депутатовъ къ Петру Великому отъ Полуботка и якобы отъ имени всего народа съ цѣлью хлопотать объ избраніи новаго гетмана послѣ смерти Скоропадскаго. Какъ извѣстно, Полуботокъ былъ арестованъ за составленіе подложныхъ челобитныхъ, заключенъ въ «каменный замокъ петербургскій», а вмѣстѣ съ нимъ и Ханенко. Послѣднему поручили быть «въ гарнизонной школѣ учителемъ дѣтей офицерскихъ и солдатскихъ» и даже «водили, по словамъ Бодянскаго, изъ крѣпости во дворецъ давать кому-то уроки». Несомнѣнно, что Ханенко былъ отмѣченъ изъ числа другихъ въ силу своего образованія и 1726 года выпущенъ съ исключительной милостью. Онъ былъ приближенъ Апостоломъ и сопутствовалъ всегда ему въ Москву. Пробывъ десять лѣто на урядѣ судейства, Ханенко въ 1738 году получилъ урядъ полковаго обознаго, на которомъ оставался тринадцать лѣтъ, пока въ 1741 году не былъ поставленъ генеральнымъ бунчужнымъ. Въ 1732 году, Ханенко женился на дочери бунчуковаго товарища Петра Корецкаго и имѣлъ отъ этого брака трехъ сыновей и пять дочерей. Старшаго сына своего Ханенко отправилъ въ нѣмецкій университетъ, что доказываетъ, какъ высоко этотъ чело-

вѣкъ цѣнилъ образованіе, ибо такіе факты очень рѣдки для Малороссіи XVIII вѣка. Младшій его сынъ былъ посланъ въ Петербургъ для занятій подъ руководствомъ академика Модераха. При гетманѣ Разумовскомъ Ханенко былъ правителемъ его «походной» канцеляріи. Въ 1760 году, Ханенко умеръ. Чтобы познакомить читателя со степенью образованности Ханенка, со взглядами на цѣль и значеніе образованія, мы приведемъ любопытный отрывокъ изъ «увѣщанія», которое онъ написалъ сыну своему Василію предъ отправленіемъ его за границу: «Обучаться же тебѣ»,—писалъ Ханенко сыну—латинскаго и французскаго языковъ, не забывая и нѣмецкаго, а если допуститъ время, хотя и другихъ какихъ: и такой успѣхъ въ оныхъ стараться получить, чтобъ моглъ еси чинно и свободно оными разговаривать и самымъ изряднымъ стилемъ писать, найпаче же и всякихъ высокихъ авторовъ на тыхъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать былъ бы еси достаточенъ; а сверхъ языковъ долженъ еси обучаться совершенно церковной и свѣтской, генеральной и партикулярной исторіи, такожъ ученію поэтики, реторики съ стилемъ, логики, физики и метафизики, хотя по части да отъ математики, ариѳметики, логистики и астрономики, геометріи, тригонометріи и геометріи практики, то есть геодезія, архитектуры воинской и гражданской, географіи, этики, экономики, политики, юриспруденціи и механики, да и протчаго; въ томъ числѣ хотя бы какого и художества честнаго, напримѣръ: фехтуры, т. е. живописи, музыки, либо какого другаго майстерства, что честному и ученому человѣку къ знанію и искусству благопристойно; чемуже изъ вышеописанныхъ наукъ, либо художествъ, обучатися будешь, то постарайся, чтобъ въ томъ ученіи и искусствѣ получить тебѣ совершенную теорію и практику: дабы за возвращеніемъ твоимъ въ отечество наше показалъ еси въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было твое образованіе и въ наукахъ не напрасно потеряно твое время».

С. Т—въ.

Переписныя книги Ростова Великаго второй половины XVII вѣка. Изданіе А. А. Титова. Спб. 1887.

Переписныя книги Ростова, различныхъ годовъ, уже появлялись въ нашей литературѣ отдѣльными изданіями. Такъ, предсѣдатель московскаго биржеваго комитета, Н. А. Найденовъ, издалъ въ 1884 году въ Москвѣ, переписныя книги Ростова 1646, 1678, 1709 и 1749 годовъ (вторая ревизія), списки съ которыхъ находятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Ранѣе его въ 1880 году, А. А. Титовъ издалъ «Дорожныя и переписныя книги древняго города Ростова» съ двухъ подлинныхъ книгъ 1619 и 1692 гг., находящихся въ его извѣстномъ собраніи рукописей. Нынѣ изданный г. Титовымъ документъ относится къ второй половинѣ семнадцатаго вѣка, какъ можно заключать на основаніи данныхъ, въ немъ заключающихся, такъ и по сличенію его г. Титовымъ съ другими переписными книгами, между прочимъ, и съ книгами, изданными г. Найденовымъ. Полной «Писцовой книги» города Ростова, сколько извѣстно, не сохранилось.

Обнародованный нынѣ г. Титовымъ матеріалъ заключаетъ въ себѣ много данныхъ для топографіи города Ростова въ семнадцатомъ столѣтіи, а также разъясняетъ тогдашнее экономическое состояніе его обитателей. Извѣстно, что въ настоящее время главная промышленность жителей Ростовскаго

уѣзда заключается въ огородничествѣ. Изъ переписныхъ книгъ XVII вѣка видно, что огородничество занимало тогда первенствующее мѣсто въ числѣ другихъ промысловъ жителей Ростова, отъ котораго оно постепенно распространилось и укоренилось среди сельскаго населенія нынѣшняго его уѣзда. Такъ въ переписныхъ книгахъ безпрестанно упоминается, что такой-то посадскій только тѣмъ и кормится, что «пашетъ огурцы, лукъ и чеснокъ, хмѣль» и т. д. Слѣдовательно, ростовцы уже впродолженіе трехъ столѣтій усвоили себѣ огородничество, въ видѣ кореннаго промысла. Но не всѣ ростовцы въ XVII вѣкѣ «кормились по огородамъ заступомъ», какъ говорится объ огородникахъ въ переписныхъ книгахъ. О нѣкоторыхъ изъ жителей Ростова сказано, что они «съ той огородной земли тягла нынѣ не тянутъ, ибо чинятся сильны». Подобными «сильными людьми» были въ XVII вѣкѣ, напримѣръ, Никифоръ и Василій Клементьевы, Кекины. Послѣдній родъ въ Ростовѣ существуетъ и донынѣ. Нынѣшній Кекинъ принадлежитъ къ числу дѣятельныхъ возобновителей Ростовскаго кремля и къ числу вкладчиковъ въ тамошній музей церковныхъ древностей.

Немало было въ XVII вѣкѣ въ Ростовѣ «торговыхъ людей». Этому способствовало положеніе Ростова, на пути торговаго движенія Москвы съ Архангельскомъ и Астраханью чрезъ Ярославль. Уже въ то время, по словамъ переписныхъ книгъ, были въ Ростовѣ на площади «лавки и скамьи, торгуютъ всякими разными товарами». Многіе изъ жителей Ростова ѣздили по «базаришкамъ» съ иголками, булавками и другими мелочными товарами. Торговали также «солью въ развѣсъ и рыбою въ рѣжъ». Не надобно забывать, что въ половинѣ XVII вѣка Ростовъ только оправлялся послѣ испытаннаго имъ «литовскаго разоренія». Но торговый промыселъ въ то время былъ уже очень выгоднымъ для жителей Ростова, потому что чрезъ сто лѣтъ тамъ сформировались на столько крупныя коммерческія фирмы, что онѣ уже вели обширныя торговыя дѣла чрезъ Оренбургъ съ средне-азіатскими государствами и народами.

П. У.

«Полтава» А. С. Пушкина. Опытъ разбора поэмы. Составилъ Е. Воскресенскій. Ярославль. 1887.

Чествованіе пятидесятилѣтней годовщины дня кончины нашего великаго поэта ознаменовалось появленіемъ множества брошюръ, имѣющихъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ произведеніямъ писателя, составляющаго нашу народную славу. Въ прошломъ году, г. Воскресенскій напечаталъ опытъ разбора трагедіи «Борисъ Годуновъ», теперь тотъ же авторъ является съ разборомъ «Полтавы», съ тою же педагогическою цѣлью: изученія въ средней школѣ этихъ произведеній, имѣющихъ важное значеніе при преподаваніи курса новой русской литературы. «Полтава», кромѣ того, даетъ поводъ говорить и о теоріи эпоса, хотя г. Воскресенскій и не признаетъ ее образцомъ исторической поэмы, что совершенно основательно. Сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что русская литература только съ Пушкина становится національной и самостоятельной, и что поэтъ первый воспроизвелъ русскую дѣйствительность въ настоящее время и въ исторической старинѣ, авторъ находитъ, что между произведеніями поэта, посвященными характеристикѣ преобразователя Россіи, первое мѣсто принадлежитъ «Полтавѣ». Между тѣмъ Пушкинъ въ сво-

ихъ запискахъ говоритъ, что поэма, при появленіи ея въ 1828 году, успѣха не имѣла. Г. Воскресенскій приводитъ все, что относится къ «Полтавѣ» въ сочиненіяхъ самого Пушкина и отзывахъ объ ней, сравниваетъ пушкинскую характеристику Мазепы съ байроновскою, говоритъ о двойственности плана поэмы, ея красотахъ, считаетъ главною мыслью поэмы, завязкою ея, все-таки любовь, пріуроченную только къ историческимъ лицамъ. Но, изобразивъ съ чисто шекспировскимъ знаніемъ человѣческой природы возникновеніе и развитіе любви Маріи къ Мазепѣ, съ изумительнымъ богатствомъ и роскошью красокъ, Пушкинъ и историческую часть поэмы «постарался возвести въ перлъ созданія». Не только «постарался», но и достигъ этого. Характеристика дѣйствующихъ лицъ поэмы изображена вѣрно. Авторъ цитируетъ Бѣлинскаго, Анненкова, Страхова, Евстафьева и др. и вообще прочелъ все, что написано о поэмѣ болѣе компетентными критиками. Подобные «опыты разбора» слѣдовало бы примѣнить и ко всѣмъ произведеніямъ Пушкина, не смотря на то, что объ нихъ писано не мало. Надобно было бы также упомянуть и о критикѣ лицъ, относившихся къ поэту не съ одними похвалами, какъ напр. о статьѣ Ксенофонта Полевого въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 года, Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества», «Галатеи» того же года, М. Максимовича въ «Атенеѣ» и пр. Мы не понимаемъ также необходимости «темъ и вопросовъ для изученія», приложенныхъ къ брошюрѣ г. Воскресенскаго. Не говоря уже о томъ, что, напримѣръ, такіе вопросы, какъ «причины успѣха Петра въ войнахъ со шведами», или «значеніе реформъ Петра Великаго» — не имѣютъ никакого отношенія къ поэмѣ, польза всѣхъ подобныхъ темъ и вопросовъ весьма сомнительна.

В. З.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества, т. 57. Спб. 1887. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III. 1764—1766. (Изд. подъ набл. барона Ѳ. А. Бюлера при участіи В. А. Уляницкаго).

Первые два тома историческихъ документовъ, входящихъ въ составъ политической переписки императрицы Екатерины II, составившіе 48 и 51 томы «Сборника» императорскаго русскаго историческаго общества и въ свое время были обстоятельно разсмотрѣны нашимъ почтеннымъ сотрудникомъ профессоромъ Брикнеромъ. Въ вышедшемъ третьемъ томѣ этой переписки, захватывающей 1764—1766 годы царствованія императрицы Екатерины II, преобладаютъ документы, представляющіе интересъ съ точки зрѣнія нашихъ внѣшнихъ сношеній. Но немало здѣсь документовъ чрезвычайно важныхъ для уясненія вопросовъ внутренняго строя нашего обширнаго отечества. Такія окраины Россіи, какъ Крымъ и передній Кавказъ, тѣсно связанныя нынѣ съ общей территоріей нашей имперіи, при Екатеринѣ II были еще предметомъ борьбы, изъ которой Россія вышла побѣдительницей. Борьба велась не только на полѣ брани, но и на почвѣ дипломатическихъ переговоровъ и конфиденціальныхъ порученій нашимъ уполномоченнымъ и довѣреннымъ лицамъ. Все это отразилось въ публикуемой нынѣ дипломатической перепискѣ Екатерины II и проливаетъ яркій свѣтъ на исторію нашихъ окраинъ. Здѣсь вопросы внѣшней и внутренней политики оказывались столь тѣсно связанными, что историкъ внутренняго быта нашей страны найдетъ

въ издаваемыхъ нынѣ матеріалахъ столько же важныхъ для него свѣдѣній, сколько и изслѣдователь въ области дипломатическихъ сношеній нашего правительства съ иностранными державами. Особо отмѣтить надо при этомъ цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ польскимъ дѣламъ по вопросу объ избраніи въ короли графа Понятовскаго, о диссидентахъ, объ отношеніи Польши къ другимъ державамъ и въ особенности къ Пруссіи и т. д. Вообще же третій томъ «политической переписки Екатерины II», подобно предъидущимъ, является богатѣйшимъ подборомъ интереснѣйшихъ историческихъ данныхъ, которые ждутъ еще своей разработки и надлежащей оцѣнки.

Е. Г.

---

29 января 1887 года. Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. Изданіе Императорскаго Александровскаго лицея. Спб. 1887. 53 стр. Съ портретомъ и автографами.

Въ обширномъ кругѣ произведеній, вызванныхъ пятидесятилѣтіемъ кончины нашего великаго поэта, эта небольшая книжка занимаетъ довольно видное мѣсто, какъ по составу помѣщенныхъ въ ней статей, такъ и по изяществу типографской стороны изданія, и по цѣннымъ приложеніямъ.

Въ книжкѣ помѣщены рѣчи академика Я. К. Грота, профессора лицея И. Н. Жданова и В. П. Гаевскаго, извѣстнаго знатока произведеній Пушкина, и прекрасное стихотвореніе В. Р. Зотова. Академикъ Гротъ (лицеистъ VI выпуска) охарактеризовалъ въ своей рѣчи лицейскій бытъ временъ Пушкина и разсмотрѣлъ внимательно тѣ условія, среди которыхъ поэтъ развивался и создавалъ свои первыя, такъ называемыя «лицейскія стихотворенія». Г. Ждановъ произнесъ довольно туманную рѣчь «о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы», а г. Гаевскій (лицеистъ XIV выпуска) очень вѣрно и тонко охарактеризовалъ «вліяніе лицея на творчество Пушкина». Къ книжкѣ приложены снимки съ принадлежащихъ лицею двухъ автографовъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина и съ акварельнаго портрета Пушкина, въ лицейской формѣ. Этотъ портретъ, представляющій намъ Пушкина въ очень раннемъ періодѣ его молодости, до сихъ поръ не былъ извѣстенъ. Онъ былъ снятъ передъ выходомъ Пушкина изъ лицея и первоначально принадлежалъ бывшему директору лицея Е. А. Энгельгардту. Послѣ его смерти, онъ перешелъ въ собственность къ товарищу и другу Пушкина, Ф. Ф. Матюшкину, который подарилъ его Е. А. Куломзиной (урожденной Замятиной), у которой находится и въ настоящее время. Портретъ незамѣчателенъ и ничего не прибавляетъ новаго къ пушкинскому типу. Нижняя часть лица выполнена художникомъ, очевидно, не съ натуры, а наобумъ, потому что очертанія губъ смягчены и напоминаютъ собою скорѣе лица модныхъ картинокъ, нежели ротъ живого человѣка.

П. Л. В.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть вторая. Составилъ В. Зелинскій. М. 1887.

Г. Зелинскій усердно продолжаетъ начатый имъ трудъ собиранія критическихъ отзывовъ о нашихъ выдающихъ авторахъ. Еще года не прошло со времени появленія первой части критическихъ статей о Пушкинѣ, а г. Зе-

линскій уже подноситъ публикѣ вторую часть ихъ. Можно, конечно, не вполнѣ соглашаться съ составителемъ этихъ книжекъ въ слишкомъ сплошномъ выборѣ собираемыхъ имъ статей, но нельзя отрицать нѣкоторой пользы, которую, вѣроятно, извлекутъ изъ нихъ многіе преподаватели, не имѣющіе возможности рыться въ старыхъ журналахъ и ненаходящіе у себя подъ рукою обширныхъ и хорошо составленныхъ библіотекъ. Одно только представляется намъ не вполнѣ яснымъ: — какой системы будетъ держаться г. Зелинскій при выборѣ критическихъ стотей о Пушкинѣ, когда онъ перейдетъ въ 30 и 40 года?... Вѣдь тутъ, если не положить разъ навсегда одну строгую методу въ основу своего выбора,—то прійдется печатать цѣлую библіотеку отзывовъ о Пушкинѣ. Однѣ критическія статьи Бѣлинскаго составляютъ уже цѣлый томъ, и даже весьма объемистый! Предполагая, однакожъ, что г. Зелинскій уже избралъ себѣ опредѣленный планъ для продолженія своей работы, мы хотѣли бы только, чтобы онъ яснѣе высказался его при слѣдующемъ выпускѣ своего труда.

П. П.

Ванька Каинъ. Историческій очеркъ Д. Л. Мордовцева. Изданіе второе. Спб. 1887.

Появленіе этой книжки вторымъ изданіемъ указываетъ на то, что она читается, что ея содержаніе занимательно и любопытно для многихъ. Тэма, избранная г. Мордовцевымъ, дѣйствительно, очень богата и о ней можно было бы напечатать не одну такую книжку, какъ вышедшая въ настоящее время. Думаемъ даже, что эта тэма заслуживала бы и болѣе серьёзной обработки. Г. Мордовцевъ, не вдаваясь ни въ какую самостоятельную разработку обильнаго историческаго матеріала, собраннаго другими изслѣдователями для выясненія личности «Ваньки Каина», ограничился только тѣмъ, что изложилъ фактическую сторону его похожденій по печатнымъ источникамъ, изданнымъ другими (преимущественно г. Есиповымъ). Похожденія эти разсказаны довольно связно и изложены безъ всякихъ притязаній. Кое-какіе выводы, сдѣланные г. Мордовцевымъ нѣсколько поспѣшно, совершенно пропадаютъ въ массѣ фактовъ, полныхъ весьма своеобразнаго интереса. Книжкѣ, вѣроятно, предстоитъ дожить и до послѣдующихъ изданій.

П. П.

Dr. Jreland. Психозы въ исторіи. Переводъ М. С. Вуба. Подъ редакціей проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ. 1887.

Сочиненій, посвященныхъ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ историческихъ событій съ психіатрической точки зрѣнія, очень мало даже въ иностранной литературѣ, не говоря уже объ отечественной. Между тѣмъ пониманіе психической стороны нѣкоторыхъ историческихъ личностей значительно облегчается, благодаря примѣненію къ нимъ психіатрическаго анализа. Всѣ работы и опыты въ этомъ направленіи должны вызывать весьма понятный интересъ и среди спеціалистовъ, и среди публики. Другое, конечно, совсѣмъ дѣло насколько бываютъ основательны и талантливы подобныя піонерскія попытки, насколько исполненіе отвѣчаетъ тому громкому заглавію, которое ав-

торы придумываютъ для своихъ недоношенныхъ твореній, стараясь примамить публику широковѣщательной обложкой. Къ подобнымъ произведеніямъ принадлежитъ жиденькая книжка всего въ 140 маленькихъ страничекъ съ претенціознымъ заглавіемъ «Психозы въ исторіи». Эта книжица представляетъ изъ себя выдержки изъ большого англійскаго сочиненія доктора Irelland'а «The Blot upon the Brain»,—выдержки, шероховато и достаточно дубовато-переведенныя г. Буба, и изданныя подъ покровительствомъ профессора Ковалевскаго, который, однако, напрасно взялъ на себя рекомендацію плохого пересказа извѣстныхъ историческихъ фактовъ съ присоединеніемъ къ нимъ чахлыхъ разсужденій психіатрическаго пошиба.

Разбору психопатологическихъ явленій у различныхъ историческихъ личностей, авторъ предпосылаетъ главу, трактующую объ аномаліяхъ мозговыхъ отправленій, разбирая при этомъ преимущественно галлюцинаціи зрѣнія и слуха, такъ какъ онѣ наиболѣе часто встрѣчаются. Это положеніе авторъ иллюстрируетъ цѣлымъ рядомъ выписокъ-примѣровъ, заимствованныхъ изъ источниковъ иностранныхъ и русскихъ. Мы узнаемъ о больныхъ лунатикахъ, шьющихъ воображаемой иглой, объ одномъ книгопродавцѣ въ Берлинѣ, который былъ преслѣдуемъ при освѣщеніи или лунномъ свѣтѣ двумя духами; о знаменитомъ астрономѣ Гершелѣ, который при закрытыхъ глазахъ въ темнотѣ видѣлъ различныя лица и ландшафты, о докторѣ Викторѣ Кандинскомъ, которому являлась въ галлюцинаціи Венера съ отпадающей головой, причемъ черепъ раскалывался и обнажалъ мозги, такъ что контрастъ бѣлизны мрамора и крови на шеѣ былъ поражающій, — узнаемъ о русскомъ крестьянинѣ, находившемся въ домѣ умалишенныхъ въ Харьковѣ и представлявшемъ, что его преслѣдуютъ турки и пр., и пр. Примѣры поясняются психіатрическими разсужденіями, и по прочтеніи первой главы непросвѣщенный читатель убѣждается въ существованіи галлюцинацій у душевно-больныхъ. Стоило ли въ этомъ убѣждать читателя: всякому интеллигенту давно это извѣстно. Или авторъ хотѣлъ дать рядъ любопытныхъ выдержекъ изъ чужихъ наблюденій, пояснивъ, такимъ образомъ, на примѣрахъ простыхъ смертныхъ тѣ любопытныя аномаліи душевныхъ отправленій, которыя онъ собирается показать читателю въ нѣкоторыхъ историческихъ личностяхъ? Повидимому, такова была цѣль автора, хотя историческія личности какъ-то не поддаются психіатрическимъ наблюденіямъ и главная часть сочиненія выходитъ очень слабой. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было тревожить великія тѣни умершихъ? Зачѣмъ, напримѣръ, было включать въ свое quasi изслѣдованіе главу четвертую о душевныхъ болѣзняхъ императорскаго дома римской имперіи, если эта глава представляетъ исключительно переводъ или изъ Светонія («Римскіе цесари»), или изъ Тацита, или, наконецъ, изъ другихъ источниковъ? Гдѣ же тутъ психіатрическія объясненія автора? Или авторъ думаетъ, что повѣствованіе Светонія настолько психіатрично, что не зачѣмъ было и комментировать его? Очень наивное предположеніе и отношеніе къ дѣлу.—Въ совершенное недоумѣніе повергаетъ послѣдняя, шестая глава, посвященная св. Франциску Ксавье, апостолу Индіи. Для чего понадобился Иреланду Ксавье—право, непонятно. Для чего онъ помѣстилъ подробное жизнеописаніе этого іезуитскаго миссіонера на дальнемъ Востокѣ, этого помощника Игнатія Лойолы, посвятившаго свою жизнь на проповѣдь христіанства среди индусовъ Малабарскаго берега, среди жителей Малакки и окружныхъ острововъ, среди япон-

цевъ, гдѣ онъ и умеръ, тщетно пытаясь пробраться въ Китай. Авторъ нигдѣ ни словомъ не обмолвился о какихъ бы то ни было душевныхъ разстройствахъ этой замѣчательной личности, исполненной интеллектуальной энергіи и мужественной силы, которая ни передъ чѣмъ не останавливалась, которая полнымъ отреченіемъ отъ своего «я» достигла того, что вездѣ и надъ всѣми господствовала. Такіе ли люди называются психопатами? Развѣ о такихъ людяхъ распускаютъ молву, что они чудесно-нетлѣнны, какъ было сдѣлано нарочно съ Ксавье для успѣха его проповѣди и его дѣла послѣ смерти среди новообращенныхъ туземцевъ? Повторяемъ, авторъ весьма недальновидный, наивный и странный человѣкъ. Въ немногихъ словахъ поговоривъ о галлюцинаціяхъ Магомета, Сведенборга и Лютера, о наслѣдственномъ неврозѣ испанской королевской фамиліи, авторъ болѣе подробно останавливается на характерѣ и галлюцинаціяхъ Жанны Д'Аркъ и характеристикѣ Магомета Тохлака, султана Индіи. Эти двѣ главы наиболѣе обширныя и наиболѣе толково написанныя. Въ первой изъ этихъ главъ, посвященной Жаннѣ Д'Аркъ, автору дѣйствительно удается показать, насколько были неосновательны ея претензіи на божественное посланничество, эти претензіи очень легко объясняются галлюцинаціями, которыми страдала Орлеанская дѣвственница, — галлюцинаціями религіознаго характера. Жанна была натура нервная и впечатлительная, она слышала и знала о пророчествѣ, гласившемъ, что Францію спасетъ дѣва изъ лѣсовъ Шинонскихъ, близъ Домремя, гдѣ она жила. Великія мысли о спасеніи родины нашли себѣ пріютъ въ героической груди дѣвушки; ея предводительство воодушевляло войско и народъ, заблужденія которыхъ она раздѣляла, и поэтому народъ готовъ былъ признать за ней аттрибуты чудеснаго. Она сама виновница громкой молвы и легендъ, сложившихся о ней, ибо настолько была преисполнена неудержимымъ стремленіемъ избавить Францію, что въ подобномъ душевномъ состояніи у нея пробудились галлюцинаціи зрѣнія и слуха.

Другой любопытный психопаталогическій субъектъ—это Магометъ Тохлакъ, который страдалъ особенной формой помѣшательства безъ яснаго поврежденія умственныхъ способностей, безъ потери послѣдовательнаго и логическаго мышленія. При такомъ маніакальномъ состояніи у подобныхъ людей наблюдается нравственная шаткость, доводящая ихъ до сумасбродныхъ, а иногда и преступныхъ дѣйствій,—чрезмѣрное развитіе нѣкоторыхъ интеллектуальныхъ способностей, большею частью памяти, наблюдается страсть къ поэзіи, финансовымъ спекуляціямъ и новымъ проектамъ.

Представитель фанатической религіи, Тохлакъ являлъ ужасный видъ помѣшаннаго, владѣющаго престоломъ, употребляющаго абсолютную власть для выполненій химеръ разстроеннаго разсудка, приводящаго цѣлую націю къ разоренію и нищетѣ своимъ безуміемъ, убивающаго въ припадкѣ гнѣва и свирѣпой жестокости всѣхъ противорѣчившихъ. Онъ долженъ бы былъ сидѣть въ сумасшедшемъ домѣ. Но, къ несчастію, Тохлакъ былъ султанъ, стоящій во главѣ побѣдоносной арміи корыстолюбцевъ, окруженный раболѣпными куртизанами, желающими обогатиться на его счетъ, абсолютный правитель покорной расы, для которой угнетеніе не было новостью. Не смотря на свое сумасшествіе, онъ владѣлъ на столько умственными способностями и разсудкомъ, что оставался долгое время господиномъ и палачемъ Индіи.

С. Т-въ.

Патріаршее село Святославль и упраздненный Воскресенскій Карашскій монастырь, въ Ростовскомъ Уѣздѣ. Историческій очеркъ А. А. Титова. Ярославль. 1887 года.

По Юрьевскому тракту, въ 35 верстахъ отъ Ростова, расположено при рѣкѣ Пахнѣ село Карашъ. Въ старину это село находилось на трактовой дорогѣ между Ростовомъ и Суздалемъ, а потому, можетъ быть, народное преданіе право, что въ этомъ селѣ находилась монгольская таможня, гдѣ жили баскаки, собиравшіе дань и давшіе этому селу названіе Карашъ. Но изъ подлинной жалованной грамоты (хранящейся въ Ростовскомъ Музеѣ церковныхъ древностей) царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, 1683 года, московскому патріаршему дому на село Святославль-Карашъ, видно, что это село называлось также Святославль, которое наименованіе нынѣ вовсе неизвѣстно въ народѣ. Изъ этой грамоты также видно, что въ 1682 году Карашъ составлялъ домовую вотчину московскаго патріарха Іоакима и что московскій великій князь Василій Димитріевичъ промѣнялъ въ Ростовскомъ уѣздѣ свою вотчину слободу Святославль, что слыветъ «Карашская волость» на городъ Алексинъ со всѣмъ уѣздомъ, принадлежавшій дому Пресвятыя Богородицы и митрополиту московскому Кипріану, какъ «купленный себѣ чудотворцемъ Петромъ митрополитомъ».

Въ трехъ верстахъ отъ села Караша находится нынѣ Воскресенскій погостъ на мѣстѣ упраздненнаго въ 1764 году патріаршаго Воскресенскаго монастыря. Этотъ монастырь славится богатымъ архивомъ, который, послѣ передачи его въ Карашскую церковь, исчезъ куда-то безслѣдно. До А. А. Титова дошли нѣкоторые документы изъ этого архива, которые онъ и сообщаетъ въ своемъ историческомъ очеркѣ. Такъ въ бумагахъ извѣстнаго въ Ростовѣ собирателя древностей, покойнаго П. В. Хлѣбникова, уцѣлѣлъ любопытный указъ 1722 года, 20 апрѣля, принадлежавшій архиву Воскресенскаго монастыря. Въ этомъ указѣ св. Синода на имя преосвященнаго Георгія, епископа Ростовскаго и Ярославскаго, предписывается рѣзныя и издолбленныя колоды, положенныя въ разныхъ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ въ гробницы и раки вмѣсто тѣлесъ святыхъ, и «которыя яко нѣкая обмана положена», отобрать изъ гробницъ и прислать при доношеніяхъ въ св. Синодъ неотложно «дабы впредь такой обманы нигдѣ не было». Гробницы же и раки Синодомъ предписано было покрыть досками съ изображеніемъ на нихъ иконъ тѣхъ святыхъ.

Не лишенъ интереса разсказъ автора, по мѣстнымъ преданіямъ, о разбойникѣ «Ванькѣ Каинѣ», излюбленный притонъ котораго въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ въ Карашѣ. У насъ на Руси не мало было «Ванекъ Каиновъ», Карашскій «Ванька Каинъ» былъ Иванъ Ѳаддѣевъ, дьячекъ изъ села Осенева, Ярославской губерніи. Повидимому, Иванъ Ѳаддѣевъ оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ по разбойничьему промыслу, потому что еще въ недавнее время около Караша водились лихіе люди, а въ народѣ понынѣ сохранилось въ употребленіи бранное слово «Карашскіе воры».

П. У.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Французская дипломатія XVIII в. и ея отношенія къ Россіи.—Три типа посланниковъ: Вильнёвъ, Шуазель-Гуфье, Семонвиль.—Русскій дипломатъ, ожидающій войны. — Дмитрій Самозванецъ въ англійскомъ романѣ. —1881 годъ въ романѣ русской княгини.—Сказки Л. Н. Толстого на нѣмецкомъ языкѣ.—Французская критика о «Власти тьмы».—Книга Доде объ эмиграціи. — Мистификація 1797 года.—Четвертое изданіе «Исторіи крестьянъ».—Англійскій священникъ и профессоръ на Аѳонѣ. — Исторія папства во время реформаціи. — Сочиненіе миссъ Норгетъ о короляхъ анжуйскаго дома.—Листки изъ китайскаго альбома.

ТРИ ИСТОРИЧЕСКІЯ сочиненія, вышедшія въ послѣднее время во Франціи и относящіяся къ исторіи французской дипломатіи, касаются отчасти Россіи и ея внѣшней политики въ прошломъ столѣтіи. Первое сочиненіе Альберта Вандаля—«Французское посольство на Востокѣ при Людовикѣ XV: миссія маркиза Вильнёва» (Une ambassade française en Orient sous Louis XV: la mission du marquis de Villeneuve) рисуетъ картину политическаго положенія въ 1728—1741 году. Чтобы отмстить Россіи за низверженіе съ престола польскаго короля Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV, Франція, подавивъ Австрію и заставивъ ее отказаться отъ Лотарингіи, задумала поднять на Россію ея исконнаго врага—Турцію. Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Константинополѣ преобладало французское вліяніе. Въ коммерческомъ отношеніи первенствующая роль принадлежала французамъ. Въ города Леванта допускались только французскіе консулы и торговля производилась только подъ французскимъ флагомъ. Въ религіозномъ отношеніи Франціи принадлежалъ протекторатъ надъ христіанами всѣхъ исповѣданій. Святыя мѣста и палестинскіе монастыри отъ Синая до Аѳона прикрывалъ бѣлый флагъ съ золотыми лиліями. Армянскіе священники, греческіе монахи, ливанскіе марониты праздновали дни рожденія бурбонскихъ принцевъ. Французскій посолъ въ Константино-

полѣ пользовался особымъ почетомъ; онъ являлся туда въ сопровожденіи огромныхъ кораблей и морской гвардіи, со свитою въ сто человѣкъ лучшихъ дворянскихъ фамилій, писателей, ученыхъ, археологовъ. Это не мѣшало, конечно, пиратамъ варварійскихъ владѣній захватывать французскія суда, а пашамъ и беямъ отдаленныхъ провинцій грабить французскихъ купцовъ. Послу приходилось поминутно требовать удовлетворенія, спорить съ визиремъ, подкупать пашей, евнуховъ, драгомановъ, даже одалискъ, и Вильнёвъ высоко держалъ знамя Франціи, не склоняя его передъ азіатскимъ деспотизмомъ. Въ одно время съ Вильнёвомъ въ Константинополѣ игралъ выдающуюся роль авантюристъ графъ Боневаль, служившій сначала во французской арміи, поссорившійся съ министромъ, перешедшій на службу Австріи, въ войскахъ которой нѣсколько разъ разбивалъ турокъ, но бѣжалъ и отъ австрійцевъ, не желая подчиняться приказаніямъ фельдмаршала. Посаженный въ тюрьму боснійскимъ пашею, Боневаль, чтобы спастись отъ смерти, принялъ мусульманство. Онъ во многомъ мѣшалъ осуществленію деликатнаго порученія, даннаго Вильнёву: побудить турокъ и крымскихъ татаръ вторгнуться въ русскія и австрійскія владѣнія и, въ то же время, не заключать съ мусульманами формальнаго союза, неприличнаго для христіаннѣйшаго короля и его перваго министра, кардинала Флери. Когда турки сосредоточили уже значительную армію въ Бессарабіи, великій визирь, по наущенію Боневаля, обратился къ Вильнёву съ предложеніемъ: заключить такой же союзъ между Турціей и Франціей, какой существовалъ между Россіей и Австріей. Вильнёвъ отговаривался неимѣніемъ инструкцій, оттягивалъ переговоры. Русская армія, собранная въ числѣ 70,000, перестала ждать нападенія съ юга и обратилась на сѣверъ. Она взяла Данцигъ, послѣдній оплотъ Станислава. Потомъ Австрія, обманувъ, какъ водится, русскихъ, заключила сепаратный миръ съ Турціей, поручивъ вести переговоры Вильнёву. Императрица Анна дала ему же подобное порученіе. Вильнёвъ, принудивъ австрійцевъ отдать туркамъ Бѣлградъ, заключилъ и отъ имени Россіи такой миръ, какъ будто она была побѣждена. За его участіе и заключеніе такого мира, султанъ лично благодарилъ Вильнёва и отправилъ чрезвычайное посольство къ Людовику XV. Вліяніе Франціи на Востокѣ сдѣлалось еще сильнѣе.

— Совершенно инымъ является черезъ 45 лѣтъ положеніе другого французскаго посла въ книгѣ Леонса Пенго: «Шуазель-Гуфье. Франція на Востокѣ при Людовикѣ XVI (Choiseul Gouffier. La France en Orient sous Louis XVI). Этотъ посолъ явился въ Константинополь въ 1787 году, когда Россія пріобрѣла уже Азовъ, Еникале, Керчь, Кинбурнъ, Кубань, Буджакъ, Крымъ,—и оставилъ свой постъ въ 1792 году, когда былъ заключенъ ясскій трактатъ, еще болѣе гибельный для Турціи. Россія уже пріобрѣла протекторатъ надъ христіанами греко-восточнаго исповѣданія. Лондонскіе и прусскіе консулы пользовались такими же преимуществами, какъ и французскіе. Послы Россіи и Австріи имѣли больше вліянія на султана, чѣмъ посолъ Франціи. Французская политика измѣнила своимъ традиціямъ: съ 1756 года Франція сдѣлалась другомъ Австріи, съ 1780—другомъ Россіи. Не было уже помину о независимости Польши, цѣлости Турціи, поддержаніи Швеціи, о чемъ полтораста лѣтъ заботилась французская дипломатія. Турки съ удивленіемъ видѣли, что въ арміи Екатерины II сражается противъ нихъ цвѣтъ французскаго дворянства. Да и самъ Шуазель-Гуфье, явившись въ Константинополь представителемъ монарха «божіей милостью», пре-

вратился въ посла конституціоннаго короля, и наконецъ, не представлялъ уже вовсе никого, такъ какъ султанъ отказался признать его посланникомъ графа Прованскаго, а конвентъ постановилъ отозвать его какъ «агента деспотизма». Онъ все еще оставался въ Константинополѣ, пока въ декабрѣ 1792 года французскіе республиканцы не выбрали на его мѣсто драгомана посольства. Шуазель-Гуфье бѣжалъ въ Россію. Это была замѣчательная личность, ученый, археологъ, знатокъ греческаго языка, распространявшій его изученіе во Франціи, предшественникъ филэллиновъ. При дворѣ Екатерины онъ былъ ея усерднымъ почитателемъ и угождалъ ея любимцамъ. Въ 1802 году, когда его другъ Талейранъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе вернуться во Францію и рекомендовалъ его Наполеону, Шуазель-Гуфье не захотѣлъ служить новому властелину Франціи и удалился въ частную жизнь. Онъ былъ членомъ французской академіи, академіи надписей, почетнымъ членомъ отдѣла древней исторіи и литературы. Людовикъ XVIII сдѣлалъ его перомъ Франціи. Онъ изслѣдовалъ Грецію, какъ артистъ и археологъ, посѣтилъ Морею, Циклады, Малую Азію, Аттику. Его «Живописное путешествіе по Греціи» не потеряло значенія до нашего времени. Онъ произвелъ раскопки въ Олимпіи, прежде лорда Эльджина, сдѣлалъ снимки съ фресокъ Пареенона, прежде Шлимана рылся въ развалинахъ Трои и увѣрялъ, что нашелъ гробъ Ахилла, какъ увѣряетъ Шлиманъ, что нашелъ сокровища Пріама. Онъ обогатилъ луврскій музей снимками съ греческихъ памятниковъ, съ храма Тезея и Эрехтейона, хотя большая часть собранныхъ имъ античныхъ коллекцій погибла: 25 ящиковъ съ драгоцѣнными предметами сгорѣли во время пожара въ Смирнѣ; другіе 26 ящиковъ захватилъ Нельсонъ вмѣстѣ съ кораблемъ, на которомъ они были отправлены во Францію. Шуазель предсказалъ возрожденіе Греціи, но не дожилъ до него.

— Третье сочиненіе, Жоржа Грожана—«Миссія Семонвиля въ Константинополь» (La mission de Sémonville à Constantinople, 1792—93) составлено по найденнымъ вновь документамъ. Этого посла отправилъ на смѣну Шуазеля-Гуфье Дюмурье, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ. Семонвилъ былъ передъ тѣмъ посланникомъ въ Генуѣ и заставилъ тамъ уважать новое трехцвѣтное знамя Франціи, потребовавъ торжественнаго удовлетворенія за оскорбленіе чернью этого знамени. Въ инструкціяхъ, данныхъ Семонвилю, говорилось, что интересы Франціи были всегда неразрывно связаны съ интересами Турціи, которой необходимо поставить на видъ, что Франція—врагъ Россіи и Австріи. Посолъ долженъ былъ побудить мусульманъ содѣйствовать вторженію въ Крымъ, въ Кубанскую область. Но еще до прибытія Семонвиля, австрійскій, прусскій и русскій посланники изображали его султану какъ свирѣпаго демагога, кровожаднаго якобинца, стремящагося къ истребленію всѣхъ властителей. Шуазель-Гуфье поддерживалъ эти слухи и въ то же время сообщалъ объ нихъ французскому правительству, въ доказательство, что такого человѣка нельзя назначать посломъ. Семонвилю онъ писалъ, что готовъ передать ему свой постъ, а эмигрировавшимъ принцамъ сообщалъ, что не оставляетъ Константинополя, чтобы служить имъ. Какая тонкая, дипломатическая развязность! Всѣ эти интриги и толки о Семонвилѣ подѣйствовали однако на Порту и она отказалась принять его. И въ то же время, когда Семонвиля не пускали въ Константинополь, какъ человѣка способнаго покуситься на жизнь султана,—изъ Парижа его не выпускали по подозрѣнію въ роялизмѣ. Только комитетъ общественнаго спасенія прика-

залъ ему ѣхать къ мѣсту своего назначенія. Но когда онъ собрался отправиться на свой постъ, австрійскіе эмиссары захватили его въ Швейцаріи, заковали въ цѣпи и отправили въ крѣпость, въ Мантуу, потомъ заперли въ Кюснахтъ, гдѣ онъ провелъ 2½ года и былъ обмѣненъ вмѣстѣ съ другими плѣнными на дочь Людовика XVI. Но ярый республиканецъ во время имперіи былъ ея посломъ въ Голландіи. Наполеонъ сдѣлалъ его графомъ, потомъ сенаторомъ. Во время взятія союзными войсками Парижа онъ прославился тѣмъ, что, докладывая сенату ходатайство Александра I о возстановленіи чести генерала Моро, объявленнаго измѣнникомъ отечества, онъ убѣдилъ сенаторовъ—отклонить эту реабилитацію: «Моро будетъ судить исторія, а не сенатъ, сказалъ онъ: генералъ былъ убитъ среди нашихъ непріятелей, сражаясь противъ своего отечества». Какъ типъ истиннаго дипломата, Семонвиль и во время реставраціи умѣлъ угодить конституціонному королю. Людовикъ XVIII сдѣлалъ его маркизомъ и перомъ Франціи. Карлу X онъ совѣтовалъ взять назадъ іюльскіе указы, уничтожавшіе конституцію, а когда вторая революція низвергла династію бурбоновъ, сдѣлался изъ легитимиста — орлеанистомъ, до 1836 года служилъ Луи Филиппу и умеръ, почти 80-ти лѣтъ, окруженный почетомъ, богатствомъ и всѣми житейскими благами.

— Нѣмцы, позволяющіе себѣ отзываться о Россіи самымъ грубымъ образомъ, поднимаютъ вопли негодованія, какъ только имъ скажутъ слово правды, хотя бы и не рѣзкимъ тономъ. Такъ нѣмецкія газеты съ озлобленіемъ обрушились на вышедшую въ Парижѣ брошюру «Въ ожиданіи войны. Записная книжка русскаго дипломата» (Dans l'attente de la guerre, carnet d'un diplomate russe. 1883—1886). Въ брошюрѣ нѣтъ ничего ни новаго, ни замѣчательнаго. Авторъ недружелюбно относится къ Германіи и говоритъ ей нѣсколько горькихъ истинъ по поводу ея заносчивости, жадности, двоедушія, доказывая необходимость союза съ Франціей и энергическихъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Органъ Висмарка, газета «Post», утверждаетъ, что брошюра написана отставнымъ русскимъ дипломатомъ, живущимъ въ Парижѣ, и, не смотря на то, что русское правительство совершенно тутъ не при чемъ, и не отвѣтственно за мнѣнія частнаго лица—все-таки осыпаетъ грубыми нападками Россію и правительственныя лица.

— Англичане читаютъ романы изъ русской жизни. Стефенъ Кольриджъ написалъ «Дмитрія» (Demetrius). Это исторія перваго самозванца. Англійская критика говоритъ, что самыя событія этого времени такъ драматичны, что простое изложеніе ихъ возбуждаетъ уже интересъ помимо умѣнья романиста излагать эти факты. Кольриджъ называетъ Дмитрія «невиннымъ авантюристомъ». Лучшія сцены романа — смерть Дмитрія и та, когда онъ требуетъ, чтобы инокиня Марѳа признала его своимъ сыномъ. Но авторъ уже слишкомъ идеализировалъ характеръ героя романа, да и многія историческія подробности, какъ, напримѣръ, убійство въ Угличѣ, въ романѣ изложены невѣрно.

— Къ совершенно фантастическому роду надо причислить романъ, какой-то княгини Ольги, претендующій на историческую вѣрность и сильно занимающій Лондонъ: «Радна или большой заговоръ 1881 года». (Radna or the great conspiracy of 1881, by princess Olga). Эта княгиня Ольга болѣе всего вооружается противъ русской бюрократіи и обвиняетъ ее во всѣхъ преступленіяхъ. По мнѣнію автора, она всевластна и служитъ главною причиною возникновенія нигилизма. Хорошо хоть то, что высокопоставленныхъ

лицъ авторъ выводитъ въ своемъ романѣ вполнѣ симпатичными. Петербургское общество обрисовано довольно вѣрно и весьма вѣроятно, что авторъ, носящій русское имя, также и русскаго происхожденія.

— Другая нѣмецкая дама, Евгенія Виландъ, перевела на свой родной языкъ «Чѣмъ люди живы» (Wovon die Leute leben) и «Сказку объ Иванѣ дуракѣ» (Das Märchen von Ivan dem Narren). Л. Н. Толстого. Первый разсказъ былъ уже переведенъ еще прежде, но второй является новостью для нѣмцевъ, хотя съ нимъ уже знакомы французы. Нѣмецкая критика не совсѣмъ довольна главной идеей сказки, что только тѣ садятся первыми за столъ, у кого на рукахъ мозоли, а всѣ другіе получаютъ, что̀ осталось послѣ нихъ отъ пиршества. «Какъ будто умственный трудъ менѣе почетенъ, нежели физическій!» восклицаетъ критикъ. Между тѣмъ, сказка даже глумится надъ учеными людьми и надъ наукой. Правда, и въ жизни, какъ въ сказкѣ, дуракамъ не рѣдко выпадаетъ на долю счастье, но это не причина унижать умныхъ людей и ставить созданія ума и воображенія ниже того, что вырабатываютъ мозолистыя руки.

— Еще строже отнеслась серьёзная французская критика къ послѣдней драмѣ Л. Н. Толстого «Власть тьмы» (La puissance des ténèbres) въ переводѣ Э. Гальперина. Послѣ неумѣренныхъ и часто даже неискреннихъ похвалъ всякому слову русскаго писателя, раздается, наконецъ, строгій, но справедливый голосъ, въ лучшемъ критическомъ журналѣ «Le livre», прямо осуждающій это произведеніе. «Какъ драма, оно дурно ведено; какъ этюдъ нравовъ—банально; какъ художественный и литературный трудъ—незначительно, очень скучно, отталкиваетъ, когда не плоско, и безъ малѣйшаго философскаго или соціальнаго значенія, какъ поучительныя брошюры библейскаго общества». Изложивъ подробно содержаніе драмы, критикъ находитъ, что всѣ эти трагическія и ужасныя событія оставляютъ его совершенно холоднымъ, возбуждая въ немъ только чувство отвращенія, смѣшанное со скукой. Онъ удивляется тому, какъ скептическая и насмѣшливая нація впадаетъ въ экстазъ, чуть только старика назовутъ батюшкой (petit père), молодого человѣка—ягодкой (ma petite baie), eau-de-vie—vodka, les paysans—moujicks, les femmes—babas. Дѣйствительно, французы не знаютъ границы—и въ своемъ энтузіазмѣ, да и въ своихъ критическихъ приговорахъ...

— Мы отдавали отчетъ, въ прошломъ году, о замѣчательной книгѣ Эрнеста Доде «Бурбоны и Россія во время французской революціи». Теперь тотъ же авторъ дополняетъ свой трудъ исторіею «эмигрантовъ и второй коалиціи отъ 1797 по 1800 годъ» (Les émigrés et la seconde coalition). Въ это время эмигрировали уже не аристократы, не маркизы и герцоги стараго режима, а люди, сочувствовавшіе революціи, но не признававшіе ея крайностей, или измѣнившіе ей, какъ Дюмурье и Пишегрю. Доде строго осуждаетъ въ особенности послѣдняго генерала за его сношенія съ австрійцами, обѣщаніе сдать Страсбургъ и другія крѣпости и, передавъ свою армію Конде, идти съ нимъ на Парижъ. Доде не касается еще вопроса: виновенъ ли Пишегрю въ болѣе важномъ преступленіи: въ томъ, что, снесясь въ сентябрѣ 1795 года съ принцемъ Конде, далъ разбить себя подъ Гейдельбергомъ и, отступивъ поспѣшно за Рейнъ, отдалъ на жертву врагамъ корпусъ Журдана, который былъ также разбитъ. Двадцать тысячъ французовъ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ были жертвами этой измѣны, за которую исторія предала позору имя Пишегрю. О такихъ лицахъ, конечно, никто не пожалѣетъ, но положеніе революціонеровъ, бѣжавшихъ въ армію эмигрантовъ, было до-

стойно сожалѣнія: роялисты смотрѣли на нихъ какъ на измѣнниковъ королю, остальные французы—какъ на измѣнниковъ отечеству. Книга Доде сообщаетъ множество любопытныхъ фактовъ, остававшихся неизвѣстными,—о заговорахъ эмигрантовъ, ихъ сношеніяхъ съ парижскими проходимцами, увѣрявшими, что нѣтъ ничего легче какъ вернуться въ Парижъ Людовику XVIII. Къ нему являлись авантюристы въ родѣ Давида Монье и книгопродавца Фошъ-Бореля, съ предложеніями отъ Барраса, засвидѣтельствованными секретаремъ его Ботто и на основаніи которыхъ цареубійца-директоръ, только что разогнавшій и отправившій въ ссылку 18-го фруктидора—друзей короля, приглашалъ его пріѣхать и занять вакантный тронъ за дешевую цѣну—всего 12 милліоновъ (полтора милліона впередъ) и охранную грамоту самому Баррасу. И король-in partibus infidelium отправляетъ герцога Флери ко дворамъ русскому, австрійскому, англійскому просить совѣта и пишетъ Баррасу грамоту, приводимую Доде: «Мы, Божіей милостью король Франціи и Наварры нашему другу и вѣрноподданному Полю, виконту де Баррасъ. Назначаемъ васъ главнымъ комиссаромъ нашимъ для приготовленія и приведенія въ дѣйствіе прямого и простого (pur et simple) возстановленія французской монархіи». Главный совѣтникъ короля графъ Сен-При составилъ уже и прокламацію короля къ народу и арміи, такъ какъ Баррасъ обѣщалъ произвести контръ-революцію въ теченіе шести мѣсяцевъ. Болѣе всего затрудняетъ короля, живущаго въ Митавѣ субсидіей русскаго двора—выдача этого полуторамилліоннаго аванса. Пробуютъ почву въ Петербургѣ. Павелъ I совѣтуетъ обратиться къ Англіи. Министерство отправляетъ изъ Лондона Викгама вести переговоры. Монье, маркизъ Мезонфоръ, Сен-При интригуютъ, чтобы оттѣснить другъ друга и воспользоваться выгодами этой «негоціаціи». Объ ней говорятъ во всѣхъ канцеляріяхъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, обсуждаютъ, дорого или дешево взялъ Баррасъ за реставрацію. Но проходятъ мѣсяцы, а дѣло не подвигается. Является новый конкурентъ, маркизъ Безиньянъ, предлагающій, все отъ имени Барраса, открыть королю ворота Парижа—всего за милліонъ и обѣщаніе сдѣлать директора—губернаторомъ какого нибудь французскаго острова. Да и милліонъ нуженъ не Баррасу, а для подкупа четырехъ офицеровъ генеральнаго штаба. Толки объ этомъ доходятъ, конечно, до директоріи. Фуше беретъ въ полицію Давида Монье и тотъ отвѣчаетъ на допросѣ, что не знаетъ секретаря Ботто, не имѣлъ сношеній ни съ кѣмъ изъ правительства, а слышалъ о продажности Барраса и придумалъ воспользоваться этимъ именемъ, чтобы извлечь свои выгоды изъ «негоціаціи». Чѣмъ же хуже эта буфонада недавней Батенбергіады или современной Кобургіады, которою мы теперь любуемся? Въ книгѣ Доде разсказано не мало подобныхъ плановъ, составленныхъ эмиграціей: планъ вторженія Дюмурье въ Нормандію, Пишегрю въ Франш-Конте и Вильо въ Провансъ; проектъ купить рейнскую армію, уплативъ милліонъ генералу Моро; планъ Дюмурье занять Францію—датскою арміей, къ которой французы будутъ болѣе расположены, чѣмъ къ войскамъ коалиціи; проектъ все того же Дюмурье—отправиться въ Египетъ и склонить армію генерала Бонапарта—вернуться въ Парижъ и возстановить монархію и пр., и пр.

— Вышло четвертое изданіе «Исторіи крестьянъ» (Histoire des paysans), Евгенія Бонмера. Этотъ трехтомный серьёзный трудъ является теперь переработаннымъ и значительно дополненнымъ. Французскіе лѣтописцы и историки дореволюціонной эпохи видѣли въ исторіи Франціи только высшее сословіе и упоминали изрѣдка, начиная съ Людовика XI, о буржуазіи. О

крестьянахъ говорится только по поводу ихъ дикихъ возстаній, подавляемыхъ съ безпощадною жестокостью. Между тѣмъ, исторія развитія грубыхъ народныхъ массъ, эксплуатируемыхъ интеллигентнымъ меньшинствомъ, представляетъ безспорно любопытный предметъ для изслѣдованія историка и мыслителя. И если приходится встрѣчаться съ такими аграрными и соціальными явленіями, какъ бунты вагровъ и багодовъ, жакерія 1358 и 1675 года, то къ нимъ же относится и освобожденіе Франціи крестьянкою Жанною Даркъ. Только выжившій изъ ума Шатобріанъ могъ сказать, что «Франція — аристократія безъ народа».

— Профессоръ литературы въ Оксфордѣ Ательстанъ Рилей издалъ «Аѳонъ или гора монаховъ» (Athos or the mountain of the monks). Это описаніе его путешествія на гору вмѣстѣ съ англиканскимъ священникомъ, также оксфордскимъ профессоромъ богословія. Цѣль путешествія была религіозная — желаніе испытать почву по вопросу о соединеніи церквей, греческой и англиканской. Но, какъ вполнѣ практическій англичанинъ, авторъ составилъ свою книгу такъ, чтобы она могла служить путеводителемъ по Аѳону. Онъ даетъ также планъ восточныхъ церквей и замѣчаетъ, что въ нихъ часто встрѣчаются картины страшнаго суда съ изображеніемъ мученій въ аду. «Въ девятомъ вѣкѣ страхъ меня заставилъ бы обратиться въ христіанство, въ девятнадцатомъ для этого нужно убѣжденіе» прибавляетъ авторъ. Онъ говоритъ много о святыхъ греческой церкви, но не далъ себѣ труда посѣтить въ ихъ скитахъ «современныхъ божьихъ людей» (men of God), аѳонскихъ отшельниковъ. Не знаемъ, далъ ли авторъ хорошее понятіе греческимъ монахамъ о членахъ англиканской церкви, но ни объ одномъ изъ аѳонскихъ подвижниковъ онъ не отзывается какъ о кандидатѣ въ будущіе святые. Кромѣ частныхъ недостатковъ характера разныхъ лицъ, авторъ отмѣчаетъ общую всѣмъ монахамъ наклонность къ лѣни и бездѣйствію, «свойственную, впрочемъ, всему Востоку». Рилей описываетъ подробно жизнь монаховъ, ихъ «службы», продолжающіяся въ иные дни до 14-ти часовъ сряду; говоритъ о ссорахъ русскихъ съ греками за обладаніе тѣмъ или другимъ монастыремъ, причемъ становится всегда на сторону грековъ и въ то же время радуется, что «Англія стремится къ союзу съ религіозною и монархическою страною какъ Россія». «Только одно соединеніе церквей, заключаетъ авторъ, дастъ силу христіанству бороться противъ злого начала».

— Вышли третій и четвертый томы «Исторіи папства во время реформаціи» Манделя Крейтона (History of the papacy during the reformation). Въ этой части своего капитальнаго труда авторъ начинаетъ съ изложенія попытокъ рѣшить вопросъ о церковной реформѣ на соборахъ, говоритъ о неудачѣ Констанцскаго и Базельскаго соборовъ, о буллѣ Пія II, предающаго проклятію всякаго, кто осмѣлится созывать соборъ, протестѣ Геймбурга, доказывавшаго, что какъ соборъ апостольскій былъ выше св. Петра, такъ и рѣшенія соборныя выше папскихъ, о борьбѣ Георга Подебрада съ папою Павломъ и о другихъ важнѣйшихъ событіяхъ отъ 1460 до 1518 года, то-есть до Латеранскаго собора и уничтоженія прагматической санкціи во Франціи. Эта эпоха побѣды папства надъ соборнымъ движеніемъ составляетъ только начало реформаціи и профессору предстоитъ еще въ послѣдующихъ томахъ своего обширнаго труда досказать исторію отторженія отъ папства такого огромнаго числа христіанъ, какое не отпадало отъ него и въ эпоху великаго раздѣленія церквей.

— Миссъ Кэтъ Норгетъ написала два тома «объ Англіи при короляхъ Ан-

жуйскаго дома» (England under the Angevine kings). Книгу собственно слѣдовало бы назвать: «возвышеніе и паденіе анжуйскаго дома въ XII вѣкѣ». Авторъ очень хорошо освѣтилъ этотъ малоразработанный періодъ царствованій норманскихъ королей въ Англіи. Особенно ярко очерчено правленіе Генриха II и его сыновей. Это были могущественные монархи своего времени не только какъ англійскіе короли, но какъ властители обширныхъ континентальныхъ провинцій, центръ которыхъ былъ въ Руанѣ или Анжерѣ. Генрихъ II—основатель судебнаго и административнаго устройства въ Англіи, былъ въ родствѣ со многими царствующими домами въ Европѣ и помогалъ имъ въ войнахъ съ мусульманами, и эта внѣшняя сторона его царствованія разсказана подробнѣе нежели внутреннія дѣла, учрежденіе шерифовъ, судовъ въ Нортгемптонѣ и Кларендонѣ, перемѣнъ въ устройствѣ curia regis и проч. Болѣе всего авторъ посвящаетъ вниманія исторіи анжуйскихъ графовъ и основателей этого дома: Фульковъ—рыжаго, чернаго, добраго, Мартеля, Плантагенета. Особенно рельефно изображенъ архіепископъ Ѳома Бекетъ, и его споръ съ королемъ. Взятіемъ послѣдняго оплота королевской власти въ Нормандіи, замка Соси на Сенѣ, въ 1204 году, оканчивается это интересное сочиненіе.

— Генрихъ Бальфуръ принадлежитъ къ небольшому числу замѣчательныхъ синологовъ. Редакторъ шангайской газеты, онъ издалъ въ 1876 году собраніе своихъ статей о Китаѣ, который изучилъ во время продолжительнаго пребыванія въ этой странѣ. Въ 1881 году явился его переводъ сочиненій Чванг-цзы, таоистскаго философа, въ 1884 г. онъ перевелъ ученіе другого религіознаго сектатора Лао-цзы, наконецъ теперь выпустилъ въ свѣтъ «Листки изъ моего китайскаго альбома» (Leaves from my chinese scrapboock). Книга состоитъ изъ 20 отдѣльныхъ статей, описывающихъ бытъ, исторію, легенды, нравы и литературу Китая. Начинаетъ онъ разсказомъ: «Первый императоръ Китая». Это прозваніе носилъ Чангъ въ 221 году до Р. Х. Онъ царствовалъ 26 лѣтъ и соединилъ подъ своею властью нѣсколько провинцій, управлявшихся феодальными князьями. Этотъ императоръ былъ дѣйствительно замѣчательною личностью и принадлежитъ къ числу великихъ монарховъ Китая, вмѣстѣ съ Ю—великимъ, основателемъ феодальной имперіи въ XXIII столѣтіи до Р. Х., Кон-фу-цзы, мудрымъ учителемъ и образцомъ десяти тысячъ вѣковъ въ IV и V вѣкѣ до Р. Х. и Цын-Ши-Хуанъ Ти—китайскимъ Наполеономъ, строителемъ великой стѣны, истребителемъ учениковъ и книгъ Конфуція, жившимъ въ 210 году до Р. Х. Чангъ по преданіямъ отправилъ большую экспедицію въ «Сѣверное море», для отысканія «трехъ волшебныхъострововъ», населенныхъ безсмертными. Экспедиція не вернулась въ Китай и въ исторіи не говорится, возобновлялись ли впослѣдствіи попытки открыть эти острова, но что это была Японія,— доказываетъ одно старинное японское сочиненіе, цитируемое Бальфуромъ. Въ главѣ «Философъ никогда не жившій» авторъ разсказываетъ ученіе Лао-цзы и его жизнь, признавая послѣднюю вымышленною, съ чѣмъ, однако, несогласны другіе синологи, утверждающіе, что философъ родился вскорѣ послѣ смерти Конфуція. Похожденія и чудеса, приписываемые Лао-цзы, конечно, баснословны и книги, въ которыхъ изложено его ученіе, написаны не имъ, а его учениками, но все-таки въ дѣйствительномъ существованіи Лао-цзы трудно сомнѣваться. Въ ученіи его не мало христіанскихъ и будистскихъ истинъ, встрѣчающихся и въ другихъ вѣрованіяхъ, но онѣ могли быть формулированы и безъ знакомства съ догматической стороной этихъ религій.



СМѢСЬ.

РЕСТАВРАЦІЯ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Въ 1882 г. предъ коронованіемъ ихъ императорскихъ величествъ, всѣ кремлевскіе соборы были поновляемы, причемъ мѣстами возобновлялась и церковная живопись. При производствѣ этихъ работъ въ куполѣ Благовѣщенскаго собора художникомъ Фартусовымъ были усмотрены подъ слоемъ толстой штукатурки слѣды древней живописи. Штукатурка была осторожно снята и обнаружился ликъ Спасителя, написанный въ древне-византійскомъ стилѣ. Учрежденная по этому поводу комисія изъ авторитетныхъ художниковъ-археологовъ, въ которую вошли ректоръ Академіи Художествъ А. И. Рѣзановъ, г. Забѣлинъ и архитекторъ г. Быковскій, подтвердила древность найденной фрески и продолжала дальнѣйшія изысканія, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ. При входѣ въ храмъ, по правую сторону предверья, подъ слоемъ штукатурки найдены были двѣ большія картины, изображающія сказаніе о поглощеніи пророка Іоны китомъ, Похвалу Пресвятой Богородицы и нѣсколько меньшихъ, представляющихъ отдѣльные лики святыхъ православной церкви. Комисія получила разрѣшеніе продолжать изысканія, а найденныя картины-фрески реставрировать. Въ настоящее время работа эта исполняется съ большою осторожностью иконописцемъ Сафоновымъ подъ ближайшимъ руководствомъ комисіи. Подъ толстымъ слоемъ штукатурки, накладывавшейся при реставраціяхъ собора на стѣны въ продолженіе многихъ лѣтъ, оказывается гладкій желтоватосѣрый слой крѣпкаго, блестящаго цемента, напоминающаго при первомъ впечатлѣніи мраморъ. На немъ острымъ металлическимъ рѣзцомъ вырѣзаны контуры изображеній, кое-гдѣ только покрытые уцѣлѣвшимъ тонкимъ слоемъ краски. Съ контуровъ тщательно дѣлаются посредствомъ калькированія снимки, которые при дальнѣйшемъ производствѣ работъ служатъ прямымъ указаніемъ для рисунка. Что касается окрашиванія найденныхъ изображеній, то и оно по возможности возстановляется въ томъ видѣ, какой можно предположить по уцѣлѣвшимъ слѣдамъ. Въ настоящее время большая часть работъ окончена и можно видѣть ясно ту живопись, которая украшала Благовѣщенскій соборъ въ XVII столѣтіи, когда онъ былъ за ново поновленъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Предполагаютъ, что нѣкоторыя изъ изображеній принадле-

жать кисти извѣстнаго русскаго живописца, не разъ расписывавшаго въ разное время кремлевскіе храмы и Грановитую палату.

Памятникъ павшихъ подъ Плевной. Въ Москвѣ заложенъ памятникъ гренадерамъ, павшимъ при взятіи Плевны 28-го ноября 1877 г. Памятникъ этотъ, сооружаемый офицерами гренадерскаго корпуса, предполагалось прежде поставить въ Болгаріи, около Плевны, на курганѣ «Копанная Могила», но въ послѣднее время, вслѣдствіе измѣнившихся отношеній Болгаріи къ Россіи, предположеніе это измѣнено и участники въ устройствѣ памятника пожелали поставить его въ Москвѣ, какъ центрѣ Россіи и мѣстопребываніи гренадерскаго корпуса. Памятникъ изготовленъ по проекту академика Шервуда. Составныя части памятника отлиты изъ чугуна на заводѣ Бромлей, а барельефы, металлическіе образа и архитектурныя украшенія отлиты въ заведеніи цинковыхъ издѣлій Поль. Часовня внутри памятника устроена на средства старосты храма Христа Спасителя И. А. Кононова. Маіоликовые образа въ часовнѣ исполнены академикомъ М. Васильевымъ, а маіоликовыя стѣны приготовлены заводомъ Масленникова. Идея памятника выражена въ слѣдующихъ изображеніяхъ: 1) разъяренный баши-бузукъ рѣжетъ болгарскую семью; 2) согбенный старикъ—русскій крестьянинъ, возмущенный, указываетъ сыну на эту группу и благословляетъ его иконою на подвигъ христіанской любви, 3) мужественная фигура гренадера повергаетъ турецкаго воина, готовясь нанести ему послѣдній ударъ; 4) умирающій гренадеръ срываетъ съ болгарской женщины цѣпи рабства, и 5) крестъ надъ луною—какъ символъ побѣды. Крестъ украшаетъ корону Царя-Освободителя. Эти группы и весь монументъ окружены лаврами, исходящими отъ вѣнцовъ славы, окружающихъ кресты, въ знаменіе того, что всѣ главныя дѣла Россіи имѣли источникомъ идею религіи. На верхней части памятника помѣщены рельефные образа: св. Александра Невскаго, св. Георгія, архистратига Михаила и Стефана иконоборца. На всѣхъ четырехъ сторонахъ памятника, наверху, сдѣлана слѣдующая надпись на русскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и румынскомъ языкахъ: «Русскіе гренадеры своимъ товарищамъ, павшимъ въ славномъ бою подъ Плевною, 28-го ноября 1877». Вышина памятника отъ земли до верхняго конца креста 7 саженъ, ширина внизу 4 сажени $1^{1}/_{4}$ аршина.

Археологическія раскопки. Извѣстный своими археологическими работами въ системѣ рѣки Сулы, С. А. Мазараки, по приглашенію графини Уваровой, отправилъ на ярославскій археологическій съѣздъ свою богатую коллекцію, состоящую изъ древней посуды, предметовъ вооруженія, женскихъ украшеній, принадлежностей лошадиной сбруи и пр. Коллекція г. Мазараки, какъ по богатству и разнообразію предметовъ, такъ и по характеру мѣстности, въ которой эти предметы добыты, заслуживаетъ серьёзнаго вниманія ученыхъ изслѣдователей. Позднѣйшія развѣдки обнаружили, что правое побережье р. Сулы представляетъ одну сплошную, почти непрерывающуюся цѣпь кургановъ, которыхъ въ одномъ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., можно насчитать до десяти тысячъ. Кромѣ г. Мазараки, въ этой области занимались раскопками такіе спеціалисты, какъ В. Б. Антоновичъ и Д. Я. Самоквасовъ. Общими трудами этихъ археологовъ вполнѣ доказано, что всѣ эти курганы дѣлятся на двѣ категоріи: курганы одной категоріи могутъ быть названы скиѳскими, другой—славянскими. Но кромѣ этихъ двухъ твердо установившихся типовъ, здѣсь же еще попадаются такія группы кургановъ, которыя приводятъ въ большое недоумѣніе археологовъ; такова, напр., ермолинская группа, представляющая нѣчто въ родѣ переходной ступени отъ скиѳскаго типа къ славянскому. Такова же группа и въ имѣніи Лозовая, гдѣ встрѣчается уже совершенно загадочный типъ погребенія. Здѣсь, возлѣ каждаго большого кургана, попадается небольшая присыпка, непосредственно связанная съ большимъ курганомъ. Большіе курганы насыпаны надъ выкопанными въ почвѣ ямами, глубиною въ 2 аршина; при засыпкѣ этихъ ямъ,

земля была крѣпко утрамбована, вслѣдствіе чего она теперь почти не поддается ударамъ заступа. При самомъ тщательномъ изслѣдованіи ямъ большихъ кургановъ, въ нихъ рѣшительно ничего не оказалось; напротивъ, въ присыпкахъ оказались человѣческіе костяки въ значительномъ безпорядкѣ. Погребеніе здѣсь заключалось, повидимому, въ слѣдующемъ: покойника клали въ выкопанную яму, гдѣ, послѣ совершенія надъ нимъ обряда погребенія, оставляли до тѣхъ поръ, пока трупъ не подвергался полному разложенію, затѣмъ, собирали кости и закапывали ихъ по сосѣдству, а надъ мѣстомъ погребенія насыпали курганъ. Эта группа кургановъ еще не была изслѣдо вана. Первыя раскопки были произведены здѣсь 5-го и 6-го іюля.

Этнографическія задачи. Въ этнографическомъ отдѣленіи географическаго общества В. И. Ламанскимъ предложены слѣдующія четыре задачи: 1) Въ русской этнографической наукѣ настоятельно сознается отсутствіе такой книги, которая представляла бы обстоятельное собраніе свѣдѣній о всѣхъ населяющихъ Россію инородцахъ. Хотя въ этомъ отношеніи есть не мало отдѣльныхъ солидныхъ трудовъ и статей, разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, но многое остается еще не изслѣдованнымъ. Для объединенія матеріаловъ и для пополненія ихъ новыми данными необходима выработка спеціальныхъ программъ. 2) Не менѣе сильно ощущается необходимость въ общемъ описаніи народовъ славянскихъ. Благодаря успѣхамъ славяновѣдѣнія въ послѣднее время, для труда этого имѣется уже значительный матеріалъ. 3) Еще болѣе важною является необходимость въ составленіи сборника по русской діалектологіи съ соотвѣтствующею картою. Точныя данныя для такого сборника могутъ быть получены путемъ разсылки инструкцій, въ составленіи которыхъ, въ виду трудности дѣла, должны принять участіе лучшіе филологи, которыхъ и желательно привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ. 4) Составленіе сборника великорусской народной лирики.

Памятникъ Богдану Хмѣльницкому, сооружающійся въ Кіевѣ уже около двадцати пяти лѣтъ, кажется, въ нынѣшнемъ году будетъ конченъ. Теперь сооружаютъ пьедесталъ и, повидимому, никакихъ дальнѣйшихъ задержекъ и проволочекъ не предвидится. Чего только не случалось съ этимъ злополучнымъ сооруженіемъ! И откладывали его, и снова принимались, и мѣдь г., Микѣшинъ (строитель памятника) продавалъ и снова ее покупали, и мѣняли видъ памятника и т. д. Любопытно, что, между прочимъ, даже кіевское духовенство какъ-то возбудило ходатайство о перенесеніи памятника на Бессарабскую площадь, мотивируя ходатайство тѣмъ, что. во-первыхъ, памятникъ не только будетъ закрывать видъ на соборъ съ Крещатика и отъ Михайловскаго монастыря, но еще всякому, направляющемуся съ этой стороны къ собору, будетъ представляться уже не алтарная стѣна собора, а задняя часть лошади, и такимъ видомъ будетъ смущенъ каждый благочестивый христіанинъ; во-вторыхъ, Софійскій соборъ самъ по себѣ есть болѣе важный историческій памятникъ, чѣмъ статуя дѣятеля позднѣйшаго періода русской исторіи. Заявленіе это было, однако, оставлено безъ вниманія. Теперь памятникъ думаютъ отрыть къ празднованію девятисотлѣтняго юбилея крещенія Руси.

Филологическое общество. Въ послѣднее засѣданіе отдѣленія филологическаго общества по германо-романской филологіи, подъ предсѣдательствомъ О. Ѳ. Миллера, по предложенію котораго засѣданіе происходило подъ открытымъ небомъ, въ саду, при ботаническомъ кабинетѣ петербургскаго университета, графъ А. А. Бобринскій прочелъ этюдъ о французскомъ сатирикоаллегорическомъ «Романѣ о Фовелѣ», очень популярномъ въ средніе вѣка и до сихъ поръ не изслѣдованномъ критически. Докладчикъ познакомился со всѣми списками этого романа, хранящимися въ парижской національной библіотекѣ, въ Турѣ и Петербургѣ, въ публичной библіотекѣ. Романъ состоитъ изъ двухъ книгъ: первая представляетъ политическую сатиру на со-

временное автору общество. Написанная въ 1310 г., во времена Филиппа IV Красиваго, эта сатира бичуетъ всѣхъ: короля, папу Климента V, согласившагося на добровольный плѣнъ въ Авиньонѣ, духовенство, монашество, рыцарей и женщинъ. Всѣ эти сословія нѣжно ухаживаютъ за героемъ романа, Фовелемъ (Fauvel), бурою безобразною лошадью; они обтираютъ ему шерсть, расчесываютъ его гриву и заплетаютъ хвостъ (послѣднее предоставлено черни). Фовель—олицетвореніе шести пороковъ, а самое имя его авторъ производитъ отъ faux (лживый) и vel (презрѣнный). Вторая книга написана Франсуа де-Рю (Rues) въ 1314 г. (авторъ первой неизвѣстенъ). Она представляетъ уже не сатиру, а аллегорическій романъ о женитьбѣ Фовеля на Суетной славѣ (Vaine Gloire). Въ ней масса бытовыхъ подробностей, рисующихъ и кулинарное искусство и винодѣліе Франціи XIV вѣка, и еще больше схоластическаго пустословія. Е. М. Гаршинъ сообщилъ о французской «пѣснѣ-сказкѣ» «Aucassin et Nicolete». Окассэнъ, сынъ одного графа любитъ плѣнницу Николету. Докладчикъ подробно остановился на вопросѣ объ источникахъ поэмы и перечислилъ довольно длинную библіографію о ней.

Монета XIV вѣка. Вблизи города Канева, верстахъ въ двухъ ниже отъ него по Днѣпру, между Лысой горой и могилой Шевченко, расположена неглубокая долина, которая носитъ названіе Исковщины. Здѣсь, у самаго днѣпровскаго берега, находится усадьба одного изъ каневскихъ мѣщанъ, Акима Б. Жена его, принявшись надняхъ раскапывать подъ огородъ прилегающій къ усадьбѣ пустырь, на глубинѣ не болѣе 6 вершковъ нашла кладъ серебряныхъ монетъ, вѣсомъ около фунта. Монеты лежали прямо въ землѣ, безъ всякой посудины, правильно сложенныя (столбикомъ). Одна изъ этихъ монетъ случайно пріобрѣтена проѣзжавшимъ черезъ Каневъ туристомъ и доставлена имъ для опредѣленія проф. В. Б. Антоновичу. Послѣдній призналъ въ ней, такъ называемый, широкій серебряный пражскій грошъ XIV вѣка (на одной сторонѣ чешская корона, на другой левъ съ раздвоеннымъ хвостомъ). Эта чешская монетная единица, замѣнившая собою потерявшій авторитетъ византійскій солидъ, чеканилась въ XIII и XIV вѣкахъ въ огромныхъ количествахъ и пріобрѣла широкое распространеніе по всей Европѣ. Въ свое время она была въ большомъ ходу въ тогдашней Польшѣ и на Руси, преимущественно же въ западныхъ ея предѣлахъ. Поэтому и находки этой монеты въ кладахъ XIII—XV в. въ этомъ краѣ очень часты. Привезенный въ Кіевъ образчикъ монетъ каневскаго клада переданъ въ мѣстный церковно-археологическій музей.

Находка гетманскаго бунчука. Въ г. Проскуровѣ (Подольской губ.) случайно найденъ чрезвычайно цѣнный для любителей старины—гетманскій бунчукъ. Проскуровскія власти, увидѣвъ такой рѣдкій предметъ въ рукахъ еврея, заподозрили послѣдняго въ незаконномъ пріобрѣтеніи имъ этой драгоцѣнности и потому прислали бунчукъ въ кіевскую городскую полицію, такъ какъ владѣльцемъ его оказался кіевскій житель и торговецъ древними вещами. Весь бунчукъ покрытъ хорошо выполненными барельефными рисунками. На вершинѣ шара находится портретъ польскаго короля Іоанна III, а по бокамъ изображена битва поляковъ съ турками и татарами. На рукояткѣ четыре поясныхъ портрета, польскій и литовскій гербы и четыре изображенія во весь ростъ вооруженныхъ воиновъ.

Церковь Рогнѣды въ Изяславѣ. Въ настоящее время мѣстнымъ археологомъ Т. В. Кибальчичемъ собираются матеріалы для исторіи искусствъ въ Россіи. Въ собранномъ уже для этой цѣли матеріалѣ, между прочимъ, находятся интересныя свѣдѣнія, не опубликованныя еще въ печати, о Преображенской церкви въ м. Изяславѣ, Минской губерніи. Церковь эта, расположенная на живописной окраинѣ мѣстечка, и по народному преданію, и по историческимъ извѣстіямъ основана или княземъ Владиміромъ, или сыномъ его отъ Рогнѣды, въ крещеніи Анастасіи, Изяславомъ, для отвергнутой жены вели-

каго князя кіевскаго, въ концѣ X вѣка, именно послѣ 985 года, когда, послѣ покушенія на жизнь Владиміра, Рогнѣда, по просьбѣ сына Изяслава и бояръ, была пощажена отъ казни и вмѣстѣ съ Изяславомъ сослана въ Изяславъ. Церковь построена при истокѣ рѣки Свислочи, внутри древней крѣпости, воздвигнутой Владиміромъ. Зданіе церкви продолговатое, четырехъугольное, въ два этажа; въ верхнемъ изъ нихъ помѣщается самая церковь, а въ нижнемъ—усыпальница князей Изяславскихъ. Входъ въ подвальный этажъ нынѣ замурованъ. Квадратный алтарь отдѣленъ отъ общей залы аркой и двухъярусньмъ иконостасомъ. Церковь имѣетъ восемь большихъ, высокихъ и широкихъ оконъ, вверху сведенныхъ полукругомъ. Въ подвальномъ этажѣ есть также два небольшія окна, заложенныя желѣзными рѣшетками. Внутри церкви нѣтъ отдѣльныхъ придѣловъ, но она, подобно Кіево-Софійскому собору, раздѣлена на нѣсколько равныхъ частей дугообразными сводами, опирающимися на девять каменныхъ столбовъ. Фундаментъ церкви построенъ изъ жженаго кирпича, а самое зданіе на половину изъ дикаго камня, на половину изъ кирпича. Кирпичъ обожженный и прочный какъ желѣзо, большого размѣра, продолговатый, вѣсомъ въ 12 фунтовъ штука. Стѣны церкви, сохранившіяся въ первобытномъ видѣ, снаружи и внутри гладкія, на внѣшней сторонѣ церкви, съ трехъ сторонъ, устроены по двѣ колонны, углы испещрены украшеніями изъ кирпича въ видѣ клѣтокъ и полуколонокъ; подъ верхнимъ карнизомъ протянутъ вокругъ церкви круглый поясъ изъ извести. На потолкѣ церкви, надъ арками, возлѣ пролетовъ, находятся три кружка съ лѣпными украшеніями; одинъ изъ нихъ по формѣ напоминаетъ звѣзду. Въ XVII столѣтіи Изяславская церковь была захвачена поляками и обращена въ католическій костелъ, который въ 1840 году снова былъ преобразованъ въ православную церковь. Невдалекѣ отъ зданія церкви до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія находились развалины католическаго кляштора, которыя были окончательно разобраны жителями.

Александровская Публичная библіотека и залъ императора Александра II въ Самарѣ. Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы помѣстили отчетъ этой библіотеки за 1885 годъ. (Смѣсь, стр. 447). Попечительный комитетъ библіотеки, состоящій изъ пяти лицъ, (завѣдуютъ ею двѣ дамы) поспѣшилъ составленіемъ отчета и за прошлый годъ и напечаталъ его уже въ іюнѣ. Библіотека и залъ, а также начатый формированіемъ публичный музей, помѣщались въ прежнемъ наемномъ домѣ. Къ 1-му января 1886 г. библіотека имѣла всего 3065 руб. 85 коп. Въ отчетномъ 1886 г. поступило залоговыхъ суммъ, ассигнованныхъ городскою думою на содержаніе библіотеки, процентовъ изъ государственнаго банка на хранившіяся въ немъ суммы библіотеки и другихъ источниковъ—доходовъ всего съ остаткомъ отъ предыдущаго года—9,757 р. 61 к. Въ отчетномъ году израсходовано: 7,341 р. 39 к. Изъ этой суммы возвращено залоговъ 2,220 руб., жалованье и награды служащимъ 1,503 руб. 20 к. на выписку книгъ, періодическихъ изданій и переплетъ—2,053 руб. 88 коп., остальные расходы — хозяйственные и канцелярскіе. Затѣмъ къ 1-му января 1887 г. въ остаткѣ залоговыхъ суммъ 2,415 р. и принадлежащихъ библіотекѣ 1 р. 22 к. Деньги эти хранятся на текущемъ счету въ Самарскомъ отдѣленіи государственнаго банка, а на 1,500 руб. изъ этой суммы пріобрѣтено облигацій водопроводнаго займа г. Самары. (Мы не совсѣмъ понимаемъ пріобрѣтенія на чужія залоговыя деньги частныхъ бумагъ). Кромѣ того городская дума выплачивала изъ городскихъ средствъ за наемъ помѣщенія для библіотеки и «зала» 1,300 р. въ годъ и на отопленіе помѣщенія сторожей и кухни отпускала 12 саженъ однополѣнной мѣры дровъ. Библіотека и «залъ» Александра II застрахованы въ 27,446 р. 28 к. Разными учеными обществами, учрежденіями, правительственными мѣстами и частными лицами въ 1886 г. пожертвовано въ библіотеку 341 изданіе въ 586-ти томахъ. Значительнѣе всего приношенія К. К. Грота—454 тома рус-

скихъ и иностранныхъ книгъ, Дерптскаго университета 33 брошюры, и предсѣдателя попечительнаго комитета, городского головы П. В. Алабина 32 брошюры. Изъ періодическихъ изданій безплатно высылалось 18. Пріобрѣтено покупкою: русскихъ книгъ 596 наименованій въ 1,029 томахъ, иностранныхъ 173 наименованій въ 250 томахъ, газетъ и журналовъ русскихъ и иностранныхъ 80 наименованій. «Вѣстникъ Европы», «Русская мысль» и «Дѣло» (съ мая мѣсяца) выписывались въ 3-хъ экземплярахъ, «Русскій Вѣстникъ» и «Наблюдатель» въ 2-хъ экземплярахъ каждый. Всего въ теченіе года въ библіотеку поступило 1,208 русскихъ книгъ, иностранныхъ и періодическихъ изданій. Къ 1-му января 1887 г. по инвентарю библіотеки состоитъ книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ 11,962 наименованія въ 21,268 переплетахъ и дублетовъ 452 наименованія въ 652 переплетахъ, а всего 12,414 наименованій въ 21,920 переплетахъ. Полный систематическій и алфавитный каталогъ библіотеки оконченъ печатаніемъ и выпущенъ въ свѣтъ. Каталогъ заключаетъ въ себѣ 38 печатныхъ листовъ in 8° и напечатанъ въ количествѣ 1,200 экземпляровъ. Печатаніе каталога обошлось 1,237 р., почему онъ и пущенъ въ продажу по 1 р. 25 к. за экземпляръ безъ переплета. Цѣнность довольно значительная для каталога, вообще, имѣющая вѣроятнымъ послѣдствіемъ медленность распродажи изданія. Дополнительный каталогъ, вмѣщающій въ себѣ названія изданій, поступившихъ въ библіотеку послѣ отпечатанія каталога, также оконченъ и въ непродолжительномъ времени будетъ изданъ. Приведены въ извѣстность изданія, представляющія собою библіографическую рѣдкость, имъ составленъ особый списокъ, съ подробнымъ ихъ описаніемъ и, во избѣжаніе утраты этихъ изданій или порчи, каждое такое изданіе заключено въ особую оболочку и выдается по требованію читателя, подъ особую росписку и съ особымъ, по цѣнности каждой такой рѣдкой книги залогомъ. Съ подобною же осмотрительностью выдаются для чтенія изданія, носящія на себѣ автографы ихъ авторовъ или ихъ дарителей библіотекѣ. Такимъ изданіямъ имѣется также особый списокъ. Въ виду устройства въ Самарѣ водопровода, для доставленія обывателямъ возможности ближайшаго ознакомленія съ его направленіемъ по городу, библіотекою изданъ планъ Самары съ нанесеніемъ на немъ сѣти водопроводныхъ трубъ и другихъ городскихъ сооруженій. Отъ продажи этого плана библіотека до настоящаго времени получила чистаго барыша 75 руб. Читальный залъ библіотеки былъ открытъ для публики въ тѣ же дни и часы, что и въ прошломъ отчетномъ году. Посѣтителей въ немъ бывало ежедневно отъ 80 до 150 человѣкъ, а въ праздничные и воскресные дни до 195, читались преимущественно газеты, журналы, иллюстрированныя и справочныя изданія. Выдача книгъ для чтенія на домъ производилась въ томъ же порядкѣ, какъ и въ прошломъ отчетномъ году. Брали книги и періодическія изданія для чтенія на домъ 1,121 человѣкъ, болѣе всего чиновники (205 лицъ) мѣщане (176), воспитанники свѣтскихъ учебныхъ заведеній (174) и купцы (112), менѣе всего—лица духовнаго званія (29). Самое большое требованіе было на сочиненія Достоевскаго, Тургенева, Л. Толстого, Писемскаго и Гончарова. Изъ журналовъ болѣе требовались «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль» и «Сѣверный Вѣстникъ». Изъ этихъ цифръ видно, что дѣятельность библіотеки въ отчетномъ году, по сравненію съ предыдущими годами, была обширнѣе; по инвентарю библіотека увеличилась на 1,406 наименованій въ 2,113 переплетахъ; посѣтителей читальнаго зала было больше прошлогодняго, бравшихъ книги на домъ болѣе на 36 человѣкъ и снято книгъ съ полокъ библіотеки для прочтенія болѣе на 917 наименованій. Устройствомъ «зала императора Александра II» продолжалъ заниматься П. В. Алабинъ. Въ 1886 г. въ «залъ» поступило: Отъ петербургскаго завода Моранъ (заводъ бывшій герцога Лейхтенбергскаго) бронзовый бюстъ императора Александра II, по модели вылѣпленной гене-

ралъ-адъютантомъ Тимашевымъ; нѣсколько рисунковъ памятника Александра II, отъ московскаго купца А. П. Бахрушина портретъ Александра II, рисованный и вытканный на шелку, самоучкой, крестьяниномъ Корочкинымъ; альбомъ адресовъ и заявленій, поднесенныхъ императору Александру II, и др. Остатка отъ суммъ предыидущаго года было къ 1-му января 1886 г. 86 р. 92 к. поступило пріобрѣтенныхъ книгъ и брошюръ 19 наименованій на 21 р. 95 к., всего на разные предметы израсходовано 118 р. 15 к., слѣдовательно передержано 31 р. 23 коп.

† Въ Ахенѣ **Михаилъ Константиновичъ Сидоровъ**, одинъ изъ тѣхъ чисто русскихъ людей, влагавшихъ всѣ свои силы въ служеніе общественному дѣлу и для которыхъ благо русскаго народа составляло главную задачу ихъ жизни. Онъ родился въ 1823 г. въ Архангельскѣ; мать его занимаетъ постъ игуменьи Шенкурскаго дѣвичьяго монастыря. Еще въ гимназіи покойный проявлялъ стремленіе къ путешествіямъ, съ цѣлью изученія своего родного Сѣвера; въ этомъ онъ видѣлъ свое призваніе и успѣлъ въ теченіе жизни выполнить многое изъ того, что было имъ задумано еще въ юности. Первые годы его самобытной дѣятельности были главнымъ образомъ посвящены Сибири, гдѣ въ сороковыхъ годахъ онъ открылъ и изслѣдовалъ множество золотыхъ пріисковъ, которые въ сравнительно короткое время доставили нашей казнѣ одной только государственной пошлины болѣе пяти милліоновъ рублей. Подобное начало на первыхъ же порахъ обезпечило Сидорову довѣріе крупныхъ золотопромышленниковъ. Его дѣятельность не ограничилась одними пріисками; другимъ не менѣе цѣннымъ естественнымъ богатствамъ русскаго Сѣвера, онъ посвятилъ въ шестидесятыхъ годахъ большую часть своего времени. Такъ, между прочимъ, онъ первый обратилъ вниманіе на громадныя лѣсныя богатства Печорскаго края и положилъ начало вывоза лиственницѣ въ Петербургъ и за границу, не говоря уже о произведенныхъ имъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ относительно горныхъ богатствъ по системѣ р. Печоры. Сидорову принадлежитъ также открытіе морского торговаго пути изъ сѣверной Сибири чрезъ Карское море въ Европу, еще за два года до путешествія туда Норденшильда. Въ настоящее время этотъ путь заброшенъ, но въ первые годы онъ былъ съ успѣхомъ утилизированъ для торговыхъ сношеній Сибири съ Европою. Во всемъ этомъ сказались слѣды широкой коммерческой предпріимчивости покойнаго; рядомъ съ нею проявлялись и его заботы о безотлагательныхъ нуждахъ Сѣвера, судьба котораго была всецѣло связана съ самымъ плодотворнымъ періодомъ его общественной дѣятельности. Онъ былъ членомъ почти всѣхъ правительственныхъ комисій, учреждавшихся въ разное время для экономическаго поднятія русскаго Сѣвера. На этомъ поприщѣ онъ не зналъ устали и нерѣдко просиживалъ ночи, готовя для комисій доклады по разнымъ вопросамъ, касавшимся экстренныхъ нуждъ сѣверянъ. М. К. состоялъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ почти всѣхъ русскихъ ученыхъ обществъ по части отечественной торговли, промышленности, сельскаго хозяйства и естествознанія, и вездѣ его дѣятельность была устремлена къ пробужденію силъ русскаго народа. Въ лицѣ М. К. рядомъ съ общественнымъ дѣятелемъ совмѣщался типъ частнаго благотворителя, откликавшагося на всякую просьбу, на всякое горе. Каждый нуждающійся труженикъ, къ какому бы классу или сословію онъ ни принадлежалъ, всегда получалъ отъ него добрый совѣтъ или помощь. Въ нашемъ обществѣ такъ рѣдки примѣры увлеченія, настойчивости и послѣдовательности въ проведеніи извѣстныхъ идей, что люди, подобные Сидорову, должны возбуждать удивленіе, имена ихъ должны съ благодарностью сохраниться для потомства, хотя далеко не все въ дѣятельности подобныхъ людей заслуживаетъ одобренія. Многое здѣсь объясняется воспитаніемъ, средою, въ которой приходится у насъ дѣйствовать каждому предпріимчиному человѣку, выходящему изъ низшихъ сосло-

вій, наконецъ, той административной рутиной, которую рѣдко можно прошибить, идя прямыми путями. Въ Сидоровѣ нужно различать двѣ стороны: человѣка идеи и человѣка практики. Въ первую половину его дѣятельности, когда онъ, занимаясь золотопромышленностью въ Сибири, пріобрѣлъ нѣкоторое состояніе, Сидоровъ ни чѣмъ кромѣ безчисленныхъ процессовъ не прославился, и выведенный изъ терпѣнія покойный графъ Муравьевъ-Амурскій, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, просилъ даже у министра финансовъ Княжевича исходатайствовать воспрещеніе Сидорову заниматься золотопромышленностью. Сидоровъ даже благотворилъ помощью процессовъ. Такъ онъ пожертвовалъ на будущій сибирскій университетъ золотые пріиски, которые оцѣнилъ въ милліонъ. Это пожертвованіе надѣлало въ свое время шуму, но оказалось, что пріиски еще нужно оттягать судомъ отъ Бенардаки. Понятно, никогда сибирскій университетъ фантастическаго милліона не видалъ и не увидитъ. Заручившись денежными средствами, Сидоровъ, уроженецъ сѣвера, гдѣ онъ началъ карьеру домашнимъ учителемъ, сталъ думать о томъ, какъ помочь своей родинѣ. Онъ старался организовать различныя предпріятія, но они не приносили дохода и личныя средства Сидорова таяли. Въ заботахъ о сѣверѣ содѣйствовалъ ему тесть его, покойный В. Н. Латкинъ, усть-сысольскій гражданинъ, за которымъ также останется заслуга, что онъ не забылъ интересовъ своего бѣднаго края въ то время, когда рѣшительно никто о нашей сѣверной окраинѣ не заботился. Но практическая дѣятельность Сидорова и по отношенію къ сѣверу не шла надлежащимъ путемъ. Онъ одолѣвалъ различныя администраціи массою хитросплетенныхъ, подъ часъ просто кляузныхъ просьбъ, собственныя же начинанія его были или вовсе непрактичны какъ напр. добыча графита въ отдаленномъ и недоступномъ Туруханскомъ краѣ, или поиски нефти на Новой землѣ, или же дурно организованы и ведены съ недостаточнымъ капиталомъ какъ лѣсная операція на Печорѣ. Но плохой практическій дѣятель, Сидоровъ являлся въ своемъ родѣ апостоломъ идеи, что нашъ сѣверъ не долженъ оставаться вѣчно въ нынѣшнемъ его запустѣніи. И дѣйствительно, въ то время, когда Канада или Норвегія благоденствуютъ, находящіяся въ совершенно сходныхъ съ ними климатическихъ условіяхъ наши сѣверныя губерніи періодически голодаютъ и обращаются въ пустыню. Заслуга Сидорова, по вразумленію на этотъ счетъ русскаго общественнаго мнѣнія, громадна. Статьи его въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Сѣверъ Россіи», напечатанныя двадцать лѣтъ тому назадъ, были своего рода откровеніемъ. Русская публика и не подозрѣвала тѣхъ безобразій, которыя творились на сѣверѣ, и того, что милліоны древняго русскаго смѣлаго и трудолюбиваго населенія были предоставлены эксплуатаціи горсти иностранцевъ, да и тѣ, что эксплуатировались, могли почесться еще счастливыми, сравнительно съ тѣми, которые были вовсе забыты. Двадцать пять лѣтъ Сидоровъ упорно продолжалъ свою проповѣдь въ защиту значенія сѣвера для Россіи: разныя ученыя экспедиціи, многочисленныя правительственныя комиссіи, нѣкоторыя законодательныя мѣры—все это было вызвано иниціативой Сидорова.

† 1-го іюня, на дачѣ въ Павловскѣ **Рудольфъ Эдуардовичъ Стефани**, ординарный академикъ академіи наукъ. Съ января 1864 года онъ состоялъ хранителемъ, затѣмъ оберъ-консерваторомъ нашего эрмитажа. Поступивъ на службу въ 1846 г., онъ за свои труды на поприщѣ археологіи избранъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, членомъ-корреспондентомъ археологической комисіи, московскаго археологическаго общества, нѣмецкаго восточнаго общества въ Лейпцигѣ, почетнымъ членомъ дирекціи археологическаго института въ Римѣ, королевской академіи наукъ въ Мюнхенѣ. Наша академія художествъ въ 1872 за труды по художеству и приведенію въ порядокъ эрмитажныхъ коллекцій избрала его своимъ почетнымъ вольнымъ общникомъ. Покойный около

15 лѣтъ состоялъ директоромъ нумизматическаго и египетскаго музеевъ академіи наукъ и много писалъ по предметамъ своихъ спеціальныхъ знаній.

† 11-го мая, во Франціи, въ городѣ По, инженеръ генералъ-маіоръ **Иванъ Ивановичъ Вальбергъ**. Онъ родился въ 1815 г. и высшее образованіе получилъ въ военной Николаевской инженерной академіи. Въ офицеры произведенъ въ 1843 г., а въ генералъ-маіоры въ 1878 г. Въ послѣдніе годы жизни, состоя военнымъ инженеромъ, онъ занималъ должность штатнаго члена инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія. Покойный помѣстилъ много статей въ «Журналѣ Минист. Путей Сообщенія», въ «Инженерномъ журналѣ» и друг.

† 19-го іюля **Григорій Григорьевичъ Щуровскій**, сынъ извѣстнаго въ свое время естествоиспытателя, профессора Московскаго университета. Покойному принадлежитъ серьёзный трудъ «Тюрьмы во Франціи и покровительство освобожденнымъ арестантамъ». Онъ состоялъ на службѣ по духовному вѣдомству съ пятидесятыхъ годовъ и пріобрѣлъ уваженіе сослуживцевъ.

† Профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, магистръ зоологіи **Александръ Львовичъ Карпинскій**. Онъ родился въ 1836 г., высшее образованіе кончилъ въ Кіевскомъ университетѣ, въ 1862 г., по физико-математическому факультету. Въ 1866 г. защищалъ въ Кіевѣ диссертацію на степень магистра зоологіи, представивъ сочиненіе «Изслѣдованіе черепа рыбъ семейства карповыхъ». Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Новую Александрію. Спеціальностью покойнаго было—изученіе рыбъ и имъ собранъ весьма обширный и хорошо обработанный матеріалъ по ихтіологіи Привислянскаго края.

† Въ Лейпцигѣ 24-го іюля, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни піанистъ **Эдуардъ Юльевичъ Гольдштейнъ**. Онъ умеръ отъ остраго воспаленія мозга, на 38 году. Онъ родился въ Одессѣ и въ Лейпцигѣ кончилъ въ 1872 курсъ въ консерваторіи. Въ Петербургѣ Гольдштейнъ былъ въ особенности извѣстенъ какъ дирижеръ любительскаго оркестра здѣшняго «музыкально-драматическаго кружка». При его ближайшемъ содѣйствіи «кружкомъ» было разучено и поставлено нѣсколько оперъ. Осенью покойный долженъ былъ занять въ здѣшней консерваторіи кафедру «ансамбля» и «музыкальной педагогики», по предложенію А. Г. Рубинштейна. Послѣднія поставленныя имъ оперы были «Хованщина» Мусоргскаго и «Манфредъ» Рейнеке. Давыдовъ, хотя былъ также какъ Гольдштейнъ — еврейскаго происхожденія, не давалъ ему мѣста въ консерваторіи. Покойный былъ музыкальнымъ критикомъ въ «Голосѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ» и писалъ рецензіи оперныхъ и опереточныхъ представленій, въ мелкой печати. Лучшій трудъ его «Рубинштейнъ и его историческіе концерты».



— Какъ бы я желалъ помочь ему и облегчить его трудъ! — воскликнулъ Германъ.—Мы должны позаботиться о томъ Лина, чтобы по возможности уменьшить его усердіе къ службѣ; нельзя ли будетъ уговорить Людвига взять отпускъ и отправиться на дачу. Можетъ быть ему нужно морское купанье? Вообще располагай мною и придумай, что я могу сдѣлать для него!..

Она протянула ему обѣ руки:—Да, Германъ, мы сдѣлаемъ все, чтобы успокоить и развлечь моего бѣднаго Людвига. Мы оба одинаково любимъ его! Не правда ли? На этой любви основаны наша дружба и взаимное пониманіе...

Онъ, молча, потянулъ ее къ себѣ и прижалъ къ своей груди.

Она, краснѣя, оттолкнула его отъ себя и, послѣ минутнаго колебанія, сказала:

— Знаешь ли, что мнѣ пришло въ голову? Тебѣ слѣдовало бы жениться, Германъ; это внесло бы новый интересъ въ нашу жизнь, и наши отношенія приняли бы болѣе нормальный характеръ. Я вижу по твоимъ глазамъ, что ты не понимаешь меня!... Я хочу сказать, что присутствіе посторонняго лица заставитъ Людвига, хотя бы на время, отвлечься отъ своихъ усиленныхъ занятій и проводить больше времени въ нашемъ обществѣ...

Она остановилась, смущенная пристальнымъ взглядомъ Германа; ей показалось, что онъ догадывается, какія мысли и ощущенія волнуютъ ее въ эту минуту. Но тутъ, какъ бы опомнившись, она торопливо заговорила о своей привязанности къ Людвигу, его великодушномъ характерѣ, святости дружбы и, путаясь въ словахъ, подъ конецъ бросилась на шею Германа съ громкимъ рыданіемъ.

Онъ заключилъ ее въ свои объятія; чувство жалости къ ея душевному состоянію пересилило ощущеніе безумной радости, охватившей его въ первую минуту. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и бережно усадилъ въ кресло.

— Я понялъ въ чемъ дѣло, Лина! — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Наша дружба безпокоитъ твоего Людвига... Но, что дѣлать? Я не въ состояніи разстаться съ тобою, лишиться дружбы васъ обоихъ... Научи, какъ долженъ я поставить себя относительно васъ, чтобы не нарушать твоего счастія?... Жениться? Неужели ты серьёзно желаешь этого?... Впрочемъ, ты права... Моя женитьба прекратитъ всякія недоразумѣнія, — это единственный исходъ! Нужно обдумать все; ты поможешь мнѣ найдти невѣсту... Моя единственная цѣль остаться съ тобою; ты, вѣроятно, также желаешь этого... Прощай, я хочу уйдти до прихода Людвига!

Онъ взялъ ея руки, прижалъ ихъ къ губамъ, къ груди и быстрыми шагами направился къ двери. Она смотрѣла емув слѣдъ, ожидая отъ него прощальнаго привѣта; онъ еще разъ оглянулся и кивнулъ ей головой.

Улыбка на минуту освѣтила ея лицо и тутъ же замѣнилась выраженіемъ глубокой задумчивости: — Онъ думаетъ, что понялъ меня! — проговорила она тихо, — но это неправда...

Въ эту минуту въ прихожей послышались шаги Гейстера; она встала, чтобы встрѣтить его.

XI.

Новые знакомые.

Германъ не спалъ всю ночь. Онъ усиленно думалъ о томъ, какъ ему лучше и честнѣе поступить относительно Гейстера, и не могъ ничего рѣшить. Утромъ ему подали письмо отъ Лины, въ которомъ она умоляла его ничего не говорить ея мужу.

«... Я объяснилась съ Людвигомъ, — писала она.—Онъ пришелъ тотчасъ послѣ тебя и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Пользуясь этимъ, я сообщила ему о нашемъ намѣреніи отвлечь его, тѣмъ или другимъ способомъ, отъ его усиленныхъ занятій и высказала по этому поводу, на сколько онъ долженъ цѣнить твою дружбу къ нему. Тутъ я убѣдилась, что совершенно напрасно вообразила себѣ, будто онъ недоволенъ нашими отношеніями, и мнѣ стало совѣстно, что я поторопилась высказать тебѣ мои опасенія. Во всякомъ случаѣ, я не отказываюсь отъ моего плана. Ты долженъ жениться не ради нашего общаго спокойствія, а для твоего личнаго счастія. Домашній очагъ единственное убѣжище отъ невзгодъ теперешняго бурнаго времени! Не думай, что такъ трудно найдти невѣсту. Жаль только, что ты не замѣчаешь тѣхъ, которыя любятъ тебя, какъ это случилось съ тобою вчера... я говорю объ Энгельгардтахъ! Помни, что сегодня воскресенье, и приходи къ намъ обѣдать вмѣстѣ съ моей матерью... Людвигъ не совсѣмъ здоровъ; мы послали за докторомъ.

Твоя Лина».

Это письмо разсѣяло мучительныя сомнѣнія Германа, и такъ какъ до обѣда оставалось еще много времени, то онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту Миллера и сдѣлать визитъ министру юстиціи Симсону, который занималъ казенную квартиру въ бывшемъ дворцѣ курфирста.

Симсонъ, прочитавъ рекомендательное письмо Миллера, велѣлъ слугѣ просить молодого человѣка въ пріемную.

— Очень радъ познакомиться съ вами, — сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу Герману. — Рекомендаціи Миллера достаточно, чтобы я принялъ васъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Позвольте представить васъ моей женѣ! А вотъ ея дочь и моя падчерица, мадемуазель Люси Делагэ, а это мадемуазель Сесиль Ге-

берти, племянница мадамъ Симсонъ, наша общая любимица; она пріѣхала изъ Парижа и гоститъ у насъ... А теперь, г. докторъ, назовите вашу фамилію—Миллеръ написалъ такъ неразборчиво, что я не могу прочитать ее.

— Тёйтлебенъ! ваше превосходительство,—отвѣтилъ Германъ.

— Тёйтлебенъ, — повторилъ Симсонъ съ видимымъ усиліемъ, затѣмъ, обращаясь къ дамамъ, сказалъ съ улыбкой: — А вы, mes enfants, называйте его г. докторъ; это почетный титулъ въ Германіи; но помните, что онъ docteur en philosophie—pas médicin...

Съ этими словами онъ пригласилъ Германа сѣсть. Въ его манерахъ и осанкѣ проглядывало спокойное сознаніе собственнаго достоинства. Онъ былъ во фракѣ и, по своему костюму и напудреннымъ волосамъ съ косичкой, напоминалъ юристовъ прежнихъ временъ, чему способствовала его изящная худощавая фигура. Жена его была полная женщина съ живыми движеніями, смуглымъ цвѣтомъ лица и зеленоватымъ оттѣнкомъ глазъ, что придавало непріятное выраженіе ея физіономіи.

Дочь ея была небольшого роста, блѣдная и невзрачная, но съ замѣчательно красивыми глазами, которые кокетливо выглядывали изъ-за темныхъ вьющихся волосъ.

Германъ только мелькомъ взглянулъ на нее, потому что все его вниманіе было поглощено мадемуазель Геберти, которая поразила его своей пикантной своеобразной красотой и изяществомъ пропорціональной фигуры. Ея выразительное, немного смуглое лицо было блѣдно и казалось утомленнымъ, какъ бы отъ глубокихъ пережитыхъ ощущеній; но во взглядѣ ея прекрасныхъ глазъ ничего нельзя было прочесть, кромѣ гордаго равнодушія.

Вначалѣ, дамы молча слушали разговоръ между Германомъ и хозяиномъ дома, который съ первыхъ словъ спросилъ его: откуда онъ родомъ? и, получивъ отвѣтъ, продолжалъ:

— Значитъ вы землякъ Бюлова! Ваша родина, какъ и многія другія нѣмецкія провинціи была нѣкогда насильственно присоединена къ Пруссіи Фридрихомъ Великимъ; теперь всѣ эти земли мало по малу войдутъ въ составъ нашего Вестфальскаго государства, которое должно занять видное мѣсто между европейскими державами.

— Вы пророчите блестящую будущность новому Вестфальскому королевству,—сказалъ Германъ, — но оно возникло такъ недавно, что едва ли можно сказать съ увѣренностью: оправдаетъ ли оно тѣ надежды, какія возлагаются на него! Для этого необходимо, чтобы съ одной стороны Наполеонъ упрочилъ миръ въ Европѣ, а съ другой — чтобы Іеронимъ мудрымъ правленіемъ обезпечилъ существованіе своего престола.

— Вы безусловно правы,—возразилъ Симсонъ,—но, что вѣрно въ теоріи, не всегда примѣнимо къ практикѣ! Не такъ легко возстановить прочный миръ въ Европѣ, какъ полагаютъ многіе; для

этого недостаточно одной воли Наполеона! Что касается второго указаннаго вами условія, то мнѣ кажется, что наши дѣла идутъ не дурно. Всѣ подданные Іеронима равны передъ закономъ; всѣ вѣроисповѣданія ограждены отъ какихъ либо стѣсненій. Крѣпостное право уничтожено; каждый пользуется плодами своего труда, не имѣя надобности отдавать заработанныхъ денегъ господамъ, и вноситъ только установленную закономъ государственную подать. Даже народное образованіе, чему придаютъ такое важное значеніе въ Германіи, поручено извѣстному ученому, котораго современники называютъ нѣмецкимъ Тацитомъ. Вы знаете его — это мой другъ Миллеръ...

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ изящно одѣтаго молодого человѣка, который вошелъ совершенно неожиданно, но, увидя Германа, извинился передъ хозяйкой дома, добавивъ, что былъ на верху, въ комнатахъ мадемуазель Геберти, гдѣ надѣялся увидѣть дамъ.

— Доброе утро, папà Симсонъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину дома.

— Здравствуйте всеобщій кузенъ,—отвѣтилъ Симсонъ,—а вотъ позвольте познакомить васъ: кузенъ Маренвилль! а это г. докторъ!... Прочтите, кузенъ, письмо Миллера, вы увидите, что онъ пишетъ о молодомъ человѣкѣ...

Маренвилль прочиталъ письмо и, взглянувъ на Германа, сказалъ съ лукавой улыбкой:

— Ma foi, мы знакомы съ вами, г. докторъ, или, вѣрнѣе сказать, мнѣ говорилъ о васъ генералъ директоръ полиціи. Ecoutez, mesdames! Этотъ плутъ Берканьи хотѣлъ воспользоваться неопытностью молодого человѣка и сдѣлать изъ него тайнаго полицейскаго шпіона, но г. докторъ догадался въ чемъ дѣло и ловко выпутался изъ бѣды.

Германъ былъ такъ удивленъ, что въ первую минуту не нашелся, что отвѣтить.

Маренвилль, видя его смущеніе, продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Берканьи не думаетъ сердиться на васъ, г. докторъ, напротивъ, онъ почувствовалъ къ вамъ уваженіе, потому что, при всей своей раздражительности, это вовсе не злопамятный человѣкъ. Разумѣется, ему было досадно: онъ обѣщалъ королю сдѣлать необыкновенныя открытія и вмѣсто этого долженъ былъ сознаться, что ошибся относительно вашихъ связей и готовности служить его цѣлямъ...

— Теперь г. докторъ поступилъ въ министерство финансовъ,— сказалъ хозяинъ дома,—и можно надѣяться, что онъ уже не будетъ имѣть подобныхъ столкновеній, которыя немыслимы съ такими честными людьми, какъ Бюловъ и его секретарь!

— Я слышалъ, что вы хотѣли прежде посвятить себя ученой дѣятельности, — сказалъ Маренвилль, обращаясь къ Герману,—но

если вы рѣшились покинуть ее, то почему бы вамъ не сдѣлаться дипломатомъ? Проницательность и изворотливый умъ довольно рѣдко встрѣчаются между молодыми нѣмцами....

— При этомъ, г. докторъ прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ! — замѣтилъ добродушно Симсонъ.

— Если нужна представительная наружность для лицъ, служащихъ въ посольствѣ, то въ настоящемъ случаѣ... — сказала г-жа Симсонъ и, не окончивъ фразы, бросила многозначительный взглядъ на Германа.

— Не правда ли?!—воскликнулъ Маренвилль.—Такого ловкаго и красиваго молодого человѣка можно послать куда угодно...

Смыслъ этихъ словъ былъ понятенъ для одной г-жи Симсонъ; она засмѣялась, но изъ боязни, что Германъ можетъ обидѣться, сказала съ любезной улыбкой:

— Секретарь короля пользуется всякимъ новымъ интереснымъ знакомствомъ для своихъ цѣлей; онъ отыскиваетъ способныхъ людей, чтобы отрекомендовать ихъ королю и показать этимъ свою проницательность. Не придавайте особеннаго значенія его любезности; онъ дѣлаетъ многое изъ тщеславія!

Германъ, подобно большинству молодыхъ людей, самъ обладалъ не малой долей этого порока, хотя вообще чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ лести и преувеличеннымъ похваламъ, которыя поэтому не производили на него никакого впечатлѣнія. Въ то же время по своей довѣрчивости, онъ не разъ принималъ за чистую монету то, что говорилось съ опредѣленной цѣлью. Такъ и теперь, онъ не придалъ никакого значенія двусмысленнымъ улыбкамъ и намекамъ Маренвилля и г-жи Симсонъ и, считая весь разговоръ веселой французской болтовней, отвѣтилъ въ томъ же тонѣ:

— Если мсьё Маренвилль желаетъ доказать свою проницательность, то я не совѣтовалъ бы ему рекомендовать меня въ дипломаты, потому что этимъ онъ окончательно подорветъ свой кредитъ у короля. Вдобавокъ, служба при посольствѣ считается привиллегіей нашего дворянства, и я не имѣю никакого желанія состязаться съ нимъ.

— Происхожденіе, само по себѣ, еще не даетъ права на занятіе мѣстъ и должностей,—замѣтилъ Симсонъ:—все дѣло въ способностяхъ. Дворянство можетъ кичиться своими рыцарскими доблестями; вестфальская конституція не предоставляетъ ему никакихъ особенныхъ правъ; оно пользуется уваженіемъ, на сколько того заслуживаетъ, и ничто не мѣшаетъ ему служить примѣромъ для прочихъ сословій...

Маренвилль сѣлъ рядомъ съ хозяйкой дома, и они начали разговаривать между собой вполголоса. Германъ воспользовался этой минутой и сталъ прощаться.

Г-жа Симсонъ любезно пригласила его на свои soirées fixes.

— Обыкновенно мы принимаемъ по пятницамъ, но теперь только воскресенье и, такъ какъ мой мужъ и Маренвилль совсѣмъ овладѣли вами сегодня, г. докторъ, то я приглашаю васъ завтра вечеромъ, запросто, къ намъ, въ наше дамское общество, чтобы мы могли ближе познакомиться съ вами. Я вижу по глазамъ Сесили, что она желаетъ этого, такъ какъ находитъ, что вы, по своей любезности, составляете исключеніе между нѣмцами.

— Вы безпощадны, maman! — воскликнула Сесиль, слегка краснѣя.

Германъ былъ пораженъ необыкновенно пріятной интонаціей голоса молодой дѣвушки и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы она опять заговорила.

— Вы никакъ не можете разстаться съ вашими строгими нравственными принципами, мадемуазель Сесиль! — замѣтилъ Маренвилль, съ едва уловимой усмѣшкой.—Почему молодая дѣвушка не можетъ прямо сказать, если кто изъ насъ нравится ей?

— Я также не нахожу въ этомъ ничего предосудительнаго! — сказала г-жа Симсонъ, — но Сесиль не раздѣляетъ нашего мнѣнія. Оставимъ ее въ покоѣ!.. До свиданія, г. докторъ, — добавила она, отвѣчая на поклонъ Германа.—Въ слѣдующій разъ, когда вы явитесь къ намъ, прикажите прямо доложить мнѣ; иначе васъ проведутъ въ кабинетъ моего мужа, и онъ засадитъ васъ за шахматы.

Германъ вышелъ изъ дому Симсона въ нѣсколько возбужденномъ состояніи. Хотя онъ не придавалъ большого значенія свѣтскимъ любезностямъ, но общее впечатлѣніе было крайне пріятное; ему оказали самый лестный пріемъ, и онъ самъ былъ доволенъ своими отвѣтами и непринужденной манерой держать себя.

Вечеръ, проведенный имъ у Симсоновъ, окончательно убѣдилъ его въ справедливости сдѣланнаго имъ наблюденія, что нѣкоторыя личности дѣйствуютъ парализующимъ образомъ на присутствующихъ, другія—наоборотъ. Въ этомъ отношеніи общество Сесили и Маренвилля повліяло особенно благотворно на него. Любимецъ короля понравился ему своей привлекательной наружностью и смѣлыми развязными манерами. Онъ завидовалъ его беззаботной веселости и припомнилъ гдѣ-то прочитанную мысль, что житейская мудрость состоитъ въ томъ, чтобы равнодушно относиться ко всякой перемѣнѣ обстоятельствъ и ничему не придавать серьёзнаго значенія.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвела на него Сесиль Геберти. Ему казалось, что съ ея личностью связана какая-то непроницаемая тайна и что всѣ въ одинаковой степени испытываютъ обаяніе ея красоты. Она почти все время молчала и только по выраженію глазъ можно было видѣть, что разговоръ интересуетъ ее. Когда она встала и прошла по комнатѣ, то его особенно поразила своеобразная грація ея походки. Образъ Лины блѣднѣлъ въ присутствіи

красивой француженки; сравнивая ихъ обѣихъ, онъ живо чувствовалъ, что Сесиль не только нравится ему, но можетъ очаровать его. Она была для него живая загадка, которую онъ хотѣлъ разрѣшить, чтобы избавиться отъ неопредѣленнаго, но въ то же время мучительнаго безпокойства.

Онъ рѣшилъ не говорить Линѣ о томъ впечатлѣніи, какое произвела на него таинственная красавица изъ боязни, что она не пойметъ его и опять будетъ уговаривать жениться. Сознаніе, что онъ совершенно не знаетъ ее съ нравственной стороны, доставляло ему своего рода удовольствіе.—Сесиль по своему общественному положенію недоступна для меня,—думалъ онъ,—и я не женюсь до тѣхъ поръ, пока не найду дѣвушки, которая имѣла бы хотя половину достоинствъ моей Лины...

XII.

Дружеское предостереженіе.

На свѣтѣ бываютъ любимцы судьбы и горемыки, но это общеизвѣстное явленіе остается неразрѣшимой загадкой. Кто можетъ сказать, почему потокъ жизни, текущій въ силу вѣчныхъ неизмѣнныхъ законовъ, вездѣ настигнетъ человѣка, обреченнаго на гибель, и тянетъ ко дну, а другихъ людей, при всей ихъ беззаботности, доноситъ до цѣли ихъ желаній и раньше, нежели они предполагали. Принято это называть счастьемъ или случаемъ, который, такимъ образомъ, играетъ роль какого-то миѳическаго существа, дѣйствующаго по произволу.

Между тѣмъ, надъ этимъ вопросомъ стоило бы задуматься и сдѣлать попытку изслѣдовать его. Быть можетъ, задатки счастья заключаются въ прирожденныхъ свойствахъ человѣка и высшемъ инстинктѣ, благодаря которому, онъ умѣетъ приноровиться къ условіямъ жизни и уловить моменты поднятія и паденія волны.

Германъ сознавалъ, что многое дается ему легче, чѣмъ другимъ людямъ, и что онъ не столько обязанъ этимъ своимъ заслугамъ, сколько милости судьбы. Даже Луиза Рейхардтъ высказала ему это по поводу удачнаго исхода его исторіи съ Берканьи. То же повторилъ, хотя въ другихъ выраженіяхъ, лейтенантъ Эммерихъ и укрѣпилъ его вѣру въ собственное счастье. При этомъ условіи люди смѣлѣе относятся къ жизни, между тѣмъ какъ постоянное несчастье и неудачи ослабляютъ ихъ волю и парализуютъ способности. Германъ, разсчитывая всего болѣе на благопріятную судьбу, испытывалъ такое душевное спокойствіе, что не хотѣлъ нарушать его напрасными размышленіями.

Ту же игру случая видѣлъ онъ вокругъ себя. Онъ былъ въ резиденціи молодого короля, котораго слѣпое счастье возвело на пре-

столъ изъ купеческой семьи и который, смѣясь, носилъ пурпуровую мантію и искалъ въ жизни однихъ наслажденій. Такіе же авантюристы окружали его и пользовались не только одинаковыми, но еще большими правами, нежели гордое мѣстное дворянство. Вмѣстѣ съ тѣмъ и тихій Кассель, малоизвѣстный при курфирстахъ, сдѣлался резиденціею блестящаго двора. Хотя весь церемоніалъ его былъ составленъ по шаблону, присланному изъ Парижа, но, все-таки, этикетъ соблюдался довольно строго и служилъ кулисами, за которыми разыгрывались всякіе комедіи и водевили.

Отецъ Германа при своемъ знаніи свѣта и людей, не колеблясь, отправилъ сына искать счастья въ столицу возникающаго государства, въ надеждѣ, что онъ здѣсь легче пробьетъ себѣ дорогу, чѣмъ гдѣ либо. Онъ не боялся, что сынъ собьется съ пути. Зная характеръ и нравственныя правила Германа, онъ былъ увѣренъ, что, если сердце и фантазія заставятъ его перейдти границы благоразумія, то, все-таки, онъ не въ состояніи будетъ погрязнуть въ грубомъ реализмѣ или отрѣшиться отъ своихъ идеаловъ.

Недѣля прошла незамѣтно для Германа, среди утреннихъ занятій и вечеровъ, проводимыхъ въ обществѣ, но для Рейхардтовъ это было временемъ тяжелыхъ заботъ и безпокойства. Капельмейстеръ долженъ былъ устроить разныя дѣла, касающіяся его должности и усиленно заняться приготовленіями къ дорогѣ. Наконецъ, все это было окончено, вещи уложены,—и Рейхардтъ, сдѣлавъ визиты, рѣшилъ устроить прощальный музыкальный вечеръ для своихъ друзей.

Германъ пришелъ раньше всѣхъ. Луиза тотчасъ же увела его въ свою комнату подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ дать ему нѣкоторыя порученія, которыя ему придется исполнить послѣ ея отъѣзда.

— Какія порученія, Луиза?—спросилъ Германъ, проходя вслѣдъ за нею по корридору.—Развѣ мы разстаемся надолго?

Она ничего не отвѣтила и, войдя въ свою комнату, пригласила его сѣсть рядомъ съ собою на диванѣ.

— Я позвала васъ сюда, Германъ, чтобы проститься съ вами наединѣ, хотя не думаю, чтобы наша разлука была особенно продолжительна. Но кто можетъ сказать, при какихъ обстоятельствахъ мы опять встрѣтимся съ вами... Я провожу отца до Гибихенштейна, не доѣзжая Галле. Вы, вѣроятно, бывали въ этой живописной мѣстности? Стефенсъ писалъ, что наше имѣніе сильно пострадало отъ войны; но, быть можетъ, мнѣ удастся сдѣлать кое-какія поправки въ домѣ, чтобы мы могли поселиться въ немъ съ матерью до зимы, а къ этому времени отецъ, вѣроятно, вернется изъ своего путешествія.

Луиза говорила такимъ печальнымъ тономъ, что Германъ съ безпокойствомъ взглянулъ на нее.

— Что съ вами, дорогая моя?—спросилъ онъ.—Въ тотъ вечеръ, когда я со свадьбы Моріо явился къ вамъ по порученію барона Рейнгарда, мнѣ и въ голову не приходило, что сообщенная мною новость можетъ огорчить васъ. Я понялъ изъ словъ вашихъ друзей, что дѣло заключается въ томъ, чтобы спасти вашего отца отъ серьёзной опасности и во что бы то ни стало убѣдить его не отказываться отъ предлагаемаго ему путешествія. Поэтому я съ радостью взялся исполнить возложенное на меня порученіе, не ожидая, что выйдетъ изъ этого... Я не говорю о себѣ и о томъ, какъ мнѣ тяжело разстаться съ вами! Никогда не забуду я того дружескаго участія, съ какимъ вы отнеслись ко мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ Кассель, и тѣхъ пріятныхъ вечеровъ, какіе я проводилъ у васъ! Вы первые пріютили меня въ чужомъ городѣ; ваши дружескіе совѣты Луиза не разъ спасали меня, но чѣмъ выразилъ я вамъ свою благодарность!..

— Мнѣ пріятно слышать, Германъ, что разлука съ нами не безразлична для васъ, и что вы, попрежнему, расположены къ намъ,—сказала Луиза, пожимая ему руку.—Но вы напрасно упрекаете себя! Во всякомъ случаѣ вы явились къ намъ тогда съ хорошей вѣстью, потому что отъѣздъ отца изъ Касселя единственный возможный для него исходъ. Въ его годы люди не мѣняются, а онъ такъ неостороженъ, что его могла постигнуть несравненно худшая участь...

— Но почему, вы сами, Луиза, не хотите остаться въ Касселѣ до возвращенія отца? Онъ во всякомъ случаѣ долженъ будетъ пріѣхать сюда по окончаніи порученнаго ему дѣла? При этомъ вы имѣете въ Касселѣ вѣрныхъ и преданныхъ друзей?

— Вы забываете, Германъ, что отца лишили должности, и онъ только на короткое время вернется сюда, потому что его положеніе было бы въ высшей степени непріятное, да и мнѣ самой не хотѣлось бы долѣе оставаться въ Касселѣ по многимъ причинамъ!.. Быть можетъ, отцу удастся получить мѣсто въ Прагѣ, или гдѣ нибудь въ Австріи, которая скоро сдѣлается единственнымъ убѣжищемъ для людей, которые не перестали любить родину и желаютъ принять участіе въ великихъ событіяхъ, которыя готовятся тамъ. Что касается меня лично, то вамъ извѣстно, Германъ, насколько мнѣ ненавистна вестфальская столица съ ея распущенными нравами....

— Но вы не можете сомнѣваться въ вашихъ друзьяхъ, Луиза!—сказалъ онъ, прерывая ее.

— Вы, конечно, имѣете прежде всего въ виду барона Рейнгардта и его жену,—возразила Луиза.—Я считаю ихъ безусловно хорошими людьми, но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ наилучшія отношенія должны прерваться помимо нашей воли. Положеніе французскаго посланника налагаетъ на барона Рейнгарда извѣстныя обя-

зательства, при которыхъ наша дружба становится невозможной. Онъ самъ понимаетъ это и долженъ желать нашего удаленія изъ Касселя! Но довольно объ этомъ... Я собственно хотѣла поговорить съ вами о дѣлѣ, которое лично касается васъ... Вообще, мой отецъ оказалъ вамъ плохую услугу; и въ этомъ я окончательно убѣдилась въ послѣдніе дни...

— Вы находите, что вашъ отецъ неправъ относительно меня? спросилъ съ удивленіемъ Германъ.

— Да, я объясню вамъ почему. Если вы помните, что въ первый день нашего знакомства, когда мы были съ вами въ паркѣ Ауэ, я протестовала противъ намѣренія отца отрекомендовать васъ генералу Салà и графу Фюрстенштейну, въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка. Не думайте, чтобы въ этомъ случаѣ мною руководила ненависть къ французамъ: живя въ Касселѣ, трудно избѣгнуть знакомства съ ними. Причина была другая: придворные не довѣряютъ отцу, и поэтому его навязчивая рекомендація могла только повредить вамъ, мои опасенія оказались не напрасными. Уроковъ вы не получили, а васъ отправили къ Берканьи, какъ подозрительнаго человѣка; но этотъ сразу убѣдился, что вы не прусскій шпіонъ, и вздумалъ сдѣлать изъ васъ вестфальскаго mouchard'а. Къ счастью баронъ Рейнгардъ случайно прочелъ ваше тайное донесеніе и сообщилъ мнѣ объ этомъ, и намъ удалось во время предупредить васъ о грозившей опасности. Теперь опять у васъ явились новыя знакомства; совѣтую вамъ не сближаться съ ними, чтобы не навлечь на себя большихъ непріятностей. Я не говорю о Бюловѣ; это прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и хорошій патріотъ. Но вы бываете у Симсоновъ и не только въ назначенные дни, когда у нихъ собирается большое общество, но получили приглашеніе на ихъ интимные вечера. Маренвилль, maître de la garderobe Іеронима, тамъ свой человѣкъ, и успѣлъ понравиться вамъ, такъ что, быть можетъ, когда мы встрѣтимся съ вами черезъ нѣсколько недѣль, мнѣ придется опять вытягивать васъ изъ грязнаго омута, въ который вы попадете по своей излишней довѣрчивости!

Самолюбіе Германа было задѣто, онъ отвѣтилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

— Не знаю, почему у васъ составилось такое дурное мнѣніе о Маренвиллѣ! Вы несправедливы къ нему, Луиза... Мнѣ самому онъ показался немного легкомысленнымъ; но въ немъ столько привлекательнаго, что трудно не полюбить его, тѣмъ болѣе что это крайне простодушный человѣкъ...

— Нѣтъ, это ужасный человѣкъ! прервала его Луиза—и онъ тѣмъ опаснѣе, что очаровываетъ всѣхъ своей пріятной наружностью и непринужденнымъ обращеніемъ. Къ сожалѣнію, я не имѣю времени распространяться о немъ, потому что гости, вѣроятно, уже собра-

лись... Быть можетъ, вы будете недовольны, но я сообщила свои опасенія барону Рейнгарду и просила въ случаѣ надобности помочь вамъ своимъ совѣтомъ; но онъ разсчитываетъ на ваше благоразуміе и осторожность. Что касается меня лично, то, поручая васъ такому другу, я спокойнѣе уѣду отсюда! Дайте мнѣ слово, что вы надняхъ побываете у него,—это будетъ не лишнимъ для васъ...

Германъ былъ тронутъ такимъ участіемъ къ его судьбѣ.

— Даю слово исполнить все, что вы желаете, моя дорогая Луиза!—воскликнулъ онъ, цѣлуя ея руки.—Чѣмъ заслужилъ я такую дружбу? научите меня, какъ могу я выразить вамъ свою благодарность...

— Это совершенно лишнее,—сказала она, вставая съ мѣста,—между друзьями не можетъ быть никакихъ счетовъ... Но вотъ, кстати, едва не забыла сказать вамъ, что вчера былъ у насъ баронъ Рейфельдъ и, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что вы имѣете сношенія съ приверженцами курфирста, но пока еще не вступили окончательно въ ихъ союзъ. Но я не могу понять какой интересъ представляетъ для васъ курфирстъ, и почему вы желаете его возвращенія? Повѣрьте, Германъ, что всѣ эти единичныя попытки вредятъ дѣлу. Только широкое повсемѣстное возстаніе можетъ имѣть успѣхъ и повести къ желанной цѣли!..

Германъ хотѣлъ отвѣтить, но въ эту минуту Луиза отворила дверь въ корридоръ и приложила палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія.

Когда они вошли въ гостиную, общество было въ полномъ сборѣ.

XIII.

Прощальный вечеръ.

Сегодня въ послѣдній разъ собрались почти всѣ знакомые Рейхардта, когда либо посѣщавшіе его музыкальные вечера; баронъ Бюловъ и французскій посланникъ были также въ числѣ гостей. Многіе еще не успѣли занять мѣста и разговаривали, стоя, но съ приходомъ Луизы все общество сгруппировалось вокругъ нея.

Луиза вообще пользовалась особеннымъ расположеніемъ своихъ знакомыхъ; и сегодня, въ виду скорой разлуки, каждый хотѣлъ поговорить съ нею или, по крайней мѣрѣ, узнать цѣль ея поѣздки.

— Я ѣду по университетскому дѣлу,—отвѣтила со смѣхомъ Луиза,—и поэтому проведу нѣсколько недѣль по близости Галле. Вы, вѣроятно, слышали, что императоръ изъявилъ свое согласіе на возстановленіе университета и тамъ требуютъ новыхъ силъ. Говорятъ, что нѣкоторыя каѳедры уже замѣщены...

— Вѣроятно, фрёйлейнъ Рейхардтъ будетъ назначена профессоршей музыкальнаго искусства въ Галле, сказалъ Гарнишъ съ почтительнымъ поклономъ.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь,—возразила Луиза,—король утвердилъ Тюрка, который вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ званіе профессора.

— Это мой старый знакомый! сказалъ баронъ Рейфельдъ, но я не подозрѣвалъ, что Іеронимъ такой цѣнитель его музыки, хотя она не имѣетъ ничего общаго съ его знаменитыми «Nocturno».

— Значитъ, мое предположеніе невѣрно, сказалъ Гарнишъ; и я теряюсь въ догадкахъ относительно мотивовъ, побуждающихъ фрёйлейнъ Рейхардтъ избрать Галле цѣлью своего путешествія.

— Мотивы эти проще, нежели вы думаете,—продолжала Луиза болѣе серьёзнымъ тономъ.—Дѣло въ томъ, что мой зять Стефенсъ переселяется въ Галле, гдѣ, благодаря субсидіи правительства, думаетъ открыть горную коллегію. Вы можете себѣ легко представить, насколько я желаю увидѣться съ нимъ и сестрой!

— Значитъ, Стефенсу дозволили вернуться въ Галле? воскликнулъ съ радостью Германъ.

— Да, и я при свиданіи посовѣтую ему быть осторожнѣе съ рекомендательными письмами, или, по крайней мѣрѣ, не писать въ нихъ о постороннихъ вещахъ.

Хотя Луиза говорила шутя, но Германъ невольно покраснѣлъ, вспомнивъ, какъ, въ первое утро по его пріѣздѣ въ Кассель, письмо Стефенса едва не попало въ руки полицейскаго коммисара.

— Вообще, начинается общее передвиженіе, такъ что нашъ Кассель совсѣмъ опустѣетъ! замѣтилъ баронъ Рейфельдъ. Король уѣзжаетъ 7-го августа, на воды въ Неннdорфъ.

— Да, это вопросъ рѣшенный! сказалъ Гарнишъ. Я слышалъ вчера отъ лейбъ-медика Цадига, что король чувствуетъ себя настолько истощеннымъ, что не въ состояніи бывать въ государственномъ совѣтѣ и отказался назначить аудіенцію нѣсколькимъ знатнымъ иностранцамъ, пріѣхавшимъ въ Кассель. Говорятъ, что Іеронимъ страдаетъ отъ ревматизма.

— Странное дѣло! воскликнулъ со смѣхомъ баронъ Рейфельдъ,—въ городѣ ходятъ упорные слухи, что веселые вечера истощаютъ короля, а на дѣлѣ оказывается, что во всемъ виноватъ ревматизмъ...

— Королева уѣзжаетъ въ Тейнахъ для укрѣпленія нервовъ и даже раньше своего супруга! сказалъ французскій посланникъ съ очевиднымъ намѣреніемъ перемѣнить разговоръ. Къ этому путешествію дѣлаютъ разныя приготовленія. Генералъ Салà сопровождаетъ ея величество въ качествѣ обергофмейстера; затѣмъ, кромѣ графини Антоніи, изъ придворныхъ дамъ поѣдетъ баронесса Оттерштедтъ.

— Моріо равнымъ образомъ оставляетъ насъ, добавилъ Бюловъ. Онъ везетъ свою молодую жену въ Италію и Неаполь. Трудно придумать лучшее путешествіе для медоваго мѣсяца.

— Военный министръ? спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

Въ публикѣ было извѣстно, что Моріо отставленъ отъ долж-

ности, но никто не зналъ никакихъ подробностей и только французскій посланникъ могъ сообщить ихъ.

— Почему это удивляетъ васъ? возразилъ баронъ Рейнгардъ своимъ обычнымъ сдержаннымъ тономъ.—Моріо настолько извѣстенъ своими военными заслугами, что Іеронимъ рѣшилъ отправить его въ Неаполь, чтобы поздравить новаго короля Мюрата съ восшествіемъ на престолъ и для бо̀льшаго почета возвелъ своего любимца въ званіе дивизіоннаго генерала.

— По крайней мѣрѣ,—возразилъ со смѣхомъ Гарнишъ,—это повышеніе и мягкій климатъ Италіи излечатъ бывшаго министра отъ душевной раны, нанесенной ему немилостью императора!

— Насколько я могъ замѣтить, Моріо очень доволенъ этимъ назначеніемъ,—сказалъ уклончиво французскій посланникъ.—Вѣроятно, онъ уѣдетъ съ молодой женой послѣ помолвки шурина, если только сватовство графа Фюрстенштейна не пустые городскіе слухи.

Разговоръ перешелъ на помолвку графа Фюрстенштейна и графини Гарденбергъ. Удивлялись, что такая хитрая и умная женщина, какъ генеральша Сала̀, не умѣетъ скрыть своей досады, по поводу неудавшагося брака дочери. Гарнишъ замѣтилъ, что поѣздка въ Тейнахъ весьма полезна для генерала Сала̀, потому что, не смотря на крѣпость его нервовъ, ему не мѣшаетъ набраться силъ для зимы въ виду неизбѣжныхъ нападеній со стороны воинственной супруги.

— Мы также собираемся съ женой уѣхать на Рейнъ, недѣли на двѣ,—сказалъ французскій посланникъ.—Надѣюсь, что г. Германъ не откажется сопутствовать намъ...

— Я только что спрашивала его объ этомъ, но, вѣроятно, сердечныя дѣла не позволятъ ему уѣхать изъ Касселя,—сказала баронесса Рейнгардъ, взглянувъ съ улыбкой на Германа, сидѣвшаго рядомъ съ нею.

— Видѣть Рейнъ,—моя давнишняя мечта! возразилъ Германъ, но помимо всякихъ другихъ соображеній, я могу сказать то же, что отвѣтилъ одинъ изъ министровъ курфирста французскому посланнику Биньону, когда тотъ сталъ уговаривать его съѣздить въ Парижъ: «Ah, votre Excellence, si j'étais mon prорre Monsieur!»

Всѣ засмѣялись.

— Ну, положимъ, вы можете быть настолько «собственнымъ господиномъ», чтобы проѣхать изъ Майнца до Ремагена и пробыть у насъ нѣсколько дней въ Фалкензухтѣ, — сказалъ посланникъ.— Вы увидите лучшую часть Рейна, а наше помѣстье славится своими прекрасными видами!

Герману ничего не оставалось, какъ благодарить барона Рейнгарда за его любезное приглашеніе.

— А я предложилъ бы г. доктору,—сказалъ Бюловъ,—совершить предварительно путешествіе въ Голландію, а на обратномъ

пути подняться вверхъ по Рейну до Ремагена и заѣхать въ помѣстье къ барону, чтобы воспользоваться его гостепріимствомъ.

— Но съ какой цѣлью долженъ г. Германъ отправиться въ Голландію?—спросилъ посланникъ.

— Совѣщанія рейхстага, какъ вамъ извѣстно,—сказалъ Бюловъ,—настолько подвинулись впередъ, что нѣкоторыя дѣла уже окончены. Долги, лежащіе на отдѣльныхъ провинціяхъ, внесены въ общій государственный долгъ. Для погашенія назначенъ общій поголовный налогъ и, кромѣ того, будетъ сдѣланъ внѣшній заемъ въ двадцать милліоновъ. Представители сословій хотятъ, чтобы дѣло шло черезъ ихъ руки; поэтому король рѣшилъ, по моему совѣту, послать депутацію изъ членовъ рейхстага въ Голландію, гдѣ есть надежда сдѣлать заемъ на выгодныхъ условіяхъ. Въ депутаціи будутъ участвовать два надежныхъ человѣка: фабрикантъ Натузіусъ и банкиръ Якобсонъ, а я съ своей стороны думаю послать въ качествѣ чиновника отъ моего министерства г. Тёйтлебена, который будетъ вести всю письменную часть, составлять протоколы и пр. Такіе случаи повторяются не часто и молодому человѣку не слѣдуетъ упускать ихъ; я увѣренъ, что баронъ Рейнгардъ раздѣляетъ мое мнѣніе!

Германъ, пріятно удивленный такимъ неожиданнымъ предложеніемъ, поспѣшно всталъ съ мѣста, чтобы выразить свою благодарность Бюлову, но капельмейстеръ остановилъ его:

— Нѣтъ, другъ мой, слова сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія, а въ знакъ благодарности барону, вы споете: «Am Rhein, am Rhein, da wachsen unsre Reben!» Этимъ начнется нашъ музыкальный вечеръ... А пока мы нальемъ стаканы!..

Съ этими словами Рейхардтъ поднялъ стаканъ съ виномъ и, чокаясь съ гостями, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Пью за здоровье дорогихъ друзей, которые удостоили меня сегодня своимъ посѣщеніемъ; но я не прощаюсь съ вами, а говорю «до свиданія!» и надѣюсь, что оно будетъ радостное!.. А теперь, Германъ, начинайте, мы послушаемъ ваше пѣніе!..

Германъ былъ въ голосѣ и пропѣлъ пѣсню «Am Rhein» съ такимъ выраженіемъ, что капельмейстеръ пришелъ въ восхищеніе и, едва дождавшись послѣдней строфы, заключилъ пѣвца въ свои объятія, среди громкихъ аплодисментовъ всего общества.

Веселый напѣвъ знакомой пѣсни живительно подѣйствовалъ на присутствующихъ; даже Луиза подъ вліяніемъ общаго хорошаго настроенія замѣтно повеселѣла. Общество раздѣлилось на группы; шелъ неумолкаемый говоръ; нѣкоторые изъ гостей удалились въ кабинетъ хозяина, другіе остались въ гостиной.

Баронесса Бюловъ воспользовалась удобной минутой, чтобы подойдти къ своему мужу.

— Если не ошибаюсь,—сказала она вполголоса,—то г. Германъ вполнѣ доволенъ своимъ назначеніемъ.

— Мнѣ тоже показалось, — отвѣтилъ Бюловъ, — и я радуюсь этому; значитъ г-жа Симсонъ еще не успѣла опутать его своими сѣтями! Иначе, онъ не рѣшился бы уѣхать изъ Касселя. Во всякомъ случаѣ путешествіе въ Голландію, хотя на время, спасетъ его отъ этого общества!

— Но. пока неизвѣстно, имѣютъ ли наши опасенія какое либо основаніе! — сказала г-жа Бюловъ и, обращаясь къ французскому посланнику, который въ эту минуту проходилъ мимо, остановила его вопросомъ:—Скажите пожалуйста, баронъ, не знаете ли вы, кто такая эта таинственная особа, пріѣхавшая недавно къ Симсону?

Рейнгардъ улыбнулся.

— Для васъ это еще тайна, баронесса, — сказалъ онъ,—но въ Касселѣ уже все извѣстно. Это Геберти, старинная пріятельница Іеронима изъ Парижа! За день до своей свадьбы онъ вздумалъ навѣстить ее въ Фонтенбло и этимъ навлекъ на себя сильный гнѣвъ Наполеона, который долго не могъ простить ему этотъ легкомысленный поступокъ.

— Правда ли, что она племянница г-жи Симсонъ?

— Да, она дочь ея сводной сестры, вышедшей замужъ за итальянца Геберти, который, замѣтивъ талантъ у дочери, сталъ обучать ее сценическому искусству, а послѣ его смерти ей, дѣйствительно, пришлось сдѣлаться актрисой, вслѣдствіе стѣсненныхъ средствъ матери. Говорятъ, она хорошо образованна, но одно несомнѣнно, что она красива и имѣетъ очаровательныя манеры. Я видѣлъ ее на вечерѣ у Симсона; она была представлена мнѣ подъ именемъ «мадемуазель Сесиль, племянницы г-жи Симсонъ», потому что фамилію Геберти они избѣгаютъ произносить изъ боязни, чтобы императоръ не узналъ объ ея пребываніи въ Касселѣ и не выпроводилъ ее отсюда. Такой случай былъ съ г-жей Генинъ, которую Іеронимъ привезъ сюда втайнѣ отъ своего брата...

— Теперь дѣло ясно,—сказалъ Бюловъ.—Они будутъ употреблять всѣ усилія, чтобы выдать ее замужъ, а съ перемѣной фамиліи, Сесиль можетъ свободно бывать въ обществѣ.

— Не думаютъ ли они женить на ней г-на Германа?—сказала нерѣшительно баронесса Бюловъ.

— Я слышалъ, что онъ часто бываетъ тамъ и Маренвилль оказываетъ ему особенное вниманіе,—возразилъ посланникъ, — но мнѣ, кажется, что онъ не изъ тѣхъ молодыхъ людей, неразборчивыхъ на средства, которые всѣми путями пробиваютъ себѣ дорогу.

— Я раздѣляю ваше мнѣніе, баронъ,—сказалъ Бюловъ,—но считаю нашу опеку лишней; быть можетъ, ему будетъ полезно очутиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, гдѣ ему придется самому выпутываться изъ бѣды, безъ посторонней помощи.

— Для этого необходимо, чтобы онъ зналъ о грозившей ему опасности и не составлялъ себѣ иллюзій относительно Сесили,— замѣтила г-жа Рейнгардъ.

— Я не совѣтовалъ бы вмѣшиваться въ это дѣло, которое непосредственно касается короля, и гдѣ Маренвилль разставилъ свои сѣти,—сказалъ посланникъ.—Съ другой стороны, что можемъ мы сообщить молодому человѣку, кромѣ предположеній, и какое ручательство, что онъ не злоупотребитъ нашимъ довѣріемъ! Къ тому же, онъ уѣзжаетъ отсюда и пока безпокоиться нечего... Но прекратимъ нашъ разговоръ, вотъ начинается квартетъ.

За квартетомъ слѣдовало пѣніе; Луиза пропѣла нѣсколько пѣсенъ, переложенныхъ ею на музыку; финаломъ служилъ дуэтъ, пропѣтый Линой и Германомъ.

Когда они отошли отъ рояля, Бюловъ подозвалъ Германа.

— Вамъ очевидно покровительствуетъ судьба, г. докторъ,—сказалъ онъ, — извѣстно ли вамъ, что вы заочно успѣли заслужить милость его величества?

Этотъ вопросъ былъ очевидно сдѣланъ съ цѣлью поразить Германа неожиданностью, но противъ ожиданія лицо его ничего не выразило, кромѣ удивленія.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Бюловъ,—что на вечерѣ у Симсона, когда зашла рѣчь о добротѣ сердца и веселости короля, вы сравнили Іеронима съ французскимъ королемъ Генрихомъ IV, о которомъ говорили современники: «qu'il faisait part aux Siens de sa gayeté»... Маренвилль передалъ ваше замѣчаніе королю, который очень милостиво отнесся къ нему, такъ что можно ожидать, что его величество назначитъ вамъ аудіенцію.

— Я слышалъ, что въ послѣднее время всѣ аудіенціи прекращены вслѣдствіе нездоровья короля,—сказалъ Германъ,—слегка задѣтый ироническимъ тономъ Бюлова. Къ тому же, вы подали мнѣ надежду, баронъ, что отправите меня въ Голландію.

— Вы должны вдвойнѣ благодарить барона за ваше назначеніе,—сказалъ Рейфельдъ, вмѣшиваясь въ разговоръ.—Этимъ путемъ ваша будущность мало по малу устроится и вамъ не совѣстно будетъ смотрѣть въ глаза честнымъ людямъ. Къ сожалѣнію, у насъ въ Касселѣ большинство юношей пробиваютъ себѣ дорогу съ помощью красивыхъ дамъ, будто бы добровольно покинувшихъ придворную жизнь, и которыя приносятъ своимъ мужьямъ патенты на чины и должности. Естественно, что они льнутъ ко двору, отъ котораго ждутъ всѣхъ благъ, а вы будете избавлены отъ этой необходимости...

Наступила минута неловкаго молчанія. Рейфельдъ, замѣтивъ это, тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Между тѣмъ, поданъ былъ не затѣйливый ужинъ, который задержалъ гостей позже обыкновеннаго. Германъ и Гейстеры остались

долѣе другихъ. Германъ, прощаясь съ Луизой, просилъ ее побывать у его родителей въ Галле и передать имъ лично письма, а также подарки сестрѣ.

— Отецъ, вѣроятно, будетъ подробно разспрашивать васъ о томъ, чего я не успѣлъ написать въ своихъ письмахъ, а сестрѣ моей скажите, что въ Касселѣ у меня есть другая сестра, которую также зовутъ Линой...

— Да, передайте ей это, — добавила Лина Гейстеръ, — и, когда будете возвращаться въ Кассель, привезите ее съ собой. Она будетъ жить у насъ или у моей матери; мы примемъ ее какъ дорогую гостью!...

XIV.

Два визита.

Опасенія друзей Германа не были лишены основанія. Красота Сесили и лестный пріемъ, который онъ встрѣчалъ на вечерахъ г-жи Симсонъ, обаятельно дѣйствовали на него и располагали къ довѣрчивости. При этомъ настроеніи все представлялось ему въ наилучшемъ свѣтѣ; всякій разъ онъ находилъ новыя черты характера въ Геберти; но это еще болѣе увеличивало тотъ интересъ, какой она возбуждала въ немъ. Даже тогда, когда онъ дѣлалъ попытки вызвать ее на откровенность, его поражало искусство, съ какимъ она умѣла обойдти извѣстные вопросы.

Геберти не только прекрасно читала вслухъ трагедіи Расина, но обладала рѣдкимъ сценическимъ талантомъ для дѣвушки ея круга. Иногда, по вечерамъ, когда не было другихъ гостей, кромѣ Маренвилля и Германа, она являлась въ различныхъ костюмахъ, и по просьбѣ г-жи Симсонъ, декламировала монологи наиболѣе извѣстныхъ театральныхъ пьесъ. Германъ съ наслажденіемъ прислушивался къ интонаціямъ ея звучнаго голоса, и любовался ея граціозными движеніями, когда она изображала страсть Клеопатры, являлась въ роли нѣжной Габріэль д'Эстре или феи Уржель въ операѣ Бланшни и пѣла прелестную арію: «Pour un baiser faut-il perdre la vie»... Въ эти минуты Герману казалось, что она удаляется отъ общества, чтобы создать вокругъ себя особый поэтическій міръ для немногихъ избранныхъ. Въ остальное время Сесиль была одинаково привѣтлива и любезна со всѣми, всегда внимательно выслушивала то, что говорили другіе, умѣла съ тактомъ дѣлать вопросы, и поэтому собесѣдники могли считать ее болѣе ученой и умной, чѣмъ это было на дѣлѣ. Маренвилль постоянно относился къ ней съ особеннымъ уваженіемъ, что еще болѣе увеличило благопріятное мнѣніе, какое Германъ составилъ себѣ о таинственной красавицѣ. Вначалѣ, онъ думалъ, что секретарь короля ухаживаетъ за Сесилью и испытывалъ непріятное чувство, похожее на ревность, когда они впол-

голоса разговаривали между собою или обмѣнивались многозначительными взглядами. Но вскорѣ характеръ ихъ отношеній неожиданно разъяснился для него.

Разъ вечеромъ, когда они вышли вмѣстѣ отъ Симсона, Маренвилль самъ началъ объ этомъ разговоръ.

— Щекотливое дѣло, по которому наша прелестная Сесиль пріѣхала въ Кассель,—сказалъ онъ,—повидимому, приходитъ къ концу, оно заключается въ денежномъ искѣ ея матери противъ французскаго правительства, который Наполеонъ перевелъ на своего брата, вестфальскаго короля. Мнѣ, какъ секретарю его величества, приходится вести словесные переговоры съ Сесилью; при другихъ условіяхъ они были бы крайне пріятны для меня, но я долженъ прежде всего отстаивать интересы его величества, и поэтому поставленъ въ ложное положеніе относительно очаровательной дѣвушки. Симсонъ хлопочетъ за племянницу и торопитъ насъ; но, что всего досаднѣе, Сесиль хочетъ уѣхать отсюда тотчасъ по окончаніи дѣла. Она расположена къ вамъ, г. докторъ, уговорите ее остаться, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока у ней составится лучшее понятіе о Касселѣ. Я увѣренъ, что, когда она познакомится съ обществомъ, то оно увлечетъ ее, тѣмъ болѣе, что наша молодежь будетъ наперерывъ ухаживать за нею и добиваться ея маленькой ручки.

Слова Маренвилля объяснили многое Герману, но въ то же время встревожили его. Онъ сознавалъ, что съ удаленіемъ Сесили, вечера у Симсона, которые такъ нравились ему, потеряютъ для него всякій интересъ. Г-жа Симсонъ и ея дочь не привлекали его, а самъ министръ, къ которому онъ чувствовалъ искреннее расположеніе, рѣдко появлялся въ своей семьѣ и всего на нѣсколько минутъ. Онъ былъ усиленно занятъ, по случаю рейхстага, а вечера, большею частью, проводилъ въ клубѣ, гдѣ игралъ въ шахматы, слѣдилъ за карточной игрой у ломберныхъ столовъ и прочитывалъ получаемые тамъ французскіе и нѣмецкіе журналы.

Теперь Германъ думалъ съ тоской о поѣздкѣ въ Голландію, которая сначала радовала его; онъ не могъ помириться съ мыслью, что по возвращеніи въ Кассель не застанетъ больше Сесили, которая казалась ему привлекательнѣе, нежели когда либо. Послѣ разрыва съ Аделью, онъ далъ себѣ слово быть осмотрительнѣе въ любви. Убѣжденія Лины и неясные намеки Луизы навели его на мысль о бракѣ; и такъ какъ въ этомъ новомъ увлеченіи у него участвовала болѣе фантазія, нежели сердце, то онъ могъ спокойно взвѣсить всѣ шансы. Сесиль была свободна, по словамъ Маренвилля, и ничто не мѣшало ему добиваться ея руки. Но для устройства домашняго очага у него не было самаго главнаго, а именно, опредѣленнаго положенія въ свѣтѣ. Германъ самодовольно улыбнулся при этой мысли:—Развѣ ему не обѣщана каѳедра и государственная служба? отъ него зависитъ выбрать то или другое. Если для брака

необходимо прочное общественное положеніе, то для помолвки достаточно надежды пріобрѣсти его въ недалекомъ будущемъ. Боязнь скорой разлуки съ Сесилью въ значительной степени способствовала этимъ размышленіямъ и усиливала его желаніе жениться на ней, вопреки всѣмъ препятствіямъ.

Такимъ образомъ, поѣздка въ Голландію, придуманная Бюловымъ, чтобы удалить своего protégé отъ опасности, могла привести къ обратнымъ результатамъ и понудить его дѣйствовать съ бо́льшею поспѣшностью.

Между тѣмъ, Германъ рѣшилъ изъ вѣжливости сдѣлать визиты къ обоимъ депутатамъ, съ которыми ему предстояло ѣхать въ Голландію. Выйдя съ этой цѣлью изъ своей комнаты, онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ еврея Зусмана, который по временамъ являлся къ его хозяйкѣ съ разнымъ товаромъ. Германъ, при случаѣ, охотно поддразнивалъ Зусмана, который принадлежалъ къ ревностнымъ приверженцамъ древняго закона, не стѣсняясь, бранилъ новыя учрежденія и пророчилъ имъ неизбѣжную гибель.

— Здравствуйте, Зусманъ, — сказалъ Германъ. — Вы пришли кстати: не можете ли сообщить мнѣ адресъ банкира Якобсона?

— Разумѣется, кто не знаетъ адреса коммерцъ-совѣтника Якобсона!—возразилъ Зусманъ съ злобной усмѣшкой.—Это великій человѣкъ; онъ пользуется большимъ довѣріемъ брауншвейгскаго герцога и даже заслужилъ расположеніе Наполеона!... Онъ живетъ въ «Königsstrasse» домовъ за шесть отъ его конторы...

— Я встрѣчалъ Якобсона въ обществѣ и даже однажды разговаривалъ съ нимъ,—сказалъ Германъ.—У него представительная наружность, но я не знаю, почему вы называете его «великимъ».

— Вы не хотите понять меня, г. докторъ. Развѣ вамъ неизвѣстно, что Наполеонъ и Якобсонъ возвели Іеронима на престолъ? Въ прошломъ декабрѣ Якобсонъ далъ новому королю два милліона, чтобы расплатиться съ парижскими долгами и пріѣхать въ Кассель. Іеронимъ не забылъ оказанной ему услуги и хочетъ назначить Якобсона президентомъ еврейской консисторіи, что должно радовать всѣхъ насъ, потому что онъ достаточно выказалъ свою заботливость о сынахъ Израиля!...

Зусманъ произнесъ послѣднія слова съ иронической улыбкой.

— Въ какомъ отношеніи? — спросилъ Германъ.

— Васъ еще не было тогда въ Касселѣ, г. докторъ, — сказалъ Зусманъ. —Это было въ февралѣ нынѣшняго года. Сюда собрались разныя еврейскія депутаціи для подачи петиціи королю, послѣ чего было устроено пышное благодарственное празднество. Якобсонъ по этому поводу обратился къ королю съ рѣчью и, между прочимъ, сдѣлалъ такое заявленіе, что сыны Израиля считаютъ своимъ долгомъ охранять священную особу его величества наравнѣ съ другими подданными и будутъ также нести военную службу, ставить

рекрутъ въ королевское войско. Такъ и случилось... Мой сынъ, Лазарь, попалъ въ линейный полкъ, который будетъ отправленъ въ Испанію!

— Повидимому, Зусманъ, вы не особенно благодарны королю, что онъ предоставилъ вашимъ соотечественникамъ права гражданства, иначе воинская повинность не показалась бы вамъ такой тягостной.

— Права гражданства!—возразилъ еврей, презительно пожимая плечами.—Да, если бы это было въ другомъ мѣстѣ, а не въ королевствѣ, скроенномъ изъ разнородныхъ частей, какъ наша Вестфалія. Теперь въ модѣ одѣяла изъ лоскутковъ, но какая въ нихъ прочность? Въ самомъ непродолжительномъ времени они разорвутся по швамъ; то же будетъ и съ Вестфаліей. Она распадется на куски, а мы обратимся опять въ «жидовъ»; права наши будутъ отняты, но это не помѣшаетъ имъ удержать въ войскѣ поставленныхъ нами солдатъ... Мой бѣдный Лазарь! его пошлютъ въ Испанію, тамъ онъ можетъ попасть въ руки инквизиціи; его сожгутъ какъ еврея и я не буду даже имѣть возможности похоронить его прахъ...

Германъ въ раздумьи вышелъ на улицу. Слова еврея навели его на мысль о непрочности новаго государства, съ паденіемъ котораго могли рушиться всѣ его мечты объ устройствѣ дальнѣйшей будущности. Явное недоброжелательство, съ какимъ Зусманъ относился къ своему богатому соотечественнику, могло быть объяснено тѣмъ, что Якобсонъ, какъ образованный человѣкъ, возставалъ противъ безсмысленнаго фанатизма своихъ единовѣрцевъ и стремился къ ихъ религіозному и нравственному возрожденію. Приверженцы древней вѣры, недовольные его образомъ мысли боялись, что онъ воспользуется своимъ званіемъ президента еврейской консисторіи, чтобы отмѣнить старыя молитвы и ввести новые порядки. Германъ придавалъ гораздо больше значенія отзыву Бюлова, который считалъ Якобсона довольно тщеславнымъ, но въ то же время либеральнымъ и гуманнымъ человѣкомъ, всегда готовымъ помочь ближнему въ бѣдѣ, безъ различія вѣроисповѣданія.

Германъ встрѣтилъ банкира на крыльцѣ, выходящимъ изъ дому и хотѣлъ тотчасъ же удалиться. Но Якобсонъ настойчиво упросилъ его зайдти къ нему и принялъ въ богато убранной гостиной. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ самоувѣренными манерами, которыя явно показывали, что онъ знаетъ себѣ цѣну и приписываетъ своимъ личнымъ заслугамъ видное положеніе, занимаемое имъ въ свѣтѣ. По наружности онъ представлялъ собою чистокровный еврейскій типъ—съ черными курчавыми волосами, правильнымъ лицомъ, красивыми выразительными глазами и грубыми очертаніями чувственнаго рта.

— Мы уже встрѣчались съ вами, г. докторъ, — сказалъ онъ, приглашая Германа сѣсть рядомъ съ собою на диванъ.—Я слышалъ

о васъ самые лестные отзывы и душевно радъ, что буду имѣть такого пріятнаго товарища по поѣздкѣ въ Голландію. Тамъ всѣ знаютъ банкира Якобсона, а теперь увидятъ его въ роли депутата; и я надѣюсь, что фирма Якобсонъ будетъ надежной гарантіей для предстоящаго дѣла. Но это не мѣшаетъ мнѣ живо интересоваться научными вопросами, какъ вы сами увидите, г. докторъ.

— Не думайте, г. совѣтникъ, что финансовыя операціи не занимаютъ меня, хотя я новичекъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ хотѣлъ сперва посвятить себя служенію отвлеченной науки. Какъ вамъ извѣстно я поступилъ въ министерство финансовъ и надѣюсь многому научиться у васъ при совмѣстной поѣздкѣ въ Голландію.

— Буду считать честью услужить вамъ въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ моихъ силъ,—возразилъ Якобсонъ.—Но вы прежде всего умный человѣкъ, и я желалъ бы убѣдить васъ, что не одни деньги имѣютъ для меня значеніе! Не говорю объ еврейской теологіи, которую основательно изучилъ, но я также много занимался философіей и преклоняюсь передъ Моисеемъ Мендельсономъ, этимъ великимъ мыслителемъ! Но вы должны согласиться съ моимъ мнѣніемъ, г. докторъ, что философія при своей крайней отвлеченности оказала слишкомъ большое вліяніе на умы людей, «et les hommes n'ont pas regardé autour d'eux!» Возьмемъ для примѣра еврейскій вопросъ. Либералы ораторствуютъ о свободѣ негровъ, которая едва ли нужна имъ, но глухи къ мольбамъ людей одного цвѣта кожи съ ними и стоящихъ на той же степени цивилизаціи. Фридрихъ Великій хотѣлъ облегчить положеніе евреевъ, но не рѣшился идти противъ предразсудковъ, установленныхъ вѣками. Вестфальскій король сдѣлалъ это и я при случаѣ сказалъ ему: «Sire, c'est à des héros que l'Eternel a confié le soin de nos destinées, et dejà vous avez égalé les bienfaits de Cyrus, dont bientôt vous passerez la gloire!»

Якобсонъ произнесъ послѣднія слова съ особеннымъ паѳосомъ и былъ, видимо, доволенъ, когда Германъ одобрительно улыбнулся и кивнулъ ему головой въ знакъ согласія.

— Gloire! — продолжалъ Якобсонъ, — это магическое слово для француза и всегда имѣетъ доступъ къ его сердцу. Вся ихъ глупость заключается въ томъ, что они думаютъ, что можно пріобрѣсти славу только среди боя барабановъ!

— Едва ли это можно назвать глупостью съ ихъ стороны, — сказалъ Германъ.—Они дѣйствительно пріобрѣли славу съ помощью оружія, и до сихъ поръ ни Австрія, ни Пруссія не могутъ преодолѣть ихъ. Съ другой стороны, благодаря настоящему положенію дѣлъ, вамъ удалось добиться гражданской равноправности для своихъ единовѣрцевъ, что было бы немыслимо въ мирное время.

— Мнѣ предстоитъ еще больше хлопотъ съ ними въ будущемъ,— сказалъ Якобсонъ.—Необходимо очистить наши устарѣлые обычаи, устранить многое изъ нашей религіи, что препятствуетъ сближе-

нію евреевъ съ прочими гражданами вестфальскаго королевства. Впрочемъ, все это уже было высказано мною въ моей рѣчи, произнесенной при закладкѣ зданія новой синагоги. Вы, вѣроятно, слышали объ этомъ?

— Закладка синагоги происходила до моего прибытія въ Кассель,—отвѣтилъ уклончиво Германъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте поднести вамъ печатный экземпляръ моей рѣчи, прочитайте ее и сообщите мнѣ ваше мнѣніе...

Якобсонъ всталъ съ мѣста, чтобы достать рѣчь изъ письменнаго стола. Германъ воспользовался этой минутой, чтобы проститься съ хозяиномъ дома—и, поблагодаривъ за брошюру, удалился.

Натузіуса онъ не засталъ дома, но въ прихожей встрѣтилъ г-жу Энгельгардтъ, которая съ таинственнымъ видомъ пригласила его зайдти къ ней, а затѣмъ торжественно объявила, что извѣстное ему дѣло окончено и, что вчера ея дочь, Тереза, приняла предложеніе Натузіуса.

Германъ, поздравивъ ее, спросилъ: не можетъ ли онъ видѣть невѣсту, чтобы принести ей лично пожеланія счастья, по случаю предстоящаго брака.

— Терезы также нѣтъ дома! Добрякъ Натузіусъ бросилъ всѣ дѣла и разъѣзжаетъ съ невѣстой по лавкамъ; онъ не знаетъ какъ выразить свою радость. Я передамъ ваши поздравленія Терезѣ, а завтра вечеромъ вы должны сдѣлать это лично. Натузіусъ скоро уѣзжаетъ и мы хотимъ отпраздновать помолвку съ друзьями; вы должны непремѣнно прійдти, равно и Гейстеры.

Германъ поблагодарилъ за приглашеніе и добавилъ, что непремѣнно воспользуется имъ.

— Вы не можете себѣ представить до чего требовательны богатые люди! — сказала съ улыбкой г-жа Энгельгардтъ. Вчера Натузіусъ былъ совершенно счастливъ и доволенъ, а сегодня объявилъ намъ, что хочетъ увезти съ собой не только Терезу, но и всѣхъ ея сестеръ.

— Это почему?—воскликнулъ со смѣхомъ Германъ.—Не хочетъ ли онъ подражать султану?

Г-жа Энгелгардтъ также разсмѣялась.

— Разумѣется, — отвѣтила она, — Натузіусъ не можетъ взять себѣ въ жены всѣхъ моихъ дочерей! Но онъ говоритъ, что у него на фабрикѣ служитъ много молодыхъ людей, настолько образованныхъ и порядочныхъ, что ему было бы желательно осчастливить ихъ, а съ другой стороны, онъ находитъ, что мои дочери слишкомъ хороши для легкомысленнаго Касселя...

— Я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе, — возразилъ Германъ, — но развѣ вы не будете скучать, когда всѣ дочери уѣдутъ отъ васъ?

— Рано или поздно этимъ кончится, — замѣтила г-жа Энгельгардтъ,—буду ожидать внуковъ и искать въ нихъ утѣшенія. Дай

Богъ только, чтобы у Натузіуса родились сыновья, а не дочери, потому что ему нужны будутъ помощники по управленію фабрикой...

Германъ невольно улыбнулся такой заботливости о будущемъ потомствѣ и, прощаясь съ г-жей Энгельгардтъ, возобновилъ свое обѣщаніе прійдти завтра вечеромъ.

XV.

Пріемъ депутаціи.

На слѣдующее утро баронесса Бюловъ въ утреннемъ платьѣ сидѣла въ кабинетѣ своего мужа, который безпокойно расхаживалъ взадъ и впередъ, видимо, раздраженный.

Супруги говорили о Германѣ. Наканунѣ король изъявилъ желаніе видѣть лицъ, посылаемыхъ въ Голландію; и такъ какъ двое депутатовъ были ему хорошо извѣстны, то у Бюлова явилось подозрѣніе, что дѣло прямо касалось Германа.

— Не подлежитъ сомнѣнію, — сказалъ онъ, что Іеронимъ хочетъ воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы взглянуть на молодого человѣка, котораго Маренвилль выбралъ въ chevalier d'honneur его любовницы!

— Если твоя догадка справедлива,—замѣтила баронесса, — то во всякомъ случаѣ Германъ не причастенъ къ этому и, вѣроятно, опять попалъ въ ловушку...

— Тѣмъ хуже для него! —возразилъ съ досадой Бюловъ.—Допустимъ, что Тёйтлебенъ честнѣйшій человѣкъ и ему неизвѣстна предыдущая жизнь Геберти, но почему въ своемъ дѣтскомъ честолюбіи онъ поддается вліянію этой безнравственной женщины и Маренвилля, который навѣрно проведетъ его! Должно быть, открытый путь постепеннаго повышенія въ службѣ кажется ему слишкомъ медленнымъ и ему больше нравится потаенная лѣстница.

— Но если ты считаешь возможнымъ, что молодой человѣкъ не знаетъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, то почему бы не предостеречь его?

— Это было бы неудобно во всѣхъ отношеніяхъ,—сказалъ Бюловъ.—Какое мы имѣемъ право разглашать то, что французскій посланникъ говорилъ въ интимной бесѣдѣ съ друзьями; повѣрь, что дѣло серьёзнѣе, нежели ты думаешь. Въ этой исторіи меня всего больше сердитъ самъ Тёйтлебенъ: никто не мѣшаетъ ему нарядиться въ обноски короля, если ему нравится, но напрасно эти господа разсчитываютъ на мое посредничество!

— Ты забываешь, мой другъ, что тебя просятъ только представить Германа королю, какъ твоего подчиненнаго, тѣмъ болѣе, что ты самъ выбралъ его для посылки въ Голландію. Я не вижу въ этомъ ничего унизительнаго для тебя!

— Къ несчастью этимъ дѣло не ограничивается! Маренвилль хочетъ воспользоваться моей мыслью, чтобы поймать на удочку простака, котораго я надѣялся спасти отъ опасности. Чортъ побери! имъ не удастся провести меня...

Баронесса замолчала, такъ какъ, зная настойчивость своего мужа, считала дальнѣйшія возраженія безполезными.

Въ эту минуту вошелъ Германъ и почтительно поклонился обоимъ супругамъ.

Бюловъ молча поздоровался съ нимъ и сѣлъ за письменный столъ, а баронесса, чтобы отвлечь вниманіе Германа, спросила съ улыбкой: успѣлъ ли онъ поздравить юнаго жениха Натузіуса?

Шутливый тонъ, съ какимъ Германъ сталъ разсказывать о своемъ послѣднемъ свиданіи съ г-жей Энгельгардтъ, еще больше разсердилъ Бюлова. Онъ неожиданно всталъ съ мѣста и, обращаясь къ Герману, сухо спросилъ его:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, г. Тёйтлебенъ, сразу ли согласился Маренвилль представить васъ королю, или вамъ пришлось долго упрашивать его.

— Меня представить королю!—воскликнулъ Германъ,—я въ первый разъ слышу объ этомъ...

Недоумѣніе, которое выразилось на лицѣ Германа,—было настолько краснорѣчиво, что Бюловъ не могъ сомнѣваться въ его искренности и продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Видите ли, Маренвилль имѣетъ большое вліяніе на короля и успѣлъ расположить его величество въ вашу пользу. Но я долженъ предупредить васъ, что Маренвилль bon vivant и не отличается строгостью принциповъ; къ тому же, онъ преданъ французскимъ интересамъ, какъ и самъ король... Они могутъ сдѣлать вамъ предложеніе, которое будетъ соотвѣтствовать ихъ цѣлямъ, но противорѣчить моимъ намѣреніямъ, направленнымъ на пользу государства и народа. Хотя я не считаю ихъ покровительство особенно желательнымъ для васъ, но во всякомъ случаѣ предоставляю вамъ выбрать тотъ или другой путь. Съ вашей стороны я требую одного, чтобы вы были чистосердечны со мной, уже ради того, чтобы не противодѣйствовать вашему счастью, если вамъ вздумается покинуть меня.

Германъ видѣлъ по тону Бюлова, что онъ чѣмъ-то недоволенъ, и, хотя не считалъ себя виновнымъ, но чувствовалъ потребность оправдаться.

— Маренвилль не дѣлалъ мнѣ никакихъ предложеній, — сказалъ онъ,—и я ни о чемъ не просилъ его, потому что совершенно доволенъ моимъ настоящимъ положеніемъ. Съ другой стороны, я настолько благодаренъ вашему превосходительству, что помимо вашего вѣдома и одобренія не рѣшусь сдѣлать ни шагу на пути, который бы вы сами не указали мнѣ.

— Я вполнѣ довѣряю вашей честности и принципамъ,—сказалъ Бюловъ,—но молодой неопытный человѣкъ легко можетъ очутиться на распутьи въ кассельскомъ обществѣ; и поэтому вы совершенно успокоили меня своимъ заявленіемъ. Что же касается вашихъ сердечныхъ и домашнихъ дѣлъ, то обращайтесь за совѣтомъ къ женѣ; если вы будете откровенны съ нею, то этимъ избавите себя отъ многихъ непріятностей... А теперь все останется постарому!..

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ слуги, который доложилъ о прибытіи депутаціи ремесленниковъ и торговцевъ.

Бюловъ велѣлъ принять ее. Баронесса тотчасъ же удалилась черезъ потаенную дверь въ свои комнаты.

Вестфальскій министръ финансовъ, благодаря своей честности, твердости характера и гуманному обращенію съ просителями, пріобрѣлъ въ короткое время расположеніе и довѣріе народа, не смотря на общее безденежье и связанное съ этимъ недовольство новыми порядками. Во главѣ явившихся депутатовъ былъ цеховой мастеръ Бюхлингъ, который началъ свою рѣчь съ объясненія причинъ, побудившихъ ремесленниковъ и торговцевъ подать жалобу правительству. Дѣло касалось новаго закона о патентахъ, предложеннаго рейхстагу. Патентныя пошлины были, по ихъ мнѣнію, ничто иное, какъ новый налогъ и французская затѣя, совершенно не подходящая къ условіямъ вестфальскаго королевства, а тѣмъ болѣе въ настоящее время при общемъ упадкѣ промышленности.

Бюловъ терпѣливо выслушалъ многословную рѣчь Бюхлинга, затѣмъ, разспросивъ по очереди присутствующихъ бюргеровъ о промыслѣ каждаго изъ нихъ и получаемой прибыли, сталъ доказывать имъ со свойственной ему ясностью, что ихъ требованія настолько же невыполнимы, какъ и лишены всякаго разумнаго основанія.

— Въ настоящее время,—сказалъ онъ,—всѣ толкуютъ о необходимости ввести налогъ на чистый доходъ, получаемый отъ земли; но эта мысль не встрѣтила сочувствія въ Германіи, равно и въ нашемъ государственномъ совѣтѣ. Между тѣмъ, мы должны распредѣлить по возможности равномѣрно тяжесть податей, и если часть ихъ приходится на долю ремесленнаго и торговаго сословій, то въ этомъ вы не можете видѣть новаго налога. Вся разница въ названіи; прежній поземельный налогъ, городскія и другія повинности уничтожаются при новомъ муниципальномъ порядкѣ, и вмѣсто этого вводится патентный сборъ. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи объ увеличеніи налоговъ, а только о болѣе правильномъ распредѣленіи ихъ. Если вы, судя по названію, хотите считать патентный сборъ французской затѣей, то позвольте заявить вамъ, что, если мы и воспользовались опытами, какіе въ этомъ отношеніи были сдѣланы во Франціи, то въ той степени, на сколько это было примѣнимо къ Вестфаліи и съ различными видоизмѣненіями. Такъ, на-

примѣръ, наложивъ налогъ на ремесла, мы отмѣнили сборъ за наемъ помѣщеній, и даже самый размѣръ налога для той или другой отрасли промышленности назначенъ сообразно съ мѣстными условіями: количествомъ населенія, степени распространенія ремеслъ, легкости сбыта и пр. Равнымъ образомъ, во избѣжаніе какихъ либо злоупотребленій рѣшено подчинить сборщика податей главному директору, избираемому изъ среды сословій, подлежащихъ патентному сбору. Изъ этого вы можете видѣть, что законъ о патентахъ ни въ какомъ случаѣ не вредитъ интересамъ промышленныхъ классовъ, а, напротивъ, ограждаетъ ихъ отъ произвола администраціи.

Депутаты, выслушавъ возраженія министра финансовъ, стали жаловаться на иностранныхъ торговцевъ и ремесленниковъ, которые, по ихъ словамъ, отбиваютъ у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба, тѣмъ болѣе, что публика предпочитаетъ французскіе товары нѣмецкимъ, а кассельцы при мошенничествѣ иностранныхъ купцовъ не въ состояніи конкурировать съ ними.

— Въ этомъ вы сами отчасти виноваты, друзья мои!—сказалъ съ улыбкой Бюловъ, пожимая плечами. — Я не понимаю, почему вы считаете брауншвейгцевъ, пруссаковъ и другихъ нѣмцевъ иностранцами и не вижу особенной пользы для промышленности въ томъ, если только одни уроженцы Касселя будутъ пользоваться преимуществами нашей столицы. Что касается французовъ, то вамъ извѣстно, что я не поклонникъ ихъ, но долженъ сказать по совѣсти, что изготовляемыя ими вещи искуснѣе вашихъ, и они вообще отличаются бо̀льшимъ вкусомъ. Разумѣется, причина этого, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что до сихъ поръ вамъ были закрыты всѣ пути къ усовершенствованію; но теперь поднятъ вопросъ объ учрежденіи техническихъ школъ, а съ открытіемъ ихъ изъ нашихъ ремесленниковъ будутъ вырабатываться художники. На ваши жалобы я могу дать одинъ отвѣтъ: не падайте духомъ, учитесь и со временемъ вы превзойдете французовъ. Только этимъ способомъ вы можете устранить ихъ. Возьмемъ для примѣра подряды для французскихъ войскъ: наши гессенцы не думаютъ брать ихъ и, выпустивъ изъ рукъ лакомый кусокъ, смотрятъ съ затаенной злобой, когда имъ пользуются французскіе авантюристы. Вы думаете, что все измѣнится съ возвращеніемъ курфирста, но неужели ваши патріотическія стремленія не идутъ дальше этого, и вы хотите, чтобы изъ-за вашей личной выгоды были нарушены законы справедливости, къ ущербу государства?

Нѣкоторые изъ депутатовъ были, видимо, смущены, другіе задѣты словами Бюлова, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ съ раздраженіемъ:

— Если гессенцы и виноваты въ чемъ либо, то не относительно подрядовъ! Мудрено предпринять что либо тамъ, гдѣ интенданты и подрядчики мошенничаютъ за одно...

— Я желалъ бы знать: имѣете ли вы въ виду кого либо изъ

служащихъ въ интендантствѣ или ваше обвиненіе совершенно голословное? — спросилъ Бюловъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, всему городу извѣстно корыстолюбіе и пристрастіе генералъ-интенданта Дюплэ. Подрядчики увиваются около него; вначалѣ, для виду онъ упорно заявляетъ невозможныя требованія, — потомъ приглашаетъ ихъ въ свой кабинетъ и дѣло улаживается. Получивъ взятку, онъ безпрекословно подписываетъ поданный счетъ, а затѣмъ, когда наступитъ срокъ платежей, то деньги выдаются не по очереди, но первый получаетъ тотъ, кто внесъ наибо̀льшую дань генералъ-интенданту.

— Если такъ, то я попросилъ бы васъ подать объ этомъ письменное заявленіе въ министерство финансовъ, или же обратитесь къ моему главному секретарю, — онъ составитъ протоколъ, а вы подпишете его.

— Воронъ ворону глазъ не выклюетъ! — возразилъ съ досадой депутатъ.

Бюлову стоило большого труда, чтобы скрыть свой гнѣвъ.

— Я посовѣтовалъ бы вамъ быть сдержаннѣе на языкъ, — сказалъ онъ по возможности спокойнымъ голосомъ. — Какъ вамъ извѣстно, Дюплэ не мой соотечественникъ и съ другой стороны каждый честный бюргеръ можетъ разсчитывать на мою помощь и готовность заступиться за его права.

— Мы увѣрены въ этомъ, и потому относимся къ вамъ съ такимъ уваженіемъ, — возразили остальные депутаты, дѣлая знаки смущенному товарищу, чтобы онъ удалился.

— Оставьте его въ покоѣ, друзья мои! — сказалъ Бюловъ. — Надѣюсь, что въ другой разъ, если его выберутъ въ депутаты, то онъ будетъ разсудительнѣе, и пойметъ, что мнѣ нѣтъ никакой выгоды поддерживать господъ, въ родѣ Дюплэ. Напротивъ, я требую отъ всѣхъ васъ, чтобы вы не скрывали злоупотребленій французской администраціи. Въ этихъ случаяхъ, вы всегда можете обращаться съ своими заявленіями ко мнѣ или къ министру юстиціи Симсону, и мы не оставимъ ихъ безъ вниманія. Король будетъ также на вашей сторонѣ... А пока, до свиданія! Вооружайтесь мужествомъ и не теряйте надежды на лучшую будущность...

Когда удалилась депутація, Бюловъ обратился къ Герману и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ну, что вы скажете о Дюплэ, г. докторъ! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ господинъ былъ бѣднымъ маклеромъ и съ трудомъ зарабатывалъ себѣ существованіе въ Парижѣ. Но, обладая чутьемъ хищной птицы, онъ послѣдовалъ за арміей, оказалъ коекакія услуги маршалу Виктору, а этотъ пристроилъ его въ здѣшнемъ военномъ министерствѣ, чтобы дать ему возможность набить карманъ.

— На сколько я слышалъ, — возразилъ Германъ, — въ Касселѣ

не мало примѣровъ такого случайнаго повышенія разныхъ авантюристовъ.

— Да, къ несчастью, и это всего болѣе вредить дѣлу! — продолжалъ Бюловъ. — Вотъ и наши новые законы, какъ они ни хороши сами по себѣ, но при общемъ недовольствѣ только усиливаютъ броженіе. Гласный судъ, мировые судьи, нотаріусы, менѣе сложная администрація и пр., все это, разумѣется, далеко лучше прежнихъ учрежденій, но для многихъ представляетъ свои неудобства. Дворяне, утративъ право суда въ своихъ помѣстьяхъ и тѣ привиллегіи, какими они пользовались въ гражданской и военной службѣ, попрятались въ своихъ родовыхъ гнѣздахъ и гнѣваются на нынѣшніе порядки. Тѣ изъ нихъ, которые пристроились при дворѣ вестфальскаго короля, также недовольны, потому что, благодаря господствующей роскоши, не могутъ справиться съ долгами. Наконецъ, недовольство коснулось промышленныхъ классовъ; этотъ общій ропотъ еще болѣе усложняетъ настоящее положеніе дѣлъ въ несчастной Германіи и побуждаетъ многихъ принимать участіе въ заговорахъ, которые едва ли приведутъ къ какимъ нибудь результатамъ. Вѣдь это не единодушное народное возстаніе противъ чужеземнаго ига, и тутъ людьми руководитъ только узкій личный эгоизмъ... Каждый думаетъ исключительно о своихъ частныхъ интересахъ и жалуется на понесенные убытки. Но едва ли кто нибудь задается вопросомъ, какъ помочь общей бѣдѣ! Къ чему, напримѣръ, привела сегодняшняя депутація? Министръ высказалъ свои взгляды, а почтенные бюргеры остались при своихъ убѣжденіяхъ.

— Но во всякомъ случаѣ вы разъяснили имъ сущность новаго закона о патентахъ, положеніе страны и благія намѣренія правительства и разсѣяли ихъ сомнѣнія...

Бюловъ недовѣрчиво улыбнулся.

— Милый другъ, — сказалъ онъ, — не придавайте такого значенія словамъ; въ извѣстныхъ случаяхъ намъ приходится показывать товаръ лицомъ, чтобы скрыть его погрѣшности!

XVI.

Помолвка.

Германъ, окончивъ работу въ министерствѣ, собирался уйдти домой, но Бюловъ остановилъ его вопросомъ: готовъ ли его новый мундиръ?

— Мнѣ обѣщали принести его сегодня, ваше превосходительство.

— Тѣмъ лучше, завтра назначена аудіенція у короля для депутаціи, посылаемой въ Голландію. Хотя завтра воскресный день, но я прошу васъ явиться въ обычный часъ. Общая инструкція

уже написана, но мнѣ необходимо объяснить вамъ лично, на что собственно должно быть обращено ваше вниманіе, какъ чиновника министерства; затѣмъ, мы отправимся вмѣстѣ во дворецъ...

Германъ, вернувшись домой, примѣрилъ новое форменное платье, принесенное въ его отсутствіе, которое состояло изъ темнозеленаго мундира съ золотой вышивкой на воротникѣ и обшлагахъ, панталонъ такого же цвѣта, бѣлаго жилета, шпаги и французской шляпы съ кокардой. Новый мундиръ и предстоящая аудіенція у короля настолько его заняли, что непріятное объясненіе, какое онъ имѣлъ въ это утро съ Бюловымъ, совсѣмъ изгладилось изъ его памяти, тѣмъ болѣе, что ему и въ голову не приходило, что Сесиль могла имѣть къ этому какое либо отношеніе. Еще недавно, очарованный ея красотой и любезностью, онъ довольно ясно высказалъ ей свои чувства, хотя теперь, въ виду предстоящей разлуки, находился въ полномъ недоумѣніи, какъ выйдти изъ настоящаго положенія. Быть можетъ, отъ него ждали рѣшительнаго слова, и онъ не зналъ хватитъ ли у него мужества отступить въ критческій моментъ.

Между тѣмъ, наступилъ вечеръ. Онъ переодѣлся во фракъ и отправился къ Гейстерамъ, чтобы идти вмѣстѣ съ ними на помолвку Терезы Энгельгартдъ. Лина, изящно одѣтая, ожидала его въ пріемной и объявила, что готова сопутствовать ему, но что Людвигъ чувствуетъ себя нездоровымъ и останется дома.

Общество, собравшееся у Энгельгардтовъ было немногочисленно и состояло изъ родственниковъ и самыхъ близкихъ знакомыхъ. По окончаніи церемоніи обрученія и обычныхъ поздравленій, началось угощеніе; гостямъ прислуживали сестры невѣсты, одѣтыя въ одинаковыя платья, что еще болѣе увеличивало ихъ фамильное сходство.

Всѣ гости болѣе или менѣе были знакомы другъ съ другомъ, и поэтому никто не чувствовалъ никакого стѣсненія. Въ то время, какъ дамы и молодежь занимались музыкой и пѣніемъ, пожилые мужчины, сидя за столомъ, уставленнымъ винами и закусками, разговаривали объ общественныхъ дѣлахъ.

Энгельгардтъ, юристъ по профессіи, основательно изучившій свое дѣло, откровенно высказывалъ свои взгляды. Будучи приверженцемъ курфирста, онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ должную справедливость нововведеніямъ правительства и выражалъ надежду, что они не будутъ отмѣнены въ случаѣ изгнанія французовъ изъ страны. По этому поводу начался горячій споръ. Хотя нѣкоторые изъ присутствующихъ соглашались въ душѣ съ мнѣніемъ хозяина дома, но въ это время общаго недовольства, весьма немногіе, даже въ интимной бесѣдѣ, рѣшались открыто хвалить правительство Іеронима изъ боязни выказать сочувствіе чужеземцамъ. Между тѣмъ, противники нововведеній, на сторонѣ которыхъ было большинство, доказывали, что либеральныя реформы сами по себѣ не имѣютъ

никакого значенія при существующихъ порядкахъ. Бангеровъ, товарищъ Энгельгардта по службѣ, поднялъ вопросъ о тяжести налоговъ, содержаніи многочисленной арміи, огромныхъ суммахъ, которыя тратились дворомъ и любимцами короля, посылались въ видѣ контрибуціи императору или шли на подкупъ его приближенныхъ. На ряду съ этимъ другіе указывали на злоупотребленія администраціи, безнравственность высшаго общества и заносчивость французовъ, находящихся на государственной службѣ. Между тѣмъ, президентъ Бидерзе, подъ вліяніемъ выпитаго вина, распространился о вредѣ тайной полиціи, къ немалому смущенію его собесѣдниковъ, такъ что хозяинъ дома поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, который принялъ за ужиномъ болѣе веселый оборотъ, благодаря присутствію дамъ.

Было уже довольно поздно, когда гости простились съ гостепріимными хозяевами, пожелавъ всякаго благополучія обрученнымъ.

Германъ, провожая домой Лину Гейстеръ, заговорилъ съ нею о Терезѣ.

— Вы женщины, гораздо счастливѣе насъ мужчинъ,—сказалъ онъ,—для васъ замужество конечная цѣль жизни, а мы должны составить себѣ положеніе въ свѣтѣ, избрать кругъ дѣятельности, и тогда уже получаемъ право думать о женитьбѣ. Какую тяжелую борьбу приходится намъ переживать, пока достигнемъ этого момента, сколько соблазновъ, напрасной траты чувствъ! Между тѣмъ, сердце дѣвушки остается нетронутымъ, и заключаетъ богатый запасъ любви, а тѣмъ болѣе сердце такой дѣвушки, какъ Тереза. Какъ она была мила сегодня! Я увѣренъ, что она способна на глубокую, сильную привязанность, и что Натузіусъ будетъ счастливъ съ нею; каждый изъ насъ можетъ позавидовать ему.

Лина улыбнулась и, послѣ минутной нерѣшимости, сказала:

— Тебѣ не пришлось бы завидовать Натузіусу, еслибъ ты былъ подагадливѣе. Ты хвастаешься, что понялъ Терезу, и не замѣтилъ самаго главнаго, что она влюбилась въ тебя при первой же встрѣчѣ съ тобою на моемъ дѣвичникѣ. Оскорбленная твоимъ невниманіемъ, она мужественно поборола свое чувство и обратила его на достойнаго человѣка, который съ умѣлъ лучше оцѣнить ее, нежели ты.

Германъ остановился и, взявъ руку молодой женщины, проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Неужели это правда, Лина?

Она высвободила свою руку и молча пошла впередъ.

— Но теперь все кончилось, Лина?—сказалъ онъ,—догнавъ ее.— Еслибы я зналъ это раньше!.. Впрочемъ, все къ лучшему, что могъ я сдѣлать въ этомъ случаѣ?.. Теперь я остался въ сторонѣ и ей легче было рѣшиться. Но...

— Но въ чемъ дѣло? Что ты хотѣлъ сказать, Германъ?

— А вотъ что... Я очень благодаренъ тебѣ за сообщенное тобою

о Терезѣ; этотъ случай ясно показалъ мнѣ, что любовь дѣвушки можетъ остаться для насъ тайной, если мы не вызовемъ ее на объясненіе...

Онъ замолчалъ и задумался. Но она инстиктивно угадала его мысли своимъ любящимъ сердцемъ, которое болѣе принадлежало ему, нежели онъ подозрѣвалъ это.

— Если я не ошибаюсь, Германъ, то твои слова относятся къ Сесили и той любви, которая кроется въ ея сердцѣ!

— Какъ тебѣ пришло это въ голову, Лина? —спросилъ онъ съ смущеніемъ, которое было для нея краснорѣчивѣе открытаго признанія.

— То, что ты говорилъ о Сесили было достаточно, чтобы понять тебя или, вѣрнѣе сказать, ты настолько умалчивалъ о ней, что я могла догадаться, что происходитъ въ твоей душѣ.

— Я ожидалъ, что ты прійдешь къ такимъ заключеніямъ, и поэтому не говорилъ съ тобой о Сесили. Говоря откровенно, племянница г-жи Симсонъ до сихъ поръ интересовала меня, какъ милая, очаровательная загадка...

Германъ увлекся занимавшей его темой и, не замѣчая, что Лина почти не слушаетъ его, распространился о достоинствахъ Геберти. Въ сердцѣ молодой женщины происходила борьба самыхъ разнородныхъ ощущеній. Сказанное ею только побудило его видѣть въ загадочной француженкѣ, то, чего онъ не замѣтилъ въ Терезѣ; и теперь она упрекала себя за то, что такъ долго оставляла его въ невѣдѣніи. Она сознательно умалчивала о любви Терезы; и даже радовалась, что Германъ не платитъ ей взаимностью, а теперь, быть можетъ, будетъ еще хуже и ей придется навсегда разстаться съ нимъ. Чувство необъяснимаго страха примѣшивалось къ ея душевнымъ страданіямъ и еще больше увеличивало ихъ. Слезы подступали къ ея глазамъ; она не рѣшилась заговорить, чтобы не расплакаться. Но, тѣмъ не менѣе, ей хотѣлось во что бы то ни стало вызвать Германа на объясненіе. Они уже свернули въ улицу, гдѣ былъ ея домъ, и Лина видѣла издали при лунномъ свѣтѣ Людвига, который сидѣлъ у окна, ожидая ея возвращенія.

Они прошли молча нѣсколько шаговъ; наконецъ, Лина овладѣла собой и сказала торопливо:

— Насколько я слышала, г-жа Симсонъ пользуется не особенно хорошей репутаціей; и поэтому мнѣ кажется сомнительнымъ, что она держитъ свою племянницу вдали отъ общества... Она не стала бы прятать ее безъ основательной причины, а, напротивъ, гордилась бы такой родственницей и стала бы изъ тщеславія вывозить ее въ свѣтъ. Не думай, пожалуйста, чтобы я имѣла что либо противъ Сесили, которую ты такъ расхваливаешь. Но, прошу объ одномъ: дай мнѣ честное слово, что ты не сдѣлаешь никакого рѣшительнаго шага до тѣхъ поръ, пока я сама не увижу ее и не наведу о ней точныхъ справокъ...

Германъ въ задумчивости молчалъ, и она сказала еще настоі чивѣе:

— Я чувствую себя виновной передъ тобою, Германъ; и поэтом рѣшаюсь вмѣшаться въ это дѣло. Мнѣ не слѣдовало бы вовс сообщать тебѣ о любви Терезы, но я не ожидала, что это может побудить тебя дѣйствовать, очертя голову. Кто не понялъ истин ной любви, тотъ долженъ быть еще болѣе осторожнымъ, чтобы н ошибиться относительно обманчивой привязанности. Не упрямься Германъ! Я сдѣлаю визитъ Сесили, предупреди ее объ этомъ и уговори принять меня...

Въ это время они подошли къ дому.

— Ты права, моя милая Лина. Я самъ едва ли рѣшился бы на окончательное объясненіе, но во всякомъ случаѣ меня радуетъ твое намѣреніе посѣтить Сесиль, потому что ты скажешь мнѣ, какое впечатлѣніе она произвела на тебя.

— Значитъ, ты обѣщаешь исполнить мое желаніе? — спросила она шопотомъ, протягивая ему руку.

— Даю честное слово! — сказалъ онъ, отвѣчая на пожатіе ея руки. Затѣмъ, взглянувъ на окно, онъ крикнулъ:—Покойной ночи, Людвигъ!

XVII.

Аудіенція у короля и Вабетъ.

Въ суровое Наполеоновское время государственная служба считалась выше всякихъ другихъ обязанностей даже молитвы. Германъ, сынъ пастора, воспитанный въ благочестіи, не смотря на воскресный день, долженъ былъ во время обѣдни сидѣть за письменнымъ столомъ и записывать инструкціи, которыя Бюловъ диктовалъ ему по пунктамъ, и по поводу каждаго изъ нихъ давалъ подробныя объясненія на словахъ. Затѣмъ, оба отправились на аудіенцію въ лѣтній дворецъ короля, куда одновременно съ ними прибыли Натузіусъ и Якобсонъ.

Король, утомленный весело проведенной ночью и еще болѣе ослабѣвшій отъ ванны и туалета, принялъ ихъ въ своей комнатѣ, стѣны которой были обиты голубымъ бархатомъ съ золотыми бордюрами. Занавѣси и портьеры были изъ такого же голубого бархата, съ бѣлой атласной подбивкой, и окаймлены золотой бахрамой; на столѣ стоялъ чайный сервизъ такого рѣдкаго фарфора, что онъ скорѣе годился на показъ, чѣмъ для домашняго употребленія. Изящные стѣнные часы были придѣланы къ алебастровому бюсту короля, котораго короновала богиня побѣды; внизу была льстивая надпись: «Chaque heure est marquée par la Victoire».

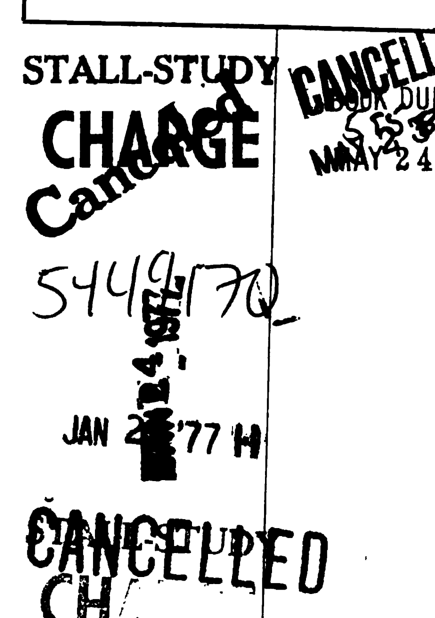
застой

этому
вовс
ожеть
стив
бы в
ться
ть I

я б
уз
, в

из

ея
и,


STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED
BOOK DUE-WID
MAY 24 1978
JAN '77 H
CANCELLED
CH

